

Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Российская Академия Наук

Институт российской истории РАН

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт истории и археологии УрО РАН

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Сургутский государственный университет

Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок

Академическая ИСТОРИЯ ЮГРЫ

В восьми томах

Том 5

Югра в составе Российской империи
во второй четверти XIX — начале XX вв.

Ханты-Мансийск
Издательский дом «Новости Югры»
2024

Авторы

М. О. Акишин, Т. В. Волдина, А. А. Галямов, Е. М. Главацкая, Е. Н. Данилова, О. А. Задорожная, М. Ф. Ершов, С. В. Кодан, Е. П. Мартынова, А. С. Минаков, Л. П. Рощевская, К. А. Соловьев, Е. Н. Федорова, В. В. Цысь, О. П. Цысь

Редакционный совет издания «Академическая история Югры»

Сопредседатели: губернатор Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Н. В. Комарова, директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров, С. М. Косенок (заместитель сопредседателей), А. В. Шипилов (заместитель сопредседателей), А. А. Пономаренко (секретарь)

Члены совета: И. Вашари, Г. П. Визгалов, М. К. Волдина, А. В. Головнёв, Е. И. Гололобов, В. А. Гусев, С. В. Журавлёв, Н. Л. Западнова, В. Н. Захаров, А. В. Кениг, М. Ф. Кириленко, В. С. Кольцов, Е. В. Шумакова, Р. В. Кучин, В. А. Манин, Р. Г. Пихоя, И. В. Побережников, И. С. Саркисян, В. И. Сподина, П. С. Фокин, Н. М. Чаиркина, Я. С. Черняк, Г. И. Шмаль

Редакционная коллегия издания «Академическая история Югры»

Р. Г. Пихоя (главный редактор издания, председатель), С. В. Журавлёв (заместитель председателя), А. И. Прищепа (заместитель председателя), В. А. Манин (ответственный секретарь)

Члены коллегии: Г. П. Визгалов, Е. М. Главацкая, А. В. Головнёв, М. Ф. Ершов, В. Н. Захаров, Е. Ю. Зубкова, А. В. Кениг, С. В. Кодан, В. В. Кондрашин, Г. Е. Корнилов, В. К. Нехайчик, Е. А. Пивнева, И. В. Побережников, Д. А. Редин, И. С. Саркисян, Д. Свак, К. А. Соловьёв, Я. Г. Солодкин, В. И. Сподина, В. А. Тишков, В. В. Трепавлов, Н. М. Чаиркина

Редакционная коллегия 5-го тома

С. В. Кодан (ответственный редактор), К. А. Соловьев (ответственный редактор), М. Ф. Ершов (ответственный секретарь)

Рецензенты

д. и. н. А. Ю. Бахтурина, д. и. н. А. С. Туманова

А38

Академическая история Югры : в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. — Ханты-Мансийск : АО Изд. дом «Новости Югры», 2024. — Том 5. Югра в составе Российской империи во второй четверти XIX — начале XX вв. / отв. ред. С. В. Кодан, К. А. Соловьев. — 720 с. : ил. — 4000 экз. — ISBN 978-5-4422-0082-9.

ISBN 978-5-4422-0082-9 (Т. 5)

ISBN 978-5-4422-0090-5

Пятый том посвящён истории Югры в период второй четверти XIX — начала XX вв — от Сибирской реформы 1822 г. до революционных событий 1917 г. В издании показаны процессы развития системы государственного управления и законодательства в триединстве их структурного построения: Российская империя — Сибирь — Югра, а также правового положения коренного и русского населения югорских территорий. Основное внимание уделяется анализу демографических и социальных процессов в Югре — социальной организации, жизнедеятельности и культуры коренных народов и русского населения, развитию просвещения, образования и здравоохранения, изменениям религиозных традиций и научным исследованиям в истории югорских народов. Экономическое развитие Югры является одной из центральных тем тома и раскрывает тенденции, направления и динамику становления экономики края, место в ней торговли и товарно-денежных отношений, промыслов и ремёсел, водных коммуникаций и речного транспорта. Особое внимание уделяется динамике развития образования, культуры и здравоохранения как основы жизнедеятельности югорского социума — показано становление образовательных, культурно-просветительских, благотворительных медицинских учреждений. Интерес представляет и отражение жизни края в художественной литературе и живописи. Завершает том анализ места и роли Югры в социальных и политических процессах России в начале XX в. — показываются изменения в системе государственных органов и общественного управления, их деятельность, общественные процессы в период войн и революционных потрясений. В томе широко представлен справочный и иллюстративный материал.

Издание адресовано специалистам — историкам, краеведам, этнографам, культурологам, а также всем, кто интересуется историей и культурой Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

УДК 94(571.122)«18/19»

ББК 63.3(2Рос–6Хан)53

ISBN 978-5-4422-0082-9 (Т. 5)

ISBN 978-5-4422-0090-5

© Коллектив авторов, 2024

© АНО «Центр «Моя история», 2024

© Подготовка к изданию и оформление –

АО «Издательский дом «Новости Югры», 2024

Оглавление

Введение (С. В. Кодан, К. А. Соловьев)	9
ЧАСТЬ 1. ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЮГРОЙ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. (М. О. Акимин, С. В. Кодан)	23
Глава 1. Государственное управление и суд в Югре	24
1. Реформа И. О. Селифонтова и управление Югрой	24
2. Реформа М. М. Сперанского и управление Югрой в 1820-х — 1860-х гг.	34
3. Управление Югрой в эпоху Великих реформ 1860-х гг. и контрреформ	47
4. Управление и судоустройство Югры в 1890-х — 1917 гг.	63
Глава 2. Сословно-правовое положение русского населения Югры	
1. Правовое положение городских казаков	75
2. Правовое положение купцов и мещан	80
3. Правовое положение крестьян	87
Глава 3. Правовое положение коренного населения Югры	92
1. Реформа М. М. Сперанского и правовое положение коренных народов Югры	92
2. Процессы интеграции обычного права народов Югры в российскую правовую систему	102
3. Изменения в правовом положении коренных народов Сибири в 60-х гг. XIX — начале XX вв.	106
ЧАСТЬ 2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЮГРЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ	113
Глава 1. Коренные народы Югры в меняющемся мире XIX — начала XX вв. (Е. М. Главацкая, Е. П. Мартынова, Е. Н. Данилова, Е. Г. Федорова, Т. В. Волдина)	115

1. Динамика численности коренного населения Югры	116
2. Хозяйственные комплексы коренного населения Югры	128
3. Материальная культура коренных народов Югры	145
4. Социальная организация у хантов, манси и лесных ненцев	160
5. Обряды жизненного цикла и праздники обских угров	172
6. Христианизация, просвещение и изменение религиозных традиций народов Югры	194
7. Народы Югры в объективе научных исследований	214
Глава 2. Демографические и социальные процессы в среде русского населения в XIX — начале XX вв. (М. Ф. Ершов, В. В. Цысь)	228
1. Изменения в составе русского населения Югры	228
2. Общественно-бытовые отношения, жилище, повседневная жизнь, будни и праздники русского населения	237
Глава 3. Ссылка и ссыльные в социальных процессах в Югре (Л. П. Рощевская)	250
1. Ссылка в Сибирь и Югру в политике Российской верховной власти	250
2. Политическая ссылка в Югру участников революционных движений и организаций в России	253
3. Участники восстаний и антиправительственных организаций в Царстве Польском в ссылке	281
4. Педагогическая, просветительская и исследовательская деятельность политических ссыльных в Югре	298
ЧАСТЬ 3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЮГРЫ	
ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. (О. А. Задорожная)	309
Глава 1. Тенденции и направления экономического развития Обского Севера во второй четверти XIX — начале XX вв.	313
1. Сельское и промысловое хозяйство	313
2. Торговля и товарно-денежные отношения	332
3. Основные черты и тенденции развития промыслов, ремесла и промышленного производства	351
Глава 2. Транспортные коммуникации Обского Севера во второй четверти XIX — начале XX вв.	367

1. Пути сообщения и средства сообщения	367
2. Водные коммуникации и речной транспорт	385
3. Проекты развития транспортных путей во второй четверти XIX — начале XX вв.	399

ЧАСТЬ 4. ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

В ЮГРЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

(В. В. Цысь, О. П. Цысь, М. Ф. Ершов, А. А. Галямов)	417
--	-----

Глава 1. Формирование и развитие образовательных учреждений в Югре	419
--	-----

1. Становление школьной системы в 1810-х — начале 1880-х гг.	419
2. Учебные заведения севера Западной Сибири в середине 1880-х — 1917 гг.	439
3. Педагогический состав и учащиеся школ	476

Глава 2. Развитие культуры в Югре, образ региона в произведениях литературы и искусства	497
--	-----

1. Культурно-просветительские и благотворительные организации	497
2. Православные приходы и монастыри как центры общественной жизни, культуры и просвещения на территории Югры	504
3. Югра в художественной литературе	515
4. Югорский край в живописи и графике второй четверти XIX — начала XX вв.	544

Глава 3. Развитие здравоохранения в Югре	572
--	-----

1. Управление медициной и медицинские учреждения	572
2. Кадровое обеспечение медицинских учреждений	579
3. Заболеваемость, профилактика болезни, лечебные практики	590

ЧАСТЬ 5. ЮГРА В СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ

ПРОЦЕССАХ В РОССИИ В 1900–1917 ГГ. (А. С. Минаков)	603
---	------------

Глава 1. Тобольский север и его административное устройство в начале XX в.	605
--	-----

1. Система органов государственной власти и общественного управления	605
2. Социально-культурный облик, административная и общественная деятельность тобольских губернаторов	623

Глава 2. Общественные процессы и повседневность Югры во время русско-японской войны и Первой русской революции	638
1. В реалиях военного времени	638
2. В годы революционных испытаний	642
3. Обсуждение развития Тобольского севера в Государственной думе	651
Глава 3. Тобольский север во время Первой мировой войны и революционных процессах 1917 г.	670
1. Власть и общество Югры перед лицом военных испытаний	670
2. Февральские события 1917 г. и Тобольский север	681
3. Органы управления в Тобольской губернии в марте — октябре 1917 г.	684
Список источников и литературы	696
Указатель географических названий	699
Именной указатель	708
Сокращения	719

Введение

В коллективной монографии «Сибирь в составе Российской империи» авторы, перефразируя слова французского историка Ф. Броделя, отмечали, что было много России — очевидно не меньше, чем было Франций¹. Они развивались с разной скоростью и даже в разной направленности². Исследователь российской политики на Дальнем Востоке А. В. Ремнев вслед за Ф. Броделем и И. Валлерстайном определял империю как «большую геополитическую общность», для которой характерна своя иерархия, неравенство периферийных регионов³. Одна «плотность» общественной, политической жизни была в столицах, другая — в губернских городах, третья — в уездных. Особый случай, и каждый раз специфический, — это история окраин. Тем более, если речь идет не просто об окраине, а об окраине окраины, о регионе без губернских городов. Его отдаленность измеряется не только в километрах, но и в дефиците средств коммуникации. Хотя бы в этой связи изучение Югры XIX столетия — это вызов для исследователя. Историк привык искать там, где «светло»; изучать то, что хорошо документировано. Источников же больше там, где больше власти, бесчисленные канцелярии которой — фабрики по производству документов. При недостатке бюрократии таковых несомненно меньше и они менее разнообразны. Тем более интересны процессы, которые обычно остаются «за скобками». Учет же регионального измерения жизни империи позволит уйти от привычного краеведческого подхода, который скорее сужает исследовательский горизонт и не позволяет разглядеть процессы «longue durée»⁴ российской истории.

«Азиатская Россия» развивалась по-своему и все же по необходимости реагировала на импульсы, которые шли из столицы — на административные решения, преобразования, смены правительственного курса. Это сквозной сюжет для нескольких столетий истории Западной Сибири. Новости из Петербурга становились вехами её развития. Значимы не только отдельные правовые акты, министерские циркуляры, но и само менявшееся отно-

¹ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 26.

² Бродель Ф. Что такое Франция? Пространство и история. М., 1994. С. 20.

³ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX вв. Омск, 2004. С. 9.

⁴ Большой длительности (фр.).

шение правительства к восточным окраинам⁵. В качестве примера можно вспомнить об историографической дискуссии о Сибири как о колонии Российской империи⁶. Об этом давно спорят исследователи. П. А. Столыпин, выступая в Государственной думе, говорил, что Сибирь — единственная колония России. Это замечание премьер-министра не ставит точки над *i*. Всё зависит от того, как правительство подходило к понятию «колония», какие цели обозначало. В данном случае подчеркивалась необходимость освоения края — задача, которая по мере сил решалась в начале XX столетия⁷. Так, понятийный аппарат, которым пользовалась власть, оборачивался конкретными решениями, статусом региона и отдельных категорий его жителей⁸.

Отталкиваясь от правительственной политики, XIX век надо начинать тогда, когда выстраивается правовая рамка, в которую должны были вписаться и бюрократия, и различные социальные страты, и народности. Как многое другое в начале XIX в., это было сделано усилиями М. М. Сперанского. К 1822 г. был подготовлен целый ряд законодательных актов, регулировавших функции местной администрации, положение коренного населения, ссыльных, казаков и др⁹. М. М. Сперанского отличал системный подход. Он решал не частный вопрос, а совокупность проблем, тесно связанных друг с другом: управленческую, фискальную, правовую и т.д. Подготовка этих реформ, их проведение задали тенденции развития края, которые можно наблюдать и в конце XIX в. и в начале XX в. Историк и мыслитель Г. П. Федотов полагал, что М. М. Сперанский был «отцом-основателем» российской

⁵ См.: Ремнев А. В. Университетский вопрос в Сибири XIX столетия // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М., 2013. С. 97–127.

⁶ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. СПб., 1889.

⁷ Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия. М., 2011. С. 579–581; Ремнев А. В. Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX — начала XX века // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М., 2013. С. 47–71. Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М., 2013. С. 47–71.

Имперский характер российской государственности предопределял каждодневную «повестку дня» как законотворческого процесса, так и административной работы исполнительной власти. Например, наличие значительных малоосвоенных пространств Азиатской России ставило перед правительством задачу скорейшего строительства средств коммуникаций между центром и отдаленными окраинами: прежде всего, железнодорожного сообщения. В противном случае Россия рисковала утратить контроль над Дальним Востоком и Восточной Сибирью. По словам П. А. Столыпина, «наши государственные границы равняются 18000 верст. Мы граничим с десятью государствами, мы занимаем одну седьмую часть земной суши. Как же не понять, что при таких обстоятельствах первенствующей, главнейшей нашей задачей являются пути сообщения?» (Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. М., 1991. С. 121–122). Создание соответствующей инфраструктуры, строительство новых железных дорог должно было обеспечить масштабную колонизацию края. Столыпин оспаривал популярную точку зрения, что все средства, имевшиеся в распоряжении правительства, должны были быть брошены на обустройство Европейской России. По мнению премьер-министра, империя представляла собой единый организм, каждая часть которого имела жизненно важное значение для всего целого. «Но ведь лечить израненную родину нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу зарубцевания всех нанесенных ей ран, то наиболее отдаленные, наиболее истерзанные части ее, раньше чем окрепнет центр, могут, как пораженные антоновым огнем, безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться» (Там же. С. 128).

⁸ Ремнев А. В. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX — начало XX вв. // Российская империя в сравнительной перспективе: Сборник статей. М., 2004. С. 286–319.

⁹ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX века). Иркутск, 1986. С. 31–45.

государственности¹⁰. Этот тезис не вполне очевиден и требует специальных пояснений. При этом совершенно бесспорно, что деятельность М. М. Сперанского стала началом новой эпохи в жизни Азиатской России.

XIX век длинный и очень разный. За это время правительственный курс не раз менялся. В этой связи представляется закономерным выделять дореформенный, пореформенный периоды и особый период между двух революций, 1905–1917 гг. Казалось бы, речь идет о привычной периодизации, очевидной и при рассмотрении общероссийских проблем и сюжетов. Однако на окраинах все шло своим чередом и приобретало особые очертания. Как осуществлялось управление огромной территорией при дефиците чиновничества и разреженности населения? Какова роль институтов местного самоуправления в этой связи? Заполняли ли они возникавшие лакуны? Таких вопросов можно ставить много. Они будут касаться истории всего XIX столетия.

Великие реформы, менявшие жизнь всей страны, далеко не сразу «добрались» до Сибири. В любом случае 1850–1860-е гг. стали рубежом в истории края. Отчасти это связано с деятельностью Второго Сибирского комитета, в котором планировалось подвергнуть ревизии прежнюю правовую рамку, изобретенную М. М. Сперанским¹¹. Кроме того, многие общероссийские реформы так или иначе воплощались в жизнь и за Уралом. Конечно, это происходило иначе — правда, в некоторых случаях преобразования вовсе не реализовывались (например, земская реформа). Во второй половине XIX в. заметно менялась городская жизнь. Однако что такое городское общество Югры того времени? Очевидно, что жизнь населенного пункта с тысячей жителей и сотней тысяч разворачивалась принципиально иначе. В Сибири мегаполисов не было, города были относительно небольшие, но и у них был свой ритм, уклад жизни. В конце концов и туда приходили изменения. Первая революция затронула и Югру¹². При этом историография чаще всего оставляет без ответа вопрос: что такое революция в небольшом уездном городе? Кто в ней принимал участие и какое оно было? Как на происходившее реагировала местная администрация?

Решая эти вопросы, с неизбежностью приходится выходить на проблематику общероссийского значения. Речь идет о той России, где процессы протекали медленнее и, пожалуй, не

¹⁰ «В XIX веке реформа была проведена так бережно, что дворянство сперва и не заметило ее последствий. Дворянство сохранило все командные посты в новой организации и думало, что система управления не изменилась. В известном смысле, конечно, бюрократия была «инобытием» дворянства: новой, упорядоченной формой его службы. Но дух системы изменился радикально: ее создатель, Сперанский, стоит на пороге новой, бюрократической России, глубоко отличной от России XVIII века. Пусть Петр составил табель о рангах, — только Сперанскому удалось положить табель о рангах в основу политической структуры России... Попович Сперанский положил конец... дворянскому раздолью. Он действительно сумел всю Россию уловить, уложить в тончайшую сеть табели о рангах, дисциплинировал, заставил работать новый правящий класс. Служба уравнивала дворянина с разночинцем. Россия знала мужиков, умиравших членами Государственного Совета. Привилегии дворянина сохранились и здесь. Его подъем по четырнадцати классическим ступеням лестницы напоминал иногда взлет балерины; разночинец вползал с упорством и медленностью улитки. Но не дворянин, а разночинец сообщал свой дух системе» (Федотов Г. П. Избранные труды. М., 2010. С. 131–132). Схожим образом отзывался о Сперанском В. В. Розанов: «Сперанский был волшебником, открывшим... секрет, он был Гуттенбергом новой администрации» (Розанов В. В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912. С. 24).

¹¹ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 107–110.

¹² История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968. С. 251–298.

столь заметно, как в столицах или в крупных губернских, в особенности университетских городах. Часто забывается, что в этих центрах проживала лишь малая часть населения страны. Молчаливое большинство получало сведения из Петербурга с запозданием, понимало их по-своему и все пришлое, все новинки переиначивало на свой вкус. Россия была страной с многосторонним движением. За импульсами из Петербурга следовали ответные реакции. В их сопряжении определялся ход имперской истории.

Пятый том многотомной «Истории Югры» охватывает основные тематические пространства истории региона во второй четверти XIX — начале XX вв. — от предпосылок и проведения Сибирской реформы 1819–1822 гг. до кардинальных изменений в жизни края в феврале-октябре 1917 г. Его содержание в рамках указанных хронологических рамок построено по предметно-содержательному принципу: исследовательский материал акцентирует внимание на следующих темах и раскрываемых в их рамках сюжетах.

Первый раздел тома — «Имперская политика и государственное управление Югрой в XIX — начале XX вв.», прежде всего, акцентирует внимание на динамике политико-юридических процессов реформирования и встраивания Сибири и отдельных её территорий в систему государственного управления и правового регулирования на региональном уровне. В данном контексте необходимо учитывать, что Сибирь к началу XIX столетия в системе территориально-управленческой организации власти Российского государства выступала в трёх ракурсах — как одно из социально-территориальных пространств (в терминологии XIX в. — «окраин») сложно устроенного государства — территориальной империи, отличалось отсутствием преобладающей национальной группы населения и состояло из коренных народов (в терминологии XIX в. — «иностранцев») и «пришлого населения» (русское население — казаки, купцы, мещане, государственные крестьяне и ссыльные), представляло сложное пространство для коммуникаций в связи огромной территорией и временными разрывами поступления узаконений и властных распоряжений от центральных органов, что требовало обеспечения оперативности в принятии управленческих решений представителями верховной власти на местах генерал-губернаторами и губернаторами. При этом удалённость сибирских территорий от центральных властно-управленческих структур, размеры социально-территориально пространства, этническая разнородность населения, процветающие злоупотребления и мздоимство местного чиновничества требовало отступления от общегосударственной универсальной модели управления и правового регулирования и поиска новых путей решения проблемы.

Первая четверть XIX в. стала периодом коренных преобразований Сибири — в первые два десятилетия был проведён ряд изменений в системе управления краем, но узловым моментом в его реформировании стала Сибирская реформа 1819–1822 г., проведённая под руководством выдающегося реформатора М. М. Сперанского. Изданный в ходе реформы комплекс узаконенных положений стал системообразующим началом и определил в региональной имперской политике российской верховной власти своеобразный «сибирский формат имперского регионализма» — политики центрального (Сибирский комитет) и регионального (генерал-губернаторства) управления и правового регулирования статуса населения как относительно Сибири в целом, так и отдельных сибирских территорий. Эта автономистская модель определения статуса региона в составе Российской империи стала уникальным явлением в политике, управленческих, судебных и регулятивных практиках российской верховной власти, а особенность модели управления и правового регулирования в Сибири состояла в том, что имперская составляющая политики верховной власти, в отличие от

других национальных регионов (Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Остзейские губернии и др.) здесь не опиралась на приоритетность учёта национального фактора и носила региональный характер. В этом контексте происходят и процессы, связанные с государственно-правовым позиционированием Югры в социально-территориальном пространстве Сибири, которые рассматриваются с учётом её специфики до начала XX столетия — в эпоху реформ и контрреформ в 1860–1910-е гг.

Важное значение в политико-правовых преобразованиях в Югре в указанный период имело определение особого правового статуса сибирского населения в составе российских подданных. И если сословно-правовое положение русского населения — городских казаков, купцов, мещан и государственных крестьян отражало особенности их статуса в сибирских территориях, то положение коренного населения было существенно реформировано. Сибирская реформа 1819–1822 гг. в определении правового положения сибирского коренного населения стала главным этапом в процессах его интеграции в сословную структуру страны. Изданный в 1822 г. «Устав об управлении инородцев» впервые в российской истории чётко определил права коренного населения Сибири. Оно, включая и югорское коренное население, было законодательно интегрировано в управленческую и сословную структуру сословного законодательства Российской империи. Свод законов Российской империи 1832 г. и последующих годов издания выделил в системе российского имперского права особый правовой статус сибирского населения в составе российских подданных. Российская верховная власть, закрепив основы правового регулирования управления и согласовав между собой правовой статус различных групп населения в Сибири, обеспечила его сословное структурирование и обеспечила включение коренного населения края в систему российских сословий как инструмента социального управления обществом. Одновременно были предприняты и попытки интеграции традиционных регуляций и включения обычного права отдельных коренных народов в российскую правовую систему и юрисдикционную деятельность органов управления и судебной системы края.

В целом же, рассматриваемый в главе временной период показателен с точки зрения развития позиционирования российской верховной властью югорского социально-территориального пространства и региональной политико-управленческой конструкции, в которой Российская империя — Сибирь — Югра выступали как элементы своеобразной модели имперских управленческих и правовых взаимодействий верховной государственной власти в лице императора и центральных государственных учреждений с сибирскими управленческими административно-территориальными структурами и механизмами родового самоуправления коренных народов. Характерно, что опыт регионального управления и правового регулирования в Сибири в XIX — начале XX вв. был востребован в рамках развития модели формирования и развития советской федеративной государственности в РСФСР. Вопросами северных коренных народов ведал Полярный подотдел Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (октябрь 1917 — апрель 1924 гг.), а с июня 1924 г. этими вопросами стал заниматься Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера). На местах была создана особая система управления и определения правового статуса населения отдельных территорий, включая и коренные народы. Это привело к созданию во второй половине 1920 — в 1930-е гг. автономных округов, среди которых был образован 10 декабря 1930 г. Остяко-Вогульский национальный округ (в 1940 г. переименован в Ханты-Мансийский национальный округ). Определённые аналогии с Уставом об инородцах 1822 г. и положениями Свода законов Российской империи о коренном сибирском населении просматриваются и в подготовке и утверждении декретом ВЦИК и СНК РСФСР от

25 октября 1926 г. «Временного Положения об управлении туземных народностей и племён северных окраин РСФСР». И в современных условиях учёт исторического опыта управления и правового регулирования в крае позволяет проследить преемственность и развитие на новых уровнях институтов государственного управления и правового регулирования в Сибири и Югре.

Второй раздел тома — «Демографические и социальные процессы в Югре во второй четверти XIX — начале XX вв.» — посвящен социальной динамике этого периода в не самом динамичном регионе империи.

Российское общество к началу XX в. было предельно дисперсным. По словам М. Я. Гефтера, это был «мир миров», который включал в себя разнообразные этнические, конфессиональные, сословные группы. Их отличал и правовой статус, и культурные особенности, и образ жизни. Это несомненно так. Однако это в целом верное утверждение нуждается в определенной корректировке. По сравнению с предыдущими столетиями XIX век был очень динамичным. Правовые рамки не поспевали за социальной динамикой. Жизнь преимущественно строила не стены, а мосты. Она ломала перегородки между различными группами населения.

Эти процессы разворачивались и в Югре. Мало-помалу, шаг за шагом представители коренного населения интегрировались в общероссийское пространство. И это при том, что они продолжали держаться за традиционные промыслы. Формы ведения хозяйствования (например, оленеводство, рыболовство, охота) мало менялись за столетия. Устойчивым был бытовой уклад жизни коренного населения. А главное — сама общественная структура обуславливалась традицией, местными промыслами и даже элементарными бытовыми подробностями. У коренных народов были свои нормы обычного права, свое понимание общинной и семейной собственности. Огромное значение имела обрядность. В этом была не только дань памяти предкам, а нечто гораздо большее. Это был своего рода институт, способствовавший организации общества, иерархии внутри него, воспроизводству представлений о норме и порядке.

На сей счет наука накопила довольно богатый материал. Народы Тобольского Севера стали объектом научных исследований — не только русских, но и финских и венгерских этнографов. Сбор информации становился все более выверенным и системным. Это совершенно не случайно. Девятнадцатый век — время нациостроительства, а значит, поиска своих исторических корней, в том числе тех, кто искал истоки финно-угорской культуры и различных форм государственности. Народы Европы, следуя формуле Г. В. Ф. Гегеля, нуждались в доказательстве собственной «историчности». Соответственно, для финских или венгерских этнографов быт коренных народов севера Тобольской губернии — это бесценная архаика, подобие памятника, достойного музеефикации. Однако и там жизнь не стояла на месте.

Ритм жизни менялся вокруг. Он способствовал втягиванию «инородческого» населения в новые отношения. У процесса модернизации много обличей, и некоторые из них могут показаться довольно неожиданными. Например, религия была важным инструментом социальной трансформации и адаптации. Коренное население христианизировалось, что само по себе меняло культурные и общественные ориентиры. Церковный приход становился «точкой сборки» местного общества. Относительной социальной унификации способствовало начальное образование.

Постепенно менялся быт и русского населения: жилище, структура питания и т.д. Он тоже был по-своему инерционен и тяготел к определенной традиции. Старожильское население Тобольского Севера долгое время чувствовало себя в «осажденной крепости». Оно замыкалось на себе, держалось за предание, остро ощущало конфликт «своих» и «чужих». Однако и эти границы постепенно размывались. Происходили процессы, охватившие всю Российскую империю. Например, разрушались привычные рамки сословности. Они были явно недостаточны для описания социальных реалий страны, в том числе и Югры. Однако важнее подчеркнуть другое: новое и старое взаимно переплетались, дополняли друг друга. Одновременно с тем происходило взаимопроникновение культур. Не только коренное население включалось в сложно устроенный и предельно неоднородный российский социум. Имели место разнонаправленные тенденции. Русское население осваивало практики коренного населения: посещало шаманов, перенимало верования, характерные для Тобольского Севера. Это было тем более естественно, что имели место смешанные браки, представители коренных народов ассимилировались, так или иначе включались в русское население. Парадоксальным образом губернская администрация способствовала сплочению региональных обществ. Они зачастую были вынуждены противостоять враждебной власти, склонной рассматривать местное население как объект, в первую очередь, фискальной политики. В итоге «чужая» власть невольно объединяла очень непохожие друг на друга общины. Всё это свидетельствует о глубоких интеграционных процессах, способствовавших консолидации социума Югры.

Демография с неизбежностью учитывает миграционные процессы. На территорию Тобольского Севера подданные российского императора переселялись далеко не всегда добровольно. Речь идет о ссыльных, составлявших значимую часть населения края. Прежде всего, это политические преступники: например, декабристы, участники революционного движения 1860–1870-х гг. После восстания 1863–1864 гг. это были в существенной своей части поляки (по результатам польского восстания 1830–1831 гг. на Тобольском Севере оказались единицы ссыльных). Преимущественно речь идет о выходцах из Западного края (современной территории Украины и Белоруссии).

Это не только история политического преступления и политического наказания. У ссыльных складывались особые формы самоорганизации и даже своя субкультура. Выстраивалась система взаимопомощи. Это был особый мир, который вызывал живой интерес и в России, и за рубежом, что едва ли удивительно. С ссылкой и каторгой отчасти ассоциировалась политическая жизнь Российской империи, по крайней мере, до 1905 г. Кроме того, материалы ссыльных (их письма и воспоминания) — важный источник по истории Тобольского Севера. Ссылка — это, конечно, пристрастный, но весьма наблюдательный и подчас литературно одаренный наблюдатель. Одновременно с тем, ссыльные были активными участниками общественной жизни. Представители местного населения зачастую ориентировались на их манеру поведения, стиль одежды и т.д. Те формы политической жизни, которые имели место в Югре до 1905 г., в огромной мере обуславливались участием ссыльных, которые вовлекали в этот процесс и многих других. Наконец, ссыльные приносили в жизнь Тобольского Севера новые культурные стандарты, научный интерес. Они участвовали в географическом изучении края, проводили метеорологические исследования, устраивали археологические экспедиции, основывали музеи, организовывали медицинскую помощь.

Модернизационные процессы так или иначе сказывались и на жизни этой социальной категории. Прежде всего, это касалось средств коммуникации. Ссылным становилось легче на-

лаживать контакты, в том числе, с Европейской Россией. Они получали информацию о том, что происходило и в России, и в мире.

Третий раздел тома — «Экономическое развитие Югры во второй четверти XIX — начале XX вв.» — посвящен тенденциям хозяйственной жизни региона, его адаптации к меняющемуся миру и стране.

Политическая история — это всегда калейдоскоп быстро меняющихся событий. Они так или иначе влияют на жизнь всех, но чаще всего не сразу и преимущественно опосредованно. А есть структуры повседневности, которые меняются чрезвычайно медленно. Кому-то даже может показаться, что они застыли во времени. Однако именно в этом «тихом движении» истории так или иначе участвует большинство населения любой страны. Речь идет о принципах трудовой этики, характере хозяйственной деятельности, культуре потребления, скорости движения людей, товаров, услуг, информации.

На протяжении столетий эволюция в этой сфере осуществлялась «черепашьими» темпами. Её почти не было или, по крайней мере, она не была заметна. В XIX в. европейская колымага неожиданно для многих обратилась в паровоз. Это случилось далеко не сразу и не во всех странах континента. Более того, даже в пределах одного государства промышленный переворот осуществлялся по-разному. Многое зависело и от специфики региона, и от отрасли промышленности. Все эти утверждения вполне применимы и к России.

Промышленный переворот пришёл в страну с некоторым запозданием. В историографии нет единодушия относительно того, когда его можно хотя бы приблизительно датировать. Впрочем, для рассматриваемой проблематики эти споры не имеют большого значения, так как наличествующие в литературе рассуждения основываются на материалах Европейской России. Не вызывает сомнения, что в Сибирь он приходит заметно позже — и речь идет о крупнейших городских центрах региона, которых не было на территории Тобольского Севера.

Там темпы экономического развития заметно уступали общероссийским и даже южно-сибирским. Доходы населения в значительной мере строились благодаря успешному рыболовству, охоте, собирательству. Структура экономики края весьма напоминала ту, что имела место столетия назад.

Тобольский Север шёл неспешным шагом. Как уже отмечалось выше, местное население продолжало заниматься собирательством, охотой, рыболовством. Оленеводство оставалось одним из важнейших промыслов Югры. Коммуникации с губернским центром были затруднены. Однако это не значит, что жизнь замерла. Казалось бы, ничто не способствовало модернизации: малочисленное и недостаточно платёжеспособное население, не слишком благоприятные климатические условия, отсутствие земства по вполне объяснимым причинам. В крае отсутствовал человеческий материал для этого: законодатель отнюдь не предполагал наличие крестьянского земства. Другое на Тобольском Севере (да и в Тобольской губернии в целом) сложиться не могло: не было ни богатых землевладельцев, ни чиновников, которые были уроженцами края.

Как раз поразительно то, что Тобольский Север по-своему, но всё же включался в процесс модернизации. Значение имели не столько технические новшества, сколько заметное расширение рынков сбыта, а значит и увеличение спроса. Причём речь идет об опосредованном

участии местных производителей уже в глобальных процессах. Это стало своего рода вызовом для традиционных промыслов. Они обретали новые рынки, а значит больший масштаб и иное организационное обеспечение. Так, обычная для края рыбная ловля получила промышленное значение.

Расширение мирового спроса способствовало всё большей интеграции края в уже в глобальные экономические процессы. Рыболовство приобретало иные, промышленные масштабы, что способствовало привлечению в Югру сезонных рабочих. Складывавшаяся ситуация была своего рода вызовом для края. Приходилось подстраивать социальную структуру к новым задачам. Это яркое свидетельство того, как меняется уклад жизни даже тогда, когда мало к тому внутренних импульсов. Даже правительство не проявляло большого интереса к хозяйственному развитию края.

Экономическая жизнь в чём-то напоминает экологическую систему. Она целостна. Её элементы дополняют друг друга. Изменения в одном сегменте влекут за собой метаморфозу всей системы. Соответственно, новые возможности, предоставленные судьбой традиционным промыслам, вызвали подвижки во всем остальном. Вызовы модернизации, в первую очередь, обозначали развитие средств сообщения. Это было одновременно и предпосылкой, и следствием всё большей включённости Тобольского Севера в общероссийские процессы. Ещё более показательны то, что планировалось на будущее. Предстоявшее развитие речных и сухопутных коммуникаций подразумевало и экономический рост, и дальнейшую нарастающую социальную динамику.

Четвертый раздел тома — «Образование, культура, здравоохранение во второй четверти XIX — начале XX вв.» — посвящён гуманитарным аспектам жизни Югры, различным формам общественной жизни этого периода.

Процесс модернизации — это не только экономический рост, становление новых социальных или правовых институтов. Это, в первую очередь, обретение нового качества жизни, говоря языком XVIII столетия, смягчение нравов, что в огромной степени обеспечивается изменениями в системе образования, здравоохранения, включённостью той или иной территории в общероссийскую культурную жизнь. На севере Тобольской губернии эти процессы разворачивались в высшей степени медленно.

В данном случае сказывалась не столько специфика региона, сколько страны в целом. В Российской империи интенсивность коммуникаций, экономической кооперации повышалась с приближением к западной границе. Тобольский Север был вдали от неё. Там не было крупных городских центров. Он находился далеко от любой администрации — не только правительственной в столице, но и губернской в Тобольске. Этот факт сам по себе весьма значим. В России социальная или культурная динамика возрастала вместе с приближением к властному центру и снижалась при удалении от него.

Однако даже при этих не самых благоприятных обстоятельствах были очевидны социальные метаморфозы, которые пережил Тобольский Север к началу XX в. Местное население шаг за шагом самоорганизовывалось. Относительно малочисленное купечество занималось благотворительностью, в том числе рассчитывая дать импульс к развитию края. Отчасти это объясняет, что такое общественность не только на севере Тобольской губернии, но и в Российской империи в целом. Не стоит отождествлять «публику» исключительно с элитарными столичными салонами, влиятельными общественными организациями,

авторитетными газетами и журналами. В Югре всего этого не было. Там она «росла» снизу, включала в себя пускай далеко не самых просвещённых людей, но чувствовавших необходимость объединиться, чтобы решить элементарные бытовые вопросы. В этом поведении не стоит искать изначального политического умысла: его не было. Возможно, он появился бы потом. Пока же речь шла о социальной динамике, подталкивавшей местные сообщества к большей кооперации усилий. Уклад жизни далекого от Петербурга небольшого города позволяет разглядеть феномен гражданского общества без увеличительных стекол розового цвета, привычных для столичного обывателя. Он хотел бы видеть за местными организациями — политические партии, за публичными чтениями — идеологические дискуссии. Всего этого могло и не быть, что не умаляет значение общественной самоорганизации.

Немалую роль в этом процессе играла церковь, что было тем более важно при отсутствии светской интеллигенции. Это лишний раз подчёркивает сам характер общественной модернизации. Она происходила не на пустом месте, а основывалась на традиционных связях. Иными словами, гражданское общество — это не искусственное образование, а нечто органически выросшее в сложившихся обстоятельствах.

Тем более значим тот факт, что, хотя и медленно, но всё же дело народного просвещения, развитие здравоохранения продвигалось и на этой отдаленной от центра территории. Положением дел в крае интересовались и в столицах. Зарисовки из жизни Тобольского Севера появлялись и в публицистике, и в беллетристике XIX — начала XX вв. Тобольский Север появлялся и на картинах русских художников, например, В. И. Сурикова, уроженца Сибири. Регион включался в ментальную карту Российской империи. Это был важный шаг, в том числе к развитию средств коммуникации, к экономической интеграции края.

Импульс шёл извне, и он способствовал изменениям не только в рыболовстве. Экономический рост «потянул» за собой дальнейшие социальные или хозяйственные изменения: развитие системы коммуникации, городских сообществ, городской инфраструктуры. Постепенно выстраивалась система образования. Появлялись женские школы. Заметно повысилось качество преподавания. Пополнялись школьные библиотеки. Вполне показательно, что динамичный рост в этой сфере пал на конец XIX — начало XX вв. Давали о себе знать последствия Великих реформ. Серьезные институциональные преобразования предполагают медленные всходы, но богатый урожай. Рубеж веков — особый период российской истории, когда процесс модернизации получил ускорение во всех сферах жизни. Это было как раз время жатвы, когда сказывалась и социальная перестройка общества, и технический прогресс, и государственные инвестиции.

Постепенно складывалась система здравоохранения. Строились больницы, сеть фельдшерских пунктов. Организовывалась вакцинация, что позволяло с успехом бороться с эпидемиологическими заболеваниями. Конечно, положение дел было далеко от идеала. Власти сталкивались с разнообразными проблемами. Важнейшая из них — кадровое обеспечение медицинских учреждений. В значительной мере эти трудности преодолевались благодаря самоотверженному труду немногочисленных врачей.

Как уже не раз отмечалось, Российская империя развивалась асинхронно. Волны модернизации докатывались до Тобольского Севера далеко не сразу. Едва ли это удивительно с учётом сложной социальной, сословной, национальной структуры Российского государства.

Интереснее, пожалуй, другое: Югра переживала схожие с Европейской Россией стадии развития, но с запозданием и с некоторыми поправками. В первой половине XIX столетия народное просвещение Тобольского Севера пережило этап регламентации. В годы Великих реформ шёл поиск новых организационных форм. Примечательно, что значимый разворот в политике в области образования и здравоохранения пришёлся на 1880-е гг. В данной точке региональные и общероссийские тенденции совпали. К концу XIX в. модернизационные процессы в Российской империи заметно ускорились. Было бы сильным преувеличением утверждать, что проблемы в этих сферах, стоявшие перед Тобольским Севером, были успешно разрешены в этот период. Однако вполне обоснованно утверждение, что в этом направлении были сделаны заметные шаги.

Можно сколько угодно спорить о состоянии общества в России к началу XX в. Историки будут ломать копыта по этому поводу и дальше. Важны не эпитеты, а «ухваченная» динамика, которая на окраинах чувствуется даже сильнее, чем в центре: стремительный рост с нулевых показателей с неизбежностью бросается в глаза. Именно это можно сказать о формах общественной активности и самоорганизации накануне Первой российской революции. Усилиями общественности проводились чтения, вечера, киносеансы, организовывались библиотеки.

Пятый раздел тома — «Югра в социальных и политических процессах в России в 1900–1917 гг.» — посвящён преобразению края в условиях быстро менявшейся страны, влиянию общероссийской динамики на региональные изменения.

Из Петербурга трудно было рассмотреть специфику Югры. Легче было думать, что Сибирь однородна, несмотря на грандиозность её территории. Проекты основывались на умозрительных представлениях о регионе. Центральные ведомства сталкивались по всем вопросам. Это касалось и проблемы преобразования управления Сибирью. Столичное противостояние С. Ю. Витте и В. К. Плеве эхом долетало и до Тобольской губернии. Бюрократические бои давали шансы местной общественности. Она рассчитывала вмешаться в борьбу, отстаивая свои местные интересы. Впрочем, законотворческий процесс в Российской империи традиционно полз подобно улитке. Скоротечное решение столь значимых проблем на практике было совершенно исключено. Соответственно, трудно было ожидать хоть какой-то определённости до 1905 г., когда вспыхнула Первая российская революция.

Она дала о себе знать в Тобольской губернии, что едва ли удивительно. В России степень управляемости различных процессов была невелика. В Тобольской губернии — в особенности. Критическая нехватка бюрократии — это явный признак дефицита инструментария в руках губернатора. Ему оставалось полагаться на силу инерции, благодаря которой государственный корабль тихо плыл по течению. Проблема в том, что в 1905 г. пошли волны, сдержат которые не было возможности. В губернии появились леворадикальные партийные организации (например, социал-демократов). Проводились стачки, организовывались подпольные типографии. Непокойно было в каторжных тюрьмах.

События Первой революции стали несомненной вехой отечественной истории. Речь шла о довольно существенных изменениях правил игры — в первую очередь в политической сфере. В Российской империи было учреждено законодательное представительство, разрешены легально действовавшие политические партии, санкционированы общенациональные выборы, реализована мечта о неподцензурной печати. Кому-то может показаться, что

в данном случае перечислены преобразования, в которых была заинтересована лишь малая часть населения. Это совершенно не так. Стоит даже оставить за скобками вовлечённость широких масс в избирательный процесс, частые обращения различных групп населения к Думе как инструменту лоббирования региональных интересов. Важнее другое: в российскую жизнь ворвалась публичная политика. Она изменила не только формальную сторону дела, но и неформальную. Она создала условие для появления политиков, а значит, политических программ, плана действий. В России появилось правительство, которого, в сущности, не было. Без учёта этого обстоятельства трудно понять курс столыпинских преобразований. Сама фигура П. А. Столыпина как председателя Совета министров была бы невозможна без революционных потрясений 1905–1907 гг. Это значит, что реформы последовавшего времени, которые затронули большинство населения империи, — прямое следствие Первой российской революции.

Новая жизнь пришла и в Тобольскую губернию, которая вместе с остальной Россией участвовала в формировании Государственной думы. Электоральный процесс в разных частях страны проходил по-разному. В Сибири он был заметно затруднён в силу малой плотности населения, слабого развития городских центров и системы путей сообщения. Вполне естественно, что в Югре эти проблемы чувствовались острее, чем, например, на юге Тобольской губернии. Избирателям приходилось на оленях преодолевать сотни вёрст, чтобы осуществить свой выбор. Однако эти усилия были не бесполезны. Интересы Югры были представлены яркими депутатами, например, Н. Л. Скалозубовым и В. И. Дзюбинским. Их усилиями сибирские проблемы выносились на обсуждение Думы.

Начало XX в. — совершенно особое время в истории России. Это не просто особая эпоха, это множество эпох. Страну сильно изменил 1905 г. Она стала другой в 1914 г., с начала Первой мировой войны. Тотальная война потребовала мобилизации не только людей, но и всех прочих ресурсов, бывших в распоряжении государства. Вместе с войной пришли дефицит и инфляция, а значит и недовольство. В Тобольскую губернию свозили военнопленных. Впрочем, как обычно, социальные и экономические трудности добирались до Югры «с опозданием» и не в той мере, в какой они затронули юг губернии.

Ход истории ускорялся в Петербурге. Разумеется, импульсы из столицы доходили до всех уголков страны. Однако чем интенсивнее вращались колеса политической жизни, тем сложнее было провинции соответствовать этой динамике. Новости о Февральской революции даже до Тобольска и Тюмени доходили с опозданием. Местные же власти не спешили реагировать, распространять будоражащие сведения, боясь совершить роковую ошибку. В итоге губерния узнала о свершившемся с серьёзной задержкой.

1917 год — разворотный момент в истории России и, без всякого преувеличения, всего мира. В скором времени после учреждения Временного правительства были проведены преобразования, которые затронули положение дел в стране. В данном же случае, пожалуй, существеннее то, что изменилась жизнь Сибири. Например, было учреждено земство, о котором местная общественность давно мечтала. Правда, это произошло опять же не везде. Временное правительство не могло проигнорировать своеобразие регионов. По этой причине Сургутский и Берёзовский уезды становились исключением: там земство не образовывалось. По оценке законодателя, кочевые самоеды не могли обеспечить работу органов самоуправления. В них могло работать лишь оседлое население. Соответственно, в этих двух уездах компетенция земских учреждений передавалась губернскому земству.

Даже новая революционная власть, не боявшаяся ломать привычный уклад, не могла не учитывать специфику региона. Так или иначе, империя — это действительно пространство. Имеются в виду не только бескрайние масштабы громадного государства, но и различные измерения экономики, социальных отношений, права. Это была многоукладность во всем, в том числе в быту, в привычках народов, населявших страну. Красноречиво высказывание философа Ф. А. Степуна, что «живи Кант не в Кёнигсберге, а в Сибири, он, наверное... написал бы не трансцендентальную эстетику, а метафизику пространства»¹³.

С. В. Кодан,
К. А. Соловьев

¹³ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 264.

Часть 1

Имперская
политика
и государственное
управление Югрой
в XIX — начале
XX вв.

Глава 1

Государственное управление и суд в Югре

1. Реформа И. О. Селифонтова и управление Югрой

Основы организации местного управления и судоустройства в Российской империи конца XVIII — начала XX вв. были заложены в «Учреждении для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. При создании этого «фундаментального закона» Екатерина II, с одной стороны, руководствовалась фискальными интересами казны, сохранив господствующее значение административно-полицейских и фискальных государственных органов; с другой, будучи поклонницей учения Ш.-Л. Монтескье, пошла на отделение суда от администрации. Реформа сословных органов самоуправления привела к децентрализации власти. «Учреждение» 1775 г. усилило институт прокурорского надзора, которым должны были заниматься губернские прокуроры, губернские и уездные стряпчие.

В 1782 г. губернская реформа была проведена в Сибири, что привело к унификации местного управления с общеимперским. При проведении реформы в Сибири были учтены только некоторые особенности региона: вследствие отсутствия дворянских имений не учреждались уездный, верхний земский суд и дворянские опеки; для «людей разного звания, не подлежащих ведомству магистратов или расправ», в Тобольске были открыты, как в столичных городах, надворные суды; ратуши в Сибири создавались не только в заштатных посадах, но и в небольших штатных уездных городах.

После проведения губернской реформы Екатерины II в Берёзовском и Сургутском уездах административно-хозяйственную и полицейскую власть в городах осуществляли городничие, в уездах — нижние земские суды. В 1785 г. города Тобольского наместничества получили свои гербы. Гербом Берёзова стал щит, в верхней части которого герб Тобольский, в нижней — «в серебряном поле три дерева берез, в знак имени сего города». Сургута — щит с изображением «в золотом поле черно-бурой лисицы в знак изобильной ловили оных в округе сего города»¹.

После кончины Екатерины II начались реформы Павла I, направленные на централизацию государственного аппарата и сокращение расходов на его содержание. В 1796 г. про-

¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 24. № 16164.

изошло восстановление Берг-, Мануфактур-, Коммерц- и Камер-коллегии. 4 марта 1797 г. коллегии были переданы в ведение Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства².

Тенденция к централизации проявилась в проведении «смотра» 13 губерний центра, юго-запада и запада империи посредством сенаторских ревизий. Указом от 6 октября 1799 г., объявлявшем о назначении сенаторских ревизий, предполагалось собрать информацию о губерниях по трем «пунктами»: «1) о течении по присутственным местам правосудия; 2) о внутренней полиции; 3) о поборах, лихоимству толь свойственных»³. Ревизию Пермской, Тобольской и Иркутской губерний в 1800 г. провели сенаторы М. Л. Ржевский и Ф. И. Левашов. В ходе ревизии были выявлены упущения по службе (волокита в судах, выразившаяся в большом количестве «нерешенных дел», недоимки при сборах налогов и др.) и должностные преступления сибирской администрации.

Павел I не успел отменить «Учреждения» 1775 г., однако внес в него поправки, которые изменили структуру местной власти: был ликвидирован институт генерал-губернаторства, возросло значение губернской должности. В Сибири из четырех уровней местной администрации сохранились только два — губернский (Тобольская и Иркутская губернии) и уездный.

Реформы Павла I, по едкому замечанию министра внутренних дел С. С. Ланского, привели к тому, что администрация «ездила на юстиции»⁴. Были ликвидированы верхняя и нижняя расправы, совестный суд, надворные суды, магистраты, вместо двух судебных палат создавалась одна — палата суда и расправы. Важным изменением в кадровой политике было открытие доступа на государственную службу выходцам из непривилегированных сословий. Следствием такой политики стал рост представителей податных сословий в рядах служащих Тобольской губернии.

Рис. 1.1. Герб г. Берёзова. Утверждён в 1785 г.
(Источник: ПСЗ № 16164)

Рис. 1.2. Герб г. Сургу́та. Утверждён в 1785 г.
(Источник: ПСЗ № 16164)

² ПСЗ. Собр. 1. Т. 24. № 17567, 17610; Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866; Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 123–124.

³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 25. № 19212.

⁴ Цит. по: Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 12.

Рис. 1.3. Сибирская монета. 1772 г.

Централизация государственного аппарата продолжилась в царствование Александра I. На решение этой задачи было направлено учреждение в 1802 г. министерств и реформа Сената, закрепившего за ним роль высшего судебного органа на территории империи. Министерства, выражавшие общеимперские интересы, подчиняли себе губернские органы власти. В то же время Александр I восстановил в полном объеме действие «Учреждения» 1775 г. в отношении местного

управления и суда. В результате переход к централизации и отраслевому принципу управления вступил в противоречие с принципами учёта региональных интересов, сформулированными Екатериной II.

В первые месяцы царствования Александра I вопрос о реформе местного управления Сибири поставил граф А. Р. Воронцов, высказав сомнение в применимости «Учреждения» 1775 г. к Сибири⁵. Эту позицию поддержал на заседании 27 мая 1801 г. Непременный совет, отметив, что Сибирь «...требует как в разделении ее, так и в самом образе управления особенного постановления», и предложил направить в Сибирь «особенного чиновника», который бы и представил проект нового административного устройства⁶.

Эту задачу Александр I возложил на И. О. Селифонтова. 9 июня 1801 г. ему был дан указ, в котором ставилась задача не только устранить имевшиеся в Сибири злоупотребления, но и подготовить проект административного преобразования региона⁷. Однако планы на унификацию управления империей разошлись с признанием специфики Сибири и намерением разработать для неё «особенное устройство». В 1803 г. было создано Сибирское генерал-губернаторство, а И. О. Селифонтов назначен генерал-губернатором. 23 мая 1803 г. он получил особую инструкцию, существенно расширявшую его права⁸.

Считая, что сибирское население имеет «более нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях»⁹, И. О. Селифонтов в 1803 г. провел перестройку в сибирском управлении. Он предложил разделить Тобольскую губернию на две — Тобольскую и Томскую, сократить число уездов в Сибирском генерал-губернаторстве до 23, ввести в уездах дополнительные единицы административно-территориального деления — комиссарства. Доказывая необходимость сокращения уездов, И. О. Селифонтов, в частности, обосновывал необходимость упразднения «присутственных мест» в «малолюдном» Сургуте. В 1803–1804 гг. этот проект был одобрен правительством¹⁰.

⁵ Прутченко С. М. Сибирские окраины. Т. 1. СПб., 1899. С. 70.

⁶ Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. С. 70–71.

⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 26. № 19910.

⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 27. № 20771.

⁹ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 50.

¹⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1805 г. Д. 118. Л. 4.

Рис. 1.4. Карта Тобольской губернии, начало XIX в. (Источник: фонды РГО)

В 1804 г. Сургут был лишен статуса уездного города и вместе с уездом приписан к Берёзову. Однако и после приписки Сургутского уезда к Берёзовскому последний остался «малочисленным», что являлось предметом обсуждений в центральных и губернских органах власти. Тобольский губернатор А. М. Корнилов, совершивший в 1807 г. путешествие на Северо-Запад Сибири, отмечал, что «...о Берёзове сказать должно, что существование онаго в виде города может показаться полезным разве для того только, чтобы сохранять в памяти древность его основания, что же касается до истинной пользы, то оный не по оборотам торговли, ни по требуемым для новых предприятий на севере как от города пособиям, доставить не может». Губернатор предлагал перенести центр уезда в с. Самарово Тобольского уезда, аргументируя свое предложение удобностью его расположения «...для средоточия водяной коммуникации и промышленности» и «...выгод свободного судоходства по Оби к Томску, Енисейску и Берёзову»¹¹.

После ликвидации Сургутского уезда его бывшие ясачные волости по р. Таз, в которых числилось 438 душ м.п. тазовских селькупов, были переданы Туруханску. Те районы, которые ранее входили в Тобольский и Туринский уезды, не изменили своего административного подчинения и были отнесены к Деньщиковскому комиссарству Тобольского уезда и к Пельмскому комиссарству Туринского уезда.

Берёзовский уезд был разделен на три комиссарства — Кондинское, Обдорское и Сургутское. В состав Кондинского вошли русские селения юга Берёзовского уезда, Кондинский Троицкий монастырь, Кодские (Котские) городки и Берёзовская Подгородная, Сосьвинская, Ляпинская и Казымская ясачные волости. В состав Обдорского комиссарства вошли Обдорская и Куноватская волости. В состав Сургутского комиссарства — бывшая территория Сургутского уезда.

Власть в уезде по-прежнему принадлежала Берёзовскому нижнему земскому суду. Как и во всей Российской империи, в Берёзове органы полиции оставались органами местного управления общей компетенции, т.е. почти все дела по управлению подведомственными территориями относились к их полномочиям. Земский суд состоял из земского исправника, двух земских заседателей и секретаря. Но в состав нижнего земского суда вновь были включены земские частные комиссары, ведавшие комиссарствами. Кондинский земский частный комиссар имел резиденцию в с. Кондинском, обдорский — в Обдорске, сургутский — в г. Сургуте.

Следует отметить, что частные комиссары получили право непосредственного доклада губернскому правлению. Это привело к их определённой самостоятельности от Берёзовского нижнего земского суда. Связь частного комиссара и земского суда становилась формальной, комиссар превращался в самостоятельного администратора в своем комиссарстве, представляя «сам собою земский суд». При этом волости, входившие в комиссарство, должны были доставлять своему начальнику «все потребности жизни».

Ознакомившись с управлением Берёзовом в 1807 г., тобольский губернатор А. М. Корнилов писал о местной полиции: «Ясашный народ столь добродушен, что, к величайшему моему удовольствию, я везде их находил совершенно довольными своим начальством; нигде не слышал жалоб на управляющих ими»¹². Хорошее впечатление на него произвел частный

¹¹ Корнилов А. М. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 64, 69–72.

¹² Там же. С. 88.

комиссар Обдорска, о котором он писал: «...нашел ... в начальствующем комиссарством Обдорским, Г. Логунове, чиновника с редкими достоинствами. Кротостью и благоразумием снискал он любовь сих диких народов; деятельностью же и честностью своею держит их в повиновении»¹³.

Однако, «обозрев присутственные места и все казенные заведения» губернатор «...нашел, что оныя требовали бы и лучшего распорядка и более внимания... При постройках после пожара Казна понесла значительные убытки, и цены выставлены были несоразмерныя, так, что экономическим, внимательным образом можно бы сделать постройки сии, по крайней мере вдвое дешевле»¹⁴.

При осмотре казенных и сельских хлебных запасных магазинов в Кондинске, Берёзове, Кушевашском погосте и Обдорске А. Н. Корнилов обнаружил закупку в них хлеба и выдачу его взаймы ясачным людям производимыми «...совсем не хозяйственным образом» и «к отвращению ... зла ... удалил от должности всех чиновников, подозреваемых в притеснении бедных жителей»¹⁵.

В последующем были выявлены более серьёзные злоупотребления администрации Берёзовского уезда. Так, обдорский заседатель Салдатов наживался за счет торговли казенным хлебом, продавая его во много раз дороже установленной цены и забирая разницу себе¹⁶. Преемник Салдатова на должности обдорского заседателя Зиновьев притеснял обдорских ненцев. Земский исправник Кучардеев доносил гражданскому губернатору «о подлинных словах жалоб» ненцев рода Харучей: «Капитан... ты прикажи обдорскому комиссару, чтоб он не обижал нас ... Как уедешь ты назад домой на Берёзов, так он и явится к нам в тундры без всякого дела по службе и делает притеснения нам без всякой причины... запрети ему нас обижать»¹⁷.

Ознакомившись с доношением, губернатор «напомнил» заседателю о несообразности его поступков с «обязанностями службы» и о необходимости общаться с ясачными мерами «снисходительными и человеколюбивыми». Зиновьев, со своей стороны, писал губернатору, что капитан-исправник «несовместимо поступает со службой»: находясь в родстве с берёзовскими купцами Нижегородцевым, Трофимовым, мещанином Нечаевским и городовым старостой Едренкиным, Кучардеев делал им различные «послабления»¹⁸.

Причинами злоупотреблений были недостаточный профессиональный уровень и жалование чиновников. Об этом после посещения Берёзовского уезда в 1807 г. тобольский губернатор А. М. Корнилов писал: «Когда люди, и с обыкновенными способностями и без особенных познаний, делают собою довольными целые народы, ...то какой бы открылся верный способ к общему благу сих стран, если бы все должности, или, по крайней мере важнейшия, замещаемы были чиновниками по уму и доброте сердца отличными, которые за усердие и труды свои ... получая и награды, и приличное содержание, быв обеспечены в собственном

¹³ Корнилов А. М. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 76–77.

¹⁴ Там же. С. 68–69.

¹⁵ Там же. С. 87–88.

¹⁶ ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 1505. Д. 55. Л. 10–10 об.

¹⁷ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 82. Л. 1–2.

¹⁸ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 82. Л. 15–19.

Рис. 1.5. Зерцало закона. Данный атрибут государственной власти размещался во всех присутственных местах (Источник: фонды Томского областного краеведческого музея)

состоянии, устремили бы все усилия к устройению прочного благоденствия мирных и простодушных сих народов»¹⁹.

Александр I придерживался тех подходов к судоустройству и судопроизводству, которые установились в царствование Екатерины II²⁰. В высочайшем рескрипте министру юстиции Д. П. Троицкому от 5 августа 1816 г. он предписал: суду надлежало быть таким, «чтоб бедные и угнетаемые находили в судах защиту и покровительство, чтоб правосудие не было помрачаемо ни пристрастиями к лицам, ни мерзким лихоимством, богу противным и мне ненавистным, и чтоб обличаемые в сем гнусном пороке нетерпимы были в службе и преследуемы всей строгостью закона»²¹. Сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля Александр I обязал «обеспечить порядок в законном отпращивании правосудия»²².

Однако в Российской империи начала XIX в. «суммы, ассигнуемые на содержание судебных мест, а в особенности уголовных и гражданских палат, были совершенно недостаточны и настоятельно требовалось их увеличение»²³. Этим обуславливался дефицит кадров, который был особенно острым в Сибири. Тобольский губернатор в 1806–1807 гг. А. М. Корнилов вспоминал, что ему приходилось назначать «за неимением других... чиновников, бывших под судом и не токмо неоправданных, но еще и таких, которых приговором суда определять было недозволенно»²⁴.

Этими общесибирскими проблемами определялся и состав присутствия Берёзовского уездного суда. Вступивший в 1812 г. в должность судьи Берёзовского уездного суда В. Я. Логунов начал службу в казачьей команде, в 1787–1795 гг. нёс надзорные обязанности в Тобольском губернском магистрате, затем был переведён на должность исправника Берёзовского уезда, — комиссара в Обдорск, с 1807 г. — заседатель Берёзовского уездного суда²⁵. Его сменил М. Ф. Каропов, солдатский сын, служивший в 1789–1797 гг. генеральным писарем в обер-кригс-комиссарской комиссии, а затем в иных воинских должностях. В 1811 г.

¹⁹ Корнилов А. М. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 88–89.

²⁰ См.: Воропанов В. А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII — первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. С. 161–163.

²¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 33. № 26386.

²² Там же. Т. 29. № 22143.

²³ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 35.

²⁴ Корнилов А. М. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 24.

²⁵ Воропанов В. А. Кадровая политика в ведомстве Министерства юстиции в первой трети XIX в.: судебная группа западно-сибирской бюрократии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2010. Т. 6, вып. 2. С. 161.

Рис. 1.6. Сибирь. Оленья упряжка. Гравюра. (Источник: Альбом «Образы России». 1860–1878 гг.)

направлен на гражданскую службу в Сибирь и назначен на должность заседателя, с 1816 г. — судьи Берёзовского уездного суда. При назначении на должность заседателя он получил чин коллежского секретаря, судьи — титулярного советника²⁶.

В декабре 1802 г. министр юстиции Г. Р. Державин подтвердил полномочия губернских прокуроров и потребовал от чиновников оправдать возложенное на них доверие «рачением, благоразумием и деятельностью»²⁷. С 1803 г. кандидаты в уездные стряпчие отбирались ведомственным начальником. Губернское правление, рассмотрев справки, аттестаты и другие свидетельства достоинства чиновников, могло отклонить представление²⁸. Перемещение стряпчих, отрешение от должностей из-за некомпетентности требовало санкции министра юстиции, лишение должности за преступление — указа губернатора по доношению прокурора²⁹.

На территории Северо-Запада Сибири помимо государственных органов действовали государственные учреждения. В начале XIX в. в Западной Сибири сложилась развитая система регулярной («ординарной») почты на основе почтовой (ямской) гоньбы. Почтовые обязанности в Сибири исполнялись не государственными служащими, а подрядчиками, которые

²⁶ Воропанов В. А. Состав коллегий уездных и окружных судов в Тобольской и Томской губерниях в первой четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 71, 74.

²⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 27. № 20553.

²⁸ Там же. Т. 28. № 21189.

²⁹ Там же. Т. 28. № 21320; Т. 30. № 23401; Т. 33. № 26151.

каждые три года приобретали это право на торгах. Подряд на содержание почтовой станции заключал непосредственно исполнитель работ («почтосодержатель»). Действиями почтарей, заведовавших почтовыми станциями, руководили почтовые конторы во главе с почтмейстерами.

В 1782 г. управление почтовыми учреждениями перешло к Главному правлению почтовых дел. В 1802 г. Главное почтовое правление вошло в состав вновь созданного Министерства внутренних дел, сохранив свою самостоятельность до 1806 г.³⁰ Указом Александра I от 9 июня 1806 г. Почтовый департамент был подчинён Министерству внутренних дел, почтовое ведомство было разделено на Департамент и Главное почтовое правление³¹.

В 1799–1800 гг. в качестве подразделений Главного правления созданы несколько почтамтов, которые руководили городскими, уездными и губернскими почтовыми конторами. В 1800 г. указом императора Павла I учреждался Сибирский почтамт, который располагался в Тобольске и в ведении которого оказались почтовые конторы Берёзовского и Сургутского уездов³².

В рамках реформы народного просвещения Александра I на Северо-Западе Сибири появляется первое государственное образовательное учреждение, подведомственное Министерству народного просвещения. Им стало созданное 30 августа 1818 г. Берёзовское уездное училище³³. В первый учебный год в него был набран 1-й и приготовительный классы (в 1844 г. приготовительный класс был преобразован в мужское приходское училище). С 1819/20 г. число классов увеличилось до двух. В 1823 г. для училища был построен дом из кедрового леса. В приходском училище преподавал один учитель, в уездном училище — два, надзор за ними осуществлял смотритель — чиновник не ниже 9 класса «Табели о рангах»³⁴.

В связи с эпидемией оспы в Берёзовском уезде в начале XIX в. начинает осознаваться необходимость создания там медицинских учреждений. Одной из целей путешествия тобольского губернатора А. М. Корнилова на Северо-Запад Сибири 8 мая — 11 июня 1807 г. было установление причин «...от чего остяцкий народ не размножается и нет ли от земской полиции каких-либо притеснений сим простодушным чадам природы». В путешествие он взял тобольского врача Г. Керна, «чтобы разыскать на самом месте причины заразительных в северном крае болезней»³⁵.

В ходе этого обследования губернатор и врач столкнулись с различным отношением со стороны аборигенов к прививанию оспой. Если в Заводинских юртах Г. Керну удалось «склонить их к прививанию» и получить обещания «охотно допустить детей к прививанию оной», то в Обдорске ханты и ненцы отказались и «...отговаривались тем, что, потеряв много детей от

³⁰ Почта и телеграф в XIX столетии. СПб., 1902. С. 4.

³¹ Морев В. А. Реформы почтовой связи Западной Сибири в первой трети XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2016. № 411. С. 94.

³² Базилевич К. В. Почта в России в XIX веке. М., 1927. С. 11.

³³ Белявский Ф. И. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 25.

³⁴ Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 31–32.

³⁵ Корнилов А. М. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 56–57.

оспы, имеют в остальных нужду при домах своих»³⁶. А. М. Корнилов пришел к выводу о том, что «...верным и благодетельным средством от сего зла» является «...устройство между сими народами особенных заведений, в которых бы дети от отцов с кротостию и ласкою из юрт отбираемые чиновниками, помещались, и под бдительным надзором искуснаго врача ... получали бы в оных спасительное прививание коровьей оспы»³⁷.

В 1810-х гг. на Северо-Западе Сибири началась новая эпидемия. В 1816 и 1817 гг. туда была завезена «...сифилитическая зараза, которая с ... ужасною скоростью распространилась между остяками». Губернские власти уже в 1816 г. направили в Берёзов штаб-лекаря для диагностики этой болезни. В 1822 г. «по случаю усиления болезни отправлялся туда инспектор врачебной управы доктор Альберт», который затем ездил в Берёзов «почти ежегодно на несколько месяцев». В 1824 г. благодаря тобольскому губернатору А. М. Тургеньеву московский аптекарь Ауербах прислал «медикаментов на несколько тысяч рублей для Берёзовского края, и с того времени по настоящий 32 год ... не перестает жертвовать ежегодно на многие тысячи».

В 1825 г. новый тобольский губернатор Д. Н. Бантыш-Каменский «...определил отправлять по очереди уездных лекарей с учениками в Берёзов и Обдорск для подавания помощи как страждущим инородцам, так равно и жителям Берёзовского округа», а в 1826 г. предложил учредить больницы в округе. В результате этих действий смертность от эпидемии сократилась. В 1828 г. в Берёзовский округ был направлен член Тобольской врачебной управы Ф. И. Белявский, который провел новую диагностику этой болезни и в своем рапорте губернским властям изложил «...мнение насчет предохранительных и коренных мер к избавлению народа от гибельной болезни»³⁸.

Подведем итоги. Министерская реформа Александра I привела к противоречию между принципами централизации отраслевого управления и учета региональных интересов. Это противоречие в управлении Сибири верховная власть попыталась разрешить, восстановив в 1803 г. институт генерал-губернаторства. С одной стороны, этот опыт был признан успешным. Так, в 1809 г. М. М. Сперанский высказывался за учёт особенностей регионов при организации губернского уровня управления империей, предложив выделить пять областей с особым порядком управления, включая Сибирь³⁹. В записках 1814 и 1816 гг. министр

Рис. 1.7. Бантыш-Каменский Д. Н., Тобольский губернатор в 1825–1836 гг. Неизвестный автор

³⁶ Корнилов А. М. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 63, 77.

³⁷ Там же. С. 83–84.

³⁸ Белявский Ф. И. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 133–141.

³⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.

внутренних дел В. П. Кочубей настаивал на необходимости повсеместного восстановления в империи института генерал-губернаторов, «дабы установить в губерниях единство начальства». В 1819 г. сходные предложения высказал государственный контролер Б. Б. Кампенгаузен⁴⁰.

Однако с другой стороны, реформа 1803 г. не разрешила одной из основных проблем местного управления — произвола и казнокрадства, характерных для сибирской администрации, которые снижали возможности податного населения уплачивать налоги, что наносило ущерб фискальным интересам казны в условиях войн с наполеоновской Францией. Деятельность как сибирской администрации в целом, так и генерал-губернаторов И. О. Селифонтова (1803–1806) и И. Б. Пестеля (1806–1819) в частности, вызывала нарекания в высших и центральных органах власти. Положением в Сибири заинтересовался Александр I. Император писал: «С некоторого времени доходят до меня самые неприятные известия насчет управления Сибирского края»⁴¹. Попытка разрешения накопившихся противоречий в управлении Сибири была предпринята в ходе ревизии и реформы М. М. Сперанского.

2. Реформа М. М. Сперанского и управление Югрой в 1820-х — 1860-х гг.

В конце царствования Александра I проекты территориального и административного преобразования Сибири рассматривались в Министерстве внутренних дел. В октябре 1818 г. министр внутренних дел О. П. Козодавлев представил в Комитет министров записку об управлении Сибирью, в которой предлагал назначить туда нового генерал-губернатора и снабдить его особой инструкцией. В 1819 г. под председательством В. П. Кочубей при Комитете министров был образован Комитет по делам Сибирского края. На его заседаниях рассматривались представления О. П. Козодавлева, сибирского генерал-губернатора, и жалобы на действия местной администрации⁴². Председатель Комитета министров П. В. Лопухин на одном из заседаний Комитета сформулировал особое мнение, предложив направить с ревизией в Сибирь двух сенаторов⁴³.

Особое мнение П. В. Лопухина, возможно, повлияло на решение Александра I назначить 22 марта 1819 г. сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанского и поручить ему ревизию Сибири. 31 марта М. М. Сперанский, занимавший тогда должность пензенского губернатора, получил «Инструкцию для обревизования губерний» от 17 марта 1819 г., в которой император предписывал ему: «Исправя сею властью все то, что будет в возможности, облича лица, предающиеся злоупотреблениям, предав кого нужно законному суждению, важнейшее занятие ваше должно быть: сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края»⁴⁴.

Получив назначение, М. М. Сперанский понимал, что ему предстоят крайне трудные задачи. 13 мая 1819 г. он писал А. А. Столыпину: «Как вы могли себе представить, что я пушусь

⁴⁰ Русский архив. 1871. № 4. С. 454, 462.

⁴¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898. С. 148.

⁴² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 49. Л. 75; Д. 167. Л. 423–427; Д. 179. Л. 841–849, 862–863, 883–884.

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 152. Л. 190–191.

⁴⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 36. № 27722.

управлять Сибирью, коею никто и никогда управить не мог?»⁴⁵. В конце мая 1819 г. М. М. Сперанский приехал в Тобольск⁴⁶. В ходе ревизии М. М. Сперанский «нашел явные следы неправосудия и пристрастия» в крае⁴⁷. Но при этом он столкнулся с дефицитом кадров чиновников. М. М. Сперанский писал: «Отдаленность, в некоторых местах дороговизна, разные трудности жизни и особливо воспитания детей, делают службу в Сибири таким пожертвованием, на которое редкие решатся». Между тем «нравственность в чиновниках достигается строгим их выбором, но где избирать некого, там не может быть и строгости в выборе»⁴⁸. В результате наказания, которым подверглись в ходе ревизии провинившиеся чиновники, не являлись суровыми, что объяснялось современниками «природной снисходительностью» М. М. Сперанского⁴⁹.

В ходе ревизии М. М. Сперанский пришел к мысли, что «различие между Сибирью и внутренними губерниями столь велико, что никакое учреждение, для сих губерний изданное, не может быть свойственно Сибири без значительных изъятий и применений»⁵⁰. При этом он считал, что отсутствие регулярного надзора из центра порождало «домашнее» управление в Сибири, где самовластие генерал-губернаторов сочеталось с послаблением⁵¹. Отсюда он предложил реформировать управление краем на началах законности: «Преобразить личную власть в установление, и согласив единство ее действия с гласностью, охранить ее от самовластия и злоупотреблений законными средствами, из самого порядка дел возникающими; учредить действие ее так, чтоб было не личным и домашним, но публичным и служебным»⁵².

В феврале 1821 г. М. М. Сперанский отбыл «по делам службы» в столицу⁵³. По итогам ревизии им был представлен «Отчет ... в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления». Одной из основных целей «Отчета» стали предложения по приспособлению управления Сибирью к министерской системе управления. Для

Рис. 1.8. Тропинин В. А. Портрет М. М. Сперанского, 1839 г. (Источник: фонды Самарского областного художественного музея)

⁴⁵ Русский архив. 1871. № 4. С. 454.

⁴⁶ Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Баженовой). М., 1869. С. 5.

⁴⁷ См.: Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Ч. 2. (Период с 1806 по 1819 г.). СПб., 1889. С. 308, 313.

⁴⁸ Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления. С. 24.

⁴⁹ Якушкин В. Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905. С. 31.

⁵⁰ Прутченко С. М. Сибирские окраины. СПб., 1899. Т. 2. С. 23.

⁵¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 129 об. — 246 об.

⁵² Обзорение главных оснований местного управления Сибири. С. 23–24.

⁵³ ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 889. Л. 100.

этого, по замыслу реформатора, необходимо было, во-первых, повысить статус сибирских генерал-губернаторов, включив их в число членов Комитета министров и Первого департамента Сената; во-вторых, создать наместнический совет, пять или шесть членов которого будут назначаться министерствами и заведовать соответствующими отраслями управления. Во главе губернского управления предлагалось поставить губернский совет под председательством губернатора⁵⁴.

28 июля 1821 г. для рассмотрения отчета и плана реформ М. М. Сперанского был создан Первый Сибирский комитет. Он открыл свои заседания с 5 августа 1821 г. С. Б. Окунь, исследователь деятельности Комитета, выделил два круга вопросов, которые были первоначально им рассмотрены: во-первых, материалы следствия, по которому было предано суду 678 чел.; во-вторых, обсуждение предложений М. М. Сперанского по управлению Сибирью⁵⁵.

В 1822 г. Первый Сибирский комитет стал постоянно действующим законосовещательным органом государственной власти, решения которого утверждались императором. В его компетенцию входило составление уставов и положений, касающихся управления Сибирью, и руководство деятельностью местных органов власти. В состав Сибирского комитета вошли министр внутренних дел граф В. П. Кочубей (председатель комитета), граф А. А. Аракчеев, министр народного просвещения и образования князь А. Н. Голицын, министр финансов граф Д. Л. Гурьев, государственный контролер барон Б. Б. Кампенгаузен, М. М. Сперанский, Г. С. Батеньков (управляющим делами)⁵⁶. В последующем состав Комитета менялся. В 1823–1826 гг. его председателем был Аракчеев, в 1828–1838 гг. — князь А. Н. Голицын. С 1826 г. управляющим делами Комитета стал А. П. Величко⁵⁷.

3 ноября 1821 г. на заседании Сибирского комитета были конкретизированы его первоочередные задачи:

1. Подробное рассмотрение общего и частных предположений по предмету устройства Сибирского края.
2. Постепенное введение оных в действие по мере соображения и начертания приличных к тому правил.
3. Рассмотрение новых мер от местных управителей представляемых.
4. Разрешение затруднений, которые может встретить местное управление при введении новых положений и руководство оною в высшем отношении на основании принятых начал⁵⁸.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2; Д. 47. Л. 6; Материалы, собранные для высочайше утвержденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел административный. СПб., 1870. Ч. 1. С. 82–83; Прутченко С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 2. С. 85.

⁵⁵ Окунь С. Б. I Сибирский комитет // Архивное дело. 1936. № 1 (38). С. 92.

⁵⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 37. № 28706; Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. В 2 т. Т. 1. С. 120.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 54. Д. 104. Л. 1.

⁵⁸ Прутченко С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 2. С. 83.

Таким образом, реформа управления Сибири должна была решить две задачи: обеспечения принципа законности в деятельности местной администрации и учёт особенностей Сибири в организации местного управления. Опервой задаче Г. С. Батеньков, сопровождавший М. М. Сперанского в Сибири в 1819–1821 гг. и управлявший делами Сибирского комитета в 1821–1822 гг., писал: М. М. Сперанский желал «дать самодержавному правлению логическое, прочное, мирное юридическое устройство и, сколько возможно, облегчить и оградить его действие, требующее свышечеловеческих сил»⁵⁹. Указывал он и на вторую задачу: «...законодательство наше отрицает или, по крайней мере, не признает ни истории, ни этнографии, ни климатологии и не ищет никаких данных в основание, боясь стесниться и ограничиться или определиться»⁶⁰.

Рис. 1.9. Джордж Доу и мастерская.
Портрет А. А. Аракчеева, 1824 г.
(Источник: фонды Эрмитажа)

Главным итогом работы Комитета стала разработка проектов 10 законодательных актов, известных под общим названием «Сибирского учреждения». Высочайшее утверждение этих проектов состоялось 22 июля 1822 г. В состав «Сибирского учреждения» вошли «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав о городских казаках», «Устав об управлении инородцев», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав об этапах», «Устав о ссыльных», «Устав о сухопутных сообщениях», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами»⁶¹.

Вплоть до Великих реформ Александра II администрация и суд в Сибири были организованы и действовали в соответствии с «Сибирским уложением». Однако сам М. М. Сперанский считал, что «Сибирское учреждение» требует дальнейшего совершенствования. В письме своему преемнику на должности генерал-губернатора Западной Сибири П. М. Капцевичу он писал: «Общая черта всех сих учреждений есть та, чтоб вводить новый порядок постепенно и по мере местных способов, не разрушая старого. Все они представляют более план к постепенному образованию сибирского управления, нежели внезапную перемену»⁶².

После проведения реформы М. М. Сперанского губернским властям была предоставлена существенная автономия. Однако Первый Сибирский комитет в 1822 г. не был распущен, ему было поручено руководство проведением реформы. Под председательством А. А. Аракчеева (1823–1826) и А. Н. Голицына (1828–1838) он продолжал действовать до 1838 г., сосредоточив

⁵⁹ Записки Г. С. Батенькова // Русский архив. 1881. № 2. С. 266.

⁶⁰ Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 393.

⁶¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29124–29134; Кодан С. В. М. М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX — начала XX в. Иркутск, 1988. С. 114–123.

⁶² См.: Сперанский М. М. Юридические произведения. М., 2008. С. 194–195.

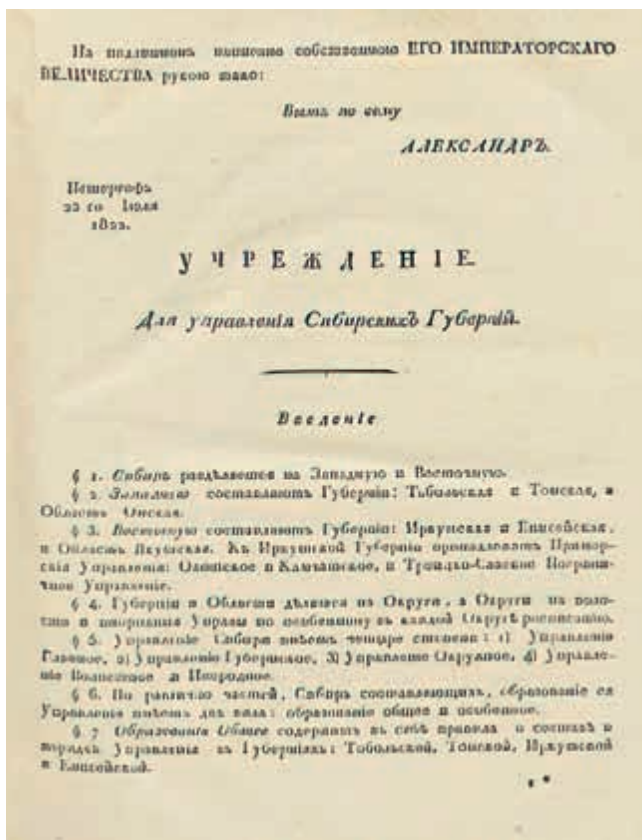

Рис. 1.10. Учреждение для управления Сибирских губерний.
Начальная страница

в своем ведении все дела управления Сибирью⁶³. После закрытия Первого Сибирского комитета вопросы управления Сибирью сосредоточились в ведении генерал-губернаторов, находившихся в непосредственной связи с Государственным советом и Комитетом министров.

В результате проведения реформы М. М. Сперанского в Сибири, с одной стороны, оформилась ведомственная (линейная) структура управления, в рамках которой государственные органы и должностные лица были распределены по соответствующим министерствам и ведомствам. С другой стороны, реформа исходила из необходимости разработки и внедрения особой модели управления, которая бы учитывала специфику Сибири. В современной историографии это сочетание общеимперских и регионалистских начал в реформе М. М. Сперанского получило название «принципа имперского регионализма»⁶⁴.

На основании «Учреждения для управления сибирских губерний»⁶⁵ в Сибири выделялось четыре уровня управления: Главное управление под председательством генерал-губернатора, губернское управление, окружное управление, волостное и инокородное управление.

Было создано два генерал-губернаторства — Западно-Сибирское с центром в г. Тобольске (с 1839 г. — в г. Омске) и Восточно-Сибирское с центром в г. Иркутске.

Генерал-губернаторство возглавлялось Главным управлением под председательством генерал-губернатора, губерния — Губернским управлением под председательством гражданского губернатора. В целях гарантий законности и ограничения «личного начала» при Главном управлении и Губернском управлении создавались совещательные присутствия, в которые входили представители от министерств, председатели губернских мест, прокурор и другие «особенные начальники». Главные управления позволяли вписать институт генерал-губернаторов в общую министерскую систему. Они должны были осуществлять связь с высшими

⁶³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 5. Л. 10, 25, 58 об. — 59 об., 76–76 об.

⁶⁴ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Ремнев А. В., Перцева Т. А. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003; Авдеева О. А. Сибирь в государственно-правовой системе России (вторая половина XVI — начало XX вв.): Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008 и др.

⁶⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29125. С. 345–394.

Рис. 1.11. г. Тобольск (Источник: «Народы России. Живописный альбом», СПб., 1877 г.)

и центральными государственными учреждениями и являться как бы частью «министерского установления, действующего на месте, и, следовательно, в одинаковом с министерствами отношениями» к Сенату⁶⁶.

При проведении в Сибири реформы М. М. Сперанского неопределенность в статусе прокуратуры сохранилась. За генерал-губернатором было закреплено право отбора кадров для гражданской службы, включая представление министру юстиции кандидатов на замещение губернских и областных прокурорских должностей. До 1840-х гг. при назначении прокуроров и стряпчих от них не требовалось обладания юридическим образованием⁶⁷.

Окружные стряпчие остались в непосредственном подчинении прокурора. Прокуроры и стряпчие надзирали «за правильностью производства» в административных и судебных органах, охраняли «установленные законами обряды». Тем не менее, прокуратура играла важную роль в местном управлении. Губернский прокурор входил в губернский совет наряду с губернатором, председателем казённой палаты и председателем губернского суда⁶⁸.

Таким образом, для ограничения личного произвола в управлении на основе «Учреждения для управления сибирских губерний» 1822 г. при территориальных чиновниках создавались коллегиальные совещательные органы, задачей которых была корректировка действий единоличной власти. С одной стороны, генерал-губернаторы, губернаторы, окружные начальники сохраняли всю полноту власти, но с другой, эта власть основывалась на принци-

⁶⁶ Записки Г. С. Батенькова // Русский архив. 1881. № 2. С. 270.

⁶⁷ Селиванов Н. Прокуратура за двадцать пять лет // Журнал гражданского и уголовного права. 1889. № 9. С. 2.

⁶⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29125.

пах законности, разделения и единства власти, создания противовесов единоличной власти на всех уровнях управления.

Согласно «Учреждению для управления сибирских губерний» 1822 г. губернии делились на округа. В зависимости от количества населения окружные управления делились на три категории — «многолюдные, средние и малолюдные». Лишь в многолюдных округах предусматривался полный набор государственных органов. В них в 1824 г. учреждалось общее окружное управление, подчиненное окружному начальнику, окружной и земский суды, казначейство. Кроме того, во всех округах, как «больших», так и «средних» и «малолюдных», создавалось частное окружное управление, в которое входили окружной и земский суды, казначейство.

Берёзовский округ вошел в состав Тобольской губернии. При проведении реформы М. М. Сперанского вновь был поставлен вопрос о его «малолюдности». В 1830 г. тобольский гражданский губернатор писал о состоянии администрации Берёзовского округа: «Обозрев край Берёзовский, нахожу круг настоящего его управления слишком обширным, не сообразенным ни с количеством населения, ни с нравами населяющих. Ибо не взирая на то, что жителей только 11354 души платящих подать, в числе которых 10741 инородцев... там те же присутственные места, какия в Тобольске... На что (в Берёзове — М. А.) имеют заседателя для преследования кормчества, когда не было еще примера недозволенного винокурения? На что соляной пристав, стоящий казне ежегодно 800 руб., когда годовая продажа 1828 года заключалась в 309 пудах 35 фунтах на сумму 495 руб. 80 коп. и из взятых в сложности десяти прошедших лет не превышала 1280 пудов в каждый»⁶⁹.

В «малолюдном» Берёзовском округе в 1824 г. было создано частное окружное управление, в состав которого входили земский суд, окружной суд и казначейство, осуществлявшие функции в сфере полиции, правосудия, надзора и хозяйства⁷⁰.

В 1855 г. в Берёзове было создано Военно-окружное (общее окружное) управление во главе с окружным начальником⁷¹. Первым окружным начальником Берёзовского округа стал майор Г. А. Колпаковский, вторым и последним — полковник П. И. Гинц. Членами управления являлись городничий, судья окружного суда, земский исправник, стряпчий и два казначея (один — в г. Берёзове, второй — в г. Сургуте). Канцелярию управления возглавлял секретарь (в 1860 г. им был губернский секретарь А. П. Львов)⁷².

Административными и полицейскими делами г. Берёзова ведал городничий, в подчинении у которого находился квартальный надзиратель (впоследствии их стало два). В 1860 г. должность городничего занимал коллежский асессор А. Х. Франц, в подчинении у которого находились квартальные надзиратели — губернский секретарь К. М. Вавилов и коллежский регистратор А. А. Бирюков. Канцелярскими делами заведовал письмоводитель коллежский секретарь Г. Т. Тихонравов⁷³.

⁶⁹ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 152. Д. 495. Л. 34–35 об.

⁷⁰ Абрамов Н. Описание Берёзовского края // Записки РГО. СПб., 1857. Кн. XII. С. 385; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 523–526 об.

⁷¹ Абрамов Н. Описание Берёзовского края // Записки РГО. СПб., 1857. Кн. XII. С. 385.

⁷² Адрес-календарь // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 76; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учебник для старших классов / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2000. С. 271.

⁷³ Адрес-календарь // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 76.

Рис. 1.12. г. Берёзов (Источник: «Народы России. Живописный альбом», СПб., 1877 г.)

Административными и полицейскими делами в Берёзовском округе продолжал ведать земский суд в составе исправника и заседателей. В 1826 г. должность берёзовского капитан-исправника занимал Лебедев⁷⁴. В 1860 г. должность земского исправника занимал надворный советник П. Н. Михалев, при нём неизменным заседателем был титулярный советник П. А. Волков. Канцелярией нижнего земского суда ведал секретарь в чине коллежского регистратора Г. М. Буторин и столоначальники — губернский секретарь И. И. Решиков, И. В. Усков, Т. П. Оболтин. Журналы суда вел Ф. М. Буторин⁷⁵.

Согласно «Учреждению для управления Сибирских губерний» бывшие комиссарства были переименованы в отделения, начальники которых назывались отдельными заседателями и входили в состав земского суда⁷⁶. Той частью Югорской земли, которая относилась к Тобольскому округу, ведал заседатель Деньщиковского отделения, частью, входившей в состав Туринского округа — заседатель Пельмского отделения.

В Берёзовском округе бывшие комиссарства были переименованы в Кондинское (названное Кондийским), Обдорское и Сургутское отделения. В 1860 г. Кондинскими участковыми заседателями были коллежские секретари К. А. Рымвид-Мицкевич и П. Ф. Серебренников, Обдорским — губернский секретарь Н. Д. Подашевский, Сургутским — титулярный советник В. И. Павлов. Кроме того, в состав нижнего земского суда входил корчемный заседатель титулярный советник П. Н. Кашпирев⁷⁷.

⁷⁴ С. 104.

⁷⁵ Адрес-календарь // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 77.

⁷⁶ Учреждение для управления Сибирских губерний. СПб., 1822. С. 17, 55;

⁷⁷ Адрес-календарь // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 77.

Рис. 1.13. Форменная пуговица чиновников
Тобольской губернии, 1830-е гг.

В административные полномочия полиции входили дела «общественного благоустройства»: обнародование законов, контроль за соблюдением паспортного режима, охрана безопасности населения, учёт жителей, предотвращение пожаров и наводнений, охрана «добронравия», включая контроль за ценами, продовольственным снабжением городов, санитарный надзор, контроль за уплатой податей, обязанность следить за сохранностью дорог, мостов и пр. Полиция осуществляла надзор за проведением рекрутских наборов. Судебные функции городской и земской полиций состояли в «преследовании всякого рода преступлений», «производстве следствий и взятие под стражу обвиняемых установленным законами порядком», «предании их суду»⁷⁸.

Финансами Берёзовского округа ведало казначейство, в состав которого входили казначей, смотритель питейного сбора и соляной пристав. В 1860 г. должность окружного казначея занимал коллежский секретарь И. С. Муллов, обязанности бухгалтера исполнял губернский

секретарь М. И. Лыткин⁷⁹. При казначействе состояли соляные и винные приставы. В 1860 г. должность соляного пристава в Сургуте занимал коллежский секретарь И. С. Рачинский, винного пристава в Берёзове — титулярный советник Г. Ф. Тиханов, сургутского дистанционного — титулярный советник К. И. Краузе, кондинского дистанционного — В. П. Козлов⁸⁰.

В «Учреждении для управления сибирских губерний» 1822 г. провозглашался принцип ограничения «судебных мест от давления местной администрации». Однако закреплялась модель, в которой суды в условиях смешения властей тесно взаимодействовали с администрацией и ей подчинялись. Генерал-губернаторы получили право и обязывались в порядке управления во всех ведомствах побуждать чиновников к скорейшему разрешению дел, определять и увольнять служащих, проводить ревизии государственных органов. Гражданским губернаторам предписывалось пересматривать уголовные дела и обозревать (ревизовать) губернские присутственные места⁸¹.

В сибирских губерниях создавалась двухступенная система органов общей подсудности в виде Окружного суда, замещаемого гражданским губернатором в составе судьи и выборных от сословий заседателей, и Губернского суда в лице председателя и четырех советников, «определяемых по должности» Правительствующим Сенатом. Реформа 1822 г. сохранила письменный негласный, обвинительный процесс, основанный на формальных доказательствах⁸².

⁷⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29125. Ст. 79, 112.

⁷⁹ Адрес-календарь // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 78.

⁸⁰ Там же. С. 80.

⁸¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29125. Ст. 19, 33.

⁸² ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29125.

В Берёзовском округе был создан Окружной суд в составе окружного судьи и заседателей. Городового суда, выступавшего в качестве первой инстанции по делам купцов и мещан, в Берёзове как в «малолюдном» городе создано не было. Дела купцов и мещан производились в окружном суде.

В 40-х — 50-х гг. XIX в. в Берёзовском окружном суде служили чиновники без юридического образования. С 1848 г. должность судьи занимал коллежский секретарь П. А. Картавец, ранее служивший в Курской палате гражданского суда, Министерстве государственных имуществ, участвовавший в ревизии Херсонской и Курской губерниях. Должность заседателей занимали губернский секретарь П. В. Анненков и титулярный советник И. И. Пушкарёв. П. В. Анненков ранее служил в канцелярии окружного суда, губернского правления, Берёзовского полицейского управления. И. И. Пушкарёв ранее служил канцеляристом нижнего земского суда, общего окружного управления, заседателем Омского и Тарского окружных судов. Заседатель П. Н. Михалев до назначения в Берёзовский окружной суд работал с 1842 г. учителем истории и географии в уездных училищах⁸³.

В 1860 г. обязанности окружного судьи исполнял титулярный советник П. К. Реймерс, заседателями суда были титулярный советник А. Г. Кожевников и губернский секретарь А. И. Арзамасов. Канцелярией суда заведовали секретарь И. М. Поленов и столоначальник губернский секретарь Н. М. Кузнецов. Функции прокурорского надзора и поддержания обвинения в суде осуществлял окружной стряпчий коллежский регистратор А. М. Топорков⁸⁴.

Реформа М. М. Сперанского не решила всех проблем государственной администрации в Сибири в целом и в Берёзовском округе в частности. Оклады жалования чиновникам Российской империи были установлены ещё в 80-х гг. XVIII в. и в первой половине XIX в. не повышались. Городничий в Сибири получал 429 руб. в год, частный пристав — 228 руб., квартальный надзиратель — в среднем 143 руб., частный пристав — 228 руб.⁸⁵ Между тем, падение курса рубля и рост цен вели к возрастанию стоимости проживания в крае. Таким образом, небольшие оклады денежного жалования не могли обеспечить даже пропитания чиновникам и членам их семейств.

В 1831 г. Берёзовский земский суд просил губернское правление об увеличении жалования его канцелярским служителям, т.к. «на необходимо нужная для пищи человеческой припасы нет возможности одинокому канцелярскому служителю содержать себя получаемым годовым жалованьем, не говоря уже о семейных и тоже об одежде, приличной званию...»⁸⁶. Просьба суда осталась без ответа.

Недостаток средств сказался и на размещении государственных органов. Согласно запискам Ф. И. Белявского, посетившего Берёзов в конце 1820-х гг., в городе было шесть казённых деревянных домов. В одном размещалось «городническое правление с кордигардиею,

⁸³ Воропанов В. А. Состав коллегий окружных судов в Тобольской и Томской губерниях во второй четверти XIX в.: итоги развития «региональной» группы дореформенной судебной бюрократии // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 124, 125, 127.

⁸⁴ Адрес-календарь // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 77–78.

⁸⁵ Коновалов И. А. Сибирская полицейская бюрократия в государственном аппарате абсолютизма в первой половине XIX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2017. Vol. 16. № 3. С. 403.

⁸⁶ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 152. Д. 501. Л. 2–6.

Рис. 1.14. Полицейская форма 1853–1855 гг.

служащую вместо острога», во втором — окружной и земский суды, окружное казначейство, в третьем — уездное училище, в остальных — «соляной магазейн», «городовой хлебнозапасный и провиантский казначьи магазейны», денежная кладовая и пороховой погреб⁸⁷.

Условия материального обеспечения чиновников были одной из причин «безпечного» отношения их к службе. В сибирской прессе констатировалось, что в коронных администрации и суде служили лица «плохо подготовленные, подчас малоразвитые, с эластической нравственностью, допускавшей их делать вопиющие злоупотребления»⁸⁸. К сходным оценкам приходили должностные лица губернской администрации. В 1833 г. А. Н. Муравьев докладывал А. Х. Бенкендорфу: «Большей частью земские заседатели никуда не годились, а служили только к обременению уездов»⁸⁹.

В 1820-х гг. заседатель Берёзовского окружного суда коллежский асессор Н. Г. Маламахов, ветеран русско-турецкой войны, бывший городничий, штрафовался четыре раза: за нанесение побоев дворовому человеку, «истязания» (причинение вреда здо-

ровья) подозреваемой, причинение физического или морального вреда крестьянам при осуществлении предварительного расследования по делу о корчемстве, а также с иными чиновниками за разрешение незаконной торговли в округе⁹⁰. На обдорского заседателя Рещикова поступали многочисленные жалобы «в различных притеснениях, пьянстве и буйственных насилиях», в вымогательстве пушнины у аборигенов⁹¹.

Низшие служители, канцеляристы, следуя примеру непосредственного начальства, оставались «безпечными» к своим обязанностям. Берёзовский земский начальник в 1850 г. сообщал в губернское правление о своих подчиненных: «...Из числа наличных чиновников секретарь Кудрявцев по многим неприличным поступкам придан следствиям... Чиновник этот... по службе остается безпечным к обязанности своей, да и не предвидится, чтобы Ку-

⁸⁷ Белявский Ф. И. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 25.

⁸⁸ Сибирь. 1876, 21 марта.

⁸⁹ Переписка А. Н. Муравьева // Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень, 2000. С. 317.

⁹⁰ Воропанов В. А. Состав коллегий уездных и окружных судов в Тобольской и Томской губерниях в первой четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 75.

⁹¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 291. Л. 27 об.

дьявцев был благонадежным при своей должности. Столоначальник Погребцов с некоторого времени не занимается совершенно делами... Регистратор Клепиков состоит под следствием»⁹².

В начале 1830-х гг. тобольский гражданский губернатор представил проект преобразования Берёзовским уездом на рассмотрение генерал-губернатору Западной Сибири. В проекте говорилось: «Чтоб удалить от служащих там (в Берёзовском уезде — М. А.) праздность, мать пороков; увеличить оклады жалования их, не отягощая государственное казначейство и вознаградить тем невыгоду жизни в жестком климате... необходимо соединить часть полицейскую с судною в одном окружном суде, возложив обязанности городничего и исправника на судью»⁹³. Согласно проекту окружной суд должен был состоять из судьи и шести заседателей (одного — старшего, двух — рядовых и трех — в отделениях уезда), а на место соляного пристава определялся казак, что вменялось ему «в очередную службу, как делается при употреблении их при запасных магазейнах»⁹⁴.

Реформа М. М. Сперанского привела к развитию государственных учреждений Югры. В начале XIX вв. в связи с развитием подрядной системы содержания почты, увеличением объемов пассажирских и почтовых перевозок, ямщики перестали справляться с возложенными на них обязанностями. Невозможность выполнять гоньбу в достаточной мере ямщиками поставила вопрос о решении транспортной проблемы для всей Сибири в целом. В ходе ревизии М. М. Сперанского его сотрудником Г. С. Батеньковым была составлена «Записка о ямщиках в Сибири состоящих», в которой раскрывалась история сибирской ямской гоньбы и предлагался проект её реформирования⁹⁵.

После обсуждения «Записки о ямщиках» в Первом Сибирском комитете появился именной указ «О преобразовании сибирских губерний по новому учреждению» от 22 июля 1822 г., в котором, в частности, предписывалось производить платежи за перевозку почты и эстафет в губерниях Сибири наравне с другими внутренними губерниями из общих почтовых доходов и освободить ямщиков Тобольской губернии от почтовых повинностей, включив их в сословие государственных крестьян (при этом они должны были нести равные с ними подати и повинности)⁹⁶.

Рис. 1.15. Генрих Дитлер Митрейтер. Ямщик Войтурин. Бумага, литография. 1840-е гг. (Источник: фонды Государственного музея-усадьбы Остафьево)

⁹² ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 437. Л. 6–7.

⁹³ Там же. Оп. 152. Д. 495. Л. 36–36 об.

⁹⁴ Там же. Оп. 152. Д. 495. Л. 36–36 об.

⁹⁵ Катионов О. Н. К вопросу об авторстве «Записки о ямщиках в Сибири состоящих» // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 2 (3), ч. 1. С. 20–25.

⁹⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38, ч. 1. № 29124.

Рис. 1.16. Ямщицкий колокольчик
(Источник: фонды Берёзовского районного
краеведческого музея)

Именным указом от 22 октября 1830 г. почтовым делом вместо Главного правления стал ведасть Почтовый департамент. Губернские почтамты были упразднены, а на их основе созданы губернские почтовые конторы в губернских городах. Почтовые учреждения России были распределены между 11 округами во главе с почт-инспекторами.

После реформы 1830 г. Тобольск, где ранее находился Сибирский почтамт, стал центром XI почтового округа, в рамках которого объединялась деятельность окружных почтовых контор. На нижних ступенях этой лестницы стояли стационарные смотрители с 14 чином Табели о рангах и окладом 300–400 руб. в год. Появились новые должности: контролеры, ревизоры, сортировщики, приемщики, разборщики, письмоводители, присяжные⁹⁷. В Берёзовском округе действовала почтовая контора. В 1860 г. должность почтмейстера занимал коллежский секретарь Ф. И. Иванов, его помощником был титулярный советник И. И. Вяхирев⁹⁸.

В состав уездной администрации входили окружные землемеры. В 1860 г. должность старшего землемера занимал коллежский регистратор А. Ф. Девятков, младшего — А. Н. Ильинский⁹⁹.

Во второй четверти XIX в. среди аборигенов Югры продолжалась эпидемия сифилиса, в этих условиях в Берёзовском округе началась организация постоянной системы казённого здравоохранения. Для борьбы с эпидемией в 1835 г. за казённый счет была учреждена больница в г. Берёзове¹⁰⁰. В 1860 г. объездным врачом в округе был титулярный советник И. И. Юрцевич, городским — отставной титулярный советник Мечев, повивальной бабкой — Е. Д. Дмитриева¹⁰¹.

В 1820-е — 1850-е гг. продолжилось развитие Берёзовского уездного училища, которое осталось в ведении Министерства народного просвещения. В 1842 г. в училище был открыт третий класс. Заведование образовательными учреждениями Берёзовского округа находилось в ведении штатного смотрителя. Значительный вклад в развитие народного образования в Берёзовском округе внес известный просветитель, краевед, педагог Н. А. Абрамов, занимавший в 1842–1849 гг. должность штатного смотрителя Берёзовского уездного училища.

В 1845 г. в училище преподавали Д. Я. Русаков, выпускник Тобольского уездного училища; К. А. Мамин, выпускник Тобольской гимназии; А. И. Лабунский, уроженец Могилевской губернии, выпускник Бобруйского пятиклассного уездного училища, произведенный в 1825 г.

⁹⁷ Базилевич К. В. Почта в России в XIX веке. М., 1927. С. 15.

⁹⁸ Адрес-календарь // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 79.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. Т. I. С. 137.

¹⁰¹ Адрес-календарь // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 79.

в дворянское звание; берёзовский казак, дослужившийся до урядника М. Е. Ямзин, выпускник Берёзовского уездного училища. Должность законоучителя на протяжении нескольких десятилетий занимал протоиерей И. М. Заборовский.

Число учеников Берёзовского училища составляло от 35 (в 1826 г.) до 97 (в 1846 г.). Благодаря берёзовскому мещанину М. М. Панаеву с 1843 г. при училище было создано «частное воспитательное заведение для инородческих детей». Первоначально в «воспитательном заведении» состояло 8 остяков и 2 самоеда. 4 июня 1846 г. М. М. Панаев был награжден серебряной медалью на Анненской ленте с надписью «за усердие» за выделение средств и организацию содержания инородческих детей в Берёзовском уездном училище¹⁰².

21 апреля 1849 г. с разрешения Тобольской дирекции народных училищ была открыта «школа для девиц» в г. Берёзове, размещённая в доме учительницы. На 1849/50 учебный год в школе состояло 11 учениц, на 1850/51 г. — 8, на 1852/53 г. — 8. Девочки обучались чтению, письму, начаткам христианского учения, основам арифметики и грамматики, рукоделию. Однако это небольшое учебное заведение просуществовало не очень долго¹⁰³.

Подведем итоги. Реформа М. М. Сперанского преследовала цели обеспечения законности в деятельности местной администрации и учета специфики Сибири, которые решались путем рационализации взаимосвязей центрального и местного управления, а также создания особых сибирских уставов и положений, ограничивавших личный произвол в управлении. Сам Сперанский разъяснял: «Учреждения для Управления Сибирских губерний и Уставы не суть проекты, составленные для улучшения настоящего порядка. Они суть необходимые разрешения на такие затруднения, кои давно и многократно в Сибири были замечены, и без отвращения коих управление сего края обойтись не может»¹⁰⁴.

Реформа государственного управления в Сибири, проведенная М. М. Сперанским, надолго определила основные принципы административно-территориального устройства и организации управления Сибирью. 20 мая 1831 г. было подтверждено, что никакой новый закон не распространяется на Сибирь, если в нём об этом специально не указано. Однако основная цель реформы — установить законность в местном управлении — оказалась в целом не достигнута. В частности, это было связано с сохранением подчиненного положения суда по отношению к органам государственного управления, слабостью механизма обратных связей между населением региона и государственной администрацией.

3. Управление Югрой в эпоху Великих реформ 1860-х гг. и контрреформ

Правоприменительная деятельность коронной администрации и суда в Сибири в 1820-х — 1850-х гг. свидетельствовала, что основная цель реформ М. М. Сперанского — «преобразить личную власть в установление» — не была решена. После проведения реформы 1822 г. и до середины столетия в Западной Сибири были проведены только две сенатские ревизии: в 1827 г.

¹⁰² Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 32-35.

¹⁰³ Там же. С. 48.

¹⁰⁴ ОР РНБ. Ф. 731. № 490. Л. 1.

Рис. 1.17. Анненков Н. Н. (1799–1865), военный и государственный деятель

сенаторами Б. А. Куракиным и В. К. Безродным; в 1851 г. — Н. Н. Анненковым.

Наиболее масштабной стала ревизия военного и гражданского ведомства Западной Сибири генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова, проведенная по поручению Николая I¹⁰⁵. Результаты ревизии он изложил в ряде записок, в которых констатировал, что система управления Сибири не отвечала требованиям середины XIX в. Н. Н. Анненков констатировал, что «главное местное начальство вынуждено и ныне действовать столь же снисходительно, и часто допускать и терпеть на службе людей малоспособных и ненадежных»¹⁰⁶.

На основе предложений Н. Н. Анненкова председатель Комитета министров князь А. И. Чернышев подготовил доклад, в котором признал, что меры, предложенные ревизором, являются настолько важными, что их необходимо рассматривать в особом учреждении. В результате, именным указом от 17 апреля 1852 г. был создан Второй Сибирский комитет, задачей которого стало «водворе-

ние в Сибири прочного устройства», соответствующего «местным и политическим обстоятельствам... края». Став высшим органом империи по управлению Сибирью, Комитет должен был придать «единство и быстроту» имперской политике управления краем, особенно «в порядке законодательном и исполнительном».

Председателем Второго Сибирского комитета был сначала назначен князь А. И. Чернышев, затем — председатель Комитета министров П. П. Гагарин и, наконец, председатель департамента законов Государственного совета Д. Н. Блудов. В разные годы в состав комитета входили министр внутренних дел П. А. Валуев, министр императорского двора и уделов В. Ф. Адлерберг, министр государственных имуществ А. А. Зеленый, министр иностранных дел А. М. Горчаков, министры юстиции Д. Н. Замятин и В. Н. Панин, член Государственного совета Н. Н. Анненков, начальник III отделения В. А. Долгоруков¹⁰⁷.

В начальный период деятельности Второго Сибирского комитета в центре внимания его членов были материалы ревизии Западной Сибири генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова. В последующем на заседаниях Комитета обсуждался широкий круг вопросов об изменениях в административно-территориальном делении Сибири, о составлении новых штатов и должностных инструкций для сибирских чиновников. Остро были поставлены проблемы нехватки «благонравных» и «способных» чиновников; отсутствия высших учебных заведе-

¹⁰⁵ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 191.

¹⁰⁶ Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. // Прутенко С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. Приложения. С. 351.

¹⁰⁷ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 191.

ний, где можно было бы готовить квалифицированные кадры и др. В частности, на заседаниях Комитета были поставлены вопросы об открытии в Сибири особого учебного округа и создании университета¹⁰⁸.

23 октября 1856 г. Второй Сибирский комитет принял решение о составлении проектов наказов для всех органов государственной власти и местного самоуправления. Но при его обсуждении в 1856–1862 гг. члены Комитета пришли к заключению, что для совершенствования управления Сибирью уже не нужна разработка нового регионального законодательства. Дело в том, что с середины XIX в. территориальное дробление Сибири усилилось, и в результате название «Сибирь» постепенно исчезает с административной карты империи. Известный русский правовед Н. М. Коркунов утверждал, что «и самое слово Сибирь не имеет уже более значения определенного административного термина»¹⁰⁹. В обращение постепенно вводится понятие «Азиатская Россия»¹¹⁰.

Единственный вопрос, на обсуждение которого во Втором Сибирском комитете достаточно быстро откликнулась верховная власть, был вопрос о недостаточном денежном содержании сибирской администрации. Дело в том, что в середине XIX в. продолжали действовать штаты сибирских органов государственной власти 1837 г., по которым оклады жалования чиновникам были крайне недостаточными. 6 декабря 1856 г. был принят закон «О некоторых изменениях по управлению в Восточной и Западной Сибири», который увеличивал жалование должностных лиц¹¹¹. Однако жалование сибирских чиновников оставалось «мизерным» из-за растущей инфляции¹¹².

31 декабря 1864 г. в связи с началом Великих реформ Александра II деятельность Второго Сибирского комитета была прекращена. Великие реформы Александра II стали рубежной вехой в истории Российской империи. Наиболее значительной из них стала отмена крепостного права в 1861 г. Манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля 1861 г. прямо не касался большинства населения Сибири в связи с тем, что в крае отсутствовало помещичье землевладение, а число крепостных и дворовых было незначительным. Условия их освобождения были определены «Дополнительными правилами о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости в Сибири». В 1866 г. в ходе проведения реформы за государственными крестьянами была сохранена вся земля, которой они пользовались до реформы.

Отмена крепостного права стала объективной предпосылкой для развития тенденции к установлению единых подходов к управлению центральными и сибирскими губерниями. Но, во-первых, земская реформа 1864 г. не была проведена в Сибири, т.к. согласно «Положению о губернских и земских учреждениях» от 1 января 1864 г., в земских учреждениях

¹⁰⁸ Волчек В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006.

¹⁰⁹ Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1909. Т. II. С. 480.

¹¹⁰ Ремнев А. В. Административное единство Сибири в исторической ретроспективе (XIX век) // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX века): Бахрушинские чтения 1997. Новосибирск, 1999. С. 99–115.

¹¹¹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 31. № 31222.

¹¹² Сибирская газета. 1882. 28 нояб.

Рис. 1.18. Генеральная карта Азиатской России или Сибири и Российских Северо-Американских владений. 1859 г.

Рис. 1.19. Городовой. Цветная открытка

должно было быть обеспечено преобладание дворянства¹¹³. Во-вторых, проведение коренных реформ в центральной России потребовало сосредоточения больших финансовых средств, что затруднило проведение преобразований в губерниях Сибири. В частности, отказ от проведения земской реформы привел к тому, что судебная реформа 1864 г. в Сибири была реализована в трансформированном виде только в 1896 г.

Остальные реформы в Сибири были проведены одновременно с центральной Россией. В полном объеме в Сибири была проведена реформа городского самоуправления на основе «Городового положения» от 16 июля 1870 г. Военная реформа привела, прежде всего, к созданию в 1865 г. Западно- и Восточно-Сибирских военных округов. В соответствии с «Уставом о воинской повинности» от 1 января 1874 г. рекрутская повинность в Сибири была заменена всеобщей воинской повинностью. Наконец, в Сибири были реализованы реформы среднего и высшего образования 1863 и 1871 гг., в результате которых был создан Томский учебный округ и в 1888 г. открыт Томский университет. Цензурная реформа 1865 г. привела к появлению сибирской прессы.

В условиях Великих реформ Александра II в высших и центральных органах власти стала все большую силу набирать позиция, согласно которой управление Сибири должно быть унифицировано с общеимперским, стать подобным местному управлению и самоуправлению в европейских губерниях России. В 1882 г. было ликвидировано генерал-губернаторство Западной Сибири, после чего Тобольская и Томская губернии подлежали «общему порядку высшего управления»¹¹⁴.

В 1860-е гг. в структуре органов управления Югры произошли заметные изменения. Вызваны они были как реализацией на территории Сибири Великих реформ Александра II, так и процессами роста населения и социально-экономического развития Югры. В 1867 г. Сургутское отделение было преобразовано в самостоятельный Сургутский округ. Сургут выво-дился «из-за штата» и становится окружным центром.

В 1862 г. на основе «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний по Общему Учреждению управляемых» в России началась полицейская реформа. В Сибири

¹¹³ Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 14.

¹¹⁴ ПСЗ. Собр. 3. Т. 2. № 886.

полицейская реформа начала проводиться в 1867 г. на основании Мнения Государственного совета «О преобразовании полиции в Сибири» 1867 г.¹¹⁵ Согласно этому акту, в сибирских округах края сельские и городские полицейские органы объединялись в окружные полицейские управления во главе с окружными исправниками. Должности окружных начальников, земские суды и городские полицейские управы упразднялись. Наряду с «Учреждениями для управления сибирских губерний» 1822 г. деятельность полицейских окружных управлений регламентировалась «Уставом предупреждения и пресечения преступлений» по Своду законов Российской империи 1832 г.¹¹⁶ После ряда редакций 1842, 1857 и 1876 гг. Устав действовал до революции 1917 г.

В «Общем учреждении губернском» устанавливалось, что обязанности окружной полиции состояли как в наблюдении за исполнением, так и в исполнении законов и правительственных постановлений, а также в принятии мер для пресечения и предупреждения беспорядков¹¹⁷. Окружная полиция была обязана следить за подчинением населения властям и охраной общественного спокойствия, предупреждая «нарушения установленного законом порядка и гражданского долга»; следить за тем, чтобы нигде не создавалось противозаконных сообществ (ст. 723–727); предупреждать, пресекать и раскрывать преступления, оказывать защиту каждому «против обид личных» и «насилий всякого рода» (ст. 728, 729, 732, 733, 745, 751 и 755); наблюдать, чтобы в округе «не шатались нищие», иметь особое попечение о «сохранении народного здоровья» (ст. 730, 731 и 734); следить за застройкой и пожарной безопасностью в населенных пунктах (ст. 735, 736); взыскивать недоимки по общественным и казённым сборам (ст. 747, 748, 754, 756 и 757).

В 1867 г. в Берёзове и Сургуте ликвидировалось общее окружное управление, земский суд и должность городничего. В Берёзовском округе должность исправника занимали: в 1870–1874 гг. — надворный советник А. И. Андропов; 1874–1879 гг. — коллежский асессор Н. В. Попов; в 1880–1883 гг. — губернский секретарь Т. М. Попов; в 1883–1888 гг. — коллежский секре-

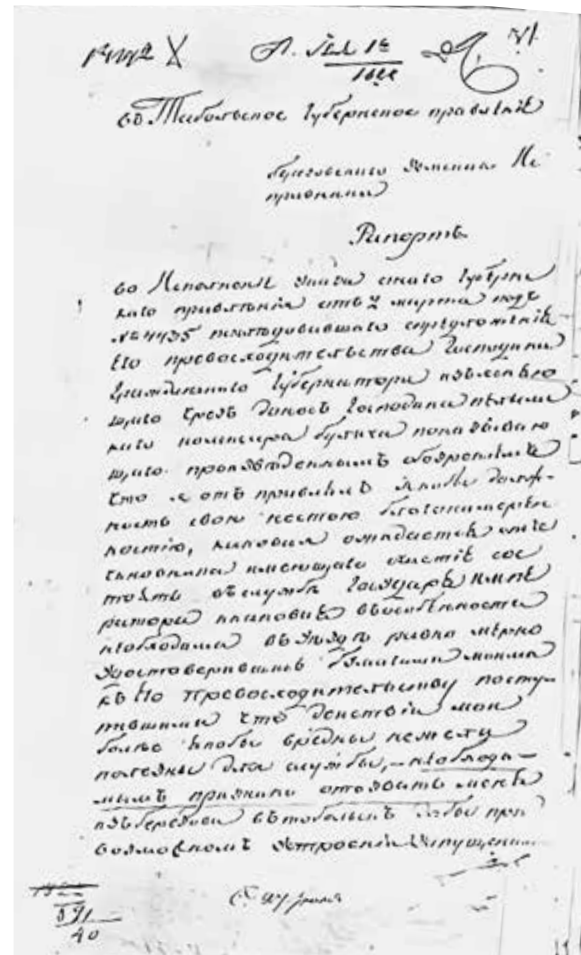

Рис. 1.20. Рапорт Берёзовского земского исправника. 1882 г.
(Источник: Государственный архив в г. Тобольске)

¹¹⁵ ПСЗ. Собр. 2. Т. 42. Ч. 1. № 44681.

¹¹⁶ Устав предупреждения и пресечения преступлений. СПб., 1876. С. 4.

¹¹⁷ Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 2. СПб., 1912.

тарь В. Н. Никитин; в 1889–1894 гг. — коллежский советник В. К. Кондратович. Должность помощника исправника занимали в эти годы коллежский секретарь Л. А. Лавровский, Д. И. Гурин, титулярный советник А. А. Пальмов, надворный советник А. А. Богословский, коллежский асессор И. В. Бирюков, титулярный советник В. П. Креков¹¹⁸.

В Сургутском округе должность исправника занимали: в 1870–1879 гг. — титулярный советник П. Ф. Боярский; в 1879–1880 гг. — коллежский асессор И. Н. Немцов, в 1881 г. — коллежский асессор А. В. Титов, в 1882–1885 гг. — титулярный советник К. А. Попов; в 1886–1889 гг. — титулярный советник А. Е. Симонов, в 1890–1893 гг. — коллежский секретарь М. Е. Вакарин, в 1894 г. — М. П. Серых. Должность помощника исправника при них занимали Д. И. Попов, коллежский секретарь Н. А. Попов, коллежский секретарь А. А. Покровский, коллежский секретарь А. Я. Покровский, надворный советник А. Д. Иноземцев, А. А. Каверзин, коллежский асессор И. В. Вахнин, надворный советник В. А. Бордзиловский¹¹⁹.

Все эти полицейские чиновники получили образование в средних учебных заведениях, за исключением П. Ф. Боярского, который имел домашнее воспитание¹²⁰. Все имели опыт государственной службы, некоторые — военной. Например, А. И. Разумовский с 1873 г. работал полицейским надзирателем г. Берёзова, после земским заседателем 3-го и 1-го участков Тюменского округа, затем в этой же должности в 4-м участке Курганского округа. В 1886 г. он получил назначение помощником тюменского исправника, в 1887 г. — сургутским исправником и в 1888 г. — туринским исправником, им прослужил более 13 лет¹²¹. Н. И. Гурьев был участником Крымской войны и награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг.¹²²

В соответствии с «Временными правилами об устройстве полиции в городах и уездах губерний по Общему Учреждению управляемых» 1862 г. сотрудникам окружной полиции полагалось следующее годовое денежное вознаграждение: надзирателю — 400 руб., помощнику пристава — 400 руб., становому приставу и полицейскому приставу — 600 руб., помощнику исправника — 1000 руб., секретарю — 400 руб., столоначальнику и регистратору — 200 руб., исправнику — 1500 руб. Должность исправника приравнивалась к седьмому классу по Табелли о рангах, а помощника исправника — к восьмому¹²³.

За годы полицейской службы полицейские чиновники Берёзова и Сургута нареканий не имели, а при выходе в отставку получали солидное вознаграждение. Например, И. Я. Трофимов ушел в отставку 17 января 1901 г. с мундиром и с пенсией 980 руб. в год. Определением

¹¹⁸ Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 7. Нижневартовск, 2012. С. 104, 107, 109; Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 58.

¹¹⁹ Там же. С. 61.

¹²⁰ ГА в г. Тобольске. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 252. Л. 94–94 об.; Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 7. Нижневартовск, 2012. С. 111.

¹²¹ Там же. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 315. Л. 18–21; Д. 286. Л. 111, 128–129; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 г. Тобольск, 1900. С. 25.

¹²² Там же. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 246. Л. 415–415 об.; Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 7. Нижневартовск, 2012. С. 113.

¹²³ Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872. С. 152.

Рис. 1.21. Перов В. Приезд станового на следствие. 1857 г.
(Источник: фонды Третьяковской галереи)

Правительствующего сената от 28 сентября 1900 г. признан в потомственном дворянском достоинстве, с правом внесения в дворянскую родословную книгу¹²⁴.

В Берёзове действовало окружное казначейство. В 1884 г. должность окружного казначея Берёзова занимал коллежский советник И. С. Рачинский¹²⁵. Кроме того, в городе Берёзове существовало акцизное управление, которое в 1884 г. возглавлял коллежский ассессор Н. И. Бушуев¹²⁶.

Судебная реформа 1864 г. стала важной вехой в становлении независимой судебной власти в России. Однако первоначально в полном объёме она проводилась лишь в центре страны. Несмотря на то, что её проведение в Сибири обсуждалось в комиссии при Министерстве юстиции под председательством В. П. Буткова в 1865–1870 гг.,¹²⁷ в Сибири она не была проведена, что, в частности, объясняется фискальными интересами казны.

В Берёзове продолжали действовать дореформенные суды. Во Втором Сибирском комитете пытались выяснить, можно ли сократить количество окружных судов в Западной Сибири. Тобольский губернский совет выступил против ликвидации какого-либо окружного суда, хоть и указал, что в Берёзовский окружной суд поступает на рассмотрение незначительное

¹²⁴ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1174. Л. 145–145 об.; Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 7. Нижневартовск, 2012. С. 114.

¹²⁵ Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 59.

¹²⁶ Там же. С. 21, 60.

¹²⁷ Чечелев С. В. Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 12.

Рис. 1.22. Лебедев К. В. Гражданское отделение дореформенного суда. 1912 г.
(Источник: Фонды Вязниковского историко-краеведческого музея)

число дел. Однако руководство Второго Сибирского комитета выступило за ликвидацию Берёзовского окружного суда, что было осуществлено в 1865 г.¹²⁸ Однако уже в 1867 г. Берёзовский окружной суд был восстановлен. В 1884 г. окружным судьей в Берёзове был коллежский советник А. П. Кириллов. Он же был председателем Сиротского суда г. Берёзова. Должность окружного стряпчего в Берёзове занимал В. П. Корелин¹²⁹.

Сохраняла актуальность проблема финансирования канцелярий судов. В 1879 г. берёзовский окружной судья обратился в Тобольский губернский совет с просьбой выделить деньги на «усиление средств канцелярии». Начальники отказали в просьбе, а судья, наверно, пожалел о своем обращении: ему лишь посоветовали «как следует исполнять свои обязанности», тогда и деньги не понадобятся¹³⁰.

Вновь к вопросу об изменениях в судебной системе Сибири верховная власть вернулась только в 1881 г., уже в эпоху контрреформ Александра III¹³¹. На основе проекта министра юстиции

¹²⁸ ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. № 42527; Крестьянников Е. А. Правосудие в Западной Сибири (XIX — начало XX в.): реформы, чиновники, учреждения: монография. Тюмень, 2018. С. 21.

¹²⁹ Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 59.

¹³⁰ ГА в г. Тобольске. Ф. 377. Оп. 1. Д. 47. Л. 191–196 об.

¹³¹ Чечелев С. В. Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Крестьянников Е. А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009; Бузмакова О. Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX в. Новосибирск, 2012.

Д. Н. Набокова 25 февраля 1885 г. были утверждены «Временные правила о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской, Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае»¹³².

«Временные правила» 1885 г. ограничивались частичными изменениями в судебной системе Сибири. Сохранялись окружные суды и губернские суды. При окружных судах для расследования наиболее тяжких преступлений учреждались должности судебных следователей (в Тобольско-Сургутском судебном округе были учреждены две такие должности). По остальным делам следствие по-прежнему продолжала осуществлять полиция. Был реорганизован прокурорский надзор. Вместо окружных стряпчих вводился институт товарищей губернского прокурора, которые осуществляли надзор за административными и судебными органами округа. В систему судопроизводства были привнесены некоторые элементы состязательного и гласного процесса. Но сохранялись положения об обвинительном процессе и формальных доказательствах.

Реорганизация судебной системы сопровождалась привлечением в Сибирь судебных деятелей из других регионов с высшим юридическим образованием. Около трети вновь назначенных приказом министра юстиции от 1 октября 1885 г. на должности судей были переведены из Европейской России и Степного края. Однако в процессе судебной реформы 1885 г. Министерство юстиции предполагало лишь «незначительно» поднять жалование чиновников судов. В результате судьи, переехавшие из Европейской России в Сибирь, стремились вернуться обратно¹³³.

При органах государственного управления действовали государственные учреждения и их должностные лица. В г. Берёзове существовало отделение попечительного комитета о тюрьмах. В 1884 г. директорами в нём были протоиерей И. Заборовский, окружной исправник коллежский секретарь Никитин, окружной судья коллежский советник Кириллов, городской врач титулярный советник Биржишко, окружной стряпчий, отставной есаул А. Батурин, титулярный советник И. Усков, надворный советник П. Меньшенин. Членами — титулярный советник А. Козлов, берёзовский купец С. Окунев, торгующий по купеческому свидетельству Ф. Равский, купец Н. Трофимов, берёзовский мещанин В. Козлов¹³⁴.

Рис. 1.23. Журавлев Ф. И. Чиновник. 1884 г.
(Источник: фонды Художественного музея Узбекистана)

¹³² ПСЗ. Собр. 3. Т. 5. № 2770.

¹³³ Арефьев Н. За пределами Европейской России. I: В Сибири // Северный вестник. 1896, № 1. С. 54.

¹³⁴ Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 60.

Рис. 1.24. Почтальон. «Привет из Томска».
Цветная открытка

Новые административные преобразования почты произошли в царствование Александра II. В 1855 г. почт-инспектора Сибирского почтового округа переименовали в его начальника. В 1860 г. Сибирский округ был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский с центрами в Томске и Иркутске. С 1867 г., после упразднения должности губернского почтмейстера, заведовать губернскими почтовыми конторами стали управляющие почтовой частью в губернии. Западно-Сибирский почтовый округ просуществовал до 1870 г. После его ликвидации взаимодействие между губернскими конторами и Почтовым департаментом стало осуществляться напрямую.

В 1855 г. в Российской империи открылась первая телеграфная линия. Появление нового вида почтовой связи привело к его административному регулированию. Именным указом от 17 декабря 1864 г. телеграфное управление было объединено с почтовым. Этот указ предусматривал передачу Телеграфного управления из Главного управления путей сообщения и публичных зданий Министерству внутренних дел России в ведение Почтового департамента¹³⁵. С 1865 г. телеграфные станции стали открывать при почтовых конторах¹³⁶. В Сибири электрический телеграф начали внедрять в конце 1850-х гг. В Тюмени телеграфная

станция была открыта в 1862 г.,¹³⁷ в Омске — в 1862 г., в Томске — в 1863 г.¹³⁸ В 1866 г. Телеграфное отделение переместилось из Екатеринбурга в Омск, в его ведении оказались телеграфные станции Тюмени и Тобольска¹³⁹.

15 июня 1865 г. Почтовый департамент был преобразован в Министерство почт и телеграфов¹⁴⁰. 9 марта 1868 г. Министерство почт и телеграфов было причислено к Министерству внутренних дел России¹⁴¹, в составе которого находилось вплоть до весны 1917 г.¹⁴² В 1874 г. в связи с развитием почтово-телеграфных сообщений и расширением сети почтовых учреж-

¹³⁵ ПСЗ. Собр. 2. Т. 43. Отд. 2. № 41591.

¹³⁶ Морев В. А. Почтово-телеграфные реформы в Западной Сибири в 1860–1880-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020, № 66. С. 191.

¹³⁷ Шапошников Г. Н. Времен связующая нить: этапы развития электросвязи на Среднем Урале. Екатеринбург, 2002. С. 10.

¹³⁸ Кузнецов Д. Томск 4 октября // Томские губернские ведомости. 1863. 4 окт.

¹³⁹ Морев В. А. Почтово-телеграфные реформы в Западной Сибири в 1860–1880-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020, № 66. С. 192.

¹⁴⁰ ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. Отд. 1. № 42194.

¹⁴¹ Там же. Т. 43. Отд. 1. № 45574.

¹⁴² Высоков М. С. Из истории государственного управления электросвязью в России // Электросвязь: история и современность. 2006. № 3–4. С. 9.

дений Омское телеграфное отделение было переименовано в управление Омского телеграфного округа, в подчинение которого вошли, в частности, местные почтовые и телеграфные конторы и отделения (почтовые, телеграфные и почтово-телеграфные (производившие обе операции) Тобольской губернии¹⁴³.

В 1860-х — 1880 гг. в Берёзов и Сургут телеграфная линия проведена не была. В Берёзове действовала почтовая контора, главой которой в 1884 г. был почтмейстер И.И. Меньщиков¹⁴⁴. В г. Сургуте в 1884 г. почтовое отделение возглавлял приёмщик губернский секретарь А.И. Иванов¹⁴⁵. Почтовые конторы Берёзова и Сургута входили в состав Западно-Сибирского почтового округа.

Рис. 1.25. Телеграфный аппарат Морзе, 1886 г.
(Источник: Вичугский городской музей, Ивановская область)

Реформа народного просвещения Александра II, реализованная на основе Университетского устава 1863 г. и Школьного устава 1871 г., была проведена в Сибири. В ходе реформы народного просвещения была решена проблема создания единого органа надзора за народным образованием в Тобольской и Томской губерниях. До её проведения церковно-приходские школы подчинялись епархиальному начальству, волостные и сельские школы — казённым палатам, станичные — войсковому казачьему начальству.

В 1859 г. был издан закон о создании Томского учебного округа и управлении учебными заведениями Западной Сибири, которым была введена должность главного инспектора училищ. В 1885 г. Томский учебный округ был переименован в Западно-Сибирский. С открытием в 1888 г. университета в Томске была введена должность попечителя учебного округа. Берёзов и Сургут вошли в состав Томского (Западно-Сибирского) учебного округа.

Школьная реформа 1871 г. министра народного просвещения графа Д. А. Толстого, с одной стороны, была направлена на повышение профессиональных качеств преподавателей, учителей привлекали на службу повышением жалования и возможностью карьерного роста; с другой, Министерство установило жесткий контроль над педагогическим коллективом, в основе которого лежала жёсткая регламентация отношений администрации и персонала школ. Создание системы поощрений породило заинтересованность учителей в построении карьеры. Г. И. Козлова доказывает, что в результате проведения школьной реформы в Европейской России формируется три типа учителей — консерваторы, кото-

¹⁴³ Морев В. А. Почтово-телеграфные реформы в Западной Сибири в 1860–1880-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020, № 66. С. 192.

¹⁴⁴ Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 59.

¹⁴⁵ Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 61.

Рис. 1.26. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, 1909 г.

рые четко следовали циркулярам учебной администрации; чиновники, которых отличал «формализм и казённо-рутинное отношение к делу»; прогрессисты, которые стремились соответствовать задачам просвещения учащихся¹⁴⁶.

В Сибири проведение реформы 1871 г. потребовало привлечения большого количества учителей для мужских и женских гимназий, прогимназий и реальных училищ из Европейской России, получивших образование в высших учебных заведениях империи, что обусловило предоставление им особых привилегий, выражавшихся в возможности быстрого служебного роста и в ускоренной выслуге лет за службу в отдалённом регионе. Повышение жалования обеспечивалось продвижением по службе, что порождало карьеризм. Преподаватели приходских училищ, состоявшие в штате Министерства народного просвещения, также имели значительные привилегии. В результате, по мнению О. В. Блиновой, в Сибири «учитель становится государственным служащим (чиновником) как *de jure*, так и *de facto*»¹⁴⁷.

Учителя начальных училищ оказались «вне штата» государственных служащих Министерства народного просвещения. Их финансирование возлагалось как на Министерство, так

и на крестьянские общины (эта доля могла составлять до половины стоимости содержания школы и жалования учителя). С одной стороны, это приводило к финансовым трудностям; с другой, давало большую свободу в преподавании и общении с населением. Коренные народы Сибири получали начальное образование в учебных заведениях ведомства православного исповедания.

В Берёзовском округе, прежде всего, продолжилось развитие Берёзовского уездного училища, оставшегося в ведении Министерства народного просвещения. Число его учеников составляло от 52 (в 1862 г.) до 66 (в 1879 г.). Его штатным смотрителем в 1860-х гг. оставался И. М. Заборовский¹⁴⁸. В 1884 г. в Берёзове действовало высшее училище. Его штатным смотрителем был титулярный советник В. И. Рачинский, законоучителем — священник М. А. Чеме-

¹⁴⁶ Козлова Г. И. Образ учителя русской гимназии XIX — начала XX веков в литературе // Педагогика. 2000. № 2. С. 67–69.

¹⁴⁷ Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х — 1914 гг.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2010. С. 18.

¹⁴⁸ Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 35.

сов, преподавателями — И. П. Ананьин, коллежский асессор А. Г. Демин, губернский секретарь К. В. Добровольский¹⁴⁹.

В 1860 г. была предпринята попытка создания одноклассного женского приходского училища в г. Берёзове. Занятия в нём начались 20 октября 1860 г.¹⁵⁰ Оно также было в ведении Министерства народного просвещения, но развивалось в значительной мере за счет пожертвований меценатов и устройства благотворительных мероприятий. В его организации сыграли большую роль надворный советник, заседатель городского суда, а затем городничий П. Н. Михалев, пожертвовавший ему первое здание. Продолжил компанию по его материальной поддержке И. М. Заборовский и окружной исправник полковник Гинц¹⁵¹.

В 1884 г. в Берёзове действовали мужское и женское приходские училища. В мужском приходском училище законоучителем был священник И. Сургутсков, преподавателем — А. Погадаев. В женском приходском училище должность законоучителя занимал священник И. Сургутсков, преподавательница — жена учителя А. М. Добровольская¹⁵². В Сургутском приходском училище в 1884 г. законоучителем был священник С. Тверитин, преподавателем — Н. А. Максимов¹⁵³.

После упразднения в 1869 г. Тобольского пешего казачьего батальона возникли проблемы с финансированием Сургутской казачьей школы. В 1877 г. школа перешла в ведение Министерства народного просвещения¹⁵⁴. В 1862 г. в Сургуте в доме местного священника В. Кайдалова была открыта женская школа. Программа обучения состояла из чтения книг церковной и гражданской печати, чистописания, Закона Божия, арифметики, церковного пения, рукоделия. В дальнейшем В. Кайдалов оставался законоучителем, а все остальные предметы (грамота, письмо, арифметика) вел соляной пристав Бигаев. В 1870 г. в женском училище педагогами состояли священник А. Крылов и дочь чиновника Е. Харламова. В середине 1860-х гг. для Сургутской женской школы отставным чиновником И. А. Туполевым (старшим братом А. А. Туполева — преподавателя казачьей школы) на собственные средства был выстроен дом. Школа преобразуется в училище 2-го разряда Министерства народного просвещения с трёхгодичным сроком обучения.

Из ведения Св. Синода в ведение Министерства государственных имуществ были переданы приходские школы, преобразованные в училища (Самаровское, Сухоруковское, Юганское, Нижне-Лумпокольское, Шеркальское). На практике это фактически означало, что содержаться они должны за счет местных земских сборов, т. е. самого населения. В учебном же отношении данные школы находились в ведении Министерства народного просвещения. В каждом из названных училищ имелось по одному педагогу (не считая законоучителя из

¹⁴⁹ Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 59.

¹⁵⁰ Из ведомости о числе учителей и учащихся в женских учебных заведениях Тобольской губернии за 1863 г. // История Югры в документах из Томска. Томск, 2006. С. 198.

¹⁵¹ Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 48–49.

¹⁵² Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 59–60.

¹⁵³ Там же. С. 61.

¹⁵⁴ Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 41–42.

Рис. 1.27. г. Сургут. Городская больница. Рубеж XIX–XX вв.
(Источник: фонды Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника)

местных священников)¹⁵⁵. В 1874 г. была открыта школа в с. Реполовском Самаровской волости. Данное учебное заведение, а также существовавшая некоторое время школа в с. Шеркалы, находились в подчинении Министерства государственных имуществ¹⁵⁶.

В 1875 г. для школы в с. Самарово было построено новое здание, имевшее 3 комнаты. По сведениям Н. А. Абрамова, первоначально в Самаровской школе состояло 15 учеников. Позднее число учащихся увеличивается. На 1869 г. в ней обучалось 35 мальчиков, в 1879 г. — 27 мальчиков и 7 девочек, в 1880 г. — 36 мальчиков и 9 девочек. На протяжении полувека Закон Божий в Самаровской школе вёл протоиерей

Н. И. Вергунов, выпускник Тобольской духовной семинарии, с 1856 г. — настоятель в Самаровской Покровской церкви и законоучитель в местной сельской школе. Н. И. Вергунов был награжден орденами Св. Анны 3-й ст., Св. Анны 2-й ст., Св. Владимира 4-й ст., серебряным наперсным крестом¹⁵⁷.

В 1860-х — 1880-х гг. продолжилось развитие системы здравоохранения. В Берёзовском округе в 1884 г. должность городского врача занимал титулярный советник И. А. Биржишко, окружного врача (в с. Обдорском) — коллежский асессор И. А. Боричевский, повивальной бабки — Д. С. Мировицкая-Новконская¹⁵⁸. В Сургуте городским врачом был И. Бегун, окружным врачом — титулярный советник Ф. А. Бончковский, повивальной бабкой — Е. В. Захарова¹⁵⁹.

Кроме того, в Берёзовском округе действовала инородческая больница Тобольского приказа общественного призрения, смотрителем в которой в 1884 г. был лекарский ученик И. О. Станкевич¹⁶⁰. В Сургуте в 1884 г. действовала городская больница Тобольского приказа общественного призрения, смотрителем которой был старший урядник Н. Кайдалов¹⁶¹.

¹⁵⁵ Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 51–52.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 57.

¹⁵⁸ Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 58–59.

¹⁵⁹ Там же. С. 61.

¹⁶⁰ Там же. С. 21, 60.

¹⁶¹ Там же. С. 61.

4. Управление и судоустройство Югры в 1890-х – 1917 гг.

В конце XIX в. в органах верховной и центральной власти Российской империи продолжили политику интеграции Сибири в общеимперское пространство. В 1886 г. при Министерстве внутренних дел под председательством бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири А. П. Игнатьева была образована комиссия, по проекту которой все коллегиальные губернские органы управления Сибири предполагалось объединить в высшее в губернии присутственное место — губернское управление. Этот проект поддержал тобольский губернатор В. А. Тройницкий, который в 1887 г. отмечал необходимость упразднения губернского совета и губернского правления с заменой их губернским управлением¹⁶².

В результате в Сибири была проведена новая губернская реформа. 1 июня 1895 г. в Тобольской и Томской губерниях взамен губернских советов с состоящими при них канцеляриями под председательством губернатора были учреждены губернские управления в составе губернатора, общего присутствия и канцелярии. В общее присутствие вновь образованных губернских управлений вошли вице-губернатор, управляющий казённой палатой, председатель губернского суда, губернский прокурор, советники, губернский тюремный инспектор, ветеринар, инженер, архитектор. Проведённое преобразование резко расширило возможность губернаторов добиваться согласованности действий местных административных органов. Кроме того, на губернские управления были возложены права и обязанности, которые в европейской России несли органы дворянского самоуправления и земские учреждения, отсутствовавшие в Сибири¹⁶³.

Губернская реформа привела к реорганизации нижестоящих уровней государственного управления Сибири. В 1898 г. округа Тобольской и Томской губернии были переименованы в уезды¹⁶⁴. В Берёзовский уезд вошли Берёзовская городовая, Елизаровская, Казымская, Кондинская, Куноватская, Ляпинская, Обдорская остятская, Обдорская самоедская, Подгородная, Сосвинская волости¹⁶⁵. В Сургутский уезд — Ларьякская, Локосовская, Лумпокольская, Тундринская русская, Тундринская инородная, Юганская волости¹⁶⁶.

После переименования округов в Сибири в уезды в 1898 г., окружные полицейские управления получили названия уездных, а земские заседатели превратились в «становых приставов»¹⁶⁷. В подчинении у уездных полицейских управлений находилось всё население как города, так и уезда. Уездная полиция сохранила широкие полномочия. Как писал Г. К. Гинс, «полицейские власти в Сибири несут такие сложные и ответственные обязанности, а вместе с тем, имеют такие разнообразные права, что население до последнего времени привыкло смотреть на них, как на главное и почти единственное начальство»¹⁶⁸.

¹⁶² ГАТОТ. Ф. 152. Оп. 34. Д. 379. Л. 20, 21, 88.

¹⁶³ ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1899. Т. 15. № 11757.

¹⁶⁴ ПСЗ. Собр. 3. СПб., 1901. Т. 28. № 15505.

¹⁶⁵ Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 81–82.

¹⁶⁶ Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 82.

¹⁶⁷ ПСЗ. Собр. 3. Т. 18. № 15503.

¹⁶⁸ Гинс Г. К. Административное и судебное устройство губерний и областей Азиатской России // Азиатская Россия. Т. I. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 48.

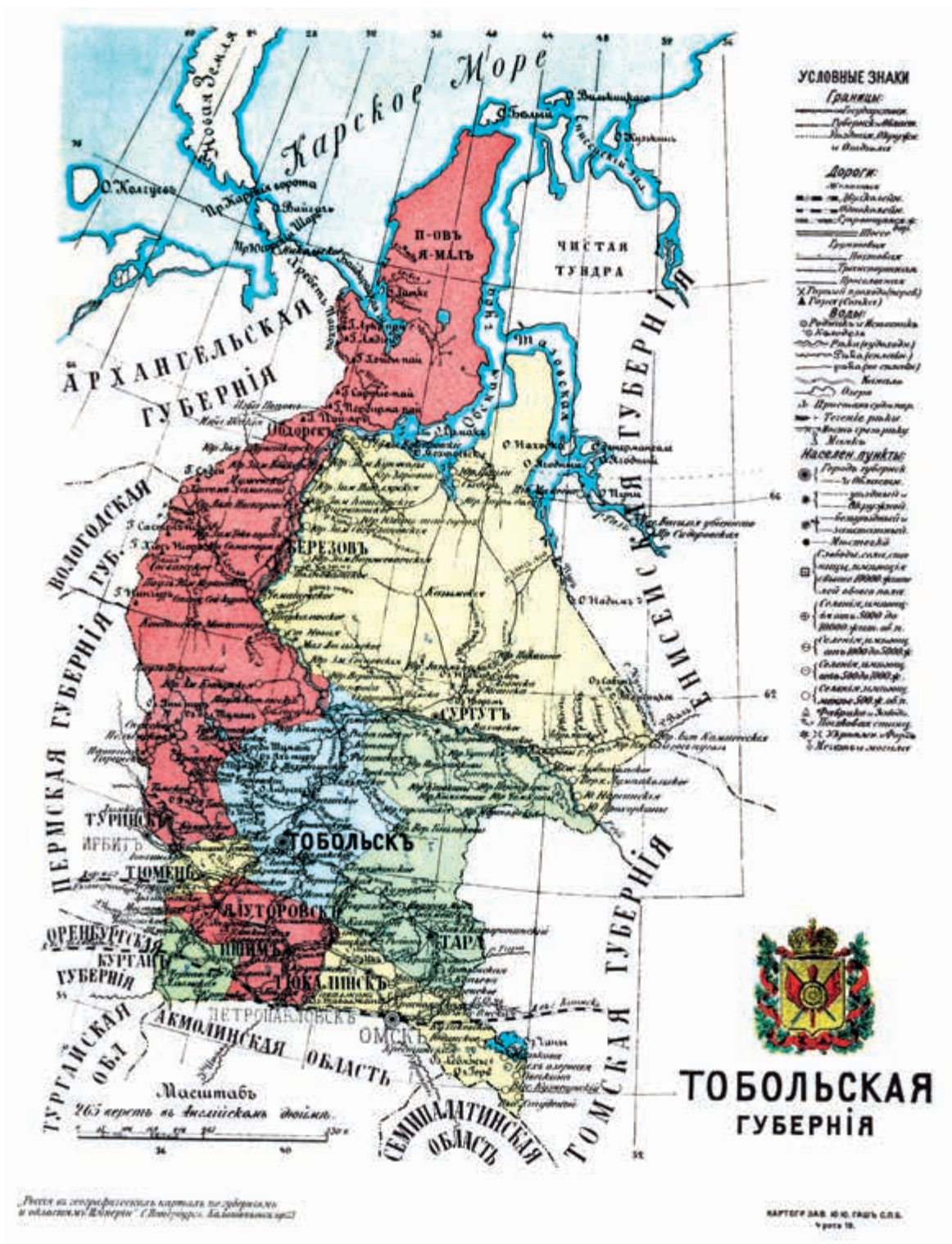

Рис. 1.28. Карта. Административное деление Тобольской губернии. Начало XX в. (Источник: фонды РГО)

В сфере собственно полицейских обязанностей уездные полицейские управления осуществляли обнародование указов и постановлений; противопожарные и противоэпидемиологические мероприятия; обустройство больших дорог; надзор за исправностью содержания почты; участвовали в отводе квартир для войск; надзоре за бродягами, беспаспортными и нищими; распределяли ссыльных и осуществляли надзор за их препровождением и водворением; надзор за тюремной полицией; взыскания по беспорным обязательствам. В сфере хозяйственной деятельности занимались взысканием недоимок; надзором за казённым имуществом, освидетельствованием хлебных магазинов; составлением ведомостей о засевах и урожаях хлеба и трав и т.д. В сфере предварительного следствия и судопроизводства занимались пресечением насилия и самоуправства, разбором маловажных ссор на месте, поимкой беглых, преследованием преступлений, производством следствий, задержанием обвиняемых; исполнением судебных определений по уголовным и гражданским делам.

По закону от 5 мая 1903 г. «Об учреждении полицейской стражи» сотские и полицейские урядники были упразднены, учреждалась военизированная уездная полицейская стража, состоявшая вновь из урядников и стражников. В Сибири закон был введен в действие только в 1909 г. В каждой из губерний Западной Сибири вводилось по 135 должностей полицейской стражи (всего 270). В каждую волость должен был назначаться один урядник¹⁶⁹.

В 1899 г. исправником Берёзовского округа был статский советник А. Д. Смирнов. Помощником при нём состоял губернский секретарь В. О. Кремер¹⁷⁰. В 1915 г. во главе Берёзовского полицейского управления находился уездный исправник коллежский асессор Л. Н. Ямзин,

Рис. 1.29. Сибирские бродяги. 1891 г.
(Источник: Художественно-этнографические рисунки Сибири. Ред. — издатель П. Кошаров. Томск: Типолитография Михайлова и Макушина. 1889–1891 гг.)

¹⁶⁹ Шитова Т. В. Полиция в административно-правоохранительной системе Сибири в XIX — начале XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 96.

¹⁷⁰ Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 7. Нижневартовск, 2012. С. 109.

Рис. 1.30. Пигнатти В. Н. Кондинский инородческий магазин для снабжения «инородцев» и казаков хлебом. (Источник: фонды ГТИАМЗ)

при котором состояли помощник титулярный советник Н. Т. Кушников и полицейский надзиратель коллежский ассессор П. А. Степанов. Канцелярией Берёзовского полицейского управления ведали секретарь, губернский секретарь С. И. Захаров, столоначальники — коллежский секретарь Р. В. Добровольский и П. Н. Тарасов¹⁷¹.

В Берёзовском уезде было сформировано два полицейских стана. В 1915 г. первым станом в с. Кондинском ведал становой пристав П. И. Усков. Этот стан включал Городовую, Елизаровскую, Казымскую, Кондинскую, Котскую, Ляпинскую, Полгородную и Сосвинскую волости. Вторым станом в с. Обдорском

ведал становой пристав В. Н. Тарасов. Этот стан включал Куноватскую, Обдорскую оятскую и Ободрскую самоедскую волости. Полицейские станы Берёзовского уезда делились на девять участков полицейских урядников¹⁷².

В Сургутском уезде станы и участки со становыми приставами и полицейскими урядниками были учреждены только в 1903 г. Уездное полицейское управление в Сургуте в 1898–1903 гг. возглавлял уездный исправник И. В. Евсеев, помощником при нём коллежский ассессор Ричард Иванович Зброжек¹⁷³. В 1903–1915 гг. уездным исправником был коллежский советник Г. А. Пирожников, его помощником — коллежский ассессор А. Х. Дудинов, канцелярией ведал Н. А. Коновалов¹⁷⁴.

Среди полицейских чиновников Югры этого времени выделяется Г. А. Пирожников, уроженец слободы Усть-Ница Тюменского уезда. Он окончил Тобольскую духовную семинарию и с 1891 г. служил в Берёзове и Кондинске. В историю Югры он вошел участием в подготовке Омской торгово-промышленной выставки 1911 г., инициативой в открытии первой библиотеки, руководством создания в 1913 г. телеграфа в Сургуте, краеведческими записками¹⁷⁵.

Полицейское управление уезда включало два полицейских стана. Первый стан с центром в г. Сургуте включал Локосовскую, Тундринскую русскую, Тундринскую инородную

¹⁷¹ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 7.

¹⁷² Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 91, 94; Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 7.

¹⁷³ Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 7. Нижневартовск, 2012. С. 110.

¹⁷⁴ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 7.

¹⁷⁵ Белобородов В. К., Пуртова Т. В. Учёные и краеведы Югры: биобиблиогр. словарь. Тюмень, 1997. С. 220–221.

и Юганскую волости. В 1915 г. его становым приставом был титулярный советник А. И. Сипин. Второй стан с центром в с. Нижне-Лумпокольском (Александрово) включал Ларьякскую и Лумпокольскую волости. В 1915 г. должность станового пристава в нём занимал коллежский регистратор М. А. Шестаков. Полицейские станы Сургутского уезда делились на четыре участка полицейских урядников¹⁷⁶.

Участок податного инспектора Берёзовского и Сургутского уездов располагался в г. Берёзове¹⁷⁷. В 1915 г. податным инспектором в Берёзовском и Сургутском уездах был коллежский ассессор Виктор Александрович Худзинский¹⁷⁸. Берёзовское казначейство в 1915 г. возглавлял казначей коллежский ассессор В. А. Красовский, при котором состояли старший бухгалтер коллежский ассессор В. М. Попов и бухгалтер 1-го разряда коллежский секретарь В. А. Родионов¹⁷⁹. Надзирателями акцизных сборов были коллежский ассессор А. Г. Несговоров в г. Берёзове, коллежский секретарь Н. А. Нужин в г. Сургуте¹⁸⁰.

На рубеже 1880-х — 1890-х гг. в Министерстве юстиции вернулись к вопросу о проведении судебной реформы 1864 г. в Сибири. В октябре 1894 г. министр юстиции Н. В. Муравьев, убеждённый, что оставлять без внимания состояние сибирского суда далее невозможно, создал комиссию для разработки проекта его реформирования. На основании «Высочайше утвержденных временных правил о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г.¹⁸¹ на территории сибирских губерний вводились системы общего и местного (мирового) судов.

Официальное открытие нового суда в Сибири состоялось 2 июля 1898 г. Система судов общей юрисдикции Сибири представляла собой единую вертикаль общегражданских всеобщих судов. В их число входили мировые судьи, окружные суды и судебные палаты. Для пополнения заседаний, особенно во время выездных сессий окружных судов, в Сибири был создан институт почётных мировых судей.

При этом реформа в Сибири проводилась со значительными отступлениями от судебных уставов 1864 г. Не был введён суд присяжных, самостоятельные адвокатские организации, съезды мировых судей. Особо явно эти ограничения проявились в положении мировой

Рис. 1.31. Ассигнация достоинством 10 рублей, 1909 г.

¹⁷⁶ Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 92, 96; Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 7.

¹⁷⁷ Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 118.

¹⁷⁸ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 28.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же. С. 34.

¹⁸¹ ПСЗ. Собр. 3. Т. 18. № 12952.

юстиции. На мировых судей в Сибири не распространялись принципы выборности, несменяемости и независимости. Назначение, перемещение и увольнение участковых и добавочных мировых судей всецело зависело от министра юстиции, на них возлагалась обязанность проведения предварительных следствий. Мировые судьи, в порядке служебных перемещений целиком завися от министра юстиции, ставились под надзор окружных судов, а в качестве следователей — под надзор прокуратуры. Подсудность дел мировых судов, как гражданских, так и уголовных, в Сибири была шире, чем в Европейской России (цена иска — до 2.000 р.). Суд присяжных был введён в Тобольской губернии законом 10 мая 1909 г.

В Берёзовском уезде было два участка мировых судей, которые располагались в г. Берёзове. Один — для г. Берёзова и Городовой, Елизаровская, Казымская, Кондинская, Кодская, Ляпинская, Подгородная и Сосвинская волости. Второй — для Обдорской остяцкой и самоедской, Куноватской волостей¹⁸². Мировым судьей по 1 участку — к. с. Александр Всеволодович Худзинский. По 2 участку — г. с. Александр Иванович Лутман¹⁸³. Почетными мировыми судьями Берёзовского уезда в 1915 г. были П. А. Плеханов, К. В. Добровольский, П. Ф. Тележкин и А. С. Протопопов¹⁸⁴.

В г. Сургуте и его уезде был только один участок смешанной подсудности, в который также входила Самаровская волость тобольского уезда. Мировым судьей в нём был к. с. К. Г. Дитынский¹⁸⁵. В Сургуте почетными мировыми судьями в 1915 г. были К. В. Силин и Г. С. Клепиков¹⁸⁶.

Согласно «Временным правилам» 1896 г., прокуратура стала частью судебной системы. При окружных судах состояли прокуроры, осуществлявшие надзор за деятельностью местных судебных установлений и судебных следователей. Отныне структура прокуратуры включала три уровня: товарищей прокурора в округах (уездах), прокуроров окружных судов и прокуроров судебных палат¹⁸⁷.

Берёзовский и Сургутский уезды входили в один участок товарища прокурора Тобольского окружного суда, резиденция которого располагалась в г. Тобольске¹⁸⁸. Начальником Берёзовской местной военной команды в 1915 г. был капитан Г. А. Салмин¹⁸⁹. Временно исполняющим обязанности начальника тюремного замка в г. Берёзове — М. С. Гадзевич¹⁹⁰. Главой Берёзовского уездного отделения комитета попечения о тюрьмах — коллежский ассессор А. Г. Несговоров¹⁹¹.

После введения в действие «Временных правил» 1896 г. в Тобольской губернии постоянной проблемой была чрезвычайная загруженность делами мировых судов. На этом фоне

¹⁸² Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 105.

¹⁸³ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 40.

¹⁸⁴ Там же. С. 39.

¹⁸⁵ Там же. С. 40.

¹⁸⁶ Там же. С. 39.

¹⁸⁷ ПСЗ. Собр. 3. Т. 16. № 12932.

¹⁸⁸ Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 99.

¹⁸⁹ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 18.

¹⁹⁰ Там же. С. 43.

¹⁹¹ Там же. С. 42.

в «малолюдных» Берёзовских и Сургутских уездах нагрузка на мировых судей была относительно незначительной, что создавало некоторые преференции для этих уездов. Так, в 1908 г. Н. П. Арцибашев обратился с просьбой к председателю Тобольского окружного суда П. Е. Маковецкому перевести его на должность мирового судьи на север губернии, где возникало мало дел: «Я, как чиновник, давно служащий в Сибири, имею перед другими судьями, служащими меньше меня, преимущественное право на занятие должности мирового судьи в северных уездах Тобольской губернии, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство оказать мне содействие в переводе моем на должность мирового судьи 1-го участка Берёзовского уезда или мирового судьи Сургутского уезда»¹⁹².

Перегружен был делами Тобольский окружной суд, что, в частности, было вызвано постоянными выездными сессиями, во время которых судьи из Тобольска выезжали в уезды губернии для пересмотра в апелляционном порядке сложных дел, по которым уже были вынесены решения в первой инстанции мировыми судьями. Совершённая впервые в 1905 г. выездная сессия Тобольского окружного суда в Сургутский и Берёзовский уезды длилась полтора месяца¹⁹³.

В Сибири в целом и в Берёзовском и Сургутском уездах в частности сохранялись проблемы с замещением должностей на государственной службе. В 1902 г. вступило в действие «Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях», согласно ст. 7 которого государственным служащим Сибири предоставлялись следующие «преимущества»: пособия на подъем и обзаведения; прибавки к жалованию; пособия по выслуге десятилетий; пособия на воспитания детей; отпуск на льготных основаниях; пенсионные преимущества и др. Кроме того, государственным служащим Берёзовского и Сургутского уездов предоставлялись «особые преимущества»: прогонные деньги в двойном размере, прибавки за пятилетия службы в этих уездах в 25%¹⁹⁴.

Однако «Положение» 1902 г. не решило проблему с подбором государственных служащих, соответствующих образовательным и профессиональным цензам. В отчете за 1909 г. тобольский губернатор Д. Ф. Гагман указывал на то, что «комплектование учреждений губернии интеллигентными соответствующими делу рабочими силами, вследствие тяжелых условий жизни и службы, крайне затруднительно»¹⁹⁵. Недостаток кадров государственных служащих сохранялся в Берёзовском и Сургутском уездах. С 1908 г. при Министерстве финансов действовала комиссия по пересмотру «Положения об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях» 1902 г. При обсуждении этого вопроса некоторые члены Комиссии предлагали исключить Тобольскую и Томскую губернии из числа привилегированных в служебном отношении местностей, но даже они считали, что привилегии следует сохранить для служащих Берёзовского и Сургутского уездов Тобольской губернии¹⁹⁶.

¹⁹² ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 2. Д. 227. Л. 38 об.

¹⁹³ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 80. Л. 89; Д. 139. Л. 11 об.; Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 1 об.

¹⁹⁴ Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского // СЗРИ. СПб., 1913. Т. 3. Кн. 3. С. 332.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. 1911. Д. 162. Л. 232, 233.

¹⁹⁶ Гермизеева В. В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 — февраль 1917). Омск, 2015. С. 63.

Рис. 1.32. Село Самарово. (Источник: фонды Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника)

В конце XIX — начале XX вв. система управления православной церкви на Северо-Западе Сибири, как и прежде, возглавлялась благочинным церковью уезда. Благочинным церковью Берёзовского уезда в 1915 г. был священник П. М. Дубасов¹⁹⁷. Православное благочиние Берёзовского уезда включало Богородице-Рождественский и Воскресенский соборный приходы в городе и Кондинский, Кушеватский, Мало-Атлымский, Мужевский, Няксимвольский, Обдорский, Полноватский, Сосвинский, Чемашевский, Шеркальский и Щекуринский приходы в уезде¹⁹⁸. В Ободорске располагалась духовная миссия¹⁹⁹. Благочинным церковью Сургутского уезда в 1915 г. был священник Иоанн Алексеевич Селихов²⁰⁰. Православное благочиние Сургутского уезда включало Свято-Троицкий приход в городе, Вартовский, Ваховский, Верхне-Лумпокольский, Ларьякский, Нижне-Лумпокольский, Покурский, Тундринский и Юганский приходы в уезде²⁰¹.

В конце XIX — начале XX вв. продолжилось развитие системы государственных учреждений. В Берёзовский уезд ссылали преступников, находившихся под надзором уездной по-

¹⁹⁷ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 45.

¹⁹⁸ Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 83.

¹⁹⁹ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 43.

²⁰⁰ Там же. 45.

²⁰¹ Там же. С. 84.

лиции. В 1905 г. туда сослали членов исполнительного комитета первого Петербургского Совета рабочих депутатов и иных политических ссыльных из Европейской России, включая Л. Д. Троцкого. Последний сумел сбежать зимой на северных оленях из Берёзовского уезда через Северный Урал²⁰².

Произошло техническое перевооружение почтовой службы Берёзовского и Сургутского уездов. В уездах была проведена телеграфная линия, что привело к преобразованию почтовых контор в почтово-телеграфные. Начальником почтово-телеграфной конторы в г. Берёзове в 1915 г. был н.с. В. В. Нестеренко. В ней служили коллежский регистратор П. И. Москвитин, Л. И. Мартынов, надсмотрщик К. Г. Шмуклер.

Кроме того, в Берёзовском уезде действовало два почтово-телеграфных отделения. В с. Кондинском действовало почтово-телеграфное отделение, начальником которого был губернский секретарь П. Е. Плеханов, надсмотрщиком В. Шабалин. Начальником почтового отделения в с. Обдорском — П. Н. Маньков²⁰³. При Кондинском почтовом отделении и Обдорском почтовом отделении были открыты учреждения с государственными сберегательными кассами²⁰⁴.

В Сургуте и его уезде было только одно почтово-телеграфное отделение, располагавшееся в городе. Исполняющим должность его начальника в 1915 г. был И. И. Кучков²⁰⁵. При этом отделении было открыто учреждение с государственными сберегательными кассами²⁰⁶.

Далее становление пароходства привело к тому, что для перевозки почты по р. Оби стал применяться водный транспорт. В 1907 г. земский пароход «Берёзовец», принадлежавший торговому дому «Михаил Плотников и сыновья», возил почту раз в две недели из Берёзова в Обдорск и обратно. В 1910 г. этим же маршрутом ходил земский пароход «Желанный»²⁰⁷.

В условиях контрреформ Александра III и первой русской революции 1905–1907 гг. регламентация образовательных учреждений России со стороны Министерства народного просвещения усилилась. В этих условиях, как доказано в исследованиях Ф. Ф. Шамахова, Н. И. Чуркиной и О. В. Блиновой, посвященных сибирскому учительству 1880-х — 1917 гг., в Сибири завершилось складывание корпоративной культуры учителя-чиновника, характерными чертами которой были аполитичность, проправительственная ориентация, строгое следование распоряжениям вышестоящего начальства, субординация в отношениях с учебной администрацией и учениками²⁰⁸.

²⁰² Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север: историко-краеведческий сборник /Ред.-сост. Л. В. Цареградская. Сургут, 2002. С. 81.

²⁰³ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 11.

²⁰⁴ Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 124.

²⁰⁵ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 11.

²⁰⁶ Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 126.

²⁰⁷ Морев В. А. Почтовая техника и особенности перевозки почты и товаров в Сибири в XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2011, № 3(15). С. 143.

²⁰⁸ Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917). Томск, 1966; Чуркина Н. И. Этапы становления и особенности сибирского учительства // История образования и просвещения в Западной Сибири. Омск, 2007; Блинова О. В. Социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х — 1914 гг.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2010. С. 10.

Рис. 1.33. Галкин А. И. Пароход «Берёзовец», фотография.
(Источник: фонды МПЧ)

Образованием в Берёзовском и Сургутском уездах ведали уездные отделения училищного совета. Председателем Берёзовского в 1915 г. был священник А. Шевелев, уездным наблюдателем церковных школ — священник П. Дубасов, членами — священник Ф. Мещеряков и коллежский асессор Л. Н. Ямзин²⁰⁹.

В Берёзове действовало высшее начальное училище, которым заведовал в 1915 г. коллежский секретарь И. Н. Тверитин. Законоучителем училища был священник П. М. Дубасов. Учителями — к. с. Е. М. Попов, В. П. Мельников, П. Ф. Равский, И. С. Колесников. Врачом при училище был Л. М. Тоддес²¹⁰. Кроме того, в г. Берёзове действовало два смешанных приходских училища. Законоучителем в них был священник А. Г. Страхов, учительницей в первом — Н. Л. Петрова, учительницей во втором — Л. К. Добровольская²¹¹.

Председателем Сургутского уездного отделения училищного совета в 1915 г. был священник И. А. Селихов, членами — священник А. В. Измайлов, к. с. Г. А. Пирожников, титулярный советник А. Х. Дудинов (казначей)²¹². В Сургуте действовало мужское двухклассное приходское училище, которым заведовал г. с. А. П. Разумовский, законоучителем состоял священник И. А. Селихов, учителями — Т. Н. Кайдалов, А. И. Селихова²¹³.

²⁰⁹ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 48.

²¹⁰ Там же. С. 24.

²¹¹ Там же. С. 25.

²¹² Там же. С. 48.

²¹³ Там же. С. 25.

В конце XIX — начале XX вв. в Югре продолжались эпидемии. В конце 1880-х — 1890-х гг. там свирепствовали тиф, оспа, дифтерит, горячка, сифилис, чесотка, глазные болезни, иногда цинга. В начале XX в. в Берёзове и Сургуте было по больнице. В Берёзовском уезде числилось два врачебных участка, в Сургутском — один. В 1904 г. в Берёзове было два врача: в городе — уездный, в Обдорске — объездной, при которых состояло пять фельдшеров и лекарских учеников. В Сургуте был только уездный врач, при котором состояло три фельдшера и лекарских ученика. При этом по штату в Берёзове и Сургуте должно было быть ещё по одному городовому врачу, но из-за ничтожного должностного оклада подобрать квалифицированных специалистов на эти должности было затруднительно и городских врачей заменяли уездные²¹⁴.

В 1915 г. в Берёзовском уезде городским врачом был н.с. Л. М. Тоддес. Должности уездного врача и объездного врача в с. Обдорском — вакантными²¹⁵. Берёзовский уезд был разделен на два участка сельских врачей: первый располагался в г. Берёзове и включал Елизаровскую, Казымскую, Кондинскую, Кодскую, Ляпинскую, Подгородную и Сосвинскую волости; второй в с. Обдорское — Куноватскую и Обдорскую остятскую и самоедскую волости. Кроме того, в Берёзовском уезде были фельдшерские пункты: Кондинский и Шеркальский — Кондинская волость, Сартынский и Мало-Атлымский — Сосвинская волость, Мужевский — Куноватская волость, Елизаровский — Елизаровская волость. В Берёзовском уезде было две больницы — в г. Берёзове и в с. Обдорском²¹⁶.

В Сургутском уезде в 1915 г. должности городского и уездного врача были вакантными, должность сельского врача занимал к.с. А. А. Бродский²¹⁷. Участок сельских врачей с центром в г. Сургут был рассчитан на весь уезд. Фельдшерские пункты включали Тундринский (Тун-

Рис. 1.34. Свидетельство об окончании Самаровского двухклассного училища Матошиной Е. Ф. (1904 г.)

²¹⁴ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. Т. I. С. 138–139.

²¹⁵ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 13.

²¹⁶ Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 105, 110, 112–113.

²¹⁷ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 13.

дринская русская и инородческая волости), Нижне-Лумпокольский (Нижне-Лумпокольская волость), Ларьякский (Ларьякская волость), Вартовский и Локосовский (Локосовская волость). Больница располагалась в г. Сургуте²¹⁸.

В заключение следует отметить, что несмотря на проведенную в 1895 г. губернскую реформу, верховная власть осознавала, что региональное управление Сибири, как и Российской империи в целом, нуждалось в корректировке. Об этом свидетельствуют проекты реформ местного управления глав сибирской администрации Н. Н. Муравьева, Д. Г. Анучина и А. Д. Горемыкина, членов Томского юридического общества И. А. Базанова, Н. Я. Новомбергского и С. П. Мокринского, в которых на рассмотрение императору предлагался вопрос о введении в Сибири земских учреждений. Особым подходом отличался проект создания земства в Сибири известного общественного деятеля В. И. Вагина, обнародованный в 1878–1879 гг. в газете «Сибирь».

Но при обсуждении этих проектов выявился системный кризис имперской государственности: общественность настаивала на учреждении на губернском уровне какого-либо представительного органа для создания механизма обратной связи с верховной властью и контроля за деятельностью администрации со стороны местных обществ, но верховная власть принимает решение о «задержании осуществления земства» в Сибири. Эта позиция верховной власти, в частности, привела к зарождению «областного движения», призванного содействовать созданию на восточной окраине страны «свободного областного самоуправления». В результате, как справедливо отмечает В. И. Шишкин, в 1917 г. местные органы государственной власти в Сибири «...оказались настолько несостоятельными, что нигде не оказали даже робких попыток сопротивления» революции²¹⁹.

²¹⁸ Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 108, 110, 112.

²¹⁹ Шишкин В. И. Государственное управление Сибирью в конце XIX — первой трети XX в. // Власть и общество в Сибири в XX в. Новосибирск, 2010. С. 15.

Глава 2

Сословно-правовое положение русского населения Югры

1. Правовое положение городских казаков

Оформление сословного статуса сибирских казаков происходило с конца XVI в. В XVII в. сибирские казаки, как и все служилые люди, были разделены на два разряда: по «отечеству» (сибирские дворяне и дети боярские) и «по прибору» (в «приборе» у своего казацкого головы, который набирал их на службу). Казацкие головы находились в ведении городских воевод. Однако головы, атаманы, есаулы, сотники, пятидесятники и десятники избирались на казачьем «круге».

Численность, снабжение и управление сибирских городских казаков в начале XIX в. основывалось на штате, утвержденном 8 октября 1737 г. в Сибирском приказе²²⁰. Согласно этим штатам, в Берёзове и Сургуте, как и в других сибирских городах, численность городских казачьих команд и оклады жалования казаков были сокращены. Штат городской казачьей команды Берёзова составил 6 детей боярских и 165 казаков, Сургута — 126 казаков²²¹. Если число казачьих детей, пришедших в «совершенные лета», превосходило штатную численность казачьей команды, то они служили «сверх штата». В 1798 г. в законодательстве был закреплён обычай, согласно которому городские казачьи команды должны были комплектоваться только из детей казаков²²².

От других сословий казаки отличались тем, что их основной обязанностью была военная служба государству, почему они относились к неподатным сословиям. По штату 1737 г. денежный оклад рядового казака составлял 5 руб. 32 коп. с выдачей провианта и фуража. Однако казаки обязаны были приобретать лошадей, обмундирование и вооружение за свой счет, на них возлагались многочисленные натуральные повинности: ремонт и содержание мостов, дорог, содержать земскую почту и др. После введения штатов 1737 г. городские казаки

²²⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 9. № 7051; Т. 10. № 7261.

²²¹ Зуев А. С. Штатная реформа Сибирского казачества 1737 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2007. Т. 6, вып. 1: История. С. 25.

²²² Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 43, 223.

Рис. 1.35. Казак городских Казачьих полков Западной Сибири: Тобольского, Сибирского-татарского, Томского. 1824–1825 гг.

еще сохраняли предания о самостоятельности казачьего «круга», однако эта самостоятельность была сильно ограничена и даже подавлена местными властями.

К началу XIX в. казачество как особый социальный слой населения на территории Югры существовало уже более двух столетий, начиная с похода Ермака. Как отмечала Н. А. Миненко, «довольно устойчивая группа служилого населения, сложившаяся к началу XVIII в. в Северном Приобье, в основном в Берёзове и Сургуте..., стала здесь основным источником формирования других сословных групп. Об этом свидетельствует относительная стабильность фамилий берёзовцев и сургутцев в XVIII — первой половине XIX в.»²²³. Коллективное владение землёй, уклад жизни и воспитание подрастающего молодого поколения, служба по принципу землячества не могли не выработать у казаков Югры представления об их общности.

Городовые казаки Югры пользовались относительной независимостью от государственной администрации, которая не могла вмешиваться в установление очередности «командирований» казаков в другие уезды, в назначения на выборные должности и т. д. Решение этих вопросов находилось в компетенции общих собраний казаков («кругов»). Однако с начала XIX в. автономия городских казачьих

команд сокращается, государственная администрация начинает вмешиваться в их внутреннюю жизнь²²⁴.

Берёзовский и Сургутский уезды превратились уже во внутренние уезды Сибирской губернии, поэтому значение военной службы казаков этих уездов упало. Посещавший в 1807 г. Берёзовский уезд тобольский губернатор А. М. Корнилов писал о местных казаках: «Жители в Берёзове состоят из нескольких казацких семей, которые в мое время ни по какой части не приносили пользы государству. Они военного искусства совсем не знают, вооружения порядочного не имеют, и из 170 не более 30 человек называются вооруженными только потому, что для виду носят на себе кое-какое оружие. Следовательно, казенное жалованье и продовольствие на сих людей идет совершенно напрасно»²²⁵.

Городовые казаки Югры были включены в состав городских управ благочиния и нижних земских судов, почему их служба определялась их административными и полицейскими

²²³ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 37.

²²⁴ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири. СПб., 1872. Т. 1. С. 210.

²²⁵ Корнилов А. М. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 71.

полномочиями²²⁶. Возможно, поэтому для казачества Югры, как и других городских казаков, была свойственна особая психология, которую сибирские областники обозначали словом «начальственность». Однако во второй половине XVIII — середине XIX вв. городских казаков перестали посылать в ясачные волости для сбора ясака, назначать казачью старшину таможенными головами, приказчиками и т.д. Этими факторами обуславливалось втягивание казаков Югры в торговую и промысловую деятельность.

Кроме того, в начале XIX в. в правовом положении сибирского казачества произошло радикальное изменение. 19 августа 1808 г. Высочайше было утверждено положение о Сибирском линейном казачьем войске и его штате. В состав Сибирского казачьего войска вошли казаки Иртышской, Ишимской и Колывано-Кузнецкой пограничных линий²²⁷. Это узаконение не коснулось городских казачьих команд внутренних уездов Сибири, к которым относились и казаки Югры.

В 1810 г. была проведена реформа воинской повинности городских казаков. Все городские казаки были разделены на станичных и полковых, сообразно имущественному положению и порядку службы. В разряд полковых казаков попали все, не устроившиеся плотно и оседло на местах жительства, а также и обязанные отбывать службу в дальних командировках по Сибирскому краю. В разряд станичных попали казаки, основательно поселившиеся при тех городах, где отбывали службу в командах.

Казаки Берёзова и Сургута вошли в состав станичных, их команды несли полицейскую службу в этих городах и их уездах. К их должностным обязанностям относилась караульная служба при государственных хлебных амбарах, сопровождение казённых транспортов, понуждение «иноземцев» к уплате ясака. Они использовались в качестве посыльных, состояли в караулах при тюремных острогах, осуществляли конвоирование ссыльных на работы и т. д.²²⁸.

После проведения реформы 1810 г. войсковые атаманы и старшины, ранее избиравшиеся казаками из своей среды, стали назначаться. Казачье самоуправление сохранилось в виде станичных сходов с участием всех домохозяев, выборных станичных атаманов и судей, изби-

Рис. 1.36. Уральский казак. (Источник: «Народы России. Живописный альбом», СПб., 1877 г.)

²²⁶ Коновалов И. А. Роль и место общей полиции в системе местного управления в Сибири (XVIII — начало XX в.). М., 2020. С. 112.

²²⁷ Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891. С. 91.

²²⁸ Коновалов И. А. Служба сибирских казаков по охране правопорядка в дореволюционный период // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 20.

раемых на три года, и правлений, являвшихся органом исполнительной власти в станице. Станичные атаманы занимались учетом служилого состава, контролем над состоянием снаряжения и лошадей, распределением между членами казачьей общины сельскохозяйственных угодий и земских повинностей²²⁹.

В «Сибирские учреждения» вошел «Устав о сибирских городских казаках», который был утвержден 22 июля 1822 г.²³⁰ В п. 1 введения к Уставу определялось: «Сибирские городские казаки принадлежат к составу губернской и окружной полиции и находятся в гражданском управлении». После принятия Устава городские казаки были переведены из ведения Военного министерства в состав Министерства внутренних дел.

В соответствии с пп. 22 и 23 гл. III Устава 1822 г. обязанности городских казаков по несению полицейской службы состояли: в ночных полицейских разъездах в городах; поимке беглых в городах и уездах; в конвое казенных транспортов; в препровождении ссыльных на этапную дорогу и предупреждении их побегов; в побуждении к платежу податей, взносу недоимок и исполнению повинностей; в наблюдении за благочинием на сельских и иногородних ярмарках; в отправлении должностей квартальных надзирателей в малолюдных городах и т. д.

Оклад жалованья городских казаков был повышен до окладов линейного казачества. Сотник приравнивался к чиновнику, к 12-му классу с жалованием в 270 руб. Хорунжий — к 14-му классу с окладом в 20 руб. Урядники получали от 12 до 36 руб. Рядовые городские полковые казаки получали по 6 руб. В п. 59 гл. VI Устава 1822 г. устанавливалось, что казачья служба является наследственной. В целях воспрепятствования добывания казаками «содержания путем злоупотреблений и истязаний» крестьян и горожан устанавливается система льгот и преимуществ «казачьей полицейской службы», предусматривающих освобождение от сборов и повинностей, выделение земельного надела, предоставление «провианта» и права «свободного осуществления местных промыслов». Каждый городской казак наделялся 15 десятинами земли (в Югре — промысловыми угодьями).

В соответствии с п. 102 гл. X казаки обязаны были носить обыкновенное казацкое обмундирование. В п. 104 устанавливалось, что «Якутским, Туруханским и Берёзовским казакам позволено быть и на службе в платье, тамошнему климату свойственном, и носить то, которое они с издавна приобвыкли, то есть в парках и прочем». В п. 106 устанавливалось, что городские казаки должны были иметь саблю и вооружаться пистолетами и пиками.

В Тобольской губернии был сформирован Тобольский казачий полк, в состав которого вошли Берёзовская и Сургутская казачьи команды, которые продолжали играть важную роль в поддержании правопорядка в Югре. Управление городскими казаками Берёзова и Сургута, как и других округов Тобольской губернии, вверялось окружным начальникам.

Городские казаки Югры, видимо, осознавали, что их сословный статус находится под угрозой. Возможно, это стало причиной открытия в 1835 г. в «заштатном» Сургуте казачьей школы, работавшей по программе приходского училища. В школе в обязательном порядке проходили обучение дети казаков с восьми лет: «перед началом учения сотенные командиры собирали мальчиков, достигших означенного возраста к себе в канцелярию вместе с их ро-

²²⁹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX века. М., 2004. С. 166–167.

²³⁰ Устав о сибирских городских казаках // ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29131.

дителями и переписав всех детей поименно, отправляли при особой препроводительной бумаге в школу»²³¹. Школа состояла из одного класса, разделенного на два, а с 1842 г. на три отделения, в которых преподавался Закон Божий, русская грамматика, арифметика (до десятичных дробей), чтение и письмо²³².

Дом для Сургутской казачьей школы пожертвовал отставной хорунжий А. Е. Туполев. Школа существовала согласно высочайше утвержденным Уставу 1822 г. и «Положению о Тобольском пешем казачьем батальоне и конном полку» от 21 октября 1849 г. В административном и финансовом отношении она находилась в ведении Тобольского воинского начальника. Последний, в свою очередь, подчинялся начальнику штаба Западно-Сибирского военного округа. В «учебном отношении» казачьей школой управлял штатный смотритель училищ Берёзовского и Сургутского округов²³³.

С 1851 г. начался перевод городских полковых казаков в военное ведомство по новым положениям. Положением от 5 марта 1861 г. Сибирское линейное казачье войско переименовано в Сибирское казачье войско, после чего было признано бесцельным существование в Томской и Тобольской губерниях отдельных казачьих полков. Полки были упразднены в 1868 г. с переводом казаков в крестьянское сословие²³⁴. После упразднения в 1869 г. Тобольского пешего казачьего батальона возникли проблемы с финансированием Сургутской казачьей школы. В 1877 г. школа перешла в ведение Министерства народного просвещения²³⁵.

Однако в Положении 1861 г. предусматривалось образование отдельных казачьих команд в Берёзове, Сургуте и Нарыме²³⁶. До 1881 г. в этих командах служило три офицера и 114 казаков²³⁷. Положением 1861 г. срок службы сибирских казаков был уменьшен с 25 лет до 15 лет. Однако снаряжаться на службу казаки теперь должны были «на собственный счет от избытка

Рис. 1.37. Маковский В. Е. «Казак», 1875 г. (Источник: Тюменский областной музей изобразительных искусств)

²³¹ Киреев П. Школы в Сургуте // Сибирская торговая газета. 1901. № 122, 123.

²³² Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 39.

²³³ Там же. С. 36–37.

²³⁴ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири. СПб., 1872. Т. 2. С. 293.

²³⁵ Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 41–42.

²³⁶ Положение о Сибирском казачьем войске 1861 г., СПб., 1862. С. 7, 10, 11 и др.

²³⁷ Коновалов И. А. Служба сибирских казаков по охране правопорядка в дореволюционный период // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 24.

домашнего хозяйства»²³⁸. Однако в 1860–1870-х гг. резко сокращается роль городских казаков в исполнении полицейских обязанностей. В 1873 г. на основании указа «Об установлении нового порядка комплектования полицейских и пожарных команд» полицейские команды в сибирских округах стали комплектоваться не из городских казаков, а на основании найма желающих проходить службу в органах МВД²³⁹.

В течение 60–70-х гг. XIX в. правительством был принят ряд узаконений и положений, направленных на «расказачивание» служилого сословия. Указ 1869 г. впервые разрешил казакам выход из сословия. Кардинальные изменения в сословное положение казаков внес Устав о воинской повинности 1874 г., введший всеобщую воинскую повинность мужского населения России.

В этих условиях в феврале 1881 г. последовало Высочайшее распоряжение об упразднении Сургутской, Берёзовской и Нарымской казачьих команд за их ненадобность при наличности регулярных войск. Большая часть казаков была переведена в мещане этих городов. В 1883 г. знамя казачьего отряда Ермака было перевезено из г. Берёзово, где оно хранилось около 300 лет, в г. Омск и торжественно передано на хранение в войсковой Никольский собор²⁴⁰. Вместо городских казаков в Берёзове и Сургуте создавались гарнизонные команды. Начальником гарнизонной команды в г. Берёзове в 1884 г. был штабс-капитан А. С. Антипин. Начальником Сургутской гарнизонной команды — поручик Н. И. Захаров²⁴¹.

Таким образом, городское казачество Югры являлось особой категорией неподатного населения. От других сословий оно отличалось кругом обязанностей по отношению к государству и правами своего «состояния» (сословия). С одной стороны, казаки относились к категории «сельских обывателей», с другой стороны, находились на службе у государства, имели отношение к воинскому делу и считались иррегулярными войсками. При этом основной обязанностью городских казаков Югры в XIX в. была полицейская служба. Казаки несли государственные повинности, при выкупе промысловых свидетельств могли заниматься торгово-промышленной деятельностью без причисления к купеческому сословию. В условиях Великих реформ 1860-х гг. и реформ Сибирского казачьего войска это сословие было ликвидировано. Городовые казаки Югры перешли в основной массе в сословие купцов и мещан Берёзова и Сургута.

2. Правовое положение купцов и мещан

Согласно «Жалованной грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г., всё население городов образовывало всесословное «общество градское». Оно включало всех лиц, проживающих в городе — дворян, духовенство, казачество, отставных солдат с их семьями и т. д., а также собственно городские сословия — почётных граждан, купцов, мещан и цеховых ремесленников. Свои права «общество градское» осуществляло через выборные органы

²³⁸ Положение о Сибирском казачьем войске 1861 г., СПб., 1862. С. 7, 10, 11 и др.

²³⁹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 48. Ч. 2. № 52438.

²⁴⁰ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. Т. I. С. 79.

²⁴¹ Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 60, 61.

Рис. 1.38. Мотошин Н. С. Торговля купца с местным населением, фото 1913 г. (Источник: МПиЧ. ХМ-1931-12)

городского самоуправления. В силу малонаселенности сибирских городов в них создавались ратуши, состоящие из бургомистров и ратманов, избирающихся горожанами сроком на три года²⁴².

Значительную часть населения городов Сибири составляли лица, не относящиеся к купцам и мещанам. В Берёзове и Сургуте до 1880-х гг. большинством населения были городские казаки. В начале 1860-х гг. городские казаки составляли 79,3% населения Сургута и 38,5% населения Берёзова. В 1880 г. 57,9% — Сургута и 35,5% — Берёзова. Только, согласно «высочайше утвержденному» 19 мая 1882 г. мнению Государственного Совета, казачьи команды в Сургуте, Берёзове и Нарыме были упразднены, а казаки, не желающие зачислиться в Сибирское казачье войско, должны были перейти в мещане тех городов, «где они имеют оседлость»²⁴³.

Как установила Н. А. Миненко, купцы и мещане Берёзова, занесённые в ревизские сказки в конце XVIII в. были выходцами из детей священно- и церковнослужителей, казаков, посадских, государственных крестьян, ямщиков и разночинцев Берёзова, Тобольска, Демьянского и Самаровского ямов. Те же источники формирования привели к становлению сословия мещан в Сургуте²⁴⁴.

²⁴² Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 151-152.

²⁴³ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 70.

²⁴⁴ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 41.

Купеческое звание не было ни пожизненным, ни наследственным. Для его приобретения глава семейства обязан был ежегодно, одновременно с выбором промысловых свидетельств, взять на своё имя купеческое свидетельство, уплатив за него в доход государственного казначейства. Если сбор не уплачивался, то купец переходил в мещане. Купцы пользовались личными и политическими правами и преимуществами. К личным правам и преимуществам относились: освобождение от подушной подати, рекрутской повинности и от телесных наказаний, свобода передвижения и выбора места жительства. Купечество занимало доминирующее положение и играло определяющую роль в деятельности органов городского самоуправления.

Наименование «мещане» в законодательстве было определено как «городские обыватели», «среднего рода люди». Мещане имели право приобретать движимое и недвижимое имущество и владеть им, были основными плательщиками городских налогов и податей, могли заниматься торговой деятельностью.

«Учреждением для управления сибирских губерний» 1822 г. вводилась «порозрядная» система городского самоуправления и суда, согласно которой все города разделялись на «крупные», «средней численности». В крупных городах «градским обществом» избирались Градская дума и Городовой суд, торговые Словесные суды и Сиротские суды. В городах «средней численности» вводились магистраты, коллегиальное присутствие которых было представлено городовым судьёй и избранными «местным обществом» заседателями. В «малолюдных» городах предусматривалось образование единоличного органа городского самоуправления и суда в лице избираемого городским обществом городского старосты.

Берёзов был отнесён к «малолюдным» городам. В рапорте тобольского гражданского губернатора губернскому правлению от 14 июня 1824 г. говорилось: «Берёзовский городской староста ... представляет ко мне общественный приговор о избранных купецким и мещанским обществом в городовые старосты купца Николая Струнина и в оценщики мещанина Андрея Амосова»²⁴⁵. В 1860 г. старостой городского хозяйственного управления г. Берёзова был А. А. Нижегородцев, при котором состоял «кандидат» мещанин Ф. Н. Карпов. Канцелярией управления заведовал письмоводитель в чине губернского секретаря М. Н. Курбатов²⁴⁶. В Сургуте также существовало мещанское общество, избиравшее своего старосту.

В 1860-х — 1870-х гг. происходят значительные изменения в правовом статусе городского населения. Несмотря на то, что Великие реформы 1860-х гг. были «всословными» и сохранили сословное деление общества, после их проведения сословия стали постепенно утрачивать свои специфические права. В 1863 г. число купеческих гильдий сократилось до двух, а бывшие купцы третьей гильдии были переведены в мещанство. В 1865 г. мещане были освобождены от телесных наказаний. Н. А. Рубакин, современник реформ, писал: «Закон дает нам названия сословий, но большинство их вовсе не составляет единого целого ... некоторые из “сословных состояний” не наследственны, даже не пожизненны и вообще не замкнуты»²⁴⁷.

Применительно к Тобольской губернии подобные же наблюдения оставил И. Завалишин: «...сословия, составляющие это племя, во многом разнятся ныне от сословий

²⁴⁵ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 5. Л. 650.

²⁴⁶ Адрес-календарь // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 78.

²⁴⁷ Рубакин Н. А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912. С. 53–54.

Рис. 1.39. Вид города Сургута Тобольской губернии. Вид пароходной пристани Белый Яр. 1891 г.
(Источник: Художественно-этнографические рисунки Сибири. Ред.-издатель П. Кошаров.
Томск: Типолитография Михайлова и Макушина. 1889–1891 гг.)

внутренней России и придают жизни сибирской много отличия от жизни русской... Купцы и мещане сибирские, в образе жизни и понятиях не отличаются от чиновников и во все не похожи на русских купцов и мещан. Сибиряки в податных сословиях, — народ чисто практический, гонящийся непременно за житейским ... особой набожности в них не заметно»²⁴⁸.

Одной из Великих реформ Александра II, которая была проведена в Сибири, стала городская реформа 1870 г. В основу избирательного права был положен принцип бессословного имущественного ценза. В 32 статьях раздела «Городового положения» 1870 г., посвященного избирательному праву, устанавливалось, что в выборах могли участвовать мужчины, достигшие 25-летнего возраста, владеющие недвижимостью, промышленными или торговыми предприятиями, занимающиеся кустарными промыслами или мелкой торговлей и представляющие любое сословие.

Согласно «Городовому положению» 1870 г., в основу организации органов городского самоуправления был положен принцип разделения исполнительной и представительной властей. В городах создавались новые органы самоуправления — городская дума (распорядительный орган) и городская управа (исполнительный орган). Члены думы (гласные) вы-

²⁴⁸ Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. С. 81–82.

бирались горожанами, обладавшими имущественным и возрастным цензами. Гласные же формировали управу и выбирали председателя думы — городского голову, который и возглавлял управу.

«Городовое положение» 1870 г. расширило компетенцию органов городского самоуправления. Городская дума получила право устанавливать налоги и принимать решения о займах от имени города; утверждать городской бюджет; принимать постановления по предметам городского благоустройства и вносить изменения в архитектурный план города. На городские управы возлагались следующие права и обязанности: заведование делами городского хозяйства; исполнение постановлений думы; составление городского бюджета; сбор городских налогов и их расходование; наблюдение за правильностью производства торговли²⁴⁹.

В Берёзове новое городское самоуправление было введено в 1876 г.²⁵⁰ В 1884 г. в г. Берёзове действовала уже городская управа, городским головой в которой был берёзовский мещанин Д. В. Корепанов²⁵¹. В г. Сургуте в 1884 г. мещанским старостой в городском хозяйственном управлении был мещанин Г. С. Тетюцкий, его помощником — мещанин В. И. Силин²⁵². Городские головы, старосты и их помощники в Берёзове и Сургуте ведали благоустройством городов, благотворительностью, организацией здравоохранения и просвещения, обеспечением населения продовольствием. Они располагали собственными финансовыми средствами, которые складывались из специальных сборов с горожан (с недвижимого имущества — с лавок, трактиров, постоянных дворов и др.).

Ввиду бедственного финансового положения городское самоуправление в Югре было неэффективно. В 1899 г. тобольский губернатор ходатайствовал перед министром внутренних дел о прекращении действия Городового положения 1870 г. в Берёзове «с предоставлением обществу этого города, как малолюдному и состоящему почти исключительно из мещан, управляться через мещанского старосту». Губернатор указывал на отдаленность и малочисленность города, отлучках «...немалой части его обывателей с промышленной целью на продолжительные периоды времени из города». Однако министр внутренних дел нашел это обращение «несвоевременным»²⁵³.

В конце XIX — начале XX вв. продолжились реформы городского самоуправления. Новая реформа была проведена в 1892 г. «Городовым положением» 1892 г. был сокращён круг лиц, принимавших участие в выборах; урезаны права и полномочия органов городского самоуправления. Согласно ст. 24 «Городового положения» 1892 г. активным избирательным правом пользовались: 1) лица, состоявшие в российском подданстве, имевшие недвижимость в городе (в губернских городах свыше 1000 руб.). Городские управы были поставлены в более независимое от городских дум положение. Члены городских управ были приравнены к государственным служащим 8-го класса. Губернатор, который прежде следил только за законно-

²⁴⁹ Городовое положение с дополнениями и разъяснениями. СПб., 1874.

²⁵⁰ Бузмаков Е. Л., Бузмакова О. Г. О легитимности и легальности органов городского самоуправления в Сибири во второй половине XIX — начале XX века // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14, № 2. С. 8.

²⁵¹ Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 59.

²⁵² Там же. С. 61.

²⁵³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2117. Л. 7, 36, 42, 58 об.

стью деятельности городского самоуправления, получил право делать предписания и указания членам управ и даже отстранять их от должности²⁵⁴.

Согласно Положению 1892 г. его правила применялись в полном объёме и в упрощенном варианте (п. 22). «Правила о упрощенном городском общественном управлении» устанавливались приложением к статье 22 Городового положения 1892 г. Согласно Правилам, при упрощенном порядке городская Дума не избиралась, а ее полномочия осуществлялись собранием городских уполномоченных (п. 1). Городские уполномоченные избирались сходом домохозяев из числа лиц, владеющих недвижимым имуществом, стоимостью не менее 100 р. Собрания были обязаны собираться от 4 до 24 раз в год (ст. 30). Для повседневной работы собрание уполномоченных избирало на 4-летний срок полномочий городского старосту (п. 7, 9, 8)²⁵⁵.

В Берёзове и Сургуте была введена упрощенная форма городского самоуправления. С 1895 г. домовладельцы в Берёзове избирали городское собрание уполномоченных, которое выбирало старосту и двух его помощников. Полномочия городского самоуправления были значительно урезаны (оно было лишено бюджетного права, принудительных и контрольных функций) и поставлено под контроль губернских властей²⁵⁶. В результате доходы городского бюджета не удовлетворяли даже самым элементарным потребностям в развитии городского хозяйства. Берёзовский староста даже предлагал «...город превратить в село — чем виноваты жители его, что создалось такое положение, при котором город нужен только его жителям»²⁵⁷.

Озабочены состоянием городского хозяйства были и жители Берёзова. 7 и 8 декабря 1905 г. они провели два схода, на которые собралось свыше 100 чиновников, мещан, крестьян и рабочих. Они разработали программу, включавшую 16 вопросов, в том числе необходимость передачи полиции и пожарной части в ведение города; улучшения путей сообщения и почтовых станций; организации кредита для промышленности и торговли; уничтожение пошлин на лесные материалы для всех жителей и учреждений города (за исключением промышленных) и др²⁵⁸. Однако в ответ жители получили жёсткий ответ от губернских властей. Корреспондент «Сибирского листка» писал, что вслед за сходами последовал «...запрос генерал-губернатора исправнику — Что за собрание? Кто их разрешил? Кто был?». Этот запрос «...так перепугал участников этих собраний, что и до сего времени о них говорят, чуть ли не шепотом, оглядываясь кругом»²⁵⁹.

Впрочем, городское самоуправление в Берёзове и Сургуте продолжало развиваться. В 1915 г. городским старостой Берёзовской управы был мещанин Г. В. Козьмин, его помощником — мещанин П. А. Плеханов. В Сургутской управе исполнял должность старосты мещанин

²⁵⁴ Выписки из указов Правительствующего Сената по Первому Департаменту. СПб., 1909. С. 142.

²⁵⁵ Приложение к статье 22 Правил о упрощенном городском общественном управлении // Городовое положение 11 июня 1892 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / Составил присяжный поверенный М. И. Мыш. СПб., 1897.

²⁵⁶ Бузмаков Е. Л., Бузмакова О. Г. О легитимности и легальности органов городского самоуправления в Сибири во второй половине XIX — начале XX века // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14, № 2. С. 13.

²⁵⁷ Сибирские вопросы. 1909. № 39–40. С. 23.

²⁵⁸ Рубрика городской хроники // Газета «Сибирский листок». 1906. № 1. С. 3.

²⁵⁹ Там же. № 11. С. 4.

М. К. Кондаков²⁶⁰. Представители мещанских обществ участвовали в сборе ряда налогов. В 1915 г. в состав Берёзовского уездного раскладочного по промысловому налогу присутствия со стороны городского общественного управления входили: А. П. Кузнецов, И. Е. Петров, их заместитель И. К. Добровольский; взамен избираемых от земства — Ф. Г. Нижегородцев, И. А. Чечуров, Д. В. Корепанов и М. Д. Никитин, их заместители — А. П. Андреев и П. А. Плеханов²⁶¹.

В состав Сургутского уездного раскладочного по промысловому налогу присутствия в 1915 г. со стороны городского общественного управления входили: Я. С. Конев, М. И. Непомнящий, Е. М. Кайдалов и П. В. Силин, их заместители Д. В. Панкин и А. И. Кайдалов; взамен избираемых от земства — П. Я. Кайдалов и А. Н. Тетюцкий, их заместители — И. И. Тетюцкий и А. Я. Кушников²⁶².

В Берёзово-Сургутское городское по налогу с недвижимости присутствие входили представители от городского общественного управления — В. Г. Боторин, И. К. Добровольский; члены от плательщиков — М. Я. Мещеряков, С. П. Шахов, М. С. Батулин, Н. И. Тетюцкий, Я. С. Конев, их заместители — М. К. Конев, П. В. Силин, П. А. Плеханов, И. Е. Петров и А. Я. Железнов²⁶³.

В 1915 г. в Югре существовали благотворительные общества. В г. Берёзове — инородческая богадельня (попечитель — уездный исправник, член — городской врач), в с. Обдорское — миссионерское братство во имя св. Гурия (председатель — настоятель обдорской миссии)²⁶⁴. В г. Сургуте — вольное пожарное общество (председатель — Г. А. Пирожников, делопроизводитель — А. И. Сипин), общество потребителей «Север» (председатель правления — мещанин Т. И. Миронов), комитет российского общества Красного Креста (председатель — Г. А. Пирожников, казначей — И. Е. Кайдалов)²⁶⁵.

Подведем итоги. Становление городских сословий Югры происходит в XVIII — первой половине XIX в. После проведения Великих реформ 1860-х гг. проявляется тенденция деления городского населения Югры не по сословиям, а по занятиям, по способу извлечения дохода и заработка. Рост численности городского населения, стирание сословных различий и развитие самоуправления Югры привели к тому, что в начале XX вв. наряду с вопросами хозяйственной деятельности, отстаивания местных ценностей органы городского самоуправления стали рассматривать и политические вопросы. В Югре стали появляться сторонники профессора Томского университета Н. Я. Новомбергского, который считал: «Никакие декларации прав и конституционные хартии не выведут нашего Отечества из переживаемого кризиса, если в основу преобразования не будет положена самая широкая реформа местного управления. Только в этой области нужно искать фундамент для обновленной России, иначе народное представительство окажется висящим в воздухе»²⁶⁶.

²⁶⁰ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 7.

²⁶¹ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 30.

²⁶² Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 31.

²⁶³ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 32.

²⁶⁴ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 64.

²⁶⁵ Адрес-календарь // Памятная книга Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 65.

²⁶⁶ Цит. по: Харусь О. А. Либерализм в Сибири начала XX века. Идеология и политика. Томск, 1996. С. 123–124.

3. Правовое положение крестьян

Сословие государственных крестьян в Берёзовском и Сургутском уездах начало формироваться в XVIII в. Однако в силу природно-климатических условий крестьяне Югры занимались не земледелием и скотоводством, а промыслами и охотой. В этих условиях губернские и уездные власти поощряли крестьян Югры к переходу в «соответственное градским жителям звание». В 1782 г. чиновники Тобольской казённой палаты, указывая на «отсутствие хлебопашества» в Югре, предлагали Тобольскому губернскому правлению «...отобрать от тех крестьян желаний, не похочат ли они ... записаться» в купцы, мещане или цеховые²⁶⁷.

В Берёзове, Сургуте и их уездах (округе) в 1782 г. проживало 279 государственных крестьян, 70 экономических крестьян, 117 ямщиков; в 1803 г. — 204 государственных крестьянина, 70 экономических крестьян, 137 ямщиков; в 1821 г. — 367 государственных крестьян, 70 экономических крестьян; в 1834 г. — 452 государственных крестьянина, 63 экономических крестьянина; в 1850 г. — 667 государственных крестьян, 74 экономических крестьянина. Рост государственных крестьян в 1820-х гг. произошел в результате перевода ямщиков в 1827 г. в это сословие²⁶⁸.

В ходе колонизации Сибири коронная администрация опиралась на крестьянские общины — «миры». Сибирская крестьянская община обеспечивала полицейский порядок на своей территории и выступала в качестве судебной инстанции по незначительным правонарушениям и гражданско-правовым спорам между членами крестьянского «мира». В 1780-х гг. генерал-губернатор Пермский и Тобольский Е. П. Кашкин разработал «Наставление для установления порядка в сельской жизни», согласно которому поселения государственных крестьян Тобольской губернии были объединены в волости²⁶⁹.

Согласно «Наставлению», волость включала крупное селение и группу близлежащих селений. В соответствии с этой иерархией крестьянам предлагалось ежегодно избирать на мирском «сходе» («совете») «в каждом селении, где между дватцати и тритцати дворов», соответственно одного или двух десятников; от сотни дворов (несколько селений) — сотника. Раз в три года в волости избирался волостной суд в составе старосты и двух выборных, которых предлагалось выбирать «вдвое», чтобы они могли заменять друг друга, «дабы их домовые исправления остановиться не могли». В «Наставлении» подчеркивалось, что «волостной суд состоит прямо под повелением... нижняго земского суда и капитан-исправника» и исполняет указы только «генералитета и нижняго земского суда».

Административные полномочия волостного суда включали поддержание законности (через него публиковались «во всенародное известие» «узаконения, или обнародования, или повеления»); правопорядка (сохранение «благочиния, добронравия и порядка»); поддержание в «исправном состоянии» мостов, дорог и переправ», планировку и застройку селений; надзор за санитарной безопасностью; охрану «мира и тишины православных святых церквей» и т. д. Традиционно государственные власти возлагали на крестьянское самоуправление сбор налогов. Согласно «Наставлению», расклад податей проводился на мирском «совете».

²⁶⁷ ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 1540. Д. 170. Л. 458 об. — 459 об., 491 об. — 492.

²⁶⁸ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 46, 47.

²⁶⁹ АНО. Ф. Д-112. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–16 об.

Рис. 1.40. Великороссияне (Источник: «Народы России. Живописный альбом», СПб., 1877 г.)

Полномочия волостного правления включали проведение следствий о колдунах и чародеях, насильниках, ворах, разбойниках, убийцах и т.д.; борьбу с крестьянскими побегами, массовыми «ослушаниями», включая «скопы» и «незаконные сходбища или скопища людей». В «Наставлении» впервые была официально признана судебная функция крестьянской общины. Волостной староста и выборные принимали все крестьянские «жалобы, прошения, уведомления, извещения». Староста в согласии с выборными мог разбирать «маловажные дела... на словах».

После проведения реформ М. М. Сперанского русское сельское население сохранило свое самоуправление. Крестьяне Деньщиковского отделения Тобольского уезда (включая ямщиков, которые были переведены в 1824 г. в крестьянское сословие) составляли Самаровскую волость. Она возглавлялась волостным правлением в составе регулярно переизбиравшихся на волостном сходе волостного головы, старосты и писаря. Волостные сходы также регулярно переизбирали сельских старшин, которые руководили обществами отдельных селений. Таким образом, крестьянское самоуправление в Самаровской волости было двухступенчат-

тым: первая ступень — сельские старшины и сельские сходы, вторая ступень — волостные правления и волостные сходы.

В 1824 г. при «введении благоустройства в сельском управлении» в Берёзовском уезде предполагалось создать русскую крестьянскую волость в Кондийском отделении, в которую бы вошли ямщики, государственные и экономические крестьяне. Но, как пояснял земский исправник, замысел этот реализовать не удалось из-за «рассеянности» жителей «на пространстве более 300 верст». В 1824 г. по решению Берёзовского земского суда были созданы Кондинское и Елизаровское крестьянские общества в Кондийском отделении. Первым выборным старостой Кондинского общества стал Дмитрий Воротников, Елизаровского — Иван Шаламов²⁷⁰. Кроме того, крестьяне, жившие в г. Берёзове и г. Сургуте, образовывали особые крестьянские общества, в каждом из которых был свой староста²⁷¹.

Отмена крепостного права в 1861 г. стала объективной предпосылкой для развития тенденции к установлению единых подходов к управлению центральными и сибирскими губерниями. В Сибири крепостного права не было, почему эта реформа ее сельского населения

²⁷⁰ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учебник для старших классов /Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2000. С. 268.

²⁷¹ ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 5. Л. 296-297 об.

Рис. 1.41. Галкин А. И. Проводы ссыльных у Самарского волостного правления, фото 1909 г.
(Источник: МПиЧ, НВ-22-79-11)

прямо не коснулась. В 1879 г. было принято «Положение о преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири». Согласно «Положению», крупные волости должны были быть разделены на более мелкие. Должностные лица волостного и сельского самоуправления подразделялись на начальствующих и подчинённых. К первым, избираемым на волостных и сельских сходах, относились волостные старшины и сельские старосты с помощниками, а также смотрители экономических магазинов и сборщики податей. Ко вторым относились сторожа, пожарные, лесные и полевые старосты. В каждой волости учреждался суд по гражданским и мелким уголовным делам.

Крестьяне, жившие в Берёзове и Сургуте в конце XIX в., составляли особые общества. В Берёзовском уезде в это время было три крестьянские волости (включая городовую), а в Сургутском — две. Крестьяне, относящиеся к Тобольскому уезду, по-прежнему составляли Самаровскую волость. Волости в соответствии с законом 1879 г. делились на сельские общества. Сельские общества стали промежуточным звеном между деревенскими общинами и волостью.

Органами самоуправления в сельском обществе были сельский сход и сельский староста с помощниками. В волости действовал волостной сход. На этом сходе выбирались волостное правление (во главе с волостным старшиной) — исполнительный орган и волостной суд — судебный орган волостной общины. Выборные судьи рассматривали гражданские иски и мелкие уголовные проступки, совершённые крестьянами.

Волостные правления в системе государственной администрации рассматривались как нижний уровень административно-полицейской власти. Если в Тобольском уезде, как

Рис. 1.42. Галкин А. И. Семья жителя Самарова, фото 1909 г. (Источник: МПЧ, НВ-2279–11)

и в большинстве других уездов Сибири, контроль за деятельностью крестьянского самоуправления с 1897 г. стали осуществлять специальные чиновники — крестьянские начальники, то в Берёзовском и Сургутском уездах эта функция сохранялась за полицейскими исправниками; здесь должность крестьянского начальника не вводилась.

На основе «Временного положения о крестьянских начальниках» от 8 июня 1898 г. в Сибири были введены должности крестьянских начальников, которые осуществляли надзор за сельским и волостным крестьянским самоуправлением, утверждали его должностных лиц, а также решения мирских сходов. Крестьянский начальник имел право налагать штрафы на крестьян и даже подвергать их краткосрочным арестам. Однако в Берёзовском и Сургутском уездах Тобольской губернии должности крестьянских начальников не были введены, а управление и опека над крестьянами была вверена уездным исправникам²⁷².

На северо-западе Сибири в русских крестьянских селениях продолжало действовать сельское общественное управление, которое определяется общими правилами «О волостных правлениях, мирских и сельских старостах». Сохранялся волостной суд в пределах прежней подсудности, т. е. до 100 руб. по гражданским делам, а по маловажным проступкам — до

²⁷² Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. Т. I. С. 79; Гермизеева В. В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 — февраль 1917). Омск, 2015. С. 122.

3 руб. денежного взыскания и до 7 дней ареста. Решения волостных судов были окончательными. Жалобы в Берёзовском и Сургутском уездах допускались только в кассационном порядке и рассматривались уездными исправниками, а их определения в порядке надзора могли быть обжалованы в общем присутствии губернского управления.

Таким образом, в конце XVIII — первой половине XIX вв. на территории Югры складываются сословия государственных и экономических крестьян, которые после Великих реформ 1860-х гг. были объединены в крестьянское сословие. В результате реформ крестьяне получили право на переход в другие сословия, они не могли быть подвергнуты наказанию без приговора суда. Однако после реформ сохранились ограничения личной свободы крестьян, связанные с их припиской к сельскому обществу.

В конце XVIII — начале XX вв. органы мирского самоуправления были инкорпорированы в государственный механизм, наделены властными полномочиями и поставлены под контроль уездных государственных органов — нижних земских судов. Земская реформа 1864 г. в Сибири не была проведена, судебная реформа 1864 г. была осуществлена только в 1897–1899 гг., поэтому сфера деятельности крестьянского самоуправления в Сибири была более обширной, чем в центральных губерниях страны.

Глава 3

Правовое положение коренного населения Югры

1. Реформа М. М. Сперанского и правовое положение коренных народов Югры

В начале XIX в. местное самоуправление и правовое положение коренных народов не подверглись изменениям. В инструкции, которую получил сибирский генерал-губернатор И. О. Селифонтов из Санкт-Петербурга в 1803 г., особо подчёркивалось, что самоуправление ясачных волостей не должно подвергаться стеснениям. В начале XIX в. к «инородческим» волостям Берёзовского уезда относились: у хантов — Куноватская, Обдорская, Казымская и Подгородная во главе с «князцами», а также 15 с выборными старшинами; у манси — Со-сьвинская и Ляпинская, возглавлявшиеся «князцами». Кроме того, насчитывался 21 ненецкий род со своими старшинами.

Потестарную власть среди родов хантов и ненцев традиционно осуществляли династии хантэйских князцов Артанзиевых в Куноватской волости и Тайшиных — в Обдорской волости. Тайша Гындин, один из представителей династии Тайшиных, титуловался князем ещё в 1703 г. В 1768 г. Я. Артанзиев и М. Тайшин получили грамоты Екатерины II, подтверждавшие их княжеское достоинство (следовательно, принадлежность к дворянству и освобождение от уплаты ясака) и право на наследственную власть²⁷³.

Посетивший в 1807 г. Обдорскую волость тобольский губернатор А. М. Корнилов оставил интересные записи о местных князцах и старшине: «Здесьние князцы ничем не отличаются от простых жителей и не пользуются от них никаким особенным уважением, и во всех работах, даже и в гребле, упражняются сами ... Я послал к князцам по одной винтовке, письменно выхваляя за усердие их при сборе ясака, а прочим старшинам чрез земских чиновников поручил раздать несколько нарочно для них мною привезенного табаку»²⁷⁴.

Реформа правового статуса и управления коренных народов Сибири произошла на основе утвержденного 22 июля 1822 г. Александром I «Устава об управлении инородцев». Этот акт

²⁷³ Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. Шадринск, 1993. С. 1. В Куноватской инородной управе эта грамота хранилась еще в 1910 г. (Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. I. С. 105).

²⁷⁴ Корнилов А. М. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 78–79.

состоял из разделов «О правах инородцев», «Составе управления», «Наказе управлению» и «О порядке сбора податей и повинностей», подразделявшихся на 43 главы и 372 параграфа²⁷⁵. Реформа была направлена на постепенный переход сибирских аборигенов к оседлому образу жизни, чему должно было способствовать разделение их на «оседлых», «кочевых» и «бродячих»; ограничение надзора за сибирскими инородцами со стороны российской администрации и полиции; введение свободной торговли русских с «инородцами»; приведение количества налогов и податей, собираемых с «инородцев» в зависимость от экономических потребностей каждого племени.

Коренные народы Сибири подразделялись на три разряда: «оседлых инородцев», занимавшихся земледелием и торговлей; «кочевых инородцев», «занимающих определенные места, по временам года переменяемые»; «бродячих инородцев», или «ловцов», переходящих «с одного места на другое по рекам и урочищам». Только «оседлые инородцы» уравнивались в правах и обязанностях с государственными крестьянами, но, как и все остальные аборигены, освобождались от рекрутской повинности. «Кочевые инородцы» приравнивались к государственным крестьянам только в налоговом отношении. «Бродячие инородцы» сохраняли свое прежнее правовое положение.

Согласно замыслу законодателя, в процессе развития хозяйства у кочевых и бродячих народов постепенно разовьется земледелие и торговля, что позволит перевести их в разряд оседлых, т. е. уравнять в правах и обязанностях с русским населением. По справедливому заключению историков (Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек и др.), «приравнивание коренного населения Сибири к русскому выгодно отличает Устав М. М. Сперанского от законодательства западноевропейских государств в отношении населения колоний, которое подвергалось национальной дискриминации»²⁷⁶.

Рис. 1.43. Шахов. Н. Обдорский князь и самоедские старшины (штора, акварельное панно на ткани). (Источник: фонды Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН)

²⁷⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29126. С. 394–417.

²⁷⁶ М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма: (К 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского) / Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А. и др. Иркутск, 2003. С. 149.

Рис. 1.44. Знаменский М. С. Скупщики у остяков и самоедов. Из альбома «В память 300-летия Сибири. 1581–1881». (Источник: фонды Государственного исторического музея)

«Устав об управлении инородцев» регулировал административное устройство коренного населения Сибири и полномочия их органов родового управления в сферах развития хозяйства, переписей населения и налогообложения; наделял их полицейскими и судебными полномочиями. Сохранялась номенклатура почётных званий среди аборигенов. Размер ясачного сбора для коренных народов определялся только в денежной форме. Определение размеров сборов с коренного населения находилось в ведении гражданского губернатора и подлежало утверждению генерал-губернатором. Однако сибирским аборигенам предоставлялось право самим решать, будут ли они оплачивать ясак пушниной или деньгами. Закреплялся принцип свободной частной торговли между русским населением и коренными народами Сибири²⁷⁷.

Решение о введении «Устава об управлении инородцев» на территории Западной Сибири было принято Советом главного управления в 1824 г. Местным властям поручалось довести до сведения коренные положения этого нормативного акта. В частности, Тобольское губернское управление распорядилось о переводе на языки хантов, манси и ненцев Берёзовского округа тех разделов «Устава», в которых речь шла об их правах и обязанностях.

Ханты и манси Берёзовского округа были отнесены к разряду «кочевых инородцев», обдорские ненцы — «бродячих». Но введение «Устава» в Берёзовском округе встретило затруднения. Согласно «Уставу», помимо уплаты ясака и денег на нужды инородческих управ, кочевые народы облагались также земскими повинностями. Последние шли на внутренние нужды губернии.

²⁷⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29126.

Берёзовский земский исправник в 1825 г. рапортовал о том, что, когда государственные власти попытались взыскать земские повинности, ясачные люди (за исключением Кодских городков) от «платежа денег отозвались». Полуоседлые рыболовы и охотники ханты и манси, зачисленные в разряд «кочевых инородцев» знали, что обдорские ненцы, зачисленные в разряд «бродячих», обязаны вносить в казну только ясак, что ставило их в неравноправное положение²⁷⁸.

В этих условиях Совет Главного управления Западной Сибири обратился в Сибирский комитет с ходатайством о переводе в разряд «бродячих инородцев» хотя бы обдорских хантов, которые не имели существенных различий в образе жизни с обдорскими ненцами. В Сибирском комитете пришли к решению о переводе в разряд «бродячих инородцев» всего коренного населения Берёзовского округа. Решение Сибирского комитета «Об оставлении обдорских и берёзовских остяков в разряде бродячих инородцев» было утверждено императором в 1827 г.²⁷⁹

Рис. 1.45. Печать инородческой управы по Уставу 1822 г.

Согласно «Уставу об управлении инородцев», у сибирских аборигенов должны были быть введены органы управления двух уровней. Прежде всего, в каждом селении, где насчитывалось не менее 15 семейств, предполагалось создать родовое управление в составе старосты и 1–2 его помощников. Староста выбирался или занимал своё место по наследству, его помощники выбирались «из почетных и лучших родовичей». У «оседлых» и «бродячих инородцев» предусматривалось создание второго уровня управления — инородных управ, которым подчинялись родовые управления. В состав инородческой управы должны были войти голова, два выборных и, по возможности, письмоводитель. Голова мог быть выборным или получить свое место по наследству («сообразуясь с обычаями племени»). Остальные члены инородческой управы избирались «сородичами».

Головы, выборные, старосты утверждались гражданским губернатором, который также мог снять любого из них с должности за преступление, злоупотребление властью или по просьбе «родовичей». По делам текущего управления инородческие головы и старшины подчинялись отдельным заседателям и окружным чиновникам. Обязанности членов родовых управлений и инородных управ рассматривались как «общественная служба», почему жалования за неё не полагалось. Оплачивался только труд письмоводителя — за счет средств, собираемых с ясачных людей — «родовичей». За счет «родовичей» также должны были содержаться общественные здания, в которых размещались инородческие управы, и приобретаться «канцелярские припасы».

При этом следует учитывать, что верховная власть стремилась укрепить социально-правовой статус знати коренных народов Сибири. В частности, Первый Сибирский комитет разра-

²⁷⁸ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учебник для старших классов /Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2000. С. 270.

²⁷⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 11. Л. 11–15, 73–73 об.

ботал и принял положение «О праве состояния детей и внучат личных дворян из инородцев Сибирских», которым устанавливалось: «На основании Высочайшего Манифеста 10 апреля 1832 г. о почетном гражданстве, законные дети инородцев сибирских, рожденные по получении отцами их чинов, с коими сопряжено личное дворянство, принадлежат по праву рождения к Почетному гражданству потомственному, и потому, как сами они, так и потомство их, должны пользоваться ... свободой от платежа подати»²⁸⁰.

В результате проведения реформы М. М. Сперанского у обских хантов и манси роль коллективных институтов власти — собраний (сходов) общинников и совета «лучших людей» — усилилась. Посетивший Обдорскую волость в конце 1820-х гг. Ф. И. Белявский о родовом управлении хантов писал: «...остяки разделяются на несколько сотен и каждая сотня имеет своего особенного старшину. Звание старшины не наследственное, но избирательное... Старшины сии не имеют никакого права и власти входить в разбирательство тяжб или жалоб своих подчиненных; вся обязанность их состоит в сборе ясака. Кроме же сих избирательных старшин, остяки имеют над собою верховного главу, носящего звание князя, принадлежавшее некогда роду Тайшиных и переходившее от отца к сыну... Не одни остяки оказывают почтение Тайшину — еще более уважают его самоеды»²⁸¹.

Вспоминая о встрече с князем Тайшиным, Ф. И. Белявский писал, что его свитой была целая «толпа остяков». При этом «князь ... платьем и ужимками нимало не отличается от своих подданных». Скромностью отличались и старшины Обдорской волости. Ф. И. Белявский вспоминал: «В бытность нашу в Обдорске по представлению гг. гражданских губернаторов присланы из Кабинета е. и. в. 3-м старшинам самоедов за хорошее управление и срочное доставление ясака по кортику в серебряной оправе с орлиною головою на эфесе. Один из них, вынувши кортик из ножен и рассматривая оный, с важностью заметил: “Жаль, что ножик не остр, а то хорошо б было им рыбу скоблить”»²⁸².

Относительно ненцев Ф. И. Белявский писал, что до реформы 1822 г. «самоеды и остяки имели над собою одного и того же главного начальника» из княжеского рода Тайшиных, но после её проведения ненцам было «...предоставлено ... каждому из сих племен избрать своего собственного, чему они повиновались, но, как кажется, не очень охотно, ибо избранный у самоедов старшина Пайгол не слишком ими уважаем...». Кроме того, ненцы разделяются на сотни, «каждая из них имеет своего собственного старшину. Старшины у самоедов избираются и сменяются ежегодно по их произволу, с ведома, однако, князя»²⁸³.

В конце 1820-х гг. Ф. И. Белявский подчеркивал, что ненцы «... и по сие время князя Тайшина предпочитают своему старшине Пайголу»²⁸⁴. Действительно, после окончания его срока должность старшины исчезла и главой хантов и ненцев Обдорска вновь стал князец Тайшин²⁸⁵. В 1831 г. князю Матвею Тайшину, «за благонамеренные и полезные действия по управлению подвластными ему инородцами, высочайше пожалована золотая медаль на ан-

²⁸⁰ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 14. Л. 504–504 об.

²⁸¹ Белявский Ф. И. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 82–85.

²⁸² Там же. С. 59.

²⁸³ Там же. С. 169–170.

²⁸⁴ Там же. С. 85.

²⁸⁵ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 180–181.

нинской ленте с надписью «За полезное»». В 1837 г. цесаревич Александр (в будущем — император Александр II) посещал Тобольск, куда были вызваны берёзовские князцы и старшины и «пожалованы от него кафтанами из алого сукна с золотыми галунами, нарядными шапками и кортиками»²⁸⁶.

Однако власти князцов Тайшиных возникла угроза со стороны старшины ненецкого рода Ваули Пиеттомина. В 1820-х гг. он собрал ватагу ненцев, разъезжал с ними по тундре, отбирал у богатых аборигенов оленей и делил их в своей ватаге. Жестокость Ваули проявлял не только в отношении тех, кого он грабил, но и в отношении сородичей, не желавших подчиниться его воле. Ненцы Пура Сой и Готта Выньпад за отказ вступить в ватагу Пиеттомина были им «жестоко избиты».

В январе 1839 г. князец Иван Тайшин подал жалобу на Ваули Пиеттомина обдорскому заседателю Соколову, после чего он и его товарищ Магири Вайтин были арестованы. Берёзовский окружной суд постановил наказать их кнутом и сослать в каторжную работу. Но Тобольский губернский суд смягчил это наказание, постановив дать им по 20 ударов плетью и сослать в самую отдаленную волость Сургутского отделения. В действительности они оставались в Сургуте в работе за плату на пропитание у местного мещанина. 22 августа 1839 г. они, захватив лодку, бежали из Сургута в Тазовскую тундру.

Возвратившись в Берёзовский уезд, Ваули Пиеттомин вновь собрал ватагу до 400 чел. из ненцев и хантов. Обладая значительной физической силой и, как говорили, шаманским даром, он объявил себя старшиной над всеми инородцами. Со своей ватагой он совершил поход на Обдорск с целью смещения князца Ивана Тайшина, назначения на его место ханта Япты Муржана, снижения ясачных платежей, цен на муку и припасы, повышения цен на пушнину. 1 января 1841 г. на обдорскую ярмарку приехал исправник Скорняков и арестовал Ваули Пиеттомина и его ближайшее окружение. Они были отправлены сначала в Берёзов, затем в Тобольск, где преданы военному суду. Военный суд в 1843 г. приговорил Пиеттомина к ссылке в каторжную работу. Генерал-губернатор Западной Сибири утвердил приговор²⁸⁷. Иван Тайшин продолжил княжить в Обдорске²⁸⁸.

Рис. 1.46. Жерен И. И. Остяцкий (Обдорский) князь Матвей Тайшин. 1832 г. (Источник: Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М.: Типография Лазаревых Института Восточных языков, 1833 г.)

²⁸⁶ Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Записки РГО. СПб., 1857 г. Кн. XII. С. 337, 338.

²⁸⁷ Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX в. Омск, 1940. С. 16–17, 31–35; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941): Сб. док. Тюмень, 1994. С. 23–27.

²⁸⁸ Абрамов Н. Описание Берёзовского края // Записки императорского Русского географического общества. СПб., 1857. Кн. XII. С. 337.

Рис. 1.47. Истомин И. Г. Арест легендарного вождя ненецко-хантыйской бедноты Ваули Пиеттомина, 1940-е гг. (Источник: фонды МВК им. И. С. Шемановского, Салехард)

В 1830-х гг. несмотря на то, что ханты и манси Берёзовского округа были переведены в разряд «бродячих», у них кроме родовых управлений стали создаваться инородческие управы. Правда, глава инородной управы именовался у хантов и манси волостным старшиной, т. к. термин «голова» в Берёзовском округе не прижился. В 1850-х гг. Н. Абрамов писал о берёзовских осятках, что управителей их волостей «называют старшинами, хотя некоторых из них и ныне осятки и русские называют князьями: князь сынский (на р. Сынье), князь сосвинский и князь козымский»²⁸⁹.

Органы родового управления ведали хозяйственными и фискальными делами, к которым относились сбор ясака и недоимок, раскладка податей и повинностей, забота о продовольственных запасах, подача статистических сведений и т. п. При введении «Устава об управлении инородцами» размер ясачной подати продолжал определяться на основе переписи ясачных и решений Первой ясачной комиссии 1763 г.²⁹⁰

Вопрос о проведении новой переписи ясачного населения и установления размеров ясачного обложения обсуждался в Первом Сибирском комитете, который принял 27 ноября 1827 г. решение о направлении в Сибирь Второй Ясачной комиссии²⁹¹. Николай I утвердил данный документ 13 декабря 1827 г. В 1828–1830 гг. Ясачная комиссия по Западной Сибири провела

²⁸⁹ Абрамов Н. Описание Берёзовского края // Записки императорского Русского географического общества. СПб., 1857. Кн. XII. С. 337–338.

²⁹⁰ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII — начале XX века. Иркутск, 2014. С. 173.

²⁹¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 9. Л. 151; Д. 11. Л. 145–178.

перепись коренного населения. В частности, в Берёзовском округе, по данным Комиссии на 1835 г., было учтено 10993 души м.п. «инородцев» (по переписи 1763 г. — 8303 души м.п.), которые были обложены в 1835 г. ясаком на 20212 руб. (в 1763 г. — 6876 руб.). Таким образом, прирост коренного населения Берёзовского округа составил за 1763–1835 гг. 2690 душ м.п., а ясачный сбор вырос на 13336 руб. (более чем в 3 раза)²⁹².

В последующем столь большое увеличение ясачного сбора привело к хроническому росту недоимок с сибирских аборигенов, спровоцировало рост правонарушений среди них и, в частности, стало одной из причин попытки Ваули Пиеттомина захватить власть в Обдорске. В 1872 г. сибирский публицист С. С. Шашков доказывал, что положение коренных народов Берёзовского округа было незавидным. Уровень их хозяйствования не был развит, они страдали от алкоголизма и эпидемий (в частности, сифилиса). Публицист предполагал, что аборигены Берёзовского округа могут исчезнуть с лица земли²⁹³.

Важной функцией родового управления являлся надзор за «спокойствием» в данной волости и разрешение споров, чему М. М. Сперанский уделил особое внимание. Его биограф С. М. Середонин писал, что реформатор надеялся на то, что поэты «из рода тунгусов и остяков воспоют имя его, как греки воспевали Кадма или скандинавы Одина»²⁹⁴. Согласно «Уставу об управлении инородцев», низшей инстанцией суда у «кочевых инородцев» являлось родовое управление в лице старосты и помощников из «почетных и лучших родовичей». Второй ступенью — инородная управа, состоявшая из головы, письмоводителя и двух заседателей, разбиравшая конфликты и споры, возникающие между представителями разных стойбищ, а также дела, поступавшие в апелляционном порядке из родовых управ. Причисление коренных жителей к разряду «бродячих инородцев» означало сохранение всей полноты власти в руках старосты, наделяемого правом единоличного суда по делам своих сородичей.

Органы родового управления разбирали только «маловажные дела», к которым относились ссоры, драки, кражи, имущественные споры. Самыми тяжкими грехами-преступлениями были, в частности, нарушение присяги, приносившейся на медвежьей лапе, кража у покойника или шайтана (идола). Телесные наказания по решениям традиционных судов ис-

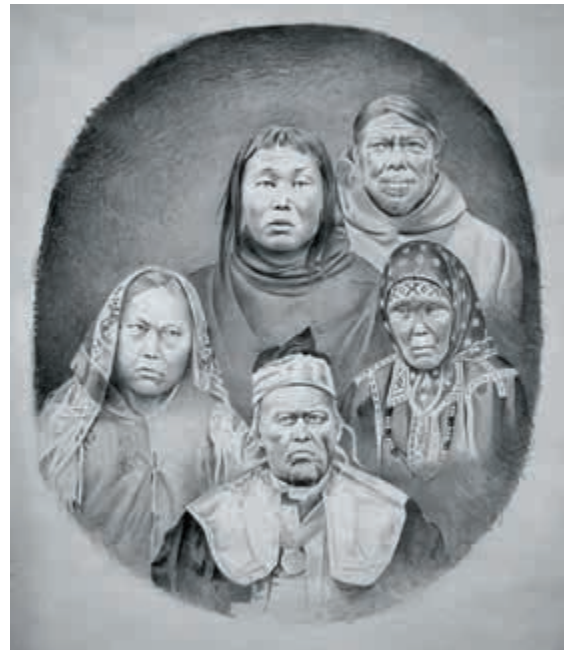

Рис. 1.48. Знаменский М. С. Остяки Тобольской губернии. Из серии «Остяки Тобольской губернии». Вторая половина XIX века (Источник: фонды Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева)

²⁹² Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII — начале XX века. Иркутск, 2014. С. 181–182.

²⁹³ Шашков С. С. Исторические этюды. В 2 т. СПб., 1872. Т. 2. С. 291.

²⁹⁴ Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909. С. 113–114.

Рис. 1.49. Знаменский М. С. Присяга остяков-язычников на медвежьей шкуре. Из альбома «В память 300-летия Сибири. 1581–1881». (Источник: фонды Государственного исторического музея)

полнялись русской администрацией. В исключительном ведении русской администрации находились убийства, грабежи и другие преступления, рассматриваемые по государственным законоположениям.

О судопроизводстве у хантов Берёзовского округа Ф. И. Белявский писал: «У старшин есть помощники, называемые мировщиками, которые обязаны все неважные споры в народе решать мировой сделкою. В важных же происшествиях, доходящих до земской полиции и требующих усвоения, или в сомнительных случаях приводят ... к идолопоклоннической, сходной с их понятием присяге... Остяки никогда не присягают ложно, и если случится, что остяк присягнет неправо..., то от страха и угрызения совести действительно впадает в несчастье»²⁹⁵. В ненецких «ватагах» действовали выборные судьи, разбиравшие споры между сородичами один раз в год, во время Обдорской ярмарки. Иностранная управа выступала как апелляционная инстанция на приговоры родовых и ватажных сходов, игравших роль коллективных судов первой инстанции и рассматривавших подавляющее большинство дел²⁹⁶.

В «Уставе об управлении инородцев» предусматривалась необходимость кодификации норм обычного права сибирских народов, основанного на «сложных и многообразных преда-

²⁹⁵ Белявский Ф. И. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 85–87.

²⁹⁶ Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб., 1913. С. 219.

ниях». В губернских городах были образованы специальные комитеты по сбору сведений о юридических нормах аборигенов. В Берёзове и Сургуте в результате осуществления этого начинания были составлены сборники юридических обычаев остяков и самоедов²⁹⁷.

Однако уже в 1825 г. в Сибирском комитете возникла дискуссия о необходимости кодификации обычного права народов Сибири. Начальник II отделения собственной е. и. в. канцелярии Д. Н. Блудов считал, что кодификация будет способствовать консервации родовых обычаев и традиций аборигенов. В последующем вопрос о кодификации обсуждался в императорском Кабинете, императорской Канцелярии, Государственном совете. В 1847 г. правительство признало, что кодификация норм обычного права народов Сибири в том виде, как это предусматривал в 1822 г. М. М. Сперанский, будет делом «не полезным, а вредным»²⁹⁸.

В «Уставе об управлении инородцев» закреплялся принцип веротерпимости. В нём предписывалось, что «земское начальство обязано не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру», а некрещеным «инородцам» гарантировалась «свобода отправлять богослужение по их закону и обрядам». Однако принятие христианства расценивалось положительно. Позднее, 21 декабря 1832 г., последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступающих в христианскую веру»²⁹⁹.

На Северо-Западе Сибири продолжилась миссионерская деятельность православной церкви, которая привела к становлению сети приходских школ, находившихся в ведении Св. Синода. Трудami настоятеля Кондинского монастыря игумена Арсения (Куликовского) по постановлению Св. Синода 1836 г. при монастыре в 1844 г. была создана приходская школа. В том же 1844 г. игуменом Арсением были созданы школы в с. Белогорье (Троицкое), Сухорукovo и Малый Атлым. В д. Елизаровой, кроме того, была создана школа для детей местных русских крестьян.

Благодаря трудам благочинного церквей Берёзовского округа протоиерея И. М. Заборовского, выпускника Тобольской духовной семинарии, были открыты приходские школы в Ларьякском (1842), Юганском (1844), Ваховском (1845), Верхне-Лумпокольском (1845) приходах, располагавшихся в «инородческих» волостях. Позднее он занял должность штатного смотрителя Берёзовского уездного училища. За вклад в развитие народного просвещения И. М. Заборовский был пожалован в 1861 г. орденом Св. Анны 3-й ст., в 1862 г. — орденом Св. Анны 2-й ст³⁰⁰.

²⁹⁷ Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876; Носилов К. Д. Юридические обычаи манси // Сборник материалов по этнографии. М., 1883. Вып. 3; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 15–47; Бартенев В. В. Понятия обдорских остяков о грехе // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895–1896. Вып. V; Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900.

²⁹⁸ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 92.

²⁹⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 14. Л. 544–545 об.

³⁰⁰ Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 35, 42–47.

Рис. 1.50. Знаменский М. С. Крещение остяка. Из альбома «В память 300-летия Сибири. 1581–1881». (Источник: фонды Государственного исторического музея)

В 1846 г. священником П. Поповым в Обдорске была создана приходская школа для детей русских, хантов и ненцев. В 1848 г. в с. Самарово была открыта приходская школа для детей русских крестьян. В этих школах Закону Божию, чтению по-русски и церковно-славянски, письму, арифметике, церковному пению обучались дети русских и «инородцев». Приходские школы руководствовались Уставом духовных консисторий 1841 г. и циркулярами Министерства государственных имуществ³⁰¹.

2. Процессы интеграции обычного права народов Югры в российскую правовую систему

Проблема интеграции обычного права отдельных народов Российской империи в имперскую правовую систему была связана с особенностями построения последней. В этом контексте отметим распространение в XIX столетии на сибирские коренные народы принципов действия местного права, которые использовались российской верховной властью с XVIII столетия в отношении коренного населения западных социально-территориальных пространств (Финляндия, Остзейские губернии, Царство Польское и др.). В XIX — начале

³⁰¹ Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 42–47, 52, 57.

XX вв. действовало общее правило, что «под местными законами разумеются законы областей, присоединённых в различные времена к Российскому государству и живших до того времени самостоятельной жизнью или в составе других государств»³⁰².

Важны составляющей в правительственной политике в определении статуса коренного населения Сибири были положения относительно упорядочения традиционных регуляций их жизни в включения обычаев в регулятивное пространство сибирского края. Это соответствовало традициям Российского государства, связанных с фиксацией и включением в регулятивные механизмы обычаев с приданием им посредством государственного санкционирования статуса обычного права³⁰³. При этом заметим, что решение авторов устава о необходимости кодификации обычаев и путём их санкционирования властью включить в региональную систему сибирского законодательства обычное право во многом была связана с общими подходами к делению права на общегосударственное и местное. И хотя последнее относилось преимущественно к западным национально-территориальным пространствам, которые вошли состав России в XVIII — начале XIX вв., но именно эти принципы были определяющими и относительно коренных народов Сибири.

В Уставе о сибирских инородцах 1822 г. в гл. 8 «О законах и обычаях» определялись принципиально важные положения относительно упорядочения положений обычного права, его письменной фиксации, внесения в него изменений, сохранения стабильности санкционированных обычаев и их в деятельности общегосударственных органов управления и судебных учреждений в Сибири.

Прежде всего указывалось на обязанность местных властей разобраться в традиционных регуляциях и письменно их зафиксировать — «Все кочующие и бродячие инородцы ... управляются по их собственным степным законам и обычаям. Но поелику законы сии и обычаи в каждом племени имеют некоторое и важное от других отличие, притом же, сохраняясь поныне чрез одни изустные предания, могут быть сбивчивы и неопределённые: то по сим причинам предоставляется местному начальству от почётнейших людей собрать полные и подробные о сих законах сведения, рассмотреть оные по губерниях в особых временных комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими постановлениями, и расположив в надлежащем порядке, представить местному главному управлению на утверждение». (§ 69). Санкционированные российской властью «степные законы имеют быть напечатаны российском языке, и если можно на языках тех самых племён, до коих оные относятся, или на языке, с употребляемыми сходственным» и «по напечатании сих законов представить оные в Правительствующий сенат, и не допускать потом в них никаких изменений, пока с переменою образа жизни и степени образования, не будет надобности изменить образ самого их управления» (§ 71). При этом в юрисдикционной деятельности государственных управленческих и судебных органов в отношении коренных народов использовалось общее правило о приоритетности местного права и лишь при пробелах в нем используются общегосударственные законы — «Недостаток в степных законах при решении дел дополняется российскими узаконениями» (§ 7, 72). Устав о сибирских инородцах специально оговаривал, что собранные, упорядо-

³⁰² Корево Н. Н. Издания местных законов Российской Империи. — СПб., 1907. С. 3.

³⁰³ См.: Кодан С. В. Обычай, правовой обычай и обычное право в системе носителей государственно-правовой информации // Традиционное государство и право. Монография. М., 2020. § 2.4. С. 252–266.

ченные и утверждённые местными властями «степные законы» являются формой местного права и «российскими присутственными местами преемлются в основание в рассуждении о делах кочующих и бродячих инородцев».

После Сибирской реформы 1822 г. администрацией сибирских территорий были приняты меры по выявлению и письменной фиксации обычаев коренных народов, которая продолжалась под руководством Сибирского комитета до конца 1840-х гг. Для сбора сведений были учреждены особые временные комитеты, которые состояли из чиновников губернских правлений под руководством губернаторов, которые собирали сведения от родовых начальников³⁰⁴. В Берёзове и Сургуте в результате осуществления этого начинания были составлены сборники юридических обычаев остяков и ненцев³⁰⁵.

В результате этой деятельности были подготовлены Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири и Сборник обычного права сибирских инородцев для Западной Сибири³⁰⁶. После череды их рассмотрений Сибирским комитетом и II отделением Собственной е. и. в. канцелярии было решено отказаться от введения собранных источников в систему российского права. Начальник II отделения Д. Н. Блудов считал, что кодификация будет способствовать консервации родовых обычаев и традиций аборигенов. В последующем вопрос о кодификации обсуждался в императорском Кабинете, императорской Канцелярии, Государственном совете. В 1847 г. правительство признало, что кодификация норм обычного права народов Сибири в том виде, как это предусматривал в 1822 г. М. М. Сперанский, будет «не полезным, а вредным»³⁰⁷.

Во многом это было связано с тем, что, как отмечает Л. М. Дамешек, «к концу первой половины XIX в. народы Сибири сделали заметный шаг вперёд в социально-экономическом и культурном развитии. Наметившаяся ещё в начале века тенденция к сближению русского и коренных народов значительно окрепла. Население региона все сильнее вовлекалось в орбиту общегосударственных связей и отношений. Род как административно-хозяйственная единица распадался. В этих условиях полное подчинение народов Сибири российскому законодательству могло иметь прогрессивное значение. В середине XIX в. обычное право народов Сибири уже не отражало действительного положения вещей, оно являлось пройденным

³⁰⁴ См.: Нольде А. Е. К истории составления проекта «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». // Сергею Федоровичу Платонову — ученики и почитатели. Сб. статей. СПб., 1911. С. 502–521; Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Одесса, 1880. Ч. 1. С. 3–12; Дамешек Л. М. Кодификация норм обычного права народов Сибири как источник по истории внутренней политики самодержавия в XIX веке // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. Иркутск, 1983. С. 29–41; Шангин А. М. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири как начальная попытка кодификации обычного права сибирских народов // Труды института государства и права РАН. 2009. № 4. С. 158–168.

³⁰⁵ Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876; Носилов К. Д. Юридические обычаи манси // Сборник материалов по этнографии. М., 1883. Вып. 3; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 15–47; Бартенев В. В. Понятия обдорских остяков о грехе // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895–1896. Вып. V; Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900.

³⁰⁶ Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. Проект. СПб., 1836.

³⁰⁷ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 92.

этапом для большинства народов Сибири, поэтому и отпала необходимость превращать своды в действующие законы и включать в «Свод Российской империи»³⁰⁸.

Особо следует отметить, что хотя меры по кодификации обычного права сибирских инородцев и не были реализованы в полном объёме, но оказали влияние на юрисдикционную органов управления и суда деятельность в сибирском социально территориальном пространстве. В данном контексте можно говорить о наличии местного права в Сибири как уровня системы имперского права в целом, что соответствовало общим тенденциям развития правовой системы Российской империи³⁰⁹.

В середине 1870-х гг. собранные Сибирским комитетом материалы относительно обычного права сибирских коренных народов подготовил к публикации профессор Варшавского университета, известный российский историк права Д. Я. Самоквасов, который подчеркнул, что поступивший в распоряжение исследователей «сборник обычного права сидячих, бродячих и кочующих сибирских народов представляет драгоценный для науки материал, подобного которому, по полноте и качеству, не существует в литературе. В противоположность существующим сборникам обычного права первобытных народов, составленных по известиям путешественников, часто отрывочным, случайным, в которых действительность более или менее пострадала от субъективных воззрений авторов, представляет собой полную систему первобытного права, составленную самими первобытными народами». При этом отметим, что в сборнике имелся раздел — «Обычаи инородцев Тобольской губернии: Вогул, Остяков и Самоедов». В нем были выделены подразделы, систематизирующие обычаи указанных коренных народов по отдельным вопросам: родовое управление, его права и процедуры рассмотрения дел в отношении сородичей — «Чиноначалие», «Права и власть начальников», «Состав расправы», «Власть расправы», «Доходы начальников и духовных», «Жалобы на высших», «Обряд разбирательства», «Свидетельства», «Улики», «Присяга»; положение отдельных категорий сородичей — «Права родителей и старших родственников», «Права духовных лиц»; виды нарушений правил верований, предписаний обычаев и распоряжений родового начальства — «Нарушение правил веры», «Убийство», «Неповиновение и обида», «Кража», «Обман», «Распри на играх и пиршествах», «Неосторожные поступки»; регламентация брачных, наследственных и имущественных отношений — «Свадебные дела», «Наследство», «Долговые дела», «Распри на помыслах», «Дела по скотоводству»³¹⁰. В 1900 г. были опубликованы «юридические обычаи остяков Западной Сибири»³¹¹. Рассмотрение указанных традиционных регуляций не входит в задачи очерка и даёт интересный материал для изучения антропологическо-правовых аспектов жизнедеятельности коренных народов Югры.

Систематизация законодательства и создание свода законов Российской империи в 1826–1832 гг. повлекло консолидацию узаконений Сибирской реформы 1822 г. и включение их в указанный акт действующих правовых предписаний. Свод законов о состояниях (т. 9 свода законов Российской империи) в ст. 1 определял выделение в отдельную категорию «права состояния ... для инородцев». В Особый раздел свода «О состоянии инородцев (разд. 5) вошли

³⁰⁸ Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII — начало XX в.). Иркутск, 2018. С. 221.

³⁰⁹ См.: Кодан С. В., Февралев С. А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII — начало XX в.). М., 2014.

³¹⁰ Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876. С. IX, С. 13–23.

³¹¹ Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. 2 т.

нормы, регулирующие положение местных народов отдельных регионов страны — Сибири, Севера, Астраханской и Ставропольской губерний (ст. 1208–1811). В определённой степени в нем соединились различные уровни регулирования общественных отношений в национальных районах, обусловленные как введением норм общероссийского законодательства, так и сохранением национальных особенностей жизни, управления, положений обычного права (ст. 1208). В особую группу были выделены сибирские инородцы (ст. 1209–1258), сибирские киргизы (ст. 1259–1286), самоеды Архангельской губернии (ст. 1316–1325), нагайцы (ст. 131–1325), калмыки (ст. 1326–1364) и евреи (ст. 1365–1511).

Основными принципами определения сословного статуса местного населения были: учёт этнических факторов и местных узаконений, принятие христианства, оседлый образ жизни, занятия как традиционными промыслами — скотоводством и торговлей, так и хлебопашеством. В общих правах оно приравнивалось к крестьянам, но имело и некоторые льготы — освобождалось от рекрутской повинности, ряда пошлин и сборов и др. При оседлом образе жизни и принятии христианства разрешалось вступать в сословие государственных крестьян и мещан, записываться в гильдии «без всякого ограничения и стеснения и... всегдашнюю свободу от рекрутства», могло быть получено и дворянство на обоих основаниях (пожалованием или службой). С определёнными коррективами такое положение сибирского коренного населения в сословной системе России сохранилось до начала XIX столетия³¹².

3. Изменения в правовом положении коренных народов Сибири в 60-х гг. XIX — начале XX вв.

«Великие реформы» Александра II положили начало некоторым новациям в управлении и правовом положении коренных народов Сибири в целом и Югры в частности. В середине XIX в. — начале XX вв. были предприняты попытки реформ местного управления и самоуправления коренных народов Сибири. Вопрос о преобразовании судопроизводства сибирских аборигенов был поставлен в комиссии статс-секретаря В. П. Буткова, образованной в 1867 г. для обсуждения возможности проведения судебной реформы 1864 г. в Сибири³¹³. Члены комиссии пришли к выводу, что в случае проведения судебных преобразований в Сибири необходимо отменить действие родового суда и обычного права кочевых и бродячих инородцев при рассмотрении уголовных дел, но допустить их действие по гражданским делам³¹⁴. 1 января 1870 г. комиссия В. П. Буткова была закрыта, и к вопросу о распространении на Сибирь судебных уставов 1864 г. вернулись только в конце XIX в.

В Тобольском округе ещё в 1865 г. были созданы объединения волостей, имеющие общую инородную управу. Инородные управы в Тобольском округе возглавлялись голова-

³¹² См. Свод законов о состояниях // Свод законов Российской империи. 1857 г. изд. СПб., 1857. Т. 9; Законы о состояниях: (свод законов Т. IX, изд. 1899 г., по Прод. 1906, 1908 и 1909 гг.): с разъяснениями, извлечениями из Кодификационной объяснительной записки к Законам о состояниях, изд. 1899 г. Сост. Я. А. Канторович. СПб., 1911.

³¹³ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика во второй половине XIX в. Омск, 1997. С. 144.

³¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 65. Д. 3451а. Л. 92 об. — 93 об.

ми (позже — старшинами); в состав управы входил староста и 3–4 кандидата. В конце 1870-х гг. в Сургутском округе было проведено объединение остяцких волостей в более крупные территориальные единицы. Эти единицы возглавлялись инородными управами и, одновременно, сами назывались инородными управами. К концу XIX в. инородные управы ханты и манси Югорской земли были близки по своим функциям к волостным правлениям русских крестьян. В целом же, в основе организации управления у ханты, манси и ненцев и в это время лежали принципы, закрепленные в Уставе 1822 г.

По просьбам ненцев в 1865 г. из Обдорской волости выделилась самостоятельная «самоедская волость». Но этой новой волостью, как и остяцкой, по-прежнему, управляли Тайшины, именуемые уже не князьями, а старшинами. Основной административно-фискальной единицей в тундре оставался не род, а «ватага» — внутривидовое подразделение со своим старейшиной, обычно передававшим пост по наследству³¹⁵.

В 1892 г. вводится в действие «Положение об инородцах», которым были сохранены традиционные органы родового управления коренного населения Сибири. В ст. 2 «Положения» 1892 г. подтверждалось действие «Устава об инородцах» 1822 г.: «Все обитающие в Сибири инородные племена по степени их гражданского образования и образу жизни, а именно по качеству их промысла, составляющего главные предмет их пропитания, разделялись на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих»³¹⁶. Однако «инородческие» органы самоуправления сибирских аборигенов были переименованы в волостные управы³¹⁷.

Однако никаких серьёзных изменений в статусе и административной подконтрольности аборигенов Югры не произошло. В начале XX в. сохранилась структура самоуправления аборигенов, которая сложилась при введении «Устава» 1822 г. Восемь «инородческих» волостей, как и прежде, подразделялись на роды или «ватаги». Пять волостей были населены хантами — Куноватская, Обдорская, Подгородная, Казымская и Котская (Кодская), две манси — Ляпинская и Сосьвинская, одна ненцами и хантами — Обдорская³¹⁸.

Рис. 1.51. Знаменский М. С. Остяцкий князь И. Тайшин и тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович. Из альбома «В память 300-летия Сибири. 1581–1881». (Источник: фонды Государственного исторического музея)

³¹⁵ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. I. С. 108.

³¹⁶ Свод Законов Российской Империи. СПб., 1897. Т. 2, ч. 1. С. 303–338.

³¹⁷ История Сибири. Томск, 1987. С. 438.

³¹⁸ Ямал — знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995. С. 107, 108, 130.

Коренные народы Югры по-прежнему относились к «бродячим инородцам», которые управлялись старостами (тайшами, князьями) с правами и властью родового управления и инородной управы, подчиненными уездным полицейским управлениям и участковым приставам. Инородные управы состояли из «инородческого старшины, двух кандидатов и писаря». Управы делились на рода, которыми заведовали родовой староста и два кандидата. Старшины и старосты избирались сходом и утверждались в должностях: старшины — губернским начальством, старосты — уездным исправником.

По свидетельству А. А. Дунин-Горкавича, при выборах старшин и старост «инородцы принимают во внимание способность избираемых, их трезвость и знание ими счета». В обязанности старшин и старост входило получение из казенных магазинов огнестрельных припасов, раздача их «инородцам» и взыскание с них ясака. Инородческая управа соответствовала русскому волостному правлению, род — сельскому обществу³¹⁹.

Особое значение в организации управления «бродячими инородцами» имели ярмарки, которые могли проводиться не только в городах или селениях, но и при устроенных в тундрах церквях, при зимовьях. Ярмарки устраиваются с таким расчетом, чтобы они были удобны для торговли «инородцев» и сбора податей. На ярмарке выбирались особые старосты, которые наблюдали за порядком и разбирали споры.

Ханты Сургутского уезда были разделены на 5 управ и 21 род. Каждый род имел свои земельные угодья, границы которых были известны соседним родам. Вторжение на чужую территорию строго наказывалось по обычному праву. Так, в постановлении котского старшины Алачева от 19 декабря 1899 г. говорилось, что он, «разобрав жалобу вотчинников-инородцев Нагакарских юрт, нашел, что Гордей Аренхов самовольно вторгнулся на их «дачи» для звериного промысла, ... в чем Аренхов сознался». Доверенные от инородцев «потребовали с Аренхова за самовольное вторжение на их вотчину 70 рублей». Старшина Алачев «предложил тяжущимся покончить дело миром» и с согласия доверенных «постановил взыскать с Аренхова 55 р., обязав его впредь никогда на чужие вотчины не вторгаться»³²⁰.

13 мая 1896 г. Николай II утвердил «Временные правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири»³²¹. В соответствии с этими правилами в подсудность инородческих инстанций входило рассмотрение гражданских исков, предъявленных инородцами к своим соплеменникам; правом обращения в инородческий суд наделялись стороны, которые принадлежали к инородцам и русским, если между ними было достигнуто соглашение об этом, и они не имели права обжаловать решение инородческого суда в общих судебных установлениях (ст. 27). Из подсудности мировых и общих судебных установлений согласно ст. 57 изымались дела «о преступлениях и проступках сибирских кочевых и бродячих инородцев». В этой связи действовало Положение об инородцах 1892 г.

У «бродячих инородцев» Югры сохранилась словесная расправа, названная так вследствие устности производства («разбирательство в родовых управлениях ... есть словесное, и до

³¹⁹ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. Т. I. С. 77; Он же. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. Т. III. Тобольск, 1911. С. 58.

³²⁰ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. Т. I. С. 77–78.

³²¹ ПСЗ. Собр. 3. Т. 16. № 12932.

Рис. 1.52. Дунин-Горкавич А. А. Казымские остяки. Рубеж XIX–XX вв. (Источник: фонды МПЧ)

письменных просьб им дела нет»). Маловажные дела и иски в первой инстанции решались у хантов родовыми управлениями, у ненцев — родовым старостой единолично. На практике суд в этой форме почти не осуществлялся, т. к. староста и его кандидаты из-за дальности расстояния не могли собираться одновременно для составления коллегиального суда. Отсюда, возникающие споры зачастую разбирались сходом во время съезда аборигенов для «положения» ясака, которые обычно проходили в мае и декабре. Второй инстанцией для хантов является управа и третьей — полицейское управление. Ненцы в случае недовольства разбирательством старосты могли обжаловать его решение в полицейском управлении, а решения последнего — в окружном суде³²².

На основе личных наблюдений и книги записи приговоров Обдорской управы за 1881–1901 гг. А. А. Дунин-Горкавич следующим образом описывал процедуру словесной расправы: «При разбирательстве тяжб обращаются к свидетельским показаниям. Показания свидетелей принимаются на веру; обвиняемый же приводится к присяге... Почти каждый остяк убеждён, что такие клятвы, произнесенные ложно, не остаются безнаказанными, поэтому считающий себя неправым на клятву не соглашается и сознается в вине, произнесший клятву считается оправданным». В качестве мер наказания, по его сведениям, «...у инородцев существуют пеня, или штраф, розги ... и арест при управе, а для неисправных в уплате ясака — отдача в заработки»³²³.

Сургутский уездный исправник Г. А. Пирожников на основе личных наблюдений и книги записи приговоров Локосовской управы Сургутского уезда за 1905–1908 гг. свидетельствует,

³²² Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. Т. I. С. 78.

³²³ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. Т. III. Тобольск, 1911. С. 59–61.

что «местная юриспруденция была крайне упрощенной», «маловажные проступки рассматривались и разрешались старейшинами, родовыми управлениями и по закону о туземцах». В качестве мер наказания, по его сведениям, применялись розги, битье виновного по щекам и испрашивание прощения с поклонами в ноги обиженному или оскорбленному, арест с содержанием в катажной камере. В некоторых случаях наказание за маловажные проступки заменялось платой в пользу пострадавшего или обиженного³²⁴.

В жизни коренного населения Северо-Западной Сибири продолжала играть существенную роль православная церковь. В 1884 г. в Берёзовском округе исполнял обязанности благочинного городских и окружных церквей священник В. А. Чемесов³²⁵. Благочинным городских и окружных церквей Сургутского округа был священник В. Я. Калугин³²⁶. Настоятелем Троицкого мужского монастыря (в с. Кондинском Берёзовского округа) — иеромонах Анастасий³²⁷.

В ведении Св. Синода в 1880 г. оставались Кондинская и Обдорская миссионерские школы. Учителями школы Кондинского монастыря были с 1867 г. — иеромонах Иосиф (бывший студент Тобольской духовной семинарии), с 1869 г. — священник Евгений Кузнецов (в монашестве Евграф, выпускник Тобольской духовной семинарии), в 1874 г. — иеромонах Венедикт

Рис. 1.53. Галкин А. И. Православный священник с учениками, детьми из обских угров (Источник: фонды МПич)

³²⁴ Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север: историко-краеведческий сборник /Ред.-сост. Л. В. Цареградская. Сургут, 2002. С. 28.

³²⁵ Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 60.

³²⁶ Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 61.

³²⁷ Адрес-календарь // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 60.

(обучался в Санкт-Петербургском топографическом училище) и иеромонах Анастасий II (обучался в риторическом классе Орловской семинарии), в 1884 г. — иеромонахи Афанасий и Евграф. К 1885 г. школа прекратила свое существование. За 40 лет, с 1844 по 1885 гг. в её стенах проходили обучение 134 остяка³²⁸.

В 1861 г. происходит преобразование Обдорской школы в смешанную приходскую. В 1868 г. в ней числилось 29 мальчиков и 13 девочек. По данным на 1876 г., в Обдорске упоминаются уже две школы — мужская, насчитывавшая 50 учеников (в том числе 16 ненцев и 2 ханта, остальные — дети крестьян, казаков и мещан); женская, в которой обучалось 18 девочек (из них 3 ненецких девочки). В первой преподавали Закон Божий, священную историю, чтение и чистописание, во второй — грамоту и рукоделие. Дети аборигенов, прежде чем быть допущенными в школу, направлялись в подготовительное отделение для овладения русским языком. В начале 1880-х гг. школа в Обдорске была закрыта по причине смерти её организатора игумена Аверкия. Вместо неё открывается училище Министерства государственных имуществ. В 1884 г. его попечителем состоял купец 2-й гильдии Ф. Карпов, законоучителем — священник В. Гажицкий, учителем — «уволенный в запас из армии вольноопределяющийся» А. Шешуков³²⁹.

³²⁸ Козлов З. Исторический очерк одноклассной церковно-миссионерской Кондинской школы за 65 лет (с 1844–1909 г.) ее существования // Школьный листок при ТЕВ. 1910. № 16. С. 122; Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография /Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 45–46.

³²⁹ Вануйто В. Ю. Культурное развитие Обдорского севера в XVIII — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 19; Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография /Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2011. С. 47.

Часть 2

Демографические
и социальные
процессы в Югре
во второй
четверти XIX —
начале XX веков

На протяжении всего XIX столетия российские государственные и общественные деятели, учёные, публицисты ставили вопрос о необходимости описать империю, дать её портрет с учётом характерного для страны поразительного многообразия. Это объяснялось отнюдь не только научными соображениями, а, прежде всего, административными. Надо знать, кем управлять. Знаний же в этой области критически не хватало. Априорно было известно, что неоднородность свойственна практически любому региону России. Но чем дальше от центра, тем фрагментарнее было представление об особенностях того или иного края. Причем «дальше» или «ближе» измерялось не в километрах, не в вёрстах, а в доступности населённого пункта, наличием транспортной инфраструктуры. В этом отношении город был всегда ближе к столице, чем деревня, а губернский город ближе, чем уездный.

По этой же причине Тобольский север находился практически максимально далеко от Петербурга. Его детализированное описание было крайне затруднено. Весьма показательно, что даже всеобщая перепись 1897 г. не могла быть проведена в должной мере в Югре.

Это отнюдь не отменяет значение социальных процессов в регионе. Напротив, важно подчеркнуть динамику, которая имела место вопреки всем существовавшим ограничениям (в том числе климатическим), очевидному дефициту ресурсов. Нехватка людей, капиталов, средств коммуникации, естественно, задерживала процессы модернизации. Тем не менее, они так или иначе разворачивались несмотря на все трудности. Происходила интеграция различных национальных групп, намечалось их религиозное и культурное сближение. Однако, как всегда случалось в России, старое и новое тесно переплетались, иногда вступая в конфликт, иногда взаимно дополняя друг друга.

Общая характеристика демографических и социальных процессов в Югре во второй четверти XIX — начале XX столетий отличается своей «многоликостью». Соответственно и их представление связано с основными категориями населения указанного социально-территориального пространства. В рассматриваемый период здесь присутствуют три основные категории жителей — коренные народы, русское население и ссыльные. Первые две из них и составили социальную основу развития югорских территорий. Основное внимание уделяется первой группе жителей — коренным народам Югры — комплексному анализу динамики их численности и состава, культуре, праздникам, а также влиянию христианизации и просвещения на жизнедеятельность. Эти материалы взаимосвязаны с другими разделами издания в плане формирования системы управления и оформления правового населения коренных жителей края. Русское население в демографических и социальных процессах в Югре обозначено в общем плане, поскольку остальные разделы издания показывают его правовой статус, направления деятельности. Специфической демографической группой населения Югры являлись ссыльные, которые «не по своей воле» оказались в составе народов этой территории. Это стало результатом использования института лишения свободы как «штрафной колонизации» сибирских территорий и, особенно, в политических репрессивных целях.

Глава 1

Коренные народы Югры в меняющемся мире XIX — начала XX вв.

Категория коренные малочисленные народы Севера была введена для обозначения проблемы и социальной защиты народов, чья численность не превышала 50000. Из числа народов, проживавших в XIX — начале XX вв. на территории соответствовавшей современному Ханты-Мансийскому автономному округу, к ним относились остяки (ханты), вогулы (манси) и самоеды (лесные ненцы), именовавшиеся общим этнонимом «инородцы»¹. Доля их численности в населении Тобольской губернии не превышала 2%. Решение посвятить им отдельную главу связано с важностью этнического фактора в развитии Югры на протяжении всей её истории. Бурное развитие этнографического изучения народов России в XIX — начале XX вв. привлекло большое число любителей, а также профессиональных исследователей, отечественных и зарубежных, к сбору материалов по культуре и истории народов Югры. Именно эти источники позволили детально рассмотреть этнографию народов Югры. На протяжении всех последующих томов, в отдельных главах коллектив авторов рассматривает лишь её изменения в контексте общего развития страны и региона. При этом мы постарались придерживаться принципа ориентации на события с точки зрения этнической истории коренных народов Югры и рассматривали их именно в качестве акторов этой истории.

На протяжении всего XIX в. происходила интеграция народов Югры в систему общероссийских административно-правовых отношений. Важнейшим шагом, определившим их судьбы на многие десятилетия, стал «Устав об управлении инородцев», введенный в 1822 г. Он регламентировал не только правовые и социальные аспекты жизни коренных народов Севера, но и закрепил право на сохранение традиционного образа жизни и религиозных традиций. Устав определил и социальный статус «инородцы» за коренными народами Югры. Заложенная в Уставе политика патернализма по отношению к коренным малочисленным народам Севера снижала статус этнических элит и в значительной степени лишала эти народы права на принятие самостоятельных решений. Важным фактором, повлиявшим на политику в отношении народов Югры в конце XIX в., стала позиция представителей либеральной сибирской интеллигенции, выдвинувшей тезис об их вымирании и необходимости введения срочных мер по спасению. Между тем, объективные данные, и, прежде всего, материалы

¹ В данном разделе использованы как современные этнонимы, так и устаревшие, а также общие наименования: коренные народы и коренное население Югры, «инородцы», охотники и оленеводы, обские угры применительно к хантам и манси.

учёта населения, показали, что это было вызвано не столько «вымиранием», сколько результатом миграций коренных народов Югры в восточном и северном направлениях, вызванных притоком и хозяйственной деятельностью новых поселенцев, а также процессами ассимиляции. К концу XIX в. большинство представителей народов Югры проживало на территории Берёзовского и Сургутского округов Тобольской губернии, составляя почти 78% от всего их населения, в то время как доля русских в них не превышала 15%.

В результате государственной политики, направленной на социальную унификацию, интенсификации межэтнических контактов и активного промышленного развития в крае произошли значительные сдвиги в хозяйственных занятиях, социальной структуре и культуре народов Югры. К концу XIX в. они были прочно встроены в систему товарно-денежных отношений, многие переняли приёмы строительной техники, орудия производства и в целом образ жизни, характерный для русского населения Сибири. На протяжении XIX в. менялась политика в отношении распространения православия, вместо миссионерских кампаний, рассчитанных на разовое массовое крещение, была создана сеть миссионерских институтов, деятельность которых была направлена на удержание в лоне православия тех, кто уже был крещён. Помимо миссий и миссионерских станом задачу продвижения православия в северные районы решали систематические миссионерские поездки с походными церквями. В середине XIX в. был взят курс на внедрение русской культуры и образования в среду народов Югры, для чего при церквях, монастырях и миссиях были созданы инородческие школы.

Религиозные изменения, происходившие в среде народов Югры, проявлялись в разных вариантах. Часть из тех, кто проживал в зоне тесных контактов с русским населением и в наибольшей степени подвергся ассимиляции, в целом соблюдали нормы православной жизни. Часть восприняла лишь обрядовую сторону православия, переплетая элементы традиционных и христианских ритуалов. Вместе с тем, большинство сохраняло образ жизни и религиозные традиции, включавшие все основные элементы — почитание божеств и духов покровителей на священных местах путём совершения жертвоприношений; в кризисных ситуациях обращались к шаманам; регулярно проводили медвежий праздник; практиковали обряды промыслового культа жизненного цикла и календарные праздники.

Зарождение в XIX в. отечественной профессиональной этнографии, создание специализированных академических институтов, как в столице, так и в Сибири, а также небывалый интерес европейских учёных к народам Югры, привели к всплеску экспедиционных исследований на территориях их проживания. Именно в это время сформировалась особая научная дисциплина — угроведение в рамках этнографии. Катализатором этого процесса явилось пробуждение национального самосознания и интерес к поиску исторической родины в среде европейских представителей финно-угорских народов — венгров и финнов. На протяжении XIX — начала XX вв. шло активное накопление источников, которые составили базу для последующих исследований. При этом акцент ставился на изучение языков, фольклора, мифологии и традиционной культуры обских угров.

1. Динамика численности коренного населения Югры

Впервые вопрос о динамике численности коренного населения Сибири был поднят в конце XIX в. Сибирские областники, сторонники колониального статуса региона в составе Российской империи, выдвинули тезис о «вымирании инородцев» вследствие присоединения

к России². Они считали, что кабальные условия эксплуатации, непосильные налоги и неблагоприятные погодные условия были причиной нищеты и «дикости инородческого быта», которые вели за собою голод и болезни, приводившие к вымиранию³. Многие рассматривали «бедственное положение» народов Югры как обстоятельство временное на пути приспособления к новым экономическим условиям, считая, что выход из кризиса был в дальнейшей ассимиляции с русским населением⁴.

В качестве одной из причин возникновения снижения численности аборигенного населения указывались проблемы, связанные с несовершенностью системы учета аборигенного населения, методов статистического анализа данных и непринятие во внимание миграционных процессов⁵.

Расселение и динамика численности обских угров

В XIX в. территория, занимаемая обскими уграми, входила в состав Тобольской, Томской и Пермской губерний. Подавляющее большинство хантов и манси проживало на территории Тобольской губернии в четырёх округах: Тобольском, Берёзовском, Сургутском, Туринском. В Томской губернии остяки жили в Томском округе, в Пермской губернии Верхотурский уезд был населён манси. В составе Тобольского округа было 11 волостей с угорским населением (7 остяцких, 4 вогульских); в Берёзовском — 11 остяцких и 2 вогульских волости; в Сургутском округе 14 волостей были населены остяками. В Томском округе остяки проживали в Васюганской и Тымской волостях. В составе Туринского округа насчитывалось 11 волостей с вогульским населением. В Верхотурском уезде Пермской губернии вогулы проживали в 3 волостях.

Волости были основными единицами административного и фискального учёта населения, под ними значились определённые группы населения с подразумеваемой территорией расселения. Никаких территориальных границ волости официально не имели⁶. Волостное деление было социальным, т.е. отдельные волости создавались для государственных крестьян, ямщиков, ясашных инородцев. В XIX в. инородческое население было распределено по волостям неравномерно: обско-угорские волости включали от 2 до 30 селений с населением 100–3300 человек⁷. Различные по размерам волости объединяли разные

² Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования. СПб., 1891. 308 с.; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. 720 с.; Головачев П. М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. 300 с.; Серебренников И. И. Заселённость Сибири русскими (На основе материалов Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.) // Сибирские вопросы. 1908. № 7. С. 22–27; Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Исторические этюды. СПб., 1872. 376 с.

³ Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Исторические этюды. СПб., 1872. С. 259–261.

⁴ Смирнов И. Н. Остяки и вогулы. Историко-этнографический очерк // Вестник библиотеки самообразования. М., 1904. № 4. С. 149; Орлов А. П. Сведения о вогулах, обитающих в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. Пермь, 1873. С. 440–460.

⁵ Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири: статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911. С. 24.

⁶ Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990. С. 37.

⁷ Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М., 1994. С. 160.

территориальные, этнографические и социальные группы обских угров⁸. Во главе волостей стоял волостной старшина, который отвечал за правильный и своевременный сбор ясака, а также осуществлял судебные функции в соответствии с нормами обычного права.

Во второй половине XIX в. ряд волостей Берёзовского округа был реорганизован в инородные управы. Кодская инородная управа объединила 7 волостей. В Сургутском округе инородческие управы включили по несколько волостей: Тундринская — 4, Юганская — 3, Локозовская — 4, Лумпокольская — 5, Ларьятская — 3⁹.

Динамику численности обских угров в XIX в. можно проследить на основе данных Ревизских сказок 1816, 1850, 1858 гг. и материалов Первой Всероссийской переписи 1897 г. по волостям, поскольку они были основными единицами административного учёта ясашного населения. Количественные характеристики не могут претендовать на абсолютную точность, ибо статистика страдала и от недостатка сведений, и от их искажения, но общие тенденции демографических процессов можно проследить достаточно отчётливо (Табл. № 2.1, № 2.2).

Таблица № 2.1

Динамика численности хантов (остяков) в XIX в.

Волости	Расположение	Число селений	1816 г. (чел.)	1858 г. (чел.)	1897 г. остяки (ханты) (чел.)	1897 г. русские/вогулы самоеды коми-зыряне (чел.)
Тобольский округ						
Туртасская	По Иртышу при устье р. Туртас	3	132	105		–
Назымская	В бассейне Нижнего Иртыша выше устья р. Демьянки	5	–	226	222	180
Тарханская	По Иртышу, между устьями рр. Демьянка и Конда, включая часть бассейна р. Салым.	9	–	–	–	–
Нарымская	По Иртышу от устья р. Демьянка до устья Иртыша	9	459	–	582	216
Верх-Демьянская	В бассейне р. Демьянка	10	347	–	124	16
Меньше-Кондинская	В нижнем течении р. Конд,	19	733	–	934	130

⁸ Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири в XVII — начале XX вв. М., 1970. С. 125.

⁹ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губ. СПб., 1911. С. 52.

Таблица № 2.1 (продолжение)

Волости	Расположение	Число селений	1816 г. (чел.)	1858 г. (чел.)	1897 г. остяки (ханты) (чел.)	1897 г. русские/вогулы самоеды коми-зыряне (чел.)
Темлячевская	По нижнему течению рр. Назым, Малый Салым, Оби между ними, а также правобережью низовьев Иртыша	16	363	–	412	42
Итого по Тобольскому округу			1902	331	2052	404
Берёзовский округ						
Белогорская (Васпухольская)	По Оби вниз от устья Иртыша	11	–	531	–	47
Ендырская	В бассейне р. Ендырь и прилегающей части Оби	13	555	531	456	63
Малоатлымская	Ниже по Оби от Белогорской	1	216	322	209	8
Большеатлымская	По Нижней Оби в районе устья р. Большой Атлым и в бассейне этой реки	2	425	413	382	42 /5 вогулов
Нагакарская	К северу от Больше-атлымской	4	–	332	224 вогулов 10	9
Шеркальская вол.	ниже по Оби от Нагакарской	15	206	175	147	– /13 вогулов
Естыльская	В бассейне р. Малая Сосьва и прилегающей части Нижней Оби	6	169	129	379	– /14 вогулов
Чемашевская	По Нижней Оби севернее Шеркальской	13	244	332	456	46 /77 вогулов
Казымская	В бассейне р. Казым и правобережью Оби в районе устья Казыма	13	865	1254	1331	9 /15 вогулов
Подгородняя	В бассейне р. Вогулка и прилегающей к ней часть Оби	11	411	391	394	– /68 вогулов 8 самоедов 35 коми-зырян
Куноватская	По Большой и Малой Оби с притоками Сыня, Питляр, Куноват	53	1811	1817	1684	132 /108 вогулов 72 самоеда 828 коми-зырян

Таблица № 2.1 (продолжение)

Волости	Расположение	Число селений	1816 г. (чел.)	1858 г. (чел.)	1897 г. остяки (ханты) (чел.)	1897 г. русские/вогулы самоеды коми-зыряне (чел.)
Обдорская	В низовьях Оби, по рр. Надым, Полуи, Собтыёган, Собь, Войкар и по южному побережью Обской губы	28	3339	3180	2444	428 /30 вогулов 138 самоедов
Итого по Берёзовскому округу			7045	9407	6835	10,2 /330 вогулов 218 самоедов 863 коми-зырян
Сургутский округ						
Селиарская	По берегам Средней Оби вверх от устья Иртыша, по протокам Бастоминной и Марниной	4	82	85	91	17
Салымская	В бассейне Большого Салыма и на Оби при устье Салыма	11	256	–	321	–
Малоюганская	В бассейне р. Малый Юган	10	252	257	141	–
Большеюганская	В бассейне р. Большой Юган	27	492	551	554	–
Подгородно-Юганская	По Юганской Оби, Большому и Малому Балыку	20	313	364	351	–
Пимская	В бассейне р. Пим с притоками	6	148	248	207	–
Тром-юганская	В бассейне р. Тромъеган и Оби в районе ее устья	8	341	371	283	–
Аганская	В бассейне р. Аган	3	114	127	194	–
Ваховские (Верхне-Ваховская, Нижне-Ваховская, Ваховская по Оби)	В бассейне нижнего течения Ваха (до устья р. Колек-Еган) и Оби в районе устья Ваха (до с. Локосово)	25	635	780	846	59
Лумпокольские (I Лумпокольская и II Лумпокольская)	По Средней Оби и Ваху выше Ваховских (по Оби – до с. Нижне-Лумпокольско, по Ваху – до устья р. Сабун)	14	798	1158	394	78

Таблица № 2.1 (продолжение)

Волости	Расположение	Число селений	1816 г. (чел.)	1858 г. (чел.)	1897 г. остяки (ханты) (чел.)	1897 г. русские/вогулы самоеды коми-зыряне (чел.)
Салтыковская (I Салтыковская и II Салтыковская)	По Средней Оби и Ваху выше Лумпокольских (по Оби между сс. Нижне-Лумпокольское и Верхне-Лумпокольское, по Ваху – от устья р. Сабун до границ Томской губернии)	10	362	621	1725	–
Пирчинская	Выше от Салтыковских по Средней Оби	10	308	414	431	26
Итого по Сургутскому округу			4101	4891	5538	26
Томский округ						
Васюганская	В бассейне р. Васюган	32	нет данных	нет данных	586	0
Тымская	В бассейне р. Куль-еган	нет данных	нет данных	нет данных	247	0
ВСЕГО			8202	9782	17826	1548 /330 вогулов 218 самоедов 863 коми-зырян

Источники: материалы Ревизских сказок: ГБУТО ГА. Ф. 154. Оп.8. ДД. 289, 304, 347, 404, 357, 559, 586, 754, 755, 814, 857, 858, 859, 992, 993, 994; Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губ. СПб., 1911. С. 6–7, 26–43.

С 1816 г. по 1897 г. общая численность хантов увеличилась на 8%. Однако у различных этнотерриториальных групп она изменялась неравномерно. Так, южных остяков, проживавших в Тобольском округе, стало меньше на 6%. Самое значительное сокращение произошло у демьянских хантов, а численность кондинских возросла. Численность хантйского населения в волостях, расположенных по Иртышу и Оби, не подверглась существенным изменениям. В Берёзовском округе за XIX в. хантов стало меньше на 8%, хотя при этом хантйское население Казыма увеличилось в 1,5 раза. Значительный прирост населения произошёл в остяцких волостях Сургутского уезда — на 35%, особенно среди ваховских хантов¹⁰.

¹⁰ Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М., 1994. С. 174

Таблица № 2.2

Динамика численности манси (вогулов) Тобольской губернии в XIX в.

Волости	Расположение	Число селений	1816 г. (чел.)	1850 г. или 1858 г. (чел.)	1897 г. вогулы (чел.)	1897 г. русские / остяки самоеды коми-зыряне татары (чел.)
Тобольский округ						
Больше-Кондинская	По Верхней Конде с притоками Тап, Евра, Лева, Тетер, по оз. Туман	26	559	638	602	95
Больше-Юкондинская	По нижнему течению рр. Юконда, Карым и Конде в районе устья Юконды	11	360	320	399	0
Меньше-Юкондинская (Ландинская)	По среднему и верхнему течению Юконды.	3	126	127	131	0
Леушинская	На Конде в районе устья р. Ах и оз. Туман.	3	147	215	153	40
Кондинская	В бассейне Средней Конды.	15	437	540	1221	168 / 8 остяков
Итого по Тобольскому округу		58	1629	1840	2506	156 / 8 остяков
Берёзовский округ						
Ляпинская	По р. Ляпин, притоку Северной Сосьвы		1533	1249	1086	42/25 остяков 156 самоедов 415 коми-зырян
Сосьвинская	В бассейне Северной Сосьвы		1098	995	1098	77/30 остяков 17 самоедов 52 коми-зырян
В остяцких волостях Берёзовского уезда:						
Обдорская					30	
Куноватская					108	
Подгородняя					68	
Казымская					15	
Кодские волости					120	
Кондинская					14	
Итого по Берёзовскому округу			2631	2244	355	119/55 остяков 173 самоеда 467 коми-зырян

Таблица № 2.2 (продолжение)

Волости	Расположение	Число селений	1816 г. (чел.)	1850 г. или 1858 г. (чел.)	1897 г. вогулы (чел.)	1897 г. русские / остяки самоеды коми-зыряне татары (чел.)
Туринский округ						
Верхне-Кондинская	В верховьях р. Конда (выше устья р. Урай), в бассейне рр. Мулымья, Олымья, Шаим, Эсс.	12	362	386	102	0
Мало-Кондинская	В бассейне рр. Мулымья, Олымья, Супра	4	0	0	145	0
Усть-Кондинская	По Конде в районе устья р. Пелым		103	99	109	6
Нижне-Табаринская	По среднему течению р. Тавда	4	138	168	230	65
Верхне-Табаринская	Выше по р. Тавда от Нижне-Табаринской и по р. Урай	5	296	426	562	54
Куртумовская	По р. Тура	8	230	242	0	26 / 234 татар
Вагильская	В бассейн р. Вагиль	5	122	143	91	24
Верхне-Пелымская	В бассейне р. Пелым	12	283	250	195	56
Сосьвинская	По правому притоку р. Тавды — Сосьве.	5	102	130	143	56
Тахтанская	По р. Лозьва и при ее устье по р. Тавда	10	294	303	226	53
Кошукская	В бассейне нижнего течения р. Тавда	12	924	1029	856	69
Итого по Туринскому округу			2854	3176	2659	258 / 234 татарина /
ВСЕГО			5708	6352	5318	831 / 63 остяка 173 самоеда 467 коми-зырян 234 татар

Источники: материалы Ревизских сказок: ГБУТО ГА. Ф. 154. Оп.8. ДД. 289, 304, 347, 404, 357, 559, 586, 622, 559, 586,754, 755, 814, 857, 858, 859, 992, 993, 994; Патканов С. К. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губ. СПб., 1911. С. 6–7, 26–43.

Общая численность манси Тобольской губернии за XIX в. увеличилась на 8%. При этом вогульское население, относящееся к восточной группе (волости Тобольского округа), выросло на 54%. Численность северных манси, проживающих в волостях Берёзовского округа, в первой половине столетия сократилась на 15%, а затем возросла на 13%. В целом за столетие она изменилась незначительно, сократившись на 3,5%. Численность южных манси (волости Туринского округа) за первую половину XIX в. выросла на 11%, а затем сократилась на 16%. Таким образом, за весь период сокращение составило 7%.

Таблица № 2.3

Динамика численности манси (вогулов) Пермской губернии в XIX в.

Уезды	1869 г. (человек)	1897 г. (человек)
Верхотурский	1241	1914
Ирбитский	255	258
Красноуфимский	220	389
Кунгурский	162	193
Чердынский	42	74
ВСЕГО	1920	2828

Источник: Пивнева Е. А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М., 1999. С. 36–37.

Часть вогулов-оленевонов, проживавших в 1870-е гг. по р. Лозьва Верхотурского уезда откочевала в Берёзовский уезд Тобольской губернии из-за пожаров и «значительного истребления на зимовках домашних оленей»¹¹.

Миграции обско-угорского населения

Естественный прирост населения у обских угров в XVII–XIX вв. был незначительным: максимально составлял 1,5%, а чаще всего — 0,2–0,7%¹². Можно предположить, что основным фактором, определяющим демографические процессы среди обско-угорского населения, был миграционный¹³.

¹¹ Орлов А. П. Сведения о вогулах, обитающих в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. Пермь, 1873. С. 442–443.

¹² Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 13.

¹³ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Труды института этнографии. Новая серия. Т. 55. М., 1960. 622 с.; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. 308 с.; Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири в XVII — начале XX вв. М., 1970. С. 103–153; Соколова З. П. Развитие этнических связей обских угров во второй половине XIX–XX вв. //

В XIX в. у манси сложились два основных направления миграций. Первое — с верховий Конды на её среднее течение, о чём свидетельствует сокращение численности манси в верховьях реки при увеличении численности жителей в вогульских волостях Тобольского округа. Подвижки угорского населения были вызваны миграцией коми-зырян, которые «потеснили» вогульское население к Оби. Продвигавшееся с запада вогульское население, в свою очередь, теснило в низовья Конды автохтонное остяцкое. В первой половине XIX в. ассимиляция кондинских остяков вогульским населением в бассейне средней Конды завершилась. Ханты Карыма в конце XVIII — начале XIX в. сменили свою этническую принадлежность в связи с ассимиляцией их манси¹⁴. До середины XIX в., по данным ревизских сказок, остяками считалось население Леушанской волости. Однако, согласно материалам X ревизии, в ней уже числились вогулы, вероятно, потомки переселившихся тавдинских манси и ассимилированные ими остяки¹⁵. Граница между остяками и вогулами на Конде установилась в середине XIX в. и прошла западнее устьев рек Юконда и Катыш¹⁶.

Второй миграционный поток манси в XIX в. шёл с запада на восток по рекам Ляпин и Северная Сосьва, а затем — на Обь и Казым, что привело к ассимиляции местного остяцкого населения¹⁷. По материалам переписи 1897 г., в составе Сосьвинской волости перечислены мансийские селения по Малой Оби, которых раньше не было в её составе; вогульское население появилось в остяцких Куноватской, Обдорской, Подгородней и Казымской волостях.

На протяжении XIX в. среди многих групп вогулов-манси шли процессы обрусения. Они были обусловлены массовым притоком в Северо-Западную Сибирь русского крестьянства. В бассейнах Пелыма, Тавды, Конды вогульское и русское население проживало «чересполосно», что способствовало интенсификации хозяйственно-культурных контактов с русскими и аккультурации. Согласно данным переписи 1897 г. в Туринском округе инородцы «окончательно обрусели», особенно в Табаринских и Кошукской волостях. Они были учтены как вогулы на основании их приписки к инородческим волостям и сословной принадлежности, хотя в переписных материалах их родным языком значился русский¹⁸.

Анализ динамики численности остяцкого населения в XIX в. позволяет выявить два основных демографических сдвига: сокращение численности южных хантов и существенный

Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск, 1981. С 50–61; Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 8–47; Пика А. И. Соседская община в процессе формирования северо-мансийской этнической общности // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 151–162; Мартынова Е. П. Этнодемографические процессы в среде южных хантов в конце XVIII–XIX вв. // Вестник МГУ. 1988. № 1. С. 66–75; Мартынова Е. П. Южные ханты в конце XVIII в. (по материалам IV–V ревизий) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988. С. 74–85; Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М., 1994. 271 с.; Первалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2004. 414 с.; Пивнева Е. А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М., 1999. 306 с.

¹⁴ Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 25

¹⁵ Шульц Л. Р. Очерк Кондинского края // Урал. 1926. Вып. 8.

¹⁶ Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М., 1994. С. 184.

¹⁷ Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 33.

¹⁸ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губ. СПб., 1911. С. 128.

рост населения в восточных волостях Сургутского уезда, прежде всего на р. Вах. Сокращение численности южных хантов связано с притоком русского населения в Прииртышье и Приобье. По данным IX ревизии 1850 г., в низовьях Иртыша проживало 11 700 русских¹⁹. Некоторые русские волости располагались чересполосно с хантскими. Так, в пяти русских волостях по Нижнему Иртышу в 1895 г. числилось около 8 000 крестьян и ямщиков²⁰. В Берёзовском и Сургутском уездах русское население исчислялось сотнями²¹. Согласно данным переписи населения 1897 г., в Берёзовском уезде проживало более 2 900 русских, в Сургутском — более 1 000, в Тобольском — более 80 000, в том числе в сопредельных с остяцкими волостями — около 20 000 человек²². Во второй половине XIX в. русское население появилось в инородческих (остяцких и вогульских) волостях. Больше всего русских проживало в волостях иртышских хантов — около 27%. По Демьянке и Конде доля русских была гораздо меньше — около 12%, в волостях северных остяков — около 8,5%, а в инородческих волостях Сургутского уезда — 4%²³.

Демографическое давление русского населения было основной причиной переселения иртышских хантов на Конду, Среднюю и Нижнюю Обь. В фольклоре хантов отразились сюжеты переселения иртышских остяков на Обь с притоками Аган, Юган и Пим²⁴. Миграции с Иртыша повлияли на высокие темпы прироста численности остяков на Нижней Конде в XIX в. Кроме того, часть иртышских хантов переселилась в верховья Салыма (юрты Соровские, Айдарские, Вагликовы, Тимкины, Агабердины, Тайманковы)²⁵. Среднее течение Салыма заселялось обскими остяками. Демьянские остяки мигрировали на Салым и Юган²⁶. Сокращение численности южных хантов было вызвано также ассимиляцией южнохантского населения русским, в том числе посредством межэтнических браков, число которых значительно выросло во второй половине столетия²⁷. Рост численности казымских хантов (с 1795 г. по 1897 г. — на 68%) был вызван их миграциями с Нижней Оби (Подгородняя, Куноватская волости), Северной Сосьвы и Ляпина²⁸.

Таким образом, несмотря на то, что общая численность обских угров за XIX в. изменилась несущественно, численность отдельных этнотерриториальных групп менялась, что было обусловлено, прежде всего, миграционными процессами. Переселения остяков и вогулов не носили характера крупной единичной миграции, а происходили постоянно на протяжении столетия. Миграции способствовали смешению локальных этнических групп обских угров.

¹⁹ ГБУТО ГА. Ф. 154, оп. 8, дд. 556, 575, 578.

²⁰ ГБУТО ГА. Ф. 154, оп. 8, дд. 53–55, 77, 78.

²¹ Соколова З. П. Развитие этнических связей обских угров во второй половине XIX–XX вв. // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск, 1981. С. 53.

²² Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губ. СПб., 1911. С. 6, 26, 52, 78.

²³ Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М., 1994. С. 185.

²⁴ Kannisto A. Über die früheren wohngebiete der wogulen im lichte der ortsnamenforschung Finnish-ugrische Forschungen // Finno Ugrische Forschungen. Bd. XVIII. Helsinki, 1927. P. 55.

²⁵ Шульц Л. Р. Салымские остяки (Из материалов к этнографии южных остяков) // Записки Тюменского общества научного изучения края. Тюмень. 1924. Вып. 1. С. 170–171.

²⁶ Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М., 1994. С. 186.

²⁷ Соколова З. П. Развитие этнических связей обских угров во второй половине XIX–XX вв. // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск, 1981. С. 54.

²⁸ Соколова З. П. Загадка Юильского городка // Советская этнография. 1977. № 4. С. 135–136.

Расселение и динамика численности лесных ненцев

В XIX в. на территории Югры проживала группа лесных ненцев *пян-хасова*, известных в документах того времени под именем «казымские самоеды», которое, вероятно, происходило от названия одноименной волости в Берёзовском уезде²⁹. Ими были освоены верховья правых притоков Сургутской Оби — Назыма и Лямина. В отличие от хантов и манси лесные ненцы учитывались по родам, которые относились к Казымской инородческой управе.

В материалах VII ревизии за 1816 г. указано шесть родов лесных ненцев: Нгаэващата (Айвасида) — 18 семей, 76 чел.; Карцы (Кюрцы) — 33 семьи, 97 чел.; Недевятковой станицы — 16 семей, 61 чел.; Ракли — 30 семей, 69 чел.; Ванцын — 13 семей, 63 чел.; Логачи (Лагачи) — 13 семей, 50 чел. Всего в 1816 г. было зарегистрировано 123 семьи численностью 416 человек. Из-за несовершенства существовавшей системы учета Ревизии не полно отражали родовой состав и численность ненцев, особенно родов Юуси и Ничу³⁰. Снижение численности лесных ненцев с момента предыдущей Ревизии 1795 г., вероятно, было связано с эпидемией оспы 1813–1816 гг., сокращением численности пушных зверей (прежде всего, соболя и белки) из-за пожаров в бассейне Казыма. Ввиду этих обстоятельств ненцы начали расселяться по Берёзовскому округу³¹. В начале XIX в. они проникли в бассейны Назыма и Лямина³², а несколько семей лесных ненцев с верховьев Пура и Надыма переселились на р. Аган, где окончательно закрепились в среднем и верхнем течении³³. В середине XIX в. часть ненцев в верховьях Назыма вымерла от эпидемии оспы, другие откочевали на северо-восток. Их территории вскоре заняли казымские остяки³⁴.

В материалах IX (1850 г.) и X (1858 г.) Ревизий лесные ненцы учитывались в составе ватаг. По данным X ревизии в Казымском ведомстве были ватаги: Камиянская — 32 семьи, 178 чел., Нянзина — 12 семей, 50 чел., Шюрюмина — 19 семей, 121 чел., Старшина Напазея — 14 семей, 59 чел., Пандина — 14 семей, 62 чел., Обачайская — 10 семей, 41 чел. Всего было учтено 511 лесных самоедов, а число семей — 101. За период с 1816 г. по 1858 г. численность казымских самоедов возросла на 23%, что было вызвано как естественным приростом населения, так и улучшением системы учета³⁵. Особенно возросли в численности роды Айваседа и Вэла (Камиянская и Шюрюгина ватаги), большинство представителей которых переселились из тундровой в лесную зону³⁶. Названия ватаг восходили к именам наиболее влиятельных лиц в роде (старшин). Например, Камиянскую ватагу возглавлял Ками, Пандину — Панди и т. п. Смена ватажного старшины могла привести к изменению названия самой ватаги. В результате в материалах переписи 1897 г. ватаги лесных ненцев были зарегистрированы уже под другими именами³⁷.

²⁹ Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М., 1994. С. 52.

³⁰ См.: Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 106.

³¹ Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 106.

³² Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 141.

³³ Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М., 1994. С. 53, 54.

³⁴ ГАСО. Ф. 1812. Оп. 2. Д. 183. Л. 16.

³⁵ Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 183.

³⁶ Там же. С. 184.

³⁷ Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М., 1994. С. 55.

Перепись 1897 г. учла 117 хозяйств лесных ненцев, относящихся к Казымскому ведомству. В них насчитывалось 467 чел., которые распределялись по шести ватагам: Лакху (Ларку) — 44 семьи, 176 чел., Сынгу — 28 семей, 117 чел., Халь — 23 семьи, 63 чел., Лянке — 8 семей, 36 чел., Нитю — 9 семей, 50 чел., Ланку — 5 семей, 25 чел. По сравнению с данными X ревизии, лесных ненцев, приписанных к Казымскому ведомству, стало меньше на 9%, что объясняется их кочевым бытом: большая часть ватаги Ларку, ватаги Лянке и Ланку кочевали в момент переписи в Сургутском уезде, а ватага Халь — в Туруханском крае Енисейской губернии³⁸. Кроме того, во второй половине XIX в. отдельные семьи лесных ненцев продвинулись на север, вниз по Надыму и Пуру, а также на восток — в бассейн нижнего Енисея³⁹.

В целом анализ демографических данных о численности лесных ненцев показал, что с 1816 г. по 1897 г. их численность возросла на 12% как за счет естественного прироста, так и переселения тундрово-ненецких семей в таежную зону⁴⁰. Перепись 1897 г. отразила определенную завершенность процесса формирования лесных ненцев как специфической этнографической группы ненецкого народа⁴¹.

2. Хозяйственные комплексы коренного населения Югры

Для традиционного хозяйства коренных народов Югры в XIX — начале XX вв. были характерны комплексные формы природопользования, сочетавшие охоту, рыболовство, скотоводство (в форме оленеводства или домашнего животноводства), а южные группы остяков-хантов и вогулов-манси занимались ещё и земледелием. Из-за различий в природно-географических условиях у отдельных территориальных групп отмечалось неодинаковое сочетание отраслей, что позволило выделить несколько хозяйственных комплексов⁴².

Нижнесосьвинско-нижеобский тип был распространён у обских хантов и манси, проживавших по берегам Нижней Сосьвы и Нижней Оби. Этот вариант природопользования ориентировался на рыболовство, важную роль в системе жизнеобеспечения играли также охота и животноводство (разведение лошадей, коров, овец). Вспомогательное значение имел сбор дикоросов (кедровых орехов, ягод). В летний период основная часть населения вела рыболовный промысел в низовьях Северной Сосьвы и по Оби: добывали осетра, нельму, муксуна, стерлядь, сырка, тугуна (сосьвинскую сельдь); в сорах и речках ловили язя, щуку, окуня, плотву, ерша и др. В июне, во время большой воды, сетями облавливали сора, озера, заводи. С началом спада воды (июль) протоки и устья соров закрывали запорами-завесками, которые сооружались коллективом из 5–6 человек. Сора облавливались сетями и плетёными ловушками. По протокам неводили малыми неводами (250–300 м) по 3–4 человека. После спа-

³⁸ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губ. СПб., 1911. С. 29, 40–41.

³⁹ Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 185

⁴⁰ Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М., 1994. С. 57.

⁴¹ Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 188.

⁴² См. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 204 с.; Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М., 2001. 152 с.

да воды запоры снимали и начинали рыбачить на Оби. На песках был распространен лов рыбы большими (стрежевыми) неводами (до 900 м) и калыданами. Стрежевыми неводами, которые тянули с помощью лошади, рыбачили артелью из 8–12 человек. Осенью пользовались сетями, малыми неводами, закрывали небольшие речки запорами. После ледостава начинался подлёдный промысел рыбы: устраивали запоры, у живунов ставили ловушки, использовали ставные сети, по озерам и старицам производили неводной лов. В марте-апреле рыбачили по протокам у живунов (ловушками-гимгами) и омутам (неводами и ставными сетями). В мае рыболовство сводилось к минимуму, поскольку начинался нерест рыбы⁴³.

Основной сезон пушной охоты (на лису, белку, горностаю, росомуху, соболя) длился с конца октября по декабрь. Сначала опромышляли ближние уголья, в декабре уходили в дальние вотчины. Обычно на охоту отправлялись артелями из 4–6 человек, каждая артель имела свою охотничью избушку. Сам процесс промысла был индивидуальным: ночевали вместе, а днём расходились по разным тропам. После Нового года в лес ходили эпизодически, по мере надобности добывали лосей и диких оленей на мясо.

Домашних животных содержали практически в каждом дворе. В одном хозяйстве имелось по 3–4 лошади, 2–3 коровы, 5–10 овец. Встречались семьи, владеющие и лошадьми, и коровами, и оленями (их отдавали на выпас оленеводам). В зимний период коров держали в хлевах, а лошадей — в специальных загонах (постройках из жердей без крыши). В конце мая скот отпускали на пастбища. Под них отводили луга, ограниченные естественными препятствиями — реками, озерами, болотами. Коров в летний период выпасали вблизи селений, а лошади находились без присмотра, в зимние загоны их заводили в октябре. Сено начинали заготавливать по мере спада воды, основная сенокосная пора приходилась на август-сентябрь⁴⁴.

Казымско-берёзовский тип был распространен по нижнеобским притокам: Казыму, Вогулке, Пугору у казымских и берёзовских хантов и манси. Их система природопользования основывалась на сочетании рыболовства и охоты при наличии транспортного таёжного оленеводства. Система рыболовства выглядела следующим образом. По большой воде, в мае — июне, облавливали сора сетями; с началом спада воды закрывали устья соров большими запорами, которые строили всем селением, снимали запоры в августе по малой воде. В июне — начале июля на Оби ловили рыбу калыданами и плавными сетями. В июле неводили малыми неводами, в августе и сентябре — большими неводами бригадами из 4–10 человек. Осенью ставили малые запоры по небольшим речкам; зимой занимались подлёдным ловом рыбы сетями, неводами и ловушками-мордами на сорах и речках.

Зимний охотничий промысел часть казымцев вела в верховьях Казыма, часть из них уходила в бассейн Куновата; берёзовцы промышляли по Вогулке. Мужчины уезжали на оленях в дальние урманы сроком на 2–3 недели, а женщины с детьми и стариками оставались с большей частью стада на месте, где имелось достаточно корма. На белку охотились из ружей, с помощью собаки; на горностаю и лисиц ставили черканы, капканы; соболей и зайцев ловили капканами, слопцами и петлями; песцов — капканами, пастями, стреляли из ружей.

⁴³ Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М., 2001. С. 31–32.

⁴⁴ Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М., 2001. С. 33.

Рис. 2.1. Н. Шахов. Без названия. МАЭ

В марте промышляли выдру капканами и ружьями. В бассейне Казыма широкое распространение имела весенняя охота на уток перевесами. В августе-сентябре занимались промыслом боровой дичи (тетерева, глухари) с помощью слопцов и ружей. Охоту на лосей и диких оленей вели круглогодично, чаще всего — осенью и весной по насту.

Оленеводство казымско-берёзовского типа — таёжно-транспортное, для него характерны сезонная оседлость, наличие специальных сооружений для летнего содержания оленей и деревянных пут для ограничения их подвижности зимой, транспортное использование оленей, сочетание интересов оленеводства и промыслов. В среднем семья держала 30–70 оленей, иногда до 100 голов. Хозяйства, имевшие более 200 голов, считались кочевыми, значение промыслов в их системе жизнеобеспечения было незначительным⁴⁵.

Традиционная система выпаса оленей выглядела следующим образом. Зимой олени находились в 0,5–2 км от селения, без пастуха. За основным стадом присматривали женщины и подростки, а мужчины-охотники на ездовых оленях, запряжённых в нарту по три, отправлялись на пушной промысел в дальние вотчины. Для того чтобы животные не ушли далеко от стойбища, им надевали деревянные башмаки на передние лапы и деревянные колодки на шею. Окарауливать и собирать оленей помогали собаки. По

возвращении мужчин с промысла, в конце марта — апреле, проводили «выборку» — забивали больных оленей. В апреле кастрировали самцов и перекочёвывали на специально выбранное для отёла место. В мае, когда проходил отёл, ездовых и маточных оленей содержали раздельно. В конце мая — июне, когда большая часть населения отправлялась на летний рыболовный промысел, оленей собирали в сборные стада, с которыми оставалось по 1–3 человека от семьи либо одна семья. На летний период, при условиях выпаса в тайге, нужно было 2–3 пастуха на 100 оленей. В «комариную пору» (июнь — июль) в специально огороженных местах устраивали дымокуры или строили специальные «оленьи дома». Каждая семья имела свои определённые маршруты перекочёвок. Амплитуда летних перекочёвок была не-

⁴⁵ Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М., 2001. С. 34–35.

большой (5–7 км), места меняли через 1–2 недели. К моменту возвращения рыболовов с летнего промысла (сентябрь) стада подгоняли к посёлкам. Зимой переколёвки были связаны с нуждами охотничьего промысла. Для пополнения стад ханты нередко покупали оленей на Урале у коми-зырян или у ненцев.

Предуральский мансийский тип был характерен для манси (сосьвинских и ляпинских), распространён по верхнему и среднему течению Северной Сосьвы и Ляпина с их многочисленными притоками. Система природопользования этого типа была ориентирована на добычу пушных животных (соболей, лисиц, белок), а также лосей и диких оленей, охотились на водоплавающую и боровую дичь; важную роль в хозяйстве играло рыболовство; вспомогательное значение имел сбор дикоросов. Оленеводство имело отгонный характер, в хозяйстве содержали несколько десятков оленей (от 30 до 100), которые использовались в качестве транспортного средства с осени до весны, а на летний период отдавались на выпас оленеводам. Добыча копытных животных и птиц велась преимущественно ради собственного потребления, а пушных — с целью уплаты ясака и ради обмена (торговли).

Нужно отметить, что ведение летнего рыболовного промысла на Оби и в низовьях Сосьвы объяснялось стремлением коренного населения наловить большое количество ценной рыбы (нельмы, осетра, муксуна), редко встречающейся или вовсе отсутствующей по среднему и верхнему течению Северной Сосьвы. Значительная часть летнего улова заготавливалась на зиму впрок в виде «варки», юколы либо путем вяления⁴⁶.

Добыча пушных животных (белки, лисы, соболя) ружьём открывалась в октябре и велась сначала в ближних угодьях (на расстоянии 10–30 км от поселения) в одиночку с помощью собаки. Охотник уходил в лес с ручными нартами на 1–2 дня. Интенсивный пушной охотничий сезон начинался с ноября (после того, как забирали оленей из общего стада) и длился до марта. В это время отправлялись в отдалённые вотчины на оленях группой из 5–8 человек. В зимний период пушных животных добывали посредством капканов (лисица, росомаха), черканов (соболь, горноста́й), самострелов (соболь, лисица), сетей (соболь). Выдру и ондатру ловили подо льдом с помощью ловушек-гимг. Сам процесс промысла был индивидуальным, из общей охотничьей избушки охотник совершал рейды длительностью 5–10 дней на лыжах. Оленей на это время оставляли в кормовых (ягельных) местах без присмотра.

Иногда несколько охотников совместно выезжали в дальние места промысла на 2–5 недель. Например, ломбовожские манси ходили за белкой в верховья р. Рахтынья и Кемпаж, за горностаем — в сторону Оби, за соболем — в сторону Урала и на р. Тапсуй. Хурумпаульские манси добывали белку в верховьях Сосьвы. Няксимвольские охотники промышляли соболей на Конде. Необходимо подчеркнуть, что высокая продуктивность пушнодобычи во многом обеспечивалась достаточным количеством транспортных оленей.

Для промысла мясных животных (лоси, дикие олени, медведи) были характерны коллективные формы охоты. Лосей добывали в сентябре самострелами, которые устанавливали на тропах. В феврале — марте, когда начинали дуть сильные ветры, позволяющие неслышно приблизиться к зверю, их били ружьями. Весной (в марте — апреле) собирались вместе 5–10 охотников для гона лосей по насту. Добывали сразу несколько зверей, мясо делили по-

⁴⁶ Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М., 2001. С. 37.

ровну между участниками. Летом диких оленей и лосей промышляли у водоемов, подстерегая их на водопое. Медведя обычно поднимали из берлоги группой из 2–4 человек. Старшим считался охотник, нашедший берлогу, наряду с долей мяса он получал и шкуру медведя.

Промысел боровой дичи (глухарей, рябчиков, куропаток) начинался в конце лета ружьями, в сентябре-октябре их ловили с помощью слопцов. Обычно один охотник устанавливал и проверял несколько десятков слопцов. Водоплавающую дичь (уток, гусей) били ружьями в конце лета — начале осени. Весной (в мае) уток ловили с помощью перевесов и петель⁴⁷.

Интенсивный рыболовный сезон начинался в мае после прохода льда. Сначала облавливали ставными сетями старицы и озера, добывая окуня, язя, чебака, карася, щуку. По нижнему течению Ляпина ставили большие запоры во время спуска сырка; на Сосьве запоры делали небольшие (береговые полузапоры), многие семьи перегораживали «свои» речки или протоки. В начале лета перебирались на рыболовные места, расположенные ниже по течению реки для ведения неводного лова. Так, няксимвольские манси в июне ловили язя ниже ю. Хулимсунт. Большинство семей в конце июня — июле спускались для летней рыбалки на Нижнюю Сосьву, некоторые — на Обь, где вели добычу ценной рыбы — сырка, щекура, сосьвинской сельди, муксуна, нельмы. У каждой семьи были свои определённые места для ведения летнего рыболовного промысла. В июле закрывали сора и облавливали их плавными сетями. В августе вели неводный лов, неводили на больших лодках длиной до 15 м.

В сентябре, после возвращения в постоянные селения, ловили сельдь и нельму неводами. В верховьях Ляпина в сентябре добывали сырка и щекура неводами и сетями. На Верхней Сосьве манси юрт Искарских и Няксимвольских совместно, по 30–40 чел., неводили язя, налима, щуку неподалеку от Няксимволя. Поздней осенью (в октябре-ноябре) сооружали большие запоры усилиями общины-селения, а иногда и нескольких соседних селений. Их устанавливали на перекатах, перегородки изготовляли из тонких сосновых прутьев, облавливали с помощью больших ловушек из прутьев — гимг. Такой запор сооружался коллективно, сам же промысел вёлся посемейно, каждая семья ставила и проверяла 3–5 ловушек. Зимние запоры функционировали в течение всей зимы, их ездили проверять на оленях. С наступлением весны запоры разбирали, жерди оставляли на берегу до осени, а ловушки хозяева уносили домой. Помимо запорного рыболовства зимой практиковали лов крючками у живунов.

В рамках предуральского типа природопользования выделялась группа, специализировавшаяся на занятии оленеводством. Одна семья содержала 20–50 оленей, отдельные хозяйства «оленных манси» держали несколько сот (до 1000) голов скота. Такие мансийские семьи считались ёрн кол махум («ненецких чумов люди»), поскольку круглогодично кочевали вместе с оленьими стадами и жили в чумах. Летний выпас предполагал формирование сборного стада численностью около 1000 голов, выпасаемого на горных пастбищах Урала. Обычно объединяли оленей жители нескольких соседних селений. В мае пастухи с семьями начинали перегонять объединённое стадо к Уралу, лето проводили в горах, в сентябре пригоняли оленей обратно. С пастухами расплачивались по договоренности, чаще всего отдавали не-

⁴⁷ Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М., 2001. С. 38–39.

сколько новорожденных оленят, могли рассчитаться рыбой и мясом. Осенью хозяева забирали своих оленей и окарауливали самостоятельно по апрель, периодически совершая перекочёвки. Зимой требовалось менять пастбища через месяц, чтобы обеспечить животных достаточным количеством корма. Некоторые хозяева забирали на зиму у пастухов только ездовых оленей, необходимых для ведения охотничьего промысла, остальные животные оставались в общем стаде⁴⁸.

Кодский тип был распространен у хантов по Оби: от устья Казыма до устья Иртыша, а также по р. Назым. Этот вариант природопользования ориентировался на рыболовство, важную роль в системе жизнеобеспечения играли также охота и животноводство (разведение лошадей, коров, овец), вспомогательное значение имел сбор дикоросов (кедровых орехов, ягод).

В летний период основная часть населения вела рыболовный промысел на песках по Оби: добывали осетра, нельму, муксуна, стерлядь, сырка; в сорах и речках ловили язя, щуку, окуня, плотву, ерша и др. На песках был распространен лов рыбы большими (до 900 м) неводами и калыданами. С началом спада воды (июль) протоки и устья соров закрывали запорами, сора облавливались сетями, на протоках неводили малыми (250–300 м) неводами. Осенью рыбачили сетями, неводили, закрывали небольшие речки запорами. После ледостава начинался подлёдный промысел рыбы: ставили запоры у живунов, использовали ставные сети, неводной лов производили по озёрам и старицам. Лов рыбы осуществлялся посемейно, хотя такие угодья, как пески и сора, считались коллективной собственностью, а небольшие речки и протоки находились в семейном владении.

Основной сезон пушной охоты длился с конца октября по декабрь. После Нового года в лес ходили эпизодически, по мере надобности добывали на мясо лосей и диких оленей. Охотничьи угодья находились в коллективном пользовании. Обычно на охоту отправлялись артелями из 5–6 человек, у каждой артели была в тайге своя охотничья избушка. Сам процесс промысла был индивидуальным⁴⁹.

Ендырско-малососьвинский тип был распространён у хантов по левобережным притокам Нижней Оби — рекам Ендырь, Малая Сосьва и манси — по р. Тапсуй. Система природопользования такого типа была ориентирована на добычу пушных животных (соболей, лисиц, белок), а также лосей и диких оленей; вспомогательное значение имели рыболовство и сбор дикоросов; из домашних животных содержали только собак. На летний промысел в русло Оби спускались только немногие семьи; часть малососьвинских хантов промышляла тугуна (сосьвинскую сельдь) на Нижней Сосьве в июле-августе. Промыслы осуществлялись преимущественно индивидуально, силами отдельных семей.

Иртышско-кондинский тип был распространён у манси Конды, хантов Нижнего Иртыша, Нижней Конды, Салыма. Традиционный хозяйственный комплекс базировался на рыболовном и охотничьем промыслах, подсобное значение имели животноводство, сбор лесных ягод и орехов, в самой южной части района ханты занимались земледелием⁵⁰.

⁴⁸ Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М., 2001. С. 40.

⁴⁹ Там же. С. 42.

⁵⁰ Там же. С. 43.

В традиционной системе жизнеобеспечения прииртышских хантов и кондинских манси ведущее место занимало рыболовство. Промысловое значение имели такие рыбы, как щука, язь, окунь, ёрш, плотва, осётр, стерлядь, карась. Ранней весной, до появления «прибылой воды», рыбу добывали в протоках, устраивая сплошные заграждения — запоры, а также сетями и плетёными рукавами. Во время половодья лов осуществлялся в заводях сетевыми орудиями. Самый интенсивный рыболовный период приходился на июнь-июль и вёлся непосредственно по Иртышу и Конде. Летом рыбу промыслили в сорах сетями, с началом спада воды в речках, протоках, озёрах ставили запоры, тогда же начинали неводить. Осенью ловили плавными сетями и при помощи заграждений. В зимний период промыслили с помощью запоров со ставными сетевыми орудиями — сетями и чердаками. В низовьях Иртыша зимой был распространён так называемый «юровой» лов, основанный на том, что ценная рыба (осётр, стерлядь) стаями залегает в ямах, глубоких местах, быстринах. Такие места на Иртыше хорошо известны местному населению. Например, в пределах Назымской волости «юрковые ямы» располагались у ю. Летнебуренских, Варлымовских и Солянских. Такой лов длился несколько недель — со второй половины ноября до начала января. Он производился одновременно всем селением или даже несколькими соседними селениями, поскольку ямы находились в коллективном пользовании. В начале «юровой» распределяли места лова (по числу участников), ставили вехи, затем делали проруби. Орудиями промысла служили самоловы, осмотр которых производился в определённом порядке, начиная с нижней проруби. В конце XIX в. улов рыбы на одной «юровой» составлял от 10 до 800 пудов⁵¹.

Наряду с рыболовством, важную роль в хозяйстве угорского населения при таком типе природопользования играл охотничий промысел. Объектами охоты являлись соболь, лисица, горноста́й, росомаха, заяц, медведь, лось, дикий олень, а также водоплавающая и лесная дичь; самым массовым промысловым зверем была белка. Охотничий сезон начинался осенью и длился всю зиму. С ноября начинали промысливать лисиц, их гоняли на лошадях с ногайками по неглубокому снегу. Зимой на них настораживали самострелы, весной промыслили капканами. Соболей добывали черканами и с помощью сети. Зайцев ловили в течение всей зимы капканами, слопцами и луками-самострелами. Росомах и горностаев промыслили черканами и ружьями.

На копытных (лосей, диких оленей) практиковался загон в специально устроенные засеки или загороди, весной их гоняли по насту, летом забивали у речек и ручьёв, нередко с лодок. Медведей добывали зимой артелью. Из дичи наибольшее промысловое значение имели утки, гуси, глухари, тетерева, рябчики. На уток охотились весной, вскоре после прилёта, перевесом и летом, в июле, сетями и при помощи собак. Гусей и лебедей ловили весной и осенью. Лесных птиц промыслили с середины августа до первого снега слопцами и в ямах. Зимой ловили куропаток и рябчиков сетями и пленками.

В летний период манси и ханты вели сбор лесных ягод (смородина, голубика, брусника) и кедровых орехов. «Кедровый промысел» был особенно распространён у хантов по низовьям Иртыша, вблизи крупных селений он имел торговую направленность.

Важной отраслью хозяйства у коренного населения было животноводство, получившее наибольшее развитие по берегам Конды и Иртыша, где имелись хорошие пастбищные и сенокосные угодья. Держали лошадей, коров, овец. В конце XIX в. большинство семей держало

⁵¹ Варпаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб., 1902. Т. 2. С. 44–57.

до трёх лошадей, 1–2 коровы, 3–5 овец. Максимальное число скота в одном хозяйстве составляло 8–10 коров и овец и столько же лошадей⁵².

Земледелие при этом варианте природопользования носило ограниченный характер, им занимались только иртышские ханты. Хантыйское земледелие практически не отличалось от той же отрасли хозяйства у русского населения по агротехнике (трехпольная система с элементами перелого) и возделываемым культурам (рожь, овес, ячмень). Северная граница распространения зерновых культур проходила у ю. Репаловских Нарымской волости⁵³. Было распространено огородничество, развившееся под влиянием русского населения. У многих мансийских и хантыйских семей, проживающих по Иртышу, Конде, Салыму, имелся огород, где сажали картофель, морковь, репу, горох, капусту.

Юганский тип природопользования был распространён у хантов, проживавших в бассейне Большого и Малого Югана. Он характеризовался примерно равным соотношением рыболовства и охоты в системе жизнеобеспечения; собирательство играло подсобную роль, олени использовались как транспортное средство.

Основные виды промысловых рыб в Большом и Малом Югане — щука, окунь, елец, ёрш, язь, налим, карась. В конце мая большая часть жителей для ведения летнего промысла рыбы спускалась на Обь, где добывались ценные породы — осётр, нельма, муксун. В мае-июне, по большой воде, облавливали сора сетями поодиночке или артелями из 2–3 человек. С началом спада воды закрывали речки, вытекающие из соров, сплошными запорами-варами. Сора облавливали в течение 1–1,5 месяцев сетями и малыми неводами. В середине лета (июль), когда рыба из соров поднималась вверх, перебирались на пески, где вёлся интенсивный неводной лов. На Оби неводили бригадами из 6–10 человек большими неводами, которые забрасывали с лодки. В августе и начале сентября рыбачили по курьям и заводям малыми неводами по 2–3 человека. На зимники возвращались в конце сентября.

Часть жителей юганского бассейна в весенне-летний период на Обь не спускалась. Они ловили рыбу по Югану: в период нереста устраивали запоры по речкам. В июле-августе сетковали и неводили небольшими, длиной 40–50 м, неводами по 2–4 человека (такой невод бросали с лодки). Осенне-зимний лов рыбы юганцев включал неводьбу на ямах по Югану, подлёдное запорное рыболовство у живунов.

Основными объектами охотничьего промысла юганских хантов были соболь, россомаха, белка, лисица, выдра, лось, дикий олень, а также лесная и водоплавающая дичь. Традиционный охотничье-промысловый годовой цикл юганских хантов подразделялся на осенне-зимний промысел на ближних к посёлку угодьях и зимне-весенний, когда охотники осваивали дальние угодья и уходили в тайгу на 1–2 месяца. С середины августа до выпадения снега охотились на боровую дичь, с середины сентября по ледостав — на выдру, медведя, реже зайца, с выпадением первого снега начиналась добыча пушных зверей. Значительное место в зимний период занимала охота на крупных копытных. В апреле-мае промышленляли боровую

⁵² Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1891. Вып. XII. С. 161.

⁵³ Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин земледелия и путешествий. М., 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 228; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. (Составители Голодников К. М., Дмитриев-Мамонов А. И.) Тобольск, 1884. С. 184.

и водоплавающую птицу. Юганские ханты промыслили росомаху, лисицу сторожевыми луками и капканами, на оленей и лосей строили загороди, боровую дичь добывали слопцами, водоплавающую — перевесами.

Из-за недостатка «зверопромышленных мест» в бассейне Югана около 60% юганских хантов на рубеже XIX–XX вв. охотилось за пределами бассейна этой реки, а соболей вне бассейна Югана промыслили 85% населения. Жители юрт Купландеевых, Сопоркиных, Каюковых, Кыколевых, Когончиных, Усановых промыслили зверей в бассейнах Демьянки, Балыка и Салыма⁵⁴.

Оленеводство в бассейне Югана практиковалось выше ю. Угутских. В начале XX в. оленей содержали 79 хозяев из 123 (в 23 населённых пунктах из 30), в среднем на хозяйство приходилось около трёх голов оленей. Безоленные хозяйства составляли более трети от общего числа⁵⁵. Выпас оленей осуществлялся без пастухов и собак. Последних специально держали на привязи, чтобы они не пугали оленей. В период зимней охоты олени паслись около жилищ без присмотра. Для того чтобы животные далеко не уходили, на одну из передних ног им надевали специальные колодки. Когда выпадал глубокий снег, колодки не требовались, но подвижным оленям на шею вешали специальные доски на деревянной дуге. Зимой для защиты оленей от снега и ветра во время вьюги устраивали специальные навесы из веток хвойных деревьев. В феврале, при самом глубоком снеге, олени паслись без колодок и досок. На время летнего рыболовного промысла в русле Оби юганские ханты оставляли с оленями кого-либо из членов семьи или поручали стадо родственникам. На летнем месте устраивали «олений сарай» с дымокурром. После окончания комариного времени, олени свободно разбредались по тайге. В октябре их начинали собирать, сбор животных продолжался 2–3 недели.

Сбор ягод у юганских хантов имел существенное значение в системе жизнеобеспечения. Ягодный сезон открывался в июле со сбора морошки, затем по мере созревания ягод переходили на голубику, чернику, смородину, черемуху, бруснику и клюкву. Сбор клюквы и брусники начинался с дальних угодий, на те, что ближе к дому, ходили поздней осенью и весной. Собранные ягоды оставляли в берестяных бочках в лесу или на болоте, а по снегу перевозили к жилью.

Пимско-аганско-тромъеганско-верхневаховский тип природопользования был типичен для хантов правобережных притоков Средней Оби (Пим, Аган, Тромъеган, Вах). В их хозяйственном комплексе, включавшем рыболовство, охоту, собирательство и транспортное оленеводство, большее значение принадлежало охоте. Селения были малолюдными, они состояли из 2–4 родственных семей и подразделялись на зимние, весенние и летние. Для данного варианта природопользования не характерна летняя рыбалка в русле Оби. В весенне-летний период ваховские ханты жили в пойме Ваха, аганские — Агана, пимские и тромъеганские — по притокам у небольших речек. Зиму все группы проводили в сосновых борах, где достаточно корма для оленей⁵⁶.

Основными объектами пушного промысла пимских, аганских и тромъеганских хантов были белка, лисица, выдра; ваховские добывали также соболя, росомаху, колонка, горностая,

⁵⁴ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: в 3-х т. Т. 2. Тобольск, 1910. С. 147–148.

⁵⁵ Там же. С. 101, 144–145.

⁵⁶ Там же. С. 40, 71, 81.

зайца. При охоте на пушных животных преобладали пассивные способы лова: черканы (на горностаю, белку, колонка), слопцы (на лисицу и зайца), петли (на зайца), луки (на лисицу, выдру, росомаху). Широко была распространена добыча пушных зверей с помощью лука со стрелами и ружей. На Тромъегане весной вынимали из гнезд маленьких лисят и выкармливали их.

С целью обеспечения мясной пищей охотились на лося, дикого оленя и медведя; большое значение имел промысел водоплавающей (утки, гуси, лебеди) и лесной (тетерева, глухари, рябчики) птицы. Лосей добывали посредством засек из жердей, в которых настораживали луки-самострелы или выкапывали ямы в проходе изгороди; в летний период лосей били у мест водопою; весной гоняли по насту. Медведя чаще всего добывали зимой в берлоге, ему устраивали также ловушки (слопцы, кулемы, петли). На глухарей ставили слопцы; куропадок, рябчиков и глухарей ловили петлями; водоплавающую дичь били из ружей.

Традиционными объектами рыбного промысла хантов правобережья Средней Оби были язь, елец, щука, ёрш, окунь, плотва, налим, нельма. На Вахе товарное значение имела добыча язя, нельмы и щуки, остальные виды рыбы шли на удовлетворение собственных потребностей. Тромъеганцы продавали мороженую рыбу, а ваховцы и аганцы — сушёную (преимущественно язя). Весной, по большой воде, пимские, аганские и тромъеганские ханты рыбачили у берегов и по заводям мордами и ставными сетями; ваховцы промышляли в сорах, на протоках и озёрах сетями и при помощи частичных заграждений ловушками (мордами и котцами). По мере ухода воды облавливали речки, ручьи, сора неводами; перегораживали устья соров запорами из дранок или мережи. Рыбу в это время ловили только для собственных нужд. Товарный промысел начинался летом, когда неводили по пескам, заводям и ручьям. Зимой рыбачили малыми неводами в ручьях, мордами в озерах и у живунов, строили запоры по речкам и ручьям, ставили ловушки у живунов. У хантов Пима было развито ловушечное (в основном с помощью морд) рыболовство, лов рыбы неводами и сетями имел ограниченное распространение. После прохода льда пимские ханты устанавливали запоры на небольших речках и ручьях, в которые попадала рыба, идущая сверху реки, их облавливали мордами. Промысел прекращался после окончания хода рыбы. После спада воды пимские ханты огораживали ямы на речках, оставляя проход в виде котца.

Оленеводство этого типа природопользования относится к таёжному. Для него характерно наличие небольших стад, вольный выпас в осенне-зимний период с использованием колодок, строительство дымокуров и специальных построек летом. В среднем на одну семью в конце прошлого века у хантов Тромъегана приходилось около 16, Агана — около 10, Пима — около 8 оленей. У ваховцев обеспеченность оленями была гораздо выше — около 54 голов на семью⁵⁷.

Товарное значение в крае имел промысел кедрового ореха. Осенние шишки сбивали специальным колотом, а весной собирали на земле. Сбор ягод (морошки, брусники, голубики) производился преимущественно для удовлетворения собственных потребностей.

Среднеобско-нижневаховско-васюганский тип был распространён по Средней Оби, Большому и Малому Балыку, нижнему течению Ваха и Васюгану у хантов. Характеризуется решающей

⁵⁷ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: в 3-х т. Т. 2. Тобольск, 1910. С. 45, 72, 81.

ролью рыболовства в традиционной системе жизнеобеспечения при подсобном значении охоты и собирательства, животноводство играло второстепенную роль.

Система ведения промыслов аналогична кодскому типу природопользования. Так, балыкские ханты летний промысел рыбы вели на песках по Юганской Оби и в низовьях р. Большой Балык. Неводили большими неводами бригадами из 4–5 человек. После спада воды перегораживали запорами небольшие речки, из которых вылавливали рыбу после ледостава. Зимний промысел рыбы был незначительным, он производился ловушками-мордами и котцами. Весенний промысел осуществлялся запорами в мелких протоках.

По Васюгану в большом количестве добывался соболь, в остальных местах основными промысловыми животными были белка и лисица. Лошадей, коров и овец содержали повсеместно. Товарное значение в Аганско-Васюганском крае имел промысел кедрового ореха. Осенние шишки сбивали специальным колотом, а весной собирали на земле.

Таёжный ненецкий тип был характерен для лесных ненцев, проживающих в верховьях Казыма, Агана, Тромъегана. Основной отраслью хозяйства в этом типе природопользования был охотничий промысел, сочетавшийся с рыболовством, транспортным оленеводством и собирательством.

Основными объектами мясной охоты были лось и дикий олень, пушной — соболь, лисица, белка. Существенную роль играл промысел боровой и водоплавающей дичи. В рыболовстве преобладал заборный и сетевой лов.

Изменения в хозяйстве коренных народов Югры

На протяжении XIX — начала XX вв. на фоне процессов модернизации, развернувшихся в стране после начала Великих реформ, в хозяйстве коренного населения Северного Приобья происходили изменения. В значительной степени они были вызваны влиянием иноэтнического населения. С каждым десятилетием приток русских переселенцев в Северо-Западную Сибирь нарастал. Если в конце XVIII в. в Берёзовском и Сургутском уездах русское население исчислялось сотнями человек⁵⁸, то в конце XIX в. (1897 г.) в Берёзовском уезде проживало 29 000 русских, в Сургутском — более 1000 чел⁵⁹. Массовый приток русских крестьян и других категорий населения способствовал активизации хозяйственно-культурных контактов между ними и инородцами.

В рыболовстве коренного населения Северного Приобья исследователи отмечают инновации, обусловленные русским влиянием⁶⁰. Одно из новшеств касалось материалов для рыболовных снастей. Русские привнесли на Север Сибири коноплю, которую инородцы стали использовать для изготовления ставных и плавных сетей, неводов, калыданов, бредней и т.п. Традиционные снасти, изготавливавшиеся из тальника, постепенно вытеснялись

⁵⁸ Соколова З. П. Развитие этнических связей обских угров во второй половине XIX–XX вв. // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск, 1981. С. 53.

⁵⁹ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губ. СПб., 1911. С. 6, 26.

⁶⁰ Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 29.

конопляными. Другое значимое изменение выразилось в распространении среди коренного населения сетевого и неводного промыслов, начиная с конца XVIII — начала XIX в. Первыми стали использовать крупные невода остяки и вогулы Конды, у которых были тесные и продолжительные контакты с русскими⁶¹. Постепенно неводной лов стал практиковаться по всему Северному Приобью. Невода получила широкое распространение в зоне промышленного рыболовства, преимущественно по Нижней Оби. Стрежевые и салмовые невода принадлежали в основном предпринимателям-рыбопромышленникам. Иностранцы брали их в аренду, самостоятельно занимались промыслом, а улов делили: часть отдавали купцу в уплату за орудие лова, другую — себе, но потом сдавали её тому же купцу за плату по соглашению⁶². При этом руководство процессом неводьбы зачастую осуществлялось русскими⁶³. В этом регионе сформировалось артельное рыболовство, когда большой невод формировался из отдельных кусков, принадлежавших разным хозяевам. Выше по течению Оби и по обским притокам использовались небольшие снасти (полуневода, малые неводы), процесс лова осуществлялся отдельными семьями. В глубинные таёжные районы по обским и иртышским притокам неводный лов не проник, там ханты, манси, лесные ненцы, как и в прежние времена, развивали запорный промысел.

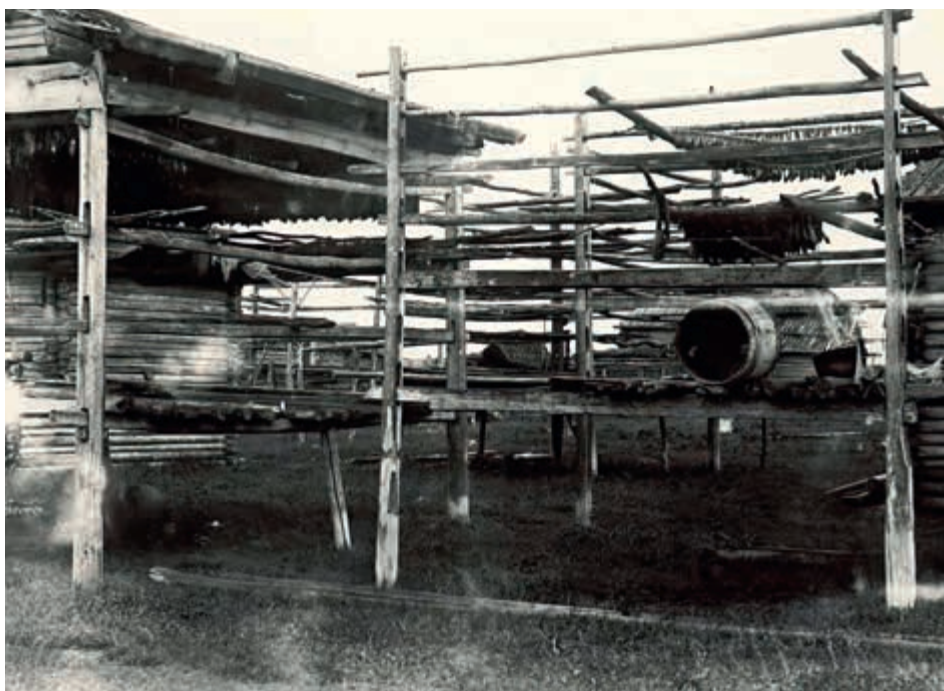

Рис. 2.2. Вешала для сушки сетей. Из фотоколлекции А. И. Галкина. 1906–1909 гг. МПич. ХМ НВ-2279–30

⁶¹ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 156.

⁶² Свешников Н. А. Общественный строй народов Нижнего Приобья в конце XIX — начале XX века // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 22. Л., 1961. С. 89.

⁶³ Дунин-Горкавич А. А. Север Тобольской губернии. Опыт описания страны, её естественных богатств и промышленной деятельности её населения Тобольск, 1897. С. 134.

Традиционные способы охоты модифицировались незначительно. Под влиянием русского населения инородцы стали широко использовать покупные капканы, огнестрельное оружие, что повышало результативность промысла. Эффективность отстрела повышалась за счёт распространения огнестрельного оружия. Приемы и способы добычи крупных копытных практически не изменялись с эпохи средневековья. Основная причина такой консервативности связана с натуральным характером этой отрасли хозяйства. Промысел диких оленей и лосей не входил в сферу коммерческой деятельности пришлого (и соответственно автохтонного) населения⁶⁴. Тем не менее, отмечаются некоторые сдвиги в технологии такой охоты. В частности, перестали использовать метательные снаряды и дубины.

Добычу пушных зверей стимулировала потребность в ценных шкурках, поэтому их добывали преимущественно в зимний период, когда меха отличались высоким качеством. На рубеже XIX–XX вв. повсеместно широко распространились покупные железные капканы за счёт сокращения использования слопцов, черканов. В XIX в. массовым промысловым зверем была белка, поскольку популяция соболя значительно сократилась.

Появление в середине XIX в. коми-ижемцев в бассейнах рек Ляпин и Северная Сосьва изменило мансийское оленеводство. Зыряне поселялись в Северном Зауралье после заключения соглашений (договоров), которые утверждались на инородческих сходах, за пользование пастбищами платили «покопытный» сбор в пользу инородческих общин⁶⁵. Рост численности коми-зырян и развитие у них товарного оленеводства привело к сокращению мансийского. По сведениям, приведенным А. И. Мурзиной, в начале XIX в. у сосвинских манси насчитывалось до 12 тыс., а у ляпинских — 5,4 тыс. домашних оленей⁶⁶. По данным А. А. Дунина-Горкавича, к концу XIX в. у сосвинско-ляпинских манси осталось не более 2,8 тыс. голов. В бассейне Ляпина в то время выпасалось до 20 тыс. голов зырянских оленей⁶⁷.

Начиная с XVII в. промысловые угодья аборигенов Северного Приобья стали сдаваться в аренду — «кортом» — крестьянам, ямщикам, мещанам, купцам. В XIX — начале XX вв. повсеместно была распространена аренда рыболовных песков (отлогих песчаных берегов Оби, Иртыша, крупных притоков), которые считались самыми лучшими местами для рыбного промысла. Аренда охотничьих мест в Северном Приобье имела меньшие масштабы по сравнению с рыболовными. Масштабы кортома рыбоугодий определялись их количеством в том или ином районе. Больше всего песков было у остяков волости Кодские городки — 40, поэтому кодские остяки часто отдавали их в аренду. Приведем конкретные примеры. В начале XIX в. тобольский мещанин Панов «кортомил» «песок на остров ниже села Троицкого в 3-х верстах за 25 рублей в лето», а другой песок «выше села Троицкого в 5-ти верстах» арендовал ирбитский крестьянин за 65 рублей⁶⁸. В середине XIX в. инородцы Темлячевской волости отдавали в кортом 11 песков, Нарымской и Тарханской — по 5 песков, Селиярской — 4 песка.

⁶⁴ Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 50.

⁶⁵ Бартенев В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири (Очерки Обдорского края) СПб., 1896. С. 47–48.

⁶⁶ Мурзина А. И. Манси (вогулы) в XVIII — первой половине XIX в. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1953. № 157. Вып. 2. С. 223.

⁶⁷ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: в 3-х т. Т. 2. Тобольск, 1910. С. 104.

⁶⁸ ГБУТО ГА. Ф. 154. Оп. 21. Д. 11.

Рис. 2.3. Охотники ханты перед выходом в лес на охоту. Из фотоколлекции А. И. Галкина. 1906–1909 гг. МПиЧ. ХМ НВ-2279–25

Оброчная плата колебалась от 6 до 240 рублей в год⁶⁹. В роли арендаторов чаще всего выступали предприниматели-купцы. Сделки заключались обычно на срок от одного до трёх лет, плата за аренду зависела от продуктивности угодий. «Кортом» рыболовных угодий был выгоден, т.к. годовой доход с промышленного улова на богатых песках исчислялся сотнями и тысячами рублей, а арендная плата редко превышала 200 руб. в год⁷⁰. Нередко арендаторы вели на кортомных угодьях летний промысел, а осенью и зимой на этих участках промышляли аборигены⁷¹.

Власти предпринимали попытки урегулировать арендные отношения, опасаясь, что инородцы лишатся промысловых угодий. В 1805 г. было запрещено заключать арендные договора более чем на один год, причём в обязательном порядке требовалось согласие аборигенных старшин и «князцов»⁷². Однако распоряжения администрации выполнялись плохо. «Наблюдается почти общее явление, — писал А. А. Дунин-Горкавич, — что тот или иной промышленник арендует водный район в продолжение десятков лет, становясь как бы полным владельцем»⁷³. К началу XX в. промышленники-предприниматели превратились в фак-

⁶⁹ ГБУТО ГА. Ф. 152. Оп. 39. Д. 5. Л. 182.

⁷⁰ Юрасов А. С. Объяснительная записка к составленной Тобольской врачебной управой карте рыбных промыслов в Тобольской губернии по рр. Оби и Иртышу // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1896. Вып. 6. С. 8.

⁷¹ ГБУТО ГА. Ф. 154. Оп. 21. Д. 11.

⁷² ГБУТО ГА. Ф. 329. Оп. 5, д. 206, Л. 17 об.

⁷³ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: в 3-х т. Т. 1. СПб., 1904. С. 244.

тических собственников богатых песков по Оби и Иртышу, хотя формально эти уголья считались владениями инородцев.

Рыболовство в XIX — начале XX вв. у коренных жителей Северного Приобья имело товарную направленность. Приведём данные подсчётов по нескольким волостям остяков Нижней Оби по данным, собранным Ясачной комиссией 1828–1831 гг. В Нарымской волости продавалось около 93% рыбной продукции, Тарханской — от 80 до 88%, Темлячевской — от 80 до 89%, Назымской — от 61 до 78%, Меньше-Кондинской — от 42 до 47%⁷⁴. Это свидетельствует о высоком уровне товарности этой отрасли хозяйства хантов уже в начале XIX в.

Поблизости от русских селений и торговых центров развивалось товарное собирательство. Особенно славилась «ягодным промыслом» р. Конда. Кондинские остяки и вогулы сбывали ягоды специальным скупщикам. По своему значению в системе жизнеобеспечения сбор брусники на Конде шёл вслед за ловлей рыбы, оттеснив охотничий промысел на третье место. Сбор кедрового ореха имел товарное значение и вблизи крупных русских селений.

До начала XIX столетия основным товаром, который обменивали и сбывали аборигенные народы Обского Севера, была пушнина. Соболиные шкурки повсеместно служили торговым эквивалентом. По мнению Н. А. Абрамова, даже в середине XIX в. ценность денег остякам и самоедам была мало известна. В роли денег в то время выступала белка и рыба муксун⁷⁵. По свидетельству И. С. Полякова, «обыкновенной единицей ценности, приравняваемой к рублю, является в разных частях Оби мерный муксун, имеющий 9 вершков длины». Автор привёл данные о том, что стоимость муксуна варьировала в разных районах Оби от 5 коп. (20 муксунов на рубль) близ юрт Воксарковых в низовьях реки до 12 коп. (8^{1/3} муксунов на рубль) между Берёзовым и устьем Иртыша⁷⁶.

В Северном Приобье существовало три основных способа торговли с инородческим населением: разъездами с товарами по селениям аборигенов; торговля в русских селениях и на факториях, торг на ярмарках⁷⁷. Основную роль в поставке товаров промышленного производства для населения Северо-Западной Сибири играли ярмарки. Самыми крупными были Ирбитская и Обдорская, за ними по объёму товарооборота шли Сургутская и Берёзовская.

Ярмарки, хотя и проводились ежегодно в одни и те же сроки, были местами временной торговли. Круглогодично аборигены Северного Приобья приобретали товары и сбывали продукты своих промыслов торговцам-посредникам из крестьян и мещан. Почти все жители Берёзова, кроме духовенства и чиновников, занимались торговлей с инородцами. Закупив муки и разных товаров, они отправлялись в юрты остяков зимою на оленях, а летом на лодках и выменивали там рыбу, пушного зверя, орехи, птичье перо и др.⁷⁸. Торговцы-посред-

⁷⁴ Подсчёты по: РГИА: Ф. 1264. Оп. 1. Д. 275. ЛЛ. 212, 213–214, 215–216, 241–242.

⁷⁵ Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Записки Русского географического общества. СПб, 1857. Кн. 12. С. 418.

⁷⁶ Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии Наук. СПб., 1877. С. 154–155.

⁷⁷ РГИА. Ф. 129. Оп. 71. Д. 150. Л. 4 об.

⁷⁸ Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Записки Русского географического общества. СПб, 1857. Кн. 12. С. 364.

Рис. 2.4. Остяки с водкой после сдачи пушнины. 1906–1909 гг.
Из фотоколлекции А. И. Галкина. МПЧ. ХМ-2279–76-нв

ники предпочитали выступать в роли кредиторов, раздавали остякам, вогулам и самоедам привезённые товары, а потом в течение года принимали у них продукцию промыслов в счет долга. Очень многие при этом оказывались в долгу у торговцев⁷⁹. Эта кредитная система достигла своего апогея в конце XIX в. Высокие транспортные расходы и сложность логистики торговых операций не давали возможность народам Югры обойтись без посредников⁸⁰.

Во второй половине XIX в. рыбный промысел на Обском Севере вели 29 крупных промышленников⁸¹, которые ежегодно снаряжали суда, ходившие от Тобольска до Берёзова и Сургу-та. В конце XIX в. они вылавливали до 2 млн штук разной рыбы в год, на сумму в 75–80 тыс. рублей, а продавали её на 100 тыс. рублей⁸². Ловля рыбы повсеместно сочеталась с её закупкой у инородцев.

⁷⁹ Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Исторические этюды. СПб., 1872. С. 259–261; Бартенев В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири (Очерки Обдорского края) СПб., 1896. С. 57–58.

⁸⁰ Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1891. Вып. XII. С. 301.

⁸¹ ГБУТО ГА. Ф. 152. Оп. 41, Д. 370. Л. 107–108.

⁸² Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 55.

Рис. 2.5. Остяки с водкой после сдачи пушнины. Самарово. 1906–1909 гг.
Из фотоколлекции А. И. Галкина. МПЧ. ХМ-2279–7-нв

Так, в обмен на обеспечение коренных жителей продуктами, одеждой, орудиями труда, оружием и выплату за них ясака, купцы Новицкие из с. Шеркальского приобрели исключительное право на всю продукцию промыслов и аренду большей части рыболовных угодий в инородческих селениях, расположенных на протяжении более 300 км по Оби и притокам: от Кондинска и Шеркалов до Берёзова, а также по рекам Казыму и Сосьве⁸³.

Можно говорить о том, что в XIX — начале XX в. аборигенное население Северного Приобья попало в тиски торгово-обменных связей, поскольку их жизнеобеспечение во многом зависело от привозных товаров и продовольствия. Особенно крепкими были торговые связи хантов, проживающих непосредственно по берегам Оби. По притокам (в глубинных таёжных районах) зависимость аборигенного хозяйства от торговли ощущалась меньше. Однако и здесь инородческое население не жило изолированно, т.к. к ним приезжали мелкие торговцы, а сами они хотя бы раз в году выбирались на ярмарку. На степень товарности хозяйства разных групп хантов и манси прямо пропорционально влияла частота их контактов с русскими⁸⁴. Торговля способствовала быстрым и значительным изменениям в хозяйственно-бытовом укладе коренного населения региона.

⁸³ Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии Наук. СПб., 1877. С. 75–76.

⁸⁴ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 185.

3. Материальная культура коренных народов Югры

Материальная культура народов Югры в конце XIX — начале XX вв. включала в себя элементы, характерные для культур охотников и рыбаков тайги и пришедших с юга кочевников. Предки современных хантов и манси, проживавшие на территории Северо-Западной Сибири, общались с самодийцами (ненцами, селькупам), тюрками (разными группами сибирских татар), коми, русскими. В процессе этих взаимодействий происходил обмен предметами, идеями и материалами для производства вещей.

Роль импорта в процессе трансформации традиционной культуры народов Югры всегда была значительной. Проникая в культуру этнической группы, импортные первоначально «чужие» товары с течением времени становились настолько необходимыми для рыбаков и охотников, что постепенно встраивались в систему их этнических характеристик. Вместе с тем, в традиционной культуре народов Югры существовали определённые ограничения, не позволявшие полностью принимать чужое. Это, в частности, касалось предметов культуры и материалов, из которых их изготавливали, а также орнаментов, в которых манифестировалась принадлежность человека к той или иной территориальной группе. Орнамент маркировал одежду, предметы утвари и некоторые другие вещи. Именно такие предметы, как наиболее яркие, с точки зрения этнографов XIX — начала XX вв. — представителей европейской культуры, оказались в музейных коллекциях Европы и России. Недостаток сведений об отдельных элементах материальной культуры в этом разделе был восполнен данными полевых исследований более позднего времени и материалами археологических раскопок, что позволило достаточно полно реконструировать материальную культуру народов Югры в конце XIX — начале XX вв.

Жилище

Разнообразие форм и конструкций жилых построек обских угров в XIX — начале XX вв. (до нескольких десятков)⁸⁵ было связано с широтой их расселения (от тундры до лесостепи) и комплексностью хозяйства. Большая вариативность использования материалов для одной и той же цели и поразительное сходство элементов культуры свидетельствовало о высокой степени адаптированности человека к окружающей его среде и было обусловлено историей формирования народа⁸⁶.

Крупные поселения — до 25–30 хозяйств⁸⁷, располагавшиеся на реках Обь, Иртыш, носили более или менее постоянный характер. Наиболее крупные из них насчитывали от 10–15 до 25–30. На более мелких реках, а особенно в их верховьях, селились преимущественно отдельными семьями, в одном населённом пункте редко можно было встретить несколько хозяев⁸⁸.

⁸⁵ Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / Перевод с нем. и публикация д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. Томск, 2001. 344 с.; Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998. С. 36–42; Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. 498 с.

⁸⁶ Соколова З. П. Адаптивные свойства культуры народов Севера // Советская этнография. 1991. № 4. С. 8–9.

⁸⁷ Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 99.

⁸⁸ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский север. В 3 т. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. Тобольск, 1910. С. 238.

Рис. 2.6. Процесс строительства землянки в с. Ларьякском. 1912 г. Дмитриев-Садовников Г. М. 1912 г. ТИАМЗ. ТМ кп 15550/56

Рис. 2.7. Процесс строительства землянки в с. Ларьякском. 1912 г. Дмитриев-Садовников Г. М. 1912 г. ТИАМЗ. ТМ кп 15550/56

Рис. 2.8. Процесс строительства землянки в с. Ларьякском. 1912 г. Дмитриев-Садовников Г. М. 1912 г. ТИАМЗ. ТМ кп 15550/54

Рис. 2.9. Остяцкая землянка. с. Ларьяк. 1913 г. Дмитриев-Садовников Г. М. 1912 г. ТИАМЗ. ТМ кп 15544/35

Рис. 2.10. Молодая семья остяков с Ларьякского у готовой землянки. 1912 г. Дмитриев-Садовников Г. М. 1912 г. ТИАМЗ ТМ кп 15550/69

Рис. 2.11. Летний чум. Бассейн р. Вах. 1912 г. Дмитриев-Садовников Г. М. 1912 г. ТИАМЗ. ТМ кп 15550/74

В зависимости от годового хозяйственного цикла у обских угров существовало от двух до четырёх сезонных поселений. В теплое время года селились ближе к воде, а в холодное, наоборот, в стороне от реки. При этом система расселения, структура поселения и организация жизненного пространства подчинялась экологическим и социальным факторам.

Зимние поселения, как правило, были значительно меньше, на летних устраивали дополнительные постройки. Занятое и освоенное пространство образовывало систему поселения, в центре которой размещалось жилище, выходом обычно ориентированное к воде. Напротив дома со стороны входа ставили хлебную печь, наружный очаг и дровяник. С задней стороны жилища — священный лабаз (если его не сооружали, то место пустовало). Хозяйственные строения располагали на линии воображаемых диагоналей жилища, справа и слева от дома. Такой принцип организации пространства органически вписывался в природный ландшафт и позволял рационально организовать хозяйственную деятельность.

Конструктивно постройки были срубными и каркасными. В свою очередь, первые были разнообразны по технике сооружения и соединения брёвен. Вторые — по форме: четырёхугольные, усечённо-пирамидальные, конические.

Основным типом зимнего жилища являлись землянки, которые, в переводе на русский язык, так и назывались — «дом», позднее, когда стали строить наземные срубы, землянки стали называть «земляными домами»⁸⁹. Самым подручным материалом для строительства такого жилища считалась сосна. Первоначально копали прямоугольный котлован, над ним устанавливали четыре, шесть или двенадцать опорных столбов, в зависимости от предполагаемого размера жилища. На них укладывали перекладины, которые служили «матками» крыши-потолка и одновременно опорой для стен. По периметру каркас обшивали наклонно установленными плахами или тёсом. Крышу и стены дополнительно покрывали берестой. Дом обкладывали несколькими слоями дёрна или мха, ежегодно обновляя. Сверху моховое

⁸⁹ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям // Сочинения в двух томах. Т. 2. Очерк колонизации Сибири. Тюмень, 1999. С. 58.

Рис. 2.12. Семья остяков на фоне берестяного чума в с. Ларьякском. 1912 г. Дмитриев-Садовников Г. М. 1912 г. ТИАМЗ. ТМ кп 15550/50

покрытие дома присыпали землёй или песком, что предохраняло мох от высыхания и выдувания. В крыше, чуть ближе к выходу, делали окно, которое затягивали пузырем или льдиной. Дверь рубили из колотых брёвен. Нередко к дому пристраивали тамбур с плоской крышей, чаще всего каркасный, обшитый брёвнами или досками, реже срубный. Такое жилище служило в течение 40–50 лет.

Кроме земляных домов в качестве зимних жилищ строили углубленные срубные жилища с чувалом, земляным полом и нарами⁹⁰. Внутреннее пространство дома и его традиционное убранство вне зависимости от типа постройки были схожи. Порог и всё пространство перед входом в дом считались хозяйственными, там располагались полочка с посудой, вода, поленница. С трёх сторон по периметру дома обычно устраивался деревянный настил из досок, образывавший возвышение над полом, которое служило спальным местом и которое покрывали берестой или циновками из озёрной осоки⁹¹. Справа (реже слева) от входа отводилось место для очага. Традиционными на этой территории в XIX — начале XX вв. считались чувалы. Их строили из сосновых жердей, воткнутых в землю, сплетённых кедровым корнем, и обмазывали глиной, смешанной с сухой травой. До распространения

⁹⁰ Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998. С. 38–39; Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 188–189.

⁹¹ См. Коростелева (Данилова) Е. Н. Традиции домостроения у хантов реки Аган // Угры: материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 350–352.

Рис. 2.13. Ханты Приобья на берегу около берестяного чума. Фотоколлекция А. И. Галкина. 1909 г. МПЧ. ХМ НВ-2279-9

Рис. 2.14. Дом богатого остяка. Юрты Красноярские. Р. Конда. 1910 г. Из фотоколлекции В. Н. Пигнатти. ТИАМЗ. ТМ кп 15519/1

чувалов очагом служили углублённые в пол и расположенные в центре жилища рамы из четырёх брёвен.

Ещё одним традиционным жилищем обских угров являлся чум — каркасное переносное сооружение, использовавшееся практически повсеместно на временных весенне-осенних стоянках. Круглый в плане чум делали из жердей и покрывали берестой. Привычную в нашем понимании дверь заменял край полотнища, который просто откидывался при необходимости. В центре, напротив входа, делали четырёхугольную загородку, где располагался очаг. Для выхода дыма в верхушке чума оставляли отверстие.

На протяжении длительного времени многие элементы жилищ на территории Северо-Западной Сибири оставались относительно устойчивыми, поскольку были обусловлены, скорее, конкретным ландшафтом и социальными факторами, чем особенностями определённой этнической группы.

Средства передвижения

Речное рыболовство, составлявшее основу экономики коренного населения Югры, с одной стороны, и природно-географические условия, а именно равнинный характер местности со множеством рек, озёр и болот, с другой, обусловили развитие разнообразных форм водного транспорта.

Облас — традиционная хантыйская гребная лодка-долблёнка, являлась специальным судом для промыслов и была распространена на таёжных реках не только среди обско-угорского населения, но и среди русских. Облас выдалбливали из осины или кедра толщиной «в обхват рук». Его размер зависел от назначения. Малые, вмещавшие человека с дневным запасом пищи, чаще всего использовались при охоте на водоплавающих птиц, их легко перетаскивали через длинный волок; средние, на 7–8 распорок, — при осенней и весенней рыбной ловле; большие — для переездов и перевозки продуктов промысла⁹².

В бассейне той или иной реки сам облас и его производство имели свои особенности. Так, на средней Оби для устойчивости на волнах бытовал тяжёлый и широкий облас. В то же время, у него было до-

Рис. 2.15. Облас. с. Ларьякское. 1912 г.
Дмитриев-Садовников Г. М. 1912 г. ТИАМЭ ТМ кл 15550/70

⁹² Дмитриев-Садовников Г. М. Ваховский облас // Ремесленные процессы ваховских ханты в описаниях и фотографиях Г. М. Дмитриева-Садовникова «Лук. Облас. Бересто.» Нижневартовск, 2011. С. 44; Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты. М, 2005. С. 94.

Рис. 2.16. Облас. с. Ларьякское. 1912 г.
Дмитриев-Садовников Г. М. 1912 г. ТИАМЗ ТМ кл 15550/72

статочное остроовальное дно и невздёрнутые над водой корма и нос, чтобы обладать необходимым для быстрого течения реки ходом. На Вахе использовали легкий и узкий облас, с остроовальным дном, острыми водорезами и низкими бортами, подходящий для узких, но быстрых вод⁹³, он был длиннее, чем на Васюгане и имел больше поперечин⁹⁴. В низовьях Оби выдалбливали обласа с плоским дном, тупыми водорезами, вздёрнутыми от воды кормою и носом, и пришивными бортами, что требовала не быстрая, но огромная ширина низовой воды. Часто днище и борта делали из разных пород деревьев и крепили между собой кедровыми корневищами через просверленные отверстия, а швы замазывали смолой⁹⁵. Такие обласки с набоями или пришивными бортами, называемые русским населением «калданками», в «Историко-этнографическом атласе Сибири» 1961 г. выделены в отдельный тип водного транспорта — составной, круглодонный⁹⁶. В навигационное время использовались большие дощатые лодки с рулем или боковым кормовым веслом. Над такой лодкой делали берестяное покрытие и плавали вместе с семьей и собаками⁹⁷. Основными способами продвижения судна были гребля вёслами, толкание шестами и тяга бечевой, паруса использовались реже. Появ-

ление мачты с парусами было результатом русского влияния. Большие дощатые лодки использовались также в качестве жилища, что способствовало освоению новых мест речным путем⁹⁸.

Зимой на промыслы отправлялись на лыжах. Повсеместно бытовавшие на территории Югры лыжи делали из кедра, ели, берёзы, сосны. Они различались по своей конструкции и форме — встречались длинные и узкие или короткие и широкие, с закруглёнными или заострёнными концами. К ноге лыжи крепились за счёт специальных петель, чаще всего двух (в одну продевался носок ноги, другая обхватывала пятку), реже практиковалось однопетельное и трёхпетельное крепление⁹⁹. Иногда для ноги дополнительно делали специаль-

⁹³ Дмитриев-Садовников Г. М. Ваховский облас // Ремесленные процессы ваховских ханты в описаниях и фотографиях Г. М. Дмитриева-Садовникова «Лук. Облас. Бересто.» Нижневартовск, 2011. С. 43.

⁹⁴ Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / Перевод с нем. и публикация д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. Томск, 2001. С. 158–159.

⁹⁵ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. С. 108.

⁹⁶ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. С. 107–108; 114; 127: 2.

⁹⁷ Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / Перевод с нем. и публикация д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. Томск, 2001. С. 119.

⁹⁸ Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов: (Вост. группа) Томск, 1985. С. 94; 97.

⁹⁹ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. С. 79; Антропова В. В. Лыжи народов Сибири. Ленинград. Москва, 1953. 36 с.

ное приподнятое подножие, а в начале XX в. вместо него стали прикреплять мешок для защиты ноги от снега¹⁰⁰. Наиболее приспособленными для охоты считались лыжи-подволоки — подшитые оленьим, лосиным, реже лошадиным камусом. Обшивка на ровных местах и на спуске добавляла легкости скольжению, а при подъёме ворсистость меха задерживала движение назад. Кроме того, подшитые лыжи более бесшумны. «Голицы», состоящие только из деревянной части, чаще использовались при передвижении по насту, на короткие расстояния, в основном женщинами и детьми. Связанные вместе лыжи превращались в средство для перевозки грузов.

Рис. 2.17. Фото. Способ перевозки грузов по р. Салым. 1911 г. ТИАМЗ ТМ кп 15537/101

Зимой оленеводы ездили на оленях, жители обских и иртышских деревень — на лошадях. В обиходе были ездовые и грузовые нарты. Ездовые нарты отличались меньшим размером и более тщательной обработкой. В нарту запрягали от одного до четырёх оленей. Бытовали и ручные нарты, которые охотник тянул за бечёвку, иногда подпрыгая собаку, или же собака везла и груз, и хозьяина.

Основными деталями нарт являлись полозья, соединённые перекладинами ножки-копылья и настил для сидения или груза. Полозья проходили не параллельно земле, а под углом — для устойчивости. Переднюю часть нарты делали уже и ниже, чтобы, перескочив через пень, она не застревала. Стяжок, соединяющий полозья впереди, изготавливали изогнутым, чтобы легче проходить над препятствиями. При езде летом полозья быстро стирались, поэтому к ним снизу крепились вторые¹⁰¹.

У оленьей нарты полозья были более толстые, а копылья более высокие и прочные, чем у ручной. Вместо кузова из планок, она имела настил

Рис. 2.18. Лыжи-подволоки, подбитые шкурой оленя. Р. Вах. Дмитриев-Садовников Г. М. 1913 г. ТИАМЗ ТМ кп 15544/30а

¹⁰⁰ Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 96.

¹⁰¹ См. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. 136 с.

Рис. 2.19. Нарты для перевозки промыслового снаряжения вручную.
Р. Вах. Дмитриев-Садовников Г. М. 1913 г. ТИАМЗ ТМ кп 15544/103а

Рис. 2.20. Оленья упряжка. Бассейн р. Вах. Дмитриев-Садовников Г. М. 1912 г. ТИАМЗ. ТМ кп 15550/71

из досок с невысоким барьером. Женские нарты имели спинки, а иногда изготавливались в виде кибитки для детей. Продукты и семейные святыни перевозили в нартах с кузовом-ящиком. Для перевозки дров использовали более широкие, высокие и длинные нарты. На них же перевозили шесты чума во время зимних перекочёвок. Есть свидетельства того, что в конце XIX в. существовала двусторонняя нарта, в которую можно было запрягать оленей хоть с одной, хоть с другой стороны¹⁰².

Нартой управляли с помощью команд, вожжей и хорей — длинного (до трёх метров) шеста с деревянным круглым наконечником (реже — костяным или металлическим в виде копья). Сидя на нарте, хорей держали в левой руке, вожжи — в правой. На ездовой упряжке ездили в одиночку (за исключением женщин с детьми), с лёгким грузом. Если груз был велик, составляли обоз. Впереди шла ездовая упряжка, за ней — грузовые¹⁰³.

Одежда

Традиционной мужской зимней верхней одеждой у северных групп хантов и манси была малица — длинная, расширяющаяся книзу рубаха с капюшоном и рукавицами с прорезями на случай необходимости быстро освободить кисти рук. Её шили из двух оленьих шкур, мехом внутрь. Капюшон был двухслойным, верхний слой пришивали мехом наружу, как и широкую полосу по подолу. Снаружи малицу покрывали чехлом из сукна, за исключением капюшона и подола. Иногда вместо неё использовали парку, сшитую из шкуры, но мехом наружу. Малицу подпоясывали ремнём. В морозы поверх малицы надевали гусь или кумыш — сшитый мехом наружу¹⁰⁴. Южные ханты и манси в качестве зимней верхней одежды использовали заимствованные у русских шубы, азямы, сукманы и шабуры. Восточные группы носили распашные шубы из белой или черной байки. Верхний слой шубы собирался из кусочков меха белки, зайца или оленьих шкур. Шубы шили с прямыми сходящимися полами на ровдужных завязках¹⁰⁵.

Женская зимняя одежда северных и восточных хантов, а также северных манси, была распашной,

Рис. 2.21. Фото. Остячки юрт Пуштинских.
Р. Конда. 1910 г. ТИАМЗ

¹⁰² Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М., 2009. С. 143; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. 136 с.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. С. 227–228; История остяков Тобольской губернии: Этнографическая коллекция Тобольского Губернского Музея на первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске. Тобольск, 1911. С. 32–33; Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М., 2009. С. 231–235.

¹⁰⁵ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. С. 228.

широкой и прямоспинной, с прямым разрезом спереди и сходящимися полами. Материалом служили шкуры, ровдуга, сукно и бумажные ткани¹⁰⁶. Сах (женская зимняя меховая шуба) делался двойным, на подкладе из меха или птичьих шкурок (например, лебедя с пухом). К рукавам пришивались рукавицы, однако головной убор изготавливался отдельно. У оленеводческих групп основным материалом служил мех оленя. У восточных хантов мех оленя применялся редко, вместо него использовали заячьи и беличьи шкурки, покрытые сукном или другой тканью. Ворот украшался опушкой, полы завязывались с помощью ровдужных тесемок¹⁰⁷.

Шубы северных хантов и манси украшались узорами в виде мозаики из меха двух цветов и полосок цветного сукна, вшитого в швы по контуру узора. Узорные полосы наносились вдоль швов одежды. Подол и полы оторачивались полосами короткошёрстного меха, отличающегося по цвету от шубы¹⁰⁸.

Восточные ханты украшали шубы оловянными бляшками собственного изготовления и, начиная с середины XIX в. — бисером. Украшения наносились по подолу, полам, на воротнике и рукавах. Левая пола украшалась беднее, чем правая, или совсем не украшалась, поскольку при надевании она запахивалась¹⁰⁹.

Некоторые части одежды, обращённые мехом внутрь или со снятой шерстью, украшались раскрашиванием разноцветными красками, обычно красными или коричневыми. Для изготовления коричневой краски использовали кору лиственницы или ольхи, для красной — охру. Краска смешивалась с жиром, после чего им натирали кожу. Краска способствовала увеличению влагоустойчивости¹¹⁰.

Первоначально одежду из шкур надевали на голое тело ворсом внутрь. Ворс массировал тело, не давая ему замёрзнуть. После распространения тканей русского фабричного производства начали использовать нижнюю одежду¹¹¹.

Женские зимние головные уборы изготавливались из разных материалов (мех россомахи, выдры, шкура собаки, оленя, шкурки с ног глухаря, шеи гагары, сукно) и зачастую состояли из мелких кусочков. В качестве украшения использовался, например, бисер, песцовые хвосты, медные подвески, бусы. Иногда верхушка шапки делалась похожей на голову животного¹¹².

¹⁰⁶ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. С. 228; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. 136 с.

¹⁰⁷ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. С. 228; История остяков Тобольской губернии: Этнографическая коллекция Тобольского Губернского Музея на первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске. Тобольск, 1911. С. 33, 35.

¹⁰⁸ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. С. 228.

¹⁰⁹ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. С. 228.

¹¹⁰ История остяков Тобольской губернии: Этнографическая коллекция Тобольского Губернского Музея на первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске. Тобольск, 1911. С. 31; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. 136 с.

¹¹¹ История остяков Тобольской губернии: Этнографическая коллекция Тобольского Губернского Музея на первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске. Тобольск, 1911. С. 31.

¹¹² История остяков Тобольской губернии: Этнографическая коллекция Тобольского Губернского Музея на первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске. Тобольск, 1911. С. 33–35.

Рис. 2.22. Фото. Молодые остячки из юрт Красноярских. Р. Конда. 1910 г. ТИАМЗ ТМ кл 15519/92

Женской летней одеждой обычно служила изношенная зимняя или одежда из сукна и бумажных тканей, по покрою и украшениям соответствовавшая зимней. Северные группы хантов украшали летнюю одежду аппликациями из цветных тканей, имитирующими меховую мозаику зимней одежды. У восточных групп хантов воротники, ластовицы и обшлага делались из другого материала. Женская суконная одежда южных хантов отличалась покроем спинки, кроившейся в талию и по бокам собиравшейся в сборки. Бисерное шитьё покрывало у них все основные швы одежды и нижние концы пол. Летняя суконная одежда манси отличалась иным покроем. Она шилась без боковых полотнищ или клиньев. Стан кроился вместе с рукавами из одного полотна, перегнутого по поперечной нитке¹¹³.

Мужская летняя одежда была распашной и по крою совпадала с женской¹¹⁴. У восточных групп хантов существовала также мужская промысловая одежда, ранее бывшая обычной верхней одеждой. Она кроилась из одной целой шкуры оленя без швов на боках, имела надставные полки и длину ниже колен¹¹⁵. В качестве нижней одежды носили рубахи глухого покроя из ткани¹¹⁶. Кроме того, мужчины и женщины носили штаны двух видов: короткие, до колен, и более длинные. Шились они из ровдуги, рыбьей кожи, ткани, шкур¹¹⁷.

¹¹³ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. С. 228.

¹¹⁴ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. С. 228.

¹¹⁵ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Ленинград, 1961. С. 228.

¹¹⁶ Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М., 2009. С. 213.

¹¹⁷ История остяков Тобольской губернии: Этнографическая коллекция Тобольского Губернского Музея на первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске. Тобольск, 1911. С. 33; Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М., 2009. С. 213.

Рис. 2.23. Женщины-ханты Прииртышья в праздничной одежде. Из фотоколлекции А. И. Галкина. 1906–1909 гг. МПич. ХМ НВ-2279–64

Рис. 2.24. Вешала для сушки сетей и вяления рыбы. Из фотоколлекции А. И. Галкина. 1906–1909 гг. МПич. ХМ НВ-2279–29

В качестве обуви ханты использовали кисы и чижи. Кисы шились шерстью верх и служили верхней обувью, а более мягкие и тонкие чижи, шитые шерстью внутрь, надевались под них. Женская обувь была такой же, но украшалась более нарядно. Кроме того, поперечные полосы спереди у мужчин находились под коленом, а у женщин чуть выше подъема. Изношенная обувь использовалась в летнее время¹¹⁸.

Пища

Основой традиционной системы питания народов Югры были рыбные, мясные, в меньшей степени — растительные продукты. Способы заготовки продуктов, приготовления из них блюд не показывают особого разнообразия у различных групп коренного населения Югры. В сыром виде повсеместно ели только что выловленную рыбу, оленье мясо, все ягоды, кроме черемухи. Для зимнего периода было характерно употребление в пищу строганины из замороженной рыбы и мяса. Только что добытые рыба и мясо подвергались термической обработке: их жарили, запекали, надев на палочки у открытого огня, варили или коптили.

Немалую часть выловленной рыбы и добытого мяса заготавливали впрок, в основном путём сушки. При сложившейся к концу XIX в. хозяйственной системе летом рыбу можно было запастись в больших объёмах и на Оби, и в низовьях её притоков, куда на время рыболовного сезона спускалось население с верховьев и среднего течения этих притоков. Рыбу, в зависимости от размера, сушили целиком или предварительно обрабатывали. Мясо нарезали на тонкие пласты и сушили на солнце под крышей, на помостах или у печки, а также над костром. С заготавливаемых впрок уток и гусей снимали кожу, тушки связывали попарно и развешивали на жердях.

В конце XIX — начале XX вв. мясная пища преобладала там, где сосредоточивались стада крупных копытных или же проходили пути их мигра-

¹¹⁸ История остяков Тобольской губернии: Этнографическая коллекция Тобольского Губернского Музея на первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске. Тобольск, 1911. С. 33; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. 136 с.

ций, поскольку именно охота на лося и дикого оленя обеспечивала основные потребности в мясной пище. Мясо боровой и водоплавающей птицы также играло существенную роль в рационе народов Югры. В XIX в. обитатели крупных селений из числа коренных жителей уже владели крупным и мелким рогатым скотом, мясо которого также использовалось в пищу. Причём предпочтение отдавалось мясу овец. Но всё же на первом месте была рыба как наиболее гарантированный в плане получения продукт питания. Мясо крупного рогатого скота и конина использовалось как обрядовая пища.

Модель питания коренного населения Северо-Западной Сибири включала и растительные продукты: ягоды черемухи, черники, морошки, брусники, клюквы, черной и красной смородины, голубику, малину, а также кедровые орехи и некоторые растения — борщевик, дикий лук и др. Другим источником углеводов являлись хлеб и зерновые культуры. Муку — ржаную или ячменную — народы Югры покупали у русских и выпекали в уличных печках. Изготавливались изделия из теста, в начале XX в. на поселениях были специальные уличные печи для выпечки хлеба. Фигурки животных из теста были обязательным атрибутом медвежьего праздника.

Продукты, как правило, употреблялись в сочетании, например, жареную, копчёную, варёную рыбу, рыбий жир ели с ягодами, хлебом. Заготовленные впрок продукты хранили в берестяных ёмкостях различной формы. Зимой их ставили в свайные амбары, у некоторых групп народов Югры были наземные амбары для хранения рыбы, которые строили рядом с жилищем. В лесу продукты хранили либо на помостах, либо в свайных амбарах. В конце зимы оставшиеся запасы помещали в специальные ямы, выкопанные в замёрзшей почве, и засыпали их снегом, где они хранились до начала лета.

Рис. 2.25. Уличная хлебная печь. Р. Салым

Рис. 2.26. Погреб для хранения продуктов. Бассейн р. Вах. 1912 г. Дмитриев-Садовников Г. М. 1912 г. ТИАМЗ. ТМ кп 15550/78

4. Социальная организация у хантов, манси и лесных ненцев

В XIX — начале XX вв. у обских угров основными элементами социальной организации были волость, община-юрт, род и семья.

Волость

В XIX — начале XX вв. волости оставались основными единицами административного учёта населения Сибири. Данные ревизских переписей XIX в. показывают, что численность населения инородческих волостей в Северном Приобье существенно различалась: они включали от 3 до 30 селений-юрт с населением 100–3300 человек. Это можно объяснить тем, что генетически волости были связаны с локальными этническими группировками аборигенов¹¹⁹. Границы волостей нередко соответствовали распространению того или иного диалекта (наречия, говора) хантыйского или мансийского языков (например, хантыйские (Казымская, Меньше-Кондинская, Верх-Демьянская, Аганская, Васюганская и т.п.), мансийские (Ляпинская, Сосьвинская, Пелымская). Будучи «низовой ячейкой» этнической структуры обских угров, волость одновременно была наиболее крупной единицей их социальной организации и представляла собой административно-территориальное объединение нескольких селений-юрт. Следует отметить достаточно высокую стабильность юртового и фамильного состава волостей по материалам ревизских переписей. Фискальный фактор выступал в качестве объединяющего волостную общность, которая рассматривалась как коллектив плательщиков ясака вне их связи со строго определенной территорией¹²⁰. Важно также то, что границы волостей в основном совпадали с территорией, осваиваемой отдельными локальными этническими группами в пределах бассейна обского или иртышского притока в процессе хозяйственной деятельности. Освоенная территория волости фактически являлась совокупностью используемых промысловых и других угодий отдельных селений, входящих в состав волости. У «ясачных инородцев» существовало представление о границах своей волости, которое возникло вследствие того, что их юртовый состав практически не изменялся.

Волостное сознание поддерживалось и религиозным культом. В представлениях обских угров каждая река имела своего духа-хозяина (хозяйку). Поскольку территория волостей совпадала с границами бассейнов крупных обских и иртышских притоков, либо части Оби, божество-хозяин реки почиталось всем населением волости и считалось главным среди местных духов. Например, в Казымской волости наибольшим почитанием пользовалась Казым-ими, хозяйка р. Казым; в Аганской — Оун ики, хозяин р. Тромъеган; в Подгородней — Ай ас ики, хозяин р. Вогулка.

Община

В сибиреведческой литературе утвердилось мнение о том, что инородческие юрты были территориально-соседской общиной промыслового типа. Общины представляли собой группы хозяйств, занимавших определённый район и сообща использовавших промысло-

¹¹⁹ Мартынова Е. П. Общественное устройство в XVII–XIX вв. // Молодин В. И., Лукина Н. В. и др. История и культура хантов. Томск, 1995. С. 85.

¹²⁰ Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990. С. 37.

вые уголья. Все члены соседской территориальной общины, как правило, осознавали свое единство, противопоставляя себя соседним группировкам¹²¹.

Комплексное хозяйство обских угров предполагало сезонно-круговую миграцию в течение годового цикла и приближение поселений к промысловым угольям. Поэтому община фактически «распадалась» на несколько сезонных (летних, зимних, весенних, осенних) поселений, при этом ни одно из них не считалось центральным. Размер общины-юрта зависел от экологических и хозяйственно-экономических факторов. По берегам крупных рек, в зоне торгово-промышленного рыболовства, поселения были крупными, насчитывающими десятки семей, и тяготели к рыболовным пескам или сора́м. По верховьям притоков Оби и Иртыша преобладали немногочисленные поселения из двух-четырёх хозяйств, поскольку занятия заporно-сетевым рыболовством, охотой и таёжным оленеводством требовали рассредоточения населения по угольям. Общины обских хантов и манси, прииртышских хантов отличались от общин жителей притоков не только по размерам, но и по внутренней структуре. Первые были населены группами родственных и неродственных семей, у вторых преобладали поселения родственных семей. Селения, населённые родственниками-однофамильцами, преобладали в Салымской, Верх-Демьянской, Пимской, Аганской, Тромюганской волостях.

В пределах промысловой общины обских угров формировались хозяйственные коллективы — промысловые артели — для совместного лова рыбы, охоты, сбора кедровых орехов, ягод и т. д.

В рыболовном промысле создавались следующие сезонные коллективы.

- Неводная артель (хант. *соип ёх*, *тухтаты ёх*) из пяти-семи семей, объединявшихся на период летнего неводного промысла. Общий большой невод составлялся либо из частей-паёв, находившихся в собственности отдельных семей, либо брался у рыбопромышленников за определенную долю в добыче. Артель имела

Рис. 2.27. Н. Шахов. Волости сосьвинские и лапинские промыслы. МАЭ

¹²¹ Гурвич И. С. Соседская община и производственные объединения малых народов Севера // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 389.

своего руководителя — «башлака», который управлял неводьбой. Ему подчинялись рядовые рыбаки в силу его опытности, ловкости, знаний, энергии. Добытая рыба принадлежала артели и делилась согласно предварительной договоренности по паям. Расходы на промысел распределялись соответственно количеству паев.

- Группа рыболовов-неводчиков из нескольких семей (хант. *кулькинчи ёх*), которые с притоков на время интенсивного летнего промысла спускались на Обь, где вели лов преимущественно посемейно. В случае необходимости рыбаки помогали друг другу.
- Важанная артель (хант. *вошты ёх*) из четырёх — пяти семей для осеннего лова. Каждый рыболов ставил свой важан, подчиняясь руководителю артели.
- Объединение из пяти — семи семей для установки летних запоров в курьях или сорах (хант. *вар ёх*).
- Группа из пяти — двадцати семей для осеннего лова в низовьях обских или иртышских притоков (хант. *сун корт*), которая включала несколько артелей-неводчиков¹²².

Для ведения охотничьего промысла также создавались различные объединения.

- Группа из пяти — десяти человек на период пушного промысла (хант. *вой вельты ёх, ар кассы*). На месте промысла эта группа ставила общий чум, где оставались семьи, а охотники уходили на лыжах на один-два дня. После того как облавливали зверя на одном месте, группа перекочёвывала. Сам промысел вёлся индивидуально, добыча не делилась: каждый забирал то, что добывал.
- Группа из трёх — четырёх человек для охоты на оленя скрадыванием (хант. *сур л'омиты*).
- Группа из пяти — восьми человек для загона оленей по насту (хант. *вэнли яхан вэняга*).
- Группа из пяти — восьми человек для охоты на медведя (хант. *моми кохат мыть хат*).

При охоте на копытных добыча делилась между всеми членами артели, шкура доставалась тому, кто выследил зверя.

Охотничьи коллективы возглавлялись наиболее опытными промысловиками (хант. *ики, вэн хоят*). Все вопросы, связанные с передвижением и промыслом, решались сообща. Никто из членов артели не мог отделиться и уйти, никого никогда не оставляли в тайге одного в случае несчастья, запасами еды делились между собой¹²³.

Артели создавались также для сбора кедрового ореха и ягод в тех местах, где эти промыслы носили товарный характер. Для собственных нужд кедровым и ягодным промыслом занимались посемейно. В бор от каждой семьи «отряжалось» столько рабочих рук, сколько платили ясак и несли повинности. Группа насчитывала от четырёх до двадцати человек.

¹²² Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: в 3-х т. Т. 3. Тобольск, 1911. С. 97; Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1891. Вып. XII. С. 235; Головнев А. В., Конев А. Ю. Община у народов Нижнего Приобья во второй половине XIX — начале XX в. // Община и семья в сибирской деревне XVIII — начала XX вв. Новосибирск, 1989. С. 79.

¹²³ Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. СПб., 1900. С. 29; Головнев А. В., Конев А. Ю. Община у народов Нижнего Приобья во второй половине XIX — начале XX в. // Община и семья в сибирской деревне XVIII — начала XX вв. Новосибирск, 1989. С. 81.

Все собранные орехи, ягоды ссыпались в одну емкость, а после окончания сбора делились по семьям соответственно количеству рабочих рук. В некоторых случаях собранные орехи, ягоды сразу сдавали купцам и делили вырученные деньги¹²⁴.

Основная функция общины-селения в сфере производства была соционормативной. Жители юрта или паула следили за пользованием рыболовными местами, охотничьими урманами, не допускали туда «чужаков». По представлениям остяков и вогулов, ходить на промыслы в чужие вотчины без разрешения — значит подвергнуться опасности, заблудиться, утонуть, завязнуть в болоте и т.д. Виновных в «самовольном» промысле наказывали: с них взыскивалась вся или половина добычи. Строго следили за соблюдением сроков лова того или иного вида рыбы или зверя. «Мир» не допускал лова в юровых ямах в течение всего года, кроме зимы. Весной запрещалась охота в тех местах, где она проводилась осенью. Налагался запрет на добычу стельных самок и молодняка, на пушных зверей в период линьки. Воспрещалась порубка кедровника, сбор орехов и ягод в период их созревания¹²⁵.

Вопросами распределения продукции промыслов община не занималась. Обычно добыча делилась внутри хозяйственного коллектива согласно заранее обговорённым нормам. В «тяжелые для промыслов» годы действовал обычай взаимопомощи, добыча распределялась между всеми жителями посёлка.

Обрядово-бытовая функция общины реализовывалась в организации праздников, связанных с промысловым культом, а также проведении календарных. Всем селением обычно отмечали начало рыболовного сезона, окончание установки летних запоров, начало сбора ягод, орехов, открытие пушной охоты. Жители юрта или паула совместно проводили

Рис. 2.28. Старшины Ляпинской волости Степан Ляпин и Нил Шешкин. Обдорск 1885 г. Из фотоколлекции А. А. Дунина-Горкавича ТИАМЗ ТМ-47119/8

¹²⁴ Марусин С. Промысловые артели Тобольской губернии // Юридический вестник. М., 1891. Т. 8. Кн. III–IV. С. 441–445; Архив РАН, оп. 1, раз. IV, л. 81–82.

¹²⁵ Варпаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб., 1902. Т. 1. С. 44; Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. СПб., 1900. С. 27, 29; Туркин Н. В. Обычное охотничье право у наших инородцев в связи с поземельными владениями // Природа и охота. 1901. № 3. С. 3.

Рис. 2.29. Братья Дмитрий и Степан Шешкины «Сыгвенского княжеского рода» с жалованными грамотами Иоанна и Петра Алексеевичей. В кафтанах, пожалованных Екатериной II и Тобольским губернатором. Начало XX в. Фотоколлекция У. Т. Сирелиуса. ФМВФ. СУС36:76

«осетровый» (по случаю добычи первого в году осетра) и «лосиный» праздники (особенно он известен на Васюгане). Всем селением отмечали Петров день, Егоров день, Семёнов день, Вороний день (Благовещенье). На медвежий праздник обязательно приглашались жители соседних юрт.

У каждого селения существовало священное место, где находилось изображение юртового или семейного духа-покровителя, которому приносили жертвы¹²⁶.

Важнейшие вопросы внутриобщинной жизни решались на сходе (хант. *ях ахты сыты*, «вместе собрались» или *мыр ката менлев* («пойти в народный дом»). Правом голоса на нём пользовались взрослые мужчины, главы хозяйств. Женщины и подростки могли присутствовать, но в решении вопросов участия не принимали¹²⁷. На сходке обсуждались вопросы о распределении угодий, раскладке повинностей, поселении переселенцев, сроках промыслов, помощи сиротам, калекам, нарушении вотчинных границ, отношениях с волостной администрацией, решались судебные дела. Обычно общиесобрания, а, следовательно, и общиеразбирательства, приурочивались к сбору ясака или к ярмаркам, т.е. происходили один — два раза в год. На них рассматривались наиболее значительные конфликты: по разделу иму-

¹²⁶ Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск., 1984. С. 111.

¹²⁷ Шатилов М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки // Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1931. Т. IV. С. 146.

щества, брачным делам, распрям между супругами, наследованию, опеке, промысловым угожьям, кражам, ссорам. Решение выносилось сообща, однако все прислушивались к мнению старших по возрасту и наиболее опытных мужчин. Мнение молодых людей в расчёт не принималось на том основании, что они ещё мало жили и мало знают¹²⁸. Должностные лица (старшины, старосты) не имели на собрании решающего голоса, они фактически руководили ходом собрания, а затем на основе складывающегося мнения выносили решение. Староста слушал высказывания и в соответствии с мнением большинства формулировал, оглашал приговор, который тут же приводился в исполнение. Наиболее распространёнными мерами наказания были общественное порицание, штраф, розги. Такой суд был вполне авторитетным в глазах населения, воля общего собрания была непререкаемой. Рискнувший пойти наперекор общему решению автоматически ставил себя вне общины и в дальнейшем не мог рассчитывать на её помощь¹²⁹.

Род

Многие авторы XIX — начала XX в., побывавшие среди обских угров, упоминали о существовании у них родов и родового деления и приводили различные варианты характеристики наблюдаемого феномена¹³⁰.

В 1990-е годы этнографы вновь вернулись к идее о существовании у обских угров родовой организации¹³¹. Ханты и манси для обозначения понятия «род» употребляют разные термины: рат (рут), сыр (сир, щир), ёх, махум. Первый термин созвучен с русским, в словарях он обычно переводится как «родные», «родственники», «родня», «родственные». Существует также мнение, что есть связь с рат (хант. очажный лист), на котором разводили домашний

¹²⁸ Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. СПб., 1900. С. 48; Шатилов М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки // Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1931. Т. IV. С. 7.

¹²⁹ Шатилов М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки // Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1931. Т. IV. С. 9.

¹³⁰ Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 11; Кастрен М. А. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838–1844 гг. // Этнографический сборник РГО. СПб., 1858. Вып. 4. С. 277–278; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: в 3-х т. Т. 1. СПб., 1904. С. 3; Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. СПб., 1900. С. 4, 29; Шатилов М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки // Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1931. Т. IV. С. 4; Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. № VI, VII. С. 159–160; Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и род. М., 1983. С. 121; Соколова З. П. Еще раз о роде у хантов и манси // Семья и социальная организация финно-угорских народов (Труды института языка, литературы и истории). Сыктывкар, 1991. Вып. 49. С. 94; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. Томск, 1977. С. 192; Лукина Н. В., Кулемзин В. М. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 236–238.

¹³¹ Мартынова Е. П. Общественное устройство в XVII–XIX вв. // Молодин В. И., Лукина Н. В. и др. История и культура хантов. Томск, 1995. С. 77–120; Мартынова Е. П. Род у нижнеобских хантов // Ямал-регион: историческая ретроспектива и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ямальские гуманитарные чтения-2006». Салехард-Екатеринбург, 2006. С. 30–41; Перевалова Е. В. Брачно-родственные отношения северных хантов // Экспериментальная археология. Тобольск, 1991. Вып. 1. С. 118–128; Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. 414 с.

огонь¹³². Понятие *siŕ* как «род» использовалось в выражении *miŕ siŕ xo* (манс. какого рода человек)¹³³ и (хант. доля, часть)¹³⁴.

Термином *сыр / сир* у обских угров обозначаются экзогамные объединения нескольких семей, связанных общим культом, единством происхождения и общим самоназванием. Члены *сыр* имели духа-покровителя (*лонг, лунх, тонх, тунх, торым*), потомками которого они считались. О таких группах говорят: *и люх хоят, и лонг хоят* (сев. ханты), *эй-юнг-ях, эй тунх* (вост. ханты) — «одного духа люди». Люди одного *сыр* считались кровными родственниками и называли друг друга «братьями» и «сёстрами». Браки внутри таких групп исключались, а нарушение экзогамных норм расценивалась как грех¹³⁵.

У васюганско-ваховских хантов существовали сходные с родами — *сыр* манси и северных хантов объединения — *ях*, характеризующиеся следующими признаками: 1) особое название; 2) определенный фамильный состав; 3) как правило, общая территория; 4) поклонение общему духу и наличие общего жертвенного места; 5) экзогамность. Можно предположить наличие общего предка и главы группы¹³⁶. У юганско-пимских и аганско-тромъеганских хантов исследователи фиксировали деление на три родовые группы *сир*: Медведя (*Пули-сир*), Лося (*Нёх-сир*, или *Войях сир*), Бобра (*Мах-сир*)¹³⁷. Смысл деления народа на *сир* ханты, возможно, видели в необходимости регулирования системы заключения браков¹³⁸.

Родство — *сыр* основывалось не столько на действительных кровнородственных связях, сколько на реальных отношениях соседства, по которым в числе родственников по принципу территориальной близости могли оказаться чужие. В обско-угорских легендах нередко упоминалось о том, что члены одного *сыр* вместе спаслись во время священного потопа¹³⁹. В составе сородичей нередко оказывались даже выходцы из других этнических групп. Так, сынский род *Сеня ёх* включил хантов коми-зырянского (*Вальгамовы, Куртямовы*), ненецкого (*Еприны*) и мансийского (*Рохтымовы*) происхождения; войкарский род *Ай вош ёх* объединяет наряду с «чистыми» хантами *Ребась* и *Аляба* генетически связанных с ненцами *Тынзяновых*; в род *Нёрапса ёх* входит фамилия *Озеловых*, имеющая коми-зырянские корни, и *Хунзи*, связываемая с ненцами *ур ёх*¹⁴⁰.

¹³² Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 219–220.

¹³³ Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. № II. С. 20.

¹³⁴ Лукина Н. В., Кулемзин В. М. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск, 1976. С. 236.

¹³⁵ Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 118; Бартенев В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири (Очерки Обдорского края). СПб., 1896. С. 96–98.

¹³⁶ Лукина Н. В., Кулемзин В. М. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск, 1976. С. 235.

¹³⁷ Вербов Г. Д. Лесные ненцы // Советская этнография. 1936. № 2. С. 69; Лукина Н. В., Кулемзин В. М. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск, 1976. С. 235.

¹³⁸ Лукина Н. В., Кулемзин В. М. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск, 1976. С. 236.

¹³⁹ Мартынова Е. П. Род у нижнеобских хантов // Ямал-регион: историческая ретроспектива и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ямальские гуманитарные чтения-2006». Салехард-Екатеринбург, 2006. С. 35.

¹⁴⁰ Полевые материалы Мартыновой Е. П. Берёзовский район ХМАО-Югра, 1990, 1991.

В религиозных представлениях хантов бытовали сюжеты о родственных и брачных отношениях между родовыми духами-покровителями, которые распространяются на членов соответствующих родов. Так, у северных манси каждый дух-покровитель являлся тотемным предком какого-либо рода, и в то же время был связан с двумя-тремя или даже большим количеством других родов, где он также почитался в той или иной степени, причём предки этих родов считались его сыновьями и дочерьми¹⁴¹.

Род — сыр состоял из нескольких более мелких родственных объединений, которые охватывали более узкий коллектив реальных родственников (обычно однофамильцев). Такое родство осознавалось как предковое (вертикальное) и обозначалось на хантыйском языке понятием *рат / рут* — «родня», «родственники», либо и сыр *рат* — «одинаковая родня», «одна порода». Е. В. Перевалова определяет такое родство как вертикальное (межпоколенное). Представление о родстве *рат* символизирует идею единства мертвых и живущих сородичей. В пределах этого родственного круга проводится обряд ляксым, позволяющий установить, душа какого предка перешла к новорождённому¹⁴². Обычно одновременно с душой ребенок получал и имя умершего родственника¹⁴³. Скорее всего, именно об этой традиции писал Ф. Белявский: «Каждый род или поколение имеет свои собственные имена, даваемые по назначению родных или в память покойных: присвоение же имени из чужого рода без согласия, считается величайшею обидою, и дело заканчивается не иначе, как дракой»¹⁴⁴.

Представления о предковом родстве у хантов основываются на идее единства и непрерывной взаимосвязи живых и мёртвых родственников, что подтверждается не только традицией определения ляксым, но и обычаем хоронить членов одного *рат* рядом. Считалось, что покойники, лежавшие на кладбище, продолжали быть частью рода, вторжение на это кладбище живого или мертвого чужеродца было недопустимо¹⁴⁵. Верили также, что *ис хор* (манс. могильные души) держались за связь с родом и, в случае его переселения на другое место, следовали за ним¹⁴⁶.

Семья

Материалы учёта населения за конец XVIII–XIX вв. свидетельствуют, что у остяков и вогулов существовали семьи двух типов: малые и большие неразделённые. Малой семьей считают супружескую пару с детьми или без детей. Родители с женатыми сыновьями, вне зависимости от их количества, а также совместно жившие женатые братья составляют неразделённую семью. Сложные семейные группы с прямым и боковым родством были очень редки среди обских угров. Преобладали семьи в два поколения: отец — сыновья, братья — племянники. Материалы Ревизий позволяют проследить разделы больших семей. Так, братская

¹⁴¹ Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. № II. С. 23–25.

¹⁴² Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 21, 223.

¹⁴³ Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. № VI, VII. С. 140–141.

¹⁴⁴ Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 123.

¹⁴⁵ Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. № VI, VII. С. 178.

¹⁴⁶ Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая, т. 51. 1959. С. 123.

Рис. 2.30. Семья остяков с р. Вах. 1912 г. Дмитриев-Садовников Г. М. 1912 г. ТИАМЗ. ТМ кп 15550/63

семья Кирилла Чемлякова из ю. Шумиловских Меньше-Кондинской волости насчитывала в 1795 г. 42 чел. В 1816 г. в тех же юртах проживало семь семей Чемляковых (4 большие, 3 малые), а в 1858 г. было 14 семей Чемляковых в этом селении (2 большие, 12 малых).

Средняя численность семьи у остяков и вогулов, по данным переписей XIX в., составляла: у прииртышских хантов — 5 чел., у кодских — 6 чел., у юганско-пимских и аганско-васюганских — 8 чел. Широко распространёнными были семьи из 5–9 чел. Следует отметить, что имелось довольно большое число семей, состоящих только из 2–3 чел. По-видимому, это остатки более крупных в прошлом семей, вымерших по каким-либо причинам. Думается, такие семьи могли вести самостоятельное хозяйство, пользуясь родовыми угодьями, а также с помощью родственников.

В этнографической литературе XIX вв. содержатся сведения о многожёнстве у остяков и вогулов¹⁴⁷. Оно было характерно для состоятельных семей, чаще всего оленеводческих.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в остяцких и вогульских семьях регулярно проходили семейные разделы. Согласно нормам обычного права, «выделы членов семьи в особое хозяйство... вызываются большей частью величиною хозяйства или дурным поведением отделяемого... После выдела отношения между отделенными и неотделенными остаются те же, но отдельный член в случае смерти выделившего его не пользуется уже правом на наследство»¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин земледения и путешествий. М., 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 192; Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. 3–4. СПб., 1891. С. 74.

¹⁴⁸ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. (Составители Голодников К. М., Дмитриев-Мамонов А. И.) Тобольск, 1884. С. 25.

В традиционной семье обских угров существовало строгое распределение обязанностей. Власть и авторитет главы семьи были непререкаемы. Все мужчины с 15–16-летнего возраста занимались промыслами, а также изготовлением орудий промысла, средств передвижения (лодок, нарт, саней, лыж), строительством жилья. В обязанности женщин входило ведение домашнего хозяйства: переработка и заготовка впрок добытой продукции, изготовление одежды и обуви, приготовление пищи, заготовка дров.

После замужества женщина, поселяясь в доме мужа, практически прекращала связи с отцовской роднёй, хотя и в семье мужа оставалась «чужеродкой», с чем был связан обширный ряд этических и ритуальных запретов. Прежде всего, это проявлялось в обычае избегания, которое женщина начинала соблюдать сразу же после замужества. В обско-угорской традиции «избегать» означает закрывать волосы и лицо платком от старших родственников мужа. Кроме того, теща «закрывалась» от зятя. Ей не полагалось трогать осетра, пойманного зятем, иначе ему не будет удачи на рыбалке¹⁴⁹. Обычай избегания распространялся и на мужчин: тесть с зятем не должны были ходить вместе в баню, туалет. Родственники, соблюдающие обычай избегания, не называли друг друга по имени, обращались друг к другу в третьем лице.

Землепользование и собственность

Территориальный ареал общины-юрта («дача» по терминологии официальных документов) представлял собой совокупность хозяйственных угодий — «вотчин», опромышляемых различными хозяйственными группами и отдельными семьями. Границы «дач» не были строго очерчены, тем не менее они были известны всем членам общины и соседних, нарушения случались редко и преследовались по нормам обычного права. Промысловые и пастбищные угодья располагались в пределах волости, хотя отмечаются случаи, когда ханты вели охотничий промысел за пределами своих волостных границ из-за недостатка хороших охотничьих мест. Юганские ханты в конце XIX — начале XX вв. промышляли соболем, белок, лосей и оленей в верховьях Балыка, Салыма и Демьянки, а иногда даже между водоразделом р. Туртас и р. Тара (Подгородно-Юганская, Салымская, Верх-Демьянская, Васюганская волости).

Общинными (юртовыми) рыбоугодьями считались пески для неводного и калыданного лова, сора для облавливания сетями и запорными сооружениями, устья притоков и проток, где устанавливались запоры, юровые ямы. Некоторые богатые рыболовные пески по Оби и Иртышу находились во владении жителей нескольких соседних селений. Следует отметить, что право владения перечисленными рыбоугодьями по существу было коллективным. Никто из членов общины не мог выделить свою долю и распоряжаться ею по своему усмотрению. Для лиц, не входивших в общину, существовал запрет на пользование угодьями. Вопросы о порядке, способах, времени использования общинных угодий решались на общем собрании. Ежегодно распределялись по паям сенокосные угодья, находившиеся в собственности общины. У аганских, демьянских, ваховских хантов исследователи отмечают принцип свободного пользования охотничьими угодьями¹⁵⁰.

¹⁴⁹ Лапина М. А. Этика и этикет хантов. Томск, 1998. С. 26.

¹⁵⁰ Шатилов М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки // Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1931. Т. IV. С. 146; Головнев А. В. Конев А. Ю. Община у народов Нижнего Приобья во второй половине XIX — начале XX в. // Община и семья в сибирской деревне XVIII — начала XX вв. Новосибирск, 1989. С. 83.

Наряду с общинной у обских угров существовала семейная собственность на охотничьи и рыболовные угодья, которая основывалась на праве первого освоения и продолжительности фактического пользования. Семейная промысловая территория — вотчина — передавалась по наследству. Семейной собственностью являлись места для установки заповор, участки соров, озёр, небольшие речки, т.е. угодья, где рыболовный промысел осуществлялся силами отдельной семьи. Места охоты на пушных зверей, ввиду большой экономической значимости пушного промысла, также находились в семейной собственности. Точно очерченных границ наследственные промысловые угодья не имели, обычно их замечали по каким-либо природным знакам: речкам, озерам, деревьям, камням и т.п. На семейные участки чужие не допускались, нарушения преследовались по нормам обычного права.

Наследование угодий осуществлялось только между вотчинниками, т.е. людьми, имеющими право на совместное пользование этими угодьями, которыми, согласно обычному праву, являлись или родственники, или однофамильцы. В правовых обычаях угров отмечается, что «наследование детьми после отца этих угодий является не самостоятельным, т.к. они не могут выделить из вотчинного угодья своей части, если, конечно, оно не является семейным»¹⁵¹. Как справедливо заметила Н. А. Миненко, положение о переходе промысловых угодий только к родственникам «говорило о том, что участки эти не были частной собственностью отдельных семей, что они находились лишь в их наследственном пользовании»¹⁵². Промысловые угодья и всё имущество семьи переходили после смерти отца к младшему сыну, который обычно оставался с родителями. Старшие братья, женившись, отделялись от отца, искали себе новые, «ничейные» места для промыслов, оленей для них отец выделял (назначал) заранее, пока сыновья были маленькими.

Из-за высокой смертности среди аборигенов вотчины часто переходили из рук в руки, в результате чего нарушался родственный принцип владения угодьями. Обычное право угров стояло на страже родовой собственности: «Если через какой-либо промежуток времени кто-нибудь предъявлял права на определенный участок и мог доказать их свидетельством посторонних людей, участок этот передавался в пользование просителю»¹⁵³.

Что касается собственности на средства производства (орудия промысла, транспортные средства), то они считались семейной собственностью, хотя отмечаются и коллективные формы владения ими. Артельной собственностью считались большие рыболовные заповоры, большие невода, которые связывались из частей, принадлежавших отдельным семьям. Коллективные невода метились целой серией личных тамг владельцев, нанесённых на поплавки и грузила.

Домашний скот (лошади, коровы, собаки) находились в семейной собственности. Олени принадлежали главе семьи, часть оленей отец отдавал сыновьям, а в собственности женщины находились те олени, которые были даны ей в приданое. Семейной собственностью

¹⁵¹ ГБУТО ГА. Ф. 200, оп. 1, д. 71, л. 7.

¹⁵² Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 37.

¹⁵³ РГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 269, л. 79; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. (Составители Голодников К. М., Дмитриев-Мамонов А. И.) Тобольск, 1884. С. 36; Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. СПб., 1900. С. 27.

считались также жилые и хозяйственные постройки, домашняя утварь. Следует отметить, что поскольку семейной собственностью распоряжался глава семьи, то принадлежность промысловых орудий, скота и других вещей семье олицетворялась как собственность главы семьи.

К личной собственности взрослого мужчины относилось всё то, что изготовлялось или использовалось им самим: ружье, нож, топор, небольшая лодка, одежда, обувь и т.п. Глава семьи специальной тамгой *ём пос* («руки знак»), или *вэли пос* («олений знак») «метил принадлежавших ему оленей, охотничьи орудия (сторожевые луки и ловушки), рыболовные снасти (поплавки и грузила сетей), изготовленные им предметы домашнего обихода (деревянные сосуды, стопки для толчения табака, деревянные ножны ножей и т.п.). Тамги ставились только на принадлежавшие мужчине или на изготовленные им вещи»¹⁵⁴. Личную собственность замужней женщины составляли приданое, предметы личного обихода и подарки родителей. Личное имущество наследованию не подлежало, за немногим исключением, его клали в могилу вместе с умершим.

Лесные ненцы

В XIX — начале XX вв. лесные ненцы в официальных источниках были известны под названием «казымские самоеды», поскольку в административном отношении учитывались в составе Казымской волости Берёзовского уезда. По мнению исследователей, они осознавали и осознают себя самостоятельным племенем — *тэнз*. Отдельным племенем считали их и тундровые ненцы, называя *пян-хасово* («лесные люди») или *Пяк*¹⁵⁵. А. В. Головнев расценивает *тэнз* как высший уровень ненецкой социальной системы¹⁵⁶. Помимо племён, в XIX — начале XX вв. социальная организация ненцев включала такие подразделения, как род (*еркар*) и семья (*мяд'тер*).

В отличие от обских угров, учёт самодийского населения Северо-Западной Сибири вёлся по родам. В начале XIX в. насчитывалось шесть родов лесных ненцев: Айвасиды, Карцы, Недевятковой станицы, Ракли, Ванцын, Логачи (Лагачи)¹⁵⁷. Ревизские переписи середины XIX в. (1851 г. и 1858 г.) учитывали ненцев уже не по родам, а по ватагам, названия которых образовывались от имён наиболее влиятельных лиц в роде (старшин). В середине XIX в. лесные ненцы Казымского ведомства делились на шесть ватаг: Камиянскую, Нянзину, Шурюмину, старшины Напазея, Пандину, Лебина¹⁵⁸. В переписи 1897 г. были учтены ватаги-роды: Лахку, Сынгу, Халь, Лянкпе, Нитю, Ланку¹⁵⁹.

Роды лесных ненцев представляли собой группы людей, ведущих происхождение от общего предка по мужской линии. Браки были запрещены не только внутри рода, но и вну-

¹⁵⁴ Архив РАН, оп.1, д. 70, л. 31.

¹⁵⁵ Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 457.

¹⁵⁶ Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 451.

¹⁵⁷ Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 179.

¹⁵⁸ Там же. С. 182, 183.

¹⁵⁹ Там же. С. 186.

три целой группы родов¹⁶⁰. Члены одной группы родов называли друг друга нями (от ненец. ня — ‘брат’) либо нгамзани иеля (ненец. ‘часть моей плоти’)¹⁶¹. Ненецкие роды сплачивались вокруг вождей, их ветви отделялись от старых родов под началом новых лидеров. Лесные ненцы отличались особенно большой родовой раздробленностью¹⁶², в начале XX в. у них насчитывалось 85–90 родов¹⁶³.

Основной хозяйственной единицей у лесных ненцев была семья. В основе межсемейных отношений лежал принцип динамичной кооперации: ненецкая семья чередовала периоды объединения с другими семьями и самостоятельного кочевания¹⁶⁴.

5. Обряды жизненного цикла и праздники обских угров

Обряды жизненного цикла, связанные с рождением (родильный обряд), взрослением (инициация), вступлением в брак (свадьба), смертью (погребение), называются переходными, поскольку фиксируют переход человека в группу с новым социальным статусом.

Свадебный обряд

Вступление в брак считалось одним из знаковых событий в жизни человека. Оно имело важное значение и в социальном плане: только женатый человек как равный вступал в круг сородичей, становился полноценным членом общества. На это указывают и термины для обозначения различных возрастных категорий в хантыйском и мансийском языках: после женитьбы юноша *пах* (хант.) / *ных* (манс.) становился мужчиной *ики* (хант.) / *ойка* (манс.), а женщины из девочки *эви* (хант.) / *аги* (манс.) превращается в женщину *ими* (хант.) / *эква* (манс.).

В научной литературе было высказано два мнения по вопросу регулирования браков среди хантов и манси. По мнению одних, браки заключались между представителями фратрий Пор и Мось¹⁶⁵; по мнению других, они регулировались обычаем родовой экзогамии, т. е. исключались среди представителей одного рода¹⁶⁶. В XIX в. у хантов и манси был рас-

¹⁶⁰ Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев // Советская этнография. Вып. II. М.-Л., 1939. С. 43, 46.

¹⁶¹ Сподина В. И. Терминология социальных отношений родства обских угров и самодийцев сквозь призму понятия род // Вестник Югорского государственного университета. 2009. № 1(12). С. 37.

¹⁶² Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М, 2005. С. 455, 457.

¹⁶³ Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев // Советская этнография. Вып. II. М.-Л., 1939. С. 43–44.

¹⁶⁴ Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М, 2005. С. 452.

¹⁶⁵ Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири в XVII — начале XX вв. М., 1970. С. 103–153; Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и род. М., 1983. 319 с.

¹⁶⁶ Мартынова Е. П. Общественное устройство в XVII–XIX вв. // Молодин В. И., Лукина Н. В. и др. История и культура хантов. Томск, 1995. С. 77–120; Перевалова Е. В. Брачно-родственные отношения северных хантов // Экспериментальная археология. Тобольск, 1991. Вып. 1. С. 118–128.

пространён обычай левирата (брак с вдового младшего брата)¹⁶⁷. Случаи сорората, левирата, кузенных браков, женитьбы на племяннице, мачехе, свояченице отразились в обычаях остяков¹⁶⁸.

Среди оленеводческих групп обских угров существовало многожёнство¹⁶⁹. Обычно вторую жену брали, когда первая после рождения детей начинала испытывать сложности с ведением домашнего хозяйства. При этом старались выбрать родственницу старшей жены. Вдовы старших братьев также часто становились вторыми жёнами. Обычно в брак вступали в возрасте 17–20 лет, хотя девушек иногда выдавали замуж в 12–13 лет¹⁷⁰. У юганских хантов существовал обычай испытания невесты. Девушка должна была замесить тесто, сделать лепешку, проткнуть палочкой и поставить в печь. Если лепешка сползала с палочки, девушку в текущем году замуж не отдавали, считалось, что она ещё плохая хозяйка и должна научиться печь хлеб. Вместе с тем, в возрасте супругов нередко была значительная разница, причём часто жена была старше мужа, поскольку её брали в семью в качестве работницы¹⁷¹. В XIX — начале XX вв. у остяков и вогулов существовало два основных способа заключения браков: через сватовство и через воровство, т. е. «убегом». «Умыкали» невесту, когда не было средств на уплату калыма или её родители не давали согласия на брак. Инициатива в заключении брачного союза обычно исходила от стороны жениха.

В обско-угорских языках отсутствуют понятия «жениться» или «выйти замуж». Вместо них манси используют выражения хум в̄арсум ‘мужа (–ем) сделала’, нэ тотсум ‘жену принёс’, в которых, вероятно, закодированы древние формы семейной организации¹⁷². Ханты употребляли аналогичные обороты: лув нэ тус ‘он женщину привёл, привёз’, хотя шам сая манс ‘за спину мужчины ушла’ или апащи хоят хоща манс ‘к чужому, незнакомому человеку ушла’¹⁷³. Слово «свадьба» в обско-угорских языках отсутствует, для её обозначения используется лексема пури (манс.), поры (хант.), что означает «угощение», «пир».

Сватать невесту отправлялся жених с родителями и ближайшими родственниками-мужчинами. Один из сватов, часто дядя по отцу, считался главным, он вёл переговоры с отцом невесты. Сваты имели отличительный знак — деревянный посох, перевязанный красной лен-

¹⁶⁷ Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 118; Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин земледения и путешествий. М., 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 192.

¹⁶⁸ Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. СПб., 1900. С. 6–20, 23, 25–27.

¹⁶⁹ Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин земледения и путешествий. М., 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 228. С. 192; Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. С. 477; Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. СПб., 1891. С. 74.

¹⁷⁰ Соколова З. П. Брачный возраст хантов и манси в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 2. С. 65–76; Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М., 2009. С. 414.

¹⁷¹ Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 18. СПб., 1900. С. 7; Соколова З. П. Брачный возраст хантов и манси в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. 1982. № 2. Табл. 3,4; Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М., 2009. С. 415.

¹⁷² Попова С. А. Знаки «временной смерти» невесты в свадебной обрядности верхнесосьвинских манси // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 751.

¹⁷³ Талигина Н. М. Заметки о семье и браке сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 6. Томск, 1998. С. 15.

той. Ведя переговоры о свадьбе и калыме, говорили на образном языке¹⁷⁴. Если родители были согласны выдать дочь замуж, она во время сватовства оставалась дома, если нет — уходила к соседям, где сидела «в семи рубашках, семи кофтах»¹⁷⁵. Согласие на брак обычно давали при третьем визите сватов, тогда же оговаривали срок свадьбы, размер калыма и приданого.

Среди восточных групп хантов отмечена традиция многократных визитов сватов. Так, у ваховских хантов окончательная договоренность о свадьбе происходила на шестнадцатом приезде сватов¹⁷⁶. У юганских, аганских хантов первый раз ехала сватать мать невесты с родственницами-женщинами. Гости приезжали с отрезом ткани, своеобразным знаком причины визита, привозили подарки и угощение. Родители невесты встречали гостей молча, поскольку было не принято сразу давать согласие на брак. Церемония предполагала семикратный приезд сватов. Второй и последующий разы сватать ездили жених со своими родителями в сопровождении родственников. Они привозили с собой родителям невесты ткани для изготовления одежды, халаты, платки, пушнину, продукты и вино. Среди посланцев один был главным, он вёл переговоры со стороной невесты. При этом говорить прямо о причине визита было не принято, родители невесты тоже ни о чём не спрашивали, им полагалось говорить как можно меньше. Невеста во время сватовства оставалась дома, вела себя скромно: молча слушала, что говорят родители, отворачивалась от отца и старших братьев жениха. Если заранее было известно о приезде сватов, и родители были согласны отдать дочь, то девушка уже во время первого приезда закрывала лицо от будущего свекра и старших братьев мужа, что было своеобразным знаком согласия на брак. Приняв подарки и накрыв на стол, родители невесты давали понять, что они согласны отдать свою дочь замуж.

Во время сватовства родители невесты, согласно традиции, демонстрировали мнимую неприязнь сватающей стороне: встречали гостей молчанием, сваты неоднократно уходили ни с чем. Тема противостояния между родней жениха и невесты особенно отчётливо проступала при отказе родителей невесты на брак. Так, если сваты не добивались желаемого при седьмом визите, они изготавливали из дерева изображение духа-покровителя рода жениха или духа болезней, покрывали его тканью и «шаманили», стремясь наслать болезнь на девушку и её родню. Поэтому, по мнению юганских хантов, седьмой раз отказывать сватам нельзя. Если же родители так и не давали согласия, а девушка заболела, то приезжал шаман из поселка жениха и говорил, что нужно отдать дочь замуж за того, кто сватал, тогда дочь выздоровеет.

При положительном завершении переговоров сватам предлагали угощение и стороны обменивались подарками. Завершение сватовства скреплялось жертвоприношением — бескровным (*поры*) или кровавым (*йир*). Жертвенное животное, принадлежавшее родителям невесты, забивали у передней стены их дома. Этой церемонией получали санкцию на брак у семейного бога-покровителя невесты.

Обговоренный во время сватовства калым — *тан* (хант.) — выплачивали оленями, скотом, рыбой, одеждой, пушниной, тканями, посудой, деньгами. Размер калыма существенно

¹⁷⁴ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. СПб., 1891. С. 88.

¹⁷⁵ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. СПб., 1891. С. 88–89; Рапай К. А. A vogul hazassag. Hunvalvy Albom. Budapest, 1891. S. 136–140.

¹⁷⁶ Шатилов М. Б. Ваховские остяки: этнографические очерки // Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1931. Т. IV. С. 95.

различался в зависимости от благосостояния и статуса семьи жениха¹⁷⁷. Мать невесты готовила приданое, состоящее из женской одежды и обуви. Обычно оно включало две — три пары зимних шуб-сахов, столько же осенних, несколько пар обуви, заготовки для зимней обуви — кисов, циновки и зимние шкуры оленей для постели. Приданое было меньше кадыма¹⁷⁸.

Собственно, свадьба у обско-угорских народов не была сложной по обрядовому оформлению. Свадебный пир сначала устраивали в доме невесты, куда съезжались родственники и соседи. Он длился три дня. Жених в церемонии не участвовал, а невеста сидела в родительском доме в пологе. При выходе из родительского дома и в пути невесте полагалось плакать. Невесту в дом жениха везли на специальных санях с высокой спинкой, а летом — на лодке. Жених ехал на другой нарте или плыл в отдельной лодке. Иртышские ханты над санями делали специальное покрытие, на котором укрепляли перевязанные сплетённым невестой шнуром платки и куски тканей. После свадьбы этот ворох платков и кусков ткани развязывали и дарили свекру, свекрови и гостям, часть предназначалась почитаемому духу. Дорогой молодежь останавливала сани или лодку, пытаясь опрокинуть или перевернуть, чтобы будущая жена не была изменчивой.

В доме жениха молодых встречали родители, свекровь заводила невесту в дом. Невеста должна была сразу же сделать иоры богу-покровителю мужа — подарить привезённый из родительского дома отрез ткани. Свадебный пир в доме жениха длился два-три дня, руководил им сват *вур ху* ('старший мужчина', 'распорядитель') и женщина, организующая застолье *ов лейты нэ* ('женщина, стоящая у двери'). Во время свадьбы молодые сидели отдельно за пологом, который устраивали на спальном месте. Кормила молодых одна из женщин. Свадебный полог делал молодых «невидимыми» для окружающих, служил предметной метафорой смерти/рождения. Они умирали в старом качестве (юноши и девушки) и возрождались в новом — мужа и жены.

Прииртышские ханты, испытывавшие воздействие русской культуры, проводили венчание молодых в церкви, во время которого одна или две девушки («защитницы девичьего пояса») держали в руке косу невесты. Дружка с маленькой плеткой в руке, по русскому обычаю подпоясанный головным платком, давал им деньги, выкупая невесту. После этого девушки приводили невесту к жениху¹⁷⁹. Сторона жениха брала на себя расходы по свадебному пиру, платила деньги за венчание в церкви, дарила невесте свадебный наряд¹⁸⁰.

Через три-четыре месяца в гости к молодым приезжали родители невесты, они привозили подарки и молодым, и сватам: оленя, сукно, ткани, платки. Молодой давал родителям невесты оленя для принесения в жертву их семейному богу. Молодожёнам полагалось навещать родителей невесты спустя год после свадьбы.

¹⁷⁷ Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин землеведения и путешествий. М., 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 265; Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. С. 476; Носилов К. Д. Юридические обычаи манси // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М, 1888. Вып. 3. С. 70, 72; Patkanov S. K. Die Irtish-Ostjaken und ihre Volkspoesie. St.-Ptb., 1897, Bd. I. S. 138–139.

¹⁷⁸ Patkanov S. K. Die Irtish-Ostjaken und ihre Volkspoesie. St.-Ptb., 1897, Bd. I. S. 138–139.

¹⁷⁹ Patkanov S. K. Die Irtish-Ostjaken und ihre Volkspoesie. St.-Ptb., 1897, Bd. I. S. 140.

¹⁸⁰ Patkanov S. K. Die Irtish-Ostjaken und ihre Volkspoesie. St.-Ptb., 1897, Bd. I. S. 38–139.

Если брак заключался «умыканием», то девушка обычно знала о готовящемся похищении, т.к. жених предупреждал её заранее¹⁸¹. Ставил он в известность и своих родителей. О «краже» не полагалось знать только родителям невесты и её родственникам. Похищаемая девушка ничего не брала с собой, кроме коробки или мешка для рукоделия. «Сворованную» невесту жених приводил в дом, она сразу же начинала закрываться от отца жениха и его старших братьев. Спустя некоторое время молодые отправлялись в дом родителей жены и просили у них прощения. Следовало примирение, во время которого стороны договаривались о свадьбе, иногда выплачивался небольшой калым за невесту. Чаще всего при браке «убегом» ни приданое, ни калым не выплачивались. Через год после заключения брака совершалось кровавое жертвоприношение духу-покровителю невесты. Оно происходило у передней (священной) стены дома. Жертвенного оленя приводили родители жениха, братья у родителей невесты животное запрещалось. Забивал оленя либо сам жених, либо просил кого-нибудь. За веревку жертвенного оленя держали родители жениха, мысленно говоря: «Вот возьмите оленя за вашу дочь от имени родни жениха». После этого ритуала брак считался санкционированным богом-покровителем.

В традиционном мировоззрении обских угров рождение, как и многие события человеческой жизни, тесно связано с «иным» потусторонним миром. По представлениям манси и западных групп хантов, детей посылает богиня *Калташ*. По разным версиям, она считается дочерью верховного бога Торума, его сестрой, женой. В последнем случае полагают, что после рождения шестерых детей она была изобличена в неверности и сброшена на землю, где родила седьмого сына Мир Суснэ Хума (манс.) или Мир Ванты Ху (хант.)¹⁸². Её местопребывание ханты и манси связывают с селением Калтысяны на Оби недалеко от юрт Шеркальских. Её представляли как богиню, посылающую детей и определяющую жизненный путь человека. Считается, что она оказывает помощь беременным и роженицам, определяет срок жизни, даёт человеку душу и определяет судьбу¹⁸³.

Среди восточных групп хантов распространены представления о богине-жизнеподательнице и матери огня Анки Пугос, живущей, по одним сведениям, на небе, по другим — на Малом Югане, по третьим — на Вахе. По рассказам юганских хантов, на Малом Югане живут две сестры богини Пугос, посылающие женщинам детей в ответ на получение даров-прикладов: берестяной коробки для рукоделия и платка. В честь Пугос устраивают и кровавое жертвоприношение *ыр поры* — забивают зимой оленью самку-важенку, а шкуру в качестве дара богиням отправляют на Малый Юган¹⁸⁴.

Социальное и бытовое поведение беременной женщины регламентировалось запретами, которые поддерживались распространенным убеждением, что невыполнение любого из них повлечёт трудные роды и может навредить будущему ребенку. Беременной запрещалось при-

¹⁸¹ Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // *Магазин землеведения и путешествий*. М., 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 232; Носилов К. Д. Юридические обычаи манси // *Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее*. М., 1888. Вып. 3. С. 72, 73; Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии // *Записки РГО по отделению этнографии*. Т. 18. СПб., 1900. С. 11; Patkanov S. K. *Die Irtish-Ostjaken und ihre Volkspoese*. St.-Ptb., 1897, Bd. I. S. 140; Papai K. A. *A vogul hazassag*. Hunvalvy Albom. Budapest, 1891. S. 141.

¹⁸² Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 2. С. 134.

¹⁸³ Там же. Т. 2. С. 135.

¹⁸⁴ Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 164.

нимать участие в свадьбах, похоронах, медвежьих игрищах. Ей нельзя было стричь волосы, есть солёное, сырую рыбу и сырое мясо. Предполагаемые сроки родов не разглашались.

У нижнеобских хантов, северных манси беременная женщина в целях обеспечения благополучного исхода родов изготавливала «куклу» — заместителя ребенка *ум пай* (хант.) или *сос* (манс.). Её делала пожилая женщина, родственница роженицы на нечётном месяце беременности из кусочка чаги, к которому подвешивали бусы, кольца. «Куклу» хранили под подушкой, завернутой в платок или заячью шкурку. Считалось, что она помогает призвать при родах богиню *Калтац*¹⁸⁵.

Для родов в каждой семье имелось специальное помещение — *ай хот* (хант.) или *мань кол* (манс.) — ‘маленький дом’, куда с началом схваток уходила женщина и брала *ум пай*. В нём обязательно разводили огонь, который, как полагали, отпугивал злых духов. В мифологическом восприятии мира огонь символизирует границу между мирами, что также связано с рождением — перемещением из ирреального мира в реальный. Для обеспечения благополучного исхода родов духу огня делали подарок — бросали монету из белого металла.

У юганских хантов роды протекали у порога жилого дома. Принимала роды повитуха *пуклан анки* (‘пуповины мать’). Считалось, что присутствие мужа облегчает страдания жены и ускоряет роды, поэтому на время родов он оставался дома, а все другие покидали помещение (присутствовать могли только уже рожавшие женщины, неблизкие родственницы). Муж брал из переднего угла священный мешок с семейными реликвиями и трижды обводил им по кругу над головой роженицы, призывая на помощь домашних духов. Сразу же после появления ребенка муж уходил¹⁸⁶.

Все практические и магические действия производились повитухой *пуклан анки* (‘пуповины мать’), выбранной роженицей из числа посторонних опытных женщин. За помощь при родах *пуклан анки* получала вознаграждение — отрез ткани на халат *сах*, платок. В течение жизни повитуху почитали как вторую мать: заботились, делали подарки. Уважительное отношение требовалось и к *пуклан ики* (‘пуповины отец’) — мужу повитухи. Естественная нечистота родов создавала атмосферу сакральной нечистоты, опасной для новорождённого, роженицы и повитухи. Поэтому, как только новорождённый появлялся на свет, повитуха совершала магические действия по его защите. Сначала она подносила дитя к горящему очагу, чтобы защитить от злых духов и приобщить к «своему» огню. Затем *пуклан анки* очищала ребенка и роженицу — мыла водой с чагой, окуривала дымом либо от пихтовой коры, либо от чаги, либо от оленьего мускуса. Очищались также помещение, вещи, которыми пользовались, сама повитуха.

Особые действия совершали с последом, которому приписывали особые свойства. После родов *пуклан анки* обряжала послед в платок и халат-*сах*, подобно кукле, помещала в берестяную коробочку, которую уносила на специальное место за селением, где привязывала к дереву на высоте человеческого роста с восточной или южной стороны черёмуховым прутиком.

В «маленьком доме» роженица и новорождённый оставались на 4–6 недель. Новорождённого это время держали в специальной колыбели *сун*, изготовленной из старой бересты.

¹⁸⁵ Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 130.

¹⁸⁶ Там же. С. 165.

Переходу в «большой дом» предшествовал обряд очищения: ребенка обмывали раствором чаги, а потом заворачивали в одеяльце из заячьего меха. Чагу от уш пай сжигали на пороге жилого дома в специально изготовленной берестяной модели лодки с мачтой. Проводила обряд *альтым анки* — ‘несущая мать’. Дома устраивали праздник новорождённого — *пуклан поры* (‘пуповины праздник’), на который приглашали родственников и соседей. Новорождённого в люльке помещали на «почётное место» — на постель, обратив ногами к столу, а к стене головой. Хозяйева угощали гостей рыбой, выпечкой, часть угощения гости приносили с собой. Семейному духу-покровителю делали подарок-приклад, обычно халат *сах* или отрез ткани. *Пуклан поры* знаменовали собой социальное рождение, начало приобщения к миру людей¹⁸⁷.

На первом году жизни ханты и манси проводили обряды, посредством которых определяли, душа кого из умерших родственников вселилась в новорождённого (*ляksam*) и какое божество взяло его под покровительство. По представлениям обских угров, в новорожденного ребёнка вселялась душа кого-либо из умерших родственников. Душа женщины могла возродиться четыре раза, мужчины — пять. Реинкарнация могла проходить в пределах одного рода *рут / рат*. Обряд проводили, когда ребенок беспричинно плакал. Специально приглашённая пожилая женщина несколько раз приподнимала колыбель вместе с ребенком, называя про себя имена умерших родственников. На одном из имен колыбель становилась «тяжелой» и рука женщины «прилипала» к ней. Это означало, что душа ребенка «встретилась» с душой родственника. После этого ребенка называли *ляksam* с добавлением термина родства возродившегося.

Обрядом «возрождения души» ребёнок вводился в систему родственных отношений. Подключение к более широким социальным связям происходило во время ритуала определения личного духа-покровителя («мне назначенный бог»), который проводился шаманом.

До трёхлетнего возраста малышей держали в берестяной колыбели, точнее, в двух — ночной и дневной. Ночная колыбель была неорнаментированной и без спинки, дневная — орнаментированная со спинкой. На спинке дневной колыбели обязательно делали изображение улым ой птицы сна. В период до появления зубов младенец считался уязвимым для потусторонних сил. Пока у ребенка не прорезались зубы, его не оставляли одного, поскольку считалось, что у него слишком мало жизненной силы для противостояния злым духам. Для защиты младенца использовались различные обереги. В ночную колыбель клали спички (знак огня), нож или ножницы, кусочек горного хрусталя; в дневную — спички, нож или ножницы. На ручки и ножки малышей надевали браслеты из разноцветных бусин. С появлением зубов ребенок сам перегрызал нить браслета, «освобождаясь» от оберега¹⁸⁸. Даже если обряда крещения детей не проводили, «крестную мать» *перна анки* определяли, когда ребенок уже подрастал. Обычно *перна анки* становилась та женщина, которой понравился ребенок, она сама вызывалась взять на себя обязанность крестной, что сопровождалось дарением нательного креста и угощением. Крестных матери могло быть две. Крестным отцом *перна ики* становился муж крестной матери. Крестные должны были покровительствовать своему крестнику всю жизнь — делать подарки, помогать.

¹⁸⁷ Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 131.

¹⁸⁸ Там же.

Ханты и манси считали, что к трём-четырёх годам заканчивается младенчество или «колыбельный» период. К этому времени ребенок начинал ходить, свободно разговаривать, его переставали укладывать в колыбель. Новый жизненный этап — детство — у юганских хантов знаменовался церемонией жертвоприношения личному духу-покровителю, в котором участвовали члены семьи и родственники. В заранее определённый отцом ребёнка день родственники собирались на священном месте. Рано утром отец срубал в лесу молодую берёзку высотой 2–3 м, обрезал нижние ветки до уровня 1–1,5 м, на стволе вырезал изображение личного духа-покровителя. Это дерево *вань мань юх* ('с лицом дерево') он приносил на священное место. Мужчины наматывали на его ствол куски тканей, а женщины привязывали платки к веткам. Это были подарки божеству от родственников. К стволу берёзки привязывали жертвенного оленя, которого забивал кто-либо из родственников, после чего устраивали коллективную трапезу. Обряд был направлен на обеспечение здоровья и благополучия ребенка, который утверждался в статусе члена рода¹⁸⁹.

После жертвоприношения отношение к ребенку менялось, из категории младенцев он переходил в категорию детей. С этого времени мальчикам начинали надевать штаны, а девочкам нашивали полосы на верхнюю одежду *сах*. Взросление предполагало постепенное освобождение от связей с миром духов, но, в отличие от взрослых, дети всё ещё нуждались в особых оберегах. Для защиты ребёнка от злых духов юганские ханты использовали нашивки на детскую одежду — наспинные украшения *пуч топыс*. Так, по спинке *саха* нашивали полосы бисера, прикрепляли подвески из металлических колец или из желудка кедровки, обшитые сукном и расшитые бисером. К детским воротникам пришивали сзади прямоугольный кусок ткани с нашитыми пуговицами, бисером, цепочками, прикрепляли маленькие колокольчики, на капюшоны нашивали полосы сукна.

Погребальный обряд

Ханты и манси считали, что смерть наступала после того, как истекал определённый духами срок жизни, её определяли по прекращению дыхания. Только что умерший человек считался опасным, поэтому в доме сразу же зажигали огонь (в печи или лампе), который поддерживали в течение 40–50 дней, а восточные ханты — на протяжении месяца. Погасший огонь считался плохим предзнаменованием. Сосьвинские вогулы с целью облегчения выхода души вставляли в рот умирающему кусок дерева, а на Васюгане звали особого провидца для защиты присутствующих при смерти родственников, которые подвергались опасности отделения души-тени¹⁹⁰; северные остяки в дом умирающего приводили шамана, который следил, чтобы душа умирающего не уводила души живых, и гадал об установлении причины смерти¹⁹¹.

Тело покойника обмывали водой с чагой, делали это пожилые неблизкие родственники. Обдорские, приуральские и тромьеганские ханты умершего не обмывали¹⁹². Покойнику тщательно причёсывали волосы, голову закрывали куском сукна или обработанной оленьей

¹⁸⁹ Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 165–166.

¹⁹⁰ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 1. С. 76.

¹⁹¹ Шавров В. О шаманах остяцких // Москвитянин. М., 1944. Ч. 1. № 1. С. 285.

¹⁹² Бартенев В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири (Очерки Обдорского края). СПб., 1896. С. 133; Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 1. С. 76, 77.

шкурой ворсом вовнутрь, на месте глаз, носа и рта прикрепляли серебряные или медные монеты, либо медные пуговицы. Васюганские ханты покрывали лицо покойника платком¹⁹³; северные группы угров закрывали лицо умершего специальной маской *веш* (хант.) — куском белой ткани с нашитыми на месте рта, носа и глаз бусинами или пуговицами, на руки надевали рукавицы в виде мешочков из белой ткани с пришитыми пуговицами, связанные у кистей.

У северных групп угров было принято, чтобы родственницы оплакали покойного сразу после кончины или после того, как его тело было обряжено¹⁹⁴. Женщины распускали волосы и громко возвещали, каким хорошим охотником был умерший, как он заботился о семье и т. д.¹⁹⁵ Плакание могло длиться 1,5–2 часа¹⁹⁶.

На Тромъегане с одежды умершего спарывали бусы и бисер, вместо стелек в обувь клали паклю; на Васюгане рубаху покойника разрезали спереди, у шубы обрезали уголки пол, от пояса, обуви и рукавиц срезали маленькие кусочки, все узлы на одежде завязывали специальным «узлом мёртвых». Зажиточные иртышские ханты заворачивали тело умершего в шкуры, на женщину могли надеть праздничный суконный, украшенный бисером кафтан, а бедняков хоронили в той одежде, в которой они были в момент смерти¹⁹⁷. Тромъеганские ханты тело умершего обвязывали верёвкой в пяти местах, а умершей — в четырёх; ваховцы руки и ноги покойного связывали «узлом мертвых»¹⁹⁸. Северные ханты и манси на умершего мужчину надевали пять рубах, на женщину — четыре платья, сверху — зимнюю одежду, на ноги обували кисы, мужчине их не подвязывали. Кондинские ханты надевали на умершего специальные расшитые бисером рубахи¹⁹⁹. Повсеместно мужчин хоронили в зимней женской одежде (*сах*), малицу и мужской пояс клали сверху гроба. Если надевали малицу, то её обязательно разрезали спереди. Все завязки на одежде и обуви завязывались специальным «узлом мертвых» *халя мухол* (хант.).

У северных групп угров родственники покойного отрезали по небольшой пряди волос у себя на затылке, волосы отрезали и у покойника, их связывали в четыре — пять пучков и клали на тело. Берёзовские и казымские ханты делали из этих волос «куклу» *уыт акань*. В знак траура на второй день близкие женщины (живущие в одном доме) распускали волосы, а другие родственницы развязывали косы и носили их несвязанными на спине, платок повязывали наизнанку. Мужчины развязывали завязки на обуви, не подпоясывались. Пока тело находилось в доме, родственники и близкие приходили прощаться. Женщины-родственницы оплакивали покойника, при этом плакальщицы распускали волосы, на лицо опускали платок так, чтобы концы его касались пола. Плакали громко с причитаниями, мужчинам в это время полагалось молчать.

¹⁹³ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 1. С. 76, 77.

¹⁹⁴ Росляков И. П. Похоронные обряды остяков // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1896. Вып. 5. С. 7.

¹⁹⁵ Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888. С. 72.

¹⁹⁶ Росляков И. П. Похоронные обряды остяков // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1896. Вып. 5. С. 8.

¹⁹⁷ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 1. С. 77.

¹⁹⁸ Там же. Т. 1. С. 77, 82.

¹⁹⁹ Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // Memories de la societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1958. Bd. 113. S. 35

Гроб (*халя юх* (хант.) ‘дерево мертвых’) готовили мужчины в день смерти. Восточные ханты изготавливали гроб на второй день и держали на улице с веткой шиповника до дня похорон. У куноватских, казымских и берёзовских хантов, ляпинских манси был распространён гроб, сделанный из лодки (у лодки-калданки по длине тела отрезали нос и корму), у обдорских и восточных хантов — гроб-колода, у ваховских, васюганских, юганских, тромъеганских хантов, сосьвинских манси гроб изготавливали в виде ящика из досок²⁰⁰. Нос и корму от гроба-лодки клали на могилу, считалось, что на лодке душа умершего будет переплывать через халась лор ‘озеро мертвецов’ и халась ёган ‘реку мертвецов’. На левой стороне гроба рисовали древесным углём полумесяц и птичку, а на правой — половину солнца. Считалось, что солнце и луна будут светить покойнику в Нижнем мире, а птичка сторожить его душу. Прежде чем поместить тело, гроб очищали — обметали веткой шиповника. На дно гроба стелили плетёную циновку из камыша норы и оленьи шкуры, возле головы помещали шкурку лисы, возле ног — топор или нож.

Умершего клали на спину с вытянутыми вдоль тела руками, под голову подкладывали меховой мешок для обуви. В гроб помещали личные вещи умершего: посуду, табак, трубку, женщине — меховую сумку или берестяную коробку для рукоделия. Считалось, что покойному нельзя класть кремь, точило, нож, ножницы, расчёску, иголку. Погребальный инвентарь и одежду покойника «портили»: в посуде делали дыры, от деревянных вещей отстругивали щепку, с одежды спарывали пуговицы и завязки, срезали маленькие кусочки ткани, делали надрезы на меховых изделиях. Верили в то, что целые на «этом» свете вещи будут «порченными» в мире мертвых и наоборот. Тромъеганские ханты для защиты от посланника духа-хозяина Нижнего мира *Кын лунка* клали на последнее ложе умершего кусок кремня или оселок, а на косяки внутри жилища — стружок и сверло²⁰¹. Иртышские остяки вдоль тела покойника, положенного в гроб, протягивали три шерстяные нити. С ними проводили обряд гадания, стремясь узнать причину смерти, дальнейшую судьбу родственников и т. д.²⁰² Обдорско-куноватские ханты сбоку от гроба ставили берестяную чашу с внутренним жиром оленя (*пал вош ан* ‘около уха чаша’), по которой определяли судьбу близких: трещинки на поверхности жира означали смерть кого-либо из родственников, по числу трещин определяли, сколько душ возьмёт покойник с собой.

Перед выносом тела проводили гадание посредством поднимания гроба, стараясь узнать причину смерти, дальнейшую судьбу родственников и пожелания покойного²⁰³. Затем такой обряд проделывали на кладбище. Старая женщина совершала обряд изгнания из дома души-тени *ис хор* с помощью иголки и нитки, беличьего хвоста и прутика, четыре — пять раз она протягивала нитку над гробом и «выносила» душу за дверь. После этого гроб закрывали крышкой.

К месту захоронения гроб с телом умершего отвозили зимой на нарте, а летом — на лодке. Могилу готовили по приезду на кладбище. В Обдорской волости захоронения были наземными, на остальной территории — подземными, глубина могилы была небольшой —

²⁰⁰ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 1. С. 80.

²⁰¹ Там же. Т. 1. С. 98

²⁰² Там же. Т. 1. С. 83.

²⁰³ Росляков И. П. Похоронные обряды остяков // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1896. Вып. 5. С. 6; Бартенев В. В. Погребальные обычаи обдорских остяков // Живая старина. 1895. Вып. 3–4. С. 487; Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888. С. 45.

50–70 см, у обских групп — до 1,5 м. Гроб покрывали берестой и засыпали землёй, могильного холма не устраивали. Надмогильное сооружение строили в виде домика-сруба из бревен или досок с двускатной крышей из досок, под которые клали четыре или пять слоёв бересты. Спереди, у головы покойника, делали отверстие — небольшое окошко с деревянной крышечкой-затычкой. Длина и ширина надмогильного сооружения соответствовали размерам могилы, высота составляла около 40–50 см. При наземном захоронении снимали слой дёрна, устанавливали на это место гроб, покрывали его четырьмя — пятью слоями бересты, сверху ставили надгробное сооружение в виде ящика высотой около 1,5 м, шириной — до 1 м и длиной — до 2 м. Спереди домика, у головы умершего, в ящике делали окошко и полку, на которую ставили поминальное угощение. Судя по описаниям, надмогильные сооружения восточных хантов, в отличие от более западных районов, были без «окошек»²⁰⁴. В углах сооружений устанавливали вертикально жерди высотой 2–2,5 м. В могилу или надмогильное сооружение помещали вещи умершего, не вошедшие в гроб: одежду, обувь, посуду, ружьё. Лыжи, нарты, столик для еды, таз для посуды, чайник, весло, хорей, нос и корму от лодки-гроба, перевернутыми вверх дном, складывали на надмогильное сооружение или рядом с ним. Постельные принадлежности, часть одежды и обуви вешали на деревья на кладбище.

Поскольку считалось, что умерший нуждается в ездовом животном, при похоронах забивали оленя или лошадь. Черепа с рогами надевали на жерди (при наземном захоронении) или клали на могилу (при подземном захоронении), шкуру вешали на дерево, кости оставляли рядом с могилой. Жертвенных оленей забивали дополнительно, «по желанию» покойного, их обязательно душили. Кровью жертвенных оленей мазали гроб и надмогильный домик.

Считалось, что душа покойного «идёт» на остров в озере Халась лор, расположенном в стране Чорас. На пути туда ей приходится перебираться через высокие горы и водные потоки, защищаться от злых собак. Уходя с кладбища, «закрывали дорогу» веткой, чтобы души умерших не могли пойти за живыми и оставались на кладбище. Считалось, что кто первый зашёл на кладбище, должен уйти последним и «закрыть дорогу». Около дома очищались: окуривались горячей чагой или перешагивали через костер. Умершего никогда не называли по имени, только термином родства, его имя было табуировано.

Иртышские ханты в знак траура делали повязку на ноге из красной шерстяной нити, которую носили, пока она не отпадала²⁰⁵. У юганских хантов было принято в знак траура повязывать родственникам умершего на ногу тесьму из черёмуховой сарги: по случаю смерти близкого родственника — на правую ногу, дальнего — на левую. Родственники-мужчины носили лобную повязку из оленьего сухожилия, а родственницы-женщины — из белой ткани. После захода солнца лобные повязки снимали, а с восходом солнца вновь повязывали, в пасмурную погоду их можно было не носить. Кондинские ханты в знак траура в течение года носили специальный траурный чепец или платок с чёрной каймой. В плохую погоду чепец не надевали, его держали под подушкой на месте, где при жизни спал умерший. По истечении года бахромю с платка отпарывали и бросали на могилу, а платок отдавали бедным²⁰⁶.

²⁰⁴ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 1. С. 88.

²⁰⁵ Там же. Т. 1. С. 98.

²⁰⁶ Patkanov S. K. Die Irtish-Ostjaken und ihre Volkspoese. St.-Ptb., 1897, Bd. I. S. 144. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 1. С. 102.

Многие исследователи обращали внимание на частое проведение поминок в первый год. Их устраивали через 4–5 дней после смерти, затем через 14–15, 24–25, 40–50 дней, 4–5 месяцев, год. Потом поминки проводились от случая к случаю, по мере посещения кладбища. По сведениям С. К. Патканова, иртышские остяки посещали могилу умершего супруга первые 4–5 ночей после похорон²⁰⁷. Они хранили невымытое белье и простыню умершего, которые клали на подушку во время поминок²⁰⁸.

У нижнеобских хантов известен обычай сжигать ногти и волосы умершего (в течение всей жизни их собирали и хранили в специальном месте) вместе с волосами родственников. После похорон эти волосы (*уыт акань* у берёзовско-казымских хантов) держали в доме до прилёта уток, если смерть наступала в зимний период, или отлета птиц, если смерть приходилась на летний период. Осенью или весной, обязательно при южном ветре, их сжигали на особом месте, на краю посёлка вместе с перьями, клювом и крыльями утки-чирка, помещёнными в миниатюрный шалашик. По представлениям хантов, эти волосы и ногти помогают душе умершего перебираться через огненные реки и карабкаться по горам по пути к халась лор ‘озеру мертвых’²⁰⁹.

Обдорско-куноватские ханты изготавливали на четвертый — пятый день после смерти куклу-заместителя покойного *иттарма*. Её делали в виде маленькой антропоморфной фигурки из дерева для умерших «своей смертью», из металла — для погибших насильственной смертью. По представлениям нижнеобских хантов, в *иттарма* вселяется душа-дыхание лиль. На «мужчину» надевали пять рубах, малицу, кисы, на «женщину» — четыре платья, зимний *сах*, кисы. С *иттарма* обращались как с живым человеком: ставили на любимое место, «кормили», «укладывали спать». Через 4–5 лет, по другим сведениям, через 4–5 месяцев, по указанию шамана, уносили к домашним духам или в лес, одежду с куклы помещали в домашний священный угол. Казымско-берёзовские ханты куклу-заместителя не делали, они термином *иттарма* называют мешок или берестяную коробку с любимой одеждой покойника, который держали дома в течение 4–5 лет после смерти, а затем уносили в лес. Отношение, подобное отношению к *иттарма* у обдорско-куноватских хантов, у казымско-берёзовских распространялось на куклу из волос, на которую надевали три рубахи (на «женщину» два платья), зимний *сах*, платок или шапку, клали на заячью подстилку, укрывали заячьей шкуркой, помещали в берестяную коробку и хранили на постели, на спальном месте покойника.

На территории Куноватской волости для людей, умерших неестественной смертью, делали *ура хот* — небольшие дощатые домики, аналогичные надмогильным, устанавливаемые на спиленном дереве высотой 1,2–1,3 м. Словом *ура* называют местонахождения этих домиков. В *ура хот* помещали изображение покойного наподобие *иттарма*, только немного большее по размерам, что-нибудь из личных вещей, обычно какую-нибудь ношеную одежду. На *ура* не полагалось плакать. Поминать сюда ходили в обычные сроки поминок.

Вариативность обрядов жизненного цикла у разных групп хантов и манси являлась результатом как внутренней эволюции, так и влияния внешних факторов.

²⁰⁷ Patkanov S. K. Die Irtish-Ostjaken und ihre Volkspoesie. St.-Ptb., 1897, Bd. I. S. 144.

²⁰⁸ Ibid. S. 145;

²⁰⁹ Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 135.

Праздники обских угров

В архаичной традиции праздники всегда связаны с сакральной сферой, к которой были максимально приближены все участники²¹⁰. С одной стороны, праздники соотносились с поворотными периодами в природе (календаре), с другой — с хозяйственной деятельностью. Они часто проводились в точно обозначенные периоды годового производственного цикла²¹¹.

В обско-угорских языках для обозначения праздника используются два термина. Первый — «священный день», *емэн-хатл* (хант.) или *ялын-хотал* (манс.). Приводится также вариант *пойксян хотал* (манс.) ‘просьб день’ или *ялын пойксян хотал* (манс.) ‘святой день просьб’²¹². Вторым термином — *поры* (хант.) или *пури* (манс.), что в переводе означает «угощение», «праздник», «свадьба». Хантыйский глагол *порылыты*, дословно означающий «делать угощение», употребляется в значении «праздновать». Оба термина использовались до христианизации для обозначения праздников. В обско-угорском календаре разделяют праздники многолетнего цикла, связанные с культом медведя, и годовые, приуроченные к почитанию разных божеств и духов. Первые были связаны с солнечным культом

Рис. 2.31. «Пляска ног». Р. Салым

²¹⁰ Топоров В. Н. Праздники // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 329.

²¹¹ Тернер В. Символ и ритуал / Составитель и предисловие В. А. Бейлис. М., 1983. С. 233.

²¹² Попова С. А. Народный календарь и празднично-обрядовая культура манси: проблемы реконструкции // Вестник угроведения. 2013. № 1 (12). С. 132–142.

Рис. 2.32. Фото. Стрельба из лука в цель во время праздника в ю. Красноярских. Р. Конда. 1910 г. ТИАМЗ Тм 15519/107

и проводились в «середине зимы» тал котиль и «середине лета» тув котиль²¹³. Годовые праздники были связаны с чередованием сезонов и знаменовали начало или окончание разных видов промыслов. По мнению С. А. Поповой, особенно активная ритуальная деятельность манси приходилась на весну и осень, что обусловлено временными входами и выходами из обыденного мира в переходное состояние года, причем большинство праздников приходилось на новолуние²¹⁴.

Изначально праздники обских угров, как и других народов, представляли собой ритуальные действия, связанные с поклонением различным божествам, которых было настолько много, что, «наверно, никогда никому не удастся выявить число и имена всех этих духов»²¹⁵. М. А. Кастрен дал такое объяснение: «Богослужение остяков состоит почти только в призывании богов и умиловивлении их жертвами». Организовывались также коллективные празднества, особенно в осенний период, на которые собирались представители различных родов, приезжавшие со своими божествами. Их устанавливали в той же юрте, в которой хранились кумиры рода; «если же таковой не имеется, то их помещают в особом, нарочно для этого устраиваемом шалаше»²¹⁶.

²¹³ Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 21.

²¹⁴ Там же. С. 12.

²¹⁵ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 2. С. 6.

²¹⁶ Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин земледения и путешествий. М., 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 186.

Медвежий праздник

Самым известным обско-угорским праздником, феноменом их культуры, исследователи считают медвежий, который часто называется «медвежьи пляски» и «медвежьи игрища». По отношению к этому празднику в обско-угорских языках используются разные термины: яных йикв (манс.) 'большие /главные пляски', пупих йикв (манс.) 'духов пляски/танец', вой як (хант.) 'зверей пляски /танцы', лунх як (хант.) 'духов пляски/танец'.

В основе праздника лежит уходящий в глубокую древность тотемистический культ медведя. В обско-угорском фольклоре имеются различные версии о происхождении медведя: небесном (спущенный на землю сын бога), земном (сын женщины и лесного великана), в некоторых сюжетах он предстаёт давно умершим родственником.

Исследователи различают два вида медвежьего праздника у хантов и манси — периодический и спорадический. Первый посвящался мифологическому персонажу и имел семилетний цикл. Он считался наиболее сакральным и сохранял многие черты архаического «первопраздника»: особая территория проведения, сбор большого числа людей, длительность (до 49 дней), ряжение, сопровождение играми, музыкой и танцами²¹⁷. Обычно праздник устраивался в период с декабря по март каждые семь лет в селении Вежакары на Оби, куда приезжали ханты и манси из семи других мест со своими духами-покровителями.

Спорадические праздники проводились в честь удачной охоты на медведя в разных селениях и также предполагали сбор гостей из соседних селений. По случаю добычи медведя праздник отмечали пять ночей, медведицы — четыре, что соответствовало традиционным представлениям о числе мужских и женских душ; у восточных хантов праздник длился три ночи. Убитого зверя разделявали в тайге, шкуру вместе с головой и лапами заносили в дом «хозяина праздника» — удачного охотника. Её укладывали в специальной жертвенной позе (с головой, положенной на передние лапы) в углу, украшали лентами, кольцами. Празднование начиналось с ритуала «отречения», в ходе которого охотник и двое мужчин, облачённые в халаты с остроконечными шапками, обращались к медведю с извинениями, «переводя» вину за убийство на других. Затем в дом заходили гости, оставляли медведю дары, которые раскладывались перед головой зверя.

Вечером начинались праздничные ритуалы. Исполняли призывные песни, вызывая всеобщих духов и родовых духов-предков, хозяев разных местностей. Пели «звериные песни», рассказывающие о жизни и деяниях медведя на небе и на земле. Эта часть праздника считалась священной. Во время последующих церемоний разыгрывались драматические представления — небольшие сценки, часто шуточного характера. Актёрами были только мужчины, закрывающие лица деревянными или берестяными масками. При исполнении женских ролей головы закрывали платками. Универсальными атрибутами были деревянные палки, которые символизировали топоры, вёсла, ружья и т.д. Представление сопровождалось игрой на традиционных музыкальных инструментах — *санквыльтап* или *тарысын-ив* (манс.), *нарас-юх* (хант.). Между сценками звучали песни и исполнялись танцы. В последнюю ночь устраивали проводы священного зверя, сопровождавшиеся поеданием сваренного медвежьего мяса. Употребление в пищу медвежьего мяса сопровождалось обрядами и речами, в процессе которых вина за поедание перекладывалась на птиц, на чужеродцев. Во время сценок и танцев

²¹⁷ Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 25.

просили медведя об успехе в промыслах. Северные манси в последнюю ночь праздника разыгрывали представление с куклами, в ходе которого происходило прощание с медведем и проводы его на небо. Кукла олицетворяла искупительную жертву, которая воскресала после смерти, а действо с ней воплощало миф об умирающем и воскрешающем божестве²¹⁸.

Исследователи обращали внимание на то, что обряды медвежьего праздника имеют параллели с похоронно-поминальным циклом обских угров²¹⁹. Медведя воспринимали как умершего родственника, пришедшего в гости. Шкуру и мясо медведя принято было вносить не через дверь, а через окно. Накладывание монет, берестяных кружков, бляшек на глаза и нос медведя напоминает погребальную маску северных хантов. После медвежьего праздника соблюдали траур, шкуру и кости животного хоронили.

При характеристике обско-угорских праздников необходимо принимать во внимание большое разнообразие культуры этих народов, в том числе и вариативность традиционного календаря. У локальных групп существовали неодинаковые названия месяцев. Исследователи неоднократно обращали внимание на разные дни встречи Нового года по традиционному календарю обских угров²²⁰. Время проведения Нового года даже у одной и той же группы было различное²²¹. Для праздничных практик существенным оказался переход от архаического лунного (13-ти месячного) к солнечному христианскому (12-ти месячному) календарю, что предполагало не только новшества в счёте месяцев, но и соблюдение соответствующих праздничных дней. В итоге древние праздники «подчинились» русскому православному календарю. Ещё И. Г. Георги в конце XVIII в. заметил в отношении пермских вогуличей (западных манси): «Главный их праздник называется Елбола, с которого начинается их новый год. Празднуют же оный в первый день Святой Пасхи и нарицают его праздником сошествия Божия, через что разумеют наступающую весну. Сей день посвящен у них преимущественно Торуму и Солнцу»²²².

До начала XX в. у обских угров сохранялось двухгодичное летоисчисление, т. е. были «год-лето» и «год-зима». Это означало, что они отмечали ритуалами два «новых года» — зимний и летний²²³. Год-зиму встречали, совершая «большое жертвоприношение» верховному богу Торуму. У хантов оно приходилось на ноябрь, который в календаре среднеобских, демьянских, большеюганских хантов назывался «месяцем большого жертвоприношения», а у североуральских — «священного дня месяца»²²⁴.

Манси встречали зимний Новый год праздником Торум кан, название которого связано с самым известным святилищем около Ломбовожа²²⁵. Схожее название имели мансийские свя-

²¹⁸ Новикова Н. И. Традиционные праздники манси. М., 1995. С. 132.

²¹⁹ Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М., 2009. С. 547; Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 26.

²²⁰ Соколова З. П. Времяисчисление у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М., 1990. С. 78; Новикова Н. И. Традиционные праздники манси. М., 1995. С. 152; Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 349; Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 21.

²²¹ Новикова Н. И. Традиционные праздники манси. М., 1995. С. 152.

²²² Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 1. СПб., 1799. С. 65.

²²³ Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 349; Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 21.

²²⁴ Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 364.

²²⁵ Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 52, 53.

щенные места на р. Конда и р. Палья²²⁶. Праздник приходился на начало тёмных ночей и знаменовал окончание года-лета и наступление года-зимы. Он символизировал переход от тепла к холоду, от светлого периода времени к тёмному, когда всё в природе замирает. Поэтому в нём прослеживаются черты погребальной обрядности²²⁷. В годовом хозяйственном цикле праздник соответствовал окончанию массового лова рыбы и предварял начало охотничьего сезона.

Накануне празднования Торум кан проходили гонки на лодках, которые специально изготавливались для состязаний. По результатам нескольких заездов команда-победитель получала приз — оленя²²⁸. В лодках вместе с гребцами находились музыканты (по одному в каждой лодке), играющие на традиционном инструменте *санквильтап*. Своей игрой они предупреждали духа о намерении людей посетить священное место. В силу своего пограничного положения (посредник между миром людей и миром духов) музыкант обладал способностью устанавливать связь с потусторонними силами. Каждый музыкант играл мелодию, посвящённую «своему» духу-покровителю. Гонки на лодках символизировали переход из обыденного времени в сакральное и обратно, поскольку культовое место считалось территорией духа-предка, т.е. относилось к потустороннему миру. В день основного празднования мужчины посещали святилище, где проводили обряд жертвоприношения. Жертвенным животным мог быть жеребёнок, желательно белой или сивой масти, и специально для Торума — три петуха²²⁹. Во время праздника проводились мужские охотничьи ритуалы, сопровождающиеся военными танцами (в том числе с мечами) и спортивными состязаниями, поэтому праздник считался мужским, его символика была направлена на мужскую сферу деятельности²³⁰.

Помимо ежегодных праздников, в Ломбовоже отмечали праздник многолетнего цикла (раз в 3–5 лет). Для участия в нём с семи подчинённых Ляпинскому князю территорий съезжались люди со своими духами-покровителями (*нупухами*). Ломбовожский дух-хозяин считался старшим и более могущественным среди них. Празднование длилось несколько дней, проводили специальные ритуалы, сопровождавшиеся играми и состязаниями. Кульминация празднования совпадала с христианским Ильиным днем²³¹.

Демьянские ханты, по сведениям К. Ф. Карьялайнена, отмечали Новый год в сентябре, совершая жертвоприношение небесному богу Санке в православный Семенов день (1/14 сентября). Слово Санке означает 'свет', 'белизна', 'светлый', 'яркий'. Это благосклонное к людям божество, которому приносили жертвы и выражали просьбы в молитвах. В 1898 г. жертвоприношение проходило в священной роще на окраине деревни Чингалы. Священным деревом служила небольшая пихта, перед которой был сооружен стол, застеленный белой

²²⁶ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места (XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1986. С. 84; Источники по этнографии Западной Сибири / Публикация Н. В. Лукиной, О. М. Рындиной. Томск, 1987. С. 198; Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 54.

²²⁷ Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 78.

²²⁸ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места (XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1986. С. 87

²²⁹ Попова С. А. Народный календарь и празднично-обрядовая культура манси: проблемы реконструкции // Вестник угроведения. 2013. № 1 (12). С. 137.

²³⁰ Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 54.

²³¹ Там же. С. 62.

тканью и белым платком с чёрной каймой. Жертвенную пищу (ягодная смесь, рыба в тесте, мясо рябчика, ягодное вино) принесли из дома. Жертвенным животным была корова светлой масти. Ритуал начался с обряда очищения — окуривания жертвенного животного и стола дымом от пихтовых веток. Затем произносилась молитва, во время которой все кланялись и трижды поворачивались. Хозяин «просил» у *Санге* долгой жизни для себя и своих детей, «семикратного счастья» для наконечника стрелы и лука. После забоя жертвенного животного все участники церемонии намазали лбы кровью жертвы. Затем часть мяса сварили в котле, остальное вместе с оставшейся пищей отнесли домой. В жертву огню хозяйка принесла мясо головы коровы. В процессе жертвоприношения устроили угощение вином лесного духа *Унт тонг*, которого просили об удаче в охотничьем промысле²³².

Наступление летнего нового года у обских угров символизировал праздник *Вурна-хатл* (хант.) или *Уринэква-хотал* (манс.) — Вороний день. Ханты и манси считали, что он символизирует переход от зимы к лету, возвращение солнца и тепла. В это время природа просыпалась, поэтому в основе праздника лежали представления о возрождении и обновлении, имеющие связь с родильной обрядностью²³³. В представлениях обских угров ворона выступает покровительницей женщин и детей. Ханты и манси считали этот праздник женским, проводились ритуалы, связанные с женской сферой. Его отмечали в течение четырёх дней, после прилёта ворон, в апреле — мае, в новолуние. В первый день пожилые женщины и девочки, не достигшие фертильного возраста, проводили обряд на священном женском месте. Второй день отмечали дома с участием женщин и детей одной семьи. В обрядах третьего дня участвовали женщины и девушки селения (рода). Четвертый день был общественным, с участием всех жителей селения. В праздничные дни рядились, проводили состязания, исполняли танцы²³⁴. Особенностью Вороньего дня были женские танцы, изображавшие весеннее поведение птиц. Ивдельские и сосвинско-ляпинские манси, нижнеобские ханты готовили на Вороний день густую кашу на мясном бульоне *саламат*. Обязательным действием было привязывание к веткам деревьев кусочков ткани или лент с завёрнутой в них монетой — по семь полосок от каждой участницы²³⁵.

Вороний день ханты и манси связывали с поклонением богине-матери *Сянь / Торум Сянь* (манс.), *Калташ / Калтась* (хант.) Она считалась прародительницей человеческого рода, поскольку родила первого ребёнка — человека²³⁶. Манси называли этот день *сянь хотал* ‘матери день’, *пойксян сянь хотал* ‘день просьб (поклонения) матери’, *пойксян ялын сянь хотал* ‘святой день просьб (поклонения) матери’. Согласно одной из мифологических версий, богиня могла принимать облик вороны, по другой — вороны разбудили её своим криком и сообщили, что она родит сына Бога.

²³² Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 3. С. 113–117.

²³³ Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 79.

²³⁴ Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 90–91; Попова С. А. Народный календарь и празднично-обрядовая культура манси: проблемы реконструкции // Вестник угроведения. 2013. № 1 (12). С. 139.

²³⁵ Попова С. А. Традиционный праздник манси *уринэква хотал* «вороний день» // Этнография народов Западной Сибири: К юбилею д.и.н., проф. З. П. Соколовой / Сибирский этнографический сборник. М., 2000. Вып. 10. С. 217–218.

²³⁶ Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 88–89; Попова С. А. Народный календарь и празднично-обрядовая культура манси: проблемы реконструкции // Вестник угроведения. 2013. № 1 (12). С. 138.

Летние праздники

В XIX — начале XX вв. дни поклонения различным божествам и духам у хантов и манси часто были приурочены к православным праздникам. В Троицу поклонялись духу-богатырю *Ем вож ики* (хант.) или *Ялпын усын ойка / Усын отыр* (манс.) 'Мужчина хозяин священного города' / 'Священного города мужчина'. Он считается духом-покровителем городка (селения) Вежакары на Оби. В хантыйской мифологии он — внук богини *Калтасть / Калтац*, которая повелела ему быть хозяином этого городка и посредником между миром живых и мертвых. К хозяину Вежакар принято было обращаться «светлый (белый) отец», «вечный отец» или «мужчина, имеющий лошадей» (*Лувын хум*). Его атрибутами были: покрывало, орнаментированное ритуальными узорами и обшитое по краям ценным мехом, суконная шапка с колокольчиками, украшенная специальным орнаментом, оружие. Хранителями святилища были представители рода Костиных (смешанного хантыйско-мансийского происхождения). Святилище *Ем вож ики* находилось на противоположном от селения берегу Оби на вершине горы, которая, как считалось, напоминала по форме лошадь. Жертвовать божеству полагалось коня светлой масти. Подарки-приклады хранились в специально построенном в Вежакарах «большом доме» *яныг кол* (манс.) или *ун хот* (хант.) и на самом святилище. В Троицу в Вежакары на поклонение божеству приезжали жители других селений.

Сначала ритуальные действия проводились в «большом доме», на них могли присутствовать женщины. После непродолжительной трапезы мужчины на лодках отправлялись на святилище. Прежде чем отправиться к другому берегу, лодки делали семь кругов по солнцу. На святилище совершали жертвоприношение лошади *йир*, после чего возвращались в селение и вместе с женщинами исполняли в доме ритуал, в ходе которого благодарили духа за то, что принял жертву и просьбы. В селении совершали ещё одно *йир*, потом варили мясо в разных котлах для мужчин и женщин. Церемония завершалась трапезой, сопровождающейся обращением с просьбами к духу-хозяину Вежакар. Завешался день общим весельем: игрой на музыкальных инструментах, песнями, танцами, шутками и состязаниями²³⁷.

Согласно традиционным представлениям обских угров, успех в вылове рыбы, приходившемся на лето, зависел от расположения водных духов, населявших водоемы. Одновременно они выступали как духи-хозяева местности. Подчинялись водные духи Обскому старику, «делателю» рыб *Ас ики* (хант.) или *Сярсунт отыр* (манс.). Водный дух известен и под другим именем — *Инквурт-ики* (хант.) или *Вит-хон* (манс.). Его святилище располагалось в Белогорье, недалеко от устья Иртыша. Кодские ханты называли его старшим из сыновей верховного бога *Торума*, а сургутские считали пятым сыном небесного бога. Полагали, что он «заведует» всей обской рыбой, а также птицей и зверем. *Ас ики* считался покровителем хантов Белогорской и Васпухольской волостей, хотя почитался далеко за пределами этой территории²³⁸. Празднества в честь *Ас-ики* приурочивали к началу рыболовного сезона. Кровавые жертвы *йир* духу могли делать трижды в году: после ледохода, после возвращения с летней рыбалки в конце лета и осенью, накануне ледостава. Водному духу забивали оленя или лошадь. Кровь и шкуру жертвенного животного бросали в проточную воду. Пожертвование пищи могли устраивать в жилище или на берегу Оби²³⁹. Кровавые жертвоприношения проводили у так называемых «шаманских амбарчиков».

²³⁷ Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 114–115.

²³⁸ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 2. С. 148.

²³⁹ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 1.

Празднество в честь духа-хозяина воды, сопровождавшееся жертвоприношением, обязательно устраивали в Петров день, который в XIX в. в представлениях обских угров был связан с рыболовным промыслом. Иртышские и кондинские остяки приносили на Петров день в жертву водному духу петуха, на шею которого привязывали семь аршин красных ниток с прикрепленной монетой. Водного духа просили «дать водных рыб и лесную добычу»²⁴⁰. После Петрова дня ханты и манси отправлялись к местам летнего рыболовного промысла.

Кондинские ханты устраивали жертвоприношение в Прокопьев день, приходившийся на 8 (21) июля. После установки летних рыболовных запоров на реках они собирались всем селением на берегу Конды и накрывали столы. Под руководством шамана духа воды «угощали» едой и брагой, затем забивали корову, обмывали тушу в реке, мясо варили и несли в деревню, а кости и шкуру опускали в реку «в дар» духу реки²⁴¹.

Сосьвинские манси на Петров день проводили праздник в честь Тагыт котль ойки 'Старика середины Сосьвы'. По другим данным, поклонение божееству совпадало с днём Перуна 20 июля и почитанием бога грозы²⁴². На средней Сосьве праздник в честь богатыря устраивали в сентябре, после окончания рыболовного промысла, чтобы отблагодарить божеество за помощь в промысле²⁴³. Согласно легенде, богатырь Тагыт котль ойка жил на Северной Сосьве ниже Сартыньи, где у него была кузница, в которой он изготавливал топоры, ножи и т. п. Тагыт котль ойка совершил немало военных подвигов, самым

Рис. 2.33. Игра на тарнобои. Р. Салым

Рис. 2.34. Игра на лебеде. Р. Салым

²⁴⁰ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 2. С. 177; Пигнатти В. Краткое сообщение о поездке на р. Конду летом 1910 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1910. Вып. XX. С. 12.

²⁴¹ Искра И. По остяцким юртам (Кондинский район) // Наш край. Тобольск. 1925. № 10–11. С. 38–39.

²⁴² Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 119.

²⁴³ Новикова Н. И. Традиционные праздники манси. М., 1995. С. 197, 199.

главным из которых была победа в сражении с ужасным Менквом, «пришедшим с моря»²⁴⁴, тело которого утопил в реке. Место битвы Богатырь середины Сосьвы заветал сделать святыней. В представлениях обских угров, оно настолько свято, что, проплывая мимо него в лодке, нельзя использовать шест, которым отталкиваются на мелководье, можно только грести вёслами. Мужчины, отправившиеся на поклонение к духу, не должны были спать во время пути, даже если дорога занимала несколько дней, а женщинам и вовсе запрещалось посещать это священное место. Жертвы в амбарчик мог заносить только хранитель, поскольку вокруг было установлено много самострелов и ловушек для защиты от чужаков. Жертвовали Тагыт котиль ойке стрелы и деньги. Бог середины Сосьвы высоко почитается и у остяков, и у вогулов²⁴⁵. Во время праздника в его честь совершали обряд жертвоприношения, делали божеству приклады, после чего устраивали трапезу. После совершения обрядовых действий молодежь устраивала игры, во время которых девушки и юноши знакомились²⁴⁶.

Осенние праздники

Особенностью осенних праздников манси был культ гор или пещер²⁴⁷. Тавдинские манси осенью приносили в жертву духам промысловых животных в пещерах²⁴⁸. Чердынские манси в пещерах совершали жертвоприношение сивой лошади. После трапезы черепа оставляли в пещерах, так в конце XIX в. в одной из пещер на территории проживания чердынских манси были обнаружены черепа 70 лошадей и других животных²⁴⁹. Пещеры были культовыми местами высокого статуса и существовали наряду с таёжными святилищами, используемыми для повседневной культовой практики охотников и рыболовов²⁵⁰.

Почитание гор связано, прежде всего, с Уральскими горами, которые в мифологической картине мира обских угров выступали средством организации пространства²⁵¹. Ивдельские манси отмечали в горах праздники, связанные с почитанием горных духов — Нёр Ойки и Нёр хум. Вогулы Пермской губернии проводили в горах большие праздники — общие моления с приношением разного рода жертв под руководством шамана-жреца²⁵². Живущие довольно далеко от гор кондинские манси отмечали праздник Покров, открывающий сезон пушной охоты, на высоких холмах, называемых шаманскими горами. В некоторых местах они представляли собой остатки древних городищ. П. П. Инфантьев, побывавший на Конде в 1892 г., оставил описание осеннего жертвоприношения духу покровителю охоты Толях хум, которое совершалось

²⁴⁴ Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888. С. 58–59; Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 2. С. 158.

²⁴⁵ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 2. С. 158.

²⁴⁶ Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993. С. 52.

²⁴⁷ Новикова Н. И. Традиционные праздники манси. М., 1995. С. 187.

²⁴⁸ Лепехин И. И. Записки путешествия // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1882. Т. V. С. 92.

²⁴⁹ Глушков И. Н. Чердынские вогулы // Этнографическое обозрение. 1900. № 2. С. 68; Ончуков Н. По Чердынскому уезду // Живая старина. СПб., 1901. Вып. 1. С. 70.

²⁵⁰ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места (XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1986. С. 182.

²⁵¹ Новикова Н. И. Традиционные праздники манси. М., 1995. С. 189.

²⁵² Остроумов И. Г. Вогулы-манси. Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1904. Вып. 1. С. 172–173.

на холме только с участием мужчин²⁵³. Видимо, с горой в мифологической традиции обских угров связано представление о Первопродвижке, времени, когда зарождались праздничные традиции²⁵⁴.

Праздничные церемонии

Приведённые сведения показывают, что у обских угров главной праздничной церемонией было жертвоприношение богам и духам разных категорий. Посредством этого ритуала стремились заручиться расположением и содействием верховных сил. Его совершали на священном месте, куда допускались только мужчины. Там производились определённые обрядовые действия: разводили костер, открывали священные лабазы с хранившимися в них изображениями духов-покровителей, привязывали отрезки ткани на ветви деревьев, бросали в воду монеты и т. д. Жертвенными животными могли быть лошадь, олень, бык, баран, из птиц — петух. Это всегда были только домашние животные, лесных зверей в жертву не приносили. Помимо кровавой жертвы *йир* (хант.), божествам в праздничные дни предназначалось угощение — *поры* (хант.) или *пури* (манс.) и подарки. Дарами (пожертвованиями) служили шкурки пушных зверей, одежда, ткани, монеты, посуда и некоторые вещи. К категории вещей, которые считались дарами, относились предметы, обладающие большой ценностью, одновременно они выступали и как товары, которые либо покупались, либо продавались. «Величина» жертвы определялась рангом и силой божества, а также значимостью просьбы. Самым ценным даром считались серебряные монеты, тарелки и блюда²⁵⁵. Металлическая посуда не только преподносилась в качестве даров, но и использовалась во время ритуалов. В неё собирали кровь жертвенных животных, раскладывали угощение, предназначенное духам, в ней хранили пожертвованные монеты²⁵⁶.

Во время церемонии к божествам обращались с просьбами и одновременно преподносили дары, рассчитывая получить взамен содействие в промыслах, покровительство, защиту и т. п. Обращение выражалось в призывных песнях и молитвах, в которых излагались желания устроителей жертвы. Например, «Угощайся (ешь), Старик (имя духа)! Дай нам зверя, рыбы много. Помоги в промысле. Защити от болезней». Факт преподнесения даров указывал на ожидание ответных милостей (действий) со стороны божества, поэтому в отдельных случаях вербальное общение со сверхъестественными существами могло пропускаться.

Календарные обско-угорские праздники имели ярко выраженный коллективный характер. В них принимали участие представители нескольких разных родов, жители селения или нескольких селений. В ряде случаев они отмечались хантами и манси совместно. Безусловно, это способствовало укреплению солидарности среди определённой группы людей. Наиболее значимые праздники проводились в центрах объединений *вож*, *ус*, *кар* ('городок'): Белогорье, Вежакары, Калтысяны, Ломбовож. Одной из важных составляющих праздников было стремление привести родового духа-покровителя «в гости» к божеству более высокого ранга²⁵⁷. Тем самым, подтверждалось родство всех участников празднества — «родство по духу» и *лух хоят* (хант.).

²⁵³ Инфантьев П. П. Этнографические рассказы. СПб., 1910. С. 107–109.

²⁵⁴ Новикова Н. И. Традиционные праздники манси. М., 1995. С. 188, 189.

²⁵⁵ Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. С. 21.

²⁵⁶ Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. С. 575.

²⁵⁷ Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008. С. 13.

6. Христианизация, просвещение и изменение религиозных традиций народов Югры

В XIX в. задача формирования национального единства в многонациональной и поликонфессиональной стране осознавалась очень остро. Началась интенсивная работа по созданию миссионерских программ и организации миссионерской деятельности на окраинах. Была создана сеть учебных учреждений, готовивших миссионеров; активизировалась работа по переводу священных текстов на языки народов Сибири; создавались и публиковались инструкции для миссионеров²⁵⁸. Некоторые из идеологов христианизации придавали большое значение вопросам развития культуры и внедрения достижений европейской цивилизации в быт аборигенов. Проект организации миссии с культурно-благотворительными целями для народов крайнего Севера предлагал профессор А. И. Якобий²⁵⁹. Того же мнения придерживался и известный исследователь Тобольского Севера А. А. Дунин-Горкавич, считавший, что задачей миссии было не столько крещение как можно большего числа «инородцев», сколько «дать христианское направление всей их деятельности» и принести практическую пользу в их жизни²⁶⁰. Эта точка зрения, однако, была прямо противоположна взглядам профессора Е. Юзефовича, утверждавшего, что «христианство само по себе бесценное сокровище и источник благ временных и вечных» и «увеличивать его ценность и значение какими-то посторонними заслугами, ценить его не само по себе... — богохульство»²⁶¹. Полемика на страницах миссионерских, православных и светских изданий по вопросам взаимоотношения различных религий и православия и о роли государства в этом процессе безусловно дала положительные результаты. Высочайшего указа об обязательном крещении, которого настойчиво требовали некото-

рые представители миссионерства, в 1892 г. был издан. Он обязывал всех инородцев креститься в течение 1893 г. и в последующие годы. Указ вызвал протесты и сопротивление со стороны инородческого населения. В 1894 г. императорским указом было отменено обязательное крещение инородцев. Это решение было вызвано тем, что миссионеры не достигли поставленных целей, а население инородческих округов не было крещено. В 1895 г. императорским указом было отменено обязательное крещение инородцев. Это решение было вызвано тем, что миссионеры не достигли поставленных целей, а население инородческих округов не было крещено.

Рис. 2.35. Фото Г. М. Дмитриева-Садовникова. Молодой шаман с бубном. Р. Вах. 1913 г.

²⁵⁸ Главацкая Е. М. Идея христианизации коренного населения Сибири в XVII в. // Исторический опыт освоения восточных районов России. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Владивосток, 1993. Книга II. С. 166–168.

²⁵⁹ Якобий А. И. О миссионерском стане в стране Надыма и о возможной постановке христианской миссии в странах русского инородческого Севера: сообщение почетного члена Тобольского Епархиального братства проф. А. И. Якобия // Тобольские епархиальные ведомости. 1895. № 7, 8, 10.

²⁶⁰ Дунин-Горкавич А. А. О деятельности Обдорской духовной миссии // Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. Шадринск, 1994. С. 66.

²⁶¹ Юзефович Е. Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России // Русский вестник, 1883. Март. С. 64.

рые миссионеры, так и не последовало. Более того, в Своде законов Российской империи в части, касающейся религий народов Севера, было записано: «сибирские инородцы, если не исповедуют христианской веры, имеют свободу отправлять богослужение по их обрядам и обычаям, а православное духовенство в обращении их к христианству имеет поступать по правилам кротким, ограничиваясь одними убеждениями, без малейших принуждений». Что касается местной администрации, то её представители обязывались «не допускать стеснения... инородцев под предлогом обращения их в христианскую веру»²⁶².

Ко второй половине XIX в. в значительной степени изменился и состав приходского духовенства в Сибири. Это уже было духовенство, представленное целыми династиями священников, которые всю жизнь провели в Сибири, были знакомы с традициями местного населения, лучше понимали проблемы христианизации и были более терпимыми в отношении новокрещёных.

Развитие православного ландшафта

Православные приходы на территории Югры были распределены по церковным округам (благочиниям). К Берёзовскому церковному округу в конце XIX в. относились городские каменные церкви с приходами: Воскресенская, имевшая приделы во имя иконы Казанской Божьей матери и святителя Николая Мирликийского, и Рождества Богородицы с приделом во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских²⁶³. К этому же округу относились приходские церкви, ранее входившие в Берёзовский заказ: Троицкая монастырская каменная церковь Кондинского прихода, деревянная Петропавловская церковь с приделами во имя святых Василия Великого и Николая Чудотворца в Обдорске, построенная вместо церкви Василия Великого в 1823 г.; Церковь Рождества Христова Сосьвинской волости, обновлённая в 1801 г.; Церковь Сошествия Святого Духа Сухоруковской волости с приделом Николая Чудотворца, пристроенном в 1813 г.; Троицкая церковь Белогорской волости, обновлённая в 1868 г.; Церковь Преображения в Малоатлымской волости, отстроенная вновь в 1853 г. с приделом во имя Михаила Архангела; Николаевская церковь в Чемашах, обновлённая в 1806 г.; Спасская церковь в Шеркальском, обновлённая в 1804 г.; Троицкая церковь в Кушеватской волости, перестроенная в 1884 г.; Успенская церковь Казымской волости, обновлённая в 1817 г. Помимо этих, уже функционировавших церквей, создавались ещё и новые храмы. В 1840 г. в Мужах появилась церковь Михаила Архангела. После того, как храм обветшал, рядом в 1884 г. был построен новый, однако оба они сгорели в том же году. В Сургутский церковный округ входили церкви бывшего заказа, за исключением трёх храмов. Приходская церковь Рождества Богородицы в Сургуте была закрыта в 1830-х г. В результате в городе осталась лишь каменная Троицкая церковь с приделами Введенским и Николаевским. Кроме того, находившаяся прежде в составе Сургутского заказа Николаевская церковь Тазовской и Тымской волостей была передана в состав Нарымского округа. Наконец Успенская церковь Селиярской волости была переведена в состав Тобольского церковного округа. Из оставшихся церквей на протяжении всего XIX в. продолжали работать: церковь Богоявления в Юганской волости, обновлённая в 1843 г.; Богоявленская церковь в Ваховской волости,

²⁶² См.: Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург–Салехард, 2005. С. 259–264.

²⁶³ Книжные сокровища Югры. Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 45.

Рис. 2.36. Часовня в юртах Охтеурьевских. Р. Вах. 1913 г. Из фотоколлекции Б. Н. Городкова. ТИАМЗ. ТМ 15543/18

Рис. 2.37. Внутреннее убранство часовни в юртах Охтеурьевских. Р. Вах. 1913 г. Из фотоколлекции Б. Н. Городкова. ТИАМЗ. ТМ 15543/92

Рис. 2.38. Церковь в с. Болчары

Рис. 2.39. Галкин А. И. Фото. Летние хантыйские юрты. 1906–1909 гг. (Фонды МПИЧ)

Рис. 2.40. Шемановский И. История Обдорской духовной миссии. 1854 г. — 1904 г.

Рис. 2.41. Священник-миссионер О. В. Герасимов. Из фотоколлекции Л. Е. Луговского. ТИАМЗ. ТМ-15541/31

обновлённая в 1827 г.; Рождества Христова в Верхнелумпокольской волости, обновлённая в 1808 г.; Рождества Богородицы в Нижнелумпокольской волости, обновлённая в 1848 г.; Знаменская в Ларьятской волости с приделом Николая чудотворца, построенном во время реконструкции церкви в 1812–1831 гг., и переносным престолом во имя праведного Симеона Верхотурского, созданного в 1880-х гг.

В ведении Тобольского церковного округа, который объединил церкви бывших Самаровского и Демьянского заказов, находились церкви: Успенская деревянная церковь Селярской волости, ранее находившаяся в составе Сургутского заказа, с новым храмом, построенным в 1873 г.; каменная (с 1845 г.) Вознесенская церковь Филинской волости, переданная из Тавдинского заказа; Крестовоздвиженская церковь Реполовской волости, ранее входившая в Демьянский заказ, с приделом во имя Николая Чудотворца, пристроенном в 1869 г.; Церковь Богоявления в Болчарово, вновь отстроенная в 1863 г.; каменная Церковь Покрова в Самарово, к которой в 1816 г. были добавлены приделы во имя Знамения Пресвятой Богородицы и святителя Николая Мирликийского; Церковь святых апостолов Петра и Павла в Базьяновской волости²⁶⁴.

Одной из основных задач в деле просвещения народов Югры оставалось продвижение христианства в районы расселения северных групп хантов, манси и ненцев и усиление влияния христианства среди уже окрещённых. В середине XIX в. начался новый этап наступления на религиозные традиции коренных народов Югры. В 1832 г. с этой целью была учреждена специальная Обдорская миссия под руководством иеромонаха Макария, а Кондинский мужской монастырь в 1844 г. был преобразован в миссионерский.

²⁶⁴ Книжные сокровища Югры. Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 45.

Рис. 2.42. Дунин-Горкавич А. А. Фото. Сургутские приобские остяки. Конец XIX — начало XX вв. (Фонды МПЧ)

Миссионеры должны были объезжать территорию расселения своей паствы, отправлять требы, стараться окрестить тех, кто ещё не был крещён и наставить новокрещённых. Сеть миссионерских институтов постоянно расширялась. Вместе с тем, задача крещения в деятельности миссий всё больше отступала на второй план, многие представители народов Югры уже крещены, а некрещёные осведомлены, что крещение — есть дело их свободного выбора. В результате, по сведениям миссионеров, с 1854 по 1879 г. в среднем, ежегодно крестилось не более 56 человек несмотря на то, что в это время действовали уже три миссии (Обдорская, Кондинская и Сургутская) и применялись все меры, вплоть до принуждения²⁶⁵.

Школьное образование

Значительная роль в деле преодоления нехристианских религиозных традиций придавалась школьному образованию. С этой целью уже в начале XIX в. были подготовлены переводы «Священной истории для малолетних детей», «Десятослова», молитв «Царю Небесный» и «Отче наш» и «Катехизиса» на хантыйский язык. В 1821 г. эти рукописи были переданы в Духовно-цензурный комитет, учреждённый при Санкт-Петербургской Духовной Академии, для рассмотрения. Один из его членов, ректор семинарии, архимандрит Поликарп одобрил перевод Священного писания, но обратил внимание на необходимость внесения некоторых исправлений в перевод 10 заповедей на остяцкий язык, где фигурировал следующий пассаж: «не отнимай жену... промысленных мест, ни лошади, ни оленя или соба-

²⁶⁵ См. Иринарх (Шемановский), иером. История Обдорской духовной миссии. 1854 г.–1904 г. М., 1906. С. 21.

ки»²⁶⁶. Появление в тексте заповедей неканонических оленей, собак и лошадей, вероятно, объяснялось желанием переводчика максимально приблизить текст к реалиям жизни хантов. Он также старался сделать тексты понятными и близкими, вводя характерные для северян формы разговорной речи. Некоторые из них также вызвали критику архимандрита Поликарпа, настаивавшего на том, чтобы вернуться к более каноничному варианту и вместо «шипко грешно» использовать «весьма грешно»²⁶⁷. В отношении переводов Евангелий вердикт цензора был суров: «...Евангелия от Матвея и Марка на вогульском и от Матвея на остяцком языках напечатаны быть не могут»²⁶⁸. Вероятно, здесь были допущены совершенно непростительные вольности.

В середине XIX в. начался новый этап наступления на религиозные традиции хантов. В 1836 г. было принято решение о преобразовании Кондинского мужского монастыря в миссионерский и создании при нём училища на десять детей, однако деньги на его обустройство не поступали, так что епископ Тобольский реально смог заняться вопросами реорганизации только в 1844 г. Настоятелем и миссионером в Кондинский Троицкий монастырь был назначен игумен Арсений, в прошлом — иеромонах Воронежского первоклассного Митрофанова Благовещенского монастыря. Согласно рапорту епископа Тобольского Владимира, новый настоятель не упускал случая объяснить «иногородцам» необходимость отдать детей в школу, разъясняя, что их обучение и содержание будет за счёт казны, однако в ответ слышал «самые неблагоприятные отзывы». Нежелание отдавать детей на обучение, по мнению игумена, происходило «из опасения, быть обращенными чрез обучение в крестьянский быт». При поддержке представителей светской власти игумен в конце концов всё же смог склонить несколько семейств к тому, чтобы они отдали детей в училище. Характеризуя помощь, оказанную кондинским заседателем Петром Костырко, игумен в рапорте Синоду писал, что тот помог в «набрании мальчиков» и их экипировке и что представители коренных народов отдавали детей в школу «по любви, уважению и доверенности к нему как любимому их начальнику», были убеждены в пользе училища²⁶⁹. Между тем, монастырь не был готов к приему учеников, помещения были ветхими, такого, которое бы подошло для училища вообще не было. О том, в каком плачевном состоянии находился монастырь ко времени открытия при нём училища, свидетельствует донесение настоятеля монастыря епископу Тобольскому. В нём сообщалось, что монастырские строения совершенно все сгнили, крыши во всех корпусах протекали, даже в настоятельской келье потолок был подпёрт столбами, чтобы не обрушился. У церкви крыша и пол до того обветшали, что в ней не рисковали проводить службы, вели их исключительно в приделах²⁷⁰. Поселили воспитанников в настоятельских кельях, рядом с комнатой игумена «для удобнейшего его надзора». Специально для них были изготовлены кровати, тюфяки, подушки и простыни. Кроме того, ученикам выдали по три пары белья на каждого, «панковые халаты голубаго цвета, таковые же казакины и шаровары сераго цвета», специально были сшиты сапоги. Вместе с тем, игумен сообщал, что «одеял же для постелей и фуражек по неимению в Кондинске, еще не сделано, а выписываются таковые из города Берёзова». Методика обучения, использованная игуменом, описывалась следующим образом: «он, игумен, слегка начинает приобучать к русскому наречию

²⁶⁶ Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург–Салехард, 2005. С. 271–272.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же. С. 273.

вытверживанием употребительнейших слов и вместе пиша мелом на доске литеры, обучает их вытверживать и писать оные, дабы этим способом несколько ознакомить их с российской грамотою»²⁷¹. Для присмотра за детьми в свободное от занятий время, «удовлетворение их детских потребностей во время обеда и ужина и для содержания их белья, одежды, обуви и занимаемых ими комнат, нанят им отставный казак Старков». Любопытно, что игумен Арсений сообщал епископу Тобольскому и о том, что он предлагал русским крестьянам также отдавать своих детей в школу, чтобы остяцкие дети, находясь вместе с русскими, быстрее перенимали русский язык²⁷².

Сам епископ также внес вклад в дело организации училища, подготовив проект его устава, включавшего условия приема в училище, программу обучения, формы поощрения, дополнительного профессионального образования, финансирования и снабжения. Предусматривалось даже материальное поощрение родителей тех детей, которые успешно проходили курс обучения, в том числе освобождение от подушного и ясачного оклада на определённое количество лет. По мнению епископа Владимира, детей следовало обучать чтению и письму, арифметике и священной истории, церковному пению и различным ремеслам: садоводству, столярному, сапожному и портняжному. При этом, епископ не предполагал, что все ученики выберут после окончания школы поприще священника. Наставникам следовало обращать особое внимание на тех, кто имел к этому склонность. Однако Синод, рассмотрев проект устава, подготовленного епископом Владимиром, посчитал необходимым напомнить ему, что он принимал уже решение об училище «для остяцких детей, в котором бы они обучались только Закону Божию и Русскому языку, чтобы со временем могли служить толмачами для миссионеров и помощниками в деле миссии по мере их успехов». Таким образом, взгляд Синода на задачи училища был, в отличие от устава епископа Владимира, исключительно утилитарным и не шёл дальше использования его в миссионерских целях²⁷³.

Помимо попечения об училище, игумен Арсений продолжал и собственно миссионерскую деятельность. В 1845 г. он сообщил епископу Тобольскому о том, что, находясь в Искарских юртах (в 900 верстах монастыря) он «при помощи божией окрестил пятерых остяцких детей, оставшихся до сего непросвященными св. крещением по отдаленности от приходской церкви». Однако все попытки миссионера склонить хантов Сосвинской и Ляпинской волостей отдавать детей на обучение оказались тщетными. В донесении архиепископу игумен Арсений писал: «они совершенно от того отказались, говоря, что дети их если будут обучаться грамоте, отвернутся от них»²⁷⁴.

Наконец, труды игумена Арсения по распространению школьного образования среди детей хантов были вознаграждены, о чем он рапортовал архиепископу Владимиру, а тот, в свою очередь, непосредственно в Синод. В рапорте говорилось, что настоятель Кондинского Троицкого миссионерского монастыря игумен Арсений при содействии кондинского отдельного заседателя Кожевникова убедил остяков обучать детей грамоте и учредил для этого три школы — при Белгородской Троицкой церкви на семь учеников, Сухоруковской Духосошественской и Малоатлымской Преображенской — на 10 учеников каждая. Учителями согла-

²⁷¹ Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург–Салехард, 2005. С. 273.

²⁷² Там же. С. 274.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Там же. С. 275.

сились быть церковно и священнослужители этих церквей — дьячек Василий Пономарев, священник Иван Пономарев и дьячек Димитрий Попов. Архиепископ также просил Синод разрешить платить учителям из сумм попечительства по 100 рублей в год, чтобы они «будучи отвлекаемы чрез обучение от хозяйственных занятий не могли терпеть с семейством недостатки в содержании и сверх того ревностнее занимались бы обучением инородческих детей»²⁷⁵. Синод одобрил начинание, однако по поводу денег на оплату учительского труда ответил отказом, поскольку попечительские деньги предназначены были для «обеспечения бедных духовных в их старости и сиротстве». Архиепископу Владимиру рекомендовалось найти «возможность вознаграждать из других денег»²⁷⁶.

Значительную роль в организации школ для детей хантов сыграл протоиерей Иоанн Заборовский. Являясь благочинным церковей Берёзовского уезда, он совершал объезды с целью обозрения церквей. Во время такого объезда во второй половине 1842 г. Протоиерей посетил хантыйские селения Ларьятской волости, где его предложение об открытии школы для детей хантов было поддержано. В своем отчёте епископу Тобольскому о поездке он писал: «...в проезде чрез селения прихода Ларьятского села заметивши, что прихожане остяки против других подобных им и известных ему скромны характером и особенно привержены к Христианской вере, а по прибытию в село Ларьятское услыша от местного причта подобную об остяках рекомендацию, он решился некоторым находившимся на лице инородцам предложить, не согласятся ли они обучать детей своих русской грамоте. На какое предложение они изъявили беспрекословно полное свое желание, в тоже время представили к нему благочинному 6 мальчиков для обучения. И в следствие сего он нашёл небесполезным открыть в Ларьятском селе на первый раз в виде опыта русскую школу для обучения представленных к нему остяцких мальчиков и обучение их поручил местному дьячку Петру Вергунову в доме его, а надзор за учением и успехами приходскому священнику Василию Вергунову с тем, чтобы он старался о умножении учеников и доставлял ему благочинному ежемесячные ведомости о числе учащих и их успехах»²⁷⁷. Школа была немедленно создана, Протоиерей получил признательность епископа и неустанно следил за её успешным развитием. Из донесения епископа в Синод от 16 октября 1843 г. следовало, что, по сообщению протоиерея Заборовского: «из числа обучающихся в означенной школе детей некоторые выучили четырехсложные склады, а другие двухсложные»²⁷⁸. Учитывая не очень успешный опыт некоторых других школ и краткость подотчётного периода, надо признать, что успехи были немалые. Более того, в донесении протоиерея Заборовского архиепископу сообщалось и о том, что появились новые кандидаты в ученики, что не могло не порадовать, но и создавало дополнительные проблемы: не хватало пособий, в числе потенциальных учеников были сироты, которых некому было содержать. Чтобы поддержать их, протоиерей предложил обеспечивать школьников одеждой и питанием за счёт казны на правах военных кантанистов. Заботу об обеспечении новых учеников учебными пособиями и их оплату протоиерей взял на себя и послал в Ларьяк пять Букварей для обучения остяцких детей грамоте²⁷⁹. Епископ предложил Тобольской консистории объявить протоиерею Заборовскому от своего имени «признательность и благово-

²⁷⁵ Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург-Салехард, 2005. С. 275.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург-Салехард, 2005. С. 276.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же.

ление» «за ревностное действование его по предмету остяцких училищ»²⁸⁰. Кроме того, сам епископ купил на свои деньги 20 Букварей и отправил Ларьятским ученикам, а в Синод обратился с просьбой: «не дозволено ли будет от достаточных церквей вверенной ему епархии, занять на первый раз 1000 руб. ассигнациями для устройства особого училища для обучения остяцких детей и для оказания беднейшим из них хотя малейшего вспоможения в продолжении учения»²⁸¹. Синод определил объявить епископу признательность Священного Синода за открытие школы для обучения детей хантов русской грамоте и помощь ей оказанную. Что касается просьбы епископа о выделении средств на содержание школы, то Синод предложил перевести детей, за обучение которых платить было некому, в училище Кондийского монастыря, а в Ларьятской школе предоставить учиться тем, кто имел родителей или других родственников, дающих им нужное содержание. Решение Синода было доведено до сведения Протоиерея Заборовского. К его чести надо сказать, что он не только не принял смиренно решения Синода, но и продолжил бороться за школу. Епископ в своем донесении Синоду в январе 1843 г. изложил аргументы протоиерея по пунктам: «1) что остяцких детей Ларьятскаго прихода, не имеющих средств содержать себя в Ларьятской школе и отстоящих от Кондинскаго монастыря расстоянием около полутора тысяч верст согласить на переведение в оный монастырь учиться совершенно невозможно, ибо не только дети, но даже и взрослые из инородцев по одной привязанности к своей родине ни за что не решатся переменить мест своего жительства на другие места самые превосходнейшие по своим достоинствам, а тем более на место отдаленное и мало для них известное; что перевод этот может послужить по глубокой необразованности «инородцев» только к отклонению от обучения детей их грамоте, а напротив этого, если со стороны правительства будут даны способы к содержанию мальчиков в школе то можно будет иметь их ныне же до 15 человек. Что «инородцы» лично ему протоиерею говорили, что «на что обучать грамоте детей, когда их у них хотят отбирать и увозить в чужие места», между тем обучающиеся ныне мальчики уже читают твердо и правильно. Что ж касается до всегдашнего существования в Ларьятском селе школы для обучения остяцких детей, то по отзыву священноцерковнослужителей и самих инородцев к содержанию оной на долгое время без пособий со стороны правительства не предусматривается никаких местных способов; 2-е) Ныне в Ларьятской школе обучается остяцких мальчиков восемь человек, трое имеющие родителей, а пять сиротствующие. Из имеющих родителей мальчиков один содержится отцовским коштом. А двое по бедности отцов и пять сиротствующие приняты на все полное содержание приходским священником Василием Вергуновым, и что он содержать их далее генваря месяца 1845 года не надеется»²⁸². От себя епископ добавил, что находит донесение Протоиерея Заборовского «по местным обстоятельствам Берёзовскаго края совершенно справедливым», а «существование в селе Ларьятском училища для остяцких детей весьма полезным и нужным», он обращался в Синод с просьбой выделить на пропитание мальчиков от 500 до 1000. Между прочим, епископ сообщил и о том, что училище в Кондийском монастыре хотя и было открыто в августе 1844 г., но денег на его содержание ещё не получали. Рассмотрев все документы и учтя, что школа в с. Ларьятском находилась в наилучшем состоянии и подавала добрые надежды, признал уважительными объяснения протоиерея, что перевод мальчиков из села в Кондинский монастырь был остякам не удобен поддержать училище метариально, выделив 150 рублей серебром.

²⁸⁰ Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург-Салехард, 2005. С. 276.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Там же. С. 277.

Во время следующей инспекторской поездки в 1844 г. протоиерей сумел убедить хантов села Юганского отдавать детей в школу, о чём сообщил епископу Тобольскому Владимиру, а тот, в свою очередь, подал очередной рапорт в Синод, в котором говорилось, что некоторые из остяков и русские прихожане с. Юганского изъявили ему свое желание обучать детей — 11 мальчиков — русской грамоте. Священники сами нашли решения многих вопросов, связанных с организацией школы. Священник Иоанн Тверитин предоставил комнату для обучения в своем доме и принял на себя обязанность учить, протоиерей Заборовский выдал бесплатно комплект из 11 Букварей пособий для школы. Епископ Тобольский Владимир объявил протоиерею Зборовскому и священнику Тверитину за открытие училища для детей хантов в с. Юганском свою признательность и предложил в консистории предписать им доносить об успехах заведенного училища раз в полгода²⁸³.

Наконец, в феврале 1845 г. протоиерей Иоанн Заборовский рапортовал, что во время объезда церквей в 1844 г. «усмотрел», что «...в селе Юганском поселянская школа состоит из 14 учащихся мальчиков 7 остяцких и 7 русских, учитель их местный священник Иоанн Тверитин занимается обучением как видно из успехов учеников рачительно, кроме сего он же Тверитин на настоящий 1843 г. окортомил от себя для помещения школы годовую квартиру и на свой же счет устроил в ней классические столы и скамьи, к этому еще безмездно содержит на свой кошт пять остяцких мальчиков по бедному состоянию их отцов»²⁸⁴. В том же рапорте протоиерей сообщил, что на примере юганской и ларьятской школ, проезжая в декабре 1844 г. через приходы Ваховский и Верхнелумпокольский, он «с помощью местных священноцерковнослужителей успел убедить прихожан их остяков на заведение школ и при их церквях. Прихожане остяки изъявляя ему свое желание, просили поимянно записать их мальчиков, которых они согласны отдать для обучения грамоте, а имянно: в Верхнелумпокольском 10 мальчиков, а в Ваховском одиннадцать, и как в оных селениях по малолюдству нет удобных домов на занятие под школы, то Верхнелуппокольский священник Вергунов изъявил свое желание содержать и обучать их в своем доме, а ваховский священник Александр Кайдалов с пономарем Василием Вергуновым согласились содержать и обучать при своих же домах первый шесть мальчиков, а последний пять»²⁸⁵. Митрополит Тобольский Владимир объявил благодарность священникам и одновременно обратился в Синод с просьбой поддержать наставников материально. Синод, признав начинание полезным и важным, тем не менее, отказал в его финансировании из-за отсутствия свободных средств и предложил обратиться к генерал-губернатору Западной Сибири. Генерал-губернатор не только ответил отказом за неимением свободных средств, но ещё и заявил, что ему стало известно о недовольстве представителей коренных народов тем, что священно и церковнослужители принуждают их отдавать в школы всех детей, между тем как они согласились обучать грамоте не более трёх мальчиков из каждой волости. Чтобы разобраться, он предложил провести дознание с помощью «особаго благонадежнаго чиновника», насколько обвинение, дошедшее до него, было справедливо. На основании всех собранных сведений Синод приказал: «чтобы в заведенныя священноцерковнослужителями в селах Ларьятском, Юганском, Ваховском и Верхнелумпокольском школы для остяцких детей были принимаемы только те из них, родители коих сами того желают, без малейшаго принуждения». Что же касается пособия тем священникам на содержание бедных детей, то архиепископу было предложено

²⁸³ Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург-Салехард, 2005. С. 277.

²⁸⁴ Там же. С. 278.

²⁸⁵ Там же.

но рассмотреть вопрос о том, чтобы ограничиться Кондийским училищем и теми школами, которые могут быть учреждены для поселянских детей»²⁸⁶.

Кондинский миссионерский монастырь сыграл заметную роль в распространении христианства в крае и грамотности среди крещёных хантов. Однако и в этом, как и многих других случаях, огромная роль принадлежала личности, стоявшей во главе какого-либо начинания. Спустя всего 40 лет после преобразования Кондинского монастыря в миссионерский, в 1884 г. Синод рассматривал вопрос о его закрытии и обращении монастырской церкви в обычную приходскую. В рапорте епископа Тобольского по этому поводу сообщалось следующее: «...по отзыву управляющего Кондинским монастырем, миссионерская деятельность сего монастыря (и ранее не плодотворная) совершенно прекратилась с 1879 г. за недостатком деятелей; в районе миссии находится еще некрещеных инородцев муж. и жен. пола до 579 человек, обитающих от монастыря на расстоянии 430 верст, сообщение с которыми возможно только в Юильском городке в январе месяце каждого года. Вследствие сего и не удовлетворяясь состоянием дела миссионерства в епархии вообще, а миссии Кондинской в особенности, епархиальное начальство озабочивалось приисканием достойных кандидатов для занятия вакансий настоятелей монастырей и способных миссионеров в существующие епархиальные миссии, почему неоднократно (в 1872, 1873, 1874, 1878, 1880 и 1881 гг.) входило по этому предмету с ходатайствами в Св. Синод, в Совет Православного миссионерского общества, сносились с епархиальными начальствами внутренних губерний России и, наконец, предлагало вдовым священникам своей епархии посвятить себя миссионерскому делу, но таковых желающих как из России, так и из своей епархии никого не оказалось. Таким образом, Кондинский монастырь, по малочисленности братии и по умственному развитию ее членов, не обладающих даже и средним образованием, и поведению их, давно уже не приносит пользы в деле озарения инородцев светом веры христианской удаленные от ближайшего надзора власти епархиальной, не занятые, да и не могущие заняться по малообразованности, святым делом миссионерства, иноки сего монастыря бездеятельны, равнодушны к своему долгу и, при бездеятельности, естественно, склонны к некоторым неблагоприятным привычкам. Поэтому не видно, чтобы они влияли сколько-нибудь не только на образование язычников в христианство, но и на утверждение в духе христианства уже обращенных»²⁸⁷.

Финский исследователь-филолог Аугуст Алквист, побывавший в 1877 г. в Кондинском монастыре и осмотревший училище, высказал свои сомнения по поводу вероятности того, что ученики смогут когда-либо стать миссионерами. В своем дневнике он записал: «В самом монастыре содержится школа, где полдюжины остяцких и самоедских детей учатся читать и писать по-русски, их обучают также счету и религиозной истории, при этом они привыкают к внешним обрядам культа. Можно бы поддаться вере в то, что эти монастырские ученики или по крайней мере самые одаренные из них будут использованы для распространения и укрепления христианства среди своих земляков, ибо вследствие целенаправленного воспитания они будут годиться на это лучше, чем русские миссионеры, которым трудно изучить язык аборигенов; однако этого нет. Монастырь кажется стремится лишь к тому, чтобы денационализировать доверенных ему учеников и довольствуется привитием им выше-названного небольшого объёма знаний. После окончания курса воспитанник становится в лучшем случае вакцинатором, младшим писцом и т. п. Они отличаются исключительной

²⁸⁶ Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург-Салехард, 2005. С. 279.

²⁸⁷ Там же.

Рис. 2.43. М. С. Знаменский. Кондинский монастырь на реке Большая Обь. Вторая половина XIX в. ТИАМЭ. ТМ-8339

песенностью, что вызывает удивление»²⁸⁸. Исследователь имел основания говорить об этом, поскольку в его отряде были выпускники Кондинского училища. Один из них — Семен Морехов, уроженец с. Чемашево, бегло говорил и писал по-русски, и работал младшим бухгалтером у крупного Берёзовского рыбопромышленника²⁸⁹. Другой выпускник — Михаил Лазарев — работал вакцинатором в с. Большой Атлым²⁹⁰. Однако в 1880-х гг. училище, судя по всему, сильно утратило позиции и оставляло желать лучшего. Епископ сообщал о нём в Синод: «самая школа хотя и существует издавна, но находится в жалком состоянии, нисколько не оправдывая надежды, на нее возложенной, и единственно потому, что нет лиц, могущих с ревностю и умением заниматься обучением детей. Ревизовавший в 1882 г. эту школу протоиерей Попов, в отчете своем, между прочим, донес, что в школе обучалось, по словам настоятеля, до 20 человек: 5 «инородческих» и 15 русских мальчиков, но после ваката²⁹¹, судя по отзыву жителей села Кондинскаго, едва ли будет учиться кто-либо в этой школе. Недовольны все вообще русские и инородцы, что от продолжительнаго обучения в оной (4–5 лет) дети не умеют порядочно ни читать, ни писать, что и подтвердилось. Из числа 5 инородческих мальчиков, находившийся на лицо при настоятеле и, вероятно, лучший не ответил ни на один вопрос. Нельзя было добиться от него что-либо прочесть и пропеть. Таково состояние Кондинскаго монастыря, его миссии и школы. А между тем жертвы правительства на этот монастырь очень значительны и могли бы принести не сомненную пользу, если бы

²⁸⁸ Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Пер. с нем. и публикация д-ра наук Н. В. Лукиной. Томск, 1999. С. 124.

²⁸⁹ См. Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Пер. с нем. и публикация д-ра наук Н. В. Лукиной. Томск, 1999. С. 72, 86.

²⁹⁰ Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Пер. с нем. и публикация д-ра наук Н. В. Лукиной. Томск, 1999. С. 73.

²⁹¹ От лат. Vacation — каникулы

этими жертвами пользовались лица достойные. Но нет никакой надежды на увеличение, а тем более на улучшение состава братии Кондинского монастыря, потому что, находясь на отдаленном севере, среди неприветливой и пустынной местности с суровым климатом, Кондинский монастырь не может привлекать в недра свои желающих терпеть разного рода лишения и выносить борьбу с природою. С этой стороны Кондинский монастырь страшил многих, тем более, что миссионерам неизбежно приходится обращаться с инородцами, ведущими жизнь кочевую и грязную, а в следствие того зараженными большею частью болезнями. Все эти местные условия требуют особенного самоотвержения и нравственной твердости, но людей с таковыми свойствами в среде современного монашества не видится. Только надежда на сравнительно достаточное и безбедное существование среди неприветливого края может еще привлечь туда нужных людей из белаго духовенства, от которых можно было бы ожидать несомненной пользы для миссионерского дела»²⁹². Не видя возможности оставить монастырь в прежнем состоянии, епископ Тобольский предлагал преобразовать его в приходскую церковь и объединить с Шеркальским приходом. Однако пока дело рассматривалось в Синоде, поступило и иное соображение по поводу монастыря. Его внес на рассмотрение новый епископ Тобольский Авраамий. В его рапорте по поводу закрытия монастыря говорилось: «но вместо сего монастыря было бы весьма полезно для местного населения образовать женскую монашескую общину, с тем, чтобы впоследствии с увеличением средств общины открыть здесь женский Кондинский монастырь. Обращение же теперешняго Кондинскаго монастыря в приписную к ближайшему приходскому храму церковь, поведет к совершенному его запустению и разорению, что отразится весьма неблагоприятно на нравственном настроении местного инородческаго населения, которое в течении полутора ста лет, привыкло чтить обитель и собираться в нее для молитвы. На Сибирских громадных пространствах необходимо поддерживать таковые обители в том, или другом виде»²⁹³.

Открыть в Кондинском монастыре женскую общину епископ предлагал на следующих условиях: отправить в Кондинское 15 сестёр, под руководством двух старших монахинь, с назначением одной из них наместницей, а другой — казначеем, с тем, чтобы в ведении хозяйственных и других монастырских дел они находились в подчинении Иоанно-Введенской обители. Епископ считал важным «в виду высокой просветительной цели иночества среди народа, а особенно в настоящей инородческой местности, продолжить существование школы для детей инородцев, поручив обучение и воспитательное руководство их одной из получивших образование сестер»²⁹⁴. По поводу богослужения он писал в своем рапорте: «...в виду того, что православное богослужение, совершаемое благообразно и по чину, несомненно имеет воспитательное значение в религиозно-нравственной жизни христиан, тем более может иметь влияние на инородцев — сих детей природы, иметь при монастыре особаго священника, а пока до приискания средств для его обеспечения обязать священников смежных приходов Шеркальскаго и Малоатлымскаго, по временам в нарочитые дни отправлять богослужение в самой обители»²⁹⁵. Что касается собственно миссионерского дела, то епископ предлагал устроить дополнительно молитвенный дом «с помещением для миссионера в местечке Шуге» и часовню в Наре «так как в этих местах, в разное время года, в значительных

²⁹² РГИА. Ф. 799. Оп. 13. Д. 841. Л. 5–6.

²⁹³ РГИА. Ф. 799. Оп. 13. Д. 841. Л. 13.

²⁹⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 13. Д. 841. Л. 14.

²⁹⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 13. Д. 841. Л. 14–14 об.

Рис. 2.44. Выпускники и преподаватели Обдорской миссионерской школы. 1905 г.
(Фонды Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса имени И. С. Шемановского)

массах сосредотачиваются инородцы язычники». Часть денег, выделяемых для миссионерского монастыря, епископ предлагал потратить следующим образом: «70 руб. на приобретение для миссии особаго чума для зимних миссионерских остановок; 70 руб. на покупку лодки для летних плаваний... 50 руб. назначить на толмача при вновь проектируемом стане, 50 руб. на покупку хлеба для раздачи беднейшим из новокрещенных язычников; 50 руб. на покупку крестиков, иконок, рубах и т.п.; 50 руб. на прогонные расходы; 14 руб. 77 коп. на лекарства»²⁹⁶. В заключении епископ Авраамий отметил: «При таком направлении сего дела и монастырская молитвенная и трудолюбивая жизнь в Кондинской обители не угаснет, и миссия получит большее усиление и распространение»²⁹⁷. Однако дело с решением о преобразовании обители затягивалось, и уже в 1890 г. епископ Тобольский Иустин писал в Синод: «...долг имею сообщить, что в целях миссионерских лучшаго ничего и придумать нельзя, как опустевший Кондинский Свято-Троицкий мужской монастырь обратить в женскую общину, с подчинением ея Иоанно-Введенскому женскому монастырю»²⁹⁸. В своём рапорте епископ Иустин обращал внимание и на то, что дело не терпело отлагательств в силу ряда объективных причин. В послании говорилось: «К сему осмеливаюсь присовокупить, что дело это необходимо ускорить, чтобы с одной стороны, не довести монастырь до совершенного разрушения, когда он потребует громадных средств для возобновления его, а с другой, чтобы воспользоваться силами Иоанно-Введенскаго монастыря, который в настоящее время, в лице своей настоя-

²⁹⁶ РГИА. Ф. 799. Оп. 13. Д. 841. Л. 15 об. -16.

²⁹⁷ РГИА. Ф. 799. Оп. 13. Д. 841. Л. 16 об.

²⁹⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 13. Д. 841. Л. 24.

Рис. 2.45. А. И. Галкин. Фото. Семья ханты около летнего берестяного чума. 1906–1909 гг. (Фонды МПиЧ)

тельницы, и желает и может не только поддержать Кондинский монастырь, но и сделать его лучшим просветительным местом для окружающего его инородческого населения»²⁹⁹. В результате Синод принял решение в мае 1891 г. «Принимая во внимание, 1, что по удостоверению Тобольского епархиального начальства, Кондинский Святотроицкий мужской миссионерский монастырь, Берёзовского округа, пришел ныне в крайний упадок и запустение и миссионерская деятельность его среди местного инородческого населения совершенно прекратилась, по крайней затруднительности приискания благонадежных монахов в столь отдаленную и расположенную в холодном климате обитель, и 2, что совершенное упразднение этого монастыря, или обращение его в приписную к ближайшему приходскому храму церковь не благоприятно отразится на нравственном настроении местного инородческого населения, привыкшаго чтить эту обитель и собираться в нее для молитвы, а между тем ныне представляется полная возможность обратить этот монастырь в женскую общину, с подчинением оной Иоанно-Введенскому женскому монастырю, который выразил желание и имеет возможность не только поддержать общину, но и сделать её лучшим просветительным центром для окружающего инородческого населения, — Святейший Синод согласно с заключением хозяйственного Управления определяет 1, Кондинской Святотроицкий мужской монастырь, Тобольской епархии, обратить в женскую общину с подчинением ей Иоанно-Введенскому женскому монастырю, Тобольской же епархии»³⁰⁰. В дальнейшем делом просвещения учеников Кондинского училища занимались уже сёстры женской общины.

²⁹⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 13. Д. 841. Л. 24 об. – 25.

³⁰⁰ РГИА. Ф. 799. Оп. 13. Д. 841. Л. 32–32 об.

Трансформация религиозных традиций

Изменения в политике правительства в отношении религиозных традиций хантов и других народов Сибири наметились уже в последней трети XVIII в., однако их результаты начали сказываться позднее. На протяжении всего XIX в. и до начала социалистических преобразований 1920-х г. основным содержанием политики в отношении религиозных верований народов Югры продолжала оставаться задача распространения православия в наиболее северные районы и христианизация уже окрещённого населения. Однако сама политика христианизации и её содержание приобрели новые черты. В Сибири была создана сеть миссионерских институтов разных уровней, призванных осуществить дальнейшую христианизацию народов Сибири. Особое внимание уделялось при этом усилению общекультурного воздействия на народы Сибири через систему школьного образования, реформированию системы административного управления и вовлечению их в совместную с русскими хозяйственную деятельность. Всё это вело к усилению русификации народов Югры. Эти мероприятия вместе с усилившимся влиянием русского населения привели к значительному изменению в религиозной ситуации в крае. Те группы хантов и манси, которые приняли крещение в XVIII в. и находились в районах тесного контактного проживания с русским населением, в значительной степени обрусели и почти полностью перешли к православной ритуальной практике. Например, Кодские ханты, особенно подвергшиеся влиянию русской культуры, активно участвовали в православных календарных ритуалах, отмечали праздники Пасху, Троицу и Крещение, Благовещенье, Дни Петра и Павла. Распространено было также почитание православных святых и икон. Из них наибольшей популярностью пользовались Богородица и Св. Николай, иконы которых имелись практически в каждом доме³⁰¹.

Вместе с тем в северных районах проживания хантов их религиозные традиции продолжали сохраняться. По сообщению священника-миссионера Александра Тверина, посетившего кочевье Воркутта в 1868 г., ханты имели духа-покровителя на самом видном месте в каждом доме³⁰². На то, что в районе Обдорска и севернее встречается много некрещёных хантов, обратил внимание обследовавший эти районы в 1914 г. С. И. Руденко. Характеризуя религиозную жизнь Берёзовских хантов, он писал: «Прежде всего, нужно иметь в виду, что все население сев.-зап. Сибири — язычники. Правда все северные вогулы, большинство остяков и незначительная доля самоедов крещены, но о христианстве они имеют гораздо меньшее представление, чем мы об их языческой религии. Здесь не может быть речи о следах языческих верований, а скорее о следах христианства, притом очень слабых, что признается даже местным духовенством. Младенцев крестят, чтобы не получить неприятностей от начальства, некоторые венчаются, и, наконец, дают знать священникам о смерти, чтобы он вычеркнул из списков и отпел. Однако при похоронах священник не присутствует и узнает о смерти нередко через полгода³⁰³.

Между тем, деятельность Обдорской миссии всё-таки сыграла значительную роль по приведению крещёных к православной ритуальной практике и отказу от традиционной. В 1867 г., при объезде прихода, священник Александр Тверитин сообщал, например, что все ханты Войкарских юрт уже были крещены и по прибытии походной церкви 63 человека

³⁰¹ См. Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 78.

³⁰² Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.). Тюмень, 2002. С. 109.

³⁰³ Руденко С. И. Иностранцы нижней Оби. (Этнографический очерк). (Отдельный оттиск из Трудов Общества Землеведения при Императорском Спб, Университете, Том. III). СПб., 1914. С. 12.

Рис. 2.46. Святилище в лесу

пришли исповедоваться³⁰⁴. Даже тот факт, что недалеко от жилищ священники обнаружили божество с богатыми прикладами, не являлся достаточным основанием заподозрить хантов в возвращении к традиционной обрядности. По словам священника, они «единогласно отказались признать то, что они поклонялись божеству и согласились на его сожжение»³⁰⁵.

Некоторые ханты сознательно участвовали в православных ритуалах и воспринимали храм как главное место для ритуальных практик. По сообщению А. А. Дунина-Горкавича, ханты бассейна р. Назым — выходцы из Казымской волости, были мало подвержены влиянию русской культуры. Вместе с тем они выполняли «все церковные требы в с. Малоатлымском, которое располагалось значительно ближе к местам их проживания», чем Полноватская церковь³⁰⁶.

Группы, принявшие крещение позднее, и/или в меньшей степени подвергшиеся влиянию русской культуры, наряду с участием в некоторых православных ритуалах, продолжали совершать жертвоприношения и обряды, связанные с почитанием своих божеств. В качестве иллюстрации к ситуации, при которой обе религиозные традиции мирно сосуществовали в одном небольшом пространстве, можно привести свидетельство священника-миссионера Александра Тверитина. Он писал в своём отчёте о посещении кочевья Воркутта Берёзовского уезда в 1868 г., что если христиане и приверженцы традиционной религии жили

³⁰⁴ Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.). Тюмень, 2002. С. 89, 91.

³⁰⁵ Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.). Тюмень, 2002. С. 91–92.

³⁰⁶ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: в 3-х т. Т. 1. СПб., 1904. С. 86.

Рис. 2.47. Фото. Священный амбар — место пребывания тунхов (духов-покровителей) на священном месте в ю. Кинтусовских. 1911 г. Экспедиция Л. Р. Шульца. ТИАМЗ Тм 15537/122

в одном чуме, то иконы и изображения божеств там тоже мирно соседствовали³⁰⁷. Об определённом проникновении некоторых элементов православной атрибутики (крестов над могилами, иконопочитания) и мифологических сюжетов в религиозные традиции хантов сообщал и С. И. Руденко. Исследователь писал: «... у верховских остяков, начиная от Мулигорга и с. Чемаша, над срубчиком с пищей и имуществом погребенного, на могиле иногда бывает крест... при случае, ставят в церкви свечи, особенно, перед иконой Николая Чудотворца и приносят в церковь по обету жертвы — шкурки зверей, сукна, ткани, подобно тому, как своим богам и духам-покровителям. Остяки, имеющие некоторое представление о христианстве, когда я их спрашивал об их религии... свои рассказы поясняли сравнениями: «нуми-торум», (турум) — это все равно, что ваш бог Отец, «мастер» (урд, ортьих, мирсусне-хум) — это все равно, что Христос, «калтась-торум» — мать мастера — это Богородица, «сяхыл» или «чыхыл торум» — это Илья пророк, «полум торум» — Георгий Победоносец. Этими и ещё несколькими подобными сравнениями и исчерпывались все познания христианского богословия»³⁰⁸. Берёзовские ханты активно участвовали в православных календарных ритуалах, которые по времени совпадали с традиционными и осмысливались именно в контексте традиционных. Благовещенье совпадало с хантыйским Вороньим днем Вурна-хатль, Петров день совпадал с жертвоприношением духам воды в связи с началом интенсивного летнего рыболовного промысла, Ильин день считался праздником оленеводов³⁰⁹.

³⁰⁷ Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.). Тюмень, 2002. С. 109.

³⁰⁸ Руденко С. И. Иностранцы нижней Оби. (Этнографический очерк). (Отдельный оттиск из Трудов Общества Землеведения при Императорском СПб, Университете, Том. III). СПб., 1914. С. 12, 11.

³⁰⁹ См. Мартынова Е. П. Синкретизм Празднично-обрядовой деятельности хантов // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Тезисы докладов. Томск, 1993. С. 165–166; Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 129.

Аналогичная ситуация сложилась в конце XIX вв. и у казымских хантов. Они уже были все крещены, носили нательные кресты и в домах держали иконы. При этом обязанность посещать церкви по великим праздникам воспринималась как своего рода жертвоприношение или угощение «русскому богу». Образы православных святых соотносились с традиционными духами-покровителями. Наибольшим почитанием у них пользовался Св. Николай Чудотворец, популярный и среди русского крестьянского населения Сибири. Хантыйская богиня Калтась, Вен анжки «Большая (т. е. главная) мать» отождествлялась с Богородицей. Калтась пух — сын богини Калтась и Торума, главный покровитель и культурный герой обских угров, соотносился с Христом. Иногда он также отождествлялся и со Святым Георгием, поскольку оба представлялись как всадники на белом коне, и тот и другой — покровители и защитники своей земли и своего народа³¹⁰.

Рис. 2.48. Фото. Изображения духов-покровителей из священного амбара № 2 в ю. Кинтусовских. 1911 г. Экспедиция Л. Р. Шульца. ТИАМЗ Тм 15537/121

Займствуя русскую христианскую традицию, ханты совместили некоторые свои обряды и праздники с христианскими. Они праздновали или, во всяком случае, знали Пасху — *Вэн емынг хатл* — «Большой святой день», Рождество — *Торум сэма питум хатл* «День родившегося бога»; Крещение — *Перна хатл* «День креста». Благовещенье, знаменовавшее начало весны и совпадавшее с Вороньим днем, отмечали в связи с прилётом ворон. В этот день ханты шли в лес, разводили костер, готовили еду и встречали ворон ласковыми словами и угощением. В Петров день, праздник святых апостолов Петра и Павла — *Петропаел*, ханты организовывали моление своим водяным божествам: «Старику вершины Оби» *Ас тый ики*, «Старику Малой Оби» *Ай Ас ики* и «Матушке Воде» — *Йингк анжки*. Очевидно, христианское отношение к апостолу Петру как к покровителю рыбаков и рыбного промысла легко легло на представления хантов о сверхъестественных силах природы, от которых зависит успех в добыче рыбы. Праздновали также День св. Николая — *Микулька хатл*³¹¹.

Ханты Сургутского уезда также испытали значительное влияние христианства, хотя церковь посещали не чаще одного–двух раз в год. Из православных праздников Сургутские ханты знали Рождество, Пасху, Крещение, Петров день, празднование которых сводилось к взаимным угощениям³¹².

³¹⁰ Дмитриева Т. Н. Взаимодействие христианских и традиционных религиозных представлений у казымских хантов // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. С. 121–123.

³¹¹ Там же.

³¹² См. Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 160.

Характеризуя религиозную ситуацию у Салымских хантов, территориально относившихся к группе южных — прииртышских хантов, А. А. Дунин-Горкавич отмечал: «Хотя остяки официально признаны православными христианами, в действительности они только числятся таковыми...почти все они бывают в церкви однажды в год — во время говения. Большинство из них и сейчас убежденные идолопоклонники. Христианство, не проникнув в сознание остяков глубоко, смешалось с языческими воззрениями, в результате чего явились новые религиозные взгляды, представляющие собой смесь христианства и язычества, с преобладанием последнего»³¹³.

Активно участвуя в процессе формирования своей ритуальной практики, народы Югры использовали одни христианские ритуалы и не торопились с другими. Так, демьянские ханты считали, что венчание — обязанность, которую можно и не выполнять, поэтому пары жили невенчанными. Многие воспринимали прежде всего внешнюю — ритуальную сторону религии. Иконы, как и положено, были во всех домах в переднем углу, но и духи-покровители хранились в берестяных коробках или сундуках среди хозяйственных вещей, и их предъявляли, если были уверены, что за это не придется расплачиваться тюремным наказанием³¹⁴.

Наконец, группы хантов, проживавших в труднодоступных местах Берёзовского и Сургутского уездов, удалённых от русских поселений и православных приходов, продолжали следовать религиозным традициям своих предков и сохранять их.

Особенностью религиозной ситуации на этом этапе явилось то, что православие стало восприниматься как своя религия на территории проживания южной группы хантов. Некоторые из них понимали, что происходят серьёзные изменения, и не всегда позитивно оценивали их. К. Ф. Карьялайнен писал с горечью: «Есть некоторая доля правды в ответе, полученном мною от одного остяка: «остяки отреклись от своих старых богов, перестали почитать их, приносить им жертвы, но не сумели умолить русских богов, и потому народ наш умирает»³¹⁵.

7. Народы Югры в объективе научных исследований

Изучение истории и культуры народов Югры, заложенное серией наблюдений путешественников и работой академических экспедиций XVIII в., продолжилось и в XIX в. Как и ранее, значительный вклад в накопление сведений о культуре хантов и манси вносили представители интеллигенции, не являвшиеся профессиональными исследователями. Находясь в Сибири по долгу службы, они активно занимались сбором данных о коренных народах и публиковали свои наблюдения. К числу подобных работ, выполненных на достаточно высоком исследовательском уровне, вполне можно отнести наблюдения штаб-лекаря Василия Николаевича Шаврова, который, длительное время проживая в Берёзове, смог познакомиться с традициями хантов, непосредственно наблюдая их или целенаправленно опрашивая. В 1821 г. В. Н. Шаврову даже удалось присутствовать на обряде почитания одного из божеств — Яляня, который был им подробно описан. Подобные описания в значитель-

³¹³ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: в 3-х т. Т. 1. СПб., 1904. С. 92.

³¹⁴ Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург-Салехард, 2005. С. 319.

³¹⁵ Там же. С. 66.

ной степени восполняли недостаток информации в условиях отсутствия работ исследователей-профессионалов. Копия, сделанная Архиепископом Евгением с рукописи В. Н. Шаврова, была опубликована только в 1871 г.³¹⁶ Другим исследователем-любителем являлся Франц Белявский, который в течение трёх с половиной лет находился в Западной Сибири в качестве члена Врачебной Управы, получив возможность описать жизнь и религиозные традиции хантов северной группы³¹⁷.

Середина XIX в. характеризовалась становлением и бурным развитием этнографии, и отдельные народы оказались в центре научного внимания исследователей, а коренным жителям Югры в каком-то отношении повезло даже больше, чем другим. Являясь представителями финно-угорской группы и языковыми «родственниками» финнов и венгров, они сразу приковали их пристальное внимание. В течение второй половины XIX в. — начале XX в. на территории проживания хантов и манси была проведена серия экспедиций под руководством учёных из этих стран. Большая их часть осуществлялась при поддержке Российской академии наук. Изучение культур представляло собой как сбор материалов по ходу следования экспедиции по определенному маршруту, так и стационарные полевые работы в течение длительного времени на той или иной территории. В ходе этих исследований были собраны богатейшие сведения о материальной и духовной культуре различных групп обских угров, заложена база для комплексного изучения этнографии хантов и манси. Уникальные экспонаты дополнили коллекции и фонды музеев различных городов Венгрии и Финляндии.

Народы Сибири в силу своей экзотики привлекали внимание и других иностранных исследователей. Как правило, это были комплексные исследования, включавшие несколько дисциплин: археологию, физическую антропологию, лингвистику, этнографию и т.д. Интересный материал по культуре народов Югры был получен во время экспедиционных исследований О. Финшем, Х. Ландскеллом, В. Морье, М. Х. Рабо, И. П. Мартином и др. В сборе информации о культуре обских угров активно участвовали и россияне. Создание в стране системы институтов, профессионально занимавшихся сюжетами этнографии, в том числе Российского географического общества, подготовило основу для целенаправленных полевых исследований в среде народов Югры. Их программа включала изучение антропологических типов, языков, домашнего и общественного быта, народных преданий и т.д.³¹⁸ В конце XIX в., особенно после проведения Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., представителями либеральной сибирской интеллигенции активно изучались вопросы численности народов Югры, и была сформулирована «проблема вымирания», которая положила начало изучению этнодемографии³¹⁹. К числу важнейших исследовательских тем, сложившихся в XIX — начале XX вв., следует также отнести изучение языка, фольклора и религиоз-

³¹⁶ См. Шавров В. Н. Краткие записки о жителях Берёзовского уезда // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. Кн.2. (Апр. — Июнь). 1871. V. Смесь. С. 1–21.

³¹⁷ См. Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833.

³¹⁸ Двадцатипятилетие императорского Русского географического общества. СПб., 1872.

³¹⁹ Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования. СПб., 1891. 308 с.; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. 720 с. Головачев П. М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. 300 с.; Серебренников И. И. Заселённость Сибири русскими (На основе материалов Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.) // Сибирские вопросы. 1908. № 7. С. 22–27.

ных традиций народов Югры, которые в условиях развивавшихся процессов ассимиляции испытывали наибольшее давление и угрозу исчезновения.

С середины XIX в. началось целенаправленное изучение обско-угорских языков и фольклора благодаря научным экспедициям лингвистов-угроведов, заложивших традицию сбора произведений устного народного творчества хантов и манси. Одним из первых к изучению хантов обратился финский исследователь Матиас Александери Кастрен. Он провел две долгосрочные экспедиции в 1844 и 1845–49 гг. на территориях проживания хантов в Берёзовском, Тобольском и Сургутском уездах, изучая диалекты³²⁰. Выдающийся финский учёный заложил основу сравнительного финно-угроведения и урало-алтаистики, поставив задачу выявления родственных связей между финским народом и народами России путём сопоставления этнолингвистических материалов³²¹. Объединив данные лингвистики, этнографии, истории и фольклора, М. А. Кастрен обосновал теорию южного происхождения самодийских и финно-угорских народов и выдвинул гипотезу родства уральских и тюркских (алтайских) языков³²². Результаты проведенных исследований, в том числе и интересные данные по религиозным традициям хантов, были опубликованы в ряде работ исследователя³²³.

Одновременно с М. А. Кастреном изучением манси и хантов занимался венгерский филолог Антал Регули. В 1844–45 гг. он провёл экспедицию в районах проживания южных и северных хантов, исследовал диалекты, собирал фольклор. Посетив селение Полуи рода Пастер-нёр в нескольких километрах от Обдорска, учёный записал несколько преданий о предке-охотника на лося Пастер, а в Берёзове, где он записал первую остяцкую песню из уст 70–80-летнего певца, за которой последовали другие. В течение нескольких недель А. Регули записывал тексты песен, порой даже без переводчика. «После того, как я узнал высокую ценность остяцкой поэзии, я решился заполучить все остатки, живущие еще в памяти отдельных стариков...», — писал А. Регули³²⁴. Общее собрание остяцкой народной поэзии, записанное учёным, включает 14 героических песен эпического содержания, полный текст одной медвежьей песни и фрагмент другой. Большая часть героических песен была исполнена Максимом Никиловым, проживавшем на р. Сыгва. Результатом его экспедиционных исследований стало богатейшее собрание текстов, многие из которых исполнялись во время ритуальных действий, содержали информацию о религиозных традициях хантов. К сожалению, А. Регули

³²⁰ Кастрен А. М. Путешествия по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). М., 1860 (Магазин землевладения и путешествий. Т. IV. Ч. 2).

³²¹ Кастрен М. А. Очерки финского племени Севера России // Журнал Министерства Внутренних дел 1853. Т. X–I, № 3, 4; XI–II, № 5; Castren M. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. St.-Ptb., 1857; Кастрен М. А. Военный танец остяков // Этнографический сборник РГО, IV, 1858; Кастрен М. А. Опыт перевода остяцкой грамматики с кратким словарем. СПб., 1849. Тобольск, 1902.

³²² Шегрен А. И. Очерк жизни и трудов Кастрена // Вестник Русского географического общества. СПб., 1853. Ч. 7. Кн. 2; Соколова З. П. Обско-угорская этнография в трудах финских ученых в XIX — начале XX вв. // Народы Сибири: история и культура (Серия «Этнография Сибири»). Новосибирск, 1997. С. 6.

³²³ Castrén M. A. Castrén's Nordische Reisen und Forschungen. Im Auftrage der Kais. Akademie der Wiss. Herausgegeben von Anton Schiefner. Vol. 1–5. Petersburg. 1853–1858; Кастрен М. А. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838–1844 гг. // Этнографический сборник РГО. Вып. 4. СПб., 1858.

³²⁴ Папай Й. Памяти Антала Регули / Пер. с нем. Н. В. Лукиной. Сургут: АИИК «Северный дом», 1993. С. 26.

не успел расшифровать собранный в поле материал, а его преемник — П. Хунвальви не смог этого сделать. Записи А. Регули были переданы в архив Венгерской академии наук в Будапеште. Лишь спустя полвека был найден ключ к их расшифровке представителями следующего поколения венгерских исследователей, в частности, Йожефом Папай³²⁵.

Со второй половины XIX в. начался планомерный сбор этнографического материала по народам Сибири. Создание Русского Географического общества и особенно его Сибирского отдела привело к увеличению числа экспедиций в районы севера Сибири, накоплению данных по культуре народов Югры.

Выдающийся финский филолог, Аугуст Алквист, совершил три экспедиции в 1858, 1877 и 1880 гг., во время которых он собрал богатый лингвистический и этнографический³²⁶ материал в бассейнах р. Тавды, Северной Сосьвы, Лозьвы, Нижней Оби и Конды. Помимо изучения различных диалектов языка манси, он записывал фольклор, фиксировал их музыкальное творчество, вёл фотосъёмку и закупал экспонаты для музея. Во время своих экспедиций А. Алквист вёл путевые заметки, которые планировал опубликовать в финских и шведских еженедельниках и газетах Финляндии. На основе этих заметок в 1885 г. в Хельсинки была издана работа «*Unter wogulen und Ostjaken*» на немецком языке³²⁷. В ней также приведены интересные сведения о некоторых религиозных традициях хантов северной и южной групп, распространении православия и образования среди них³²⁸. Привезённая А. Алквистом в Хельсинки коллекция насчитывает 74 предмета культуры, быта и религии хантов и манси и хранится в Национальном музее Финляндии. Ценность представляют фотоматериалы экспедиции, а также записи мелодий.

Значительным вкладом в изучение религиозных традиций хантов являются сведения, собранные немецким исследователем О. Финшем. В составе экспедиции, направленной в Сибирь Германским Географическим обществом, он в 1876 г., в сопровождении известного зоолога А. Брэма, автора знаменитой книги «Жизнь животных», совершил поездку по Западной и Северо-западной Сибири. Во время путешествия Финшем О. был собран интересный материал по религиозным традициям северных хантов, приведено описание священного места, степени и формах проникновения христианства в их повседневную жизнь. Результатом

Рис. 2.49. Антал Регули

³²⁵ Pápay J. *Osztják népköltési gyűjtemény*. Budapest-Leipzig, 1905.

³²⁶ Ahlqvist A. *Unter Wogulen und Ostjaken. Reisebriefe und Ethnographische Mitteilungen Von Aug. Ahlqvist*. Acta Societatis Scientiarum Fennicae. Vol. XIV. Helsingfors, 1885.

³²⁷ Ibid.

³²⁸ Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / Пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск, 1999. 179 с.

Рис. 2.50. Карл Аугуст Алквист

проведённых исследований стала работа «Путешествие в Западную Сибирь»³²⁹.

Одним из исследователей-профессионалов, изучавших антропологический тип народов Сибири и посвятивших значительное время описанию их религиозных традиций, был Н. Л. Гондатти. В 1885 г. он совершил экспедицию из Тобольска до Берёзова и Обдорска, во время которой, помимо выполнения основного задания, подробно изучал мифологию и ритуальную практику манси и хантов. В его работах приводится интересный материал по священным местам, культу медведя, ритуальной практике, шаманству³³⁰. Территории, исследованные Н. Л. Гондатти, в основном только земли расселения северных групп хантов и манси — бассейны рек Северная Сосьва, Сыгва и Казым. Зачастую он описывал религиозные традиции, не делая разделения между хантами и манси. Кроме того, по признанию самого исследователя, он собирал сведения отрывочные у значительного числа людей, которые потом приводил в порядок, в результате трудно определить, насколько те или иные представления характерны для рассматриваемого времени и места, а насколько — результат обобщения исследователя. И, наконец, как это характерно для многих этнографов, Н. Л. Гондатти

обращал внимание исключительно на элементы традиционные — дохристианские, игнорируя черты христианства, проникшие в повседневную жизнь народов Сибири. В частности, он писал, что, несмотря на то, что все крещены, они «по-прежнему, почти все без исключения, также верят в своих богов, также приносят им жертвы, также почитают своих шаманов, как это делали до принятия христианства; вся разница только в том, что теперь они стараются все обряды совершать потихоньку, скрываясь, главным образом, от духовного и светского начальства и опасаясь, как-бы оно не взыскало и не наложило-бы за это какой-нибудь пени, чего они боятся больше всего»³³¹. Исследователем была предложена классификация жертвоприношений. Исследуя религиозные традиции хантов, он выделил две группы жертвоприношений: «случайные» и «постоянные». «Случайные», по Гондатти, «находились в зависимости от каких-нибудь случайных причин и от большего или меньшего усердия инородцев». «Постоянные» являлись обязательными и совершались весной — перед началом рыбной ловли; ранней осенью — после её окончания; поздней осенью — перед отправкой на зимнюю охоту, и затем по возвращении с неё и «в других, тому подобных случаях»³³².

³²⁹ Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О Финша и А. Брэма. М., 1882.

³³⁰ Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888; Гондатти Н. Л. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888.

³³¹ Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888. С. 5.

³³² Там же. С. 10.

Рис. 2.51. Николай Львович Гондатти

В 1888–1889 гг. для расшифровки записей А. Регули и дальнейшего изучения мансийского языка и фольклора Венгерская академия наук направила в экспедицию Б. Мункачи, который, занимаясь преимущественно изучением мансийского языка и фольклора, попутно вёл записи и по хантам, обращая особое внимание на формы их клятв³³³. По материалам, собранным Б. Мункачи, были подготовлены четыре тома мансийского фольклора и комментарии к ним, публикация которых на венгерском языке заняла многие десятилетия³³⁴. Два из них были изданы Б. Кальманом после смерти Б. Мункачи.

Начало полноценному научному собиранию, изданию хантыйского фольклора и исследованию на его основе этнической истории хантыйского народа в России положено С. К. Паткановым. В 1886–1887 гг. в качестве государственного служащего Министерства госимуществ

³³³ Munkácsy B. Magyar-osztják esküformák // Ethnographia. 1898. 9. 91. I [на венг. яз.]

³³⁴ Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. I. Regék és énekek világ teremtéséről. Vogul szövegek és fordításaik tárgyi és nyelvi magyarázatokkal. Budapest, 1892–1902; Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. II/1. Istenek hősi énekei, regéi és idéző igéi. Vogul szövegek és fordításaik. Budapest, 1892; Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. II/2. Istenek hősi énekei, regéi és idéző igéi. Vogul szövegek és fordításaik. Tárgyi és nyelvi magyarázatok. Szómutató. Budapest, 1892–1921; Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. III/1. Medveénekek. Vogulscövegek és fordításaik. Budapest, 1893; Munkácsi B., Kálmán B. Manysi (vogul) népköltési gyűjtemény. III/2. Medveénekek. Tárgyi és nyelvi magyarázatok. Szómutató. Budapest, 1952; Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. IV/1. Vogul szövegek és fordításaik. Budapest, 1896; Munkácsi B., Kálmán B. Manysi (vogul) népköltési gyűjtemény. IV/2. Fejezetek az obi-ugor népköltéséséről. Nyelvi és tárgyi magyarázatok. Szómutató. Budapest, 1963 [манс. тексты с венг. пер. с комментариями и словарями].

он был командирован в Тобольскую и Томскую губернии для сбора статистических данных и исследования экономического положения населения. Круг обязанностей, вменяемых ему государственной службой, позволил наблюдать за жизнью остяков и вогулов. Особенно привлекла его внимание эпическая поэзия остяков. «Я не владел в то время остяцким языком, поэтому большую часть героических сказаний записывал на русском и должен был следить за тем, чтобы в этом виде они не потеряли половины своего своеобразия и привлекательности», — писал С. К. Патканов об этом периоде своих исследований³³⁵. Изучив язык иртышских остяков по грамматическим работам М. А. Кастрена, он вновь отправился в Тобольскую губернию в мае 1888 г. для сбора образцов поэзии остяков — сказок, былин, героических сказаний, медвежьих песен, гимнов, молитв, лирических песен, загадок, а также мелодий. Большая часть текстов, записанных С. К. Паткановым, происходит из бассейна р. Конды и Демьянки и представляет собой образцы кондинского диалекта хантыйского языка³³⁶. Исследователь датировал собранные тексты XIV–XVI вв. на основании того, что в них не было упоминаний о татарах и русских. Связав народный эпос с историей народа, С. К. Патканов предпринял попытку реконструировать жизнь остяков этого периода³³⁷. За эту работу ему присуждена Малая золотая медаль Императорского русского географического общества, членом которого он являлся.

В конце 1880–х гг. в изучении фольклора и религиозных традиций хантов принял участие венгерский этнограф и антрополог Кароль Папай. В 1888–89 гг. он провёл полевые исследования среди восточных групп хантов, проживавших в бассейнах рр. Юган, Аган, Тромъеган, Васьюган и Вах, собрав серию остяцких и остяко-самоедских героических сказаний и сказок. К сожалению, исследователь записал их не в оригинале, а уже в переводе на венгерский язык³³⁸. Особенно ценны материалы, записанные им в бассейне рр. Вах и Васюган, как наиболее ранние. Ученый также собрал коллекцию вещей для музея, сделал большое количество фотоснимков. Некоторые материалы проведенных исследований были опубликованы³³⁹. Однако значительное количество материала, собранного К. Папай, до сих пор остаётся не опубликованным.

Традиции ссыльных шведов в деле сбора этнографических данных по Сибири были продолжены В. В. Бартевым, проведшим 4 года в ссылке в Обдорске с 1890 по 1894 гг. Как и многие интеллектуалы, оказавшись в Сибири, он посвятил себя изучению края и быта его населения. Несмотря на то, что произведения В. В. Бартева написаны не совсем в традициях этнографических описаний, в них приводятся интересные сведения о религиозных традициях хантов, собранные им в Обдорском крае³⁴⁰.

³³⁵ Патканов С. К. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Остяцкая молитва. Тюмень, 1999. С. 207.

³³⁶ Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoese. S.-Ptb., 1897. B. 1. 302 s.; Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoese. S.-Ptb., 1900. B. 2. 113 s. [на нем. яз.; на нем. языке с нем. и рус. пер.]; Патканов С. К. Остяцкая былина про богатырей города Эмдера // Живая старина. СПб., 1892. Вып. 1. С. 92–97; Патканов С. К. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Остяцкая молитва. Тюмень, 1999. С. 209–210.

³³⁷ Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям. 1891. В этом же году статья была тиражирована отдельным оттиском, но уже под названием «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям».

³³⁸ Папай Й. Памяти Антала Регули / Пер. с нем. Н. В. Лукиной. Сургут, 1993. С. 41.

³³⁹ Rápai K. A vogulok-és osztjákoknál. Ethnographia I. Budapest, 1890. 117–130.

³⁴⁰ Бартев В. В. На крайнем Северо-западе Сибири: очерки Обдорского края. СПб., 1896; Бартев В. В. Погребальные обычаи обдорских остяков // Живая старина. 1895. Вып. III–IV. С. 487–492; Бартев В. В. Понятие Обдорских остяков о грехе // ЕТГМ. 1895. N5,4.

В 1891 г. этнографическим изучением восточных хантов занимался шведский антрополог и археолог Ф. Р. Мартин. Материалы его экспедиции, содержащие уникальные данные о религиозных традициях хантов Югана и распространении православия у них, были опубликованы в 1897 г.³⁴¹. Помимо изучения культуры хантов, исследователь вёл активную фотосъёмку и сбор экспонатов для музейных коллекций Стокгольма.

Значительный интерес представляют исследования венгерского ученого Йожефа Папай, который в течение целого года (с июня 1897 по июнь 1898 г.) изучал культуру хантов, проехав по территории их проживания от Тобольска до Обдорска. Й. Папай записывал фольклор, изучал религиозные традиции, посещал священные места и имел возможность присутствовать во время жертвоприношений. В рыбацких селениях на Большой Оби учёный записал серию героических песен в исполнении старика Сиборова из Кунжола и Николая Селимова из рода Паштэр. Благодаря его и другого исполнителя — Грегория Торыкоптина из Ас-Корта — помощи Й. Папай удалось не только понять песни, записанные его предшественником А. Регули полвека назад, но и в целом оценить остяцкую мифологию. Й. Папай записал героические песни, сказки, заклинания божеств и заговоры в исполнении Г. Торокоптина и межвежья песни в исполнении Василия Микишкина. В истоках р. Вогулки он наткнулся на диалект, который был ближе всего к хантыйским песням, записанным А. Регули, здесь с ним работал информант из Вош-пиртым корта.

Изучив все северные диалекты, Й. Папай выбрал метод косвенной расшифровки: на основе своих собственных текстов он транскрибировал и здесь же на месте перевел на венгерский язык три героические песни из хантыйских записей Регули. К сожалению, из-за ухудшения здоровья он вынужден был вернуться в Венгрию, где он рассчитывал издать героические песни, собранные А. Регули, а потом и свой собственный материал. Однако из наследия А. Регули ему удалось издать только четыре героические и одну медвежью песню³⁴². Остальное он переписал в фонетической транскрипции, перевел на венгерский язык и подготовил к печати³⁴³. Из собственных материалов Й. Папай смог опубликовать одну медвежью песню³⁴⁴ и четыре «формы заклинания богов»³⁴⁵. При его жизни вышла также книга по изучению северохантыйского языка на приуральском и шурышкарском диалектах³⁴⁶. В статье, посвященной А. Регули, ученый привел интересные данные по религиозным традициям хантов³⁴⁷.

³⁴¹ Martin F.R. *Sibirika. Ein beitrage zur kenntnis der Vorgeschichte und Kultur Sibirischer Völker mit unterstützung des schwedischen staates herausgegeben von F. R. Martin.* Stockholm, 1897.

³⁴² Pápay J. *Osztják népköltési gyűjtemény.* Budapest; Leipzig, 1905 [хант. тексты с венг. и нем. пер.].

³⁴³ Reguly A., Pápay J. *Osztják (chanti) hősénekek I. (Reguly-könyvtar 1) / Közzéteszi Zsirai Miklós.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1944; Reguly A., Pápay J. *Osztják (chanti) hősénekek II / Közzéteszi Zsirai Miklós.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1951. [хант. тексты с венг. и нем. пер.]; Reguly A., Pápay J. *Osztják (chanti) hősénekek III. (1. Füzet) / Zsirai Miklós Hagyateka... közzéteszi Fokos Dávid.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963; Reguly A., Pápay J. *Osztják (chanti) hősénekek III. (2. Füzet) / Zsirai Miklós Hagyateka... közzéteszi Fokos Dávid.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. [хант. тексты с венг. и нем. пер.] Pápay J. *Osztják nagyatéka. Hősi énekek. I–VI / Közzéteszi Vértes E.* Debrecen, 1990–1995; Pápay J. *Osztják nagyatéka (Probafuzet) / Közzéteszi Vértes E.* Debrecen, 1988. I. [хант. тексты с венг. пер.].

³⁴⁴ Pápay J. *Osztják népköltési gyűjtemény.* Budapest; Leipzig, 1905 [хант. тексты с венг. и нем. пер.].

³⁴⁵ Ibid.

³⁴⁶ Pápay J. *Északi-ossztjak neylotanuelmanuok.* Budapest, 1910 (1955).

³⁴⁷ Папай Й. Памяти Антала Регули // Божество слова. Йожеф Папай. «Памяти Антала Регули». Пер. с нем. Н. В. Лукиной. Сургут, 1993.

Рис. 2.52. Йозеф Папай

Наследие Й. Папай — это разнообразный в жанровом и сюжетном отношении фольклорный материал, сопровождаемый примечаниями мифологического характера, этнографические записки, грамматические примечания и северо-остяцкий словарь³⁴⁸.

Одновременно с Й. Папай полевые исследования на территории проживания южных и восточных хантов проводил венгерский этнограф Янош Янко. Им был собран богатейший этнографический материал в бассейнах рек Иртыш, Демьянка, Юган, Салым и Обь. При этом Я. Янко не пропустил ни одной юрты по ходу следования экспедиции. К сожалению, информация, собранная учёным, так и остаётся недоступной отечественному читателю, поскольку единственная публикация его материалов, собранных в 1898 г., была осуществлена лишь в 2000 г. на венгерском языке³⁴⁹.

Финский этнограф Ууно Таави Сирелиус совершил две долгосрочные экспедиции с целью изучения культуры обских угров в 1898 и 1899–1900, посетив среднеобских, васюганских и ваховских хантов, побывав на Средней и Нижней Оби и их притоках Б. Юган, Аган, низовьях Тром-Егана, Салыма, Северной Сосьвы и Ляпина, а также на Ир-

тыше и Конде. Результатами этих путешествий стали 34 тетради с записями и рисунками, касающимися различных сторон традиционного уклада обских угров (хозяйственных занятий, жилищ и построек, искусства, ремёсел); коллекция из 1418 предметов их культуры и быта (одежда, обувь, рукавицы, пороховницы, берестяные и деревянные изделия, берестяная утварь, орудия труда, макеты рыболовных ловушек и снарядов, шаманская атрибутика, ножи и ножны и т. д.); а также уникальная коллекция из 456 фотографий типов хантов и манси и их культуры. Все эти коллекции хорошо документированы и хранятся в Национальном музее Финляндии³⁵⁰. Ученый также изучал способы рыболовства, типы жилищ, домашние занятия, орнаменты обских угров и их религиозные традиции³⁵¹.

³⁴⁸ Архив рукописей Венгерской академии наук, № MS. 10 202/1–28. [хант. тексты с венг. и нем. пер.].

³⁴⁹ Janko J. Utazás Osztjakfoldre 1898. Neprajzi Museum. Budapest, 2000.

³⁵⁰ Соколова З. П. Обско-угорская этнография в трудах финских ученых в XIX — начале XX вв. // Народы Сибири: история и культура (Серия «Этнография Сибири»). Новосибирск, 1997. С. 7.

³⁵¹ Sirelius U. T. Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völker: Eine Vergleichende ethnographische Untersuchungen. Helsingfors, 1906; Sirelius U. T. Über die primitive Wohnungen der finnischen und obugrischen Völker. Helsingfors, 1910; Sirelius U. T. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen // ISFOU XXII. Helsingfors, 1904; Sirelius U. T. Ornamenten auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen // ISFOU. XI. Helsingfors, 1904; Sirelius U. T. Reise zu den Ostjaken / Übersetzt und herausgegeben von I. Schellbach. Helsinki, 1983; Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / Пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск, 2001. 344 с.

Более 20 лет своей жизни посвятил изучению языка и культуры обских угров лингвист и этнограф К. Ф. Карьялайнен, имевший также хорошую историческую подготовку. Начало его исследованиям было положено экспедицией в 1898–1902 гг. В 1898 г. он побывал на Иртыше и Конде, в 1899 г. — у хантов Ваха, зимой 1900–1901 гг. работал на Средней Оби (Сургут, Александров, Лунпокольское), летом 1901 г. — на Васюгане, затем на Нижней Оби и в низовьях Казыма, в 1902 г. — на Нижней Оби (Обдорск), на обратном пути — на Оби между Берёзовым и Самаровым, а также на Иртыше. В итоге им был записан материал по 16 выделенным им диалектно-этнографическим группам, фольклорные тексты и мелодии (на фонограф).

Результатом почти пятилетних исследований (1898–1902) на территории проживания хантов и манси стала фундаментальная работа, первая в своем роде «Религия Югорских народов»³⁵². Во время путешествия К. Ф. Карьялайнен не только осуществлял фотосъёмку жертвоприношений и предметов культа, но и старался глубже познакомиться с мировоззрением народов. Одним из первых К. Ф. Карьялайнен обратил внимание на то, что культура хантов и их религиозные традиции испытали не только значительное влияние со стороны русских, но также татар на юге, пермских народов (в основном зырян) с запада, кочевых тунгусов с востока и самоедов³⁵³. Таким образом, он вплотную подошёл к постановке проблемы религиозных изменений у хантов, однако в фокусе его исследований была именно аутентичная религия хантов.

Другой проблемой, поднятой К. Ф. Карьялайненом, является история христианизации хантов и манси. Во вступительной статье к работе «Религия Югорских народов» им были высказаны следующие положения: первые попытки крещения были направлены на знать; часть князей была крещена принудительно, часть добровольно; побудительным мотивом крещения были преимущества, предоставляемые государством; народ в целом враждебно относился к принявшим крещение; только приказ 1710 г. активизировал крещение; с этого времени крещение порой встречало сопротивление, которое было сломлено; в качестве методов, побуждавших креститься, использовались не только убеждение, но и принуждение и угрозы³⁵⁴. К. Ф. Карьялайнен обратил внимание и на распространение ислама среди хантов. Он считал, что татары, особенно в местах контактного проживания с хантами, сыграли важную роль в качестве проводников религиозных представлений, связанных с исла-

Рис. 2.53. Ууно Таави Сирелиус

³⁵² Karjalainen K. F. Die Religion Der Jugra-Völker. Porvoo, 1922.

³⁵³ В данной работе ссылки приводятся по изданию на русском языке, подготовленному и опубликованному Н. В. Лукиной. См. Карьялайнен К. Ф. Религия Югорских народов. В 3-х т. Перевод с немецкого и публикация д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. Томск. Т. I. 1994. С. 17, 22.

³⁵⁴ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 1. С. 20–22.

мом, следы которых были отмечены исследователем. Кроме того, до 1580-х гг. Сибирским ханством проводились небезуспешные попытки распространения ислама среди иртышских хантов³⁵⁵. Вместе с тем, наиболее ценными, на наш взгляд, являются собственно сведения о религиозных традициях хантов, которые Карьялайнен наблюдал лично или получал от информантов по всей территории расселения хантов. Надо отметить, что столь обширной по информативности и географическому охвату работы не создавалось ни до, ни после. Вместе с тем, именно в этих исследованиях видно, что они были подготовлены не историком, а филологом. Многие описания хронологически и географически не привязаны. Зачастую видна тенденция к объединению различных явлений и распространению того, что описано на примере манси, на хантов и наоборот. Являясь представителем плеяды исследователей, воспитанных на идеях эволюционизма, К. Ф. Карьялайнен в изучении религиозных традиций хантов и манси видел возможность реконструировать историю религиозных традиций других финских народов, и, прежде всего, самих финнов. Характеризуя религиозные традиции хантов, исследователь писал, что они «...смогли сохранить в большинстве обрядов и обычаев ту раннюю ступень развития, которая у более развитых соплеменников погребена под более поздними пластами, а часто и совершенно исчезла»³⁵⁶. Помимо подготовки фундаментального труда по религии народов Югры, К. Ф. Карьялайнен собрал коллекцию по этнографии хантов для Национального музея Финляндии в г. Хельсинки, которая включает 79 предметов: одежду, меховые мешки, варганый музыкальный инструмент, курительные трубки, предметы культа; 122 фотографии, отражающие типы одежды, обуви, головных уборов, украшений, а также жилых и хозяйственных построек, религиозные обряды и промыслы³⁵⁷. Неразобранный архив К. Ф. Карьялайнена хранился в Финно-угорском обществе в Хельсинки, и лишь в 1975 г. его записи и мелодии были обработаны и изданы³⁵⁸.

Одновременно с К. Ф. Карьялайненом полевые исследования на территории Югры проводил другой финский филолог, Хейки Паасонен. Во время экспедиции 1900–1902 гг. он занимался изучением говоров и религиозных традиций южных (р. Конда) и восточных (р. Юган) хантов, записал огромное количество фольклорных текстов, содержащих информацию о ритуальной практике. О его информантах известно только то, что он «нашел в деревне Демьянское одного остяка из деревни Каменские юрты, расположенной в устье Конды, который был известен как отличный знаток сказок». Х. Паасонен работал с ним до конца февраля 1901 г. Этот информант перепроверил также тексты, записанные Паасоненом в Чингалинских юртах. Результаты проведенных исследований частично были опубликованы вскоре после окончания экспедиционных работ³⁵⁹. Что касается собрания фольклорных текстов, то они были подготовлены к печати только в конце XX в. венгерским исследователем Едит Вертеш³⁶⁰.

³⁵⁵ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 1. С. 23.

³⁵⁶ Там же. С. 15.

³⁵⁷ Соколова З. П. Обско-угорская этнография в трудах финских ученых в XIX — начале XX вв. // Народы Сибири: история и культура (Серия «Этнография Сибири»). Новосибирск, 1997. С. 8.

³⁵⁸ Karjalainen K. F. Südostjakische Textsammlungen / Neu transkrib. bearb. und herausg. von E. Vértes. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1975. B. I. 256 s. [на нем. языке, хант. тексты с нем. пер.]; Vaisänen A. O. Wogulische und Ostjakische Melodien / Phonographisch aufgenommen von A. Kannisto und K. F. Karjalainen; herausg. von A. O. Vaisänen. Helsinki, 1937. 378 s. [на нем. языке].

³⁵⁹ Paasonen H. Ueber die Ursprunglichen Seelenvorstellungen bei den finnisch-ugrischen Volkern // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1909. XXVI.

³⁶⁰ Paasonen H., Vértes E. Südostjakische Textsammlungen I–IV. Memoires de la Societé Fenno-ougrienne 172–175. Helsinki, 1980; Paasonen H. H. Paasonens südostjakische Textsammlungen / Neu transkrib., bearb.,

В 1901–1902, 1902–1904 гг. ещё одним финским ученым А. Каннисто собран значительный лингвистический и этнографический материал у разных групп манси и среднеобских хантов³⁶¹. Работая на Пелыме, Лозье, Тавде, Конде, Северной Сосьве, Ляпине и Оби, он изучал мифологию манси, а в Тобольском архиве получил сведения по демографии манси. Ученый также собрал значительную коллекцию из 569 предметов быта манси, вёл фотофиксацию. Большая часть материалов А. Каннисто вошла в семитомное издание³⁶².

Отечественные исследователи в основном записывали фольклор хантов на русском языке³⁶³. В 1910 г. интересный материал по культуре васюгано-ваховских хантов собрал этнограф А. В. Андрианов³⁶⁴. Внимание исследователей было, как правило, направлено лишь на сюжетную сторону устного народного творчества хантов и манси, которое собиралось бессистемно, эпизодически, только на русском языке и в небольших количествах.

В сборе фольклорных и этнографических данных и их анализе большая заслуга принадлежала С. К. Патканову. Он проводил сбор статистических и хозяйственных данных на территориях проживания южных хантов. Встречи и общение с венгерскими филологами Бернхардтом Мункачи и Каролем Папай, занимавшихся изучением культуры манси и хантов, вероятно, повлияло на формирование научных интересов С. К. Патканова. На основе собранного фольклорного материала и личных наблюдений им был опубликован ряд работ, содержащих интересный материал о религиозных традициях южной группы хантов³⁶⁵. Изучая жизнь хантов, С. К. Патканов обратил внимание на значительное восприятие ими именно внешней ритуальной стороны православия, проникновение христианских сюжетов в мифологию хантов. Интересно наблюдение исследователя об активном участии хантов в развитии религиозных традиций и восприятии определенных элементов из чисто прагматических соображений. Характеризуя феномен мирного сосуществования элементов различных религиозных традиций в жизни хантов, он писал: «В этом единстве двух религий остяки находят некоторые преимущества для себя. Во-первых — потому что в таком случае ни христианский Бог, ни их собственные божки не могут остаться безучастными к людям,

übers. und herausg. von E. Vértes. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1980. Bd. I–IV. [на нем. языке, хант. тексты с нем. пер.]

³⁶¹ Kannisto A. Über die wogulische Schauspielkunst // FUF. Helsinki, 1906. VI. 1–3. S. 213–237; Kannisto A. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen in Lichte der Ortsnamenforschung // FUF. Helsinki, 1927. XV. 1–3; Kannisto A. Zur Etymologie des Völkernamens Ostjake // MSFOU. Helsinki, 1928. LVIII. S. 417–440.

³⁶² Kannisto A., Liimola M. Wogulische Volksdichtung. Helsinki, 1951. Bd. 1; 1955. Bd. 2; 1956. Bd. 3; 1958. Bd. 4; 1959. Bd. 5; 1963. Bd. 6 [манс. тексты с нем. пер.]; Kannisto A., Liimola M., Eiras V. Wogulische Volksdichtung. Helsinki, 1982. Bd. 7 (словарь к комментариям 1–6 томов).

³⁶³ Потанин Г. Сказка с двенадцатью персонажами. Двенадцать учеников // Этнографическое обозрение. 1903. № 1. С. 10–11; Батурич М. Два брата. Остяцкая легенда // Живая старина. СПб., 1907. Вып. IV. Кн. 64. С. 83–87; Садовников Г. Богатырь реки Сабуна, правого притока Ваха // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1912. Вып. XX. С. 1–6.

³⁶⁴ Соловьева К. Ю. Неопубликованные коллекции А. В. Андрианова по культуре васюгано-ваховских хантов в собрании Российского этнографического музея // Коренные народы. Нефть. Закон: Сб. тез. докл. Межд. конф. (23–25 марта 1998 г., г. Ханты-Мансийск). М., 1998. С. 40.

³⁶⁵ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. СПб., 1891; Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. 3–4. СПб., 1891. С. 85–116, 67–108; Патканов С. К. По Демьянке. (Бытовой и экономический очерк) // Записки Зап-Сиб. Отд. РГО. Кн. XVI. Вып. II–III. С. 1–64; Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. Vol. 1–2. Spb., 1897.

Рис. 2.54. Александр Александрович Дунин-Горкавич

и, во-вторых, в такой ситуации боги обязательно должны быть старательными, чтобы получить расположение остяков. Поскольку остяк может и бросить не очень старательного бога»³⁶⁶.

В конце XIX — начале XX вв. изучением Тобольского севера занимался выдающийся исследователь А. А. Дунин-Горкавич. Результаты его научной деятельности в крае были опубликованы в фундаментальном трехтомном труде «Тобольский Север»³⁶⁷. Основной задачей, стоявшей перед А. А. Дуниным-Горкавичем, было описание экономического состояния губернии, однако он не ограничился этим и собрал значительный материал по этнографии населения края, в том числе и религиозных традициях хантов. В его работе приводятся сведения по священным местам и ритуальной практике хантов, шаманстве. Он не только описал то, чему сам являлся свидетелем, но и собирал рассказы других очевидцев. Таким образом, в работах А. А. Дунина-Горкавича содержится уникальный материал, собранный по всей территории проживания хантов. Опи-

сания А. А. Дунина-Горкавича стали важным источником для реконструкции религиозных традиций и изменений у хантов на рубеже веков. Эти описания, правда, относятся исключительно к Сургутскому уезду. Особенно ценным в описаниях А. А. Дунина-Горкавича является то, что исследователь с точностью, присущей естественнику, указывал дату и место того или иного описываемого им события или, если он приводил его со слов другого очевидца, всегда указывал, кто именно стал источником информации. А. А. Дунин-Горкавич не только собирал материал, но и анализировал его. В частности, исследователь предложил разделить все обряды, совершаемые хантами на три основные группы: обряды, сопровождающие жертвоприношения; обряды при погребении; обряды, совершаемые при отправке на промысел³⁶⁸. И хотя эта классификация не может рассматриваться как удачная, поскольку жертвоприношение может входить и в цикл погребальных обрядов, а погребальные — в цикл семейных или переходных. Тем не менее, сама попытка структурирования обрядовой практики являлась важным шагом на пути развития историографической традиции.

Одной из последних, завершивших серию этнографических экспедиций на Север середины XIX — начала XX вв., стала поездка С. И. Руденко в Берёзовский край в 1914 г. по заданию этнографического отдела Русского Музея. Им были тщательно обследованы территории прожи-

³⁶⁶ Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. Vol.1. Spb., 1897. P. 98.

³⁶⁷ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: В 3-х т. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. Спб., Тобольск, Т. 1., 1904, Т. 2., 1910, Т. 3., 1911.

³⁶⁸ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: в 3-х т. Т. 1. СПб., 1904. С. 95.

вания северной группы хантов, собран уникальный материал по их религиозным традициям, ритуальной практике, культовым объектам, степени распространения православия³⁶⁹.

В последующие годы, вплоть до начала активных военных действий на Тобольском Севере в 1919 г., исследования проводились силами сотрудников Тобольского губернского музея и имели задачей обследование бассейнов отдельных рек — притоков Оби. Так появились интересные отчёты Б. Н. Городкова о поездке по р. Салым; Г. М. Дмитриева-Садовникова — о поездке по рр. Вах и Надым; В. Пигнатти — по Конде; Л. Р. Шульца по Салыму; И. Н. Шухова по Оби, Щучьей и Казыму, в которых содержатся ценные этнографические описания материальной и духовной культуры народов Югры, в том числе о религиозных традициях хантов, степени проникновения православия в их жизнь³⁷⁰.

Эпоха интенсивных этнографических исследований на территории Югры закончилась с началом Первой мировой войны. Последней комплексной экспедицией начала века стала поездка С. И. Руденко по территории Берёзовского края в 1914 г. Революция и Гражданская война, последовавшие после выхода России из Первой мировой, партизанские бои, охватившие территорию Тобольского севера с 1919 по 1921 гг. прервали активно развивавшееся этнографическое изучение края. Более того, обстоятельства политической изоляции Советского государства, а потом и самоизоляция привели к тому, что традиции этнографического изучения народов Югры, заложенные венгерскими и финскими исследователями, оказались прерванными, а собранные ими материалы — недоступны для отечественных ученых, как и само общение между ними на долгие десятилетия.

³⁶⁹ Руденко С. И. Иностранцы нижней Оби. (Этнографический очерк). (Отдельный оттиск из Трудов Общества Землеведения при Императорском Спб, Университете, Том. III). Спб., 1914.

³⁷⁰ См. Городков Б. М. Поездка в Салымский край // ЕТГМ. Тобольск, 1913. Вып. 21. С. 1–100; Дмитриев-Садовников Г. М. С реки Ваха Сургутского уезда // ЕТГМ. Тобольск, 1911. Вып. 19. С. 1–21; Дмитриев-Садовников Г. М. Богатырь реки Сабун // ЕТГМ. Тобольск, 1912. Вып. 20; Дмитриев-Садовников Г. М. На Вахе // ЕТГМ. Тобольск, 1916. Вып. 26. С. 1–15; Дмитриев-Садовников Г. М. Река Надым. // ЕТГМ. Тобольск, 1917. Вып. 28. С. 1–24; 1918. Вып. 29. С. 25–43; Пигнатти В. Краткое сообщение о поездке на р. Конду (Меньше-Кондинская волость Тобольского уезда) летом 1910 г. // ЕТГМ. Тобольск, 1910. Вып. 20. С. 1–15; Шульц Л. Р. Очерк Кондинского края // Урал. 1926. Вып. 8. С. 19–58; Шульц Л. Р. Салымские остяки (Из материалов к этнографии южных остяков) // Записки Тюменского общества научного изучения края. Тюмень, 1924. Вып. 1. С. 166–200.

Глава 2

Демографические и социальные процессы в среде русского населения в XIX — начале XX вв.

1. Изменения в составе русского населения Югры

Вопросы о составе населения и количестве местных жителей относятся к числу важнейших для региональной истории. Освоение Северо-Запада Сибири в XIX — начале XX вв. было связано как с деятельностью коренного, так и русского населения. Изначально ядро последнего составляли служилые казаки и ямщики. Их численность не была неизменной. Согласно данным Ю. А. Гагемейстера, русское население Сургутского уезда в 1797 г. насчитывало 148 мужчин и 160 женщин. Для Берёзовского уезда численность русских была несколько выше: 306 мужчин и 319 женщин³⁷¹.

По сведениям Баккаревича, в начале XIX в. в Берёзове и Сургуте податное население (с разночинцами) составляло 324 души мужского пола³⁷². В 1820-е гг. на службе в Берёзове состояло 171, а в Сургуте 168 казаков³⁷³. Они не платили податей. Сургут в 1804–1866 гг. был лишен городского статуса, временно став селом. В нём, кроме команды казаков, жили государственные крестьяне, купцы, мещане. Их численность постепенно росла. К 1850 г. здесь было 320 человек государственных крестьян (163 мужчины и 157 женщин), 192 человека мещан (88 мужчин и 104 женщины), а также 11 купцов. В дополнение к ним, из числа русских жили, обычно с семьями, священнослужители, администрация, отставные, ссыльные³⁷⁴.

С развитием рыночных отношений усиливались миграционные процессы. Из городов, как административных центров, в подведомственные им уезды нарастал поток переселенцев, часть мигрантов перебиралась на Тобольский Север из южных территорий. Массовым переселениям препятствовали природно-климатические условия, а также поли-

³⁷¹ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Часть 1. СПб., 1854. С. 58.

³⁷² Баккаревич М. Н. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810. С. 273–274.

³⁷³ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 44.

³⁷⁴ Очерки истории Сургута. Сургут, 2002.

Рис. 2.55. Неизвестный художник. Обратный ямщик. 1859 г. (Из фондов Государственного Эрмитажа)

тика имперского правительства, оберегавшего охотничьи и рыболовные угодья ясачного населения от посягательств со стороны пришельцев. Для того чтобы русским поселиться на аборигенных землях, нужны были веские основания, например, постройка храмов, миссионерская деятельность духовенства. Одновременно верховная власть была озабочена малолюдностью отдалённых северных земель. В 1822 г. для увеличения числа местного населения обыватели Берёзовского округа освобождаются от рекрутской повинности³⁷⁵. У исследователей нет единства относительно оценок динамики местного купечества на Тобольском Севере³⁷⁶. Ясно лишь то, что оно не было многочисленным, а его состав изменялся в зависимости от налогообложения (выкупа гильдейских свидетельств) и рыночной конъюнктуры.

По подсчетам Н. А. Миненко, в Берёзовском и Сургутском уездах, вместе с одноимёнными городами, состав податного русского населения был следующим (ревизские души по месту их приписки)³⁷⁷:

³⁷⁵ Городские поселения Российской империи. Том 5. Часть 2. СПб., 1865. С. 158.

³⁷⁶ Резун Д. Я. О численности и составе купечества города Берёзова в конце XVIII — первой четверти XIX в. // Города Сибири XVIII — начала XX вв. Барнаул, 2002. С. 3–9.

³⁷⁷ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 46.

Таблица 2.4

**Движение податного русского населения
На Тобольском Севере в 1821–1850 гг.**

Сословия / годы	1821	1827	1834	1850
Купцы	5	13	22	38
Мещане и цеховые	125	135	196	283
Государственные крестьяне	204	367	452	667
Экономические крестьяне	70	70	63	74
Дворовые	10	12	10	–
Ямщики	137	–	–	–
Итого	551	597	743	1062

В 1824–1825-х гг. XIX в. правительством были изданы указы, облегчавшие переход из сословия ямщиков в государственные крестьяне и городские сословия³⁷⁸. Материалы таблицы свидетельствуют, что местные ямщики этим воспользовались.

В середине XIX в. русские жители на уездных территориях составляли до 4 тысяч человек. Они проживали, нередко по соседству с аборигенным населением, в таких селах и деревнях, как Малый Атлым, Белогорское, Троицкое, Сухоруковское, Чемашевское, Шеркальское, Кондинское, Елизарово, Юганское, Полноват, Нижнелумпокольское, Верхнелумпокольское, Ларьякское, Ваховское, Тундрино³⁷⁹. По данным Н. А. Абрамова, в Берёзовском округе (который включал территорию бывшего Сургутского уезда) к 1850 г. имелось 23 русских села и деревни. Русских, принадлежащих к податным сословиям, насчитывалось 602 мужчины и 597 женщин. В дополнение к ним числилось 176 ссыльных, две трети из которых относились к мужскому полу. Число неподатных сословий (чиновников, канцелярских служащих, отставных военных, казаков и духовенства) составляло 464 мужчины и 401 женщина³⁸⁰. Близкие цифры в «Описании Западной Сибири» приводит И. И. Завалишин³⁸¹. В 1851 г. в Берёзове насчитывалось 1324 жителя³⁸². Накануне отмены крепостного права население города в 1858 г. состояло из 718 мужчин и 702 женщин, всего 1420 человек³⁸³. Население г. Берёзова, по

³⁷⁸ Потапова Е. В. Эволюция сословно-правового положения ямщиков с конца XVIII века до 1860-х годов (по материалам Тверской губернии) // Человек. История. Культура: Исторический и философский альманах. Том 17. 2021. С. 79–89.

³⁷⁹ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 48.

³⁸⁰ Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Записки Русского географического общества. Кн. 12. СПб., 1857. С. 381–383.

³⁸¹ Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. Тюмень, 2005. С. 255.

³⁸² Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Часть 2. СПб., 1854. С. 145–146.

³⁸³ Городские поселения Российской империи. Том 5. Часть 2. СПб., 1865. С. 159.

Рис. 2.56. Зимняя рыбалка. Раскрашенная гравюра из книги: Atkinson J., Walker J. A Picturesque Representation of the Manners, Customs and Amusement of the Russians in One Hundred Colored Plates: with Accurate Explanation of Each Plate in English and French. London, 1803–1804. Vol. 2

подсчётам М. Г. Рутц, выросло с 1804 по 1860 гг. на 84%³⁸⁴. Данный прирост не отличался равномерностью, он дополнялся годами спада.

Развитие рынка и буржуазных отношений после 1861 г. вело к постепенному разложению сословного строя. В местном городском населении доля чиновников и дворян уменьшилась с 8,6 до 3,6%. В 1880 г. были упразднены казачьи команды в Сургуте и Берёзове, а казаки, не желающие переселяться на южные пограничные линии, были переведены в мещане³⁸⁵. На смену казакам в этих городах появились солдатские команды, рядовой состав которых формировался за счёт всеобщей воинской повинности. Солдатская команда в Сургуте существовала до 1893 г., в Берёзове она сохранялась и в начале XX в³⁸⁶. Наиболее заметной тенденцией в изменении сословной структуры городов оказалось возрастание доли мещанства и, отчасти, крестьянства. Источниками пополнения этих категорий стали ссыльные, бывшие казаки, крестьяне, переехавшие из деревень, торговцы³⁸⁷.

Естественный прирост населения на Тобольском Севере был крайне низким, о чем свидетельствуют материалы таблицы № 2.5:

³⁸⁴ Рутц М. Г. Динамика численности городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. // Города Сибири XVIII — начала XX вв. Барнаул, 2002. С. 25.

³⁸⁵ Тяпкина О. А. Северные города Западной Сибири во второй половине XIX в. // Города Сибири XVIII — начала XX вв. Барнаул, 2002. С. 71–72.

³⁸⁶ Дунин-Горкавич. А. А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911. Приложение II. Город Берёзов, его прошлое и настоящее. С. 9. Приложение III. Город Сургут, его прошлое и настоящее. С. 17.

³⁸⁷ Тяпкина О. А. Северные города Западной Сибири во второй половине XIX в. // Города Сибири XVIII — начала XX вв. Барнаул, 2002. С. 74–75.

Таблица № 2.5

**Естественное движение населения
Тобольского Севера в 1871–1911 гг.**

Города и округа/ Годы	Берёзов	Берёзовский округ	Сургут	Сургутский округ
1871	Родившихся: 82 Умерших: 38	Родившихся: 1042 Умерших: 466	Родившихся: 86 Умерших: 98	Родившихся: 184 Умерших: 165
1876	Родившихся: 103 Умерших: 45	Родившихся: 819 Умерших: 395	Родившихся: 103 Умерших: 58	Родившихся: 176 Умерших: 343
1881	Родившихся: 116 Умерших: 64	Родившихся: 1313 Умерших: 511	Родившихся: 42 Умерших: 41	Родившихся: 294 Умерших: 126
1886	Родившихся: 103 Умерших: 75	Родившихся: 1184 Умерших: 1105	Родившихся: 120 Умерших: 101	Родившихся: 295 Умерших: 246
1891	Родившихся: 91 Умерших: 38	Родившихся: 1264 Умерших: 999	Родившихся: 49 Умерших: 51	Родившихся: 282 Умерших: 373
1896	Родившихся: 83 Умерших: 30	Родившихся: 1069 Умерших: 638	Родившихся: 48 Умерших: 29	Родившихся: 353 Умерших: 193
1901	Родившихся: 42 Умерших: 24	Родившихся: 1086 Умерших: 747	Родившихся: 58 Умерших: 41	Родившихся: 339 Умерших: 194
1906	Родившихся: 46 Умерших: 18	Родившихся: 913 Умерших: 445	Родившихся: 48 Умерших: 55	Родившихся: 343 Умерших: 180
1911	Родившихся: 64 Умерших: 31	Родившихся: 1233 Умерших: 604	Родившихся: 106 Умерших: 37	Родившихся: 330 Умерших: 205

Подсчитано по: Обзоры Тобольской губернии за 1871–1911 гг. Тобольск: Губ. стат. ком. (прил. к всеподд. отчету начальника Тобольск. губернии).

Материалы таблицы свидетельствуют, что Берёзов и Сургут после некоторого роста постепенно начали деградировать. Застой с приростом населения наблюдался и в Берёзовском округе. С 1858 по 1897 гг. население г. Берёзова уменьшилось на 18%, Берёзовского округа на 8%. Несколько лучше обстояли дела в Сургуте (прирост 2%) и в Сургутском округе (прирост 9%), оказавшихся на магистральной водной дороге в Сибирь³⁸⁸. Кроме того, в 1866 г. Сургуту был возвращён прежний статус города, которого он был лишён ранее³⁸⁹. К 1910 г. население Берёзова составляло 1329 человек, Сургута — 1359. В их уездах проживало, соответственно, 25098 и 8467 человек. Плотность населения в этих уездах традиционно была самой низкой

³⁸⁸ Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. / Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 16. Западная Сибирь. СПб., 1907. С. 217.

³⁸⁹ Дунин-Горкавич. А. А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911. Приложение III. Город Сургут, его прошлое и настоящее. С. 17.

в Тобольской губернии³⁹⁰. Кроме того, эти уезды отличались этнической спецификой: здесь, в отличие от южных территорий, русские по-прежнему составляли меньшинство местного населения³⁹¹. Прирост русского населения был связан как с миграциями, так и с ассимиляцией аборигенного населения.

Берёзовский уезд, несмотря на впечатляющую территорию, по численности населения находился на предпоследнем (9-м) месте среди административно-территориальных образований Тобольской губернии, опережая только Сургутский: к 1897 г. здесь проживали 22 481 чел. (11 235 мужчин, 10 176 женщин), или менее 1,5% населения региона; к 1 января 1900 г. – 22 194, к 1903 г. – 19 227, 1904 г. – 24 730, 1909 г. – 25 755, к 1 января 1913 г. – 27 608. В течение 50 пореформенных лет доля берёзовцев в общей численности населения Тобольской губернии составляла: в 1862 г. – 2,4%, 1868 г. – 2,3%, 1891 г. – 2,2%, 1892 г. – 1,7%, 1897 г. – 1,6%, 1904 г. – 1,2%, 1913 г. – 1,4%. За исключением последнего десятилетия доля жителей Берёзовского уезда неуклонно сокращалась (с 1862 по 1904 гг. — в 2 раза)³⁹².

В начале XX в. русское сельское старожильческое население компактно располагалось, применительно к Югре, в следующих административных единицах:

Таблица 2.6

Волости с русским населением на территории Югры в начале XX в.

Территория	число населённых пунктов	количество жителей
Берёзовский уезд, волости: – Берёзовская городская Елизаровская Кондинская	2 5 8	465 1345 763
Сургутский уезд, волости: – Тундринская (русская)	6	520
Тобольский уезд, волости: Самаровская Филинская	28 27	4655 3300
Всего	71	11048

Подсчитано по: Список населённых мест Тобольской губернии. Издание губернского статистического комитета. Тобольск: губернская типография, 1912. С. 96–97, 102–103, 562–563, 594–595, 659–686.

³⁹⁰ Памятная книжка Тобольской губернии на 1911 год. Тобольск, 1911. С. 46–47.

³⁹¹ Список населённых мест Тобольской губернии. Издание губернского статистического комитета. Тобольск, 1912. С. 12.

³⁹² Кобелева Е. И., Томилов И. С., Федотова Д. Ю. Берёзовский уезд (округ) в этнодемографическом и административном отношениях во второй половине XIX — начале XX вв. // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 2. С. 21–22.

Рис. 2.57. Житель Самарово П. И. Кузнецов с родственниками, 1914 г.
(Из фондов Государственного архива Югры)

Относительность произведённых подсчётов (русское население проживало и в иногородческих волостях, росло число межэтнических браков, часть аборигенных селений подверглась ассимиляции) тем не менее даёт определенное представление о этнодемографических процессах в сельской местности. Проникновение русского населения на Север в значительной мере было связано с реками Обь-Иртышского бассейна. Людность населённого пункта в среднем составляла около полутора сотен человек. Возможно, такое количество жителей было оптимальным для занятий промысловой деятельностью (рыболовство и охота) взрослого мужского населения в локальном социуме, с учётом членов их семей.

Несомненно, что были существенные факторы, которые влияли на специфику демографического поведения русского старожильческого населения на северных территориях. К ним относились: природно-географические условия, отдалённость местности от культурных и административных имперских центров, необходимость сохранения добрососедских отношений в малолюдном социуме, прежние казачьи традиции, регулярное длительное пребывание мужского населения вне

домашней обстановки (казачья служба, нахождение на рыболовных песках или на далёкой охоте). Как именно всё это воздействовало на демографические процессы и брачно-семейные отношения в среде русского населения, дают сведения из исторических источников.

Наблюдатели отмечали воздействие сурового климата и особенности бытовых условий на выживание детей. Так, ссыльный К. В. Гамолецкий критично оценивал типичный русский жилой дом: «Пол одинарный, в одну доску, со щелями, которые служат зачастую местом испражнения для ребят, пропускает из подполья холод. В большинстве домов из-под полу дует. Ребятишки босые, бегают по полу, дурят, шумят, маленькие ползают. Двери отворяются ежеминутно, мать носит с улицы воду и выливает в чан, стоящий возле кути или у печи, входят и уходят мужики. Каждый раз в избу врываются волны морозного воздуха. Бог не всегда хранит ребят — дифтерит и горячка уносят их в могилу. Крепыши остаются, слабенькие упокоятся в могилках, вызывая в родителях сожаление, что вот и вывожен был, и такой славенький паренёчек, и чрез несколько времени уже отцу-матери пособник, а теперь жди опять, опять водись, опять майся!»³⁹³.

³⁹³ Гамолецкий К. В. Демьянская волость // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 287.

Государственная служба с её длительными отлучками, занятия рыболовством и охотой также воздействовали на специфику брачно-семейных отношений в северных селениях. Здесь присутствовала относительная свобода нравов, особенно в молодёжной среде, и в городах, и в сельской местности. Фактически действовали правила, отчасти извиняющие проступки молодёжи, в том числе и незамужних девушек: «Сами молодыми были»³⁹⁴, «Известно, дело молодое, девичье, венец всё прикроет»³⁹⁵. Данные эмоциональные оценки подтверждаются статистическими сведениями (например, согласно «Списку прихожан» за 1873 г. Воскресенского собора в Берёзове (главного из двух храмов города), к нему было причислено 1132 человека или 577 мужчин и 555 женщин). Из них русских было 627 человек: 15 лиц духовного ведомства, военных — 384, статских — 34, купцов и мещан — 121, крестьян — 72. Численно здесь доминировали лица казачьего сословия. Именно местные казаки во многом определяли социально-демографический облик Берёзова. Так, среди жителей была высока доля вдов — 31 женщина. Вдовцов было значительно меньше — 10 человек. Некоторые из прихожан вообще не вступали в брак. Они числились как холостые. Высока была доля незаконнорождённых — 22 человека. Бывало, что

Рис. 2. 58. Качели. Раскрашенная гравюра из книги: Atkinson J., Walker J. A Picturesque Representation of the Manners, Customs and Amusement of the Russians in One Hundred Colored Plates: with Accurate Explanation of Each Plate in English and French. London, 1803–1804. Vol. 1

³⁹⁴ Гамалецкий К. В. Демьянская волость // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 283.

³⁹⁵ Швецов С. П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 107.

у их матерей или «девок», по юридической терминологии того времени, было 2–3 рождённых вне брака ребёнка³⁹⁶.

В 1894 г. был издан «Санитарный очерк г. Сургута» врача В. Е. Клячкина. На основании анализа статистических материалов автор выделил закономерности в медико-санитарном и демографическом поведении жителей города. Перечислим некоторые из них. Это низкая санитарная культура, характерная не столько для индустриального общества, сколько для патриархальной деревни. Например, возле домов большинства жителей отсутствовали сортиры, питьевая вода использовалась из загрязнённой речки, в жилых помещениях не было нормального освещения и вентиляции. Долгое время жители Севера испытывали недоверие к официальной медицине и пользовались услугами местных знахарей. Одновременно их отличали материальное благополучие, психологическая близость, отсутствие значительной имущественной дифференциации.

Как правило, у сургутян жена была несколько моложе мужа. Большинство девушек выходило замуж до 20 лет. Рождение ребенка обычно приходилось на первые полтора года супружеской жизни. Высокую рождаемость (она была больше общероссийских показателей) дополняла высокая смертность. Здесь приходилось на 1000 умерших:

- от рождения до 10 лет — 609;
- — // — 10–20 лет — 29;
- — // — 20–40 лет — 90;
- — // — 40–60 лет — 136;
- — // — от 60 и выше — 135 человек.

Чрезвычайно высокая детская смертность негативно сказывалась на средней продолжительности жизни сургутян. Она составляла всего 20,5 лет. И для Сургута количество детей, рождённых вне брака (незаконнорождённых) также было много выше, чем в среднем по России. По подсчетам В. Е. Клячкина, за последние 28 лет таких рождений было 114³⁹⁷.

Социально-демографические процессы на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв. отличались неоднозначностью. Рост русского населения шёл медленно, он почти не сопровождался изменением санитарно-гигиенических норм. Большинство местных жителей, как и ранее, придерживалось патриархальных традиций. В то же время повседневные занятия населения во многом были связаны с поездками на дальние расстояния, что оказывало существенное влияние на демографические процессы. На них также воздействовали добровольная и принудительная (ссылка) миграции. На Севере в течение рассматриваемого периода сохранялись высокая смертность, особенно в детском возрасте, и низкая продолжительность жизни.

³⁹⁶ Список прихожан берёзовского Воскресенского собора с отметкой о принятии исповеди и причастия в Великий пост или непринятии таковых с указанием причины // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ азиатской России). Тюмень, 2004. С. 66–108.

³⁹⁷ Клячкин В. Е. Санитарный очерк г. Сургута Тобольской губернии (по статистическим данным) // Труды Томского общества естествоиспытателей и врачей. Год четвёртый. Томск, 1894. С. 285, 312, 315–316, 328, 338–339.

2. Общественно-бытовые отношения, жилище, повседневная жизнь, будни и праздники русского населения

История повседневности на Тобольском Севере непосредственно связана с природно-географическими условиями этого региона. Его суровый климат во многом определял годовой круг хозяйственных занятий, будни, праздники и социально-психологические отношения в локальных социумах и специфику их восприятия внешнего мира. Возможности для развития сельского хозяйства здесь были минимальные. Привычные русским скотоводство и земледелие не вышли из сферы подсобного домашнего хозяйства и огородничества. Основой экономики края являлись ловля рыбы и охота, дополненные оленеводством. Занимались ими, по преимуществу, аборигены, а русское городское население специализировалось на торгово-предпринимательской деятельности. Данные обстоятельства служили той объективной основой, на которую накладывались будни, праздники и чрезвычайные ситуации в жизни населения Севера.

Природные катаклизмы могли здесь поставить существование человека на грань выживания. Так, 18 июня 1806 г. жаркий день и сильный ветер привели к пожару в г. Берёзове. Сгорело 138 домов, много продовольственных припасов, что для небольшого города было подлинной катастрофой³⁹⁸. По сообщению М. А. Кастрена, последствия пожара 1840 г. в г. Сургуте не были преодолены и пять лет спустя: «От прежнего могущественного города осталось только несколько жалких лачуг, беспорядочно разбросанных посреди пожарищ, ни одной порядочной улицы, ни одного хорошего строения, даже редко где есть стекла в окнах, а цельная оконница уже почти исключение. В последние десятилетия нищета Сургута дошла до того, что не мог выплачивать даже и податей»³⁹⁹.

Когда в 1850 г. на Севере не случилось хорошего улова рыбы, то голод стал угрожать большинству жителей: аборигенам, мещанам, крестьянам, казакам⁴⁰⁰. И в дальнейшем резкое похолодание могло привести к падежу домашнего скота, отсутствию сена, к трудностям с перевозкой продовольствия⁴⁰¹. В переписке Х. М. Лопарева с родственниками и земляками из с. Самарово всплывали вопросы о дороговизне и дефиците привозного хлеба, особенно в периоды неурожая 1891, 1901 и 1911 гг.⁴⁰²

Природные условия привели к тому, что верхняя зимняя одежда русского населения была заимствована из аборигенной культуры. Для повседневной одежды шёл обратный процесс. Покупные вещи, характерные для мещанского населения городов, понемногу распространялись у русских жителей, а затем и в аборигенной среде. В публичной сфере одежда служила маркером социального статуса человека. Так, мундиры чиновников и казаков были свидетельствами о их принадлежности к служилым сословиям. По воспоминаниям Э. Фе-

³⁹⁸ ИАОО. Ф. 2. Оп.1. Д. 63. Л. 1–6.

³⁹⁹ Кастрен М. А. Сочинения в двух томах. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. С. 69.

⁴⁰⁰ РГИА Ф. 1397. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

⁴⁰¹ П-ровский Н. Из Берёзова // Подорожник: краеведческий альманах. Вып. 8. Ханты-Мансийск, 2007. С. 30.

⁴⁰² Самаровский петербуржец: письма земляков к Х. М. Лопареву. Ханты-Мансийск, 2008. С. 64, 106, 204–205.

Рис. 2.59. Дети с лошадыю, запряжённой в сани (Из фондов ТГИАМЗ)

линской, в г. Берёзове для женщин из числа податных сословий, даже если они были из богатых купеческих семейств, считалось недопустимым носить шляпки и чепцы. С одной из нарушительниц устоев жители грозились сорвать головной убор и растоптать его ногами прямо в церкви⁴⁰³.

Домашняя обстановка, диковинные и дорогие вещи или торжественные обеды также служили средствами фиксации социального статуса известного в локальном мире удачливого семейства. Местные предприниматели с ростом их богатства всё более тяготели к комфорту. В домах зажиточных людей можно было обнаружить картины, портреты государей, иконы в позолоченных ризах т. п.⁴⁰⁴. Э. Фелинская описывает посещение самого богатого особняка в Берёзове, принадлежащего купцам Нижегородцевым. Он состоял из двух флигелей и главного корпуса, выкрашенных в желтый цвет: «Всё поражало нас своей роскошью, особенно потому, что это было в Берёзове. Огромные зеркала, картины, мебель красного дерева, хрусталь, серебро, великолепный фарфор... Большие окна... обширные комнаты, образцово чистые, прекрасно меблированные... На окнах множество вазонов с крепкой растительностью... Даже роскошь от роскоши — играющий комод — украшал их салон»⁴⁰⁵.

⁴⁰³ Фелинская Э. Отрывки из дневника Эвы Фелинской, который она писала в Берёзове // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 27

⁴⁰⁴ Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь / Пер. с нем. Репринтное издание 1882 г. СПб., 2009. С. 317-318.

⁴⁰⁵ Фелинская Э. Отрывки из дневника Эвы Фелинской, который она писала в Берёзове // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 20-21.

По свидетельству Н. А. Абрамова, у жителей г. Берёзова: «домы... содержатся в опрятности; стены обшивались шпалерами... на стене зеркало, на нём белое, из лучшего холста полотенце, с вышитыми или выплетенными краями; стол накрыт белой чистою скатертью или ковром; полы всегда чисты»⁴⁰⁶. Как сообщал исследователь Стефан Сомье, торгующий крестьянин с. Самарово В. Т. Земцов держал в «элегантной гостиной» «горшки с цветами на окнах и разные шикарные вещи. Особенно он был горд дипломом Почётного члена Географического общества Бремена, этой чести его удостоили за помощь экспедиции Финша [Finch]. Казалось, что этот диплом он ценил столь же высоко, как свои иконы с изображениями Святого Николая и других святых, развешенные по стенам за масляными лампадами; такие изображения можно найти во всех русских домах и даже в каютах корабля. Он вставил диплом в рамку, которую повесил на стену напротив фотографий Полякова, Алквиста [Ahlgvist] и членов Бременской экспедиции». Исследователь обратил внимание, что хозяин не жил «в элегантной части своего дома»⁴⁰⁷. Как отмечал В. Тверитин, «В лучших домах внутреннее убранство составляют: зеркала, кресла, стулья, столы хорошей работы и диваны, а в простых — простые стулья, лавки и скамейки, стоящие около стен. Столы обыкновенно стоят в переднем углу, т. е. в том который первое виден со входу в дверь, а над столом — св. иконы, пред которыми висит медная лампада со свечою...»⁴⁰⁸. В переднем углу вешали образа, лампы с восковыми свечами. Под ними стоял крашенный стол: голубой, зелёный, красный, с белыми краями; кругом располагались скамьи (позднее софы) и стулья. Комната обычно делилась надвое: за перегородкой была спальня и стоял шкаф с посудой. Атрибутом практически любой русской избы в XIX в. был самовар.

Рис. 2.60. Музыкальная шкатулка. 1886 г. (Из фондов МПич)

К началу XX в. в интерьере домов богатых людей начинают появляться элементы, ранее не характерные для внутреннего убранства жителя севера Тобольской губернии: ковры, гардины, блестящая мебель, золочёные лампы и подсвечники. Как пишет К. Ф. Карьялайн: «...даже у бедняка стены в гостиной оклеены обоями, передний угол весь занят образами в золочёных и серебряных ризах, по стенам развешаны картины...»⁴⁰⁹.

Наблюдатели обращали внимание на то, что русское старожильческое население жило, по сравнению с крестьянами Европейской России, зажиточнее. Д. Д. Лейвин замечал, что у жителей г. Сургута «в каждом дворе было хоть по одной лошади и корове, овец держали по 2–3 штуки; их держали главным образом для шерсти, из которой вязали чулки и рукавицы.

⁴⁰⁶ Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Записки Русского географического общества. СПб., 1857. Кн. 12. С. 360.

⁴⁰⁷ Сомье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир. Томск, 2012. С. 123–124.

⁴⁰⁸ Тверитин В. Тобольской губернии город Берёзов. Местные этнографические описания // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 3. Тюмень, 2005. С. 8–9.

⁴⁰⁹ Карьялайнен К. Ф. Путевые записки // Югра. 1996. № 3. С. 20.

Рис. 2.61. Лампада в виде голубя. Конец XIX в. (Из фондов МПЧ)

Куры также были почти в каждом дворе, хотя и в очень небольшом количестве. Главную пищу сургутян составляла рыба: окуни, караси, язи, леци и т. д. Дорогие сорта рыбы (осётр, нельма, муксун и т. п.) добывались только промышленниками на арендуемых у остяков так называемых песках. На зиму запас рыбы заготавливался каждым в желательном для него количестве летом при спаде вод»⁴¹⁰.

Планировка населённых пунктов в целом отличалась значительным разнообразием и зависела от природно-климатических условий. К примеру, можно отметить, что любой постоянный населённый пункт на территории Тобольского Севера всегда старались расположить на высоких и сухих местах, т. к. угроза весеннего половодья для приречных поселений была крайне серьёзна. Сезонные же поселения, которые служили для сбора естественных богатств края, часто располагались близко к воде, рыбным местам, пескам, а потому регулярно затоплялись. Встречались как рядовые (впоследствии, на поздних этапах освоения территории, сформировались в квартально-уличные), так и беспорядочные застройки⁴¹¹.

В. Н. Шавров, описывая Берёзовский уезд, отметил, что «селения выстроены неправильно и беспорядочно, большей частью на низких местах при берегах рек Иртыша и Оби. Некоторые из крестьян живут весьма достаточно и имеют довольно порядочные дома, кои, однако, будучи взятыми индивидуально; но в общей массе строений ни мало неприметно их достоинство по причине общего в сем отношении беспорядка. Впрочем, внутри домов здешние жители, даже самые бедные, весьма заботятся о соблюдении опрятности. Очень

⁴¹⁰ Лейвин Д. Д. Быт политических ссыльных в г. Сургуте в 1870–1880-х гг. // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 16.

⁴¹¹ Бузин В. С. Этнография русских. СПб., 2007. С. 180; Миненко А. Н. Северо-Западная Сибирь в XVIII-первой половине XIX в.: историко-географический очерк. Новосибирск, 1975. С. 104.

у редких крестьян можно найти, чтобы все нужные прислуги к дому стояли в ограде дома или близко к нему. Хлевы для рогатого и прочего домашнего скота здесь во многих селениях выстроены около селений и представляют из себя несколько складенных куч бревен, закиданных сверху сеном. В иных таковой же архитектуры хлевы поставлены между домами»⁴¹². В г. Сургуте, когда возле хлева скапливались нечистоты, жители его переносили на новое место⁴¹³.

Мнение В. Н. Шаврова подтверждается оценками Ф. Белявского: «Домы в Берёзове хотя невысокие, но чисты и снаружи небезобразны, улицы без всякой правильности и весь город, простирающийся в длину почти на версту, состоит из одних переулков; глубокий самобытный ров разделяет его на две части»⁴¹⁴.

Каменные здания на территории края встречались редко. Как отмечал священник Василий Тверитин, «Берёзов как город имеет внешнюю форму довольно правильную. Он выстроен из дерева, каменных строений в нём нет, кроме двух церквей. Это легко объяснить — не каждый сможет себе позволить добротный деревянный дом, что уж говорить о каменном. К тому же, намного легче сохранить тепло в срубном доме, чем прогреть каменный»⁴¹⁵.

Для Берёзова были характерны строгость его деревянной архитектуры, отсутствие лишнего декора, максимальная выразительность композиции при скудности её элементов. При этом в городе были представлены все основные типы деревянных домов, характерных для Сибири XIX века: шести- и пятистенки, крюки и т. д.⁴¹⁶. Тем не менее, в 1858 г. в бюрократической отчётности отмечалось, что г. Берёзов не имел утвержденного плана⁴¹⁷. Газетные заметки свидетельствуют, что и в последующие годы проблемы благоустройства территории этого города практически не решались⁴¹⁸.

В с. Самарово, по данным Х. М. Лопарева, постепенно одноэтажные дома из толстого кедрового дерева стали дополняться двухэтажными жилыми зданиями, «у богатых они обшиты тёсом и обтянуты обоями, у остальных просто изнутри отёсаны и подстроганы. У лиц среднего имущественного класса дом состоит из двух частей — избы и горницы, отделяющихся сенями. Изба — жильё обычное, черное и не достаточно светлое; горница же отличается чистой, опрятностью и большим светом: в ней чаще принимают гостей и сравнительно мало живут»⁴¹⁹. Вне зависимости от материального положения хозяев дома, в чистовой комнате всегда было много икон, перед которыми горела лампадка⁴²⁰.

⁴¹² Шавров В. Н. Краткие записки о жителях Берёзовского уезда. М., 1871. С. 1–2

⁴¹³ АГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

⁴¹⁴ Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. Тюмень, 2004. С. 24.

⁴¹⁵ Тверитин В. Тобольской губернии город Берёзов. Местные этнографические описания // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 3. Тюмень, 2005. С. 8.

⁴¹⁶ Крадин Н. Деревянный город Берёзов // Альманах Тобольск и вся Сибирь. Берёзов. Тобольск, 2013. Т. XXII. С. 67.

⁴¹⁷ РГИА Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1445. Л. 76.

⁴¹⁸ П-ровский Н. Из Берёзова // Подорожник: краеведческий альманах. Вып. 8. Ханты-Мансийск, 2007. С. 38–39.

⁴¹⁹ Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Ханты-Мансийск, 2020. С. 117.

⁴²⁰ Зобнин Ф. К. Краткие заметки относительно домашнего быта жителей Сургута // Земля Сургутская: сборник научно-популярных очерков. Томск, 2016. С. 259.

Рис. 2.62. Икона Абалакской Божьей Матери.
Вторая половина XIX в. (Из фондов МПЧ)

Алексей Васильевич Титов в 1889 г. даёт следующее описание населённого пункта: «Село Самаровское... довольно зажиточное рыбацкое село, расположено на правом берегу Иртыша у подошвы горы; в нем 146 обывательских домов и одна большая старинная каменная церковь с высокой двухэтажной колокольней... Среди обывательских строений видны несколько больших хороших, городской постройки домов, крытых железом, принадлежащих местным торговым людям, главным рыбопромышленникам и скупщикам мороженой рыбы у мелких рыбаков»⁴²¹.

Священником Воскресенского собора г. Берёзова В. Тверитиным описаны в 1854 г. варианты типичной усадебной застройки на Севере: «Лучшие дома имеют крыльцо, или вход, прихожую, зало, гостиную, кабинет, детскую, спальню. Прочие дома имеют со входа сени, довольно обширные и всегда холодные, потому что в них никогда не бывает печей. Назначение их — вместо прихожей, и тут же полагаются вещи, служащие к домашнему обиходу. По правую сторону сеней — горница, т.е. чистая, опрят-

ная комната с перегородкою — кутью, а по левую — изба или кухня. Печи обыкновенно строятся посредине избы и горницы...»⁴²².

Примером поэтапного строительства дома и возведения «пятистенка» могут служить данные, приводимые жителем г. Берёзова Ф. Ф. Ларионовым: «Семья постепенно разрасталась, поэтому понадобилось построить новый дом — «пятистенку», состоящую из обширных сеней, по одну сторону от которых располагалась кухня с русской печью и полатами — изба, а по другую — чистая комната — горница. Старики же продолжали жить, по старой памяти, в привычной для них избушке»⁴²³.

При возведении стен, естественно, преобладала срубная техника. Такой способ строительства был характерным для всей русской архитектуры того времени. Основным материа-

⁴²¹ Титов А. В. Мои воспоминания о северном крае Тобольской губернии // Подорожник: Краеведческий сборник. / Ред.-сост. В. К. Белобородов. Вып. 8. Ханты-Мансийск, 2007. С. 16.

⁴²² Тверитин В. Тобольской губернии город Берёзов. Местные этнографические описания // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 3. Тюмень, 2005. С. 8–9.

⁴²³ Ларионов Ф. Ф. Жизнь на заимке и в селе в конце XIX века // Подорожник: краеведческий альманах / Ред. — сост. В. Белобородов. Вып. 10. Тюмень, 2009. С. 135.

лом были деревья хвойных пород (сосна, кедр, лиственница, пихта, ель)⁴²⁴. Причём одним деревьям отдавали предпочтение больше, чем другим. Древесина кедра считалась мягкой и шла на отделку избы: косяки, двери, наличники, полы, лавки, рамы. Сибиряки считали, что посуда из кедра дольше и качественней сохраняет еду, делает её полезней. Кедровые лари и сундуки же отпугивают вредителей, в особенности моль⁴²⁵. Сруб возводили в основном из сосны и лиственницы, причём старались брать длинные и ровные сосновые брёвна. Лиственница же шла на окладной венец — нижний ряд, на балки под полом и на столбы по углам. Древесина этого дерева не только хорошо переносит влагу, не гниёт, но краснеет, становится ещё более прочной, подобной камню, так, что, как отмечает М. А. Кастрен, при рубке такого дерева из-под топора летели искры⁴²⁶.

Возложение окладного венца на фундамент в начале строительства означало как бы уже зарождение дома и отмечалось обрядами. В Сургуте при укладывании первых продольных брёвен, в «гнездовьях» делали небольшие углубления во всех углах и клали кусочки хлеба, маленькие камни, деньги, как дань домовому, «суседке»⁴²⁷. Под нижний ряд брёвен часто протягивалась береста для защиты от влаги.

Для локальных сообществ на Тобольском Севере был характерен особый, обнаруживающий себя в отношениях человека к миру в целом и к себе лично, социально-психологический климат («относительно устойчивый психический настрой коллектива, проявляющийся как в отношениях людей друг к другу, так и в их отношении к общему делу»⁴²⁸). На его формирование оказали воздействие природные условия и историческое прошлое старожильского населения. В начальный период российской колонизации города на Тобольском Севере были во враждебном аборигенном окружении. Существовала опасность уничтожения этих населённых пунктов. Общая историческая память сближала их жителей. Она же содействовала появлению единых аксиологических установок и складыванию необходимых образов. Так, часть старожильского населения Берёзова считала себя прямыми потомками казаков, сподвижников Ермака⁴²⁹.

Позднее местное военно-административное управление было дополнено торговыми функциями. Торговля вне городов или крупная ярмарочная торговля потребовали развития общих скоординированных усилий и коммуникативных навыков при деловых связях с иноязычными и иногородними торговцами. Рискованная торговля с аборигенами и заготовка рыбы в дальних низовьях Оби выработали у жителей взаимную поддержку и специфическое восприятие внешнего окружения. Поэтому даже при отсутствии явных угроз человек,

⁴²⁴ Бузин В. С. Этнография русских. СПб., 2007. С. 180; Фелинская Э. Отрывки из дневника Эвы Фелинской, который она писала в Берёзове // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 65.

⁴²⁵ Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Вып. 1. М., 2001. С. 68–69.

⁴²⁶ Кастрен М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) // Географический сборник Николая Фролова. Т. VI. Собрание старых и новых путешествий. Ч. 2. М., 1860. С. 212.

⁴²⁷ Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 242.

⁴²⁸ Парыгин Б. Д. Социальная психология: Учеб. пособие. СПб, 2003. С. 508–512.

⁴²⁹ Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск, 1891. С. 251–253.

Рис. 2.63. Усадьба зажиточного крестьянина в Сибири начала XX в.
(Фото С. М. Прокудина-Горского <https://pulse.mail.ru/article/zazhitochnye-krestyane-i-kulaki-carskoj-rossii-istoricheskie-foto-vpervye-v-cvete-3074094396140353773-2937721991722850104/>)

отправляясь в путь, предпринимал ритуальные действия. Рыбопромышленники перед отъездом на низовья Оби ходили прощаться из дома в дом, после молитвы кланялись в ноги, до лодки багаж промысловика несли его знакомые. Длительное отсутствие несчастных случаев и желание побыстрее добраться до богатых рыбных песков не препятствовали воспроизведению привычных обрядов даже в конце XIX в.⁴³⁰

Вне привычного и благоустроенного мира находились всевозможные акторы и предметы пограничного и даже запредельного миров. Считалось, что доступ к потаённым сведениям или исполнение необходимых ритуалов и магических действий помогали, хотя бы отчасти, нейтрализовать негативные последствия. Греховные проступки — сообщения о произошедшем — признание смягчающих

обстоятельств — снисхождение со стороны общественного мнения. Жизненные обстоятельства (торговые поездки, болезни, контакты аборигенами, знахарями, со ссыльными) воспринимались как вынужденные и, следовательно, оправдывавшие официально осуждаемые связи. Таинственность пробуждала одновременно и познавательный интерес, и чувство страха.

Данные обстоятельства содействовали симбиозу архаики и повседневной жизни. «Простолюдины здешние, — отмечал наблюдатель, — находясь в постоянном столкновении с инородцами, отчасти заражены суевериями, они также, как и в других местностях, верят в домового (суседка), в привидения и т. п. Мне кажется, что они не будут прочь согласиться в справедливости существования духов с инородческими шаманами. Правду сказать, бывали случаи, в которых русские смельчаки обращались к шаманам поворожить о потерявшихся оленях или вещах и т. п.»⁴³¹

К нечисти причисляли ряд животных, например, медведей; аборигенов, якобы наделенных колдовскими способностями; обладателей непостижимых знаний (например, иностранцев). Внешние угрозы исходили и от мифических персонажей. Ведьмы, «суседки», оборотни,

⁴³⁰ Демин А. Город Берёзов // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 2. Ханты-Мансийск, 2002. С. 7–8.

⁴³¹ П-ровский Н. Из Берёзова // Подорожник: краеведческий альманах. Вып. 8. Ханты-Мансийск, 2007. С. 43.

самоубийцы здесь соседствовали с опасными предметами: атрибутами гадания, заколдованными кладами. Нечисть и обыденность взаимно проникали друг в друга. По данным В. Тверитина, «из животных признается нечистым и негодным к употреблению в пищу заяц, потому что он рождается слепым. Впрочем, некоторые употребляют зайца всего, а другие — лишь переднюю его часть. Из птиц: лебеди, потому что они лают по-собачьи и что мясо их жестко, невкусно. А другой род лебедей, ростом меньший, который не лают, а кричит, тот употребляется в пищу. Журавли — потому что они едят всякую гадину: мышей, кротов, лягушек и пр. Голуби — они слепы рождаются; гагары и все полевые птицы этого рода, потому что они имеют ноги в последней части тела и не могут ходить по земле»⁴³².

Внешний мир объективно содействовал сплочению локальных социумов. Большинство их членов принадлежали к одному сословию, они жили соседями в пределах пешей доступности, имели приблизительно одинаковый культурный багаж, тяготели к промыслам и торговле, были родственниками и кумовьями. Жизнь в родном поселении обычный человек воспринимал как комфортную и оправданную. Факторами объединения при этом дополнительно выступали: принадлежность к своему обществу — собственнику сельского или городского имущества — и коллективное противостояние губернской государственной администрации, нередко излишне увлечённой взиманием налогов, сборов и организацией различных повинностей.

Нивелирование различий не было абсолютным. Оно вовсе не исключало конкуренции, конфликтов, скрытых негативных проявлений, борьбы амбиций и разницы в материальном положении. Так, например, меньшая часть жителей принадлежала к привилегированным сословиям (военные и гражданские чины, дворяне, казаки), большая часть жителей относилась к податному населению. Эти противоречия не отменяли значимых моментов. С разными вариациями повсеместно господствовала провинциальная действительность. Она диктовала необходимость сохранения добрососедских отношений у местного населения. Э. Фелинская в своих мемуарах описала психологическое восприятие участников крестного хода 1840 г. в день святого Прокопия, небесного патрона г. Берёзова: «Чиновники, купцы, красиво одетые женщины, старики, согнувшиеся под тяжестью лет, дряхлые старушки, молодежь, веселая детвора теряют на какое-то время свои индивидуальные черты, чтобы

Рис. 2.64. Мясоедов Г. Г. Знахарь. 1860 г. (Из фондов Саратовского государственного художественного музея имени А. Н. Радищева)

⁴³² Тверитин В. Тобольской губернии город Берёзов. Местные этнографические описания // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 3. Тюмень, 2005. С. 11.

в молчании и сосредоточении духа составлять торжественную процессию. Зрелище поистине трогательное, когда видишь эту массу столь разных людей, собравшихся под знаком креста, составляющих в этот момент как бы единую семью, живущих одной верой, общими надеждами, складывающих на несколько минут из своих душ, из своих мыслей, частных интересов, мелких страстишек — все сообща — одну мысль, оживляющую всех»⁴³³.

Обычный житель экономически и, самое главное, психологически был в тесной связи со «своим» провинциальным социумом. И если по каким-либо причинам он куда-либо переселялся, то, по сути, и на новом месте жительства почти ничего не менялось. Материальные успехи отдельных лиц также не вели к отказу от тесных межличностных контактов в небольшом селении. Человек, богатея, больше жертвовал на нужды земляков и становился их благодетелем. И, напротив, приезжие, не зная конкретной специфики, могли провоцировать те или иные конфликты. Связывалось это с особенностями межкультурной коммуникации, контактов и общения между представителями различных культур. Долгое время в провинции господствовали патриархальные нормы. Данный локальный мир отличался статичностью. Он тяготел к закрытости.

Его изменения были однократные. Возникший прецедент не должен был тревожить «тишину и покой». Взамен нарушенной гармонии он создавал иную, хотя и принципиально схожую с ранее утраченной. Потому отношения с гостем, чужаком, посредником выстраивались на основе доброжелательности. Для него стремились найти некие точки соприкосновения, сделать пришельца «своим» и включить в местный социум. Так, Сигерт Патурссон, путешествующий в конце XIX в. по территории Сибири (он, в частности, останавливался в г. Сургуте и его окрестностях), обращал внимание на ряд обстоятельств. Как лютеранина, его воспринимали безбожником и, одновременно, искренне радовались, что он, датчанин, был земляком российской императрицы Марии Фёдоровны⁴³⁴.

Первоначально символ, слово, новая информация, привнесённые извне, были соединены с тайной. Предполагалось, что их носители обладали знаниями, недоступными для непосвящённых. К знатокам тайн относились священники (или знахари), путешественники, все те, кто в глазах окружающих обладали особыми свойствами. Ранее для патриархальной среды государственные чины также принадлежали к некоему закрытому неведомому миру. Простой человек обычно ожидал от них почти узаконенных вымогательства и мошенничества. Однако в индустриальном обществе их возможности быстро деградировали.

Хранители тайн перестали выполнять прежние функции — сказывались воздействие рынка, обмирщение сознания и укрепление бюрократического контроля. Культура сибирских аборигенов и местного русского населения, навыки торгового предпринимательства, казачьи традиции теперь дополнялись ростом образовательного уровня и расширением новаций в быту⁴³⁵. После 1861 г. кроме чиновников и предпринимателей появились новые культурные акторы. Ими стали общественные деятели. Рядом с носителями рациональной культуры складывалось подражающее им социальное окружение.

⁴³³ Фелинская Э. Отрывки из дневника Эвы Фелинской, который она писала в Берёзове // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 98–99.

⁴³⁴ Патурссон С. От Фарер до Сибири. М., 2019. С. 139.

⁴³⁵ Иконников А. Из Берёзова // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 17, 18, 23, 24, 27, 29, 30, 35, 49. Неофициальная часть.

Рис. 2.65. Савицкий К. А. Встреча иконы. 1878 г. (Из фондов Третьяковской галереи)

Местная образованная публика начала переносить столичные нормы на уровень провинции.

При этом количественный рост культуры закономерно оборачивался неизбежным падением её качества и даже нравственным упадком. Множество личностей оказались заброшены в крутой водоворот социальных изменений. Нередко у них возникало чувство превосходства и психического дискомфорта. Характерный случай: в конце XIX в. вступил в конфликт с населением Берёзова недавно приехавший молодой священник Иоанн Голошубин. Его прихожане во главе с церковным старостой неоднократно жаловались духовным властям, что «почти каждую литургию пастырь поддерживает своих прихожан поучениями, но поучения его, как мы понимаем, в большинстве обличают личности и укоризны, чрез это некоторые прихожане совершенно прекращают посещать этот храм»⁴³⁶.

Помимо психологического неприятия были и экономические претензии: при трате церковных сумм новоприбывший батюшка мало считался с мнением своей паствы. Кроме того, как сообщали его прихожане, ироничный священник «не желает совершенно расположить к себе прихожан православных, напротив, отталкивает их своею гордостью, а сблизился более с польским элементом и с такими лицами, которые доставляют ему удовольствие играть с ним в карты»⁴³⁷. В итоге образованный священник-краевед так и не смог найти общего языка с жителями г. Берёзова. Субъективно Голошубин своим поведением, отличным от местных норм, создавал для населения города психический дискомфорт.

⁴³⁶ Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для местных обществ азиатской России).—Тюмень, 2004. С. 184.

⁴³⁷ Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для местных обществ азиатской России).—Тюмень, 2004. С. 191

Усиливавшаяся горизонтальная и вертикальная мобильность порождали дополнительную дифференциацию у провинциалов. На смену земляческой и сословной солидарности пришли имущественные различия. Распад прежних общностей обострялся субъективными моментами. Современники критично относились к «неперспективным» населённым пунктам. Образованной частью общества они воспринимались как неполноценные, с их «тёмным» мещанством. Кроме того, Берёзов, Сургут, в большей или в меньшей мере, были местами политической и уголовной ссылки. Ранее между ссыльными из дворян и остальными горожанами существовала социальная дистанция. Но теперь, с другим контингентом, она ощутимо сократилась. Новички оценивали жизнь в провинции исключительно критично. Эта новая информация, добровольная и принудительная миграции подрывали прежние адаптационные возможности патриархальных компонентов местной культуры, что отрицательно повлияло на изменение социально-психологического климата.

Таблица 2.7

**Изменения социально-психологического климата
на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв.**

Периоды	Отношение к миру	Отношение к общему делу	Отношение друг к другу	Отношение к самому себе
1-я пол. XIX в.	Восприятие пространства как дикого края, в котором пока ещё не укоренились христианские начала	Люди со схожими занятиями: торговлей и промыслами, являются наследниками легендарного «сибирского взятия»	Как к носителям христианской культуры, добрым соседям, живущим в едином местном сообществе	«Я» — член конкретного правильно устроенного социума
2-я пол. XIX — начало XX вв.	Критичное восприятие официальной религиозности для «всех», скрытая и хаотичная оппозиция к «верхам»	Для большинства горожан сфера общего дела сокращается, либо уже отсутствует	Как к конкурентам, либо как к представителям чуждых социальных слоев	Моё «Я» «размыто» множеством ролей в разных социальных группах

Сравнение этих двух периодов эволюции показывает ухудшение социально-психологического климата и деградацию коллективистских начал. Данные тенденции развивались подспудно. Их «выброс» первоначально был явлением исключительным, не для всех, оставаясь уделом взвинченных одиночек. Так, по сведениям ссыльного С. П. Швецова, один из богатых торговцев г. Сургута в старости задумался о своей жизни: «Сорок лет он не знал, что такое совесть, сорок лет она в нём спала, а тут вдруг пробудилась и стала грызть его душу. Ему припомнилось всё, что он проделывал с инородцами, каждый обман, каждое надувательство. Всякому встречному он каялся в своих прегрешениях, говорил, что торговля загубила его душу, что ему не будет места на том свете и т.д. Ему виделись загубленные им, ограбленные жертвы. Торговлю он бросил, стал молиться Богу и так прожил ещё года два, постепенно хирея и угасая; перед смертью сделал такое завещание: он, как великий грешник, недостоин лежать на кладбище вместе с другими, а потому пусть его похоронят в кладбищенских во-

ротах, чтобы каждый проходящий, даже последний остяк попирает его прах ногами. Завещание было в точности исполнено»⁴³⁸.

Нет сомнения, что в большинстве случаев такое негативное отношение проявлялось в менее драматичных формах. Тот же С. П. Швецов зафиксировал в 80-е гг. XIX в. у местного населения разложение наивного патриотизма под влиянием появившегося пароходного сообщения: «Отношение сургутян к своей родине не одинаково. Те из них, которым удалось побывать в иных, более привлекательных местах, например в Тобольске или Тюмени (не говоря уже о Томске, который представляется сургутянам чем-то сказочным по своему богатству и великолепию), смотрят на Сургут и всё сургутское с нескрываемым презрением, пожалуй, даже с враждой; их уже не удовлетворяет всё местное, кажется диким, смешным, они и на себя начинают смотреть как на нечто высшее в умственном и нравственном отношении, чем их земляки, не бывавшие дальше Берёзова. Им душно и тесно в Сургуте, их неудержимо тянет вон из него, туда, где, по их мнению, жизнь кипит»⁴³⁹.

Рис. 2.66. Весы коромысловые с чашами. 1874 г. (Из фондов МПич)

⁴³⁸ Швецов С. П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 106-107

⁴³⁹ Там же. С. 44.

Глава 3

Ссылка и ссыльные в социальных процессах в Югре

Особое и специфическое место в составе населения и социальных процессах в Югре занимала ссылка и ссыльные. В соответствии с этим в императорской России можно выделить ссылку дворянских оппозиционеров, революционно-демократического лагеря середины и второй половины XIX в., массу представителей широких народных кругов, в том числе пролетариев и разночинной молодежи конца XIX — начала XX вв. Появление новых поселенцев, прежде всего русских и поляков, а также представителей других народов России, отражало многонациональное население страны. И хотя размеры политической ссылки в Югре были значительно меньше, чем в целом в Сибири и даже в южных округах Тобольской губернии, политические ссыльные оказывали влияние на социальные процессы и политическую жизнь в крае, вносили вклад в развитие образования и просвещения в северных территориях, занимались исследовательской деятельностью.

1. Ссылка в Сибирь и Югру в политике Российской верховной власти

В истории России ссылка являлась одной из наиболее распространенных мер наказания и под ней понималось принудительное удаление государственной властью лиц, обвиненных в уголовном или политическом преступлении, по суду или в административном порядке в отдаленную местность на определенный срок или бессрочно. В зависимости от видов преступления существовала ссылка уголовная и политическая. В XIX — начале XX вв. политическая ссылка являлась наиболее распространенным видом борьбы с инакомыслящими. По методам осуществления выделялась ссылка на каторжные работы, поселение, водворение и житье. Существовала также административная внесудебная ссылка под гласный надзор, который назначали по высочайшему повелению или решению министра внутренних дел.

С конца XVI в. началась ссылка в северные части Сибири. Первыми ссыльными стали жители Углича, осужденные в 1593 г. по делу об «убиении» царевича Дмитрия и отправленные в Пелым. В период дворцовых переворотов первой половины и середины XVIII в. на север Западной Сибири ссылали в заключение знатных вельмож. Среди них были князь А. Д. Меншиков (Берёзов, 1728 г.), князя Долгоруковы (Берёзов, 1728 г.), курляндский гер-

цог Э. И. Бирон (Пелым, 1741 г.), кабинет-министр Г. И. Остерман (Берёзов, 1742 г.), генерал-фельдмаршал Г. К. Миних (Пелым, 1742 г.)⁴⁴⁰. Но чаще всего правящие круги использовали ссылку для подавления сопротивления крепостных. В XVIII в. в Западной Сибири сложились маршруты передвижения и традиционные районы, куда отправляли ссыльных. К началу XIX столетия этот институт в освоении сибирских территорий прочно занял место института «штрафной колонизации» посредством уголовной ссылки на каторгу и поселение. В Тобольскую губернию и в Енисейский уезд к 1772 г. сослано более 20 тыс. ссыльных крепостных.

На рубеже первой четверти XIX в. Обский север стали использовать как место ссылки для представителей коренных народов Сибири и Казахстана. Одним из первых в 1824 г. в Берёзов был поселен один из представителей оппозиционно настроенной казахской верхушки султан Сартай Чингисов, выступавший против административно-территориальных изменений Степного края⁴⁴¹. Среди ссыльных второй четверти XIX в. необходимо назвать представителя народов манси и ненцев Ваули Пиеттомина (1797–?). Официальные источники о восстании под его руководством на Обском Севере одним из первых ввел в научный оборот репрессированный украинский и сибирский архивист и историк Н. В. Горбань⁴⁴². Позже в советской литературе Ваули называли вождем национального движения ханты и манси в 1820–1840-е гг. Эту оценку подтверждал дневник ссыльной польской писательницы Фелинской, которая называла Ваули смелым и энергичным человеком, «имеющим к тому же черты шамана». Фелинская рассказывала об изменениях в общественном настроении жителей Берёзова, которых вначале охватил «великий переполох и замешательство», «связанный с восстанием Ваули Пиеттомина». Затем, когда «самоед, гроза всей округи от Берёзова до Ледовитого океана, был схвачен и закованным привезен в Берёзов», «страх еще не оставил город. Жители боятся, как бы сторонники Вауля не напали на Берёзов, чтобы отбить своего вождя. Тем временем дома главных купцов, которые больше всего боялись мнимого нападения Вауля в дни его успеха, частично из милосердия, частично из боязни доставляют в тюрьму еду, чтобы снискать себе благосклонность узников на случай их вызволения. При этом вера в сверхъестественную силу Вауля такова, что здешние жители рассматривают его пленение как дело временное». Приехавшая в Берёзов «следственная комиссия увезла Вауля и его сподвижников в Тобольск, где их приговорили к каторге в Восточной Сибири. Там Ваули и умер»⁴⁴³.

⁴⁴⁰ Рощевский П. И. Политические деятели XVI–XVIII веков в Тобольском изгнании // Научные труды Тюменского государственного университета. Т. 8. Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1975. С. 140–157.

⁴⁴¹ Шиловский М. В. Политическая ссылка на север Сибири: основные тенденции развития в XVIII — начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 19–24.

⁴⁴² Горбань Н. В. Письмо вогульского князька // Омская правда. 1935. 28 сент.; Горбань Н. В. Поход Ваули // Омская правда. 1935. 10 окт.; Горбань Н. В. Дело о Ваули // Омская правда. 1937. 20 сент.; Из истории ненецкого народа 30–40 годов XIX века: (Движение Ваули Пиеттомина) // Красный архив. 1939. № 1(92). С. 151–176; Горбань Н. В. Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений ханты и ненцев в XIX в. // Сб. документальных материалов о движении хантэйской и ненецкой бедноты под руководством Ваули Пиеттомина. Омск, 1940. 48 с.

⁴⁴³ Дискуссионные проблемы истории движения ханты и манси в 1820–1840-х гг. не завершены. По мнению некоторых современных исследователей, «канонизация в легендах и советской литературе» Ваули не оправдана, так как он «грабил и своих и чужих без разбору, за что и был бит кнутом и сослан в 1839 г. в отдаленную Сургутскую волость», и считают его разбойником (Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX — начало XX в. Томск, 2004. С. 109).

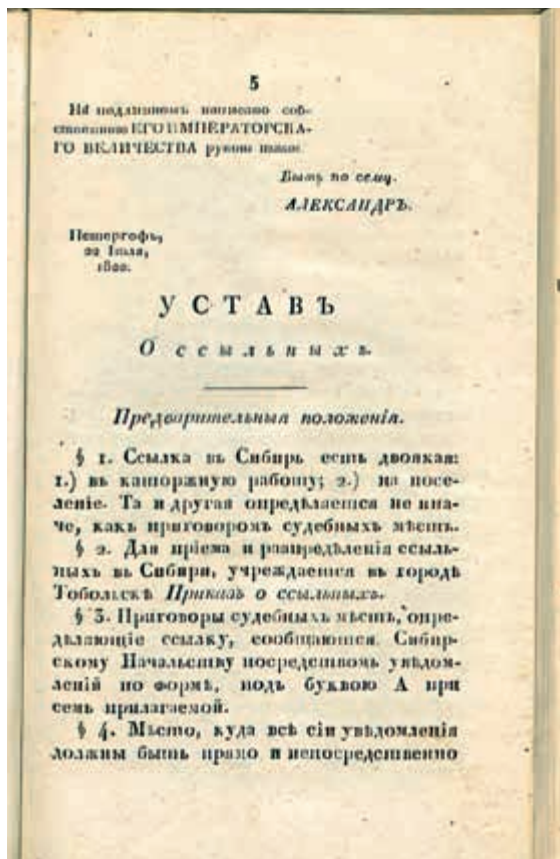

Рис. 2.67. Устав о ссыльных 1822 г. Начальная страница

При Александре I была проведена первая реформа ссыльного дела в Сибири, которой руководил сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский. Кардинальное реформирование ссыльного дела провёл в первой четверти XIX в. крупный государственный деятель М. М. Сперанский⁴⁴⁴. Сперанский считал Сибирь «прекрасным местом для ссылочных»⁴⁴⁵ и фактически доказывал необходимость выделения для ссыльных «глухих и необжитых» отдалённых мест. В ходе Сибирской реформы 1819–1822 гг. появились проекты законов о сибирской ссылке, разработанные помощником Сперанского уроженцем Тобольска будущим декабристом Г. С. Батеньковым. Устав о ссыльных разделил виды наказания на каторгу, поселение, жительство, водворение и арестантские роты. В итоге были разработаны и приняты основные акты о ссылке — «Устав об этапах» и «Устав о ссыльных» (1822 г.).

По Уставу об этапах были созданы учреждения, ведавшие ссыльными: Приказ о ссыльных и губернские экспедиции о ссыльных. Таким образом, М. М. Сперанский осуществил кардинальные преобразования ссыльного дела в России, вводил новые учреждения для приёма и распределения ссыльных: Тобольский приказ о ссыльных и губернские экспедиции о ссыльных.

Они занимались приёмом и распределением ссыльных, назначением и увольнением смотрителей поселений ссыльных, снабжением арестантов питанием и одеждой, отвечали за тюрьмы и контроль за деятельностью тюремной полиции в городах и селениях⁴⁴⁶. Каждая экспедиция распределяла ссыльных в пределах своей губернии. Устав о ссыльных с его дополнениями и редакциями действовал до 1917 г.

Политическая ссылка в северные районы Западной Сибири в 1820–1910-е гг., как и в другие сибирские районы, приобрела особое значение в правительственной политике, она являлась основным способом пресечения оппозиционных, революционных и национально-освободительных движений в Центральной России и западных регионах Российской империи. Были выделены категории политических ссыльных — «государственные преступники», к которым были отнесены декабристы, и «политические преступники», в состав которых

⁴⁴⁴ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 88–93.

⁴⁴⁵ Сперанский М. М. Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой Багреевой). М., 1869. С. 12.

⁴⁴⁶ 2 ПСЗ. Т. 7. 1832. № 5065.

входили участники выступлений в Царстве польском и западных губерниях России. В отношении их была создана специальная система надзора и установлены специальные правила пребывания в ссылке⁴⁴⁷.

К концу XIX в. стало очевидно, что ссылка в Сибирь не исправляла ни уголовных преступников, ни политически репрессированных. В 1899 г. комиссия для разработки мероприятий по отмене ссылки признала, что сосланные в Сибирь не только не решают проблемы освоения отдалённых территорий, но и вредят им. Развитие путей сообщения, быстрый рост сибирского населения, экономического и культурного уровня изменили условия жизни в Сибири и не позволяли изолировать неугодных режиму. Правительство решилось на реформирование сибирской ссылки.

В 1900 г. было объявлено, что отменяется ссылка на жительство и сокращается ссылка на поселение и наказание в исправительных арестантских отделениях. Ссылку на поселение признали исключительной карой за политические или религиозные преступления. В итоге закон отменил уголовную ссылку и ссылку на водворение и значительно ограничивал ссылку по приговорам обществ. В результате революционного подъема в 1905–1907 гг. указом 21 октября 1905 г. была объявлена амнистия за политические преступления, но после декабрьских событий 1905 г. политическая ссылка была восстановлена, и в Сибирь хлынул новый поток репрессированных. Практически ссылка оказалась нерезультативной, так как не оправдала надежд правящих кругов на умиротворение населения.

2. Политическая ссылка в Югре участников революционных движений и организаций в России

Состав политических ссыльных в Югре, как и в Сибири в целом, отразил процессы правительственного противодействия деятельности дворянских оппозиционеров, революционно-демократического лагеря середины и второй половины XIX в., массе представителей широких народных кругов, в том числе пролетариев и разночинной молодёжи конца XIX — начала XX вв.

Декабристы

Декабристы в политической ссылке выступали как особая категория ссыльных — они были осуждены Верховным уголовным судом в 1826 г. по делу о тайных обществах и восстании 14 декабря 1825 г. Восемь из них были отправлены в ссылку в сёла Берёзово, Кондинское и Сургут.

Первым в сентябре 1826 г. прибыл в Сургут поручик Черниговского пехотного полка Андрей Иванович Шахирев (1799–1828), приговорённый к ссылке в Сибирь на 20 лет. Тобольский губернатор Д. Н. Бантыш-Каменский не получил конкретных указаний, как содержать ссыльного, и поэтому распорядился, чтобы один из надзирателей находился при

⁴⁴⁷ См.: Кодан С. В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск, 1980.

Рис. 2.68. Декабрист В. К. Тизенгаузен
(Головачев П. М. Декабристы: 86 портретов, вид Петровского
завода и 2 видовых рисунка того времени. М., 1906)

ссылном «безотлучно». Шахирев оказался в очень трудном положении и был вынужден просить «от казны пропитание». Ему определили квартиру за казённый счёт и выдавали солдатский паёк из хлебозапасного магазина. Только через год он получил из России кое-какие средства. 17 мая 1828 г. скоропостижно скончался⁴⁴⁸.

Один из самых пожилых декабристов Вильгельм Карлович Тизенгаузен (1781–1857) попал в Сургут после Читинской каторги в июне 1828 г. В Сургуте он заболел, и в марте 1829 г. его перевели в Тобольск, где он находился с 4 апреля 1829 по 27 мая 1829 г.⁴⁴⁹ Через 24 года, 6 июля 1853 г., как самого пожилого, Тизенгаузена освободили, и он уехал на родину.

Более отдалённым и труднодоступным являлось в те годы с. Кондинское, окружённое дремучим сосновым лесом. В указанное село был направлен Андрей Фёдорович Фурманов (1795–1835). Фурманова приговорили к поселению на каторгу в Сибири на 20 лет, и в марте 1827 г. привезли в Кондинск. Ссылного определили на счет казны на квартиру, а из хлебозапасного магазина выдавали солдатский паек. 8 марта 1835 г. Фурманов умер в возрасте 40 лет.

Вторым поселенцем в Кондинском стал Владимир Николаевич Лихарев (1803–1840). Его в апреле 1825 г. арестовали, осудили на каторжные работы на год и в феврале 1827 г. отправили в Читинский острог. После каторги в апреле 1828 г. Лихарева перевели в с. Кондинское. По ходатайству матери в июне 1830 г. Лихарева перевели в Курган. Там в конце 1836 г. выяснилось, что ссылки И. Ф. Фохт и В. Н. Лихарев «показываются беспрестанно в тамошних обществах и взаимно открытым образом посещаются курганскими чиновниками и гражданами». В 1837 г. Лихарева отправили рядовым в Отдельный Кавказский корпус, где он участвовал в строительных работах на берегу Чёрного моря. Отметим, что на Кавказе Лихарев подружился с поэтом М. Ю. Лермонтовым, но был убит 11 июля 1840 г. в сражении с горцами.

Больше всего декабристов поселили в самом крупном городе — Берёзове. Там находились И. Ф. Фохт, О.-Ю. Друцкий-Горский, А. В. Ентальцев и А. И. Черкасов.

⁴⁴⁸ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Д. 61. Ч. 116.

⁴⁴⁹ Рощевский П. И. Размещение декабристов в Тобольской губернии // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюменский гос. ун-т. Науч. труды. Сб. 8. Вып. 3. Тюмень, 1975. С. 48, табл.

Иван Фёдорович Фохт (1794–1842) арестован 30 декабря 1825 г. Его приговорили к лишению чинов, дворянства и к ссылке в Сибирь на поселение на 20 лет и отправили в Берёзов, куда он приехал в ноябре 1826 г. С 1827 г. Фохту выдавали солдатский паёк и крестьянскую одежду. Через некоторое время Ивану Фёдоровичу разрешили перебраться в Курган, где он скончался.

Через год после Фохта в 1827 г. в Берёзов перевели из Восточной Сибири Андрея Васильевича Ентальцева (1788–1845). Как член Союза Благоденствия и Южного общества Ентальцев отбывал каторгу в Чите (1827–1828). В мае 1827 г. к Ентальцеву приехала его жена Александра Васильевна, повторив подвиг одиннадцати женщин, добровольно поехавших в Сибирь. Она была первой женщиной в Берёзовской колонии. За Ентальцевой также установили полицейский надзор. В Берёзове (июнь 1828–8 июля 1830) супруги жили довольно скромно. Ентальцева в июле 1830 г. перевели в Ялуторовск, где он занимался врачеванием.

Выше упомянутый член Берёзовской колонии барон Алексей Иванович Черкасов (1799–1855) после каторги (20 июля 1828 — ноябрь 1833) был переселен в Берёзов.

Но вскоре морально-психологическое состояние Фохта, Черкасова и Ентальцевых в Берёзове осложнилось поведением ссыльного Друцкого-Горского.

О.-Ю. В. Друцкий-Горский (1766–1849) был по высочайшему повелению в марте 1827 г. отправлен в Берёзов. В ссылке Друцкий пользовался особыми привилегиями: ему отвели просторную квартиру и прикомандировали для услуг казака из местной команды, за военную службу в 1830 г. восстановили пенсию. Но пребывание в ссылке отмечено чередой разбирательств по доносам со стороны Друцкого-Горского и попыток добиться оправдания. В 1831 г. Горского перевели в г. Тару. Из Тары он отправлял

Рис. 2.69. Декабрист В. Н. Лихарев. Акварель А. Н. Бестужева. 1828 г.

Рис. 2.70. Декабрист А. В. Ентальцев

Рис. 2.71. Декабрист А. И. Черкасов (Головачев П. М. Декабристы: 86 портретов, вид Петровского завода и 2 видовых рисунка того времени. М., 1906 г.)

нескольких поколений ссыльных заключалась в обосновании необходимости открытия школ. Декабрист Черкасов в Берёзове пытался учить местных ребятишек, но этот вид деятельности был запрещен. Необходимо отметить, что в Тобольске и Ялуторовске ссыльные при поддержке образованного священника С. Я. Знаменского организовали школы и для мальчиков, и для девочек. По подсчетам академика М. С. Нечкиной, эти школы окончили более 700 человек. Наиболее известными воспитанниками декабристов были художник М. С. Знаменский и Августа Созонович⁴⁵¹.

Главное заключалось во всеохватывающем влиянии культурных навыков поселенцев, их образованности, мировоззрения, манер и такта. О морально-педагогическом влиянии ссыльных декабристов на сибирских детей и юношей можно судить по воспоминаниям М. С. Знаменского. Называя декабристов людьми нравственными, бескорыстными и преданными отечеству, он добром вспоминал своё прошлое, когда жил под их покровительством.

В итоге на территорию Югры сослали восемь участников восстания 1825 г. Они не принадлежали к руководителям оппозиционного движения, но для наказания им выбрали районы

доносы на Берёзовских ссыльных, утверждая, что они «обнаруживают злобление и ненависть к правительству». В итоге Горского арестовали, обвинили в подготовке мятежа поляков с целью «завоевания Бухары и Китая» и отправили в Омск.

После отъезда Фохта, Ентальцева и Горского А. В. Черкасов остался в Берёзове один до конца февраля 1830 г. Он пытался учить местных ребятишек, но этот вид деятельности был запрещен. Правда, из Петербургской крепости доставили в Берёзов деятеля польского движения С. Ф. Крыжановского, в начале 1832 г. переведенного в Ишим. Черкасова в марте 1833 г. переселили в Ялуторовск⁴⁵⁰.

Все поселенные на севере декабристы получили очень хорошее образование, были начитанными, но ни в Берёзове, ни в Кондинском интересных для них книг не было. Отрывочные сведения, однако, показывают, что декабрист И. Ф. Фохт много читал медицинской литературы.

Одна из главных просветительских идей

⁴⁵⁰ После ссылки в 1843 г. Черкасова обязали жить в имении мачехи под строгим надзором полиции, он приобрёл в разных губерниях имения для управления делами мачехи и её детей. В 1854 г. А. И. Черкасов обвенчался, но скончался, не дождавшись рождения единственной дочери.

⁴⁵¹ Роцевский П. И. Воспитанник декабристов художник М. С. Знаменский / ред. чл.-корр. АН СССР А. А. Сидоров. Тюмень, 1954. 146 с.

приполярного севера с наиболее суровыми условиями жизни. Они были оторваны от родных, испытывали унижение из-за неполноправного положения. Их переписку проверяли. Трудно было приспособиться к новым сельским условиям. Материальное обеспечение почти у всех ссыльных было незавидным. Шахирев, Фурманов и Фохт были настолько бедны, что им выдавали солдатский паёк. Все тяжело физически и нравственно страдали, не могли в полной мере использовать свои знания, силы, образование, найти средства к существованию в непривычной обстановке. Фурманову (в Берёзове) и Фохту (в Кургане) удалось создать новые семьи, но жёны принадлежали к непривилегированным сословиям, а дети не унаследовали отцовских дворянских привилегий. Однако по мере сил ссыльные пытались заниматься врачеванием, оказывать местным жителям медицинскую помощь и все-таки находили среди местного населения сочувствие и некоторую поддержку.

Деятели следующих поколений проявляли углублённый интерес к истории декабристов. Ссыльный народник С. П. Швецов разыскал могилу Шахирева в Сургуте и в начале XX в. подготовил о нём биографическую статью для энциклопедического словаря⁴⁵². Член «Общества переводчиков и издателей» В. Т. Распопин в Берёзове работал над историей декабристского движения⁴⁵³. Высланный в Сургут социалист-революционер Ю. Н. Подбельский, повидавший «много тюрем и пересылок, начиная с Соловков», собирал материалы по истории ссылки и одну из статей посвятил столетию со дня смерти декабриста А. И. Шахирева⁴⁵⁴. После восстания декабристов ссылку стали воспринимать несколько иначе в силу значительного увеличения этой категории репрессированных, особенно участников восстания в Польше, Западной Украине, Белоруссии и Литве в 1830–1831 гг.

Деятели революционно-демократического движения

В середине XIX в. в результате общественного подъема, вызванного масштабными буржуазными преобразованиями, в России значительно повысилась активность масс, что отражали и статистические данные. По данным Тобольского Приказа о ссыльных, в 1861 г. в Сибирь отправлено более 11 тыс. крестьян, в 1862 г. — свыше 13 тыс.⁴⁵⁵ Больше всего ссылали из Казанской и Пермской губерний⁴⁵⁶, где развернулись самые крупные крестьянские движения. В Пермской губернии в восстании 1861 г. участвовало около 17 тыс. крестьян⁴⁵⁷. Они заявляли, что «будут защищаться до последней крайности [...] и пойдут куда угодно — в Сибирь или на каторгу»⁴⁵⁸. Если крестьяне не могли в течение нескольких лет уплатить выкупные платежи и государственную подать, их с семьями выслали в Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии за неповиновение властям⁴⁵⁹.

⁴⁵² Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX в. / сост. Л. П. Рощевская, Белобородов. Екатеринбург, 1998. С. 399.

⁴⁵³ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 9. Д. 65. Л. 3.

⁴⁵⁴ Культурное наследие Сургутской политической ссылки: К столетию декабриста А. И. Шахирева // Уральское краеведение. 1928. № 2. С. 210–215.

⁴⁵⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 8. Д. 97. Л. 85; Д. 85. Л. 94.

⁴⁵⁶ ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5368.

⁴⁵⁷ Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. М.-Л., 1949. Ч. I–II. С. 160–163.

⁴⁵⁸ Крестьянское движение в России в 1870–1880-х годах. М., 1968. С. 297.

⁴⁵⁹ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 2. Д. 85. Л. 128, 133.

Рис. 2.72. Гравюра из книги Д. Кеннана «Сибирь и ссылка»

Идеологами крестьянства, недовольного половинчатой реформой 1861 г., выступали общественные деятели «шестидесятники» — сподвижники Н. Г. Чернышевского, которых отправляли в Восточную Сибирь на каторгу. Несмотря на кратковременность пребывания в Западной Сибири, они оказали большое влияние на сибиряков.

Одним из них был сотрудник журнала «Современник», друг Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и Н. В. Шелгунова — талантливый поэт М. И. Михайлов. Когда его только готовились отправить на каторгу, уроженец Тобольской губернии публицист Г. З. Елисеев просил своего родственника, тобольского учителя П. А. Белорусцева, «пособить чем можно» Михайлову в Тобольске⁴⁶⁰. В течение месяца, когда Михайлова содержали в Тобольской тюрьме в январе 1862 г. его посетили 37 человек. «Послабление» Михайлову, то есть некоторое облегчение содержания в тюремном замке, оказывали люди, знавшие декабристов и сформирова-

⁴⁶⁰ Кривенко С. Н. Литературные воспоминания // Русская мысль, 1901. № 7. С. 197.

ровавшиеся под их влиянием. Губернский прокурор дал Михайлову для прочтения «Устав и ссыльных». Ещё один чиновник рассказывал о поездке в Берёзов.

Врач М. Г. Соколов после отъезда Михайлова в июле 1862 г. подготовил «Предположение об устройстве ссыльных в Тобольской губернии»⁴⁶¹. Чиновник Приказа о ссыльных Н. С. Знаменский опубликовал в прогрессивной газете «Век» статью об условиях доставки ссыльных в Берёзов и Обдорск и условиях их жизни⁴⁶². Рассказы о Михайлове слышал в Сургутской ссылке в 1880-х гг. историк революционно-демократического движения В. Я. Яковлев-Богучарский, издавший записки Михайлова⁴⁶³.

Когда ссылали общественного деятеля В. А. Обручева, его сестра предупреждала, что в Тобольске в нём «примет участие тамошний старший врач Соколов»⁴⁶⁴.

Сочувственное отношение прогрессивных сибиряков к шестидесятникам объясняет, что к Н. Г. Чернышевскому в июне 1864 г. в Тобольске применили особые строгости: содержали в секретной камере, не снимали кандалы и через семь дней отправили дальше на каторгу. По данным Иркутского историка Дулова, в 1861–1870 гг. в Сибири находилось 111 политических ссыльных и каторжан⁴⁶⁵. В феврале 1863 г. в Тобольской губернии числилось 19, в сентябре — 22 ссыльных⁴⁶⁶.

Расскажем подробнее об общественном деятеле Казани и Перми выпускнике Казанской духовной академии педагоге Александре Ивановиче Иконникове (1833–1917). Под его влиянием в Перми открыли две мужских и две женских частных воскресных школы (1860–1861), публичную библиотеку, в которой проводили литературно-музыкальные вечера, действовал тайный кружок для распространения прокламаций⁴⁶⁷.

28 июля 1862 г. А. И. Иконникова отправили в Сибирь. В Тобольске он познакомился с Николаем Знаменским и его братом художником Михаилом. Внешний вид больного Иконникова поразил М. С. Знаменского. У Знаменских ссыльный «бывал ежедневно», «всегда появляется с какой-нибудь новостью, большею частью литературной». Братья «неожиданно проводили Александра Ивановича Иконникова в Берёзово», «куда не только Макар, но и никто телят не гоняет», — писал М. С. Знаменский в дневнике. Позже мемуарист неоднократно упоминал о письмах из Берёзова: «Вечером неожиданно получил письмо от Иконникова. Доехал хорошо, и вообще письмо отрадное. Описание его дороги заставляет желать самому посмотреть Иртыш, представившийся ему Венецией». «День начался письмами. Явился какой-то чиновник и привез весточку из Берёзова. Особенного ничего. Духом А[лександр] Иванович не упадет». Мемуарист радовался, что «корреспонденция из Берёзова не прерывается», что почта «представила нам два письма от Иконникова, муксун от него же», что «прислал

⁴⁶¹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5030. Л. 1.

⁴⁶² Знаменский Н. О колонизации ссыльных по Тобольской губернии // Век, 1862. № 4. С. 85–88.

⁴⁶³ Материалы для истории революционного движения в России в [18]60-х гг. / [сост.] и изд. под ред. Б. Базилевского. Paris, 1905. 268 с.

⁴⁶⁴ Обручев В. Из пережитого // Вестник Европы, 1907. № 6. С. 567.

⁴⁶⁵ Дулов А. В. Революционеры шестидесятых годов в сибирской ссылке // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). Иркутск, 1973. Вып. 1. С. 21.

⁴⁶⁶ ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5383; Оп. 13. Д. 18452. Л. 49–50.

⁴⁶⁷ Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. Пермь, 1966. С. 231–235.

Рис. 2.73. Арестованные в Тюмени ждут посадки на баржу

Иконников просить “Искры” за нынешний год или чего-нибудь в этом роде для [подавления] болезненной хандры».

Для облегчения жизни Иконникова, М. С. Знаменский обратился и к поэту П. П. Ершову с «...просьбою, чтобы Петр Пав[лович] написал Берёзовскому протопопу об оказании возможной помощи Иконникову, заброшенному туда обстоятельствами». Вскоре «Ершов получил письмо от Берёзовского протоиерея, пишет, что познакомился с Иконниковым. Но не таков оказался городничий. Судя по его бумаге в губ[ернской] правление, где он спрашивает, как ему обращаться с Ик[онниковым] и, если приедет жена, допустить ли ее к нему. Хорош гусь, нечего сказать»⁴⁶⁸.

Тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович в январе 1864 г. посетил Берёзов и разрешил Иконникову заниматься «разбором статистических сведений из архивных источников Берёзовских присутственных мест»⁴⁶⁹. 14 февраля 1864 г. он сообщал генерал-губернатору Западной Сибири, что поручил Иконникову собрать статистические сведения о Берёзовском крае и проверить «их на месте» «под непосредственную и личную мою ответственность».

⁴⁶⁸ Знаменский М. С. Воспоминания и дневники / сост., подготовка текста, предисловие, комментарии Рощевская Л. П.; подбор иллюстраций, послесловие Швецова Е. П. Тобольск, 2013. 776 с., ил. С. 289–290, 294–296, 309.

⁴⁶⁹ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 10. Л. 43–44.

Губернатор надеялся, что «способности, ум и образование дадут [...] правительству одного из лучших и полезнейших деятелей». Вскоре Иконников опубликовал обширный очерк «Из Берёзова» об экономической жизни края⁴⁷⁰.

Иконников старался оживить и общественную жизнь Берёзова. В 1860-х гг. распространённой формой досуга в провинции стали литературные вечера. Устроил такой вечер и А. И. Иконников. В «Тобольских губернских ведомостях», вероятно, по инициативе Знаменского, ссыльный опубликовал информацию и речь на этом вечере с призывом «умножить наши низшие и средние учебные заведения, училища и гимназии», «позаботиться о том, чтобы основать свой сибирский университет»⁴⁷¹. Иконников был первым революционером-демократом, оказавшимся на севере Тобольской губернии, и развернул популярную в те годы культурно-просветительскую деятельность, что отразил в своей публицистике.

Политические ссыльные периода общественного подъема 1879–1881 гг.

В конце 1870-х гг. в России уже действовала общероссийская революционная организация народников, некоторые усваивали новые методы политической борьбы, выражавшие интересы крестьян. В среде рабочих появились первые политические объединения. Обеспокоенное народными выступлениями правительство переходило к репрессивному законодательству.

Во второй половине 1877 г. в Сибирь стали поступать арестованные пропагандисты. В 1877 г. в Тобольской губернии находилось 23 пропагандиста по процессу 50-ти, а также по делу о Казанской демонстрации в Петербурге и члены «Южно-российского союза рабочих». В Берёзове поселили четверых, Обдорске и Сургуте по трое и одного в Кондинске. В 1878 г. в Тобольской губернии жило уже 42 ссыльных, в том числе в Обдорске пять, Сургуте трое, в Кондинске один. В этой группе были чертёжник и подёнщик. Остальные перебивались случайными работками, но чаще не могли найти никаких занятий. Всего в 1879–1881 гг. в Западную Сибирь сослано по суду 75 народников за пропаганду и почти столько же административно, то есть по политической неблагонадёжности.

Отдельную группу репрессированных составили участники народного движения в Дагестане и Чечне. По официальным данным выслано 4875, по местным — до 30 тыс. человек. Горцев не назначали в губернии с магометанским населением, военнопленными или переполненными поднадзорными, а также не имеющие военных команд или казарм. Основную часть горцев отправили в г. Опочка Псковской губернии, Новгородскую и Саратовскую губернии; одиноких — в Архангельскую губернию, Томск и Тобольск⁴⁷². По сведениям Приказа о ссыльных 600 горцев расселили в северных уездах Тобольской губернии, причём некоторых с семьями.

⁴⁷⁰ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 95. Л. 11–12; Оп. 40. Д. 148.

⁴⁷¹ А. Ик-в [Иконников А. И.] Литературно-музыкальный вечер в Берёзове и несколько слов, сказанных к публике одним из учредителей вечера // Тобольские губернские ведомости. 1863. 17 авг. (№ 33).

⁴⁷² История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1988; Магомедов М. Причины и последствия восстания 1877 года в Дагестане в оценке современников и исследователей // prichiny-i-posledstviya-vosstaniya-1877-goda-v-dagestane-v-otsenke-sovremennikov-i-issledovateley. pdf (Режим доступа 07.12.2022).

Рис. 2.74. Ф. И. Шефтель, участница демонстрации у Казанского собора, сосланная в г. Берёзов

Приходившие с воли отголоски новых решительных действий ставили под сомнение приемы борьбы, и ссыльные пересматривали свои позиции, что затруднялось сознанием оторванности от активной революционной деятельности и невозможностью вести пропаганду среди сибирского населения. Ссыльные революционеры по-разному восприняли «диктатуру сердца» М. Т. Лорис-Меликова. У некоторых он посеял смутные надежды на облегчение участи. Но в 1880 г. из Западной Сибири, где томились 176 политических ссыльных, было освобождено только семеро⁴⁷³. Другие «не ждали от него «ник[аких] великих и богатых милостей (они не для нашего брата) [...]». Война, значит, уже объявлена», как писал один из ссыльных⁴⁷⁴.

Но ссыльные народники содействовали развитию общественной жизни в сибирских городах, придавая возникавшим кружкам либеральной интеллигенции политический характер. Первые такие кружки возникли в расположенных на ссыльном тракте городах Тюмени и Ялуторовске. Главными заботами этих кружковцев было установление связи с пересыльными, снабжение их продуктами, литературой, иногда тайными

письмами и сообщение в центральную Россию о положении пересыльных и пунктах будущей ссылки.

Про Обдорск между ссыльными ходила мрачная слава: «Обдорск, брат, это такая яма, что трудно себе представить»⁴⁷⁵. В январе 1880 г. несовершеннолетняя участница демонстрации на Казанской площади в Петербурге Ф. И. Шефтель писала из Берёзова: «Вы, вероятно, заинтересуетесь знать, как жилось мне последние два года. Удовлеть ваше любопытство я могу в двух словах: жилось скверно. Комментариев эти слова не требуют, они ясны для того, кто знает условия жизни в глухом захолустье и для живущего там не по своей воле. Моя жизнь здесь была в общих чертах такою же, как и для всех ссыльных в Сибири: чтение, занятия по временам какой-нибудь наукой и... больше ничего. Эти два занятия идут попеременно с одуряющей тоской по родине».

Как чрезвычайную редкость можно упомянуть о приезде к Шефтель её брата, студента юридического факультета Петербургского университета: «Только в нынешнее лето [1879 г.] я испытала большую радость: ко мне приехал брат и прожил у меня два месяца»⁴⁷⁶.

⁴⁷³ ИАОО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 10. Л. 264.

⁴⁷⁴ Ник. Г. [Горбань Н. В.] Из истории Ялуторовской ссылки [18]80-х гг. (по материалам Тобольского архива // Омская область. 1940. № 8. С. 60.

⁴⁷⁵ ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 14672. Л. 123.

⁴⁷⁶ ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 14672. Л. 157.

М. И. Шефтель входил в кружок «молодых землевольцев» и привез новости о революционной среде. В пути на пароходе он переговаривался с пересыльными и просил стражника передать им письма⁴⁷⁷. В Берёзове он познакомился с ссыльными С. Я. Ляховичем, сосланным за участие в Южно-российском рабочем союзе, круг чтения которого был совершенно другим. Ещё на свободе кочегар морского парохода одессит Ляхович доставлял в Россию книги и газеты из редакции газеты «Вперед». При обыске в Берёзове в ноябре 1879 г. у него обнаружили книги, не имевшие цензурного разрешения. Их содержание свидетельствовало о неугасающем интересе к истории общественного движения, всеобщей истории и истории науки⁴⁷⁸. Другой ссыльный, Стаховский, был осужден по процессу 193-х — «Делу о пропаганде в империи».

Фелиция Шефтель вела обширную переписку, поэтому её брат узнал о волнениях и трудностях ссыльных и по возвращении в столицу информировал об этих проблемах своих единомышленников. В целом ссыльные стали осторожнее и пользовались главным образом неофициальными каналами переписки, поэтому задержанных полицией писем в 1879 г. встречается меньше.

Рис. 2.75. Участники процесса 193-х.
Фотомонтаж из 93-х фотографий. 1920–1930 гг.

⁴⁷⁷ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 8. 1879. Д. 37.

⁴⁷⁸ Спенсер Г. Основания социологии. В 2 томах. В одной книге. Санкт-Петербург, 1876–1877. 900 с.; Васильчиков А. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. СПб., 1869–1871. В трех т.: Т. 1. [2], 8, XLVIII, 352 с.; Т. 2. VIII, 477 с.; Т. 3. [6], 377 с.; Трачевский А. С. Испания девятнадцатого века. Ч. 1. М., 1872. Ч. 1. XVIII, 403 с.

Формы самоорганизации, протестные акции и эволюция общественных настроений политических ссыльных в конце XIX — начале XX вв.

Противодействие политических ссыльным ужесточению центральными властями правил отбытия ими наказания и тяжёлым условиям проживания вдали от привычного уклада жизни, семей и родственников осуществлялось в различных формах — организации колоний, коммун, общественных столовых, касс взаимопомощи и др.

Колонии и коммуны политических ссыльных имели важное значение в самоорганизации и их выживании. Это было связано с тем, что среди ссыльных преобладали разночинцы или обедневшие дворяне. Материальное положение большинства было тяжёлым, «вследствие вздорожания квартир, поднятием цен на предметы первой необходимости и отсутствием заработков. Казенным же шестирублевым пособием прокормиться невозможно», уточняла «Сибирская газета» (1883. № 29).

В 1880-х гг. в Западной Сибири насчитывалось около 40 колоний. Количество ссыльных в колонии колебалось от четырёх до 40 человек. Состав колоний всё время менялся, так как одной из мер наказания являлись постоянные переводы из города в город. Противостоять переводам ссыльные почти не могли, но ядро колоний все-таки три-четыре года было постоянным. Материальное положение членов коммун не было одинаковым, но все средства поступали в общее пользование. Все делились своим имуществом вплоть до того, что пальто, сапоги или платье передавали тому, кто более в этом нуждался. Главным принципом такого поведения была взаимопомощь, что соответствовало идеалам ссыльных. В условиях постоянных лишений и полицейского надзора большое значение приобретали создаваемые ссыльными коммуны, общественные столовые, кассы взаимопомощи, которые отвечали

Рис. 2.76. Подорожная — государственный документ для получения казённых лошадей во время проезда через почтовую станцию. Использовался при перевозке политических преступников к месту ссылки (Фонды ГУТОГА в Тобольске)

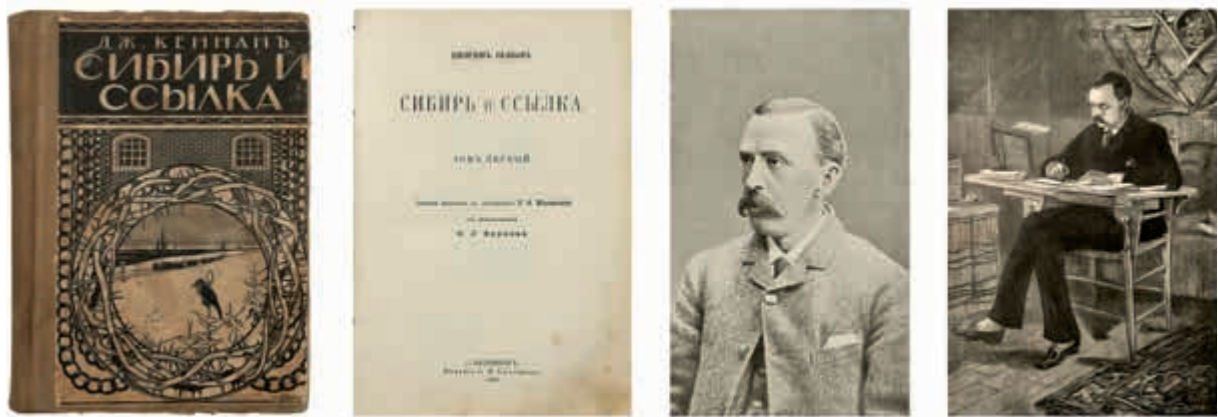

Рис. 2.77. Д. Кеннан и русское издание его книги «Сибирь и ссылка»

общественным идеалам ссыльных⁴⁷⁹. Одна из первых коммун возникла в Обдорске в 1878 г. В неё входили А. Н. Нуромский, Н. А. Гervasий, К. Н. Лебедев и С. С. Наумов. Они заняли отдельный дом, завели своё хозяйство, которое вела супруга Наумова. «Мотив для устройства общей столовой был — дешевизна и свобода от кухонных забот», — вспоминал очевидец⁴⁸⁰.

Одной из форм взаимопомощи стали столярные, токарные, переплётные и другие мастерские, в которых было полное отсутствие наёмного труда. Создаваемые ссыльными кассы взаимопомощи Департамент полиции «признавал нежелательным» и рекомендовал размещать их организаторов по другим городкам⁴⁸¹. Но подобная касса имелась в Берёзове. Принцип её деятельности заключался в том, что добровольные взносы концентрировали в общей кассе. Ежемесячно взрослому нуждающемуся выдавали по восемь, а на ребенка четыре рубля⁴⁸².

Несмотря на усиление полицейского надзора в период политической реакции 1880-х гг., ссыльные стремились установить контакты с Западной Европой, где интерес к карательным мерам российского правительства усиливала деятельность политических эмигрантов из России. Из числа западносибирских ссыльных последней четверти XIX в. более 40 человек бывали за границей до или после ссылки. В 1884 г. сургутский исправник конфисковал письмо А. И. Аверкиева в Париж к бывшему ссыльному В. П. Сидорацкому. В письме шла речь о судьбе почти 20 политических ссыльных из Западной и Восточной Сибири⁴⁸³. В данном контексте большое значение имела книга американского журналиста Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка». Ссыльные ожидали приезда американца, «который, как говорят, набрал массу материала по всем отдалённым уголкам Сибири»⁴⁸⁴. Кеннан признавал, что

⁴⁷⁹ Швецов С. П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 11. С. 88.

⁴⁸⁰ ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15503. Л. 71; РГАЛИ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 18. Л. 22.

⁴⁸¹ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. 1888. Д. 73. Л. 10–11.

⁴⁸² ГА РФ. Ф. 1742. Коллекция нелегальных изданий. «Политическая ссылка», 1888. № 1. Л. 109.

⁴⁸³ ГА РФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1884. Д. 324. Л. 2.

⁴⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 234. Оп 3. Д. 194. Л. 56.

в 1885–1886 гг. всюду получал исчерпывающую информацию и документы. Ссылный Г. Борзяков вспоминал, что богатейшие сведения о многих колониях ссылных В. Я. Яковлев (Богучарский) передал Кеннану⁴⁸⁵. Много помог Кеннану и эмигрировавшему русскому народнику С. М. Степняк-Кравчинскому поэт Ф. В. Волховский после побега из Сибири. Книга Кеннана произвела огромное впечатление в Европе, её высоко оценивал Ф. Энгельс. «Всероссийский староста» М. И. Калинин называл её «настоящей библией» русских революционеров. Без помощи ссылных книга не могла появиться.

Новые формы приобретали связи ссылных из разных сибирских районов с карийскими каторжанами. Поскольку отправляемые на каторгу следовали в общих арестантских партиях, ещё в пути складывались новые контакты. Как правило, на пристанях ссылные встречали арестантские баржи, успевая перекинуться несколькими фразами или передать тайные записочки. Сведения о Каре находились у ссылного народовольца Я. И. Меримкина. Во время обыска у него обнаружили программу сбора сведений о политических ссылных и 73 письма от разных лиц, в том числе из Кары. Оживление связей с Карийскими каторжанами в 1885–1886 гг. объясняется тем, что в эти годы начались их переводы в Западную Сибирь. В 1885 г. с Кары переведён в Сургут С. И. Агапов. Он сапожничал, но семья так бедствовала, что им выдавали пособие и деньги на одежду. В 1888 г. полиция перехватила письмо С. И. Агапова в Баргузин с копиями протестов сургутских ссылных Тобольскому губернатору и министру внутренних дел. Агапов был переведен в с. Юганское.

В 1880-х гг. увеличение разночинской части репрессированных, то есть демократизация состава ссылных, изменили условия установления связей и контактов между сибирскими ссылными и единомышленниками, действующими на свободе. Развитие паровозного транспорта, строительство железной дороги до Тюмени, миграция торгующего населения и другие факторы развития коммуникаций позволяли расширять контакты ссылных, прежде всего в форме переписки. Недаром в Министерстве внутренних дел организовали специальный отдел перлюстрации, в котором просматривали личную корреспонденцию втайне от отправителя и получателя. Здесь же копировали вырезанные цензурой куски писем. Таким образом в Московском архиве сохранились тексты ссылных. Значительно возросло количество писем на русском и польском языках. В письмах чётче проявлялось стремление осмыслить ссылку как социально-правовое явление, оценить деятельность ссылных по освоению и исследованию Сибири. Одновременно расширялись письменные контакты сибирских ссылных с соратниками, отправленными и на Европейский север. В конце 1888 г. вернулся на родину сын архангельского купца П. А. Недошивин. Через некоторое время при обыске у него изъяли пять тетрадей со списками политических ссылных, полтора десятка фотографий и письма из Сибири. Сам он послал в Берёзов речь Г. А. Лопатина на суде и просил познакомиться с ней товарищей⁴⁸⁶.

Участие ссылных в деятельности «Красного креста Народной воли» также стало своеобразным протестным проявлением. Это было связано с тем, что правительственное «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (14 августа 1881 г.) вызвало некоторые надежды у части ссылных на облегчение участи. Участник студенческих волнений в Киевском университете и панихиды по умершим поднадзорным

⁴⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 196. Л. 3.

⁴⁸⁶ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2. Д. 20. Л. 4.

в Полтаве, Сургутский ссыльный Д. Д. Лейвин 15 ноября 1881 г. писал: «Читал я и новые законы об охране и думаю, что срочность административной ссылки для нас с тобой будет очень хорошая вещь, особенно, если начало будет считаться у нас с тобой со времени высылки на родину»⁴⁸⁷. Но надежды ссыльных правительство в очередной раз проигнорировало.

Разгром Исполнительного комитета Народной воли побудил революционное подполье создать нелегальную организацию «Красный крест Народной воли» для помощи заключенным и ссыльным в подготовке побегов из Сибири. Среди ссыльных были распространены списки ссыльных с указанием городов, где они находились, и информацией о материальном положении. В обнаруженных полицией списках имелось от 15 до 300 фамилий. По их адресам отправляли деньги, одежду, инструменты, книги. Денежные переводы от имени Красного креста сосланные пропагандистки сёстры Субботины посылали из Томска в Берёзов, Обдорск и Сургут⁴⁸⁸.

21 декабря 1881 г. Д. Д. Лейвин получил из Петербурга 20 рублей и просьбу сообщить сведения о «других ссыльных вашего города, их имена и насколько они нуждаются — может быть найдется переслать что-нибудь и им из вещей или денег». Сургутяне по линии Красного креста получали газеты из Одессы, Харькова, Петербурга. В Сургут, по сведениям губернского статистического комитета, в середине 1880-х гг. поступало 22 периодических издания, в том числе «Восточное обозрение», «Сибирский вестник», «Сибирская газета», «Неделя», «Педагогическая хроника», «Русская мысль» и др. Большинство журналов получали ссыльные⁴⁸⁹. В городе имелся народный дом с библиотекой, имевшей всего 500–600 книг. Но открывали библиотеку только по воскресным дням, когда был свободен учитель, выдававший книги. В начале XX в. в библиотеке стали практиковать немые картины на исторические темы⁴⁹⁰.

Успешная деятельность «Красного креста Народной воли» была прервана в начале 1882 г. В самый разгар следствия Д. Д. Лейвин добился перевода к отцу в Омск. Документы о его сотрудничестве с «Красным крестом Народной воли» сохранены в Центральном государственном архиве Республики Казахстан. Из них видно, что Лейвин в Омске был арестован за сношения с политическими ссыльными Тары, Ишима и Ялуторовска⁴⁹¹.

Лейвина интересовала судьба арестованных членов Красного Креста. Он несколько раз возвращался в письмах к этому вопросу: «Мне бы очень хотелось знать, в каком положении находится дело Орловой, Субботиной и др. Что-то так разусердничались, что и меня несколько притянули к этому делу. Субботина, видите ли, когда-то мне посылала деньги, ну и почтовая расписка была найдена у Орлова, так это-то обстоятельство и послужило поводом притянуть меня к делу»⁴⁹². Из разговоров Лейвин выяснил: «За аресты тамошние [в Томске] тут рассказывал томский жандармск[ий] офиц[ер]. Там арестованы: Субботина, мать, Ярошинский, Мартынова, Прис[ецкая], Шварц и Орлов»⁴⁹³. В дальнейшем Лейвин продолжал

⁴⁸⁷ ГА РФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1881. Д. 1154. Л. 1.

⁴⁸⁸ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 571. Л. 106, 121, 153.

⁴⁸⁹ Г[олодников] К. На северо-востоке Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. 1886. 25 янв.

⁴⁹⁰ История населённых пунктов Югры: краткий научно-популярный справочник. М., 2012. 176 с.

⁴⁹¹ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 8. 1879. Д. 22; 1880. Д. 49; ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 530. Л. 24, 31–33.

⁴⁹² ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5230. Л. 19.

⁴⁹³ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5230. Л. 21.

Рис. 2.78. Л. А. Иванов

материально поддерживать ссыльных. Письма к нему содержали указание шифров и способы переписки, вопросы, что нового у ссыльных на Каре и в Забайкалье. История Д. Д. Лейвина показывает, что в конце 1870 — начале 1880-х гг. ссыльные создавали кружки местной оппозиционно настроенной молодежи из разночинцев. В кружках занимались агитацией, распространением запрещённой литературы, установлением связей с революционным подпольем, сбором сведений о ссыльных и помощью в организации побегов. Обыски по делу «Красного креста Народной воли» провели в 14 городах, к следствию привлекли 141 человека, в том числе 32 ссыльных. Одним из них был Лейвин.

Протесные акции политических ссыльных были ответом ссыльных народников на ожесточение полицейского режима. Они проявлялись в отказах выполнять распоряжения властей, индивидуальных и коллективных устных и письменных протестах, издании гектографированных писем-обращений к властям, побегах. Причинами выступления стали антисанитарные условия жизни, отсутствие элементарной медицинской помощи, задержка пособий, утрата корреспонденции, грубость и произвол местной администрации и стражников. Поводом для протестов являлся уход из жизни ссыльных. Когда почти одновременно скончались ссыльные А. О. Лютик, Н. А. Шевелев и П. Ф. Башкевич⁴⁹⁴, в га-

зетах стали появляться траурные сообщения: о кончине П. Л. Забалуева — оппозиционная томская «Сибирская газета»⁴⁹⁵, А. О. Лютик и А. П. Булича в Туринске — народовольческая нелегальная пресса. О смерти Н. М. Поль, А. О. Лютик, П. Ф. Башкевиче и защитнике Парижской Коммуны Н. А. Шевелеве писали П. Л. Лаврову. «Немедленно после этого последовали страшные преследования: одних арестовали, других переселили, затем большинство выселили на дальний север в Берёзов и Пелым», — писали П. Л. Лаврову в Париж⁴⁹⁶.

Самым крупным стал протест в Сургуте в 1887 г., где в колонии насчитывалось 25 человек, если не учитывать членов семей. 17 ссыльных участвовали в различных столкновениях с полицией, одиннадцать были народовольцами. Ускорила выступление в Сургуте смерть ссыльного Л. А. Иванова. Он был одним из первых репрессированных пропагандистов. В его документах сказано, что он сослан «навечно и еще на десять лет». Начало личной библиотеки ссыльный Л. Иванов положил ещё в Туринске, куда ему прислали из Саратова «Капитал» К. Маркса и очерк Тюменского народнического писателя Н. И. Наумова «Сила солому ло-

⁴⁹⁴ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 8. 1889. Д. 56. Л. 55–56.

⁴⁹⁵ Народная воля. 1885. № 11–12; Сибирская газета. 1888. № 35.

⁴⁹⁶ ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 5. Д. 65. Л. 3; Д. 86. Л. 8.

мит». Иванову достались книги, оставшиеся после кончины участника Парижской Коммуны, прекрасного оратора Н. А. Шевелева, который несколько раз выступал перед ссыльными с докладами на политические темы. Современники вспоминали, что Иванов был очень трудолюбив, бескорыстен и честен⁴⁹⁷.

На его могилу изготовили плиту с текстом: «Штабс-капитан артиллерии Лев Андреевич Иванов. По политическому процессу 50-ти. 1887 год». Один экземпляр плиты обнаружен в 1967 г. в Свердловске, другой — в деревне Верхне-Филатово под Тобольском и ныне хранится в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике. «Подобные похороны имеют характер политической демонстрации», — сделал вывод губернатор⁴⁹⁸. Начальник тобольского губернского жандармского управления признавал, что ссыльные «совершенно игнорируют существующий над ними гласный надзор полиции»⁴⁹⁹. М. П. Орлов вспоминал, что после известия о кончине Иванова «начался целый ряд совещаний, вызванных, с одной стороны, общим желанием организовать по возможности более яркий протест, а другой — очень тяжелым финансовым положением сургутских ссыльных»⁵⁰⁰.

Суть протеста заключалась в нескольких коллективных письмах. От Тобольского губернатора потребовали прекратить «вопиющие нарушения наших прав, отсутствие медикаментов и медицинской помощи» (22 декабря 1887). Во втором протесте сообщали, что приняли молчание губернатора за отказ выполнить их требования (19 января 1888). Протест министру внутренних дел размножили на гектографе (16 февраля 1888). Полиция обнаружила копии третьего протеста в Тобольске, Баргузине, Саратове и среди документов В. Я. Богучарского⁵⁰¹. В протесте на имя Александра III (1888 г.) политические ссыльные спрашивали: «Как ваше величество объясняет участие тобольского губернатора г. Тройницкого в убийстве Льва Иванова в г. Сургуте? Русская политическая ссылка протестует против потаенного убивания своих товарищей оставлением их без возможности добывать себе хлеб, вне районов медицинской помощи [...] и требует, чтобы ваше величество или отменило подобные правила, или обнародовало, что оно принимает на себя ответственность за эти убийства»⁵⁰². Чтобы известить общественность о положении ссыльных, сургутяне организовали 19 февраля 1888 г. побег ссыльных И. И. Лазаревича и А. И. Лебедева и скрывали это до середины марта. Лебедева арестовали в конце сентября в Петербурге, а Лазаревич благополучно эмигрировал, встретился с П. Л. Лавровым и по его заданию составлял списки нуждающихся сибирских ссыльных⁵⁰³.

18 марта в Сургут прислали карательную экспедицию. Людей хватили и раздетых тащили в полицейское отделение. Утром собрались обыватели, «крайне сочувственно относящиеся к политическим ссыльным». По информации в Департамент полиции некоторые плакали при прощании. Ссыльные, отъезжая, выкрикивали лозунги «Да здравствует народная свобода и воля!», «Да здравствует Народная воля!». В жандармском управлении признали сочув-

⁴⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 68. Л. 121–122; ГА РФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. 1881. Д. 92, 18.

⁴⁹⁸ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 8. 1877. Д. 46. Л. 431.

⁴⁹⁹ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. 1888. Д. 15. Л. 1.

⁵⁰⁰ Орлов М. П. Воспоминания о Н. Л. Зотове // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9. С. 256.

⁵⁰¹ РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 195.

⁵⁰² Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г. // Красный архив. 1930. Т. 4–5. С. 210.

⁵⁰³ ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 5. Д. 65, 86.

Рис. 2.79. Н. В. Яковлев (Богучарский)

ственное отношение к ссыльным обывателей П. Л. Вергунова, Е. И. Буканина, А. И. Баталина, И. Ф. Кайдалова и М. К. Кондакова, некоторых стражников, местных жительниц, ставших супругами ссыльных. 20 июля в Сургуте прошли повальные обыски. Были обнаружены ручной типографский станок, набор типографских литер, письма, тетрадь с описанием различных столкновений с полицией, сведения о движении пересыльных партий⁵⁰⁴.

В итоге А. Т. Вадзинского, Н. В. Яковлева (Богучарского), А. Молдавского, Я. Дибобеса, И. Лазаревича (в случае поимки) выслали в Якутскую область с увеличением ссылки на два года. Остальным продлили ссылку на год и разослали по два–три человека по селам. Н. Блинова и чету Аверкиевых — в с. Юганское, С. Лесневича — в с. Локосовое Сургутского округа. В. Казакова и И. Меримкина — в с. Кондинск, А. Лебедева — в с. Кушеват Берёзовского округа; М. Орлова, И. Соколова и Н. Зотова — в с. Пелым Туринского округа; Л. Колегаева, В. Мрачковского — в с. Локосово. Броневского оставили

в Сургуте до скорого окончания ссылки. Н. Л. Зотов, М. П. Орлов и И. М. Соколов в конечном итоге оказались в Якутске, где также участвовали в неповиновении губернатору. Там для усмирения ссыльных использовали войска. Шесть ссыльных были убиты, восемь ранены, а Зотов по решению суда казнён⁵⁰⁵. Протестное письмо Сургутских ссыльных на имя министра внутренних дел С. М. Степняк-Кравчинский переслал Дж. Кеннану, который изложил в своей книге его суть⁵⁰⁶.

Берёзовские ссыльные написали министру внутренних дел о притеснениях нового полицейского исправника. Протесты начались в Тюменской и Томской пересыльных тюрьмах. На имя Н. Л. Зотова в Сургут приходили письма, в которых не одобряли дела, так как оно «платоническое, способное удовлетворить оскорбленное нравственное чувство, но практических выводов не получит никаких»⁵⁰⁷. В письме к Н. М. Флерову, А. Я. Молдавскому и Н. И. Гомолецкому в Берёзов называли протестантов фанатиками, считали их действия тратой сил⁵⁰⁸. Но из Томской губернии ему же писали в декабре 1888 г., что испытания не должны «подавлять энергию, напротив, [должны] удесятерять ее для

⁵⁰⁴ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. 1888. Д. 15. Л. 176.

⁵⁰⁵ Якутская трагедия 22 марта (3 апреля) 1889 года: сб. воспоминаний и материалов / под ред. М. А. Брагинского, К. М. Терешковича. М., 1925.

⁵⁰⁶ Kennan G. Siberia and exile system. New-Jork, 1970. В издании сказано, что протест помещен в приложении С, но само приложение отсутствует.

⁵⁰⁷ ГА РФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1887. Д. 895. Л. 3.

⁵⁰⁸ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. 1888. Д. 6. Л. 149.

борьбы с этим проклятым злом», что «действуют как-то ободряюще, злобы больше накапливается на сердце»⁵⁰⁹. В городах Западной Сибири начались столкновения с полицией, причём везде ссыльные подчеркивали, что выражают солидарность с сургутянами. Это была тактика так называемых «оскаленных зубов», которая гласила, что революционеры должны продолжать борьбу при всяких обстоятельствах⁵¹⁰.

Еще одним крупным событием в истории политической ссылки в Западной Сибири было появление весной 1888 г. рукописного журнала «Политическая ссылка», подготовленного ссыльными г. Туринск. В колонии было несколько лиц, переведённых из Сургута. У Орлова имелось письмо бежавшего из Сургута И.И. Лазаревича, которое использовали в журнале для доказательства удачных побегов. Е.С. Меримкин имел список каторжан на Каре и составлял программу для сбора сведений о политических ссыльных. М. Орлов и Н. Зотов получали из Обдорска сведения о столкновении с полицией, о выходе за границу газеты «Самоуправление», о составе первой партии ссыльных 1882 г., в которой шёл В.И. Фролов⁵¹¹. Журнал размножили на гектографе и отправили в Петропавловск, Тюмень, Челябинск, Иркутск и около 40 экземпляров в Тобольск. Но в Иркутской губернии почтальон утонул, сумку с пакетом на имя ссыльного М. Войнича, который позже стал известным писателем, обнаружили на берегу. Начались новые аресты.

Эволюция общественных настроений политических ссыльных на Обском севере проявилась в том, что в 1880-е годы в Сибири возникали новые идеи борьбы с самодержавием. Это происходило прежде всего среди наиболее образованных политических ссыльных. Но в силу различного уровня культуры и условий жизни на воле их размышления об освободительном движении и формировании новых социалистических идей различались. В середине 1880-х гг. северные колонии пополнились членами «Молодой партии «Народная воля» (П. К. Калинин, П. П. Мануйлов, Н. М. Флеров, Н. В. Блинов). Они с удовольствием занимались этнографией. Общность научных интересов объяснялась и близостью теоретических воззрений. У ссыльных имелись и неразрешённые издания. В мае 1883 г. в Сургуте у бывшего студента Н. А. Блинова, близкого к народовольческим кругам, нашли 197 вырезок из газет, «закрывающих в себе более или менее выдающиеся события, в том числе и по политическим делам». У него хранилось несколько экземпляров газеты «Неделя», тетрадь с оппозиционными стихами «Голод», «На смерть тирана», «Гражданка», сочинения

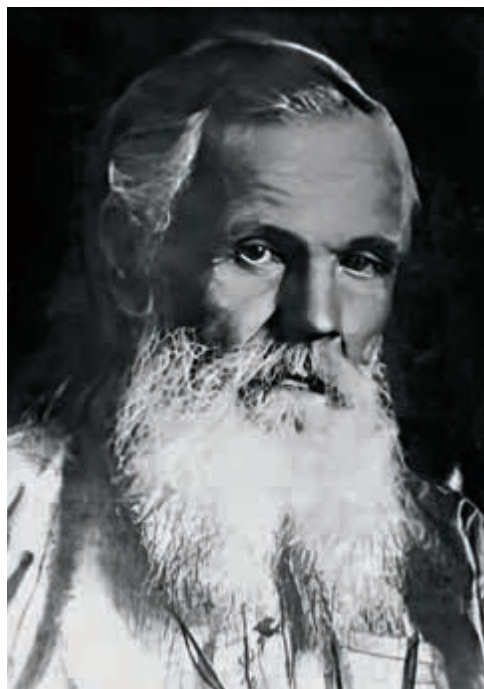

Рис. 2.80. В. Я. Мрачковский

⁵⁰⁹ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. 1889. Д. 5. Л. 23.

⁵¹⁰ Быховский Н. В. А. М. Редько // Каторга и ссылка. 1933. № 12. С. 161.

⁵¹¹ Лурье Г. Еще о «Журнале политической ссылки» и о предыстории 1889 года // Каторга и ссылка. 1939. № 3. С. 143.

Рис. 2.81. Обложка журнала «Юридический вестник» со статьей В. Т. Рапопина

по социологии⁵¹². В марте 1899 г. из Ишима сообщали, что журналы «Русская мысль», «Северный вестник» и газету «Новости» посылают в Кондинск⁵¹³.

К началу XX в. положение политических ссыльных на Тобольском севере в значительной степени зависело от уровня проникновения в эти районы капиталистических отношений, формирования крупных капиталов рыбопромышленников и пароходовладельцев. С другой стороны, наблюдалось сильное обнищание местных жителей, особенно коренного населения ханты, манси, ненцев. При небольшой численности населения севера появление новых жителей в лице политических ссыльных ещё более усугубляло нищенское положение местного населения. Уровень жизни на севере снижался.

Значительное влияние на народников в Западно-сибирской ссылке оказали члены первых рабочих организаций и участники Казанской демонстрации в Петербурге (1876). К замечательной плеяде рабочих-революционеров относят упоминавшегося выше С. И. Агапова. Полиция называла его фамилию среди лиц, «имеющих [...] влияние на остальных политических ссыльных»⁵¹⁴. Ближайшим другом Агапова стал участник «Южно-рос-

сийского союза рабочих» В. Я. Мрачковский, впоследствии член партии большевиков, который пользовался доверием товарищей, о чем свидетельствовало послание: «... ваши письма, т. е. вообще с Сургута распечатываются с нашего разрешения в Берёзово Мрачковским»⁵¹⁵.

Эволюцию к марксизму совершил один из членов «Общества переводчиков и издателей» В. Т. Распопин, о котором Московский оберполицмейстер в конце 1883 г. говорил, что этот «человек умный, энергичный, обладает блестящими способностями», «имя его весьма популярно среди всех социалистических кружков Москвы». Ещё в Тобольской тюрьме по пути в Берёзовскую ссылку В. Т. Распопин развивал свои мысли «о Земском соборе в России и царстве неограниченной власти». Он выделил такие типы государственного устройства, как неограниченная и конституционная монархия и республика. Распопин говорил, что склоняется к республике с однопартийной системой. Выступление Распопина слушали и пропагандисты, и сторонники террористических методов, среди них не утихали дискуссии. В Берёзове (1884–1885) Распопин писал, что исторические преобразования неизбежны.

⁵¹² Кэри Г. Ч. Руководство к социальной науке. СПб.: Н. Неклюдов и кн. Шаховская, 1866–1869. Вып. 1–2.

⁵¹³ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. 1889. Д. 5. Л. 11.

⁵¹⁴ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 8. 1888. Д. 15. Л. 28.

⁵¹⁵ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2 Д. 20. Л. 3.

Он признавал, что после знакомства с социалистическими произведениями, изданными в Берлине, многие изменили свои взгляды на деятельность «Народной воли» и «остановились на распутье, не зная, что думать»⁵¹⁶. Статью Расопина в журнале «Юридический вестник»⁵¹⁷ В.И. Ленин считал образцом методологически правильной обработки данных земской статистики⁵¹⁸.

В Берёзове благодаря М. Цукерману и В. Т. Расопину была собрана библиотека по математике, физике и астрономии. В 1884 г. у Расопина нашли 125 книг, среди которых были материалы комиссии по исследованию кустарной промышленности, статистике, земские издания, сочинения В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, В. П. Воронцова, А. Я. Ефименко, Н. И. Кареева, К. П. Каверина, Д. Милля, Н. Г. Михайловского, П. А. Соколовского, Б. Н. Чичерина, Ф. Шлоссера, Ф. А. Щербини, Н. М. Ядринцева, П. И. Якушкина, Ю. Э. Янсона. Были у него «Капитал» К. Маркса и разрозненные номера журналов «Отечественные записки» и «Восточное обозрение»⁵¹⁹.

Рис. 2.82. Проходной вид поднадзорному на право следования от Тобольска до Берёзова

Ссылные интересовались социалистической литературой, поэтому в колониях имелись наиболее распространенные издания. Сочинения К. Маркса официально были разрешены как научные, но фактически находились под запретом. Тем не менее «Капитал» имели в Берёзове И. А. Френкель и В. Т. Расопин. Расопин переводил работу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Часть Берёзовских ссылных завершили свою эволюцию к марксизму позже (И. Френкель, Н. П. Козеренко, Н. М. Флеров, П. П. Мануйлов, Г. А. Глико, Ф. И. Шефтель). Но количество революционеров, ставших социал-демократами, в целом невелико.

Своеобразными потомками народовольцев стали члены социально-революционной партии «Народное право» — нелегальной революционно-демократической организации народнического толка (1893–1894) — П. П. Мануйлов, М. И. Ослопова, С. В. Сотников, Н. М. Флеров — всего до десяти человек.

⁵¹⁶ ЦИАМ. Ф. 131. Оп. 40. Д. 83. Т. 3. Л. 80, 89, 101–102, 95.

⁵¹⁷ Расопин В. Т. Частновладельческое хозяйство в России (по земским статистическим данным) // Юридический вестник. 1887. № 3.

⁵¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 232.

⁵¹⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 131. Оп. 40. Д. 83. Т. III. Л. 80–85.

Среди 38 биографий революционеров, деятельность которых была связана с событиями октября 1917 г. и гражданской войной в Западной Сибири, почти в каждой сказано, какое большое влияние в период формирования человека и революционера оказали на каждого политические ссылки.

В целом народники доказывали в своих трудах эволюционную динамику в сторону мелкобуржуазного либерализма и совершали эволюцию в сторону социалистов-революционеров (эсеров), которые имели и морально-политический авторитет (Г. Ф. Борзяков, И. А. Гервасий, А. Н. Лебедев, Л. П. Лойко, М. П. Орлов, С. П. Швецов и другие).

Таким образом, режиму и произволу политические ссылки противопоставляли собственные методы борьбы. Напряженность обстановки в 1888 г. подтверждается тем, что в Западной Сибири дважды наготове были воинские команды для подавления ожидавшихся властями волнений, в том числе в Сургуте. В конце 1889 г. Тобольский губернатор просил министерство внутренних дел задержать присылку в губернию новых ссыльных⁵²⁰.

Изменения в составе политических ссыльных и характер политической ссылки в первые годы XX в.

Карательные действия правительства после революции 1905–1907 гг. привели к огромному притоку ссыльных в Сибирь.

Прежде всего, обратим внимание на то, что не избежали политической ссылки даже депутаты первой Государственной думы. 27 апреля 1906 г. начала работу I Государственная Дума. Выборщиком от Тобольской губернии стали выпускник Петербургского универ-

Рис. 2.83. Репин И. Е. 17 октября 1905 г. (Государственный Русский музей, 1907 г.)

⁵²⁰ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. 1888. Д. 15. Л. 35.

ситета А. Н. Ушаков, который вернулся из восточносибирской ссылки, где редактировал газету «Восточное обозрение» (1893), и губернский агроном общественный деятель Н. Л. Скалозубов. Они организовали вольный крестьянский съезд, чтобы разъяснить крестьянам суть манифеста 17 октября 1905 г. Однако власти посчитали съезд незаконным, Ушакова и Скалозубова арестовали и отправили в Сургут. Более 30 парламентариев направили председателю Думы заявление с осуждением тобольского губернатора, выдавшего распоряжение об аресте и высылке Скалозубова. Скалозубов находился в ссылке с апреля по июнь 1906 г. и сумел опубликовать две статьи, в том числе в «Ежегоднике Тобольского губернского музея». Пока общественные деятели находились на севере, Ушакова избрали губернским выборщиком в новую Думу и вернули в Тобольск. От Сургутских горожан он получил наказ, в котором рекомендовали рассмотреть в Думе вопросы правильного почтово-пассажирского речного пароходства, увеличения штата врачей, создания женской гимназии.

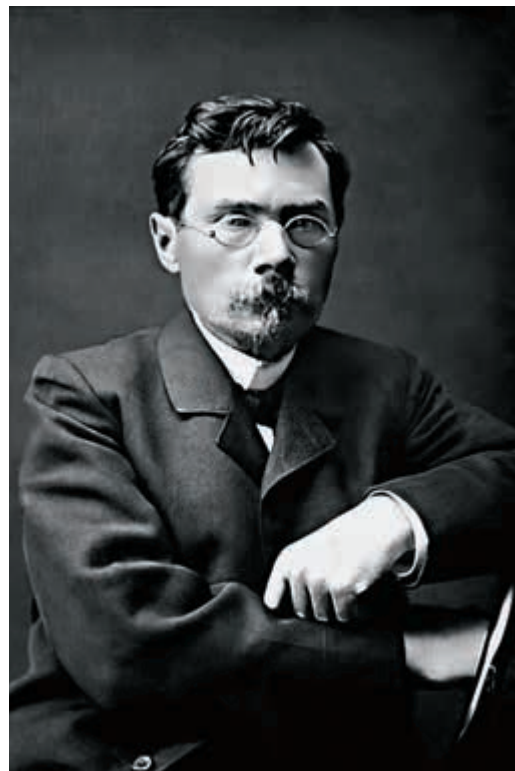

Рис. 2.84. Н. Л. Скалозубов

В феврале 1907 г. Н. Л. Скалозубова избрали депутатом во II и III (1907–1912) Государственные думы. Во II Думе он стал членом трёх комиссий: бюджетной, о свободе совести, аграрной. В III Думе — пяти комиссий: по переселенческому делу, сельскохозяйственной, бюджетной, по рыболовству и по хлопководству. Он стал активным членом Сибирской парламентской группы для разработки сибирских вопросов, подготовки и рассмотрения законопроектов о Сибири. Среди его выступлений выделяют осуждение порядков в Тобольской каторжной тюрьме и в защиту М. Ф. Фрунзе, приговоренного к повешению. Скалозубов доказал, что на месте преступления Фрунзе вообще не было. Как один из парадоксов истории ссылки можно отметить путаницу с определением партийной принадлежности Скалозубова в Думе. В регистрационной анкете он вначале написал: «тяготеею к социалистическим партиям», потом пояснил: «Очень хотел бы получить место несколько ближе к трибуне, т. к. с места, мной занимаемого, слышно очень плохо». Таким образом, утверждение некоторых современных авторов, относящих Скалозубова к кадетам, ошибочно. Во II Думе он примкнул к народно-социалистической партии, затем объявил себя беспартийным⁵²¹.

Расширение политической ссылки в Югру стало ответом правительства, прежде всего, на революционные события 1905–1906 гг. 11 февраля 1908 г. Берёзовский исправник сообщал, что уезд переполнен политическими ссыльными (146 чел.). Он предупредил, что для ожи-

⁵²¹ Родионов Ю. П. Неопубликованная статья Н. Л. Скалозубова о переселенцах // Музей и общество на пороге XXI века: Материалы Всерос. науч. конф., посв. 120-летию Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1998. С. 92–95.

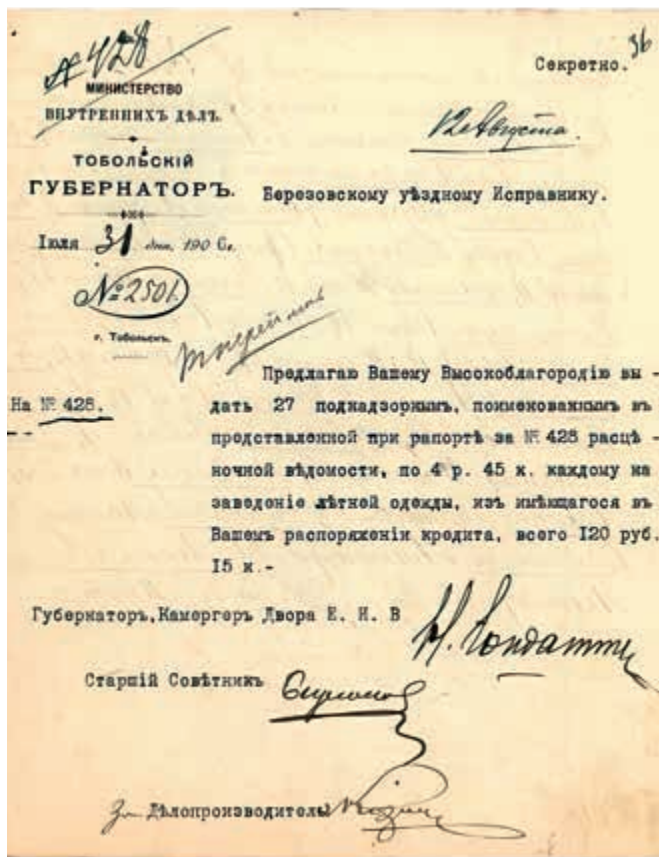

Рис. 2.85. Распоряжение Тобольского губернатора о выделении средств на снабжение одеждой поднадзорных, 31 июля 1906 г. (Фонды ГУТОГА в Тобольске)

Рис. 2.86. Л. Д. Троцкий (Картонка Охранного отделения)

даемых 56 ссыльных в городе не найдётся квартир. 31 декабря 1908 г. ссыльные с. Троицкое жаловались, что в сёлах Берёзовского уезда квартиры и продукты (мука, рыба, мясо) страшно подорожали: «Овощей здесь нет; на одном хлебе не проживешь: нужно или мясо, или рыба, или чай, с которым хлеба уходит более двух пудов в месяц». Ссыльные указали стоимость всех продуктов и просили «сделать представление» Тобольскому губернатору «об увеличении ежемесячного пособия». В феврале 1910 г. министр внутренних дел увеличил общую сумму кормового пособия 326-ти Берёзовским политическим ссыльным до 499 руб. 75 коп., а квартирные только на февраль — май 1910 г. до 1999 руб.⁵²²

О материальном положении ссыльных в начале XX в. дают представленные соответствующие статистические данные, а главное — многочисленные, иногда коллективные жалобы ссыльных. С апреля 1907 г. в Тобольской губернии ссыльным из привилегированных сословий выдавали 9 руб. 75 коп., а ссыльным из непривилегированных сословий — арестантскую дачу (в Сургутском уезде 12 коп. в сутки на чел.). Таким же было пособие для жён ссыльных, а на детей до 14 лет начисляли половину этой суммы. Детям старше 14 лет пособие не выплачивали. Квартирные составляли 1 руб. 50 коп.; детям до 14 лет — 75 коп. Этих сумм, конечно, было недостаточно. Депутат Государственной Думы ссыльный Ушаков писал, что «по здешнему климату одного обеда мало». Другие Сургутские ссыльные писали, что живут «в избах с бесплатным душем во время дождя и снеговой подстилкой во время метели»

⁵²² Букина О. Н. Материальное положение политических ссыльных Тобольской губернии в 1905–1917 гг.

и просили в Государственной Думе «напомнить лишний раз об условиях жизни ссыльных».

Увеличение числа репрессированных в северные регионы и демократизация состава заставила большую часть ссыльных зарабатывать грузчиками, пильщиками, заготовителями рыбы и дров для пароходов. Даже краткий анализ материального положения политических ссыльных в арктическую зону Сибири начала XX в. показывает, что правительство преследовало цель изолировать революционеров и не заботилось об их обеспечении.

Ссылка начала XX в. характеризовалась и другими особенностями. Наиболее впечатляющими были удачные побег ссыльных.

В 1907 г. по пути в Обдорск из Берёзовской пересыльной тюрьмы с помощью местного землемера Ф. Н. Рошковского скрылся видный социал-демократ Л. Д. Троцкий. Документы об этом побеге сохранились в Историческом архиве Омской области. Ссыльный проехал на оленях 700 верст по р. Сосьва до горных заводов Урала, вышел на узкоколейную железную дорогу и добрался до Пермской железной дороги. Из Берёзова бежал и сподвижник В. И. Ленина по созданию марксистских кружков В. П. Ногин. Осенью 1908 г. Ногина доставили в пос. Сухоруково недалеко от Берёзова. Местный охотник снабдил ссыльного теплой меховой одеждой, рассказал, какой путь выбрать. Революционер более 500 километров преодолел до станции Ивдель, а затем перевалил Урал и через полтора месяца прибыл в Петербург. Но в феврале 1909 г. его вновь арестовали, вернули в Берёзов и поселили у прежнего охотника. На четвертый день, летом, при поддержке хозяина он опять добрался до Ивделя и продолжал революционную деятельность. В третий раз Ногина поселили в Туринске, но и отсюда он бежал.

Среди известных большевистских деятелей, испытавших ссылку на севере Тобольской губернии, необходимо назвать Я. Д. Драбкина (партийный псевдоним С. И. Гусев). Он стал членом коммунистической партии в 1903 г., вёл деятельную переписку с В. И. Лениным и Н. К. Крупской. В сентябре 1906 г. его выслали в Берёзов, но он бежал из Тобольска весной 1909 г.

Политическая активность ссыльных на Тобольском севере не ослабевала и приобретала новые формы. В 1909 г. в Сургуте ссыльные организовали в помещении артельной мастерской первомайское собрание. На крыше установили знамя. На собрании произнесли несколько речей, пели революционные песни. Затем ссыльные прошли по улице. Полиция не вмешалась, но потом разослали ссыльных по деревням. В 1910 г. в Сургуте осталось трое ссыльных. По некоторым данным, в конце 1912 г. в Сургуте не было ни одного ссыльного.

Рис. 2.87. В. П. Ногин

Рис. 2.88. Политссыльные с Самарово за чаем. Знакомство с полученной революционной литературой.
Фото А. И. Галкина, 1906–1909 гг. (Фонды МПиЧ)

Обдорский ссыльный большевик Богдан Кнунянц отмечал, что «ссыльных встречают как друзей! Врагов правительства — как истинных защитников народного дела!», а правительство «всей карательной силой своего уголовного кодекса лишает» ссыльных всех прав, «мобилизует гигантский административный аппарат, чтобы заточить в тундре взятых в плен своих врагов»⁵²³.

В 1908–1910 гг. в Берёзове действовал секретный сотрудник политической полиции, который следил за ссыльными⁵²⁴. В 1909 г. впервые в своей истории Берёзовский и Сургутский уезды объявили о положении усиленной охраны. 18 августа 1910 г. режим усиленной охраны продлили до 4 сентября 1911 г. или до появления «нового закона об исключительном положении». 9 июня 1914 г. помощник начальника Тобольского губернского жандармского управления распорядился принять меры в Сургуте против посылки делегата на женскую конференцию социал-демократического направления, которую планировали провести за границей, и не допустить избрания делегатов на предполагаемый съезд РСДРП в Вене⁵²⁵.

⁵²³ Роцевский П. И., Никифорова М. М. Сквозь грозы. Свердловск, 1967. С. 111.

⁵²⁴ Букин А. Ф. Численность, состав и материальное положение секретных сотрудников политической полиции в Тобольской губернии (1906–1917 гг.) // V Омские исторические чтения: материалы региональной научной конференции / Ю. А. Сорокин (отв. ред.), А. В. Якуб (отв. ред.) и др. Омск, 2018. – 192 с.

⁵²⁵ Революционное движение в Тобольской губернии (1905–1914). Сб-к документальных материалов / сост. А. Б. Гамбаров, Л. М. Горячева, А. И. Ефимова, Л. С. Кашихин, Р. А. Рубцова. Тюмень, 1961. С. 247, 278–279.

В 1913 г. в Сургуте поселили восемь рабочих польского происхождения.

По данным Э. Ш. Хазиахметова, за 1905 — февраль 1917 гг. в Сибирь сослали 17139 человек, и в канун Февральской революции 1917 г. в Сибири находилось не менее 9346 политических ссыльных⁵²⁶.

Новая волна политических ссыльных польского происхождения связана с развитием рабочего движения на промышленных предприятиях Польши накануне Первой мировой войны. В партии ссыльных, поступивших в 1912 г. в Тобольскую губернию, из восьми человек пятеро являлись фабричными рабочими. В списке ссыльных появились сведения о принадлежности к той или иной партии: социал-демократы (Ч. А. Герватовский и Н. А. Зелезинский); социалисты (Ю. Грабицкий, А. Я. Боротто, В. Юшинский), анархист и беспартийный.

Ссыльным, доставленным в Сургут только в феврале 1913 г., катастрофически не хватало средств из-за общей дороговизны жизни в северных условиях, девальвации рубля накануне Первой мировой войны и постоянных задержек выплаты пособий, особенно на одежду. К тому же почти сразу их стали переводить в более отдаленные от Сургута села. Н. А. Зелезинского и А. Л. Антосевича перевели в с. Тундрино; Ч. А. Герватовского, В. Ю. Сечко и В. Юшинского — в с. Александровское, где Сечко и В. Юшинский погибли. В Сургуте умер Ю. Грабицкий.

Значительной новацией в истории политической ссылки на севере стала общественно-организационная деятельность ссыльных и участие в установлении Советской власти. А. Л. Антосевич вступил в РКП (б), но погиб во время крестьянского восстания 1921 г. А. Я. Боротто в апреле 1917 г. избрали первым председателем большевистского Совета Сургута. В период Гражданской войны колчаковцы арестовали бывшего ссыльного, отправили в Иркутск и расстреляли (1920). Н. А. Зелезинский тоже участвовал в установлении советской власти в Сургуте.

В начале XX в. в Сибири получило развитие кооперативное движение, возникали потребительские кооперативы, которые поддерживали достаточно широкие массы крестьян и мещан. Всесословные городские кооперативы действовали во многих городах губернии, в том числе в Сургуте⁵²⁷. Устав сургутского общества потребителей «Север» утвердили 16 декабря

Рис. 2.89. Б. М. Кнуныц (ЯНАО, МВК им. И. С. Шемановского)

⁵²⁶ Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1919 гг. (облик, организация и революционные связи). Томск, 1978. С. 16; Хазиахметов Э. Ш. Роль бывших ссыльных в политической борьбе 1917–1918 гг. в Сибири // Исторический ежегодник ОмГУ, 1997. С. 105.

⁵²⁷ Аксарин В. В. Кооперация на Севере Западной Сибири: история становления и развития в 1917–1940 годах. Тобольск, 2009. С. 24–30.

Рис. 2.90. Политссылные на рыбалке.
Фото А. И. Галкина, 1906–1909 гг. (Фонды МПЧ)

1913 г., торговля началась с 1914 г. В кооператив входило 45 пайщиков, в 1918 г. – 244 человека с паевым капиталом 4439 руб. Прибыль за 1917 г. составляла 18 751 руб. Кооператив получал товары от Тобольского союза потребительских обществ, прежде всего муку.

А. Л. Антосевич, Н. А. Зелезинский и С. Н. Дружбинский в 1914 г. вошли в первую ячейку потребительской кооперации в Сургуте. Ч. А. Герватовский в с. Александровском также организовал потребительское общество «Прогресс» (1917). В 1916 г. А. Я. Борутто, Ч. А. Герватовского, Н. А. Зелезинского и С. Н. Дружбинского мобилизовали в российскую армию. После Февральской революции 1917 г. Герватовский перешёл в Красную Армию. С 1922 г. работал в системе кооперации на севере Тюменской области. А. Л. Антосевич стал членом РКП(б), принимал активное участие в установлении советской власти на Обском Севере, погиб в 1921 г. С. Н. Дружбинский в 1917 г. обосновался в Сургуте и работал в сфере торговли. В начале 1917 г. А. Я. Борутто избрали первым председателем большевистского Совета в Сургуте⁵²⁸.

В 1914 г. ссыльные Т. И. Миронов и Ю. П. Горская организовали потребительское общество «Север». Так, на Тобольском севере было положено начало местной кооперации.

Завершение политической ссылки на Обском севере формально произошло в 1917 г., когда Временное правительство объявило амнистию политическим ссыльным, но по разным обстоятельствам часть из них осталась на севере. Они участвовали в установлении советской власти в регионе и в Гражданской войне.

⁵²⁸ Показаньев Ф. Я. Город древний, город славный. Сургут, 1994. С. 70–72.

3. Участники восстаний и антиправительственных организаций в Царстве Польском в ссылке

В XIX веке можно выделить несколько этапов польской ссылки, что было вызвано обострением национально-освободительного движения на территории Царства Польского и прилегающих российских губерний в Прибалтике, Белоруссии и Западной Украине. Также ссылались и участники отдельных оппозиционных и революционных организаций. Они обозначались как «политические преступники» и расселялись на различных северных территориях.

Участники восстания в Польше, Западной Украине, Белоруссии и Литве 1830–1831 гг.

В 1830–1840-х гг. после подавления восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском Николай I репрессировал около 10 тыс. польских граждан и жителей западных губерний Российской империи. Вопрос о численности репрессированных участников восстания до сих пор не разрешён. В то время под Сибирью подразумевали всю азиатскую часть империи за Уралом, т.е. Сибирь, Дальний Восток и северный Казахстан (Семипалатинский и Усть-Каменогорский округа). Разные цифры объясняются неразвитостью географической терминологии и статистических исследований. В восстании участвовали преимущественно крестьяне, но их считали уголовными преступниками и ныне выделить их как особую категорию невозможно.

В Западную Сибирь поселяли только «за неважные преступления» и больных. Основную часть зачислили рядовыми в Отдельный Сибирский корпус (1815–1865). Корпус был создан для военного прикрытия территории Сибири, участия в войнах России, а 18 этапных команд в его составе — для сопровождения партий каторжан и ссыльных по Сибири⁵²⁹. Отметим, что со временем некоторым ссыльным было разрешено нести воинскую службу в Отдельном Сибирском корпусе. В начале 1830-х гг. в корпусе служили 2296 выходцев из Польши, преимущественно повстанцев 1830–1831 гг.⁵³⁰

Первая партия высланных из Польши и западных губерний прибыла в Тобольский приказ о ссыльных в 1832 г. В 1835 г. правительство разрешило отводить ссыльным по 15 десятин пахотной земли вблизи места жительства для занятия сельским хозяйством. Но ссыльные поляки не могли использовать наделение землёй ввиду отсутствия средств и навыков земледельческого труда в холодном сибирском климате. Данное распоряжение не имело практического применения, особенно для отправленных на Обский север.

В 1821–1861 гг. всего в Сибирь поступило 299 843 ссыльных⁵³¹, но известно только несколько человек, оказавшихся в Берёзове.

⁵²⁹ Кодан С. В., Шостакович Б. С. Польская ссылка в Сибирь во внутренней политике самодержавия (1830–1850-е годы) // Славяноведение. 1992. № 6. С. 3–14.

⁵³⁰ Нагаев А. С. «Омское дело» 1832–1833 гг. Красноярск, 1991. С. 29.

⁵³¹ Р. К[узовников]. Краткие сведения о ссылке в Сибирь порочных людей // Календарь Тобольской губернии на 1890 год. Тобольск, 1890. С. 96.

Рис. 91. Сохачевский А. Прощание с Европой (Фонды Х Павильона Цитадели Варшавы, 1894 г.)

Один из них — бывший подполковник, член тайного Патриотического общества с 1821 г. Северин Фаддеевич Крыжановский (1787–1839). Он участвовал в испанской кампании (1809–1811 гг.) и войнах 1812–1814 гг., вошёл в тайные польские организации в 1815 г. Декабристы С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин пытались через него установить контакты с польским тайным обществом. В Берёзове Крыжановский жил в доме казака Козлова почти полтора года, но тяжело заболел. С Крыжановским был знаком сосланный в Берёзов член Южного общества декабрист А. И. Черкасов, который мог сблизиться с новым ссылкой, но опасался доносов. Из Берёзова больного Крыжановского перевели в Ишим, затем — в Тобольск, где он скончался в 1839 г.⁵³²

Другой невольной жительницей Берёзова стала писательница и мемуаристка Эва Фелинская, сосланная по делу участника восстания 1830 г. Ш. Конарского. Перед отправкой в Сибирь имущество Фелинской конфисковали, но назначили довольно крупное пособие в 500 рублей серебром. Она признавалась, что денег у неё «столько, сколько нужно, чтобы удовлетворить все мои скромные потребности». В Берёзове ссылка дама гуляла, читала, занималась рукоделием, ездила на рыбную ловлю или охоту, неоднократно попадая в опасные ситуации, но главное, вела дневник. Этот дневник, переведенный на русский язык, является подробным и важным источником о повседневной жизни в ссылке. Фелинская так характеризовала социальный состав горожан: «Население Берёзова по большей части состоит из казаков, есть также несколько купцов и очень мало мещан», но в городе «дворянства нет». Она видела у некоторых горожан вещи «европейского производства, о назначении которых семья часто даже не подозревала»: «мебель, серебро, одежда — все у них было из Европы», «даже роскошь из роскоши — играющий комод — украшал их салон». В то же время её поразила нищета и смиренное отношение к голоду большей части горожан.

⁵³² ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 316, 317, 323–327.

Рис. 2.92. Сохачевский А. Смерть на эшапте
(Фонды Национального музея, г. Познань, 1891 г.)

Важнейшей составной частью культурной жизни для ссыльных было чтение. Фелинская в Берёзове нашла «огромное количество книг». Она охарактеризовала и круг чтения обывателей. В присутственных местах города получали «негласный орган» III отделения, проправительственную газету «Северная пчела». Ссыльная с иронией заметила, что благодаря газете «до нас в этот городок долетает эхо из другого мира». Ссыльная дама отмечала страстный интерес Берёзовских женщин к чтению так называемых жестоких романов. Среди местных жителей ходило значительное число романов на русском языке, как оригинальных, так и переведённых с французского, и «чем они искусственнее, чем нелепее, тем с большим интересом их читают». «Пристрастие к романам и сказкам огромное», «женщины, умеющие читать, очень любят романы». Е. Фелинская признавала: в Берёзове в 1839–1841 гг. «не испытывала книжного голода»⁵³³.

Талантливое описание повседневной жизни жителей Берёзова в 1830-х гг. позволяет отнести дневник Фелинской к лучшим образцам польской мемуарной литературы.

Участники восстания 1830 г. получили амнистию только в 1856 г. В 1858 г. в Тобольской губернии под особым надзором полиции числилось 35 участников польского восстания 1830 г. К февралю 1863 г. осталось одиннадцать человек, включая несколько вдов⁵³⁴. Польские ссыльные 1830-х гг. на Обском севере не могли оказать значительного влияния на местное население и сами не могли трансформироваться в земледельцев в силу достаточной культурной дистанции между поляками и сибиряками⁵³⁵.

⁵³³ Отрывки из дневника Эвы Фелинской, который она писала в Берёзове / Перевод с польского О. В. Трофимовой // Подорожник: Краеведческий альманах. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 3–131.

⁵³⁴ ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4144. Л. 172, 243, 604; Оп. 4. Д. 5383; Оп. 13. Д. 18452. Л. 49–50.

⁵³⁵ Польская политическая ссылка в России XIX–XX веков: региональные аспекты. Казань, 1998; Поляки в России: XVII–XX вв. Краснодар, 2003.

Участники восстания 1863 г. в ссылке на севере Западной Сибири

После восстания 22 января 1863 г. в Польше и Северо-Западном крае наступил новый этап политической ссылки на Обском севере. С потоком новых поселенцев не всегда могли справиться Тобольский Приказ о ссыльных и губернская экспедиция о ссыльных.

Сведения о поступлении и размещении ссыльных повстанцев 1863 г. в Западной Сибири противоречивы. В официальных материалах губернской администрации и Приказа о ссыльных цифровые данные даже за один год часто расходятся, что объясняется многочисленными и быстрыми перемещениями ссыльных.

Впервые общее количество высланных в Сибирь повстанцев дано журналистом и путешественником С. В. Максимовым. С весны 1863 по декабрь 1866 гг. вместе с добровольно последовавшими жёнами и детьми поступило 18 623 человека. Из них ушло на каторгу 3 894, на поселение — 2 153, на жительство — 2 254 и на водворение — 8 491 человек. В Западную Сибирь на жительство и водворение попало 10 407 чел., в том числе 4 101 в Тобольскую губернию⁵³⁶. В целом данные Максимова неоспоримы и, надо полагать, поступили к нему из достоверных источников.

Судя по спискам Главного управления Западной Сибири на июль 1867 г. поступило 792 польских политических ссыльных с лишением прав и 1 208 без лишения прав. В городах расселили 2 000 человек, а в округа отправили 141 ссыльного, лишённого прав, 181 без лишения прав и 4 738 водворённых на казённых землях — всего 8 779 человек. Большую часть расселили в южных округах.

Из Северо-Западного края (Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская; а также Волынская, Киевская, Подольская и Бессарабская губернии) в Сибирь выслано от 8,2 до 12,5 тысяч человек⁵³⁷. Эти данные соответствуют выявленным нами сведениям о количестве ссыльных, поступивших в Тобольскую губернию в 1865 г. Около 40% было из царства Польского и 60% — из западных губерний, т.е. Украины, Белоруссии и Литвы. А. И. Деспот-Зенович сообщал, что на вверенной ему территории размещено 1 983 «политических арестантов за прикосновенность к бывшему польскому мятежу», из них из царства Польского — 595, из Северо-Западного края — 1 275, иностранных подданных 123 чел⁵³⁸.

По новейшим данным, на каторгу и поселение в общей сложности отправлено свыше 38 тысяч повстанцев и им сочувствующих⁵³⁹.

Вереницы шедших в Сибирь закованных ссыльных стали тягостным фоном облика Зауралья. «Не могу вам передать, — писали в журнал «Колокол», — того щемящего душу зрелища, которое представляют сосланные поляки, встречающиеся на каждом шагу по большой дороге [...]. По дороге из Ирбита в Москву мне попались 26 политических арестантов. У мно-

⁵³⁶ Максимов С. В. Сибирь и каторга. Спб., 1891. Т. II. С. 80.

⁵³⁷ Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа) / М., 1973. 264 с.

⁵³⁸ ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. 1865. Д. 6314. Л. 14–15.

⁵³⁹ Польское восстание 1863 // Большая Российская энциклопедия : [в 35 т.] / Гл. ред. Ю. С. Осипов. М., 2004–2017.

гих были обмороженные и простуженные руки и ноги, пятна на лице. Все едва одеты в худых полушубках»⁵⁴⁰.

Жуткую картину этапных будней нарисовал и А. И. Деспот-Зенович в 1864 г.: «Иззябнувшие и промокшие приходят ссыльные на этап или в острог и, не раздеваясь, бросаются на первые попавшиеся нары спать, в надежде, что их мокрое или обледеневшее платье просохнет на их измученных телах. Понятно, какие страшными, удушающими испарениями наполняются камеры этапов в течение ночи; понятно, что никакое человеческое легкое не в состоянии перенести этой атмосферы, неизбежно порождающей разные болезни»⁵⁴¹.

Следует заметить, что и некоторые представители сибирской администрации понимали необходимость изменения условий ссылки. И немалую роль в организации ссылки сыграл упомянутый выше либеральный Тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович (1863–1867). Поляк по происхождению, действительный член Императорского Русского географического общества (1858), он первым столкнулся с проблемами перевозки и размещения ссыльных и пришёл к выводу о необходимости изменять организацию ссылки.

В отчёте за 1864 г. А. И. Деспот-Зенович писал: «Предпринимая политическую ссылку в больших размерах, правительство вовсе не имело в виду рассеять по месту ссылки целые массы недовольных, бесприютных, нищих до степени пролетариев, но, вместе с тем, и не лишенных образования людей, враждебность которых к правительству возрастала бы вместе с увеличением их нищеты». По его мнению, невозможно улучшить быт ссыльных, пока им не будет предоставлена возможность трудиться и служить⁵⁴². Деспот-Зенович считал полезным появление в крае культурных и образованных людей из ссыльных. В 1865 г. он развил эти идеи в обстоятельном проекте «Об устройстве быта находящихся в Тобольской губернии политических преступников»⁵⁴³. Автор предлагал увеличить пособие, смягчить надзор, облегчить поиск занятий, разрешить отлучки. Он считал необходимым предоставить право собственности на землю без ограничений, поощрять промышленные, хозяйственные или служебные занятия ссыльных⁵⁴⁴. Губернатор обратил внимание на крайнюю бедность, в то

Рис. 2.93. Ева Фелинская (польск. Ewa Felińska) польская писательница, участница национально-освободительного движения, отбывала ссылку в г. Берёзове

⁵⁴⁰ Колокол. 1863. 1 июня. № 164. Т. VI. С. 1355.

⁵⁴¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 85. Л. 9.

⁵⁴² РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 85.

⁵⁴³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1463; ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5727.

⁵⁴⁴ Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии (с 15 февраля 1863 г. по 27 января 1867 г.). Тобольск, 1867. [2], 323, 8 с.

Рис. 2.94. Якоби В. И. Привал арестантов (Третьяковская галерея, 1861 г.)

время как чрезмерная бесцельная строгость полицейского надзора отталкивали от политического ссыльного местное население и препятствовали «применению его научных и ремесленных знаний».

Деспот-Зенович неоднократно подчеркивал, что выполнение этих задач встречает множество трудностей. Важнейшей, по его мнению, была крайняя нищета политических ссыльных. Деспот-Зенович считал возможным вернуть на родину сосланных без лишения прав женщин, детей и иностранных подданных, а некоторым категориям сократить ссылку до трёх лет. Он предлагал ослабить «стеснительные правила полицейского надзора, не меняя его сущности»; предоставить некоторые льготы: допускать отлучки из Сибири; разрешить службу в государственных учреждениях, особенно лицам с высшим образованием; практиковать врачам; вести мелочную торговлю на правах государственных крестьян; заниматься промышленным производством с заменой пособий ссудами, а ссуду увеличить до 55 рублей; водворять на казенные земли только тех, кто и на родине занимался земледелием; в города отправлять знающих ремесло или имеющих образование; не препятствовать детям ссыльных получать образование. Как видно из этого перечня, предложения губернатора были очень широкими и могли значительно облегчить судьбы ссыльных.

Часть рекомендаций Деспот-Зеновича сыграла определенную роль в появлении циркуляра министра внутренних дел о разрешении ссыльным полякам служить в присутственных ме-

стах, многие стали заниматься медицинской практикой⁵⁴⁵. Либеральные взгляды и деятельность Деспот-Зеновича воспринимались позитивно и польскими ссыльными⁵⁴⁶.

Условия расселения на севере определялись прежде всего климатом. Казённая палата Тобольской губернии 6 июня 1864 г. сообщала, что в Берёзовском округе из-за частых наводнений и «по суровости климата хлебопашество совершенно не производится»⁵⁴⁷. При распределении ссыльных власти учитывали также удалённость от сибирского ссыльного тракта, надёжность полицейского надзора, наличие хлебозапасных магазинов для инородческого населения.

Необходимо добавить, что на первых порах в Берёзове власти опасались отправлять репрессированных, так как они, по словам чиновника, «весьма легко могут убежать по известному уже пути через Урал и Мезень». В данном случае имелась в виду древняя оленья тропа между речными бассейнами Печоры и Оби, позднее названная Сибиряковским трактом. Но тех, кого, по мнению западносибирских чиновников, необходимо было удалить подальше, всё равно отправляли в Берёзов. В июне 1866 г. всех ссыльных Сургута перевели в Берёзов, потому что они ходили мимо порохового погреба, что показалось подозрительным местным властям⁵⁴⁸.

В Кондинск в 1864 г. направили единственного ссыльного, судьба которого осталась неизвестной. Судя по описи 1872 г. в Самаровской волости жили 92 ссыльных мужчин и 80 женщин. Скорее всего, это были уголовные.

Тем не менее, можно охарактеризовать размещение, численность, семейное положение, словную принадлежность, занятия высланных в Берёзов и Сургут.

В 1864 г. в Берёзов поступили шесть, в 1866 г. — восемь, в 1867 г. — ещё пять ссыльных⁵⁴⁹. Кто и по каким причинам затем покинул город, неизвестно, но в январе 1867 г. в Берёзове оставалось 13 политических (четверо из центральной Польши). К июлю 1867 г., по нашим данным, в Берёзове размещено 20 человек, причем из них 14 человек были лишены прав⁵⁵⁰ и пять ссыльных — в округе⁵⁵¹. В большинстве случаев в документах не отражены социальное происхождение и условия ссылки. Поэтому Тобольская казённая палата не могла выяснить, кого записать в число крестьянствующих ссыльных.

По другим данным, прибыл 31 человек, но ни один не был водворен⁵⁵², то есть никто из них не получил надел казённой земли и не был передан на учёт из полицейских ведомо-

⁵⁴⁵ ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6263.

⁵⁴⁶ В Тюкалинском округе Тобольской губернии около 1892 г. по прошению поляков возник посёлок Деспот-Зенович. В поселке жило 112 чел. Все население было католическим и родным языком указывало польский (по сведениям 2009 г. д. Десподзиновка).

⁵⁴⁷ Макаров А. Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западных губерний после мятежа 1863 года. По материалам архива Тобольской казенной палаты. Тобольск, 1914. 124 с.

⁵⁴⁸ ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6711. Д. 1–4.

⁵⁴⁹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 7544. Л. 7–11.

⁵⁵⁰ Рощевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень, 1976. С. 76–94.

⁵⁵¹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6844. Л. 4–35.

⁵⁵² Мулина С. А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке. Омск, 2005; Мулина С. А., Крих А. А. Материалы по истории польской ссылки в Сибирь второй половины XVIII–XIX веков в архивах Омска, Томска и Тобольска // Almanach historyczny. Kielce, 2015. Т. 17.

Рис. 2.95. Мальчевский Я. Сочельник в Сибири (1892 г.)

стей в губернские казённые палаты. Казённые палаты никого из ссыльных не причислили к государственным крестьянам. Если в 1871 г. в Тобольской губернии числилось под надзором 470 чел., то за казённой палатой их было в десять раз больше⁵⁵³. Это объяснялось нечёткой терминологией документов Приказа и экспедиции о ссыльных. Согласно правительственной политике в каждой деревне можно было размещать не более 5–10% ссыльных. Каждый должен был приобрести лошадь и земледельческие орудия труда, построить жилище. Но в условиях севера пособия не хватало. Несмотря на эти обстоятельства С. Бенартовича, Я. Кринского и Л. О. Мицкевича отправили в округ крестьянствовать.

Отличительной особенностью северной ссылки было постоянное перемещение репрессированных. В Берёзове только В. Лукашевича, М. Оношко и сапожника А. Андрожевского не пересылали с места на место. Чаще всего перевод из южных округов был признаком наказания. Недаром Д. М. Куликовский был переведён из Омска, Я. Кринский — из Тобольска, Я. Мирновский — из Ишима и Сургута, И. Станишевский и А. Урбанский — из Тобольска и Берёзова в Сургут. Ссыльные дворяне и два ксендза составляли особую группу. Переведённый из Кургана К. Сасулич (род. около 1824 г.) прибыл в Сибирь из Гродненской губернии, в ссылке занимался письмоводством и торговлей, «семьи не имеет, женат». Дворяне Л. О. Мицкевич и И. А. Пилиховский прибыли из Ковенской, С. И. Березовский — из Волынской, С. У. Витковский — из Витебской губерний. Ксендзам, то есть католическим

⁵⁵³ Макаров А. Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западных губерний после мятежа 1863 года. Тобольск, 1914. С. 69.

священнослужителям Э. Чернецкому и Ф. А. Березовскому, было запрещено выполнять обязанности духовников. Чернецкого в 1868 г. вначале сослали в Петропавловск, затем в Туринск и в Берёзов. Ф. А. Березовский происходил из Подольской губернии. К началу ссылки имел 30 лет. Вначале его доставили в Омск, только затем перевели в Берёзов. Он занимался перепиской бумаг.

В Берёзове ссыльные все-таки иногда могли найти кое-какие занятия. А. Андрожевский, К. Монкевич и В. Лукашевич — сапожничали. П. Малиновский, И. Туцевич и Я. Мирновский (Мерновский) зарабатывали услужением; А. Урбанский и К. Найбауэр — письмоводством или перепиской бумаг. На фоне почти поголовной неграмотности местного населения переписка могла стать причиной благосклонного отношения к ссыльным. Местные власти были вынуждены разрешать некоторые виды медицинской деятельности ссыльным. А. Савицкий был лекарским учеником. И. О. Санкевич — старшим лекарским учеником и даже выполнял обязанности смотрителя больницы. В. А. Сколимовский преподавал танцы, что говорит о стремлении горожан к общественным развлечениям. В целом жизнь в Берёзове предоставляла более разнообразные занятия, чем в других селениях.

В Берёзове сложилась исключительно мужская колония из 23 человек. Средний возраст колебался от 20 до 42 лет. Тяжёлые материальные и моральные испытания проявлялись в многочисленных болезнях. Дворянин Волынской губернии С. И. Березовский оказался в сумасшедшем доме (1871); дворянин Витебской губернии С. У. Витковский скончался (1872). Дальнейшая судьба других репрессированных осталась неясной.

Более скудны сведения о сосланных в Сургут, где репрессированных стали размещать с 1867 г., когда город получил статус окружного. В 1868 г. в Сургуте поселили пять дворян: К. Ф. Яворского из Плоцкой, «занимавшегося услужением» Петра Малиновского из Минской, Л. О. Мицкевича из Ковенской, Д. К. Станевича из Витебской губерний. Только А. А. Багинский был уроженцем Царства Польского. Двое ссыльных приняли православие. А. А. Багинский крестился 10 мая 1870 г., Д. К. Станевич — 6 января 1868 г. Известно, что он женился на сургутянке, устроился секретарем в полицейское управление, перебрался в Тобольск, где стал даже начальником тюрьмы. Сохранились сведения, что «товарищи по ссылке жестоко, но неудачно мстили Станевичу за измену»⁵⁵⁴, не потому, что отрицательно относились к бракам ссыльных с местной женщиной, а потому, что он стал частью карательной государственной машины.

Всего в Сургут отправили 13 ссыльных из других округов губернии. Пять человек были дворянами (А. А. Багинский, Л. О. Мицкевич, В. Харевич, К. Черняк и Ц. Д. Ясевич). Л. О. Мицкевича (род. около 1831) и В. Харевича лишили прав на жительство. У восьми неизвестны условия и срок ссылки, но несколько человек неоднократно вынуждены были менять место жительства. Ясевича (род. около 1827) и И. Свидзинского доставили вначале в Омск. И. Лукашевич и Я. Мирновский (Мерновский) после Ишима жили в Сургуте, затем в Берёзове и Берёзовском округе. К. Найбауэр — в Кургане и Берёзове, А. Савицкий — в Ишиме, Сургуте, Берёзове и Обдорске. Род занятий указан только у шести сургутских ссыльных. Перепиской бумаг и письмоводством занимались двое. Один был сапожником, другой находился в услужении. А. А. Багинский и Л. О. Мицкевич, в конечном итоге, оказались в Тобольском тюремном замке и арестантской роте.

⁵⁵⁴ «Ссылный край Сургут». Электронный архив Сургутского краеведческого музея // (skmuseum.ru).

К 1877 г. в Тобольской губернии оставалось под надзором 120 участников восстания 1863 г. На севере Западной Сибири были сосредоточены рядовые участники восстания 1863 г. из западных губерний России, принадлежавшие преимущественно к низшим сословиям. Отличительной чертой ссылки повстанцев были многократные переводы из одного города в другой, что не позволяло обустроиться на новом месте и завести своё хозяйство. В силу многочисленных переводов эти ссыльные оказались чрезвычайно мобильной группой. Адаптация высланных из Польши и западных губерний на север происходила труднее, чем в южных уездах Тобольской губернии. Тем не менее, привычки, манера одеваться интересовали местное население. Сибирская молодежь усваивала новые понятия и умения, что содействовало распространению неизвестных ранее промыслов на севере. Польские ссыльные внесли в Сибирь колбасное производство, пошивочное и сапожное дело, внедрили новые блюда, времяпрепровождение на вечеринках, новые танцы, мелодии и мотивы.

Участники польского кружка «Пролетариат»

С середины 1880-х годов национальные движения в России опять стали приобретать политическую окраску. Борьба с русификацией усиливала влияние молодёжных тайных групп и организаций, особенно в западных губерниях страны. В конце 1880-х — начале 1890-х гг. продолжалась репрессивная политика против деятелей оппозиционного движения. В конце XIX — начале XX вв. в ссылке появились представители новых политических объединений, преимущественно из среды рабочих.

По словам генерал-губернатора Западной Сибири, в начале 1881 г. в Варшаве обнаружена «преступная организация, направленная к отделению Польши от России и устройстве первой на социалистических основаниях»⁵⁵⁵. Отдельные группы этой организации («гмины») носили названия городов, где действовали её члены. Слово «гмина» обозначало объединение, землячество, союз. Такие объединения возникли в Киеве, Петербурге, Вильно, Москве. Российские гмины признавали руководящую роль Варшавской, но испытали влияние и Народной воли.

Для ссыльных по-прежнему главным оставались вопросы заработка: «жили, чем бог послал, или получали из дому»⁵⁵⁶; дома занимался адвокатурой, а «теперь бездельем и нередко рубкою дров и т. п.»⁵⁵⁷. Другой, не менее распространённой темой, было передвижение ссыльных. Сургутский ссыльный К. Н. Филиппов, выполнявший столярные работы и починку стенных часов⁵⁵⁸, имел письменные связи с несколькими городами и писал в 1882 г. в Харьков: «В этом году в Тобольскую губернию прислано две партии ссыльных [...]. Размещены они по уездным городам Тоб[ольской губернии]». Сургут, Берёзов и села Кондинское, Обдорск и Пелым названы «наихудшими»⁵⁵⁹.

В письмах сообщали сведения о составе колоний: «Контингент ссыльных у нас состоял исключительно интеллигентный (студент и студентки)»⁵⁶⁰. Рассуждали о том, как понимают

⁵⁵⁵ РГАЛИ. Ф.1686. Оп. 1. Д. 194. Л. 54.

⁵⁵⁶ ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 629. Л. 167.

⁵⁵⁷ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Оп. 9. 1882. Д. 97. Л. 284.

⁵⁵⁸ Сибирская газета. 1883. № 22.

⁵⁵⁹ ГА РФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 2831. Л.1.

⁵⁶⁰ ГА РФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 629. Л. 167.

полицейский надзор: «Политическая неблагонадежность — это широкая, эластичная рамка, в которую при неблагоприятных обстоятельствах может попасть каждый, а в тревожное время, подобное тому, которое переживала Россия в 1881 г. ничто не может спасти от незаслуженной участи»⁵⁶¹. Имелись указания, как влияет ссылка на характер пострадавшего: «По-моему, если человек был хорош, то он и в ссылке останется таким же. Я понимаю, что от бездеятельной и однообразной жизни, люди нервничают, делаются апатичными, но не опошляются»⁵⁶².

В 1882 г. несколько социалистических кружков Варшавы объединились под руководством Людвиг Варынского и Александра Дембского и основали первую социалистическую партию «Пролетариат». На следующий год к ним присоединились члены польских социалистических кружков из Вильно, Москвы, Петербурга, Киева и Одессы. В 1884 г. для борьбы с самодержавием кружковцы заключили союз с российской революционной организацией «Народная воля» и восприняли позицию народолюбцев, которые считали высшей формой борьбы политический и экономический террор.

Но летом 1886 г. деятельность «Пролетариата» была остановлена арестами. По делу «Пролетариата» привлекли 291 человека, из них в Западную Сибирь отправили 25 человек, которых расселили в южных округах Тобольской губернии. Тем не менее угроза оказаться на Обском севере постоянно висела над каждым. Когда один из ссыльных просил о переводе его в село Тобольского округа, губернатор оставил резкую резолюцию: «Я могу предложить ему выбор между Берёзовом и Сургутом».

Изучение сибирской ссылки этой группы ссыльных позволяет показать их отношения с властями и местным населением и выяснить, насколько важна была для них экономическая адаптация. До 1880-х гг. в основном ссыльные зарабатывали физическим трудом, но в Сибири они не могли найти подходящих занятий. Причиной этого был их профессиональный состав и нежелание губернской и окружной администрации допускать контакты ссыльных с местным населением. Эти сложности привели к гибели части ссыльных. Часть из них после амнистии, не имея средств, вынуждена была остаться в Западной Сибири. Главным же результатом стало вовлечение в революционное движение в Сибири и в активном освоении Сибири.

Местная администрация широко практиковала как меру наказания перевод польских ссыльных в дальние сибирские города. П. Зарембо и Л. Рудницкий в 1887 г. за отлучки за городскую черту переведены из Туринска в Сургут, Ю. Гостынский, Г. Бык и Ф. Кепельман (из Тюкалинска) — в Берёзов⁵⁶³. Образовательный уровень этой группы польских ссыльных был не одинаков: одни получили домашнее образование, другие учились в начальной школе, а одна окончила высшие женские курсы. Г. Бык обучался в техническом училище. Разным был их социальный состав: преобладали рабочие и мастеровые. Ф. Кепельман зарабатывал на родине слесарными и столярными работами. П. Зарембо в Польше был кузнецом. В Сибири найти подходящий заработок было трудно, а с Зарембо последовала семья. Малая часть относилась к интеллигенции, но некоторые дворяне зарабатывали как резчики или

⁵⁶¹ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Оп. 9. 1882. Д. 97. Л. 326.

⁵⁶² РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 718. Л. 1.

⁵⁶³ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12, 1887. Д. 58; Ф. 330. Оп. 1, 1878. Д. 20/3; Д. 1059.

Ентыс (по мужу—Булгакова), Александра (Янина) Адамовна, полька, дворянка Люблинск. губ., дочь арендатора. Род. ок. 1861 в Варшаве. В 1876 окончила «с вензелем» Варшавск. Александринско-марининск. ин-т для благородных девиц, в котором впоследствии в начале 1880-х гг., состояла классн. дамой и учительницей математики. Член центрально-ком-та парт. «Пролетариат» (формально называлась «агентом 2-й степени»). Ведала парт. перепиской, собирала средства для массы центр.-ком-та, распространяла партийн. литературу,

А. А. Ентыс.

С фотогр. 1885 г.

Из собр. Музея «Каторга и Ссылка».

склад которой устроила у себя на квартире, хранила два гектографа у себя на квартире и шрифт. На ее же квартире при Ин-те происходили собрания членов партии и центрально-ком-та, на которых присутствовали Л. Варынский, Э. Плосский, Л. Савицкий и др. Некоторое время у нее в квартире скрывался Ад. Серощевский. В 1883 отправила в Киев наборщику народофильск. петербургск. «летуч. типографии» А. Нихвисту денежное письмо, ответ на которое должна была получить на почте «до востребования» на имя Леонии Каминской. Письмо подверглось в Киеве перлюстрации, вследствие чего по требованию нач-ка Киевск. ж. у. была 19 сент. 1883 арестована на улице в Варшаве при выходе из почтов. конторы, куда явилась за получением указанного письма. При ней обнаружено несколько революцион. изданий, печати, бланки «Пролетариат», шифрованные записки и др. изобличавшие ее в принадлежности к партии «Пролетариат» документы. При обыске ее квартиры обнаружено значительное количество революцион. литературы. Привлечена к дознанию при Петербургск. ж. у. по делу о летуч. типографии парт. «Нар. Воле» (дело С. А. Андржейковича и др.). Независимо от

этого привлечена к дознанию при Варшавск. ж. у. по первому делу парт. «Пролетариат». Содержалась под стражей в X павильоне Александровской цитадели в Варшаве с 19 сент. 1883 по 16 авг. 1885. Находясь под стражей, вела нелегальн. переписку с С. Куницким, П. Барловским и др. и два раза, в мае и июне 1885, возбуждала ходатайство о разрешении ей венчаться в тюрьме с Л. Варынским, с которым состояла в фактич. браке. По первому дознанию (по делу С. А. Андржейковича) дело в отношении ее по соглашению мировн. дел и юст. в мае 1884 прекращено. Дознанием по делу «Пролетариат» установлено, что кроме изложенной роли в ее деятельности партии она посещала квартиру, в которой находилась партийн. типография, посещала сходки рабочих и бывала у П. Бардовского и др. членов партии. По выс. пов. от 17 июля 1885 выслана под гласн. надзор в Зап. Сибирь на 5 лет. Во второй пол. авг. 1885 отправлена из Варшавы. Водворена на жительство в г. Таре (Тобольск. губ.). В апр. 1886 снова возбудила ходатайство о разрешении ей венчаться с Л. Варынским и об отпущке ее вслед за ним на каторгу, какое ходатайство отклонено. Из Тары переведена в Тюкалинск. В янв. 1889 ходатайствовала о переводе в г. Петропавловск (Акмоллинск. обл.) для совместного жительства со своей двоюродной сестрой С. А. Шмидт. Ходатайство удовлетворено. Выехала 21 марта 1889 в Петропавловск. По окончании срока гласн. надзора ей воспрещено жительство в столицах, Петербургск. губ., в Царстве Польском, Северо-Западном крае, Твери и Н.-Новгороде в течение двух лет и, по распоряжению деп. пол. от 19 сент. 1890, подчинена негласн. надзору. Выехала 8 сент. в Одессу, где занялась частн. перепиской и переводами с французского. В 1891 вышла замуж за бывш. адм.-ссылного, народолюбца И. Е. Булгакова, с которым в последующие годы жила на чугуно-литейн. заводе Домешкого общ-ва в Бахмутск. у. (Екатеринославск. губ.). В конце 1890-х гг. примкнула к партии с.-р. По распоряжению деп. пол. от 12 марта 1903 негласн. надзор прекращен. Проживая в 1900 в Харькове, работала в местн. организации парт. с.-р. и особенно деятельное участие принимала в харьковск. политич. «Красн. Кресте» (1901—1904 гг.), в комитете которого состояла официальной предстанительницей партии. В 1910 (1911?) принимала участие в организации побега из Харьковск. женск. тюрьмы И. Секундо и Н. Коломойцевой. В 1911 г. выслана из Харьковск. губ.; переехала в Екатеринослав; в т. г. ездила в Париж, откуда в 1912 г. вернулась и поселилась в г. Белгороде, Курской губ. В 1914 переехала обратно в Харьков. В 1919 уехала в Ростов н/Д., где в 1920 умерла.

Сообщение Е. М. Гедесоновской.—МЮ 1883, № 11271; 1884, № 10791.—ДП III, 1888, № 588; 1890, № 993.—Обзоры: VIII, 45, 97; X, 108.—Хроника 239, 266.—Список поднадз. 1886—1890 (Ук.).
Словарь Граната, т. 40, 123 (Автобиография Г. Н. Добрусиной).—Н. К.-и, Материалы по истории ссылки в Степной крае, 46—47.
«Варшавский процесс 29-го 1886», стр. 69, 73, 130.—В. Д. С п а с о в и ч, Семь судебных речей по уголов-

слесари, представляя собой своеобразный тип шляхтичей–пролетариев или часть кадровых рабочих.

Все без исключения польские ссыльные на севере испытывали острую нехватку средств. Несмотря на то, что им выдавали небольшие пособия на одежду, квартирные и так называемые «кормовые», эти мизерные суммы не спасали положения. Один из столичных чиновников поразился облику ссыльного: «Он явился ко мне одетым в какое-то рубище, без нижнего белья, в обуви, не имеющей подобия сапог»⁵⁶⁴. Другой ссыльный «заложил единственное пальто», «живет самым бедственным образом» и просит «посадить его с женой в тюрьму»⁵⁶⁵. Накануне отъезда из Сибири супруга ещё одного ссыльного «по крайней бедности своей положительно не имеет никаких средств к существованию» и просит отправить на родину пешком⁵⁶⁶.

Но в небольших сибирских поселениях даже сапожники не могли сбывать свою продукцию и ходатайствовали о переездах. Ф. Каллебрун в марте 1888 г. писал, что как слесарь-механик по профессии до ареста работал в Варшаве на механическом заводе, а в Сибири «за отсутствием спроса на мой труд (по той причине, что здесь не имеется механических заводов) мне приходится терпеть нужду». Когда один из купцов предложил ему место машиниста на пароходе, совершавшем рейсы по рекам Тобольской губернии, и был готов поручиться за политическую благонадежность, власти категорически отказали.

Русские и польские ссыльные делились последними крохами. Почти одновременно в нескольких западносибирских городах возникла идея взаимопомощи. Фамилии нуждавшихся поляков включали в списки обществ помощи политическим ссыльным и заключенным. Власти отмечали среди ссыльных наличие «круговой поддержки»⁵⁶⁷. Но «никакое лишение прав не может простираться до запрещения человеку снискать себе средства к существованию собственным трудом», — негодовала одна из польских ссыльных⁵⁶⁸.

12 марта 1888 г. представительница польской рабочей партии А. Ентыс писала тобольскому губернатору: «Ваша распорядительность и энергия, — беспримерные и непреодолимые, когда дело касается каких-либо объяснений или ухудшения положения политических ссыльных, — не проявляются совершенно, не то уж для облегчения нашей участи, а просто для исполнения того, в чем нам не отказывают даже законы. Наши прошения, мелкие и крупные, остаются без ответа; у нас отнято право подышать вне города свежим воздухом, словом, стеснения в самых элементарных человеческих правах»⁵⁶⁹. Это заявление было послано в то время, когда в Тобольской губернии прокатилась волна в защиту человеческого достоинства ссыльных. Начали эту борьбу в Сургуте народовольцы. В заявлении Ентыс писала, что если местные полицейские власти не считают нужным исполнять свои обязанности, то «впредь при таком поведении полиции», она не сочтет «нужным подчиняться каким бы то ни было ее требованиям»⁵⁷⁰.

⁵⁶⁴ ГА РФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство, 1880. Д. 7765. Л. 201.

⁵⁶⁵ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 8, 21.

⁵⁶⁶ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 330. Оп. 1. 1878. Д. 20/3. Л. 842–853.

⁵⁶⁷ Роцевская Л. П. Члены польской партии «Пролетариат» в западносибирской ссылке // Советское славяноведение. 1976. № 6.

⁵⁶⁸ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 11. 1885. Д. 66. Л. 208.

⁵⁶⁹ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 11. 1885. Д. 66. Л. 201.

⁵⁷⁰ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 11, 1885. Д. 66. Л. 208.

Ентыс играла большую роль в распространении книг и журналов среди репрессированных. В январе 1889 г. из с. Кушеват просили снабдить литературой, на что она писала: «... журналов, о которых вы писали, я Вам переслать не могу («Русс[кая] м[ысль]», «Сев[ерный] вест[ник]»), так как у нас собственных журналов за прошлый год нет, а те, которые имеются, принадлежат обывателям. [...] зато на текущее полугодие от 1-го января по 1 июля выписан прямо из редакции журнал «Сев[ерный] вест[ник]». Он будет высылаться на имя А. Ник. Аверкиева, а он пришлет Вам [...]. Сочинений Достоевского во всей Тюкале нет; большинство книг, принадлежащих мне, я оставила в Тарской библиотеке для ссыльных политических, и потому у меня имеется весьма немного. Список посылаю. Если захотите прочесть что-нибудь, напишите. Я сейчас же без задержек вышлю. Все книги серьезного содержания». В приложенном списке указаны книги по экономике: «Капитал» К. Маркса, «Политическая экономия» Милля, статьи экономиста И. И. Иванюкова «Очерк истории политической экономии»⁵⁷¹, экономиста Ю. Г. Жуковского, сочинение лучшего популяризатора К. Маркса в русской литературе Н. И. Зиберы «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (СПб. 1885). Другую часть составляли труды по философии и истории, в том числе «Основные вопросы философии истории» Н. И. Кареева, книги правоведа А. Д. Градовского и статьи из журналов «Современник» и «Отечественные записки»⁵⁷².

Судьбы ссыльных на Севере сложились не просто. Трое навсегда остались жить в Сибири и на Урале: Л. Рудницкий обосновался в Тобольске, Ф. Крохмальский — на Верх-Исетском заводе, Ф. Калленбрун после освобождения вернулся в Тару из Новороссийска. Из 19 ссыльных пролетариатцев погибли в Сибири пятеро. Не доехал до родины возвращавшийся из ссылки П. Зарембо, скончавшийся 22 октября 1895 г. в Перми.

Русские и польские ссыльные жили в тесном контакте, практически осуществляли революционное братство, совместными усилиями преодолевали материальные тяготы и моральные невзгоды ссылки. Польские революционеры стали новым явлением в ссылке на Обский север, так как в 1880–1890-х гг. в борьбу включились представители пролетариата.

Польские ссыльные на обском севере в конце XIX в.

В конце XIX — начале XX вв. польское население Сибири составляло, по данным первой Всероссийской переписи 1897 г., 23 985 человек⁵⁷³. В Западной Сибири оставалась часть высланных ранее политических ссыльных. Однако их статус власти меняли с большой задержкой. Уголовных, высланных по приговорам сельских обществ, и некоторых участников демократических, оппозиционных групп чаще всего приписывали в крестьяне, и тогда они назывались «крестьянами из ссыльных», изменяя свой статус. Чаще всего это происходило в связи с появлением семьи или получением какого-то постоянного занятия с определённым доходом.

Ко времени переписи 1897 г. поляки жили во всех округах Западной Сибири, причем 28% — в городах. В Тобольской губернии зафиксировано 5 963 чел. В результате политических ре-

⁵⁷¹ Русская мысль. 1883. № 10; 1884. № 4.

⁵⁷² ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. 1888. Д. 5. Л. 11.

⁵⁷³ Скубневский В. А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры. Казань, 1998. С. 171.

Рис. 2.98. Политссыльные на погрузке угля на пассажирский пароход «Ангара».
Фото А. И. Галкина, 1909 г. (Фонды МПич)

прессий конца XIX — начала XX вв. в Сибирь по-прежнему прибывали ссыльные поляки. Теперь чаще всего это были грамотные мужчины, знавшие какое-либо ремесло, что объяснялось бурным развитием промышленности в Польше в конце XIX в., в том числе металлообрабатывающей. В Западную Сибирь попадали в основном административные ссыльные. В Тобольской губернии их насчитывалось 337 человек. Сословный состав ссыльных этого периода характеризуют как мещанско-крестьянский, так как крестьяне и мещане, знакомые с фабричным производством, составляли 80%. В конце XIX — начале XX вв. в Сибири находилось до двух тысяч ссыльных польского происхождения⁵⁷⁴.

Но на севере, в Сургутском и Берёзовском уездах, господствовало полупатриархальное хозяйство, там на три-четыре года размещали только малую часть ссыльных из Польши⁵⁷⁵. В 1897 г. в Берёзовском округе находилось одиннадцать, в Сургутском — семь лиц польской национальности. Отметим, что в Берёзовском и Сургутском округах не проводили всеоб-

⁵⁷⁴ Островский Л. К. Численность, состав и размещение польских политических ссыльных в Сибири (середица 90-х гг. XIX века-1917 г.). // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 143.

⁵⁷⁵ Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX — начало XX вв. Томск, 2004. 232 с.

щую перепись из-за удалённости и сурового климата. Но переписные листы Самаровской волости сохранились и введены в научный оборот⁵⁷⁶.

В Самаровской волости жили 15 бывших ссыльных, скорее всего уголовных, 12 человек записаны «крестьянами из ссыльных». Они считались «нахлебниками», то есть наёмными работниками, занимались рыбной ловлей или заготовкой дров для пароходов. Трое были уроженцами Лифляндской и столько же — Тульской, двое — Воронежской и столько же из Пермской губерний. Жили в Самаровской волости уроженцы Каменец-Подольской, Полтавской и Киевской губерний. К этой же категории «из ссыльных» отнесен родившийся в селении Дагестанского общества, православный, но родным языком он считал турецкий, к тому же умел читать. Можно предположить, что этот человек был участником восстания в Дагестане в 1877 г. В переписных листах имеются указания на чрезвычайную бедность крестьян из ссыльных (жилое строение «построено из земли, покрыто землей»). Неизвестно, как долго эти люди находились в Сибири, но важно, что некоторые из них считали родиной западные губернии России, где уголовные преступления могли являться отражением оппозиционных крестьянских движений.

Количество сосланных на север уроженцев Польши точно не установлено. Тем не менее, выявленные отрывочные факты показывают, что адаптация ссыльных в этот период продолжалась и отчасти была чуть-чуть облегчена общим социально-экономическим прогрессом в истории Сибири.

Подавляющее большинство ссыльных поляков с честью выдержали все испытания и после изгнания многие вновь включались в борьбу. Случаи покаянного осуждения прежних выступлений исчисляются единицами и не определяют характеристику участников польского движения. С середины 1880-х гг. немаловажное значение имел состав польских ссыльных, среди которых появились рабочие и ремесленники. Преобладание мещан и разночинцев в их среде свидетельствовало о завершении дворянской ссылки и начале пролетарской. Несколько польских социалистов-революционеров вели в той или иной форме пропагандистскую деятельность в ссылке. Интересуясь социализмом, они ещё стояли на народнической платформе, но под влиянием рабочего движения некоторые совершали путь к социал-демократии. Польские ссыльные содействовали усилению внимания ссыльных и повышению образовательного и политического уровня. Совместная жизнь польских и русских революционеров в ссылке и самые разнообразные формы контактов содействовали укреплению русско-польских связей на воле.

Политическая ссылка поляков свидетельствовала о значительном влиянии польской культуры на российскую и на Обском севере⁵⁷⁷. Тем не менее, власти не смогли создать условия для превращения польских ссыльных в русских земледельцев. Культурная дистанция между поляками и сибиряками была довольно значительной, городской характер ссылки повстанцев препятствовал расширению деловых и хозяйственных контактов с крестьянством.

⁵⁷⁶ Переписные листы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи, на основании Высочайше утвержденного положения 5 июня 1895 года. с. Самаровское // Югра многовековая: сборник архивных документов / Сост. Н.Д. Судакова, С.В. Тюлина, Л.М. Завьялова. Ханты-Мансийск, 2019. 244 с. С. 137-235. // 16.pdf (gahmao.ru)

⁵⁷⁷ Польская политическая ссылка в России XIX–XX веков: региональные аспекты. Казань, 1998; Поляки в России: XVII–XX вв. Краснодар, 2003; Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX — первой четверти XX века: Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2014.

4. Педагогическая, просветительская и исследовательская деятельность политических ссыльных в Югре

Политические ссыльные внесли определённый вклад в культурное развитие Югры, в местных культурных работников, так как чаще всего занимались просветительством⁵⁷⁸.

Правилами о надзоре преподавание политическими ссыльными в школах запрещалось. Однако известно, что нелегальное частное преподавание всё-таки во второй половине XIX в. практиковалось. Так, обучением на дому в Обдорске занимался И. Гервасий.

Большое место в статьях сургутского ссыльного С. П. Швецова занимала проблема образования: организация школьного дела, программы, методика преподавания, вопросы воспитания, а также история народного образования. Он писал, что гуманные методы есть наиболее радикальное средство в борьбе со злом в перевоспитании человека⁵⁷⁹, ратовал за расширение школ на севере, ибо это необходимо в борьбе с неграмотностью и суеверием остяцкого населения, активно обсуждал необходимость преподавания на родном языке⁵⁸⁰.

К началу XX в. наиболее авторитетными левыми партиями были социал-демократы (большевики и меньшевики), социалисты-революционеры (эсеры и эсеры-максималисты), Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты — энэсы) и Союз социалистов-революционеров максималистов. В существовавших в 1880-е гг. библиотеках преобладали периодические издания и художественная литература, которая составляла не менее двух третей книжного фонда. Поэтому наличие у ссыльных естественнонаучной и особенно социально-политической и экономической литературы было новым и очень важным явлением на севере Западной Сибири. Описи сохранившихся книжных посылок помогают определить круг чтения ссыльных и части сибиряков, испытавших их влияние⁵⁸¹.

Библиотеки политических ссыльных в 1905–1907 годах имели свои особенности пополнения книжных фондов, обслуживания читателей, создания новых форм библиотек и читален. Эти библиотеки стали материальной основой для «тюремных университетов».

Поколения политических ссыльных создавали определенный общественный и психологический настрой для открытия библиотек в Сибири. Необходимо назвать имена тобольских граждан Павла и Алексея Сухановых. Алексей унаследовал от родителей хорошую домашнюю библиотеку и превратил её в 1886 г. в первую городскую общественную библиотеку с читальней, завёл несколько книжных магазинов⁵⁸². В 1896–1900 гг. он был издателем и редактором газеты «Сибирский листок». Его брат эсер придерживался более радикальных взглядов и поплатился за это ссылкой в Иркутскую губернию. Под влиянием брата А. С. Суханов прим-

⁵⁷⁸ Жебунев С. А. Отрывки их воспоминаний // Былое. 1907. № 5. С. 253.

⁵⁷⁹ Марусин С. [Швецов С. П.] К вопросу о ссылке // Сибирь. 1886. № 24.

⁵⁸⁰ Швецов С. П. Очерки Сургутского края. // Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. Омск, 1880. Вып. X.

⁵⁸¹ Рощевская Л. П. Роль демократов 60–70 х. годов XIX века в развитии духовной культуры Западной Сибири // Историографические и исторические проблемы русской культуры / АН СССР. Ин-т истории СССР. М., 1982. С. 152–173.

⁵⁸² Календарь Тобольской губернии на 1891 год. Тобольск, 1891.

кнул к партии народных социалистов (энэс). В 1906 г. братьев выслали в Берёзов за политическую неблагонадежность в связи с введённым на севере военным положением. В сентябре братья вернулись в Тобольск и как крупных общественных деятелей их избрали в IV Государственную думу. Ныне имя Алексея Суханова носит центральная городская библиотека Тобольска, а в Научной библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника существует мемориальный кабинет А. С. Суханова, где сохранились принадлежавшие ему книги.

Одним из отражений размера ссылки и пестротой партийного состава являются данные о нелегальных изданиях. В Сибири эта сфера деятельности установлена у 47 социал-демократических, 25 эсеровских, по одной организации эсеров-максималистов и Бунда. Народные социалисты участвовали, в основном, в легальной прессе. В 1901 — начале 1917 гг. социал-демократы выпустили не меньше 1696 листовок тиражом около 3,5 млн экз., 45 брошюр, 29 газет, шесть журналов. Эсеры издали 566 листовок тиражом более 890 тыс. экз., 35 брошюр, 20 газет, 11 журналов; максималисты — семь наименований листовок тиражом 8 тыс. экз.; бундовцы — одну листовку. Пик выпуска их печатной продукции пришёлся на период первой революции 1905–1907 гг.⁵⁸³

Во 1905–1907 гг. количество ссыльных за Урал значительно увеличилось. По данным Н. Н. Щербакова, в 1906–1907 гг. в Тобольской губернии находилось 284 ссыльных, из них имели работу только 45 чел. (15,8%). Остальные 239 чел. (84,2%) существовали на пособие и влачили полуголодное существование. К лету 1906 г. в Сургуте начитывалось 32 политических ссыльных, причем несколько человек имели семьи. Новые поколения были смелее, активнее; влияние на местное население усиливалось и повышало общественную активность в Тобольской губернии. Активизация народных выступлений, оппозиционные демонстрации в городах, многочисленные революционные прокламации, волнения в Тобольской каторжной тюрьме вынудили губернские власти в конце декабря 1905 г. объявить о введении в губернии военного положения⁵⁸⁴. В 1907 г. в Сургуте даже учреждена полицейская команда.

Деятельность сосланных на Обский север в сфере изучения Сибири являлась единственной возможностью применить свои силы, знания и энергию, важными были для ссыльных исследования природы, экономики, истории, этнографии Сибири. Исследовательская рабо-

Рис. 2.99. С. П. Швецов

⁵⁸³ Курусканова Н. П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов (1901 г. — февраль 1917 г.) Автореферат дисс... докт. ист. наук. Курск, 2012.

⁵⁸⁴ Бортникова О. Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень, 1999. 301 с.; Бортникова О. Н. Тюремная реформа в Тобольской губернии. Тобольск, 1998. 142 с.

Рис. 2.100. Мемориальный кабинет А. С. Суханова

та в области естествознания и этнографии значительно активизировались после открытия в 1877 г. Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в Омске. Принципы работы географического общества с иногородними сотрудниками сводились к следующему: на периферию рассылали анкеты, задания, давали письменные консультации, разыскивали специалистов при помощи переписки с широким кругом корреспондентов. Научный диалог осуществляли через личные встречи, переписку, обмен коллекциями и печатными изданиями. По заказу общества исследования в Сургутском крае проводил С. П. Швецов. Изучением быта, нравов и хозяйства северных народов занимались ссыльные А. Н. Борознич, Н. Н. Неклепаев, В. В. Бартенев и другие.

Отделения Императорского Русского географического общества и музеев выступали как организаторы науки и как научные центры. Одна из особенностей научных изысканий политических ссыльных — многопрофильность исследований, другая — коллективный сбор материалов из-за невозможности разъездов. Иногда для сбора материала, ссыльные просили перевести их в нужный населённый пункт.

Ведущее место принадлежало политическим ссыльным в изучении метеорологии. В 1870-х гг. метеорология как наука только начинала складываться. В силу значительной удалённости мест ссылки, повседневные метеорологические наблюдения были очень полезны. В 1870-х гг. ссыльные использовали простейшие приборы и создавали первые метеорологические станции. Необходимую литературу высылали Главная физическая обсерватория, а наблюдения чаще всего вели безвозмездно. При отъезде ссыльного он передавал метеонаблюдения

ния ссыльному товарищу. Этим обеспечивалась многолетняя преемственность. Такие пункты с 1872 г. были в Берёзове и Кондинске.

Образованный в 1870 г. Тобольский губернский музей широко привлекал ссыльных к экспедиционной работе и публикациям. В 1890 г. бывший народоволец ссыльный Л. Е. Луговский участвовал в подготовке и издании «Ежегодника Тобольского губернского музея». В нём печатали материалы, относящиеся к изучению Тобольской губернии, описывали коллекции, каталоги книг и рукописей библиотеки музея, статьи и монографии по истории, археологии, этнографии, географии, экономике, сельскому хозяйству и культуре края. Прочное и длительное влияние оказывали политические ссыльные на деятельность музея.

Во втором выпуске «Ежегодника» бывший ссыльный народник тоболяк Л. Е. Луговский опубликовал статью «Легенда о двух остяцких идолах из коллекции принадлежностей шаманского культа в Тобольском музее». Он отметил, что эти экспонаты музея поступили от Н. А. Блинова, несколько лет прожившего в северных округах Тобольской губернии. Из архивных материалов видно, что народоволец Н. А. Блинов был выслан в 1885 г. в Сургут. За нелегальную переписку и хранение подпольной литературы его неоднократно выселяли в дальние глухие сёла Сургутского и Берёзовского округов. В 1889 г. он был в Тобольске и передал шаманские идолы в музей⁵⁸⁵. Публикация Луговского особенно интересна, так как выясняет роль в собирании культурных сил Сибири вокруг Тобольского музея. Он устанавливал связи и переписку со многими ссыльными и привлекал их к работе музея. Из материалов «Ежегодника» известно, что неоднократно присылал в музей экспонаты из Берёзова политический ссыльный С. Чуйков. Он представил коллекции монет и оружие. Материалы о рыбных и промысловых артелях, собранные в Туринской ссылке, Чуйков, не имея возможности опубликовать, передал С. П. Швецову, который использовал часть этого материала для статьи в журнале «Юридический вестник». В 1896 г. в «Ежегоднике» музея напечатана подборка материалов об остяках. Автором одной из работ был участник революционного движения в столице, сосланный в Обдорск В. В. Бартнев⁵⁸⁶.

Жизненно необходимыми были для ссыльных познания в области медицины. В 1886 г. Л. Е. Луговский ездил на север Тобольской губернии для врачебно-санитарного осмотра

Рис. 2.101. Л. Е. Луговский

⁵⁸⁵ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 11. 1885. Д. 9.

⁵⁸⁶ Рощевская Л. П. Изучение приарктической территории России в конце XIX — начале XX вв. политическим ссыльным В. В. Бартневым // Сибирская ссылка. Иркутск, 2017. Вып. 8 (20). С. 252–273.

Рис. 2.102. Группа политссыльных выезжает на лодке для исследования р. Конды. Фото А. И. Галкина, 1908 г. (Фонды МПиЧ)

рыбопромышленных заведений. По возвращении он выступил на собрании членов Тобольского губернского музея с предложением об оказании санитарной помощи на рыбных промыслах⁵⁸⁷. Агроном Н. Л. Скалозубов опубликовал программу для собирания материала о народной медицине. В 1891 г. на территории Тобольской губернии наблюдалась эпидемия тифа, в Берёзовском уезде — эпидемия оспы среди ханты и ненцев⁵⁸⁸, в 1892 и в 1894 гг. в губернии — холеры. Ссылные участвовали в выяснении причин эпидемий, собирали статистические сведения о состоянии здоровья северян. Почти во всех работах ссылные затрагивали социально-экономические проблемы состояния здравоохранения. В ряде публикаций, прежде всего историко-этнографического плана, ссылные связывали эпидемии с голодом, высокими ценами на хлеб, нищенством населения, низкой культурой, то есть с результатами правительственной политики в национальных районах.

Связи политических ссылных с Тобольским губернским музеем, активное участие в его деятельности свидетельствовали о непрекращающейся жажде ссылных в общественной деятельности, придавали особую демократическую окраску и общественную значимость самому музею как одному из культурных центров Сибири. Тобольский губернский музей объединял образованных, культурных людей, привлекал прогрессивные силы. Тобольский

⁵⁸⁷ Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. VII. С. 81–143.

⁵⁸⁸ Николаев В. И. Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторга и ссылка. 1927. № 5.

губернатор неоднократно подчеркивал «солидарность» музея с государственными преступниками.

Увлекали ссыльных исследования в области естественных наук. Политический ссыльный М. И. Сумгин предлагал свои услуги по исследованию почв в экспедиции Тобольского губернского музея в 1911 г.: «Я политический ссыльный, но ссылка моя кончается 14 марта. Образование мое — семь семестров физико-математического факультета математического отделения Петербургского университета. В прошлом 1910 г. я участвовал в экспедиции г. Жуковского по р. Носке Тобольского уезда и под его руководством занимался почвенными работами»⁵⁸⁹. Б. Н. Городков писал в 1911 г., что завершает описание Кондинского гербария, в который «...войдут ещё сборы политических ссыльных (Редкого и Корсунского, гербарий которых был выслан мне из Киевского университета)»⁵⁹⁰. М. Г. Корсунский учился в Киевском политехническом институте по специальности «химия». В 1907 г. за принадлежность к организации РСДРП исключен из института, выслан под гласный надзор на три года в с. Базьяновское Тобольского уезда. Летом 1908 г. с шестью политическими ссыльными с разрешения губернатора выехал в экспедицию на р. Конду, где вёл археологические исследования. Часть собранных материалов была передана Тобольскому музею⁵⁹¹.

Некоторые ссыльные занимались археологическими исследованиями. Наибольшую известность получили раскопки Сургутского ссыльного народника В. Ф. Казакова. Он ещё до Сибири стал действительным членом Уральского Общества любителей естествознания в Екатеринбурге (1880), в ссылке сотрудничал с Тобольским губернским музеем по организации археологической экспедиции на Барсову Гору, в которой участвовали до 15 ссыльных, в том числе В. Я. Мрачковский, Н. Л. Зотов и другие. Высокую оценку археологических работ ссыльного дают современные исследователи: Казаков «был великолепным археологом-полевиком», «он полностью решил поставленные перед собой исследовательские задачи на полевой сезон 1887 года»⁵⁹².

Интересным опытом стала инициатива членов Сибирской парламентской группы Государственной Думы. В 1908 г. создано «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта», чтобы исследовать экономические, культурные и правовые проблемы и участвовать в подготовке и осуществлении «насущных для Сибири преобразований». Н. Л. Скалозубов входил в правление общества. Его коллегами в обществе были академики В. В. Радлов и С. Ф. Ольденбург, экономист А. А. Кауфман. В общество входили И. И. Серебренников, А. В. Адрианов, бывшие ссыльные Г. Н. Потанин и С. П. Швецов.

Ссыльные являлись активистами и газетной периодики. Большой заслугой политических ссыльных стало издание в Томске в продолжение нескольких лет «Сибирской газеты» (1881–1888). Издатель газеты П. И. Макушин — «старейший работник просвещения Сибири», как писали о нём, уже в первый номер начал привлекать к сотрудничеству политических ссыль-

⁵⁸⁹ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 151. Оп. 1. Д. 34. Л. 194; Д. 36. Л. 138. За предоставление этой информации благодарю к.и.н. Е. Н. Коновалову (Швеция)

⁵⁹⁰ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 151. Оп. 1. Д. 36. Л. 27, 153.

⁵⁹¹ Сибирский листок. 1908. № 116.

⁵⁹² Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012. С. 14.

ных. Один из ссыльных писал на север Тобольской губернии: «Меня из Томска спрашивают, почему не пишут ни берёзовцы, ни обдорцы. Будьте так добры, постарайтесь для «Сибирской газеты»⁵⁹³.

Народник И. И. Неклепаев сотрудничал в газетах «Тобольские губернские ведомости» и «Сибирский Листок», создал одно из лучших этнографических описаний русского населения Сургута «Поверья и обычаи Сургутского края».

В Тобольской газете «Сибирский листок» участвовали политические ссыльные Н. Н. Подревский, Л. Е. Луговский, супруги М. Н. Емельянова-Костюрина и В. Ф. Костюрин. В руки Костюриных впоследствии и перешла газета. Ценным сотрудником газеты оказался Николай Николаевич Подревский, приехавший в Тобольск в середине 1891 г. и получивший право возвратиться в пределы Европейской России (сентябрь 1894 г.). 25 февраля 1916 г. «Сибирский листок» в связи с кончиной Подревского писал, что он «хорошо знаком многим тоболякам [...], был одним из самых деятельных сотрудников «Сибирского листка» в первые годы издания и успешно занимался педагогией».

Н. Л. Скалозубов опубликовал статью «Путь с реки Оби в Европу» в тюменской «Сибирской торговой газете»⁵⁹⁴. В 1912 г. на общем собрании «Общества изучения Сибири и улучшения её быта» Скалозубов выступил с инициативой организации общественных сил для изучения Сибири. Ссыльные сотрудничали во многих газетах и внесли существенный вклад в развитие российской журналистики.

Поставленные в условия повседневных контактов с нерусским сибирским населением, ссыльные И. Н. Неклепаев, С. П. Швецов, В. В. Бартенев и др.⁵⁹⁵ обращались к изучению этнографии. Народник А. И. Бородзич в 1893 г. составил программу изучения Обдорского края, главным образом о жизни остяков (ханты), а после освобождения получил разрешение на посещение края для сбора данных о быте остяков.

Особый интерес представляют экономические работы ссыльных С. П. Швецова, В. В. Бартенева, В. Т. Распопина, который подметил «процесс образования класса наемных рабочих в земледелии»⁵⁹⁶.

Немало сделали ссыльные в сборе информации и осмыслении роли репрессированных. Один из видных представителей либерального народничества В. Я. Яковлев (Богучарский), сосланный в 1884 г. в Туринск и переведённый в Сургут, собрал большое количество сведений, в том числе о ссылке на севере Сибири. Позже он приобрёл известность как исследователь истории революционного движения и карательной политики самодержавия, издавал журналы «Былое» и «Голос минувшего», материалы по истории революционного движения. Исследования и публикации Богучарского вошли в золотой фонд отечественной науки о политических репрессиях XIX в.

⁵⁹³ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 12. 1888. Д. 6. Д. 154.

⁵⁹⁴ Скалозубов Н. Л. От Тобольска до Обдорска: Из путевого журнала // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1905. Вып. 15. С. 4–5.

⁵⁹⁵ Неклепаев И. Н. Самоедская ярмарка в Сургуте // Сибирский листок. 1893. № 5; Неклепаев И. Н. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западносибирского отделения Русского географического общества. Омск, 1903. Т. 30.

⁵⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 232.

Во второй половине XIX в. развитие в мировой науке сравнительно-исторического метода исследований усилило интерес к культуре и истории родственных народов. В Хельсинки было основано Финно-угорское общество, которое способствовало изучению языков, литературных и фольклорных памятников финно-угорских народов. Аналогичную работу проводила Венгерская академия наук. Благодаря инициативе Венгерской академии наук состоялась экспедиция на Тобольский север венгерских учёных В. Мункачи, Д. Р. Фокош-Фукса и других⁵⁹⁷. Российские учёные оказывали поддержку в научных изысканиях зарубежных коллег. Наиболее содержательную и оригинальную информацию исследователи получали на севере от российских политических ссыльных.

Б. Мункачи хорошо знал русский язык, что облегчало его контакты. Он ездил в Западную Сибирь для изучения манси с будапештским ученым Йожефом Папай (Joseph de Papp). Они посетили Берёзов, Кондинское, Обдорск и Пелым, т.е. почти все населённые пункты Нижнего Приобья. Берёзовский исправник сообщал, что Мункачи собирает на р. Сосьва материал для научного труда, что с ссыльными он познакомился на квартире освобожденного от надзора харьковского народовольца Д. А. Сыцяно-Ослопова. Сестра Дмитрия Мария (по мужу Ослопова) отбывала ссылку в Ишиме, Сургуте и Обдорске. Также подозрительно отнеслись к расспросам гостей церковнослужители, что видно из дневниковых записей Б. Мункачи. Учёный писал, что один из священников «с подозрением смотрит на нашу деятельность и хочет, чтоб я показал ему документы, ибо боится, что ежу с политической миссией или же послан инкогнито от церковных органов власти»⁵⁹⁸. В результате местная полиция запретила исследователям встречаться с политическими ссыльными. Однако репрессированные сообщали товарищам об экспедиции этнографов в другие населённые пункты севера. Б. Мункачи получал сведения, к кому из местных жителей целесообразнее обращаться для сбора необходимого материала. Но более квалифицированные сведения, зачастую уже обработанные и точные, путешественники получали от ссыльных. Среди информантов назовём ссыльного рабочего И. Гервасия, который занимался переводами на хантыйский и мансийский языки произведений русской литературы. Н. А. Блинов

Рис. 2.103. Обложка книги В. В. Бартечева

⁵⁹⁷ Загребин А. Е. Бернат Мункачи и венгерское финно-угроведение на рубеже XIX–XX вв. // Вестник антропологии. 2019. № 2 (46). DOI: 10.33876/2311-0546/2019-46-2/140-149.

⁵⁹⁸ Подарок Мункачи. Песни и сказания / Сост. А. Н. Уваров. Ижевск, 1983. С. 44.

и А. И. Бородзич собирали предметы быта северных народов. Член тайной организации «Земля и воля» греческий подданный Г. А. Глико, впоследствии в Женеве примкнувший к группе «Освобождение труда», расширил сведения об условиях жизни на Севере, о беспорядках в инородческой больнице. После этих разговоров Папаи и Мункачи резко отозвались о действиях Берёзовского врача.

Лингвист Папаи, возвращаясь из Берёзова, посетил Тобольский губернский музей. Консерватор музея Н. Л. Скалозубов обратил внимание на мнение посетителя, что «... где-то в работе Бартенева или Рослякова указано, что Якобий нашел новый народ *нях самариах*»⁵⁹⁹. По мнению Папаи, это лишь название «группы самоедов [...]»: «соболинные самоеды, живущие в районе, где много соболя»⁶⁰⁰.

Из бесед с политическими ссыльными Б. Мункачи сделал заключение об оригинальности наблюдений и этнографических выводов русских ссыльных. Сказанное свидетельствует, что Б. Мункачи и Папаи довольно чётко проявляли свои симпатии к демократическим слоям русского общества, встречая среди ссыльных образованных интеллигентов, занимавшихся лингвистическими и этнографическими изысканиями и сбором материалов о финно-угорских народах Тобольского севера. Эти встречи, видимо, обогатили обе стороны⁶⁰¹.

В начале XX в. работы Мункачи «Морфология мансийских диалектов» и «Собрание мансийской народной поэзии», изданные на венгерском языке, оценивали как лучший словарь, лучшую грамматику и лучшее собрание текстов⁶⁰².

Политические ссыльные создавали уникальные коллекции, участвовали в научно-исследовательских экспедициях и делали немалое количество открытий по изучению региона, учили детей, изучали быт и культуру коренных народов. Различные стороны культурной и научной деятельности политических ссыльных на Тобольском севере будут неполными, если не учитывать влияние ссыльных на самих сибиряков, что не раз подчеркивали представители разных наук и оппозиционных формирований XIX — начала XX в.

Могло показаться, что сибирские морозы не способствовали социальной динамике. Здесь не власть по рецепту К. Н. Леонтьева, а сама природа «подморозила» Россию. Однако это скорее видимость, довольно далекая от практики. Разумеется, Тобольский Север не был одним из наиболее динамичных российских регионов. Скорее можно говорить об обратном. Север

⁵⁹⁹ Загороднюк Н. И., Коновалова Е. Н. Международные связи Тобольского губернского музея на рубеже XIX–XX веков // Манускрипт Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 10. С. 96–103.

⁶⁰⁰ Хроника музея за 1899 год // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1902. Вып. 13. С. 60–61.

⁶⁰¹ Роцевская Л. П., Чернышева В. Я. Русские и зарубежные журналы начала XX в. о путешествиях Б. Мункачи и Д. Р. Фокош-Фукса к финно-угорским народам России // Венгерские ученые и пермская филология. Устинов, 1987. С. 109–117.

⁶⁰² Мånьси мåхум пёс йис эргыт = Старинные песни народа манси. В записи Берната Мункачи, 1888–1889 гг. / авт.-сост. Т. Д. Слинкина, отв. ред. Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск, 2015. 232 с.

Тобольской губернии менялся медленнее, чем юг. И всё же не стоит впадать в крайности: вопреки многим обстоятельствам, он менялся. Более того, трансформации в Югре в чём-то даже более показательны, чем в остальной России.

Там происходила самоорганизация общества, несмотря на малочисленность городских поселений и отсутствие дворянских обществ, вокруг которых обычно и теплилась культурная жизнь провинции. Там происходило взаимопроникновение культур вопреки консерватизму местного населения. Там хозяйствующие субъекты втягивались в систему мировой экономики — при всем дефиците капиталов и прочих ресурсов. Иными словами, модернизационные тенденции, характерные в целом для страны, имели место и на Тобольском Севере.

Часть 3

Экономическое
развитие Югры
во второй четверти
XIX — начале XX вв.

Север Западной Сибири присоединялся к Российскому государству почти одновременно с Уралом, но хозяйственное освоение растянулось на столетия. На начало XX в. площадь Обского Севера составляла 835830 кв. вёрст или более 2/3 общей площади Тобольской губернии и почти 8% Сибири. При этом регион отличался малочисленностью населения. В 1904 г. здесь проживало 38693 человека, т.е. на одного человека приходилась площадь в 21,6 кв. версты. На 1868 г. только население Берёзовского и Сургутского уездов проживало в 287 пунктах, в 1912 г. общее число населённых пунктов увеличилось до 490 с 70,3% инородческого населения. Региональная сеть поселений отличалась множеством локальных сетей, внутри которых между отдельными населёнными пунктами были уставлены хозяйственно-экономические и социокультурные связи. Отметим удалённость населённых пунктов друг от друга в Берёзовском и Сургутском уездах: расстояние между ними доходило до 1563 кв. вёрст, в южной части Тобольского уезда сельские населённые пункты располагались в удалении друг от друга до 129 кв. вёрст.

Хотя Обский Север оставался во второй четверти XIX — начале XX вв. удалённым от основных транспортных путей в Сибири, но и сюда стали доходить элементы модернизации. Процессы модернизации имели специфические особенности, что определяло место региона в Сибири и России в целом. В этом процессе можно отметить некоторую вариативность перехода от аграрного общества к индустриальному, что со временем оформлялось в отдельную модель регионального развития.

Большую роль в формировании новой модели развития Югры играл административно-политический компонент, который стремился стать ведущим в процессе освоения и интеграции восточных регионов России посредством оформления новых направлений экономической жизни. Этот процесс определялся как объективными факторами всего государства, так и внутренними особенностями Обского севера. Стали оформляться новые направления производств, в которые посредством товарно-денежных отношений была втянута значительная часть населения. Это придавало привлекательность Обскому Северу, увеличив приток в регион как сезонной, так и постоянной миграции. Совершенствовались традиционные занятия. Так, регион оставался поставщиком пушнины, рыбы и продукции леса. Но к этому добавилось появление переработки рыбной продукции, что способствовало развитию речных путей.

Длительный период Обский Север оставался отрезанным от основных транспортных путей с запада на восток, поэтому конкурировать с другими регионами Сибири у него не было возможности. Но нарастание объёмов промыслового и промышленного производства привело не только к делению населения как на профессиональные группы промысловиков, так и производителей готовой продукции. Если раньше предприниматели компактно засе-

лялись в города или крупные сёла, то с конца XIX в. они стали расселяться по территории всего Обского Севера. Принцип места жительства или длительности проживания в Югре перестал быть приоритетным.

Прослеживается характерный для всей Сибири процесс органического сочетания занятия сельским хозяйством и промыслов с активным использованием в своей деятельности природных ресурсов. К концу XIX в. Обский Север имел устоявшиеся связи как с сибирским, так и общероссийским рынком. В экономике северных районов Западной Сибири прослеживалась многоукладность экономики: от натурального хозяйства до промышленных предприятий, принадлежащих в основном предпринимателям Тобольска. Хотя и традиционное хозяйство инородцев переживало кардинальные изменения при преобладании добывающих промыслов: охота, рыбная ловля.

Рис. 3.1. Бляха (Знак) сельского старосты. Тобольская губерния

Из-за отсутствия единой транспортной системы Обский Север развивался отдельными участками, которые располагались по берегам рек или в доступной удаленности от них. К началу XX в. в Сибири было построено 6 тысяч вёрст железной дороги с устройством 45 мостов через Иртыш, Обь и Енисей. Этот путь не проходил непосредственно через территорию севера Тобольской губернии, но теперь расписание речного и железнодорожного транспорта было взаимосвязано. Не имея достаточных финансовых возможностей для устройства сухопутных дорог, администрация и частный капитал могли активизировать жизнь региона посредством распространения парового транспорта, делая ставку на развитие, связанное с использованием природных ресурсов. Традиционно из региона вывозили на всероссийский рынок пушнину, рыбу, дикоросы, но произошла смена первенства с меха на рыбу.

Владея большими природными ресурсами, Обский Север во многом уступал по уровню экономического развития не только Сибири, но и России в целом. В условиях модернизации ряд традиционных промыслов был трансформирован в отрасли промышленного производства (например, рыбопромышленность). Увеличение миграционных процессов привело не только к увеличению численности населения, но и появлению слоя местных предпринимателей. Так как новые отрасли хозяйствования требовали не только новых подходов, но и всестороннего изучения природы, общества и потенциальных возможностей региона.

Экономическая модель Тобольского Севера представляла собой сложный симбиоз «новых» и «старых» тенденций, сосуществование меновой торговли и промышленных предприятий. Основой для формирования экономической модели Обского Севера стала природная среда, большую часть которой занимало водное пространство. Главная река севера — Обь со своей системой протоков, притоков стала более привлекательной, так как раньше способствовала замене традиционного земледелия на рыбную ловлю, к началу XX в. обеспечила возможности больших перевозок по Обь-Иртышской водной системе, а также «заменила» пушных животных на увеличение рыбодобычи. Хотя суровый климат сдерживал развитие промышленного и сельскохозяйственного производства, на длительный период морозы обеспечивали передвижение по зимникам и возможности для перевозки грузов за Урал.

Рис. 3.2. М. Воробьев. Почтовый тракт зимой. 1830 г.

Эта модель отражала как общероссийские, так и региональные особенности, требовала от исполнительной власти предоставления большей предпринимательской свободы. После того как Западная Сибирь была включена в общероссийскую систему управления, исполнительная власть получила большие возможности для развития Югры. Отметим, что экономика Обского Севера, хотя и приносила доход не только местным предпринимателям, но не особо интересовала центральную власть. Полномасштабное хозяйственное освоение Сибири в XIX–XX вв. так и не стало самостоятельным направлением во внутренней политике Верховной власти. Даже П. А. Столыпин и А. В. Кривошеев считали, что в отношении Сибири не стоит идти дальше увеличения доходности сельского хозяйства. Поэтому основными инициаторами этого процесса стали предприниматели и выходцы из заурального региона, которые инициировали исследование природных богатств Обского Севера не только с целью транспортных путей, но и для организации промышленного производства. Так, выходцы из Сибири инициировали множество проектов по изучению экономических возможностей Сибири, в том числе Обского Севера, среди них Д. И. Менделеев, А. А. Сыромятников, А. М. Сибиряков и др. Местные чиновники проводили изучение современного состояния различных отраслей хозяйства севера Тобольской губернии: А. А. Дунин-Горкавич, С. К. Патканов.

Глава 1

Тенденции и направления экономического развития Обского Севера во второй четверти XIX — начале XX вв.

1. Сельское и промысловое хозяйство

Северная часть Тобольской губернии включала в себя Берёзовский, Сургутский и часть Тобольского уездов, что в общем 68% территории всей Тобольской губернии. Но из-за северных широт Обский Север находился вне зоны активного земледелия, поэтому хлебная продукция сюда доставлялась. Для складирования зерновой продукции в регионе были организованы хлебные магазины, пополнение которых контролировалось местной властью. Как правило, в первой половине XIX в. продукция доставлялась на деревянных дощаниках, каюках в период навигации, но из-за проблем с навигацией, неудачной рыбной ловли, недоимок инородцев нередко наступали голодные годы. С появлением паровых судов в Обь-Иртышском водном бассейне объёмы ввозимой и вывозимой продукции значительно увеличились.

В крупных населённых пунктах Берёзово, Сургут, Обдорск, Кондинск после 1840-х гг. стало распространяться огородничество, которое скорее развивалось для собственного потребления. В 1861 г. в Сургуте у 161 дома был устроен огород, где выращивали в небольших объёмах огурцы, репу, редьку, лук, а на окраине населённого пункта высаживали картофель¹. Уже в 1870-е гг. в городе упоминалось 180 д.м.п. крестьян, которые часть выращенной продукции сбывали на местном рынке, остальную население по-прежнему использовало для собственных нужд². Но среди огороднических культур конца XIX в. появилась капуста³. В самом городе Берёзово в середине XIX в. было 63 огорода, а в округе их число доходило до 440⁴.

¹ Клячкин В. Е. Санитарный очерк г. Сургута Тобольской губернии // Подорожник. Тюмень, 2004. Выпуск 4. С. 106.

² Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб, 1882. С. 71.

³ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 72-73.

⁴ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 22. С. 403; № 24. С. 432.

Рис. 3.3. Скалозубов Н. Л. Сельское хозяйство в Тобольской губернии. СПб., 1895 г.

культур — льна, конопли. За свои опыты в земледелии на Обском Севере казачий есаул был награжден серебряной медалью Русского географического общества⁷. Священник Тверетин в селе Юганском в 1860-х гг. на собственном огороде высадил ячмень и рожь. Эксперимент оказался весьма удачным, так как полученный урожай ржи составил сам 10. Для продолжения занятия хлебопашеством приходской священник получил в потомственное владение 14 десятин земли в селе Юганском.

В Берёзовском уезде известный торговец и рыбопромышленник С. Т. Окунев проводил агрономические опыты по выращиванию овощных культур в открытом грунте. Самый удачный был 1888 г., когда купец получил в результате эксперимента клубни американского картофеля с гусиное яйцо. При этом он описал свои сельскохозяйственные опыты, которые публи-

В селе Кушеватское Берёзовского округа довольно успешно развивалось огородничество, но оно не приобрело статуса даже промысла⁵. В селе Кондинском огородами в начале XX в. было занято 10 десятин с посевами картофеля, репы, моркови, а также несколько лет подряд практиковали табак. Хотя огородничество со второй половины XIX в. стало распространяться до Обдорска, практически везде сажали в огородах картофель, в некоторых случаях даже репу, редьку, свёклу, морковку, но их можно встретить лишь у энтузиастов. Агроном Н. Л. Скалозубов отмечал, «если бы кто занялся огородничеством и сумел в непромерзаемых погребах сохранить овощи до Великого поста и весны, когда все продукты, истощаются, то нашел бы им сбыт»⁶.

Отметим, что интерес к возможности выращивания зерновых культур на Обском Севере проявляло как старожильческое население, так и исполнительная власть. По распоряжению Западно-сибирского генерал-губернатора командир Тобольского казачьего батальона есаул Невзоров получил три десятины земли под Сургутом для опыта по выращиванию зерновых культур. В 1853 г. он получил первый урожай овса и ячмень, в последующий период практиковал посевы технических

⁵ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 188.

⁶ Скалозубов Н. Л. Сельское хозяйство в Тобольской губернии. СПб., 1895. С. 20–21.

⁷ Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север. Сургут, 2002. С. 52–53.

ковались в губернской прессе. В своём дневнике за 1892 г. купец записал: «Посев озимой ржи на пространстве 20 квадратных сажений произведен в 1892 г. в селении Мужы Берёзовского округа. Посев произведен был 4 августа в количестве 2-х фунтов, семенами, привезенными из Тарского округа. Осень была холодная, всходы взошли 25 августа; первый заморозок был 7 сентября, а вслед за тем выпал снег, стаявший лишь около 20 мая следующего года; при теплой погоде рожь стала расти быстро и весенними заморозками повреждена не была. В конце августа хлеб был сжат; намолочено 16 фунтов»⁸. Успехи любителя-растениевода отмечал губернский агроном Н. Л. Скалозубов, который разделял мнение берёзовского купца, что применение новых технологий для улучшения почв может способствовать распространению хлебопашества среди русскоязычного и коренного населения⁹.

В начале XX в. к сельскохозяйственным опытам присоединились крестьяне: Е. Кичеров посадил 5 фунтов ржи на Покурской паровой пристани и собрал 35; И. Волков на пристани Лумпокольской управы посеял 1,5 пуда ячменя и собрал 4; посев на паровой пристани в селе Тундрино был уничтожен зайцами. Опыты земледелия инициировались губернскими чиновниками, по просьбе А. А. Дунина-Горкавича в Саранпауле было посеяно 5 пудов ячменя, а урожай составил около сам 12. Такие же опыты проводились в селе Щекуринском, поселке Шайтанский и т. д. Но подобные опыты не убедили местную общественность в возможности занятия пашенным земледелием при определенных условиях.

Наиболее интенсивно земледелие стало распространяться в начале XX в. по реке Конде. В районе села Леушинского в верховьях Конды хлебопашеством занимался крестьянин Герасимов, который сам закупил семенной материал. Также известны случаи хлебопашества в верховьях реки Северная Сосьва у Саранпаула, а также ниже по Конде в районе села Нахрачинского. По данным Б. Н. Городкова, во многих селениях по Конде сеяли в небольшом количестве овес, в селении Вачкур и в Богдановских юртах несколько лет подряд получали удовлетворительный урожай льна. Отметим, что в основном опыты проводились на «непригодных» целинных землях и без использования удобрения. Это было связано с тем, что инородцы боялись, что развитие земледелия приведёт к сокращению их собственных земель. Крестьяне Кондинской волости высказывали мнение, что занятие традиционным земледелием возможно на местах урманов, занимающих большие площади по верхней и средней Конде¹⁰.

В то же время расположение Берёзовского и Сургутского уездов за пределами распространения земледельческой культуры привело к тому, что местное население не имело никакого представления о хлебопашестве и не было знакомо с сельскохозяйственными орудиями труда (соха, плуг, борона). Жители села Кондинское указывали, что на разработку пашен придется прилагать большие усилия, но земледелие не принесёт больше дохода, чем охота или рыбная ловля. В начале XX в. несколько зырянских семей в Шайтанских юртах ежегодно выращивали рожь, овёс и другие зерновые культуры, хотя высокий урожай был не каждый год¹¹.

⁸ Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1899. Вып. V. Приложение 11. С. 14.

⁹ Тобольский государственный историко-культурный музей заповедник. Ед. хр. 891. Л. 237.

¹⁰ Городков Б. Н. Поезда в Салымский край // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1913. Выпуск 21. С. 31–44, 78–80; Городков Б. Н. Река Конда // Земледелие. 1912. Т. 19. № 3/4. С. 177–182.

¹¹ ГАТО Ф. 134. Оп. 1. Д. 312. Л. 189–202.

В сложных климатических условиях такая отрасль сельского хозяйства, как животноводство, могла стать базовой для большей части населения. Развитие животноводства на Обском Севере после 1830 г. отличалось стабильностью и было скорее направлено не на увеличение стада, а на его сохранение. Животноводство развивалось в двух направлениях: выращивание домашних животных, характерных для русского населения, и занятие оленеводством, что характерно для инородческого населения¹².

Содержание традиционных домашних животных для русского крестьянства — лошадей, коров, свиней, овец было связано с тем, что сами переселенцы доставляли на Обский Север эти группы скота. А уже впоследствии увеличение стада происходило за счёт естественного прироста, в редких случаях практиковались доставки по воде. Поэтому основным регионом сосредоточения этих видов домашних животных были населённые пункты с преобладающей численностью русского населения, в том числе в городской местности. В целом статистика даёт общее представление о численности скота в регионе, но надо учитывать отсутствие ветеринарной помощи, что отражалось на нестабильности поголовья. По данным на 1858 г. численность скота в Берёзовском округе была незначительной, но помимо Берёзовского уезда в Берёзовский округ входили другие административные единицы.

Таблица № 3.1

**Численность домашнего скота
в Берёзовском округе на 1858 г.**

Критерии	Берёзово	Берёзовский уезд	Берёзовский округ
населения			
лошади	74	1184	1473
крупный рогатый скот	93	534	847
овец	144	15	?
свиней	8	–	77
Всего			

Так, лошадей в Берёзовском уезде в основном содержали русские жители на земских станциях, а также в селах Мужи, Кушеват и Обдорск. По мнению С. Швецова, домашний скот в Сургуте имел большее значение, так как практически в каждом дворе держали 2–3 коровы, но были дворы с наличием 10 коров, не считая телят. На 1867 г. в Сургуте уже было 451 лошадь, 397 коров, в 1875 г. к 334 лошадям, 29 коровам добавилось 47 овец и 8 свиней. Через десять лет в Сургуте численность лошадей составила 533, из которых 120 принадлежало местным торговцам и использовалось для доставки товара.

¹² Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск, 1914. С. 6; Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. Т. LX. С. 216–217; Статистическое описание Тобольской губернии на 1899 г. Тобольск, 1900. Приложение 2.

Таблица № 3.2

**Соотношение количества лошадей
и крупного рогатого скота в Сургуте на 1875 г.**

Животных	Голов	На 1 д. м. п.	На 1 работавшего м.	На 1 домохозяйство
лошадей	533	1,1	1,8	2,8
коров	432	0,9	–	2,2

В 1875 г. на один двор в Сургуте приходилось в среднем 2,8 лошадей, 2,2 коров, 0,8 овец и 0,2 ездовых собак¹³. Основная проблема состояла в отсутствии достаточного корма для содержания скота зимой и надлежащего ухода, поэтому в конце холодного сезона в Сургуте 1/3 скота погибала или забивалась. В то же время животноводство было главной статьей дохода трети населения Сургута¹⁴. Численность лошадей в Сургутском уезде увеличилась с 940 (1868 г.) до

Рис. 3.4. Галкин А. И. Ямщик-ханты с оленьей упряжкой (Фонды МПиЧ, 1906–1909 гг.)

¹³ Клячкин В. Е. Санитарный очерк г. Сургута Тобольской губернии (по статистическим данным) // Подорожник. Тюмень, 2004. Выпуск 4. С. 106.

¹⁴ Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения Берёзовского округа Тобольской губернии // Подорожник. Тюмень, 2004. Выпуск 4. С. 10.

3737 (1912 г.), в Берёзовском уезде с 1261 (1868 г.) до 4337 голов (1912 г.), т. е. в среднем в 3–4 раза^{15,16}. Но единой переписи скота у крестьянского населения не было введено обязательно, поэтому данные порой расходятся: в 1858 г. в Берёзовском округе держали 6 тысяч лошадей, из которых русские крестьяне — до 3 тыс.¹⁷

Вторым направлением скотоводства стало оленеводство, в котором в основном было занято коренное население. Олень был неприхотлив в еде, не требовал серьёзного ухода, а также олениха приносила ежегодно приплод, у взрослого оленя отпадали рога, т. е. это всё обеспечивало прибыльность содержания этих животных. Также олень использовался в качестве тягловой силы, доставлял груз на ярмарки, в стойбища и на рыбные промыслы. На Обском Севере оформилось отдельное направление по перевозке на оленях — оленья гоньба. Так, на оленях осуществлялась земская гоньба между Берёзово и Обдорском по реке Ляпина. По зимнику на оленях в Сургут доставляли рыбу, пушнину и купеческий товар на продажу¹⁸.

В основном оленеводство было развито в Берёзовском уезде, на Ямале, вблизи Обдорска, по рекам Надым и Ныде, на Тазовском полуострове и в бассейнах рек. В Сургутском уезде с оленеводством было связано кочевание инородцев в междуречье Тром-Агана и Агана, Пита и Ляпина. В районе рек Вах, Юган, Балык и Салым оленеводство имело вспомогательное значение, а в некоторых стойбищах даже встречались безоленные семьи. По подсчётам А. А. Дунина-Горкавича на 1910 г. безоленных у вогулов и остяков было 40% населения. Так, на Тромаген оленеводство было развито, и в него было втянуто большое количество населения, а на Вахе оленеводство носило вспомогательное значение.

По данным источников, на 1827 г. в Берёзовском уезде насчитывалось 142 тыс. частных оленей¹⁹. В дальнейшем наблюдалось увеличение поголовья оленей: в 1858 г. в Берёзовском округе насчитывалось 174950 голов, в 1860 г. был проведён подсчёт стада и выяснилось, что в Берёзовском округе кочевало 204775 голов, в Берёзово — 1332, а в Сургуте 20 голов, т. е. в среднем на 1 жителя округа приходилось до 7,5 оленя²⁰. Но из-за различных болезней численность стада сокращалась, например, в начале 1870 г. в Берёзовском округе насчитывалось до 131 тысячи голов, но из-за постоянных эпизоотий стадо в 1884 г. составляло 133908 оленей, т. е. поголовье увеличилось на 2908 голов²¹. По данным Тобольского губернского статистического комитета переписи оленей на 1891 г. в Берёзовском уезде было учтено 243790 домашних оленей, на 1902 г. в Берёзовском уезде было 456794, в Сургутском уезде 5734 животных, а в 1908 г. — уже 436 тыс. голов, в 1910 г. — 450 тыс. голов²². Соответственно, в начале XX в. на семью в уезде приходилось 21,5 оленя²³.

¹⁵ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 22. С. 403.

¹⁶ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 24. С. 454, 436.

¹⁷ Памятная книжка Тобольской губернии на 1860–61 гг. Тобольск, 1861. С. 82–83.

¹⁸ Тобольские губернские ведомости. 1857. № 13 от 20 июля. С. 106.

¹⁹ Гагейместер Ю. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 2 С. 276.

²⁰ Памятная книжка Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 154–159; Памятная книжка Тобольской губернии на 1860–61 гг. Тобольск, 1861. С. 82–83.

²¹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 189, 191.

²² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2. Д. 27. Л. 198; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 3. С. 109; Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб., 1913. С. 253.

²³ Тяпкина О. А. Северные города Западной Сибири во второй половине XIX в. // Города Сибири XVIII — начала XX в. Баранул, 2001. С. 74–76.

Но численность стада оленей зависела от места оленеводства в структуре хозяйственной деятельности: основное или дополнительное занятие. Для жителей Сургута олень, например, был скорее средством передвижения, поэтому их численность большая: в 1864 г. было 1052 оленя, в 1884 г. – 2398 оленей²⁴. Для ваховских ханты содержание оленей также было скорее дополнительным, но значимым промыслом, так как обеспечивало собственными средствами передвижения во время проведения пушного промысла, поэтому здесь на хозяйство приходилось от 3 до 20 голов скота. Здесь встречались селения как вообще без оленей, так и те, в которых на один двор приходилось от 90 до 150 голов²⁵.

Владельцами оленей на Обском Севере традиционно выступало три группы населения: инородцы, русские переселенцы и зыряне. Соотношение численности поголовья между инородцами и русскими крестьянами была скорее в пользу инородцев, 99,6% в Обдорской волости.

Таблица № 3.3

Соотношение оленей по владельцам в Обдорских волостях на 1908 г.

Владельцы	Количество скота (голов)	Процент
русские	1000	0,4
ханты	90100	36,5
инородцы	155900	63,1
Всего	247000	100

Всего же на 1908 г. в Берёзовском уезде стадо оленей насчитывало 271 тыс. голов, в Берёзовских волостях 24144 и в городе всего 230 штук.

На самом деле отношение у инородцев Обского Севера и зырян к оленеводству разное, для самоеда важна численность стада: «Олени ходят, я на них смотрю, а деньги спрячешь не видно»²⁶, зыряне относились более практично. Зыряне занимались оленеводством в Ляпино-Сосьвинской местности с целью получения прибыли от продажи шкур животных. Крупные партии шкур отправлялись на ярмарки, доставлялись для кустарей, занимающихся выделкой замши и меховых изделий в Москву и на Печору²⁷. Но зыряне больших стад не держали, а занимались разведением оленей для получения шкуры на продажу. Доходность оленеводства рассчитывалась примерно так: из стада в 500 голов ежегодно забивают 100, которые приносили 600 руб. от продажи шкур, помимо этого на рынке продавалось мясо, рога, шерсть и т.д. Прибыли в среднем по 1 рублю на оленя, если продавать только шкуру²⁸.

²⁴ Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864; 417–1–652 Л. 34 об; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 189–190.

²⁵ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 3. С. 168.

²⁶ Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб., 1913. С. 253, 257.

²⁷ Пирожников Г. А. Записки уездного исправника. Сургут, 2002. 40–41.

²⁸ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 3. С. 114.

Таблица № 3.4

**Стоимость продукции оленеводства
на Обдорской ярмарке 1908 г.²⁹**

Вид товара	Штук	Цена 1 товара (рубль)	Общая стоимость (рубль)
оленьи постели	2900	2–50	7250
неплюя	6200	3–50	21700
пешки	5600	2–75	15400
Всего	14700		44350

В то же время для инородцев Обского Севера важна была численность собственного стада, так как животные продавались целиком. К самым богатым оленеводам, например, на 1847 г. относились князья Тайшины, которым принадлежало 15 тысяч голов или 10%³⁰. В начале XX в. самыми большими стадами владели: Харттево Вайнуйто было (2 тысячи голов), Т. Худи (2300), М. Солиндер (3 тысячи), братья Окко Худи (10 тысяч)³¹. Богатые оленеводы нанимали пастухов, которые в начале теплого сезона откочевывали к Уралу, а в начале осени возвращались в юрты. За работу пастухи чаще всего получали несколько голов скота, а также скот мог быть дан в долг, когда вместо одного полученного животного надо было выдать двух³².

Оленеводство оставалось главной статьёй доходов местного населения, что осознавало государство. Но поголовье оленей зависело от состояния экологии, распространения болезней и отсутствия какого-либо ветеринарного контроля. С 1909 г. на Обском Севере делались попытки проводить прививки среди животных. В 1912 г. исполнительная власть приняла решение о выдаче ссуд инородцам для покупки оленей при необходимости: расширение стада, падеж скота, создание собственного хозяйства и т.д. Но чаще всего это связано с падежом скота, например, в 1911 г. на Ямале у кочующих инородцев погибло 76 тыс. голов, что составляло 83% от стада и пострадало около 150 оленеводов. Если в среднем олень стоил 15 руб., то инородцы потеряли 1140 тыс. руб.³³. В то же время ежегодно из Обского Севера вывозилось продукции оленеводства на 100 тыс. руб., т.е. за период одной эпизоотии оленеводы потеряли доход 114 лет. Поэтому с начала XX в. организовывались ветеринарные экспедиции для выяснения причин падежа оленей и выявления различных заболеваний у этих животных. Отметим, что в состав экспедиции включались ветеринары, врачи, фельдшеры, чиновники, учёные. Основная задача изучения состояния оленеводства на Обском Севере — выработка

²⁹ Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб., 1913. С. 325.

³⁰ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 24. С. 454; Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. Тобольск, 1857. С. 404.

³¹ ГУТО ГА в г. Тобольске Ф.152. Оп. 40. Д. 333 Л. 3–5.

³² Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб., 1896. С. 69.

³³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп.40. Д 333 Л. 2–2 об.

рекомендаций для изменения ситуации³⁴. Это связано с тем, что оленеводство всегда играло в хозяйственной структуре инородца важное значение и её разрушение приводило к появлению безоленных семей³⁵.

Заготовка сена для скота чаще всего связана с содержанием домашних животных: лошадей, коров, овец, свиней. Но этот промысел во многом зависел от климатических условий, состояния навигации. Так, на Обском Севере сенокос начинался поздно, так как сенокосные луга располагались вдоль рек Оби, Иртыша. Большое количество лугов в Берёзовском и Сургутском уездах вовсе не использовались, так как потенциальные животноводы были заняты в других промыслах. Основной упор местное население делало на охоту и рыболовство, поэтому из-за традиционных промыслов они не успевали заготовить сено для скота. Молодой скот могли кормить побегами молодых деревьев, корой ивняка. Отметим, что сено само по себе не было питательным, отражался поздний сенокос и собственно качество травы. Хотя отдельные хозяйства в начале XX в. не только занимались сенокосом, но и владели сенокосилками. На 1908 г. в селе Самарово деревне Белогорской, Обдорском использовались сенокосилки. Например, на ферме Шахова вблизи Обдорска помимо сенокосилки использовались машины для маслоделия на ферме Шахова³⁶. Но основное сено косили для собственных нужд. Накошенное сено собирали в стога, которые перевозили зимой или привозили по мере надобности³⁷. Но часть сена могла поступать на продажу в город.

Рис. 3.5. Иллюстрация из книги: Кушелевский И. Ю. Северный полюс и земля Ялмал. Путевые записки. СПб.: Тип. МВД., 1868 г.

³⁴ Ветеринарные экспедиции на полуостров Ямал для выяснения причин падежа оленей // Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск, 1914. С. 7–16.

³⁵ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 3. С. 168.

³⁶ Дунин-Горкавич А. А. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения // Памятная книжка Тобольской губернии на 1908 г. Тобольск, 1908. С. 38–40.

³⁷ Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения Берёзовского округа Тобольской губернии // Подорожник. Выпуск 4. Тюмень, 2004. С. 103.

Рис. 3.6. Зимний костюм вогулов. Гравюра из книги: Малиев Н. Отчёт о вогульской экспедиции. Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 3, вып. 2. Казань, 1872 г.

бры, выдры и др. Наибольшей ценностью обладал мех горностая, соболя, колонка и выдры. Охота на соболя велась по берегам рек как в Сургутском, так и Берёзовском уездах. Из-за сокращения численности пушного зверя главным объектом становилась белка, на которую охотились поздней осенью, когда мех приобретал специфический голубоватый оттенок. На 1909 г. в Сургутском уезде было добыто 141170 белок, в Берёзовском — 441525 белок, что составило 76,2% общегубернских показателей. Это не случайно, так как главным местом охоты считались урманы южной части Берёзовского и Сургутского округов, здесь водились белки, лисицы, медведи, лоси, россомахи, горностаи, дикие олени и др.

В домашнем хозяйстве жителей Обского Севера довольно часто встречались ездовые собаки. У инородцев собака была незаменимой при охотничьем и птичьим промысле. Собаки нужны были для птичьей охоты, поездки за сеном, дровами, доставки воды из рек. Но больше всего ценились ездовые собаки, которые использовались для перевозки почты, например, между Тобольском и Берёзовым. По данным источников, в 1870 г. в Берёзовском округе содержалось 1500 собак для перевозки, в 1899 г. — 3539 ездовых собак. В среднем для перевозки на дальние расстояния гружёные нарты должны были тянуть 11–15 собак. За хорошо обученную собаку инородец мог отдать до 15 оленей.

Еще одним традиционным промыслом инородцев, в который втягивалось и русское население, была охота на пушного зверя. Проблема состояла в том, что охотнику приходилось кочевать за зверем, т.е. уходить на большие расстояния, например, охота на белого медведя, моржа и тюленей велась на берегу Северного Ледовитого океана в районе Тазовской губы³⁸. Виды промыслового зверя на Обском Севере были разные: горностай, белка, колонок, соболь, песец, россомаха, рысь, заяц, медведь, морж, тюлень, нерпа; в реках, впадающих в Обь, водились чёрные бо-

³⁸ Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб., 1896. С. 68.

Большинство инородческого населения на Обском Севере напрямую было связано с охотой: в 9 из 12 волостей Сургутского отделения Берёзовского округа инородцы занимались охотой как на конкретного зверя, так и в целом охотой, только в Мало-Юганской и Больше-Юганской волостях практиковалось звероловство, а в Селияровской практически никто не занимался охотой³⁹.

Таблица № 3.5

**Занятия инородческого населения волостей
Сургутского отделения Берёзовского округа на 1880-е гг.**

Волость	Охота	Рыболовство	Прочие
Салымская	Лисица, белка, соболь	да	поставка дров, нанимались в артели
Селияровская	практически никто не занимался охотой и только 18 инородцев платили ясак	рыболовство	земская гоньба
Пимская	выдра, бобр, горностай, лисица, белка	кочевое рыболовство	–
Аганская	выдра, соболь, горностай, медведь, дикий олень	–	–
Трем-Юганская	дикий олень, песец, горностай, белка	незначителен	–
Подгородно-Юганская	Звероловство	незначителен	–
Мало-Юганская	Звероловство	незначителен	–
Больше-Юганская	Звероловство	рыбный промысел	–
Лумпокольская	Охота	рыболовство	–
Салтыковская	Охота	рыболовство	–
Пирчинская	лисица, соболь, горностай, белка	рыболовство	сбор ореха
Ваховская	дикий олень, звероловство в соседних волостях	кочевое рыболовство	–

В 1909 г. в Берёзовском уезде охота на пушного зверя принесла 73,9% от всех доходов населения, в Сургутском уезде — 65,7%, т.е. в среднем на одного жителя этих территорий доход от охоты составил 17 руб. 61 коп.⁴⁰

³⁹ Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения Берёзовского округа Тобольской губернии // Подорожник. Выпуск 4. Тюмень, 2004. С. 23–24.

⁴⁰ Памятная книжка Тобольской губернии 1909 г. Тобольск, 1909. С. 69, 72–73.

Таблица № 3.6

Доходность охоты на Обском Севере 1909–1910 гг.⁴¹

Регион	1909 г.		1910 г.	
	рубль-копейка	голов	рублей	голов
Берёзовский	563472–25	509043	270522	334358
Сургутский	62466–60	145544	183073	45883
Всего	625938–85	654587	453595	380241

В следующем году показатели по численности зверя снизились практически на 42%, а стоимость пушнины на 27,5% по сравнению с предыдущим 1909 г. Но на производительность охотника влияли погодные условия, миграции зверя, неурожайный период и т. д. Количество добытого зверя зависело также от знаний способов добычи. Так, охота на диких оленей и лосей требовала специальной подготовки и учёта ландшафтных особенностей местности. В 1912 г. охотникам Юганской управы удалось получить 140 оленьих и 8 лосиных шкур, через два года в Сургутском уезде охотники добыли 300 лосей. В то же время в Берёзовском уезде охотники использовали различные приспособления для поимки лосей и оленей, а затем помещали их в загоны до зимы. При этом охота на зайцев на севере чаще всего была попутным занятием, чем основным. Так, манси в начале XX в., по воспоминаниям современников, комбинировали охоту как с другими промыслами, так и охоту на разного зверя: «живет как все вогулы: ходит в лес ставить ловушки на терев, другой раз белку там промышляет с собакой, попадетя медведь — и его убьёт, оленей найдет — тех «колотит», лось — и того «волочит» домой, угольев у него в тайге много, есть и «запоры» в лесу, есть и загородки для зверя в урманах, есть и пай в общественном «запоре» на реке»⁴².

Проблема охоты заключалась не только в сокращении поголовья зверя, но и в способах ведения охоты, которые порой приносили природе большой вред. В процесс охоты вовлекалось всё население инородческих поселений, так как с 12 лет дети могли самостоятельно охотиться⁴³. В 1910 г. два подростка на реке Вах добыли 1430 шкурок, а взрослый охотник — более 1 тысячи зверей. Ваховские ханты считались на Обском Севере искусными охотниками и звероловами, за зверем они доходили до рек Таза и Енисея. Для охоты инородцы использовали как огнестрельное оружие, ставные луки, так и различные приспособления (черканы, пасти, слопцы и кулемы) во время промысла на медведя⁴⁴.

Ловлю зверей практиковали вместо самой охоты: медведей, росомых, волков кололи копьями, ловили капканами или подставными луками и самострелами; лосей и диких оленей —

⁴¹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. Тобольск, 1910. С. 72.

⁴² Носилов К. У вогулов. Шадринск, 1993. С. 11.

⁴³ Перевалова Е. В. Экскурсия Б. Н. Городкова и Г. М. Дмитриева-Садовникова в долину реки Вах в 1913 г. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3. С. 129.

⁴⁴ Дмитриев-Садовников Г. М. Версты и строки. Екатеринбург, 1998. С. 24, 56.

Рис. 3.7. К. Панков. Охотники. (Фонды Тюменского областного музея изобразительных искусств. Конец 1930-х гг.)

стрелами и самострелами или в качестве приманки использовали домашних оленей; лисиц и песцов ловили капканами и кляпцами, соболей били по голове из лука, чтобы не портить шкурку. Со второй половины XIX в. инородцы стали практиковать отлов здорового и красивого зверя для разведения в домашних условиях. По мнению Т. С. Мамсик, это было сделано для сокращения расходов на охоту⁴⁵. В звероловство втягивались все жители северной полосы Тобольской губернии, хотя такой способ добычи зверя сказывался на качестве меха. Звероловством занимались осенью и зимой, используя приманки для лисиц, черканы для горностаев или забирая из лисьих нор лисят и т. д. Со временем звероловство стало самостоятельным промыслом, который позволял заниматься рыболовством и перевозками и т. д. Оно, как и охота, было следствием необходимости выплат ясака инородческим населением Обского Севера. В 1912 г. на заседаниях Государственной Думы обсуждался вопрос о введении правил охоты на пушного зверя в Сибири, но удалось ввести ограничения на отстрел некоторых животных до 1916 г.⁴⁶

⁴⁵ Мамсик Т. С. Чаусское Приобье: население и хозяйство: опыт реконструкции по материалам XVII–XIX вв. Новосибирск, 2009. С. 28.

⁴⁶ Туркин Н. В. Законы об охоте. Критическое исследование русских охотничьих законоположений. М., 1889. С. 11–14.

Помимо пушного зверя, население Обского Севера вело охоту на водоплавающую птицу (утки, гуси) и боровую дичь (глухари, тетерева, рябчики, куропатки). Особенностью этой охоты был сезонный характер: охота на уток и гусей осуществлялась весной и требовала привлечения сразу нескольких человек. Но чаще всего инородцы практиковали охоту на птицу в период линьки, когда можно было не только застрелить, но поймать различными приспособлениями: перевесами, сетями, петлями или с помощью чучел. Для каждой промысловой птицы использовался свой способ добычи, например, уток ловили перевесом или отстреливали из ружья⁴⁷. Появились даже профессиональные ловцы птицы, которые за ночь могли наловить 20–50 пар гусей и уток. Отметим, что птица была востребованным товаром на местных и региональных ярмарках: в 1850-е гг. из Обского Севера вывозили до 1500 пудов птичьего пуха и пера, в 1860-е гг. только с Обдорской ярмарки вывезено около 10 пудов пуха и от 101 до 215 пудов пера⁴⁸. В начале XX в. в связи с развитием транспортного сообщения на Обском Севере стали появляться скупщики дичи из соседних территорий, так как здесь цены были довольно низкие. От охоты на птицу промысловики помимо дичи получали птичьих шкурки — 5725 штук (1910 г.), пух и перо — 1021 пудов (1910 г.), а также параллельно практиковали сбор яиц из птичьих гнезд.

Таблица № 3.7

**Доходность охоты на птицу
на Обском севере в начале XX в⁴⁹.**

Уезд	1909 год	1910 год	1912 год
Берёзовский	2578 штук	5035 штук	6167 штук
Сургутский	938 штук	6773 штук	4439 штук
Всего	3516	11808	10606

В целом охота на птицу не стала самостоятельным промыслом из-за того, что птица была перелётная. Но этот промысел пополнял запасы пищи весной до прихода пароходов. Сезон охоты на водоплавающую птицу длился три-четыре недели с момента вскрытия рек, а на лесную птицу — с середины августа до выпадения снега. Как правило, дичь готовили впрок: солили, сушили, делались попытки содержания птиц в домашних условиях в теплый период.

Ещё один традиционный промысел инородческого населения стал приобретать товарный характер, что связано с уникальностью его продукции — кедрового ореха. Длитель-

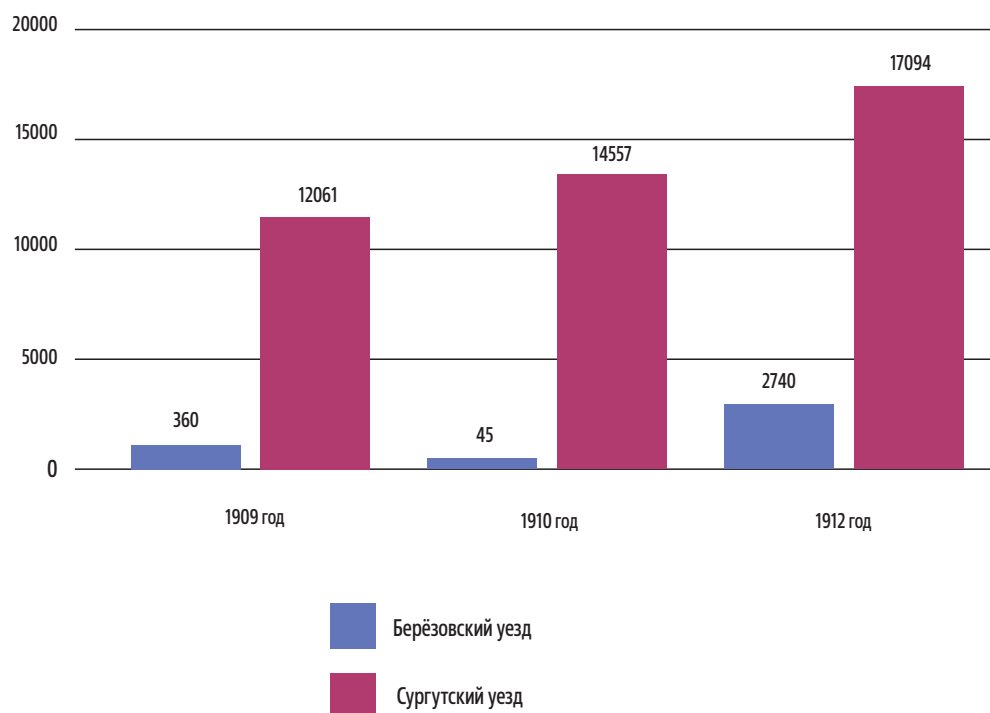
⁴⁷ Клячкин В. Санитарный очерк г. Сургута Тобольской губернии // Подорожник. Тюмень, 2004. Выпуск 4. С. 100–101.

⁴⁸ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 18.

⁴⁹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1912 г. Тобольск, 1912. С. 49; Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. Тобольск, 1910. С. 75; Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск, 1914. С. 8.

ное время орех считался лакомством, но с конца XIX в. он стал использоваться для производства кедрового масла, косметики. В основном кедровники располагались в лесной полосе Обь-Иртышского бассейна, но особенно их было много в Сургутском и Кондинском участках Берёзовского округа. Самыми прибыльными считались леса по реке Вах вблизи села Александрово Сургутского уезда, по рекам Конде и Сосьве Берёзовского уезда и вблизи села Самарово Тобольского уезда. В этих местах за сезон можно было собрать до 3,3–5 тыс. пудов ореха, цена которого на ярмарках доходила до 2 руб. 50 коп. за пуд, а в некоторые годы до 3 руб.⁵⁰. Первоначально инородцы совмещали сбор кедрового ореха с охотой на белок, которые проживали в кедровых лесах. Но так как урожай кедрового ореха бывал раз два-три года, сбором ореха как сезонным занятием стало заниматься и русское население.

Диаграмма 3.1. Динамика объёмов сбора кедрового ореха на Обском Севере (1909–1912 гг.)⁵¹

⁵⁰ Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому морю. Тюмень, 2004. С. 32–34; Гегемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Т. 2, С. 198; Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Записки Русского географического общества. СПб., 1857. Т. XII. С. 413; Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения Берёзовского округа Тобольской губернии // Подорожник. Выпуск 4. Тюмень, 2004. С. 26, 103.

⁵¹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. Тобольск, 1910. С. 76; Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск, 1914. С. 8; Памятная книжка Тобольской губернии на 1912 г. Тобольск, 1912. С. 50.

Рис. 3.8. Сбивание шишек колотом. Фото А. И. Галкина (Фонды МПЧ, 1906–1909 гг.)

Отметим, что в 1910 г. от сбора кедрового ореха промысловики Сургутского и Берёзовского уездов получили 25% всего общегубернского сбора, в 1912 г. собрали 37,5%.

В связи с приобретением товарности сезонный промысел стал развиваться в сторону совершенствования технологии сбора орехов, так как промысловик работал на рынок. В целом процедура добычи товара оставалась примитивной — шишки сбивали длинными палками, колотушками ударяли по деревьям, а затем собирали шишки под деревьями. Но для получения больших объёмов продукции сборщики стали собирать артели, нередко это были члены одной семьи. Также стала проводиться разведка с определением перспектив нового урожая, и только после этого все артельщики отправлялись на промысел. При этом все приспособления, продовольствие на сезон сбора урожая, одежду брали с собой, чтобы не отвлекаться. С появлением должности губернского лесничего для промысловиков стали выделяться делянки, рядом с которыми нередко находилось зимовье. Промысловики сооружали яму для складирования орехов рядом с жильем, расчищали ток для разбивки в будущем шишки и т. д. Помимо этого, в артели существовало разделение труда и даже появились профессии: сшивальщики, подбиральщики, лазальщики, караульщики. С начала XX в. для увеличения объёмов полученного товара в артели привлекалось до 20 человек. Это позволило изменить технологию сбора шишки: стали использовать железные когти (крючья) для взбирания на дерево, длинные шесты с железным крючком на конце для сбивания шишки с веток. Сбитые шишки стали складировать для сохранения не в ямах, а в амбарах на высоких столбах. После ухода артели на места сбора до окончательного вывоза товара оставался караульщик.

Особым промыслом для Обского Севера со второй половины XIX в. стало собирание плодов леса: морошки, черёмухи, брусники, клюквы, черники, голубики. В этом промысле существовали региональные особенности населения: по берегам Конды главной ягодой была брусника. Сбор этой ягоды был третьим по значимости промыслом, поэтому в него были втянуты все категории взрослого населения и дети. Ягодные места тянулись вдоль Конды на несколько десятков десятин. Начало сбора этой ягоды устанавливалось местной властью, которая отправляла сообщения во все селения данной волости. В среднем в Кондинской волости ежегодно собирали до 3 тыс. пудов, а в Каменских юртах один сборщик за сезон — до 30 пудов брусники⁵². Ягодные места, находящиеся в собственности инородцев, нужно было арендовать за определённую плату. При этом в этих районах выделялись делянки, где могли одновременно собирать ягоды только два человека, что формально уравнивало положение всех участников рынка. Зимой собранная брусника обозами отправлялась в Тобольск, а до этого периода её хранили в небольших продолговатых срубах с крышей. Цена на бруснику зависела от качества ягод и урожайности в конкретный год: в 1858 г. в Берёзовском округе было собрано 2 тыс. пудов брусники, а 1910 г. был неурожайным⁵³. Остальные ягоды: морошка, черника, голубика — шли на собственные нужды или продавались пассажирам проходящих пароходов.

Помимо традиционных промыслов на Обском Севере появились промыслы, связанные с развитием новых отраслей экономики. Например, с появлением пароходов появилась необходимость в поставке дров. Только Белоярская пристань вблизи Сургута заготавливала более 4 тыс. сажень дров в год. Отметим, что данный промысел получил распространение в тех районах, где занимались сбором кедровых орехов⁵⁴. Промысел по заготовке дров был тесно связан с вырубкой леса и появлением новой профессии — дровосеков. В Демьянской волости 250 крестьянских семей оказалось занято рубкой леса по договору. В целом для пристани на период навигации требовалось: для Демьянской — 6,5 тыс., для Самаровской пристани — 4 тыс. сажень, для Репаловской пристани до 6 тыс., для Тюлинской до 1 тыс. сажень дров⁵⁵. В основном этим промыслом занимались городские мещане и государственные крестьяне, которые обслуживали пристани.

Таким образом, на Обском Севере хозяйство продолжало оставаться традиционным и носило по-прежнему натуральный характер. Но с развитием промышленного производства и втягиванием в сибирский и всероссийский рынок как инородческого, так и русского населения появилась тенденция к сочетанию различных видов хозяйственной деятельности. Хотя чёткая специализация продолжала существовать, т. е. было базовое занятие для семьи с основным доходом, в него вкладывались средства, его развитие планировалось заранее. Помимо этого, основное занятие обеспечивало средства производства — оленей, земельные владения. Но появилось две тенденции в развитии оленеводства: стремление к увеличению стада и, тем самым, обогащению, рациональное использование средств производства,

⁵² Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольской губернии, СПб., 1891. Выпуск 19. С. 171–172, 181.

⁵³ Городков Б. Н. Поездка в Салымский край // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1913. Выпуск 21. С. 24, 47; Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. М., 1993. С. 413.

⁵⁴ Дунин-Горкавич А. А. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения // Памятная книжка Тобольской губернии на 1908 г. Тобольск, 1908. С. 30–37.

⁵⁵ Скалозубов Н. Л. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии. Тобольск, 1895. С. 17.

Рис. 3.9. Подвозка дров. Фото А. И. Галкина (Фонды МПиЧ, 1906–1909 гг.)

т.е. поставка на рынок оленьих шкур и продукции оленеводства. Соответственно в регионе появляется экономическая среда, обеспечивающая разные подходы к развитию хозяйства инородческого и русского населения. Наличие собственных средств производства обеспечивало оленеводу свободу выбора дальнейшего развития. Учитывая, что натуральность по-прежнему присутствовала в жизни населения Обского Севера, помимо основного занятия появляются дополнительные, которые могут быть сезонными. Однако доходность этих занятий с учётом небольшого сезона приносили неплохой доход, например, содержание домашних животных (лошадей), сбор ягод, сбор кедрового ореха, охота на птицу, заготовка дров длились от нескольких недель до нескольких месяцев. Поэтому можно было сочетать основное и дополнительное занятие. Другая группа промыслов выполняла скорее вспомогательные функции, т.е. обеспечивала существование дополнительного или основного занятия для населения Обского Севера. Так, заготовка сена, изготовление приспособлений для охоты, производство нарт, повозок, колес обеспечивали полноценное развитие охоты, перевозок грузов и т.д. Ещё одна группа промыслов: охота на птицу, выращивание домашних животных (коров, овец, свиней), огородничество обеспечивали нужды самого хозяина и его домочадцев. Всё это создавало более сложную структуру хозяйственных отношений на Обском Севере, чем в предыдущий период. Именно наличие в хозяйственной структуре двух-трёх занятий способствовало более равномерному поступлению в течение года доходов и денежных средств.

Важно, что сочетание промыслов обеспечивает и поступление доходности: прибыль с охоты поступала практически ежегодно, прибыль от сбора кедрового ореха раз в несколько лет, прибыль от охоты на морских животных также отличалась необходимостью создания артели, что возможно было не каждый год и т.д.

Немаловажным фактором является процесс втягивания инородца или русского крестьянина в новые товарно-денежные отношения или развитие системы предприниматель-

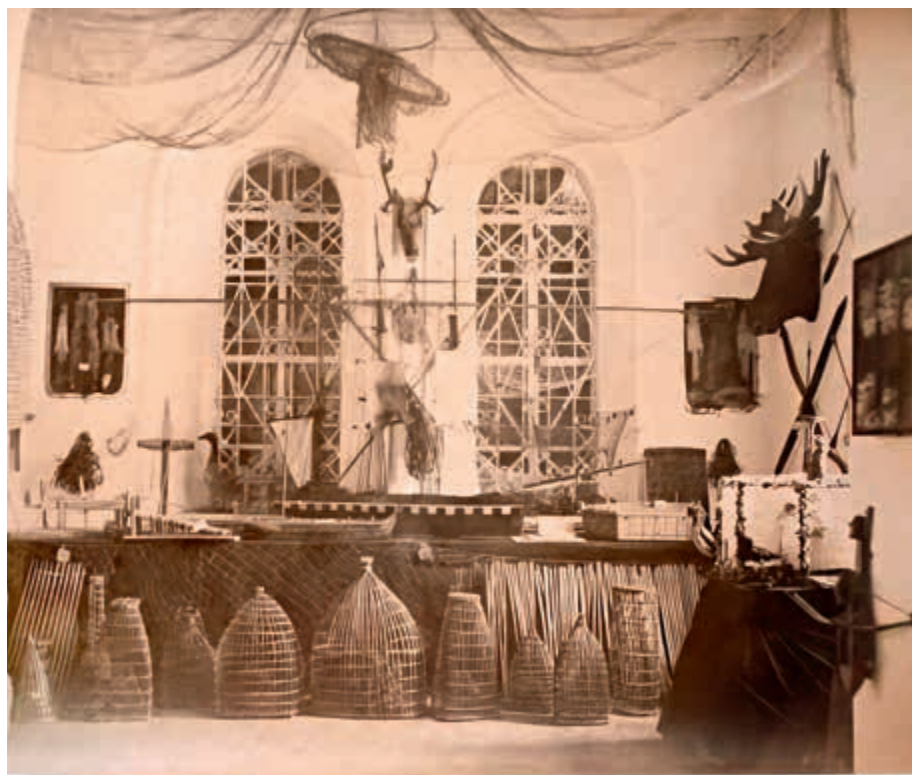

Рис. 3.10. Экспозиции Тобольского губернского музея.
Отдел, посвящённый ремесленному производству (Альбом Цесаревичу, 1981 г.)

ства, так как даже инородец стремится отказаться от натурального обмена и переходит к денежной торговле. При этом наблюдалось расслоение общества уже не столько по родовому признаку, сколько по имущественному: выделялись безоленные инородцы, которые вынуждены из-за отсутствия средств производства наниматься на работу к крупному собственнику.

Такое многообразие факторов экономического развития привело к тому, что часть крестьянских промыслов стала распространяться по территории Обского Севера. Так, появился промысел по изготовлению изделий домашнего обихода из бересты и коры деревьев, деревянной посуды, кадок и бочонков для хранения припасов. В целом численность мастеров в этих промыслах небольшая, от 1 до 8 человек, но из-за спроса на продукцию на рынке новые занятия становились главными в хозяйстве. Затем стали распространяться промыслы, связанные с изготовлением корыт, гробов, лодок, т.е. более крупных изделий из дерева. В Юровской волости два человека занимались производством корыт, в Демьянской несколько мастеров изготавливали по 15 лодок ежегодно, а при отсутствии заказов они занимались изготовлением туесок. В инородческих волостях ежегодно изготавливалось до 300 морд для осуществления рыбной ловли⁵⁶. Так, мелкие промыслы становились

⁵⁶ Скалозубов Н. Л. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии. Тобольск, 1895. С. 6–9.

важной частью хозяйственной деятельности местного населения и приносили дополнительный доход.

В процесс товарного производства стали втягиваться и женщины, которые теперь занимались не только домашним хозяйством, но и производством продукции на продажу. В 1911 г. на Омской выставке, а затем на Парижской выставке были представлены изделия мастериц Сургутского уезда⁵⁷.

2. Торговля и товарно-денежные отношения

Модернизация экономической системы в Российском государстве XIX в. способствовала как втягиванию всех удалённых территорий во всероссийский рынок, так и распространению товарно-денежных отношений. Регионы становились не только потребителями на российском рынке, но и полноценными участниками с своими уникальными товарами, формами торговли или обмена, правилами и т.д. У Обского Севера появилась возможность поставок местного товара на общероссийский рынок и решения проблемы обеспеченности в межсезонье.

Но для севера Тобольской губернии было характерно параллельное развитие различных форм торговой деятельности. Одним из новшеств стало распространение стационарной торговли, так как ранее местные и приезжие купцы занимались товарообменом ограниченный период и не владели складскими помещениями. Во второй половине XIX в. открывались постоянные торговые точки: в Сургуте из 12 лавок две были специализированными — винная и чайная, а остальные носили универсальный характер. Также здесь находилось два винных оптовых склада и три ренских погреба, деятельность которых контролировала местная власть. Но большинство торговых помещений были небольшими по площадям и вели розничный торг или скупали продукцию у производителей. Отметим, что в осуществлении розничной торговли принимали участие женщины. Так, в собственных лавках торговали купчиха Н. Н. Силина⁵⁸, мещанки И. И. Кайдалова и Н. Н. Кайдалова, а А. Ф. Кайдалова получила мануфактурное свидетельство на торговое заведение 2 разряда с капиталом 20 тысяч руб.⁵⁹ Транзитная торговля в других регионах для женщин-предпринимательниц была неудобной, поэтому они вели розничный торг в городе и ближайшей округе, а также владели складскими помещениями на пристанях. Купец 2 гильдии К. В. Силин (Карскин) открыл в Сургуте Торговый Дом, владеющий сетью мелких лавок с постоянным режимом работы в Локосово, Александровском, Ларьякске и т. д.⁶⁰ Помимо этого, купец нанимал рыболовные артели, поставлял дрова для проходящих пароходов, скупал товары местных промыслов⁶¹. Все эти коммерческие операции осуществлялись через собственные розничные лавки.

⁵⁷ Пирожников Г. А. Записки уездного исправника. Сургут, 2002. С. 30.

⁵⁸ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1997. Т. 4. Кн. 1. С. 58, 98.

⁵⁹ РГИА. Ф.23. Оп. 11. Д. 1015. Л. 29 об., 30.

⁶⁰ Ученые и краеведы Югры. Тюмень, 1997. С. 256.

⁶¹ Сибирский торговый листок. 1917. № 4.

Рис. 3.11. Торговля русского купца с хантами. Фото А. А. Дунина-Горкавича (Фонды ТГИАМЗ)

Помимо всего выше сказанного, хозяйство русского крестьянина и инородца продолжало сохранять натуральный характер, т. е. вся домашняя утварь делалась самостоятельно из дерева, берёзовой или пихтовой коры, камыша, травы: коробка для хранения, солонки, блюда, кузовья для ягод, люльки для детей, ковры «циновки», а также все орудия труда: рыболовные и охотничьи приспособления, нарты, сани, лодки-однодеревки, детские игрушки, музыкальные инструменты.

Так, лавки на Обском Севере выполняли роль не только торговой точки, но и центра предпринимательской деятельности. В лавки Берёзова в июне начинался завоз продуктов питания в больших объёмах: товары длительного хранения (мука, крупы) складировались здесь же, а остальные перераспределялись по населённым пунктам. В 1858 г. из Ирбитской ярмарки было доставлено товара на 60 тысяч рублей, привезено попутного товара на 80 тысяч рублей (мука и хлеб) и 6500 штук выпеченного хлеба. Из этой партии более 2 тысяч пудов увезли инородцы на стойбища, ещё 3 тысячи пудов было отправлено в Обдорск, а остальной товар складировался в Берёзове⁶². Отметим, что доставкой товара в собственные лавки в Берёзове и Обдорске занимались не только местные жители, но и купцы из Тобольска, Тюмени. Например, сургутский казак С. Клепиков в своей жалобе упоминал несколько мелкооптовых складских помещений тобольских купцов Сыромятниковых и Плехановых⁶³.

Со второй половины XIX в. получила распространение выездная торговля, как правило, она осуществлялась между ярмарками. Основой выездной торговли был не только процесс пря-

⁶² Тобольские губернские ведомости. 1858. № 22. С. 403.

⁶³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 42. Д. 207. Л. 1.

мых продаж разного товара, но и поиски потенциальных поставщиков пушнины или рыбы на будущий сезон. Поэтому привезённый товар не только продавался, но и давался в долг. Как правило, подобные выезды осуществлялись в период уплаты земских сборов, каких-либо повинностей или приезда начальствующих лиц. Примечательно, что в выездной торговле принимали участие все категории торговцев Обского Севера: мелкие предприниматели, торговцы-судовладельцы, рыбопромышленники, оптовики, перекупщики и т. д. Из-за больших площадей региона, отсутствия стабильного транспортного сообщения появлялись предприниматели, которые «обслуживали» те или иные поселения, например, А. Я. Кушников постоянно торговал и скупал продукцию охоты в районе Вартовска и по реке Вах.

Выездная форма торговли из-за своей сезонности способствовала созданию системы постоянных лавок для инородческого населения, а также втягивала русское население в товарно-денежные отношения. Помимо выездной торговли, практиковалась торговля в розницу по юртам, но при наличии зимника⁶⁴. Складывалась модель взаимоотношений: мещане, казаки брали товар в долг для продажи инородцам, передвигаясь зимой на лошадях и оленях, летом — на лодках, они получали взамен пушнину, рыбу, кедровые орехи, птичье перо, большую часть этого передавали кредитору. При этом у самих мелочных торговцев среди инородцев появлялись должники или те, кто получал товар под будущий сезон.

Такие взаимоотношения не были выгодны оптовикам или крупным иногородним купцам, поэтому они с декабря по апрель отправляли доверенных лиц, приказчиков на удалённые

Рис. 3.12. Семья жителя с. Самарово. Фото А. И. Галкина (Фонды МПиЧ, 1906–1909 гг.)

⁶⁴ Носилов К. У вогулов. Шадринск, 1993. С. 22–23.

стойбища и юрты для предварительного сговора по поводу доставки шкур медведей, бобров, соболей, песцов, белок, горностаев, росомах, выдр, зайцев, а также оленьих, лосиных кож, кедрового ореха, оленьего сала, мамонтовой кости и т.д. Взамен инородцы сразу или позже получали годовой запас хлеба, разные железные и чугунные изделия, домашнюю утварь, приспособления для охоты и рыбной ловли, сукно и различные безделушки⁶⁵. В целом товарооборот на этот период приносил купцам до 50 тыс. руб. В XIX в. для иногородних торговцев большой интерес представляла рыбная торговля, а позже торговля лесом. Отметим, что до появления в регионе крупного капитала все торговцы находили своего покупателя среди населения Обского Севера.

Наиболее прибыльной и привлекательной формой товарообмена по-прежнему оставались ярмарочные сборы, которые обеспечивали связи как между торговцами, так и обмен между производителями и потребителями Тобольской губернии. Традиционно дни проведения ярмарок устанавливались исполнительной властью с учётом «пожеланий» купечества и особенностей территорий⁶⁶.

На Обском Севере проводились инородческие ярмарки: Рождественская в Сургуте, Василевская в селе Обдорском, Ларьякская в селе Ларьякском, Юганская (Троицкая) в селе Юровском, Михайловский Торжок в селе Мужы, независимо от административной принадлежности населённого пункта⁶⁷. В период сбора ясака проводились торжки в Искарских юртах (декабрь-начало января), Щекурских юртах (начало января) и Юильских юртах (конец января). В целом ярмарки и торжки приходились на период май-июнь, декабрь-февраль.

Таблица № 3.8

Товарооборот торговых сборов на Обском Севере в 1858 г.⁶⁸

Тип торгового сбора	Привезено (рубль)	Продано (рубль)	Осталось (рубль)
Обдорская ярмарка	46900	45600	1300
Михайловский Торжок	4700	4250	450
Троицкая ярмарка	290	160	130
Ларьякская ярмарка	760	430	330
по Обскому Северу	52650	50440	2210
по Тобольской губернии	7332688	455902–75	2772735–25

⁶⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. 17. С. 48.

⁶⁶ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 22. № 16188.

⁶⁷ Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 437; Памятная книжка Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 205–207; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 174; Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск, 1914. С. 97–100; Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 137–138; Статистический обзор Тобольской губернии за 1899 г. Тобольск, 1900. С. 16.

⁶⁸ Памятная книжка Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 205–207.

Значимость конкретной ярмарки для развития региона определялась объёмами проданного товара, например, на Обдорскую ярмарку приходилось от 70 до 89% от всего товарооборота.

Наиболее значимой для севера Тобольской губернии на протяжении XIX — начала XX вв. оставалась Обдорская ярмарка, где происходил прямой обмен между сибирскими купцами и инородческим населением. Чаще всего ярмарка проводилась с конца декабря по конец января во время выплаты ясака, поэтому она играла ведущую роль в обмене между инородческим и русскоязычным населением⁶⁹. Первоначально торговля осуществлялась меною товара на товар, так как инородцы не доверяли деньгам, и это соответствовало правилами сибирской торговли. Но с 1870-х гг. на Обдорской ярмарке происходил переход к денежной торговле, а в 1890-е гг. инородцы поставили условие сбыта своего товара только за наличные, на которые сами приобретали необходимые вещи и продукты⁷⁰. Но севернее Тазовской губы по-прежнему сохранялся товарообмен, а единицей мены был пуд осетра или беличья шкурка⁷¹. Нередко в розничной торговле инородцы Берёзовского и Обдорского округов и Пелымского края придерживались правил меновой торговли, а не денежной.

С развитием Обдорской ярмарки в селе стали заниматься сооружением временных или постоянных складских и торговых помещений. Помимо этого, купцами открывались временные лавки, балаганы, где можно было вести торговлю в розницу или мелким оптом. Но при большом скоплении торговцев торговать приходилось даже в амбарах, с нарт, где выставляли образцы товаров: чай, табак, кремень, огниво, сукно, холст, капканы и т.д. В начале XX в. здесь уже было обустроено 120 амбаров, но договор об оптовых продажах проводился по-прежнему в домах местных жителей⁷².

Обороты Обдорской ярмарки колебались от нескольких десятков до нескольких сот тысяч рублей: в 1858 г. было привезено разного товара на 46100 руб., в 1862 г. — на 89786 руб., в 1891 г. — на 23905 руб., в 1899 г. — на 80 тыс. руб., в 1907 г. на — 244910 руб., в 1912 г. — на 413855 руб.⁷³. Интересны и другие показатели развития Обдорской ярмарки: в 1862 г. было продано более 83% привезённого товара, в 1899 г. на ярмарку в Обдорске приходилось 2,3% от товарооборота ярмарок Тобольской губернии, в 1912 г. только 0,7%. Отметим, что все эти колебания отражали внутренние причины: из-за позднего устройства зимника в 1911 г. в Обдорске было продано только 84% привезённой пушнины, а остальная вывозилась на другие региональные ярмарки.

Так, товарооборот Обдорской ярмарки колебался от 32 тысяч до 413 тысяч рублей, что связано как с изменениями на всероссийском рынке, формированием финансово-кредитной

⁶⁹ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 74.

⁷⁰ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 год. Томск, 1899. С. 76-77.

⁷¹ Обзор Тобольской губернии за 1891 г. Б. м., 1891. С. 7.

⁷² Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1907. С. 415-416; Линк И. В. Пребывание доктора А. Эрмана в Берёзове // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1834. № 12. С. 222; Линк И. В. Описание Тобольской губернии / Журнал Министерства Внутренних Дел. 1837. № 1. С. 23, 46-49.

⁷³ Памятная книжка Тобольской губернии на 1864. Тобольск, 1864. С. 436; Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 г. Тобольск, 1909. С. 202-203; Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск, 1914. С. 98-99.

системы, так и выделением наиболее значимых товаров для каждой ярмарки Обского Севера. Обдорская ярмарка в целом выполняла роль пункта обмена местного товара на промышленный и ремесленный, а также обеспечивала всем необходимым население до навигации.

Таблица № 3.9

Динамика товарооборота Обдорской ярмарки 1858–1870-е гг.⁷⁴

Год	Привезено	Продано	Осталось
1858	46100	45600	500
1859	46900	45600	1300
1860	54086	42331	11755
1861	64284	60374	3910
1862	79276	76424	2852
1863	89786	77451	12335
1864	65000	60200	4800
1865	35000	32000	3000
1866	38266	22292	15974
1867	37400	22700	14700
1868	35840	26694	9146
1869	33500	28850	4650
1870	56127	29847	26280

Можно выделить несколько групп товаров, которые обладали привлекательностью для приезжего купца. Прежде всего на ярмарку приезжали для приобретения пушнины, продукции инородческих промыслов. Так, здесь можно было приобрести разные сорта мехов, например, в 1911 г. – 7 видов пушнины на 223 тыс. руб. (См. таблицу). Также инородцами было привезено в 1858 г. – 5 пудов пуха (158 руб.), 214 пудов пера (714 руб.), в 1870 г. — пера на 386 руб., а также в 1863 г. мамонтовой кости — 12 пудов 15 фунтов (165 руб.), в 1870 г. — на 105 руб.⁷⁵.

⁷⁴ Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. Т. LX. С. 250; Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 436.

⁷⁵ Тобольские губернские ведомости 1858 г. № 18; Указатель Всероссийской Мануфактурной выставки 1870 г. СПб., 1870.

Таблица № 3.10

**Количество пушного товара, привезённого
на Обдорскую ярмарку в 1911 г.⁷⁶**

№	Вид	Количество (штук)	Стоимость (рубль)	Процент
1	песец	8000	120000	53,8
2	пыжик-пешка	600	20000	9
3	горностай	3000	10 000	4,5
4	шкура оленя	15000	50000	22,4
5	белый медведь	50	5000	2,2
6	белка	30000	10000	4,5
7	красная лисица	500	8000	3,6
Итого		57150	223000	100

Но вышеуказанные категории товара были результатом местных промыслов, из других регионов на Обдорскую ярмарку привозился следующий товар: продукты питания, промышленные изделия, оружие и припасы для охоты, ремесленные изделия и т.д. Например, в конце 1860-х гг. на ярмарку в большом количестве поставлялись ремесленные изделия из Архангельской губернии: 2 тысячи саженей ремня, упряжь из моржовой и китовой шкуры.

Если рассматривать продавцов и покупателей Обдорской ярмарки, то можно выделить три основных категории: коренное население, русское население и зыряне Архангельской губернии. Одной из первопричин интереса к ярмарке было то, что инородцы в этот период привозили меха для сдачи ясака и стремились приобрести всё необходимое для следующего сезона. Но не располагая большими средствами, они, как правило, брали «товарный кредит», т.е. получали продукты в долг. Продукцию своих промыслов они сбывали иногда с нар «на тундре» за селом, поэтому местные жители стремились выменять как можно больше товара у инородцев, чтобы потом перепродать его оптовикам. Но со второй половины XIX в. инородцы стали более осторожными: они останавливались вблизи Обдорска, скрывали объём привезённого товара от скупщиков и т.д. Поэтому для современников главной особенностью этой ярмарки была «скрытность и тайна в торговле»⁷⁷. Однако были сезоны, когда погодные условия не позволяли долго стоять, поэтому, сдав ясак в 1911 г., ханты уезжали, не дождавшись начала торговли.

Отметим, что Обдорская ярмарка была привлекательной, например, в некоторые годы приезжали даже инородцы с Енисейской губернии, с Северного Урала, с полуострова Ямал, с Тазовского полуострова, из Туруханского края, а также постоянными участниками ярмарки

⁷⁶ Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север. Сургут, 2002. С. 44.

⁷⁷ Губарев А. Обдорск // Современник. 1863. Т. XCIC. С. 224–225.

были зыряне Архангельской губернии: в 1870 г. их насчитывалось 90 человек. По данным статистики, в этом году зыряне поставили товара 1,5%, инородцы Обского Севера 33,6%, а русские торговцы — 64,9% (См. таблица № 3.11).

Таблица № 3.11

Категории привезённого товара на Обдорскую ярмарку 1870 г.⁷⁸

Русские торговцы		Зыряне Архангельской губернии		Инородцы	
категория товара	рубель	категория товара	рубель	категория товара	рубель
ржаная мука	31650	оленье мясо	665	рыба	600
пшеничная мука	1040	масло коровье	548	пушной товар	25385
крупчатая	785	черных кож	342	ворвань	400
бакалея	4585	ремни для хомутов	300	осетрового клея	411
сахар	3267	поясков шерстяных	303	моржовой ремень	210
сукно	3450	деревянных изделий	119	пух	350
холста	1181	железных изделий	149	гагарьи шейки	100
чеканка (холст с рисунком)	310	пеньковая веревка	48	мамонтная кость	105
табак	3265	танзянов плетенных	28		
мережа для рыбной ловли	1000				
азиатских товаров	1935				
металлических изделий	1020				
мыло	75				
Всего	53565		947		27561

Заинтересованность местной власти в развитии Обского Севера стала проследиваться со второй половины XIX в., когда даже обустройство зимней дороги планировалось заранее. К этому периоду сложились этапы торговли на Обдорской ярмарке, которые начинались задолго до её начала. Товар сначала скупался в основном русским населением у охотников и рыбаков, а потом уже на ярмарке перепродавался приезжим купцам. К 1870-м гг. выделилось несколько групп скупщиков и перекупщиков, например, берёзовские и сургутские мещане, казаки и зыряне. Товар с Обдорской ярмарки попадал к оптовикам, которые формировали небольшие караваны нарт с легким товаром (пушниной) для отправки в Тобольск⁷⁹.

⁷⁸ Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. Т. LX. С. 250–251.

⁷⁹ Губарев А. Обдорск // Современник. 1863. Т. XCIC. С. 223.

Рис. 3.13. Купец В. М. Новицкий с женой и сыном. Фото начала XX в.

Третья группа — русские купцы, которые как сами приезжали на ярмарку, так и отправляли ещё осенью доверенных лиц или приказчиков для скупки товара. Тобольские купцы Сыромятниковы, Корниловы, Бронниковы предпочитали торговать напрямую с инородцами, которые оказывались у них в должниках. В 1870 г. на Обдорскую ярмарку приехало 6 купцов со свидетельством 2 гильдии, 45 крестьян, 30 казаков и торгующие мещане. Так как местные торговцы не могли составить серьёзную конкуренцию приезжим тобольским купцам, то оказались в зависимости от скупщиков.

Но не всегда Обдорская ярмарка была удачная, в некоторые годы по различным причинам она не досчитывалась продавцов и покупателей. Это приводило к тому, что приезжие купцы отправлялись сами или посылали своих агентов в станы-зимовки на Ямале, Надыме, в Обской губе, чтобы приобрести товар на месте промысла. Иногда из-за неудобного промысла инородцы вместо Обдорска привозили товар, например, в Сургут, поэтому поток покупателей из Обдорска перенаправлялся.

Второе место по объёмам товарооборота для Обского Севера занимал так называемый Михайловский торжок, который посещали как купцы, так и зыряне Архангельской губернии. Сюда по зимнему пути доставляли сёмгу, сахар, коровье масло, оленье туши и шкуры, инородческую одежду, а скупали свежую рыбу осеннего улова. По данным источников, в 1868 г. было привезено товара на 3 тыс. руб., в 1897 г. на 7010 руб., который был продан весь⁸⁰.

Хотя большинство ярмарок носило местное или региональное значение, все они имели большое значение для населения края. С конца декабря по середину января проводили Сургутскую ярмарку, для которой была выделена отдельная торговая площадь с обустроенными специальными торговыми рядами. В целом модель Сургутской ярмарки повторяла Обдорскую модель своей «скрытностью и тайной». Описание торгового процесса дано в «Сибирском торговом листе»: «главная торговля между инородцами и русскими производилась ночью во дворах последних с наглухо закрытыми воротами, и при этом торге, ко-

⁸⁰ Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. Т. LX. С. 251; Тобольские губернские ведомости. 1858. № 2 С. 22; Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск, 1898. С. 27.

тому предшествовало угощение, инородцев обвешивают и обсчитывают⁸¹. Фактически местное население было изолировано от ярмарки до тех пор, пока крупные покупатели не приобретут товар, а только потом можно было свободно «купить самую пустяшную вещь». С подобными нарушениями пыталась бороться как местная администрация, так и полиция. Например, практиковалось выставление полицейских кордонов за городом, чтобы не позволить приезжим купцам перехватить инородцев. Порой скупщики распространяли слух, что «Ирбит не удался или его закрыли», поэтому торговли не будет. Это вынуждало инородцев сбывать привезённый товар практически за бесценок. Помимо этого, купцами и их доверенными лицами использовались другие способы обогащения. В ходе ревизии Сургутской ярмарки в 1901 г. было выявлено множество нарушений: продажа спиртных напитков, обвешивание, продажа некачественного товара и т. д. Так, в начале XX в. в срочном порядке был принят запрет на проведение коммерческих операций на дому и продажу товара в долг.

Ассортимент Сургутской ярмарки отличался разнообразием, сюда доставляли рыбу, беличьи и лисьи шкурки, кедровый орех, продукты питания и промышленный товар. Это определяло состав продавцов и поставщиков: рыба добывалась «горожанами», пушнина и продукция леса инородцами, продовольствие и оружейные припасы иногородними купцами. Хотя общая стоимость привезенного товара порой достигала 30 тысяч рублей, но товарооборот полностью зависел от общей ситуации на сибирском рынке⁸². В 1913 г. из-за нестабильной экономической ситуации и увеличения количества речных перевозок на Сургутскую ярмарку было доставлено товара только на 12,5 тысяч руб.

Можно выделить несколько групп продавцов на этой ярмарке, для каждой из которых характерна своя модель коммерческой операции. Инородцы привозили пушнину, звериные шкуры и рыбу в первой половине XIX в. общей стоимостью до 50 тыс. руб., которая к концу века уменьшилась до 4–10 тыс. руб. Русскоязычное население Обского Севера поставляло ремесленные изделия, продукты питания и продукцию традиционных промыслов примерно на 3–7 тыс. руб.⁸³. При этом каждая группа продавцов предпочитала свой вариант сбыта товара: инородцы использовали мелкий опт; горожане торговали в розницу кренделями, хлебом, чаем, сахаром, маслом, табаком, вином; иногородние купцы использовали обе формы товарообмена. Но между всеми группами мог находиться перекупщик, который предпочитал скупать товар не по рыночной цене, а при продаже прибыль доходила до 200%. В отличие от Обдорской ярмарки на Сургутской появился новый участник — мелкий скупщик, который изолировал розничного покупателя от поставщика⁸⁴.

Помимо этого, на севере Тобольской губернии с начала XX в. возросло значение Ларьякской ярмарки, обороты которой в 1907 г. составили 133140 руб., в 1912 г. – 274684 руб., т. е. увеличились на 106%⁸⁵. В некоторые годы Ларьякская ярмарка фактически выступала конкурентом Обдорской по объёму привезённого товара и его ассортименту. Троицкая ярмарка в селе

⁸¹ Сибирский торговый листок. 1893. № 4/5.

⁸² Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1996. Т. 3. С. 18.

⁸³ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 70.

⁸⁴ Губарев А. Обдорск // Современник. 1863. Т. XCIC. С. 224–225.

⁸⁵ Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 г. Тобольск, 1909. С. 202–203; Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск, 1914. С. 98–99.

Рис. 3.14. Прибытие обоза из Тобольска на Ирбитскую ярмарку. Гравюра по акварели Е. М. Корнеева (Rechberg Ch. de. Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'empire de Russie, accompagnée de figures coloriées. Vol. 1. Paris: de l'Imprimerie de O. Colas. 1812.)

Юровском скорее выполняла роль места поставки необходимого товара для проживающего здесь населения, поэтому её товарооборот был незначительным⁸⁶.

Так, в указанный период на Обском Севере как сохранились ярмарки, торжки, так и получила распространение розничная и мелкооптовая торговля. Но слабое развитие транспортных путей привело к тому, что большая часть населения Обского Севера втягивалась в товарно-денежные отношения. При этом особой конкуренции между городскими ярмарками и сельскими не было, так как каждая выполняла свою задачу. Но значимость конкретной ярмарки для развития региона определялась объёмами проданного товара, например, на Обдорскую ярмарку приходилось от 70 до 89% всего товарооборота. К началу XX в. из-за распространения стационарной торговли и развития транспортной системы ярмарка способствовала концентрации больших объёмов продукции, которая отправлялась в Тобольск, Ирбит, Нижний Новгород.

На протяжении XIX — начала XX вв. на Обском Севере распространение различных форм товарообмена подчёркивает привлекательность местных товаров (продукция охоты, рыбной ловли и леса) для всероссийского рынка. Безусловно, для каждого периода были свои наиболее востребованные товары, например, в 1860-е гг. появился спрос не только на пушнину и рыбу, но и на птичье перо и пух и т.д. При этом временность ярмарок обеспечивала местным торговцам преимущества из-за постоянного проживания в регионе. Так, купец Н. П. Тетюцкий оставался практически единственным оптовым поставщиком хлеба в места

⁸⁶ Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск, 1898. С. 27.

проживания инородцев. Во время своих поездок он не только менял привезённые продукты на пушнину, но и «устанавливал» соотношение обмена на будущий сезон: за 1 соболя можно было получить 5 пудов ржаной муки, за 8 беличьих шкур — 1 пуд муки и т. д. Забрав таким образом всю пушнину, он начинал продавать хлеб за деньги или в долг⁸⁷.

Главными пунктами сбыта оптового сбыта пушнины были следующие населённые пункты: в Берёзовском округе — Берёзов, Обдорск, Мужы, в Сургутском — села Ларьякское, Юганское и в Туринском уезде — село Пельмское. Только в Берёзов в 1830-е гг. ежегодно поставили медвежьих шкур до 50, лисьих до 5 тыс., бобровых 50, собольих до 800, волчьих до 200, беличьих до 100 тыс., заячьих 500, горностаевых 10 тысяч, голубых песцов 40, песцов других 15 тысяч, росوماховых 39, выдриных 40, лосинных 300 штук всего на сумму 106 тыс. руб.⁸⁸. В 1834 г., по данным Гагемейстера, на Обдорской ярмарке продавали шкурки соболей, лисиц, белок, песцов, медведей, волков, горностаев, зайцев, бобров, выдр, росомах, рысей, бурундуков, корсаков, лосей⁸⁹.

Таблица № 3.12

Численность проданной пушнины в 1857 г. на Обском Севере⁹⁰

Меховые шкурки	Берёзов		Обдорск		Мужы		Юганское		Ларьякское	
	число штук	сумма руб.	число штук	сумма руб.	число штук	сумма руб.	число штук	сумма руб.	число штук	сумма руб.
соболя	800	4500	–	–	–	–	50	250	20	100
лисиц (сиводушек, белодушек)	1000	3800	500	2000	50	150	100	300	100	450
песца (белый, голубой)	10010	9070	15000	12000	–	–	–	–	–	–
недopesка, крестовника, норки	–	–	2000	800	–	–	–	–	–	–
белки	7000	6300	15000	1200	5000	350	2000	150	2000	150
горностая	6000	1800	5000	1500	–	–				
медведя	–	–	25	105	–	–	–	–	–	–
бурундука	–	–	–	–	–	–	1000	10	–	–
выдры							30	180	20	120
Итого	24810	25470	37525	17605	5050	500	3170	890	2140	820

⁸⁷ Пирожников Г. А. Записки уездного исправника. Сургут, 2022. С. 46.

⁸⁸ Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому морю. Тюмень, 2004. С. 33–34.

⁸⁹ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., Т. 2. С. 12.

⁹⁰ Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. Т. LX. С. 223.

В 1850 г. только в Берёзовском уезде было продано 87810 меховых шкурок на сумму 25470 руб.⁹¹ В целом во второй половине XIX в. наблюдалось сокращение объёмов поставляемой пушнины: в 1857 г. было продано в регионе 72195 меховых шкурок на 45285 рублей. В то же время, на Обдорской ярмарке 1857 г. было представлено 15 групп меховых товаров. Практически ежегодно лидерами продаж выступали пушнина или изделия из мехов: в 1858 г. на песцовые и беличьи шкурки приходилось 33% от всего привезённого товара, в 1863 г. практически 80% — на беличьи лапки, в 1911 г. – 52,5% от объёма приходилось на белку. На Обдорскую ярмарку доставлялись мамонтовая кость, моржовые клыки, тюленьи шкуры, моржовый ремень и т.д.

Изменение объёмов поставляемой на продажу пушнины было следствием непродуманной добычи и отстрела зверя в предыдущий период, что сократило поголовье. Поэтому охотники, а чаще всего это ясачные люди, стремились найти новый способ добычи зверя, например, стали практиковать звероловство и выращивание пушного зверя в домашних условиях. По данным Абрамова, в некоторые годы на продажу поставлялась пушнина выращенных в неволе животных. Отметим, что объёмы официального отстрела зверя не совпадали с объёмами продаж: в 1858 г. в Берёзовском и Сургутском уездах общая оценка проданной пушнины доходила до 91 тыс. руб., что составило только 60% от стоимости полученного промысловиками зверя.

Таблица № 3.13

Общая численность мехов на Обдорской ярмарке на 1858 и 1863 гг.⁹²

Шкурки		1858		1863		1911	
		Число (штук)	Сумма (рубли)	Число (штук)	Сумма (рубли)	Число (штук)	Сумма (рубли)
соболей		870	4850	–	–	–	–
лисиц	сиводушек	1825	7060	384	1824	–	–
	белодушек					–	–
	черно-бурых	–	–	7	210	–	–
	крестоватых	–	–	5	57	–	–
	красная					500	8000
песцов	голубых	10	70	10267	6172	8000	120000
	белых	25000	21000				
норкина		2000	800	–	–	–	–
недопесков				200	120	–	–
крестоватиков				6035	2477	–	–

⁹¹ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 25. С. 445.

⁹² Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. Т. LX. С. 223. С. 224; Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север. Сургут, 2002. С. 40–43.

Таблица № 3.13 (продолжение)

Шкурки	1858		1863		1911		
	Число (штук)	Сумма (рубль)	Число (штук)	Сумма (рубль)	Число (штук)	Сумма (рубль)	
синяков	–	–	1925	1111	–	–	
белки	37500	8800	–	–	30000	10000	
горностаев	11300	3405	–	–	3000	10000	
выдры	75	475	–	–	–	–	
бурундуки	1000	10	–	–	–	–	
подпалы	200	90	–	–	–	–	
зайцев	10000	750	–	–	–	–	
росомах	–	–	23	69	–	–	
лап песцов	–	–	49400	1333	–	–	
медведей	белого	25	105	–	–	50	5000
	простого	42	315	–	–	–	–
волков	20	60	32	187		–	
лосинных	400	1300				–	
оленьи					15000	50000	
пыжик-пешка					600	20000	
Всего	90267	49060		13560		223000	

Так, с 1830 г. по 1910-е гг. прослеживаются серьезные изменения как в ассортименте торговли пушниной, так и в её стоимости. Это связано не только с изменением рыночной конъюнктуры, но и с появлением новых видов одежды, а также с сокращением численности пушного зверя на Обском Севере. Немаловажным фактором являлись мероприятия властей в области экологической ситуации в регионе, например, были установлены нормы отстрела пушного зверя, постепенно заменялись выплаты натурального ясака на денежные выплаты.

Большую часть товаров, вывозимых с территории Обского Севера, составляла рыба и рыбные продукты. Рыбный промысел, как и охота, относились к традиционным занятиям коренного населения, которое имело в своем распоряжении места вылова. Помимо этого, рыба составляла важную часть рациона питания как коренного, так и пришлого населения Сибири, поэтому торговле рыбой отводилось важное место в развитии региона. Отметим, что часть выловленной рыбы оставалась для собственных нужд, а остальную отправляли обозами как на ярмарки, так и на прямые продажи. Так, часть свежей рыбы торговцы из зырян вывозили по зимнему пути на ярмарки в Мезень и Архангельск: в 1857 г. из Обдорской ярмарки они на нартах вывезли до 4 тыс. пудов рыбы, а в Пермский край было отправлено 160 пудов речной рыбы на 20 тыс. руб.⁹³ В середине XIX в. из Берёзовского уезда ежегодно

⁹³ Тобольские губернские ведомости. 1857. № 17.

вывозилось до 17710 пудов рыбы и рыбной продукции. Ситуация существенно изменилась с появлением парового флота в Сибири, поэтому основные объёмы вывозимой продукции стали приходиться на период навигации.

Во второй половине XIX в. усилились виды контроля не только за формами торговой деятельности на Обском Севере, но и положением инородцев в системе товарообмена. Было выявлено множество нарушений как самой торговли, так и прав инородческого населения, поэтому в начале XX в. стала распространяться новая форма сбыта меховой продукции посредством аукционных продаж. Один из первых пушных аукционов был проведен в 1900 г. в Тобольске, в качестве продавцов были приглашены ханты, проживающие по реке Юган. В целом цены на аукционе зависели от численности потенциальных покупателей, спроса и объёмов продаж на рынке. Поэтому цена на товар на аукционе была на 3–5 рублей выше ярмарочной, при этом здесь не было вариантов обмана инородцев. На трёх меховых аукционах (1900 г., 1901 г., 1902 г.) только юганские ханты продали 360 пушных шкур, а после вычетов всех расходов прибыль составила 1551 руб. Если первоначально инородцы считали, что аукционные продажи невыгодные, то вскоре им удалось покрыть свои долги перед казной. Это показало выгодность подобной формы торговли, но нашлись противники среди представителей уездной администрации Обского Севера. С начала XX в. у инородческого населения появились разные возможности для сбыта своей продукции.

По данным управляющего речной компании «М. Плотников и Сыновья», в год из Берёзовского уезда стали вывозить 133950 пудов рыбы⁹⁴. Это позволило расширить регионы доставки рыбной продукции, так как рыбу вывозили в больших объёмах водным по рекам Обь-Иртышского бассейна и сухопутным путями в Пермский край, Вятскую губернию и т.д. Этому способствовало расширение ассортимента рыбной продукции за счёт новых способов обработки и приготовления. Помимо традиционных видов продукции: замороженной или свежей рыбы, икры, клея, появилась солёная, копчёная рыба, в небольшом количестве в сухом виде, а также рыбные консервы.

Рыболовладельцы старались не только организовать собственный вылов рыбы, но и скупали выловленную рыбу в обмен на товары, привезённые в начале навигации из Тобольска и Тюмени. Местными скупщиками крупных рыболовладельцев чаще всего выступали сургутские и берёзовские мещане, казаки, приказчики судовладельцев. Они, как правило, на каюках двигались по инородческим волостям, скупая, помимо рыбы, пушнину, рыбный клей, икру, птичье перо, кедровый орех и т. д.⁹⁵ В целом общая стоимость выловленной рыбы оценивалась в 1834 г. в 200 тыс. руб., в 1850 г. в 108 тыс. руб., к концу XIX в. составляла, по официальным данным, около 250 тыс. руб. Однако надо учитывать, что после 1870-гг. не вся выловленная рыба продавалась через ярмарки, так как стали появляться рыбоперерабатывающие предприятия.

В целом ярмарки и торжки оставались основными формами торговли, но большинство из них становились, прежде всего, местом оптовых продаж и покупок, а уже затем оставшийся товар сбывался в розницу. Такая торговля хотя и приносила доход русскому и инородческому

⁹⁴ Труды комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Тобольская губерния. СПб., 1903. Т. LIII. С. 172.

⁹⁵ Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения Берёзовского округа Тобольской губернии // Подорожник. Тюмень, 2004. Выпуск 4. С. 27.

Рис. 3.15. Промышленник вытаскивает из морды рыбу деревянным крючком. Фото 1913 г.

населению Обского Севера, но не покрывала все потребности в продуктах питания и промышленных товарах. Поэтому с конца XIX в. в регионе стала распространяться такая форма организации покупателей, как потребительская кооперация. В 1897 г. в селе Обдорском было создано общество потребителей «Приполярный край». Основными инициаторами и участниками стали крестьяне Обского Севера, которые занимались доставкой дешёвого товара для членов кооператива, а оставшуюся продукцию сбывали всем желающим по рыночной цене. В отчётных документах кооператива упоминалось, что членами кооператива был 31 пайщик, каждый из которых выплачивал вступительный взнос и покупал паи⁹⁶. При этом члены данной организации могли рассчитывать на оказание медицинских услуг, помощь в устройстве детей в учебные заведения, приёме на работу или выдачу небольшой суммы. В Сургутском уезде 55 инородцев разных юрт Ларьякской волости объединились в потребительское общество. Членами кооператива могли стать все желающие после оплаты вступительного взноса в размере 1 рубля и приобретения пая по 10 руб.⁹⁷ Члены кооператива не только приобретали дешёвый товар, но и организовали артели для ведения охоты и рыбного промысла. Первая крупная закупка на 1200 руб. показала дороговизну транспортных расходов, поэтому члены кооператива стали пользоваться собственными речными судами при доставке товара с пристаней. Также потребительские кооперативы были созданы в селе

⁹⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф.152. Оп.35. Д 1381 Л. 1-3.

⁹⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф.152. Оп.35. Д 1381 Л. 1-2 об., 5-10 об.

Кондинском, в Берёзове для защиты прав мелких производителей и промысловиков⁹⁸. Помимо этого, в Берёзовском уезде было организовано три ссудо-сберегательных товарищества, средства которых предназначались для организации мелких производств или артелей по вылову рыбы⁹⁹. В 1915 г. местные органы власти инициировали организацию общественных лавок в удалённых населённых пунктах, например, в Тундрино.

Развитие товарно-денежных отношений на Обском Севере способствовало распространению не только более совершенных форм организации торговой деятельности, но и появлению новых направлений в предпринимательстве. В регионе с 1830-х гг. стал формироваться слой местных предпринимателей, деятельность которых не ограничивалась правами гильдейского купечества. Но численность местного купечества была нестабильной: в первой половине XIX в. число состоящих в гильдиях Берёзова и Сургута не превышало 8–10 человек. При этом ни сургутские, ни берёзовские горожане не могли составить конкуренцию тобольскому, тюменскому купечеству 1 или 2 гильдии, поэтому они не записывались в гильдии.

Таблица № 3.14

**Динамика численности получивших свидетельства
на торговую деятельность на Обском Севере (1858–1875 гг.)¹⁰⁰**

	1858	1860	1862	1868	1875	1882
Берёзово	23	12	13	169	120	
Сургут	8	6	7	47	65	
Всего	31	18	20	216	185	

После изменения предпринимательского законодательства в России отношение к собственному социальному статусу в деловом мире стало важным, так как этот факт расширял возможности для развития собственного производства. Среди получивших разрешение на занятие торговой деятельностью на Обском Севере в 1860 г. упоминалось: 10 купцов 3 гильдии, 2 торгующих крестьянина 2 разряда, 6 приказчиков¹⁰¹. При этом наблюдалось увеличение численности гильдейского купечества как за счёт иногородних купцов, так и за счёт записи из местных торговцев¹⁰². Изменение предпринимательского законодательства способствовало официальной регистрации участников торгового процесса, так как это освобождало от уплаты обязательного 1% с объявленного капитала, а свидетельство можно было взять как на год, так и на несколько месяцев.

⁹⁸ Календарь Сибирской кооперации. Томск, 1917. С. 29.

⁹⁹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 180–181.

¹⁰⁰ Памятная книжка Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 167.

¹⁰¹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1861 и 1862 гг. Тобольск, 1861. С. 95–96.

¹⁰² Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 г. С. 382–384.

Таблица № 3.15

Категории торговцев Обского Севера 1868 г.¹⁰³

Слой населения	Место записи		Итого	
	Берёзово и уезд	Сургут и уезд	человек	%
купцов 2 гильдии	32	9	41	12,4
мелочные торговцы	202	9	211	63,7
развозная торговля	12	24	36	10,9
приказчики 1 и 2 разряда	41	2	43	13
Всего	287	44	331	100

В соответствии с законодательством каждая категория торговцев могла помимо основного занятия выбирать дополнительные, предварительно получив специальный билет для коммерческих операций. В 1868 г. среди предпринимателей преобладали мелочные торговцы, но помимо этого дополнительные билеты к свидетельствам 2 гильдии получили 76 человек, мелочного торгога — 82. Отметим, что купцы 2 гильдии имели ещё и 34 свидетельства для членов семей и 15 — для начальников купеческих семей, что расширяло число предпринимателей в регионе на 49 человек. В целом источники фиксировали существенные изменения в структуре участников предпринимательской деятельности на Обском Севере, что связано с привлечением старожильского и инородческого населения. На 1875 г. в Берёзове кроме 34 купцов 2 гильдии появился купец 1 гильдии, а в Сургуте впервые появилось 11 купцов 2 гильдии. Помимо этого, источники указывали, что на Обском Севере официально появились развозные, разносные, розничные торговцы, а в Сургуте — 6 оптовиков. На 1882 г. в Берёзове купцы с семьями составляли 7,6% от общей численности городского населения¹⁰⁴. На 1900 г. было выдано 149 годовых торговых свидетельств, 78 полугодовых и 103 бесплатных разрешений на торговлю¹⁰⁵.

К концу XIX в. стали выделять предпринимательские семьи, среди них в Сургуте свидетельство на торговлю чаще всех получали Баскины, Кайдаловы, Тетюцкие, Рязанцевы, Силины. В основном они занимались торговлей, рыбным или пушным промыслом на сумму от 2 до 30 тысяч рублей¹⁰⁶. Второй важной тенденцией стало официальное открытие торговых предприятий, чаще всего с семейным капиталом. В 1899 г. на Обском Севере действовало 192 торговых заведения, на которых приходилось 3,32% от общего числа предпринимательских компаний Тобольской губернии, 1,5% торгового оборота и 1,9% прибыли. Одна из крупных компаний с оборотом в 30 тыс. руб. принадлежала сургутскому купцу Силину, который помимо торговли занимался рыбным промыслом и охотой.

¹⁰³ Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. Т. LX. С. 245.

¹⁰⁴ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 73.

¹⁰⁵ Статистический обзор Тобольской губернии за 1899 г. Тобольск, 1900. С. 16.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 23 Оп. 11 Д. 1015 Л. 29 об., 30.

Таблица № 3.16

Численность торговых предприятий на Обском Севере на 1899 г.

Территория	Число	Годовой оборот (рубль)	Прибыль (рубль)
Берёзовский уезд (в том числе Берёзово)	135	539000	63000
Сургутский уезд (в том числе Сургут)	57	153000	18000
Всего	192	692000	81000

Начало XX в. ознаменовалось созданием предпринимательских компаний в форме Торговых Домов, семь из которых семейного типа. По три компании принадлежали мещанам Тетюцким и Кайдаловым и одна — Силину. Тетюцкие торговли мануфактурным, бакалейным, галантерейными и железным товаром, дровами, мукой, рыбой, пушниной, орехом, оружием, посудой, одеждой, обувью, кожей, чаем, сахаром и т.д. Кайдаловы торговали посудой, мукой, оружием, бельём, обувью, железом, валеным товаром и кожей, скобяным товаром, рыбой, продукцией крестьянских промыслов и разными мелочными товарами¹⁰⁷.

Таким образом, развитие торговли проходило сразу в нескольких направлениях: как направление деятельности по решению проблемы поставок, необходимых для местного населения; как объединение производителя и потребителя; как источник вывоза из региона конкурентоспособного товара не только всероссийском, но и международном рынке; как направление предпринимательской деятельности для местного населения; как источник предоставления работы наёмным рабочим не только Обского Севера, но и в целом Тобольской губернии.

Многие негативные факторы в развитии торгового промысла беспокоили местную власть, которая из-за обширности региона не могла осуществлять полномасштабный контроль и частично передавала эти функции в систему самоуправления. Так, решения об усилении наказаний за ввоз и продажу алкогольной продукции на Обский Север практически не соблюдались. В 1861–1879 гг. было выявлено 109 случаев незаконной торговли вином на Обдорском участке, а на Кондинском участке наблюдалось увеличение числа нарушений в несколько раз¹⁰⁸. Второй проблемой для исполнительной власти была организация поставок продовольствия и промышленных изделий в регион, с этой целью собиралась информация об объёмах поставленной продукции. В ряде волостей Обского Севера к середине XIX в. ощущался дефицит в пополнении хлебных магазинов, из которых предполагалось продавать продукты питания при резком скачке цен на рынке. Это приводило к тому, что до появления паровых судов в регионе практиковался наем рабочих в рыбные артели за продовольствием¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Указатель действующих в империи акционерных предприятий и Торговых Домов. СПб., 1905. Ч. 2. С. 328–329.

¹⁰⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 42. Д. 191 Л. 4, 11–11 об.

¹⁰⁹ Тобольские губернские ведомости. 1857. № 12 от 13 июля; Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения Берёзовского округа Тобольской губернии // Подорожник. Тюмень, 2004. Выпуск 4. С. 24.

Рис. 3.16. Шелушение кедровых орехов. Фото А. А. Дунина-Горкавича (Фонды МПич, начало XX в.)

Развитие товарно-денежных отношений способствовало изменению способов торговли с инородческим населением, а также появлению новых форм предпринимательства. Иногородцы стали в некоторых случаях соглашаться на денежную торговлю, хотя мена с использованием пушного зверя в качестве денег продолжала существовать.

3. Основные черты и тенденции развития промыслов, ремесла и промышленного производства

В период с 1830 г. по 1917 г. на Обском Севере параллельно развивались традиционные промыслов инородцев, крестьянские промыслы, ремесленное и промышленное производство. Этому способствовали удаленность от основных ремесленных и промышленных центров Сибири и неразвитость транспортных путей. Поэтому практически всё городское и сельское ремесло в первой половине XIX в. в регионе было представлено мелко-кустарными заведениями семейного типа¹¹⁰. В северной части Тобольской губернии сельское хозяйство не приносило большого дохода, и жителям приходилось объединять различные занятия: скотоводство и промыслы, ремесло и промыслы, промыслы и торговлю и т.д. На выбор основной сферы деятельности влияли многие факторы: место проживания, материальное поло-

¹¹⁰ Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири XVIII–XIX вв. Свердловск, 1973. С. 19.

Рис. 3.17. Сапоги (бродни), кустарно изготовленные (Фонды ТГИАМЗ)

жение населённого пункта, возможности развития того или иного промысла или ремесла и т. д.

Так, в первой половине XIX в. ремесленник как мелкий производитель оказался тесно связанным со скупщиком или потенциальным заказчиком. Поэтому он сочетал производство изделий для продажи на рынке и на заказ. Ремесленник занимался всем циклом от приобретения или изготовления сырья до продажи готового товара потребителю. По данным источников, до 1850-х гг. численность записанных в ремесленники жителей Обского Севера была от 4 до 12 человек. Серьёзные изменения стали наблюдаться в период реформ 1860-х гг., на Обском Севере было зарегистрировано 77 ремесленников, из которых на Сургут приходилось более 18%¹¹¹. В Берёзове среди ремесленников упоминалось хлебников — 10, скорняков — 9, каменщиков — 8, булочников и столяров по 6 человек и т. д. Уже в 1867 г. мастеровые Берёзова владели 6 кирпичными сараями для производства строительного материала. Помимо этого, выделилась группа сельских ремесленников, а часть городских специалистов временно селилась в сёлах и деревнях, например, на 1875 г. таковых было 10 человек. В Сургуте рост численности ремесленников наблюдался к последней трети XIX в., так как из-за увеличения численности населения

появилась потребность в строительстве жилых и хозяйственных построек. Из 54 местных ремесленников 59% приходилось на плотников, столяров, слесарей и кузнецов, 24% — на тех, кто занимался изготовлением одежды и обуви¹¹². В Берёзове в целом численность ремесленников во второй половине XIX в. отличалась стабильностью, но к 1880-м гг. на кирпичных предприятиях стали применять простые механизмы, что позволяло владельцам наращивать объёмы производства¹¹³. Однако не все занятые ручным производством записывались в ремесленники, нередко мещане или казаки занимались ремеслом, так как спрос на продукцию и услуги был значительным¹¹⁴.

В целом в XIX в. на Обском Севере преобладали небольшие предприятия семейного типа, но развитие речного транспорта привело к появлению здесь представителей крупного капитала. В Берёзове в 1863 г. мелкие перерабатывающие предприятия имели годовой доход в 1750 руб., 1865 г. — в 1083 руб., 1866 г. — в 300, в 1867 г. — в 496¹¹⁵. На 1898 г. все предприятия Обского Севера относились к IV разряду, в том числе 48 промышленных заведений Берёзовско-

¹¹¹ Памятная книжка Тобольской губернии 1860 и 1861 гг. Тобольск, 1861. С. 84–95

¹¹² Клячкин В. Санитарный очерк г. Сургута Тобольской губернии // Подорожник. Тюмень, 2004. Выпуск 4. С. 113; Памятная книжка Тобольской губернии на 1858 г. Тобольск, 1858. С. 160, 163.

¹¹³ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 75; Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 373.

¹¹⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф 417. Оп.1. Д. 652 л. 36 об.

¹¹⁵ Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. Т. LX. С. 234–235.

го уезда с годовым производством продукции на 129 тыс. руб. и прибылью 19 тыс. руб.¹¹⁶ Кроме упомянутых кирпичных заводов появились предприятия по переработке рыбы на сумму около 40 тыс. руб.¹¹⁷. На 1910 г. произведенная продукция в Берёзовском уезде оценивалась в 193 тыс. руб., в Сургутском — только в 2095 руб. В целом Берёзовский уезд по общим показателям развития производства занимал в Тобольской губернии 7 место¹¹⁸. Примечательно, что предприятия в сельской местности по доходности опережали городские на 36%.

Помимо ремесленного и мелко-кустарного производства на Обском Севере как русское, так и инородческое население занималось промыслами, которые связаны с обработкой растительного сырья: изготовление вёсел, корыт, нарт, луков, стрел, поделок из берёзовой коры, плетением морд, корзин и коренников, верёвок из тала и трав, ковров из камыша, скорняжное дело и шитьё меховой одежды из звериных шкур. В 1885 г. в Сургуте было выдано 174 свидетельства на занятие различными промыслами, в 1899 г. по Берёзовскому и Сургутскому уездам с городами — 202. На севере Тобольской губернии занятие промыслами определяло характер жизнедеятельности населения: охотники и рыболовы были активны и мобильны в сезон охоты или рыбной ловли, для которых наиболее выгодным было создание артелей. В некоторых промыслах участвовали все жители поселений, в том числе дети, женщины и старики, например, ловля птиц в период линьки.

Большинство традиционных промыслов Обского Севера было связано с природными ресурсами, так рыбной ловлей можно было заниматься на территории более 9 тысяч десятин¹¹⁹. Обь-Иртышский бассейн с довольно большим водным пространством способствовал широкому распространению и популярности рыбного промысла, которым традиционно занималось инородческое население и русские переселенцы. Так, Самаровскую волость А. А. Малых назвал районом «вынужденного» рыболовства, так как из-за суровых климатических условий занятие сельским хозяйством было практически невозможным¹²⁰. Поэтому здесь рыбный промысел довольно рано приобрёл товарный характер, хотя сохранился вылов рыбы для собственного потребления. Врач Ф. М. Белявский, инспектирующий населённые пункты от Тобольска вниз по Иртышу, указывал, что данным промыслом занимались все категории населения¹²¹. Так, коренное население Берёзовского округа получало стабильный доход, доставляя в город на продажу «рыбу, рыбий клей и жир». Это способствовало складыванию в этом районе крупного товарного рыболовства с использованием вольной наёмной силы: «в летнее время в Берёзовской округе было для промыслов рыбы из Тобольска и других городов разного звания людей с дощаниками и лодками во многом числе и у ясашных обывателей арендовали пески»¹²². Соответственно вылов рыбы уже к 1830-м гг. был полностью ориентирован на рынок, что определял большой спрос на продукцию.

¹¹⁶ Высочайше утвержденное 8 июня 1898 г. мнение государственного совета. Вятка, 1898. С. 80–83; Положение о государственном промысловом налоге 1898 г. // ПСЗРИ. СПб., 1901. Т. 28. С. 489.

¹¹⁷ Статистический обзор Тобольской губернии за 1899 г. Тобольск, 1900. С. 14.

¹¹⁸ Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. Тобольск, 1910. С. 53; Памятная книжка Тобольской губернии на 1912 г. Тобольск, 1912. С. 47.

¹¹⁹ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 19. С. 359; № 24. С. 436.

¹²⁰ Малых А. А. Рыболовный промысел в государственной деревне Западной Сибири в 40–50-е годы XIX в. // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976. С. 83.

¹²¹ Белявский Ф. М. Поездка к ледовитому морю. Тюмень, 2004. С. 7–12.

¹²² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 13. Д. 206. Л. 1.

Рис. 3.18. Лов рыбы. Фото А. И. Галкина (Фонды МПиЧ, 1906–1909 гг.)

В 1849 г. в Берёзовском уезде было выловлено 66 тысяч пудов рыбы на 36785 руб., в следующем году было вывезено 88550 пудов рыбы и рыбной продукции, что значительно превышало потребности населения губернии¹²³. В местной прессе за 1857 г. отмечалось, что в последние 5 лет только через Берёзов поступило в губернский город рыбы — 669750 пудов, икры — 900 пудов, клею — 100 пудов, вязиги — 30 пудов¹²⁴. Также увеличились объёмы вылова рыбы в Сургутском, Кондинском и Обдорском отделениях, поэтому часть продукции доставлялась по зимнему пути¹²⁵. По мнению В. Н. Разгона, в первой половине XIX в. колебания в объёмах добычи рыбы были связаны с большими расходами на транспортировку, а также усиливающейся конкуренцией на внутреннем рынке Западной Сибири со стороны озёрного рыболовства¹²⁶. Помимо этого, сокращение улова связано с естественными причинами, например, в 1860 г. в Сургутском округе в летний сезон «рыба отсутствовала» из-за позднего подъёма воды в реках, заходом белух верх по Оби до села Кушеватского и т. д. С начала XX в., по данным Н. Козлова, с речных песков Берёзовского уезда ежегодно вывозилось до 133950 пудов продукции, так как рыбопромышленники старались удержать объёмы улова

¹²³ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. 17. С. 44–45.

¹²⁴ Тобольские губернские ведомости 1857. № 28. С. 2068.

¹²⁵ Тобольские губернские ведомости 1857. № 17. С. 157.

¹²⁶ Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999. С. 382.

рыбы в пределах 130–140 тыс. пудов¹²⁷. На самом деле объём выловленной рыбы был гораздо большим, так как здесь не учитывалась рыба для домашнего потребления, а также рыба, отправленная на переработку. По мнению Н. А. Миненко, в начале XIX в. на Обском Севере вылавливали для собственных нужд до 220 тыс. пудов, что вместе с товарным уловом составляло около 370 тыс. пудов¹²⁸. В начале XX в., по данным А. А. Дунина-Горкавича, только для собственного потребления вылавливали около 800 тыс. пудов¹²⁹.

С 1830 по 1917 гг. вёлся промышленный вылов осетра, стерляди, муксуна, нельмы, щуки, сырка, щокура, язя, подъязки, сельди, пыжьяна, карася, окуня, налима. Помимо свежей рыбы разных видов на рынок стала поставляться переработка рыбной продукции: икра осетра, муксуна и щокура, осетровый клей, осетровые вязиги, рыбий жир и т.д. С начала XX в. промысловики стремились вывезти с промысла готовую или полуобработанную продукцию, что увеличивало её стоимость в несколько раз.

Таблица № 3.17

Показатели рыбного промысла на Обском Севере в 1909 г.¹³⁰

Продукция	Берёзовский уезд		Сургутский уезд	
	пуд	рубель	пуд	рубель
Свежая и соленая рыба	185852	332289	47830	64817
Икра, клей, вязиги, сухая рыба, рыбий жир	10288	52355	7766	20182
Всего	196140	384644	55596	84999

В основном рыбные пески принадлежали инородцам, поэтому для промышленного вылова рыбы требовалось арендовать угодья. Ещё с XVIII в. за инородцами закрепилось исключительное право на пользование лесом, водой и земельными угодьями, и при этом без контроля главных собственниками государства. Затем появилось право сдавать в аренду эти угодья, что было важно для промысловиков, так как рыбные пески представляли большой интерес для предпринимателей особенно после середины XIX в. При этом рыбные пески отличались доходностью временной или постоянной, что сказывалось на арендной плате. В течение XIX в. число мест промыслового вылова продукции колебалось от 120 до 220, среди которых к промысловым относилось примерно две третьих от общего числа. Отметим, что пески с небольшим объёмом улова в Самаровской и Казымской волости, как правило, эксплуатировались самими собственниками.

¹²⁷ Труды комитетов о нуждах с/х промышленности. Тобольская губерния. СПб., 1903. Т. LIII. С. 172.

¹²⁸ Миненко Н. А. Северо-западная Сибирь в XVII — первой половине XIX веков. Новосибирск, 1975. С. 158.

¹²⁹ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 1. С. 243.

¹³⁰ Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. Тобольск, 1910. С. 67–68.

В первой половине XIX в. на Обском Севере сложилось три группы промысловиков — рыболовы-профессионалы, мелкие промысловики и рыбаки, которые занимались ловлей для собственных нужд. Большой интерес представляла первая группа, которая владела дощаниками, лодками и различными приспособлениями. Как правило, из профессионалов крупными промысловиками формировали артели ещё до начала навигации. Это позволяло провести подготовительные работы: обустроить рыбные пески, построить или отремонтировать жилые и складские помещения, а также выбрать технологии вылова. Среди представителей этой группы могли быть как владельцы, так и арендаторы рыбных песков. Мелкие промысловики нанимали до 12 рабочих, хотя в некоторые годы практиковался наём до 100 человек. Рабочими на промыслах были русские крестьяне, зыряне из обдорских жителей и редко инородцы, которые могли быть собственниками угодий. Две последних группы промысловиков, как правило, практиковали вылов небольшими партиями, которые затем сбывались, а третья группа практиковала вылов рыбы в зимний период¹³¹.

В соответствии с законодательством во второй половине XIX в. между владельцами и арендаторами договор подписывался в присутствии местного чиновника, который следил за тем, чтобы были включены пункты о денежной оплате и обустройстве рыбного места. Отметим, что оценка такого рыбного места зависела от возможностей вылова и количества муксуна.

Таблица № 3.18

Численность рыбных угодий на Обском Севере на конец 1880-е гг.

Регион	Число угодий	Число арендаторов	Кто вёл промысел			
			Собственники	С участием собственников	Крупные арендаторы	Мелкие арендаторы
Сургутский уезд	14	6	3	–	4	2
Самаровская волость	40	15	23	3	3	9
Берёзовский уезд	42	27	3	–	4	23
Обдорская волость	18	11	4	–	3	8
Низовой район	55	38	3	11	5	22
Всего	169	97	33	14	18	63

Так, из 169 речных угодий собственники самостоятельно вели промысел только на 19,5%, ещё 8,3% угодий арендовалась на особых условиях, на 18 крупных арендаторов приходи-

¹³¹ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 11. С 17–29.

лось 18,9%, т.е. преобладали мелкие производители. Выделяется группа мелких арендаторов, каждый из которых арендовал один участок или на паях с другими участниками соглашения. Особо стоит отметить группу угодий, которые сдавались без арендного договора ежегодно разными промышленникам с условием привлечения в качестве рыбаков собственников угодий, например, с платой за полневод 30–40 руб.

На арендаторов разных групп приходилось 80,5% угодий. Крупные собственники подписали 18 арендных договоров на аренду 57 угодий, т.к. они получили в пользование 33,7% от общего числа. Наибольшее число угодий арендовали тобольские предприниматели Плотниковы (8 речных песков), Корниловы (2), Бронников (6), местные — Новицкие (7), Карповы (4), Кайдаловы (2), Рязанцев (2) и т.д. Самую высокую арендную плату выплачивал местный сельский предприниматель Е. А. Рязанцев — 1300 руб. в год¹³². Торговый дом «Плотников и Сыновья» получил в аренду угоды в трёх районах Обского Севера, некоторые из них располагались поблизости друг от друга: между Куруптинскими и Сумутнельскими песками было 7 вёрст, от последнего до Оксарского песка — 3 версты. Но тобольским предпринимателям удалось получить в аренду самый прибыльный участок — Мелексинский рыбный песок у верховья устья Икарской Оби, так как здесь проходили различные косяки рыбы¹³³. Арендная плата зависела, конечно, от договоренности, но чаще всего вносилась продуктами, промышленными товарами или деньгами. Даже когда самый прибыльный участок, например, в 1858 г. принес около 200 руб. серебром, арендаторы оплатили 550 руб. деньгами¹³⁴. Кроме того, по условиям многих подобных соглашений арендаторы должны были сами обустроить пески для проживания и переработки выловленной продукции.

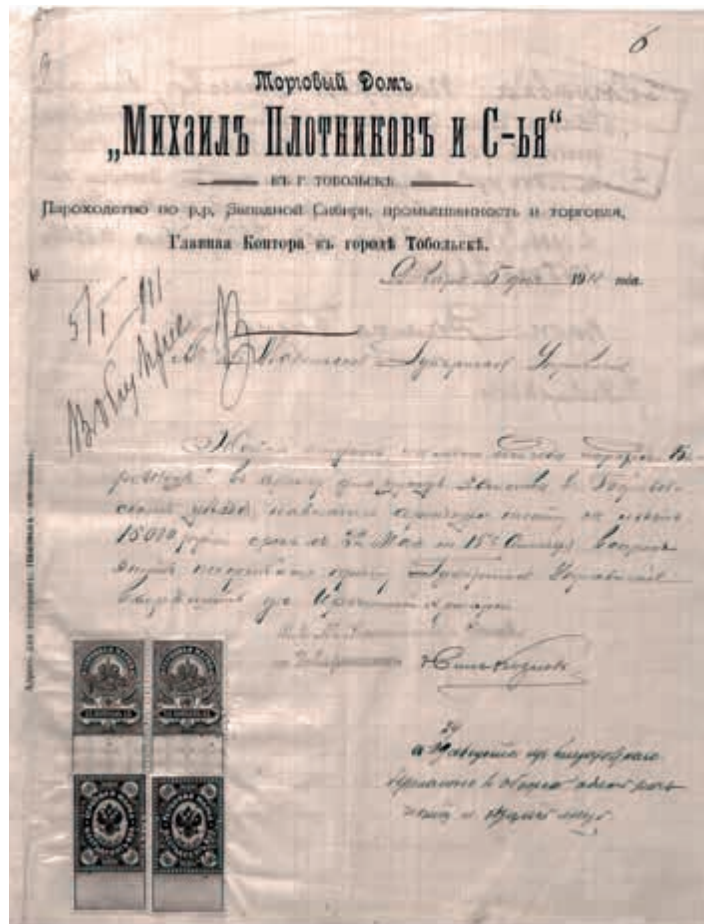

Рис. 3.19. Деловое письмо на фирменном бланке Торгового дома «Плотников и Сыновья» (Фонды РГИА)

¹³² Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 1. С. 185–195; Приложение С. 1–21.

¹³³ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 2. С. 18.

¹³⁴ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 2. С. 18, 22.

Во второй половине XIX в. выделилась группа рыбопромышленников, состоящая из предпринимательских компаний, крупных предпринимателей или предпринимательских семей. Но во всех случаях это было промышленное предприятие, требующее капиталовложения на обустройство рыбного промысла, эксплуатацию речных судов (паузки, лодки), наличие неводного инструмента и различных приспособлений. Эта группа арендаторов рыбных песков на вложенные средства получала более 30% дохода¹³⁵. В начале навигации на Обский Север шли сначала дощаники и баржи, а затем пароходы с баржами, на которых доставлялось всё необходимое для организации рыбного промысла. Помимо этого, по условиям контрактов эти же суда доставляли продовольствие на продажу или по контракту с местной администрацией. Нередко рыбопромышленники имели и свои торговые заведения в данном регионе: в Обдорске владельцы универсальных лавок тобольские купцы Корниловы и Бронников доставляли промышленный товар по заказу местных торговцев. Но основным интерес для них представлял рыбный промысел, поэтому они для перевозок рыбной продукции использовали баржи с «водяным парусом». Технология вылова рыбы мало отличалась от прежней, в XIX в. использовался невод и разные приспособления инородцев. К концу августа основные работы на рыбных песках завершались, суда забирали рыбу и сезонных рабочих. С появлением пароходов последние суда из Обдорска уходили в сентябре, что позволяло продлить промысел.

Практиковалась аренда рыбных песков на особых условиях, например, с привлечением собственников к работе на промысле. Самаровский мещанин В. Т. Земцов арендовал промысел Соспас на три года с условием, что он имел право сам нанять 4 артели и ещё две артели создавались из собственников с выделением для последних 3 пая. Пай предполагал определенные выплаты за период работы: деньгами, продуктами или необходимым оборудованием. При этом вся выловленная рыба делилась на пай, собственные пай артельщики должны были продать только арендатору с оплатой в зависимости от ценности. Также арендатор рыбного угодья «Надыма» Федоров в артели привлекал только собственников и жителей ближайших поселений. Промысловое место «Мура» получил берёзовский мещанин Нижегородцев с условием, что в одном из запоров собственники вылавливали рыбу своим оборудованием, но сдавали арендатору. Из городских обществ только берёзовские жители заключили договор аренды на рыбные пески с правом собственности на улов.

Чаще всего промысловики привлекали для работы артели рыболовов, как зависимые, так и независимые от арендатора. В этом случае артельщики не получали жалованье, а имели право на «подъем», т. е. какую-то долю улова. Чаще всего артель состояла из 10–12 пайщиков, ещё 4–5 паев выделялись рыбопромышленнику за невод, организацию промысла и содержание. По данным А. А. Дунина-Горкавича, подъем мог включать продукты питания и деньги от 25 до 30 руб. При этом если для артели был нанят, то для него выделялся ещё один пай. Чаще всего такие условия назначались артельщикам из русского населения. В тех случаях, когда нанимали полуневодчиков или рыбаков из инородческого населения, артель состояла из 3–4 человек, к которым арендатор добавлял 1–2 рабочих из русских старожилов. Инородцы получали ежедневное довольствие, снабжались неводным материалом, за это артельщики продавали свою долю улова арендатору. Но в таких артелях весь улов делился поровну между артельщиками и арендатором. Чаще всего полуневодчики работали два дня, а третий отдыхали.

¹³⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 6. Л. 88–89.

В начале XX в. на рыбных промыслах Обского Севера выделялись организованные артельщики, рабочие-неводчики, рабочие из собственников рыбного песка, рабочие с фиксированным жалованием. Крупные рыбопромышленники нанимали рабочих первых трёх вышеуказанных групп, но предпочитали заключать прямые договоры с артелями профессионалов. Мелкие промысловики довольствовались третьей группой рабочих и при необходимости нанимали временных за жалование. Для Обского Севера было характерно, когда арендатор выступал инициатором организации артели на промысле и за это получал дополнительный пай. В летний сезон артель Балина из села Тундрино состояла из 7 человек (арендатор, его два сына и 4 пайщика), промышляла до 310 пудов рыбы, которые приносили каждому из восьми паев 54 руб. 75 коп. Артель под Сургутом состояла из четырёх человек и пяти паев, стоимость каждого из них превышала 57 руб.

Рис. 3.20. Улов. Фото А. И. Галкина (Фонды МПиЧ, 1906–1909 гг.)

Доходность песков была одним из привлекательных факторов для арендаторов. На песках «Филинском» и «Юртовском» весь сезон рыбной ловли трудилось шесть артелей. Общий доход арендаторов местных крестьян Мотошина и Петухина, которые сами были ещё и участниками артелей, составил в 1887 г. 3260 руб. 52 коп., в 1888 г. – 5298 руб. 52 коп. без уплаты аренды¹³⁶. На песке «Дурном» трудилось четыре артели, которые организовали арендаторы самаровский мещанин Земцов и селяиновский крестьянин Рязанцев. За три месяца навигации они получили 3214 руб. 33 коп., после вычета всех расходов у них в 1885 г. осталась 1149 руб. 42 коп. Речной промысел «Соспас» арендатора Ф. В. Корнильевой был небольшим, в 1887 г. 421 руб. 10 коп., а в 1888 г. – 1627 руб. 10 коп. без учёта рыбы, выкупленной у артельщиков и мелких промысловиков.

Так, в рыболовный промысел было втянуто множество социальных групп, как в качестве самостоятельного предпринимателя, так и в качестве наёмного рабочего на рыбоперерабатывающем производстве или на рыбных песках. В среднем наёмный рабочий получал за навигацию 20–25 рублей, а приносил прибыль в несколько раз больше.

Рыбный промысел интересовал не только предпринимателей, но и различные группы проживающего в регионе населения, которое промышляло для собственного пропитания. Так, рыбным промыслом занимались сами владельцы песков. Семья имела два жилища: в теплой юрте вблизи зимнего тракта проживали с наступлением холодов и традиционно ловили рыбу в проруби; летние юрты располагались вблизи рыбных мест. Часть выловленной

¹³⁶ Патканов С.К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1891. Ч. 2. С. 233.

рыбы инородцы сдавали скупщикам, которые с начала навигации посещали стойбища¹³⁷. Во второй половине XIX в. инородцы также стали организовывать рыболовные артели по 5–6 человек, но старостой, как правило, был русский. В некоторых случаях рыбаки вели промысел самостоятельно в одиночку.

Помимо этого, местные власти выделяли в распоряжение сельским и городским обывателям рыбные места «для прокорма»: обыватели Берёзова получили участок протяженностью в 400 вёрст для занятия рыболовством. В 1842 г. ханты Берёзовского округа формально передали права на часть рыбных участков для ловли самаровцам с условием доставки продовольствия и промышленных товаров¹³⁸.

Помимо этого, в 1860-е гг. выделилась группа берёзовских и сургутских мещан и казаков, которые выполняли функции скупщиков или посредников. Так после открытия сезона они отправлялись в инородческие поселения для скупки, в некоторых случаях в организации обработки рыбной продукции¹³⁹. Отметим, что в Берёзове такие посреднические услуги оказывали не только местные жители, но и мещане и купцы Тобольска, Ирбита и Туринска, связанные семейно-брачными отношениями. В среднем за сезон в 1840-х гг. эта группа промысловиков добывала до 800 пудов осетрины, 1 тыс. пудов нельмы, 100 пудов осетровой икры, муксуна 600 штук, жира 400 пудов, также практиковала скупку у инородцев сухой рыбы: до 500 пудов сырка и щуки, 50 тыс. штук муксунов, сырков до 100 тыс. штук. Весь выловленный и скупленный товар в 1849 г. оценивался на сумму до 40 тыс. руб. и был отправлен обозами в Тобольск и Ирбит¹⁴⁰.

Практиковался «юровой промысел», когда большое число покупателей, скупщиков и купцов. Так, в Тазовской губе четыре жителя Сургута с наёмными артелями добывали до 2 тысяч пудов осетра, по 3,5 тысячи другой рыбы в основном в холодный период. Но у простых промысловиков появился сильный конкурент в виде пароходных компаний.

В начале XX в. рыбный промысел по Тобольской губернии приносил около 1095196 рублей, из которых на Берёзовский уезд приходилось 62,4% (683854 рублей) и Сургутский уезд — 14,7%. На 1912 г. доходность рыбного промысла составила в Берёзовском уезде 67%, в Сургутском — 10,9% от общегубернских показателей. Большинство промыслового населения проживало на Обском Севере: в Берёзовском округе на рыболовном промысле было занято 14068 чел. или 65,7% от всего населения округа, в Сургутском округе — 7590 чел. или около 98%. Всего в Тобольской губернии, по данным Первой переписи населения 1897 г., постоянным или временным рыболовством было занято 39801 чел., из которых на Обский Север приходилось 55,3%¹⁴¹. При этом в соотношении постоянных и сезонных рабочих перевес был в пользу первых, на которых приходилось 84,3% от всех занятых в этом промысле на Обском Севере.

Основными рыбопромышленниками выступали арендаторы, нацеленные на получение большого дохода, поэтому старались использовать порой незаконные способы вылова ры-

¹³⁷ Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб., 1896. С. 73, 111.

¹³⁸ Лопарев Х. Самарово. Тюмень, 1997. С. 56.

¹³⁹ Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения Берёзовского округа Тобольской губернии // Подорожник. Выпуск 4. Тюмень, 2004. С. 26, 102.

¹⁴⁰ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. 17. С. 48.

¹⁴¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Тобольская губерния. СПб., 1904. С. XLI. 210–211.

бы, контроль за которыми в XIX в. устанавливали местные власти. Вопрос об ужесточении правил рыбной ловли, организации рыбного промысла и необходимости повышения качества переработанной продукции обсуждался на разных уровнях. В целях организации правильного промысла самаровский рыбопромышленник В.Т. Земцов организовал специальную школу для знакомства с современными технологиями обработки и приготовления рыбной продукции.

Также местные власти неоднократно организовывали обследования мест вылова и приготовления рыбной продукции. Так, комиссия И. С. Полякова (1876 г.), изучая условия труда рыболовных артелей, указала на большую продолжительность рабочего дня, плохие условия работы, финансовые формы наказания за невыполнение нормы вылова и т. д.¹⁴² В комиссии 1880–1890-е гг. входили медики Матвеев, Почтарев, Дунаев, учёный-ихтиолог Вархоповский, лесничий Дунин-Горкавич и представители общественности Луговский и Юров, которые активизировали законотворческий процесс в сфере промысловой деятельности¹⁴³. В 1879 г. было принято

«Постановление о запрещении ловли рыбы самоловами в Западной Сибири» с установлением суточной нормы вылова до 100 штук осетров, а также размерами штрафа за нарушения¹⁴⁴. Помимо этого, анализ работы рыбных артелей и опросы местных жителей показали, что самый большой процент вылова приходился на период «возни», когда после ухода льда вода поднималась, и рыба приходила из Обской губы. Именно в этот период в большом количестве ловили муксуна, стерлядь, осетра. По данным источников, только за неделю замора можно было добыть до 2,5 тысяч пудов осетра и стерляди, что отрицательно сказывалось на численности поголовья¹⁴⁵.

Производительность каждого рыбного песка зависела как от общих показателей, так и от способов вылова конкретного вида рыб. Главным способом вылова осетра были стрелевые

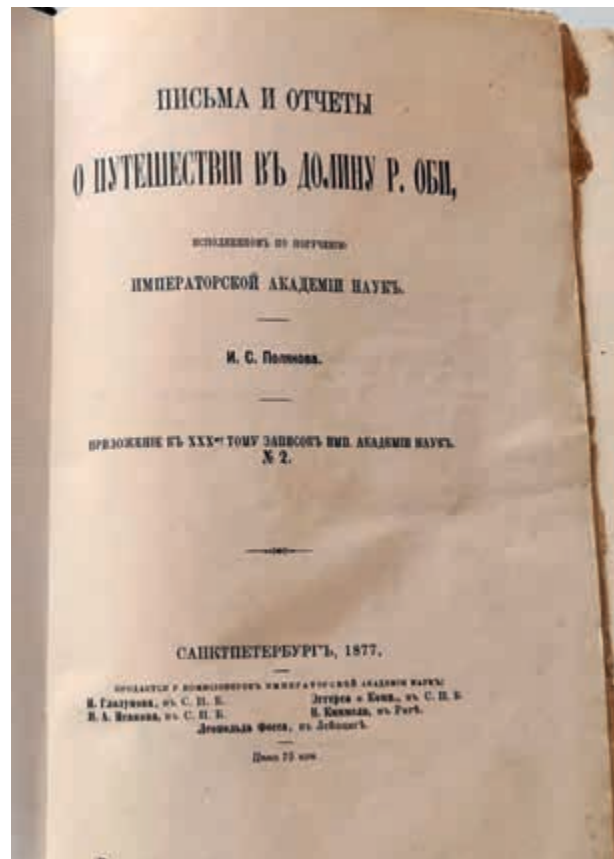

Рис. 3.21. Титульная страница книги И. С. Полякова

¹⁴² Поляков И. С. Остяки и рыбопромышленность в долине реки Оби // Природа и охота. 1878. Кн. 2. С. 39–45; Кн. 3. С. 69; Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину реки Оби. СПб., 1877. С. 152–157.

¹⁴³ Варпаховский А. Н. Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб., 1898. Ч. 1. С. 109–148.

¹⁴⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 15. Д. 23. Л. 147.

¹⁴⁵ Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север. Сургут, 2002. С. 115.

неводы, так как рыба большую часть времени находилась на глубине. На больших песках осетра добывали сотнями, например, на песке «Дурном» в 1887 г. выловили 300 рыб, в 1888 г. – 210, на Соспаса соответственно 150 и 200 голов. Самый большой улов наблюдался на Филинских и Юртовских угодьях: 5–6 артелей ежегодно получали 1 тыс. голов осетра, а в 1888 г. – 1300 штук. Такое хищническое отношение к ценной рыбе привело к тому, что на Каменском песке вблизи Самарово в 1871 г. четыре артели добывали 5 тыс. голов, в 1888 г. – 300 штук¹⁴⁶. В целом в период с 1885 по 1888 гг. было выловлено на песках Дурной 13164 пуда рыбы ценных пород, Соспас 14150 пудов, Филинском и Юртовском — 26300 пудов за сезон¹⁴⁷.

Отсутствие технологий длительного хранения рыбы и рыбной продукции было связано с использованием традиционных способов сохранения продукции: солением и сушением. Новшеством стало то, что после сортировки улова наиболее ценные рыбы (нельма, осётр, муксун) выпускали в небольшие озера или загородки на реке, а с приходом холодов их транспортировали¹⁴⁸.

Со второй половины XIX в. промысловики уже практиковали первичную и полную переработку рыбы на местах вылова. Первоначально крупными стали промысловые заведения для соления и сушения продукции. Здесь же стояли паузки для транспортировки продукции на близкие расстояния. Поэтому арендаторы тщательно подходили к обустройству рыбных мест: в 1894 г. на 34 промыслах ниже Обдорска располагалось 134 жилых и 72 нежилых помещения, 39 бань, а также помещения для переработки продукции. На Филинском угодье

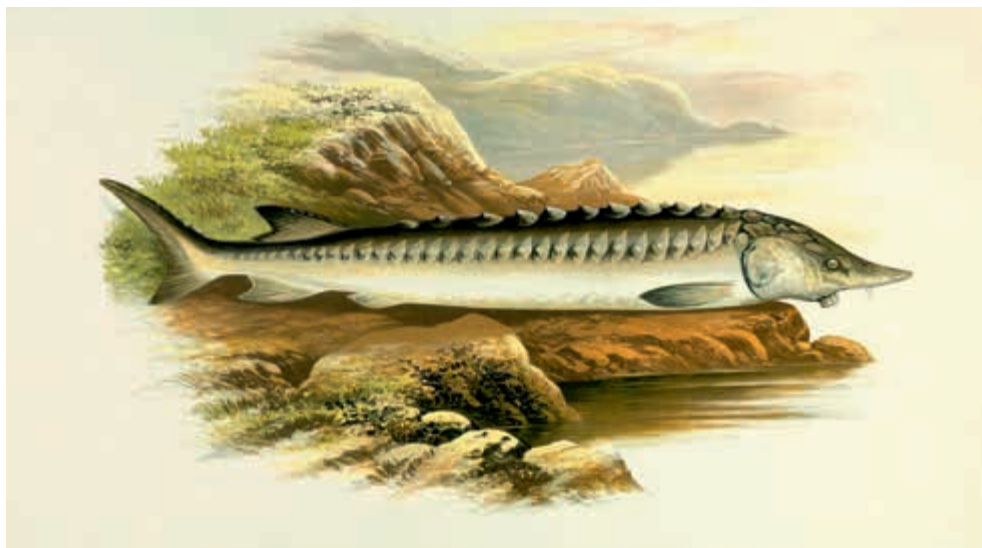

Рис. 3.22. Осётр.

¹⁴⁶ Патканов С.К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1891. Ч. 2. С. 207, 233.

¹⁴⁷ Патканов С.К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1891. Ч. 2. С. 224–225

¹⁴⁸ Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения Берёзовского округа Тобольской губернии // Подорожник. Выпуск 4. Тюмень, 2004. С. 29.

находился дом арендатора крестьянина Мотошина, приказчика, изба для выпечки хлеба, особая изба для сушки одежды и обуви рыбаков и жилые помещения для рыбаков¹⁴⁹. На песке Соспас купчиха Корнилова построила 3 избышки на расстоянии полуверсты от берега, а на берегу — легкую избу и шалаш.

Помимо промысловых заведений на рыбных песках мелкие собственники устраивали станы или небольшие временные постройки как для жилья, так и для засолки рыбы.

Но для того, чтобы предприятие функционировало на законных правах, арендатор должен был получить специальное свидетельство на промышленную деятельность. Поэтому чаще всего на Обском Севере упоминались мелко-кустарные предприятия, а крупные встречались нечасто.

Таблица № 3.19

**Общие показатели рыбоперерабатывающих предприятий
Тобольской губернии (1898–1905 гг.)¹⁵⁰**

Год	Тобольской губернии			Берёзовский уезд		
	1	2	3	1	2	3
1898	1	15	10000	1	15	10000
1899	1	15	40000	1	15	40000
1903	5	127	153500	1	67	105000
1904	4	129	110535	3	70	61000
1905	4	120	185000	3	80	130000

(1 — число предприятий, 2 — число рабочих, 3 — общая производительность (в рублях))

В Берёзовском уезде в конце XIX — начале XX вв. действовало 44 частных и корпоративных предпринимателя из разных городов Сибири. Они занимались как торговлей, так и рыбопереработкой: в Обдорске — 19, Берёзове — 8, Кондинском — 9, Нары-Кары — 2, Шеркалы, Чемаша и Мужа по 1¹⁵¹. Но в Берёзовском уезде в начале XX в. появилось три крупных рыбоперерабатывающих предприятия.

Одно из первых крупных предприятий по переработке рыбы принадлежало купцу Трусову. Для упаковки готовой продукции купец открыл консервную фабрику в Тобольске, а на

¹⁴⁹ Патканов С.К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и иногородцев Западной Сибири. СПб., 1891. Ч. 2. С. 215.

¹⁵⁰ Обзор Тобольской губернии за 1899 год. Тобольск, 1900. С. 42; Обзор Тобольской губернии за 1903 год. Тобольск, 1904. С. 30; Обзор Тобольской губернии за 1904 год. Тобольск, 1905. С. 34; Обзор Тобольской губернии за 1905 год. Тобольск, 1906. С. 3.

¹⁵¹ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1898 год. Томск, 1898. С. 29; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1900 год. Томск, 1900. С. 162–163.

Обском Севере перерабатывали выловленную рыбу¹⁵². Производительность изготовленной продукции на заводе местного жителя Е. Т. Новицкого составляла около 10 тыс. пудов в год.

Но самыми крупными перерабатывающими заведениями на Обском Севере были заводы Торгового Дома «М. Д. Плотников и сыновья». Семейная компания занималась выловом рыбы с 1860-х гг., а после приобретения паровых судов организовала переработку на местах вылова. Компании удалось получить в Берёзовском уезде в аренду наиболее доходные рыбные пески, для работы на которых нанимались артели профессиональных рыбаков из местных жителей. На 1895 г. было арендовано 8 рыбных песков на участках: Куноватский, Пужлановский, Мелексинский, Питляровский, Чупурас, Куруптинский, Сумутнель и Оксарсковский, срок аренды некоторых был 30 лет. На Обдорском участке тобольские предприниматели арендовали 200 вёрст берега, где и устроили сетевязальное производство и мастерскую по изготовлению приспособлений для вылова рыбы¹⁵³.

Первое рыбоперерабатывающее предприятие было открыто в 110 верстах от Берёзова на арендованной у казны земле, где были построены фабрика, задние и хозяйственные помещения¹⁵⁴. В 1902 г. на предприятии трудилось 32 человека, в том числе мастер по переработке рыбы из Германии. В период с 1898 по 1902 гг. было произведено 470 тыс. банок рыбных консервов на сумму 235 тыс. руб., в среднем по 7833 штуки в месяц. В качестве сырья на производстве использовались только ценные сорта рыб: нельма, стерлядь, муксун. Первичная обработка сырья была организована на местах вылова, для этого на Сумутнельских песках вблизи Обдорска был организован перерабатывающий пункт, который со временем превратился в самостоятельное рыбоконсервное производство. С 1900 по 1902 гг. здесь было произведено 180 тыс. штук консервов на сумму около 90 тыс. руб. Третье рыбоперерабатывающее предприятие Плотниковых располагалось в Тобольске, куда в конце навигации доставлялась непереработанная рыба¹⁵⁵. Крупное перерабатывающее отделение Плотниковых находилось недалеко от Самарово, балычное отделение действовало на Питлярском участке¹⁵⁶. Инновацией в развитии рыбного промысла на Обском Севере была эксплуатация специальной шхуны «Мария» как для вылова, так и для первичной переработки рыбной продукции. Так как Плотниковы расширяли производство, то они не довольствовались только выловленной рыбой, а занимались скупкой рыбы у местных промысловиков.

Отметим, что в 1902 г. на международной промышленной ярмарке в Петербурге Торговый Дом «М. Плотников и Сыновья» получил за свою рыбную продукцию золотую медаль¹⁵⁷. Помимо этого был заключен договор с одной из американских торговых компаний на поставку рыбной продукции в США, а также временные «пробные» соглашения с европейскими компаниями. Это расширило виды конечного продукта, вывозимого с Обского Севера: рыба, приготовленная путём переработки, перевозилась пароходами, а мороженая рыба перевозилась гужом по зимнику.

¹⁵² Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. Тобольск, 1910. С. 67.

¹⁵³ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 2. Приложение № 3.

¹⁵⁴ Сибирская торговая газета. 1900. № 179; Воспоминания К. Ф. Хлопова // Тобольской государственной историко-архитектурный музей-заповедник. С. 8, 10, 11.

¹⁵⁵ Сибирская Торговая газета. 1900. № 179.

¹⁵⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 8. Л. 14–14 об.; Сибирский листок. Тюмень, 2003. С. 96–119.

¹⁵⁷ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 3. С. 15–16.

Таким образом, рыбный промысел положил начало развитию перерабатывающей отрасли промышленного производства. По мнению Турова, Обский Север по продуктивности рыбной добычи занимал к концу XIX века первое место. Доход от рыбного промысла и рыбопереработки на Обском Севере на 1910 г. составил 75,7% от общегубернского показателя¹⁵⁸. Доходность рыбных промыслов была большой: по словам С. Швецова, для того, чтобы запастись рыбой на целый год, нужно провести на промысле 30–40 дней¹⁵⁹. К началу Первой мировой войны из 281 рыбного участка 80% рыбных песков контролировались предпринимателями Плотниковыми, Новицкими, Турковыми, Тетюцкими, которым принадлежали все перерабатывающие предприятия на Обском Севере. На заседании Тобольского отделения общества судоходства в 1916 г. обсуждался вопрос о способах увеличения объёмов вылова крупными промышленниками, так как «в нынешнюю войну рыбные продукты в виду существенного недостатка мяса имеют в государстве громадное значение...». Поэтому бороться с монополистами государство не планировало¹⁶⁰. Если в начале XIX в. русские переселенцы постепенно вытесняли инородцев с удобных рыбных песков, то в начале XX в. мелкие промысловики были «выдавлены» предпринимательскими компаниями.

Рис. 3.23. Стерлядь. 1768 г. Гравюра И.-Б. Тилларда по рисунку Ж.-Б. Лепренса. (Chappe d'Auteroche J. Voyage en Sibirie, fait par ordre du roi en 1761. Vol. 1. Paris: Chez Debure. 1768)

Местный рыбац в период навигации, как правило, трудился в артелях крупных производителей, а заготовкой рыбы для собственных нужд мог заняться после этого сезона. Но крупные производители, чтобы обеспечить себя на следующий год рабочими руками, старались заключить договор с местными рыбаками даже на зимний период. Увеличение объёмов вылова рыбы и переработка свеживыловленной рыбы на месте способствовали предоставлению работы местному населению, объединению в артели, которые заключали договоры с владельцами или арендаторами песков об условиях работы и формах оплаты. Но проблема

¹⁵⁸ Памятная книжка Тобольской губернии на 1912 г. Тобольск, 1912. С. 49.

¹⁵⁹ Швецов С. П. Очерки Сургутского края. Б. м., 1889. С. 29–33, 63.

¹⁶⁰ Отчет Тобольского отделения общества судоходства. Тобольск, 1916. С. 6, 15.

состояла в неурегулированных отношениях между промышленниками и наёмными работниками, так как вылов рыбы попадал под действие закона о сельских работах¹⁶¹. Укрепление позиций крупных промышленников приводило к тому, что мелкий промысловик вытеснялся с рынка, а также сам рыбный рынок с территории Обского Севера постепенно перебазировался в Тобольск и Томск, т.е. поближе к транспортировке. Это привело к распространению отрицательного явления «самоловщиков». На заседании Тобольского губернского музея в 1901 г. ставился вопрос о необходимости запрещения такого вида промыслов, так как это наносит природе непоправимый ущерб. Но всё это отрицательно сказывалось на численности рыбы в реках Обского Севера, особенно наиболее ценных видов.

Помимо организации рыбного промысла на реках Обь-Иртышского бассейна в регионе практиковался промысел на морских животных: моржей, тюленей, белуги и т. д.¹⁶². Чаще всего этим занимались инородцы, они стремились согнать животных с льдин и загнать их на отмели. От этого промысла они получали шкуры морских животных, с белуги до 25 пудов жира, а также моржовую кость.

Таким образом, в указанный период наблюдалось несколько моделей развития производства: переход к установлению тесных связей между ремесленным производством и потребительским рынком, превращение ряда промыслов в ремесленное производство, работающее на рынок, но самое важное – превращение рыбного промысла в товарное производство с соответствующими признаками. На Обском Севере появился крупный производитель, готовый не только скупать, но и перерабатывать большие объёмы рыбы. Между крупным собственником и промысловиком, ведущим промысел старыми способами, не было серьёзной конкурентной борьбы, так как цели у них были разными.

В то же время для вылова рыбы использовались в большинстве своём старые технологии и приспособления ловли: неводы, морды, колыданы, однотетевные и режевые сети и т. д.

Отсутствие элементарных знаний приводило к тому, что инородцы попадали в зависимость от более состоятельных промысловиков, купцов и предпринимателей. Так, русскоязычные крестьяне во многих сёлах пользовались угодьями на правах аренды, общего пользования или даже захвата. Помимо этого, инородцы Енисейской и Томской губернии приходили на Обский Север охотиться или заниматься сезонной рыбной ловлей. В ходе эксплуатации промыслов обнаруживались факты подлога документов или неправильной их эксплуатации. В 1877 г. крестьянин Сургутского уезда Замятин составил подложный договор по аренде, это выяснилось, так как на самом деле инородцы сдали свои земли сургутскому мещанину Гладкову¹⁶³. Этот факт связан с тем, что спрос на рынке рыбопродуктов увеличивался, и все пытались получить прибыль.

¹⁶¹ Устав о сельском хозяйстве // Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. XII. Ч. 2.

¹⁶² Тобольские губернные ведомости. 1858. № 19. С. 359.

¹⁶³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 42. Д. 141. Л. 1–2 об.

Глава 2

Транспортные коммуникации Обского Севера во второй четверти XIX — начале XX вв.

1. Пути сообщения и средства сообщения

Развитие окраинных территорий Российского государства во многом связано с существованием и интенсивностью эксплуатации коммуникаций¹⁶⁴. Оформление торгового капитала и промышленного (промыслового) производства в XIX в. поставило перед губернской и местной исполнительной властью задачу по улучшению транспортных коммуникаций Обского Севера как в системе сухопутных, так и водных путей сообщения. Но из-за природно-климатических, ландшафтных особенностей сибирских территорий основной упор делался на развитие Московско-Сибирского тракта и его ответвлений. Поэтому сеть сухопутных дорог в средней и южной полосе Западной Сибири развивалась интенсивно, но практически не затрагивала северные территории. Это связано с общей концепцией транспортной системы, которая несла на себе прежде всего военно-стратегическое значение, а для Обского Севера существовала естественная граница — Северный Ледовитый океан, а также большое количество водных ресурсов.

В XIX в. Главным управлением путей сообщения вся территория Российской империи делилась на округа. В X округ путей сообщения объединили Западную и Восточную Сибирь, в которых обустройство транспортных путей должно было осуществляться «самыми простыми способами и с меньшими издержками». Такие рекомендации были решающими для северо-запада Сибири, хотя местное население было заинтересовано в развитии торговых трактов. В «Правилах устройства дорог» предусматривалось строительство мостов, оборудование просек, взвозов, перевозов, перетягов, а также проведение сезонных ремонтных работ, установка дорожных знаков, но за счёт казны всё осуществлялось только для дорог с твёрдым покрытием¹⁶⁵.

В Сибири сохранилась дорожная повинность, хотя были попытки замены её денежными выплатами с привлечением военно-дорожных команд и т.д. В ходе реформ М. М. Сперан-

¹⁶⁴ Канн С.К. Сибирские пути сообщения в практике изысканий Транссиба (конец XIX века) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2017. С. 67–76; Матвеев А.В. История сухопутных путей Омского Прииртышья (Средневековье — Новое время). Омск, 2014. С. 87–88.

¹⁶⁵ ПСЗРИ СПб., 1830. Т. 34. № 277787.

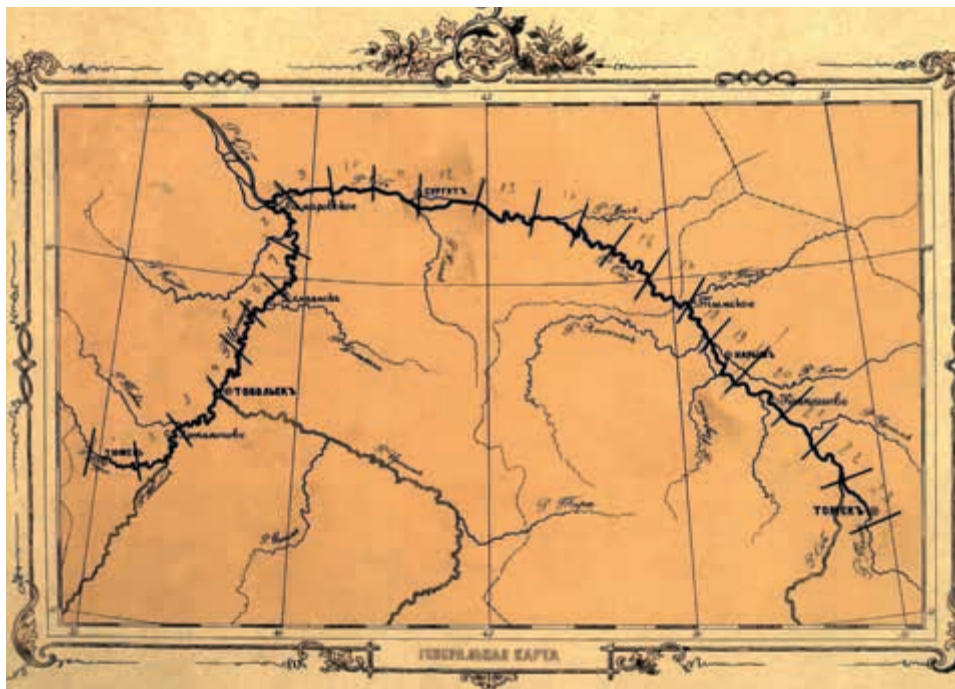

Рис. 3.24. Карта-дорожник по рекам Западной Сибири: Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи. 1884 г.

ского были определены размеры денежных выплат от 46 коп. до 1 руб. 14 коп., но государственные крестьяне отказывались платить. В Уставе путей сообщения за 1842 г. уточнялось, что «не должно быть допустимо никаких подрядов, никаких сборов, даже под видом добровольных складов; дорожная повинность во всяком случае имеет быть отправлена обывателями в натуре»¹⁶⁶. Так, все работы по содержанию и устройству сухопутных путей местного значения целиком возлагались на податное население в форме натуральной повинности. В целом местное население должно было проводить: 1) выравнивание дорожного полотна, исправление гатей, установка водостоков, откосов весной (с конца мая до конца июня); 2) ремонт испорченного дождями дорожного полотна осенью; 3) при необходимости восстановление мостов через реки после паводков; 4) заделывание ям, ухабов в ходе зимнего ремонта.

Благодаря структурированию в России дороги делились на пять классов, из которых для Обского Севера характерен пятый класс: дороги сельские и полевые с грунтовым покрытием¹⁶⁷. Даже после изменения законодательства во второй половине XIX в. дороги Обского Севера попадали в IV класс — уездные, почтовые и торговые и V класс — сельские дороги¹⁶⁸. В источниках упоминались почтовые, земские и просёлочные тракты, которые местные жители называли большаками (утверждённые тракты) и забочинными (просёлочные). Также природно-ландшафтные особенности Обского Севера определили надолго общую структуру

¹⁶⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп.18, Д. 587. Л. 14–14 об.

¹⁶⁷ Высочайше утвержденные основные Правила об устройстве и содержании дорог в государстве от 24 марта 1833 г. // ПСЗРИ. СПб., 1834. Т. VIII. № 6076.

¹⁶⁸ Кудрявцев А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР. М., 1951. Т. 1. С. 141, 148, 205.

движения: от Тобольска до деревни Винокурово существовали сухопутные пути, а далее в летний период на судах следовали по рекам Обь-Иртышского водного бассейна, а в холодный сезон — устраивали зимник¹⁶⁹.

В соответствии с российским законодательством почтовые дороги были устроены для обмена казённой и частной корреспонденцией, они находились под контролем центральных ведомств. Вдоль трактов была устроена сеть почтовых станций с жилыми и хозяйственными постройками¹⁷⁰. На станции или вблизи её проживал почтовосодержатель, который организовывал бесперебойное движение¹⁷¹. На 1848 г. в Берёзовском округе располагалось 17 почтовых станций, на каждой из которых для проезжих содержалась пара лошадей. График движения почтовых отправок был утверждён, и его старались соблюдать: почта из Тобольска в Берёзов и обратно отправлялась 2 раза в месяц. Летом почту доставляли до Берёзова (1300 вёрст) за 7 суток, так как обратно приходилось двигаться против течения — 12 суток. Перевозки зимой осуществлялись на лошадях (1060 вёрст) по зимнику в течение пяти суток в одном направлении¹⁷².

Берёзовский почтовый тракт проходил по территории Тобольского и Берёзовского округов, и уже к середине XIX в. здесь было открыто 24 почтовых станции. По маршруту

Рис. 3.25. Комната смотрителя (Музей станционного смотрителя в Выре, Ленинградской области)

¹⁶⁹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. 17. С. 31.

¹⁷⁰ Описание постоянного развития почтовой гоньбы в России и существующих до сего времени способах содержания станций. СПб., 1860. С. 12–25.

¹⁷¹ Морев В. А. Почтовая техника и особенности перевозки почты и товаров в Сибири XIX — начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3. С. 140–145.

¹⁷² Абрамов Н. А. Описание Берёзовского округа // Записки РГО. СПб, 1857. Кн. XII. С. 425.

Тобольск — Берёзов почтовая станция находилась в среднем через 44,2 версты и приходилась на 871,5 чел. Так, вдоль почтового тракта в Берёзовском округе располагалось только 22,2% населённых пунктов и проживало только 35,7% населения, т. е. значительная часть населения не была напрямую связана с данной транспортной системой.

Таблица № 3.20

Почтовые тракты Обского Севера в середине XIX в.¹⁷³

Тракт	Округа	Населённых пунктов	Жителей	Расстояние (верста)	Число почтовых станций
Тобольск-Берёзов	Тобольский	120	15528	1060	24
	Берёзовский	35	5388		
	всего	155	20916		
Тобольск-Сургут*	Тобольский	8	528	295	6
	Сургутский	8	1357		
	всего	16	1885		

* данные от Самарово до Сургута

Участок вышеуказанного тракта Самарово — Берёзов также довольно активно обслуживался из-за оживленного движения, например, в зимний период. Ограничения появлялись, когда лёд на реке становился тонким, тогда почтовая гоньба осуществлялась на ездовых собаках через 25 станций¹⁷⁴.

На части почтового тракта Тобольск — Сургут от Самарово до Сургута сначала было открыто 8 постоянных станций на 131 населённый пункт и проживало только 6,9% всего населения. В дорожниках конца XIX в. отмечалась как протяженность тракта Самарово — Сургут в 201 версту, так и сокращение почтовых станций до 6 с содержанием на каждой по две почтовых лодки¹⁷⁵. К концу века тракт Самарово — Сургут числился под № 163, но его протяженность увеличилась до 304,5 вёрст. Это связано с тем, что тракт прошёл через удалённые населённые пункты, но движение по-прежнему осуществлялось летом на лодках, а зимой на повозках по льду¹⁷⁶. Между Тобольском — Самарово к концу XIX в. было 13 основных почтовых станций с двумя лошадьми на каждой, которые предназначались для перевозки корреспонденции¹⁷⁷.

¹⁷³ Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. Т. LX. С. 143–144.

¹⁷⁴ Левитов И. Путеводитель по Западной Сибири. М., 1884. С. 77–78.

¹⁷⁵ Почтовый дорожник Российской империи. СПб., 1871. С. 201; Почтовый дорожник Российской империи. СПб, 1875. С. 147.

¹⁷⁶ Почтовый дорожник Российской империи. СПб., 1875. С. 147.

¹⁷⁷ Почтовый дорожник Российской империи. СПб, 1888. С. 178–179; Почтовый дорожник Российской Империи. Киев, 1896. С. 160–161.

На 1917 г. на почтовом тракте Тобольск — Сургут располагалась 51 почтовая станция с оплатой 11865 руб. почтовосодержателям¹⁷⁸.

На тракте Берёзово — Обдорск при движении по зимнику почтовая гоньба осуществлялась через 12 населённых пунктов с общим доходом в 2209 руб. 29 коп., летом проезжали 15 — с оплатой 1442 руб. 51 коп.¹⁷⁹. До конца XIX в. между Берёзовым и Обдорском существовал только земский тракт, которым пользовались для почтовых отправок. Кроме того, корреспонденция нередко отправлялась со случайными попутчиками без учёта, что приводило к утрате почты. Со временем количество отправок в зимний период увеличивалось, особенно для торговцев, которые порой сами ездили за ней в Берёзов. Местные власти с поддержкой тобольских рыбопромышленников неоднократно обращались к губернским властям с просьбой организовать регулярное почтовое сообщение, а последние готовы даже были внести пожертвования.

По подсчётам, почтовосодержателю на тракте Берёзов — Обдорск нужно будет платить с каждой версты 12 коп., а с лошади 2 коп.¹⁸⁰. В среднем в зимний период в Обдорск доставлялось 1800 периодических изданий, 80 бандеролей, 15 казённых посылок, 200 казённых писем, страховых пакетов и посылок 100 на сумму 11 тыс. руб., а обратно — 500 казённых писем, 500 частных писем, 110 денежных пакетов и ценных посылок всего на

Рис. 3.26. Кошаров П. М. Зимние обозы с чаем. 1890 г.
(Художественно-этнографические рисунки Сибири. Томск: Типолиитография Михайлова и Макушина. 1889–1891 гг.)

¹⁷⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. Д. 40. Д. 404. Л. 6–6 об.

¹⁷⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 85. Л. 1–2 об., 5, 6, 8.

¹⁸⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 85. Л. 9, 36, 38, 40, 54–55.

600 руб.¹⁸¹ Но такого количества корреспонденции было недостаточно для окупаемости содержания почтовой станции, поэтому было принято решение передать доставку почты содержателям земских станций за дополнительную плату. Если раньше корреспонденция сдавалась вольному журналисту без подписи и учёта, то теперь она сдавалась на земскую станцию с записью в специальный журнал.

Таблица № 3.21

Динамика почтовых прибытий на Обском Севере (1908–1915 гг.)¹⁸²

Тракты	Почтовые станции в населённых пунктах					
	Демьянское	Берёзово	Самарово	Кондинское	Обдорское	Сургут
Тобольский	вторник, вечер	суббота, вечер	четверг, утро	пятница, день		
Обдорский		зима суббота день, лето пятница вечер				
Берёзовский	пятница, утро		четверг утром	вторник, вечер	зима- вторник, вечер; лето понедельник, вечер	
Самаровский			четверг утром			суббота, ночью
Сургутский	пятница утром					

Помимо этого, предлагалось частную корреспонденцию предварительно страховать. Традиционно Обдорск — Берёзово зимним путем корреспонденция перевозилась на ездовых собаках или оленях, но порой из-за отсутствия причины для земской гоньбы почта могла не доходить вовремя до Обдорска¹⁸³. Такая же ситуация сложилась в отношении земской станции в селе Кушеватском, откуда следовала корреспонденция¹⁸⁴.

В начале XX в. отправление частной и казённой корреспонденции осуществлялись по трактам: Тобольскому, Обдорскому, Берёзовскому, Самаровскому и Сургутскому, которые со временем получили статус почтовых и находились в подчинении центральных ведомств. Почтовая доставка осуществлялась в целом регулярно по составленному расписанию. Расписание почтовых отправок и прибытий публиковались ежегодно в Дорожниках, Путе-

¹⁸¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 127. Л. 1, 5, 25.

¹⁸² Памятная книжка Тобольской губернии на 1908 г. Тобольск, 1908. С. 129–133; Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. Тобольск, 1910. С. 108, 12–113.

¹⁸³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 127. Л. 1, 5, 25.

¹⁸⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 85. Л. 1–2 об., 5, 6, 8.

CHANGING HORSES AT A SIBERIAN STATION.

Рис. 3.27. Смена лошадей в Сибири

водителях, Памятных книжках Тобольской губернии, что позволяет судить о сроках передвижения. Так, в первой половине XIX в. почту в среднем должны были доставлять каждые две недели, но наблюдались задержки из-за климатических условий местности. После 1870 х гг. почту старались перевозить по графику: в ноябре, декабре и январе — еженедельно, а в остальной период — раз в две недели. До появления на Обском Севере регулярного паровозного сообщения этот график постоянно нарушался.

Помимо местных почтовых трактов стали появляться межрегиональные почтовые пути. Тркт Преснегорьковская крепость — Берёзово протяженностью 1738 вёрст соединил южные населённые пункты Тобольской губернии с Обским Севером, так как проходил через Ялutorовск, Тюмень. Движение осуществлялось также по участкам, например, от Карбинских юрт до Самарово летом двигались на лодках по реке Иртышу, далее — по Оби через 8 почтовых станций. Зимой движение по этому участку тракта осуществлялось на повозках по льду через следующие почтовые станции: Ялымские юрты, сёла Кошелево, Юровское, Демьянское, Романовское, Деньщикское, Цингалинское, деревни: Заводинская, Репаловская, Базьяновская¹⁸⁵. Но закрепление за некоторыми земскими станциями функции почтовых перевозок увеличило число станций на этом тракте до 12, их количество совпало с земскими. К концу XIX в. по тракту Преснегорьковская крепость — Берёзово до деревни Винокурова движение проходило по сухопутному участку, а далее передвигались на лодках

¹⁸⁵ Почтовый дорожник Российской империи. СПб., 1871. С. 109–110, 201.

по Иртышу и на санях по льду. При этом и на летних, и на зимних маршрутах были определены как основные остановки в деревнях, юртах или паулах, так и дополнительные¹⁸⁶. Почтовые селения от Самарово до Базьяново располагались в среднем в 44 верстах, поэтому должно быть на каждой из них по две лошади с оплатой¹⁸⁷.

Затем к концу 1880-х гг. появился новый почтовый тракт Омск — Берёзов, который традиционно проходил через Тобольск, движение осуществлялось летом на лодках, а зимой на повозках¹⁸⁸. В начале XX в. после изменения классификации транспортных путей на Обском Севере самыми известными остались почтовые тракты Тобольск — Берёзов, Самарово — Сургут¹⁸⁹.

Почтовые станции или почтовые отделения открывались, как правило, в крупных населённых пунктах, расположенных через 30–40 вёрст друг от друга¹⁹⁰. Содержанием почтовой гоньбы занимались представители разных социальных слоёв населения, с которыми подписывался договор, как правило, на три года. Отметим, что торговые люди не соглашались на откуп почтовой гоньбы из-за дороговизны продуктов, рабочих рук и услуг. Поэтому договор заключался напрямую с почтовосодержателем. В 1840 г. Самаровское почтовое отделение размещалось в доме крестьянина Дмитриева с оплатой 25 руб. ассигнациями от казны и 25 руб. от сельского общества¹⁹¹. Так, Берёзовским казначейством был заключён договор на содержание Кушовинской почтовой станции с инородцем Н. С. Костиным¹⁹².

На почтовых трактах зимой ездили на нартах увеличенного размера, напоминающих закрытый возок, где пассажир мог удобно устроиться. Инородцы почтовосодержатели могли посадить пассажира самого в нарты, которые прикреплялись к передней нарте с проводником, запряжённой оленями. Грузовые запрягались самостоятельно, но двигались рядом друг с другом. Для принятия корма оленей распрягали и отпускали пастись, а потом снова запрягали, на что тратилось много времени. В среднем за сутки олень мог пройти около 150 вёрст, т. е. его средняя скорость в час составляла около 10 вёрст. Но удобство состояло в том, что оленю не требовалась проложенная дорога, так как он легко передвигался по болотам и кочкам. На Обском Севере на многих почтовых трактах использовали оленей из-за небольшого числа лошадей, например, оленья гоньба совершалась на направлении Берёзово — Обдорск через Мужы. Помимо нарт использовали для перевозок сани или повозку без колес с полозьями. В хозяйствах Сибири XIX в. встречалось несколько видов саней: дровни — крестьянские открытые сани для перевозки дров, грузов; кибитка — крытый экипаж; сани с верхом; пошевни — широкие крестьянские сани, обшитые лубом или тёмсом; розвальни — низкие и широкие сани с расходящимся по бокам облучком и др.¹⁹³.

¹⁸⁶ Почтовый дорожник Российской империи. СПб., 1875. С. 108, 147.

¹⁸⁷ Почтовый дорожник Российской империи. СПб., 1888. С. 17–18.

¹⁸⁸ Почтовый дорожник Российской империи. СПб., 1888. С. 178–179; Почтовый дорожник Российской империи. Киев, 1896. С. 160–161.

¹⁸⁹ Почтовый дорожник Российской империи. СПб., 1908. С. 109; Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. Тобольск, 1910. С. 90.

¹⁹⁰ Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 г. Тобольск, 1915. С. 47.

¹⁹¹ Лопарев Х. Самарово. Тюмень, 1997. С. 54.

¹⁹² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 116. Л. 12, 26.

¹⁹³ Морев В. А. Почтовая техника и особенности перевозки почты и товаров в Сибири в XIX — начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3(15). С. 144.

Почтовую гоньбу на Обском Севере чаще всего держали казаки и инородцы, с которыми почтовое ведомство подписывало контракт на содержание почтовой станции. Главным была перевозка корреспонденции и небольших посылок, бандеролей и т.д. Поэтому на почтовой станции предусматривалось содержание лошадей, специальной повозки, кузов которой оббит изнутри, а также кибитки. Так как предусматривалось ведение учёта, то на станции с большим количеством лошадей можно было нанять писаря¹⁹⁴.

Таблица № 3.22

Характеристика почтовых станций Обского Севера (1913–1916 гг.)¹⁹⁵

Критерии	Романовская	Цингалинская	Реполовская	Самаровская
писарь	1	1	1	1
ямщик	2	2	3	3
лошадь	4	4	4	6
повозка	2	2	–	3
сани	2	2	2	1
каюк	–	–	2	3
размер годовой гоньбы	1159 руб. 21 коп.	1363 руб. 21 коп.	1208 руб. 21 коп.	671 руб. 74 коп.

Отметим, что по данным почтового ведомства, практически на всех почтовых станциях Обского Севера не было старосты. При этом станции размещались в основном в собственных помещениях, а Ситниковская почтовая станция владела четырьмя постройками. Ямщики почтовых станций ездили как на собственных лошадях, так и почтовых. В воспоминаниях современников дано описание такой гоньбы: «...на передке сидит в мохнатом оленьем сови́ке ямщик — вогул»¹⁹⁶. «...С болота влетаем в лес, врезаемся в лесные дорожки; мелькает со́сна, ели, береза, промелькнули на секунду следы зайцы... Чистое, длинное болото, с осокой поверх снега, с жалким леском по берегам, где вогул исстари проложил себе путь в зимнее время... Два-три поворота реки, две-три версты быстрой езды, и мы снова взлетаем на берег...»¹⁹⁷.

Так, почтовые тракты сыграли важную роль в развитии путей сообщения на Обском Севере. По трактам в форме почтовой гоньбы осуществлялась перевозка корреспонденции, небольших грузов и пассажиров. Сама почтовая гоньба приносила местным обывателям дополнительный доход, втягивала в товарно-денежные отношения. После установления

¹⁹⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 404. Л. 20, 57, 58, 159.

¹⁹⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 404. Л. 195, 217, 234, 298.

¹⁹⁶ Носилов К. У вогулов. Шадринск, 1993. С. 8.

¹⁹⁷ Носилов К. У вогулов. Шадринск, 1993. С. 18.

регулярного пароходного сообщения на Обском Севере часть средств почтовосодержатель передавал пароходовладельцу за перевозку почты в период навигации¹⁹⁸.

Помимо почтовых трактов на Обском Севере эксплуатировались земские тракты, вдоль которых располагались земские станции. Земские тракты, наряду с более значительными почтовыми, содержались в лучшем состоянии. В отличие от просёлочных дорог, которые ремонтировались крестьянами сельских обществ, земские тракты содержались из средств уездного и губернского бюджетов.

Таблица № 3.23

Маршруты земских трактов по Тобольскому Северу (1908–1915 гг.)¹⁹⁹

Маршрут	№ тракта		Тип эксплуатации	Расстояние (вёрст)	Число станций
	1908	1915			
Тобольск-Самарово	5	5	годовой	407, 5	23/25
Самарово-Сургут	6	6	годовой	251, 5	11
Самарово-Берёзово	8	11	летний	493	28
	9	12	зимний	439	9/27
Берёзов-Обдорск	10	13	летний	393	14
	11	14	зимний	385	13
Берёзов-Щекурьянское	12		зимний	440	21
Берёзов-Искарские юрты	13		зимний	559	10 (19)
Берёзов-Юльевский городок	14		зимний	260	9
Берёзов-Няксимвольские юрты (по рекам Сосьве и Ляпине)	–	15	годовой	587	21
Берёзов-Ясонские юрты	–	16	годовой	490	30
Берёзов- село Полноватское	–	17	годовой	50	4
Сургут-Вартовские юрты	7	7	годовой	256	11
Сургут-Верхне-Лумпокольское		8	годовой	11	200
Сургут-Ларьякское	–	9	годовой	424	15
Сургут-Юганское	–	10	годовой	60	4

¹⁹⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 304. Л. 10.

¹⁹⁹ Почтовый дорожник Российской империи. СПб., 1908. С. 110–118. ПК 1915. С. 48–51, Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. Тобольск, 1910. С. 90–94.

Хотя устройство новых и корректировка старых земских трактов находилась в ведении центральной власти, но местная исполнительная власть занималась планированием самих маршрутов. В целом количество земских трактов было больше, чем почтовых. Также они имели самостоятельное значение, соединя разные населённые пункты Обского Севера при общем участке от Тобольска до Самарово. Традиционно движение по земской дороге от Берёзова до Обдорска или до Сургута осуществлялось водным путём летом или по льду — зимой²⁰⁰.

Из 17 земских трактов Обского Севера девять эксплуатировались постоянно, т.е. летний и зимний маршрут проходил примерно через одни и те же населённые пункты; у двух трактов летний и зимний маршрут отличался протяжённостью и количеством земских станций; три тракта использовались только в зимний период, т.е. в летний период по ним отсутствовало регулярное сообщение. В источниках указано небольшое количество земских станций, как правило, так как это обязательные остановки. На зимнем маршруте Самарово — Берёзов действовало семь земских станций, но между Самарово и Халапанскими юртами находилось ещё 18 инородческих населённых пунктов, в которых можно было остановиться по необходимости. Та же самая картина по маршруту Берёзов — Искарские юрты, где десять земских станций относились к обязательным остановкам, а 19 — к дополнительным.

В указанный период появилась необходимость регулирования движения по путям сообщения и установления правил поведения на дорогах. Так, в документах 1882 г. сказано, что в Сургуте колёсной дороги не существовало, а пара лошадей на почтовой станции заменялась летом лодкой с кормщиком и гребцами, а зимой по льду. Земская гоньба, как и почтовая, отдавалась в содержание жителям ближайших к станции поселений. В 1911 г. в Берёзове в договоре на земскую гоньбу определены два основных условия: срок действия соглашения (3 года) и необходимость получить специальное свидетельство на занятие промысловой деятельностью. Всего на гоньбу в округе было выделено 10497 руб. на осуществление земских перевозок в разных направлениях. Так, в зимнее время на каждой станции находилось по три ямщика с лошадьми, а в летнее время — 107 гребцов.

Основной тягловой силой становилась лошадь, средняя скорость которой должна быть около 10 вёрст в час с учётом перевозимого груза и пассажиров. Соответственно каждая лошадь земской станции должна совершать два переезда в течение полутора суток. Для перевозки людей на трактах Берёзов — Обдорск было две крытых кошёвки и одна некрытая, Самарово — Кондинское село — один возок и один кашмет с упряжью²⁰¹. В летнее время, как правило, использовались большие крытые лодки вместимостью 40–50 пудов груза и несколько пассажиров. В правилах перевозки указывалось, что лодки для земской гоньбы должны быть крепкие, с большими вёслами и бичевой. Помимо этого, в договоре с держателем гоньбы прописывались требования о наличии инструментов, приспособлений для быстрого ремонта судна, экипажа или повозки. Но при недостатке лодок для перевозки пассажиров разрешалось нанимать частные лодки как наёмные, так и самих пассажиров.

Заклучив договор на земскую гоньбу из Берёзова, городской мещанин Поленов должен был обслуживать Полноватский, Тобольский и Обдорский земские тракты. Чтобы он не стал монополистом, для Поленова по Тобольскому тракту выделялся для перевозок участок летом

²⁰⁰ Военно-экономическое обозрение 1849. С. 31.

²⁰¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 304. Л. 1, 7–7 об.

Рис. 3.28. Поддужные колокольчики
(Берёзовский музей им. И. Ф. Коновалова)

вверх по реке Вогулке, а зимой — до Тутлейских юрт, по Обдорскому тракту — летом до Устья Сосьвы, а зимой — до Пугорских юрт и т. д. При этом перевозчик при необходимости должен был доставлять подводы и по другим земским трактам. Для выполнения своих обязательств Поленов нанял 7 постоянных работников, а при необходимости привлекал сезонных. Что касалось гребцов, то количество определялось в лошадиных силах с ямщиком. Так, ямщик с запряжёнными одной или двумя лошадьми для перевозки более трёх пассажиров должен был ехать с кучером, а в летний период при движении на лодке — кормчий и два гребца. При перевозке больших тяжестей нужно было

добавить ещё по одному гребцу. Также содержатель земской гоньбы отвечал за размещение путников на станции, т. е. для проезжающих пассажиров, для ямщиков, гребцов, лошадей нужно было иметь помещение на станции²⁰². В тех населённых пунктах, где станции отсутствовали или были необустроенными, пассажиров размещали в дома зажиточных обывателей.

В 1879 г. договор в Берёзовском округе под поручительство казаков Берёзова на земскую гоньбу получили отставные казаки И. Никитин и Н. Усков на сумму 979 руб. с учётом цен на фураж для животных и содержание станции²⁰³. На содержание земских ямщиков инородческая управа Берёзовского округа выделяла ещё 7674 руб. 61 коп., а Котской инородческой управе выплатила из 901 руб. 19 коп. только 541 руб. 19 коп., так как летом для перевозок использовались пароходы²⁰⁴.

Так, земскую гоньбу могли содержать инородцы с перевозкой груза и пассажиров на оленях, а летом — на лодках. Но постоянная земская гоньба отвлекала их от традиционных промыслов, поэтому инородцев привлекали для перевозок как сезонных работников²⁰⁵. В конце XIX в. в Куноватских юртах земской гоньбой постоянно занималось 9 инородцев, которые при необходимости привлекали ещё 20 человек; в Берёзово — 12 человек, из которых 11 инородцев и отставной берёзовский казак; в Обдорске 12 инородцев с товарищами, 13 обдорских мещан²⁰⁶. Общая стоимость земской гоньбы колебалась в год от 600 руб. до 2,5 тыс. руб., но с учётом привлечённой рабочей силы. Практиковалось проживание на земской станции, а не по месту выплаты податей: на Обском Севере четыре земских станции находилось в близости от инородческих поселений, но их обслуживали городские крестьяне. На 12 дро-

²⁰² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 304. Л. 9–10.

²⁰³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 116. Л. 1–1 об., 5–6 об.

²⁰⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 104. Л. 1, 11.

²⁰⁵ Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб., 1896. С. 76.

²⁰⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 85, Л. 9, 36, 38, 40, 54–55; Ф. 152. Оп. 44. Д. 127. Л. 1, 5, 25.

вяных пароходных пристанях крестьяне сначала проживали только в период навигации, а потом переселились окончательно²⁰⁷. В этих временных поселениях не существовало никакой управленческой структуры, как правило, эти земские станции были приписаны к какому-либо поселению.

Появление земских трактов было связано с необходимостью развития путей сообщения и обеспечения населения средствами передвижения. Первоначально земскую гоньбу управляли государевы ямщики, а затем в неё втянулись различные слои населения. С появлением пароходов на Обском Севере образовалась новая форма земской гоньбы, когда местные власти арендовали суда для организации движения как внутри региона, так и вне. С судовладельцами подписывались специальные кондиции, которые определяли график движения судов. В начале XX в. эта практика распространилась на Обский Север. Как правило, арендованное судно должно было совершать рейсы внутри региона по утверждённому расписанию. В 1908 г. предполагалось взять в аренду судно с железным корпусом, можно колёсное, для обслуживания рек от Самарово до Обдорска, включая реки Ляпину и Сосьву²⁰⁸. Рейсы на арендованных судах приравнивались к движению по земским трактам. Претендентами на подписание кондиций было два судовладельца: М. В. Фофанов и Торговый Дом «М. Плотников и С-я», доверенным лицом последнего стал почётный гражданин Н. Г. Козлов²⁰⁹. Был арендован пароход «Берёзовец», который помимо земской гоньбы должен был заниматься перевозкой казённой почты по речной линии от Самарово до Обдорска. Однако почта на лодках доставлялась за неделю, а на пароходе, который будет перевозить пассажиров по установленным маршрутам, только за 12 дней, поэтому арендодатель потребовал согласия от почтового ведомства²¹⁰.

Ремонт почтовых и земских трактов в основном проводился на бюджетные средства, но найти рабочие руки на Обском Севере было проблематично. Поэтому содержание и ремонт транспортных путей осуществлялись благодаря существованию дорожной повинности для податного населения. Это была самая сложная повинность, которая исполнялась в теплое время года и практически в сельскохозяйственный сезон. Все попытки правительства найти компромисс или заменить дорожную повинность не были доведены до конца.

Помимо основных почтовых и земских трактов на Обском Севере были сухопутные дороги. Отметим, что в изучаемый период основными сухопутными дорогами были грунтовые, полотно было устроено из местного грунта. Хотя в правилах строительства грунтовых дорог было множество требований, но соблюдение их в условиях Обского Севера было практически невозможно. Устроить дорогу кратчайшим путем довольно сложно из-за природно-ландшафтных особенностей края, поэтому дороги нередко огибали или обходили непроходимые места, но на это требовались дополнительные средства. Хотя грунтовые дороги были самым дешёвым типом дорог, но в начале XX в. были установлены обязательные размеры: почтовые тракты должны иметь ширину 5–7 саж., просёлочные 2–3 саж²¹¹. Также строительство грунтовых дорог не требовало устройства специальных насыпей, кюветов,

²⁰⁷ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 1. С. 80.

²⁰⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 43. Д. 77. Л. 2 об.-3.

²⁰⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 43. Д. 77. Л. 25.

²¹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 43. Д. 77. Л. 38 об.-39, 47.

²¹¹ Новоченко В. А. Сельско-хозяйственные грунтовые дороги, их устройство и содержание. М., 1924. С. 9.

Рис. 3.29. Предметы зимнего снаряжения (Экспозиция МПиЧ)

мостов, но для строительства дороги в болотистой местности Обского Севера нужны были насыпи.

Просёлочные (грунтовые) или местные дороги проходили в самом поселении или между населёнными пунктами, чаще всего расположенными в удалении от Обь-Иртышской речной системы. В отличие от земских и почтовых трактов просёлочные дороги содержались только крестьянами близлежащих сельских обществ. Отметим, что часть просёлочных дорог Обского Севера имела торговое значение и использовалась с периода прихода русского населения в Сибирь²¹². Так, в сообщении между Салтыковской

и Ваховской волостями с Аганской, Трем-Юганской, Юганской, Пимской и Салымской волостями осуществлялось летом по рекам, зимой на нартах, лыжах по известному только местному населению направлению. Иностранцы по реке Ваху передвигались к селению Ларьякскому чаще всего на собачьих упряжках по болотным тропам²¹³. Известно, что иностранцы ходили своими тропами к верховьям реки Демьянки, за Обь и даже доходили до рек Енисея, Таза. Чаще всего иностранческие тропы протягивались вдоль рек или болот, по ним можно было передвигаться в ночное время, ориентируясь на расположение луны²¹⁴. Дорога от Сургута до Ермаковских юрт относилась к болотным маршрутам. Путник двигался вдоль многих рек: Черной, Почекуйки, Моховой, Тром-Юган. По этому маршруту путь проходил через лесные массивы — 9 вёрст, по рекам 2 версты и по болотам 27 вёрст. Выделялись разные типы болот участками от 0,5 до 8 вёрст: «Поганое болото», чистое болото, болото между озёрами и т.д. Особенностью этого местного маршрута было то, что путь проходил вдалеке от поселений, поэтому для переправы через реки заранее готовили лодки²¹⁵.

К такой же группе относились Сибиряковские тракты, которые использовались торговцами дважды в год: в ноябре для посещения Обдорской ярмарки привозили 5–7 тыс. шкур, в январе после окончания ярмарки отправляли олени шкуры, зерновой товар, а также до 500 пудов мороженой рыбы из села Мужей и до 1 тыс. пудов из Шурушкары. Помимо этого, малосольную рыбу по зимнику отправляли в места зимовки зырянских каюков на реке Усс, а оттуда с начала навигации справляли по Печоре²¹⁶.

²¹² Адаев В. Н. Болотные маршруты: пути и способы сообщения народов Нижнего Прииртышья через водораздельные территории в XVIII–XIX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3. С. 110–119.

²¹³ Русанов И. Этнографический очерк Сургутского отделения Берёзовского округа Тобольской губернии // Подорожник. Тюмень, 2004. Выпуск 4. С. 14.

²¹⁴ Дмитриев-Садовников Г. М. Версты и строки. Екатеринбург, 1998. С. 44.

²¹⁵ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1996. Т. 2. С. 97–98.

²¹⁶ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1996. Т. 1. С. 122.

Зырянские дороги соединяли территорию Обского Севера с Архангельской губернией и завершались в Обдорске, Муже и Берёзове. Елецкая дорога (Большой переход) позволял проходить по территории северного Урала не только людям, но и животным. Его длина составляла 30 вёрст, там не было укрытий в непогоду, зато можно было быстро добраться до Обдорска. Водный зырянский путь предполагал движение через верховье Ельца и Сось. По Коппольскому переходу нужно было следовать по реке Вокайру по восточной части Урала до села Муже. Торавский проход позволял выйти к Сычье, откуда можно было добраться до Берёзова. Помимо этих, на севере существовали менее удобные дороги — через Гарвей в Обдорск, Логортский и Пуллариийский проходы к реке Войкара, через Горатский или Синьский проходы — к реке Синеи, далее к Щекуринским юртам. По последнему варианту зырянского пути в XIX в. доставляли муку, из Берёзова товар сплавляли на дощаниках в Щекурье, а отсюда — на оленях к реке Печоре²¹⁷.

Во второй половине XIX в. даже появилась условная специализация зырянских трактов. Из Обдорска в село Ижму отправляли продукцию оленеводства, рыбу и пушнину: сначала путь шёл до села Мужей, затем через Ляпино и село Щугорское до реки Усс. Общая протяжённость этого пути составляла 200 вёрст, которые путники преодолевали с грузом за 7 дней. Второй вариант пути был ещё короче — 110 вёрст и занимал только четверо суток, но требовалось нанимать большое число перевозчиков. Малоценную рыбу из Самарово и Берёзова доставляли в село Гари Туринского уезда, на весь путь в 450 вёрст тратилось до 13 суток. Но существовало два варианта этого пути, которые были исследованы, а затем описаны А. А. Дуниным-Горкавичем²¹⁸. Сравнивая варианты, исследователь отметил, что лучшая дорога — Кондинская, которая шла от Больших-Атлымских юрт до Ендырских юрт, но она узкая, вторая — от села Кондинского до села Супру извилистая и неудобная. Несмотря на эти замечания, ежегодно по обеим дорогам из Обского Севера в село Гари вывозилось до 30 тыс. пудов рыбы. Более устроенным в село Гари был зимний путь, который проходил через пять зимовок, у села Супру возчики оставляли овёс для лошадей на обратный путь. Этим путём пользовались только гаринские торговцы, привозящие в село Кондинское промышленные товары, а вывозящие рыбу²¹⁹.

Протяжённость дороги на Ирбит с Обского Севера через Тобольск и Тюмень составляла 1285 вёрст, а олений путь — 1057 вёрст. Олений путь на Ирбит состоял из двух частей: от Берёзова торговцы направлялись в Шоминские юрты (160 вёрст), затем большой дорогой добирались к Сосьвинской пристани (188 вёрст), а оттуда следовали до Люлинского зимовья (Пермская губерния, 142 версты), далее до торгового села Никито-Ивдельского (85 вёрст). От торгового села можно было направиться до Богословского завода или в Верхотурье (482). Но даже этот путь можно было сократить на 100 вёрст, если груз перевозить на оленьих упряжках. Известно, что в XIX в. даже городские жители Берёзова пользовались этим путем из-за использования собственного тяглогового скота, а в начале XX в. так добирался в Ирбит берёзовский купец Добровольский.

Помимо междугородних дорог существовали пути между селениями Обского Севера, среди них также выделялись летние и зимние. Некоторые сухопутные просёлочные дороги полу-

²¹⁷ Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края. М., 1993. С. 426; Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб., 1913. С. 284.

²¹⁸ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1996.

²¹⁹ ГАТО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 312. Л. 190–194.

чали название троп, так как они скорее напоминали узкую полосу. Среди самых известных на Конде — Демьянская тропа, которой пользовались летом еженедельно для перевозки почты в село Демьянское из села Болчары, и её протяжённость была около 50 вёрст. По тропе можно было передвигаться пешком через сухие бора или следовать на лодке, но в обоих случаях на пути встречались болота. Почтальон, перевозивший почту при небольшом грузе, мог преодолеть это расстояние за сутки. По сведению жителей села Болчары, была отдельная тропа до Цингалинских юрт, но весь путь нужно было передвигаться на лодках, а также имелся небольшой волок. Эти тропы проходили по мелководным рекам, поэтому передвигаться по ним можно было на лодках инородцев и без большого груза.

Местные жители, государственные служащие передвигались по существующим трактам, не обращая внимания на некоторую неустроенность или особенности самого передвижения — на оленях, собаках или по реке. Но для XIX — начала XX вв. характерно активное исследование Сибири, что приводило множество учёных, путешественников, которые оставили описания способов и вариантов передвижения по Обскому Северу. Путешественник М. А. Кастрен предполагал добраться по тракту Тобольск — Берёзово, но уже в Бронниково из-за разлива рек пришлось пересечь в лодку. Добравшись до Сургута, Кастрен совершил путешествие в Пелым на каюке с отдельной каютой для путника. Путешествуя по Обскому Северу, он видел разновидности деревянных судов, которые могли перевозить не только человека, но и груз до 2 тыс. пудов²²⁰. Караван А. И. Якобий состоял из 22 нарт, на которых разместились, помимо исследователей, и проводник со своей семьёй. Всего в запряжке было 54 оленя, а 30 оленей бежало на свободе. В общей сложности передвижение по зимнику продолжалось 32 дня с половины ноября до половины декабря²²¹. Путешественник А. Регули возвращался из Берёзова в Казань, передвигался по Сибиряковскому тракту: сначала по реке Сосьве через Богословские заводы, а затем на оленях добрался в Пермь²²². И. Папай из Тобольска в Берёзов добрался по земскому речному маршруту на дощанике, а затем до Обдорска на каюке²²³.

Помимо иностранцев на Обдорском Севере в XIX–XX вв. побывали многие российские исследователи, оставившие свои воспоминания о транспортных путях. В начале XX в. экспедиция Русского географического общества совершила путешествие по маршруту Москва — Тобольск — Обдорск. 8 марта добрались по зимнику в Самарово, где их встречал берёзовский урядник для дальнейшего сопровождения. 10 марта путешественники выехали из села Кондинского, но из-за узости проезжей части пересели из кибиток в сани. Добравшись до Берёзова, приобрели необходимые продукты и одежду для конечной цели экспедиции. Но выехали по-прежнему на сани, запряжённых лошадьми или оленями. Нарты с грузом могла тащить одна лошадь или 3–4 оленя. Так добрались до Обдорска, но дорога уже была слишком узкой и шла по льду Оби или по левому берегу реки. Пришлось пересечь в нарты, запряжённые только оленями. Хотя путешественники предполагали продолжить дальнейшее путешествие на собачьих упряжках, но проводники переубедили так поступать²²⁴. Так

²²⁰ Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. С. 230, 232; Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). М., 1860. С. 45–57.

²²¹ Пирожников Г. А. Записки уездного исправника. Сургут, 2002. С. 56.

²²² Йозеф Папай. Памяти Антала Регули. 1993. С. 27–28.

²²³ Йозеф Папай. Памяти Антала Регули. 1993. С. 44–45.

²²⁴ Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб., 1913. С. 17, 19.

Рис. 3.30. Ожидание пассажира у крестьянской избы

как для ездовой собаки требовалось везти ещё и корм, а олень довольствовался подножным кормом. Кроме того, олени могли тянуть тяжелые нарты. На нартах был один ящик и один пассажир, который разместился в закрытой части. Из Обдорска в направлении берега Северного Ледовитого океана выехал обоз, состоящий из 60 грузовых нарт, которые шли отдельными «анасами» по 6–8 нарт, запряжённых парой оленей. Самую большую нарту с грузом в 20 пудов тащило 4 оленя, скорость которых достигала 8 вёрст в час.²²⁵

Таблица № 3.24

Особенности передвижения по маршруту Тобольск-Северный Ледовитый океан

Маршрут	Тяговая сила	Средство передвижения
Тобольск — Самарово	лошадь	кибитка
Самарово — Кондинское село	лошадь	кибитка
Кондинское — Берёзово	лошадь	сани
Берёзово — село Мужы	лошади, олени	нарты
Село Мужы — Обдорск	олени	нарты
Обдорск — берег Северного Ледовитого океана	олени	нарты

²²⁵ Абрамов Н. А. Описание Берёзовского округа // Записки РГО. СПб., 1857. Кн. XII. С. 423.

Рис. 3.31. Почтовое отделение в стиле почтовой станции второй половины XIX века (г. Иркутск)

Экспедиция Академии наук, финансируемая братьями Кузнецовыми, путешествовала летом из Обского Севера по территории Северного Урала частично на оленях и лошадях.

Таким образом, развитие и оформление транспортной системы Обского Севера было связано как с проявлением интереса к региону со стороны исполнительных властей, так и сибирских предпринимателей. В течение этого периода на Обском Севере официально существовало две группы путей: почтовые и земские тракты. Чаще всего их направления полностью совпадали, что со второй половины XIX в. позволило организовать перевозку почты посредством земской гоньбы.

Основные тракты, Тобольск — Берёзов и Тобольск — Сургут, начинались в Тобольске и до деревни Винокуровой были идентичными и сухопутными, а далее начиналось движение летом по реке на судах, а зимой — на санях и лошадях или оленях²²⁶. От Самарово тракты расходились на запад — в Берёзово и на восток — в Сургут²²⁷. С наступлением холодов жители притрактовых поселений Обского Севера занимались сооружением зимника, который планировался заранее, например, самаровцы частично устраивали его по «сомовым гривам»²²⁸. Зимний путь из Тобольска до Самарово и далее до Берёзова позволял передвигаться как на лошадях, так и на оленях²²⁹. Отметим, что государственные и местные власти участвовали в деятельности вышеназванных трактов. Крестьяне или инородцы оформляли почтовую или земскую гоньбу чаще всего на три года, что обеспечивало их средствами существования. Из-за отсутствия почтовых станций в некоторых волостях функции перевозчика почты передавались исполнителю земской гоньбы. Там, где не было земских станций или они были расположены далеко друг от друга, устраивали междудворную обывательскую гоньбу, например, между Мурасовыми юртами и Вартовскими юртами была устроена гоньба из-за удалённости. Со второй половины XIX в. гоньба устанавливалась на обслуживание переправ или перетяжек сроком на три года²³⁰.

Помимо почтовых и земских трактов, большую группу составляли просёлочные дороги, связывающие Обский Север с Европейским Севером, а также с территориями к востоку от Тобольской губернии. Многими известными оленьими дорогами, инородческими тропами, зырянскими дорогами пользовалось не только население, но и официальные вла-

²²⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 47. Д. 78. Л. 20.

²²⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 47. Д. 78. Л. 23 об.

²²⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 47. Д. 78. Л. 25 об.

²²⁹ Хондажевский Н.К. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарово // Записки Западно-Сибирского отделения РГО. Омск, 1879–1880. Т. 2. С. 1–5, 10.

²³⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 44. Д. 70. Л. 29.

сти²³¹. Так, из Тобольска до Берёзова шёл официальный тракт через Самарово, но была малопроезжая узкая дорога в 250 вёрст, по которой можно было ехать на лошадях до Берёзова²³².

Обский Север расположен в зоне Обь-Иртышского водного бассейна, поэтому значительная часть путей сообщения проходила по рекам. Но пароходы стали регулярно ходить на Обский Север после организации там рыбоперерабатывающего производства.

2. Водные коммуникации и речной транспорт

Огромная площадь Западной Сибири занята водным пространством, поэтому реки в жизни населения играли ведущую роль. Смоленский отмечал: «Сибирь в настоящем положении путей сообщения составляет совершенно отдельную страну, так как сказать замкнутую от внутренних губерний Империи. Огромность расстояний при сухопутных перевозках и вообще затруднительность и дороговизна делают то, что мы платим вдвое и втрое». Обь-Иртышская речная система соединила Тобольскую, Томскую губернии, проходила по Акмолинской, Семипалатинской областям, обеспечивала связь с Печорским краем.

Общая площадь территории Обского Севера около 835880 кв. версты, на которой проживало около 35 тысяч человек (1897 г.) в Берёзовском уезде 22194 чел., в Сургутском 8372 чел. и в Самаровской волости Тобольского уезда 4087 чел. Соответственно на человека приходилось 28 72 кв. версты. При этом большая часть территории (68%) Обского Севера была занята водными ресурсами Обь-Иртышского водного бассейна. Самой большой рекой была Обь, которая омывала регион с южной, западной и северной стороны. При этом река протекала по территории Бийского, Барнаульского, Томского и Нарымского уездов Томской губернии, по Сургутскому, северной части Тобольского и Берёзовскому уездам Тобольской губернии, что обусловило возможности речного сообщения. Обь, например, в Берёзовском округе имела длину около 2 тысяч вёрст, ширину русла — от 450 саженей до 2 вёрст, самая большая глубина до 10 саженей. Протяжённость Оби с притоком Катунь составляла около 4 тысяч вёрст, но река судоходна на протяжении 3,6 тысяч вёрст. Это обеспечивало хорошие условия судоходства: могли ходить суда с осадкой менее 10 четвертей²³³. Ниже села Самарово в 23 верстах к Оби примыкал ещё один приток Иртыш (325 вёрст), а далее на протяжении 450 вёрст Обь расходилась на два рукава: восточный (Большая Обь) и западный (Малая Обь), которые за 50 вёрст у Обдорска сливались в одно русло. Далее Обь шла широким рукавом в 5 вёрст ещё 150 вёрст.

Но большая часть речной системы была представлена небольшими реками, ручьями, из которых около 50% протекало в болотистой местности. Основными реками Обского Севера были Обь с главным притоком Иртышом, а также Пим, Казым, Большой Салым, Назым, Большой Юган с притоком Малым Юганом, Вах с притоками Сабуном и Колекъёганом, Ляпин с составляющей Хулгой, Северная Сосьва с притоком Малой Сосьвой, Тромъёган с притоком Аганом, а также приток Иртыша — Конда²³⁴. Самыми многоводными речками являлись

²³¹ Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб., 1913. С. 284.

²³² Абрамов Н. А. Описание Берёзовского округа // Записки РГО. СПб, 1857. Кн. XII. С. 423.

²³³ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1906. Томск, 1906. С. 22–23, 27–28.

²³⁴ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1996. Т. 2. Приложение 1.

Рис. 3.32. Пароход «Волшебник»

Демьян, Туртас, Аремзянка, несколько Бобровок, долины которых заливались водой во время весны.

Вдоль рек или на возвышенностях вблизи рек располагалось большинство поселений Обского Севера, что давало населению возможность заниматься рыболовством. Кроме того, реки обеспечивали быстрое и недорогое перемещение. Помимо этого, чтобы использовать существующие возможности, например, между Томском и Обдорском гужевой транспорт должен пройти более 4 тысяч вёрст, а водное сообщение сокращало это рас-

стояние. Но, чтобы водные пути приносили больше дохода, требовалось улучшать судходные качества рек.

В экономическом отношении из всех рек Обь-Иртышского водного бассейна первостепенное значение имели те, которые могли обеспечить непрерывное движение и большую продолжительность навигационного периода. Вскрытие реки Обь у Обдорска происходило в период с 25 мая по 15 июня, у Берёзова 15 мая — 5 июня, у Сургута 10 мая — 1 июня. Реки начинали покрываться льдом сначала в верхней и средней части своего течения со второй половины октября, а в Берёзовском уезде уже в начале октября. Но к концу июня — началу июля в верховьях Иртыша и на Тоболе движение приостанавливалось из-за мелководья и по рекам могли пройти только суда с небольшой осадкой. Возобновление речного движения происходило к концу августа, так как с Обского Севера вывозили продукцию традиционных промыслов и перерабатывающего производства. В среднем навигация в районе Обдорска длилась около 180 дней, но с 1836–1860-е гг. она сокращалась несколько раз до 146 дней, а остальной период река была покрыта льдом. При этом возможность движения по реке до Обдорска зависела также от условий навигации у Берёзова, которая в 1842–1849 гг. длилась всего 159 дней, что было на 20 дней меньше средней²³⁵.

Речные маршруты в Сибирь были известны давно: они осуществлялись по реке Ницы в направлении Тюмени на реке Туре, Тобольска на Иртыше, а затем через Демьянскую пристань можно было попасть в Самарово, Берёзов, Сургут, Обдорск и т. д. Последний участок водного пути через Самарово, Сургут позволял добраться до Томска, который стал крупным торгово-транзитным пунктом сбора сибирских, российских, китайских и европейских товаров. Ведущее значение имел речной маршрут Тюмень — Томск, в состав которого входили реки: Тура от города Тюмени до устья, река Тобол до впадения в реку Иртыш, часть Иртыша до

²³⁵ Список населённых мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. Т. LX. С. 43–44.

впадения в Обь вблизи села Самаровского. Общая протяженность пути от Тюмени до Томска 2370 версты и примерно 1/3 пути проходила по территории Обского Севера. В «Сибирском дорожнике за 1884 г.» уточнено время движения по данному направлению: от Томска до Сургу́та пароход шел 31 час 15 минут, от Сургу́та до Самарово — 16 часов, далее до Демьянки 25 часов 45 минут. Так, расстояние в 2370 версты пароход проходил за 7 с половиной суток²³⁶. По этому направлению «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли» вывозило от 44,2% (1900 г.) до 19,5% (1910 г.) от общего количества грузов²³⁷. Протяжённость ещё одного межрегионального маршрута Тюмень — Красноярск составляла 3834 версты и частично затрагивала территорию Обского Севера²³⁸.

Водные пути, имеющие самостоятельное транзитное значение, сюда относились реки Обь, Тобол, Иртыш, Сосьва, так как они обеспечивали перевозки транзитного груза через Обский Север. Именно на пристани по реке Оби в 1907 г. свозилась продукция рыбных: Обдорск (263 тысяч пудов), Сухоруковское (1), Моерская (2), Сургут (7), Локосово (1), Нижне-Вартовское (30); по Северной Сосьве: Берёзово (10); по Иртышу: Самаровское (48), Базьяновское (1), Реполовское (4), Демьянское (1); по Сосьве: Гаринское (1), Сосьвинский завод (1), Филькино (53). Вывозилась рыба и рыбная продукция из 11 поселений Обского Севера, расположенных на Оби (249 тысяч пудов); три пункта на реке Иртыш (9); из Берёзова на Северной Сосьве (52)²³⁹. В тот же год пассажиропоток прибытия и отбытия на речных судах составлял 3548 чел. (См. Таблица № 3.25). На Оби выделяется пристань Сургу́та, куда прибыло 812 чел., а убыло 748 чел., на Иртыше — Самаровская пристань соответственно 436 и 626 чел. и Демьянская — 280 и 361 чел.

Таблица № 3.25

Динамика пассажиропотока на Обском Севере на 1907 г.²⁴⁰

Реки	Прибыло	Убыло	Всего
Обь (10 поселений)	911	748	1659
Северная Сосьва (Берёзов)	27	20	47
Иртыш (5)	817	1125	1942
Итого	1755	1893	3548

Также речное сообщение связывало Обский Север как с губернской столицей — Тобольском, так и крупным узловым городом — Тюменью. Грузы из Томска могли беспрепятственно доставляться по Оби до села Самарово (1268 версты), а оттуда по Иртышу — до Тобольска

²³⁶ Сибирский дорожник. Томск, 1884. С. 59.

²³⁷ ГАНО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 10. Л. 63 об., 67 об., 75 об., 76 об., 78 об.; РГИА. Ф. 23. Оп. 14. Д. 227. Л. 46 об. — 48 об.

²³⁸ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1906 г. Томск, 1906. С. 23.

²³⁹ Статистический сборник Министерства путей сообщения. 1909. Т. 19. С. 314–317, 320–321.

²⁴⁰ Там же. С. 3–5.

(556), но для дальнейшего пути до Тюмени (412) из-за мелководья использовали сухопутный тракт²⁴¹.

Но для Обского Севера речные пути решали проблему обеспечения населения продовольствием и промышленными товарами на холодный сезон. Так, водные коммуникации долгое время обеспечивали не только связь с другими территориями Сибири, но и были ресурсом для передвижения между населёнными пунктами региона. Практика договорной доставки на Обский Север продовольствия сохранялась и в XIX в.: тобольские и тюменские купцы занимались централизованными доставками сельскохозяйственной продукции из южных уездов Тобольской губернии. Для этой цели они чаще всего использовали дощаники грузоподъёмностью 50–60 пудов, которые за одну навигацию могли совершить 2–3 рейса. В среднем расстояние от Тобольска до Берёзова парусное судно при попутном ветре проходило за полторы недели, но обратно в три раза дольше из-за движения против течения²⁴².

Таблица № 3.26

**Количество речных судов Обь-Иртышского бассейна
в навигацию 1842 г.²⁴³**

Река	Судов	Плотов	Барок
Иртыш	38	446	–
Тобол	3	–	–
Обь	28	–	2185
Сосьва	10	–	987
Тура	16	254	395
Омь	2	1243	301
Всего	98	1950	5756

На Обский Север из 98 парусных судов приходилось 46, из 1950 плотов — 26, из 5756 барок 2172 (См. Таблица № 3.26). Отметим, что около 30% всего речного транспорта Обь-Иртышского бассейна в течение всей навигации обслуживало территорию указанного региона. Во второй половине XIX в. численность судов в Обь-Иртышском бассейне увеличилась до 107 паровых судов и 261 непарового судна, из которых на Обский Север совершало рейсы около 40% с учётом проходящих судов в Томскую губернию.

Река не только связывала Обский Север с другими территориями Сибири, но и способствовала развитию внутрирегиональных коммуникаций. Поэтому основное движение по рекам

²⁴¹ Речной флот Азиатской России. СПб., 1895. С. 12–2; 4 Д-Г. С. 279.

²⁴² Абрамов Н. А. Описание Берёзовского округа // Записки РГО. СПб, 1857. Кн. XII. С. 425.

²⁴³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 10. Л. 3.

Рис. 3.33. Строительство деревянного речного судна (Экспозиции МПиЧ)

Обского Севера было связано с передвижениями между населёнными пунктами как русско-го, так и инородческого населения. Для местных перевозок по рекам использовали каюки, обласы, лодки разных конфигураций, а также плоты и барки, баркасы. По реке Вах, например, чаще всего ходили каюки, которые напоминали большие крытые лодки, оборудованные рулём или боковым кормовым веслом. На этих судах можно было перевезти 50–80 пудов с помощью гребцов или паруса, но передвигались они с небольшой скоростью²⁴⁴. Наибольшее распространение каюки получили после того, как стали использоваться для земской и почтовой гоньбы. На этих судах стали доставлять корреспонденцию, грузы и пассажиров в удалённые населённые пункты. Самаровский мещанин Т. Земцов построил каюк в 24 аршина длиной, с крышей, с каютой для пассажиров и помещением для гребцов и для груза весом в 25 пудов. Особенностью каюка было то, что он мог передвигаться даже при плохой погоде и сильном ветре²⁴⁵. Этим судном пользовались иностранные путешественники, члены Русского Географического общества, занимающиеся изучением Обского Севера. В регионе строили каюки для перевозки крупного скота между населёнными пунктами грузоподъёмностью 200–300 пудов.

Помимо этого, использовались обласы, чаще всего на рыбных промыслах. Эти речные суда передвигались с помощью вёсел и способны были в среднем перевозить 20–40 пудов. Между сёлами Верхне-Лумпокольским и Сургутом на обласах перевозили до 100 пудов груза. Встречались обласы разных конструкций: ваховский облас был узким, легким, но малоустойчи-

²⁴⁴ Подревский Н. Поездка по Северному Уралу летом 1892 года. М., 1895. С. 35–36.

²⁴⁵ Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину реки Оби. СПб., 1877. С. 25–28, 172–173.

Рис. 3.34. Пароход. Фото

вым в непогоду; облас из низовьев Оби имел высокие пришитые борта и был более устойчивым и т.д. При этом во второй половине XIX в. появились большие обласы, которые способны были перевозить 20–40 пудов, человека с собакой и припасами. При этом на обласе можно было в течение дня пройти до 100 вёрст²⁴⁶. Также использовали лодки различных типов: жители Самарово для проведения рыбного промысла передвигались на лодках — базьяновках, неводниках; понедельник или лодочники, исполняющие земскую и почтовую гоньбу, использовали большие лодки²⁴⁷.

С развитием судостроения появилась возможность не только включения Обского Севера в систему транспортной коммуникации, но и организации доставки грузов и пассажиров. В 1858 г. купец Рязанцев получил привилегию на организацию грузовых перевозок на Обском Севере. Его паровое судно в 1860 г. проследовало мимо Самарово в Берёзов, а затем ещё одно судно прошло мимо Сургута в Томскую губернию²⁴⁸. Для обслуживания речных маршрутов между Тюменью, Тобольском, Берёзовом и Обдорском была создана «Обдорско-Тобольская компания». С 1860 г. судно «Тайга» с объёмом двигателя в 25 л.с. курганского купца Ф. Шишкина ежегодно приходило в Берёзов, а затем двигалось по Сосье, Сыгве и Маньи. В течение трёх лет пароход с баржей в 5 тысяч пудов доставлял на Обский Север продовольствие, охотничьи припасы, а вывозил пушнину, рыбу и дикоросы. Речная компания «Дружина» (тобольские купцы М. Д. Плотников и С. О. Горский, берёзовской купец А. И. Шишкин) пыталась организовать движение по рекам Нице, Туре, Тавде, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи. Для более чёткой работы крупные судовладельцы создали товарищество «Иртышско-Обского буксирно-пассажирского пароходства», объединив 40 парусных судов и барок, которые приходили на Обский Север в начале навигации, а в конце уходили. Компания сплавила по рекам до 150 тысяч пудов груза, но просуществовала недолго²⁴⁹.

На Обский Север стали приходиться суда речных компаний, зарегистрированных в Тобольске, Тюмени и Барнауле: «Ермак», «Дружина», «Обдорско-Тобольская компания», «М. Плотников и Сыновья», «Пяткова А. Ф. наследники и компания», «Д. И. Девятириков и Е. А. Севастьянов», «Александр», «Наследники В. Е. Ельдештейна», «Братья Вардреппер»,

²⁴⁶ Дмитриев-Садовников Г. М. Версты и строки. Екатеринбург, 1998. С. 52, 108–109.

²⁴⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 47. Д. 78. Л. 20.

²⁴⁸ Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. Т. LX. С. 30, 34.

²⁴⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 47. Д. 78. Л. 24.

«Голев-Лебедев», «И. Н. Корнилова наследники», «А. А. Сыромятников», «Курбатов-Игнатов», «Ширков П. Т. и компания», «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли», «Новицкий И. С. и компания». После создания «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли» на Обском Севере в полной мере остались речные суда трёх основных участников: самого Товарищества, Торговых Домов «М. Плотников и С-я», «Корнилова И. Н. Н-ки».

Для чёткой организации логистики утверждалось ежегодное расписание движения речных судов с указанием сроков передвижения, условий размещения и стоимостью перевозок²⁵⁰. В Тобольских и Томских губернских ведомостях, Путеводителях по Иртышу и Оби, Торгово-промышленных календарях и справочниках стали публиковать расписание на весь сезон навигации с характеристикой рейса²⁵¹.

С 1880 г. по 1917 г. в Обь-Иртышском водном бассейне совершалось 158 регулярных маршрутов паровых судов. В населённые пункты Обского Севера совершался 21 маршрут или 13,2% от общего количества²⁵². На Обский Север шли маршруты: Тюмень-Тобольск-Самарово-Берёзово-Обдорск-Пуй-хо-Хэ-Нада, Ирбит-Тюмень-Бийск-Обдорск-Семипалатинск-Ачинск-Томск, Тобольск-Бочалино-Пелылев-Усть-Лозьва-Филькина протока, Ирбит-Тюмень-Бийск-Семипалатинск-Павлодар-Обдорск, Ирбит-Павлодар-Обдорск-Бийск, Ирбит-Тюмень-Семипалатинск-Обдорск, Ирбит-Семипалатинск-Берёзово-Барнаул, Ирбит-Семипалатинск-Берёзово-Томск, Тюмень-Семипалатинск-Бийск-Обдорск, Тюмень-Семипалатинск-Обдорск-Барнаул, Тюмень-Тобольск-Омск-Берёзово, Тюмень-Тобольск-Самаровское-Семипалатинск, Ирбит-Тюмень-Тобольск-Самарово, Семипалатинск-Обдорск-Тюмень, Семипалатинск-Тюмень-Обдорск, Сосьвинский завод-Тюмень-Тобольск, Тобольск-Сургут-Томск, Семипалатинск-Тюмень-Обдорск, Обдорск-Берёзово, Тобольск-Берёзово, Тюмень-Обдорск, Тюмень-Берёзово и др.²⁵³ Среди указанных маршрутов есть сложные, связывающие более чем шесть населённых пунктов — 5, четыре населённых пункта — 8, три — 3 и два — 5. Маршрут: Тюмень-Тобольск-Самарово-Берёзово-Обдорск-Пуй-хо-Хэ-Нада совершался на самый север. В списке конечных и промежуточных пристаней речных маршрутов Обского Севера упоминались город Берёзов и села Сургутское, Обдорское, Самаровское и Филькино, но в основном эти населённые пункты заявлены как проходящие станции с длительным стоянием на пристани. Три больших маршрута и 5 малых обслуживали промыслы Обского Севера, ещё семь маршрутов имели конечный пункт — Обдорск, Берёзов и для шести маршрутов населённые пункты Обского Севера были промежуточными пристанями при движении. Отметим, что сложные маршруты соединили Обский Север с уральским регионом, соседней Томской губернией, а также южными областями и губерниями. Важно, что «правильное расписание» на начало навигации полностью соответствовало режиму работы речных компаний, а также потребностям местного населения. Помимо этого, через Самарово, Сургут

²⁵⁰ Сибирская Торговая Газета. 1900. № 167, 172, 174, 184.

²⁵¹ Путеводитель по Иртышу. Тюмень, 1911. С. 7.

²⁵² Перечень внутренних водных путей Азиатской России. СПб., 1895; Речной флот (паровой и непаровой) Азиатская Россия. СПб., 1902; Бельский И. М. Очерк водяных путей сообщения Сибири. СПб., 1893. С. 62, Приложение; Кропотин П. К. История появления и развития судоходства в Западной Сибири (рукопись в Тобольском музее-заповеднике). С. 20, 22.

²⁵³ Речной флот Азиатской России. СПб., 1895. С. 9–12; Речной флот (паровой и непаровой) Азиатская Россия. СПб., 1902. С. 10–14; Задорожная О. А. Речные компании Западной Сибири (1860–1917 гг.), Сургут, 2012. С. 211–239.

Рис. 3.35. г. Тобольск. Пристань. Фото

проходили маршруты в Томск, Бийск, Барнаул, Ачинск и т.д.

В целом на прямых маршрутах Обского Севера эксплуатировались суда разных типов: служебные, буксирно-пассажирские и буксирные. Буксирные пароходы занимались транспортировкой груза на дальние расстояния с учётом грузоподъёмности, осадки корпуса, особенностей навигационных условий на конкретном участке. Эти суда оборудовались специальными приспособлениями для погрузки и выгрузки товара силами судовой команды. Но учитывая особенности судоходства на Обском

Севере, сюда требовались буксиры с небольшой длиной, что обеспечивало манёвренность, высокие тяговые показатели и водоустойчивость. Как правило, эти суда двигались медленно, часто останавливались в пути для загрузки и выгрузки на пристанях и затоках. Среди судов «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли» на севере неоднократно трудились буксиры «И. Колчин» (мощностью 120 л.с., грузоподъёмностью 4 тыс. пудов) и «Хрущов» (80 л.с., 4 тыс. пудов), а также буксирно-пассажирский пароход «Семипалатинец» (мощностью 60 л.с., грузоподъёмностью 1 тыс. пудов)²⁵⁴. Но буксирные и буксирно-пассажирские суда перевозили грузы в больших объёмах, могли взять до 10 пассажиров.

Отметим, что по расписанию на Обском Севере ходили суда, которые чаще всего совмещали перевозку груза и пассажиров. Каждое такое судно тянуло за собой одну или несколько гружённых барж, редко баркасов. Всего на Обь-Иртышском водном бассейне эксплуатировались 227 барж грузоподъёмностью более 156 тысяч пудов, из них на Обском Севере работало около 60 с общей грузоподъёмностью около 600 тысяч пудов. Могли зимовать на Сосьве до 28 судов, на Оби 20–30 барж, чтобы с начала навигации перевозить продукцию промыслов до Тобольска. «Товариществом Западно-Сибирского пароходства и торговли» в 1908 г. через реки Обского Севера использовались две самые большие железные баржи «Обь» и «Кривошеево». Остальные баржи были деревянными, но после реконструкции в начале XX в. они буксировались по рекам с сильным течением и против течения. Ещё одной характерной чертой непарового судна было наличие палубы, которая позволяла перевозить продовольствие, керосин, дрова, лесной материал и т.д. Нередко речные компании использовали паузки для перегрузки товара с больших барж на другие суда или на берег, или в качестве вспомогательных судов на мелководных участках. Также паузки использовались для перевозки разных товаров и пассажиров на небольшие расстояния. В основном паузки на Обском Се-

²⁵⁴ Список паровых и непаровых судов, плавающих по рекам, состоящим в ведении Томского округа Путей сообщения. Томск, 1915. С. 28–35.

вере принадлежали местным обществам, частным лицам и небольшое количество речным компаниям²⁵⁵.

Через Обский Север проходило три важнейших маршрута для Тобольской губернии. По маршруту Тобольск-Сургут-Обдорск паровые суда с баржами доставляли продовольствие и промышленные товары в Обдорск, а затем доходили до села Щекуринское, где забирали улов на рыбных промыслах. Маршрут Тобольск-Берёзово-Обдорск предназначался для перевозки разных грузов на Обский Север и вывоза меховой и рыбной продукции. На маршруте Тобольск-Бочалино-Пельлех-Усть-Лозьва-Филькина протока использовались в основном грузопассажирские суда для вывоза сырья и произведённой продукции на Богословских заводах²⁵⁶. Рейсы, отправляющиеся в Филькину пристань, проходили от Самарово 1568 вёрст по сложным по судоходным характеристика рекам и природно-ландшафтным зонам, поэтому они должны быть удобны для пассажиров.

Рис. 3.36. П. М. Кошаров. Вид города Берёзова. Вид города Обдорска. Вид берёзовских и обдорских остяков. Оленья упряжка. 1891 г. (Художественно-этнографические рисунки Сибири. Томск: Типолитография Михайлова и Макушина. 1889–1891 гг.)

²⁵⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 14. Д. 227. Л. 16; Статистический сборник Министерства путей сообщения. СПб., 1909. Выпуск 98. С. 6–7.

²⁵⁶ Путеводитель по Иртышу. Тюмень, 1911. Приложение; Головин Б. Д. История парового судоходства в Обь-Иртышском бассейне. Омск, 1947. С. 8, 10. Торгово-промышленный календарь за 1895. Тобольск, 1895. С. 372–373; Ежегодник Тобольского музея. 1896. Приложение.

Крупным речным перевозчиком стало «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли», которое контролировало 40 маршрутов в Обь-Иртышском бассейне. Среди них наиболее прибыльными были те, которые соединяли разные регионы Западной Сибири. Так, на маршруте Тобольск-Бийск остановки делались на пристанях следующих пунктов: Демьянское, Самарово, Сургут, Нарым, Устье-Томи, Ново-Николаевск, Камень, Барнаул. В остальных населённых пунктах по пути следования судно могло высадить пассажиров или разгрузить товар, на обратном пути, как правило, забирать груз²⁵⁷. Суда компании двигались в соответствии с «правильным расписанием», которое разрешало отход раньше срока на 30 минут на малых пристанях, а по основным пристаням всё оговаривалось в расписании²⁵⁸. Так, для компании из четырёх важнейших направлений движения речных судов два было связано с прохождением через станции Обского Севера: между Тюменью, Тобольском и Томском; между Томском и Семипалатинском через Тюмень.

Рейс Берёзов-Обдорск первоначально совершался на каюках или дощаниках, но с появлением парового флота перешёл на более крупные суда двух типов: пароходы, связанные договором земской гоньбы, и пароходы рыбопромышленников. Но даже для начала XX в. характерно движение на каюках и лодках из-за небольшого числа пассажиров. Между Берёзовом и Обдорском было 12 промежуточных станций, расположенных по рекам Большой Оби, Малой Оби, Сосьве и Полуй. Общая протяжённость водного маршрута 393 версты, помимо самих рек путь проходил 49 вёрст по протокам: Кушеватской, Большой Харпос, Малый и Большой Махтылев²⁵⁹.

Помимо прямых маршрутов ежегодно появились договорные или заказные рейсы. Суда, арендованные для служебных целей, чаще всего для исследования речной системы по маршрутам Ирбит-Тюмень-Тобольск-Самарово и Обдорск-Берёзов. Помимо этого, были заказные рейсы, которые точно не определены, а обозначены как маршрут по бассейну реки Оби, маршрут Обь и её притоки, Обь-Иртыш-Тавда-Сосьва. Хотя на осуществление подобных рейсов также нужно было получить разрешение местных властей. Маршруты движения по притоку Иртыша — Конде известны были давно, так как это самый доступный путь сообщения с прибрежными поселениями. Кроме того, река была судоходной, а глубина от 12 аршин до 6 сажений, шириной до 5 сажений²⁶⁰. При этом длина течения Конды составляла около 900 вёрст и только 560 — прямые. Возможно, поэтому от села Демьянское до села Болчарское существовала летняя тропа, которая проходила через болота и лесные массивы. Река имела множество притоков, которые выходили за пределы Обского Севера. Так, из села Кондинское (Берёзовский уезд) водным путём можно было добраться до реки Супру (Туринский уезд). Конда судоходна на протяжении 670 вёрст, что позволяло передвигаться по ней как на парусных судах, так и пароходах. В 1896 г. продовольствие на реку Конду доставил пароход «Доброжелатель» (арендованный А. А. Сыромятниковым у Обрубова, в последующие годы сюда же приходили буксирные суда «Три Святителя» (В. Я. Смороденникова), «Александр» (П. Я. Смороденникова) и паровой катер «Коля» (Ширинкина).

²⁵⁷ Путеводитель по Иртышу и Оби. Петроград, 1915. С. 50.

²⁵⁸ Правила перевозки пассажиров Товариществом Западно-сибирского пароходства и торговли // Путеводитель по Иртышу и Оби. Петроград, 1915. С. 50–52

²⁵⁹ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1996. Т. 2. С. 211–213.

²⁶⁰ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1996. Т. 2. С. 316–317.

В начале XX в. судно «Доброжелатель» (А. А. Сыромятников) доставило в село Нахрачинское продовольствие, через год пароход «Подарок» (Андреев) впервые прибыл в село Болчарово, а пароход «Берёзовец» («М. Плотников и С-я» по договору с казной стал доставлять ежегодно продовольствие в село Леушинское. С 1904 г. стал осуществляться постоянный рейс Тобольск — село Болчарское протяженностью 705 вёрст. Пароход выходил из Тобольска примерно 14 июня и прибывал на конечную станцию 21 июня, но по маршруту следования на промежуточных пристанях осуществлялась выгрузка заказного товара. В обратный рейс судно выходило около 23 июня, и процесс повторялся: забиралась продукция промыслов.

Река для Обского Севера считалась центром всей жизнедеятельности: во многие поселения региона летом можно было добраться только по реке. Так, единственным средством сообщения для Сургута оставалась река, хотя пристань расположилась за пять вёрст в Белом Яру из-за особенностей весеннего половодья. Здесь сосредотачивалась вся торговая жизнь города летом: разгружались баржи с продовольствием, складировались дрова для пароходов, собиралась продукция рыболовства и охоты для отправки и т. д.²⁶¹. В селе Самарово не было постоянного сухопутного тракта из-за подъёма воды в реке, поэтому оставалась — река²⁶². Для организации внутренних рейсов местные власти арендовали суда у речных компаний. Для организации земского сообщения в Берёзовском уезде было арендовано судно для обслуживания Оби, Сосьвы, Ляпина и других речек. Пароход в среднем двигался со скоростью 15 вёрст в час и был манёвренным, что позволяло отправлять его в рейс по Хаманельской и Надымской Оби. Порядок следования и, соответственно, расписание устанавливал местный исправник, который и утверждал окончательное расписание движения земского судна²⁶³.

Движение арендованного парохода для исполнения земской гоньбы начиналось с рейса Берёзово-Самарово, а затем по установленному расписанию. В среднем за навигацию пароход совершал до 18 рейсов по направлению туда и обратно, т. е. каждая поездка длилась от 3 до 6 дней.

Таблица № 3.27

Расписание движения арендованного парохода для выполнения земской гоньбы в Берёзовском уезде на 1910 г.²⁶⁴

	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Всего рейсов
Самарово	2	1	2	1	6
Ляпино	1	1	2	1	5
Полноват	1	–	–	1	2
Обдорск	2	1	1	1	5
Итого	6	3	5	4	18

²⁶¹ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 69.

²⁶² Лопарев Х. Самарово. Тюмень, 1997. С. 60.

²⁶³ ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 152. Оп. 40. Д. 299. Л. 1–2 об., 4 об., 5 об., 6 об.

²⁶⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 152. Оп. 40. Д. 299. Л. 21.

Последний рейс завершался в селе Самарово с приходом пароходов по маршруту Томск-Тобольск²⁶⁵. Отметим, что подобное действие властей регулировалось Уставом о земской повинности.

Традиционными средствами передвижения с начала XIX в. для Обского Севера оставались лодки, обласы, каюки — летом. Для движения между селениями по рекам летом использовали небольшие лодки-однодеревки (осиновки и кедровки) или неводники. Они, как правило, выдалбливались из ствола дерева с расчётом на перевозку одного или нескольких человек. Без таких лодок невозможно было передвигаться по речкам с небольшой глубиной или между селениями при наличии волока. Добравшись до волока, гребец вытаскивал лодку и тащил её иногда по несколько вёрст. Путь от Сургута до реки Лимпас проходил по рекам Черной, Мугол-Лар-еган, Колон-еган, десяти озёрам (Луп-Пуром-Лар, Сиглар, Сигдан-Лар, Ванчих-Лар, Варен-Лар, Вач-Лар, Мек-Лар, Кун-Лар, Кантре-Лар), лесной тундре и по болотам. По просёлочной дороге в 100 вёрст можно было добраться от реки Юган до реки Салым за 20 часов, но около 60 вёрст проходили по чистым болотам или болотам с лесом. Остальную часть пути передвигались по реке Демьянке с шириной при большой воде до 30 саженей, дальше можно было двигаться по речке Кеуме (ширина 16,5 саженей и глубина до 2 аршин), так как по обеим сторонам были болота. Иностранцы Ларломкиных юрт по другому притоку Демьянки — реке Ютюмис добирались на лодках 50 вёрст до рыбных песков²⁶⁶. Также с Демьянки можно по реке Тыгис попасть на ещё 30 рыбных песков. Жители населённых пунктов по протокам Большой Норьюх, Устрем и речкам Куноватской, Лангивожской, Хаш-Горш-Юган добирались летом до Обдорска только по воде. По берегам реки Куноватской располагалось 15 населённых пунктов, население которых из-за близости реки занималось рыбной ловлей как летом, так и частично зимой. Летом промысловики из разных поселений Обского Севера по рекам отправлялись на рыбный промысел на Юганскую Обь и Тром-Юган. Так, в поселения Берёзовского и Обдорского округов можно было попасть летом на почтовых, земских и частных лодках²⁶⁷.

Обский Север обслуживало несколько речных компаний, среди которых можно выделить «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли», Торговые Дома тобольских предпринимателей Плотниковых и Корниловых. Эти три корпорации получали от грузовых и пассажирских перевозок на севере Тобольской губернии до 70% прибыли. Компания «Корнилова И. Н. Н-ки» занималась поставками зерновых, хлебных товаров, крупчатки для местного населения и рыболовных артелей. Помимо этого владелица пароходства Ф. В. Корнилова организовала рыбный промысел в нижнем течении Оби²⁶⁸. Торговый Дом «Плотников и С-я» стал создателем рыбоперерабатывающего производства на Обском Севере, организовав добычу крупных партий рыбы на плёсах Берёзовского уезда²⁶⁹. В 1903 г. отмечалось, что три речных компании Тобольской губернии вывозили на своих судах более 300 тысяч пудов рыбы и рыбопродуктов, поэтому они сократили объёмы перевозок чужого груза и пассажиров. В 1892 г. тюменский предприниматель и участник экспедиции на Обский Север Андреев возвращался на пароходе компании Плотниковых, который тянул три большие баржи

²⁶⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 152. Оп. 40. Д. 299. Л. 21.

²⁶⁶ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1996. Т. 1. С. 174–175.

²⁶⁷ Заметки и воспоминания В. М. Флоринского // Русская старина. 1906. Кн. VI. С. 130.

²⁶⁸ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1996. Т. 1. Приложение 1.

²⁶⁹ Речной флот Азиатской России. СПб., 1895. С. 9–11; Сибирская Торговая Газета. 1900. № 179.

с грузовыми отделениями²⁷⁰. Будущий ректор Томского университета следовал из Тюмени до Томска на пароходе «Рейтерн» компании «Курбатов-Игнатов». Он обратил внимание, что судовая команда на пристанях загружала дрова. В Самарово обслуживающий персонал парохода готовил еду на костре на берегу. По маршруту следования Флоринский увидел множество лодок,двигающихся своими маршрутами. Почтовая обская лодка напоминала большой теремок в середине с флажком и колокольчиком. На таких лодках местные чиновники добирались от Самарово до Сургута, до Берёзова, до Обдорска из-за редких регулярных рейсов. На лодке был рулевой и два гребца, которые сменялись на станциях²⁷¹.

С появлением в Обь-Иртышском бассейне казённых судов чиновники передвигались на них, хотя ходили они нечасто. Для решения проблемы Тобольский губернатор предложил увеличить количество регулярных рейсов от Обдорска на 200 вёрст в местечко Хэ до 6 в навигацию с обязательной остановкой во всех населённых пунктах по пути следования²⁷². Это стало выгодным для небольших компаний, например, товарищество «Голев-Лебедев» владело двумя буксирными и одним буксирно-пассажирским судном и стало осуществлять рейсы по реке Конде. Но численность проживающего населения была небольшой, поэтому регулярные рейсы на мощных паровых судах пришлось заменить на рейсы на больших каюках и паузках в некоторые поселения²⁷³. Компания «Новицкий И. С. Н-ки», владеющая рыбным промыс-

Рис. 3.37. Пристань у Берёзова. Фото А. И. Галкина (Фонды МПЧ, 1906–1909 гг.)

²⁷⁰ Подревский Н. Поездка на Северный Урал летом 1892 г. М., 1895. С. 150–152, 164, 176.

²⁷¹ Заметки и воспоминания В. М. Флоринского // Русская старина. 1906. Кн. VI. С. 130.

²⁷² Труды совещания в 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск, 1907. Т. 2. С. 5–6.

²⁷³ Дмитриев-Садовский Г. М. С реки Ваха Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1911. Выпуск 19. С. 10–15.

лом, для перевозки своего улова использовала собственное буксирное судно, которое брало для перевозки товар и на небольшие расстояния.

Таким образом, экономическое развитие Западной Сибири в XIX — начале XX вв. способствовало втягиванию северных территорий в товарно-денежные отношения. Политика, направленная на создание единой транспортной системы, активизировала переселенческие процессы в удалённые регионы. Водные ресурсы Обского Севера позволяли организовать транспортировку по водным пространствам как грузов, так и пассажиров. Практически все речные компании Тобольской губернии и несколько Томской губернии организовывали движение паровых и непаровых судов по рекам Обь-Иртышского бассейна. Стали оформляться постоянные речные маршруты с установленным расписанием, которое полностью отражало развитие судоходства в регионе.

Но отсутствие единой системы контроля, управления приводило к тому, что эксплуатация парового транспорта происходила с нарушениями. Это приводило к различным проблемам. Из-за отсутствия метеорологических наблюдений судно «Ермак» вынуждено было остаться на зимовку вблизи Сургута, пароход «Основа» — в 200 вёрстах от Томска, три парохода товарищества «Курбатова и Игнатова» замёрзли в безлюдной местности, а пассажиров приходилось вывозить гужевым транспортом после открытия зимника. В 1862 г. из-за раннего ледостава все суда в Обдорске остались там зимовать, за исключением одного паузка. Пароход «Бельченко» простоял из-за не полностью ушедшего льда от Самарово до деревни Зенковой девять суток²⁷⁴. Потери от подобных случаев были значительными и становились нередко причиной разорения предпринимателей, поэтому в регионе установились правила движения: суда из Тюмени до Томска отправлялись до 15 сентября, а обратно до 20 сентября.

Помимо этого, по всем речным маршрутам создавалась соответствующая инфраструктура: оборудованные пристани появились в Самарово, Обдорске, Берёзове, Сургуте (Белый Яр) и т. д.²⁷⁵. Составлялось расписание с указанием времени отправления и прибытия, условий поездки, правил поведения на пароходах и т. д.²⁷⁶. Но в течение длительного периода главной проблемой для передвижения по рекам Обского Севера оставалось отсутствие сообщения с Тобольском и Томском. После создания Томского водного округа вся речная система попала под общее управление. Стали проводиться мероприятия по восстановлению судоходства рек, изучаться условия для движения тех или иных типов судов, были установлены маркировочные знаки как на берегу, так и на реке по ходу движения судов и т. д.²⁷⁷. Но предприниматели и исполнительная власть были заинтересованы скорее в развитии и совершенствовании межрегиональных рейсов, которые обеспечивали большой доход. В то время, как для Обского Севера было важным не только вывоз продукции промыслов, но и налаживание регулярного движения между населёнными пунктами. Однако малочисленность населения не позволяла открывать новые маршруты из-за их нерентабельности.

С появлением железнодорожного сообщения Обь-Иртышский бассейн стал частью большой транспортной системы Сибири, включающей Пермь-Тюменскую железную дорогу и сухопутные тракты.

²⁷⁴ Бельский И. М. Очерк водяных путей сообщения Сибири. СПб., 1893. С. 62.

²⁷⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп.47. Д. 78. Л. 20.

²⁷⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп.47. Д. 78. Л. 198.

²⁷⁷ ГАТО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 312. Л. 37–45.

3. Проекты развития транспортных путей во второй четверти XIX – начале XX вв.

Развитие транспортных коммуникаций являлось основополагающим фактором для развития экономики любой страны. В XIX в. началось хозяйственное освоение удалённых территорий и включение их в единую экономическую систему Российской империи, но ограниченность коммуникаций тормозила этот процесс. Поэтому первостепенной задачей для Обского Севера было расширение транспортных возможностей, а также ускорение грузовых и пассажирских перевозок. Большой интерес к развитию транспортных коммуникаций проявляли общественные организации: «Общество для содействия русской торговли и промышленности» во второй половине XIX в. организовывало экспедиции по исследованию территорий для осуществления транспортных проектов. В этот процесс активно включались представители исполнительной власти, торгово-промышленного сектора и местной интеллигенции²⁷⁸. Наибольшая активность сибирского предпринимательства приходилась на период, когда население стало втягиваться в товарно-денежные отношения, проходила модернизация промышленного и сельскохозяйственного производства, но ещё не использовались железнодорожные магистрали²⁷⁹. Появилось множество транспортных проектов, которые учитывали уже существующую систему коммуникаций, а также пути, которыми пользовалось местное население. Так, транспортные проекты, связанные с Обским Севером по значимости для региона, группируются по их значению для региона.

Первая группа идей по развитию путей сообщения была представлена проектами, имеющих скорее значение для улучшения экономической ситуации на Обском Севере. Одним из аргументов для их появления было увеличение товаропотоков, например, за пять лет из Берёзовского округа было вывезено 669750 пудов рыбы, 900 — икры, 100 — клею и 30 вязиги. Но товар в европейскую часть России отправлялся сложным путём: сначала товар доставлялся в Тобольск или Тюмень по рекам, а затем на санях по сухопутным трактам или водным путём далее²⁸⁰. Себестоимость вывозимой продукции за счёт транспортных затрат увеличивалась в несколько раз. Организация промышленного производства на местах и развитие парового транспорта усложнило задачу, так как большая часть сырья теперь перерабатывалась в готовую продукцию. По мнению рыбопромышленников, дешевле было бы вывозить продукцию через Урал, для чего предлагалось соединить водным каналом или постоянными сухопутными трактами районы Обского Севера и Печорского края. Иркутский купец Сибиряков предлагал организовать движение хотя бы через Щугорский или Сосьвинский волок. При этом жители Ляпина по зимнику через Щугорский перевал ежегодно отправляли рыбу и олени шкуры²⁸¹. Эта идея была поддержана «Обществом для содействия русской торговле и промышленности», которое снарядило экспедицию И. С. Полякова. Экспедиция также должна была определить условия для организации водного и сухопутного пути из

²⁷⁸ Пирожников Г. А. Записки уездного исправника. Сургут, 2002. С. 55–62.

²⁷⁹ ГАНУ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 427. Л. 25; Носова Е. А. Северный морской путь в планах сибирского купечества (вторая половина XIX века) // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX — первой трети XX вв. Томск, 1994. С. 63–67.

²⁸⁰ Тобольские губернские ведомости. 1857. № 28 от 2 ноября С. 2068.

²⁸¹ Пирожников Г. А. Записки уездного исправника. Сургут, 2002. С. 53–54.

Рис. 3.38. Книга П. И. Крузенштерна

Байдарацкой губы на реку Обь через перешеек полуострова Ямал. Результатом экспедиции Н.К. Ходажевского (1879) стало составление подробной карты движения от Сургута до Обской губы. В ходе поездки в бассейн Конды и Салыма Б.Н. Городков сделал подробное описание условий судоходства по реке Конде, а также сделал маршрутную съёмку реки Щучьей²⁸². Специальную экспедицию к берегам Карского моря финансировали предприниматели Кузнецовы с целью составить точную карту с описанием восточного склона Урала, реки Кары, Югорского Шара и участка до Байдарацкой губы²⁸³. Но предложенные варианты транспортных коммуникаций так и не были реализованы по разным причинам, хотя через территорию Северного Урала в Архангельскую губернии шли оленьи тропы, по которым доставляли товары с Обдорской ярмарки частные лица.

Развитие парового транспорта на Обском Севере положительно сказалось на увеличении товаропотока, но появилась новая проблема: отсутствие связи с узловыми пристанями Обь-Иртышского водного бассейна. Так появился проект проведения телеграфной линии вдоль нового сухопутного тракта Самарово-Тобольск. В обсуждении этого проекта в Самарово приня-

ли участие губернатор Н. Г. Казнаков и представители местной власти, речных компаний и торгово-промысловых слоёв. Но так как подобный проект предусматривал строительство просёлочной дороги, начался сбор средств²⁸⁴. Протяжённость данного маршрута в 458 вёрст предусматривала прохождение через 48 населённых пунктов. Фактически сухопутный тракт прошел бы вдоль или вблизи от речного маршрута Тобольск — Демьянское село — село Самаровское.

В первом проекте сухопутной дороги между Тобольском и Самарово учитывалось, что местные жители давно ездили по «самаровским гривам», так как эти возвышенности не затапливались в период половодья, овраги и лога можно объехать по просёлочным дорогам,

²⁸² Городков Б. Н. Поездка в Салымский край. Тобольск, 1913. С. 24, 30–35.

²⁸³ Пирожников Г. А. Записки уездного исправника. Сургут, 2002. С. 59.

²⁸⁴ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 118., 133; Хондажеский Н.К. О пароходстве в Обской губе и морской торговле Западной Сибири с Европой в 1878–1879 гг. // Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. Омск, 1880. Т. 2. С. 16.

а вот для переправы через реки нужно было построить мосты. Кроме того, вдоль маршрута Тобольск-Самарово в удалении от реки на 30–40 вёрст существовали просёлочные дороги, а в нескольких населённых пунктах по Иртышу использовалась паромная переправа в качестве земской гоньбы. Большое количество населённых пунктов вдоль предполагаемого тракта, по мнению губернского топографа Н.К. Хондажевского, обеспечит строительство рабочими руками²⁸⁵. Уездные власти предложили дорожную повинность для крестьян Самаровской, Юровской, Денщиковской и Демьянской волостей — участием в строительстве дорожного или ремонте старых дорог²⁸⁶. Но в соответствии с Уставом Путей Сообщения можно было бы заменить работы на денежные взносы²⁸⁷.

После многочисленных обсуждений было принято окончательное решение, что часть сухопутной дороги можно провести через «Сомовы гривы», которые издавна использовали крестьяне в период разлива рек. Участок дороги от Самарово до Реполовских юрт должен пройти по правому берегу реки, а вместо переправы на левый берег реки Иртыша нужно построить мост, что позволило бы выселками добраться до села Романовского. Удобством было то, что данная местность исследована, а вдоль реки расположены населённые пункты. В проект вошли фактически готовые участки: конная дорога от Увата до деревни Тагинская по левому берегу реки, просёлочная дорога вблизи села Демьянского, где располагались пристань и почтовая станция²⁸⁸. В 1880 г. обсуждался участок дороги от Самарово до села Филинского, который располагался в болотистой местности с большим количеством разливающихся в весенний период ручейков и речек. Было предложено вместо моста через реку Боровка организовать перетяжку, так как вода здесь быстро уходит. Между селом Реполовским и деревней Оленевой было 11 речек. Поэтому придется построить 2 моста, перетяжки и организовать несколько мобильных переправ²⁸⁹.

Местная общественность, заинтересованная в реализации данного проекта, инициировала проведение новой экспедиции для изучения оставшейся части маршрута Тобольск-Самарово. Для экспедиции использовались пароходы речных компаний «М. Плотников и С-я» и «И. Н. Корнилова Н-ки», частичное финансирование осуществлялось за счёт Торгового Дома «Братья Смороденниковы». Так как экспедиция передвигалась на пароходах, для исследования сложных мест приходилось пересаживаться в лодки, привлекая местных жителей. В результате экспедиция выделила серьёзные проблемы данного проекта: участок между деревнями Кривцовой и Власовой затапливался практически ежегодно; использовать Иртышскую гору для прокладки тракта возможно будет после удаления мха и валежника, придётся установить спуски и подъёмы; между деревнями Зоркальцевой и Гашиловой нужно будет построить несколько мостов из-за особенностей ландшафта. Вторая экспедиция 1881 г. должна была изучить имеющиеся просёлочные дороги по маршруту Демьянское село — Самаровское село — Демьянское село, но начиналось половодье, поэтому она вернулась обратно.

Общая смета на строительство дорожного полотна сухопутного тракта Тобольск-Самарово составляла 182890 руб. 43 коп., на возведение мостов, организацию перетяжек предполага-

²⁸⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 47. Д. 78. Л. 69, 72, 74.

²⁸⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 47. Д. 78. Л. 75–75 об., 88 об.

²⁸⁷ Гусев А. Н. Устав путей сообщения. Харьков, 1890. С. 16–21.

²⁸⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 47. Д. 78. Л. 39–42, 58, 80, 59.

²⁸⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 47. Д. 78. Л. 192.

Рис. 3.39. Летний гужевой транспорт (Открытка начала XX в.)

лось потратить 47495 руб. Воспользоваться имеющими просёлочными дорогами проектом предусматривалось, но на протяжении 97 вёрст, т. е. практически 80% пришлось бы на новое строительство. По словам Н. Х. Бунге, так как это просёлочная и колёсная дорога местного значения, то строиться она не может за счёт казны²⁹⁰. Хотя обсуждение проекта продолжалось до 1890-х гг., была запущена подписка для пожертвования на строительство сухопутного тракта. В сборе средств принимали участие все категории населения, на 1888 г. было собрано 13725 руб. Помимо этого командование Тобольского резервного пехотного полка предложило Тобольскому губернатору командировать часть военной команды на проведение исследовательской работы, а в дальнейшем и на строительство.

В 1890 г. коллежский асессор Лыткин внёс некоторые изменения в проект сухопутного тракта для его удешевления. Участок от Самарово до Репаловского села в годы обсуждения проекта затапливался, а уровень воды поднимался до 3 аршин²⁹¹. Кроме того, между этими населёнными пунктами располагались лесные массивы, в том числе кедровник, вырубка которого запрещена законом. Поэтому было предложено перенести дорогу на Иртышскую гору или провести по берегу Горной протоки, а далее от Федькина лога до Зыбалового мыса, но здесь перетяжки пришлось бы организовать как через реки, так и через овраги. Выгодность этого варианта в том, что за Широким логом начинался зимний путь на Сургут. Дорога от Реполовского до Демьянки должна была на протяжении 185 вёрст проходить по каменным возвышенностям, что исключило затопление, но требовало устройства гатей, мостов

²⁹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 47. Д. 78. Л. 273, 295–297 об., 301.

²⁹¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 47. Д. 78. Л. 379, 384.

и перетяжек. При этом в записке указывалось, что строительство конной дороги по тому же маршруту Самарово-Тобольск ненамного дороже строительства просёлочной²⁹². В 1891 г. начались подготовительные работы по строительству просёлочной дороги, и даже были прорублены просеки до Самарова, но дорога даже до Демьянки не была построена. Местные жители по-прежнему пользовались известными им просёлочными дорогами, зимником и речными путями. Также появился проект по улучшению судоходности рек по маршруту Самарово-Томск, который предусматривал и проведение телеграфной линии.

Вхождение сибирских территорий в экономическую систему Российского государства предполагало развитие транспортных коммуникаций как между соседними, так и дальними регионами страны, а также улучшение движения по имеющимся уже маршрутам. Самым масштабным проектом в этой группе стало сооружение Обь-Енисейского водного канала, который соединил две сибирские реки Обь и Енисей. Хотя идея строительства канала обсуждалась ещё с конца XVIII в., но частично была осуществлена только через сто лет. В 1878 г. научная экспедиция, инициированная енисейским купцом П. Е. Фунтосовым и иркутским купцом А. М. Сибиряковым должна была изучить возможности соединения Обь и Енисей и улучшения речного движения в Восточной Сибири. По этому проекту предполагалось, что канал будет иметь длину 22 версты и ширину 3,5 сажени, будут возведены 14 шлюзов.

В 1883 г. начались подготовительные работы, а затем приступили к рытью канала между Большим озером и рекой Малая Кас и возведению двух шлюзов. Вскоре первоначальный вариант проекта Министерство путей сообщения упростило, теперь канал предусматривался в длину 10 вёрст и ширину 3 саж., что позволяло бы по весенней воде проходить судам с грузоподъёмностью до 5 тыс. пудов, а в летний период — до 500 пудов. Всего на Обь-Енисейском канале было построено 3 шлюза, 10 плотин 2 водоспуска, проведено углубление и выпрямление фарватеров для маломерных судов²⁹³. Так, на строительство Обь-Енисейского речного канала было потрачено 4 млн руб.

Проект соединения бассейнов рек Обь и Енисей частично был реализован, включал в себя соединение реки Енисей с Обью, состоящей из притока Енисей — Большого Кас и его притока Малого Кас, от верховья последнего был прорыт канал через водораздел к озеру Большому, далее следовали реки Обского бассейна — Язевая, впадающая в Большое озеро, Ломовая и Озерная, впадающая в приток Оби — Кеть. Короткие шлюзы не соответствовали конструкции современных больших паровых судов, ходивших по Оби и Енисею. Обь-Енисейский канал заменил 1500 гужевого пути водным между Томском и Иркутском. Но учитывая судоходные возможности Обь-Енисейского канала, грузы приходилось дважды перегружать, со стороны реки Енисей — весной у устья реки Малый Кас, летом у устья реки Большой Кас; со стороны реки Кети — весной у устья реки Ломовой, летом у устья реки Озерная. Причём суда, идущие от Енисей до Кети, должны быть маломерными с грузом до 5 тыс. пудов. Соответственно для эксплуатации канала нужно было завести специальную флотилию маломерных судов, которые бы только его обслуживали. Поэтому с 1893 г. движение по каналу ограничилось ежегодным провозом лишь незначительного количества разных частных и казённых грузов.

²⁹² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 47. Д. 78. Л. 384, 385–387.

²⁹³ Житков С. М. Исторический обзор устройства и содержания водных путей и портов в России за столетний период 1798–1899 гг. СПб., 1900. С. 183–184.

Рис. 3.40. Схема Обь-Енисейского водного канала

В 1906 г. рентабельность Обь-Енисейского канала обсуждалась в правительстве. Выяснилось, что если канал не реконструировать, то через 10–15 лет он прекратил бы своё существование. На осуществление нереализованного ранее проекта теперь нужно было более 12 млн.²⁹⁴ При этом требовалось решить ещё несколько проблем: провести подъездные пути дороги к каналу, волок между Енисеем и Чулымом расширить, чтобы можно увеличить товаропоток в западном направлении. По новому проекту Обь-Енисейский канал нужно было увеличить в длину до 40 вёрст и шириной 7,5 сажей, построить ещё 14 шлюзов и 2 плотины²⁹⁵. Интерес к Обь-Енисейскому каналу появился в начале XX в. не случайно, а в связи с обсуждением появления проекта Сибирского транзитного водного пути из Восточной Сибири до Урала, а также из Восточной и Западной Сибири — к Кяхте. Первая часть проекта предусматривала систематизацию водных путей протяжённостью в 16 тыс. вёрст и включала маломощный Обь-Енисейский водный канал. На всем протяжении этого маршрута старый канал был единственным, который допускал прохождение большегрузных речных судов²⁹⁶. Проект предусматривал введение принципа порто-франков для Иркутского порта, улучшение судоходных свойств реки Ангары, а также строительство вдоль водного пути сухопутного тракта от реки Томи до реки Енисей²⁹⁷. На осуществление проекта предусматривалось привлечение помимо казённых средств капитала частных лиц, а также участие регионов, например, Тобольский, Енисейский и Иркутский губернаторы готовы были выделить около 1180903 руб.

С Обского Севера часть сельскохозяйственной продукции, продукции местных промыслов (пушнины, рыбы), как было указано, вывозилась по коммуникациям через Урал на Печору²⁹⁸. Иркутский купец Сибиряков, отойдя от дел, стал активным популяризатором различных транспортных проектов, например, Северного морского пути как варианта доставки товара на европейский рынок. Так как это был большой проект, то для его осуществления требовалось решение промежуточных задач, которые имели местное региональное значение. Промежуточными можно считать проекты по соединению путями сообщения Европейского и Обского Севера. С этой целью проводились многочисленные экспедиции по изучению возможных маршрутов движения через Обский Север с учётом экономических возможностей. В 1881 г. Сибиряков предложил проложить постоянные пути сообщения по известным среди местных жителей оленьим тропам, а затем обратил внимание на возможности комбинировать речное и сухопутное движение в Обском и Печорском бассейнах²⁹⁹.

Так, появились проекты двух трактов: первый, протяжённостью 170 вёрст, должен был пройти по северу от села Ляпино до реки Печоры; второй, протяжённостью в 120 вёрст, по южной части Илыч-Сосьвинского участка. Ляпино-Печорская дорога начиналась от реки Ляпина, до Байдарацкой губы использовалась инородцами для посещения ярмарок Обско-

²⁹⁴ Труды совещания в 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск, 1907. Т. 1. С. 57; Восротин С. Обь-Енисейский канал // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 4–5.

²⁹⁵ Труды совещания в 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск, 1907. Т. 1. С. 92.

²⁹⁶ Труды совещания в 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск, 1907. Т. 1. С. 95.

²⁹⁷ Труды совещания в 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск, 1907. Т. 2. С. 258.

²⁹⁸ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1900 год. Томск, 1900. С. 162.

²⁹⁹ Описание плавания парохода «Оскар Диксон» к устьям Оби и Енисея в 1880 году // Известия Императорского общества содействия русскому торговому мореходству. 1881. Вып. X. С. 14, 22; Сибиряков А. М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях с другими странами. СПб., 1907. С. 96, 112–116.

Рис. 3.41. Строительство Обь-Енисейского канала

го Севера, а также во время кочевания и переселения. В 1886 г. было получено разрешение на строительство обоих трактов, для первого тракта ширина грунтовой части определялась в 3 сажени, второго — в 6 саженей. Для участия в дорожных работах Сибиряковым привлекалось местное население, которое получило право бесплатно пользоваться срубленным лесом. Так как тракты проходили в удалении от населённых пунктов, предприниматель предложил властям способствовать их заселению, а он готов был материально помогать переселенцам. После строительства оба тракта в основном эксплуатировались в зимний период. Помимо этого иркутский купец 1890-е гг. пытался организовать отправку сельскохозяйственной продукции по речному маршруту Ляпино-Печора.

Еще один интересный проект был предложен в начале XX в., и его можно считать продолжением идеи Сибирякова. В Архангельске обсуждался проект В. Н. Вольтмана о строительстве Восточно-Урало-Беломорской железной дороги с проведением ветки к реке Оби и к реке Каме. Более реальным, по мнению Архангельской городской думы, был проект по соединению бассейнов Северной Двины и Печоры с притоками реки Обь. Водный канал мог стать основным маршрутом для вывоза сельскохозяйственной продукции из Сибири, что способствовало бы увеличению объёмов производства. Кроме того, железнодорожные тарифы на Транссибе довольно высокие, две полосы железной дороги не справлялись с возрастающим грузопотоком, а предприниматели искали варианты сокращения транспортных расходов. Вывоз через Архангельский порт также обеспечивал бы бесперебойный транзит продукции на Лондонском рынке, так как порты Балтийского моря могли быть закрыты в случае войны. При этом вариант вывоза продукции через устье Енисея, Оби и даже Печоры невозможен, так как примерно 10 месяцев эти проходы покрыты льдом, а вывоз по Волге разорил бы производителя³⁰⁰. В то время вывоз сибирского сырья по Оби, Печоре и Северной Двине

³⁰⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 320. Л. 1.

через Архангельский порт позволил бы сибирскому производителю конкурировать с североамериканским поставщиком из-за небольших транспортных расходов. По мнению инженера Ч. Л. Мочульского, возможно строительство соединительного канала между притоком Оби — Сосьвы и Печоры — Илыча. Если потратить на строительство вместо запланированных 25–30 млн руб. около 40 млн то можно будет провозить из Сибири все грузы, находящиеся на расстоянии более 10 тыс. вёрст от порта. Так как канал может безостановочно работать 4–5 месяцев в году, а остальное время нужно для накопления груза будущего сезона. Пропускная способность шлюзов упрощённого варианта канала Сосьва-Илыч составляла 800–900 пудов в час, а эксплуатация более дорогого варианта обеспечивала бы транспортировку до 300 тыс. пудов в час, т. е. около 6 млн пудов груза в сутки³⁰¹.

В межведомственной комиссии Министерства Путей Сообщения в 1910-е гг. обсуждалось множество подобных проектов, но наиболее перспективными считались проекты Вологодского губернатора А. Н. Хвостова и инженера Н. П. Попова.

Таблица № 3.28

Проекты водных путей сообщения с участием Обского Севера

Автор	Речные системы	Канал	Регион
Вологодский губернатор А. Н. Хвостов	Северной Двины, Печоры с Обью	канал между северной частью Илыч-Сосьва	Европейский и Обский Север
инженер Н. П. Попов	Волжско-Камский водный бассейн с реками Западной Сибири	канал между Турой и Чусовой	Средняя полоса Западной Сибири

Проект А. Н. Хвостова направлен на развитие управляемой им территории, предусматривал участие продукции Сибири, вывозимой через Обский Север. Помимо этого, сам губернатор проехал по предполагаемому региону осуществления проекта на Европейском Севере. Особенностью было то, что автор использовал преимущества более ранних проектов. Немаловажным аргументом для автора было то, что «уже существует некоторое соединение Печорского края с Сибирью» по спроектированной Сибиряковым дороге³⁰². По поводу выбора реки Илыч как возможного начала будущего канала Хвостов отмечал, что Илыч имеет «тихое течение» и судоходен на всем протяжении. При этом для зимнего времени можно использовать болото, дающее начало «рекам Печорского бассейна и притокам Сосьвы, откуда можно добраться до Сосьвинской пристани Сибирякова». В продолжение развития данного проекта Хвостов обратился к существующему проекту о строительстве канала Чусовая-Сысерть для того, чтобы в будущем объединить Северную Двину, Обь и Волгу³⁰³.

³⁰¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 320. Л. 3–3 об.

³⁰² Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим водным путям в Сибири. СПб, 1909. С. 169.

³⁰³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 320. Л. 6 об.–7.

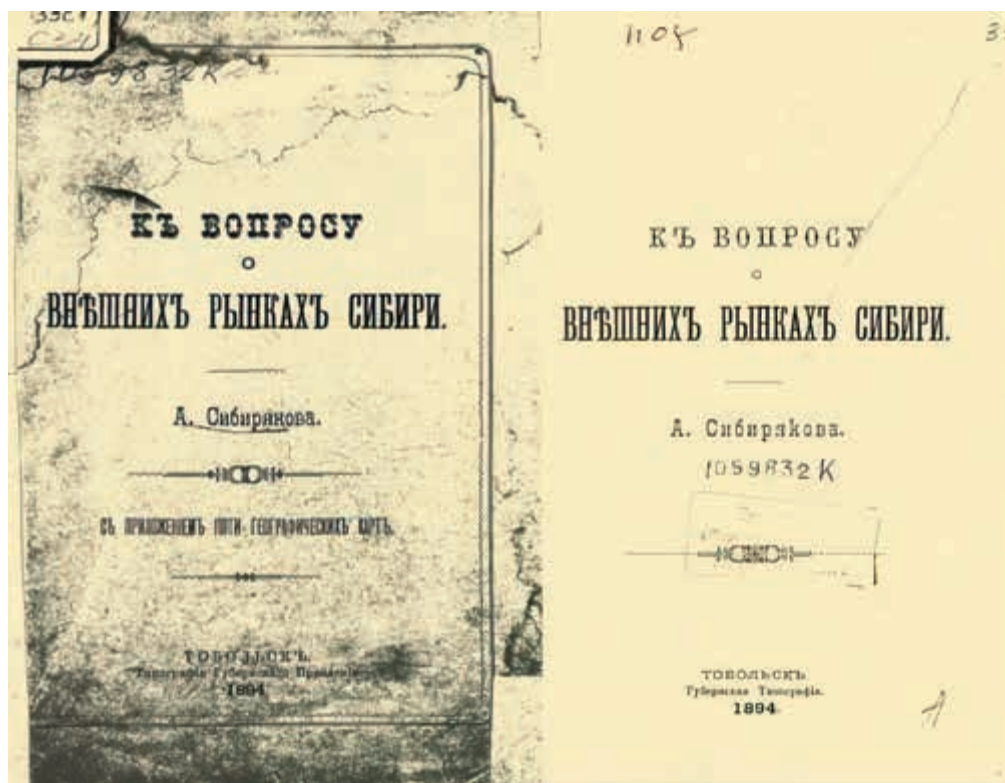

Рис. 3.42. Книга А. М. Сибирякова

Для XIX — начала XX вв. характерно появление проектов с участием различных видов транспорта: водного, сухопутного и железнодорожного. Так, в 1887 г. экспедиция А. Д. Голохвастова предложила строительство Обской железной дороги. Магистраль должна была пройти от нижнего течения Оби до Мединского залива, что позволило бы избежать плавания по Карскому морю со сложными условиями судоходства из-за льда. Правительство, поддержав идею, объявило концессию на строительство железной дороги, но желающих к 1897 г. не нашлось³⁰⁴. В начале XX в. появился проект Полярно-уральской железной дороги, которая соединила бы Северный Морской путь с Транссибирской железной дорогой. (П. Ф. фон Гетте). Проект предусматривал прокладку 368 вёрст железнодорожного полотна, строительство речных гаваней и большого морского порта на берегу Северного Ледовитого океана³⁰⁵. Железную дорогу пришлось бы проводить по болотистой местности, поэтому предусматривалось шлюзование местных рек, строительство мостов. Кроме того, автор проекта предложил, чтобы железная дорога прошла вблизи Обдорска³⁰⁶. Помимо таких грандиозных проектов были и проекты регионального значения. Так, А. А. Дунин-Горкавич рассматривал возможность строительства железной дороги Пермь-Самарово с выделением нескольких участков: Сосьво-Кушвинский и Невьянско-Тавдинский участки могли

³⁰⁴ Труды совещания в 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск, 1907. Т. 1. С. 54.

³⁰⁵ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 1. С. 273.

³⁰⁶ Пирожников Г. А. Записки уездного исправника. Сургут, 2002. С. 55.

бы сократить сухопутный тракт от села Шаимского до реки Сосьвы на 205 вёрст, от села Шаимского до села Пелымского — на 146 вёрст³⁰⁷. Проекты железных дорог инженеров Андрианова и Беера предусматривали соединить с Обским Севером более южные территории Тобольской губернии³⁰⁸. Многие проекты предусматривали улучшение движения по рекам Обь-Иртышского водного бассейна за счёт решения проблем с их судоходностью на весь период навигации.

Так, проектов по развитию транспортных коммуникаций с участием территории Обского Севера было много. Некоторые из них получали поддержку исполнительной власти на местах, представителей местной общественности. Но наиболее масштабными к началу XX в. становились проекты, предусматривающие сочетание всех видов транспортных коммуникаций, например, проект соединения Обского и Волжского водного бассейнов предполагал проведение к каналу ветки Уральской железной дороги³⁰⁹.

Самым важным проектом, который предполагал не только экономическое развитие региона, но и имел стратегическое значение, был проект по эксплуатации Северного морского пути. Развитие внешнеторговых связей с западными странами для Сибири возможно было водными путями: реки-моря-океаны. Вице-адмирал С. О. Макаров считал, что после появления у России ледоколов-пароходов можно организовать грузовое сообщение с Обью через Северный Ледовитый океан, по которому на европейские рынки можно доставлять лесные, рыбные, хлебные, животноводческие и горнопромышленные товары³¹⁰. Но север Российского государства всегда был привлекателен: в 1860 г. П. Крузенштерн на парусной шхуне Ермак прошел путь из Печоры в Карское море, через два года из Печоры планировал пройти в Енисей. Но вблизи Югорского Шара шхуна была затёрта льдами, поэтому команда на собачьих упряжках с полуострова Ямал добралась до Обдорска. В 1876 г. одна научная экспедиция на шхуне исследовала фарватеры Обской губы, вторая на пароходе планировала пройти от Тобольска до Любека³¹¹.

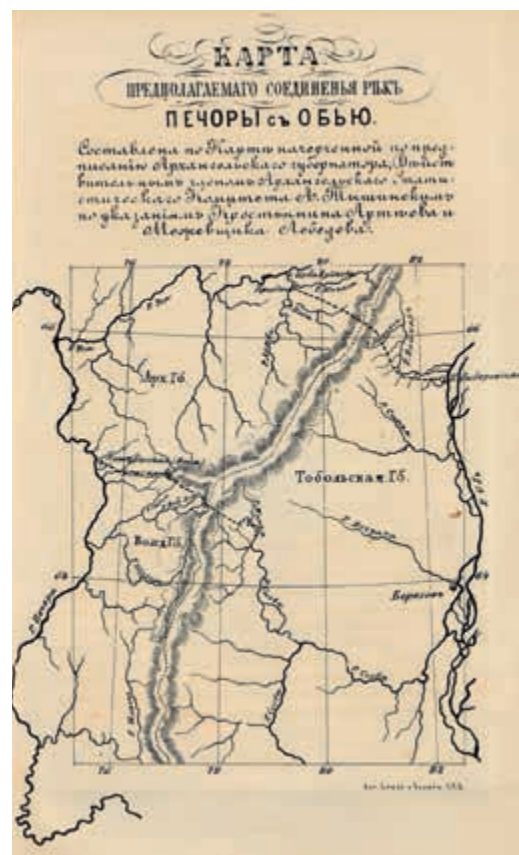

Рис. 3.43. Карта предполагаемого соединения рек Печоры с Обью. 1867 г. Источник: фонды РГО

³⁰⁷ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 1. С. 278–279; Дунин-Горкавич А. А. Кратчайший транзитный путь Обь-Кама // Русское судоходство. 1903. № 7. Июль.

³⁰⁸ Пирожников Г. А. Записки уездного исправника. Сургут, 2002. С. 54.

³⁰⁹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 150.

³¹⁰ Материалы по экономическому исследованию внутренних вод. СПб., 1912. Т. 1 С. 241.

³¹¹ Описание двух экспедиций в реку Обь, снаряженных гр. Камаровским, Трапезниковым, Сибиряковым, Сабашниковым и Чернядевым в 1876 и 77 годах. М., 1877.

Но более привлекательными были богатства Сибири, поэтому российские и иностранные предприниматели неоднократно пытались пройти Северным Морским путем: в 1874 г. английский парусник «Диана» дошел до Карского моря, парусное судно «Москва» двигалось по маршруту Тюмень-Обдорск-Тюмень; в 1876 г. Норденшельд на парусном судне дошел до устья Енисея; в 1877 г. в Обь вошло судно иркутского купца Трапезникова «Луиза» с грузом деревянного масла; в 1878 г. суда «Луиза» и «Сибирь» енисейских купцов появились на устье Оби, пароход «Луч» барнаульского купца М. Е. Функа доставил из Томска в Обскую губу 23,5 тыс. пудов сибирской пшеницы, которую обменял на 15 тыс. пудов импортных товаров гамбургского купца О. Барднинга на датском пароходе «Нептун»; в 1879 г. шхуны «Тюмень» и «Надежда» купца Трапезникова вошли в Тазовскую и Байдарацкую губу, но потерпели крушение и т. д.³¹² В 1892 г. Комитет по строительству Сибирской железной дороги доставил груз по Северному Морскому пути в Красноярск. Оба судна, «Лейтенант Овцын» и «Лейтенант Малыгин», благополучно добрались до устья Енисея.

Помимо непосредственных попыток сибирских предпринимателей пройти часть или весь Северный Морской путь, они обратились в Министерство Финансов с предложением ввести беспошлинный ввоз и вывоз товара Северным морским путем. Так как беспошлинный ввоз иностранного товара, минуя центральные рынки, вызвал сопротивление российского купечества, то было разрешено северным путем на российских судах купцу вывозить не более 10 пудов товара. Всего в 1905 г. для беспошлинной перевозки в устье Оби и Енисея было заявлено 1110 тыс. пудов товаров и ещё 40 тыс. пудов кирпичного чая, но доставили только 1,5% указанного объёма; в 1906 г. было выдано разрешений на льготный ввоз 1065,5 тыс. пудов, но этими разрешениями никто не воспользовался.

В проект Северного Морского пути включился иркутский купец Сибиряков, который занимался строительством сухопутных трактов через Урал, а также планировал провести тракт до Обского Шару. Для осуществления последнего проекта в июне 1882 г. в Обдорск через Берёзов прибыл доверенный Сибирякова — Пожемский. Из Обдорска караван из 600 оленей с нартами отправился к Обскому Шару, куда должен был прибыть пароход с 2 тыс. пудов груза. Продовольствие и строительный материал сухим путем Пожемскому надо было отправить через Обдорск вглубь Сибири³¹³. К осуществлению проекта присоединились предпринимательские компании Тобольской губернии. В 1897 г. из Англии в устье Оби было доставлено товара (чай, пиво, мебель, консервы, ружья, посуда, чугун, фабричные машины, медикаменты) общей стоимостью 1795362 руб., а судовладельцы Игнатов, Корнилов и Вардреппер привезли товара (пшеница, овес) на 1144560 руб.³¹⁴ Предпринимательские компании Тобольской губернии заключили договор с английской компанией «Фр. Лайборн-Поппам» на обмен товарами в устье Оби³¹⁵. Такой обмен оказался обоюдно выгодным для обеих сторон. Английская компания планировала помимо договора сама закупать товар на ярмарках Западной Сибири, а затем на арендованных судах доставлять в Обскую губу, где выгружался европейский товар, который на тех же судах доставлялся бы в Тюмень и Томск. Даже согласившись на уступки, местные предприниматели могли рассчитывать на прибыль: так до-

³¹² Памятная книжка Тобольской губернии и 1884 г. Тобольск, 1884. С. 151-152.

³¹³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 42. Дз. 10. Л. 1-1об.

³¹⁴ Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Издание губернского статистического комитета. Тобольск, 1898. С. 28.

³¹⁵ Селихов К. Обзор хлебной продукции в районе Западно-Сибирской железной дороги // Вестник финансов, торговли и промышленности 1898. Т. 2. № 21. С. 484.

ставка товара из Англии сухопутными путями до Тюмени обошлась бы в 21 руб. 75 коп. за пуд, а через Северный морской путь — 7 руб. 20 коп., что сокращало стоимость товара на 108% с пуда³¹⁶. Но уже в следующем году английский пароход «Stork» на обратном пути затонул у берегов Норвегии³¹⁷. В 1899 г. сибирские пароходовладельцы доставили в Находку пшеницы 160 тыс. пудов на пароходах «Иртыш» и «Рыбак» в обмен на 300 тыс. пудов заказанного европейского товара, но английские суда так и не появились³¹⁸.

В начале XX в. уже российские власти стали проявлять заинтересованность в использовании Северного Морского пути. Так, 22 судна из Балтийского моря прошли через Северный океан мимо Югорского шара в Карское море, благополучно дошли до устья Енисея. Это были большие морские суда с осадкой 22 фута, из которых 4 парохода, 2 паровых и 9 непаровых барж, они отправились инспектировать судоходность Енисея³¹⁹. После этого прохода сомнений в целесообразности и возможности движения по северным морям не осталось. В целом на тот момент было 38 попыток пройти Северным Морским путем, из которых 35 оказались удачными.

В 1906 г. правительство принято решение о проведении совещания для обсуждения перспектив развития движения по Северному Ледовитому океану. Помимо представителей властей, учёных, на совещание были приглашены владельцы или доверенные лица речных компаний «Голев-Лебедев», «И. Н. Корнилова Н-ки», «М. Плотников и С-я», которые могли бы обеспечить фрахт от Ново-Николаевска до Омска, а далее — «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли», «М. Плотников и С-я», «И. Н. Корнилова Н-ки», «Обское пароходство Е. И. Мельниковой». Общая грузоподъёмность Обь-Иртышского бассейна на тот момент составляла более 20 млн пудов, перевозкой которых занимались в основном частные компании. Портом, из которого груз должен был следовать Северным Морским путем, становилась Находка на западном берегу Обской губы³²⁰. Тобольский губернатор потребовал провести анализ объёмов возможного грузопотока через Находку и структуру товарооборота, чтобы попробовать отправить по новому маршруту более 2 млн пудов сельскохозяйственной продукции, строительного материала и техники³²¹.

Рис. 3.44. А. М. Сибиряков

³¹⁶ Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск, 1898. С. 27.

³¹⁷ Статистический обзор Тобольской губернии за 1899 г. Тобольск, 1900. С. 17.

³¹⁸ Пирожников Г. А. Записки уездного исправника. Сургут, 2002. С. 53.

³¹⁹ Труды совещания в 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск, 1907. Т. 1. С. 86.

³²⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 369. Л. 8–9 об.

³²¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 369. Л. 12.

Но эксплуатация Северного Морского пути в свою очередь требовала решения вопросов обустройства всех подъездных путей, судоходности рек для больших судов. Например, можно было построить искусственный канал от Обдорска на запад до Югорского шара или через реку Усс на Печору, а также рассматривался вариант железной дороги с территории Обско-го Севера на юг или запад. Помимо этого, требовалось улучшить транспортные коммуникации на Обском Севере, например, проложить транспортные пути от Берёзова вдоль Сосьвы и Ляпино через перевал на Урале до пристани Оранец. В этом варианте основой могли стать водные пути по Оби и Печоре, а также существующие просёлочные дороги местного значения. Более дорогой проект предусматривал соединение Оби морским каналом с Северным морем, который миновал бы Обскую губу и Карское море³²². Но реализация этого варианта делала бы упор на развитие движения по рекам Обь, Енисей, Лена и Колыма.

Реализация любого варианта проекта обеспечивала бы большие возможности и перспективы для развития Сибири, но требовала изучения Карского моря. Помимо этого, Иркутск как крупнейший порт Восточной Сибири должен был получить статус порто-франко. Но осуществление подобных проектов, по мнению российской буржуазии, отрицательно бы сказалось на развитии транзитной торговли через европейскую Россию. Кроме того, Северный Морской путь можно эксплуатировать в полную силу только 2–3 месяца, поэтому следовавшие суда в обе стороны должны быть загружены рентабельным товаром и сырьем, а главное — они должны иметь большую грузоподъемность. Поэтому требовалось не только проведение новых транспортных коммуникаций, но и развитие сельскохозяйственного и промышленного производства. Считая возможным реализовать этот проект в будущем, правительство и местные власти продолжали исследование северного побережья Сибири, например, в 1912 г. экспедиция Седова приобрела 30 ездовых собак для маршрута на запад³²³.

Помимо Северного Морского пути во второй половине XIX в. стали появляться варианты соединения Обь-Енисейского водного канала с речной системой Китайской империи. Однако проблема состояла в том, что у большинства сибирских рек ограниченный период навигации, да и по сравнению с железной дорогой этот проект казался невозможным³²⁴.

Таким образом, развитие промышленного и сельскохозяйственного производства в Сибири способствовало не только строительству путей сообщения, но и появлению различных транспортных проектов.

Но интересы государства и интересы сибирской буржуазии не всегда совпадали. Так, для государства после Русско-японской войны стало понятно, что все пути должны иметь и стратегическое значение, для предпринимателей важна была полученная прибыль. Например, обсуждался проект о проведении магистрального транзитного пути от Байкала до Урала, который бы соединил реки Ангару, Енисей, Обь, Иртыш, Тобол, Туру³²⁵. С 1894 по 1900 гг. даже проводились исследовательские работы, которые показали наиболее актуальные проблемы судоходности отдельных рек. Но в реализации многих предложенных проектов были заинтересованы как предприниматели Тобольской губернии, так и жители Обского Севера, т. е.

³²² Заметки и воспоминания В. М. Флоринского // Русская старина. 1906. Кн. VI. С. 130–131.

³²³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 52. Д. 27. Л. 3, 5, 11–12.

³²⁴ Труды совещания в 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск, 1907. Т. 1. С. 55.

³²⁵ Там же. С. 252.

прослеживались локальные интересы. Выделилось два основных похода к транспортным проектам, связанным с территорией Обского Севера: первый вариант предполагает соединение сибирских и европейских рек посредством каналов или железной дороги; второй — организацию транспортного сообщения через Карское море, т.е. Северный Ледовитый океан. Именно к последнему принадлежит до конца не реализованный Северный Морской путь Морского пути, против которого выступали предприниматели центральной России³²⁶. По мнению контр-адмирала Макарова, «Морской путь есть совершенно независимое средство для вывоза хлеба, а чем большим числом независимых средств располагает страна, тем ровнее держатся цены и тем солиднее стоит земледелие»³²⁷.

Социально-экономическое развитие Обского Севера в XIX — начале XX вв. привело к увеличению значимости региона в составе Сибири. Особенностью югорского варианта развития экономики стала трансформация традиционных промыслов в промышленные, что происходит при сохранении многоукладности хозяйства. Это позволяет выделить этапы развития: 1) 1830–1860-е гг. — период увеличения объёмов продукции промыслового хозяйства за счёт притока населения и эксплуатации речных путей; 2) 1860–1880-е гг. — создание речных компаний в Тобольской губернии и рост транспортных маршрутов в Обь-Иртышском водном бассейне; 1890–1910-е гг. — распространение товарно-денежных отношений во всех отраслях производства, вхождение региона в общероссийскую структуру экономики с новыми отраслями производства.

При развитии экономики региона использовались различные способы интеграции в новые экономические условия:

- трансформация традиционного рыбного промысла в рыбопромышленное производство за счёт инвестиций собственников Тобольской губернии.
- выделение речных перевозок как основного промышленного производства с эксплуатацией парового транспорта. Появление более интенсивного способа передвижения стало использоваться для вывоза продукции Обского Севера. По мнению судовладельца М. Д. Плотникова, отправлять судно только для перевозки 100 пудов груза нерентабельно. Поэтому стали появляться различные формы, такие как объединение товара для вывоза, втягивание перевозчика в другие отрасли производства.
- сохранение торговли рыбой как отдельного направления предпринимательской деятельности.
- появление новых направлений в экономике — торговля лесом на местном рынке. Хотя были попытки организации лесопереработки, но на это требовались большие инвестиции, которыми не располагали местные предприниматели.
- наметилось распространение новых форм поставки товара на Обский Север по сравнению с XVIII в. Помимо доставки товаров торговцами напрямую на ярмарки, в лавках стали распространяться варианты привоза товара по заказу, как правило, оптом.

³²⁶ РГИА СПб. Ф. 499. Оп. 1. Д. 147. Л. 11.

³²⁷ Макаров С. О. Отчет вице-адмирала Макарова об осмотре им летом 1897 года, по поручению министра финансов С. Ю. Витте, морского пути на реки Обь и Енисей. СПб., 1898. С. 17–18.

Рис. 3.45. С. М. Прокудин-Горский. Фото. Пароход «Тюмень» Министерства путей сообщения, 1912 г.

- появление обслуживающего персонала на месте у предпринимательских компаний Тобольской и Томской губерний — доверенные лица, приказчики, мелкие торговцы и т. д.
- привлечение русских и иностранцев в качестве наёмных рабочих на рыболовные и рыбоперерабатывающие производства.

На Тобольском Севере стала формироваться единая структура экономики, которая включала по-прежнему промыслы, сельское хозяйство, мелкукустарное и крупное промышленное производство. В отличие от предыдущих периодов регион в зимний период не оставался практически отрезанным от остальной части Западной Сибири, так как появилась система организации исполнительными властями зимних дорог, что обеспечивало доступ в удалённые пункты края.

Развитие Тобольского Севера проходило сразу в нескольких направлениях:

- как деятельность по решению проблемы поставок, необходимых для местного населения;
- как объединение производителя и потребителя; как источник вывоза из региона конкурентоспособного товара не только на всероссийском, но и на международном рынке;
- как предпринимательская деятельность для местного населения;

- как источник предоставления работы наёмным рабочим не только Обского Севера, но и в целом Тобольской губернии.

Негативными факторами в развитии стала заниматься местная власть, которая из-за обширности региона не могла оперативно реагировать на нарушения. Например, о фактах нарушения правил продажи алкогольной продукции на Обдорском участке, на Кондинском участке становилось известно позже. Также стоит отметить переход к установлению тесных связей между ремесленным производством и потребительским рынком, превращение ряда промыслов в ремесленное товарное производство, появление крупного производителя или крупного капитала, заинтересованного не только в получении одномоментной прибыли, но и в стабильном развитии региона.

Часть 4

Образование,
культура
и здравоохранение
в Югре во второй
четверти
XIX — начале XX вв.

Во второй четверти XIX — начале XX вв. культурные процессы на территории Югры протекали под влиянием таких факторов, как интенсификация миграционных потоков, наличие большого числа политических ссыльных, постепенное вовлечение края в рыночные отношения, активизация его изучения, что повлекло за собой серию научных экспедиций, привлёкших внимание, в том числе, и к проблемам региона. Всё это нарушало вековую изоляцию Югры, теснее привязывало коренное и русское старожильческое население к остальной России. Хотя и медленнее, чем на юге Сибири и, тем более, в Европейской части страны, здесь также набирали обороты процессы модернизации, сопровождавшиеся разложением традиционного жизненного уклада и возникновением культурных явлений, характерных для индустриального общества.

Разумеется, в рассматриваемый период в Югре эти новые явления находились пока ещё в зародышевом состоянии. Тонкому ручейку не наступил срок превратиться в бурную реку, сметающую на своём пути вековой жизненный уклад. Однако и здесь возрастала потребность в образованных людях, формировался спрос на книги, периодические издания, росла творческая и интеллектуальная активность, расширялась сфера приложения грамотности и профессиональных знаний в экономике, на государственной службе. Кроме того, Югра и населяющие её народы становятся объектом наблюдения и исследования со стороны историков, филологов, биологов, географов, геологов, писателей и публицистов.

Одним из заметных внешних проявлений этих изменений становится возникновение, организационное оформление и последующее развитие сети учреждений образования, просвещения и здравоохранения как части культурного пространства Югры. Инициатива в данном вопросе шла сверху, что не исключало прямого участия населения в решении просветительских, культурных и других общественно значимых задач. Гражданская позиция интеллигенции, предпринимателей, духовенства определяла конкретные формы этого участия.

Образовательные учреждения, как известно, играют огромную роль в жизни государства и социума, выполняя ряд важнейших функций. В школе не только приобретает необходимый минимум знаний, позволяющий найти место в жизни, выбрать сферу будущей профессиональной деятельности. Усилиями педагогов закладываются основы мировоззрения, определяющего духовные нравственные ценности, воспитывается гражданин, патриот своей страны. Это также инструменты для воздействия на подрастающее поколение в определённом идеологическом направлении, ретрансляторы идей и мнений, востребованных политической и интеллектуальной элитой. Их правильное использование давало возможность обеспечить мир и стабильность внутри страны, не допустить распространения нигилистических, деструктивных взглядов в условиях постепенно начинающегося перехода от традиционного общества к современному.

В рассматриваемый период создаются основы начального и профессионального образования, системы культурно-просветительских организаций, учреждений здравоохранения, получивших дальнейшее развитие уже в советскую эпоху, расширяется культурное пространство, в которое вовлекаются всё больше жителей далекого северного края. Рубежный характер эпохи становится особенно заметным в предреволюционные годы.

Глава 1

Формирование и развитие образовательных учреждений в Югре

1. Становление школьной системы в 1810-х — начале 1880-х гг.

Первые попытки организации школьного обучения на территории Югры относятся ко второй половине XVIII века. Однако начало созданию системы образовательных учреждений было положено лишь в правление Александра I. В январе 1803 г. им утверждаются «Предварительные правила народного просвещения», в соответствии с которыми народное образование должно было состоять из четырёх ступеней. Низшую представляли приходские училища, предназначенные преимущественно для крестьян. Обязанность их открытия на государственных землях возлагалась на местное духовенство и «почётных жителей». На следующей ступени находились уездные училища, которые следовало организовывать по возможности в каждом уездном городе. Третью ступень занимали гимназии, четвёртую — университеты.

Согласно принятому в 1804 г. «Уставу учебных заведений, подведомых университетам», целью создания уездных училищ являлось: 1) «приготовить юношество для гимназий, если родители пожелают дать детям своим лучшее воспитание»; 2) открыть детям различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности»¹.

Первым учебным заведением, которое было создано в Югре на основании вышеуказанного Устава стало организованное 30 августа 1818 г. Берёзовское уездное училище. Одновременно с уездным в том же 1818 г. в Берёзове создаётся и мужское приходское училище (первоначально — приготовительный класс при уездном училище) — своего рода низшая ступень начального образования, предназначенная для детей непривилегированных сословий. Оно находилось под надзором штатного смотрителя, имело одного учителя. В 1844 г. приготовительный класс был отделён от уездного училища.

В 1828 г. издаётся новый «Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского».

¹ См.: Устав учебных заведений, подведомственных университетам // Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX вв. Тюмень, 2001. С. 70-72.

Рис. 4.1. «Устав учебных заведений, подведомых университетам»

Каждый тип школы приобретал законченный характер и был предназначен для определённого сословия. Преемственная связь между учебными заведениями, введённая в 1804 г., была отменена, и доступ детей податного сословия в среднюю и высшую школу затруднен. Положительным моментом в новом Уставе было увеличение сроков обучения. Уездные училища, предназначенные для детей купцов, ремесленников, мещан и других городских жителей, не относящихся к дворянству, стали теперь трёхклассными учебными заведениями. В них преподавались следующие предметы: Закон Божий, священная и церковная история, российский язык, арифметика, геометрия до стереометрии и без доказательств, география, сокращённая всеобщая и русская история, чистописание, черчение и рисование.

В первый учебный год в Берёзовское уездное училище был набран 1-й и приготовительный классы. С 1819–1820 учебного года число классов увеличилось до двух. В 1838 г. училище реорганизуется в соответствии с уставом 1828 года. 7 августа 1842 г. был открыт ещё один — третий класс. С этого времени училище стало помещаться в собственном одноэтажном деревянном доме, купленном в 1839 г. за 800 руб. серебром². Здесь же располагалась квартира

штатного смотрителя. Дом, построенный из кедрового леса в 1823 г., по своим размерам был вполне приспособлен для учебного заведения. Однако в ночь на 17 июня 1847 г. по неизвестной причине он сгорел. Временно училище пришлось перевести в частный дом, снятый за 144 руб. в год у отставного сотника Буторина. С мая 1853 г. училище располагалось в новом доме, который по ходатайству директора Тобольских училищ с разрешения министра народного просвещения разрешено было купить у титулярного советника Булыгина³. Приготовительный класс оставался в старом флигеле, не пострадавшем от пожара. По сведениям, представленным директором училищ Тобольской губернии в январе 1869 г., в здании училища имелось 7 комнат: одна большая была отдана под женскую школу, три меньших — под классы уездного училища, две самые маленькие — под библиотеку и архив. Для мальчиков и девочек были сделаны отдельные входы. Кроме того, во дворе находился флигель, предназначенный для мужского приходского училища и состоявший из коридора и одной комнаты⁴.

² Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГАТ). Ф. И-5. Оп. 1. Д. 126. Л. 89.

³ Там же. Л. 92 об.

⁴ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 125. Оп. 1. Д. 299. Л. 4.

Заведование училищем возлагалось на штатного смотрителя. Он же отвечал за состояние других образовательных учреждений края. Такое же совмещение обязанностей было свойственно и следующему уровню управления образовательными учреждениями: директор Тобольской гимназии одновременно ведал и учебными заведениями на территории губернии. Он в свою очередь подчинялся Главному инспектору училищ Западной Сибири, находившемуся в Томске. Главный инспектор назначался министерством народного просвещения по договорённости с генерал-губернатором.

Большой вклад в развитие народного образования в крае, изучение его истории и культуры внес известный просветитель, краевед, педагог Николай Алексеевич Абрамов (1812–1870 гг.). С 1842 г. по 1849 г. он занимал должность штатного смотрителя Берёзовского уездного училища. Если в 1837 г. библиотека училища насчитывала лишь 164 тома⁵, то благодаря стараниям Н. А. Абрамова её фонды существенно пополнились. В 1845 г. в ней имелось уже 378 сочинений в 586 томах, в 1846 г. 388 в 613 томах⁶. Помимо книг на русском языке, в библиотеке имелась литература на греческом (26 экз.) латинском (6 экз.), французском (13 экз.), немецком (8 экз.), итальянском (1 экз.), татарском (1 экз.) языках.

Руководство училища не жалело денег на приобретение новых изданий, ежегодно выделяя на это весьма значительную сумму⁷. В качестве учебников использовались: по географии — «Обозрение земного глобуса с кратким обозрением России» профессора Главного педагогического института А. Г. Ободовского, по истории — пособие профессора Петербургского университета Н. Г. Устрялова. Среди книг библиотеки можно отметить «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова, «Руководство к всеобщей истории» Ф. Лоренца, «История государства Российского» Н. М. Карамзина, «Начертание естественной истории» В. Ф. Зуева, «Курс математики» Э. Безу, «Всеобщее землеописание» И. Ф. Гакмана и И. Ф. Яковкина, «Новейшее землеописание Российской империи» Е. Ф. Зябловского, «Словарь юридический» М. Д. Чулкова, «Театр судопроизводства, или Чтение для судей и всех любителей юриспруденции» и др.⁸. Библиотека Берё-

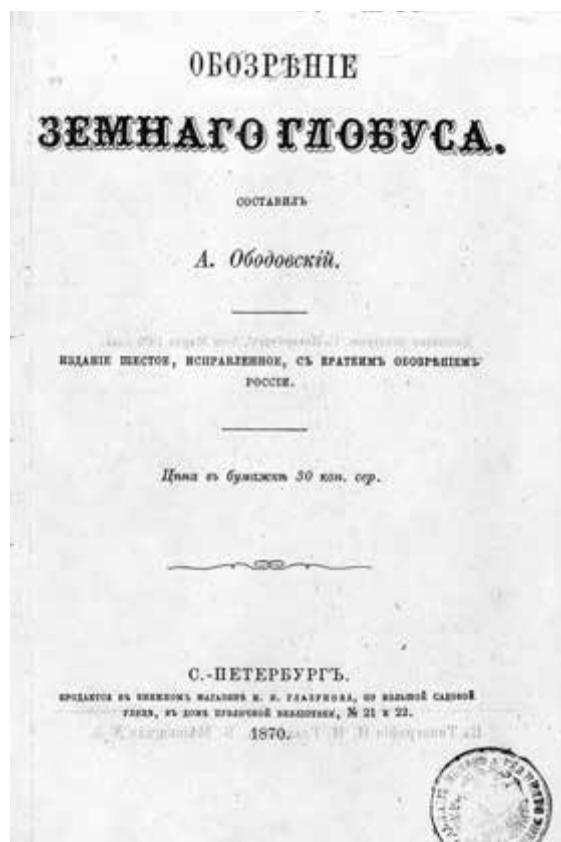

Рис. 4.2. Учебное пособие

⁵ См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 5 / Под ред. Я. Г. Солодкина. Нижневартовск, 2010. С. 98.

⁶ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 119. Л. 8.

⁷ См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 5 / Под ред. Я. Г. Солодкина. Нижневартовск, 2010. С. 111.

⁸ Белобородов С. А. Библиотека Берёзовского уездного училища (материалы для реконструкции собрания) // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. (г. Тобольск, 25–27 ноября 1997 г.). Тобольск, 1997. С. 142–143.

зовского уездного училища оставалась крупнейшим книжным собранием не только в Берёзове, но и на Тобольском Севере в целом. К 1860-м гг. в её фондах насчитывалось до 1500 томов, а к концу 1880-х гг. 1007 сочинений в 2013 томах в фундаментальной библиотеке и 160 сочинений в 443 томах в ученической библиотеке⁹.

По данным на 1845 г., в училище преподавали Дмитрий Яковлевич Русаков — из податных Тобольской губернии, выпускник уездного училища в Тобольске (русский язык, рисование и черчение); Капитон Александрович Мамин — сын обер-офицера, выпускник Тобольской гимназии (история, география, чистописание); Алоизий Иванович Лабунский — уроженец Могилевской губернии, произведённый в 1825 г. в дворянское звание, выпускник Бобруйского пятиклассного уездного училища (арифметика и геометрия); Михаил Егорович Ямзин — местный казак, урядник, выпускник Берёзовского уездного училища (приготовительный класс). Должность законоучителя на протяжении нескольких десятилетий занимал протоиерей Иоанн Матвеевич Заборовский. Жалованье учителя получали в размере 210 руб. 15 коп. серебром в год, смотритель училища — 280 руб. 20 коп. серебром и бесплатная казённая квартира, педагог подготовительного класса — 75 руб. серебром. Всего же, по данным на 1846 г., на училище выделялось в год 1524 руб. 98 коп. серебром¹⁰. К 1880-м гг. эта сумма возросла до 2664 руб. в год.

В 1826 г. в Берёзовском училище обучалось 35 учеников¹¹, на конец 1837 г. — 65 (в том числе 51 в подготовительном классе)¹², в 1845 г. — 91 (из них 47 — дети казаков)¹³. В 1846 г. — 97 (из них 47 в подготовительном классе, в том числе: 47 — дети казаков, 12 чиновников, 17 мещан, 3 крестьян, 1 духовенства, 3 купцов, 10 инородцев, 1 незаконнорождённый)¹⁴, на 1 января 1849 г. — 88 (из них 3 «инородца»)¹⁵. Всего же с 1843 г. по 1848 г. в нём состояло 108 мальчиков (в том числе 2 самоеда и 10 остяков)¹⁶. Дальнейшая динамика численности учащихся выглядит следующим образом: 1853 г. — 52, 1858 г. — 57, 1859 г. — 52 (в том числе 30 в подготовительном классе), 1862 г. — 52, 1864 г. — 46 (в том числе 20 в подготовительном классе), 1879 г. — 66¹⁷. Возраст учеников 1-го класса колебался от 9 до 15 лет, 2-го класса от 10 до 16 лет, 3-го класса — от 11 до 16 лет, подготовительного класса (приходского училища) — от 8 до 11 лет.

Стараниями местного мещанина Михаила Максимовича Панаева с ноября 1843 г. при училище существовало «частное воспитательное заведение для инородческих детей». Приют размещался в «особом удобном доме», принадлежавшем благотворителю. Содержание обхо-

⁹ Из отчета по управлению уездными училищами и городскими по положению 31 мая 1872 г. Западно-Сибирского учебного округа по Тобольской дирекции училищ за 1888 г. // История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск, 2006. С. 227.

¹⁰ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 120. Л. 53 об.

¹¹ Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 241.

¹² См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 5/ Под ред. Я. Г. Солодкина. Нижневартовск, 2010. С. 97.

¹³ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 121–123.

¹⁴ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 119. Л. 3; Д. 120. Л. 54.

¹⁵ Там же. Д. 122. Л. 96.

¹⁶ Абрамов Н. А. Георгий Ящуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский (1845–1852 гг.) // Странник. 1868. Т. 3. № 8. Отд. 1. С. 78.

¹⁷ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 33. Л. 7, 42; Д. 128. Л. 51–52; Д. 203. Л. 33 об-34, 38 об-39; Д. 720. Л. 51 об-52.

дилось в 405 руб. и ещё 50 руб. выделялось «надзирателю»¹⁸. Первоначально в «воспитательном заведении» состояло 8 остяков и 2 самоеда, обучавшихся в уездном училище и пригготовительном классе¹⁹. Примечательно, что представители коренной национальности по всем предметам показывали положительные результаты. Однако уже к началу 1849 г. число коренных жителей сократилось в училище до трёх, а к 1853 г. — до двух.

В 1848 г. Берёзов посетил архиепископ Тобольский и Сибирский Георгий (Ящуржинский). Он испытал учащихся на знание Закона Божия, молитв, церковных песнопений и, по словам Н. А. Абрамова, остался весьма доволен: «По окончании испытания, продолжавшегося более трёх часов, преосвященнейший благодарил меня — штатного смотрителя Берёзовских училищ, за успехи учеников»²⁰.

О некоторых особенностях преподавания и обучения можно составить представление по фрагменту «Ведомости об успехах и поведении учеников Берёзовского уездного училища» за 1845–1846 учебный год, составленной Н. А. Абрамовым:

«По 1-му классу. Пройдена Краткая Священная История и Краткий Катехизис. Из Российской грамматики первая часть ее до словосложения. Из арифметики первая часть. Из Всеобщей географии: введение в географию и общее обозрение пяти частей света. Писали прописи на бумаге по двум графам. Рисовали... неполные части человеческой фигуры. Чертили с таблиц Франкёра...

По 2-му классу. Из Пространного Катехизиса пройдено с начала до третьей части и Надежды Христианские. Из Российской грамматики прошли вторую часть ее и занимались практическим разбором и письмом по диктовке. По Арифметике вторую часть до отношений и извлечение квадратных и кубических корней. Из Всеобщей географии: политическое обозрение государств Европы и занимались очерком оных. Из Всеобщей истории: краткое обозрение оной и занимались хронологией по методе Язвинского. Писали прописи на бумаге по одной и двум графам. Рисовали с рисунков... полные и неполные части человеческой

Рис. 4.3. Руководство к Всеобщей истории

¹⁸ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 120. Л. 86.

¹⁹ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 119. Л. 71–76.

²⁰ Абрамов Н.А. Георгий Ящуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский (1845–1852 гг.) // Странник. 1868. Т. 3. № 8. Отд. 1. С. 66.

Рис. 4.4. А. А. Попов. Школьный учитель (Фонды Государственной Третьяковской галереи, 1854 г.)

фигуры, чертили по правилам Франкёра колонны: тосканскую, дорическую, ионическую, коринфскую.

По 3-му классу. Из Пространного Катехизиса пройдена третья часть оногo и повторена священная история ветхого и нового Завета. Из Российской грамматики занимались практическими упражнениями, разбором басней и краткими сочинениями периодов, писем и описаний. Из Арифметики: об отношении, пропорциях, простом и сложном тройном правиле, о возвышении в степень и о извлечении квадратных и кубических корней. Из Геометрии с начала до Стереометрии: Из Русской истории: краткое обозрение оной и занимались хронологией по методе Язвинского. Из Российской географии: краткое обозрение оной. Из Всеобщей географии: политическое обозрение государств Азии, Африки, Америки и Австралии и занимались очерком оных. Писали прописи на бумаге по одной графе. Рисовали с рисунков... полные части человеческой фигуры, чертили по руководству Франкёра ордена: тосканский, дорический, ионический, коринфский и сложный или римский»²¹.

В пригготовительном классе Берёзовского уездного училища практиковалось изучение Краткого Катехизиса, чисел, чтение книг славянской и гражданской печати, четыре действия арифметики.

²¹ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 119. Л. 73–76.

В Сургутском крае в силу его малолюдности и отдалённости, «заштатности» города Сургута пришлось ограничиться низшей, первой ступенью учебных заведений. 28 января 1835 г. здесь открывается казачья школа, фактически работавшая по программе приходского училища. В школе проходили обучение дети казаков с восьми лет в обязательном порядке: «перед началом учения сотенные командиры собирали мальчиков, достигших означенного возраста к себе в канцелярию вместе с их родителями и переписав всех детей поименно, отправляли при особой препроводительной бумаге в школу»²². Дом для училища пожертвовал отставной хорунжий Андрей Ефимович Туполев. Это было деревянное здание из трёх комнат, две из которых использовались под классы, имелся небольшой двор без усадебной земли. На средства А. Е. Туполева были изготовлены столы, скамьи, стулья, классные доски повешены и покрашены в черный цвет.

Школа существовала согласно высочайше утвержденным: Уставу о сибирских городских казаках от 22 июля 1829 г. и Положению о Тобольском пешем казачьем батальоне и конном полку от 21 октября 1849 года. В административном и финансовом отношении она находилась в ведении Тобольского воинского начальника. В «учебном отношении» казачьей школой управлял штатный смотритель училищ Берёзовского и Сургутского округов.

В первые годы существования школы обязанности учителя безвозмездно исполнял священник Андрей Яковлевич Кайдалов. Начальник отделения тобольского общего губернского управления надворного советника Соколов на собственные средства закупил комплект учебников, прописей и других ученических принадлежностей на 40 учеников²³. С 1838 г. за священнослужителями было оставлено лишь преподавание Закона Божия, прочие предметы вели гражданские лица. В помощь А. Я. Кайдалову был направлен окончивший курс гимназии казачий писарь Бармин. С 30 марта 1850 г. на протяжении более чем двух десятков лет законоучителем являлся священник, благочинный Сургутских церквей Василий Кайдалов. Остальные предметы вели: сначала «уволенный из гимназии ученик» (впоследствии Сургутский казначей) Дмитрий Бигаев, а с 1 марта 1844 г. до 1870 г. — «обучавшийся в Тобольской гимназии до второго класса» зауряд-хорунжий, (позднее — старший урядник) Алексей Андреевич Туполев (сын А. Е. Туполева)²⁴, которому преподавание засчитывалось как часть действительной службы. Он же из собственных средств оплачивал все расходы на содержание казачьей школы. В дальнейшем учителями назначались местные казаки «по наряду» или же священно- и церковнослужители. Сторож назначался из казаков «по наряду».

Школа состояла из одного класса, разделенного на два, а с 1842 г. на три отделения. Преподавался обычный для начального учебного заведения того времени набор предметов: Закон Божий, русская грамматика, арифметика (до десятичных дробей), чтение, письмо. Учебное время составляло лишь 12 часов в неделю. Занятия велись с 9 до 11 часов утра. В педагогической практике широко применялся ланкастерский метод взаимного обучения, при котором наиболее успешные ученики занимаются с отстающими. Сохранились сведения об общей численности учащихся Сургутской казачьей школы (см.: Таблица № 4.1).

²² Киреев П. Школы в Сургуте // Сибирская торговая газета. 1901. № 122, 123.

²³ См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 5 // Странник. 1868. Т. 3. № 8. Отд. 1. С. 106.

²⁴ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 123.

Таблица № 4.1

Число учащихся Сургутской казачьей школы²⁵

Год	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844
Учащихся	41	52	33	38	41	44	29	39	60	67

Год	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854
Учащихся	60	62	66	64	70	57	69	74	66	67

Год	1855	1856	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864
Учащихся	64	62	66	69	69	64	67	64	59	63

Год	1865	1866	1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873
Учащихся	59	57	52	60	52	33	35	30	25

В 1838 г. один из учащихся относился к сословию «ясашных». В 1848 г. и 1852 г. среди учеников насчитывалось двое остяцких детей, содержавшихся за счет А. Е. Туполева. Однако абсолютное большинство составляли дети местных казаков, крестьян и мещан. В 1846 г. из 66 учеников 18 показали хорошие успехи в учебе, 25 — «достаточные», 13 — средние, 10 — слабые²⁶.

При казачьей школе было небольшое собрание книг. По данным на середину 1840-х гг., в нём имелось 42 «исторических» и «нравоучительных» сочинения и 11 учебных пособий, а к 1861 г. уже 116 томов 97 названий²⁷. В ней преобладали издания религиозно-нравственного содержания: Евангелия, псалтыри, апостольские послания, а также такие работы, как «Краткая Священная история для народных школ», «Благочестие в хижине», «Грех не безделица», «104 рассказа из Священной истории», «Берегись первой чарки», «О суетном уповании» и др. Из остального можно отметить басни И. А. Крылова, сочинение Н. А. Абрамова «Догадки о значении имен некоторых мест Тобольской губернии», «Путешествия русских людей в чужие земли» этнографа и археографа И. П. Сахарова, «Обозрение земного глобуса с кратким обозрением России» А. Г. Ободовского²⁸.

В первые два года школа не имела стабильного финансирования. Канцелярские расходы и освещение оплачивал А. Я. Кайдалов, небольшие суммы выделялись Сургутским заседателем. В 1838 г. на содержание Сургутской казачьей школы назначается ежегодное пособие в размере 200 руб. ассигнациями²⁹. Из этих денег на жалованье учителю шло 120 руб. и на

²⁵ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 334. Л. 12–13.

²⁶ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 120. Л. 87.

²⁷ Там же. Д. 128. Л. 137.

²⁸ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 6. Л. 11–14 об.

²⁹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 334. Л. 12–13.

хозяйственные нужды и канцелярские принадлежности 80 руб.³⁰ В 1848 г. расходы сократились до 22 руб. 85 $\frac{3}{4}$ коп., а с 1851 г. до 15 руб. серебром в год³¹. Помимо этого, у школы имелся небольшой собственный капитал в размере 326 р. 30 $\frac{3}{4}$ коп., собранный от сделанных в разное время пожертвований. Деньги были положены в банк под 6% годовых с тем, чтобы получаемая рента расходовалась на текущие нужды.

После упразднения Тобольского пешего казачьего батальона возникли проблемы с финансированием Сургутской казачьей школы, т.к. военное ведомство отказалось её брать на свой баланс. Делался вывод, что училище должно перейти в ведение Министерства народного просвещения³². Однако последнее было ограничено в средствах. Вопрос обсуждался несколько лет. В конечном счете, был найден выход из, казалось бы, тупиковой ситуации. Выяснилось, что одно из начальных учебных заведений губернии — Заводо-Екатерининское — подлежит скорой ликвидации из-за закрытия предприятия, при котором оно существовало. Директор училищ Тобольской губернии предложил использовать освобождающиеся средства на обеспечение Сургутской казачьей школы. Своим «Мнением» Государственный совет положил: «Ассигнуемую по финансовым сметам Министерства Народного Просвещения сумму по 346 руб. в год, на содержание зааводо-Екатерининского приходского училища в Тобольской губернии, по закрытию сего училища 1 июля 1877 г., предоставить Министерству Народного Просвещения обратить с того же срока на содержание казачьего начального училища в г. Сургуте той же губернии»³³. 1 февраля 1877 г. документ получил одобрение императора. С этого момента казачья школа переходит в непосредственное подчинение МНП и получает стабильную финансовую поддержку со стороны государства.

Развитие системы сельских учебных заведений на территории Югры относится к 1840-м гг. Оно регламентировалось рядом законодательных актов и распоряжений. Так, Устав духовных консисторий 1841 г. предписывал заботиться об открытии церковно-приходских школ. Императорский указ 1842 г. повелевал Министерству государственных имуществ оказывать финансовую помощь открытию приходских школ в своих землях.

Рис. 4.5. Тексты молитв

³⁰ Киреев П. Школы в Сургуте // Сибирская торговая газета. 1901. № 122, 123.

³¹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 334. Л. 12–13.

³² Там же. Л. 5.

³³ Там же. Л. 32.

На Тобольском Севере организация сельских начальных образовательных учреждений в этот период во многом связана с личностью и инициативой благочинного Берёзовских церковью протоиерея Иоанна Матвеевича Заборовского, начавшего активную работу по школьному строительству с 1842 года. Он закончил Тобольскую духовную семинарию, рукоположен в священники в 1828 г., с ноября 1830 г. стал служить в градо-Берёзовской Богородице-Рождественской церкви, преподавал Закон Божий в Берёзовском уездном училище, с 1834 г. стал благочинным градских и уездных церквей. Во время инспекционной поездки протоиерей посетил Ларьякскую волость, где по его предложению 19 декабря 1842 г. открывается церковная школа. В отчёте он писал: «...в проезде чрез селения прихода Ларьятского села заметивши, что прихожане остяки против других подобных им и известных ему скромны характером и особенно привержены к Христианской вере». По словам протоиерея, остяки «изъявили беспрекословное полное свое желание» отдать детей в обучение грамоте и представили 6 мальчиков. Преподавание было поручено дьячку Ларьякской Знаменской церкви Петру Вергунову в его доме «без платежа денег», а надзор за обучением — приходскому священнику Василию Вергунову, который должен был стараться об умножении учеников и каждый месяц предоставлять сведения о числе учащихся и их успехах. Заботу об обеспечении новых учеников учебными пособиями и их оплату протоиерей взял на себя. Им было отправлено «на первый раз в... Ларьякскую школу 5 экземпляров букваря, для обучения остяцких детей грамоте»³⁴, а также прописи и «начатки христианского учения». Ещё 20 букварей для учеников школы приобрел и отослал на свои деньги епископ Тобольский и Сибирский Владимир (Алявдин).

В 1843–1844 гг. число учеников в Ларьякской школе возросло до восьми. П. Вергунову назначается жалованье в размере 20 руб. серебром в год. За обучение не брали никакой платы «с тем намерением, чтобы прочие инородцы всего прихода охотнее решались отдавать своих детей для обучения грамоте»³⁵. Из донесения епископа в Св. Синод в 1843 г. следовало, что успехи в школе были не малые: некоторые дети выучили «четырёхсложные склады, а другие двухсложные», «обучающиеся ныне мальчики по испытанию его протоиерея читают твердо и правильно», появились новые кандидаты в ученики. Но многие из них были сиротами, малоимущими, поэтому протоиерей просил взять их на казённое содержание. 14 июля 1845 г. И. М. Заборовский при очередном посещении Ларьяка провёл испытание обучавшихся в школе мальчиков: «показалось, что некоторые из них кончили буквари, другие — после букварей прошли и начатки христианского учения и читают весьма удовлетворительно. Также замечено, что все те ученики имеют способность к письму, и некоторые из них пишут прописи по двум графам мелом на досках весьма твердо»³⁶. За открытие школы в с. Ларьякском Тобольская духовная консистория объявила благочинному благодарность.

Во время инспекционной поездки 1844 г. И. М. Заборовский отметил успехи недавно организованной школы в с. Юганском: «Поселянская школа состоит из 14 учащихся мальчиков 7 остяцких и 7 русских, учитель их местный священник Иоанн Тверитин занимается обучением как видно из успехов учеников рачительно». Он «на свой же счет устроил в ней классические столы и скамьи, к этому еще безмездно содержит на свой кошт пять остяцких маль-

³⁴ Цит. по: Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург — Салехард, 2005. С. 275–276.

³⁵ Предложения от 25 сентября 1845 г. протоиерея Иоанна Заборовского Тобольскому губернатору о содержании школы в с. Ларьятском // История Югры в документах из Томска ... С. 168.

³⁶ Там же.

чиков, по бедному состоянию их отцов». Юганская школа располагалась в помещении, выделенном И. Тверитиным из собственной квартиры. Проезжая через Ваховский и Верхне-Лумпокольский приходы, Берёзовский благочинный «с помощью местных священноцерковнослужителей успел убедить прихожан их остяков на заведение школ и при их церквях. Прихожане остяки изъявляя ему свое желание, просили поимянно записать их мальчиков, которых они согласны отдать для обучения грамоте, а имянно: в Верхнелумпокольском 10 мальчиков, а в Ваховском одиннадцать»³⁷. Учителями согласились быть верхнелумпокольский священник Вергунов, ваховский священник А. Кайдалов и пономарь В. Вергунов. По данным на 1848 г., в Юганской школе обучалось 8, Ларьянской — 8, Ваховской — 7, Верхне-Лумпокольской — 6 «остяцких детей»³⁸.

Рис. 4.6. Церковь в с. Ларьяк

Далеко не всегда при приёме детей на обучение духовенство действовало методами убеждения, о чём свидетельствует рассказ финского путешественника М. Кастрена, относящийся к 1845 г.: «в Верхне-Лумпокольске «устроена недавно, как на Вахе, Югане и во многих других местах, школа для обучения остяцких детей. Кстати расскажу здесь, что со мною случилось по поводу именно этой школы, когда мы пристали к Магионским юртам... остяки пришли ко мне жаловаться на своего священника и духовного пастыря, который всем прихожанам велел отдать ему детей для надлежащего обучения и воспитания, что они никак на это не соглашались и что, несмотря на это, он все-таки взял в школу двух мальчиков из Магионской волости. Я стал было объяснять им, что это делается для их же пользы, но они не хотели слушать, повторяли только, что и отцы их, и они сами верно служили царю, не умея ни читать, ни писать»³⁹.

Ещё одна начальная школа для «инородческих детей» была создана настоятелем Кондинского монастыря игуменом Арсением (Куликовским). Решение о её организации было принято ещё 6 июня 1836 г. Постановление Св. Синода гласило: «Для обращения и утверждения в вере остяков, кондийский монастырь ... обратиться в миссионерский и завести в нем первоначальное училище для остяцких детей (на первый раз хотя человек на 10), в котором они обучались бы только закону Божию и русскому языку, чтобы со временем могли служить толмача-

³⁷ Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург — Салехард, 2005. С. 277–278.

³⁸ См.: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. ... С. 269.

³⁹ Кастрен М. А. Сочинения в двух томах. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. С. 77–78.

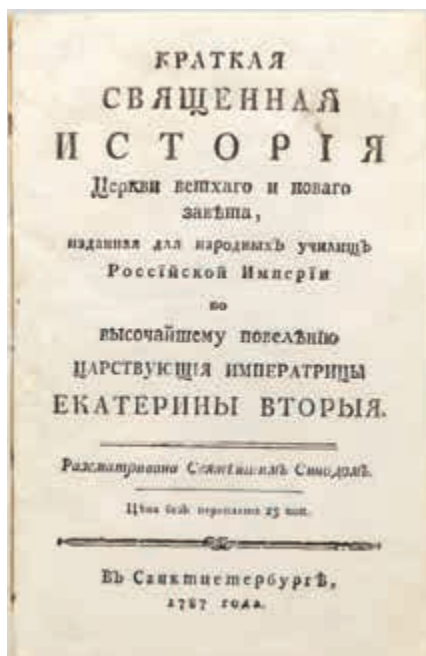

Рис. 4.7. Краткая Священная история

ми для миссионеров и помощниками в делах миссии ... просить о назначении из государственного казначейства ... на содержание 10 учеников — 1000 р. асс. [рублей ассигнациями]»⁴⁰. Практическая работа началась лишь после укомплектования Кондинского монастыря подготовленными миссионерскими кадрами, приглашёнными из Европейской России. В 1844 г. игумен Арсений отправился в поездку для набора детей в эту школу. Настоятелю удалось «склонить несколько инородческих семейств к добровольному согласию отдавать своих детей в училище»⁴¹. В Кондинской школе дети находились на полном казённом содержании. Жили они в настоятельских кельях рядом с комнатой игумена. Учебная программа состояла из чтения по-русски и церковнославянски, письма, арифметики, изучения катехизиса и Священной истории, церковного пения. Занятия проводились с 8 до 11 и с 14 до 17 часов. Учителями при школе состояли в основном иеромонахи Кондинского монастыря⁴².

В первое время отмечаются определённые успехи в обучении детей: «Мальчики скоро привыкли к русскому языку, хорошо выучились читать и писать, а затем приступили к изучению и закона Божия. Зимой с 1845 на

1846, или с 1846 на 1847 год о. Арсений некоторых между ними привозил с собою в Тобольск, где один из них в какой-то большой праздник, после литургии, в присутствии многих посетителей, говорил перед преосвященным Георгием речь, был слегка испытываем владыкою в знании краткого катехизиса и св. истории и вскоре затем посвящен им в стихарь»⁴³. Однако постепенно монастырская община пришла в упадок, уровень подготовки учащихся снизился, о чем свидетельствовала ревизия, проведённая священником П. Поповым в начале 1880-х гг. П. Попов пришёл к выводу, что Кондинское училище «не приносит надлежащей пользы», само обучение неприятно для родителей и мучительно для детей⁴⁴. Сохранилось также впечатление о Кондинской школе, оставленное финским путешественником А. Алквистом, относящееся к 1877 г.: «В самом монастыре содержится школа, где полдюжины остяцких и самоедских детей учатся читать и писать по-русски, их обучают также счету и религиозной истории, при этом они привыкают к внешним обрядам культа ... Монастырь, кажется, стремится лишь к тому, чтобы денационализировать доверенных ему учеников и довольствуется привитием им вышеназванного небольшого объема знаний. После окончания курса воспитанник становится в лучшем случае вакцинатором, младшим писцом

⁴⁰ Сулоцкий А. Жизнеописание Афанасия, архиепископа Тобольского и Сибирского // Странник. 1867. Январь. С. 49.

⁴¹ Цит. по: Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов... С. 272.

⁴² ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 1032. Л. 119 об.

⁴³ Сулоцкий А. Жизнеописание Афанасия, архиепископа Тобольского и Сибирского ... С. 55.

⁴⁴ Рапорт протоиерея П. Попова о предоставлении путевого журнала по обозрению церковей Берёзовского уезда // Из истории Обдорской миссии: Источники / сост. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2004. С. 123.

и т. д.»⁴⁵. К 1885 г. школа прекратила свое существование, что было связано с упадком самого Кондинского монастыря. За 40 лет, с 1844 по 1885 гг. в её стенах проходило обучение 354 ученика, в том числе 134 остяка⁴⁶.

В 1844 г. настоятелем Кондинского монастыря игуменом Арсением при активном содействии «торгующего крестьянина» Василия Васильевича Сургутскова, учреждаются школы в сёлах Белогорье (Троицкое), Сухоруково и Малом Атлыме. На 1848 г. в них обучалось соответственно 8, 10 и 10 остяцких детей. Учителями согласились быть дьякон Василий Пономарев, священник Иван Пономарев и дьякон Дмитрий Попов⁴⁷. В д. Елизаровой, кроме того, была создана школа для детей местных русских крестьян. По сведениям Н. А. Абрамова, в 1848 г. в ней обучалось 12 чел. (10 русских и 2 остяка)⁴⁸.

В эпоху либеральных реформ Александра II возникла необходимость в дальнейшем совершенствовании начальной школы. В первую очередь, следует отметить появление женского образования. Первая попытка была предпринята несколько раньше, ещё на рубеже 1840-х-1850-х годов. 21 апреля 1849 г. с разрешения Тобольской дирекции народных училищ была открыта «школа для девиц» в г. Берёзове. Она помещалась в доме учительницы. На 1849–1850 учебный год в школе состояло 11 учениц, на 1850–1851 г. — 8 (4 купеческого, 1 мещанского, 3 казачьего сословия, «поведения все весьма скромного», успехи хорошие продемонстрировала 1 ученица, достаточные — 3), на 1852–1853 учебный год — 8 (3 купеческого, 2 мещанского, 3 казачьего сословия)⁴⁹. Дети обучались чтению, письму, начаткам христианского учения, основам арифметики и грамматики, рукоделию. Учебники выдавались из библиотеки уездного училища⁵⁰. Однако это небольшое учебное заведение просуществовало не очень долго и вскоре было закрыто.

Следующая попытка связана с организацией одноклассного женского приходского училища, учреждённого в 1860 г. городским обществом Берёзова. В этом же году было приобретено здание школы. Его пожертвовал надворный советник, заседатель городского суда, затем — городничий Павел Николаевич Михалев: «Я, чувствуя вполне признательность к начальству как за воспитание мое, так и моего сына в Тобольской гимназии на казенном содержании, считаю для себя возможным пожертвовать купленный мною в 1854 г. у Тобольского мещанина Петрова дом...»⁵¹. Однако из-за небольших размеров пожертвованного здания, его решено было сдавать в аренду, а уроки проводить в одной из комнат уездного училища. У истоков этого начинания стоял опять же И. М. Заборовский. Именно он обратился ко всем жителям города с призывом жертвовать средства на вновь открываемую женскую

⁴⁵ Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Томск, 1999. С. 124.

⁴⁶ Козлов З. Исторический очерк одноклассной церковно-миссионерской Кондинской школы за 65 лет (с 1844–1909 г.) ее существования // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях (далее — Школьный листок при ТЕВ). 1910. № 16. С. 122.

⁴⁷ См.: Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов... С. 275.

⁴⁸ Абрамов Н. А. Георгий Ящуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский (1845–1852 гг.) ... С. 78.

⁴⁹ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 123. Л. 5; Д. 125. Л. 90.

⁵⁰ Там же. Д. 126. Л. 96.

⁵¹ Письмо от 6 августа 1860 г. надворного советника П. Михалева штатному смотрителю Берёзовских училищ И. Заборовскому о пожертвовании дома для вновь открываемой в г. Берёзове женской школы // История Югры в документах из Томска ... С. 184.

школу, а также об отдаче в неё своих дочерей. 30 октября 1860 г. был дан благотворительный спектакль, сборы с которого пошли на школьные нужды. И. М. Заборовскому за открытие в городе Берёзове женской школы и «приобретение в пользу ее 344 рублей и под помещение ее удобного дома», 27 мая 1861 г. было передано благословение Св. Синода и пожалование орденом святой Анны 3-й степени за благочинническую службу. В феврале 1862 г. он был пожалован орденом Св. Анны 2-й степени как законоучитель (в этой должности состоял с 1832 г.) и штатный смотритель Берёзовского уездного училища, инициатор и организатор создания сельских школ Берёзовского округа в 1840-х гг. «для обучения грамоте остяцких детей».

Какие мотивы двигали горожанами, которые на свои средства, личным трудом участвовали в деле организации первого на Обском севере женского учебного заведения? Во-первых, следует отметить изменение социальной роли женщины. Во второй половине XIX в. перед ними открывались другие пути участия в общественной жизни. Получение образования должно было способствовать этим переменам. Во-вторых, значение имел пример губернского центра, где в 1852 г. открывается девичье приходское училище, реорганизованное через несколько лет в Мариинскую женскую школу. Сеть женских учебных заведений с 1852–1861 гг. охватила большинство городов Западной Сибири.

Занятия в Берёзовском женском приходском училище начались 20 октября 1860 года. Первоначально преподавание велось учителями Берёзовского уездного училища безвозмездно. В конце 1860 г. в школе состояло 10 девочек. К 1 января 1863 г. число учениц возросло уже до 44, а в 1869 г. сократилось до 31. В составе учащихся практически не было представителей податных сословий. Так, на 1 января 1864 г. из 34 учениц 33 принадлежали к сословиям купцов и почётных граждан, и 1 ученица — к духовенству⁵². Училище существовало исключительно на частные пожертвования, а также за счёт устройства разного рода благотворительных мероприятий, сборы с которых шли на его нужды.

Вторая в крае женская школа была открыта в Сургуте в 1862 г. в доме местного священника Василия Кайдалова, который взял на себя обязанности преподавателя. Его сестра Олимпиада обучала девочек рукоделию. Программа состояла из чтения книг церковной и гражданской печати, чистописания, Закона Божия, арифметики, церковного пения, рукоделия. В дальнейшем В. Кайдалов оставался законоучителем, а все остальные предметы (грамота, письмо, арифметика) вёл соляной пристав Бигаев. В 1870 г. педагогами состояли в женском училище священник Александр Крылов и дочь чиновника Елена Харламова. В середине 1860-х гг. для Сургутской женской школы отставным чиновником Иваном Туполевым (старшим братом А. А. Туполева — преподавателя казачьей школы) был выстроен дом на собственные средства. Школа преобразуется в училище 2-го разряда МНП с трёхгодичным сроком обучения. Цель подобных училищ, согласно положению 1858 г, заключалась в том, чтобы «сообщать ученицам то религиозное, нравственное и умственное образование, которое должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей матери семейства». В училищах 2-го разряда преподавались: Закон Божий, русская грамматика, сокращённая русская история и география, начала арифметики, чистописание и рукоделие. Сургутское женское училище 2-го разряда существовало за счёт случайных поступлений, преимущественно пожертвований меценатов. Кроме того, 10 руб. в год выделяло местное городское общество.

⁵² Из ведомости о числе учителей и учащихся в женских учебных заведениях Тобольской губернии за 1863 г. // История Югры в документах из Томска ... С. 198.

Рис. 4.8. А. И. Морозов. Сельская бесплатная школа (Фонды Государственной Третьяковской галереи, 1865 г.)

В 1869 г. в нём обучалось 25 девочек, в 1870 г. — 28, в 1872 г. — 26, в 1876 г. — 26⁵³, в 1879 г. — 20, в 1880 г. — 14⁵⁴. В документах первой половины 1880-х гг. информации о Сургутском женском училище 2-го разряда уже не приводится. Связано это было с тем, что И. А. Туполев и его супруга (попечительница школы) Е. Ф. Туполева «по изменившимся торговым обстоятельствам» больше не могли нести бремя расходов на её содержание. В результате в августе 1880 г. вынуждена была уволиться учительница. Некоторое время преподавание всех предметов велось бесплатно священником В. Калугиным⁵⁵. Как следствие, к середине 1880-х гг. мужское приходское училище МНП осталось единственным учебным заведением в Сургутском крае.

В 1874 г. (по другим источникам в 1875 г.) была открыта школа в с. Реполовском Самаровской волости. Данное учебное заведение, так же, как и существовавшая некоторое время школа в с. Шеркалы, находилось в подчинении Министерства государственных имуществ (МГИ). На практике это означало, что содержаться они должны за счёт местных земских сборов, т.е. самого населения. В учебном же отношении данные школы были в ведении Министерства народного просвещения. В каждом из названных училищ имелось по одному педагогу (не считая законоучителя из местных священников). Причём в Шеркалы из-за их частой смены процесс обучения неоднократно прерывался. В 1880 г. в Реполовской школе состоялось

⁵³ Отчёт о деятельности миссий, состоящих в Тобольской епархии, за 1872 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники. Тюмень, 2006. С. 241, 274, 280; Из журнала о результатах ревизии училищ Берёзовского и Тобольского округов директором училищ Тобольской губернии в январе 1869 г. // История Югры в документах из Томска ... С. 209.

⁵⁴ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 720. Л. 51 об-52.

⁵⁵ Там же. Д. 795. Л. 1.

18 мальчиков и 6 девочек, в Шеркальской — 14 мальчиков и 11 девочек⁵⁶. В первом из них учителем являлся выпускник Омской учительской семинарии Александр Гурьев, законоучителем — священник Александр Миловидов, попечителем — крестьянин Петр Худяков. Во втором попечителем был купец Федор Новицкий, законоучителем — священник И. Кузнецов, учителем — выпускник Омской учительской семинарии Алексей Карпов⁵⁷.

Церковная школа в с. Самарово была открыта в 1848 г.⁵⁸ Как отмечалось в отчете Тобольской дирекции за 1848 г., «Берёзовский купеческий внук Василий Сургутский выстроил деревянный дом для Самаровского сельского училища, стоящий до 400 руб. серебром»⁵⁹. Она содержалась на средства церкви с платой от крестьян в размере по 1 руб. за ученика в пользу учителя, располагалась в 100 сажнях от храма. В. В. Сургутсков также приобрел для Самаровской школы мебель (как и для Сухоруковской и Мало-Атлымской), «вошел в сношение с московскими книгопродавцами, которые и стали доставлять ему все необходимые учебные пособия»⁶⁰. В библиотеке Самаровского училища имелось на 1 января 1880 г. 832 экземпляра книг 132 названий. В 1858 г. школа перешла в ведение МГИ и МНП. Соответственно финансировалась она за счёт земских сборов и пожертвований⁶¹.

Об училище в первые годы его существования мы можем судить по описанию Х. М. Лопарева, основанному на личных впечатлениях: «Училище помещалось около церкви в сажнях пяти от часовни св. пророка Илии. Это был маленький одноэтажный домик с двумя отделениями: передней, где стоял огромный ларь с березовыми розгами, и собственно классной комнаты с длинными столами и скамьями»⁶². В 1875 г. для школы было построено новое здание, имевшее 3 комнаты. По сведениям Н. А. Абрамова, первоначально в Самаровской школе состояло 15 учеников⁶³. Позднее число учащихся увеличивается. На 1869 г. в ней обучалось 35 мальчиков⁶⁴, в 1879 г. 27 мальчиков и 7 девочек, в 1880 г. — 36 мальчиков и 9 девочек⁶⁵.

На протяжении нескольких десятилетий в Самаровской школе Закон Божий вёл протоиерей Нестор Иванович Вергунов. Он окончил Тобольскую духовную семинарию в 1854 г., в 1855 г. был рукоположен в священники, а в следующем году направлен настоятелем в Самаровскую Покровскую церковь. С 8 марта 1856 г. Н. И. Вергунов становится законоучителем в местной сельской школе. В этой должности он пробыл более 50 лет. О его педагогической деятельности вспоминал Х. М. Лопарев, писавший, что «о. Нестор знал свое дело»⁶⁶. Много лет (с 1875 г.

⁵⁶ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 720. Л. 52 об-53, 55 об-56.

⁵⁷ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 1032. Л. 157.

⁵⁸ ГАТ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 1. Л. 167.

⁵⁹ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 122. Л. 16 об.

⁶⁰ Титов А. Где тонко — тут и рвется: Заметка о Берёзовском крае // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень, 2005. Вып. 1. С. 92.

⁶¹ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 720. Л. 49 об-50.

⁶² Лопарев Х. М. Самарово: Село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997. С. 145.

⁶³ Абрамов Н. А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 308.

⁶⁴ Из журнала о результатах ревизии училищ Берёзовского и Тобольского округов директором училищ Тобольской губернии в январе 1869 г. // История Югры в документах из Томска... С. 215.

⁶⁵ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 720. Л. 51 об-52.

⁶⁶ Лопарев Х. М. Самарово: Село Тобольской губернии и округа ... С. 146.

по 1901 г.) попечителем Самаровской школы являлся известный меценат, предприниматель Василий Трофимович Земцов.

Х. М. Лопаревым рассказывается и о своеобразных особенностях обучения в сельских начальных училищах предреформенного периода: «На печке этой [классной] комнаты лежал слепой старичок Трофим Яковлевич Козлов, из ссыльных солдат. Этот человек учил нас азбуке... Читаешь, бывало, с указкою в руке псалтырь и произнесешь слово неправильно, — тотчас с печки слышится наставнический голос Трофима Яковлевича. Зашумим ли в училище сверх меры, раздражим ли старика, Трофим Яковлевич спускается с печки и размахивал палкою по комнате, причем летели на пол книжки и чернильницы. Жалованья он не получал и довольствовался добротными подаваниями: хлебом, пищею и питием. В училище, кроме того, были ещё «старшие» и «дневальные»... Они «прослушивали» наши «проучки» и если мы знали не твердо, заставляли учить еще... Во время урока Закона Божия царила мертвая тишина. Все должны были собираться до прихода священника, и горе тому, кто опаздывал. Самое легкое если его ставили на колени у печки или на скамейке; обыкновенно же опоздавшего драли за уши и давали плюхи мощною рукою или били линейкою... лентяя разлагали у печки и один или двое, смотря по вине, с двух сторон пороли розгами на глазах у всех и лишь изредка в передней... Нас драли за все, за всякую мелочь: сломаешь ли грифель — пороть, разобьешь ли стекло — драть, не приготовишь ли урока — порка, опоздал — заушение...»⁶⁷. Тем не менее, результаты такого обучения Х. М. Лопаревым оценивались положительно: «Из училища не исключали за лень, буйство, или неспособность, а заставляли учиться, и каждый из нас был отрываем из школы вследствие нужд хозяйственных, без всяких свидетельств, но с твёрдым знанием св. Писания, четырех правил арифметики, чтения (по-славянски) и письма»⁶⁸. Также положительно писал о результатах обучения в Самарово директор училищ Тобольской губернии, проводивший его инспекцию в 1869 г.: «Самаровское училище по усердию и способностям преподавателей и по степени успехов учащихся оставляет по себе приятное впечатление»⁶⁹.

Во многом аналогичные формы обучения применялись и в Сургутской казачьей школе. Как свидетельствовал в 1869 г. директор училищ Тобольской губернии, «Обучение чтению идет по старинной азбучной методе; умеющие читать — читают механически, монотонно, не замечают своих ошибок и потому, очевидно, читают без понимания. Обучение письму, судя по некоторым представленным мне образцам, идет очень удовлетворительно. Обучение арифметике также механическое: умственных упражнений нет. Вызванный мною к доске ученик, не ожидая моего вопроса и предполагая, что я жду от него изложения заданного урока, начал наизусть говорить совершенно монотонно выученную им слово в слово из задачника довольно сложную арифметическую задачу и бойко приступил было уже к механическому ее разрешению. Но, когда я, остановив его, несколько варьировал ту же самую задачу, то оказалось, что ученик и не понимает выученной им наизусть задачи»⁷⁰.

В Сургутском женском училище 2-го разряда обучение шло примерно такими же методами и с такими же результатами: «Девочки читают более толково и менее механически, чем маль-

⁶⁷ Там же. С. 145–146.

⁶⁸ Там же. С. 146.

⁶⁹ Из журнала о результатах ревизии училищ Берёзовского и Тобольского округов директором училищ Тобольской губернии в январе 1869 г. // История Югры в документах из Томска... С. 216.

⁷⁰ Там же. С. 207.

мы» стали изживаться. В течение 1876–1877 гг. в Западно-Сибирском учебном округе идет разработка «Правил о взысканиях с учеников уездных училищ». В окончательном варианте, утвержденном генерал-губернатором 11 августа 1877 г., за основу были взяты правила о взысканиях для гимназий и прогимназий МНП от 4 мая 1874 г., согласно которым преподаватель мог применить следующие наказания: выговор; стояние на месте во время урока за скамьей, у доски, в углу или у дверей класса; одиночное сидение в классе; отделение от товарищей на определенное время; оставление в училище на 1 час после уроков. Если указанные меры не помогали, штатный смотритель или педагогический совет назначали: выговор с занесением в штрафной журнал, арест на срок до 8 часов с оставлением на хлебе и воде, как в учебное, так и праздничное время под наблюдением служителя. В качестве крайней меры допускалось увольнение из школы — временное или полное с правом или без права поступления в другие учебные заведения⁷⁴. Правилами не предполагались какие-либо методы прямого физического воздействия на учащихся, что было связано с процессом гуманизации образования.

Таким образом, конец 1810-х — начало 1880-х гг. характеризуются процессом становления образовательных учреждений на территории Югры. На 1884 г. во всех школах Берёзовского и Сургутского округов обучалось 72 мальчика и 25 девочек. Т. к. по официальным данным в округах проживало 18543 мужчины и 17423 женщины, количество учащихся по отношению к общей численности населения составляло 1 к 371 (в том числе 1 к 257 для мужчин и 1 к 697 для женщин). По этим показателям север Западной Сибири уступал губернии в целом, где соотношение населения к учащимся составляло 1 к 194 (1 к 120 для мужчин и 1 к 537 для женщин)⁷⁵.

Рис. 4.10. В. Е. Маковский. В сельской школе (Фонды Тульского музея изобразительных искусств, 1883 г.)

⁷⁴ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 526. Л. 22–23 об.

⁷⁵ Там же. Д. 1032. Л. 119 об-120.

Сдерживающим фактором, тормозившим развитие школьной сети, служило то обстоятельство, что численность русского населения за пределами нескольких крупных населённых пунктов была пока ещё незначительной. Основной контингент сельских школ — дети «иностранцев». Их родителям опыт подсказывал с большой осторожностью относиться к разного рода нововведениям, способным подорвать устои традиционного образа жизни, нарушающим духовную связь между поколениями. Политика же российского правительства исходила из того, что какое-либо насилие по отношению к коренным жителям недопустимо. Если они не хотят учиться грамоте, то настаивать не стоит. Поэтому не случайно, что в школы попадали в основном сироты или дети из бедных семей, являвшиеся для родственников обузой, лишним ртом. «Не знаем, почему до сих пор остяк боится грамоты, как заразы, и ни за что не соглашается произвольно отдать своего ребенка в училище...», — отмечалось в отчёте Сургутской миссии за 1872 г.⁷⁶ Ситуацию могло изменить длительное совместное проживание с русскими, что было осуществимо только через расширение сети небольших русских поселений в крае.

Ещё одной проблемой, мешавшей развитию системы образования, являлось отсутствие стабильного финансирования (за исключением Берёзовского уездного училища). В большинстве случаев приходилось полагаться на добротные пожертвования местных жителей, энтузиазм работавших почти без всякой оплаты педагогов. В качестве примера можно привести Сургутского казака А. А. Туполева, не только более 20 лет безвозмездно исполнявшего обязанности учителя, но ещё и тратившего собственные средства на содержание школы и некоторых малоимущих учеников. Недостаточный уровень заработной платы служил одной из причин высокой текучести кадров даже в уездном училище: «Учителя... ежегодно сменялись и переводились в другие округа, где и жизнь дешевле, и есть возможность найти частные занятия и соответствующее общество. Случалось так, что в уездном училище должности учителей по целым годам оставались вакантными, даже должность смотрителя училищ много лет замещалась не педагогами, и ее пришлось возложить на благочинного местного церкви протоиерея о. Заборовского»⁷⁷. Церковь не могла регулярно выделять средства на школы, ограничиваясь небольшими единовременными субсидиями. Местные источники были очень скудны. Как отмечал И. М. Заборовский, «от самих иностранцев требовать пособия на содержание школы нет никакой надежды по их бедности, а более — по их еще незнанию пользы от учения»⁷⁸. На русское население из-за его малочисленности также нельзя было рассчитывать. Реальную помощь могло бы оказать лишь государство. В сентябре 1845 г. И. М. Заборовский предложил Тобольскому губернатору назначить казенное содержание Ларьякской школе в размере 2 тыс. руб. в год ассигнациями. Однако на эту и др. аналогичные просьбы последовал отказ, мотивированный тем, что, во-первых, свободных средств на содержание школ нет, а во-вторых, коренные жители «изъявляют неудовольствие, что священно- и церковнослужители принуждают их отдавать в оные всех своих детей...»⁷⁹. Таким образом, не получая реальной поддержки от светской власти, начальное образование в сельской местности края не могло получить достаточного развития.

⁷⁶ Отчет причта Сургутской миссии о работе в 1872 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII — XIX вв... С. 262–263.

⁷⁷ История Югры в документах из Томска ... С. 68.

⁷⁸ Предложения от 25 сентября 1845 г. протоиерея Иоанна Заборовского ... С. 169.

⁷⁹ Проект отношения от 27 апреля 1846 г. генерал-губернатора Западной Сибири обер-прокурору Святейшего синода графу Протасову о содержании школы в приходах Берёзовского округа и принудительном наборе остяцких детей в школы // История Югры в документах из Томска... С. 171.

Необходимо указать и на господство в большинстве школ устаревших методов обучения, основанных на механическом зазубривании. Связано это было с тем, что, как правило, педагогами являлись люди, не имевшие специального образования. Они учили детей так, как когда-то много лет назад учили их самих. Современные методики преподавания были им совершенно не известны. Контроль за деятельностью начальных учебных заведений носил эпизодический характер. Штатный смотритель Берёзовских училищ имел возможность побывать в находившихся за пределами Берёзова школах лишь раз в несколько лет.

В целом 1810-е — начало 1880-х гг. можно рассматривать как время зарождения и становления образовательных учреждений в крае. Шаги, предпринимаемые в данном направлении, были пока ещё робкими и непоследовательными, опиравшимися не на систему продуманных мер, а осуществлявшиеся в виде спорадических инициатив православной церкви, государственной власти или представителей местной интеллигенции и предпринимателей.

2. Учебные заведения севера Западной Сибири в середине 1880-х — 1917 гг.

Новый этап в формировании системы образования в крае наступает в период правления Александра III. В эти годы развивается и успешно функционируют органы контроля и управления учебными заведениями различного типа на территории Зауралья. Надзор за деятельностью школ МНП осуществляло Управление Западно-Сибирского учебного округа, учреждённое с 1 июля 1885 г. и располагавшееся в Томске. В состав округа входили Тобольская, Томская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская (до 1899 г.) области. **Во главе образовательных учреждений вместо Главного инспектора теперь стоял Попечитель. При нём действовал совет для рассмотрения учебных и административных вопросов.**

Руководство учреждениями народного образования на местах, как и раньше, осуществлял штатный смотритель училищ Берёзовского и Сургутского округов. Он же исполнял обязанности смотрителя Берёзовского уездного училища. Школы северной части Тобольского уезда, в том числе Самаровская, находились под надзором штатного смотрителя Тобольских училищ. Высочайше одобренным мнением Государственного совета от 31 мая 1899 г. с 1 января 1900 г. в Тобольской губернии вводились должности трёх инспекторов народных училищ. 6 декабря 1899 г. учреждается должность директора народных училищ Тобольской губернии. Таким образом, появляются государственные служащие, освобождённые от функций, связанных с руководством каким-либо конкретным учебным заведением, а сосредоточенные исключительно на вопросах общего контроля за деятельностью школ, оказания им финансовой, методической и иной помощи. В начале 1900 г. в Тобольске состоялся съезд инспекторов народных училищ, в работе которого принял участие губернатор и вице-губернатор. Перед руководством учебных заведений была поставлена задача повысить качество подготовки педагогических кадров, упорядочить отчетность, работать в школах по единому учебному плану и единым учебникам⁸⁰.

В начале XX в. структура управления начальным народным образованием со стороны МНП выглядела следующим образом: директор народных училищ; три инспектора, каждый из

⁸⁰ Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу. 1900. № 3.

Рис. 4.11. Свидетельство

которых надзирал за учебными заведениями определенного района, включающего несколько уездов; губернский и восемь уездных училищных советов. В компетенцию последних входил разбор спорных вопросов, жалоб, связанных со школами, представление учителей к наградам, назначение комиссий для производства экзаменов, составление годовых отчётов и др. В Берёзовском и Сургутском уездах по причине их малолюдности училищные советы созданы не были. Учебные заведения Югры подчинялись Тобольскому уездному совету.

На основании Высочайшего повеления от 23 февраля 1904 г. число инспекторских районов увеличили до пяти. Впоследствии количество районов было доведено до восьми, а с 1 июля 1913 г. до одиннадцати. Школы Тобольского, Берёзовского и Сургутского уездов находились в ведении инспектора первого района. С 1 января 1900 г. на протяжении многих лет эту должность занимал выпускник Омской учительской семинарии Елпидифор Федорович Соколов. Инспектор наблюдал за преподаванием во всех училищах района, давал разрешение городским и сельским обществам на открытие училищ, налаживал сотрудничество с местными властями по вопросам организации школьного дела, заботился о «подыскании соответствующих кандидатов на

учительские места», контролировал выдачу педагогам жалованья, занимался снабжением школ учебными пособиями и руководствами, одобренными МНП, осуществлял ревизию школ и многое другое.

Церковные школы управлялись Тобольским епархиальным училищным советом, созданным 30 ноября 1884 года⁸¹. В 1888 г. были утверждены правила, разрешающие учреждение уездных отделений совета, а также регламентирующие их деятельность. В 12 городах Тобольской епархии такие отделения были организованы, в том числе в Берёзове и Сургуте. Наблюдателями церковных школ (они же — председатели училищного совета) были назначены Берёзовский и Сургутский благочинные. Наблюдение за церковными школами северной части Тобольского уезда осуществлял благочинный 3-го благочиния Тобольского уезда. Пауло-Шаимская и Сатыгинская школы находились под наблюдением благочинного 2-го благочиния Туринского уезда и Туринского уездного отделения епархиального училищного совета. Задачи наблюдателей заключались в инспектировании заведующих школами и учителей, выполнении цензорских обязанностей по отношению к содержанию образова-

⁸¹ Головин П. Д. Десятилетие церковно-приходских школ Тобольской епархии. 13 июня 1884 г. — 13 июня 1894 г. Тобольск, 1894. С. 2.

ния. Наблюдатель должен был способствовать материальному обеспечению школ: рассылать жалованье преподавателям, деньги на постройку школьных помещений, содействовать приобретению учебных пособий и др. Он же заведовал книжными складами, собирал сведения о числе необходимых каждой школе учебников, распределял их в пределах своего округа, председательствовал в комиссии по испытанию учеников на получении ими льготных свидетельств по воинской повинности, выпускных экзаменов, нередко вёл переговоры с сельскими властями, обществами на предмет помощи школьному делу, составлял итоговый отчёт о работе школ на территории благочиния. Состав уездных отделений изменился в 1896 г. после утверждения «Положения об управлении церковными школами Ведомства Православного Исповедания». В них стали включать помимо духовных лиц и учителей уездных исправников, крестьянских начальников, членов городского самоуправления, купцов и др. Председательствовал обязательно священник или протоиерей.

Однако основная нагрузка по руководству школьным делом выпадала на наблюдателя церковных школ, который должен был периодически проверять их состояние в ходе инспекционных поездок, что в условиях севера Западной Сибири было нелегко. В частности, в 1913–1914 учебном году Сургутский уездный наблюдатель пробыл в пути 30 дней, преодолев в общей сложности 1714 верст и посетив 6 школ по одному разу и 7 по два раза. В двух школах он присутствовал на выпускных экзаменах. Берёзовский уездный наблюдатель за это же время совершил три поездки, побывав в 9 школах⁸². В 1914–1915 учебном году Берёзовский уездный наблюдатель 4 раза посетил второклассную учительскую школу и, кроме того, 5 1-классных школ по два раза и 4 по одному разу⁸³. В 1915–1916 учебном году наблюдатели посетили все церковные школы Тобольского севера минимум по одному разу⁸⁴. Задача наблюдателя заключалась не только в том, чтобы указать на выявленные недостатки и потребовать их устранения, но и помочь в организации школьного дела. При необходимости им могли даже проводиться «образцовые» уроки для неопытных педагогов. Другие члены уездных отделений епархиального училищного совета посещали школы эпизодически, как правило, в ходе своих служебных поездок. Взаимодействие между двумя системами учреждений народного образования выражалось во включении директора народных училищ Тобольской губернии в состав епархиального училищного совета, а штатных смотрителей и инспекторов уездных училищ в уездные отделения совета. Нужно отметить активное содействие в организации школ, материальной помощи различных должностных лиц, игравших ключевую роль в управлении краем. Так, помощь оказывали Сургутский уездный исправник Г. А. Пирожников, Берёзовский Л. Н. Ямзин. Последний, в знак благодарности «за особые труды, усердие и ревность» по благоустройству церковных школ, получил от Св. Синода Библию⁸⁵.

Следует обратиться к рассмотрению вопросов, связанных с созданием новых учебных заведений в крае или эволюцией ранее существовавших. В 1872 г. принимается «Положение о городских училищах»⁸⁶. В 1875 г. началась реорганизация уездных училищ в городские на основе данного документа. В «Положении» в качестве преподаваемых предметов указы-

⁸² Школьный листок при ТЕВ. 1915. № 4. С. 46.

⁸³ Там же. 1916. № 4.

⁸⁴ Там же. 1917. № 10. С. 78.

⁸⁵ См.: Белобородов В.К. Ямзины // Югра. 2004. № 3. С. 65.

⁸⁶ О городских училищах по Положению 1872 года // Свод Законов Российской Империи. Т. XI. Ч. I. СПб., 1912. ст. 3112–3162.

Рис. 4.12. Наставление

о высших начальных училищах» принимается 25 июня 1912 года⁸⁷. В учебных заведениях данного типа преподавались: «1) закон божий; 2) русский язык и русская словесность; 3) арифметика и начала алгебры; 4) геометрия; 5) география; 6) история России с необходимыми сведениями из всеобщей истории; 7) естествоведение и физика; 8) рисование и черчение; 9) пение и 10) физические упражнения». Каждое ВНУ должно было иметь библиотеку, физический кабинет и достаточное собрание пособий по всем учебным предметам курса. В ВНУ принимались дети всех сословий без различия вероисповеданий и вероучений. В 1-й класс могли поступать мальчики и девочки в возрасте от 10 до 13 лет, прошедшие курс не ниже одноклассного начального училища МНП или соответствующих по своим программам курс школ других ведомств или выдержавшие соответствующие этому курсу вступительные испытания. Ученики, успешно окончившие I или II класс ВНУ, имели возможность поступать соответственно во II или III класс средних общеобразовательных учебных заведений Министерства народного просвещения «по выдержании испытания

ваются: «а) закон божий; б) чтение и письмо; в) русский язык и церковно-славянское чтение с переводом на русский язык; г) арифметика, д) практическая геометрия; е) география и история отечества, с необходимыми сведениями из всеобщей истории и географии; ж) сведения из естественной истории и физики; з) черчение и рисование; и) пение; к) гимнастика». Городские училища могли быть 1, 2, 3, 4-классными. В них могли поступать дети не моложе семилетнего возраста всех званий, состояний и вероисповеданий, «без всякого приемного испытания». Дети же старшего возраста, от 10 до 14 лет включительно, должны знать: «молитву господню, важнейшие события из священной истории ветхого и нового завета, уметь читать и писать по-русски и считать».

В конце XIX в. Берёзовское городское общество начинает добиваться преобразования уездного мужского училища в 3-х классное городское по положению 31 мая 1872 года. Реорганизация состоялась с разрешения МНП указом от 5 апреля 1902 года с 1 июля 1902 года⁸⁷. В 1908 г. из состава училища было выведено первое отделение по причине создания в Берёзове 1-го и 2-го смешанных приходских училищ МНП.

Следующий этап эволюции Берёзовского городского училища связан с его преобразованием в высшее начальное (ВНУ). «Положение

⁸⁷ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г. Томск, 1909. С. 275.

⁸⁸ Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу. 1914. № 9–10.

по иностранным и древним языкам». Таким образом, ВНУ должно было приблизиться по сообщаемым в его стенах знаниям к уровню, позволяющему поступить в среднее учебное заведение, стать связующим звеном между школами различного типа. В этом же году последовало ходатайство попечителя Западно-Сибирского учебного округа о преобразовании некоторых городских училищ в высшие начальные. Однако реорганизация Берёзовского городского училища в ВНУ, так же как и остальных городских училищ губернии, произошла лишь два года спустя в соответствии с приказом директора народных училищ Тобольской губернии от 28 августа 1914 года⁸⁹. Вплоть до 1917 г. оно являлось единственным ВНУ на севере Западной Сибири.

Таблица № 4.2

**Число учащихся Берёзовского
уездного училища (3-х классного, ВНУ)⁹⁰**

Год	1884	1887	1889	1890	1892	1897	1900	1901
Учащихся	26	14	8	11	14	25	28	28

Год	1902	1903	1907	1908	1909	1913	1914	1916
Учащихся	22	66	62	67	50	28	31	40

Значительным событием для Берёзовского городского трёхклассного училища было открытие 1 сентября 1905 г. ремесленного отделения со столярно-токарной мастерской. С преобразованием трёхклассного училища в ВНУ ремесленное отделение было переименовано в «профессиональный класс». Отделение располагало помещением на территории «усадебного места» училища, состоявшем из собственно мастерской, коридора и сторожки. Заведующим отделением, так же, как и Берёзовским городским трёхклассным училищем в целом, являлся учитель-инспектор Федор Филиппович Ларионов, получавший за заведование 150 руб. в год. Позднее Ф. Ф. Ларионов вспоминал, что для того, чтобы «приохотить» учащихся

⁸⁹ Там же. 1914. № 9–10.

⁹⁰ Составлено по: Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888/89 год. Томск, 1889. С. 131; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1890. С. 120; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1892. С. 134–135, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за учение, числа учащихся и личного состава служащих. С. 134–135; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за учение, числа учащихся и личного состава служащих. Томск, 1897. С. 121; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1900 год, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за учение, числа учащихся и личного состава служащих. Томск, 1900. С. 141; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год, с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за учение, числа учащихся и личного состава служащих. Томск, 1909. С. 275; История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск, 2006. С. 273; ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 1032. Л. 38 об, Ф. 126. Оп. 2. Д. 1583. Л. 55, Д. 2134. Л. 389, Д. 2351 Л. 217 об, Д. 2943. Л. 225, Д. 3076. Л. 222 об; Извлечение из отчетов Попечителя... С. 184; ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 62. Л. 19.

Рис. 4.13. Ф. Ф. Ларионов

к занятиям столярным ремеслом «я сам работал в мастерской под руководством мастеров на положении обыкновенного ученика в течение целого года...»⁹¹.

Занятия проходили для учеников училища с 15 до 17 часов дня. Допускались в мастерскую и посторонние лица. Для них отводилось время с 9 до 13 часов. Обучение ремёслам велось только по желанию самих учащихся и их родителей по программе, «выработанной мастерами отделения на основании указаний опыта и применительно к местным условиям»⁹². Поступление в отделение посторонних Ф. Ф. Ларионовым объяснялось тем, что, во-первых, «их интересуют занятия в мастерской» и, во-вторых, «родители, считая сообщаемые в отделении знания и умения бесполезными, поощряют поступления в отделение их детей»⁹³. В некоторых случаях целью поступления называлось изучение столярно-токарного ремесла как избранной профессии.

На 1 января 1910 г. в ремесленном отделении проходило подготовку 24 человека, из которых 22 являлись учащимися Берёзовского городского трёхклассного училища, что составляло 76% от общего числа его учеников. Годом ранее в отделении обучалось 28 учеников. Курс обучения составлял 4 года. Занятия велись с 1 сентября до середины мая, т. е. в течение всего учебного года, прерываясь лишь на летние каникулы. Учащиеся были разделены на две группы, каждая из которых работала в мастерской через день. Таким образом, на ученика приходилось по 4 часа в неделю. В отделении занимались дети, подростки и юноши от 11 до 20 лет, из них три четверти находились в возрасте 11–15 лет.

Хотя Ф. Ф. Ларионовым признавалось, что из-за сравнительно небольшого числа занятий знание ремёсел «не может быть глубоким и основательным», тем не менее, полученных навыков было достаточно, чтобы «изготавливать самостоятельно простую мебель и домашнюю утварь»⁹⁴. Заведующий отмечает, что недостатки в теоретической подготовке педагогов возмещаются «основательным знанием (практическим) своего мастерства»⁹⁵. Среди продукции мастерских можно назвать табуретки, стулья, столы, рамки для портретов, скамейки, полки, шкапулки, футляры, этажерки, вешалки и даже балалайка и барабан⁹⁶. Данные изделия находили широкий сбыт среди жителей Берёзова и уезда. Главной целью ремесленного отделения являлось не получение максимальной прибыли, а выполнение программы обучения. По этой же причине руководство отказывалось от принятия крупных заказов, т. к. их реализация делала бы работу учащихся однообразной и малоинтересной. По окончании училища выпускникам выдавалась половина суммы, полученной от продажи изготовлен-

⁹¹ Ларионов Ф. Ф. Семейная хроника: Материалы к истории культуры Западной Сибири. Шадринск, 1993. С. 36.

⁹² ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 39. Л. 16.

⁹³ Там же. Л. 16 об.

⁹⁴ Там же. Л. 17.

⁹⁵ Там же. Л. 16 об.

⁹⁶ Там же. Л. 19 об.

ных ими предметов. Бедным ученикам некоторые несложные изделия (рамки, табуретки и т. п.) дарились.

Средства на содержание ремесленного отделения поступали преимущественно из казны (1400 руб. в год), а также из городского бюджета (100 руб. в год) и от продажи собственных изделий⁹⁷. Мастером производственного обучения с 1905 г. по 1916 г. был Иван Семенович Колесников, по словам Ф. Ф. Ларионова, «замечательный знаток своего дела, столяр универсал». До этого он жил в Тобольске, имел свою мастерскую, с 1904 г. преподавал в Тобольской сельскохозяйственной школе, был хорошо знаком с её организатором — губернским агрономом и консерватором музея Н. Л. Скалозубовым. Профессиональную подготовку И. С. Колесников получил в частных мастерских г. Тобольска. Жалованья ему выплачивали 600 руб. в год плюс 120 руб. квартирных. Ф. Ф. Ларионов высоко оценивал результаты выполняемой ремесленным отделением работы и считал их полезными, в том числе и для общественной жизни школы. Так, И. С. Колесников для любительских спектаклей, организуемых учащимися и педагогами школы для жителей Берёзова, устроил сцену и снабдил её декорациями и занавесом. Ф. Ф. Ларионов отмечает, что «он оказался очень изобретательным и даже талантливым человеком, способным выполнять всевозможные работы, начиная от сколачивания плах для устройства помоста и кончая выполнением картины на занавесе сцены»⁹⁸. Костюмы для спектаклей также изготавливались И. С. Колесниковым: «В его искусных руках из картона и серебряной бумаги получались шлем, панцирь, меч и т. д.». С целью обеспечения музыкального сопровождения спектаклей в мастерской были изготовлены вышеупомянутые балалайка и барабан.

Столярно-токарное отделение Берёзовского мужского высшего начального училища (с 1 января 1914 г. — профессиональный класс) продолжало успешную деятельность и в последующий период. В начале 1915 г. в нём проходило обучение 21 чел., в начале 1916 г. — 26 чел.⁹⁹. К 1916 г. в связи с инфляцией и растущей дороговизной размер выделяемых на содержание средств был увеличен до 2155 руб., а к 1918 г. до 2650 руб. в год (в том числе 1400 руб. от казны и 1250 руб. «местного содержания»)¹⁰⁰.

Берёзовская второклассная женская школа. На протяжении всего рассматриваемого периода очень актуальным оставался вопрос подготовки педагогических кадров для школ. О сложности ситуации говорит фрагмент из доклада директора народных училищ Тобольской губернии Н. Курочкина: «Тобольская губерния, хотя старейшая, многолюднейшая и обширнейшая из всех губерний и областей Сибири ... принуждена ежегодную убыль учителей и учительниц (до 50 чел.) пополнять, по большей части, малоподготовленными и малообразованными кандидатками из женских прогимназий или случайными людьми»¹⁰¹.

В полной мере это высказывание можно было отнести и к Югре. Выходцы из южных районов губернии не всегда могли прижиться и обустроиться в суровом краю. Решению проб-

⁹⁷ Там же. Л. 24 об.

⁹⁸ Ларионов Ф. Ф. Семейная хроника... С. 38.

⁹⁹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3079. Л. 167 об-168.

¹⁰⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 320. Оп. 3. Д. 550. Л. 70.

¹⁰¹ Курочкин Н. Сведения о состоянии и нуждах начального народного образования в Тобольской губернии в 1904 г. с планом последовательного развития средств начального образования губернии до полного достижения общедоступности его. Тобольск, 1904. С. 11.

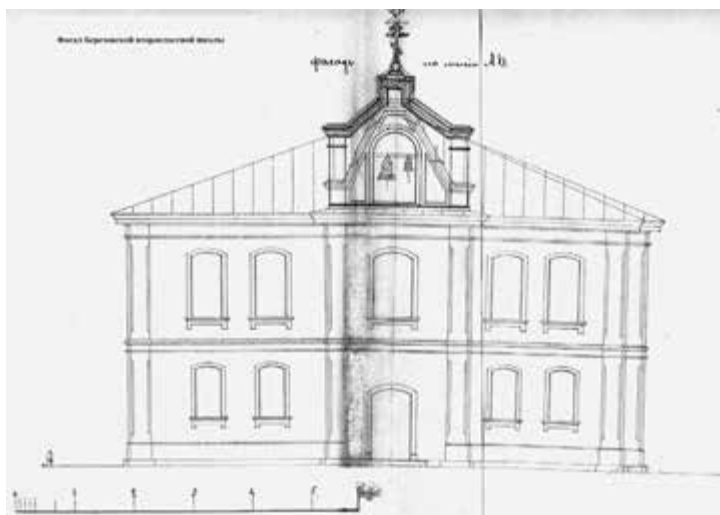

Рис. 4.14. План Берёзовской школы. Фасад

лемы могло бы способствовать созданию собственного учебного заведения, из стен которого выходили бы квалифицированные учителя — уроженцы севера. Хотя бы отчасти решить проблему нехватки педагогических кадров в условиях постоянного и быстрого роста сети начальных учебных заведений можно было путём организации второклассных школ, которые стали открываться по всей стране с 1896 года¹⁰². В 1902 г. выходит Высочайшее повеление «Об утверждении положения о церковных школах ведомства Православного Исповедания»¹⁰³. Из «Положения» мы узнаём, что «церковные школы подразде-

ляются на: 1) начальные, предназначенные для начального обучения детей и взрослых; и 2) учительские — для приготовления учителей в начальные школы. К первым относятся школы: грамоты, церковно-приходские и воскресные; ко вторым — второклассные и церковно-учительские»¹⁰⁴. В разделе, посвящённом второклассным школам, говорилось: «34. Второклассные школы имеют целью готовить учителей и учительниц для школ грамоты... 36. Во второклассные школы принимаются окончившие курс в начальных учебных заведениях и имеющие от 13 до 17 лет от роду. В женские второклассные школы разрешается принимать и получивших домашнее образование. Поступающим в школы производится поверочное испытание. 37. Курс учения во второклассных школах продолжается три года. 38. Во второклассных школах преподаются следующие предметы: 1) Закон Божий; 2) церковная история, общая и русская; 3) церковное пение; 4) русский язык; 5) церковно-славянский язык; 6) отечественная история; 7) география, в связи со сведениями о явлениях природы; 8) арифметика; 9) геометрическое черчение и рисование; 10) дидактика; 11) начальные практические сведения по гигиене; 12) чистописание, и 13) рукоделие (в женских школах)... 40. При второклассных школах состоят одноклассные церковно-приходские школы для практической подготовки воспитанников к преподаванию... 44. Успешно окончившим курс второклассных школ выдаются советами оных (ст. 43) свидетельства на звание учителя или учительницы школ грамоты. 45. Окончившие курс второклассных школ и с успехом обучавшие не менее двух лет в церковных школах имеют право на получение звания учителя или учительницы церковно-приходской школы по сокращённому испытанию, производимому на основании правил, устанавливаемых Святейшим Синодом»¹⁰⁵.

¹⁰² Прибавления к Церковным ведомостям. 1908. № 3. 19 января. С. 121–122.

¹⁰³ Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1902. № 15–16, 14 апреля. С. 79–87.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

Строительство Берёзовской второклассной учительской женской школы велось на деньги, оставленные по завещанию местными жителями, супругами А. М. и А.К. Буториными. Пожертвованные средства они хотели использовать на строительство кладбищенской церкви. Однако возведение в городе ещё одного храма Св. Синод считал нецелесообразным. В утверждённом 20 декабря 1901 г. указе отмечалось: «...в г. Берёзове есть два довольно поместительных каменных храма и с высочайшего соизволения имеет быть выстроена церковь, школа с приютом для девочек-остячек, на какую постройку уже имеется свыше 65 тысяч рублей»¹⁰⁶.

Берёзовская второклассная школа открывается в 1906 году. При ней имелась домовая церковь, с 1909 г. приписанная к городскому Воскресенскому собору. Объявление о начале приёма было помещено на страницах одного из номеров «Школьного листка при Тобольских епархиальных ведомостях»: «...С настоящего 1906/07 учебного года в г. Берёзове в здании церкви — школы открывается женская второклассная учительская церковная школа... Учебные занятия начнутся с 15 сентября, но ввиду позднего открытия школы приём во второй класс будет продолжаться до 10 ноября»¹⁰⁷.

Своего рода «полигонами» для отработки педагогических навыков служили так называемые «Образцовые школы», в обязательном порядке создававшиеся при второклассных. В Берёзове Образцовая школа располагалась в том же здании, что и второклассная¹⁰⁸.

Таблица № 4.3

Число учащихся второклассной учительской женской школы г. Берёзова¹⁰⁹

Год	Учащихся	Доп. сведения
1908	10 во 2-м классе	–
1910–1911	20	из них 3 закончило школу
1911–1912	25	из них 6 закончило школу
1912–1913	25	–
1913–1914	28	из них 6 закончило школу
1914–1915	34	из них 7 закончило школу
1916	37	из них 31 русская, 2 остячки, 2 самоедки, 1 зырянка, 1 еврейка

¹⁰⁶ Указ Святейшего Синода епископу Тобольскому и сибирскому Антонию об использовании капитала, завещанного Берёзовским купцом Ф. Н. Карповым в соответствии с волей завещателя // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века... Вып. 5. С. 227.

¹⁰⁷ Там же. 1906. № 18–19. С. 148.

¹⁰⁸ Справочная книга Тобольской епархии на 1913 год. Тобольск, 1913. С. 17.

¹⁰⁹ Составлено по: Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. Тобольск, 1913. С. 17; Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1908 г. Тобольск, 1908. С. 43; Школьный листок при ТЕВ. 1912. № 10. С. 78–79, 1914. № 3. С. 22, 1915. № 5. С. 38, 1916. № 4; ГАТ. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 188. Л. 3 об.

Серия реорганизаций коснулась одноклассных начальных учебных заведений г. Берёзова. Схема развития учебных заведений данного типа может быть представлена следующим образом. В середине 1880-х гг. в городе действовало два приходских училища МНП — мужское (ранее — приготовительный класс при уездном училище) и женское. В 1891 г. благочинному И. Голошубину предписывается Тобольской духовной консисторией открыть ЦПШ при Богородице-Рождественской церкви¹¹⁰. В конце августа — начале сентября 1894 г. в Берёзове побывал епископ Тобольский и Сибирский Агафангел (Преображенский). «Узнав при расспросах, что не все дети школьного возраста могут пользоваться плодами образования, Преосвященный предложил открыть церковно-приходскую школу»¹¹¹. 1 октября 1894 г. при Воскресенском соборе открывается градо-Берёзовская ЦПШ «совместного обучения». Размещалась она с 1896 г. в здании бывшего мужского приходского училища. В 1906 г. в связи с организацией Второклассной учительской и Образцовой школ смешанная ЦПШ ликвидируется. Осенью 1906 г. вместо женского приходского училища МНП создаётся смешанное приходское. Последнее с 1 ноября 1909 г. разделяется на два учебных заведения: 1-е и 2-е смешанные приходские училища.

Таким образом, к 1917 г. в г. Берёзове действует пять школ: МНП — Высшее начальное училище (мужское), 1-е и 2-е приходские училища (оба — смешанные); Св. Синод — второклассная учительская (женская) и Образцовая (смешанная). Следует отметить, что Берёзов раньше других населённых пунктов Югры приступил к организации школьного обучения, сохранив и в последующем ведущую роль в региональной системе образования.

В Сургуте в середине 1880-х гг. продолжала работать единственная школа — мужское приходское училище МНП. 16 октября 1897 г. директор училищ Тобольской губернии направил Попечителю Западно-Сибирского учебного округа представление «о крайне неудовлетворительном материальном положении существующего в г. Сургуте мужского приходского училища». Причиной составления данного документа являлось недостаточное материальное обеспечение педагогов школы и тот факт, что за долгие годы эксплуатации здание училища пришло в негодность и стало малоприспособленным для ведения занятий. 9 декабря 1898 г. был составлен соответствующий акт в присутствии уездного врача, педагогов, священника. Вывод, к которому пришли члены комиссии, заключался в необходимости постройки нового здания или, в крайнем случае, капитальном ремонте старого¹¹².

Министерство народного просвещения выделило Сургутскому приходскому училищу 1500 руб., с тем, чтобы 550 из них были израсходованы на ремонт и «по-возможности расширение» здания и устройство ограды¹¹³. В 1905–1906 учебном году Сургутское приходское училище размещалось уже в специально построенном, приспособленном, тёплом и сухом помещении, фасад которого был обращен на юго-запад. При училище имелось две квартиры для учителей¹¹⁴.

¹¹⁰ Указ Тобольской духовной консистории об отказе псаломщику Н. Козлову в его прошении о переводе в Берёзовский Воскресенский собор // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века... Вып. 5. С. 399.

¹¹¹ Путевые заметки о поездке преосвященного Агафангела в Низовой край // ТЕВ. 1894. № 21. С. 397.

¹¹² ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

¹¹³ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

¹¹⁴ Там же. Д. 78. Л. 28.

Ещё в 1897 г. членами ревизионной комиссии Сургутского приходского училища было высказано предложение преобразовать его в 2-х классное. Однако реорганизация состоялась лишь в 1908 году¹¹⁵. С 1 сентября 1917 г. в Сургуте начинает работать высшее начальное училище, созданное на базе 2-х классного.

Таблица № 4.4

Число учащихся Сургутского мужского городского приходского училища (2-х классного МНП)¹¹⁶

Год	1887	1888	1889	1890	1892	1897	1900	1901
Учащихся	44	47	47	32	52	48	40	48

Год	1902	1903	1907	1909	1910	1911	1913	1916
Учащихся	53	57	72	69	76	68	84	91

Недолго отсутствовало в Сургуте женское образование. Церковно-приходская школа для девочек при градо-Троицкой церкви здесь была открыта 15 ноября 1886 года. Учебники были выписаны со склада епархиального училищного совета в Тобольске на деньги благочинного С. Тверитина, пожертвовавшего из собственных средств на это 10 руб.¹¹⁷ Школа располагалась в частном жилом доме. Уездный наблюдатель С. Тверитин вынужден был констатировать, что она «нуждается в удобном помещении, и о приобретении которого советом положено отпустить до 700 рублей. Общество же от всякого вспомоществования школе отказалось»¹¹⁸. Благочинный неоднократно в своих рапортах делал запрос о преобразовании Сургутской женской школы в штатную ЦПШ и «определении в оную правоспособного законоучителя и учителя»¹¹⁹. В 1888 г. епархиальный училищный совет решил удовлетворить эту просьбу, разместив на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» объявление об открытии вакансии в Сургутской школе. Позднее стараниями попечителя школы Е. В. Земцова было приобретено новое здание, пристроена крытая галерея (для сеней), произведён

¹¹⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2351. Л. 236 об.

¹¹⁶ Составлено по: Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888/89 год. Томск, 1889. С. 185; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1890. С. 173; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за учение, числа учащихся и личного состава служащих (далее — Памятная книжка...). Томск, 1892, С. 193; Памятная книжка ... Томск, 1897. С. 168; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1900 год... Томск, 1900. С. 193-194; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год... Томск, 1909. С. 294; Извлечение из отчетов Попечителя... С. 188; Школьный отдел при... Тобольских губернских ведомостях (далее — Школьный отдел... при ТГВ). 1908. № 18. С. 9, 1911. № 19. С. 11, 1913. № 13. С. 10; ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 655. Л. 106, Оп. 2. Д. 1583. Л. 55, Д. 3176, Л. 132 об; ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 21. Л. 135 об, Д. 23. Л. 8, Д. 62. Л. 19, Д. 65. Л. 18, Ф. И-156. Оп. 29. Д. 2364. Л. 154, Ф. И-5. Оп. 1. Д. 89. Л. 49.

¹¹⁷ ГАТ. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 19. Л. 190 об.

¹¹⁸ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 27. Д. 1248. Л. 114.

¹¹⁹ Там же. Оп. 11. Д. 1523. Л. 28.

ремонт. При школе имелись квартиры для двух учительниц. С начала XX в. школа преобразуется в двухклассную, что привело к увеличению числа обучающихся.

Таблица № 4.5

Число учащихся Сургутской женской ЦПШ¹²⁰

Год	1886	1890	1891–1892	1893–1894	1896	1901	1903
Учащихся	17	11	19	24	22	24	42

Год	1908	1911–1912	1912–1913	1913–1914	1914–1915	1 янв. 1916
Учащихся	44	44	46	48	51	52

Продолжало свою работу Самаровское сельское училище. В квартире при школе жила одна из учительниц. Остальные сотрудники снимали жильё, на что сельское общество выплачивало по 3 руб. в месяц. Постепенно и это здание приходит в негодность. Возникла необходимость возведения нового, более просторного помещения. Также ставится вопрос о повышении статуса местной начальной школы — преобразовании одноклассного училища МНП в 2-х классное. 7 июля 1899 г. в присутствии смотрителя Тобольских училищ Западно-Сибирского учебного округа состоялся Самаровский сельский сход. Жители постановили ассигновать на строительство 2-х классного училища «запасной училищный капитал» в размере 687 руб. 28 коп. Ещё 680 руб. было взято из сумм, ассигнованных на содержание училища в текущем году¹²¹. С 22 сентября 1899 г. произошла реорганизация Самаровского сельского одноклассного училища МНП в 2-х классное, т. е. в начальную школу повышенного типа со сроком обучения в 5 лет (1-й класс — 3 года обучения, 2-й — 2 года). 21 ноября 1900 г. состоялся сельский сход, на котором жители Самарово постановили «отвести усадебное место в песочном квартале села Самаровского» для нового здания школы длиной 37 и шириной 30 сажень¹²². К этому времени уже вовсю шло строительство сруба дома для училища. Были заложены его нижние венцы. В скором времени постройка была успешно завершена. Часть средств была выделена благотворителями. 10 марта 1902 г. состоялось торжественное открытие нового здания, по случаю чего был отслужен молебен «с принесением святых икон из церкви». На следующий день здесь прошли уже первые занятия. По свидетельству заведующего С. В. Серкова, здание школы было просторным, достаточным для обучения детей¹²³. Старое помещение училища передаётся под квартиру для учителя.

¹²⁰ Составлено по: Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894/95 учебный год. Тобольск, 1896. С. 28; Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1901 г. Тобольск, 1900–1901. С. 58; Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1903 г. Тобольск, 1903. С. 32; Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1908 г. Тобольск, 1908. С. 44; Школьный листок при ТЕВ. 1914. № 19. С. 148–149, 1916. № 1. С. 4, № 13. С. 100–101; ГАТ. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 5. Л. 26, Ф. И-417. Оп. 1. Д. 492. Л. 106, Ф. И-156. Оп. 27. Д. 1248. Л. 113 об, Д. 2364. Л. 154.

¹²¹ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹²² Там же. Л. 52.

¹²³ Там же. Д. 82. Л. 44.

Таблица № 4.6

**Число учащихся Самаровского сельского начального училища
(2-х классного училища МНП)¹²⁴**

Год	Учащихся	Доп. сведения
1869	35	Из них налицо 30
1894–1895	76	Окончило школу 7 м. и 4 д.
1895–1896	79	Окончило школу 2 м. и 5 д.
1896–1897	85	Окончило школу 7 м. и 6 д.
1899–1900	63 м. 29 д.	Из них духовного сословия 2, купеческого 1, мещанского — 1, крестьянского 80, прочих 8
12 ноября 1901	57 м. 30 д.	–
январь 1902	61 м. 25 д.	–
1902–1903	61 м. и 29 д.	В 1 классе 53 м. и 25 д., во 2 классе 8 м. и 4 д.
1 январь 1906	56 м. 44 д.	Из них духовного сословия 2, «сельских сословий» 98
1909	48 м. 32 д.	–
1910	46 м. 35 д.	–
1911	62 м. 18 д.	–
1914	50 м. и 50 д.	В 1 классе 78, во 2 классе 22
1916	60 м. 51 д.	–

1 декабря 1905 г. в Самаровском 2-х классном сельском училище было учреждено ремесленное отделение. Заведующим и техником-мастером назначается Семен Николаевич Банников — сын мещанина из г. Тюкалинска, выпускник Омского низшего технического училища. Ему было определено жалованье в размере 600 руб. плюс 150 руб. «за заведывание»¹²⁵. Помощниками являлись два подмастерья по слесарно-кузнечному и по столярному ремеслам с жалованьем по 360 руб. в год каждому, получившие необходимые навыки в частных

¹²⁴ Составлено по: История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск, 2006. С. 215; Ежегодник Тобольского губернского музея, состоящего под Августейшим Его Императорского Величества покровительством. Тобольск, 1899. Вып. XI. С. 104–105; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год, с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за учение, числа учащихся и личного состава служащих. Томск, 1909. С. 296; ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 1. Л. 157, Д. 21. Л. 111, Д. 23. Л. 16 об, Д. 82. Л. 46, Ф. И-5. Оп. 1. Д. 89. Л. 78, Ф. И-156. Оп. 29. Д. 2364. Л. 29–32 об; ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3176. Л. 132 об.

¹²⁵ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 82. Л. 70.

мастерских Тобольска и Екатеринбурга. На должность подмастерья по столярно-токарному ремеслу был назначен Петр Рубцов¹²⁶.

Хотя официально было объявлено об открытии отделения с 1 января 1906 г., фактически целый год ушёл на подготовительные работы по оборудованию и благоустройству мастерских. Занятия с учащимися начались лишь с 17 января 1907 г. в слесарно-кузнечной мастерской и с 1 сентября 1907 г. в столярной. Продолжительность курса обучения достигала 4 лет. Слесарная мастерская была рассчитана на одновременную работу 24 человек, столярная — на 10, кузница — на 4. Помещения отличались простором и удобством. Мастерские были оборудованы двумя токарными (по дереву и металлу) и сверлильным станками, станком дляковки лошадей. Для отделения была приобретена «самоточка», с помощью которой предполагалось «изготавливать на месте части земледельческих орудий и машин, поступающих в ремонт»¹²⁷. В Самарово отправляется в разобранном виде казённая моторная лодка, которая должна была находиться при ремесленном отделении. Намечалось, что отделение будет обучать ремонту и сборке моторных лодок и соответственно способствовать распространению новых средств передвижения на Оби и Иртыше.

Стоимость оборудования и инструментов мастерских и кузницы составляла 1504 руб., что почти в пять раз превосходило стоимость оборудования ремесленного отделения при Берёзовском городском трёхклассном училище¹²⁸. На содержание ремесленного отделения ежегодно из сумм губернского земского сбора отпускалось 2068 руб., «от общества» — 100 руб.¹²⁹ В 1916 г. размер выделяемых на содержание ремесленного отделения средств был увеличен до 2500 руб., а в 1918 г. до 2962 руб. (в том числе от казны 1900 руб. и ещё 1062 руб. из сумм губернского земского сбора)¹³⁰. Жалованье мастеру и подмастерьям с 1916 г. возросло на 50%.

Занятия в мастерских проводились в течение учебного года с 1 сентября до конца мая. В 1908–1909 учебном году в отделении обучалось 12 человек, в том числе 3 из Самаровского 2-х классного сельского училища и 9 «приходящих», с 1 сентября 1910 г. — 10 (в том числе 7 «приходящих»), с конца 1910 г. — 11 (в том числе 5 «приходящих»)¹³¹.

Работа в кузнице заключалась в изготовлении предметов из цельных кусков железа и выполнении частных заказов, в слесарной мастерской — в «отделке необходимых предметов» и также выполнении частных заказов. Среди изготавливаемых предметов можно отметить кованые штангенциркуль, молоток; сахарорубка, ключ к замку, ручные тиски, гаечный ключ, подшипник, угольник; киянка, полка под книги, ручки к пиле, ведра, тазы, подставки для цветов, вешалка, клепальный молоток¹³². Учащимися делались также отвертки, подставки для утюгов, железные шпингалеты к окнам, ножи для бумаги и мн. др. Ремесленное

¹²⁶ Из школьной жизни // Школьный отдел при... ТГВ. 1907. № 4. С. 4.

¹²⁷ См.: Школы на севере Тобольской губернии на рубеже XIX — XX веков (по материалам Тобольских газет) // Югра. 1996. № 4. С. 41.

¹²⁸ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 39. Л. 35.

¹²⁹ Там же. Л. 31.

¹³⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 320. Оп. 3. Д. 550. Л. 70.

¹³¹ Там же. Л. 36, 42.

¹³² Там же. Л. 36 об-38.

отделение принимало заказы от населения. В том числе в мастерских и кузнице выполнялись подковка лошадей, наварка топоров, ковка крюков и запоров к дверям, подшипников для колесной лодки, болтов к окнам, наварка и проклёпка пешней, точка подшипников, изготовление крючков для рыбной ловли, закалка инструментов, нарезка казенника к ружью и др. Учащимися также производилось лужение самоваров, заготовка винтов к ружьям, поправка ламп, умывальников, вставка стёкол в селе и училище, изготовление линейек, стальных полочек, ручек к инструментам.

С 1 июля 1910 г. заведование было поручено Семену Васильевичу Серкову, выпускнику Тобольской духовной семинарии (1883 г.). С февраля 1885 г. он служил в различных начальных школах¹³³, с 1 сентября 1899 г. стал заведующим Самаровским 2-х классным училищем МНП. С 1 сентября 1911 г. на работу в ремесленное отделение поступает молодой, энергичный сотрудник — Платон Ильич Лопарев, в будущем активный участник борьбы за установление советской власти в крае. Служить он начал по окончании Омского механико-технического училища преподавателем технологии материалов в с. Абатском (1910–1911 учебный год), и затем в с. Самарово (1911–1915 гг.) в школах МНП. Он обучал детей основам производства, рисованию и черчению.

В начале 1915 г. в ремесленном отделении при Самаровском двухклассном училище училось 20 чел., а 1916 г. уже 28 чел.¹³⁴. В том числе 2 овладевало ремеслом кузнеца, 4 — слесаря, 5 — жестянщика, 14 — столяра¹³⁵. Из выпускников 1915 г. несколько стали работать по специальности: механиком в компании Зингер, помощником машиниста в одном из пароходств, в домашней кузнице и др.

Отдельной страницей истории образования в с. Самарово является деятельность школы рыбообработки В. Т. Земцова. Важной для экономики губернии проблемой являлось то, что ценная обская рыба не находила широкого спроса из-за невозможности обеспечить её длительную сохранность, что в свою очередь объяснялось отсутствием специалистов в сфере

Рис. 4.15. Т. Робинсон. Ученик кузнеца (1886 г.)

¹³³ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

¹³⁴ Там же. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 115. Л. 28.

¹³⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3079. Л. 176 об-177.

рыбопереработки и консервирования. 2 марта 1897 г. крестьянином Василием Трофимовичем Земцовым на собственные средства открывается школа рыбообработки в селе Самарово. Основная подготовительная работа была проделана Тобольским окружным исправником А. А. Павлиновым. Им был изучен зарубежный опыт по этому вопросу, совершены командировки на предприятия Одессы, Дона, Волги. А. А. Павлинов свои идеи доводит до сведения Тобольского губернатора Л. М. Князева, которому пытается показать все выгоды устройства школы-предприятия в Самарово. На инициативу А. А. Павлинова с энтузиазмом откликнулся В. Т. Земцов, зарекомендовавший себя как сторонник развития образования, научного исследования края, ранее оказывавший помощь экспедициям И. С. Полякова, А. И. Альквиста, принимавший непосредственное участие в строительстве в Самарово больницы, сельского училища, жертвовавший деньги обществу вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии и другие благотворительные цели.

Согласно утвержденным Министерством земледелия и государственных имуществ «правилам о рыбацкой школе» от 29 октября 1896 г., она содержалась на средства крестьянина В. Т. Земцова¹³⁶. Училище располагало комплексом специальных зданий на речной пристани с. Самарово: учебный корпус, консервное, паяльное, балычное отделения, копильня, ледник, дом для мастеров и учеников. «В число учеников школы принимаются грамотные молодые люди, не моложе 16 лет». Курс обучения был связан с практическими занятиями в мастерских — изготовлением продукции на продажу, поэтому ученики получали ещё и вознаграждение за свою работу. Учителя были не педагогами, а мастерами-производственниками. Основная часть времени уходила на выработку навыков по приготовлению консервов из ценных пород рыб, умению замораживать её во льду, «по обработке её вообще для перевозки», копчения холодным и горячим способом, приготавливать рыбий жир, клей и др. За 11 месяцев работы было подготовлено более 5,2 тыс. консервных банок на сумму около 2 тыс. руб.¹³⁷ Всего за время существования школы в ней было подготовлено около 30 специалистов, впоследствии работавших в рыбном промысле и рыбоперерабатывающих предприятиях края¹³⁸. За достигнутые успехи, труды и пропаганду новых способов ведения рыбного промысла школа в 1899 г. была награждена бронзовой медалью по решению Императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства. В начале 1902 г. школа удостоивается серебряной медали за изделия, представленные на рыбопромышленной выставке в Петербурге. Однако вскоре после смерти в 1901 г. основателя школы В. Т. Земцова она была закрыта его наследником Е. В. Земцовым. Второй (и последний) выпуск учащихся школы состоялся в декабре этого же года.

Таким образом, в относительно крупных для того времени населённых пунктах Югры (Берёзов, Сургут, Самарово) созданные в первой половине XIX в. учебные заведения продолжали свою работу и в последующий период, появляются элементы профессионального обучения. Сеть сельских школ с середины 1880-х гг. фактически приходилось создавать заново. Массовое открытие ЦПШ связано с реализацией «Высочайше утвержденных правил

¹³⁶ Школа по обработке рыбных продуктов в с. Самарове // Сибирский листок: 1895–1900... Тюмень, 2003. С. 280–281.

¹³⁷ Там же. С. 280.

¹³⁸ См.: Задорожная О. А. К вопросу о формах общественной активности сибирского предпринимателя в пореформенный период // Русские. Материалы 7-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2004 г., Тобольск). Тобольск, 2004. С. 98.

Рис. 4.16. Жители Ларьяка. Начало XX в.

о церковно-приходских школах» от 13 июня 1884 г., призывавшего духовенство стать руководителем народного просвещения. Повторно открывается Кондинская школа в Кондинском свято-Троицком монастыре после преобразования его из мужского в женский. Несколько церковных школ открывается уже в 1886 г.: с. Кушеват при Троицкой церкви (4 марта); с. Ларьяк при Знаменской церкви (октябрь). Позднее аналогичные начальные учебные заведения создаются и в других населённых пунктах Тобольского севера: с. Мужы при Михаило-Архангельской церкви (29 октября 1887 г.), с. Шеркалы при Спасской церкви (22 октября 1889 г.), с. Чемашевская при Николаевской (9 октября 1889 г.), с. Сосьвинская при Христорождественской (3 марта 1889 г.)¹³⁹, с. Щекурья при Богоявленной церкви (январь 1893 г., в 1902 г. была переведена в с. Саранпауль)¹⁴⁰. Всего в течение 1886–1894 гг. на территории Сургутского и Берёзовского уездов было открыто 9 ЦПШ и школ грамоты¹⁴¹. В 1897–1898 гг. создаются школы в с. Ваховском (Локосово), Верхне-Лумпокольском и Нижне-Лумпокольском, в 1902 г. — в с. Юганском.

¹³⁹ ГАТ. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 19. Л. 200.

¹⁴⁰ Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894–95 учебный год. Тобольск, 1896. С. 28–29; Тобольский епархиальный адрес-календарь. Тобольск, 1884. С. 76–81.

¹⁴¹ Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894–95 учебный год. Тобольск, 1896. С. 28. Приведены данные по 8 школам. Нет сведений по Кондинской миссионерской школе.

К образованию равный доступ должны были иметь как мальчики, так и девочки, т.к. «ничто не в состоянии до такой степени успешно продвинуть дело распространения в народе грамотности, как присутствие в крестьянских семьях грамотных и религиозно-воспитанных матерей»¹⁴². Поэтому подавляющее большинство начальных сельских училищ создавались как смешанные. В селениях же, где имелись школы двух ведомств — МНП и Св. Синода, решено было, чтобы женскими оставались церковные школы, а мужскими министерские. На Тобольском Севере данное распоряжение выполнялось отчасти лишь в Берёзове и Сургуте.

В отчетах о состоянии ЦПШ и школ грамоты за 1891–1892 учебный год по Тобольскому уездному отделению указываются те трудности, которые объективно препятствовали открытию новых учебных заведений. «Нет никакой школы в приходе Нахрачевском по Благодичию священника Александра Сосунова, по разбросанности прихода, малочисленному населению и бедности жителей особенно за последнее пятилетие, по причине частых наводнений и плохого улова рыбы», хотя в отчётном году в с. Нахрачинском проживало 776 жителей, число православных детей школьного возраста составило 57 мальчиков, 67 девочек¹⁴³. Сходная ситуация сложилась по благочинию священника Нестора Вергунова в приходах: Романовском, Реполовском, Самаровском. Причина видится благочинным в «малочисленности детей школьного возраста... или по малочисленности и разбросанности населения и бедности жителей»¹⁴⁴. Все открытые школы, по свидетельству о. наблюдателя школ священника И. Голошубина, «в общем находятся в более или менее удовлетворительном состоянии. Лучшими должно признать школы Обдорскую, Мужевскую, Чемашевскую. Остальные же должно признать за школы — домашние — частные, приспособленные самими родителями для обучения детей, за исключением школы Шеркальской (учитель — псаломщик Василий Собрин), которая по числу учеников похожа на школьное заведение»¹⁴⁵.

Нужно отметить, что из-за отсутствия подготовленных педагогических кадров, финансовых и иных трудностей школы иногда действовали весьма непродолжительное время — один — два года. Затем они закрывались, и спустя несколько лет их опять приходилось создавать заново. Так, Ларьякская церковная школа открывалась и закрывалась многократно — в 1843–1857 гг., октябрь 1886–1887 гг., февраль 1889–1898 гг. В 1904 г. здесь открывается школа, подведомственная министерству народного просвещения. Во многом аналогичная ситуация складывалась и с другими церковными школами края — Кушеватской, Юганской и др. Общее же число церковных школ возрастает с 1 в 1885 г., до 9 в 1895 г., 19 в 1905 г., 29 в 1915 году.

Преподавание в ЦПШ, школах грамоты регламентировалось изданными Св. Синодом программами и включало чтение русское и славянское, письмо, чистописание, арифметику (счисление), Закон Божий, пение. Реальный объём и качество преподавания в школах грамоты часто зависели от учителя. Всего в неделю проводилось в одноклассной ЦПШ 31 урок в неделю на первом году обучения и 30 — на втором. С 1904 г. одноклассная ЦПШ была переведена на трёхлетний курс обучения. Соответственно на первом году в неделю велось по 24 урока, на втором и третьем — по 26.

¹⁴² Десятилетие церковно-приходских школ (13 июня 1884 г. — 13 июня 1894 г.) // ТЕВ. 1894. № 20. С. 367.

¹⁴³ ГАТ. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 19. Л. 42 об-43.

¹⁴⁴ Там же. Л. 27 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 200 об.

Таблица № 4.7

**Число учащихся церковных школ в Берёзовском
и Сургутском округах (уездах) в конце XIX — начале XX вв.¹⁴⁶**

Год	Уезд	Второклассная учительская	ЦПШ двухклассные		ЦПШ одноклассные		Школы грамоты		Итого
		дев.	мал.	дев.	мал.	дев.	мал.	дев.	
1889	Берёзовский	–	–	–	19	9	44	2	74
	Сургутский	–	–	–	–	17	3	7	27
	Берёзовский	–	–	–	19	26	47	9	101
1890	Берёзовский	–	–	–	85*				85
	Сургутский	–	–	–	–	11	–	–	11
	Всего:	–	–	–	?	?	?	?	96
1893	Берёзовский	–	–	–	60	15	32	7	114
	Сургутский	–	–	–	–	23	5	4	32
	Всего:	–	–	–	60	38	37	11	146
1895	Берёзовский	–	–	–	78	45	28	11	162
	Сургутский	–	–	–	–	22	5	4	31
	Всего:	–	–	–	78	67	33	15	193
1901	Берёзовский	–	–	–	135	23	22	6	186
	Сургутский	–	–	–	–	27	26	18	71
	Всего:	–	–	–	135	50	48	24	257
1908	Берёзовский	10	–	–	132	63	19	31	255
	Сургутский	–	–	44	–	–	30	16	90
	Всего:	10	–	44	132	63	49	47	345

¹⁴⁶ Составлено по: ГАТ. Ф. И-417. Оп. 1. Д. 492. Л. 95, 106, 128; ТЕВ. 1890. № 3–4. С. 67; ТЕВ. 1894. № 7–8. С. 78; ТЕВ. 1896. № 11. С. 10; Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894–95 учебный год. Тобольск, 1896. С. 86–87; Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1901 г. Тобольск, 1900–1901. С. 57–58; Справочная книга Тобольской епархии на 1908 г. Тобольск, 1908. С. 43–44; Школьный листок при ТЕВ. 1902. № 3. С. 21, 1912. № 6. С. 46, 1913. № 23. С. 132, 1914. № 3. С. 22, № 19. С. 148–149, № 24. С. 186; 1915. № 9. С. 38, 1916. № 1. С. 3, № 7. С. 26, № 19. С. 145.

Таблица № 4.7 (продолжение)

Год	Уезд	Второклассная учительская	ЦПШ двухклассные		ЦПШ одноклассные		Школы грамоты		Итого
		дев.	мал.	дев.	мал.	дев.	мал.	дев.	
1911	Берёзовский	20	–	–	228	111	–	–	359
	Сургутский	–	–	40	36	36	–	–	112
	Всего:	20	–	40	264	147	–	–	471
1912	Берёзовский	25	–	–	234	134	–	–	393
	Сургутский**	–	–	46	132	69	–	–	247
	Всего:	25	–	46	366	203	–	–	640
1913	Берёзовский	22	–	–	228	123	–	–	373
	Сургутский***	–	–	48	50	39	–	–	137
	Всего:	22	–	48	278	162	–	–	510
1914	Берёзовский	28	–	–	228	124	–	–	380
	Сургутский	–	–	48	124	79	–	–	251
	Всего:	28	–	48	352	203	–	–	631
1915	Берёзовский	34	–	–	222	121	–	–	377
	Сургутский	–	–	51	124	73	–	–	248
	Всего:	34	–	51	346	194	–	–	625
1916	Берёзовский	38	–	–	225	131	–	–	393
	Сургутский	–	–	52	115	99	–	–	266
	Всего:	38	–	52	340	230	–	–	660

* из них мальчиков не менее 2/3

** существенный рост числа учащихся преимущественно за счёт передачи в ведение Сургутского отделения 6 школ Тобольского уезда

*** без школ Тобольского уезда, подчинённых Сургутскому отделению

Таковыми же быстрыми темпами растёт сеть сельских I-классных училищ МНП. Порядок их организации был следующий. «Если общество желает открыть у себя училище, оно должно составить об этом приговор, подписанный двумя третями домохозяев, имеющих право голоса

Рис. 4.17. Дети, с. Болчары

на сходе... Приговор препровождается или Инспектору народных училищ или в Уездный Училищный Совет, где он и рассматривается и окончательно решается вопрос, открывать ли в этом селении училище или нет»¹⁴⁷. В приговоре следовало указать, какую школу желают иметь местные жители — министерскую или земскую, сколько в селении имеется дворов, какие соседние деревни будут пользоваться школой. Сельский сход должен был также взять на себя обязательство отвести землю для министерского училища в размере не менее 1 десятины, нанимать помещение для школы и квартиру для учителя до постройки собственных зданий. Для возведения земского училища обществу могла быть выдана ссуда до 700 руб. на 7 лет под 5% годовых. Министерские училища строились на средства государственного казначейства.

Однако иногда от момента составления приговора до его реализации проходило несколько лет. Так, жители с. Нижне-Вартовского выразили желание иметь школу в 1904 г., а открытие одноклассного училища МНП состоялось здесь лишь в 1909 году. Фактически же эта школа приступила к работе лишь в 1910 году. Всего между 1885 г. и 1905 г. на территории Югры были созданы Кондинское (1 октября 1888 г.), Мало-Атлымское (1 октября 1888 г.), Тундринское (11 февраля 1891 г.), Белогорское (1889 г.) училища МНП. В 1896–1905 гг. создаются Базьяновское (1897 г.), Болчаровское (1896 г.), Нахрачинское (1896 г.), Филинское (1897 г.), Цынгалинское (1901 г.), Кушниковское (1 октября 1904 г.), Ларьякское (1 октября 1904 г.) училища. После 1905 г. появились Тюлинское (1 сентября 1906 г.), Больше-Атлымское (1 ноября 1910 г.), Вартовское (Нижне-Вартовское) (1 ноября 1909 г.), Пилюгинское (1 ноября 1909 г.), Покурское

¹⁴⁷ Школьный отдел при неофициальной части Тобольских губернских ведомостей. 1908. № 3. С. 9–10.

(1 января 1911 г.) училища. К 3 мая 1914 г. поступили также ходатайства об организации сельских училищ МНП в Юганском Сургутского уезда и Кушеватском Берёзовского уезда¹⁴⁸. Их открытие состоялось между осенью 1916 г. и серединой 1918 года.

Училища, создаваемые как земские, постепенно преобразовываются в 1-классные МНП. Так, в 1904 г. произошло преобразование Кондинского и Мало-Атлымского земских училищ, в 1908 г. — Ларьякского, Тундринского и Кушниковского земских училищ в 1-классные МНП. Мотивом реорганизации земских школ в 1-классные училища МНП стала необходимость передать их на государственное финансирование. Так, Мало-Атлымское училище первоначально размещалось в церковной сторожке. В 1897 г. «на прибыль Мало-Атлымского общества от винного заведения» за 1600 руб. было построено собственное здание. Кроме того, в 1904 г. к школе была сделана пристройка в две комнаты для приюта для инородческих детей. Содержание зданий обходилось в значительную сумму. Благодаря передаче школы в ведение МНП все основные затраты взяло на себя государство¹⁴⁹.

Таблица № 4.8

**Число учащихся школ Министерства народного просвещения
и Министерства государственных имуществ в Берёзовском и Сургутском
округах (уездах) в конце XIX — начале XX вв.¹⁵⁰**

Год	Берёзовский уезд			Сургутский уезд			Итого:
	мал.	дев.	Всего:	мал.	дев.	Всего:	
1889	85	40	125	44	–	44	179
1890	154	50	204	47	–	47	251
1895	115	37	152	73	7	80	232
1906	173	110	283	104	26	130	413
1907	175	108	283	105	36	141	424
1910	215	101	316	135	35	170	486
1911	252	106	358	169	37	206	564
1912	248	126	374	160	43	203	577
1914	232	126	358	161	42	203	561

¹⁴⁸ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 21. Л. 68.

¹⁴⁹ Сибирский листок: 1901–1907 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень, 2003. С. 568.

¹⁵⁰ Составлено по: Ежегодник Тобольского губернского музея. 1899. С. 68; Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу. 1900. № 3; ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2134. Л. 354 об; Школьный отдел при... ТГВ. 1911. № 19. С. 11. 1908. № 18. С. 8–9. 1913. № 13. С. 8–9. 1912, № 14. С. 1, 1915. № 10; ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 492. Л. 95, 106, 128; ТЕВ. 1890. № 3–4. С. 67; ТЕВ. 1896. № 11. С. 10; Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894–95 учебный год. Тобольск, 1896. С. 86–87; ГАТ. Ф. И-156. Оп. 27. Д. 1248. Л. 113 об.

Курс обучения в 1-классном училище МНП, продолжавшийся три года (младшее, среднее и старшее отделения), состоял из Закона Божия, арифметики, чистописания, русского языка, церковно-славянского языка, пения.

Ещё одна разновидность учебных заведений — передвижные школы. Их создание было необходимо в тех районах, где существовали небольшие селения, находившиеся на значительном расстоянии друг от друга. Стационарная школа в данном случае была невыгодна по причине малого числа учащихся и соответственно больших расходов на одного ученика, ложившихся тяжелым бременем как на самих местных жителей, так и на казну.

Директором народных училищ Тобольской губернии Г. Маляревским был предложен тип передвижной школы, рассчитанной на три селения. В неё поступали одновременно все дети данного селения в возрасте от 7 до 13 лет. Полный курс обучения продолжался два года. Дополнительный набор на следующий учебный год не допускался. По его истечении школа перемещалась во второе селение, затем в третье. Таким образом, через 6 лет передвижная школа возвращалась в исходный пункт, где за это время успевало подрасти следующее поколение учащихся. Стационарной оставалась только библиотечка, остававшаяся в заведовании одного из наиболее успешных учеников. Представлением от 23 августа 1907 г. Г. Маляревский испросил разрешение у попечителя Западно-Сибирского учебного округа на организацию подобных передвижных школ. Разрешение было получено. Первые две передвижные школы на территории Тобольского уезда были открыты 1 февраля 1908 года. В последующие годы их число возросло, достигнув нескольких десятков. На севере Западной Сибири открытие двух передвижных школ намечалось на 1 сентября 1909 г.: для селений Хэ и Норе Обдорской волости Берёзовского уезда, юрт Немчиновских, Ювашкинских, Чалтомовских Локосовской волости Сургутского уезда¹⁵¹. Фактически же их создание затянулось из-за отсутствия средств. Передвижные школы были организованы также в Кушевате (Берёзовский уезд); Новоникольском (Сургутский уезд).

До середины 1890-х гг. очень немногие сельские школы имели собственные помещения, приспособленные для учебного процесса. Так, Ларьякская школа грамоты действовала сначала в «инородческом доме» с «платою от общества 12 рублей в год»¹⁵², затем переместилась в дом священника, где и существовала вплоть до своего закрытия в 1898 году. В с. Сосьвинском школа размещалась в доме Берёзовского мещанина Козьмина, который не брал платы за аренду этого помещения. Ситуация стала меняться лишь с конца 1890-х гг. с улучшением финансирования школ, усилением материальной поддержки со стороны губернских и епархиальных властей. К 1908 г. собственные здания были уже у 8 церковных школ: Берёзовской, Обдорской, Мужевской, Шеркальской, Чемашевской, Нижне-Лумпокольской, Кондинской. В Саранпауле, Локосово, Верхне-Лумпокольском помещения нанимались обществами.

В целом ситуация с обеспеченностью собственными зданиями церковных школ может быть отражена в виде таблицы (См.: Таблица № 4.9).

¹⁵¹ Школьный отдел при неофициальной части Тобольских губернских ведомостей. 1909. № 10. С. 7.

¹⁵² Солодкин Я. Г. Из истории церкви Знамения Пресвятой Богородицы в селе Ларьякском (Ларьяке) // От Ваха до Агана: Эколого-краеведческий альманах. Тюмень, 2002. С. 23.

Таблица № 4.9

Обеспеченность церковных школ зданиями¹⁵³

Год	Отделения	Собственные	Наемные	Частные квартиры	Общественные (бесплатные)	Причтовые	Всего
1889	Берёзовское	Нет сведений					
	Сургутское	–	–	3	–	–	3
	Всего:	–	–	3	–	–	3
1896	Берёзовское	2	1	–	–	1	4
	Сургутское	–	1	–	–	–	1
	Всего:	2	2	–	–	1	5
1911	Берёзовское	8	1	–	–	–	9
	Сургутское	2	4	–	–	–	6
	Всего:	10	5	–	–	–	15
1912	Берёзовское	7	1	–	–	1	9
	Сургутское	8	4	–	–	–	12
	Всего:	15	5	–	–	1	21
1914	Берёзовское	7	1	–	–	1	9
	Сургутское	7	4	–	–	2	13
	Всего:	14	5	–	–	3	22
1916	Берёзовское	7	1	–	1	–	9
	Сургутское	8	3	–	2	–	13
	Всего:	15	4	–	3	–	22

В несколько лучшем положении находились училища МНП. На севере Западной Сибири все школы МНП уже к 1908 г. были обеспечены собственными зданиями. Однако не все здания строились специально как школы. Например, Тундринское 1-классное училище МНП располагалось в бывшем фельдшерском приёмном покое, переоборудованном под школу. Проблема помещений успешно решалась, однако нельзя сказать, что они не имели недостатков, связанных с малой площадью или же с несоответствием санитарно-гигиеническим нормам. Небольшие комнаты не всегда могли вместить всех желающих учиться.

При некоторых сельских училищах имелись общежития, что давало возможность обучать детей жителей удалённых от школ деревень и юрт, прежде всего — представителей коренной национальности. Так, при Мало-Атлымском 1-классном училище помещение приюта

¹⁵³ ТЕВ. 1890. № 5–6. С. 124; 1897. № 14. С. 39; Школьный листок при ТЕВ. 1912. № 7. С. 53; 1913. № 24. С. 139; 1915. № 1. С. 1; 1917. № 4. С. 37.

Рис. 4.18. А. И. Стрелковский. Сельская школа. 1872 г.

состояло из двух комнат и кухни. «Приют обставлен мебелью и другими необходимыми принадлежностями. Остяцкие дети получают здесь горячую пищу и одежду. При училище для них имеется баня»¹⁵⁴. Аналогичные общежития существовали ещё при нескольких учебных заведениях: Цингалинском, Болчаровском, Нахрачинском, Филинском. В каждом из них проживало в различные периоды от 1 до 8 детей. В Болчаровском детям приходилось спать, где придётся (в коридоре, классе). Везде готовилась горячая пища. Содержание детей ложилось на родителей. Они должны были поставить определённое количество продуктов, оплачивать наём прислуги. С 1912 г. из сумм губернского земского сбора выделялось по 100 руб. в год на каждое из общежитий. На учителя возлагалось обеспечение порядка и присмотр за детьми. Кроме того, небольшие общежития, организованные при финансовой помощи Тобольского епархиального Братства св. вмч. Дмитрия Солунского, существовали при Сатыгинской и Леушинской школах. Общежитие при Леушинской школе размещалось в светлой и просторной комнате, «при общежитии имеется самовар, чайные и кухонные принадлежности»¹⁵⁵.

Таким образом, быстрое развитие сети учебных заведений было характерным явлением для Югры, как и для Тобольской губернии и всего Западно-Сибирского учебного округа

¹⁵⁴ Школьный отдел при неофициальной части Тобольских губернских ведомостей. 1907. № 4. С. 4.

¹⁵⁵ Школьный листок при ТЕВ. 1905. № 21. С. 16.

в целом. К концу рассматриваемого периода на территории Сургутского и Берёзовского уездов преобладали 1-классные училища МНП и 1-классные ЦПШ, находившиеся на содержании казны.

Многоведомственность подчинения школ, разнообразие их типов, множественность уставов и положений, которыми они руководствовались, заставляли правительство решать задачу унификации школьного дела. Различные проекты введения в России всеобщего начального обучения предлагаются и обсуждаются Министерством народного просвещения, общественностью уже в 1860–1870-х гг. С начала XX в. проблема начинает переводиться в практическую плоскость. Соответствующие законопроекты неоднократно вносились и рассматривались в Государственной Думе различных созывов. Открытие новых учебных заведений с начала XX в. принимает всё более планомерный характер. Устанавливаются первая и вторая очереди организации школ в соответствии с финансовыми возможностями губернии и епархии, численностью населения, желанием местных жителей, их готовностью выделить собственные средства на создание школы.

Накануне Первой мировой войны разрабатываются проекты введения всеобщего начального образования за счёт расширения имеющейся сети начальных школ. Территорию Тобольского Севера предполагалось разбить на районы, в центре каждого из которых располагалось ВНУ. Дети, успешно окончившие 1-классное училище, имели бы возможность поступить в Высшее начальное своего района. Поэтому одним из условий проекта являлось обязательное строительство при ВНУ общежития на 50 мест. На строительство каждого из зданий ВНУ от казны выделялось по 25 тыс. руб. Общежития возводились или за счёт казны, или губернского земского сбора. Каждая из школ по проекту была рассчитана на 120 учеников. 2 января 1916 г. состоялось заседание общего присутствия Тобольского губернского управления, на котором был рассмотрен вопрос об открытии новых Высших начальных училищ в следующее пятилетие. Было решено реорганизацию 2-х классных училищ в Высшие начальные произвести в Сургуте в 1918 г., в Обдорске в 1919 г., Самарово в 1921 году. В Сургуте жители обязались доставить круглый лес на все здания. Самаровский район должен был обслуживать Самаровскую, Филинскую, Кондинскую, Меньше-Кондинскую волости Тобольского уезда и Елизаровскую волость Берёзовского уезда с общим населением 13008 чел. (8134 русских и 4874 коренных жителей). Сургутский район обслуживал бы жителей Сургутского уезда, Обдорский — северной части Берёзовского уезда (9248 чел.)¹⁵⁶. Реализация проекта в течение следующих 10–15 лет позволила бы решить в целом проблему всеобщего начального обучения на территории края. Однако его осуществлению помешали войны, революции и их следствие — общий экономический упадок. Выполнение данного плана выпало на долю уже советской власти.

В конце XIX — начале XX вв. качество преподавания существенно повысилось как следствие развития системы специальных педагогических учебных заведений, совершенствования методов педагогической науки, повышения материального обеспечения как школы в целом, так и педагогов. Постепенно из обихода исчезают приёмы обучения, основанные на механическом заучивании религиозных текстов, свойственные сельской школе предыдущего периода. Вот как об этих переменах вспоминал позднее Х. М. Лопарев: «Теперь преподавание было поставлено на иных и гуманных началах; повеяло новым духом... в училище полу-

¹⁵⁶ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3076. Л. 248 об-251.

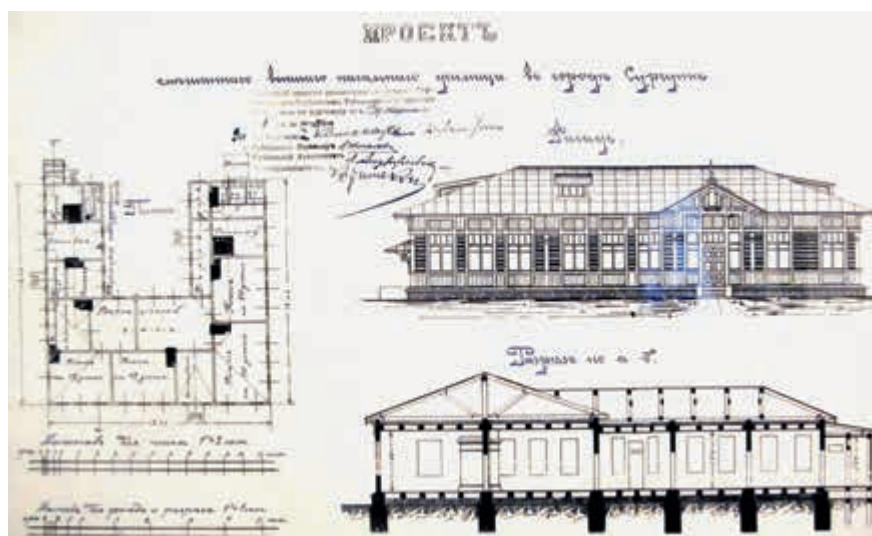

Рис. 4.19. Проект высшего смешанного начального училища в г. Сургуте (Фонды ГУТОГА)

чили доступ девушки, в Самарово прибыла учительница Марья Александровна Федорова, которая учила нас уже не аз, буки, веди, а: а, бе, ве; учила не часослову и псалтыри, а «Родному Слову» Ушинского, грамматике, заучиванью наизусть стихотворений, письму и черчению географических карт. Трофима Яковлевича и указок уже не стало, о. Нестор стал более мягким, розги исчезли из ларя...»¹⁵⁷.

Преподавание могло быть двух видов — предметное и классное. В первом случае, использовавшемся в малокомплектных школах, насчитывавших 10–20 учеников разного возраста, урок проводился одновременно для всех детей. Например, учащимся 1-го и 3-го отделений давалось проверочное задание, а с учащимися 2-го проходил новый материал. Детей 1-го отделения разрешалось отпускать домой раньше остальных, но с тем, чтобы они присутствовали не менее чем на трёх уроках в день. Были и исключения, обусловленные особыми условиями работы ряда школ. При осмотре Самаровского 2-х классного училища в 1902–1903 учебном году выяснилось, что двум преподавателям приходится вести уроки в одном классе с различными отделениями. Преподавание установлено предметное, а не классное¹⁵⁸.

Для обеспечения порядка в учебных заведениях, решения воспитательных задач в 2-х классных, второклассных школах, ВНУ вводилось классное наставничество, дежурства педагогов по дням недели. Педагогами в воспитательных целях могли устанавливаться особые правила поведения учащихся, рекомендуемые к использованию в повседневной жизни за стенами класса и школы. В частности, можно привести «Правила» из 20 пунктов, разработанные учителем Пауло-Шаимской школы и одобренные епископом Варнавой (Накропиным). Их нарушителю грозило исключение из общих игр на определённый срок.

¹⁵⁷ Лопарев Х. М. Самарово: Село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997. С. 147.

¹⁵⁸ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1923. Л. 50 об.

«Правила поведения для учеников.

1. Утром и вечером молиться Богу. 2. Не ругаться. 3. Не смеяться над другими. 4. Себя держать в чистоте. 5. Табак не курить. 6. Вино не пить. 7. Не играть в карты и никак на интерес. 8. Не воровать. 9. Не сплетничать. 10. Не хвастать. 11. Не божиться. 12. Никого не обманывать. 13. Со всеми здороваться. 14. Не обижать животных и птиц. 15. Ничем не меняться. 16. Уроки готовить добросовестно. 17. Школьные вещи и книги не портить. 18. За уроками сидеть смирно, не мешать другим, а заниматься делом. 19. Между собой жить дружно. 20. Не драться»¹⁵⁹.

Инструкциями МНП для 1-классных и 2-х классных училищ совместное обучение допускалось для мальчиков до 15 лет и для девочек до 13 лет. Дети разных полов не должны были сидеть вместе за одной партой.

Занятия в сельских училищах обычно начинались в 9 утра (весной допускалось с 8 утра) и заканчивались в 14.00, 14.30 дня. В 1-классной школе ежедневно должно было проходить 4–5 уроков. Последний урок был предназначен для рукоделия, пения, гимнастики или дополнительных занятий с отстающими. Во втором классе 2-х классного училища ежедневно проводилось по 5–6 уроков. Продолжительность уроков составляла 50–55 мин. Предусматривались перемены от 5 до 15 мин., во время которых детям давалась «свобода побегать», поиграть на свежем воздухе, а классная комната проветривалась. Все школы Югры имели печное отопление и освещались керосиновыми лампами. Топка печей должна была быть закончена за два часа до начала занятий, чтобы избежать угара и сохранить в классе нужную температуру (норматив — 12–16 градусов по Реомюру, т.е. 15–20 градусов Цельсия). Школьные помещения в отсутствие детей не менее раза в день следовало подметать мокрым веником. Утром перед уроками парты и скамьи протирались «сырой тряпкой». Влажная уборка допускалась не реже одного раза в неделю. В каждой школе обязательно имелась закрытая кадка с кипячёной остуженной водой и кружкой на цепочке, умывальник и мыло. Учитель обязан был наблюдать за правильной посадкой детей, их поведением, гигиеной, здоровьем.

В школах МНП утром занятия начинались с общей молитвы и исполнения гимна «Боже царя храни», в ЦПШ — с чтения хором утренних молитв по учебному Часослову, таких как «Царю небесный», «Отче наш», «Пресвятая Троица», а также тропаря соответствующего дня недели или отмечаемого праздника. В дни после Пасхи до праздника Вознесения Господня в начале урока пелось «Христос воскрес», а в конце «Светится, светится». После этого во всех классах проходил урок Закона Божьего. Затем шли занятия по другим дисциплинам, предусмотренным программой. Одна из трудностей, с которой приходилось встречаться при преподавании литературы и внеклассном чтении — несоответствие предлагаемого к изучению материала природно-климатическим реалиям Тобольского Севера. «Здесь ученикам непонятны многие слова, выражения и описания картин природы и труда человека, которые встречаются в школьных хрестоматиях и книгах, предназначенных... для центральной полосы России, — писал Ф. Ф. Ларионов, — Вот несколько примеров слов и выражений, которые могут вызвать у здешних учеников лишь смутные образы...: «нива золотая», «маленький, горбатенький, все поле обскакал», «мельница крыльями вертит и машет», «зеленый дуб развесистый», «заливная песнь соловьиная» и т. п., здешние ребята никогда не видели сохи,

¹⁵⁹ Источник: Школьный листок при ТЕВ. 1914. № 4. С. 25–26.

фель, вышитая по канве гарусом на черном сукне. 2) Полотенце с наконечниками, вышитыми красной бумагой крючком. 3) Полотенце с пробранными наконечниками, прошитыми белой бумагой. 4) Салфетка, вязанная из белых ниток крючком. 5) Закладка в книгу голубой шелковой ленты с вышитыми на ней белой канителью словами "1896 года г. Сургутъ"¹⁶⁵.

Кроме того, в Сургуте дети занимались огородничеством. Огород был устроен в Кондинском 1-классном училище. Здесь выращивались репа, картофель, огурцы и др.¹⁶⁶. В Берёзовской второклассной учительской школе девочки также выращивали овощи, благодаря чему в столовой «на весь год хватало своих овощей»¹⁶⁷.

Подготовка во второклассной учительской женской школе должна была опираться не только на багаж теоретических знаний, но и на практический опыт. Для этой цели педагогами сначала давались «типичные» уроки, т. е. своего рода примерные, служащие образцом для будущих учителей. Затем учащиеся готовили конспекты собственных, «практических» уроков. Последние проводились при обязательном присутствии педагога и других учеников. После занятия следовал его разбор. Замеченные недостатки подробно анализировались при активном участии всех заинтересованных сторон. В частности, если в 1910–1911 учебном году воспитанниками Берёзовской второклассной школы был проведен 31 «практический урок»¹⁶⁸, то в 1913–1914 учебном году уже 120 «практических уроков», из которых 110 отмечены как «хорошие» и лишь 10 как «плохие»¹⁶⁹.

Обязательный выпуск не был для педагогов того времени самоцелью. Приоритет отдавался качеству знаний учащихся. В то же время, в первую очередь в школах небольших населённых пунктов, не всегда этого качества удавалось достигать. Среди недостатков в обучении детей, которые отмечаются как весьма распространенные в сельских школах края, называется слабое знакомство с историей России, её государственным устройством, с основными физическими явлениями, поверхностное изучение церковнославянского языка, неумение вести устный арифметический счёт и др. Среди наиболее успешно изучаемых дисциплин называются чтение и Закон Божий: «В большинстве школ в течение зимы все дети научаются читать, а большая половина — очень бойко»¹⁷⁰. Всё это говорит об ограниченных возможностях получения хорошего образования в небольших сельских училищах, при одном педагоге, в относительной изоляции от основных культурно-просветительских центров. Однако минимальный набор необходимых знаний крестьянские дети всё-таки могли приобрести.

Учащиеся, разумеется, иногда пропускали занятия. Однако мотивы пропусков в выявленных нами документах практически всегда уважительные. В том числе называются такие причины, как болезнь, необходимость ухода за малыми детьми, отсутствие обуви, участие в сельскохозяйственных работах и промыслах. В частности, в отчёте за 1891–1892 учебный год заведующий Сосьвинской ЦПШ сообщал, что «с 16 января классные занятия прекращены по случаю существующей в нашем селе Сосьвинском эпидемии тифа. Со 2-й половины

¹⁶⁵ ТЕВ. 1896. № 19. С. 224.

¹⁶⁶ Сибирский листок. 1907. № 74.

¹⁶⁷ Школьный листок при ТЕВ. 1912. № 11. С. 82.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же. 1915. № 4. С. 39.

¹⁷⁰ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 61. Л. 30.

февраля месяца эту болезнь подверглись ученики школы. В настоящее время, после тяжких страданий, ученики слабы силами и здоровьем, не могут еще заниматься учением»¹⁷¹. В 1903–1904 учебном году «в Сургутском уезде во второй половине зимы во всех школах была эпидемия кори, повлекшая временное прекращение занятий, причем в градо-Сургутской двухклассной женской школе пришлось даже отложить до осени выпускные экзамены»¹⁷². В феврале 1914 г. из-за эпидемии скарлатины временно были закрыты Тундринское и Кушниковское 1-классные училища МНП, в декабре 1916 г. из-за эпидемии кори закрывалось Мало-Атлымское 1-классное училище МНП¹⁷³.

Рис. 4.21. Похвальный лист в честь 300-летия династии Романовых

В целом прогулы были нечастыми. Так, в Самаровском училище в 1899–1900 уч. году пропуски составили 528 учебных дней или около 5 дней в год на одного учащегося¹⁷⁴. В 1900–1901 уч. году — 120 дней или 1,4 на учащегося. В 1905–1906 уч. году всеми учащимися было по разным причинам пропущено 63 учебных дня, что составило 0,63 дня на человека в год.

Школьная жизнь не ограничивалась только занятиями и выполнением домашних заданий. В Берёзовском 3-х классном училище Ф. Ф. Ларионов организовал оркестр народных инструментов. Сам педагог играл на балалайке «альт». Дирижером выступала его супруга — Мария Андреевна. Она же иногда аккомпанировала на пианино во время различных школьных праздников. В здании училища устраивались любительские спектакли, школьные вечера, где декламировались басни и стихотворения из школьных хрестоматий, разыгрывались отрывки из драматических произведений. В 1913 г. Берёзовскому 3-х классному училищу выделили 30 руб. на приобретение 30 пар лыж «для гимнастических прогулок»¹⁷⁵. Учащиеся проводили праздники, посвященные юбилеям русских учёных и писателей, принимали участие в разного рода благотворительных акциях, посещали театральные постановки и кинематограф. В воскресные, праздничные дни учащиеся ЦППШ должны были быть в церкви за всенощной. Наиболее благонравные допускались в алтарь для помощи причту в проведении богослужения (вынос свечей, подача кадила, чтение часов). Дети, имевшие хороший голос, привлекались к пению на клиросе. В Воскресенском соборе г. Берёзова руково-

¹⁷¹ Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века... С. 403.

¹⁷² Школьный листок при ТЕВ. 1905. № 20. С. 159.

¹⁷³ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 121. Л. 22, 23, 48.

¹⁷⁴ Там же. Д. 1. Л. 47 об.

¹⁷⁵ Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу. 1913. № 9–10.

дил хором учитель уездного училища А. И. Егоров, «в пении участвуют учителя и ученики уездного училища»¹⁷⁶.

Среди внеклассных мероприятий можно отметить организацию праздников. Так, в Самаровском 2-х классном училище 29 декабря 1902 г. была проведена Рождественская елка. В числе подарков ученикам выдавали отрезки на форменное платье. Через несколько дней (3 января) дети устроили собственную ёлку, получив предварительно разрешение преподавателей. Деньги для её организации они собрали по подписке. На Рождество 1905 г. в Самаровской школе на подарки детям было израсходовано 60 руб.¹⁷⁷ В отчётах заведующего училищем среди внеклассных мероприятий отмечается также проведение прогулок с учащимися на близлежащую к селу «гору».

Ёлки устраивались и в небольших сельских школах. Деньги на подарки собирались от благотворителей и попечителей. Так, в Кондинском училище МНП в 1905 г. на елку было собрано 7 руб.¹⁷⁸ Для учащихся Мало-Атлымского училища ёлки организовывались попечителем школы А. П. Андреевым¹⁷⁹. В 1906 г. ёлка была проведена в Кушниковском училище¹⁸⁰. Особенно торжественно отмечалось в 1913 г. 300-летие дома Романовых. Свидетельство о праздновании юбилея в с. Кондинском оставлено священником З. Козловым: «Утром 21 февраля на литургии был прочитан Высочайший Манифест, полученный по телеграфу ночью; сказано было поучение, взятое из «Церковных Ведомостей». После литургии был благодарственный молебен и крестный ход вокруг храма и села. Народу было много... Благодаря заботам местного пристава, собравшего небольшую сумму денег по подписному листу, и старанию училищного персонала была устроена «елка» в церковной школе; пред началом ее было чтение об юбилейном торжестве, а потом пропет три раза гимн; после чего читались стихотворения, относящиеся к торжеству. Всё это продолжалось до 11 часов. В министерском училище выставлены были вензеля Государя Императора Николая Александровича и Царя Михаила Федоровича, писанные в живописной монастыря. Для учащихся устроено было чтение. Школа внутри была очень хорошо убрана хвоей. Торжественное празднование юбилея надолго останется в памяти у всех, в особенности у жителей, не выдавших никогда ни вензелей, ни освещения»¹⁸¹.

Пополнение школьных библиотек осуществлялось как через самостоятельные закупки, так и в форме централизованных поставок. Для обеспечения церковных школ учебными пособиями при Тобольском епархиальном училищном совете создаётся склад для книг, рекомендованных программой. Для школ, находящихся в так называемом «Низовом краю», открываются в 1887–1888 учебном году в Сургуте и Самарово книжные склады, в которых заведующие могли безвозмездно получать литературу для своих школ. Дальнейшее совершенствование системы обеспечения учебных заведений литературой следует связать с учреждением при губернском правлении 1 ноября 1906 г. Тобольского губернского книжного склада с переплётной мастерской. Рассылка книг и учебных пособий осуществлялась книжным складом

¹⁷⁶ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 335 об.

¹⁷⁷ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 82. Л. 42.

¹⁷⁸ Там же. Л. 3 об.

¹⁷⁹ Отчет о состоянии начальных училищ Тобольской дирекции за 1909 год. Тобольск, 1909. С. 18.

¹⁸⁰ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 94. Л. 14.

¹⁸¹ Школьный листок при ТЕВ. 1915. № 6. С. 48.

при губернском училищном совете. Предварительно учителя должны были представить заявки на нужную литературу, письменные принадлежности, которые закупались в Москве, Петербурге, Вятке и др. городах. Книги закладывались в ящики и затем через полицейское управление или частных возчиков отправлялись по месту назначения — в уездные центры. В Сургут и Берёзов книги посылались на пароходах в адрес уездных исправников. Оттуда они уже развозились по волостям нарочными и различными должностными лицами. Книги поступали без переплёта. Все работы по переплёту и рассылке осуществлялись летом, во время каникул. Литература поступала также путём заказов учителей в частных магазинах и фирмах, за счёт пожертвований. Например, в Сосьвинскую школу 250 экз. «Священного писания» подарил известный купец, золотопромышленник, исследователь севера А. М. Сибиряков.

Вопрос о качестве учебной литературы, её пригодности к использованию рассматривался на заседаниях педагогического совета Берёзовского 3-х классного (затем — высшего начального) училища. Одно из заседаний состоялось 1 июня 1912 года. На нём обсуждалось, «какой учебник из существующих по географии наиболее пригодный для городских училищ». Докладчиком выступил учитель географии А. Г. Гуцин. Присутствующие в ходе обсуждения пришли к следующему мнению: «Все члены совета согласились с основными положениями доклада и из всех учебников, имевшихся под руками признали наилучшими: 1) «Начальный курс географии» Иванова; 2) учебник географии Плетнева; 3) учебник географии России Баранова. Преимущества учебника Иванова перед учебниками других авторов по этому предмету заключаются во-первых, в том, что учебный материал в нем расположен от более легкого и постепенно идет переход к более трудному; во-вторых, в том, что он снабжен множеством иллюстраций и в в-третьих, в том, что изложен простым и вполне понятным для малышей языком. Учебники Плетнева и Баранова, знакомя ученика с той или иной частью света, или какой-нибудь страной, или государством, непосредственно предлагают для более прочного запоминания урока карту»¹⁸².

Библиотеки создавались в первую очередь при крупных (по масштабам Тобольского севера) учебных заведениях. О собрании книг Сургутской школы можно составить представление по «Каталогу книг фундаментальной и ученической библиотек Сургутского мужского приходского училища» от 8 сентября 1897 г. Как уже ранее отмечалось, она включала часть библиотеки бывшей казачьей школы. Состав более поздних поступлений фундамен-

Рис. 4.22. Детский журнал «Тропинка». 1912 г.

¹⁸² ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 50. Л. 35.

гальной и ученической библиотек, насчитывавший на тот момент в общей сложности 394 наименования, отличается разнообразием. Учебная литература насчитывала по 10–20 экземпляров каждого из названий: «Элементарная грамматика» Д. Тихомирова, «Сборник задач на целые числа» Евтушевского, «Арифметика для начинающих» Лева, «Арифметика» Прянишникова, «Задачник» А. Гольденберга, «Прописи русские» В. Гербача, «Наставление в Законе Божьем» протоиерея П. Смирнова, «Родное слово» (для 1-го и 2-го годов обучения), «История государства Российского» Н. М. Карамзина и др. Учебно-методическая литература была представлена пособиями по основным предметам, которые изучались в начальной школе: «Руководство по преподаванию Родного Слова» К. Д. Ушинского, «Методика письма» В. Гербача, «Руководство по преподаванию русского языка» Ф. И. Буслаева, «Методика преподавания арифметики» С. В. Житкова, «Руководство к обучению пению» Рожкова, «Педагогика» Белова. Большим разнообразием отличалась научно-популярная и историческая литература. Периодика состояла из подборок журналов педагогического, просветительского содержания: «Педагогический листок», «Народная школа», «Воспитание и обучение», «Семья и школа», «Родник», отдельные номера журналов «Грамотей», «Мирской вестник»¹⁸³.

Хорошо была обеспечена учебниками Самаровская 2-х классная школа. Её библиотека в начале XX в. содержала 88 книг по Закону Божию, 280 по русскому языку, 100 по арифметике, 52 по славянскому языку. Среди них можно указать на всё те же, что и в Сургутском училище, труды Д. Тихомирова, В. Гербача, А. Гольденберга, Евтушевского, а также «Детский мир» К. Д. Ушинского (1-я и 2-я части), «Наше Родное Слово» А. Баранова (три части), «Практический курс правописания» Н. Некрасова (1-й и 2-й выпуски), «Русский язык: Этимология» и «Русский язык: Синтаксис» К. Петрова и др.¹⁸⁴. Всего же в Самаровском училище имелось на 1906 г. 64 книги (54 названия) в учительском библиотеке; 1108 экз. учебников (152 названия), 405 экз. дополнительной литературы (360 названий) в ученической библиотеке¹⁸⁵. Выписывались периодические издания «Русская школа», «Родник», «Русский начальный учитель», «Всходы», «Детский отдых»¹⁸⁶.

Самой значительной по составу следует признать библиотеку Берёзовского уездного (позднее — трёхклассного, высшего начального) училища. На начало 1907 г. в ней насчитывалось 3064 книги 1298 названий, а в ученической библиотеке ещё 875 книг 518 названий¹⁸⁷.

В 1910 г. в среднем на одну сельскую школу МНП приходилось в Сургутском уезде 605 экземпляров книг и учебных пособий, в Берёзовском уезде — 826¹⁸⁸. В целом же в Тобольской губернии, по данным на начало 1909 г., на одно училище МНП имелось 1430 экз. книг и учебников наглядных пособий на 59 руб., на земское училище — 612 экз. книг и учебников и наглядных пособий на 33 руб.¹⁸⁹ Всего к 1916 г. в школах МНП Берёзовского уезда насчитывалось 2400 учебных пособий, 1400 учебных руководств, 6234 книг в ученических библио-

¹⁸³ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 6. Л. 7–14 об.

¹⁸⁴ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 1. Л. 47, 259 об.

¹⁸⁵ Там же. Д. 82. Л. 45 об.

¹⁸⁶ Там же. Д. 1. Л. 26.

¹⁸⁷ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2134. Л. 383 об.

¹⁸⁸ Школьный отдел при... ТГВ. 1910. № 24. С. 8.

¹⁸⁹ Там же. 1910. № 11. С. 1.

теках и 2177 в учительских, в школах МНП Сургутского уезда — 1203 учебных пособия, 384 учебных руководства, 6588 книг в ученических библиотеках и 1056 в учительских¹⁹⁰. На начало 1917 г. во всех начальных школах 1-го района Тобольской губернии имелось 94410 экземпляров книг в ученических библиотеках и 11734 экземпляра в учительских библиотеках¹⁹¹. Таким образом, в среднем на одну школу (включая передвижные) приходилось около 1166 экземпляров учебной, методической и дополнительной литературы.

Многие учебные заведения (в первую очередь крупных населённых пунктов) были неплохо снабжены наглядными материалами. Так, например, в Самаровское 2-х классное училище в 1902–1903 гг. поступили в качестве пособий 10 ученических циркулей, компас, часы, камертон, термометр, различные единицы измерения (сажень, метр, гарнец)¹⁹². Здесь же имелись два глобуса, 9 географических карт, 65 картин по наглядному обучению, «электрическая машина». В физическом кабинете Берёзовского 3-х классного училища на начало 1907 г. состояло 108 приборов и инструментов, в кабинете естественных наук — 12 предметов по зоологии, 5 по минерологии, 7 по ботанике и др. Из прочего следует отметить 44 атласа, карты и глобуса, 19 моделей для рисования и черчения, 8 прописей и т.д. и т.п.¹⁹³. В Сургутском мужском приходском училище имелись карты всех материков, глобус, картины по естественной истории, картины времён года¹⁹⁴. В каждой сельской школе должны были обязательно иметься: глобус, карты — обеих полушарий, Российской империи, Европейской России, Тобольской губернии, Палестины. В крупных населённых пунктах можно было приобрести на собственные средства различные письменные принадлежности.

В начале XX в. многие школы были уже оборудованы партами, классными досками, шкафами для учебных пособий, учительскими столами с выдвигаемыми ящиками. Однако широко также были распространены столы и скамьи. К 1913 г. в сельских 1-классных училищах МНП почти 87% парт были «правильно устроены», в земских же таковых имелось лишь 34%¹⁹⁵. В школах велась необходимая документация, позволяющая обеспечить нормальное течение учебного процесса: «Списки учеников», с указанием их ФИО, возраста, сословной принадлежности, времени поступления в школу; «Журналы», в которые записывались проведён-

Рис. 4.23. Учебник Русской истории. 1915 г.

¹⁹⁰ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 145. Л. 20.

¹⁹¹ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 115. Л. 27 об.

¹⁹² ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 1. Л. 259 об.

¹⁹³ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2134. Л. 383 об.

¹⁹⁴ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 6. Л. 14 об.

¹⁹⁵ Школьный отдел при... ТГВ. 1913. № 17. С. 12.

Рис. 4.24. Экспозиция «Церковно-приходская школа в конце XIX — начале XX в.» (Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», Иркутская область)

ные уроки, количество присутствующих и отсутствующих учеников, краткое изложение пройденного материала. Ежегодно заведующие школами обязаны были заполнять стандартные бланки, предназначенные для сбора статистической отчетности. Эти сведения служили источником для сводных отчетов, которые затем отсылались в Св. Синод и МНП¹⁹⁶.

Вопрос финансирования учебных заведений в начале рассматриваемого периода стоял достаточно остро. Поиск необходимых денежных поступлений для устройства школ оказался одной из наиболее трудно решаемых проблем в первые годы их

существования. Среди мер, намеченных и реализованных Св. Синодом и Tobольским епархиальным училищным советом можно отметить следующее. Во-первых, с согласия епархиального съезда духовенства, состоявшегося в 1886 г., была учреждена вспомогательная касса. В неё ежегодно поступал 1% сборов со всех остаточных церковных сумм, не имевших специального назначения. С 1889 г., согласно постановлению епархиального съезда духовенства, 1% сборов расходовался на жалованье учителям ЦПШ, епархиальному наблюдателю ЦПШ, на содержание второго класса образцовой школы при духовной семинарии, на устройство краткосрочных педагогических курсов. Во-вторых, указом Св. Синода в том же 1886 г. было разрешено в крещенский праздник проводить кружечно-тарелочный сбор в пользу церковных школ. Полученные деньги должны были тратиться на приобретение классных и письменных принадлежностей для беднейших школ, на проезд учителям к месту работы. В-третьих, по определению Св. Синода от 24 августа 1887 г. ежегодно из земских повинностей выделяется 10 тыс. рублей на содержание ЦПШ. В 1890 г. эта сумма была увеличена до 14,2 тыс. руб., с 1894 г. — до 24875 руб. в год¹⁹⁷. Кроме того, помощь поступала от церквей, монастырей, церковных попечительств, городских, волостных и сельских обществ, отдельных благотворителей. Были пожертвования не только деньгами, но и «натурой» от сельских обществ: предоставлялись бесплатные помещения, отопление, освещение, сторожа, продукты учителям. Однако состоятельные благотворители проживали в основном в городах и соответственно выделяли средства преимущественно на городские учебные заведения.

Основной источник содержания министерских школ в 1890-е гг. — «частные волостные повинности» (около 78% расходов на 1896–1897 учебный год) и взносы от крестьянских обществ, пожертвования, другие случайные поступления (около 21% расходов на 1896–1897 учебный год)¹⁹⁸.

¹⁹⁶ См., напр.: Школьный листок при ТЕВ. 1914. № 33. С. 177–178.

¹⁹⁷ Головин П. Д. Десятилетие церковно-приходских школ Tobольской епархии... С. 10.

¹⁹⁸ Соколов Е. Ф. Положение начального народного образования в Tobольской губернии за 1896/97 учебный год. (Статистический очерк). Tobольск, 1898. С. 7.

На 1904 г. расходы по начальным учебным заведениям могут быть представлены в виде таблицы (См.: Таблица 4.10)¹⁹⁹:

Таблица № 4.10

Уезд	Училищ МНП	Отпускаемые суммы (руб.)	В среднем на 1 школу (руб.)	Училищ Св. Синода	Отпускаемые суммы (руб.)	В среднем на 1 школу (руб.)	Всего денег (руб.)
Сургутский	2	2085	1042,5	6	1333	222,17	3418
Берёзовский	7	3869,15	552,74	10	2184	218,4	6053,15

По мере расширения сети школ всё большую роль в их финансировании играют субсидии, выделяемые казной. Возрастает значение постоянных, стабильных источников финансирования школ, что не могло не сказаться благоприятно на их дальнейшем развитии.

На 1 января 1908 г. расходы на содержание начальных училищ МНП достигли следующих величин: Сургутское мужское приходское — 2357,8 руб. от казны (здесь и далее в скобках — в том числе на оплату труда педагогов — 1852,8 руб.), 100 руб. от города, 31 руб. пожертвования; Берёзовское смешанное МНП — 514,6 руб. (313,6 руб.) и 634 руб. пожертвования; Самаровское 2-х классное — 1928 руб. (1278 руб.), Кондинское 1-классное — 578,4 руб. (438,4 руб.), Мало-Атлымское 1-классное — 678,4 руб. (438,4 руб.), Тюлинское 1-классное — 578,4 руб. (438,4 руб.)²⁰⁰. В среднем же, на 1-классное училище МНП в 1908 г. на Тобольском Севере тратилось около 600 руб. в год (из них на хозяйственные нужды, учебники, пособия и пр. — 140 руб.). Общая сумма, затрачиваемая на земские школы составляла лишь 350 руб. (300 руб. жалованье и 50 руб. на книги и письменные принадлежности), т.к. расходы на содержание не регламентировались и зависели от возможностей местного крестьянского общества²⁰¹. Передвижные училища финансировались из казны из расчёта 700 руб. в год (включая оплату учителю и законоучителю 480 руб., наём квартиры 140 руб., приобретение книг и письменных принадлежностей 80 руб.)²⁰².

В относительно крупных школах казной выделялись более значительные средства на хозяйственные расходы: отопление, доставку воды, ремонт, уборку помещений, канцелярские принадлежности и др. В небольших сельских училищах расходы на обслуживание школьного здания, как правило, возлагались на местное население.

По данным на 1914 г., на школы Берёзовского уезда, подчиненные МНП (без высшего начального училища) тратилось ежегодно 10234,8 руб. Из них поступления из государственного бюджета составляли 6579,8 руб. (64,3%), ещё 3115 руб. (30,4%) — земские, общественные, словные сборы, 540 руб. (5,3%) — пожертвования. В Сургутском уезде общая сумма расходов

¹⁹⁹ Курочкин И. Сведения о нуждах и состоянии начального народного образования в Тобольской губернии в 1904 г., с планом последовательного развития средств начального образования губернии до полного достижения общедоступности его. Тобольск, 1905. Табл. 2.

²⁰⁰ Школьный отдел при... ТГВ. 1908. № 8. С. 8–9.

²⁰¹ Там же. № 3. С. 9.

²⁰² ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

достигала 7024,24 руб. В том числе 6582 руб. (93,7%) составляли поступления из государственного бюджета, 395 руб. (5,6%) — местные сборы, 47,24 руб. (0,7%) — пожертвования²⁰³.

Расходы на 1 церковную школу в Тобольской губернии возросли с 262 руб. в 1901 г., до 504,7 руб. в 1914 году²⁰⁴. Из 251247 руб., затраченных на начальные церковные школы края в 1913 г. (без сумм, выделенных на содержание управленческого аппарата), 181603 руб. было отпущено из казны (72,28%) и 69644 — «из местных средств» (27,72%)²⁰⁵.

В 1916 г. годовой бюджет училищ МНП (без ремесленных отделений) составлял: 2-х классные — в Самарово 2100 руб., в Сургуте — 2555 руб.; 1-классные — 700–760 руб. (из них 700 руб. из казны), земские — 710–770 руб. (из них 385 от казны)²⁰⁶. В среднем, на одну начальную школу в 1-м районе Тобольской губернии к 1916 г. расходовалось 1076 руб. в год. На одного учащегося тратилось в среднем 21 руб. в год, на одного педагога — 512 руб. в год²⁰⁷.

В значительно лучшем положении находилось Берёзовское уездное училище. На его нужды в 1890-е гг. выделялось из казны 4520–4580 руб.²⁰⁸ В 1902 г. в связи с преобразованием училища в 3-х классное бюджет увеличился до 5700 руб. (в аналогичных училищах на юге губернии, напр., в Ишиме, Ялуторовске, Таре — по 3325 руб.). На начало 1907 г. Берёзовское училище получало 7024 руб. в год из казны и лишь 66,6 руб. в виде пожертвований²⁰⁹. В 1908 г. государственное пособие было увеличено до 9185 руб.²¹⁰ В 1913 г. училище получило 8535 руб. 19 коп. от казны, процентов с пожертвованных капиталов — 153,25 руб. и от казны на ремесленное обучение 1400 руб.²¹¹

Годовой бюджет Берёзовской второклассной учительской школы складывался из казённых и местных средств (частных пожертвований) и составлял в 1914 г. 4043 руб.,²¹² в 1916 г. — 4897 руб.²¹³.

3. Педагогический состав и учащиеся школ

В первые годы существования церковных школ ощущался дефицит педагогических кадров. Поэтому священнослужителям нередко приходилось совмещать пастырские обязанности с заведованием школой и преподавательской деятельностью. Как правило, преподавание никак не оплачивалось. Результаты обучения полностью зависели от личности священника, от его ответственности, добросовестности и трудолюбия. Не всегда у них имелся достаточный

²⁰³ Школьный отдел при... ТГВ. 1915. № 10.

²⁰⁴ Обзор Тобольской губернии за 1901 г. Тобольск, 1902. С. 44, Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск, 1916.

²⁰⁵ Школьный листок при ТЕВ. 1914. № 20. С. 158.

²⁰⁶ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3176. Л. 132 об-136.

²⁰⁷ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 115. Л. 28.

²⁰⁸ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа... Томск, 1897. С. 121.

²⁰⁹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2134. Л. 389.

²¹⁰ Там же. Д. 2351. Л. 217.

²¹¹ Там же. Д. 2943. Л. 230.

²¹² ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 62. Л. 4, 7.

²¹³ ГАТ. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 188. Л. 3 об.

уровень подготовки, профессионально-методических и педагогических знаний. Членам причта сложно было совмещать обязанности по окормлению верующих и преподавание. Однако часто духовенство весьма успешно справлялось с возложенными на него обязанностями. Например, в одном из рапортов Сургутского благочинного С. Тверитина указывалось: «Священник села Нижне-Лумпокольского о. Филипп Тверитин и Псаломщик города Сургута Флегонт Попов особенно пред прочими отличаются честностью и исполнительностью по службе и благонравием, последний из них занимает должность учителя в церковно-приходской школе»²¹⁴. И. Е. Егоровым были разработаны практические задания, способствующие тренировке детей коренного населения в чтении на русском языке, такие, как «Наша семья», «Наши юрты», «Обдорск», «Город Тобольск» и др. Он также активно занимался переводческой деятельностью, написанием учебной литературы. В Тобольске были изданы его работы «Книга для обучения самоедских детей читать и писать» (1893 г.), «Книга для обучения остяцких детей читать и писать» (1898 г.), «Священная история на остяцком языке» (1900 г.), «Священная история по-самоедски» (1903 г.).

Должности учителей замещались также и светскими лицами. Значительная группа педагогов формировалась из детей сельских священнослужителей, чиновников и купцов. Как правило, это были молодые люди 19 лет и старше, закончившие ЦПШ, Тобольскую Мариинскую женскую школу, епархиальное или уездное училище. Например, дочь чиновника А. Резанова преподавала в Берёзовской школе, дочь псаломщика М. Милованова, купеческая дочь Тетюцкая — в Сургутской школе.

По данным на 1901 г., во всех 12 школах Тобольского Севера, ведомства православного исповедания (6 ЦПШ и 6 школ грамоты) заведующими и законоучителями являлись священнослужители. Пятеро из них имели незаконченное семинарское образование, двое окончили курс духовного училища, И. Егоров — Омскую учительскую семинарию, трое вышли из разных классов духовного училища. Штатные учителя из числа светских лиц имелись в 6-ти школах. Таким образом, ещё в первые годы XX в. учителей — клириков по-прежнему было значительное большинство. В Берёзовской, Щекуринской, Сосьвинской школах они совмещали все три должности — заведующего, учителя и законоучителя.

К концу первого десятилетия XX в. в целом сформировались уже постоянные кадры учителей церковных школ — светских лиц. В 1906 г. светским педагогам разрешено было преподавать Закон Божий (под общим руководством приходского священника), что позволило в некоторой степени разгрузить причт от этой обременительной и малооплачиваемой

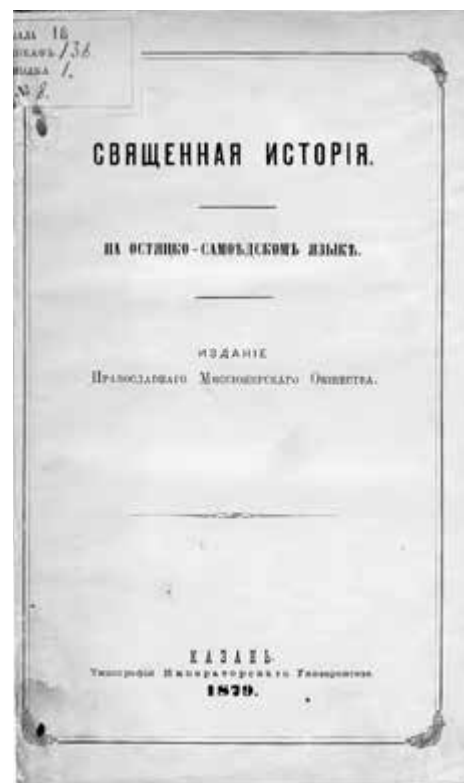

Рис. 4.25. Священная история

²¹⁴ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 56–63 об.

обязанности. В подавляющем большинстве педагогами являлись молодые женщины, закончившие Мариинскую школу в Тобольске, прогимназию, епархиальное училище. В ведении священнослужителей остаётся заведование школами и законоучительство. Данное обстоятельство положительно сказалось на уровне преподавания в церковных школах и способствовало облегчению труда приходских пастырей. В учебных заведениях крупных населённых пунктов (Сургут, Берёзов) уже имелось по нескольку педагогов, специализировавшихся на различных уровнях обучения.

Таблица № 4.11

**Уровень образования учителей церковных школ
Берёзовского и Сургутского уездов**

Образование / год	1895–1896 г.		1908 г.	
	священники — законоучители	Светские учителя	священники — законоучители	Светские учителя
Среднее*	2	2	2	8
Незаконченное среднее**	1	–	6	4
Начальное***	–	3	4	6
Незаконченное начальное, домашнее	5	–	–	–
Нет сведений	2	1	–	1
Итого:	10	6	12	19

* — Тобольская Мариинская школа, епархиальное духовное училище, учительская семинария, Тобольская духовная семинария

** — прогимназия, незаконченный курс одного из вышеуказанных средних учебных заведений

*** — ЦПШ, уездные училища, духовные училища, Образцовая школа при ТДС.

В 1913 г. из 26 учителей церковных школ Берёзовского и Сургутского отделений 3 закончили епархиальное женское училище, 1 — женскую прогимназию, 4 — Мариинскую женскую школу, 1 — церковно-учительскую школу, 3 — второклассную, 7 — 2-х классную, 1 — 1-классную, 2 имели домашнее образование²¹⁵. В 1916 г. из 26 учителей церковных школ Берёзовского и Сургутского отделений (без второклассной) со средним образованием насчитывалось 2 человека, имевших звание учителя — 21, «неправоспособных» — 1²¹⁶.

В сельских школах МНП, как и в церковно-приходских, как правило, преподавал один педагог вместе с законоучителем — местным священником. Часто учителю приходилось брать на себя обязанности и преподавателя Закона Божия, если по каким-либо причинам члены

²¹⁵ Школьный листок при ТЕВ. 1914. № 24. С. 189.

²¹⁶ Там же. 1916. № 21. С. 161.

причта не могли работать в школе. Более одного учителя (не считая законоучителя) имелось в Самаровском, Сургутском 2-х классных училищах, Берёзовском второклассном, Берёзовском уездном (3-х классном, ВНУ) училищах.

Так, в Самаровском двухклассном помимо законоучителя в штате состояли 3 педагога (один из них одновременно и заведующий школой). В Берёзовском уездном училище (городском трёхклассном, ВНУ) помимо законоучителя состояло обычно 4 педагога, включая инспектора. В Берёзовской второклассной учительской женской школе в большинстве случаев педагогами являлись молодые женщины, закончившие курс епархиального училища.

Всего же в 1-м районе МНП на 1914–1915 учебный год все 127 учителей и учительниц начальных школ МНП являлись правоспособными, т.е. имели специальную подготовку или же сдали экзамен на звание учителя. Соотношение учителей мужчин и женщин в начальных школах 1-го района составляло 1 к 5, тогда как в XIX в. учителя-мужчины преобладали. Постепенно в крае профессия учителя становилась «женской». Данные об уровне образования учителей школ МНП дают представление таблицы.

Таблица № 4.12

**Уровень образования светских учителей начальных школ
МНП Берёзовского и Сургутского уездов в 1907–1913 гг.²¹⁷
(без Берёзовского 3-х классного училища)**

Год (на 01.01)	Уезд	Всего учителей (муж./жен.)	Из них со специальным образованием (муж./жен.)	Из них со средним и или начальным образованием (муж./жен.)	Без образования
1907	Берёзовский	9 (3/6)	2 (2/-)	7 (1/6)	–
	Сургутский	5 (4/1)	–	5 (4/1)	–
1908	Берёзовский	8 (2/6)	2 (2/-)	6 (-/6)	–
	Сургутский	6 (5/1)	4 (4/-)	2 (1/1)	–
1909	Берёзовский	9 (3/6)	2 (2/-)	7 (1/6)	–
	Сургутский	6 (4/2)	3 (3/-)	3 (1/2)	–
1910	Берёзовский	10 (4/6)	4 (4/-)	2 (-/2)	4 (-\4)
	Сургутский	8 (5/3)	7 (5/2)	1 (-/1)	–
1912	Берёзовский	10 (4/6)	3 (3/-)	7 (1/6)	–
	Сургутский	9 (5/4)	5 (5/-)	4 (-/4)	–
1913	Берёзовский	11 (4/7)	4 (4/-)	7 (-/7)	–
	Сургутский	9 (4/5)	3 (3/-)	6 (1/8)	–

²¹⁷ Составлено по: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2134. Л. 349; Школьный отдел при... ТГВ. 1908. № 16. С. 11; 1909. № 23. С. 11; 1910. № 14. С. 11; 1912. № 13. С. 5; 1913. № 13. С. 6.

Таблица № 4.13

**Уровень образования светских учителей школ МНП 1-го района
(Тобольский, Берёзовский, Сургутский уезды) на 1916 г.²¹⁸**

	Всего учителей	Из них со специальным образованием	Из них со средним и или начальным образованием, сдавшие экзамен на звание учителя
Мужчин	21	14	4
Женщин	106	8	98
Всего:	127	22	102

Росту педагогического мастерства способствовали периодически проводившиеся с 1889 г. в Тобольске, других городах и сёлах губернии (Тюмени, Ялуторовске, Туринске, Таре, с. Введенском Курганского уезда и др.) во время летних каникул «краткосрочные педагогические курсы» (т.е. курсы повышения квалификации). На каждом из них проходило обучение до 100 учителей из различных уголков епархии. Однако педагоги Тобольского Севера из-за дальнего расстояния на этих занятиях были представлены слабо. Так, в 1902 г. из 99 «курсистов» двое приехали из Сургутского уезда и один — из Берёзовского, в 1903 г. из 95 — лишь двое из Сургутского уезда²¹⁹. Проезд, проживание и питание оплачивались за казённый счёт. Занятия, которые вели опытные педагоги начальных школ г. Тобольска, духовной семинарии, духовных училищ продолжались от одного до полутора месяцев. Программа преду-

Рис. 4.26. Краткосрочные педагогические курсы. 1908 г.

²¹⁸ ГАТ. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 115. Л. 48 об.

²¹⁹ Школьный листок при ТЕВ. 1903. № 4. С. 28; 1904. № 1-2. С. 12.

считывала помимо уроков по предметам, преподававшимся в ЦПШ и училищах МНП, беседы по педагогике, психологии, методике обучения, дидактике, сельскому хозяйству, экскурсии к местным достопримечательностям (музей, монастыри, городской водопровод, сельскохозяйственная школа и др.). Из учащихся различных ЦПШ организовывалась «временная школа» — своего рода «полигон» для практических упражнений «курсистов». Предварительно примерно за неделю руководитель группы сообщал тему предстоящих занятий. Вся группа должна была изучать методическую литературу и готовить конспекты. Накануне дня занятий преподаватель просматривал конспекты и сообщал, кто должен на следующий день вести уроки. Таким способом удавалось добиваться высокого качества подготовки учителей без того, чтобы слушатели присутствовали на множестве однотипных занятий.

Средний срок службы учителя начальной школы определялся директором народных училищ Тобольской губернии приблизительно в 10 лет²²⁰. Затем педагог обычно выбирал какой-либо другой вид деятельности. Однако некоторые учителя служили на протяжении значительной части своей жизни. В качестве примера можно привести Александру Васильевну Крючеву — дочь мещанина, окончившую низшее отделение Мариинской женской школы. Она преподавала в Кондинской монастырской школе с 1899 г. вплоть до её закрытия, после установления советской власти работала в Кондинской школе I ступени. За многолетний труд на ниве народного просвещения в 1912 г. А. В. Крючева была награждена серебряной медалью для ношения на Александровской ленте. Именно при ней в Кондинской школе было впервые введено «правильное» обучение по программе ЦПШ.

Более чем двадцатилетний педагогический стаж имела выпускница Тобольской Мариинской женской школы Наталья Львовна Петрова — учительница Мало-Атлымского 1-классного училища, Берёзовского смешанного городского училища МНП и др. учебных заведений. Такой же стаж был и у А. В. Добровольской, закончившей 1-е отделение Мариинской женской школы учительнице Берёзовского женского приходского училища, градо-Берёзовской смешанной церковно-приходской школы. Свыше 20 лет проработали в системе

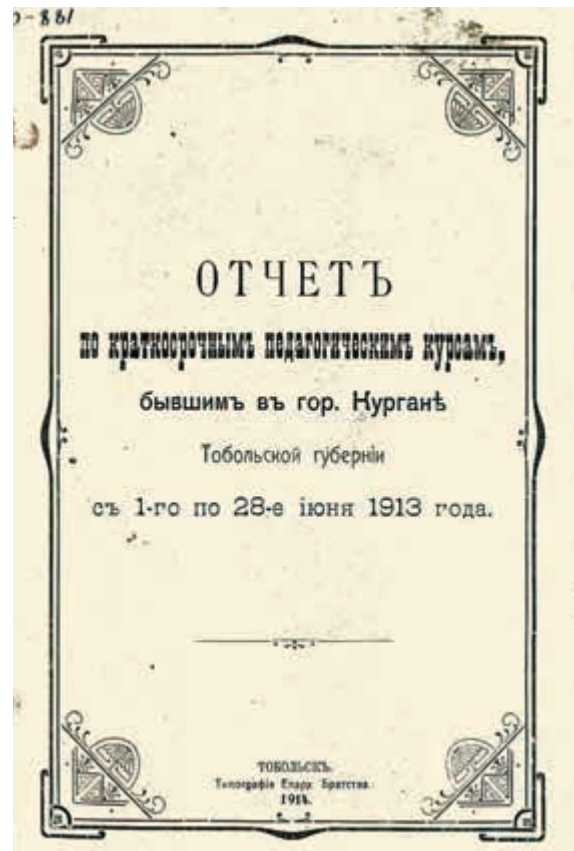

Рис. 4.27. Отчёт по педагогическим курсам

²²⁰ Сведения о состоянии и нуждах начального народного образования в Тобольской губернии в 1904 г., с планом последовательного развития средств начального образования губернии до полного достижения доступности его. Тобольск, 1905. С. 17.

образования учитель истории и географии Берёзовского уездного училища Александр Григорьевич Гушин; священник, законоучитель Сургутского мужского приходского училища, Сургутской ЦПШ, Нижне-Лумпокольской школы грамоты Стефан (Степан) Васильевич Тверитин. Своего рода учительскую династию представляли отец и сын Сухановы. Старший — Иван Иванович (1859–1902 гг.) был выпускником Туринского уездного училища. С 1878 или 1879 г. занимал должность учителя Шеркальского сельского приходского училища, в 1881–1882 гг. — Сургутского приходского училища. С 10 июля 1884 г. по 12 апреля 1885 г. И. И. Суханов был учителем русского языка Берёзовского уездного училища, откуда был уволен приказом главного инспектора училищ Западной Сибири за речь, произнесённую «без разрешения на годичном акте училища», где «коснулся положения учителей и необходимости увеличения содержания». Его сын, Сергей Иванович Суханов, до 1 декабря 1907 г. был учителем в Кушниковском сельском училище, организовал при школе метеорологическую станцию, в 1907–1909 гг. был учителем в г. Сургуте. Из числа коренных жителей следует указать на Алексея Григорьевича Охранова — остяка юрт Низямских, выпускника Образцовой 2-х классной ЦПШ при Тобольской духовной семинарии, учителя Шеркальской ЦПШ с 1894 года. Впоследствии он работал учителем Мужевской ЦПШ, в 1907 г. принял сан священника, служил на дьяконской должности в Обдорской миссионерской церкви, являлся законоучителем и заведующим Няксимвольской ЦПШ. Его педагогический стаж на 1916 г. достиг 22 лет.

Литературной деятельностью занимались ларьякский учитель Григорий Матвеевич Дмитриев-Садовников, выпускник Омской учительской семинарии, учитель Сургутского мужского приходского училища Петр Яковлевич Киреев. Инспектором и учителем Берёзовского трёхклассного училища, затем ВНУ на протяжении ряда лет являлся Федор Филиппович Ларионов. С 1 августа 1897 г. он был определён учителем русского языка, а также чистописания, черчения и рисования. С 1 октября 1903 г. уволен со службы. С 1 июля 1905 г. поступил учителем Тобольского 4-х классного городского училища. С 1 сентября 1906 г. вернулся на север заведующим и учителем Берёзовского 3-х классного училища. С 1 июля 1914 г. перемещён на должность заведующего Вторым Тюменским высшим начальным училищем.

Заведующим Самаровским 2-х классным училищем являлся Семен Васильевич Серков. Он родился в 1859 г. в семье священника, в 1883 г. окончил Тобольскую духовную семинарию, в феврале 1885 г. становится учителем, преподавал в различных школах Туринского уезда Тобольской губернии. С 1 сентября 1899 г. С. В. Серков приступает к работе в Самаровском начальном училище. В дальнейшем он был заведующим и учителем второго класса Самаровского 2-х классного училища, был награждён темнобронзовой медалью за труды по организации переписи населения.

Взаимоотношения детей и педагогов складывались по-разному, в первую очередь под влиянием личных качеств последних. Например, когда из Самаровского 2-х классного училища в 1902 г. уехала Мария Михайловна Милованова, дети так были огорчены, что говорили, что им не хочется больше учиться²²¹. По рапортам С. Тверитина выпускница Мариинской женской школы учительница Сургутской ЦПШ М. Кириленко «дело учения поставила хорошо и как сама мастерица петь приучила детей петь многие церковные песни». Ученицы принимали активное участие в воскресных и праздничных богослужениях, отмечена высокая

²²¹ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 1. Л. 220.

Рис. 4.28. К. А. Трутовский. Сельская учительница, 1883 г. (Фонды Государственного музея Республики Татарстан)

посещаемость детьми школы, «лучше Кириленко, и желать не нужно», — заключает председатель уездного отделения²²². Следует также привести впечатления анонимного корреспондента «Школьного листка» о посещении с. Пауло-Шаимского и местной 1-классной ЦПШ: «Зашел я в школу. Познакомился с о. законоучителем и учителем Павлом Ефимовичем Жолобовым. Побеседовали... Поинтересовался занятиями в школе. Дети отлично читают, считают, знают Закон Божий, а поют на удивление хорошо! Не удержался, — сказал детишкам, что они счастливы, так как в такой глуши и так хорошо они всему научены, благодаря единственно старанию о. Семена и Павла Ефимовича... Павел Ефимович безвыездно жил 3 года в кондинских дебрях, зимой занимался в школе, а летом — в инородческих паулах, неся свет ученья, скрашивая этим светом несчастную жизнь вогул, спаиваемых и развращаемых скупщиками рыбы, пушнины, ягод и орехов... В половине апреля Павел Ефимович приехал в город, а в конце апреля он мне радостно сообщил: “Я еду опять в Шаим, и надолго!” С Богом»²²³.

Корреспондент Тобольской газеты «Сибирский листок» за 1910 гг. сообщает жителям губернии о «безвременно погибшей» сургутской учительнице Н. Г. Тутолминой, называя её «светлым лучом в сургутской серенькой жизни». «Во внешкольной жизни веселая и жизнерадостная, чуждая обычных грязных сплетен захудалых уездных городишек», — отмечает автор публикации, «энергичная» Надежда Григорьевна пользовалась «всеобщей любовью и ува-

²²² ГАТ. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 19. Л. 191 об-192.

²²³ Школьный листок при ТЕВ. 1913. № 12. С. 48–49.

Рис. 4.29. Урок в училище. Фото начала XX в.

жением, с открытия осенью в чайной попечительства трезвости чтений для народа она принимала в них участие в качестве лектора, без неё не обходился также ни один спектакль...»²²⁴. В 1912–1913 гг. преподавателем Образцовой школы была дочь священника Ольга Михайловна Резанова: «В занятиях проявила много усердия, занималась по всем предметам, даже по Закону Божию... Она достигла более чем средних успехов в своих занятиях»²²⁵.

Ещё один положительный пример — педагог Ларьякской школы Г. М. Дмитриев-Садовников. Как отмечалось в одной из корреспонденций газеты «Сибирский листок», «дети очень привязались к школе и учителю, с которым проводят свободное от занятий время в лесу на охоте и на рыбной ловле. Будучи знаком с рисованием, учитель ввел преподавание рисования в школе к большому удовольствию учеников... Дети оказались очень способными к учению, любознательными. К школе льнут и взрослые, ходят к учителю, любят смотреть картинки в “Ниве”»²²⁶.

Творческой личности жилось не очень комфортно в сибирской глуши вдали от цивилизации в течение продолжительного времени. В опубликованной на страницах «Сибирского листка» заметке, посвященной положению учителей Кондинского края, рисовалась безотрадная картина, связанная с оторванностью педагогов от основных центров культуры: «С наступлением лета учащий, располагая свободным временем, мог бы встряхнуться, набраться новых впечатлений, услышать человеческое слово, приобщиться, хотя на короткое время, к культурной

²²⁴ Н. Н. Г. Тутолмина // Сибирский листок: 1908–1911. Тюмень, 2003. С. 296.

²²⁵ ГАТ. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 108/3. Л. 64.

²²⁶ Сибирский листок: 1901–1907. Тюмень, 2003. С. 413.

жизни, забыть, хотя на время, глушь и дичь окружающую, не чувствовать ужасного гнета одиночества, оторванности, заброшенности, но, увы! В летнее время сообщение только по в лодках по р. Конде... От последнего же кондинского села — Сатыженского (церковноприходская школа) до Иртыша более 500 верст. Таким образом, чтобы добраться только до ближайшей пристани на р. Иртыше, а потом обратно к месту служения, нужно израсходовать, по меньшей мере, одну треть своего годового жалования, или забыть о своих духовных и человеческих запросах и потребностях...»²²⁷. Даже в одном из административных центров края — Берёзове — атмосфера для энергичного и творческого человека была далека от идеала. «Но скоро я понял, — вспоминал Ф. Ф. Ларионов, — что жизнь в Берёзове имеет ряд отрицательных сторон, главная из которых — убаюкивающая тишина и отсутствие всяких умственных интересов в здешнем обществе... Здесь крылась опасность для молодого, ещё не умудренного жизненным опытом человека, не получившего к тому же твёрдой умственной закалки для организации собственной духовной жизни, — опасность опуститься и погрязнуть в тине мелких интересов»²²⁸. У человека, находившегося вне привычной сферы общения, а также и вне своего рода контроля со стороны коллег, людей равных по социальному статусу, со сходными интересами, могли проявляться недостатки, в иных условиях подавляемые или тщательно скрываемые — злоупотребление алкоголем, апатия и лень, высокомерие к нижестоящим, некритическое отношение к самому себе.

В сложном положении оказывались педагоги сельских школ, имевших общежития. Фактически им приходилось едва ли не круглые сутки присматривать за детьми, контролировать их досуг, выполнение домашнего задания, что далеко не каждому было под силу. Среди факторов, неблагоприятно влиявших на деятельность педагогов, следует также назвать жёсткую регламентацию со стороны властей всего, что выходило за строго очерченные официальными установлениями рамки, пресечение излишней инициативы и самостоятельности, борьба с «вредными мыслями» и разного рода крамолой, которая могла видаться в каких-либо неординарных поступках. Регламентировалось даже вступление в брак и другие вопросы личной жизни. В таких сложных условиях педагогическая стезя далеко не всегда воспринималась в качестве оптимального выбора жизненного пути. Тем не менее, к 1910-м гг. начинает формироваться слой педагогов — профессионалов, чей жизненный путь был непосредственно связан с Тобольским Севером.

Рис. 4.30. Н. П. Богданов-Бельский. У больного учителя. 1897 г.
(Фонды Государственной Третьяковской галереи)

²²⁷ Сибирский листок: 1912–1919. Тюмень, 2003. С. 222–223.

²²⁸ Ларионов Ф. Ф. Семейная хроника... С. 11.

Рис. 4.31. Обучение в женской гимназии
(Фонды Государственного архива в г. Шадринске)

Должность учителя не приносила значительного материального достатка. Заработная плата педагогов зависела от статуса учебного заведения и от уровня подготовки и квалификации. Оплата труда в уездном или 2-х классном училище была выше, чем в сельском одноклассном. На размер вознаграждения влияла также ведомственная принадлежность школы. До 1880-х гг. церковные школы, как и их учителя, не получали стабильного содержания. В училищах МНП до июля 1881 г. жалование составляло 120 руб. в год. Затем оплата труда педагогов, как и финансирование школ в целом,

начинают увеличиваться. В результате с начала 1880-х гг. до рубежа XIX–XX вв. наставники министерских и церковно-приходских одноклассных школ зарабатывали в год 150 — («неправоспособный» учитель), 200 руб. («правоспособный» учитель), школ грамоты — 60–150 руб.

Более высокое жалование выплачивалось педагогам со средним образованием. Например, А. Резанова, окончившая Мариинскую женскую школу, получала 200 руб. в год, выпускник учительской семинарии И. Е. Егоров — 180 руб. Учителя — псаломщики получали, как правило, 30–60 руб. в год из средств епархиального училищного совета. С 1897 г. в школах МНП Берёзовского и Сургутского уездов жалование увеличилось до 300 руб.²²⁹ К 1904 г. жалование учителя и в церковных школах также возросло с 200 руб. до 300 руб. (если он один преподавал в школе) или 240 руб. (когда учителей в школе было двое) в год²³⁰. По данным на 1907 г., во всех 1-классных школах МНП учитель получал уже 360 руб., законоучитель — 100 руб.²³¹ Законом, принятым Государственной думой и одобренным императором 12 июля 1913 г., жалование для учителей ЦПШ Тобольской епархии было установлено в размере 360 руб. в год, законоучителей — 30 руб. в год²³². Всего в 1913 г. расход на жалование учителей в 1-классных ЦПШ в Тобольской епархии составлял 377,5 руб., законоучителей — 29,5 руб. на 1 школу. При этом 92,1% всех денег выплачивалось из казны, и лишь 7,9% — из местных средств²³³. К 1916 г. жалование в 1-классных ЦПШ повысилось до 520 руб., а с 1917 г. — до 840 руб. в год.

В 2-х классных училищах, в частности, в Самаровском, выплачивалось с 1899 г. 480 руб. в год старшему учителю и заведующему учебным заведением; 420 руб. второму учителю и 300 руб. помощнику учителя. В Берёзовской второклассной учительской женской школе заведующий

²²⁹ Соколов Е. Ф. Положение начального народного образования в Тобольской губернии за 1896/97 учебный год. Тобольск, 1898. С. 10.

²³⁰ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 797. Оп. 96. Д. 197. Л. 3.

²³¹ Школьный отдел при ... ТГВ. 1908. № 3. С. 9.

²³² Школьный листок при ТЕВ. 1913. № 20. С. 107.

²³³ Там же. 1914. № 19. С. 148–149, № 20. С. 158.

щий (священник) получал 360 руб., старший учитель — 540 руб., два других учителя — по 480 руб. в год.

Самое сложное положение с финансированием существовало в сельских начальных училищах, содержавшихся исключительно за счёт губернского земского сбора, т.е. местных поступлений. Таковых в Берёзовском уезде в начале XX в. насчитывалось три: Белогорское, Елизаровское и Сухоруковское. Аналогичный статус имело несколько училищ северной части Тобольского уезда — Базьяновское и Реполовское Самаровской волости, Нахрачинское Кондинской волости, Филинское, Цингалинское Филинской волости. В этих школах тратилось иногда лишь 130–140 руб. на жалованье учителю и 60 руб. — законоучителю²³⁴. В Реполовском и Базьяновском училищах затраты были несколько выше — по 260 руб. на жалованье учителю и, кроме того, по 20 руб. на отопление, 20 руб. на наём сторожа и ещё от 6 до 9 руб. на освещение²³⁵. Многое здесь зависело от зажиточности местных крестьян. По данным на 1907 г., в земских школах учитель в среднем получал 240 руб., законоучитель — 60 руб. в год²³⁶.

Наиболее высокая оплата труда была в Берёзовском уездном (затем 3-х классном, высшем начальном) училище. Данное учебное заведение находилось на полном государственном обеспечении, имело наиболее квалифицированный педагогический состав. На 1 января 1889 г. штатный смотритель училищ — высшее должностное лицо в сфере народного образования в крае — получал 450 руб. жалованья, 100 руб. квартирных, 60 руб. — на разъезды и 110 руб. 25 коп. «добавочных». Учителя Берёзовского уездного училища получали по 350 руб. в год (преподаватель чистописания, черчения и рисования — 200 руб.)²³⁷. В 1889 г. жалованье педагогов Берёзовского уездного училища возросло до 720 руб.,²³⁸ а учителя черчения, рисования и чистописания до 400 руб. в год. Дополнительные выплаты начислялись «за выслугу лет в Сибири», за работу библиотекарем, секретарем, «хранителем учебных пособий». Штатный смотритель стал получать 900 руб. жалованья, 100 руб. квартирных, 10 руб. 25 коп. «за сибирскую службу», 60 руб. «разъездных», всего же 1170 руб. 25 коп. в год²³⁹. В 1902 г. в связи с преобразованием уездного училища в 3-х классное жалованье учителя — инспектора (штатного смотрителя) было увеличено до 1280 руб. в год, законоучителя — до 660 руб., учителей — до 1230 руб. (включая квартирные и столовые деньги). Кроме того, учителю гимнастики оплачивали 150 руб. в год²⁴⁰. К 1909 г. годовое жалование инспектора выросло до 1555 руб. У учителей с различными доплатами (квартирные, столовые, за сибирскую службу) жалование доходило до 1580–1776 руб. Для сравнения, районный инспектор получал в 1904 г. годовое жалованье 2 тыс. руб. При необходимости поездок по служебным делам — на совещания в Тобольск, участие в работе экзаменационных комиссий штатному смотрителю выплачивались командировочные расходы.

²³⁴ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

²³⁵ Там же. Д. 1. Л. 33 об.

²³⁶ Школьный отдел при ... ТГВ. 1908. № 3. С. 9.

²³⁷ Из общего именованного списка лиц, служащих в разных должностях по уездным, городскому, городским приходским и сельским начальным мужским, женским и для обоего пола училищам Тобольской дирекции к 1 января 1889 г. // История Югры в документах ... С. 246–247.

²³⁸ Суханов И. И. К вопросу об увеличении жалованья народным учителям Берёзовского края // Пондоржник: краеведческий сборник. Тюмень, 2005. Вып. 3. С. 69.

²³⁹ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888/89 год. Томск, 1889. С. 131.

²⁴⁰ Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу. 1902. № 4.

Таким образом, размер годового жалования учителя в конце XIX — начале XX вв. колебался от 200 до 1500 руб. в год. Рядовой сельский учитель на Тобольском Севере получал 300–350 руб. В целом, уровень финансового обеспечения педагогов к концу рассматриваемого периода следует признать вполне приемлемым.

Состав учащихся зависел от национального и социального состава местного населения. В начале рассматриваемого периода «инородческие» дети в учебных заведениях практически полностью отсутствовали. Впоследствии ситуация стала меняться. В первые годы XX в. представители коренной национальности были представлены в двух миссионерских школах и в сельских населённых пунктах со смешанным населением.

Среди учащихся Берёзовской второклассной учительской школы в 1913–1914 гг. доля детей русских составляла 79,4% (27 чел.), а детей «инородцев» (зырян, самоедов, остяков) — 20,5% (7 чел.)²⁴¹. В 1916 г. из 37 учениц русских было 31, остяков — 2, самоедов — 2, зырян — 1, евреев — 1²⁴². В Мало-Атлымском одноклассном училище МНП в 1905 г. из 14 мальчиков и 14 девочек 8 мальчиков и 8 девочек составляли представители коренной национальности²⁴³. В Ларьякском одноклассном училище в 1906 г. обучалось 9 детей ханты. Однако к осени 1913 г. их число сократилось до одного²⁴⁴. В Саранпаульской ЦПШ в 1916 г. из 49 учащихся было 40 русских и 9 самоедов²⁴⁵. Три мальчика и две девочки ханты проходили обучение в разное время в Пауло-Шаимской школе²⁴⁶. Небольшое число остяков состояло в Болчаровском сельском училище. В Кондинской миссионерской ЦПШ на 1896 г. обучалось 4 «инородческих» мальчика и 5 девочек, на 1908 г. — 9 детей ханты. К 1916 г. их число увеличилось до 14²⁴⁷. Манси обучались в некоторых школах Берёзовского и северной части Туринского уезда: 15 в Сатыгинской и 7 в Леушинской, по данным на 1915–1916 учебный год²⁴⁸.

Социальный и конфессиональный состав учащихся отражал структуру местного населения. Согласно журналу Берёзовского женского приходского училища МНП за 1906 г. обучалось 19 человек, зачисленных в первый, второй и третий классы; среди них было: детей чиновников — 6, священнослужителей — 3, купцов — 1, мещан — 8, крестьян — 1²⁴⁹. К сословию дворян принадлежало 4, духовенства — 1, мещан и купцов — 13²⁵⁰. В Самаровском училище абсолютное большинство составляли дети «сельских сословий», т. е. крестьян. В небольшом количестве встречались представители духовенства, купечества и мещанства. В равной степени это относится и к подавляющему большинству сельских школ.

Из-за неодинакового уровня начальной подготовки детей нередко в разных классах были сбраны учащиеся, различающиеся по возрасту. В смешанных школах мальчиков обычно было

²⁴¹ Ведомость о церковных школах Тобольской епархии за 1914 гражданский год // ТЕВ. 1915. С. 82–83.

²⁴² ГАТ. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 188. Л. 4–7.

²⁴³ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 82. Л. 5 об.

²⁴⁴ Там же. Д. 122. Л. 58.

²⁴⁵ ГАТ. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 188. Л. 42.

²⁴⁶ Школьный листок при ТЕВ. 1913. № 7. С. 55.

²⁴⁷ Отчет Тобольского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1896 год // ТЕВ. 1897. № 12. С. 180; ГАТ. Ф. И-58. Оп. 1. Д. 5. Л. 3; Ф. И-61. Оп. 1. Д. 80. Л. 6.

²⁴⁸ Школьный листок при ТЕВ. 1916. № 19. С. 146.

²⁴⁹ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 108. Л. 12.

²⁵⁰ Там же. Д. 82. Л. 27–27 об.

несколько больше, чем девочек. В старших классах и отделениях учащихся, как правило, было меньше, чем в младших, т.к. некоторые дети выбывали из школы, не закончив полный курс обучения.

В среднем же в Западно-Сибирском учебном округе, по данным на 1908 г., на одно училище приходилось 55 учеников²⁵¹. По данным школьной переписи 1911 г., в стране в целом на 1 училище МНП приходилось 70 учащихся, на 1 церковную школу — 47,4 учащихся, по двум ведомствам — 61,3²⁵². На севере Западной Сибири на 58 учебных заведений приходилось в 1916 г. 1576 учеников (433 в Сургутском районе ВНУ, 537 в Самаровском, 406 в Берёзовском).

Рис. 4.32. Монахи с учениками (Фонды Шеркальского этнографического музея)

Соответственно в одной школе в среднем обучалось менее 30 детей. В 1913–1914 учебном году в Берёзовском уезде имелось 3 «малолюдные» школы (с числом учеников менее 20), в Сургутском уезде — 9²⁵³. Таким образом, число учащихся, приходившихся на одну школу, в крае было более чем в два раза меньшим, чем в среднем по стране. Однако в отдельных конкретных школах данные показатели могли сильно колебаться: от 4–6 учеников (Ларьякская) до 120–130 учеников (Мужевская).

Следует рассмотреть количественный состав учащихся. В отчёте епархиального училищного совета за 1894–1895 учебный год указывалось, что в Берёзовском уезде из 2228 православных детей школьного возраста посещало ЦППШ 123 учащихся, школы грамоты — 39. В училищах МНП и др. ведомств обучалось ещё 152 человека. Соответственно в Сургутском уезде из 1085 детей обучался в церковных школах 31 человек (в Сургутской одноклассной женской ЦППШ 22 и в Ларьякской школе грамоты 9), в училищах МНП и др. ведомств — ещё 80 человек. Не охвачены обучением оказались в Берёзовском уезде 85,9% детей, в Сургутском — 89,8%. В целом в Тобольской епархии в это же время школы не посещали 82,5% детей²⁵⁴. Данные показатели в северных уездах были ниже, молодое поколение слабее было включено в систему школьного образования. Доля обучающихся по отношению к общей численности населения в Сургутском уезде составляла лишь 1,54%.

О численности учащихся отдельных церковных и министерских школ северных уездов Тобольской губернии в конце XIX — нач. XX вв. можно составить представление по сведениям, представленным в таблицах (см. Таблицы № 4.14, № 15).

²⁵¹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2351. Л. 238 об.

²⁵² Школьный отдел при... ТГВ. 1911. № 16. С. 9.

²⁵³ Школьный листок при ТЕВ. 1914. № 24. С. 187.

²⁵⁴ Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894–95 учебный год. Тобольск, 1896. С. 86–87; ГАТ. Ф. И-156. Оп. 27. Д. 1248. Л. 113 об.

Таблица № 4.14

**Численность учащихся школ (училищ) МНП
и земских в конце XIX — начале XX вв.^{255 *}**

	1894–1895	1905	1 янв. 1909	1910	1911–1912	1914–1915	1916
Кондинская	19	12 м. и 7 д.	12 м. и 7 д.	13 м. и 7 д.	Нет св.	14 м. и 12 д.	15 м. и 15 д.
Покурская	–	–	–	–	30	11 м. и 9 д.	Нет св.
Болчаровская	8***	Нет св.	13 м. и 4 д.	17	Нет св.	10 м. и 11 д.	14 м. и 8 д.
Тюлинская	–	–	Нет св.	30 м. 5 д.	Нет св.	19 м. и 6 д.	26 м. и 4 д.
Базьяновская	39**	Нет св.	10 м. и 7 д.	10 м. и 7 д.	24 м. и 16 д.	17 м. и 5 д.	19 м. и 9 д.
Нахрачинская	15***	15 м. и 5 д.	12 м. и 8 д.	11 м. и 10 д.	Нет св.	20 м. и 7 д.	22 м. и 7 д.
Реполовская	28	Нет св.	26 м. и 10 д.	15 м. и 6 д.	38 м. и 11 д.	33 м. и 11 д.	36 м. и 13 д.
Филинская	20**	Нет св.	14 м. и 3 д.	12 м. и 2 д.	13 м. и 2 д.	11 м. и 5 д.	22 м. и 5 д.
Цингалинская	–	Нет св.	10 м. и 2 д.	9 м. и 3 д.	10 м. и 8 д.	14 м. и 6 д.	16 м. и 12 д.
Кушниковская	–	Нет св.	15 м. и 7 д.	15 м. и 5 д.	24	12 м. и 6 д.	13 м. и 6 д.
Ларьякская	–	Нет св.	9 м. и 8 д.	9 м. и 8 д.	9	4 м. и 9 д.	7 м. и 6 д.
Тундринское	14	23 м. 8 д.****	21 м. и 17 д.	30 м. и 15 д.	37	16 м. и 10 д.	16 м. и 9 д.
Пилюгинская	–	–	–	16 м. и 9 д.	22	11 м. и 4 д.	11 м. и 4 д.
Нижне-Вартовская	–	–	–	6 м. и 2 д.	9	8 м. и 8 д.	8 м. и 10 д.
Берёзовское приходское 1-е	–	–	–	53	Нет св.	39 м. и 19 д.	32 м. и 18 д.
Берёзовское приходское 2-е	–	–	–	15	Нет св.	23 м. и 5 д.	37 м. и 10 д.
Мало-Атлымская	16	14 м. и 14 д.	15 м. и 15 д.	21 м. и 12 д.	Нет св.	25 м. и 7 д.	22 м. и 6 д.
Елизаровское	30	Нет св.	33 м. и 17 д.	30 м. и 16 д.	28 м. и 10 д.	25 м. и 14 д.	25 м. и 15 д.

²⁵⁵ Составлено по: Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год... Томск, 1909. С. 297; Ежегодник Тобольского губернского музея, состоящего под Августейшим Его Императорского Величества покровительством. Тобольск, 1899. Вып. XI. С. 72–135. ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 82. Л. 3, 5 об, 71, 303; Д. 21. Л. 133, 135, 135 об; Школьный отдел при... ТГВ. 1910. № 21. С. 5; ГАТ. Ф. И-156. Оп. 29. Д. 2364. Л. 29 об-32; Ф. И-5. Оп. 1. Д. 89.

Таблица № 4.14 (продолжение)

	1894–1895	1905	1 янв. 1909	1910	1911–1912	1914–1915	1916
Белогорская	17	Нет св.	21 м. и 10 д.	21 м. и 10 д.	23 м. и 12 д.	21 м. и 4 д.	26 м. и 6 д.
Сухоруковская	22	Нет св.	18 м. и 9 д.	17 м. и 6 д.	24 м. и 9 д.	20 м. и 13 д.	22 м. и 11 д.
Больше-Атлымское	–	–	–	–	Нет св.	17 м. и 4 д.	Нет св.
1-е передвижное Берёзовского уезда	–	–	–	–	–	5 м. и 4 д.	Нет св.
17-е передвижное Самаровской вол.	–	–	–	Нет св.	Нет св.	14 м. и 5 д.	Нет св.

* — м. — мальчиков, д. — девочек, цифра без букв — дети обоего пола

** — 1897–1898 уч. г.

*** — 1896–1897 уч. г.

**** — 1903–1904 уч. г.

Таблица № 4.15

**Численность учащихся ЦПШ и школ грамоты
в конце XIX — начале XX вв.^{256 *}**

	1896	1901	1903	1908	1911/12	1912/13	1915	1916
Кондинская	7 м. и 9 д.	15	14 м. и 9 д.	14 м. и 4 д.	Нет св.	7 м 15 д.	24 м. 15 д.	19 м. 12 д.
Шеркальская	17 м. и 4 д.	Нет св.	20 м. и 5 д.	9 м. и 13 д.	Нет св.	12 м 4 д.	16 м. 9 д.	11 м. 9 д.
Чемашевская	Нет св.	Нет св.	6 м.	11 м. и 2 д.	Нет св.	8 м 4 д.	12 м. 7 д.	10 м. 6 д.
Няксимвольская	–	–	–	–	Нет св.	Нет св.	8 м. 4 д.	8 м. 7 д.
Саранпаульская	–	–	–	24 д.	Нет св.	44 м 10 д.	36 м. 9 д.	37 м. 12 д.

²⁵⁶ Составлено по: Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894/95 учебный год. Тобольск, 1896. Приложения; Краткий отчет Тобольского епархиального училищного Совета о церковно-приходских школах грамоты за 1896/97 учебный год // ТЕВ. 1898. № 3. С. 42–45; Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1901 г. Тобольск, 1900–1901. С. 27–58; Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1903 г. Тобольск, 1903. С. 19–35; Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1908 г. Тобольск, 1908. С. 2–44; ГАТ. Ф. И-156. Оп. 29. Д. 2364. Л. 154; Ф. И-61. Оп. 1. Д. 108/3. Л. 65–67 об, Д. 188. Л. 4, Д. 191. Л. 80–186; Школьный листок при ТЕВ. 1916. № 19. С. 151.

Таблица № 4.15 (продолжение)

	1896	1901	1903	1908	1911/12	1912/13	1915	1916
Щекуринская	Нет св.	11 м. и 1 д.	45	—	—	—	—	—
Кушеватская	—	—	5 м.	—	—	—	—	—
Сосьвинская	—	—	4 м. и 3 д.	8 м. и 5 д.	Нет св.	7 м 5 д.	8 м. и 8 д.	Нет св.
Ново-Никольская	—	—	—	—	—	—	18	Нет св.
Чегаскинская	—	—	—	—	—	—	15	Нет св.
Новосельская	—	—	—	—	Нет св.	во всех выделенных жирным шрифтом 132 м. и 69 д.	6	Нет св.
Ватинская	—	—	—	—	—		9	Нет св.
Ваховская	—	8 м. и 5 д.	13	12 м. и 5 д.	17		14	Нет св.
Верхне-Лумпокольская	—	13 м. и 6 д.	23	9 м. и 6 д.	18		17	Нет св.
Нижне-Лумпокольская	—	5 м. и 5 д.	12	4 м. и 4 д.	15		17	Нет св.
Селияровская	Нет св.	5 м. и 4 д.	13 м. и 7 д.	16 м. и 5 д.	9 м. и 6 д.		18	Нет св.
Змановская	—	—	—	Нет свед.	Нет св.		18	Нет св.
Зенковская	—	—	—	—	—		Нет св.	Нет св.
Коневская	Нет св.	17 м. и 3 д.	17 м. и 3 д.	22 м. и 14 д.	Нет св.		Нет св.	Нет св.
Передвижная Сургутского уезда (Прохоркинская)	—	Нет св.	10	5 м. и 1 д.	17		Нет св.	Нет св.
Троицкая	Нет св.	9 м. и 6 д.	7 м. и 7 д.	12 м. и 8 д.	Нет св.		Нет св.	Нет св.
Юганская	—	—	7	11 м. и 6 д.	7	—	—	—
Батовская	—	Нет св.	24 м. и 5 д.	14 м. и 3 д.	18 м. и 6 д.	Нет св.	Нет св.	Нет св.
Леушинская	Нет св.	17 м. и 7 д.	15 м. и 1 д.	13 м.	Нет св.	Нет св.	15 м. 6 д.	Нет св.
Сатыгинская	Нет св.	8 м. и 2 д.	4 м. и 4 д.	Нет свед.	Нет св.	Нет св.	15	Нет св.
Пауло-Шаимская	—	—	2 м. и 1 д.	5 м. и 3 д.	Нет св.	Нет св.	5 м.	Нет св.

* — м. — мальчиков, д. — девочек, цифра без букв — дети обоего пола

На 1895–1896 гг. православных в Берёзовском округе проживало 12758 чел. (из них детей школьного возраста 1926 чел.), в Сургутском округе — 7186 (из них детей школьного возраста 1085 чел.)²⁵⁷. По сведениям Тобольского епархиального училищного совета, не посещали школы всех типов в Берёзовском округе 1661 ребенок, в Сургутском — 974²⁵⁸. (Однако из этого числа какая-то часть могла ранее уже закончить начальные учебные заведения). Посещали соответственно 265 в Берёзовском и 111 в Сургутском округах, всего 376 чел. Таким образом, в двух северных округах обучалось 12,5% детей школьного возраста. Доля учащихся от общей численности православного населения составляла 1,88%.

К 1908 г. в Тобольской губернии 1 учащийся МНП приходился на 74 жителя. В Сургуте один ученик приходился в среднем на 17 жителей, в Берёзове — на 43 жителя. За пределами городов показатели были существенно ниже: в Сургутском уезде — 1 на 142, Берёзовском уезде — 1 на 105 жителей²⁵⁹.

По официальным данным на 1909–1910 г., в Берёзовском и Сургутском уездах проживало 35861 чел., в том числе детей школьного возраста 3603 чел. (10,05%)²⁶⁰. На 1914 г. детей школьного возраста в Тобольской губернии проживало 191312 чел. (9% от общей численности населения), из них обучалось 73476 чел²⁶¹. Таким образом, доля детей школьного возраста в структуре населения в предреволюционный период может быть определена примерно в 10%.

Число жителей Берёзовского уезда, по данным на 1918 г., составляло 31620 чел., Сургутского уезда — 11229 чел., Самаровского района ВНУ — около 13 тыс. чел. Общая численность населения севера Западной Сибири, следовательно, достигала 56 тыс. чел. Детей школьного возраста (имеется в виду только начальная школа, т. е. от 7 до 14 лет), если опираться на статистические сведения 1909–1910 учебного года, соответственно должно было насчитываться около 5,6 тыс. чел. Число учащихся на территории Тобольского Севера может быть определено, по данным на 1916 г., в 1576 чел. К 1918 г. это количество вряд ли могло сократиться, т. к. даже в эти драматические для страны годы школы в крае продолжали успешно работать. Таким образом, начальным обучением к концу рассматриваемого периода в крае было охвачено около 28,1% детей. Доля учащихся в общей численности населения составляла 2,84%. Однако данные подсчёты сделаны с учётом коренного населения (включая кочевых самоедов), слабо представленного в образовательных учреждениях. Для сравнения, в Тобольской губернии, по данным на 1 января 1915 г., обучалось 35,2% детей в возрасте 8–11 лет, в целом по стране — 51%²⁶².

В то же время в крупных поселениях охват детей образованием был гораздо выше, чем в сельской местности. В Берёзове к началу революции в пяти школах проходило обучение более 200 детей, т. е. практически все школьного возраста. В Самарово в 1916 г. обучалось

²⁵⁷ Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Тобольской епархии за 1894/95 уч. год // ТЕВ. 1897. № 10. С. 2.

²⁵⁸ Там же. С. 10.

²⁵⁹ Школьный отдел при... ТГВ. 1908. № 12. С. 12.

²⁶⁰ ГАТ. Ф. И-417. Оп. 1 Д. 381. Л. 12, 31.

²⁶¹ Обзор Тобольской губернии за 1914 год. Тобольск, 1916. С. 39.

²⁶² Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения в 1914 году. Петроград, 1916. С. VIII.

111 детей — не менее 2/3 от их общего количества, проживавшего в селе. Ближким к максимальному был охват детей школьным обучением в Сургуте. В абсолютных величинах численность учащихся в школах церковного ведомства на территории Берёзовского и Сургутского уездов за 25 лет увеличилась в 7,4 раза, училищ МНП — в 2,2 раза. Темпы роста были весьма значительны, однако всё же далеко не достаточны для того, чтобы считать проблему решённой.

Некоторые дети могли продолжить образование за пределами края в средних учебных заведениях юга губернии и некоторых соседних губерниях. Однако таковых было не очень много. Сказывалась относительно высокая плата за обучение, необходимость выделять средства на содержание ребенка вдали от дома (см. Таблица № 4.16).

Таблица № 4.16

**Число учащихся — жителей Берёзовского
и Сургутского уездов, проходивших обучение
в средних учебных заведениях в 1909–1910 учебном году²⁶³**

Учебное заведение	Берёзов		Берёзовский уезд		Сургут		Сургутский уезд		Всего:
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	
Тобольская духовная семинария	2	–	1	–	1	–	–	–	4
Тобольская мужская гимназия	6	–	3	–	4	–	1	–	14
Тобольская Мариинская женская школа	–	3	–	10	–	2	–	–	15
Тобольское епархиальное женское училище	–	1	–	10	–	–	–	1	11
Тюменская женская гимназия	–	1	–	1	–	–	–	–	2
Омская 1-я женская гимназия	–	3	–	–	–	–	–	–	3
Всего:	8	8	4	21	5	2	1	1	49

Уровень грамотности населения Берёзовского и Сургутского уездов нам известен, прежде всего, по результатам Первой Всероссийской переписи населения 1897 года. (см. Таблица № 4.17).

²⁶³ ГАТ. Ф. И-417. Оп. 1. Д. 381. Л. 4–27.

Таблица № 4.17

**Уровень грамотности населения Берёзовского и Сургутского уездов
(по материалам Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.)²⁶⁴**

		Русские				Инородцы				Всего
		Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины		
		Грамотных	Неграмот.	Грамотных	Неграмот.	Грамотных	Неграмот.	Грамотных	Неграмот.	
Берёзовский уезд	г. Берёзов	313	189	155	286	4	77	2	44	1070
	Уезд	951	1587	311	2021	53	8061	16	7341	20341
	Всего:	1264	1776	466	2307	57	8138	18	7385	21411
Сургутский уезд	г. Сургут	339	177	106	463	3	23	–	9	1120
	Уезд	177	359	50	494	16	2915	6	2610	6627
	Всего:	516	536	156	957	19	2938	6	2619	7737
Итого по двум уездам:		1780	2312	622	3264	76	11076	24	10004	29158
% по двум уездам (от общей численности населения)		6,1	7,9	2,1	11,2	0,26	38,0	0,08	34,3	100

Если вести подсчёт по национальному и половому составу, то, по данным переписи, среди русских мужчин грамотных было 43,5%, русских женщин — 16%. В целом среди русского населения грамотность доходила до 30,1%, среди русских Сургутского уезда — 31%, Берёзовского уезда — 29,8%. Среди коренного населения грамотность у мужчин составляла 0,68%, женщин — 0,24%, в целом — 0,47%, среди мужчин всех национальностей — 12,18%, женщин — 4,6%. По всему населению двух уездов уровень грамотности достигал 8,58%.

Для сравнения необходимо указать, что в Тобольской губернии уровень грамотности составлял 11,3%, в том числе среди крестьян грамотных было 15,83% мужчин и 3,12% женщин; дворян, соответственно, — 77,7% и 72,14%, духовенства — 78,17% и 65,54%, почётных граждан и купцов — 54,52% и 30%, инородцев — 15,58% и 10,05%. В Сибири грамотность достигала 12,3% (19,2% среди мужчин и 5,1% женщин). В среднем по стране грамотность составляла 21,1% (у мужчин 29,3%, женщин — 13,1%).

Отношение населения к образованию, во всяком случае, в рамках одноклассной школы, оставалось в целом удовлетворительным. Однако даже при общей позитивной оценке деятельности начальной школы, население в массе своей не очень охотно выделяло средства на её содержание. Местные жители считали, что основные расходы должно нести государ-

²⁶⁴ Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXXVIII. Тобольская губерния. С. 54–63.

Рис. 4.33. Учебник Родиноведения

ство, а они будут содействовать образованию по мере возможности. Пассивность сельских обществ в вопросах открытия и содержания народных школ оставалась одной из главных проблем. Отношение коренного населения к школе было в целом прохладным. Главная причина — оторванность получаемых знаний от повседневных практических нужд. Как отмечал Г. М. Дмитриев-Садовников, Ларьякское одноклассное училище пользовалось популярностью у ханты до тех пор, пока была при нём кузнечно-слесарная мастерская, а «в одной грамоте инородцы не видят пользы, они и правы: без применения она скоро забывается, и я удивляюсь как это бывшие наши ученики — инородцы не забыли ее, например, один очень хорошо читает в церкви, чему даже удивлялся бывший у нас нынешней зимою исправник»²⁶⁵. Солидарен был с ларьякским педагогом учитель Пауло-Шаимской ЦПШ П. Жолобов: «Русский мужик уже давно понял пользу грамотности, он хорошо знает, что «ученье — свет, а неученье — тьма», а кто отделяет свет от тьмы, тот, конечно, всегда будет стремиться к свету, стремиться и детям своим показать этот свет, давши им возможность выучиться грамоте. Не то совсем инородец: он совершенно не понимает, что «ученье — свет», это ученье представляется ему чем-то непостижимым, и с его точки зрения даже вредным. Он боится, как бы обучив-

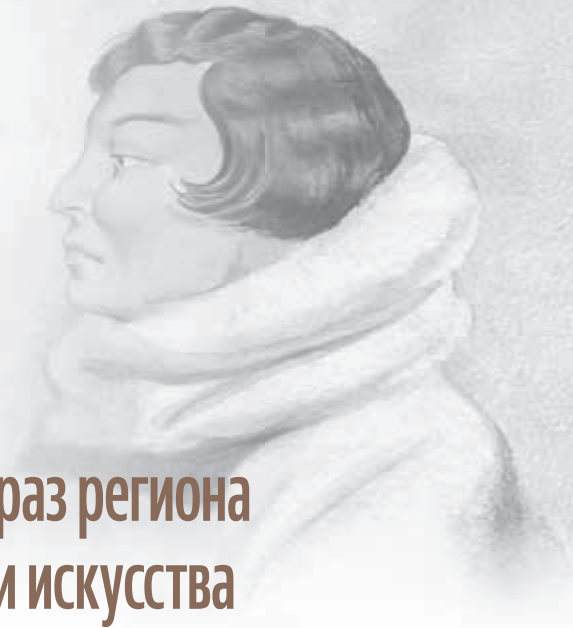
шийся русской грамоте не стал нарушать «священные» народные обычаи и соблазнять других, и углубившись в самого себя, инородец крепко хранит свои заветы старины, блуждает в неведении и гибнет от развившихся пороков, особенно пьянства». В качестве объективных препятствий, мешавших распространению грамотности среди народа ханты, П. Жоболбов называл — «бедность, дальность расстояния от школы, боязнь расстаться с ребенком»²⁶⁶.

²⁶⁵ ГАТ. Ф. И-483. Оп. 1. Д. 122. Л. 41 об.

²⁶⁶ Школьный листок при ТЕВ. 1915. № 7. С. 55–56.

Глава 2

Развитие культуры в Югре, образ региона в произведениях литературы и искусства

1. Культурно-просветительские и благотворительные организации

Важную роль в просвещении Тобольского севера играли различные общественные, религиозные и иные организации, выполнявшие культурно-просветительские и образовательные задачи. Среди них можно отметить деятельность уездных отделов Тобольского губернского попечительства о народной трезвости, ставившие своей целью «противодействовать чрезмерному употреблению спиртных напитков среди населения».

В Тобольской губернии такое попечительство было организовано весной 1893 г. Позднее его отделы (комитеты) открываются во всех уездных центрах: Тюмени, Тюкалинске, Кургане, Ишиме, Ялуторовске, Сургуте, Берёзове, Туринске, Таре. Попечительство состояло из действительных членов и членов-соревнователей. Первые обязывались служить примером в воздержании от употребления алкоголя. Они не могли владеть винно-водочными или пивоваренными заводами, заниматься торговлей спиртными напитками. В число членов-соревнователей принимался любой человек, оказавший помощь обществу денежным взносом и личными трудами. На общих собраниях они обладали лишь совещательными голосами. Число действительных членов в большинстве уездных отделов колебалось от 20 до 30. В Сургутском и Берёзовском — по 9. Членов-соревнователей насчитывалось по несколько десятков. (В Сургутском отделе — 29, по данным на 1915 г.). В данную организацию входили представители самых различных социальных слоев: чиновники, интеллигенция, духовенство, крестьяне. Так, среди членов Сургутского отдела в 1915 г. было 5 священнослужителей, 12 преподавателей учебных заведений. Членами-соревнователями отдела являлись секретарь Сургутского уездного полицейского управления Н. А. Коновалов, уездный фельдшер Е. Т. Назаров, учительницы Сургутской 2-х классной школы М. С. Тверитина, Чегаскинской школы — Е. Н. Шмони́на, Ваховской школы М. В. Змановская, Ватинской школы Е. В. Гаврилова, Покурского сельского училища К. И. Кучкова и др.²⁶⁷. Председателем Сургутского уездного комитета был уездный исправник Г. А. Пирожников. Берёзовский уездный комитет возглавлял уездный исправник Л. Н. Ямзин. В его состав входили городской староста Кузь-

²⁶⁷ ГАТ. Ф. И-193. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

мин, уездный врач Л. М. Тоддес, начальник Берёзовской военной команды Г. А. Салмин, благочинный Берёзовских церквей священник П. Дубасов, мировой судья Худзинский, священник А. Страхов, помощник акцизного надзирателя Несговоров.

Все вопросы текущей жизни уездного комитета решались на заседаниях или собраниях, устраивавшихся раз в месяц или реже. Важнейшим направлением деятельности попечительства следует признать устройство чайных и народных домов. Для простого народа кабак часто являлся не только местом употребления водки, но и своего рода клубом, где можно было посидеть, поговорить, узнать местные новости, заключить сделку. Иногда общественные дела в деревне решались именно на собраниях около питейного заведения. Даже человек непьющий волей или неволей мог пристраститься к пагубной привычке. Чайные должны были стать альтернативой кабаку. Первая такая чайная открывается в Тобольске в 1893 г. В Сургутском уезде чайные были организованы в Сургуте, Ларьяке, Локосово, Лумпокольском, Тундрино, Югане. С 1906 г. по 1912 г. их, по данным Г. А. Пирожникова, посетило в общей сложности 9929 коренных жителей²⁶⁸. В 1914 г. число посетителей составило более 13 тыс. чел. (в том числе более 3 тыс. представителей коренной национальности)²⁶⁹. Во флигеле при Сургутской чайной был устроен «заезжий дом» для «туземцев». За умеренную плату здесь выдавалась пища, корм для лошадей. Всего же с 1905 г. по 1910 г. в этой своего рода гостинице остановилось 1519 коренных жителей²⁷⁰. 13 октября 1913 г. Сургутская чайная была реорганизована в Народный дом. В 1909 г. чайная была создана также в с. Самарово. Её заведующим, по данным на 1916 г., являлся С. В. Серков²⁷¹.

Два здания для «народной чайной и биллиардной» в г. Берёзове было куплено в декабре 1904 г. Однако постепенно эти дома пришли в ветхость и к 1912 г., по словам делопроизводителя попечительства А. Е. Алексеевского, стали «настолько ветхи, что угрожают разрушением»²⁷². Поэтому в дальнейшем помещение для чайной в г. Берёзове попечительству приходилось снимать за 360 руб. в год. Здесь же были устроены столовая и бесплатная ночлежка для приезжающих в город «инородцев», имелись для развлечения посетителей граммофон и бильярд. Одной из своих заслуг Берёзовский уездный комитет попечительства о народной трезвости считал тот факт, что в чайной он «ведет торговлю продуктами из предметов первой необходимости, продавая таковые по своей цене инородцам, чем гарантирует их от эксплуатации со стороны местных торговцев»²⁷³. В отчёте уездного комитета за 1914 г. указывалось, что после введения сухого закона «население, убивающее ранее свой праздничный досуг на пьянство, теперь не зная как убить его, находит приют в чайной. Явилась жажда к разумным развлечениям...»²⁷⁴.

Другим не менее важным методом борьбы с «зеленым змием» считалось устройство антиалкогольных чтений. Широко использовались так называемые «волшебные фонари» с большим количеством картин, которые проецировались на белый экран (устройство,

²⁶⁸ «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север»: Историко-краеведческий сборник. Сургут, 2002. С. 179.

²⁶⁹ ГАТ. Ф. И-193. Оп. 1. Д. 10. Л. 99.

²⁷⁰ «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север»... С. 179.

²⁷¹ ГАТ. Ф. И-581. Оп. 1. Д. 3. Л. 21 об.

²⁷² Там же. Ф. И-193. Оп. 1. Д. 12. Л. 18 об.

²⁷³ Там же. Л. 23 об.

²⁷⁴ Там же. Д. 10. Л. 23.

напоминающее по принципу действия диапроектор). Картины изготавливались на стекле или прозрачной бумаге сериями, посвященными различной тематике: иллюстрации к известным художественным произведениям, природные явления, сюжеты из Ветхого и Нового Заветов, география различных регионов планеты и т. п. Всего же в распоряжении Сургутского уездного попечительства о народной трезвости имелось в 1914 г. пять «волшебных фонарей» с 1479 картинами, Берёзовского (включая Обдорский отдел) — семь с 460 картинами²⁷⁵.

Были разработаны определенные правила демонстрации картин и проведения лекций. Сама лекция состояла из трёх частей: 1. Религиозно-нравственная — рассказ о земной жизни Иисуса Христа, о славянских просветителях Кирилле и Мефодии, деяниях различных святых. 2. Собственно антиалкогольная — рассказ о вреде пьянства, о том, как от него избавиться. 3. Литературная — чтение популярных произведений русских классиков, рассказы по истории, географии, этнографии, сельскому хозяйству и т. п. Тематика последней части была самой разнообразной — от способов борьбы с холерой до истории воздухоплавания. В соответствии с темами подбирались картины для волшебных фонарей.

Рекомендовалось избегать демонстрации изображения грубого обращения пьяницы с женой и детьми, поведения пьяницы на улице и т. п. Предпочтение следовало отдавать картинам чисто медицинского характера. Например, демонстрировались изображения внутренних органов нормального человека и алкоголика. Часто лекции сопровождалась музыкой, пением.

В Сургутском уезде чтения неоднократно устраивались в самом городе Сургуте, а также ещё в 6 населённых пунктах. Всего же с декабря 1904 г. по 1909 г. в Сургутском уезде было проведено 213 чтений. На них присутствовало 18971 чел., в том числе 2042 коренных жителя²⁷⁶. В 1912–1913 учебном году было проведено 19 чтений: 4 в самом Сургуте, 4 в Селияровской, 3 в Ваховской, 3 в Нижне-Лумпокольской, 4 в Коневской, 1 в Ватинской, 1 в Передвижной школах. На каждом из них в среднем присутствовало 23 слушателя. Большинство чтений сопровождалось пением учащихся. Аналогичные мероприятия организовывались и в Берёзовском уезде. Так, в Берёзовском уезде (без Обдорска) в 1914 г. состоялось 12 чтений, сопровождавшихся музыкой или пением²⁷⁷.

Ещё одно направление деятельности попечительств о народной трезвости — организация народных библиотек. Одна из библиотек работала в Сургуте. Её постоянно посещало около 80 читателей. В библиотеке имелось 1690 экземпляров книг 930 названий²⁷⁸. Выписывались журналы «Вокруг света», «Родина», «Сибирский листок», «Театр и искусство» и др. Заведующим библиотекой, по данным на 1913 г., являлся учитель Сургутского приходского училища Т. Н. Кайдалов²⁷⁹. В Берёзове библиотека располагалась в здании чайной. В 1914 г. её постоянными абонентами было 30 чел. В этом же году состоялось 3435 выдач книг²⁸⁰.

²⁷⁵ Там же. Д. 8. Л. 34.

²⁷⁶ «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север»... С. 179.

²⁷⁷ ГАТ. Ф. И-193. Оп. 1. Д. 8. Л. 33.

²⁷⁸ Отчет о деятельности Тобольского попечительства о народной трезвости за 1915 г. Тобольск, 1918. С. 9.

²⁷⁹ Сибирский листок: 1912–1919... Тюмень, 2003. С. 230.

²⁸⁰ ГАТ. Ф. И-193. Оп. 1. Д. 8. Л. 34.

Силами членов попечительства в Сургуте в помещении открытого в 1913 г. Народного дома ставились любительские спектакли, проводились танцевальные вечера, маскарады, киносеансы. В 1914 г. на подобного рода мероприятиях побывало 895 сургутян²⁸¹. Здесь же было организовано некое подобие музея, в котором выставлялись приобретённые коллекции человеческих органов, измененных под влиянием алкоголя. В годы Первой мировой войны попечительство о народной трезвости занималось сбором пожертвований на нужды армии.

Трудно выяснить со всей определенностью, как сказывалась работа попечительства о народной трезвости на размерах потребления алкогольных напитков. Для искоренения пьянства предпринимаемых мер, конечно же, было явно недостаточно. Так, по данному показателю в 1913 г. в расчете на одного жителя г. Берёзов занимал первое, а г. Сургут второе места в Тобольской губернии. Среди уездов пальму первенства держал Берёзовский²⁸². В пересчете на современные единицы объёма в Берёзове на одного жителя ежегодно продавалось 54 литра, в Сургуте — 45,5 литров горячительных напитков. Официальная статистика объясняла такие показатели «низким уровнем культуры», малоразвитостью местных жителей, с чем в полной мере вряд ли можно согласиться. Высокие цифры могут быть связаны, в том числе и с тем, что в уездных центрах Тобольского севера большое количество алкоголя продавалось во время ярмарок приезжим и затем развозилось по сёлам и юртам. Хотя справиться с «зеленым змием» попечительству о народной трезвости оказалось не по силам, в то же время нельзя не признать, что оно внесло определённый вклад в развитие просвещения края, организацию культурного досуга его жителей.

Важные культурно-просветительские задачи выполняло Обдорское братство во имя святителя Гурия, архиепископа Казанского и Свияжского Чудотворца, созданное 8 сентября 1904 г. при непосредственном участии иеромонаха Иринарха (Шемановского), настоятеля местной духовной миссии, по инициативе Тобольского архиепископа Антония (Каржавина). Во время торжеств, посвященных 50-летию юбилею миссии, у владыки возникла мысль ознаменовать эту дату учреждением братства, целью которого являлось бы ограждение православных «инородцев» от влияния языческого населения и обращение их к православной вере, а также распространение духовного просвещения²⁸³. Кроме того, по мере возможности, члены братства должны были способствовать благоустройству жизни бедных «инородцев», а также при получении сведений об отправлении шаманского культа требовалось своевременно извещать об этом Обдорскую миссию для успешной борьбы с «языческим суеверием»²⁸⁴. Братство св. Гурия смогло привлечь в свои ряды не только сотрудников миссии, церковно- и священнослужителей, но и широкие слои населения Обдорска, Мужей, Берёзова, Саранпауля, Тобольска, Кургана, Тюмени и других населённых пунктов. Состав Братства был весьма представительным: духовные и гражданские власти, купечество, мещане, принявшие православие представители коренного населения. В 1904–1905 гг., в первый год работы, в него входило 3 почётных члена, 3 пожизненных, 78 действительных, 5 членов-сотрудников. Среди почётных членов можно отметить из-

²⁸¹ Там же. Д. 10. Л. 99.

²⁸² Обзор Тобольской губернии за 1913 год. Тобольск, 1915. С. 19.

²⁸³ Устав Обдорского миссионерского братства во имя Святителя Гурия, архиепископа Казанского и Свияжского Чудотворца // ТЕВ. 1904. № 22. Офиц. отдел. С. 421.

²⁸⁴ Там же.

вестных предпринимателей Д. И. Голева-Лебедева, А. М. Сибирякова, П. И. Туркова; уездного исправника Л. Н. Ямзина. В 1913–1914 гг. в составе братства св. Гурия числилось 54 действительных члена, проживавших в Обдорске, 14 — в с. Мужы, 4 — в Хэ, 4 — в Берёзове, по 2 в Няксимволе и Кутопюгане и др.²⁸⁵.

Определенную активность на территории Югры проявлял Тобольский отдел Императорского Православного Палестинского общества, организованный в 1897 году. Уже со следующего года в Сургуте и Берёзове началось чтение лекций о Святой Земле, о значении для христианина паломничества в места, связанные с земной жизнью Иисуса Христа, необходимости оказания посильной помощи в деле защиты православия в Палестине. В 1898–1899 отчётном году (начинался с 1 марта) в Берёзове смотрителем уездных училищ П. Грязновым было проведено два чтения о Св. Земле, сопровождавшиеся пением церковного хора из учителей и учеников. В следующем году народные чтения о Палестине состоялись уже в здании женского училища. На них присутствовало около 200 чел., в том числе венгерский ученый Й. Папай²⁸⁶. В Сургуте чтения устраивались священниками А. Сивилловым, П. Ликвентовым и учителем Н. Емельяновым в храме, а также в помещении женской церковно-приходской школы в дни Страстной седмицы. О предстоящей лекции сургутяне были оповещены через учащихся. Тематика лекций чрезвычайно заинтересовала православных г. Сургута, так что в назначенный час пришло более 100 чел., здание ЦПШ не смогло вместить всех желающих²⁸⁷. Духовенство призывало каждого христианина подействовать, кто чем может, целям общества, русским богомольцам, изучению Палестины.

Если в 1899–1900 отчётном году чтения прошли лишь в трёх населённых пунктах Тобольского севера: Берёзове, Сургуте и Самарово, то впоследствии география Палестинских чтений расширялась. В 1911 г. они проводились уже в с. Юганском (лектор — учительница М. Тверитина, присутствовало 20 взрослых и 30 детей), с. Сосьвинском (св. Ф. Мещеряков, 5 взрослых, 12 детей), с. Нижне-Вартовском (св. А. Собрин, 6 взрослых, 7 детей), с. Реполовском (учительница А. Шалабанова, 28 взрослых, 42 ребенка), с. Цингалы (учительница А. Кондакова, 6 взрослых и 14 детей), с. Нахрачинское (св. А. Кузовников и учитель А. Федяев, 30 взрослых, 20 детей), с. Селиярово (св. В. Ребрин и учительница Агния Першукова, 69 взрослых, 27 детей). В Кондинском монастыре чтения проводились священником З. Козловым: «На первом чтении 15 января было учеников из двух училищ 44 человека, из монастыря 38 человек, с Игуменьей во главе, из местных жителей 110 — всего 192 человека... высланы были из Тоб. Отдела Пал. О-ва 41 картина для волшебного фонаря»²⁸⁸. Чтения по изданиям Палестинского общества в 1911 г. прошли также в с. Филинском, д. Семейской Филинского прихода, с. Батовском. В 1912 г. в с. Кондинском во время Палестинских чтений использовался не только «волшебный фонарь», но и патефон, игравший «религиозные пьесы».

²⁸⁵ Отчет Обдорского Миссионерского Братства во имя святителя Гурия Казанского и Свяжского Чудотворца, с 4-го октября 1913 по 4-е октября 1914 года // ТЕВ. 1915. № 9. С. 138–139.

²⁸⁶ Отчет о деятельности Тобольского отдела Императорского православного Палестинского общества за 1899/1900 год // ТЕВ. 1900. № 7. С. 68.

²⁸⁷ Деятельность отделов Императорского Православного палестинского общества в 1898/99 г. // Сообщения Императорского Православного палестинского общества. 1899. Май–август. С. 456; Деятельность отделов... в 1899/1900 г. // Сообщения Императорского Православного палестинского общества. 1900. Июль–октябрь. С. 570.

²⁸⁸ Школьный листок при ТЕВ. 1912. № 8. С. 12, 18–20.

В с. Ваховском организацией и проведением Палестинских чтений занимались супруги Шевелевы (муж — настоятель местного храма, жена — учительница), в с. Нижне-Лумпокольском — священник С. Тверитин и учитель Ф. Суконкин²⁸⁹. В 1913 г. 2 чтения было проведено в Самарово (254 слушателя), 5 — в Нахрачинском, (130 чел.), 2 — в Селиярово (96 чел.), 1 — в Сухоруковском (57 чел.), 10 — в Няксимвольском (90 чел.), 13 — в Леушинском (278 чел.), 1 — в Шеркальском (6 чел.), 10 — в Филинском (351 чел.)²⁹⁰. Лекторами во всех случаях выступали местные священники и педагоги.

Такие чтения следует признать одним из проявлений общественной жизни. Они хотя бы отчасти удовлетворяли потребность в духовной культуре, образованности, неформальном общении. К результатам деятельности Императорского Православного Палестинского общества следует отнести попытки некоторых северян отправиться в Святую землю. В 1914 г. необходимые пакеты документов для поездки в Палестину были подготовлены для крестьянина с. Кондинского Василия Киргизева и «инородца» с. Нижне-Лумпокольского Ивана Рогова²⁹¹. Состоялось ли паломничество, нам неизвестно. Скорее всего, начавшаяся мировая война помешала осуществлению задуманного.

Небольшое число жителей севера состояло членами Тобольского губернского музея. В состав музея в качестве действительного члена с единовременным взносом входил В. Т. Земцов (с 1891 г.), члена-соревнователя — «инородец (остяк) юрт Чагинских Самаровской волости» И. Т. Нахтымов (с 1892 г.), самаровский лесничий А. А. Дунин-Горкавич (с 1897 г.); действительного члена с ежегодным взносом — жители г. Берёзов Н. П. Алексеев (1891 г.), И. И. Зальмунин (1891 г.), Н. С. Коган (1890–1892 гг.), В. К. Кондратович (1890–1893 гг.), Н. К. Кононович (1891–1892 гг.), Ф. О. Равский (1891–1894 гг.), И. И. Сургутсков (1890 г.), А. Я. Штернберг (1898 г.), К. В. Цессес (1906 г.), Л. Н. Ямзин (1915 г.); жители Сургута М. Е. Вакорин (1891–1892 гг.), В. Х. Клячкин (1891 г.); жители различных сел и юрт Тобольского Севера — И. М. Бешкильцев (с. Сартынья, 1906 г.), Е. В. Тетюцкий (с. Криволуцкое, 1906 г.), Л. Н. Штурман (юр. Пирчины, 1906 г.), А. Т. Новитцкий (Нарыкары, 1906 г.) и др.²⁹². Очевидно, что участие в работе музея заключалось преимущественно в оказании финансовой помощи. Однако само намерение оказать посильную поддержку одному из наиболее авторитетных научных учреждений Тобольской губернии заслуживает положительной оценки.

К научной деятельности следует отнести наблюдения за погодой, проводимые метеорологическими станциями, устроенными в 1879 г. в Сургуте, в и в 1878 г. Берёзове. Инструменты были присланы Петербургской главной физической обсерваторией. Наблюдение производились местными учителями, политическими ссыльными. Информация отсылалась по телеграфу.

Заметным общественным явлением конца XIX в. стало появление в Зауралье народных библиотек. В 1893 г. таковых во всей Тобольской губернии насчитывалось лишь три. К 1896 г.

²⁸⁹ Там же. 1913. № 9. С. 7, 22.

²⁹⁰ Отчет Тобольского Епархиального Комитета Высочайше утвержденного Православного Миссионерского Общества за 1913 год // ТЕВ. 1914. № 4. С. 7–8.

²⁹¹ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 27. Д. 117. Л. 19; Оп. 28. Д. 81. Л. 12.

²⁹² Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1897. Вып. VII. С. 14, 21–22; Тобольск, 1901–1902. Вып. VIII. С. 64, 69; Тобольск, 1909. Вып. XVII. С. 50; Тобольск, 1916. Вып. XXVI. С. 35.

число библиотек возросло до 56²⁹³. В 1899 г. отмечался 100-летний юбилей со дня рождения А. С. Пушкина. На торжественном собрании, посвящённом памятной дате, жителями г. Берёзова было решено открыть при уездном училище общественную библиотеку. Ф. Ф. Ларионов как учитель русского языка, был выбран её заведующим. Соответствующее ходатайство на имя директора училищ Тобольской губернии было утверждено 5 июня 1899 г. Библиотека, получившая наименование «Пушкинской», существовала на частные пожертвования при уездном училище. Книги выписывались по списку, утверждённому директором народных училищ. Читальный зал отсутствовал, поэтому книги выдавались только на дом. Согласно утверждённым в октябре этого же года правилам выдача производилась с 12 до 14 часов по средам и субботам. Учащимся и выпускникам местных учебных заведений, беднейшим горожанам разрешалось брать книги бесплатно. Все прочие должны были за право пользования всей имеющейся в библиотеке литературой выплачивать 5 руб. в год (3 руб. за полгода, 25 коп. в месяц). В феврале 1902 г. было получено разрешение на устройство при Пушкинской библиотеке воскресных народных чтений «с туманными картинками». На средства уездного училища за 50 руб. был приобретен «волшебный фонарь» со 106 картинками. Сами чтения устраивались в помещении Берёзовского женского училища. Лекторами выступали преподаватели, а также мировой судья В. С. Масловский, врач И. Зальмунин и др.²⁹⁴

О круге чтений югорчан свидетельствует выписываемая ими периодика. На 1865 г. присутственными местами и жителями г. Берёзова выписывались следующие издания: газеты — «Голос», «Северная почта», «Биржевые ведомости», «Русские ведомости», «Современный листок», «Иллюстрированная газета»; журналы — «Русское слово», «Сын Отечества», «Семейные вечера», «Воскресный досуг», «Отечественные записки»; кроме того, церквями — «Странник», «Христианское чтение», «Православное обозрение»²⁹⁵.

Периодика постепенно проникала и далеко за пределы административных центров. Так, в конце XIX в., как отмечалось в одной из корреспонденций, «все три селения довольствуются для чтения только следующими периодическим изданиями: «Нива», «Читатель», «Сибирский листок», «Тоб. Губ. Вед.» (неофиц. часть), «Дело», «Томский листок», «Тоб. Епарх. Ведомости», «Церковные ведомости», «Русский паломник» (село Щекуринское), «Новь», «Лучь» (Русь-паул), «Вокруг света», «Родина» (Саран-паул)»²⁹⁶.

Эти перечни говорят о значительной доле официальной периодики в круге чтения жителей края. Так, «Северная почта» (1862–1869 гг.) являлась органом МВД, «Церковные ведомости» — Св. Синода, «Биржевые ведомости» (1861–1879 гг.) — департамента податей и сборов. В то же время встречались и либеральные, даже в некоторой степени оппозиционные издания. Едва ли не «рупором нигилизма», публиковавшим статьи Д. И. Писарева, считалось «Русское слово» (1859–1866 гг.). Большое влияние на литературную жизнь и общественную мысль оказывали «Отечественные записки» (1818–1884 гг.). Научно-популярный, отчасти развлекательный характер, имели такие еженедельные журналы, как «Нива», «Вокруг света» и др.

²⁹³ Соколов Е. Ф. Положение о начальном народном образовании. Тобольск, 1898. С. 31.

²⁹⁴ Из отчета от 29 июня 1902 г. Берёзовского уездного училища о состоянии учебно-воспитательной работы за 1901/1902 учебный год // История Югры в документах из Томска... С. 271–272.

²⁹⁵ П-ровский Н. Берёзов // ТГВ. 1866. 27 авг. (№ 35). С. 250.

²⁹⁶ Корреспонденции // ТГВ. 1897. № 25. 21 июня. Неофиц. Часть. С. 392.

2. Православные приходы и монастыри как центры общественной жизни, культуры и просвещения на территории Югры

Русская православная церковь играла важную роль в процессах освоения и дальнейшего развития как Югры, так и Сибири в целом. Храм не только формировал вокруг себя особое сакральное пространство, но и становился центром общественной жизни. Через него происходило приобщение коренного населения к ценностям православной (шире, русской) культуры. В специфических условиях Тобольского Севера роль священно- и церковнослужителей не ограничивалась окормлением верующих и исправлением треб. Религиозные учреждения, духовенство выполняли просветительские, а также административные функции, оказывали влияние на политические, экономические, социокультурные институты.

Большинство сельских храмов на севере Западной Сибири возникло в первой половине XVIII в. С 1780 по 1840 гг. в Берёзовском и Сургутском благочиниях не было открыто ни одного нового прихода, хотя указом Св. Синода от 25 августа 1825 г. и предписывается «в Тобольской губернии по малости Церквей, стараться о приумножении оных, просить ... предложить Гражданскому Начальству о содействии к убеждению поселян к построению новых церквей»²⁹⁷. Созданный «апостолом Сибири» святителем Филофеем Лещинским и его непосредственными преемниками «задел» оказался вполне достаточным для того, чтобы обеспечивать духовные нужды новокрещёных на протяжении более чем столетия. Низкая плотность населения и медленный его рост делали расширение сети приходов на данном этапе нецелесообразным.

Рис. 4.34. Книга старопечатная. (Фонды МПич)

Новый всплеск храмового строительства начался только в последней четверти XIX в., что было связано преимущественно с притоком русского населения, активизацией хозяйственного освоения края. Всего же середине XIX — начале XX вв. на Тобольском Севере открылось 10 приходов, возникших преимущественно вокруг вновь образованных русских и зырянских поселений.

В Берёзовском округе (уезде) в 1840 г. был открыт приход в с. Мужы (церковь во имя св. Михаила Архангела), в 1902 г. — во имя св. Николая в с. Няксимвольском Сосьвинской волости

²⁹⁷ ГАТ. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 52. Л. 2.

(церковь построена в 1893 г.)²⁹⁸, в 1875 г. — Бого-
явленская церковь в с. Щекурья, в 1894 г. — во
имя иконы Пресвятой Богородицы Всех Скор-
бящих Радость в с. Елизаровском²⁹⁹.

В Сургутском уезде (округе) в 1894 г. была по-
строена церковь в с. Тундринском во имя
вмч. Пантелеймона³⁰⁰ в 1908 г. — в с. Вар-
товском (Нижне-Вартовском) во имя пре-
подобного Сергия Радонежского³⁰¹, в 1913 г.
в с. Покур — в честь Введения Пресвятой Бо-
городицы³⁰².

В северной части Тобольского уезда появля-
ются приходы в с. Конево (во имя св. Пророка
Ильи, 1848 г.), с. Базьяны (Петропавловский,
1908 г.)³⁰³, в Туринском уезде — с. Пауло-Шаим
(Христорождественская, 1854 г.).

В результате, на севере Западной Сибири
в предреволюционный период имелось 35
приходов. В Берёзовском благочинии состо-
яло 12 приходов (соборный Воскресенский
храм и Богородице-Рождественская церковь г.
Берёзова и уездные: Кондинский, Кушеват-
ский, Мало-Атлымский, Мужевской, Няксимвольский,
Обдорский, Полноватский, Сосьвин-
ский, Чемашевский, Шеркальский и Щекур-
ьинский), Сургутского — 9 (градо-Сургутской
Свято-Троицкой церкви и восемь сельских приходов:
Юганский, Ваховский, Ларьякский,
Верхне-Лумпокольский, Нижне-Лумпокольский,
Тундринский, Вартовский, Покурский),
3-го Тобольского (административный центр с.
Самарово или с. Реполово) — 9 (Базьянов-
ский, Белогорский, Елизаровский, Коневский,
Реполовский, Самаровский, Селяировский,
Сухоруковский, Филинский), 2-го Тобольского
(административный центр с. Юровское) — 3
(Леушинский, Нахрачинский, Болчаровский),
2-го Туринского (административный центр
с. Кошукское) — 2 (Пауло-Шаимский, Сатыгин-
ский)³⁰⁴.

Ни один из деревянных храмов, построенных в XVIII в., не простоял дольше чем до 1860-х гг. За два столетия каждый приход передельвал церковные здания в среднем по 3–4 раза. Частые перестройки обуславливались не только пожарами, практической необходимостью

Рис. 4.35. Проект церкви в с. Нижне-Вартовском. 1904–1908 гг.

²⁹⁸ Туров С. В. Предисловие // Православные приходы Берёзовского края в XIX–XX века (материалы для истории местных сообществ азиатской России). Тюмень, 2004. С. 31.

²⁹⁹ Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. Тобольск, 1913. С. 21, 39.

³⁰⁰ Там же. С. 134.

³⁰¹ Епархиальные известия // ТЕВ. 1908. № 18. Отдел офиц. С. 359–360.

³⁰² Священник Андрей Калюжный. Освящение нового храма в с. Покур, Сургутского уезда // ТЕВ. 1914. № 3. Отдел неофиц. С. 59–60.

³⁰³ Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. Тобольск, 1913. С. 10–11.

³⁰⁴ Названы приходы благочиний, располагавшиеся именно на территории современных ХМА-О-Югры и ЯНАО.

стью, но и другими соображениями, например, престижа. Всего же, за 1880–1890-е гг. были обновлены или вновь построены церкви в 11, а за 1900–1910-е гг. — в 10 приходах Тобольского Севера³⁰⁵.

В течение XIX в. роль светских и духовных властей в деле проектирования церковных зданий постепенно возрастала. В начале XX в. было разработано пять типовых проектов сельских храмов вместимостью от 50 до 250 человек³⁰⁶. Прихожане вправе были выбрать тот вариант, который их устраивал с финансовой и эстетической точки зрения. Далее все работы выполнялись в строгом соответствии с выбранным проектом под наблюдением благочинного и епархиального архитектора. Храмовые постройки начала XX в. в основном относились к подобного рода типовым.

В связи с тем, что государство с середины XVIII в. перестало финансировать храмовое строительство, обязанность сбора средств на возведение новых церквей взамен сгоревших или обветшавших возлагалась на прихожан и их выборного представителя — церковного старосту. Сбор осуществлялся путём равномерной раскладки и за счёт единовременных пожертвований различных благотворителей, как правило, местных купцов и чиновников. Это находило отражение в клировых ведомостях, где дату постройки дополняли приписки с указанием источников средств на проведение работ: «тщанием прихожан», «иждивением благотворителей», «тщанием прихожан и с помощью разных благотворителей» и т. п. Никаких других вариантов получения денег не предоставлялось. В результате могло пройти несколько лет, прежде чем необходимая сумма была получена. В Нижне-Лумпокольском приходе открытия нового храма пришлось дожидаться 18 лет (1830–1848 гг.). Примерно столько же велись работы по сооружению Ларьякской Знаменской церкви (1812–1831 гг.).

Храмовое строительство определяло перспективные направления локальных миграций и влияло в определённой степени на местную хозяйственную жизнь. Приходская церковь притягивала переселенцев. Постепенно центры приходов превращались в настоящие сёла, у них появлялись дополнительные функции центров образования, торговли. После возведения храм становился архитектурной и высотной доминантой. В течение рассматриваемого периода существенно, пусть и не кардинально, менялся внешний облик селений, центрами которых являлись храмы.

В виде примера результативного воздействия причта на развитие поселения можно привести ситуацию начала XX в., связанную с Нижне-Вартовской Сергиевской церковью. После того, как храм в январе 1911 г. сгорел, вопрос о месте его восстановления активно дискутировался на протяжении нескольких лет (1911–1914 гг.). Священнику и благочинному удалось убедить епархиального архиерея в целесообразности размещения храма на противоположном, правом берегу Оби на Нижне-Вартовской пристани. В результате пристань получила дополнительный импульс для развития, а значение оставшегося без храма поселения снизилось.

Специфика церковной организации севера Западной Сибири состояла в том, что к церквям, в крае редким, приписывалась «инородческая» округа. Так, к приходу Христорожественской церкви относилось 26 инородческих поселений Сосьвинской и Ляпинской волостей,

³⁰⁵ Подсчитано по: Справочная книга Тобольской епархии за 1913 год...

³⁰⁶ ГАТ. Ф. И-353. Оп. 1. Д. 531. Л. 1а.

разбросанных на огромной территории в радиусе от 35 до 200 вёрст от села. Всего же, по данным на 1884 г., в приходе числилось 704 прихожанина мужского и 662 женского пола³⁰⁷, в 1913 г. — соответственно 322 и 294, проживавших в 80 дворах³⁰⁸. Приход соборной берёзовской Воскресенской церкви насчитывал в 1885 г. «городских прихожан 384 души и в 132 юртах, расположенных от города на расстоянии от 15 до 25 верст 286 душ, всего 652 души»³⁰⁹. К Градо-Сургутской Троицкой церкви на 1895 г. относилось 988 муж. и 1053 жен., всего — 2041 чел., в том числе в Сургуте мужчин — 559, женщин — 669 чел., в с. Тундрино:

Рис. 4.36. Ларьякская Знаменская церковь. Фото начала XX в.

муж. — 65, жен. — 75; в деревне Кунино: муж. — 71, жен. — 76; в юртах Пилюгиных 25 муж., 37 жен³¹⁰. При этом если в Сургуте и Тундрино прихожанами в основном являлись русские, то в деревнях и юртах — «инородцы». Таким образом, в приходах, как правило, вокруг более или менее многочисленного русского «ядра», объединялось аборигенное православное население. В таких приходах, как Ларьякский, это «ядро» ограничивалось несколькими семьями. В Сургуте, Берёзове, Самарово русские преобладали. Границы приходов определялись русскими и не всегда были удобны для коренного населения. В таком случае церковные власти могли учесть пожелания «ясашных» о перечислении их из одного прихода в другой.

Приход являлся низовым звеном системы церковного управления. Именно на этом уровне происходила практическая реализация нормативных и распорядительных актов, разработанных и утверждённых высшей церковной и светской властью. В ведении настоятеля находились вопросы, связанные с отправлением богослужений и внебогослужебной деятельностью: наблюдение «за порядком и благочинием», чтобы «чтение происходило громко, внятно и раздельно, пение чинно, не спешно...», чтобы «неопустительно в храме во время богослужения говорились поучения, а также совершались внебогослужебные беседы, для чего по общему соглашению составляет особое расписание»³¹¹. Настоятель занимался организацией церковных хоров, пения во время богослужения. Однако в сельских храмах Тобольского Севера подобного рода хоры встречались редко, они появились преимущественно в начале XX в. с распространением церковно-приходских школ, где пение являлось одним из обязательных предметов. На настоятеля возлагался контроль за правильным ведением

³⁰⁷ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1410. Л. 51.

³⁰⁸ Справочная книга Тобольской епархии на 1913. С. 37.

³⁰⁹ Указ Тобольской духовной консистории благочинному И. Сургутскому и священнику Богородицерождественской церкви Киановскому о запрете И. Сургутскому поручать свой приход заведованию Киановского на время отлучек из г. Берёзова // Православные приходы Берёзовского края. 2004. С. 118.

³¹⁰ ГАТ. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 20. Л. 151 об-152.

³¹¹ Епархиальные известия // ТЕВ. 1888. № 3-4. Отдел офиц. С. 47.

приходской документации: своевременным заполнением журнала для записи внебогослужебных поучений и бесед, отчётностью по церковному имуществу, записью раздела доходов между членами причта и др. Эта работа должна была вестись псаломщиками. Однако из-за малограмотности последних нередко самому священнику приходилось брать на себя делопроизводство. В обязанности настоятеля входило и участие в решении вопросов, относящихся к социокультурной сфере: благотворительность, просвещение, здравоохранение. Ему предписывалось заботиться об учреждении в приходе библиотеки, попечительства, приютов, побуждать прихожан к открытию церковно-приходских школ, «к поддержанию и благоустройению уже существующих»³¹².

На протяжении полутора столетий в приходах Тобольского Севера состояло в штате три священно- и церковнослужителя: священник, дьячок и пономарь (причетник). С 1877 г. по Высочайше утвержденному расписанию приходов и причтов, в штате оставили только священника и пономаря³¹³. Должности священно- и церковнослужителей занимали обычно сыновья представителей духовенства, чьи предки достаточно давно уже поселились на Тобольском Севере — Вергуновы, Тверитины, Кайдаловы и др. С последней четверти XIX в. стали назначаться также и выходцы из других, в том числе европейских районов страны.

Настоятель, в свою очередь, подчинялся благочинному. Расстояние от приходского храма до центра церковного округа (благочиния) колебалось от 36 (с. Базьяны) до 895 верст (с. Ларьяк)³¹⁴. В большинстве случаев, чтобы добраться до благочинного, приходскому священнику приходилось преодолевать не менее ста вёрст.

Благочинный — административно-судебное должностное лицо, «главнейший надзор епархиального начальства» для «ближайшего и бдительного наблюдения за священнослужителями»³¹⁵. Вопрос о его положении в вертикали церковного управления регулировался синодальной инструкцией³¹⁶ и указом Св. Синода от 5 апреля 1881 года³¹⁷. Документы определяли его как «посредствующее звено» в служебных отношениях между приходским духовенством и епархиальной властью³¹⁸. Именуясь «вспомогательным органом епархиального управления», он фактически контролировал жизнь 10–30 «окрестных церквей с их причтами».

Центрами благочиний на территории Югры являлись г. Берёзов, Сургут, а также с. Самарово (иногда вместо него — с. Реполово). Соответственно благочинными являлись настоятели храмов данных населённых пунктов. Сроки пребывания в этой должности колебались

³¹² Инструкции настоятелям церквей // Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г... С. 1.

³¹³ ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 30. Л. 69–69 об.

³¹⁴ Справочная книга Тобольской епархии на 1913. С. 20–21, 123.

³¹⁵ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего Правительствующего Синода: 1721–1878. М., 1879. С. 29; ПСЗРИ. 1-е. СПб., 1830. Т. XXXVIII. № 29711.

³¹⁶ Инструкция благочинному церквей // Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. 1885 / Сост. Т. Барсов. Т. 1. СПб., Приложение к ст. 653. С. XLVIII–LXI.

³¹⁷ Дополнения и разъяснения к инструкции благочинному приходских церквей // Сборник действующих и руководственных церковных / Сост. Т. Барсов... Приложение. Отд. I. С. 21.

³¹⁸ Инструкция благочинному приходских церквей // Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям Епархиального Начальства. М., 1900. С. 20.

от года до нескольких десятков лет и зависели от деловых и личностных качеств священнослужителя, умения наладить взаимоотношения как с непосредственным начальством, так и с прихожанами. Причты несли расходы по их содержанию, в том числе и на служебные поездки. На благочинного возлагались обязанности надзора за деятельностью подведомственных причтов, в том числе рассмотрение спорных дел между клириками, наложение на провинившихся духовных лиц штрафов, представление отличившихся к наградам, рассылка богослужебной, религиозно-нравственной литературы, контроль финансовой деятельности и др. К функциям благочинного относилась и выписка билетов для священно-церковнослужителей, выразивших намерение отлучиться из своего прихода по различным надобностям (покупка жизненно необходимых товаров, лечение, сдача экзаменов и др.) с объяснением причин и сроков отъезда. Благочинный обязан был дважды в течение года обзирать церкви и причты, «примечая и наведываясь, все ли так делается как в инструкции предписано». Он проверял состояние церковных документов, «свидетельствовал об исправности и неисправности их», следил за выполнением служебных обязанностей причтами, «увещевал» прихожан, чтобы они «жили честно по евангельским законам»³¹⁹. Т. к. благочинный был одновременно и настоятелем храма, такие отлучки нередко вызвали недовольство его собственных прихожан. Сохранилось прошение старосты М. А. Кокоулина и прихожан берёзовской Богородице-Рождественской церкви в Св. Синод о замещении священника И. Голошубина другим настоятелем, объяснявшее необходимость замены, в том числе, загруженностью священника делами церковного округа: «Вторая неделя как Голошубин катается по благочинию (он благочинный 2 городских и 11 окружных церквей), и когда ещё возвратится, неизвестно, а в храме отправляют богослужения по воскресным и праздничным дням священники из местного Воскресенского собора... Но что общего между делом благочинья и прихожанами, которые на свой счет содержат этот причт, — ровно ничего»³²⁰. На Тобольском Севере инспекционные поездки благочинных решением преосвященного Антония (Каржавина) были ограничены одним разом в год³²¹.

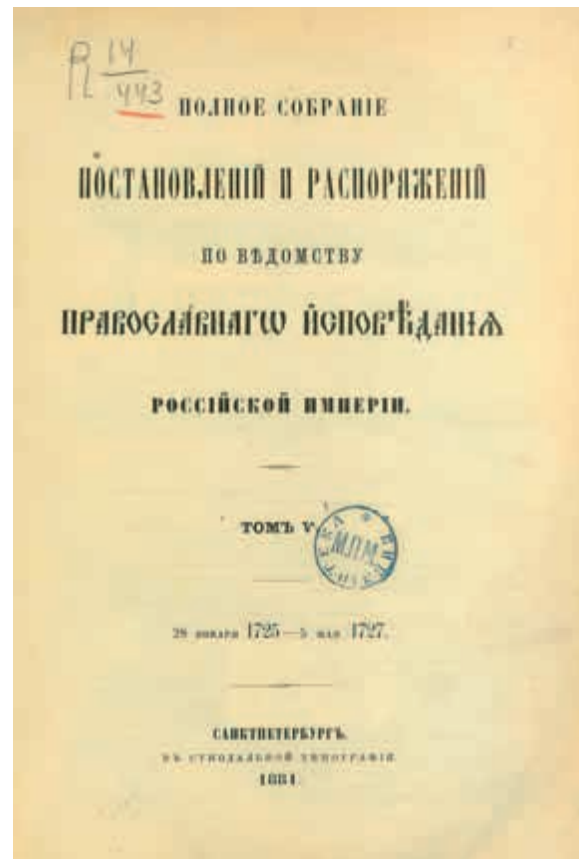

Рис. 4.37. «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи»

³¹⁹ Инструкция благочинному церквей //Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений. Приложение к ст. 653. С. LIX.

³²⁰ ГАТ. Ф. И-716. Оп. 1. Д. 32. Л. 422.

³²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2361. Л. 4.

До декабря 1869 г. в качестве коллегиального органа управления, оказывающего помощь благочинному, существовало Берёзовское духовное правление. В Берёзовском крае выбор кандидатур в число его членов был невелик и заранее предопределялся составом причтов городских церквей. В состав духовного правления входили 2–3 клирика. Делопроизводство возлагалось на светских лиц: столоначальника и копииста.

Благочинные и духовное правление подчинялись епархиальному архиерею (до 1872 г. — архиепископу, позднее — епископу), резиденцией которого являлся г. Тобольск. Попыткой организовать на территории Тобольского Севера самостоятельное епархиальное управление следует назвать учреждение Берёзовского викариатства в начале 1870-х гг. Инициировал его создание архиепископ Тобольский и Сибирский Варлаам (Успенский). Внимание викарного архиерея, по мнению владыки, сосредоточится «на обращении и утверждении в христианской вере инородцев Берёзовского и Пелымского края»³²².

На указе об учреждении викариатств в Тобольской и Кавказской епархиях от 21 декабря 1870 г. император собственноручно наложил резолюцию: «Быть по сему». 12 января 1871 г. Св. Синод учредил в составе Тобольской архиепископии викариатство³²³. Выписка из указа об учреждении викарных кафедр была сделана 16 января 1871 г. и отправлена Тобольскому архипастырю Варлааму. В указе разъяснялось, что викарию надлежит именоваться епископом Берёзовским, местопребывание иметь в Тобольском второклассном Знаменском монастыре³²⁴. 25 февраля 1871 г. слушали всеподданнейший доклад Св. Синода «о бытии Епископом Берёзовским, Викарием Тобольской епархии Члену С. Петербургского Духовно-Цензурного комитета Архимандриту Ефрему»³²⁵. Приказали: «Наречение Архимандрита Ефрема во епископа Берёзовского, Викария Тобольской епархии произвести в Святейшем Синоде 4-го сего марта»³²⁶. Посвящение производили 7 марта в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры.

31 мая 1871 г. преосвященный Ефрем (Рязанов) прибыл в Тобольск³²⁷. На протяжении почти года он исполнял свои должностные обязанности, фактически являясь помощником епархиального архиерея в деле управления приходами Тобольского Севера. Личное знакомство владыки Ефрема с Берёзовским викариатством состоялось лишь однажды — в 1873 году³²⁸. Это была первая поездка преосвященного на север пароходом³²⁹.

25 марта 1874 г. император утвердил Всеподданнейший доклад Св. Синода «о бытии Викарию Тобольской Епархии, Епископу Берёзовскому Ефрему Епископом Тобольским и Сибир-

³²² ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 716. Л. 53 об.

³²³ В отчете обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого по ведомству православного исповедания датой учреждения Берёзовского викариатства назван 1870 год. См.: Извлечение из отчета обер-прокурора святейшего синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 год. СПб: в Синодальной типографии. 1871. С. 4.

³²⁴ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 716. Л. 262, 262 об., 269.

³²⁵ Там же. Л. 273.

³²⁶ Там же. Л. 273–273 об.

³²⁷ Там же. Л. 314.

³²⁸ Миссионерское путешествие преосвященного Ефрема, епископа Берёзовского в 1873 году // Миссионер. Еженедельное издание Православного миссионерского общества. 1875. № 22. С. 172.

³²⁹ Сулоцкий А. И. Тобольские архипастыри: Антоний (Знаменский), Евгений (Казанцев) и Георгий (Ящуржинский) // Сочинения в трех томах: Т. 2. О сибирском духовенстве / Под ред. В. А. Чупина. Тюмень, 2000. С. 529.

ским»³³⁰. Берёзовское викариатство формально не упразднилось, но место оставалось вакантным в течение более чем 40 лет, до назначения на эту должность в 1917 г. преосвященного Иринарха (Синеокова-Адриевского), который менее чем через год вынужден был заменить на посту правящего архиерея, арестованного и затем убитого большевиками епископа Гермогена (Долганева).

Основным направлением деятельности православного духовенства на Тобольском Севере являлось окормление как коренного населения, так и русских старожилов и переселенцев. Если на протяжении большей части XVIII в. для утверждения в православии и искоренения пережитков язычества предпринимались достаточно жёсткие меры, в следующем столетии общая эволюция политики государства и Русской православной церкви заключалась в постепенном смягчении как законодательных норм, так и их правоприменительной практики при выявлении языческой обрядности у новокрещённых. Эти изменения были обусловлены гуманизацией российского общества, более толерантным отношением к иноверию, хотя многие представители церкви, прежде всего миссионеры и приходские священники, были не согласны с ограничениями, связывавшими им руки в деле христианизации. В конечном счёте в распоряжении причтов и миссионеров остались только меры пастырского увещания, используя которые они иногда вынуждены были идти на уступки против правил, лишь бы не допустить «отпадения» прихожан от церкви.

Отправной точкой создания православных противоязыческих миссий в крае послужил указ Св. Синода от 24 декабря 1828 г. «Об учреждении в Тобольской и Казанской епархиях миссионеров для обращения в православие иноверцев»³³¹. Как следствие, в начале 1830-х гг. при активном участии тобольского архиепископа Евгения (Казанцева) была предпринята попытка организовать православную Низовую (Обдорскую) миссию для проникновения христианства в районы расселения северных хантов и ненцев, что, однако, не привело к нужному результату. Лишь спустя без малого три года, в июне 1832 г. Обдорская миссия наконец-то приступила к работе. Спустя восемь месяцев она была закрыта. За это время было окрещено лишь 17 чел. Одной из важнейших причин её скромного успеха была неподготовленность самих проповедников к работе в непривычных для них условиях, а также отрицательное отношение к миссии светской власти.

Рис. 4.38. Архиепископ Тобольский и Сибирский Варлаам (Успенский)

³³⁰ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1191. Л. 4–5; Преосвященный Ефрем, бывший епископ Тобольский и Сибирский (1871–1880) // ТЕВ. 1891. № 3–4. С. 80–85.

³³¹ Шемановский И. С. Хронологический обзор достопамятных событий в Берёзовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // Избранные труды. М., 2005. С. 184.

После временной неудачи с организацией Обдорской миссии центр просвещения новокрещенцов должен был переместиться в Кондинский Свято-Троицкий монастырь. Высочайше утвержденный доклад Св. Синода от 6 июня 1836 г. для обращения и утверждения в вере остяков предполагал преобразование Кондинского монастыря в миссионерский, «избрав оный средоточием, отколе миссия могла бы действовать на окрестные волости Остяцкие и далее по тундрам»³³². Главной проблемой оказалась кадровая. Способных к миссионерству людей ни из числа выпускников Тобольской духовной семинарии, ни из вдовых священников, ни из других монастырей епархии не оказалось. Единственным выходом оставалось пригласить миссионеров из Европейской России. Поиски увенчались успехом лишь через несколько лет. В августе 1844 г. прибыли в Тобольск из Тамбовской епархии иеромонахи Аверкий и Мелетий, из Воронежской — Арсений. Последний, как хорошо учившийся в семинарии и наиболее способный, избирается в начальники миссии и возводится в сан игумена. Таким образом, от принятия соответствующего законодательного акта до начала его фактической реализации прошло восемь лет.

Под руководством Арсения миссия сразу же приступила к работе. В 1845 г. при помощи епископа Владимира (Алявдина) монастырь приобрел походный храм во имя святителя Митрофана, епископа Воронежского. Маршрут поездок (Аверкий использовал термин «посольства») мог простирается до самого Обдорска. По словам иеромонаха Аверкия, он «часто заезжал в такие места, где нескоро и трудно было меня найти...»³³³. В ходе этих поездок решались три основные задачи: 1) крещение язычников; 2) поиск детей для миссионерской школы при монастыре; 3) исполнение треб и нравоучительная проповедь ранее крещёным «инородцам». Однако уже при игумене Арсении, а особенно после его смерти в 1864 г. деятельность Кондинской миссии пошла на спад. Между 1857 г. и 1865 г. не было совершено ни одной миссионерской поездки. Основным, опять же, являлся кадровый вопрос. В отчёте обер-прокурора за 1873 г. сообщается, что деятельность миссии, «почти совершенно прекратившаяся в 1872 году за разными переменами в личном её составе, возобновилась в 1873 году вместе с назначением на должность настоятеля Кондинского миссионерского монастыря иеромонаха Московского Покровского монастыря — Иоанникия. Не имея помощников,

Рис. 4.39. Макет Троицкого Кондинского мужского монастыря в XIX веке. (Культурный центр п. Октябрьское ХМАО)

³³² ПСЗРИ. 2-е. Т. XI. № 9269. С. 664.

³³³ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 752. Л. 101.

этот миссионер должен был ограничить свою деятельность Кондинским монастырем и его ближайшими окрестностями»³³⁴. В августе 1883 г. управляющий Кондинским монастырем иеромонах Анастасий писал, что в миссии с 1879 г. «за недостаточностью деятелей вся деятельность прекращена»³³⁵. Кондинский монастырь оказался перед угрозой закрытия. Проблему решили путём преобразования общины из мужской в женскую в 1891 году. Уже в 1892 г. при проезде через Кондинское научной экспедиции, организованной купцом А. Сыромятниковым, один из её участников отмечал, что «надо отдать справедливость нынешним обитательницам монастыря, что в руках их он находится в очень удовлетворительном состоянии... Всех сестер в монастыре — 22, и все, не исключая интеллигентных (4–5), постоянно занимаются по хозяйству»³³⁶. Особенностью состава насельниц общины являлось то обстоятельство, что среди них практически не было местных уроженок. В основном монахини и послушницы происходили с юга Западной Сибири или Пермской губернии. Перед женской общиной ставились более ограниченные задачи, связанные, преимущественно, с успешной деятельностью миссионерского училища. Никто не требовал от сестёр дальних разъездов и массовых крещений. Вся работа протекала за редким исключением в стенах монастыря.

С 1891 г. наместницей Кондинской женской общины, а с 1909 г. игуменьей монастыря являлась Анна (Александра Петровна Дружинина). Она родилась в 1845 г., происходила из крестьян, образование получила домашнее и при монастыре. 24 марта 1856 г. малолетней по просьбе родителей была принята на воспитание в туринский Николаевский монастырь, 3 августа 1867 г. перемещена в Иоанно-Введенский женский. 27 октября 1871 г. облечена в рясофор, 30 сентября 1884 г. пострижена в монашество, 7 июня 1891 г. назначена наместницей в Кондинскую женскую общину. В 1901 г. настоятельница получила благословение Св. Синода с выдачей грамоты, в 1903 г. — наперсный крест от Св. Синода³³⁷. 27 августа 1913 г. Указом ТДК она была уволена на покой, после чего переехала в Тобольск в Иоанно-Введенский монастырь, где приняла схиму с именем Александра, скончалась в октябре 1915 года³³⁸. Монастырю принадлежало усадебной земли 5 дес. 250 саженьей, сенокосной — 831 дес. 552 сажени, водопойных и пастбищных не удобных 376 дес. 1452 саж., строевого леса — 150 десятин, водопоечного и удобного места 7 десятин 1088 саж. Сенокосные земли из-за отдалённости не приносили никаких доходов, но были необходимы для монастырского скота. Рыболовные угодья сдавались в аренду. Лес использовался для отопления и постройки монастырских зданий³³⁹.

Решением Св. Синода от 5/19 ноября 1854 г. ранее закрытая Обдорская миссия была восстановлена³⁴⁰. Её деятельность распространялась преимущественно на территорию Ямала и затрагивала кочевых самоедов, проживавших в низовьях Оби остяков.

³³⁴ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора святейшего синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1873 год. СПб., 1874. С. 23, 46.

³³⁵ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11, Д. 1416. Л. 3.

³³⁶ Гурский И. Поездка на Северный Урал: Из дневника // Ежегодник губернского музея. 1893–1918: сб. публикаций / сост. Т. Пуртова. Екатеринбург, 2007. С. 12.

³³⁷ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 638. Л. 8 об.

³³⁸ См.: Загваздин Е. П. О церкви-усыпальнице во имя преподобного Серафима Саровского в Иоанно-Введенском женском монастыре: к постановке проблемы // Молодой ученый. 2016. № 24. С. 380–383.

³³⁹ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 716. Л. 12–12 об.

³⁴⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Д. 39. Л. 17.

10 марта 1867 г. по представлению архиепископа Варлаама II Святейший Синод издал указ «Об усилении миссионерских действий в Берёзовском крае и об усилении состава причта Сургутской церкви»³⁴¹. Последовавшие распоряжения епархиальных властей привели к учреждению самостоятельной миссии в Сургуте, расширению состава миссионеров за счёт новых вакансий и увеличению казенных расходов на оплату труда православных проповедников. Сургутская миссия формируется из состава причта городской Троицкой церкви, с назначением к ней дополнительно второго священника — помощника настоятеля, третьего причетника³⁴². Число разъездов членов причта сургутской Троицкой церкви обычно достигало 2–3, но иногда доходило и до 8–9 в год. Миссионерам приходилось преодолевать в течение нескольких недель сотни вёрст на оленях, лошадях или лодках. 2 января 1898 г. последовало распоряжение о закрытии Сургутской миссии «как не имеющей в своем районе не просвещенных светом веры Христовой язычников», с условием, чтобы Сургутские священники не менее двух раз в год по очереди объезжали округ «для утверждения инородцев в истинах христианской веры»³⁴³. Всего за 31 год существования Сургутской миссии было обращено в христианство 482 язычника.

Рис. 4.40. Сборник «Деятельность Тобольского епархиального православно-церковного братства»

Религиозная обрядность совершенно перестала волновать светские власти, считавшие, что этот вопрос находится за пределами их компетенции. Акценты в привлечении представителей духовного сословия к решению общегосударственных задач смещаются. Об этом, в частности, свидетельствует журнал совета Главного управления Западной Сибири «по предположениям о постепенном введении образования между сибирскими инородцами и распространения между ними хотя бы некоторой гражданственности», переданный в 1856 г. Министерством государственных имуществ «на рассмотрение духовного ведомства»³⁴⁴. Священно- и церковнослужителям предлагалось участвовать в обучении коренных жителей различным полезным ремёслам, помогать в заведении пашен и огородов, в оказании медицинской помощи и распространении медицинских знаний и т.п. Намечалось также создание очагов оседлости, вокруг которых могли бы группироваться «инородцы», что виделось неперменным условием для их приобщения к цивилизованной жизни. Для реализации данных предложений у северного духовенства не было достаточных ресурсов. Поэтому, в конечном счёте, после многолетнего обсуждения всё

³⁴¹ Выписка из журнала Тобольской духовной консистории о рассмотрении отчета Сургутской миссии за 1867 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках... С. 120.

³⁴² Выписка из журнала Тобольской духовной консистории с рассмотрением рапорта Сургутского причта о распределении дополнительных средств // Сургутский уезд в документальных памятниках... С. 117.

³⁴³ Тобольское епархиальное православно-церковное братство Св. Великомученика Димитрия Солунского в 1894/95 г. (5-й год со дня основания) // ТЕВ. 1896. № 8. С. 9.

³⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 2.

свелось к участию священно- и церковнослужителей в уже привычном деле — организации школьного обучения и преподавания.

Итоги деятельности миссионеров нельзя считать однозначными. С формальной точки зрения сам факт крещения большей части остяков уже можно было считать достаточным основанием, чтобы признать задачи выполненными. Для более глубокого укоренения основ христианской веры нужны были совсем иные методы, средства и кадры. Для этого необходимо было принять меры по внедрению в жизнь и быт аборигенов важнейших достижений европейской цивилизации в сфере экономики, культуры, медицины, повседневной жизни и быта, о чем писали А. И. Якобий, А. А. Дунин-Горкавич и другие представители светской интеллигенции. Светская власть видела в христианизации средство интеграции инородцев в общеимперское политическое и социокультурное пространство. В данном отношении успехи миссионерства можно признать минимальными. Коренное население оставалось весьма далёким от осознания принципов «гражданственности», «общественного служения» в тогдашнем понимании.

3. Югра в художественной литературе

Один из исследователей книгописания в Азиатской России отмечал, что «в Северо-Западной Сибири, несмотря на малочисленность её русского населения и явное преобладание у аборигенных народов языческих верований, сложился достаточно мощный пласт традиционной книжности»³⁴⁵. Проблема заключается в дальнейшей детализации при изучении книжной культуры, и, в том числе, как периферийная Югра, с её малочисленным местным городским населением, была, в итоге, запечатлена в художественных произведениях XIX — начала XX вв. Или, иными словами, как отдалённый северный край смог приобрести у образованной публики стереотипные узнаваемые черты и свои специфические отличительные образы.

Здесь следует учесть различные обстоятельства. В данный исторический период прежние мировоззренческие установки оказались подвержены быстрым и качественным трансформациям. Традиционное мифическое восприятие мира постепенно дополнялось, а затем и вытеснялось рациональными основаниями. У образованных лиц возник интерес не только к библейским или агиографическим сюжетам, но и к книжным описаниям, имеющим отношение к реальной жизни в цивилизованном мире, в России, а затем и в конкретном отечественном регионе. Некоторое время у местной интеллигенции наблюдалось причудливое сочетание этих разнонаправленных тенденций. Локальное настоящее оказывалось связано со значимыми явлениями исторического прошлого и церковной жизни.

Частичным подтверждением смешения разных культурных тенденций стало создание трёх рукописных книг, датируемых 1817, 1818 и 1820 гг. Первая из них — «Священная история, на русском и вогульском языках», вторая — «Катехизис, сокращённый на русском и вогульском языках» и, наконец, третья — «Евангелие от Марка, на русском и остяцком

³⁴⁵ Шашков А. Т. Церковь и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. — Екатеринбург, 2003. С. 53–54.

Рис. 4.41. Памятная медаль в честь П. А. Словцова с неверной датой его кончины (Московский монетный двор, 1997 г.)

языках». Примечательно, что переводчики из духовенства Спасской Верх-Пелымской церкви — священник Л. Рычков, дьякон Л. Михайлов и пономарь И. Рычков предусмотрительно снабдили «Священную историю» записью о прихожанах — ясачных вогулах, приложивших свои тамги, и дополнительно заверили её волостной печатью от имени должностных лиц³⁴⁶. Бюрократические предосторожности, ранее не характерные для миссионеров, не соответствовали

прежним мифическим установкам, зато были подтверждением относительного соответствия текстов на разных языках.

Перенесение сведений из одной культурной сферы в другую порождало, в первую очередь, проблемы понимания. Информация о малознакомой территории первоначально воспринималась как текст, где последовательное перечисление увиденного во многом совпадало с впечатлениями человека в дороге. Примером подобного восприятия пространства стали «Письма из Сибири» (1828). Они написаны историком П. А. Словцовым (1767–1843). Избранный литературный жанр писем позволил ему в свободной форме рассказать о многих местностях Сибири. Их автор, помимо природно-географических и исторических сведений, создаёт перед читателями картины, которые легко запоминаются. Так, например, в Берёзове (письмо XIII) он хотел «насмотреться на декорации северного сияния, но не тут-то было; небо закаталось при мне без воздушных картин, без всякой полярной поэзии, как будто в прозаических южных городах».

Далее происходит переход от описания природы к человеческому социуму и характеру жителей Севера: «Развешенные неводы, сети, морды, прибрежные запруживания, луки со стрелами, птицеловные перевесы, в таловых просеках между вод раскидываемые — вот все орудия местной промышленности и средства народного богатства. Человек, спрятанный в 2 или 3 ряда оленьих туник, встречается вам в следующих положениях: у чувала с трубкой, на проруби с мордой или с луком на лыжах». Образы отдалённого Берёзова, в котором из-за простодушия его жителей «вовсе нет и тюрьмы», умножены субъективными авторскими началами: «Не без гордости хочу вам донести о щегольском выезде, какой я сделал в Берёзове на летучей нарте, запряженной тройкой белых быстроногих оленей, которых головы кроме горделивых ветвистых рогов, были ещё изукрашены пунцовыми кожаными привесками. Носясь по городу и около города на картинных Дианиных санках, я чувствовал себя в каком-то новом баснословном положении»³⁴⁷.

³⁴⁶ Дергачева-Скоп Е. И., Ромодановская Е. К. Собрание рукописных книг Государственного архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 135–136.

³⁴⁷ Словцов П. А. Письма из Сибири. — Тюмень, 1999. — С. 36–37.

В письме XVII А. Словцов сосредоточивается на сюжете о сосланном в г. Берёзов А. Д. Меньшикове. Образ известного опального царедворца и предания, здесь бытовавшие, побудили автора к морально-этическим размышлениям. Его занимают перипетии судьбы выдающегося политика: «Но вот следы могилы Меньшикова указывают мне, а вон там, близ другой церкви, развалины хижины его. Какая короткая линия между громкой жизнью и кончины мрачной! Какое сближение славы и ничтожности! Какое расстояние, неизмеримое расстояние между Полтавой и Берёзовом!»³⁴⁸ Коммеморация как сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого перерастала в творчестве П. А. Словцова в коммуникативные связи между временами и пространствами. Земли, обозреваемые в его «Письмах», через художественно-литературные включения объединялись с миром учёности, цивилизации, классической истории.

«Существует понятие «манера письма», — утверждает М. В. Трифонова. — Манера письма — это не только умение особым образом соединять слова. Это особый художественный мир. Что касается проблемы взаимодействия письма и жанра путевого очерка, необходимо отметить, что уже в конце XVIII столетия как в странах Западной Европы, так и в России появляются замечательные образцы переписки»³⁴⁹. «Письма из Сибири» допустимо также отнести, с точки зрения литературы, к жанру травелогов, неких отчётов о проделанном автором путешествии³⁵⁰. Общекультурный анализ свидетельствует, что они приближали отдалённые местности Сибири к центрам цивилизации. Литературные аллюзии между аборигенными нартами, запряжёнными ездовыми оленями, и богиней Дианой с ланью, греческими туниками и меховыми зимними одеждами есть не только изящные отсылки к античности. Такой подход далеко не случаен.

П. А. Словцов в своих литературных исканиях по преимуществу наследник традиций классицизма. Для него существенно представить в эталонных картинах общественную значимость исторических деяний. Автор «Писем» различными средствами, в том числе литературно-художественными, показывает читателям, что северные сибирские территории обладают тем историческим наследием, которое допустимо сравнивать с классическими примерами. Поэтому образы, им созданные, послужили дополнительными обоснованиями необходимости краеведческих работ и формирования сибирского патриотизма. Применительно к Югре, они ещё лишены объёмности, глубины и множества конкретных черт. Но для современ-

Рис. 4.42. П. А. Словцов.
Письма из Сибири 1826 года

³⁴⁸ Словцов П. А. Письма из Сибири. — Тюмень, 1999. — С. 46–47.

³⁴⁹ Трифонова М. В. Письмо как жанр литературы // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. — 2015. — № 1(4). — С. 109.

³⁵⁰ Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 3 (37). С. 254–259.

ников его тексты оказались началом распознавания специфики обширных территорий за Уральским хребтом. «Творчество П. А. Словцова оказалось исключительно характерным для периода становления региональной литературы, — утверждает один из современных отечественных исследователей, — Эклектически соединившиеся в нём художественная и научная установки определили как поэтическую индивидуальность произведений самого Словцова, так и перспективы дальнейшего литературного развития Сибири»³⁵¹.

Жанр литературного путешествия был продолжен в книге Ф. М. Белявского «Поездка к Ледовитому морю» (1833)³⁵². Формальная причина путешествия — это посылка врача для исследования причин заболевания аборигенного населения на Севере Тобольской губернии. Ф. Белявский, воспользовавшись командировкой, сумел создать широкое этнографическое полотно, посвящённое жителям Севера. Сведения об истории, хозяйственных занятиях,

особенностях характера, природе и климате дополняются размышлениями о различиях между просвещёнными народами и «дикими» племенами. При этом автор ставит благородную цель: он доказывает, что нельзя коренных обитателей Севера считать «не-человеками»³⁵³. Одновременно Ф. Белявский акцентирует внимание на простодушии аборигенов и негативном воздействии цивилизации на отдалённый мир. Он не чурается художественного использования средств языка: «Север с его унылыми, беспредельными пустынями», олени, «всегда покорные голосу человека, который им всем обязан и которому они ничего не должны» и небо, которое «не оставляет земли без утешения. Пышные, неизвестные Европе картины, невидимую огненную кистью рисуются на полярном горизонте»³⁵⁴. Этот лирический перечень можно продолжить, хотя изначально автор декларирует отказ от поэтических описаний природы³⁵⁵.

Ф. М. Белявский усиливает и оживляет созданные им образы Севера тем, что не избегает личных замечаний и суждений. Он далеко не всегда справедлив и нередко пристрастен, но именно авторские сентенции придают описаниям тот неповторимый колорит, который дает читателям возможность сопереживания и подключения к проблемам локальных социумов. Например, по мнению автора, местные русские кре-

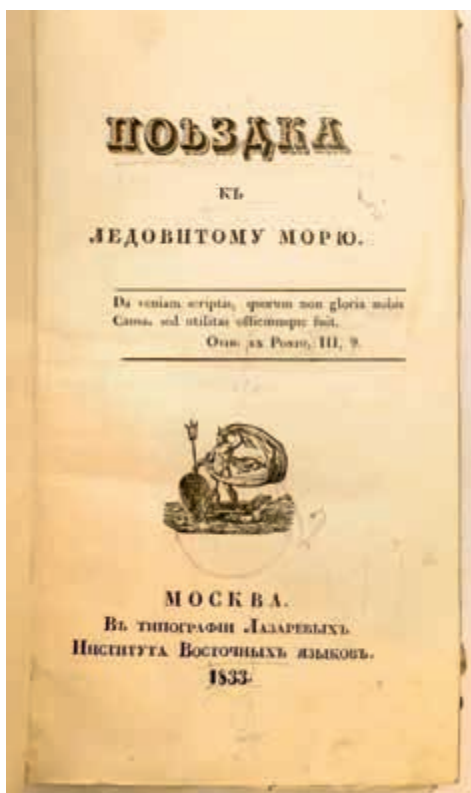

Рис. 4.43. Ф. Белявский. Поездка к Ледовитому морю

³⁵¹ Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX вв.: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Автореф. ... дис. доктора филолог. наук. Томск, 2005. — С. 22.

³⁵² Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому морю. — Тюмень, 2004. — 296 с.

³⁵³ Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому морю. — Тюмень, 2004. — С. VI.

³⁵⁴ Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому морю. — Тюмень. С. III-IV.

³⁵⁵ Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому морю. — Тюмень, 2004. С. VIII.

стьяне бывают не только ленивыми, но и недальновидными. Жители д. Деньщиковская не пекутся о благосостоянии, а население с. Самарово отгоняет скот при разливе Иртыша на гору в кедровник. Этот способ, замечает Белявский, «вовсе не верен, ибо леса наполнены хищными зверями (волками и медведями)»³⁵⁶. Автор, повествуя о путешествии, не заостряет особого внимания на собственных трудностях. Дорожные проблемы «передаются» им с юмором, что уменьшает возможное отрицательное отношение читателей к далёким и ещё малоизученным землям. Так, описывая первый опыт передвижения на закрытых нартах и дорожную тряску, он концентрирует внимание не столько на мучениях, сколько на их осмеянии: «На половине дороги, я наконец опомнился, собрался с духом, посмеялся антистоическим моим ощущениям, позавидовал Диогену, сидевшему спокойно в бочке, и после тьмы размышлений, благоприятствуемых темнотою ночи» добрался до следующей ямской станции³⁵⁷.

Ещё один медик — штаб-лекарь В. Н. Шавров долгое время служил в Берёзове. Написанная им во второй половине 20-х гг. XIX в. этнографическая работа о местном населении была опубликована спустя несколько десятилетий³⁵⁸. В. Н. Шавров при её создании воспользовался рядом литературных клише. Русское старожильческое население отличается опрятностью, довольством, беспечностью, стремлением к праздности и общественным удовольствиям³⁵⁹. Сентиментальная картина жизни Берёзова, описанная им, всецело отвечала в дореформенной России стереотипам о неиспорченной нравственности русских в Сибири³⁶⁰. Остяки, по утверждениям В. Н. Шаврова, «дружелюбны, услужливы, гостеприимны, но живя более по внушениям природы, и не зная правил строгой нравственности, не могут противостоять внушениям страстей и потому, как в дружбе, так и в гневе чрезвычайны»³⁶¹.

В последующем некоторые моральные суждения В. Н. Шаврова оказались заимствованы другими исследователями, в частности Н. А. Абрамовым (1812–1870). Творчество последнего находилось на стыке искренней религиозности и светской рациональности. В его работах доминировали исторические сведения о местных святых и архиереях, церковной архитектуре и церковных преданиях³⁶². В статье, посвящённой памяти подвижника, отмечалось, что он, отбирая сюжеты при создании биографий «лиц тобольской иерархии и сибирских подвижников благочестия, всегда строго держался правила древних: *de mortuis aut bene, aut nihil*; говорил о них только то, что могло служить к похвале описываемых лиц и к назиданию читающих; напротив, всё, что могло быть перетолковано не в их пользу, им было оставлено». В описаниях светских лиц он соблюдал те же правила³⁶³.

³⁵⁶ Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому морю. Тюмень, 2004. С. 40–41.

³⁵⁷ Там же. С. 43.

³⁵⁸ Шавров В. Н. Краткие записки о жителях Берёзовского уезда // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 2. (Апр. — июнь). 1871. V. Смесь. С. 1–21.

³⁵⁹ Шавров В. Н. Краткие записки о жителях Берёзовского уезда // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 2. (Апр. — июнь). 1871. V. Смесь. С. 1–2.

³⁶⁰ Слёзкин Ю. Арктические зеркала Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 98.

³⁶¹ Шавров В. Н. Краткие записки о жителях Берёзовского уезда // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 2. (апр. — июнь). 1871. V. Смесь. С. 3.

³⁶² Абрамов Н. А. Город Тюмень: Из истории тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 567–581.

³⁶³ Петухов Ф. Николай Алексеевич Абрамов // Абрамов Н. А. Город Тюмень: Из истории тобольской епархии. — Тюмень, 1998. С. 40–41.

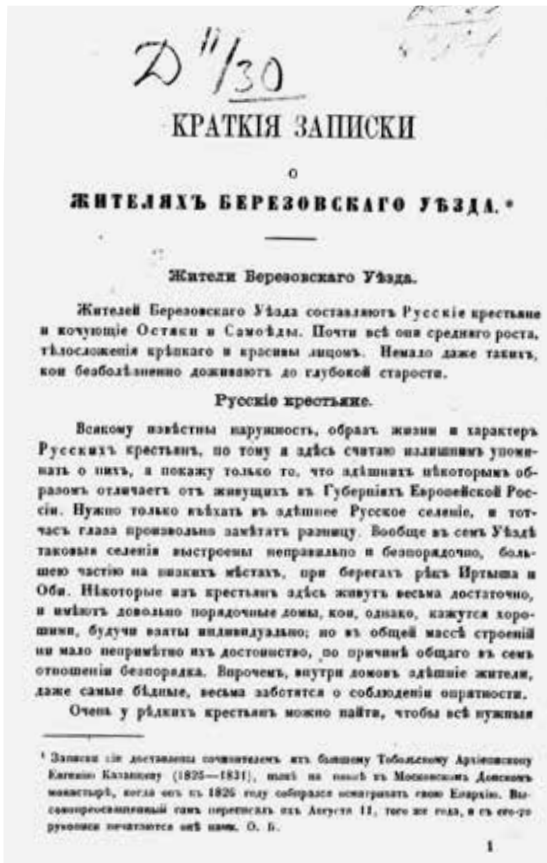

Рис. 4.44. В. Н. Шавров. Краткие записки о жителях Берёзовскаго уезда

Одновременно с назидательностью для Н. А. Абрамова было свойственно стремление к максимальной точности. В автобиографической заметке им описан собственный сон во время проживания в Берёзове. Его рассказ о видении иконы, об услышанном голосе дополнен множеством деталей: перечислены её размеры, указаны местонахождение домочадцев во время чудесного явления³⁶⁴. Влечение к высокому стилю также соседствовало у Н. А. Абрамова с элементами обличения и юмора при художественном воссоздании языческих или профанных сюжетов. Например, при рассказе о языческих обрядах у аборигенов Берёзовского округа Н. А. Абрамов воспользовался экспрессивными средствами языка: «Остяки, как бы по команде, качаясь с одной стороны в другую, кричали разными голосами, то редко, то часто, отставая один от другого. Потом при каждом повторении “гай!” то поднимали оружие кверху, то опускали книзу. Крик сей и движение продолжались около часа, и чем Остяки доле ревели и качались, тем более приходили в некоторый род исступления. После сего, умолкнув, повёртывались по-прежнему перед идолом и отдавали оружие шаману, который раскладывал его на прежние места. Окончив, таким образом, этот обряд, мужчины садились на нары. Тогда открывалась занавеска, скрывавшая женщин, и являлась новая сцена. Начиналась игра на

домбре. Остяки с остячками плясали. Пляска эта длилась долго и была попеременно, то дика, то забавна, то неблагопристойна»³⁶⁵.

Описание русского старожильческого населения в этом округе отличалось у Н. А. Абрамова особой доброжелательностью. Для местных крестьян, по его мнению, были характерны честность, домашний комфорт, опрятность и даже некоторая щеголеватость. «Как мужчины, так и женщины веселого и живого характера, охотники петь песни и плясать под игру балалайки. Ко всему этому должно прибавить, что они хорошей нравственности, очень религиозны; раскольников среди них нет ни одного. Женщины здоровы и сильны»³⁶⁶. Отдалённая жизнь рядом с неиспорченными «дикарями» представлялась своеобразным детством человечества, от которого цивилизованные народы уже отделились. Не случайно, что

³⁶⁴ Абрамов Н. А. Город Тюмень: Из истории тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 197–198.

³⁶⁵ Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Записки Русского географического общества. СПб., 1857. Кн. 12. С. 343.

³⁶⁶ Абрамов Н. А. Описание Берёзовского края // Записки Русского географического общества. СПб., 1857. Кн. 12. С. 360–361.

чуть ли не единственным культурным дефицитом у населения Севера Н. А. Абрамов считал недостаток просвещения и пастырского попечения. Такое патерналистское отношение к северным социумам сохранялось и в последующее время.

После посещения г. Берёзова в 1846 и 1848 гг. тобольским архиепископом Георгием Ящуржинским жители отправили благодарственное письмо архиерею. По-видимому, автором текста стал Н. А. Абрамов, бывший здесь смотрителем училищ: «когда дневное светило по определённым законам природы начало приближаться от юга к северу, чтобы вполне осветить, согреть и оживотворить холодную страну нашу, в то же время и ты, светило тобольской церкви, по ревности к назиданию паствы следовал в малопросвещённый Берёзовский край, да свет во тьме светится³⁶⁷, да согреются сердца евангельскою любовью, да оживотворятся плоды церкви во архиерея великого, прошедшего небеса»³⁶⁸.

Окраинный мир был вне привычной повседневности. На его территории она представлялась своеобразным изъяном, излишней субстанцией. Например, жительница Польши Э. Фелинская (1793–1859), сосланная в 1839 г. в г. Берёзов, в начале своих воспоминаний акцентировала внимание на жизни поселения на грани суши и воды: «Как могли бы существовать дома на улицах, по которым не проехать? В Берёзове это неудобство не так важно: летом никто там не ездит, нет колес, нет экипажей, нет дороги. Все ходят пешком или плавают на лодках. Поверхность земли в Берёзовском уезде, на всём своем обширнейшем пространстве, ещё не поранена нигде следом от колеса. Зачем ездить? Для чего дорога, когда вся суша — это бескрайняя пустыня?»³⁶⁹. Нарочитые преувеличения в описании расположения Берёзова не были следствием огрехов в топографии. Э. Фелинская изображала не ландшафт, она живописала периферийный социум. У политссыльного Д. Д. Лейвина подобная оценка в 1879 г. относится к другому городу: «Оказалось, что в Сургуте не только извозчиков нет, но даже не имеется ни одного колеса. Кругом Сургута вода, так что на колёсах некуда ездить»³⁷⁰. Переживания ссыльных содержали не столько привязку к конкретной местности, сколько экспрессивную личную нагрузку, вплоть до подключения лирических отступлений.

Э. Фелинская зафиксировала переплетение традиционных и рациональных черт у жителей отдалённого Берёзова в 1840 г. Достаточно ярко это представлено на экзамене в местном училище: «Собравшиеся в один коллектив все чиновники и вся местная аристократия слушают сквозь дрему вопросы учителя и ответы учеников, которые им абсолютно непонятны, после чего, как пройдёт их очередь ставить свою подпись, они смачно съедают приготовленный завтрак, запивая его вином и наливками. Это торжество заканчивается обычно к удовольствию обеих сторон, и особенно учеников, освобождаемых на пару месяцев от всех обязанностей». Всеобщее замешательство вызвал вопрос присутствующего здесь же поляка Вакулински (недавно прибывшего в г. Берёзов врача) о дробях. Этот новенький нарушил неписанные правила поведения. Для присутствующих было непонятно, замечает Фелинская, «как этот профан посмел проникнуть в тайну, доступную только самым посвящённым». Когда автор вопроса «возвращался в свою квартиру, дорогу ему перебежал один купец, спра-

³⁶⁷ Автор письма курсивом выделил отсылку к Евангелию от Иоанна.

³⁶⁸ Абрамов Н. А. Город Тюмень: Из истории тобольской епархии. — Тюмень, 1998. С. 321.

³⁶⁹ Отрывки из дневника Эвы Фелинской, который она писала в Берёзове // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 9.

³⁷⁰ Лейвин Д. Д. Из воспоминаний. Быт политических ссыльных в г. Сургуте в 1870–1880-х гг. // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 13.

Рис. 4.45. С. Ларьяк. Крестный ход, 1912 г.

шивая, правда ли то, что говорят, — что Вакулински знает дробы. На утвердительный ответ купец бросил ему вопрос, сколько дробин в «четверти»? Другие, окружившие его на улице, забрасывали подобными же вопросами»³⁷¹.

Э. Фелинская великолепно показала доброжелательный психологический климат в Берёзове при одновременном жёстком разделении местного населения на социальные страты. Так, в её воспоминаниях живо представлены участники крестного хода в день святого Прокопия, небесного патрона города: «Чиновники, купцы, красиво одетые женщины, старики, согнувшиеся под тяжестью лет, дряхлые старушки, молодёжь, весёлая детвора теряют на какое-то время свои индивидуальные черты, чтобы в молчании и сосредоточении духа составлять торжественную процессию. Зрелище поистине трогательное, когда видишь эту массу столь разных людей, собравшихся под знаком креста, составляющих в этот момент как бы единую семью, живущих одной верой, общими надеждами, складывающих на несколько минут из своих душ, из своих мыслей, частных интересов, мелких страстишек — все сообща — одну мысль, оживляющую всех»³⁷².

Углубленный психологизм, характерный для Э. Фелинской, видимо, был вызван её женскими эмоциями и нахождением в иноэтничной среде. То, что для местных жителей было зау-

³⁷¹ Отрывки из дневника Эвы Фелинской, который она писала в Берёзове // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 98.

³⁷² Отрывки из дневника Эвы Фелинской, который она писала в Берёзове // Подорожник: Краеведческий сборник. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 98–99.

рядным и само собой разумеющимся, для человека другой культуры порождало потребность в понимании и письменной фиксации. Краеведческие заметки Н. А. Абрамова, Ф. М. Белявского, В. Н. Шаврова и Э. Фелинской допустимо отнести к художественному творчеству с известными оговорками. По сути, это отдельные авторские ремарки, включённые в основной массив историко-этнографической информации. Они предназначены выполнить побочную роль раскрытия личностной позиции и даже некоего необязательного словесного украшения.

Но уже у их современника литератора П. П. Ершова (1815–1869) произошёл формальный переход к полноценному литературному творчеству. Однако и поэтические опыты последнего в создании северных образов не вышли за границы прежних норм. Они соответствовали устоявшимся клише, на этот раз в сфере литературного романтизма³⁷³. При описании дальних территорий теперь полагалось изобразить их особенное сиротское положение; жизнь лирического персонажа должна была проходить в суровых природных условиях, усугубленных недостатком или полным отсутствием благотворительной опеки.

Автор «Конька-Горбунка» происходил из провинциального чиновничества. Место рождения П. П. Ершова — с. Безруково на юге Тобольской губернии, но в «Послании к другу» он представляет природу северного Берёзовского уезда, куда в последующем переехала его семья:

Мой первый слух был — вой бурана;
Мой первый взор был — грустный взор
На берег льдистый океана,
На снежный горб высоких гор³⁷⁴.

Данная рокировка не только дань поэтической условности тех времён. Для Ершова важнее подтвердить свой талант, а значит — избранность, через мнимое пребывание на границе обитаемого и необитаемого миров, где-то на удалённом и загадочном Севере. Оптимальным вариантом здесь становилось привнесение элементов страдания, эпатажа, отшельничества, с целью привлечения внимания к собственной личности и месту её проживания.

Рис. 4.46. М. И. Тербенев. Портрет Петра Павловича Ершова, 1840-е гг. (Фонды Пушкинского дома)

³⁷³ Сильченко Г. В. Литературное творчество П. П. Ершова: аспекты поэтики: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 211 с.

³⁷⁴ Ярославцев А. К. Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его А. К. Ярославцева. СПб., 1872. С. 10.

Считалось, что у этих дальних земель отсутствовали внутренние возможности, чтобы, наконец, приобщиться к цивилизованной жизни. Им требовалось соприкосновение с культурным героем, способным лично приобщить окраинное население к свету подлинного знания и божественной благодати. В 1837 г. П. П. Ершов преподнёс наследнику престола своё стихотворение, посвящённое пребыванию цесаревича в Западной Сибири:

Склонясь рукой на грань Урала,
Главу сокрыв в полярных льдах,
Сибирь печальная лежала
На снеговых своих коврах.
И тщетно жизньнюю роскошной
В её отчизне все цвело;
Она склоняла в сон тревожный
Отяжелевшее чело.
Но то не смерть. Порой являлась
На ней отрадная заря
И жизнь в груди её держалась
Далёким именем Царя.
И отзыв мощного глагола
Будил её во тьме ночей,
И сонм блестящих звёзд Престола
Горел пророчески над ней.
Она жила, она дышала
Святою верою в судьбу,
И все желания слияла
В одну немолчную мольбу:
«Да посетит Восток Владыка
Её с надзвёздной высоты!
Да изведёт в свой свет великий
Седящих в узах темноты!»
Но два столетия скорбной ночи
Над нею медленно текли,
И тёмным сном смыкались очи
Под мраком неба и земли³⁷⁵.

Патетичность и торжественный слог начали утрачивать свою значимость в общественной мысли в период Великих реформ. Начало развенчания прежних символов в ряде случаев обернулось всплеском иррационального негатива. Яркая фигура середины XIX в. — И. И. За-

³⁷⁵ Замахаев С. Н., Цветаев Г. А. Тобольская губернская гимназия. Историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789–1889. Тобольск, 1889. С. 111–112.

Завалишин (1804–1888). Современники этого человека от оболганных им декабристов до высших администраторов в Сибири были единодушны в крайне отрицательных характеристиках. Завалишина отличала необъяснимая тяга к лжи, провокациям, конфликтам и сутяжничеству. В то же время он обладал литературными талантами и хорошей работоспособностью. Его перу принадлежит множество публикаций, обширное «Описание Западной Сибири» (1862). И.И. Завалишин, проведя много лет в ссылке, стал за это время подлинным патриотом Сибири. В его литературных сочинениях и экономико-географических работах созданы привлекательные образы сибирской природы и местного населения. Литературных персонажей Завалишина отчасти отличают сентиментализм (в частности, в передаче любовных страстей простолюдинов), отчасти — романтические черты (картины суровой тайги и образы преступников, не понятых окружающими), отчасти же — реализм, достоверность и полнота описаний³⁷⁶. Смещение литературных стилей, да ещё дополненных христианской моралью, было, видимо, не случайно. В провинцию новые культурные столичные веяния доходили с опозданием, деформируясь от взаимного наложения.

«Слыхали ли вы о Пелыме? Нет? Очень понятно! — иронично обращался к столичным читателям сибирский автор рассказа «Затуманская красавица». — Я думаю, что о неведомых странах, простирающихся за Яузой и Выборгской стороной — вы имеете такие точно же понятия. По вашим понятиям в Сибири всё ещё ездят на собаках, всё ещё в ней люди ходят под землёй, все ещё солнце там не светит. Однако Пелымский край — очень колоритен, очень живописен. Крестьяне и инородцы в нём живут в миллион раз лучше, сытнее и счастливее, нежели в курных крытых соломою избах внутри России. Одеваются чисто, ходят в сапогах, едят хорошо»³⁷⁷. Поездка лирического героя, от чьего имени ведётся повествование, завершается встречей со священником Алексеем и его приёмной дочерью, красавицей вогулочкой Любушкой на озере Затуман. Вновь попав сюда через несколько лет, герой узнает, что умерли и Люба, соблазнённая приезжим чиновником, и её старенький отец.

Рис. 4.47. И. И. Завалишин. Описание Западной Сибири

³⁷⁶ Прикамский Ипполит [Завалишин И. И.]. Сибирские воспоминания. I. Парамонич // Русский мир. 1860. № 97 от 14 декабря. С. 597–604; Он же. Братья Горины. Из воспоминаний Сибиряка // Русский мир. 1861. № 84 от 3 ноября. С. 783–786; Он же. Сибирские воспоминания. Цепной настенщик // Русский мир. 1862. № 1 от 10 января. С. 9–23.

³⁷⁷ Прикамский Ипполит [Завалишин И. И.]. Затуманская красавица // Русский мир. 1861. № 84 от 28 октября. С. 1401–1407.

Сюжет рассказа лишён оригинальности и вполне стереотипен — достаточно вспомнить «Бедную Лизу» Н. М. Карамзина (1792) и «Камчадалку» (1833) И. Т. Калашникова. В очередной раз произошло обращение к противоречиям между «счастливыми» дикарями и просвещённой, бесчеловечной к ним цивилизацией. Аборигены (зрелищнее — девушки) почти всегда жертвы, возможное спасение для них — это принятие христианства и ассимиляция. Интересно, что привычная сюжетная схема, воспроизведённая Завалишиным, так и не смогла исчезнуть из массива литературных произведений, посвящённых прошлому Югорского края. В XX — начале XXI вв. неоднократно генерируется прежняя фабульная основа: пройдя испытание горами, болотами и озёрами, герои попадают где-то в дебрях Югры на некую «обетованную» землю, которой предстоит погибнуть (иногда — только на время до последующей счастливой регенерации) от соприкосновения с агрессивным внешним миром³⁷⁸.

Впрочем, для И. И. Завалишина пока ещё основную опасность представляют не люди — северная природа. Он искренне любит её красоты, в то же время предостерегая читателя от излишней доверчивости. Не скупясь на яркие краски в описании: «роскошно бархатистый ковёр, испещрённый разнообразнейшими цветами; а среди этого ковра зелени, цветов, красок и солнечных лучей лежало неподвижно, как хрустальное блюдо, сверкающее тысячами тысяч радуг», автор внезапно переходит к убийственной детальной конкретике: «Этот дикий эдем, смерть. Это то, что называют в Сибири “зыбун”. Не только зверопромышленник, но и лесной зверь, никогда не отваживается ступить на этот обманчивый ковёр цветов и такой восхитительной свежей зелени. Его сейчас, как говорится, “всосёт”, потому что под дёрном бездонное болото глубины необычайной и выкарабкаться из него нет уже возможности. Чем больше человек или зверь делает отчаянных усилий, тем более углубляется и смерть неизбежна...».

Символика смерти присутствует и при описании путешествия по р. Оби возле г. Берёзова: «Раскинув парус лодка наша скользила по полунощным волнам, как птица. Месяц всплыл — тот же Оссианов щит, который недавно катился над нами в Омске. Но какая ужасающая бездна между Омском и этой пустыней, на краю обитаемого мира. Была, однако, полна дивной поэзии эта вступительная ночь наша в плавание по Оби. Широкие серебряные лучи месяца ложились коваными пластинами на волнующуюся поверхность беспредельных вод. Река кипела серебром. Гребни валов завивались, свивались, развивались и всё это под тысячами радужных переливов, теней и оттенков. Хороша была водная равнина, хорошо было и ясное небо, усеянное мириадами звёзд, которые в этих широтах блестят ярче и чище... Но всюду гробовое молчание. Ни одного судна, ни одного парохода, ни одного огонька на берегу, да и где самый берег? Туманная черта без признаков и человека, царство смерти, могильная тишина и только!»³⁷⁹

У И. И. Завалишина доминирует оптимизм при минимальном критическом настрое. При изображении Сибири и её проблем он апеллировал к просвещённой бюрократии в лице её высокопоставленных чиновников. Эта сервильная позиция позволила Н. М. Ядринцеву считать, что Завалишин как «панегирик дошёл до верха комического». Далее, обобщая по-

³⁷⁸ Климов А. «Счастливая земля» // Народы Северного Урала: очерки и рассказы. Ханты-Мансийск, 2013. С. 69–79; Панов И. С. Урман. Свердловск, 1958. 424 с; Личутин В. В. Скитальцы. — М., 1988. 576 с; Ехалов А. К. Страна живого огня. М., 2011. 400 с.

³⁷⁹ Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. М., 1862. С. 230–231, 272–273.

добные воззрения, он заявляет: «Все эти господа со своими медовыми писаниями не столько исследуют страну, сколько романтизируют, не столько мыслят, сколько фантазируют»³⁸⁰. При отвлечении от ригористических моментов следует отметить существенное звено в его критике. Н. М. Ядринцев действительно выделил элементы художественного творчества у ряда лиц, пишущих о Сибири. Определённый дилетантизм этих исследователей компенсировался созданием интригующих и положительных образов сибирских земель. Другой вопрос, что отсутствие критического начала и прагматической ценности зачастую воспринималось в ту эпоху исключительно отрицательно.

Высмеивание пороков было тогда во многом самодовлеющим. В 1866 г. на пароходе, который отправлялся на Обский Север, в составе свиты тобольского губернатора А. И. Деспот-Зеновича оказался художник М. С. Знаменский (1833–1892). В «Путевых записках» он декларировал: «я отправился туда решительно без всяких целей и намерений», «я ехал просто с целью ехать»³⁸¹. Доля лукавства в этом заявлении, конечно же, наличествовала. В дороге он рисовал и составлял «Записки». Занимательные описания и большое количество созданных им карикатур, вне всякого сомнения, предназначались для вероятной последующей публикации.

В стилистике «Путевых записок» присутствовало и заигрывание с читателем, и учёт неприхотливых вкусов. Объяснение побудительных причин создания рисунков и юмористических текстов только экстравагантностью М. С. Знаменского или потребностями публики не будет вполне удовлетворительным. Стремление показать смешные стороны местных жителей и путешественников (через тексты и изобразительный ряд) в значительной мере отвечало социальным запросам. Падение крепостничества породило множество надежд у активных личностей, в том числе — желание самостоятельно и без посредников увидеть неведомые местности. Вполне допустимо утверждать, что тогда в образованном сознании существовали и тяготение к неведомому, и та «охота к перемене мест», которая лишила покоя главного героя известной пьесы А. С. Грибоедова. Жанр литературного путешествия, травелога компенсировал недостаток возможностей у большинства читателей получить личные впечатления от дороги и дорожных приключений.

Это стремление обыграно в «Путевых записках». Передвижение парохода воспринималось как внеобыденное и временное (навигация) нахождение в мире, который удалён от родного дома и от твёрдой почвы (суши) под ногами. Образы речного путешествия создавали необходимый эмоциональный настрой, который помогал М. С. Знаменскому раскрыть собственные мысли и впечатления. За его непритязательными описаниями обнаруживается подлинная северная Сибирь. Автор соотносил современность с событиями прошлого. Исторические экскурсы М. С. Знаменского оказались далеко не всегда уместными. Они, в ряде случаев, предстают чуждыми вкраплениями в дорожных заметках. Для автора «Записок» было важно не столько показать ушедшее (нередко подвергаемое осмеянию), сколько рассмотреть неказистое настоящее и возможное будущее. Именно в этом и проявлялась его негромкая любовь к родному краю, местному населению, северной природе.

³⁸⁰ Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом русской литературы // Неофициальная часть «Томских губ. ведомостей». 1865. № 9.

³⁸¹ Знаменский М. С. Воспоминания и дневники. Тобольск, 2013. С. 559.

Рис. 4.48. Надгробный памятник.
(г. Тобольск, Завальное кладбище)

«Велика ты наша матушка Тобольская губерния, — писал М. С. Знаменский о Севере. — Проехали мы черту, далее которой не существовало, не существует и не будет существовать мундиров, дел и волостных правлений. Оттого-то и стремятся сюда стада гусей, бог весть за какие грехи осуждённые снабжать всесветные присутственные места своими крыльями. Но зачем стремиться сюда наш сибирский мужик я решительно не понимаю. Бросает он тёплую избу, жену и ребятишек и тянет черт знает за какую цену, и он же знает на каком хлебе [проделать?] долгий полуторатысячный путь, чтобы добраться до заобдорских песков и весну и лето, эти так сказать праздники природы, когда ликует вся природа, когда так отраднo лежать на мягкой зелёной траве и любоваться полётом ласточек. Он по непонятному капризу проводит лето на бесплодных песках целый день, валандаясь по пояс в воде и проводя ночь или в чёрной грязной избушке, или в берестяном чуме»³⁸². Демонстрируемая автором показная наивность никого не вводила в заблуждение: ведь основные причины тяжёлого труда на рыболовных песках были хорошо известны.

«Литературные опыты Знаменского носят преимущественно очерковый и мемуарно-автобиографический характер, т. е. представляют сплав документа и вымысла, — резюмируют современные исследователи. — В большинстве его тексты написаны от первого лица, что усиливает их публицистическое звучание. Однако через все произведения писателя проходит мысль об исторической судьбе поколений, о смене и преемственности эпох, об утраченном и воскрешённом прошлом» — отмечают исследователи³⁸³. Привычная стабильность теперь безвозвратно пропала, и путешествия переставали быть способами возвращения в идеальное прошлое. В обществе модерна (причём Югра не была исключением) произошло смещение внимания от этнографических частных к социальным обобщениям, лишь слегка закамуфлированным смеховыми и занимательными сюжетами. О том, что Знаменский это понимал, свидетельствуют его дневники, в частности, не предназначенные для печати записи о поездке в Кодский монастырь в 1864 г.³⁸⁴

Патриархальное сознание ещё не было полностью готово к радикальному изменению условий существования. Новые реалии и принципиальная «для всех» открытость мира воспринимались выборочно и не вполне адекватно, как нечто условное и нежелательное. Достаточно одного примера: в 1860 г. Александр II указал «сообщить, кому следует, для надлежащего руководства и исполнения, что только учёные общества, учреждённые правительством, могут посылать от себя лиц для собирания нужных им сведений»³⁸⁵. Но, по

³⁸² Знаменский М. С. Воспоминания и дневники. Тобольск, 2013. С. 616.

³⁸³ История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. Кн. 2. М., 2021. С. 1030.

³⁸⁴ Знаменский М. С. Воспоминания и дневники. Тобольск, 2013. С. 530–550.

³⁸⁵ Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859–1864 годов. СПб., 1903. С. 30.

объективным причинам, указание монарха выполнено быть не могло. Любознательный человек всё менее нуждался в вышестоящей опеке. Представители последующих поколений ехали туда, куда считали нужным. Характерно, что упрощённое восприятие земель в значительной мере базировалось на прежнем культурном опыте.

Так, в преданиях обских угров кожистая шерстистая земля одушевлена. Она «подобна большому зверю, вернее звериному телу, в бороздах которого текут реки, по коже которого идут тропы. По рекам и тропам плавают или бродят рыбы, звери, люди, а во всем этом вместе взятом идет жизнь»³⁸⁶. Такие воззрения обских угров удивительным образом близки с принципиальными установками русского крестьянина из книги В. И. Немировича-Данченко (1845–1936) «Кама и Урал». Этот сборник очерков стал итогом путешествия известного публициста в 1875 г. Старый крестьянин-лесовик стремился сохранить привычные для него доброжелательные, божеские отношения и старую веру. На протяжении своей длительной жизни он мигрировал, спасаясь от угнетения лесопромышленников и государства, вверх по рекам Каме, Косье и Падве. В итоге он переселился за водораздел Уральского хребта, или в Югру. Нравственная максима крестьянина совершенно определённая: «лес рубить без меры — грех. Земле самим Богом убор дан, что зверю шерсть. А её, Божью землю, ироды эти, ради жадности своей, обнажают. Земля оголится и вопиет к Богу»³⁸⁷. Олицетворение, присутствующее здесь — наиболее часто используемый данным автором литературный приём при описании природы³⁸⁸.

Вслед за И. И. Завалишиным В. И. Немирович-Данченко вновь обратился к теме поисков в патриархальной культуре некой сакральной местности, где-то на границе Северного Урала и Западной Сибири. В его текстах художественными средствами реконструировано отношение к лесу, как потенциальному варианту для её размещения. Один из исследователей его творчества объясняет причины такого отношения: «Во-первых, лес и храм оказываются понятиями весьма близкими. Во-вторых, лесное пространство представляет собой иной мир, где совершается спасение (то, чего жаждет русская душа), где замаливаются грехи и где, наконец, течёт праведная жизнь. В-третьих, это праведное бытие мыслится без участия власти, которая здесь стоит в одном ряду с острогами и тюрьмами. В-четвёртых, закон

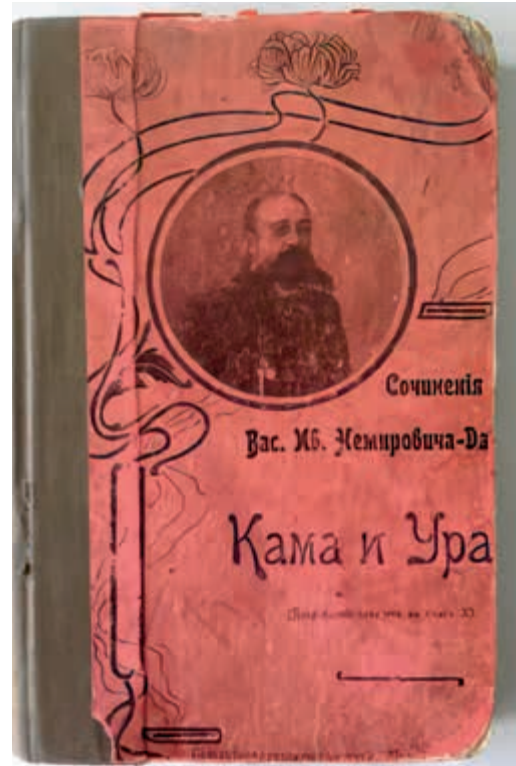

Рис. 4.49. В. И. Немирович-Данченко. Кама и Урал

³⁸⁶ Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 260.

³⁸⁷ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. (Очерки и впечатления). СПб., 1890. С. 37–43, 116.

³⁸⁸ Ефремова Е. Н. Образ Урала в путевых очерках В. И. Немировича-Данченко // Образ Урала в документах и литературных произведениях (от древности до конца XIX века). Екатеринбург, 2008. С. 188.

и правда для русского вещи разные, иногда даже несовместимые, противопоставленные друг другу»³⁸⁹.

В. И. Немирович-Данченко делал это, опираясь на фольклорное наследие. В «Капе и Урале» неоднократно приводятся легенды о святых, наделённых способностями творить чудеса, предания о победах над разбойниками в пустынных местностях Северного Урала, где-то у Павдинского камня. Они дополнены сведениями о силачах, защитниках обездоленных и о тех, кто смог победить нечистую силу³⁹⁰. Мифическая мозаика Югры в 70–80-х гг. XIX в. была дополнена синкретичным образом, хорошо узнаваемым, благодаря трудам И. С. Полякова (1817–1887)³⁹¹. Путешествуя по Югре, он неоднократно акцентировал внимание читателей на упоминаниях в географических описаниях XVI в. Лукоморья на Северо-Западе Сибири.

Для И. С. Полякова был свойственен системный комплексный подход, где лирические описания составляли органическое целое с остальным текстом. Не случайно мнение исследователя феномена путешествий: «В очерке “Старинное и современное Лукоморье” (1884) И. Поляков представляет полное и целостное описание природного мира Приобья и этнографии местного остяцкого населения, сформированное на основе рассказов остяков (хантов) и самоедов (ненцев). В повествовании Полякова черты этнографического, естественно-научного и фольклорного изложения сплавлены до нерасторжимости»³⁹². Природа и люди в его литературном отчёте гармонично перетекают друг в друга.

Именно поэтому автор создаёт живописные образы, где «в надлежащем расцвете находятся зимние обдорские концерты» (коллективный собачий вой) и у него же местная зимняя ярмарка превращается «в обширный зоологический сад; в нем идёт борьба детей царства морошки, песка, северного оленя с представителями зрелого, но изъеденного спорыньей ржаного колоса» (меновая торговля хлебом низкого качества)³⁹³.

Под пером И. Полякова вслед за историко-этнографическими справочными материалами постепенно возникают картины Югры во всем богатстве её природного мира. Весенний прилет водоплавающих птиц в устье Иртыша оборачивается повествованием, близким по своему размаху к эпическому воспроизведению рождения жизни: «Картина будет тем более поразительна, фантастична, волшебна, что она сменяет другую, зимнюю — этот мёртвый, закованный льдом пустынный ландшафт, гробовое молчание которого нарушается воем вьюги и ветров. Для Остяка, уже проголодавшегося зимой, истребившего все

³⁸⁹ Теленков А. В. «Кама и Урал» Вас. Ив. Немировича-Данченко как источник изучения мировоззрения русского населения Урала // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2003. Вып. 4. С. 78.

³⁹⁰ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. (Очерки и впечатления). СПб., 1890. С. 382–384, 400–402, 431–432, 449–452.

³⁹¹ Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. СПб., 1877. 187 с.; Он же. Очерк VIII. Старинное и современное Лукоморье // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.; М., 1884. Т. 11: Западная Сибирь. С. 139–178.

³⁹² Граматчикова Н. В. Северный Урал: маршруты поиска, испытания и бегства // Кунсткамера. 2019. № 1 (3). С. 118.

³⁹³ Поляков И. С. Очерк VIII. Старинное и современное Лукоморье // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.; М., 1884. Т. 11: Западная Сибирь. С. 170–171.

свои запасы, лебедь первый открывает вид на новую жизнь, связанную с большим избытком пищевого материала. Лебедь — белоснежная, большая, красивая птица; за ней следуют новые вереницы птиц; водная поверхность начинает изменять свой цвет от наплыва перелётной птицы; за криком лебедя, за его песней, как за звуком камертона, начинается этот неподражаемый бесподобный концерт природы (...)³⁹⁴.

Берёзов, в описании путешественника, «очень красиво рисуется на высоком берегу, когда на него смотреть издали, с широко раскинутой и гладкой поверхности Сосьвы. Как у всякого русского городка, лучшим украшением вида Берёзова служат его две церкви, расположенные как раз у береговой окраины, на набережной Сосьвы, на двух противоположных концах города. За церквями обрисовываются красивым рядом дома, небольшие, деревянные, но с реки кажущиеся более солидными и чистыми. Собор, первая церковь, лежит выше по течению Сосьвы, чем вторая; на его четырехугольном однообразно выстроенном корпусе, без ограды, покоятся два купола, третий купол весьма небольшой. Около собора каменная, довольно большая будка — казначейство. Около собора, кроме тянущегося позади ряда домиков, нет никаких строений — открывается пустынная площадь. В довольно значительном отдалении от собора, на одной из береговых окраин площади находится беседка; здесь летом, по вечерам, собирается местная аристократия»³⁹⁵.

В своих литературных и творческих исканиях И. С. Поляков не был одинок. Тема вечного возрождения присутствует и в рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка (1852–1912) «Старый шайтан» (1903). Здесь с едким юмором представлен поход «благородной» публики из уездного городка Заволочье (по-видимому, его прототипом стала Чердынь), на Северо-Западном Урале. Провинциальные типы изображены Д. Н. Маминым-Сибиряком откровенно иронично. Они отправились в двухдневную и не подготовленную экспедицию. Её надуманная цель — обоснование очередного проекта неуёмного председателя местной Земской управы. Заблудившиеся и перессорившиеся интеллигенты встречаются в лесу престарелого мансийского князя.

Рис. 4.50. Иллюстрация к очерку: Поляков И. С. Старинное и современное Лукоморье // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., М., 1884 г. Т. 11: Западная Сибирь

³⁹⁴ Поляков И. С. Очерк VIII. Старинное и современное Лукоморье // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., М., 1884. Т. 11: Западная Сибирь. С. 144.

³⁹⁵ Поляков И. С. Очерк VIII. Старинное и современное Лукоморье // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., М., 1884. Т. 11: Западная Сибирь. С. 165.

Рис. 4.51. Д. Н. Мамин-Сибиряк. 1903 г.
(Фонды Свердловского областного краеведческого музея)

Его люди уже давно переселились за Урал, на Лозьву. Он — остался, как последний хранитель родной земли. Князь знает, что произойдёт после его смерти:

— Тогда все вогулы вернутся сюда и прогонят всех русских, — уверенно проговорил он. — О, вогулов много как листьев на дереве! Вогулы самый сильный народ... Вот ты строишь для них свою дорогу... И все другие будут работать для вогулов... я уж видел в Усолье, какие для них устроены русскими железные лодки и железная лошадь... Все это для вогулов... Они только ждут, когда им идти... Вернутся и все покойники... они только отдыхают пока... Все покойники придут. Старый шайтан все знает, только молчит... И я буду управлять своим народом, а ты будешь мне кланяться... Все вогулы будут есть каждый день, и все будут счастливы...³⁹⁶

Как далека эта реалистичная эпическая фигура от клишированных типажей «благородных дикарей» или якобы «наивных детей природы», размноженных отечественной литературой! Яркий образ князя не мог появиться ниоткуда, «сам по себе», множество деталей полагают впечатления очевидца. Уникальность наблюдения заключается в реконструкции языческой картины мира, с его круговоротом реинкарнаций,

характерным именно для обско-угорских народов. Д. Н. Мамин-Сибиряк художественными средствами передаёт трагедию пермских манси, вынужденных ради сохранения этнической идентичности, уходить за Урал.

Этот мансийский князь по-прежнему олицетворяет уходящие богатырские начала. Его незадачливые собеседники наделены «сниженными» шутовскими образами. Ведь формально их путешествие было затеяно с благими целями. Уже упоминавшийся крестьянин-лесовик из книги В. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал» весьма категоричен. Он полагает, что хищническая вырубка леса приведёт к локальному Апокалипсису, но через 90 лет вырастут новые леса, без человека, «доколе из сибирских лесов наши же поселники не придут, да в зелёной чаще деревень своих не поставят...»³⁹⁷.

Несомненна связь этих литературных образов с преданиями аборигенов. В сказке «Трое мужчин с верховий Малой Сосьвы» лесной дух приводит в своё селение шамана, чтобы спасти умирающего отца. Однако помощь шамана не может помочь отцу. И умерший заявляет:

³⁹⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Рассказы и очерки. Свердловск, 1980. С. 351.

³⁹⁷ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. (Очерки и впечатления). — СПб., 1890. С. 42–43.

— Ха! — говорит. — Я не умру! Когда-нибудь, после 2000 года, когда пройдёт этот век, я воскресну! Когда мы воскреснем, вы шаманы, провидцы, только держитесь! Сейчас мы залегли вниз, [под землю], сейчас мы мертвецами стали. Теперь скоро, мы, мертвецы, одолеем [вас]. Тогда много премудрых хитростей у этих хитрых русских мы возьмём, народ этот во все стороны раскидаем! — говорит. Мы воскреснем, Вселенную мы себе возьмём, — говорит, — мы мертвецы!³⁹⁸

Такое межкультурное взаимодействие проявлялось в признании со стороны внешних наблюдателей таинственных объектов, свойств Югры и, одновременно, в стремлении соприкоснуться с ними, ещё раз убедиться как в их отсталости, так и преимуществах над греховной цивилизацией. Прежде у «инородцев» Сибири, воспринимаемых как орудие Божьего гнева, напроочь отрицалась мораль, теперь же, им приписывались нравственные качества, недостижимые цивилизованным человеком. Перед читателями аборигены представляли по-детски наивными и неспорченными. Считалось, что они не могли прогнозировать возможные негативные последствия поступков. Их мораль якобы порождалась условиями суровой неспорченной и девственной территории, противостоящей приходу цивилизации. Такая местность как бы находилась вне издержек прогресса и вне привычного линейного времени.

«Туда, туда! — мечтает персонаж рассказа И. Колотовкина (1878–1922) «За горами» (1903). — За эти царственно властные недоступные вершины, в это загадочное безмолвное, неизведанное “прекрасное далёко”, где тухнет последняя зорька, куда плывут беспечальные, чуждые горя и счастья вольные караваны прозрачных опаловых облачков. Я не знаю, что ждёт меня за этим рубежом; может быть, опять ряд горьких разочарований, но я не боюсь их: они не будут новы; может быть и там не найдётся мне доли и буду я всем чужой, — тогда я без сожалений покину тот край и, взвалив на себя ещё новую неудачу, буду опять идти и идти, пока не найду своей родины или навсегда упаду под тяжестью своей ноши, но я не желаю вглядываться в грядущее, я хочу жить настоящей минутой».

Действие происходит на Севере Западного Урала, восточнее которого за горами расположены загадочные югорские земли. Лирический герой стремится к ним, «в сопровождении какого-нибудь досужего вогула, вечно кочующего там со своими оленями». Судя по контексту, мечты о находке «новой родины» не сбылись. Когда через год рассказчик возвращается на старое место, то он уже не застаёт прежнего уклада. Платиновый прииск сломал поэтический мир единства природы и человека. Неизвестно куда пропал старик Прохорыч, чья питомица Дуня на этом прииске «пошла по рукам», и только лишь её жених, вогул Степан, остался верен мечте. «Говорят, что Степана видели за горами...» — заканчивается рассказ многозначительной фразой³⁹⁹. Миграция как уход от социальных проблем и поиски идеальной жизни со временем была заменена временным посещением окраинных земель или туризмом.

Занимателен и любопытен дорожный очерк малоизвестного беллетриста М. Квитки (1900), где изображено пароходное путешествие от Тюмени до Томска. Ироничный взгляд автора постоянно «цепляется» за несуразности, нелепости и забавные частности путешествия.

³⁹⁸ Касум мув моньшат-пурат. Сказки-рассказы Земли Казымской. Томск, 2002. С. 141.

³⁹⁹ Колотовкин И. За горами // За горами: повести, рассказы, очерки писателей старого Урала. Свердловск, 1990. С. 301–302, 309.

Так, в записи о вечере 30 июля, даётся фигура капитана, который «сидит в шубе и галошах необъятной величины, в которых, как в лодке можно переплыть реку»⁴⁰⁰. Вне сомнения, что стремление удержать внимание читателя присутствует, но не является первоочередной целью автора. Главное — это сформировать положительный интерес к путешествию. Осмеянию подвергнута встреча на пароходе двух братьев из с. Демьянского. Младший из них — фельдшер, двадцать лет не бывал дома. Он, проплывая мимо своей родины, поит коньяком старшего брата, оставшегося в крестьянах, и обращается к нему на «ты». Старший брат подобострастно именуется младшего «Ваше благородие». Колоритны рассуждения этого франта, с претензией на образованность, как и его костюм, демонстрирующий благополучие: клетчатые брюки, котелок, чёрный сюртук с голубой сорочкой⁴⁰¹. Стилистически близкой к этому дорожному очерку стала книга Л. Д. Троцкого о побеге из Тобольской ссылки в 1907 г. Его книжка также ориентирована на сатирические моменты и занимательность текста, даже в ущерб политической позиции автора⁴⁰².

В этих путешествиях присутствовало стремление к сохранению привычного комфорта и привычной иерархии, а иногда — и к личному возвышению за счёт других. В рассказе Николая Дмитриевича Телешова (1867–1957) «Между двух берегов» (1903 г.) маленький колёсный пароход «Сокол» неторопливо движется вниз по Иртышу, таща за собой баржу. Пассажиров из благородной публики (то есть второго класса, расположившихся в отдельных каютах) всего четверо. Наверяд ли они приносят большую прибыль владельцам парохода. Чем и пользуется пожилой повар Иван Михайлович. Он не расположен тратить на путешественников судовые припасы даже за хорошие деньги. Для него важнее иное — подчеркнуть собственную значимость. Покупка провизии на берегу у русских крестьян и остяков оказывается для пассажиров парохода чуть ли не единственной возможностью приобрести продукты питания. Местные жители приносят на пристань всё, что можно продать. Это рыба, утки, огурцы, ягоды, яйца, хлеб, ватрушки. Есть даже брага в берестяных туесах. А матросы тем временем загружают топливо для парохода — дрова⁴⁰³.

Рис. 4.52. Н. Д. Телешов. 1909 г. (Фонды Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля)

Описания природы и пассажирского быта не являются приоритетной целью для Н. Д. Телешова. Его цель несколько иная. Межеумочное положение: берега пустынной реки, попутчики на пароходе с их разными

⁴⁰⁰ Квитка М. По рекам Западной Сибири (Из воспоминаний поверхностного туриста) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1900. Кн. 4. С. 39.

⁴⁰¹ Квитка М. По рекам Западной Сибири (Из воспоминаний поверхностного туриста) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1900. Кн. 1. С. 57–61; Кн. 4. С. 38–39.

⁴⁰² Троцкий Л. Туда и обратно. М., 2017. 160 с.

⁴⁰³ Телешов Н. Д. Рассказы. Повести. Легенды. М., 1983. С. 168–170.

жизненными позициями служат фоном или поводом для размышлений автора о России и о человеческих судьбах в России. Стремление к неподдельной справедливости нередко означало для человека погружение в символический мир словесного творчества, мало совместимого с повседневной жизнью, идеального и гипертрофированного. Отражением подобной социальной мутации являются произведения позабытого поэта Ф. Ф. Филимонова (1862–1920). Как и Н. Д. Телешов, он путешествовал по рекам Западной Сибири. Восприятие пути как перемещения на границу мёртвого мира имеется в его стихотворении «На Оби»:

Наш пароход летит стрелой –
И все скучнее час от часа ...
Сижу измученный и злой
Я в конуре второго класса ...
По берегам большой реки
Не встретишь целый день жилища;
Весь этот край одно кладбище,
Где вымирают остяки (...) ⁴⁰⁴.

Творческий дар Ф. Ф. Филимонова в целом лишён оригинальности, это поэт не первой величины. Но в его стихах присутствует немало достоверных деталей: есть описания путешествий по рекам и дорогам, отражение незавидной участи коренных народов Сибири, провинциальные зарисовки. Поэт и его лирический герой — сторонники насильственной смены общественного строя. В окружающем мире бесконечно длится непрерывное сражение, но соратники уже пали в бою. В борьбе света и тьмы пока ещё побеждает тьма. Участь героя — быть одиноким борцом. Он не вполне свободен, ведь место его жительства — Сибирь, пустынная страна изгнания. Труд в ней подневолен, у аборигенного населения — остяков — будущее отсутствует. Однако надежда не исчезает. Поэт по-прежнему верит в светлое будущее ⁴⁰⁵.

Образы Югры со временем наполнялись достоверными бытовыми деталями и конкретным содержанием. Характерно начало книги «Путешествие в страну вогулов». К её автору является вполне реальный путешественник К. Д. Носилов (1858–1923). Он заявляет о намерении отправиться на р. Конду с научной целью добыть местного бобра.

— Да разве этот бобр уж настолько интересное животное, что за ним стоит ехать в такую даль? — удивился я.

— О, да. Этот уральский бобр в настоящее время совершенно редкостное животное, и, кроме того, он никем ещё не исследован и нигде не описан. Несмотря на все попытки, стоившие больших денег и даже нескольких человеческих жизней, до сих пор никому не удавалось добыть ни одного экземпляра этого, теперь вымирающего, зверя ⁴⁰⁶.

⁴⁰⁴ Филимонов Ф. Стихотворения. I. Песни Сибиряка II. Шутки и пародии. СПб., 1898. — С. 139.

⁴⁰⁵ Ершов М. Ф. Художественные тексты как исторические источники о жизни провинциальной России рубежа XIX–XX вв. // Санкт-Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 58–61.

⁴⁰⁶ Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов. СПб., 1910. С. 2.

Автор книги П. П. Инфантьев (1860–1913) во многом специализировался на написании литературных произведений для детей о жизни «инородцев» России. Его «Путешествие к лесным людям» (1898, второе переработанное издание — «Путешествие в страну вогулов», 1910) стало первым опытом этнографической беллетристики. Эта книга была основана на личных впечатлениях о совместной с К. Д. Носиловым экспедиции. Её автор, во многом традиционно, рассуждает об угасании аборигенов, перечисляет известные историко-этнографические данные, воспроизводит несколько литературно обработанных легенд, рассказывает о тех местах, где они побывали. Его беллетристика интересна впечатлениями неискушённого образованного горожанина от встреч с жителями таёжной глухомани. Автор, от чьего имени ведётся повествование, не афиширует изменений в личной позиции, хотя, вне всякого сомнения, они существовали.

Дело даже не в том, что из текстов Инфантьева постепенно исчезали, пусть и неявные, но достаточно ощутимые элементы превосходства цивилизационного индивида над «инородцами» как «дикарями» и недотёпами. Первое издание — это «сухое» объективистское описание пройденного пути. Судьбы отдельных лиц в нём почти не представлены⁴⁰⁷. Второе издание, напротив, расцвечено эмоциями, привнесением психологических зарисовок и литературными реминисценциями. Г. И. Данилина отметила, что «Путешествие в страну вогулов» писал «как будто другой человек. У него иная цель и иная роль»⁴⁰⁸. В чём же именно была заключена трансформация данной цели? Перевоплощение путевого отчёта в литературно-художественное произведение. К этому времени у П. П. Инфантьева уже имелся профессиональный опыт публикации литературных произведений для детей, и в том числе из жизни коренного населения Югры⁴⁰⁹. Их основой стала информация, почерпнутая в путешествии 1892 г. Различия здесь не были значимыми, главное заключалось в вариациях изображений юным читателям основных этапов жизни и специфики существования аборигенов.

Наивные представления о жизни и быте аборигенов были востребованы в беллетристике и детской литературе, поскольку они максимально импонировали инфантильному сознанию. Размноженный образ Югорского края наряду с П. П. Инфантьевым начали эксплуатировать другие детские писатели. На рубеже XIX–XX вв. рынок этнографической беллетристики для детей заполнили книги Л. Х. Симоновой (Хохряковой) (1843–1906)⁴¹⁰ и Е. Э. Сно (Ясновидящего) (1880–1941)⁴¹¹. Занимательность и живость повествования соседствовали в них с привычными литературными клише, а образовательные функции дополнялись поверхностными или не всегда корректными этнографическими зарисовками. Нередко эти литераторы заимствовали у коллег «бродячие» сюжеты о «маленьких робинзонах», детях-сиротках или трафаретные описания шаманских камланий, загадочных пещер, рыболовства, охоты, встреч с медведем.

⁴⁰⁷ Инфантьев П. П. Путешествие к лесным людям. М., 1899. 64 с.

⁴⁰⁸ Данилина Г. И. Встреча с неведомой страной вогулов // Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов. Тюмень, 2003. С. 7.

⁴⁰⁹ Инфантьев П. П. Вогулы; Месть шамана; Вор: Очерк: Ист. рассказ: Рассказ из жизни вогулов. СПб., 1907. 62 с.; Он же. Остяки: Очерк. Дети-сироты. Из жизни остяков. СПб., 1909. 52 с. Он же. Этнографические рассказы: Из жизни татар, киргизов, калмыков, башкир, вогулов и самоедов. СПб., 1909. 262 с.; Он же. Жертва вогула; Чары шаманов; Вогулы: Рассказ из жизни вогулов: Из путевых впечатлений в стране вогулов: Очерк. СПб., 1912. 46 с.

⁴¹⁰ Симонова Л. Лаача. Очерки из быта вогуличей. СПб., 1911. 80 с.

⁴¹¹ Сно Е. Э. За Уральским хребтом. Инородцы Сибири. СПб., 1904. 51 с.

Нечто подобное происходит с простодушными вогулами у Л. Симоновой в книге «Эзе: очерки из быта остяков». Чиновники, скупщики, добыча золота и меди делают невозможной жизнь на родной земле. Часть аборигенов вынуждена уйти дальше в тайгу, на северо-восток. Главная героиня, спасаясь от голодной смерти, сначала попадает в семью священника, а затем в городской приют. Там Эзе овладевает грамотой и собирается выйти замуж за своего единоплеменника Иту. Она считает, что, живя с мужем в юрте, тем не менее, надо уметь отстаивать свои права: не позволять жадным рыботорговцам обманывать аборигенов, при заболевании требовать от властей доктора, пользоваться кредитом в казённых хлебозапасных магазинах⁴¹². Просветительская наивность семейных планов юной Эзе мало кого вводила в заблуждение. Практически всеми считалось, что путь, «ведущий к народному благу, непосредственно народом не осознаётся и самостоятельно им быть пройден не может»⁴¹³. Для образованного лица, в соответствии как с Библией, так и социалистической доктриной, низы общества, и в их числе якобы наивные, но верящие в Бога аборигены, были объектами вероятного спасения в земной жизни. Дело оставалось за «немногим»: совестливый пастьрь (в церковном или светском вариантах) должен был заступаться за «иностранцев».

Рис. 4.53. Л. Х. Симонова (Хохрякова)

Тема межкультурных, в том числе и межэтнических контактов, затронута в повести С. Карцевского «Ямкарка» (1910 г.). Повесть посвящена недолгой любви между крестьянской девушкой и учителем, следующим к месту службы в глухую деревню на р. Конда. Из-за погодных условий, пока не встал лёд на реках, он коротает время на деревенской земской ямской квартире, где и сблизился с ямкаркой — дочерью хозяев. В этом произведении множество достоверных деталей: описание крестьянских работ на Севере, половозрастное распределение труда, досуг деревенской молодёжи⁴¹⁴. Осведомлённость С. О. Карцевского (1884–1954), будущего маститого языковеда, неувидительна. Его просветительское служение началось с работы учителем в с. Нахрачи, расположенном именно на Конде.

Отвлекаясь от возможных автобиографических моментов, присутствующих в повести, заметим, что начинающий писатель зафиксировал множество новых реалий. Среди них — снижение социального статуса учителя. Лирический герой демократичен. Его трудно отнести к «благородной публике». Учитель не против покурить с деревенскими парнями, поехать на ловлю рыбы или сгрести сено с местными крестьянами. Рядом со здоровой, неграмотной деревенской девушкой ему много интереснее, чем возле «учительницы, старой девицы с огорчённым выражением лица». Молодой человек не считает возможным брак с крестьян-

⁴¹² Симонова Л. Эзе: очерки из быта остяков. СПб., 1906. 95 с.

⁴¹³ Черников В. М., Перевозчикова Л. С. Категории «правда» и «истина» в русской культуре // Историческая психология и социология истории. — 2015. — № 2. — С. 141–157

⁴¹⁴ Карцевский С. Ямкарка [б. м., б. г., отпечатано в ООО «Кондинская типография»]. — 66 с.

кой мезальянсом. Он готов увезти Дашу на место службы. Его любимая, отказываясь ехать на Конду, ревнует учителя к аборигенным женщинам:

— Там у тебя анки будут красивые... лучше меня⁴¹⁵.

В этой реплике отображается начавшееся психическое сближение между этносами, хотя пока ещё присутствуют и моменты пренебрежения к коренным народам Севера. При встрече с кондинскими манси учителя удивило, «что остяки оказались самые обыкновенные люди. На них не было звериных шкур, не было луков в руках»⁴¹⁶. В ремарке явно отложились рудименты неизжитых стереотипов, характерных для европейской образованности: дикари, конечно же, должны были быть «как на картинке»... Русские крестьяне в повести охотно используют на рыболовных промыслах одежду и очаги-чувалы, опыт изготовления которых позаимствован у коренного населения. Автором зафиксировано, как у русского населения протекают незавершённые процессы имущественной и культурной дифференциации⁴¹⁷.

Образ Югры как таинственной земли или опасного пути вне цивилизации был популярен на рубеже XIX–XX вв. и для полупрофессиональных авторов, склонных к литературному творчеству. Например, известный археограф Х. М. Лопарев, уроженец с. Самарово, в своих мемуарах положительно оценивал своё сельское детство, но в стихах, по законам жанра, предпочитал сосредоточивать внимание на отрицательных моментах при создании картины малой родины:

Из мрачной хижины крестьянской,
Из тьмы порока, зла и бед
Со святой верой христианской
Бежал сын севера во свет⁴¹⁸.

Наблюдатели, даже на основе личных впечатлений, воспроизводили привычный образ Югры. Среди них допустимо назвать таких авторов, как путешественник и журналист А. Н. Вакуловский⁴¹⁹ или фельдшер Л. М. Кориков-Михайлов (1876 — после 1914), живший на Севере Тобольской губернии⁴²⁰.

Особое место в художественной литературе о Югре принадлежит писателю К. Д. Носилу (1858–1923). В его лице органично совмещались путешественник, публицист, исследователь и религиозный человек, искренне любящий природу. В принципе К. Д. Носилов не создавал качественно новых текстов. «Он никогда не замахивался на крупные жанры, писательское дыхание его было коротким. Это не недостаток: из его сюжетов можно накроить немало повестей и романов, но он придерживался своего принципа. Писал только о том, что хорошо

⁴¹⁵ Карцевский С. Ямкарка [б. м., б. г., отпечатано в ООО «Кондинская типография»]. — С. 37.

⁴¹⁶ Там же. С. 24.

⁴¹⁷ Там же. С. 45–46.

⁴¹⁸ Лопарев Х. М. Стихотворения // Лопаревский сборник. Ханты-Мансийск, 2019. С. 93.

⁴¹⁹ Вакуловский А. Н. Сибирские очерки // Всемирный путешественник (Бесплатное приложение «Родины»). 1892. № 6. С. 86–94.

⁴²⁰ Кориков Л. В майскую ночь (из жизни вогулов) // Сибирская торговая газета. 1898. № 189. от 29 августа; Он же. Буран в тундре (из воспоминаний северянина) // Сибирская торговая газета. 1903. № 1. от 1 января.

знал»⁴²¹. Эти чеканные строки тюменского публициста А. К. Омельчука многое расставляют по своим местам. Ведь применительно к творчеству К. Д. Носилова недостаточно фиксации того факта, что его тексты близки к этнографическим описаниям. К нему, как к автору многочисленных публикаций, нередко предъявлялись справедливые претензии за ненаучный подход, предвзятость, легковесность и беллетристику. Однако он обладал иными достоинствами, лежащими за рамками научно-исследовательской сферы.

Литературное творчество Носилова проникнуто подлинным гуманизмом, в котором Бог, человек и природа слиты воедино. В коротком рассказе «Инок» молодой монах-зырянин в завершении беседы обращается к собеседнику на Соловках:

— Любите лес — закончил он, — в нем Бог! Лес — это храм для молитвы!⁴²²

К. Д. Носилов на множестве примеров показывает красоту природы и доказывает, что животные способны чувствовать, переживать, страдать, почти как люди. Таковы рассказы «Наши “инженеры”», «Пип», «Клуша», «Ворона», «Пуночки», «Яхурбет». Особенное впечатление производит рассказ «Волки. Из детских воспоминаний». Его начало просто и эпично: «Совсем не стало волков в нашей стороне, как и многого другого зверя. Да и где водиться нынче серому волку? Леса все повырублены и вывезены на дрова в город; болота, займища, где так любил прятаться и устраивать себе логово волк, уже все высушены». Крестьяне перестали бояться разорять волчьи гнёзда. Что сдерживало раньше? Многое, в том числе и страх, что потерявшая щенков волчица придёт и будет выть под окнами избы охотника. «Говорят, что это ужасное зрелище, — сообщает писатель — волчица худая, облезлая, голодная, думающая только о щенках, с жалким выражением глаз, которые то вспыхивают недобрым зелёным огоньком при виде человека, то покрываются слезами, неотступно преследует охотника. И случается, что даже чёрствый крестьянин и тот отступает перед её материнской любовью и уходит прочь от её логова, не вынеся её жалкого вида»⁴²³.

В очерках «На Новой Земле» К. Д. Носилов эмоционально ярко показывает трагедию старушки-ненки, потерявшей мужа. Её рыдания порождают у писателя аллюзии с ранее виденной раненой нерпой: «скорчившись, жалкая, маленькая, вся покрытая льдом, с окровавленной грудью, с изодранными лапами, молча с невыразимой мольбой смотрит мне в глаза, и вдруг я вижу, как из её больших чёрных глаз брызнули слёзы, потекли ручьями и закапали на бе-

Рис. 4.54. Л. А. Кориков-Михайлов

⁴²¹ Омельчук А.К. К. Носилов. Свердловск, 1989. С. 135–136.

⁴²² Носилов К. Д. В лесах. Рассказы и очерки. М., 1910. С. 67.

⁴²³ Носилов К. Д. Золотое время. Очерки и рассказы. М., 1908. С. 1–30.

Рис. 4.55. К. Д. Носилов

лый снег»⁴²⁴. Такое восприятие природы и человека во многом объединяло взгляды К. Д. Носилова с мировоззрением коренных народов. «Первобытное сознание не ставит резкого водораздела не только между отдельными индивидами, но и между человеком и природой. Силы природы ещё не противопоставлены человеку, а находятся с ним в таинственной связи. Он принадлежит к ним, а они продолжают его», — замечал И. С. Кон⁴²⁵. Для Носилова жизнь аборигенов была более естественна, чем у его цивилизованных и образованных современников.

Будучи религиозным человеком, он верил, что близость к природе равна близости к Богу. Соответственно, Север с его потаёнными местами, также мог претендовать на искомую сакральность. Об этом свидетельствует содержание очерка «Таинственное из жизни самоедов» в книге К. Д. Носилова «На Новой Земле»⁴²⁶. Им зафиксированы рассказы аборигенов о видениях Святого Николая и предсказания будущего. По воззрениям писатель был похож на католического Франциска Ассизского. Г. К. Честертон парадоксально резюмировал, что этот святой «не видел леса из-за деревьев». По его мнению, он «не желал стоять на условных подмостках, где нарисован на за-

днике лес; можно сказать, что он был слишком деятелен для действия. В его театре подмостки оживали, всё выходило на авансцену, всё освещалось огнями рампы. Каждый предмет становился персонажем, действующим лицом. Вот почему как поэт он прямо противоположен пантеисту. Он не звал природу матерью: он звал братом вот этого осла, сестрой — вот эту ласточку»⁴²⁷.

Описывая верования коренных жителей, К. Д. Носилов сумел достигнуть поразительного художественного вывода: «быть может, мы с вами, живя среди довольства, роскоши, родных, друзей, по самому содержанию нашей жизни, не можем читать тех заповедных страниц книги природы, которые открыты этим дикарям... Кто знает, читатель, быть может, эта чистая душа дикаря и его детство привлекают к нему того, кто всю жизнь приходил к погибающим и обремененным, и он приходит и теперь к тем, кто действительно предоставлен самому себе в этой суровой обстановке жизни, кто действительно способен верить и молиться. Как много мы ещё не знаем в природе. Но это ещё ничего: досадно то, что мы так уверены в себе, так слепы ко всему подобному. И мы будем всегда такими, потому что не имеем такой чистой души, как этот дикарь, не умеем верить и молиться...»⁴²⁸.

⁴²⁴ Носилов К. Д. На Новой Земле. Очерки и наброски. М., 1903. С. 226–227.

⁴²⁵ Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978. С. 125.

⁴²⁶ Носилов К. Д. На Новой Земле. Очерки и наброски. М., 1903. С. 17–32.

⁴²⁷ Честертон Г.К. Вечный Человек. М., 1991. С. 54–55.

⁴²⁸ Носилов К. Д. На Новой Земле. Очерки и наброски. М., 1903. С. 31–32.

Для писателя опыт жизни в среде аборигенов превратился в обретение способности для дешифровки другой культуры. Исследовательница творчества К. Д. Носилова замечает, что «в отношении дискурсивной подвижки в языке описания «бедных жителей полярных стран» происходит заметная авторская работа, выходящая за пределы узко этнографической сферы. Писатель становится автором, способным транслировать пережитый на Крайнем Севере опыт через тексты “от третьего лица”»⁴²⁹. Для писателя отсутствовало лобовое противостояние между аборигенами с их наполовину языческими, наполовину христианскими представлениями и официальным православием. Подлинная вера означала присутствие на территории чудес. «Странный народ, странная жизнь, странные верования, — размышлял К. Д. Носилов о религиозных верованиях коренных жителей Конды. — Но я думаю, что эта странность многое потеряет, если мы, отбросив свои предвзятые взгляды, просто заглянем глубже в нашу жизнь, взглянемся в некоторые странные случаи из нашей жизни, в которых нельзя не найти чего-то такого, что уже знакомо тем детям природы, которых мы называем дикарями»⁴³⁰.

Вера в неиспорченного «дикаря», который находится в естественных природных просторах вне социума и греховной цивилизации, содействовала возвеличиванию новых стереотипных образов. Данная позиция была достаточно распространена в российском обществе. По мнению Ю. Слёзкина, ещё в первой половине XIX в., в глазах образованных русских «невинная Природа породила невинных детей, и вскоре сибирский литературный ландшафт оказался населён гордыми туземцами, которые, которые «бесстрашно бродили вокруг шаманских могил», не ставили ничего превыше свободы и наслаждались простыми радостями беззаботного кочевого существования»⁴³¹. Будучи провинциальным писателем, К. Д. Носилов также придерживался литературных традиций. На литературном горизонте он не был звездой первой величины и представлял для образованного читателя уже во многом привычные, узнаваемые туземные темы. Он писал о том, что хорошо знал, что импонировало ему и было благосклонно востребовано широкой читающей публикой.

Так, например, его освещение мира детства на примере разных этносов (русских, вогулов, самоедов, киргизов) интриговало читателя и неплохо служило просветительским целям. Детские персонажи К. Д. Носилова («Сестра Оля», «Таня Логай», «Юдик», «Дедушка Савва и его внуки» и др.), всегда максимально симпатичны и практически лишены недостатков. При этом их индивидуальные качества теряются в клишированных сентиментальных описаниях. Сложно сказать, какие причины превалировали в подобном выборе писателя: литературная конъюнктура, подспудная тяга к детям и семейной жизни (Носилов поздно обзавёлся потомством), чувство подлинного гуманизма или свежесть собственных детских воспоминаний? При создании детских образов, в первую очередь образов детей аборигенов, писатель демонстрирует непривычные для «обычного» юного читателя экзотические детали. Однако автора подводит его культурная заданность. Исходя из лучших побуждений, этому читателю предлагается непременно любить (как минимум — жалеть) этих литературных персонажей. В произведениях К. Д. Носилова по отношению к туземным детям, как и к аборигенам вообще, во многом реализована привычная российская парадигма. Для их

⁴²⁹ Граматчикова Н. Б. К. Носилов. «На Новой Земле»: самописание экстремального опыта // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 131.

⁴³⁰ Носилов К. Д. У вогулов. Очерки и наброски. М., 1904. С. 17.

⁴³¹ Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 95.

Рис. 4.56. К. Д. Носилов. В снегах

блага необходимо что-то совершать: проявлять эмоциональные чувства, распространять христианство или реализовывать просветительские проекты.

Симпатизируя миру традиционной культуры, К. Д. Носилов отнюдь не идеализировал его. Он не избегал публичного обсуждения деликатных вопросов: широкого распространения пьянства, антисанитарии, болезней, тёмных суеверий в среде аборигенов. В то же время он не снимал ответственности за бедствия коренных народов Севера с российского общества, предпринимателей и официальных властей⁴³². К. Д. Носилов многое сделал для того, чтобы застарелые проблемы не были скрыты за заговором молчания. Он обоснованно считал, что назрела необходимость в радикальном изменении социальных отношений в аборигенной среде.

Изучение народов Севера не было основной целью для К. Д. Носилова. Он надеялся на христианизацию аборигенов и сам выступал как миссионер. Для Носилова-христианина были неприемлемы кровавые жертвоприношения. Он не

скрывал, что испытывал тяжёлые чувства, наблюдая ритуальное умерщвление и поедание животных. Интерес этнографа здесь вступал в противоречие с его мировоззрением, в котором осуждалось мучительное убийство животного⁴³³. По его мнению, христианизация аборигенов должна была идти параллельно с распространением русской культуры, образованием и даже благотворительной русификацией. Носилов отдавал себе отчёт, что быстрые успехи на этом пути невозможны.

«Вот уже двадцать лет как я их наблюдаю, а незаметно, чтобы этот народ перенимал русскую жизнь» — замечал писатель в очерке «Вогульская школа»⁴³⁴. Появление в творчестве К. Д. Носилова очерков «Вогульская школа», «Школа у остяков», «Самоедская школа» и «Киргизская школа» далеко не случайно. Он постоянно пытался обнаружить в аборигенной среде те явления, которые бы свидетельствовали о сдвигах к лучшему. Писатель оптимистично фиксировал разнообразные приметы ожидаемой им новой жизни, будь то знание русского языка, распространение фабричной одежды и самоваров в быту или единичные случаи христианского усердия у народов Севера.

В разговоре с неким старичком, жителем Обдорска, К. Д. Носилов защищал новообращённых аборигенов от нападок своего критичного собеседника: «что нам за дело до того, как выражают свою веру дикие люди; раз они выражают её — они уже веруют, раз веруют — они

⁴³² Носилов К. Д. В защиту обских инородцев // Восточное обозрение. 1885. № 13. С. 8–9.

⁴³³ Носилов К. Д. У вогулов. Очерки и наброски. — М., 1904. С. 30–35, 92–95.

⁴³⁴ Носилов К. Д. Среди наших инородцев. Очерки и рассказы. СПб., 1903. С. 50.

научатся после и поклоняться. Время сделает их истинными христианами, как нас с вами, потому что и наши предки, вероятно, имели не менее их суеверий»⁴³⁵. Его ожидания далеко не всегда были оправданы, и исследователь пытался обнаружить причины собственных неудач. Одна из них — его наивные упования на цивилизующую роль «нормальной» торговли. Очерк К. Д. Носилова «Через десять лет» фактически явился публичной исповедью о совершённой им ошибке. Разработав маршрут от Северной Сосьвы к бассейну р. Печоры и пригласив, в противовес своекорыстному берёзовскому купечеству, крупнейшего и культурного сибирского предпринимателя А. М. Сибирякова для торговли с аборигенами, исследователь надеялся на улучшение их жизни. Этого не произошло. Развитие торговли спровоцировало рост потребностей, обнищание и алкоголизм. «Ситец вместо своего холста из волокна крапивы, сукно вместо налимьей кожи, оленины, разнообразных шкур; сапоги, бродни вместо оленьих пимов и сапог из той же оленьей шкуры; чай, вино, белый хлеб, когда прежде они обходились почти вовсе без хлеба, употребляя мясо и рыбу, всё это потребовало от дикаря средств и средств» — вынужден был признать писатель. Он даже задавался вопросом, о том, что, теперь, может быть, придётся защищать «дикаря» от цивилизации⁴³⁶.

Несмотря на неудачу, К. Д. Носилов не потерял оптимизма и продолжал сохранять положительный настрой. Он не отказался от попыток привнесения в северную глушь новых культурных норм, и по-прежнему надеялся на быстрое экономическое преобразование заброшенных северных пространств. Эта вера в чудеса технического прогресса была характерна для рубежа двух веков. Она была далека от созерцательности. Её неопитами становились деятельные люди, не жалевшие усилий для блага общества. Чудесные ожидания от возможных технических решений сочетались с неоправданными надеждами на быстрое улучшение социальных отношений. Эти оптимистические ожидания были во многом спровоцированы общей социально-экономической отсталостью России.

В предельном основании пространство Носилова сводилось к природе, дому и храму. Достойное существование одухотворялось здесь приобщением ко всему живому, приобретением новых знаний, полезной деятельностью и искренней религиозной верой. Литературные тексты К. Д. Носилова не ограничиваются ценностью этнографических источников. Диапазон их охвата значительно шире. Здесь имеется обширная информация для исторической психологии, истории религии, экономической истории и других гуманитарных дисциплин. Вполне допустимые аналогии с фольклорным наследием и творчеством его предшественников не отменяют принципиальных различий. Носилов в своих произведениях преодолел отстранённый взгляд «правильного» цивилизованного наблюдателя. Он не идеализировал аборигенов Югры, Ямала и Новой Земли. Но повторение прежних культурных стереотипов с наивными дикарями или жадными русскими торговцами стало для писателя только лишь отправной точкой для последующих размышлений о красоте мира, доброте и подлинных ценностях.

Носилов одновременно далёк и от прямолинейного осуждения социальных язв и язычества аборигенов, и от замалчивания неприглядных реалий. Главное для него — показать истинную красоту в природе и человеческих отношениях. Чтобы её разглядеть, недостаточного беглого равнодушного взгляда случайного проезжего. Человеку необходимо пройти ряд

⁴³⁵ Носилов К. Д. На Новой Земле. Очерки и наброски. М., 1904. С. 292.

⁴³⁶ Там же. С. 151–155.

испытаний: бездорожьем, погодой и опасностями, чтобы осознать подлинное гостеприимство обитателей чумов, юрт, паулей и рыбацких поселений. Опыт, приобретённый К. Д. Носиловым в многомесячных странствиях, позволил ему «стать своим» у северного человека, вжиться в его культуру, научиться сопереживать его негромким радостям и бедам. Писатель не пытался «опроститься», и он не считал положение коренных народов нормальным. К. Д. Носилов — сторонник просветительских реформ для «дикарей» Севера.

При этом задавать «неудобные» вопросы о том, насколько «инородцы» готовы к радикальным преобразованиям, вовсе не требовалось. Аборигены, как и ранее, воспринимались не вполне дееспособными актёрами, чья активность была инициирована извне. Но теперь на место Бога встали социальные силы, претендующие на «открытие» и последующее насильственное использование человеческих и природных ресурсов Сибири. В итоге, в последующее время были восприняты, а затем и переосмыслены мифологемы XIX — начала XX вв. Решительный поворот к новому всё более связывался с критикой исторического прошлого и настоящего. Повсеместно они воспринимались как мучительная подготовка к старту в светлое будущее.

4. Югорский край в живописи и графике второй четверти XIX — начала XX вв.

Визуальная история и практика отображения культуры и внешнего облика обских угров имела различные версии представления «Другого». Академические репрезентации конструировали образ коренных северян по образу и подобию господствующих теорий. Исторически сложившаяся мозаика состояла из тщательно отобранных элементов (костюм, физиогномические конвенции, телесные репрезентации и пр.) в конечном счёте синтезировавших тип «чужака», радикально отличного от просвещённых россиян⁴³⁷. С появлением и развитием портретно-антропологической фотографии, служившей своеобразным инструментом эволюционистской теории XIX в., коренные северяне могли интересовать исследователей не столько как отдельные личности, сколько как антропологические типы⁴³⁸. Подобные «пассивные объекты, начисто лишённые волевых усилий»⁴³⁹, зачастую могли говорить больше о наблюдателях, об их практике и истории постижения чужой культуры, чем о самих себе.

1. Образы Югры в иллюстрированных изданиях второй четверти XIX — начала XX вв.

Одним из ценных историко-этнографических источников и средств визуальной репрезентации, благодаря которым представляется возможным реконструировать внешний облик, быт и культуру коренных народов Севера, являются иллюстрированные издания XIX в. (академические труды, этнографические и костюмные альбомы, травелоги). До включения в научную практику фотографического способа репрезентации печатная графика выполняла

⁴³⁷ Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2017. С. 438.

⁴³⁸ Головнёва Е. В. Фотографический архив финно-угорских народов Сибири венгерского исследователя К. Папаи как визуально-антропологический источник // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 365.

⁴³⁹ Ершов М. Ф. Социокультурные контакты иностранных путешественников на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв. // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31. Вып. 1. С. 128.

далеко не последнюю роль в отображении, фиксации, накоплении и последующей передаче этнографических знаний. В качестве функций изображений в иллюстрированных изданиях XIX вв. можно выделить следующие:

- стандартизация изучаемых объектов посредством визуальной формы, их характерных черт и особенностей;
- эффективное средство публичного распространения и тиражирования полученных знаний в научном сообществе, способствовавших расширению границ коллективного эмпиризма⁴⁴⁰;
- закрепление стандартов восприятия — «дисциплинарного взгляда» эпохи, накладывавшего заметный отпечаток на конечные представления зрителя;
- реконструкция представлений самих авторов (издателей, учёных, художников и т.д.) о быте и культуре обских угров.

Следует сказать, что общую картину эволюции изображений обских угров в иллюстрированных изданиях XIX в. невозможно представить без предшествующих важных этапов, связанных с конкретными авторами академических трудов, этнографических и костюмных альбомов. Речь идет об издательских проектах И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов»⁴⁴¹ и К. Рехберга «Народы России»⁴⁴². В рамках данных изданий гравюры Х. Рота и Е. М. Корнеева послужили исходной визуальной формой для других зарубежных и отечественных авторов первой половины XIX века, во многом заимствовавших у первых композиционные схемы и устойчивые костюмные типажи, внося лишь отдельные детали в соответствии с конкретной исторической оптикой и определённой эстетической программой.

С 1770–1780-х годов «костюмы» Х. Рота в рамках «первой сводной этнографической работы» И. Г. Георги⁴⁴³ стали своего рода «толчком для развития этнического воображения и одновременно выполнили роль знаковой системы в визуальном языке описания Российской империи»⁴⁴⁴. Заимствования ротовских изображений обских угров зарубежными и отечественными изданиями не ограничивались лишь конкретными хронологическими рамками (конец XVIII — начало XIX вв.)⁴⁴⁵, а напротив, выходили за них, демонстрируя всё новые историче-

⁴⁴⁰ Дастон Л., Галисон П. Объективность. М., 2018. С. 119–120.

⁴⁴¹ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4 частях. СПб., 1799.

⁴⁴² Rechberg Ch. de. Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'empire de Russie, accompagnée de figures coloriées. Paris: de l'Imprimerie de O. Colas. 1812. Vol. 1. 446 p.

⁴⁴³ Токарев С. А. История русской этнографии. Дооктябрьский период. М., 1966. С. 105.

⁴⁴⁴ Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 67.

⁴⁴⁵ Например, издания: Levesque P. — Ch. Moeurs, Usages et Costumes des Peuples de la Russie. Paris: Guilleminet, 1801. 250 p.; Costume of the Russian Empire, illustrated by a series of seventy-three engravings with description in English and French. London: Printed for W. Miller, Old Bond Street, 1803. 73 p.; Harding E. Costume of the Russian Empire, illustrated by upwards of seventy richly colored engravings. London: Printed by T. Bensley, Bolt Court, Fleet Street, 1811. 70 p.; Picturesque representations of the dress and manners of the Russians. Illustrated in sixty-four coloured engravings, with description. London: Upper Thames-Street, 1814. 396 p. и др.

Рис. 4.57. И. И. Жерен. Остяки на звериной ловле. Издание: Белявский Ф. «Поездка к Ледовитому морю». 1833 г.

Рис. 4.58. И. И. Жерен. Самоеды. Шаман. Князь Пайгол (Пайвол Нырмин). Издание: Белявский Ф. «Поездка к Ледовитому морю». 1833 г.

представителей остяко-самоедской элиты — «Остяцкого Князя Тайшина» и «Старшины Пайгола». Поясной портрет обдорского князя Матвея Тайшина, располагающийся над видовым пейзажем «Обдорская крепость», дан в парадном облачении, а именно в рубаше с голубым шейным платком, малиновом кафтане и шапке-конфедератке, за поясом заложен кортик с рукоятью, увенчанной головой хищной птицы. Данный наряд соответствует описанию парадного костюма обдорского князя, подаренного Екатериной II⁴⁴⁷. Другой «пор-

ские свидетельства. Характерные повторы можно обнаружить в литографических рисунках из книги «Поездка к Ледовитому морю» (1833) члена врачебной управы Франца Белявского, состоявшего на службе в Западной Сибири⁴⁴⁶. Автор произведений — график и миниатюрист И. И. Жерен в рисунке под названием «Остяки на звериной ловле» к уже известной фигуре «Остяка на ловле горностаев» добавил фигуры самоедов («Самоед», «Самоедка спереди») из того же издания Х. Рота (рис. 57). В другом листе художник сознательно использовал приём совмещения двух образов из двух разных произведений нюрнбергского графика, назвав «Остячку с тыла» «Самоедкой» и добавив к ней фигуру ребёнка из работы «Самоедка в летнем платье» (рис. 58). Можно предположить, что И. И. Жерен, имея знакомство с источником своих заимствований, пожертвовал точностью исходного оригинала для более развёрнутого композиционного решения. Вероятно также, что в представлении автора самоеды и остяки являлись неразделённой и недифференцированной общностью, идентичной в своих обычаях, повседневных занятиях, элементах одежды и т. д.

Надо добавить, что в издание Ф. Белявского включены и изображения

⁴⁴⁶ Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833.

⁴⁴⁷ Перевалова Е. В. Туземная элита Берёзовского края в рисунках и фотографиях // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 163.

Рис. 4.59. Остяки из издания «Картинная галерея, или Систематическое собрание рисунков по всем отраслям человеческих познаний» А. Плюшара

третируемый» — самоедский старшина Пайгол (Пайвол Нырмин) представлен в полный рост в меховых одеждах — «малице с поясом, расшитым металлическими бляшками, кисах и с костяной трубкой в руке»⁴⁴⁸.

Продолжая разговор об иллюстративных заимствованиях, следует вспомнить «превосходно выполненные и с величайшей тщательностью отделанные»⁴⁴⁹ литографии из энциклопедии А. Плюшара «Картинная галерея» (1838–1841)⁴⁵⁰, повторявшие ротовские образы обских угров (рис. 59).

Гравюры Х. Рота оставались устойчивой и востребованной на протяжении длительного времени визуальной формой, благодаря которой современники имели возможность «упаковывать свои знания» об увиденном этническом разнообразии и транслировать их другим, а также являлись адекватным выражением предшествующих достижений экспедиционной практики.

Следующий этап (на протяжении всей первой половины XIX в.) был связан с издательским проектом Карла Рехберга и произведениями русского мастера Е. М. Корнеева, стоявшего у истоков отечественного жанра «этнографический портрет». Е. М. Корнеев поспособствовал утверждению альтернативной формулы «коллективного видения» на этническое разнообразие Российской империи, сменив взгляд с «внешнего» («эстетическая стратегия сдерживания») на «внутренний», что позволило предложить соотечественникам основания для самоидентификации, а также погрузиться в бескрайний мир иных народов и культур. Благодаря путешествию и его художественной репрезентации посредством «натурной съёмки» появилась возможность сократить не только географическую, но и культурную дистанцию. Однако новаторские приёмы изображения природы, ведущие к пониманию народа как культурной и самобытной общности, сочетались с нормативностью просветительского классицизма, ограничивались универсальными схемами репрезентации Другого, тогда как сами работы русского художника сохраняли ограничения типажа-

⁴⁴⁸ Перевалова Е. В. Указ. соч. С. 164.

⁴⁴⁹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. Статьи и рецензии. 1841–1844. М., 1954. С. 170.

⁴⁵⁰ Плюшар А. Картинная галерея, или Систематическое собрание рисунков по всем отраслям человеческих познаний. Отделение второе. Изображение народов. СПб., 1838.

Рис. 4.60. Г. Галлина. Остяки из издания «Костюмы древности и современности». 1818 г.

Рис. 4.61. Остяки из издания «Живописное путешествие по Азии» Ж.-Б. Эйрие. 1838 г.

но-костюмного жанра, что, с одной стороны, способствовало их включению в качестве новой визуальной формы в контекст будущих иллюстрированных изданий первой половины XIX века, с другой — значительно сужало открывшиеся возможности реалистического отражения этнической действительности.

«Этнографические портреты» Е. М. Корнеева, наряду с «костюмами» Х. Рота, являющиеся визуальными обобщениями собранного материала прошлых академических экспедиций и частных путешествий, использовались в других изданиях. Так, итальянские гравёры А. Биразиоли, Г. Браматти, А. Ланксани исполняли копии с работ русского мастера из альбома «Народы России»⁴⁵¹. Однако наиболее характерными являются примеры, когда авторы иллюстрированных изданий сочетали между собой образы из разных гравюр Е. М. Корнеева и Х. Рота, выполнявших функцию «изобразительного комментария» к этнографическим текстам. В качестве более раннего свидетельства выделим многотомное издание Джулио Феррарио «Костюмы древности и современности» (1816–1834)⁴⁵². Привлечённый издателем итальянский

гравёр Г. Галлина представил в одном листе под названием «Остяки» три фигуры из серии Х. Рота («Остяк у реки Обь», «Остячка с лица», «Остяк на ловле горностаев») и две из работ Е. М. Корнеева (одна из них — однофигурная композиция «Остяк», в другой же угадывается женский идеализированный образ из «Внутренности остяцкой зимней юрты») (рис. 60). От подлинников данные фигуры, объединённые автором в один общий сюжетный мотив, отличает излишняя манерность и замысловатость, пренебрежение этнографической точностью и вместе с тем, стремление доставить взору зрителя наслаждение изящной формой. Продемонстрированное итальянским художником «непредставление деталей материальной реальности, которые считались отвратительными или угрожающими», в целом было

⁴⁵¹ Гончарова Н. Н. Е. М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. С. 15

⁴⁵² Ferrario G. Il costume antico e moderno o storia del governo, della milizia, della religione, delle arti, scienze ed usanze di tutti i popoli antichi e moderni (etc.). Milano: Tipogr. dell'ed. 1816–1834.

присуще художественной практике и эстетике неоклассицизма, касающихся изображений неевропейских народов⁴⁵³.

Также следует упомянуть иллюстрированное путешествие французского географа и публициста Ж.-Б. Эйрие (1838)⁴⁵⁴, в котором изображение остяков являлось результатом «синтеза» из разных образов произведений Х. Рота, Е. М. Корнеева, а также П. С. Палласа (рис. 61).

Не менее интересным примером является лист из книги «Россия» (1839)⁴⁵⁵ французского публициста и личного секретаря князя Куракина М. Шопена: художник для оживления композиции рисунка объединил фигуры-костюмы Х. Рота и П. С. Палласа в одну сюжетную сцену с помощью введения диалогов (рис. 62).

Работа неизвестного автора «Остяки в жилище» (рис. 63) из немецкого издания «Полная галерея народов»⁴⁵⁶, предлагает взамен сложной аллегорической программы в духе «Вольного общества» Е. М. Корнеева милую и уютную бытовую сценку, в которой нет даже намёка, например, на экзотику Ж.-Б. Лепренса, как и сознательного следования этнографической программе экспедиционного художника И. Беркхана.

Таким образом, издательские проекты И. Г. Георги (Х. Рот) и К. Рехберга

Рис. 4.62. Остяки из издания «Россия» М. Шопена. 1839 г.

Рис. 4.63. Гравюра «Остяки в жилище» из книги «Vollständige Völker Gallerie in getreuen Abbildungen aller Nationen ...» (1830 г.)

⁴⁵³ Tobin B. F. Colonizing nature: the tropics in British arts and letters, 1760–1820. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005. P. 21.

⁴⁵⁴ Эйрие Ж. — Б. Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйрие. М., 1839–1840. Т. 1: Гравюры. 1839.

⁴⁵⁵ Chopin M. Russie. Par M. Chopin, ancien secretaire et bibliothecaire du prince Kourakin, ambassadeur de Russie a la cour de France. (L'Univers. Histoire et description de tous les peuples. Russie). Vol. 1. Paris: Firmin Didot Freres. 1838.

⁴⁵⁶ Vollständige Völker-Gallerie in getreuen Abbildungen aller Nationen mit ausführlichen Beschreibungen derselben. Meissen: Friedrich Wilhelm Goedsche, 1830.

(Е. М. Корнеев) являлись важными этапами в общем ходе эволюции изображений обских угров в изданиях второй половины XVIII — первой половины XIX вв.

Фундаментальный труд Густава-Теодора Паули — «Этнографическое описание народов России» (1862) — знаменовал собой следующий этап эволюции изображений обских угров в иллюстрированных изданиях, после которого наиболее актуальным для целей этнографической науки становился механический (фотографический) способ репрезентации⁴⁵⁷.

В 40-х гг. XIX в. начался новый этап становления этнографической науки, не в последнюю очередь связанный с основанием Русского географического общества (1845). По словам А. Э. Жабревой, «географическое общество, получившее поддержку правительства, организовывало многочисленные экспедиции и путешествия, рассылало программы для сбора этнографического материала, обрабатывало полученные данные и публиковало их в своих изданиях, ставило вопрос об организации Этнографического музея»⁴⁵⁸. К этому времени прошлые визуальные репрезентации народов Российской империи (издательские проекты Х. Рота — И. Г. Георги, альбом К. Рехберга) уже не могли соответствовать новым научным сведениям и фактам, а кроме того, эстетическим запросам и полиграфическим возможностям эпохи. При всей исторической ценности костюмные проекции воспринимались образованными современниками в качестве анахронизма. «С 1812 по 1860 гг. не было ни одного сочинения о полном составе русского населения, а художественная сторона дела, собирание этнографических рисунков со времени Рота (1774) мало продвинулось вперёд»⁴⁵⁹.

Вышедший в 1862 г. фундаментальный сводный труд действительного члена Русского географического общества Густава-Теодора Паули — «Этнографическое описание народов России»⁴⁶⁰ — смог не только решить актуальные задачи специально-научного характера, но и восполнить пробелы в «визуальном народоведении» второй половины XIX в., предложив новую изобразительную форму. Данная форма учитывала «свежие данные, какими располагала наука того времени, преимущественно по материалам Русского географического общества»⁴⁶¹. Она же способствовала расширению имеющихся представлений образованных современников об этническом разнообразии империи, сохраняя при этом влияние схем типажно-костюмного жанра⁴⁶².

Хромолитография «Обдорские остяки» (рис. 64), выполненная по рисунку известного художника Карла Фёдоровича Гуна, являлась наглядным подтверждением той новаторской роли, которую играла изобразительная форма в отражении быта и культуры народов России. В отличие от прошлых графических версий обских угров, произведение из издания Г.-Т. Паули с помощью парной композиции отображало облик «туземной элиты», о чём свидетельствовали парадные костюмы (богато украшенные орнаментами кафтаны-халаты,

⁴⁵⁷ Пивнева Е. А. Фоторепрезентации этнической культуры обских угров // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 723–724.

⁴⁵⁸ Жабрева А. Э. Монументальное описание России. Народы страны в год ее тысячелетия // Паули Г.-Т. Этнографическое описание народов России: пер. с фр. [с изд. 1862 г., СПб.]. М., 2007. С. 1.

⁴⁵⁹ Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13. С. 401.

⁴⁶⁰ Pauly Th. de. Description ethnographique des Peuples de la Russie. SPb: Imprimerie de F. Bellizard, 1862. 436 p.

⁴⁶¹ Жабрева А. Э. Указ. соч. С. II.

⁴⁶² Гончарова Н. Н. Е. М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. М., 1987. С. 79.

праздничные платки и ноговицы) в качестве «отличительного знака»⁴⁶³, подчеркивающего особый статус их обладателей. Если ранее «костюм» выполнял простую функцию опознавательного и идентификационного маркера, помогающего отличать одну группу жителей от другой и давать этническим обществам «локальную и культурную приписку»⁴⁶⁴, то теперь он утрачивал безотносительный и абстрактный характер и приобретал конкретно-социальное значение. Подробный рисунок костюма был выполнен по реальному экземпляру из коллекции Императорского Русского географического общества (об этом сказано в сопроводительной подписи хромолитогравии), что подчёркивало его объективный, а не идеализированный характер отображения.

Ещё одним примером того, как типизация наполнялась более индивидуальными особенностями реальной модели, служило применение развитых физиогномических конвенций, задействованных в передаче антропологических черт «Обдорских остяков». Набор некогда случайных антропологических черт, едва намеченных Е. М. Корнеевым ещё в первом десятилетии XIX в. (гравюра «Остяк»), благодаря произведению К. Ф. Гуна получил более цельное и осмысленное звучание. Это был значительный шаг вперёд от абстрактной портретности целого «класса» остяков («этнографический тип») к конкретному портрету каждого из них. В дальнейшем использование фотографического способа репрезентации позволило издателям этнографических альбомов отойти от привычных приёмов типизации, преодолеть стратегии «эстетического вмешательства» и перейти к более объективному (с точки зрения этнографической науки) воспроизведению обских угров. По словам исследователей «научной объективности» Л. Дастона и П. Галисон, уже со второй половины XIX в. «руководства по научной фотографии рекомендовали этнографам использовать фотографии, а не рисунки, потому что в противном случае европейские художественные нормы могли исказить неевропейские тела»⁴⁶⁵.

С момента выхода в свет сводного труда Г.-Т. Паули изображения остяков не раз воспроизводились в других изданиях историко-этнографического типа. Примером

Рис. 4.64. К. Ф. Гун. Обдорские остяки из издания «Этнографическое описание народов России». 1862 г.

Рис. 4.65. Остяки из издания «Народы России». 1877 г.

⁴⁶³ Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб., 2019. С. 113.

⁴⁶⁴ Вишленкова Е. Указ. соч. С. 39.

⁴⁶⁵ Дастон Л., Галисон П. Объективность. М., 2018. С. 211.

служит альбом «Народы России» (1877)⁴⁶⁶, где в листе под названием «Остяки» зритель мог видеть комбинированный «групповой портрет» «Обдорских остяков» и «Самоедов» из издания Г.-Т. Паули (рис. 68). В одном из номеров иллюстративного журнала для семейного чтения «Нива» также можно найти повторение авторской работы К. Гуна, но уже под названием «Остяки» (рисунок Э. Виолла)⁴⁶⁷.

2. Югорский край в творчестве художников и графиков второй половины XIX — XX вв.

Северная природа и жизнь коренных народов Югры наиболее полно представлены в произведениях таких художников и графиков второй половины XIX в., как М. И. Песков (исторические и жанровые картины), П. М. Кошаров (видовые пейзажи и типы из художественно-этнографических альбомов), М. С. Знаменский (целая серия историко-этнографических альбомов, живописные и графические портреты, пейзажи и картины бытового жанра) и В. И. Суриков (исторический жанр и отдельные пейзажные и портретные этюды).

Творчество рано ушедшего художника-академиста Михаила Ивановича Пескова (1834–1864) интересно тем, что многие его произведения, посвящённые истории Сибири, предвосхищали своими реализованными сюжетами и свежими идеями более поздние работы исторического жанра таких известных мастеров, как В. И. Суриков. На академической выставке 1860 г. М. И. Песков выступил с большим полотном на историческую тему — «Ермак сговаривает атаманов волжских разбойников для похода в Сибирь», за которую он получил первую серебряную медаль. Как писал один из авторов газеты «Восточное обозрение», данной картиной художник хотел выразить воспоминания о своей родине — Сибири⁴⁶⁸. Что касается её художественных достоинств, то, например, критик В. Толбин в «Русском художественном листке» оставил следующий положительный отзыв: «В историческом жанре было представлено на выставке два очень удачных опыта гг. Пескова и Чистякова. В произведении первого из этих художников — “Ермак сговаривает атаманов волжских к походу в Сибирь” — очень характерны лица атаманов, приятная кисть и привлекательный колорит, хотя освещение первого плана не совсем соответствует сумеркам второго»⁴⁶⁹.

Так как картина не сохранилась, мы можем пользоваться лишь описанием её современников. Так, отображаемое М. И. Песковым действие происходило под открытым небом во время наступления сумерек. Выбран момент, когда атаманы с воодушевлением встречают предложение Ермака отправиться в сибирский поход. Статичная поза Ермака Тимофеевича контрастирует с живой и естественной реакцией его окружения, выраженной с помощью смелых ракурсов и реалистически переданной палитрой чувств. Трактованный в академическом духе исторический сюжет и характерная для него патетика жестов, известная театральность и условность изобразительного языка, словно вводят зрителя в пространство легендарного события, оказавшегося судьбоносным для будущего российской государственности.

В 1863 г. М. И. Песков в числе других 13 выпускников Академии Художеств («Бунт четырнадцати») подал прошение об уходе, несмотря на то, что был одним из главных претендентов

⁴⁶⁶ Народы России. Живописный альбом. СПб., 1877. 572 с.

⁴⁶⁷ Нива. 1873. № 17. С. 261.

⁴⁶⁸ Токарев В. П. Художники Сибири. XIX век. Новосибирск, 1993. С. 77.

⁴⁶⁹ Толбин В. Заметки с выставки // Русский художественный листок. 1860. № 36. С. 153.

на получение золотой медали и связанной с ней заграничной командировкой⁴⁷⁰. Он отдаётся новым творческим замыслам и, как бы в продолжении ранее выбранной темы, мечтает написать картину «Взятие Искера Ермаком». Однако из-за тяжёлой болезни художника и последовавшей скорой смерти замысел останется нереализованным.

О другой интересующей нас работе М. И. Пескова — жанровой картине «Сибирская сцена ссыльнопереселенца» (1863) (не сохранилась), в которой обыгрывалась тема встречи «Азии и Европы», т.е. просвещённого россиянина и представителя из числа коренных народов Севера, художественный критик В. В. Стасов впоследствии писал: «Талантливый Песков <...> после довольно бесцветных картин своего академического времени <...> картин, впрочем, не лишённых дарования и наблюдательности в изображении русских народных типов и личностей, составляющих хор <...> вдруг обращается к живым воспоминаниям юности своей, проведённой в Сибири, и пишет превосходную своеобразную вещь: “Ссыльно-поселенец” (1863). Сцена, представленная тут, дышала жизнью и мыслью. Не старый человек, по всему видно образованный и интеллектуальный, сидит среди своих книг и бумаг в хижине своей. Открывается дверь <...> и в ней появляется дикий алеут с луком и стрелами в своей робинзоновой шляпе, как готическая кровля. Какое столкновение Европы и Азии...»⁴⁷¹.

Живописец, график и педагог Павел Михайлович Кошаров (1824–1902), около пятидесяти лет проработавший в Томске, оставил после себя ценные художественно-этнографические альбомы и целые серии произведений, посвящённых северной природе, а также быту и культуре народов Западной Сибири. Ученик К. П. Брюллова, И. К. Айвазовского и М. Н. Воробьёва, он проявил себя и как талантливый экспедиционный художник, сумевший в своих графических работах передать наиболее характерное и существенное. Сохранился отзыв о его работах известного русского путешественника П. П. Семёнова-Тяньшанского, который сообщал Русскому Географическому обществу следующее: «...Неоценимую услугу моей экспедиции оказал художник П. М. Кошаров <...> многое, что не передаётся словами, а только рисунками, было бы для меня утратой без сопутствия Кошарова»⁴⁷².

Западно-сибирской серии из «Альбома видов Сибири, рисованных с природы художником П. М. Кошаровым в 1880–1897 годах» предшествовала целая история, связанная с пароходным путешествием по сибирским рекам в июне 1883 г. «В дорогу он купил несколько альбомов для рисования, карандаши, кисти и краски, взял с собой и несколько альбомов со своими работами <...> Пароход сначала плыл по Томи, затем по Оби, а далее по Иртышу, Тоболу и Туре — всего более 2000 верст до Тюмени. Наблюдая с палубы парохода проплывающий мимо пейзаж, художник делал многочисленные зарисовки и этюды, стараясь запечатлеть главное»⁴⁷³.

К западно-сибирской серии относят 12 живописных пейзажей, выполненных маслом на бумаге небольшого размера. Под каждым из них стоит авторская подпись чернилами с подробными пояснениями. Среди произведений данной серии большой интерес вызывают речные

⁴⁷⁰ Ткачёв В. В. Жизнь и деятельность М. И. Пескова (1834–1864) в отечественной исторической литературе // Материалы VII Всеросс. научн.-практич. конф., посвящ. 210-летию со дня рождения Н. Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рождения А. М. Сибирякова. Иркутск, 2020. С. 262.

⁴⁷¹ Стасов В. В. Избранные сочинения. М., 1952. Т. 2. С. 463.

⁴⁷² Семёнов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1855–1857 гг. М., 1946. С. 128.

⁴⁷³ Колосова Г. И. Творческое наследие сибирского художника П. М. Кошарова // П. М. Кошаров. Рисунок, живопись, графика: Каталог-альбом. Томск, 2018. С. 17–18.

Рис. 4.66. П. М. Кошаров. Правая сторона прорыва хребта правого берега Иртыша рекою Обью. 1883 г. «Альбом видов Сибири»

Рис. 4.67. П. М. Кошаров. Село Филинское на правом берегу Иртыша. 1883 г. «Альбом видов Сибири»

и небольшого пояснительного текста. Путь этот рисует панораму видов и селений по Оби, Иртышу, Тоболу и Туре. Мы имеем возможность видеть эти рисунки и любоваться ими. Сибирские виды так редки в наших художественных изданиях, что желательно, чтобы они появились в печати и гравюрах»⁴⁷⁴.

Вернувшись из Петербурга в Томск, П. М. Кошаров начал длительную и кропотливую работу по подготовке издания с литографическими произведениями о Сибири, «выступив сразу

пейзажи 1883–1884 гг.: «Правая сторона прорыва хребта правого берега Иртыша рекою Обью» (рис. 66), «Устье реки Томи, вправо к востоку Обь», «Село Филинское на правом берегу Иртыша» (рис. 67), «Село Самарово в двух верстах от паровой пристани» (рис. 68), «Впадение реки Туры в Тобол (Устье реки Туры)».

Также в данную серию были включены зимние пейзажи, в которых П. М. Кошаров добивался живописной и вместе с тем точной передачи суровости сибирского края с его необъятными снежными просторами и морозными зимними туманами. Для некоторого оживления бескрайних ледяных пустынь и создания романтического эффекта художник вводит отдельные жанровые сцены, где наперекор стихии живут и действуют люди: «Почтовая повозка зимой (40° мороза)», «Возок с модными товарами с Ирбитской ярмарки» (рис. 69), «Зимний обоз», «Вид деревни в Барабинской степи зимой».

По приезде в Петербург в июле того же 1883 г., П. М. Кошаров показал свои путевые рисунки знакомым ему людям, в частности, сибирскому общественному деятелю и публицисту Н. М. Ядринцеву, который оставил в «Восточном обозрении» заметку следующего содержания: «Ныне он [П. М. Кошаров] привёз свои любопытные альбомы, виды Алтая, типы инородцев и топографические рисунки <...> и, в заключение, альбом с 30-ю видами, снятыми по пути от Томска до Тюмени, с приложением к нему карты

⁴⁷⁴ Ядринцев Н. М. [О приезде П. М. Кошарова в Петербург] // Восточное обозрение. Иркутск, 1883. № 30. 28 июля. С. 5.

в нескольких ролях: как художник, который сам делал рисунки на камне, как автор сопроводительного текста, а также как издатель, организовывавший печатание»⁴⁷⁵. Интересующее нас издание, «Художественно-этнографические рисунки Сибири», выпускавшееся с августа 1890 по август 1891 гг., включало 24 листа с видами и типами Западной Сибири. Каждую литографию сопровождал подробный пояснительный авторский текст, основывающийся на сочинениях как русских (Г.Е. Щуровский, П.А. Чихачёв, Г.Н. Потанин), так и зарубежных учёных-путешественников (К. Х. Ледебур, А.А. Бунге, Ф.В. Геблер)⁴⁷⁶. Что касается литографий, то большая их часть была выполнена по рисункам самого П. М. Кошарова, а остальные — по мотивам фотографий учёного, краеведа и журналиста А. В. Адрианова.

Среди панорамных произведений с видами рек и городов Западной Сибири следует назвать литографии: «Вид реки Оби на северной границе Томской губернии с Тобольской» (1890); композиции из двух рисунков «Вид города Сургута Тобольской губернии» и «Вид паровой пристани Белый Яр» (1891), «Выход Иртыша в Обскую долину» и «Устье Иртыша» (1891), «Село Самарово» и «Вид Самарской паровой пристани» (1891) (рис. 70), «Общий вид города Тобольска» и «Устье реки Тобол» (1891), «Вид города Берёзова» и «Вид городка Обдорска» (1891) (рис. 71), «Вид города Тюмени» и «Вид деревни Иевлевой» (1891).

Кроме видовых пейзажей в издание были включены литографии, отображающие до мельчайших подробностей внешний облик коренных народов Севера («Группа остяков», «Вид берёзовских и обдорских остяков»), их жилищ («Иностранная семья, кочующая в юртах Наунак», «Семейство самоедов на фоне своего жилища»), предметов быта и религиозного культа («Идолы иностранцев», «Оленья упряжка»). Снятый с фотографии учёного А. В. Адрианова рисунок «Группа остяков» (рис. 75) сопровождался характерным авторским текстом, в котором, на первый взгляд, бесстрастное описание повседневной жизни иностранцев пере-

Рис. 4.68. П. М. Кошаров. Село Самарово в двух верстах от паровой пристани. 1883–1884 гг. «Альбом видов Сибири»

Рис. 4.69. П. М. Кошаров. Возок с модными товарами с Ирбитской ярмарки. 1888 г. «Альбом видов Сибири»

⁴⁷⁵ Колосова Г. И. Указ. соч. С. 22.

⁴⁷⁶ Там же. С. 23–24.

Рис. 4.70. П. М. Кошаров
 1. Село Самарово
 2. Вид Самарской пароходной пристани. 1891 г.
 «Художественно-этнографические рисунки Сибири»

ходило в тревожно-окрашенный тон, обусловленный существующей социальной проблемой. «При скудном питании и нечистоплотности, а с другой стороны употребление скверной водки, создали такое положение себе, при котором несчастные инородцы быстро идут к вымиранию»⁴⁷⁷. В тексте другого листа — «Идолы инородцев» (рис. 76) П. М. Кошаров в позитивистском духе ведёт обстоятельный рассказ о «шаманской вере» остяков, акцентируя своё внимание на предметах религиозного культа⁴⁷⁸. Учитывая контекст эпохи (1880–1890 гг.) следует добавить, что использование фотографий в качестве ценного визуального источника и «слепок» с внешней реальности должно было подтверждать объективность и беспристрастность этнографических описаний.

Литографии из издания «Художественно-этнографические рисунки Сибири» и в настоящее время имеют, по словам Г. И. Колосовой, «не только познавательный характер, но и представляют большую научную, культурно-историческую значимость в изучении истории и культуры Сибири, являясь ценным пособием для историков, этнографов, краеведов и искусствоведов»⁴⁷⁹.

⁴⁷⁷ Художественно-этнографические рисунки Сибири: подборка литографированных работ: год второй. Томск, 1891. Л. 6.

⁴⁷⁸ Там же. Л. 8.

⁴⁷⁹ Колосова Г. И. Указ. соч. С. 24.

Большой научный и художественный интерес представляет творчество художника, краеведа и писателя Михаила Степановича Знаменского (1833–1892). Он известен прежде всего своими карикатурами, которые, как замечали современники, «отличались остроумием и едкостью, так что многие боялись попасть под его карандаш»⁴⁸⁰. Произведения М. С. Знаменского обличительно-сатирической направленности печатались в изданиях «Искра», «Маляр», «Всемирная иллюстрация». Такие серии работ 1860-х гг., как «Год в провинции. Экстракт из житейских наблюдений» или «Провинциада. Отрывки из фантастической поэмы во многих рисунках» представляли собой отчёт о провинциальной жизни и событиях, бичующих или высмеивающих нравы помещиков, чиновников, купцов столичного губернского города⁴⁸¹.

Очень важными для дальнейшего творчества М. С. Знаменского стали его поездки на север Западной Сибири 1860-х гг. Так, зимой 1863–1864 гг. он побывал в Берёзове и Обдорске, а в 1866 г. по приглашению тобольского

губернатора А. И. Деспот-Зеновича в составе других официальных лиц совершил поездку в Обдорск и Надым. Свидетельством второго путешествия является альбом юмористической направленности «Северная экспедиция на пароходе “Союз” с 23 августа по 17 сентября 1866 года», предназначенный для «внутреннего пользования» среди самих участников экспедиции. Кроме сатирически обыгранных сцен с изображениями А. И. Деспот-Зеновича или купца Наума Тюфина (одного из главных объектов насмешек художника), можно встретить образы коренных северян. Так, в листе под названием «Церемония при переходе через полярный круг» изображён человек, одетый в малицу и направляющий шланг с водой на начальника экспедиции — тобольского губернатора. Под рисунком разъясняющая надпись: «Церемония, устроенная Берёзовской полицией при переходе через Полярный круг, на манер церемонии, устраиваемой при переходе через экватор» (рис. 74). В другом листе — «Отдел скульптуры» (рис. 75) — можно видеть пример авторской злободневной сатиры: в скульптурном зале несуществовавшей выставки в Сургуте представлены три «живых» изваяния на цилиндрических постаментах. Слева на листе альбома расположена статуя под названием

Рис. 4.71. П. М. Кошаров. 1. Вид города Берёзова. 2. Вид городка Обдорска. 1891 г. «Художественно-этнографические рисунки Сибири»

⁴⁸⁰ Тобольские губернские ведомости. 1892. № 11.

⁴⁸¹ Токарев В. П. Указ соч. С. 74.

Рис. 4.72. П. М. Кошаров. Группа остяков. 1890 г.
«Художественно-этнографические рисунки Сибири»

Рис. 4.73. П. М. Кошаров. Идолы инородцев. 1890 г.
«Художественно-этнографические рисунки Сибири»

«Гласность» (работа Вас. Фёдорова), где изображён северянин с завязанным платком ртом и держащий в руке «Письмо к Г. Г. Д.», справа — «Венера» (работа цивилизации) в виде обнажённой, худой северянки с проваленным носом, а в центре — скульптура дородного Геркулеса (работы Наума Тюфина).

Впоследствии благодаря собранному обширному историко-этнографическому материалу М. С. Знаменский смог создать альбомы и отдельные серии работ, а также выполнить заказы для других учёных и путешественников. Например, на основе материалов художник создал иллюстрации к путевым запискам Ю. И. Кущелевского «Северный полюс и земля Ямал» (1868). Среди семнадцати произведений, вошедших в книгу, интерес вызывают «Мир заключённый между самоедами и остяками, после продолжительной войны», «Обдорская ярмарка» и рисунки с изображениями туземной элиты («Самоедский и остяцкий князь Тайшин приводит к присяге самоедов, не сознавших в краже оленей», «Типы кочующих остяков, оленеводов в самоедских тундрах»). В работе «Типы кочующих остяков, оленеводов в самоедских тундрах» представлены старшины Анико и Калев, помощник обдорского князя Юрий Юрьевич Ранымов (крестник Ю. И. Кущелевского), остяцкая жена самоеда Нячи и работник Уйко⁴⁸².

Около десяти рисунков М. С. Знаменского послужили оригиналами для гравюр издания «Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир» итальянского натуралиста и антрополога С. Соммье

Рис. 4.74. М. С. Знаменский. Церемония при переходе через полярный круг. Альбом «Северная экспедиция». 1866 г. Тюменское музейно-просветительское объединение

Рис. 4.75. М. С. Знаменский. Отдел скульптуры. Альбом «Северная экспедиция». 1866 г. Тюменское музейно-просветительское объединение

⁴⁸² Перевалова Е. В. Туземная элита Берёзовского края в рисунках и фотографиях // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 167–168.

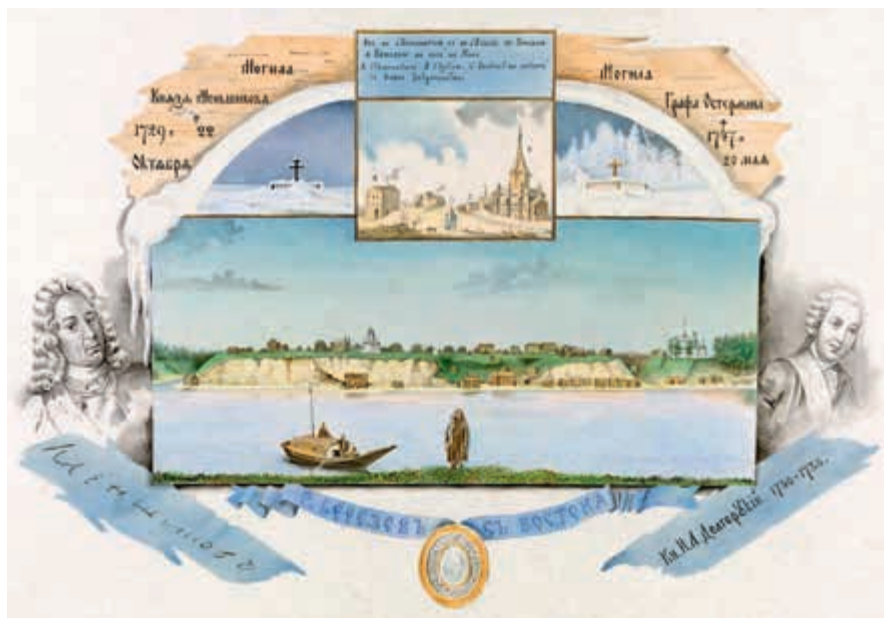

Рис. 4.76. М. С. Знаменский. Берёзов с востока. Альбом «От Тобольска до Обдорска». 1880 г.

(акварели «Зимняя ярмарка в Обдорске», «Зимние юрты князя Тайшина на правом берегу Оби, в 25 верстах от Обдорска», «Вид Берёзова и самоедские нарты», «Сын остяцкого Куноватского князя Артанзеева и его жена», «Остяцкий музыкант в юрте» и др.)⁴⁸³. Другой альбом М. С. Знаменский выполнил по заказу американской экспедиции Джорджа Кенана, он включал в себя двадцать листов с видом Берёзова, типами филинских остяков, внутренностью остяцкого зимовья и др., «рисованных акварелью на бристолевском картоне»⁴⁸⁴.

Часть акварельных работ, посвящённых в том числе «северной тематике», вошли в известный альбом М. С. Знаменского «От Тобольска до Обдорска» (1880), который для своей сибирской коллекции приобрёл цесаревич Николай Александрович во время посещения им Тобольска в ходе путешествия на Восток (1890–1891). Из тридцати двух листов следует назвать виды сибирских городов и их исторических достопримечательностей («Тобольск с южной стороны», «Кондинский монастырь», «Изображение Тобольского Знаменского монастыря», «Принос иконы из Абалакского монастыря в Тобольске», «Берёзов с востока» (рис. 76) и др.), а также типы коренных северян («Остяки и самоеды», «Остяк и остячка» (рис. 77), «Остячка», «Остяк-музыкант» (рис. 78)), и отдельные жанровые сцены с их участием («Присяга самоедов-язычников на медвежьей шкуре», «Рыболовные пески», «Обдорская ярмарка», «Остяцкая зимовка»).

В акварели «Остяки и самоеды» (рис. 79), по словам историка Е. В. Переваловой, представлен «собираемый образ, отражающий структуру туземного управления Обдорией»⁴⁸⁵. В верх-

⁴⁸³ Сомье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир. Томск, 2012.

⁴⁸⁴ Швецова Е. П. Долг художника и человека (к характеристике работ М. С. Знаменского из коллекции ТГИАМЗ) // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря, 1999 г., Тобольск). Тобольск-Омск, 1999. С. 267.

⁴⁸⁵ Перевалова Е. В. Указ. соч. С. 167.

Рис. 4.77. М. С. Знаменский. Остяк и остячка.
Альбом «От Тобольска до Обдорска». 1880 г.

Рис. 4.78. М. С. Знаменский. Остяк-музыкант.
Альбом «От Тобольска до Обдорска». 1880 г.

ней части композиции находится «парадный портрет» И. Тайшина со всеми атрибутами власти, а слева и справа от него — две остячки (одна из среднеобских, а другая — из нижнеобских остяков). В средней части листа также представлены парадные портреты мужчины в длинном халате с кортиком и женщины в самоедской ягушке (как сказано в аннотации, изображённые на рисунке люди — это сын И. Тайшина и его жена). И, наконец, в нижней части — групповой портрет самоедов в меховых одеждах⁴⁸⁶. Акварельный рисунок дополняют гравюры с изображениями коренных северян из изданий западных учёных и путешественников (например, гравюра И. — Б. Тилларда по рисунку Ж.-Б. Лепренса «Самоеды» из труда Шапп д'Отроша «Путешествие в Сибирь»).

В акварели М. С. Знаменского «На Обдорской ярмарке» (рис. 80) на фоне православной церкви среди пёстрой и разноликой толпы людей (самоедов, остяков, русских, зырян) можно узнать одетых в парадные костюмы Ивана Тайшина и Пайвола Нырмина. Приведённый рисунок — «одна из ярких страниц взаимодействия пришлого и коренного населения»⁴⁸⁷. Также надо добавить, что сюжет «Обдорская ярмарка» очень часто использовался М. С. Знаменским в других изданиях или отдельных листах (вариации сюжета находятся в фондах Государственного исторического музея, Государственного музея им. А. С. Пушкина, Госу-

⁴⁸⁶ Там же.

⁴⁸⁷ Перевалова Е. В. Указ. соч. С. 166–167.

Рис. 4.79. М. С. Знаменский. Остяки и самоеды. Альбом «От Тобольска до Обдорска». 1880 г.

Рис. 4.80. М. С. Знаменский. На Обдорской ярмарке. Альбом «От Тобольска до Обдорска». 1880 г.

дарственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля, Иркутского художественного музея и в уже упомянутых нами изданиях Ю. И. Кушелевского и С. Соммье).

Этнографический альбом «Остяки Тобольской губернии», находящийся в Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачёва, включает в себя работы, отражающие внешний облик коренных северян, своеобразие их быта, жилищ и предметов религиозного культа: «Остяки и олени», «Утварь остяков», «Избушка и юрта остяков», «Идол и захоронение остяков» (рис. 81), «Остяки Тобольской губернии».

В сатирическом альбоме М. С. Знаменского «Полярное странствование русского мужика» (1876) в фривольных сценах и скандальных пародиях присутствуют фигуры коренных северян. В листе под четвёртым номером (рис. 82) местом действия является лесная поляна, где некий «учёный муж» в окружении представителей разных социальных групп «выплясывает трепака». Один из изображенных инородцев аккомпанирует ему на музыкальном инструменте, другие — молчаливо, но с изумлением наблюдают сцену. Отдельный лист с поясняющим текстом (стилизованным под славянскую вязь) гласит: «Ох! И было то да в Иванов день в Сухоруковом-то случилось: именинный день наш учёный муж исправлял тогда, и вот прибыли к тому празднику все учёные да из Бремена. А учёный муж вином веселил гостей трепака он тут им выплясывал». В восьмом листе уже сам князь Иван Тайшин со своим окружением вынужден испытывать на себе скандальные «исследования» «учёного мужа»: «И трудясь так, да исследуя, прибыл в август он в Обдорское. Он прибытие своё праздновал: дикарей учил танцу новому: танцу новому — европейскому».

Центральное место в творческом наследии М. С. Знаменского занимает историко-этнографическое издание «Альбом в память трёхсотлетия Сибири. 1581–1881». Данный альбом был подготовлен художником ещё в 1881 году, однако в связи с приездом в Тобольск цесаревича Николая Александровича в него, десятилетие спустя, был добавлен ещё один рисунок (акварель «Наследник цесаревич на пароходной палубе с тобольским губернатором»). Последнее обстоятельство, по словам Е. М. Юхименко, позволяло определить главного заказчика альбома, дававшего ему «полное представление об истории Сибири, её городах, народах и их традиционном укладе»⁴⁸⁸.

Альбом, включающий в себя 57 отдельных листов, разделён на две части. В первой из них (27 акварелей) изобразительный ряд открывается сюжетами из сибирской истории: «Знамя Ермака», «Чувашский мыс», «Искер», «Бегство Кучума», «Могила Ермака», «Тюменский Троицкий монастырь. Портрет митрополита Филофея Лещинского и изображение его могилы», «Портрет сибирского губернатора Д. И. Чичерина». Две акварели были посвящены декабристам: «Некоторые тобольские декабристы», «Ялуторовск и его декабристы». Далее шли изображения исторических городов и мест: «Старинная церковь в селе Рафаилове», «Пелым (с портретами Бирона и Миниха)», «Тобольск», «Ивановск», «Абалак». Среди целой галереи образов Сибири коренные народы Севера были также представлены в отдельных работах: «Остячка», «Остяцкий князь Тайшин и тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович».

Вторую часть альбома (30 акварелей) составляют два раздела: виды и типы. К видам относятся различные панорамы Тобольска и его окрестностей, виды Берёзова и Обдорска, ямские станции летом и зимой. Типы включают в себя изображения коренных северян («Низовской мужик (обрусевший остяк)», «Вогул» (рис. 83), «Самоедка»), а также жанровые сцены с их участием: «Обдорская ярмарка», «Крещение остяка», «Присяга остяков-язычников на медвежьей шкуре», «Скупщики у остяков и самоедов». Что касается жанровых сцен, то здесь отстранённое бытописательство с подробной передачей отдельных деталей, с одной стороны, и присутствие авторского взгляда со свойственными ему едкой сатирой и злой

Рис. 4.81. М. С. Знаменский. Идол и захоронение остяков. Альбом «Остяки Тобольской губернии»

⁴⁸⁸ Юхименко Е. М. Изобразительные и картографические источники по истории изучения Северо-Западной Сибири в собрании Государственного исторического музея // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 1. Материалы междунар. симпозиума. — Екатеринбург, 2006. С. 253–255.

Рис. 4.82. М. С. Знаменский. Лист № 4. Альбом «Полярное странствование русского мужика». 1876 г.

иронией — с другой, образуют характерный синтез, призванный подчеркнуть существующую культурную дистанцию между «просвещёнными россиянами» и «обыкновенными» коренных северян, являющихся «чужаками» («Крещение остяка», «Присяга остяков-язычников на медвежьей шкуре»). Иногда столкновение двух разных в культурном отношении

миров грозило пагубными последствиями для одного из них, как это видно на примере жанрового произведения «Скупщики у остяков и самоедов». Подобный взгляд художника-публициста и беспощадного карикатуриста, касающегося социальной проблематики, можно обнаружить в произведении «Жилбыл остяк Горемыкин Олёшка», где серия из восьми рисунков представляет процесс спаивания главного персонажа. Заключительные строки сопроводительного текста «водевиля с переодеванием», гласят: «И грелся Олешка доколе с себя всё не пропил. Горько Олешка рыдал! Но миссионерского общества член появился и сказал он: “Олешка! Иди к нам креститься, даст тебе кум и рубаху, и порты”»⁴⁸⁹.

Рис. 4.83. М. С. Знаменский. Вогул. «Альбом в память трёхсотлетия Сибири. 1581–1881»

М. С. Знаменский является автором произведений, посвящённых декабристам, с которыми его связывали многолетние личные отношения и взгляды. Известны отдельные листы к уже упомянутым на-

⁴⁸⁹ Швецова Е. П. Указ. соч. С. 268.

ми альбомам, отображавшими их портреты, быт и культурный досуг, связанные с ними памятные места и т. д. (например, акварель «Декабристы, жившие в Тобольске, их могилы и дома» из альбома «От Тобольска до Обдорска»; «Некоторые тобольские декабристы», «Ялуторовск и его декабристы», «Музыкальный вечер в доме декабриста П. Н. Свистунова в Тобольске» из «Альбома в память трёхсотлетия Сибири. 1581–1881»). Кроме того, до нас дошли живописные и графические портреты декабристов (камерные, жанровые и групповые), среди которых следует назвать «Декабрист П. Н. Свистунов с виолончелью» (рис. 84), «Портрет Жозефины Адамовны Муравьевой», «Портрет Н. Д. Фонвизиной, во время жизни в Тобольске», «Декабрист Ф. М. Башмаков на могиле товарища» (рис. 85), «И. Д. Якушкин за сбором растений» (рис. 86), «Портрет М. А. Фонвизина» и др.

По словам В. П. Токарева, «в последней четверти XIX века творчество В. Сурикова подводит итог эволюции сибирского искусства в течение многих десятилетий <...> Настоящая сибирская история пришла в сибирскую и российскую живопись вместе с творчеством Сурикова»⁴⁹⁰. При этом надо отметить, что непосредственно сибирской теме были посвящены две картины прославленного художника — «Взятие снежного городка» (1891) и «Покорение Сибири Ермаком» (1895). Вторая из перечисленных живописных работ требует более подробного и обстоятельного анализа по той причине, что именно в монументальной историко-батальной композиции были впервые представлены коренные народы Севера («остяки» и «вогулы»), ранее встречаемые или в графических репрезентациях (отечественные и зарубежные иллюстрированные издания XIX в.), или в «малых формах» такой разновидности изобразительного искусства, как акварель (Е. М. Корнеев, П. М. Кошаров, М. С. Знаменский и др.).

Нельзя обойти своим вниманием знаменитое произведение В. И. Сурикова «Меншиков в Берёзове» (1883) (рис. 87), которое, по мнению Д. С. Панариной, больше говорит о России, чем о Сибири, ибо сибирская тема оказалась сознательно подчинена художником «задаче создания общероссийского исторического эпоса»⁴⁹¹. Однако интерес вызывает отражённый мастером образ-пространство Сибири, усиливающий трагическое звучание рассматривае-

Рис. 4.84. М. С. Знаменский. Декабрист П. Н. Свистунов с виолончелью. Третья четверть XIX в. Государственный исторический музей

⁴⁹⁰ Токарев В. П. Указ соч. С. 62.

⁴⁹¹ Панарина Д. С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 41.

Рис. 4.85. М. С. Знаменский. Декабрист Ф. М. Башмаков на могиле товарища. Третья четверть XIX в. Государственный исторический музей

Рис. 4.86. М. С. Знаменский. И. Д. Якушкин за сбором растений. Вторая половина XIX в. Тюменское музейно-просветительское объединение

мой картины. Если десятилетием позже (1895 г.) Сибирь будет ассоциироваться со славной историей казацкой вольницы, то в «Меншикове в Берёзове» — она, напротив, является тем местом, где историческое время остановилось и замерло в нулевой точке. Остановилось оно и для Меншикова, некогда находившегося в центре бурного исторического потока и олицетворяющего собой эпоху петровских преобразований. «Сибирь как заповедник воли, олицетворяемой казацкой вольницей, одновременно был землей острогов и ссыльных поселенцев <...> Это грозное схождение лишь по видимости противоположных, а на самом деле готовых к сотрудничеству “начал” русской жизни и подчеркивал Суриков в характеристике сибирского мира. Эта коллизия — воля и власть, воля и принуждение — образует сибирский, но одновременно исторический комплекс, который формирует драматургию, психологию, атмосферу суриковских произведений»⁴⁹². Следует сказать, что для создания полотна художник опирался на значительный корпус источников, включая мемуарную литературу, многочисленные варианты биографий о Меншикове, а также изобразительные материалы, однако трактуя их в совершенно ином ключе, в отличие от существовавшей на тот момент господствующей традиции, часто уводящей в плоскость морализаторства в духе христианского смирения или назидательно-идеологического дискурса⁴⁹³.

Монументальному полотну на историческую тему «Покорение Сибири Ермаком» (1895) предшествовали четыре года кропотливой и трудоёмкой работы. До него ещё в 1860 г. другой

⁴⁹² Алленов М. М. Василий Суриков. М., 1996. С. 91.

⁴⁹³ Кеменов В. С. Историческая живопись Сурикова. 1870–1880-е годы. М., 1963. С. 222.

Рис. 4.87. В. И. Суриков. Меншиков в Берёзове. 1883 г. Государственная Третьяковская галерея

сибирский художник, уже упомянутый нами М. И. Песков, будучи учащимся Императорской Академии Художеств, обращался к похожей теме. Его картина «Ермак сговаривает волжских атаманов» (до нашего времени не сохранилась) вызвала благожелательную критику, находившую наряду с техническими недостатками незаурядные достоинства. Другое произведение, задуманное М. И. Песковым, «Взятие Искера Ермаком» осталось нереализованным по причине скорой смерти молодого мастера. Тем самым В. И. Суриков как бы унаследовал тему Пескова, но разработал и завершил её согласно своей художественной программе.

Замысел произведения резюмировался в известных словах художника, сказанных в беседе Максимилиану Волошину: «Хотелось передать как две стихии встречаются»⁴⁹⁴. Характерно, как В. И. Суриков подходил к теме, обращаясь, в первую очередь, не к историческим источникам, как это было с произведением «Меншиков в Берёзове», а к семейным преданиям об участии предков в экспедиции Ермака, народным песням и детским впечатлениям о «живой старине»: «Я ведь летописи и не читал <...> картина сама мне так представилась. А когда я потом уж Кунгурскую летопись начал читать, — вижу, совсем, как у меня. Совсем похоже»⁴⁹⁵. Таким образом, следуя за «сознательно выбранным личной родовой гордостью» историческим сюжетом, художник воспевал подвиг казачества, утверждая свою духовную связь с ним и со своей малой родиной — Сибирью.

С 1891 по 1894 гг. Суриков объездил разные места Сибири, написал множество этюдов на Оби, Иртыше и Енисее: «Иртыш» (1892) (рис. 88), «Шаман» (1893) (рис. 89), «Молодые остяки» (1894)

⁴⁹⁴ Максимилиан Волошин. Указ. соч. С. 134.

⁴⁹⁵ Там же. С. 138.

Рис. 4.88. В. И. Суриков. Иртыш. Этюд. 1892 г.
Государственный Русский музей

Рис. 4.89. В. И. Суриков. Шаман. Этюд. 1893 г.
Музей-усадьба В. И. Сурикова

(рис. 90) и др. В одном из своих писем в июне 1892 г., художник писал: «Я живу теперь в Тобольске. Пишу этюды в музее, и татар здешних, и еще виды Иртыша <...> Дня через два уезжаем в Самарово или Сургут, остяков в картину писать <...> Этюды нужны»⁴⁹⁶. В Тобольском музее художник рассматривал предметы остяцкого и татарского древнего быта, найденные в раскопках на месте, где в прошлом располагалась столица Сибирского ханства — Искер. Здесь он делал зарисовки, писал акварелью, старался схватить всё самое характерное или типическое.

Суриков смог побывать в остяцкой юрте недалеко от села Самарово, где ему удалось выполнить рисунки с натуры. Говоря про свои многочисленные работы с типами татар и остяков, художник замечал: «Знаете, что значит симпатичное лицо? Это то, где черты сгармонированы. Пусть нос курносый, пусть скулы, а все сгармонировано. Это вот и есть то, что греки дали, — сущность красоты. Греческую красоту можно и в остяке найти»⁴⁹⁷.

Представленное публике в феврале 1895 г. масштабное полотно «Покорение Сибири Ермаком» (рис. 91) получило одобрение у официальных лиц Академии художеств и лично графа И. И. Толстого. Картину с аплодисментами встретили передвижники, Репин и ученики его студии. Незадолго до открытия XXIII выставки Товарищества передвижников её приобрёл император Николай II. Однако были и отрицательные рецензии критиков, касающиеся, главным образом, не содержания, а формально-технических особенностей исполнения. Что касается идеи самого полотна, то её часто сводили к формуле «имперского официоза» — «православие, самодержавие, народность». Например, критик М. Соловьёв писал, что в картине «всех объединяет духовное единство, на всех лежит отпечаток разбойничества, разрыв с обществом, сознания вины

⁴⁹⁶ Цит. по: Кончаловская Н. Дар бесценный. Романтическая быль. М., 1965. С. 197.

⁴⁹⁷ Максимилиан Волошин. Суриков. Л., 1985. С. 192.

Рис. 4.90. В. И. Суриков. Молодые остяки. Этуд. 1894 г. Музей-усадьба В. И. Сурикова

перед царём и Россией, заглазить которую они идут своей кровью и челобитьем покоренной трети величайшей части света. Это могучий натиск народности во имя самодержавия и православия»⁴⁹⁸.

В картине сплочённая и монолитная дружина Ермака, его казачья флотилия входит клином в хаотичное, беспомощное и прижатое к берегу войско хана Кучума, теряющего последние остатки боевого духа и готового в следующее мгновение броситься в бегство. Противоположность «двух стихий» строится на противопоставлении деталей. Если казачьи пищали и пушки, с одной стороны, и луки со стрелами пёстро́го кучумова войска — с другой, подчёркивают разницу в технически-боевом оснащении, то сопоставление знамени Спаса Нерукотворного, возвышающегося над всем происходящим, и фигуры шамана с бубном, будто тонущего в «людском море», говорит о символическом противостоянии двух сил.

В картине противопоставлены и главные герои. В решительном жесте Ермака сосредоточена, по словам М. В. Нестерова, «непреклонная воля, воля не момента, а неизбежности рока над обречённой людской стаей»⁴⁹⁹, тогда как в жесте Кучума, чья фигура едва различима зрителем, выражено отчаяние мольбы, обращённой к небу. Сам Кучум, в отличие от Ермака, не участвует, а наблюдает за происходящим сражением, что соответствует его положению в композиционном строе картины. Безвыходность положения кучумова войска

⁴⁹⁸ Цит. по: Кончаловская Н. Указ соч. С. 213.

⁴⁹⁹ Нестеров М. В. Давние дни. М., 1959. С. 85.

Рис. 4.91. В. И. Суриков. Покорение Сибири Ермаком. 1895 г. Государственный Русский музей

в композиции символизирует историческую безысходность и обречённость Сибирского ханства, которому предначертано неминуемое падение и гибель.

Советская критика отмечала, что монументальное полотно «Покорение Сибири Ермаком» знаменовало собой «вершину творческого подъёма художника», а его главной темой являлся «народный героизм»⁵⁰⁰. Имеющиеся в картине отступления от правдоподобия, связанные, в том числе, с нарушением масштабного соотношения фигур казаков и кучумова войска, были оправданы во имя отражения «высшей, исторической и художественной правды»⁵⁰¹. По словам самого Сурикова, «в исторической картине ведь и не нужно, чтобы было совсем так, а чтобы возможность была, чтобы похоже было. Суть-то исторической картины — угадывание. Если только сам дух времени соблюден — в деталях можно какие угодно ошибки делать. А когда всё точка в точку — противно даже»⁵⁰².

Однако «угадывание», или, по словам М. Волошина, «тёмный голос подсознательного», который был характерен для тематического цикла произведений 1880-х гг. («Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Меншиков в Берёзове»), сменился сознательно сочинённой композицией 1895 г. В ней сложно усмотреть трагическое противостояние сил, шекспировский накал чувств и особую «правду побежденных» — побежденных, но духовно не сломленных людей. Напротив, в «Покорении Сибири Ермаком» представлен апофеоз и триумф одной из сторон конфликта, который был заранее предопределён самим ходом исторического процесса.

В современной искусствоведческой науке в противовес «хрестоматийным» трактовкам произведения «Покорение Сибири Ермаком» встречаются примеры «деконструкции». Так, по словам искусствоведа М. М. Алленова, В. И. Суриков утратил в картине «символическую

⁵⁰⁰ Суриков В. И. Альбом. М., 1974. С. 29.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Максимилиан Волошин. Указ. соч. С. 136.

перспективу»⁵⁰³, благодаря которой ранее представленные им события получали верные с точки зрения мировой истории масштаб и пропорции. Пестрой и хаотично раскинутой многоликой толпе противопоставлен «портретно-индивидуализированный барельеф», живописующий о славных деяниях Ермакова войска. Несмотря на подробную передачу художником внешних этнографических особенностей и деталей (богато расшитые малицы вогулов и остяков, точно переданные физиогномические черты и т.д.), психологически разработанные характеристики и даже некоторые отдельные микросюжеты (сцена поддержки раненого товарища в правой части композиции), коренные северяне воспринимаются в качестве одних из элементов разнородной толпы, вынужденных против своей воли противостоять вольным казакам. Характерно в этой связи суждение советского искусствоведа В. С. Кеменова: «Художник показывает трагедию племён Сибири, вовлечённых Кучумом в битву против русских, хотя и никак не заинтересованных в сохранении над собой господства татарского хана»⁵⁰⁴.

Если в работах 1880-х гг. страницы русской истории открывались В. И. Сурикову как страницы вечной книги бытия, то теперь «патриотическое умонастроение переместило акцент на избранные страницы национальной истории, составлявшие предмет гордости», и имевшей единственное обоснование «не в степени обретения свободы, а в степени приращения государственной мощи»⁵⁰⁵. Факт того, что картина создавалась в то время, когда официально праздновалось 300-летие завоевания Сибири вместе с открытием Транссибирской железнодорожной магистрали, являлся косвенным свидетельством о сознательном выборе художника сюжета из «завоевательной истории», приведшего к закономерному созданию живописного варианта «колониционного эпоса»⁵⁰⁶.

Несмотря на категоричность подобных суждений, они, тем не менее, ведут к пониманию «картины мира» самого художника, воплощённой в жанре историко-батального апофеоза. В зеркале его искусства Ермак предстаёт не просто героем, а национальным символом, в уста которого будто бы вложена реплика из одноимённой трагедии А. С. Хомякова: «Сибири боле нет: отныне здесь Россия!»⁵⁰⁷ Что касается живописной репрезентации коренных северян, то несмотря на подробно, до мельчайших нюансов воспроизведённые детали их одежды, украшений, оружия и других изделий, а также несмотря на правдоподобно переданные психологические характеристики и найденные аутентичные типы, они выступают в качестве недифференцированной общности, не имевшей ранее собственной истории и чье дальнейшее будущее связано с российской государственностью. «Их прошлое состояло в слабом сопротивлении казакам и радостном принятии русского господства; их будущее сулило полную русификацию»⁵⁰⁸. Подобный взгляд и выбранный жанр исторической баталистики значительно сужали изобразительные возможности представления коренных этносов, едва ли отличающегося от архаизирующей традиции «костюмного жанра» с известным оттенком этнографической экзотики и музейности.

⁵⁰³ Алленов М. М. Василий Суриков. М., 1996. С. 80.

⁵⁰⁴ Кеменов В. С. Василий Иванович Суриков. Л., 1991. С. 98–100.

⁵⁰⁵ Алленов М. М. Указ соч. С. 80.

⁵⁰⁶ Там же. С. 69, 79.

⁵⁰⁷ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 277.

⁵⁰⁸ Слёзкин Ю. Указ. соч. С. 99.

Глава 3

Развитие здравоохранения в Югре

1. Управление медициной и медицинские учреждения

Долгое время на Тобольском Севере не имелось собственных медицинских учреждений. Местному населению приходилось довольствоваться услугами шаманов, знахарей, приёмами народного врачевания. В целях лечения использовались различные средства, в основном растительного происхождения, практиковалась магическая обрядность.

Становление современной системы медицинского обслуживания населения относится на территории Югры лишь к XIX веку. При этом необходимо отметить, что в России долгое время не существовало единого централизованного органа управления медицинской сферой. Лечебные заведения и их персонал подчинялись разным ведомствам.

Органами губернского управления медико-санитарным делом являлись учреждённые в 1797 г. врачебные управы. Первоначально в их ведении находились как гражданские, так и военные медицинские учреждения и чины, а с 1805 г. — только гражданские. Вопросами финансирования занимался Тобольский приказ общественного призрения. В 1895 г. врачебная управа и приказ общественного призрения были упразднены, создано врачебное отделение при Тобольском губернском правлении. Оно ведало делами «охранения народного здоровья» в губернии, а также медицинской полицией и судебной медициной.

Непосредственно на территории Югры создание учреждения, руководившего вопросами здравоохранения, связано с борьбой с одним из самых распространённых и массовых заболеваний того времени — оспой. Первые успешные попытки обуздать это страшное зло связаны с вакцинацией и вариоляцией. Прививки по методу Э. Дженнера детям «инородцев» Берёзовского края ещё в 1806 г. делались инспектором Тобольской врачебной управы И. С. Пабстом⁵⁰⁹. Высочайше утвержденным Положением Комитета Министров от 3 мая 1811 г. «О распространении прививания коровьей оспой в губерниях» были учреждены оспенные комитеты⁵¹⁰. Создание «Комитета предохранительной оспы» в г. Берёзове (с участием

⁵⁰⁹ См.: Темплинг В. Я. Здравоохранение на крайнем севере Тобольской губернии (XIX — начало XX вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 140.

⁵¹⁰ Полное собрание законов Российской Империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXXI. № 24622. С. 640.

окружного исправника, благочинного и медика) относится к 21 октября 1811 года⁵¹¹. На комитет возлагались следующие обязанности: «чтобы везде знающими людьми прививаема была всем детям без изъятия коровья оспа... снабжение прививателей свежей оспенной материей и самоудобнейшими для сего дела инструментами... наставление от медицинских чиновников желающим научиться основательному прививанию»⁵¹². Он же с 1850 х гг. выполнял функции окружного (с конца XIX в. — уездного) «комитета общественного здоровья», т.е. занимался вопросами здравоохранения на территории Берёзовского округа в целом. С образованием в 1868 г. самостоятельного Сургутского округа аналогичные комитеты были созданы и в Сургуте.

Появление собственно медицинских учреждений на территории Югры относится ко второй трети XIX века. Важную роль в этом сыграло предписание Министерства внутренних дел от 17 апреля 1831 г. об устройстве больниц в уездных городах. Была открыта подписка для добровольных пожертвований в их пользу. В 1834 г. Николай I одобрил проект устава об управлении окружными лечебницами.

В январе 1835 г. были созданы Сургутская и Берёзовская больницы, которые были подчинены в хозяйственно-финансовом отношении Тобольскому приказу общественного призрения, а в медицинском — врачебной управе. Высочайше утверждённое положение Комитета министров от 15 марта 1835 г. предполагало учреждение больницы «для лечения тамошних инородцев от свирепствующей между ними болезни, имеющей вид венерической»⁵¹³. На строительство и обзаведение предписывалось выделить из казны более 15 тыс. руб. Однако открытие Берёзовской инородческой больницы состоялось лишь 19 марта 1844 года⁵¹⁴. В 1853 г. медицинские учреждения г. Берёзова были объединены путём присоединения городской больницы к инородческой.

Средства на содержание Берёзовской инородческой больницы в середине XIX в. превышали 1,5 тыс. руб. в год⁵¹⁵. Они складывались из казённого пособия, собственных доходов и субси-

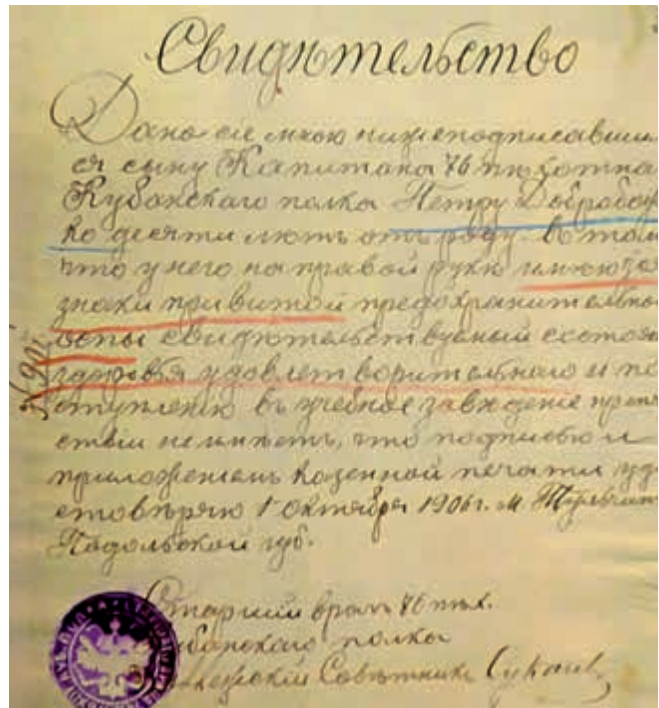

Рис. 4.92. Свидетельство о прививке против оспы. 1906 г.

⁵¹¹ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее — ГАТ). Ф. И-707. Оп. 1. Д. 3. Л. 441.

⁵¹² ПСЗРИ. 1. Т. XXXI. 1830. № 24622. С. 643.

⁵¹³ ПСЗРИ. 2. (1825–1881 гг.). Т. X (1835 г.) № 7954. С. 238.

⁵¹⁴ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 47. Д. 211. Л. 123.

⁵¹⁵ Там же.

дий Приказа общественного призрения. К концу столетия расходы возросли до 3–3,5 тыс. руб. в год (из них до 2,9 тыс. руб. — суммы Тобольского губернского управления⁵¹⁶). До середины 1890-х гг. в Берёзовской инородческой больнице имелось 18 коек. Новое здание, построенное в 1895 г. и рассчитанное на 40 чел., имело, в частности, два флигеля (один для заразных больных), баню с прачечной, анатомический покой, амбар с сушилкой для белья⁵¹⁷. В 1907 г. это здание сгорело, а возведение следующего затянулось до 1915 года. В штате больницы в начале XX в. состояли врач, смотритель, два лекарских ученика (соответствовали по уровню подготовки фельдшерам), писец и 6 чел. прислуги. Пациенты стационара обеспечивались питанием. Пища готовилась на кухне. Так, в 1846 г. среди израсходованных продуктов Берёзовской городской больницы названы мука ржаная и пшеничная, крупа ячневая и гречневая, мясо, рыба, молоко, масло, соль, мёд⁵¹⁸.

На Сургутскую городскую больницу из сумм Приказа общественного призрения выделялось до 2 тыс. руб. в год. Первое здание постепенно пришло в негодность, и в 1871 г. врач Н. Кудрявцев подал рапорт о необходимости возведения новой больницы⁵¹⁹. Построенное в 1877 г. здание, рассчитанное на 12 (позднее на 16) кроватей, состояло из 7 комнат (в каждой имелась голландская печь), 5 палат, лаборатории, аптеки и ванной. Отдельными рядом расположенными постройками являлись кухня и прачечная, амбар и погреб, баня, анатомическая. В штате на начало XX в. имелись, кроме врача, смотритель, фельдшер и три чел. прислуги⁵²⁰.

В 1895 г. открывается отделение Берёзовской инородческой больницы в с. Обдорском на 10 кроватей и с пособием от казны 500 руб. в год⁵²¹. (Этот филиал существовал и раньше, по крайней мере, с 1860-х гг., но потом был закрыт, и с начала 1890-х гг. действовал «приемный покой»).

При больницах были организованы филиалы Тобольского аптечного склада, из которых отпускались бесплатно (для коренных жителей) или за деньги (для остальных) необходимые лекарства. Однако оборот средств был небольшой — 30–40 руб. в год в 1900-х гг. Должности смотрителей больниц были сродни с администратором, заведующим делопроизводством, аптекой и хозяйством в целом, оплачивались в конце XIX в. из расчёта около 143 руб. в год. Прислуга выполняла функции рабочих по кухне, уборщиков, санитаров. Контролирующие обязанности на местах возлагались на Советы больниц во главе с Берёзовским и Сургутским окружными (уездными) исправниками.

При этом нужно отметить, что в инородческих больницах лечение без оплаты предусматривалось только для коренного населения. Мещанам, крестьянам, купцам, казакам нужно было возмещать стоимость как лекарств, так и пребывания в стационаре. Гражданский больной за каждые 10 дней лечения в стационаре обязан был вносить 1,95 руб., военный — 55,5 коп. в сутки⁵²². Исключение делалось для больных сифилисом.

⁵¹⁶ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 43. Д. 98. Л. 6.

⁵¹⁷ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 47. Д. 211. Л. 123.

⁵¹⁸ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 31. Д. 93. Л. 3.

⁵¹⁹ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 32. Д. 699. Л. 312 об.

⁵²⁰ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 47. Д. 211. Л. 11–12.

⁵²¹ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 47. Д. 211. Л. 123.

⁵²² Календарь Тобольской губернии на 1889 год. Тобольск, 1889. С. 171.

Рис. 4.93. Н. П. Загорский. У земской больницы. 1886 г. (Фонды Государственной Третьяковской галереи)

Распоряжением губернатора от 31 января 1893 г. в Сургуте было открыто отделение для бесплатного лечения русских крестьян, но оно просуществовало недолго. Ходатайство о его возобновлении, предпринятое в 1900 г., не получило удовлетворения⁵²³. Лишь с 1905 г. русскоязычное население получило доступ к услугам врача или фельдшера без оплаты.

К концу XIX в. относится развитие медицинских учреждений на севере Тобольского уезда, чему способствовало Высочайше утвержденное 10 мая 1888 г. мнение Государственного Совета «Об устройстве сельской медицинской части в губерниях Тобольской и Томской», предусматривавшее создание сельских медицинских пунктов⁵²⁴. Согласно этому документу предполагалась организация сельских лечебниц, приемных покоев, приобретение инструментов и аптек. В развитие данного узаконения по предложению губернатора вводятся штаты повивальных бабок в с. Мужы, Кондинское и Тундринское. С 1893 г. в с. Самарово существовал «приемный покой». В 1897 г. вводятся штаты сельской медицины, а также деление губернии на лечебные участки (районы). Четыре участка было образовано на Тобольском Севере: Берёзовский, Обдорский, Сургутский и Самаровский. Сургутский врач В. Е. Клячкин оценил это преобразование сельской медицины «как одно из самых важных событий в жизни сельского населения»⁵²⁵.

⁵²³ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 47. Д. 211. Л. 2.

⁵²⁴ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. VIII. № 5189. СПб., 1890.

⁵²⁵ Клячкин В. Е. Мысли о страшном народном недуге // Тобольские губернские ведомости (далее — ТГВ). 1897. Неофиц. часть. 24 мая (№ 21). С. 321.

Самаровская сельская больница, постройка которой планировалась ещё в 1890-е гг. на месте бывших хлебозапасных магазинов, была рассчитана на 6 кроватей. Лечебница первоначально размещалась в наёмном доме, параллельно велось строительство собственного одноэтажного здания, которое включало кабинет врача, аптеку, операционную, три палаты, кухню, ванную и туалет. Кроме врача, в штате Самаровского участка, объединявшего семь северных волостей Тобольского уезда (на 1910 г. — более 12,2 тыс. жителей), числились три фельдшера: при больнице, в с. Нахрачинском и в с. Филинском⁵²⁶.

Помимо больниц в Югре постепенно развивается сеть сельских фельдшерских пунктов. По данным на 1888 г., на территории края фельдшеры имелись в с. Самарово, Тундрино, Елизарово, Мужы, Шеркалы, родовспоможение оказывалось повивальными бабками в с. Самарово и Локосово⁵²⁷. В 1889 г. фельдшер появился в с. Нахрачи, лекарские ученики — в с. Ларьяк и Кондинском, повивальная бабка — в с. Нижне-Лумпокольском и Кондинском⁵²⁸, в 1893 г. — лекарский ученик в с. Сартыннинском⁵²⁹. К 1904–1906 гг. на территории Берёзовского и Сургутского уездов было 9 фельдшерских пунктов и ещё 1 — в Самаровской волости. На территории Югры в современных границах к середине 1900-х гг. действовало три больницы (Берёзовская, Сургутская, Самаровская) и семь фельдшерских пунктов (Нахрачинский, Кондинский, Ларьякский, Тундринский, Сартыннинский, Шеркальский, Елизаровский). В начале XX в. деятельность этих медицинских учреждений приобретает относительную стабильность (ранее, например, фельдшерские пункты могли прерывать работу из-за отсутствия персонала). К 1908 г. открылся фельдшерский пункт в с. Локосово, к 1910 г. — в с. Филинском, к 1913 г. — в с. Реполовском и с. Нижне-Вартовском, к 1915 г. — в с. Мало-Атлымском и Саранпаульском. Соответственно число фельдшерских пунктов на территории Югры возросло до 13⁵³⁰.

Лекарский ученик в 1840-е гг. получал 114 руб. 39 коп. (врач в этот же период — 343 руб. 10 коп.)⁵³¹. Жалованье фельдшера на Тобольском Севере составляло по штатам 1897 г. 300 руб. в год, увеличившись к 1914 г. до 480 руб. в год плюс 100 руб. квартирных. Жалованье акушерки (повивальной бабки) по тем же штатам 1897 г. также составляло 300 руб. в год (25 руб. в месяц). В конце 1860-х гг. объездной врач получал в год 350 руб., плюс 200 руб. «столовых» и 100 руб. «на разъезды»⁵³².

Вовлечение края в рыночные отношения, связанные, в первую очередь, с развитием рыбной промышленности, привело к притоку на Тобольский Север большого числа сезонных рабочих. Это, с одной стороны, требовало мер по охране их здоровья, с другой стороны, делало необходимым контроль за распространением завоза новых заболеваний и возникновения очагов эпидемий.

Ещё в 1871 г. берёзовский врач Н. Кудрявцев подал рапорт, где просил обязать рыбопромышленников улучшить быт рабочих, повысить качество питания на низовых промыслах.

⁵²⁶ Труды первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии (20 января — 4 февраля 1911 г.). Тобольск, 1913. С. 54.

⁵²⁷ Календарь Тобольской губернии на 1889 год. Тобольск, 1889. С. 172, 175.

⁵²⁸ Календарь Тобольской губернии на 1890 год. Тобольск, 1890. С. 226.

⁵²⁹ Календарь Тобольской губернии на 1894 год. Тобольск, 1893. С. 74.

⁵³⁰ См.: Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год. Тобольск, 1915. С. 109–110.

⁵³¹ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 30. Д. 104. Л. 59 об-60, 93 об.

⁵³² ГАТ. Ф. И-152. Оп. 32. Д. 699. Л. 10 об.

Рапорт врачевная управа переслала губернатору⁵³³. Однако у нас нет сведений о том, что были приняты какие-то конкретные меры по данному документу.

В 1879 г. члена врачевной управы Матвеева командировали для знакомства с постановкой врачевно-санитарного дела на рыбных промыслах края. Хотя путешествие было кратким и осуществлялось на вёсельной лодке, его результаты обнаружили крайне тяжелое положение наёмных рабочих, и губернским советом вырабатываются правила, которые должны были «оградить до известной степени здоровье последних»⁵³⁴. Тем не менее обеспечить контроль их исполнения у губернских властей тогда не имелось никакой возможности.

Рис. 4.94. Перевязочная. 1910 г.
(Фонды Государственного исторического музея Южного Урала)

В 1892–1893 гг. данный вопрос был вновь поставлен Тобольским губернатором Н. М. Богдановичем. По его распоряжению «в целях подачи медицинской помощи заболевающим рабочим» рыбопромышленникам предписывалось выстроить специальные бараки, снабдить их инвентарем и пригласить для заведования фельдшеров в следующих пунктах: с. Новое (на 12 коек), близ д. Тундриной (5 коек), Вартовский песок (10 коек), Елизаровский песок (10 коек), Карымкарские юрты (12 коек), с. Шеркалы (7 коек), Оленский песок (5 коек), Мелекленский песок (10 коек), Ульпаслинский песок (12 коек), Пончанские юрты (35 коек), Варкутинских юртах (5 коек), Хэ (15 коек), Хармониель (12 коек)⁵³⁵. Таким образом, намечалась организация на территории Тобольского Севера 13 сезонных медицинских пунктов на 150 коек. Но опять-таки без действенного контроля это распоряжение осталось на бумаге. Рыбопромышленники единодушно заявили, что в 1893 г. больных на рыбных промыслах не было. Поэтому в следующем году проводится совещание под председательством губернского врачевного инспектора П. Ф. Почтарева с участием представителей рыбопромышленников. Выяснилось, что медицинские бараки созданы не на всех промыслах, а те, что имеются, «выстроены поспешно и неудовлетворительно». Власти пошли навстречу предпринимателям, разрешив сократить число коек до 70–73. Также было удовлетворено ходатайство рыбопромышленников, что организация медицинской помощи будет возложена на местную администрацию, а они готовы выплачивать определенную сумму, соответствующую числу занятых рабочих⁵³⁶.

⁵³³ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 32. Д. 699. Л. 313.

⁵³⁴ Рыбные промыслы на севере Тобольской губернии // ТГВ. 1895. № 99. С. 1548. (№ 100. С. 1565, № 101. С. 1578–1580).

⁵³⁵ Там же. № 100. С. 1565.

⁵³⁶ Там же. № 101. С. 1578.

В ноябре 1894 г. состоялось новое совместное заседание представителей власти и предпринимателей, где эти условия были подтверждены.

В 1895 г. администрация заказала и приобрела паровую яхту (небольшой пароход), что давало возможность непосредственного регулярного контроля за состоянием медицинского обслуживания промыслов. Всего же в течение 1894–1895 гг. было организовано 16 медицинских барачков на 87 коек⁵³⁷. У каждого из командиремых на промыслы фельдшеров имелись аптечки. Тяжелые условия труда приводили к высокому уровню заболеваемости. Так, в 1894 г. было зарегистрировано 948 амбулаторных и 34 стационарных больных, трое рабочих умерли. В 1895 г. число амбулаторных больных составило 656, стационарных — 53, один скончался. При общем количестве рабочих, колебавшемся от 5 до 6 тыс. на всех промыслах, заболеваемость доходила до 15–20%. Тем не менее, благодаря предпринятым мерам удалось не только своевременно оказывать медицинскую помощь нуждающимся в ней рабочим, но и улучшить санитарное состояние на промыслах в целом. В течение 1894–1895 гг. было открыто 17 «летних лечебных заведений» по Оби, Иртышу и в Обской губе⁵³⁸. В них работало стационарно по одному фельдшеру и ещё семь объездных фельдшеров, в обязанности которых входили «разъезды по промыслам в пределах своего участка, подача помощи амбулаторно и доставка тяжело больных в больницы»⁵³⁹. Вырабатывается проект «Положения организации врачебно-санитарной части на рыбных промыслах Тобольской губернии», в соответствии с которым, например, требовалось на каждом из промыслов иметь русскую баню с запасом дров, просторные светлые помещения для приготовления пищи и сушки белья, производить постоянное вентилирование зданий для обработки рыбы и их дезинфекцию раз в три

дня, ежедневно вывозить и закапывать отходы производства.

Перенесение в больницу тяжело больного переселенца. Рис. 52.

Рис. 4.95. Переселенческая больница

Развитие водных путей сообщения сделало необходимым организацию ещё одного вида медицинской помощи — строительство инфекционных барачков для больных, следовавших по Иртышу и Оби на пароходах. В 1893 г. такой барак был изготовлен на юге губернии, затем сплавлен по Иртышу до Самарова и там собран примерно в двух верстах от села ниже по течению. Помещение включало два отделения — мужское и женское, всего на 20 коек. По сути, этот барак был не просто местом для изоляции заболевших, а полноценным медицинским учреждением, обес-

⁵³⁷ Там же. № 101. С. 1578.

⁵³⁸ Объяснительная записка к составленной Тобольской врачебной управой карте рыбных промыслов в Тобольской губернии по рр. Оби и Иртышу // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1896. Вып. 6. С. 14.

⁵³⁹ Там же. С. 15.

печенным оборудованием и инструментом, в том числе, гидропультами для дезинфекционного раствора, а также он играл роль «врачебно-питательного пункта» для переселенцев, где им выдавали заранее выпеченный хлеб⁵⁴⁰. Заведование и обустройство медицинского барака было возложено на студента Московского университета А. П. Галанина. Такого же типа барак, предназначенный для больных холерой, был построен и в Сургуте на пристани Белый яр.

К концу XIX в. относится появление на территории Югры первого социального учреждения. Мысль о необходимости организации «богадельни» (благотворительного заведения для содержания нетрудоспособных лиц: престарелых, немощных, инвалидов) возникла среди жителей Берёзовского уезда в 1866 г. в связи с извавлением императора Александра II «от грозящей ему опасности при покушении 4 августа 1866 г.»⁵⁴¹. Ханты Куноватской, Ляпинской и Сосвинской волостей выразили желание производить для этой цели сбор по 5 коп. с человека в год. Однако лишь через много лет накопилась достаточная сумма, чтобы приступить к реализации задуманного решения. Открытие Берёзовской инородческой богадельни состоялось 1 октября 1893 года.

2. Кадровое обеспечение медицинских учреждений

Дефицит кадров являлся одной из серьезных проблем, связанных с организацией медицинского обслуживания края на протяжении всего XIX — начала XX вв.

По штатам врачебных управ 1797 г. в каждый уездный центр должен был быть определён лекарь, два лекарьских ученика (старший и младший), повивальная бабка. Врачебная специализация отсутствовала. Информация о медицинских работниках этого времени носит фрагментарный характер. Распространённой практикой являлась отправка врачей и их помощников на Тобольский Север в командировки.

Лекарский ученик Крыжановский упоминается как проезжавший через с. Самарово в 1808 году⁵⁴². В июне 1811 г. берёзовский городничий в рапорте о распространившейся тогда в городе цинге сообщал, что из медицинских чинов в городе один лекарский помощ-

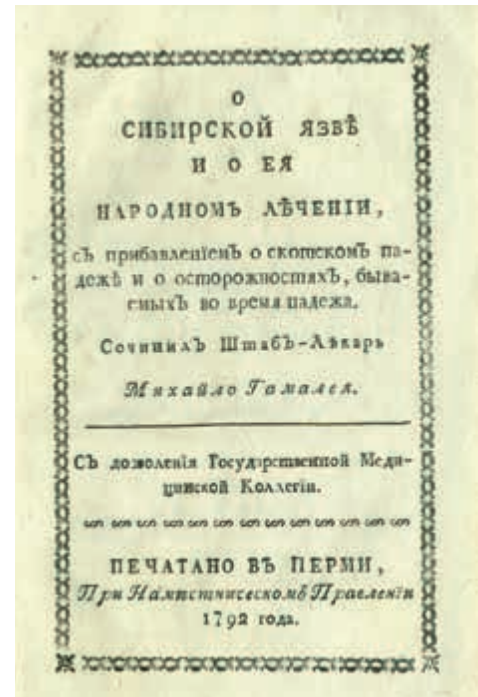

Рис. 4.96. М. Гамалея. О сибирской язве и о её народном лечении

⁵⁴⁰ Галанин А. Из воспоминаний о Самарове и его бараке в лето 1893 г. // ТГВ. 1894. 3 апр. № 14. С. 266–268.

⁵⁴¹ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 47. Д. 211. Л. 124.

⁵⁴² Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997. С. 40.

Рис. 4.97. Врач-хирург. XIX в.

Рис. 4.98. Форма военных врачей. 1806–1811 гг.

ник, да и тот по требованию земского суда отлучился с 24 мая в Кондинское комиссарство для оспопрививания, и больные «остаются без всякого от болезни лечения...»⁵⁴³.

В 1816 г. в Берёзов был командирован штаб-лекарь В. Н. Шавров для борьбы с сифилисом, в 1822 г. с той же целью — доктор Альберт. С конца 1825 г. по распоряжению губернатора Д. Н. Бантыш-Каменского в Берёзов и Обдорск следовало ежегодно командировать уездного лекаря с учениками «для подавания помощи, как страждущим Инородцам, так и равно и жителям Берёзовского округа»⁵⁴⁴. В 1828 г. на Тобольский Север был отправлен врач Ф. М. Белявский.

С декабря 1840 г., по крайней мере до 1852 г., в Берёзове работал объездной врач Иван Иванович Лютиков (1802–? гг., до этого в течение почти десяти лет служивший в г. Каинске Томской губ.)⁵⁴⁵. С 1844 г. в Берёзове работал городской врач А. А. Корзун, в Обдорске с 1842 г. объездным врачом был А. А. Алексеев⁵⁴⁶. В конце 1867 — начале 1868 гг. с разницей менее чем в два месяца скончались два врача в г. Берёзове: городской Зенец и окружной И. И. Юрцевич⁵⁴⁷.

⁵⁴³ ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 465. Л. 11.

⁵⁴⁴ См.: Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 138.

⁵⁴⁵ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 30. Д. 104. Л. 59 об-60.

⁵⁴⁶ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 30. Д. 104. Л. 55 об., 56, 65 об., 66.

⁵⁴⁷ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 32. Д. 699. Л. 74.

О медицинском персонале Тобольского Севера с 1860-х гг. можно также составить представление преимущественно по данным губернских «Адрес-календарей» и «Памятных книжек» (Таблица № 4.18).

Таблица № 4.18

Медицинский персонал г. Берёзова и с. Обдорского⁵⁴⁸

Год	Городовой врач	Окружной (уездный) врач	Повивальная бабка	Объездной врач (Обдорский)
1860	Вакансия, в примеч. — Мечев	Матвеев Алексей Иванович	Дмитриева Евгения Дмитриевна	Юрцевич Иосиф Игнатьевич
1864	Воскресенский Иван Григорьевич	–	Ефимовская-Морвичская Дарья Степановна	Юрцевич Иосиф Игнатьевич
1867– 1869	Блажеевский Ромуальд	Блажеевский Ромуальд	Нет св.	Нет св.
1870	Кудрявцев Николай	Кудрявцев Николай	Новконская Дарья С.	Кудрявцев Николай
1886	Глебовский-Гулькевич Алексей Петрович	Барташевич Антон Федорович	–	Боричевский Иосиф Андреевич
1888	Дьяконов Сергей Иванович	Боричевский Иосиф Андреевич	Неволина Александра Степановна	Маршалов Павел Сильванович
1889	вакансия	Коган Николай Семенович	Гилева Елена Викторовна; в Обдорске — Новконская Дарья С.	Маршалов Павел Сильванович

⁵⁴⁸ Составлено по: Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 год. Тобольск, 1860. С. 79, 221; Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864. С. 58; ГАТ. Ф. И-152. Оп. 32. Д. 699. Л. 9, 145 об, 329; Адрес-календарь лиц, состоящих на государственной и общественной службе в Тобольской губернии к 1 января 1887 года. Тобольск, 1886. С. 11–12; Адрес-календарь лиц, состоящих на государственной и общественной службе в Тобольской губернии. Тобольск, 1888. С. 49; Календарь Тобольской губернии на 1889 год. Тобольск, 1889. С. 44; Календарь Тобольской губернии на 1890 год. Тобольск, 1890. С. 225–226, 45–46; Календарь Тобольской губернии на 1892 год. Тобольск, 1891. С. 115–116, 213–215; Календарь Тобольской губернии на 1893 год. Тобольск, 1892. С. 91–92, 38–39; Календарь Тобольской губернии на 1894 год. Тобольск, 1893. С. 74–75, 36–37; Календарь Тобольской губернии на 1895 год. Тобольск, 1894. С. 41–42; Календарь Тобольской губернии на 1897 год. Тобольск, 1897. С. 42–44; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1898 год. Тюмень, 1898. С. 91–92; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1899 год. Тюмень, 1899. С. 108–110; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1900 год. Тобольск, 1900. С. 35–36; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 год. Тобольск, 1900. С. 65–66, 41–42; Адрес-календарь Тобольской губернии на 1904 год. Тобольск, 1904. С. 14, 17; Календарь Тобольской губернии на 1906 год. Тобольск, 1906. С. 89; Памятная книжка Тобольской губернии на 1907 год. Тобольск, 1907. С. 140; Памятная книжка Тобольской губернии на 1908 год. Тобольск, 1908. С. 13; Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 год. Тобольск, 1910. С. 197; Памятная книжка Тобольской губернии на 1913 год. Тобольск, 1913. С. 11; Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 год. Тобольск, 1914. С. 13–14; Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 год. Тобольск, 1915. С. 13. В таблице не указан средний медицинский персонал: фельдшеры, лекарские ученики.

Таблица № 4.18 (продолжение)

Год	Городовой врач	Окружной (уездный) врач	Повивальная бабка	Объездной врач (Обдорский)
1891	Алексеев Николай Павлович	Коган Николай Семенович	Щинникова Мария Ивановна	Зальмунин Израиль-Есель Ицкович
1892	Алексеев Николай Павлович	Коган Николай Семенович	Щинникова Мария Ивановна; в Обдорске — Бисерова Евгения Яковлевна	Зальмунин Израиль-Есель Ицкович
1893	Алексеев Николай Павлович, затем — вакансия ⁵⁴⁹	Осетров Иван Алексеевич	Щинникова Мария Ивановна, в Обдорске — Красноярова	Зальмунин Израиль-Есель Ицкович
1894	вакансия	Лавров Николай Дмитриевич	Дудинова Мария Ивановна (окружная), Рысева Александра Ивановна (объездная)	Георгий Георгиевич Нейберт
1897	вакансия	Лавров Николай Дмитриевич	Дудинова Мария Ивановна (окружная), Бисерова Евгения Яковлевна (объездная)	вакансия
1898	Штернберг Арон Яковлевич	Лавров Николай Дмитриевич	Дудинова Мария Ивановна (окружная), Бисерова Евгения Яковлевна (объездная)	Василий Рафаилович Паддьяков ⁵⁵⁰
1899	вакансия	Штернберг Арон Яковлевич	Дудинова Мария Ивановна (уездная), Бисерова Евгения Яковлевна (объездная)	Паддьяков Василий Рафаилович
1900	вакансия	Штернберг Арон Яковлевич	Дудинова Мария Ивановна (уездная), Бисерова Евгения Яковлевна (объездная)	Подьяков Василий Рафаилович
1900–1901	Вакансия (назначенный Л. А. Тугаринов не явился)	Штернберг Арон Яковлевич	Дудинова Мария Ивановна (уездная), Бисерова Евгения Яковлевна (объездная)	Подьяков Василий Рафаилович
1904	вакансия	Зальмунин Израиль Исаакович	Дудинова Мария Ивановна (уездная), Бисерова Евгения Яковлевна (объездная)	Подьяков Василий Рафаилович
1906	вакансия	Зальмунин Израиль Исаакович	–	Подьяков Василий Рафаилович

⁵⁴⁹ Н. П. Алексеев и Н. С. Коган переведены из Берёзова врачами в Ялуторовск.

⁵⁵⁰ Здесь и далее фамилия Обдорского объездного врача пишется в соответствии с тем, как она указана в источниках. В его личной подписи в документах — «Поддьяков».

Таблица № 4.18 (продолжение)

Год	Городовой врач	Окружной (уездный) врач	Повивальная бабка	Объездной врач (Обдорский)
1907	вакансия	Малинин Михаил Васильевич	–	Поддьяков Василий Рафаилович
1908	вакансия	Попов Василий Степанович	–	Щеглов Иван Васильевич
1910	вакансия	Попов Василий Степанович	–	Щеглов Иван Васильевич
1913	вакансия	Тоддесс Леон Маркович (уездный), Поддьяков Василий Рафаилович (сельский)	–	вакансия
1914	вакансия	Тоддесс Леон Маркович (уездный), вакансия (сельский)	–	вакансия
1915	вакансия	Тоддесс Леон Маркович (уездный), вакансия (сельский)	–	вакансия

Таблица № 4.19

Медицинский персонал г. Сургута⁵⁵¹

Год	Городовой	Окружной (уездный) врач	Повивальная бабка	Смотритель больницы
1886	Соковнин Сергей Петрович	вакансия	–	–
1887	Павел Сильванович Маршалов	Соковнин Сергей Петрович	Гилева Елена Викторовна	–
1888	Александр Васильевич Безукладников	Алексей Петрович Глебовский-Гулькевич	Гилева Елена Викторовна	–
1889	вакансия	Глебовский-Гулькевич Алексей Петрович	вакансия	Мл. лек. ученик Семен Андреевич Батенев
1891	Кевлич Станислав Михайлович	Клячкин Вениамин Хаимович	Шарапова Федосья Г.	Фельдш. ученик Семен Андреевич Батенев
1892	вакансия	Кевлич Станислав Михайлович	Шарапова Федосья Г.	Фельдш. ученик Семен Андреевич Батенев

⁵⁵¹ Составлено по: Там же.

Таблица № 4.19 (продолжение)

Год	Городовой	Окружной (уездный) врач	Повивальная бабка	Смотритель больницы
1893	вакансия	Кевлич Станислав Михайлович	Шарапова Федосья Г.	Фельдш. ученик Александр Полиевктович Кушинков
1894	вакансия	Кевлич Станислав Михайлович	Фидлерман Феодосия Яковлевна (мл. окружная), Нехаева Аполлиария Григорьевна (сельская)	Фельдш. ученик Александр Полиевктович Кушинков
1897	вакансия	Лукьянович Аркадий Семенович	Фидлерман Феодосия Яковлевна (мл. окружная), Нехаева Аполлиария Григорьевна (сельская)	мещанин Яков Иванович Кондаков
1898	вакансия	Лукьянович Аркадий Семенович	Петкович Мария Владиславовна (окружная)	мещанин Яков Иванович Кондаков
1899	Гуль (Гульль) Антон Леонович	Лукьянович Аркадий Семенович	Семенова Анна Артемьевна (уездная)	мещанин Яков Иванович Кондаков
1900	Гуль (Гульль) Антон Леонович	Лукьянович Аркадий Семенович	Семенова Анна Артемьевна (уездная)	мещанин Яков Иванович Кондаков
1904	вакансия	Степанов Петр Степанович	Семенова Анна Артемьевна (уездная)	–
1906	вакансия	Степанов Петр Степанович	–	–
1907	вакансия	Калитинский	–	–
1908	вакансия	Подьяков Василий Рафаилович	–	–
1910	вакансия	Подьяков Василий Рафаилович	–	–
1913	вакансия	вакансия (уездный), Бродский Аркадий Абрамович (сельский)	–	–
1914	вакансия	вакансия (уездный), Бродский Аркадий Абрамович (сельский)	–	–
1915	вакансия	вакансия (уездный), Бродский Аркадий Абрамович (сельский)	–	–

Из данных таблиц становятся очевидными частые смены медицинского персонала. Врачи, как правило, не задерживались здесь более чем на два-три года. Обращает также внимание наличие вакансий, не заполнявшихся иногда по несколько лет. Всё это свидетельствует

о том, что служба на Тобольском Севере являлась мало привлекательной для большинства медиков. Для специалиста с высшим образованием пребывание в фактической длительной изоляции вне контактов с другими представителями профессионального сообщества было не вполне комфортно с чисто человеческой точки зрения и могло в перспективе обернуться профессиональной деградацией. Это, в частности, осознавалось и непосредственным начальством. Так, в 1871 г. берёзовский врач Н. Кудрявцев как хорошо зарекомендовавший себя в этой должности «заслужил» перемещения в г. Ялуторовск⁵⁵².

Однако долгое время и в Сибири в целом ощущался дефицит квалифицированных кадров. Как сообщалось в отчёте Западно-Сибирского генерал-губернатора за 1876 г., «почти половина должностей городских и окружных врачей оставались не занятыми»⁵⁵³. Специализация между врачами была не профессиональная, а территориальная. Обездному врачу предписывалось оказывать помощь больным в ходе поездок по уезду непосредственно по месту жительства, а городской обслуживал жителей соответствующих населённых пунктов. Можно также наблюдать стремление городских врачей переместиться на место объездных, что связано с более высокой оплатой труда на этой должности.

Было распространено совмещение должностей, что даже в какой-то степени приветствовалось губернским руководством, т.к. позволяло заполнять вакантные должности квалифицированными специалистами. «Нахожу более полезным представить г. Крживицкому должность Берёзовского кружного врача, — писал в 1871 г. Тобольский губернатор генерал-губернатору, — ибо местность эта особенно нуждается в усилении медицинского состава, и при том для врача... Занятие означенной должности будет выгоднее, потому что она сопряжена с исполнением вакантной должности Сургутского Обездного Врача (и конечно получением содержания по ней)»⁵⁵⁴. По свидетельству местного учителя А. Г. Демина за 1888 г., в Берёзове практикуется совмещение должностей городского и окружного врачей, «что и прельщает ехать туда врачей, чтобы получать двойное жалованье»⁵⁵⁵. Недаром кружной (уездный) врач Н. Д. Лавров был одновременно и исполняющим обязанности городского⁵⁵⁶.

Необходимо остановиться на биографии некоторых из медиков, служивших на Тобольском Севере. Должности врача сначала в Сургуте (1897–1898 гг.), затем в Берёзове (1898–1901 гг.) занимал Арон Яковлевич Штернберг (1871–1942 гг.), выпускник медицинского факультета университета св. Владимира в Киеве. Молодой врач заявлял о необходимости коренной реформы всего медицинского дела в уезде, энергично боролся с инфекционными заболеваниями, старался облегчить материальное положение фельдшеров⁵⁵⁷. В 1901 г. А. Я. Штернберг и двое приезжих врачей впервые за всё время существования берёзовской больницы провели операцию лапаротомии (вскрытие брюшной полости).

Другая примечательная личность — Израиль Ицкович (Исаакович) Зальмуни (1861–1914 гг.), выпускник медицинского факультета Казанского университета, который в начале 1890-х гг.

⁵⁵² ГАТ. Ф. И-156. Оп. 32. Д. 699. Л. 320.

⁵⁵³ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Западной Сибири за 1876 год. Тобольск, [1877]. С. 41.

⁵⁵⁴ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 32. Д. 699. Л. 64 об.

⁵⁵⁵ Демин А. Город Берёзов // Подорожник: краеведческий альманах. Тюмень, 2005. Вып. 2. С. 9.

⁵⁵⁶ См.: ГАТ. Ф. И-152. Оп. 43. Д. 36. Л. 37.

⁵⁵⁷ См.: Белобородов В.К. Обитаемое прошлое: книга негромких приключений. Тюмень, 2011. С. 118–129.

Рис. 4.99. Труды Первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии

занимал должность разъездного врача в Обдорске, в 1899 г. — в Самарово, затем с 1901 г. до 1906 г. в Берёзове, где также оставил о себе добрую память. «По архивным документам, — пишет о нём современный краевед В.К. Белобородов, — воссоздается образ врача, свято выполняющего клятву Гиппократу, постоянно разъезжающего по самым отдаленным местам, неустанно хлопочущем о народном здравии»⁵⁵⁸. Вот как он характеризовался автором некролога, опубликованном на страницах «Сибирского листка»: «Попав еще молодым врачом на далекий Север, Зальмунин отдался служению населению со всем пылом энтузиаста своего дела и друга бедных. Не разбирая ни звания, ни состояния, он шел всегда по первому зову. На службу он пришел с большим запасом специальных знаний и оказывал населению обширную хирургическую и акушерскую помощь, о чем и до сих пор помнят в тех далеких местах»⁵⁵⁹.

Уроженец Енисейской губернии, выпускник медицинского факультета Киевского университета Алексей Петрович Глебовский-Гулькевич (1857–1893 гг.) служил городовым врачом в Берёзове и Сургуте, вёл благотворительскую деятельность, в 1890 г. переведен в Ялуторовск; умер в начале 1893 г. от сыпного тифа, заразившись от больных при ликвидации эпидемии⁵⁶⁰.

В с. Самарово на 1898 г. должность врача занимал молодой специалист, получивший диплом лекаря двумя годами ранее, Иосиф Вячеславович Клингель (1870–?)⁵⁶¹. Затем эту должность занимали И. И. Зальмунин, Илья Иосифович Фрумин (на 1907 г.), Алексей Андреевич Иванов (на 1910 г.), Иван Арсеньевич Бурцев (на 1913 г.), Пантелеймон Иванович Матвеевский (на 1914 и 1915 гг.).

Из среднего медицинского персонала необходимо отметить выпускника Омской центральной фельдшерской школы, Кондинского фельдшера коллежского регистратора Ивана Ивановича Калачева. Он был определён в Берёзовский округ сразу после получения образования в мае 1884 г. и оставался здесь на службе, по крайней мере, до Первой мировой войны. В Кондинском И. И. Калачев служил с февраля 1897 г. За борьбу с сыпным тифом в 1892 г. ему

⁵⁵⁸ Белобородов В.К. Тропинки к дому... С. 243.

⁵⁵⁹ Сибирский листок: 1912–1919. Тюмень, 2003. С. 245.

⁵⁶⁰ См.: Сибирский листок: 1890–1894. Тюмень, 2003. С. 540; Страницы истории здравоохранения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 1930–1940-е годы [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gahmao.ru/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=2412 (дата обращения: 27.08.2021).

⁵⁶¹ Календарь Тобольской губернии на 1898 год. Тюмень, 1898. С. 63.

назначается премия в размере 150 руб.; за участие в Первой всероссийской переписи населения был награждён темно-бронзовой медалью для ношения на груди; в мае 1903 г. получил благодарность «за деятельное и усердное исполнение своих обязанностей при мероприятиях по прекращению эпидемии тифа в Берёзовском уезде»⁵⁶².

В донесении Тобольской врачебной управы высоко оценивалась работа заведовавшего в течение 1868–1870 гг. Сургутской инородческой больницей лекарского помощника Николая Дегтерева. В этой должности он служил на протяжении многих лет, начиная с сентября 1839 года. Причем отмечено, что «больница эта содержится хорошо, в должном порядке, уход за больными усердный, лекарства назначались по свойству болезней... много раз был посылаем по округу Берёзовскому для излечения на инородцах болезней, и эти командировки были исполняемы с особенным усердием и пользою...»⁵⁶³. За более чем 30 лет работы по «медицинской части» Н. Дегтерев действовал самостоятельно, «всегда разумно и успешно», лишь иногда проверялся приезжавшим из Берёзова врачом. За указанные заслуги он был в 1871 г. награждён денежной премией в размере годового оклада.

В 1896–1899 гг. в с. Сартынья служил фельдшером Леонид Александрович Кориков-Михайлов (1876–после 1917 гг.). Он также работал по специальности на рыболовных песках Тобольского Севера, был, помимо прочего, автором ряда заметок и корреспонденций, публиковавшихся на страницах газеты «Сибирский листок», этнографических и краеведческих работ⁵⁶⁴.

Следует назвать и других медиков: фельдшеры Василий Константинович Нехаев (с. Нижне-Лумпокольское, 1900–1906 гг.), лекарский ученик Василий Иванович Россохин (др. — Разсохин) (с. Ларьяк, 1904–1906 гг.), Адам Осипович Шафроновский (др. — Александр Иосифович Шафрановский) (с. Тундрино, 1900–1904), лекарские ученики Роман Семенович Шатов (с. Ларьяк, 1900 г.) и Константин Яковлевич Водилов (с. Сартынья, Сосьвинское 1900–1904 гг.), фельдшер Иван Петрович Корепанов (с. Елизаровское, 1900–1901 гг., с. Самарово, 1904 г.), фельдшер Терентий Кондратьевич Шумаков (с. Шеркалы, 1900 г., с. Кондинское, 1901 г.), фельдшер Николай Черепанов (с. Нахрачи, 1904 г.), лекарский ученик Федор Ефимович Вахтомин (с. Елизарово, 1904 г.).

Среди медицинских работников встречались и представители коренной национальности. Уроженец юрт Насиных Салтыковской волости Берёзовского округа Иван Григорьевич Назин окончил Омскую фельдшерскую школу, после чего с 15 марта 1858 г. приступил к исполнению обязанностей младшего лекарского ученика Берёзовской инородческой больницы, позднее

Рис. 4.100. Село Сартынья. Начало XX в.

⁵⁶² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 437. Д. 1123.

⁵⁶³ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 32. Д. 699. Л. 158 об., 159, 285.

⁵⁶⁴ Белобородов В.К. Тропинки к дому... С. 252.

переведён в Обдорск, в 1875 г. — в Тобольск, уволен в отставку в 1876 году⁵⁶⁵. Уроженец юрт Киняминых на р. Малый Юган Федор Осипович Сотворов, окончив в 1858 г. Омскую фельдшерскую школу, служил в Сургуте, позднее в с. Елизаровском, Ларьякском, Нижне-Лумпокольском⁵⁶⁶. Уроженец Кондинской волости Игнатий Сазонович Игленкин также получил образование в Омской фельдшерской школе, работал в Берёзове в качестве лекарского ученика⁵⁶⁷.

Первоначально лекарские ученики не имели соответствующего медицинского образования. Так, занимавший эту должность в г. Берёзове с 1845 г. Е. М. Кайдалов до этого много лет являлся копиистом, канцеляристом в Берёзовском духовном правлении⁵⁶⁸. Учреждённая в 1852 г. Омская фельдшерская школа отчасти решила эту проблему и дала немало своих воспитанников для медицинских учреждений Тобольского Севера. Среди них — представитель старинного казачьего рода, служивший в Сургутском уезде, Архип Георгиевич Козлов (1868–1910 гг.)⁵⁶⁹, а также вышеупомянутый Л. А. Кориков-Михайлов.

Подготовкой среднего медицинского персонала занималась и открытая 15 августа 1878 г. Тобольская ветеринарно-фельдшерская школа. В неё принимались ученики 15–16 лет, умеющие читать и писать по-русски, знавшие главные молитвы и 4 действия арифметики. Большинство учеников находилось на казенном содержании, бесплатно пользуясь пищей, одеждой, учебными пособиями. Среди них встречались выпускники школы при Кондинском монастыре, представители коренных национальностей. В программу обучения входили как общеобразовательные предметы (Закон Божий, русский и латинский языки, ботаника), так и специальные (фармация, фармакология, зоотомия, зоофизиология, экстерьер (наружный осмотр домашних животных) и др.). Практические занятия велись в кузнице, клинике и аптеке⁵⁷⁰.

Подготовка врачей осуществлялась в университетах Европейской России (в частности, в 1840-х гг. многие врачи являлись выпускниками Московской медико-хирургической академии — И. И. Лютиков, А. А. Алексеев; А. А. Корзун был выпускником Харьковского университета), а с конца XIX в. всё большую роль в обеспечении медицинских кадров региона играл Томский университет, который, например, закончил служивший в Обдорске и Сургуте В. Р. Поддьяков.

Учёт заболеваний на местах возлагался на духовенство. По поручению берёзовского окружного оспенного комитета благочинный требовал от причтов предоставления сведений о проживающих на территориях прихода «детях, в живые находящихся» по сравнению с материалами предыдущей ревизии⁵⁷¹, наблюдения «в отметках по метрическим книгам, какой младенец от какой оспы умер... какому младенцу, в каком селении или юртах, и каких лет

⁵⁶⁵ Белобородов В.К. Утечка // Подорожник: краеведческий альманах. Тюмень, 2005. Вып. 6. С. 126.

⁵⁶⁶ Там же. С. 129.

⁵⁶⁷ Белобородов В.К. Тропинки к дому... С. 244–245.

⁵⁶⁸ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 30. Д. 104. Л. 93 об-94.

⁵⁶⁹ См.: Белобородов В.К. Тропинки к дому. Русские Берёзовского края в конце XVIII — начале XX вв.: краеведческие заметки о былом и насущном. Тюмень, 2013. С. 179–180.

⁵⁷⁰ Извлечение из отчета по учебной части Тобольской ветеринарно-фельдшерской школы за 1878/9 учебный год // ТГВ. 1880. 16 февраля.

⁵⁷¹ ГАТ. Ф. И-706. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

Рис. 4.101. Операционная

привита оспа, и с каким успехом»⁵⁷². Настоятели приходов докладывали о характере эпидемии, сносились с городскими властями, предупреждая о появлении «повальных и заразительных болезней», составляли в двух экземплярах так называемый «оспенный реестр», который пересылали благочинному. Тот каждые полгода (в начале января и июня) сообщал данные во врачебную управу и оспенный комитет с тем, чтобы принять предупредительные меры по защите новорождённых от этой опасной инфекционной болезни, а оспопрививатели могли запастись достаточным количеством материала⁵⁷³. В 1882 г. берёзовский окружной оспенный комитет вновь предписал настоятелям церквей «каждомесячно доставлять в волостные и инородные правления списки о родившихся», а благочинным наблюдать за аккуратным исполнением этого требования⁵⁷⁴.

Случалось, что сообщения и рекомендации настоятелей церквей ускоряли процесс организации медицинских учреждений в отдаленных районах Тобольского Севера. Например, в 1892 г. ларьякский священник Н. А. Силин писал благочинному, что в середине февраля появилась болезнь, свирепствующая в самом селе: «Тут нет такого дома, где не

⁵⁷² ГАТ. Ф. И-707. Оп. 1. Д. 3. Л. 441 об.

⁵⁷³ ГАТ. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 77. Л. 91–91 об.

⁵⁷⁴ Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. I. Тюмень, 2007. С. 246.

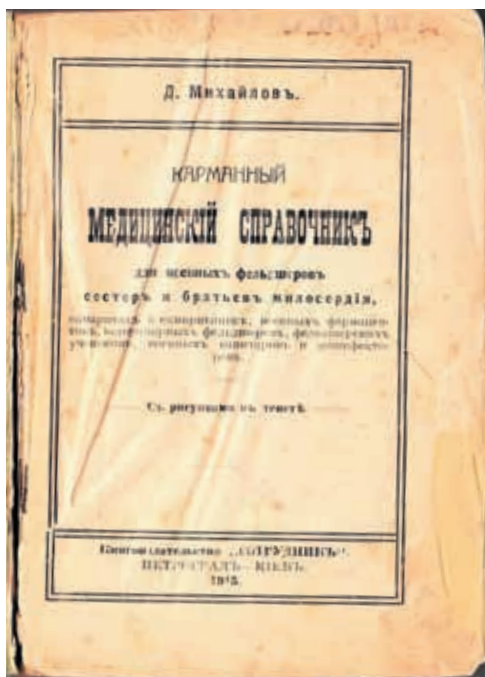

Рис. 4.102. Д. Михайлов. Карманный медицинский справочник

было всех или наполовину больных». Называются её симптомы: воспаление горла, сухой кашель, боль всей груди и т.д. Священник выражал опасение, что с наступлением тепла болезнь примет широкий размах, т.к. «болотистые местности не дадут сухого и свежего воздуха». Средств для действенной помощи больным в Ларьяке не имелось. Поэтому Н. А. Силин выражал надежду, что «Если бы остался фельдшер в селе, тогда можно было бы надеяться на некоторую помощь, а теперь только руками разведешь, со скорбью понимаешь головой и подумаешь: неужели люди тут в глуши не имеют права на медицинскую помощь? Едва ли так. Все это вынудило меня довести до сведения Вашего [сургутского благочинного], как члена комитета народного здравия... с покорнейшей просьбой к вам о благочинный обратить благосклонное внимание Сургутского Комитета народного здравия на выше изложенное может быть и наш голос о помощи из далекой глуши будет услышан...»⁵⁷⁵. Ранее, в отчёте за 1888 г. он высказывался по этому вопросу: «Удивительно, почему бы медицинскому ведомству не позаботиться о ваховской местности, где не раз уже повторялись случаи острых болезней. О прививках

же детям коровьей оспы в это полугодие и говорить нечего, о ней едва ли и совсем не забыли, не только в полугодие, но в течение даже целого года»⁵⁷⁶. Просьба не осталась без ответа. Окружным врачом в Ларьяк назначается лекарский ученик «для определения появившейся болезни», а вскоре здесь был открыт фельдшерский пункт.

3. Заболеваемость, профилактика болезни, лечебные практики

Распространение тех или иных заболеваний определялось несколькими факторами. Часть из них связана с природно-климатическими условиями региона, особенностями повседневной жизни и быта. Так, повсеместно встречались простудные и ревматоидные болезни, обусловленные сырым и холодным климатом. Заболевания, вызванные паразитами, были распространены по причине употребления сырой или недостаточно обработанной рыбы. Среди коренного населения часто встречались заболевания глаз из-за дыма, который выделялся открытым огнем при отоплении жилищ. Упоминаются также кожные болезни. Согласно ведомостям «о больных, пользовавшихся в Берёзовской инородческой больнице», среди заболеваний, указанных в соответствующей графе врачом, встречаются плевриты, воспаление легких, переломы, ревматизм, катар желудка, умственное расстройство, растя-

⁵⁷⁵ ГАТ. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 13. л. 96.

⁵⁷⁶ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. л. 75.

жение связок, цинга, водянка, бронхит, чахотка, инфлюэнца, опухоль, обморожение, воспаления глаз и суставов, экзема, сифилис, огнестрельные раны и др.⁵⁷⁷.

Распространению некоторых инфекционных заболеваний способствовали проезжающие через территорию края переселенцы. Холера впервые достигла Тобольского Севера в 1848 году. В с. Самарово она в этот год унесла две жертвы⁵⁷⁸. Очередная эпидемия в с. Самарово вспыхнула летом 1892 г. как результат следующего случая. 15 июля местная жительница крестьянская вдова А. Корепанова пришла на пароходную пристань, чтобы продать приготовленную ею жареную рыбу. Один из пассажиров брал рыбу в руки для проверки её свежести, но не купил. Вернувшись домой, А. Корепанова съела эту рыбу, после чего у неё начали проявляться симптомы холеры. Хотя сама крестьянка выздоровела, через неё заболевание распространилось на семью её брата, а затем и по всему селу, и на близлежащие населённые пункты. В результате только в Самарово умерло до 40 чел.⁵⁷⁹.

Первая эпидемия сифилиса, по свидетельству Ф. М. Белявского, была зафиксирована на Тобольском Севере в 1816–1817 гг.⁵⁸⁰ Периодически вспыхивали также эпидемии оспы, дифтерии (появляется в регионе в конце 1880-х гг.), скарлатины, тифа (в 1873 г. и 1885–1887 гг.), кори.

К болезням социальным следует отнести алкоголизм. Среди условий, которые негативно влияли на продолжительность жизни коренного населения, профессор А. И. Якобий называет употребление водки. Говоря об «угасании инородцев», он к причинам этого явления причисляет незаконную торговлю спиртным, «усиление кабацкого промысла» в волостях рядом с центрами такой торговли (Самарово, Малый Атлым и др.).

В популяризации медицинских знаний среди населения большую роль играли приходские священники Тобольского Севера. Они должны были заниматься распространением информации о том, какие предупредительные меры могут быть приняты против инфекций, а при необходимости, — и оказанием первичной медицинской помощи. Духовным отцам следовало вести просветительскую работу среди местного населения, «всемерно стараясь склонять прихожан к прививанию их детей..., внушая важные пользы оной, обнаруживая ужасы, происходящие от натуральной оспы»⁵⁸¹. В силу бытовавшего среди крестьян предубеждения оспу нужно было называть не «коровьей», а «предохранительной».

В «Тобольских епархиальных ведомостях», которые выписывались в каждом приходе, публиковались инструкции по борьбе с различными заразными заболеваниями. В одной из них предписывалось, чтобы «приходские священники, как люди просвещенные и пользующиеся доверием и уважением своих прихожан, при всяком удобном случае, руководствуясь “наставлением как предохранять детей от заболевания дифтеритом”, знакомили своих прихожан с мерами предохранения детей от заражения и способами первоначальной подачи пособия заболевшим и внушали доверие к деятельности врачей и тем мерам, какие будут ими предприняты для уничтожения заразы дезинфекциею»⁵⁸². В 1890 г. берёзовский благо-

⁵⁷⁷ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 56. Д. 9.

⁵⁷⁸ Лопарев ... С. 57.

⁵⁷⁹ См.: Кузнецов М. Село Самаровское // ТГВ. 1892. 26 сент. (№ 39). С. 17.

⁵⁸⁰ Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 133.

⁵⁸¹ ГАТ. Ф. И-707. Оп. 1. Д. 3. л. 441 об.

⁵⁸² О мерах к прекращению дифтерита // ТЕВ. 1885. № 20. Отдел неофиц. С. 461.

чинный предписал причтам принимать предохранительные меры при погребении умерших от дифтерита: убеждать прихожан, чтобы они не прикладывались и не прикасались к телам, приобщать к святым дарам больных дифтеритом детей особой лжицей из отдельных сосудов, отпевать в закрытых гробах, хоронить покойников как можно глубже (не менее 2,5 аршина) и др.⁵⁸³. Публиковались также предназначенные для духовенства инструкции по борьбе с сибирской язвой, холерой, рекомендации о сборе, хранении и употреблении лекарственных трав. Краткую характеристику роли первичной медицинской помощи в повседневной деятельности духовенства можно найти в отчете епархиального преосвященного за 1911 г.: «В меру собственных знаний (приобретенных не столько путём научно-теоретическим, сколько практически), духовенство не оставляет прихожан без советов врачебных, гигиенических, а в пристойных случаях и помогает лекарствами, более употребительные из которых (хина, йод, разные слабительные) имеются почти в каждом священническом доме»⁵⁸⁴.

При отсутствии или недостаточном развитии сети стационарных медицинских учреждений едва ли не основным методом борьбы с эпидемиями первоначально являлись командировки специалистов в очаги заболеваний.

Так, весной 1829 г. губернским властям стало известно от вернувшегося из поездки в Берёзов жандармского полковника, что «в Кондинске свирепствует в сильной степени оспа и венерические болезни, так что мало семейств которые не были заражены этими двумя болезнями». По распоряжению губернатора Тобольская врачебная управа отправила на север Курганского штаб-лекаря Яценко «как более опытного и имеющего обширные сведения», с тем, чтобы он, объехав «весь край, между Обдорском и Сургутом... старался бы прекратить между жителями болезнь». В помощь врачу были прикомандированы двое «знающих медицинскую часть здешней острожной больницы фельдшеров 2-го разряда Федора Воловенка и Михайла Самарина»⁵⁸⁵.

После организации больниц в места распространения эпидемических заболеваний могли командироваться их сотрудники. Так, в 1883 г. в дер. Кунинской и Тундринской Сургутского округа заболело оспой 25 чел., преимущественно детей, из которых 9 умерло. По решению сургутского врача туда был направлен младший лекарский ученик Бесперстов «до прекращения болезни»⁵⁸⁶. Кроме того, для организации карантина и для предотвращения дальнейшего распространения заболевания в устье р. Аган был направлен полицейский стражник.

Как показывают ведомости «о больных инородцах, пользовавшихся в Берёзовской инородческой больнице», большинство пациентов из числа коренного населения приходили в больницу сами, русскоязычные — по отношениям городского общественного или полицейского управлений⁵⁸⁷. Услугами больницы пользовались «инородцы» не только подгородной, но и Сосьвинской, Ляпинской, Куноватской волостей.

⁵⁸³ Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. I. Тюмень, 2007. С. 263.

⁵⁸⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2488. Л. 16.

⁵⁸⁵ РГИА. Ф. 1297. Оп. 124. Д. 204. Л. 1–5.

⁵⁸⁶ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 33. Д. 395. Л. 3.

⁵⁸⁷ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 56. Д. 9.

Среди методов лечения встречались ампутации поврежденных конечностей. Распространенными лекарственными средствами являлись хинин (против «лихорадок»), «капли Иноземцева» (при желудочно-кишечных заболеваниях), карболовая вода, бертолетова соль, скипидар, сера (дезинфицирующие средства), йод и др.; из вспомогательных средств имелись аравийская камедь (гуммиарабик), вата, мыло, одеколон и т.п. «Когда в начале 1890 года появился дифтерит, — писалось в корреспонденции из Сургута, — то врач отнесся к своему делу серьезно. Дом, в котором оказывался больной дифтеритом, тотчас же изолировался... Тут же в личном присутствии врача и полицейских чиновников производилась тщательная дезинфекция зараженных вещей, причем сжигались пуды серы, выливались ведра карболовой кислоты, скипидара и пр.»⁵⁸⁸.

Рис. 4.103. Дезинфекция дворника, соприкасавшегося с заразным больным

В сложных случаях больных направляли для лечения в Тобольск или даже в Европейскую Россию. Таких пациентов было отправлено в Тобольскую губернскую больницу за 1908–1910 гг. из Берёзовского уезда — 35, из Сургутского — 6⁵⁸⁹. При заболевании бешенством от укуса животного через Тобольскую больницу приказа общественного призрения могли послать в Самару, где с 1886 г. работала прививочная «пастеровская станция».

В «сентябрьской трети» (сентябрь–декабрь) 1846 г. в Берёзовской городской больнице содержалось 9 чел.: 6 казаков, 1 арестант, 2 поселенца (все мужчины)⁵⁹⁰.

По официальным данным, с 1 ноября 1861 г. по 1 ноября 1862 г. в Берёзовской больнице было принято 146 пациентов (в том числе 78 «инородцев»), из них умерло 7⁵⁹¹.

В 1869 г. в Берёзовской больнице состояло 175 чел. (в среднем ежедневно находилось по 11 чел.), из них умерло 12. В Сургутской больнице в этом же году состояло 65 чел. (в среднем 8 чел. в день), из которых умерло 9⁵⁹².

О численности находившихся на излечении в стационаре в последующие годы больных можно привести следующие данные:

⁵⁸⁸ Сибирский листок: 1890–1894 ... С. 113.

⁵⁸⁹ Труды первого губернского съезда сельских врачей... С. 43.

⁵⁹⁰ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 31. Д. 93. Л. 3.

⁵⁹¹ А. И-в. Из Берёзова // ТГВ. 1863. 5 окт. (№ 40). С. 335.

⁵⁹² Из отчета Тобольского приказа общественного призрения в прошлом 1869 году // ТГВ. 1870. 18 апр. (№ 16). С. 75.

Берёзовская инородческая больница:

- в 1887 г. содержался 21 чел., из них умерло 5;
- в 1895 г. содержалось 195 чел. (134 с оплатой, 61 без);
- в 1901 г. — 102 чел. (73 муж. и 29 жен.), из которых выздоровело 93 (68 муж. 25 жен.), умерло 13 (10 муж. 3 жен.).

Сургутская инородческая больница:

- в 1887 г. содержалось 36 чел., из них умерло 2;
- в 1895 г. содержалось 33 чел.;
- в 1901 г. — 22 чел. (14 с оплатой, 8 без, женщин — 6), из которых выздоровело 14 и умерло 2⁵⁹³.

Согласно сведениям за 1901 г. по Сургутской инородческой больнице, пациентов ежемесячно поступало не очень много: 1–3, в редких случаях (декабрь) — до 5 чел. Одновременно на лечении находилось не более 5 чел. Причем женщины в основном лечились на дому, не обращаясь к врачам⁵⁹⁴. Общее же число посещений по всем больницам и фельдшерским пунктам Берёзовского и Сургутского уездов в начале XX в. составляло около 1 тыс. в год.

В 1910 г. медпунктами Самаровского участка (больница и два фельдшерских пункта) было принято 3664 амбулаторных больных, коечных больных в стационаре было 23 (в больнице провели 162 дня)⁵⁹⁵.

Оспопрививание практиковалось фельдшерами (лекарскими учениками) и не превышало в конце XIX в. несколько десятков человек в год по всему Тобольскому Северу.

Следует указать на весьма разноречивые суждения современников об оказании медицинской помощи на Тобольском Севере. Прежде всего нарекания вызывали личные качества некоторых работников здравоохранения. Вот как об этом пишет Н. Н. Подревский (сведения относятся к лету 1892 г.): «Дорогой мы достаточно насмотрелись на положение инородцев, одолеваемых разными болезнями, и из рассказов их вывели заключение, что не для них существует в Берёзовском округе медицинский персонал. “Берёзов больница попал — пропал“, — говорят остяки... Положим, врач иногда объезжает округ, но делает это главным образом для собственной пользы и удовольствия, в видах гигиены и развлечения. В помощи же он обыкновенно отказывает за неимением времени и лекарств. Во всех юртах, в которых нам пришлось быть, оспа оказалась не привитой не только у самых маленьких детей, но даже у детей 6–8 лет... Сифилис, воспаление глаз и прочие болезни свирепствуют среди остяков и губят этих несчастных»⁵⁹⁶.

Крайне негативно о среднем медицинском персонале Сургутского округа высказывался И. Я. Неклепаев: «Но если фельдшера и в России представляют элемент крайне сомнительный, то о сургутских и говорить нечего. Огромное большинство их, по крайней мере при

⁵⁹³ Календарь Тобольской губернии на 1889 год. Тобольск, 1889. С. 171; РГИА. Ф. 1287. Оп. 19 Д. 1921. Л. 11–11 об, 13; ГАТ. Ф. И-152. Оп. 47. Д. 211. Л. 6 об, 18.

⁵⁹⁴ ГАТ. Ф. И-152. Оп. 56. Д. 21. Л. 32, 41, 46, 54, 70, 73 об-74.

⁵⁹⁵ Труды первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии (20 января — 4 февраля 1911 г.). Тобольск, 1913. С. 54.

⁵⁹⁶ Поездка на Северный Урал летом 1892 года: Составил по дневникам гг. Сыромятникова и Андреева Н. Подревский. Тюмень, 2004. С. 33–34.

мне (1885–1891 гг.), кажется, ровно ничего не знает, кроме как ставить клистиры и “пускать” кровь»⁵⁹⁷.

О непопулярности больницы среди местных жителей упоминает ещё один ссыльный — С. П. Швецов: «больных в ней почти никогда не бывает, так как горожане предпочитают лечиться у разных знахарей, остяцких шаманов и проч. Из округа же иногда лежат в ней остяки, преимущественно страдающие сифилисом, но и они попадают сюда не по собственному желанию, а только вследствие особых распоряжений местной власти, случайно натолкнувшейся на больного инородца»⁵⁹⁸. Следствием низкого уровня организации медицинской помощи стали болезнь и смерть одного из политических ссыльных в Сургуте в 1887 г. и последовавшие за этим протесты⁵⁹⁹.

Объективную сложность и недостаточную результативность работы разъездных врачей на Тобольском Севере отмечал, опираясь и на свой личный опыт, В. Е. Клячкин: «вряд ли окружной врач в состоянии хоть раз в год объехать свой громаднейший участок. Осенью и весной туда не попадешь, зимою не всегда остяков дома найдешь. Да и какая польза в разъездах? Приедешь в юрту, найдешь, положим, больного; остаться врачу у больного до выздоровления невозможно, отправить его в больницу — трудно. Дашь лекарства, совет и уезжаешь с тем, чтобы более не видеть»⁶⁰⁰.

Критика звучала и в адрес среднего медицинского персонала. «Фельдшер [с. Елизарово] тоже не может похвастать своей аптекой. Когда в неё заходишь, первое, что поражает, это масса бутылочек, баночек, коробочек с ярлычками, на которых написаны латинские надписи... совершенно пустых... Хирургические инструменты старые. Сломана такая вещь, как зубные щипцы», — писал один из корреспондентов либерального тобольского издания «Сибирский листок»⁶⁰¹.

Рис. 4.104. Книга «Поездка на Северный Урал летом 1892 года»

⁵⁹⁷ Тобольский Север глазами политических ссыльных.... С. 307.

⁵⁹⁸ Швецов С. П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север... С. 44.

⁵⁹⁹ Подробнее см.: Рощевская Л. П. «Сургутская история» (Волнения политических ссыльных 80-х годов XIX века в Западной Сибири) // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1977. С. 48–82; Милевский О. А. Анатомия протестов политических ссыльных Западной Сибири в 1880-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 654–672.

⁶⁰⁰ Клячкин В. Е. Мысли о страшном народном недуге // ТГВ. 1897. Неофиц. часть. С. 370.

⁶⁰¹ Сибирский листок: 1908–1911. ... С. 499.

Однако встречались и примеры самоотверженной помощи медиков страждущим. Вот как характеризует действия фельдшера с. Самарово Семена Михайловича Шульгина во время эпидемии холеры 1892 г. один из местных жителей: «этот молодой человек в борьбе с холерой, поистине, оказывал чудеса храбрости. Не располагая почти никаким запасом противохолерных средств, этот юноша день и ночь не ходил, а бегал по холерным домам, оказывая заболевшим пособия разными простыми средствами, в виде втирания спиртом, различных припарок, приема внутрь дегтя и т. п.»⁶⁰². С. М. Шульгин продолжал работать фельдшером в с. Самарово и в последующие годы, с 1901 г. — фельдшер в с. Нахрачи Кондинской волости.

Высокой оценки заслужил упоминаемый выше врач А. Я. Штернберг. «Вообще будучи, по мнению большинства, очень искусным и добросовестным врачом, г. Штернберг представлял из себя деятельную интеллигентную силу», — писал о нем «Сибирский листок»⁶⁰³. При отъезде И. И. Зальмунина на другое место службы жители подготовили и вручили ему благодарственное письмо⁶⁰⁴. В другой корреспонденции сообщалось: «Приобдорские остяки у нас прекрасно помнят ласковых и добрых к ним докторов. Таковыми в Обдорске были г. [Г. Г.] Нейберт и нынешний берёзовский врач г. [И. Г.] Зальмунин»⁶⁰⁵.

Недостаточно развитая система медицинского обслуживания жителей Югры способствовала популярности народной медицины как у русского, так и у коренного населения.

По сведениям ссыльного И. Я. Неклепаева, у сургутян лечением «обыкновенно занимаются старухи лекарки, которые и лечат потом безвозмездно или за самое скромное вознаграждение — “чем поблагодарят” — всех обращающихся за их помощью больных»⁶⁰⁶. Он же упоминал, что «к врачу или фельдшеру сургутяне обращаются редко, с большой неохотой и только в тех случаях, когда переберут все свои домашние средства, и последние окажутся бессильными побороть болезнь. А в деревнях и селах, где, как мы видели, нет никакой медицинской помощи, кроме жалких оспопрививателей, и поневоле приходится прибегать только к доморощенным лекарям и лекаркам (последних здесь больше) и лечиться “своими средствами”»⁶⁰⁷. В Самарово, как, вероятно, и в других русских селениях, встречались заговорщики крови, зубной боли⁶⁰⁸.

Среди методов народной медицины, распространённых среди русского населения края, называются прогревание в черной бане от «лихорадки», употребление настоя полыни, сока из тертой редьки, настоянной на водке медвежьей желчи. От ревматизма применялись горячие ванны с большим количеством заваренных в ней муравьев, или же из хвои, или кислой квасной гущи; от кожных заболеваний («коросты») — деготь или мазь из сметаны и медного купороса, от нарывов — рубленную морковь, от порезов — лист подорожника или толчёный уголь, для заживления ран — медвежье сало, от изжоги — мыло, при болях в животе — раствор нашатыря в воде или молоке и т. п. Один из способов упоминает польская ссыльная Е. Фелин-

⁶⁰² Кузнецов М. Село Самаровское // ТГВ. 1892. 26 сент. (№ 39). С. 17.

⁶⁰³ Цит. по: Белобородов В.К. Обитаемое... С. 122.

⁶⁰⁴ Белобородов В.К. Тропинки к дому... С. 243.

⁶⁰⁵ Цит. по: Белобородов В.К. Тропинки к дому... С. 267.

⁶⁰⁶ Неклепаев И. Я. Народная медицина в Сургутском крае // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 309.

⁶⁰⁷ Там же.

⁶⁰⁸ Лопарев Х. М. Самарово... С. 148.

ская: «жители Берёзова уверены, что сырая рыба лечит от множества болезней, и как только больной обнаруживает у себя хроническую болезнь, которая не поддается лекарствам и времени, его увозят с собой на рыбный промысел, кормят исключительно свежей рыбой, и часто он возвращается совершенно здоровым»⁶⁰⁹. Свои наблюдения на этот счёт оставил и губернский агроном Н. Л. Скалозубов: «Лиственничная губа у русских находит применение при лечении животных как очищающее средство; ломоть хлеба, обильно посыпанный крошками этого гриба, действует слабительно, помогает также скорейшему очищению после родов (выхождению последа). Чага с березы превращается в порошок и прибавляется к нюхательному табаку, чтобы голова не болела»⁶¹⁰.

Рис. 4.105. И. Я. Неклепаев

Физико-химическое воздействие на организм больного сопровождалось, как правило, влиянием психологическим за счёт произнесения заговоров, выполнения обрядовых действий, использования амулетов. Например, практиковалось окуривание помещения щепой с разбитого молнией дерева, при боли в пояснице носили на поясе медвежий зуб, клали под подушку апокрифическую рукопись «сон Пресвятой Богородицы». Распространены были представления о «сглазе» или «порче» детей и взрослых, запреты больным смотреться в зеркало, причёсывать волосы и стричь ногти и др. Некоторые методы следует признать не имеющими терапевтического эффекта, а обусловленными скорее суевериями. Так, при укусе собаки следовало выстричь у этой собаки клочок шерсти, сжечь и приложить золу к месту укуса. От переломов якобы помогала «старая медь», которую получали, соскабливая окислы с медных монет и смешивая порошок с водой. Настой следовало пить: «Говорят, как выпьешь меди, то сразу почувствуешь, что она начинает ходить по телу, отыскивая больное место. Ударится туда, сюда и, как только дойдет до излома, сразу остановится»⁶¹¹.

Ещё об одном примечательном случае сообщалось в корреспонденции из с. Цингалы, помещённой на страницах «Тобольских губернских ведомостей». В дер. Тюлинскую, где свирепствовала холера, приехал «видавший виды» отставной солдат, предложивший жителям свои услуги в борьбе с болезнью за 50 руб. Измученные эпидемией крестьяне согласились, после чего «изводитель холеры» стал ходить по домам, чертить на них у входа мелом кресты. «Вечером он заявил крестьянам, что холера — птица и от испуга сидит теперь в бане». Птица, похожая на чайку, была поймана и торжественно утоплена, после чего отставной солдат получил обещанное вознаграждение⁶¹².

Таким образом, в народной медицине можно было видеть причудливое сочетание векового опыта наблюдения за природой и суеверий. Разумеется, эффективность такого лечения

⁶⁰⁹ Отрывки из дневника Эвы Фелиньской, который она писала в Берёзове // Подорожник: краеведческий альманах. Тюмень, 2005. Вып. 6. С. 84.

⁶¹⁰ Скалозубов Н. Л. Дневник // Тобольский север глазами... С. 378.

⁶¹¹ Неклепаев И. Я. ... С. 320.

⁶¹² См.: М. Б. Село Цингалинское // ТГВ. 1893. 7 апр. (№ 14). С. 213.

Рис. 4.106. К. А. Савицкий. С нечистым знается. 1879 г.
(Фонды Государственной Третьяковской галереи)

была очень ограничена, распространяясь лишь на отдельные виды заболеваний.

В целом сеть медицинских учреждений на Тобольском Севере оставалась недостаточно развитой, хотя с формальной точки зрения всё обстояло благополучно в сравнении с общей ситуацией в регионе. Так, если в Тобольской губернии на одного врача приходилось к 1908 г. 39 110 жителей⁶¹³, на севере губернии эта цифра была меньше, по крайней мере, в два-три раза. Однако низкая плотность населения, его рассредоточение по небольшим юртам на огромном пространстве не позволяли обеспечивать регулярное врачебное наблюдение за здоровьем местных жителей. Медицинских работников для такого обширного региона, как Тобольский Север, было явно недостаточно. Наблюдался кадровый дефицит не только врачей, но и среднего медицинского персонала, особенно в сельской местности. «В селе... существует фельдшерский пункт, — писал в 1910 г. в одной из корреспонденций из с. Ларьяк местный учитель, краевед Г. М. Дмитриев-Садовников, — остающийся целыми годами незанятым»⁶¹⁴. К тому же квалификация значительной

части среднего и низшего медперсонала была невысокой, врачебные должности на долгое время оказывались вакантными. Отсутствовали специалисты узкого профиля, прежде всего, педиатры. Научные приёмы борьбы с заболеваниями внедрялись очень медленно. Так, за сто лет оспопрививание, с которого и началось основанное на современной науке массовое медицинское обслуживание населения, так и не стало повсеместно признанным и распространённым методом профилактики, что вынужден был констатировать 1-й Тобольский губернский съезд сельских врачей, состоявшийся в 1911 году⁶¹⁵. В традиционном обществе с его натуральным или полунатуральным хозяйством, господством передававшегося из поколения в поколение мировоззрения различного рода новации, в том числе, касающиеся медицины, приживались медленно. По справедливому замечанию В. Я. Темплинга, в традиционном мире коренного населения «врачу, фигуре из другой, западно-европейской культуры, еще предстояло занять свое место»⁶¹⁶.

⁶¹³ Труды первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии (20 января — 4 февраля 1911 г.). Тобольск, 1913. С. 10.

⁶¹⁴ Сибирский листок: 1908–1911 / Сост. В. К. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень, 2003. С. 280.

⁶¹⁵ Труды первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии ... С. 33.

⁶¹⁶ Темплинг В. Я. Здравоохранение на крайнем севере Тобольской... С. 137.

Рис. 4.107. В. Е. Маковский. У доктора. 1900 г.

Подводя итог, нельзя не отметить, что в сфере культуры, образования и здравоохранения в рассматриваемый период на территории Югры произошли разительные изменения.

Зародившись в начале XIX века, пройдя через невнимание со стороны власти, недоверие русских старожилов, непонимание аборигенов — школы края в течение второй половины XIX — начала XX вв. превратились в реально значимый фактор культурной жизни. Процесс школьного строительства постепенно принял необратимый и поступательный характер. С течением времени в народном образовании происходили не только количественные, но и качественные изменения. Понадобилось немало времени и сил для того, чтобы сформировать сеть учебных заведений, упорядочить учебно-воспитательный процесс. Однако лишь со второй половины 1880-х гг. можно говорить о складывании учебных заведений края в цельную взаимосвязанную систему, которая быстро развивалась вплоть до начала революционных потрясений. Два основных типа учебных заведений того времени — светские (МНП) и церковные, несмотря на различия в административной подчинённости, имели много общего в программе и методике обучения, составе педагогических кадров. Организация учебного процесса и учебно-методическое обеспечение школ постепенно достигли высокого уровня, который позволил давать детям необходимый минимум знаний в объёме начальной школы. Не вызывало особых проблем снабжение учебниками, дополнительной литературой, наглядными пособиями и различного рода оборудованием. Постепенно со-

вершенствовались формы и методы обучения. Встречавшиеся трудности носили объективный характер и были обусловлены особенностями заселения, социально-экономического развития региона.

Меценаты вносили свой посильный вклад в становление начальных учебных заведений — оказывали помощь в постройке зданий, выделяли разовые субсидии на различные нужды. В дальнейшем регулярное финансирование осуществлялось преимущественно государством при поддержке местных городских и сельских обществ. Существенные сдвиги происходят в деле материального и морального поощрения и стимулирования учителей. Особенно заметная позитивная динамика наблюдается в первые годы XX века. Лишь военные и революционные потрясения временно приостановили успешное развитие школьной сети.

Школы края внесли посильную лепту в распространение просвещения, укрепление местного населения в православной вере. Наиболее плодотворной оказалась деятельность крупных учебных заведений, располагавшихся в Сургуте, Берёзове, Самарово, где общими усилиями учителей, самоуправления, общественности удалось добиться того, что школы стали здесь постоянно действующими учреждениями, которым не грозило закрытие из-за нехватки средств или педагогов. В крупных населённых пунктах края практически любой ребёнок мог пойти при желании в школу и получить необходимый минимум знаний. Постепенно формируется костяк педагогических кадров из числа учителей, получивших специальное образование. Важность и нужность получения элементарных навыков чтения, письма, арифметики вполне осознаётся и одобряется русским населением. В то же время вовлечение в образовательный процесс коренных жителей шло медленными темпами.

Позитивная динамика роста грамотности, распространения различных форм просвещения, говорит о том, что, по инициативе государственной власти, опираясь на стабильное и постоянно растущее финансирование, при широкой поддержке снизу, возможно было успешно решать стоявшие перед страной важные культурно-просветительские задачи, связанные с модернизацией страны, без серьёзных политических катаклизмов и насилия.

Начало XX в. также характеризуется возрастающей общественной активностью жителей Югры. В это время начинают формироваться определенные формы культурного досуга северян, обусловленные выросшим уровнем их образования, усилиями Русской православной церкви и государственной власти.

В условиях отсутствия или крайней малочисленности светской интеллигенции духовенству приходилось не только выполнять обязанности, связанные с окормлением верующих, поддержанием храмов, организацией приходской жизни, но и брать на себя дополнительные функции, среди которых следует выделить миссию по распространению просвещения среди ханты, манси, ненцев, русских крестьян и торговцев. В то же время бесспорным является факт, что в течение XIX — начала XX вв. ведущим становится принцип осознанного и добровольного принятия христианства коренным населением края. Налаживается целенаправленная, систематическая миссионерская работа, частью которой являлось устройство школ, библиотек, изучение культуры, языков коренного населения. Были сделаны первые переводы на хантыйский и мансийский языки богослужебных и евангельских текстов. Миссионеры, преодолевая в течение нескольких недель более тысячи вёрст на оленях, лошадях или лодках, объезжали кочевья прихожан и проповедовали Евангелие, утверждая новокрещёных в вере и правилах христианской жизни, исправляли обряды, обучали детей грамоте.

Образы Югорского края, запечатлённые в художественной литературе, прошли длительную эволюцию. Постепенно нарастал процесс их освобождения от иных областей знания об отдалённых территориях. Поэтому эпизодические и ситуативные литературные компоненты, которые присутствовали на периферии историко-этнографических и географических трудов, постепенно приобрели самостоятельное значение. Авторская позиция относительно Югры во многом была обусловлена культурными веяниями и стереотипами, господствующими в обществе. Образы Югры, так же, как и других территорий, соотносились с историческим прошлым и европейскими цивилизационными образцами. «Литература всего XIX в. была пронизана историческими образами и метафорами. XIX в. — период взлёта исторической мысли, когда история рассматривалась как ответ на многие, если не на все вопросы современности» — замечает современный исследователь⁶¹⁷. Процессы эмансипации литературных образов от внешних субъективных воздействий окончательно так и не были завершены. Тем не менее, написание художественных произведений о Югре и её жителях постепенно переходило к профессиональным литераторам. Литература о Югре, создаваемая их усилиями, представала в различных жанрах: поэзия, дорожный очерк и этнографическая беллетристика. На протяжении XIX и начала XX вв. в местном литературном процессе также происходили трансформации и взаимное переплетение различных направлений: от классицизма и сентиментализма, до романтизма и критического реализма.

Нельзя и недооценивать успехи современной медицины в регионе. В этот период было положено начало созданию сети медицинских учреждений как в городах, так и на селе. При всех недостатках вакцинации того времени к началу XX в. снижается роль эпидемии оспы как важного фактора смертности местного населения. Некоторые врачи, фельдшеры показывали примеры самоотверженного труда в борьбе с эпидемическими заболеваниями в каждодневной нелёгкой борьбе за здоровье югорчан.

⁶¹⁷ Тихонов В. В. История России в поэзии И. С. Никитина // История и художественная литература. М., 2018. С. 13.

Часть 5

**Югра в социальных
и политических
процессах в России
в 1900–1917 гг.**

На пороге XX столетия Тобольский север оставался обширной российской территорией, где суровые природно-климатические условия, слаборазвитая инфраструктура, инородческое население с его традиционным хозяйственным укладом определяли специфику правительственного курса по управлению этим регионом. Удалённость от Европейских районов империи сглаживала отголоски крупных внутри- и внешнеполитических событий, которые переживала страна. Тем не менее, наступавшая эпоха стремительной политической и экономической модернизации государства вовлекала и Югорские земли в стремительный водоворот событий. Реформаторские эксперименты правительства, активизация общественного движения, масштабные потрясения русско-японской и Первой мировой войн неминуемо изменяли управленческую практику, отражаясь на повседневной жизни местного населения. Во многом будущее Югры в этот сложный и драматичный для страны период определялось не только в петербургских кабинетах, но и на местах, через ответственные решения губернского руководства, принципиальную позицию общественных представителей, а также посредством постоянного поиска оптимальной модели взаимоотношений власти и общества.

Глава 1

Тобольский север и его административное устройство в начале XX в.

1. Система органов государственной власти и общественного управления

Югорская земля встретила XX столетие в составе Тобольской губернии — третьего по размеру территории региона в Российской империи (после Енисейской губернии и Якутской области). Югра преимущественно занимала пространства северных уездов — Берёзовского и Сургутского, которые составляли почти 2/3 площади губернии. В целом административно-территориальное развитие Тобольской губернии, вслед за другими сибирскими регионами, базировалось как на общеимперских основаниях, так и на специальных нормативных актах, учитывавших местную этносоциальную и хозяйственно-экономическую специфику.

Одним из существенных факторов, объяснявших выбор управленческого порядка, а также общественно-политическую атмосферу в губернии было наличие значительного контингента ссыльных. Это обуславливало размещение в губернии соответствующей инфраструктуры и бюрократического аппарата, обеспечивавших работу институтов исполнения наказаний. В начале XX столетия правительство пошло на пересмотр традиционного взгляда на ссылку как на универсальный вид наказания. По указу 12 июня 1900 г. ссылка в Сибирь за общеуголовные преступления была отменена¹. Впрочем, ссылка на поселения за государственные и религиозные преступления, а также ссылка после каторги и административная ссылка были сохранены. Самодержавие полагало, что объёмы ссыльных будут снижаться. Однако события Первой русской революции вновь подняли актуальность ссылки. Это наказание стало широко применяться для репрессий по отношению к участникам антиправительственных выступлений.

Наряду с этим специфику этносоциального портрета Тобольского Севера определяло инородческое население. Данный фактор неизбежно учитывался при разработке любых правительственных мероприятий. В начале XX в. на территории губернии проживали представители 60 различных народностей. Несмотря на значительную площадь территории, губерния имела крайне малую плотность населения — около 1,4 чел. на кв. версту. Данная

¹ Именной указ «Об отмене ссылки на житие и ограничении ссылки на поселение по суду и приговорам общественным». 12 июня 1900 г. //ПСЗ III. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18839.

ситуация в значительной степени объяснялась практически полной неосвоенностью Берёзовского и Сургутского уездов, на которые приходилась большая часть территории губернии. Население этих районов в большинстве своем вело кочевой и полуседлый образ хозяйства. Власти имели весьма смутное представление о составе этих народов: «на практике до сего времени еще не выработано никакого критерия, который мог бы быть положен в основу того или иного подразделения инородцев. Обыкновенно, деление инородцев зависит от личного благоусмотрения и понятия того или иного лица. Этим и объясняется, что в официальных обзорах и отчетах инородцев делят на оседлых, кочевых и бродячих»².

Правительство всегда с большим вниманием относилось к общественному и экономическому обустройству инородцев. Еще с XIX столетия был взят уверенный курс на их постепенную интеграцию в единое имперское культурно-правовое пространство. С 1898 г. в губернии действовало положение «О видах на жительство для инородцев», которое устанавливало порядок определения места их постоянного проживания и обязывало при отлучке получать паспорт. Центральной политической линией в отношении оседлых инородцев стало усиление полицейской опеки³.

В том же ключе проводилась и землеустроительная политика. Её генеральной задачей был перевод кочевников на оседлое состояние и их обложение наряду с крестьянами поземельными податями. С этой целью в конце XIX в. был принят ряд соответствующих законода-

Рис. 5.1. Переселенческая столовая. Начало XX в.

² Памятная книжка Тобольской губернии на 1907 год. Тобольск, 1907. С. 20–25.

³ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII-начало XX века). М., 2019. С. 598–599.

Рис. 5.2. Открытка с видами Великой Сибирской железной дороги. Начало XX в.

тельных актов о поземельном устройстве, касающийся инородцев. После 1906 г., когда в результате столыпинских преобразований усилился поток переселенцев, губернские власти приступили к форсированному переводу инородцев на оседлость. Органичным дополнением политики правовой ассимиляции стала реформа общественного управления и суда в Тобольском и Туринском уездах. С 1 января 1911 г. для их жителей инородческих волостей и сельских обществ устанавливался порядок управления суда по Общему положению о крестьянах 1861 г. Все кочевники переводились на оседлость. Вместо ясачного сбора вводился государственный оброк в соответствии с окладами соседних крестьянских обществ⁴.

При этом существенными факторами, открывавшими перспективы освоения края, было строительство Транссибирской магистрали и переселенческое движение. Те города Тобольской губернии, которые оказались вдоль Великого Сибирского пути или находились вблизи её экономического воздействия, получили новый импульс к общественному и хозяйственному развитию. Например, старые города на юге губернии — Курган и Тюмень стали быстро менять свой провинциальный купеческий облик, становясь заметными региональными промышленными центрами. В то же время Тобольск, Берёзов, Сургут, да и в целом Югорская часть губернии, оказавшись в стороне от перспективной транспортной артерии страны, шли другими темпами своего социально-экономического развития⁵.

С 1882 г., когда было расформировано Западно-Сибирское генерал-губернаторство, Тобольская губерния стала подчиняться непосредственно столице, а структура её губернской и уездной администрации стала аналогичной Европейской России. Правительство стреми-

⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII-начало XX века). М., 2019. С. 601.

⁵ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968. С. 197–198.

Рис. 5.3. Железнодорожный мост возле г. Курган

лось придерживаться линии на унификацию сибирского управления, сближая его с общероссийским. Однако при этом осознавалась необходимость учёта сибирской специфики. Многие положения Великих реформ пришли в Сибирь с большим запозданием. Длительное время в высших петербургских кабинетах существовало влиятельное консервативное лобби, считавшее, что сибирское общество и хозяйство не готовы к восприятию пореформенных новаций⁶. Например, Судебные уставы 1864 г. стали внедряться только в 1897 г., и то в усечённом виде, а земства

появились лишь при Временном правительстве. Заявляла о себе необходимость реформы системы ссылки, которая препятствовала социально-экономическому освоению края. В регионе не хватало учреждений образования, здравоохранения, объектов отправления христианского культа и др. Вопросы институционального оформления такой специфики были предметом постоянного внимания центральных властей.

Следует отметить, что правительство неоднократно пыталось модернизировать систему местного управления в соответствии с менявшимися реалиями политической и социально-экономической обстановки. Более того, первые попытки в этом направлении были связаны именно с Сибирским регионом. Достаточно вспомнить М. М. Сперанского, который в 1822 г. разработал для него специальное административное устройство. Однако вплоть до начала эпохи Великих реформ этот вопрос так и не получил глубокой проработки на правительственном уровне. Весной 1895 г. в МВД П. М. Кошкиным был подготовлен проект объединения в Сибири всех учреждений ведомства в один административный орган. В апреле 1895 г. проект Кошкина обсуждался в соединённых Департаментах Законов, Государственной экономии, Гражданских и духовных дел Государственного совета. В итоге, 25 мая Государственный совет высказался за учреждение в каждой из сибирских губерний губернского управления в качестве центрального органа местной власти. 1 июня 1895 г. данный законопроект получил высочайшее утверждение. Причем правительственная дискуссия о механизмах реализации такого плана поставила вопрос о консолидации коллегиальных элементов в одном органе в масштабах всей страны⁷.

Теперь в Тобольской губернии вместо губернского совета с состоящими при нём канцелярией общего губернского управления, строительным отделением, губернскими присут-

⁶ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX-начала XX веков. Омск, 1997. С. 162–168.

⁷ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX-начала XX веков. Омск, 1997. С. 193–194.

ствиями по городским делам и воинской повинности, губернским правлением с канцелярией, экспедицией о ссыльных, губернской типографией и архивом, приказом общественного призрения, врачебной управой, а также комитетами оспенным и общественного здоровья учреждался новый орган — губернское управление⁸. Оно состояло из губернатора, общего присутствия и канцелярии. В общее присутствие входили: губернатор (председатель), вице-губернатор, управляющий казённой палатой, управляющий казёнными имуществами, председатель губернского суда,

Рис. 5.4. Тобольск. Вид на Кремль

губернский прокурор, непременный член по крестьянским делам, советники, губернский тюремный инспектор и его помощник, губернский врачебный инспектор, губернский ветеринар, губернский инженер и губернский архитектор. Каждый из перечисленных должностных лиц должен был участвовать в заседаниях губернского управления по предметам своей компетенции. Вице-губернатор принимал участие в заседаниях по всем вопросам.

В Тобольской губернии губернское управление включало следующие отделения: 1-е (инспекторское), 2-е (судное), 3-е (бухгалтерской отчетности), по крестьянским делам, строительное, врачебное, ветеринарное, тюремное и межевое. При управлении также состояли журналист, архивариус, экзекутор (он же казначей) и губернская типография. Для обсуждения специальных вопросов научного и технического характера в области строительства и здравоохранения могли формироваться Совещательные присутствия. Кроме того, губернатор мог назначить советников Губернского управления ответственными за производство дел и докладчиками по вопросам воинской повинности, земских повинностей, взаимного страхования, общественного призрения и городского общественного управления.

В законе прописывалась определённая внутригубернская должностная иерархия. Так, при отсутствии губернатора (при кадровых перестановках, болезни или командировке) его должность замещал вице-губернатор. Если последний не мог вступить в должность, обязанности возлагались на управляющего казённой палатой. Далее полномочия главы администрации переходили к управляющему государственными имуществами⁹.

⁸ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета 1 июня 1895 г. «О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об утверждении штата означенных установлений //ПСЗ III. Т. 15. СПб., 1899. № 11757. С. 358.

⁹ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета 1 июня 1895 г. «О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об утверждении штата означенных установлений //ПСЗ III. Т. 15. СПб., 1899. № 11757. С. 360.

Впрочем, губернское управление как новый орган власти не смогло вобрать в себя те функции, о которых мечтали реформаторы. Так, управляющие казённой палатой, палатой государственных имуществ и председатель окружного суда не вошли в его состав на постоянной основе. Поэтому оно не стало объединяющей институцией на местах.

В начале XX столетия необходимость комплексных изменений в губернской модели управления со всей очевидностью назрела в общеимперском масштабе. После обнародования манифеста 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» началась разработка положений будущей реформы. Не случайно при подготовке в 1903 г. в МВД проекта соответствующих преобразований был затронут вопрос о функциональной малоэффективности губернских управлений в Сибири. Проектируемые тогда губернские советы предполагались как межведомственные подспорья губернаторов, не ограничивавшие их власть коллегиальным контролем. Очевидно, что в данном проекте отразилось стремление МВД усилить своё влияние на местах и фактически поставить по контроль органы других ведомств¹⁰.

Вместе с тем, предметом правительственных согласований был и вопрос о модернизации административно-территориального подчинения. В начале XX в. всерьёз обсуждался вопрос о возвращении к формуле «одна территория» — «один генерал-губернатор», которую практиковали в начале XIX столетия. В частности, эту идею активно продвигал иркутский генерал-губернатор П. И. Кутайсов, которому удалось заинтересовать этим вопросом тогдашнего главу МВД В. К. Плеве. «На Сибирь следует смотреть, как на однородную величину. Что она велика по пространству, это еще ничего не доказывает — у всех ее жителей интересы более или менее однородны, а, следовательно, и управление должно быть применено к этому»¹¹, — рассуждал Кутайсов.

Впрочем, поддерживая идею создания единого Сибирского генерал-губернаторства, Плеве преследовал вполне практические цели. В отдалённых регионах было немало проблем с переселенческим движением и положением ссыльных. Невозможность переложить дела на отсутствовавшие там земства и постоянные трения между ведомствами затрудняли размещение новых поселенцев. Власть не справлялась и с вопросами обустройства ссыльных, число которых не на много сократилось после закона 1900 г. Сам Плеве, побывавший в 1903 г. в Западной Сибири, был не удовлетворён состоянием органов местной власти¹². Кроме того, это была возможность провести реформу, усилив полномочия МВД по отношению к региональной власти. С началом Русско-японской войны Кутайсов попытался форсировать вопрос единого генерал-губернаторства. Однако гибель Плеве остановила дальнейшую разработку этого вопроса.

Судебная реформа 13 мая 1896 г. была проведена в губернии в усечённом виде. В Тобольске появился окружной суд, подчинявшийся Омской судебной палате. Реформа проходила одновременно для всех сибирских территорий и оставляла много вопросов относительно оптимальности выбора городов для размещения центров судебных округов. Совершенно не были

¹⁰ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 137–150.

¹¹ Цит. по: Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX-начала XX веков. Омск, 1997. С. 202.

¹² Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX-начала XX веков. Омск, 1997. С. 201–202.

получены и учтены «надежные и исчерпывающие сведения о географической, экономической, демографической и транспортной обстановке в Сибири. В данном случае Министерство юстиции продемонстрировало немалую степень умозрительности и, в некоторых случаях, плохое понимание региональной специфики»¹³. По новой реформе центры судебных округов размещались, как правило, в губернских городах, которые являлись не только административными, но и социально-экономическими центрами регионов. Иначе обстояло дело в Тобольской губернии, где, как уже отмечалось, крупнейшим по значимости являлся не Тобольск, а Тюмень. Губернский город находился на значительном расстоянии от многих других уездных центров, о чём уже говорилось выше. Еще более удалены были уезды, расположенные севернее Тобольска — Берёзовский и Сургутский. Данная ситуация сложилась после обхода Тобольска крупными транспортными артериями.

Рис. 5.5. Тобольск. Здание окружного суда. Современный вид

После того, как ходатайства тюменской общественности о предложении разместить у них окружной суд были отвергнуты руководством Министерства юстиции, стало ясно, что этот вопрос оказался заложником бюрократических принципов. «Петиция, по сути, указывала на недостатки осуществляемого в те дни преобразования, когда глава министерства в своих речах повсеместно хвалил безупречность положений реформы <...> в результате бюрократического упорства членам Тобольского окружного суда на протяжении двадцати лет приходилось преодолевать огромные расстояния, чтобы донести правосудие до населения южных районов губернии»¹⁴.

Органы надзора за соблюдением уголовно-процессуального законодательства были представлены прокурором окружного суда, а также участковыми по Тобольско-Сургутскому участку и по Берёзовскому участку. Незначительные иски, гражданские споры были в руках мировых судей.

Берёзовский уезд делился на два мировых участка, а Сургутский уезд составлял один участок. Должностей судебных следователей, нотариусов, а также присяжных и частных поверенных в Берёзове и Сургуте предусмотрено не было.

¹³ Крестьянников Е. А. Пространство vs Империя. Локализация окружных судов в позднеимперской империи Сибири // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение: коллективная монография. М., 2021. С. 226.

¹⁴ Крестьянников Е. А. Пространство vs Империя. Локализация окружных судов в позднеимперской империи Сибири // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение: коллективная монография. М., 2021. С. 229–230.

Рис. 5.6. Чины уездного полицейского управления

В целом, Тобольский край стал иллюстрацией недоработок судебной реформы, усложнившей отправление правосудия, замедлившей его оперативность и законность. Произошла подмена основной цели реформы — Тобольский окружной суд не приблизил правосудие к простому населению. Апелляционные производства назначались, как правило, исключительно в удалённом Тобольске. В переносном смысле судебная система пореформенной России с трудом выдерживала испытания сибирскими расстояниями.

Правоохранительная система была представлена городскими и уездными полицейскими управлениями, которые возглавляли полицеймейстеры и уездные исправники. Органом политического сыска было Тобольское губернское жандармское управление. В Кургане размещалось жандармское управление железных дорог для контроля над Западно-Сибирским участком Транссибирской магистрали.

Длительное время в Сибири отсутствовала чёткая организация управления крестьянским населением, численность которого постоянно росла. Данная проблема усложнялась отсутствием поместного дворянства, огромными расстояниями при отсутствии разветвлённой, в т.ч. транспортной, инфраструктуры и, наконец, спецификой состава населения. 2 мая 1898 г. в губернии вводились должности крестьянских начальников, которые были функционально схожи с земскими участковыми начальниками. В отличие от Европейской России, где дворянская корпорация могла обеспечить последних кадрами, в Западной Сибири корпус этой новой институции оказался разночинным (выходцы из мещан, духовенства и крестьян). Более их половины являлись бывшими чиновниками по крестьянским делам. Типичным кандидатом на этот пост был не нашедший себе применения в Европейской России

представитель благородного сословия, а, следовательно, совершенно не знакомый с особенностями предстоящей службы¹⁵.

В силу специфики состава населения в Берёзовском и Сургутском уездах крестьянские начальники введены не были. Однако местные власти были уверены, что организация управления инородцами только выиграла бы от введения этого института. По их мнению, торговля с инородцами совершается на крайне невыгодных условиях для последних. Кроме того, власти считали инородцев кочевыми только условно, поскольку почти все они имели постоянные жилища. «С введением в этом крае института крестьянских начальников, возможно приобщить все население это к общему государственному устройству крестьян, и установив наблюдение за сделками, совершенными торгующими, можно ослабить эксплуатацию их»¹⁶, — полагал губернатор.

В одном из своих годовых отчётов тобольский губернатор так охарактеризовал проблему кадрового обеспечения института крестьянских начальников. «В настоящее время состав их довольно удовлетворительный, но, к сожалению, многие лучшие из них и ценные для дела работники оставляют службу, переходя в другие губернии и ведомства. Объясняется это, помимо тяжелых условий жизни в сибирской деревне, крайней недостаточностью содержания, не удовлетворяющего самым скромным требованиям жизни»¹⁷, — отмечал он. В 1913 г. кадровые проблемы крестьянских начальников разбирались в МВД. Однако численность этой категории чиновников так и не была увеличена. В не терпящих отлагательства случаях «по распоряжению центральной власти, губернаторы посылали им в помощь чиновников губернских управлений на определенный срок»¹⁸. Вероятно, даже при увеличении кадров не приходилось рассчитывать на замещение новых вакансий. И, тем не менее, вплоть до конца имперского строя тобольские губернаторы продолжали сообщать в Петроград о стеснённом материальном положении чиновников губернской администрации.

Институт крестьянских начальников прославился своей жёсткой опекой над крестьянским населением. Они заведовали общественным управлением сельских жителей, устройством инородцев, а также имели административные и судебные полномочия в отношении последних. Крестьянские начальники широко использовали свои полномочия, требовательно и пристрастно контролируя внесение податей и недоимок, а также пресекая антиправительственные выступления. В большой зависимости от них оказывались переселенцы. Во время Первой русской революции тобольский губернатор предписал крестьянским начальникам «иметь самое тщательное наблюдение за появлением в деревнях посторонних пропагандистов и всеми мерами стараться не допускать никакой противоправительственной агитации среди крестьян; а случае обнаружения таких лиц Вам надлежит немедленно заключать их под стражу и привлекать к законной ответственности <...> Следует также обратить особое внимание на лиц из местных жителей, подозреваемых в подстрекательстве к насилиям и бунту, и при всяком таком проявлении с их стороны, принимать по отноше-

¹⁵ Никулин В. Н. Крестьянские начальники в Сибири (1898–1917 гг.) // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 172.

¹⁶ Всеподданнейший отчет тобольского губернатора за 1903 год // РГИА. Ф. Б-ка I Отд. Оп. 1. С. 4.

¹⁷ Цит. по: Никулин В. Н. Крестьянские начальники в Сибири (1898–1917 гг.) // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 172.

¹⁸ Гермизеева В. В. Состояние местного управления Западной Сибири в начале XX века (по данным всеподданнейших губернаторских отчетов) // Омский научный вестник. 2014. № 2 (126). С. 14.

нию к названным лицам соответствующие меры»¹⁹. Большой объём административных полномочий соопустствовал значительным случаям произвола и злоупотреблениям.

Городское управление в районах Тобольского Севера было устроено по общеимперскому Городовому положению 1870 и 1892 гг. Городские думы избирались на четыре года по имущественному цензу. Думы обладали правом издания постановлений, охватывающих вопросы благоустройства и торговли. Однако в части исполнения данных постановлений они всецело зависели от коронной администрации. В городах Югорской части губернии (Берёзов, Сургут, Туринск), как и небольших по населению, из-за недостаточности городских средств и специфики занятий жителей действовал порядок упрощенного городского управления. Функции главы администрации города там осуществляли городские старосты. Кроме того, в Берёзове и Сургуте не было и сиротских судов, в ведении которых было попечительство над вдовами и сиротами. Столь небольшая численность администрации «оказывается в виду обширности района Тобольская губерния, как многие сибирские регионы, имела специфику волостного управления. В Центральной России население волости колебалось в промежутке 300–2000 душ. Здесь же пришлось понижать численность, так как при низкой плотности населения указанный порог включал бы обширную территорию, реальный контроль над которой был бы эфемерным. В отчёте о состоянии Тобольской губернии за 1901 г. губернатор отмечал, что остояками и проживающими в их деревнях русскими поселенцами зырянками управляют инородные управы, а также волостные и сельские учреждения, созданные еще в 1822 г. При этом в Берёзовском и Сургутском уездах для надзора за деятельностью таких управ имеются только четыре и два полицейских сотрудника, соответственно. Совершенно недостаточным и все управление сосредотачивается, при поголовной неграмотности населения, в руках писарей; школы в остояцких селениях находятся, вследствие неудовлетворительного состава духовенства и учителей, в самом печальном состоянии; народный суд в управах вне всякого надзора, а уездные города Берёзов и Сургут — неблагоустроенные, весьма плохо управляемые городскими старостами, деревни, с значительным количеством мест продажи вина, при помощи которого местные обыватели, спаивая инородцев, устраивают дела с ними в свою пользу»²⁰.

Для разрешения данной проблемы губернатор предлагал увеличить численность полиции в указанных районах. С этой целью планировалось учредить в Сургутском уезде две должности становых приставов, а также 16 должностей полицейских урядников в Берёзовском и Сургутском уездах. Кроме того, было предложено «составить посемейные списки всех жителей сел и деревень с русским населением, с целью перечисления их с мест приписки в обитаемые ныне деревни, наделения земель и образования затем волостей и сельских обществ». Наконец, он ходатайствовал о введении в Берёзовском и Сургутском уездах казенной монополии на торговлю спиртными напитками». Николай II отреагировал резолюцией «Надо упорядочить», которая была направлена министрам внутренних дел, финансов, а также земледелия и государственных имуществ²¹.

¹⁹ Распоряжение тобольского губернатора уездным исправникам и крестьянским начальникам Тобольской губернии о недопущении революционной агитации среди населения. 24 мая 1906 г. // Революционное движение в Тобольской губернии (1905–1914). Сборник документальных материалов. Тюмень, 1961. С. 84.

²⁰ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам губернаторов, военных губернаторов и градоначальников за 1901 г. СПб., 1904. С. 54–55.

²¹ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам губернаторов, военных губернаторов и градоначальников за 1901 г. СПб., 1904. С. 55.

Среди органов местной администрации особое место занимал губернский статистический комитет (ГСК), председателем которого был губернатор. В соответствии с действовавшим законодательством тобольский ГСК занимался сбором сведений по поручению губернатора, их проверкой и обработкой по специальным формам, которые определяло МВД. В числе наиболее ответственных поручений была работа с материалами для годового всеподданнейшего отчёта губернатора. Кроме того, ГСК занимался описанием губернии, сбором информации по истории, а также о промышленном и хозяйственном потенциале. Кроме того, одним из традиционных видов деятельности была подготовка к изданию Памятной книжки и Адрес-календаря.

Вместе с тем, на заседания ГСК могли приглашаться и другие служащие различных ведомств, а также учёные, землевладельцы, купцы, словом, все, кто мог помочь какой-либо информацией по изучению губернии. Столь смешанный состав данной структуры делал статистические комитеты одними из научно-просветительских центров края. Большой вклад в результаты его работы вносили именно действительные члены, которые принимали участие в его деятельности по собственной инициативе.

В целом структура местного управления в Тобольской губернии была схожа с общегубернским. Применительно к Югорским районам, в силу их малонаселённости и отдалённости, действовал особый порядок организации отдельных областей управления. Например, по почтовому ведомству в Берёзове была почтовая контора, а по уезду — отделения. В Сургуте же только почтовое отделение. Для Берёзовского и Сургутского уездов был определён объединённый податный инспектор. Казначейство было только в Берёзове. Уездное отделение попечительного о тюрьмах комитета было только по Берёзовскому уезду, а в Сургутском — не было. Губерния была разделена на 5 округов с окружными акцизными управлениями. В Тобольске располагался центр 4-го округа, а в Сургуте и с. Елизаровском Берёзовского уезда были только штатные контролеры. В Берёзове и Сургуте были не предусмотрены заведующие казёнными винными складами и сборщики денег по казённой продаже питей, как в других уездных центрах Тобольской губернии. В Берёзове и Сургуте также не было городских присутствий по квартирному налогу.

В пореформенной России широкий общественный интерес приобрела проблема введения земских учреждений в Сибири. Их отсутствие со времени Великих реформ было принято объяснять весьма скромной долей дворянства в социальном составе населения. Из-за этого земства пришлось бы формировать преимущественно из крестьян. Официальные круги понимали, что привлечение местных сил повысит эффективность разрешения многих вопросов развития края. Так, тобольский губернатор Л. М. Князев в своей прощальной речи вынужден был обратить на это внимание. Он, в частности, заявил, что к сотрудничеству для улучшения

Рис. 5.7. Полицейский урядник

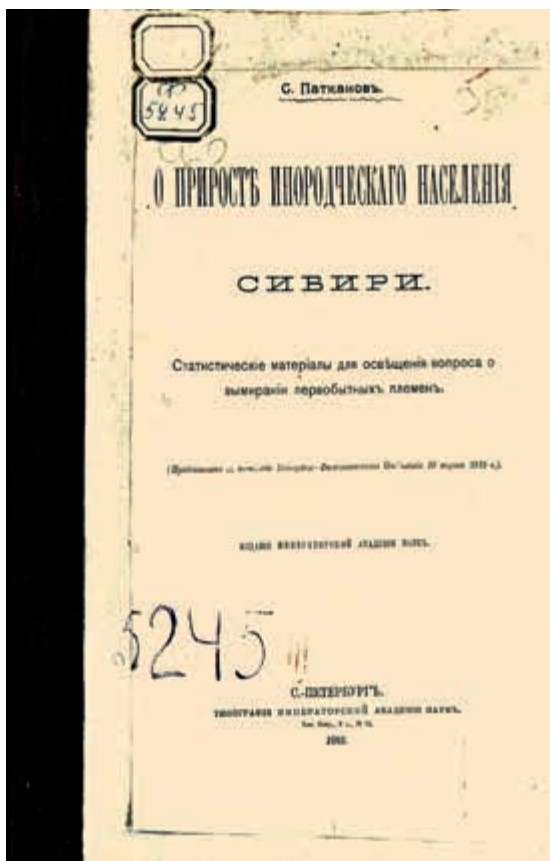

Рис. 5.8. Книга С. К. Патканова

управления губернией необходимо привлечь местных жителей, создав для этого прочную постоянную организацию общественных сил. Вероятно, тем самым, он дал повод считать себя лояльным по отношению к данной проблеме²².

Стоит отметить, что о данной проблеме в губернии говорили и ранее. Подобные рассуждения звучали на волостных и крестьянских сходах, совещаниях крестьянских начальников и др. Однако инициатива снизу часто сталкивалась с иным пониманием проблемы в центре. На рубеже XIX — XX вв. в правительственных кругах, под давлением влиятельного главы финансового ведомства С. Ю. Витте, стал доминировать сдержанный взгляд на земство. Планы его территориального расширения считались не перспективными, поскольку концепция развития общественного управления выглядела трудносовместимой с основами самодержавного строя²³.

Ситуация стала меняться в 1902 г., когда начало работу Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, а затем и его местные комитеты. Члены Тобольского губернского комитета с самого начала воодушевленно отстаивали идеи введения в крае земских учреждений. На многих заседаниях комитета звучали аргументы в их пользу.

Почти сразу обозначилось и отношение коронной администрации к теме общественного участия в вопросах самоуправления. Так, 19 августа 1902 г. на очередном заседании губернского комитета обсуждалась необходимость созыва уездных комитетов (совещаний) для обсуждения программы Особого совещания. Губернатор Лаппо-Старженецкий воспротивился этому, указав на «затруднительность, граничащую с невозможностью найти в уездах людей, достаточно компетентных для организации совещаний». Кроме того, он был уверен, что «в Тобольской губернии нет образованного класса землевладельцев, крестьянство же не представляется для этого в должной мере подготовленным, а чиновничество в значительной степени состоит из людей пришлых, не вполне знакомых с условиями местной хозяйственной жизни, её нуждами и требованиями»²⁴.

Активным сторонником тобольского земства был яркий общественник Н. Л. Скалозубов, занимавший тогда пост губернского агронома. Широкую известность получил его доклад

²² Сибирский листок. 1901. 12 марта.

²³ Витте С. Ю. Самодержавие и земство. Stuttgart., 1899. С. 181.

²⁴ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 5.

«К вопросу о мерах улучшения крестьянского хозяйства в Тобольской губернии и местных органах для проведения этих мер в жизнь». В феврале 1901 г. он был зачитан в Тобольском губернском музее и получил большой резонанс. В нём прозвучала мысль об огромном созидательном потенциале крестьянской общественной инициативы, которая может быть направлена на развитие региона. Скалозубов постоянно получал письма от грамотных крестьян, а также местных агрономов и зоотехников с призывами к скорейшему введению земства. Можно с уверенностью сказать, что губернский музей, а также Тобольский отдел Московского общества сельского хозяйства наряду с местными комитетами Особого совещания стали ведущими проводниками планов тобольского земства. В то время о введении земства постоянно писали и местные газеты²⁵.

В защиту готовности тобольского крестьянства к реализации земской идеи вновь высказался Скалозубов. Он утверждал, что в губернии есть основа для крестьянской реформы — «это способность крестьянского населения губернии к восприятию и усвоению всего полезного в хозяйстве, наличность у многих крестьян интереса к сельскохозяйственным улучшениям, а также наличность общественности, способности организоваться для совместного осуществления различных мероприятий». Скалозубов отказывался признавать, что тобольское крестьянство не готово к восприятию реформы. При этом он высказался за необходимость ослабления хозяйственной опеки над деревней со стороны крестьянских начальников. «В очень многих случаях вмешательство в хозяйственные дела общества и волости крестьянских начальников, мало сведущих в хозяйстве и тенденциозно к разным явлениям жизни настроенных, является роковым для дела; самодеятельность населения угнетается», — говорил он. «Необходимо изъятие из ведения крестьянских начальников вопросов о хозяйственном устройстве обществ <...> невозможность общества ни распорядиться своими деньгами, ни устроить по-своему свои общественные дела уничтожает всякие проблески самодеятельности»²⁶.

Начальник губернии Лаппо-Старженецкий как председатель губернского комитета Особого совещания, в целом уважительно отнесся к мнению уездных совещаний, высказавшихся за необходимость введения земств. При этом заметил, что «мысль эта принадлежала интеллигентным руководителям совещаний; но Комитет в этих мнениях не может слышать голос самого населения»²⁷. Несмотря на это, губернский комитет «большинством голосов высказал, что в интересах сельскохозяйственной промышленности и вообще для заведования земским делом в губернии необходима организация уездного самоуправления с организацией мелкой земской единицей и притом всесословной»²⁸. При этом губернатор Лаппо-Старженецкий — председатель губернского комитета, вице-губернатор А. Н. Тройницкий и управляющий казённой палатой Ордовский-Танаевский в голосовании не участвовали.

Вслед за этим от лица губернского руководства было составлено особое мнение, подписанное вице-губернатором. Оно отчасти проясняло позицию коронной администрации региона.

²⁵ Угрюмова М. В. Земский вопрос и земское самоуправление в Тобольской губернии (вторая половина XIX в. — 1919 г.). Нижневартовск, 2007. С. 35–37.

²⁶ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 54.

²⁷ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 53.

²⁸ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 53.

Рис. 5.9. Губернатор А. П. Лаппа-Старженецкий

Тройницкий заявлял, что члены губернского комитета, голосуя за введение земства, слабо представляли его юридическую и практическую сущность. По его мнению, большинство членов комитета «высказало такое полное незнание самых главных основ земских учреждений вообще, и в частности давало столь туманные, непонятные и разноречивые определения проектируемой “мелкой земской всесословной единице”, что нельзя даже представить себе, чего это большинство членов собственно желало, и по моему глубокому убеждению, резолюция о желательности введения в Тобольской губернии земского самоуправления была принята большинством в силу какого-то недоразумения». «Я не вижу в Тобольской губернии элемента, который успешно и с пользой для дела мог бы выступить в роли земских деятелей, ибо большинство местного крестьянства неграмотно», — говорил он, добавляя, что за относительно непродолжительный период пребывания в губернии «те немногие крестьяне, с которыми мне пришлось объясняться по поводу приносимых ими прошений, произвели на меня грустное впечатление своей неразвитостью»²⁹.

Тройницкий также призвал к более объективному взгляду на деятельность крестьянских начальников. Он признавал, что некоторые крестьянские начальники «приобрели грустную славу своими беззакониями и даже хищениями, но по этим исключениям нельзя судить о деятельности всех остальных». Губернская администрация, подчеркнул вице-губернатор, старалась оперативно освобождать от должности крестьянских начальников, которые не соответствуют своим функциям. В связи с этим Тройницкий упрекал членов Комитета, которые сетовали, что «население было прямо терроризировано крестьянскими начальниками, боясь жаловаться на них». «Если крестьянские начальники действительно могли нагнать такой страх на крестьян, что они даже боялись жаловаться и целые годы безмолвно терпели убытки, происходившие от незаконных действий этих крестьянских начальников, то что тобольские крестьяне отнюдь не столь развиты, не столь самостоятельны, как сие утверждает большинство членов Комитета, требующее введение какой-то мелкой земской единицы»³⁰, — полагал он.

Представляет интерес и другое особое мнение, подготовленное управляющим тобольской казённой палатой Ордовским-Танаевским (в будущем тобольским губернатором). Он признавал, что огромный пласт аграрных вопросов, которым сейчас занимаются в основном чины коронной администрации, решить с должной эффективностью невозможно. «Сельскохозяйственные нужды губернии громадны, установившийся веками порядок хозяйства требует коренных перемен, обуславливаемых увеличивающимся ежегодно наплывом пришлого из Европейской России населения, изменяющимися с каждым днем условиями

²⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 58.

³⁰ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 60–61.

жизни, а также с замечаемым и быстро увеличивающимся истощением почвы, вырубанием лесов, истреблением птицы, рыбы, зверя и с обмелением рек. Создать какой-либо новый орган, с лицами, обладающими специальными познаниями в области сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, — необходимо», — говорил он. «К сожалению, в Тобольской губернии сельское хозяйство ведется почти исключительно крестьянами, не обладающими научной подготовкой», а потому образование из их числа каких-либо органов он полагал невозможным. Однако он считал необходимым создавать постоянные совещания из землевладельцев, крестьян «под руководством специалистов по части сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, с целью выяснения всех сельскохозяйственных нужд населения и способов оказания помощи в этих нуждах»³¹.

Дальнейшее развитие вопроса о сибирском земстве снова столкнулось с межведомственной борьбой в центре. В 1902–1904 гг. начался новый виток противостояния МВД и Министерства финансов, усугублявшийся личным соперничеством их глав — В. К. Плеве и С. Ю. Витте за доминирование в правительственной политике. Отставка Витте предопределила свертывание работы Особого совещания, и, соответственно, деятельность его местных комитетов с их инициативами. С началом же Русско-японской войны правительство сосредоточилось на перестройке работы с учётом условий военного времени.

Помимо этого, на заседаниях губернского комитета Особого совещания неоднократно обсуждались актуальные проблемы социально-экономического развития Тобольского Севера. В числе первоочередных назывались следующие: необходимость организации пароходного сообщения Тобольска с низовьями Оби; регулирование добычи природных богатств, в первую очередь, рыбы и дичи; заслон хищническому истреблению поголовья диких животных и рыбы. Среди неотложных мер также отмечалась важность научного изучения природных богатств и хозяйственного потенциала северных районов губернии. Для этого предлагалось организовать специальную экспедицию из специалистов — топографов, статистиков, метеорологов, ботаников, почвоведов, лесоводов, агрономов и др.³².

Заслуживает внимания записка епархиального наблюдателя за церковно-приходскими школами Г. Я. Маляревского, она была целиком посвящена проблемам развития Югорских районов Тобольского края, которые оставались зоной присваивающего хозяйства. «Здесь люди берут для себя от природы только то, что дается с наименьшей затратой труда и при самом крайнем минимуме знаний и умений. <...> Богатства края в северной части Тобольской губернии эксплуатируются крайне безрасчетным хищническим образом»³³. Однако Маляревский был убежден, что Тобольский север обладает значительным хозяйственным потенциалом, которые пока малоизучен. «Году не проходит, чтобы Берёзовский уезд не посетил кто-нибудь из ученых, но край этот все-таки остается не исследованным. Ученые, посещающие его, изучают языки остяков и вогулов, причины вымирания этих племен, интересуются горскими аммонитами и в лучшем случае — ихтиологией, но кто в этом обширном крае производил

³¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 63.

³² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 49–50.

³³ Записка Г. Я. Маляревского о нуждах севера Тобольской губернии // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 181–182.

Рис. 5.10. Г. Я. Маляревский (слева) с женой и братом

почвенные и ботанические исследования, кто изучал экономические ресурсы страны и условия, при которых возможна их эксплуатация, кто, наконец, производил систематические метеорологические наблюдения или делал опыты по сельскому хозяйству и эксплуатации нетронутых лесных и других богатств? <...> кто знает, если бы богатства края были лучше изучены и если бы показана была возможность их эксплуатации, может быть, и местное население принялось бы за их разработку и явились бы предприниматели из других мест. Нельзя думать, что население северного края нашей губернии лишено предприимчивости, если только ей доказано будет выгодная и достижимая цель»³⁴, — отмечал он.

Начиная с последней четверти XIX в. в административном арсенале начальников губерний появился существенный ресурс воздействия на политическую и социально-экономическую обстановку — обязательные постановления. Их издание позволяло решать многие насущные проблемы Югорского севера. Тематика обязательных постановлений губернаторов касалась соблюдения общественного правопорядка, городского благоустройства, правил торговли, условий найма рабочей силы, санитарной безопасности и т.д. Зачастую

постановления затрагивали вопросы, решению которых мешало отсутствие четких нормативных установок³⁵. Например, в феврале 1904 г. было издано несколько обязательных постановлений тобольского губернатора для жителей города Берёзова. Первое — «О содержании в исправности и чистоте улиц и тротуаров», второе — «О мерах к ограждению безопасности от собак и домашних животных», третье — «О мерах предосторожности от пожаров»³⁶.

В годы Первой русской революции и после неё издание обязательных постановлений рассматривалось правительством не только как одна из мер по поддержанию общественного порядка, но и как способ разрешения важных задач управления на местах вообще. Это оправдывалось не только тем, что, к примеру, в южных (рабочих) районах Тобольской губернии оставалась высокой опасность новых антиправительственных выступлений. Обязательные постановления стали наиболее оптимальной мерой административного регулирования на

³⁴ Записка Г. Я. Маляревского о нуждах севера Тобольской губернии // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 184.

³⁵ Минаков А. С. Формирование законодательных основ обязательных постановлений губернаторов в пореформенной России // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 3. Ч. 1. С. 103–106.

³⁶ Тобольские губернские ведомости. 1904. 3 февраля. № 5. С. 2.

местах и стимулировали перманентное продление периода действия положений чрезвычайной или усиленной охраны. Нарушители постановлений, принятых в рамках «исключительного» положения, могли быть оперативно наказаны в административном порядке, что было для губернаторов удобным инструментом решения проблем³⁷. Поэтому к началу XX столетия обязательные постановления стали универсальным механизмом управления, посредством которого заполнялись отдельные нормативные лакуны, а также усиливалась полицейская функция провинциальной администрации.

Важным каналом взаимодействия региональных властей с центральным руководством были годовые всеподданнейшие отчеты губернаторов. Их представление с начала XIX в. стало одной из наиболее устойчивых документальных традиций в имперском политическом пространстве. Ежегодно по законодательно установленному формуляру губернаторы отчитывались об общественно-политическом, социально-экономическом и культурном развитии региона. В процессе создания отчёта губернатор взаимодействовал почти со всеми губернскими учреждениями. Наряду с этим процедура подготовки отчёта координировалась МВД. Несмотря на имевшиеся случаи задержек в подаче отчётов и расхождения их содержания с реальными, информация данных документов встречала живой интерес императоров. По результатам рассмотрения в Комитете (Совете) министров императорских резолюций на отчётах могли приниматься важные политические решения.

Губернаторские отчёты были не только индикатором настроений начальников губерний, но и консолидирующим фактором в работе местных органов власти. Данный делопроизводственный ритуал укреплял власть губернаторов, экстраполируя самодержавные принципы управления на губернский уровень, подчеркивая подчиненность всех звеньев местного аппарата единому центру. При этом центральная власть прекрасно осознавала стремление некоторых губернаторов приукрасить свой отчет в ущерб информативности, но закрывала на это глаза. Будучи обобщённым показателем уровня развития региона, всеподданнейшие отчёты губернаторов являлись одновременно формой доклада императору. Такой их статус ставился в бюрократическом мире выше, чем факт представления каких-либо сведений, подчеркивал самодержавный характер взаимоотношений всей вертикали власти. Тем самым губернаторские отчёты оставались «выражением того первоначального взгляда, по которому губернаторы являлись на местах не чиновниками Ми-

Рис. 5.11. Обзор Тобольской губернии за 1902 г. (Приложение ко Всеподданнейшему отчету)

³⁷ Зырянов П. Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1814 гг.) // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 293–294.

Рис. 5.12. Губернатор Д. Ф. Гагман

нистерства внутренних дел, а представителями высшей государственной власти»³⁸.

Как уже отмечалось применительно к институту крестьянских начальников, одной из существенных проблем в формировании управленческой модели Тобольского Севера была острая нехватка квалифицированных кадров. Трудность в разрешении этого вопроса признавало и высшее руководство края. Например, тобольский губернатор Д. Ф. Гагман, характеризуя в своем отчёте за 1909 г. состояние местной администрации, отмечал, что «комплектование учреждений губернии интеллигентными, соответствующими делу рабочими силами, вследствие тяжелых условий жизни и службы, крайне затруднительно, в особенности на средние и низшие должности с крайне ограниченным содержанием, не покрывающим даже самых скромных требований жизни»³⁹. Начальник губернии сетовал, что текучесть штатов не позволяет выстраивать какую-либо планомерную кадровую политику: «в составе учреждений элементы служащих очень часто меняются, а должности,

требующие специальной подготовки, очень часто вакантны». Исправлять ситуацию губернатор предлагал в традиционном ключе — увеличивая штаты и размеры жалования чиновникам.

С течением времени положение не менялось. В отчёте за 1912 г. акцентировалось внимание на сложном материальном положении губернских чиновников МВД по сравнению со служащими лесного, переселенческого, судебного и финансового ведомств. В целях исправления ситуации губернатор Станкевич ходатайствовал «об усилении численного состава чинов крестьянских учреждений и улучшении их материального положения; о численном увеличении состава чинов уездной полиции и увеличении окладов их содержания; об изменении и дополнении штата Тобольского губернского управления»⁴⁰.

Стоит отметить, что центральная власть обращала внимание на ходатайства тобольских губернаторов. Однако российская бюрократическая машина двигалась очень медленно. Острые вопросы, волновавшие регионы, рассматривались годы. Например, прошение об изменении и увеличении штатов губернского управления, высказанное в отчете за 1912 г., удостоилось высочайшего одобрения. После этого вопросы были переданы в МВД, в котором были разработан проект соответствующих изменений. Последний был разослан по ве-

³⁸ Васильчиков Б. А. Воспоминания. М., 2003. С. 148.

³⁹ Цит. по: Гермизеева В. В. Состояние местного управления Западной Сибири в начале XX века (по данным всеподданнейших губернаторских отчетов) // Омский научный вестник. 2014. № 2 (126). С. 14.

⁴⁰ Гермизеева В. В. Состояние местного управления Западной Сибири в начале XX века (по данным всеподданнейших губернаторских отчетов) // Омский научный вестник. 2014. № 2 (126). С. 14.

домствам для получения соответствующих заключений, но практической реализации они так и не получили. Таким образом, обратная связь между регионом и имперским центром, несомненно, была, но она имела невысокую скорость принятия решений.

Анализ ситуации позволяет оценивать сложившуюся модель управления Тобольским севером как малоэффективную, полную незавершённых начинаний, проектных идей, усложнённую временными и условными управленческими инструментами. Стоит согласиться с мнением крупного исследователя сибирской административной системы А. В. Ремнева, что на данном обширном пространстве, в целом, «продолжали существовать специфические черты в организации местного управления и суда <...> сибирское управление продолжали раздирать ведомственные противоречия, несогласованность в действиях центральных и местных властей»⁴¹. В дальнейшем эти и другие компоненты системы отчетливо проявились в годы критических испытаний всех звеньев губернского аппарата: Первая русская революция, Русско-японская война, Первая мировая война и общественно-политические процессы последних полутора десятилетий имперского режима. В известной степени именно эти факторы могут объяснить характер действий местных властей во время крушения монархического строя в феврале 1917 г.

«Необъятный Тобольский север по-прежнему дик и безлюден и население в нем, особенно среди местных аборигенов, идет на убыль. Объясняется это совершенной обособленностью севера, потерявшего уже всякую связь с южной, более культурной частью губернии, тяготеющей к Сибирской железной дороге и к прилегающей к ней торгово-промышленным центрам. Необходимо восстановить эту связь, необходимо не останавливаться перед затратами на самое детальное исследование края, на удовлетворение его культурных потребностей, на развитие его производительных сил, предоставлением удобного выхода к рынкам. И заброшенный край оживится и сторицею вознаградит за все заботы о нем, предоставив и значительный земельный фонд для переселения и заработка для нуждающихся в нём при эксплуатации своих неисчерпаемых богатств»⁴², — эти слова тобольского губернатора, адресованные императору накануне Первой мировой войны, звучали как призыв к грядущим неотложным преобразованиям.

2. Социально-культурный облик, административная и общественная деятельность тобольских губернаторов

В начале XX столетия ключевой фигурой в системе местного управления сибирских территорий оставались губернаторы. Как и в других регионах империи, они непосредственно представляли монаршую власть, руководя многочисленными структурами коронной администрации. Тобольские губернаторы обладали значительными распорядительными и надзорными полномочиями, выступая блюстителями «неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и повсеместного, точного исполнения законов, уставов,

⁴¹ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политики второй половины XIX-начала XX веков. Омск, 1997. С. 213.

⁴² Всеподданнейший отчет о состоянии Тобольской губернии за 1909 год // РГИА. Ф. Б-ка I Отд. Оп. 1. С. 23.

Рис. 5.13. Губернатор Л. М. Князев

Высочайших повелений, указов Правительствующего Сената, и предписаний начальства»⁴³.

Губернаторский пост очень высоко ценился в бюрократическом мире. Для многих чиновников это была желанная, но труднодостижимая карьерная цель. Существовала своего рода негласная иерархия регионов по престижности губернаторских должностей. Тобольская губерния с её сложными климатическими условиями и удалённостью от Европейской России не относилась к привлекательным местам службы. Губернаторские и вице-губернаторские должности в ней рассматривались как промежуточные звенья в карьере чиновника или возможность относительно молодым администраторам приобрести руководящий опыт. В связи с этим, большой интерес вызывают обстоятельства назначения и оставления тобольскими губернаторами своего поста, их социально-культурный облик, а также стиль принятия управленческих решений.

XX столетие Тобольская губерния встретила под руководством Леонида Михайловича Князева, который был назначен на этот пост в 1896 г. в 46-летнем возрасте. До этого он занимал пост прокурора Варшавского окружного суда. Князев получил образование в Императорском училище правоведения и сделал карьеру в судебных органах. «Воплощенная мягкость, обходительность, вежливость в обращении со всеми»⁴⁴, — характеризовали его сослуживцы. В разные годы под его началом губерния приняла участие в важных общеимперских мероприятиях, начиная с Всероссийской переписи населения 1897 г. Кроме того, он активно занимался созданием условий для приёма переселенцев, которые в значительном количестве продолжали прибывать в губернию. В декабре 1900 г. за служебные заслуги в сооружении переселенческих поселков и умелое руководство деятельностью поземельно-устроительных партий Князев получил благодарность министра внутренних дел. В орбиту пристального внимания губернатора входила и популяризация хозяйственного потенциала региона. Князев лично руководил подбором экспонатов Тобольской губернии для «Окраинного отдела» Всемирной выставки, которая прошла в Париже с апреля по ноябрь 1900 г.⁴⁵ 25 января 1901 г. он покинул Тобольск и был переведён на пост вологодского губернатора.

Одновременно из Вологды в Тобольск направился новый тобольский губернатор. Преемником Князева был назначен вологодский вице-губернатор Александр Павлович Лаппо-Старженецкий. Он принадлежал к старинной шляхетской фамилии и получил образование в Императорском Александровском лицее. На момент назначения ему было 54 года. Его пре-

⁴³ Свод законов Российской империи. Изд. 1892. Т. II. Ст. 270. С. 24.

⁴⁴ Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания (жизнеописание мое). М. — СПб., 1993. С. 364.

⁴⁵ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень., 2000. С. 397.

дыдущая служебная карьера также прошла в судебном ведомстве. До Тобольска он очень долго, почти 20 лет, прослужил вологодским вице-губернатором. Столь длительный срок нахождения на таком посту был не типичен для того времени. По одной из версий, препятствием для дальнейшего карьерного роста мог быть конфессиональный фактор. Современники поговаривали, что, будучи католиком, он не соглашался переходить в православие⁴⁶.

Практически сразу же с момента назначения Лаппо-Старженецкий погрузился в решение самых разных вопросов социально-экономического развития края. В первые годы XX в. регион охватил недород и, как следствие, дефицит продовольствия.

Поэтому в 1902 г. по инициативе губернатора по всей губернии были установлены твёрдые цены на хлеб, а также упорядочены сборы за право торговли. Вообще, во время правления Лаппо-Старженецкого аграрному сектору уделялось особенное внимание. Разрешение накопившихся социально-экономических противоречий он видел в поддержке сильных сторон общинного строя и соблюдении баланса интересов зажиточных крестьян и деревенской бедноты. Кроме того, он содействовал инициативам грамотного губернского агронома Н. Л. Скалозубова, выступавшего за комплекс инновационных мер по оздоровлению сельскохозяйственного сектора: рационализацию землепользования, развитие мелкого кредита, распространение агрономических знаний и др.

Проблемы тобольской деревни были лейтмотивом многих обращений Лаппо-Старженецкого к центральной власти. К примеру, в своем всеподданнейшем отчёте о состоянии губернии за 1902 г. он сетовал, что в крае, особенно в северных уездах, катастрофически не хватает землеустроительных чиновников. По ориентировочным расчётам, им понадобится не менее сорока лет, чтобы произвести разверстание земли для местных жителей. В связи с высокими темпами естественного прироста населения у администрации не было возможности предоставить крестьянам установленный законом 15-десятинный надел. Николай II потребовал от правительства срочно разобраться в сложившейся ситуации. «Тут по-видимому большое неустройство. Поручаю состоящему под предс. ст. сек. Куломзина переселенческому совещанию разобраться в этом деле и проектировать меры»⁴⁷, — начертал он на отчёте. Другой областью повышенного внимания Лаппо-Старженецкого была социальная обстановка. В условиях крестьянского движения 1902 г. он тщательно следовал инструкции МВД по противодействию антиправительственной пропаганде. Для подавления высту-

Рис. 5.14. Павильон России на Всемирной выставке в Париже

⁴⁶ Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания (жизнеописание мое). М. — СПб., 1993. С. 184.

⁴⁷ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам губернаторов, военных губернаторов и градоначальников за 1902 г. СПб., 1905. С. 55–56.

Рис. 5.15. Император Николай Второй

плений в Тобольской деревне губернатор активно задействовал и полицейские меры, имевшиеся в его административном арсенале. Учитывая концентрацию в регионе политических ссыльных, начальник губернии постоянно усиливал наблюдение за данным контингентом населения.

В первые месяцы 1904 г., с началом Русско-японской войны, Лаппо-Старженецкому пришлось предпринимать комплекс оперативных мер по переводу управленческих механизмов губернии на функционирование в условиях военного времени. Полным ходом шла мобилизация в действующую армию. Формировавшиеся соединения отправлялись на фронт. Производственные предприятия губернии переориентировались на производство военных заказов.

Однако ещё более ответственным испытанием губернского административного аппарата стали события Первой русской революции. Начало 1905 г. Лаппо-Старженецкий встретил в крайне болезненном состоянии и впоследствии фактически переложил исполнение обязанностей начальника губернии на своего ближайшего заместителя — вице-губернатора А. Н. Тройницкого.

28 мая 1905 г. рабочие Тюмени провели забастовку, выдвинув экономические требования. Однако далее события развивались по нарастающей, а осенью социальная обстановка накалилась до предела. В октябре регион откликнулся на Всероссийскую политическую стачку, ставшую первой кульминацией революции. Бастовали железнодорожники, печатники и др. Одно за другим приходили известия о демонстрациях и политических митингах. 15 октября 1905 г. в тобольских и тюменских учебных заведениях состоялась политическая забастовка под лозунгом «Свободная школа в свободном государстве»⁴⁸. Как правило, подобные выступления общественности заканчивались столкновениями с представителями администрации, которой удавалось противодействовать им только посредством привлечения значительного числа полиции и войск.

К концу 1905 г. в губернии вновь усилилось общественное движение, которое по времени совпало с Декабрьским вооруженным восстанием в Москве — второй наивысшей точкой развития революции. Факты свидетельствуют, что Лаппо-Старженецкий, по сути, утратил к этому времени нити управления регионом. Ему ставилось в вину, что 15–17 декабря в Тобольске прошел Вольный крестьянский съезд, потребовавший конфискации земельных владений в пользу крестьян. Это происходило на фоне беспорядков, самовольного расхищения лесных угодий, которые полномасштабно охватили многие уезды. В местных гар-

⁴⁸ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 404.

низонах нижние чины отказывались подчиняться командованию. Под влиянием данных обстоятельств Лаппо-Старженецкий был удалён со своего поста. В целом по стране на 1905–1907 гг. приходится значительная волна губернаторских отставок. Все они, как правило, объяснялись неспособностью начальников противостоять антиправительственным выступлениям. «Отдан распоряжение губернаторам энергично подавлять всякие бесчинства, не останавливаясь перед самыми решительными мерами, и уже несколько нерешительных губернаторов были смещены»⁴⁹, — писал как раз об этом один из губернаторов тех лет.

В январе 1906 г. в Тобольск прибыл новый губернатор, 44-летний Николай Львович Гондатти. В 1887 г. он окончил юридический и физико-математический факультеты Императорского Московского университета. К этому времени он имел колоссальный опыт службы в сибирских и дальневосточных регионах. За его плечами были многие годы пребывания в крупных и продолжительных научных экспедициях по Русскому Северу, Сибири и Дальнему Востоку. В разное время он посетил Индию, Цейлон, Египет, Японию, Китай, а также Американский континент и Новую Зеландию. Ранее ему довелось посетить и Тобольскую губернию. Гондатти много занимался просветительской деятельностью, участвуя в мероприятиях Русского географического общества, Московского общества любителей естествознания и других авторитетных научных организаций. В 1897 г. его как крупнейшего знатока народного хозяйства Дальнего Востока назначили на пост вице-губернатора Приамурской области, где он показал себя грамотным и инициативным администратором. В 1899 г. Гондатти был переведён на должность управляющего канцелярией иркутского военного генерал-губернатора. Поэтому принимая назначение в Тобольск, Гондатти отправлялся в регион, хорошо знакомый ему как по этнокультурной, так и социально-экономической специфике. Кроме того, относительная удалённость от центра открывала грамотному и энергичному администратору потенциальную возможность проявить большую самостоятельность и инициативу.

Новый губернатор застал губернский город, объятый пожаром революции. Однако опыт учёного и дипломата позволил ему грамотно взять под контроль ситуацию. С одной

Рис. 5.16. Николай Шебуев. Карикатура на Октябрьский манифест. Журнал «Пулемёт», № 1, 1905 г.

⁴⁹ Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород–Самара–Пенза. Петроград, 1916. С. 16.

Рис. 5.17. Губернатор Н. Л. Гондатти

стороны, ему удалось поставить жёсткий заслон антиправительственным выступлениям, но, одновременно, избежать массовых репрессий. В целом у главы тобольской администрации получилось главное — сохранить авторитет власти.

Взгляды Гондатти совпадали с принципами правительственного курса, реализацию которого начал П. А. Столыпин. Он также, как и премьер-реформатор, считал, что перспективы страны зависят от постепенных реформ, направленных на укрепление экономики и социальной сферы. Так, Гондатти активно содействовал продолжению переселенческой политики. Он понимал важность привлечения в регион трудоспособного населения. При этом устройство переселенцев и их деятельность он стремился направить в строго правовые рамки.

Характерной проблемой тех лет был самовольный захват переселенцами казённых земель. И Гондатти со свойственной ему рассудительностью предлагал оптимальный путь решения проблемы. В одном из рас-

поряжений по этому поводу, он утверждал, что «чины лесного ведомства и полиции узнают о случаях такого захвата земель, не в самый момент его, а гораздо позже, а именно после того, как переселенцы уже успели построить более прочные шалаши и даже деревянные срубы, расчистить пашни, обсеяться и проч., когда мерами полиции водворить их с занятого места нет уже никакой возможности. Между тем, если бы случаи самовольного захвата переселенцами казенных земель были обнаруживаемы своевременно, то при содействии полиции было бы не трудно воспрепятствовать им устраиваться на захватываемой земле. Пока переселенцы крепко не устроились на захваченном месте, пока они не вложили в устройство его своих трудов и средств, они не стали бы с такой энергией отстаивать захваченную землю и их можно было бы местными силами выдворить оттуда»⁵⁰. В целом Гондатти старался не оставить без внимания ни один сектор народного хозяйства. Губернская общественность высоко оценила профессиональные и личные качества тобольского губернатора. В 1908 г. Гондатти было присвоено высокое звание «Почетный гражданин города Сургута». В дальнейшем Гондатти занимал высокие посты в административной системе Сибири и Дальнего Востока (томского губернатора и приамурского генерал-губернатора), где также проявил незаурядные организаторские способности.

На смену Гондатти тобольским губернатором был назначен 46-летний Дмитрий Фёдорович Гагман. Первоначально, после окончания в 1879 г. 1-го Павловского военного училища, он находился на военной службе, но после увольнения в отставку, продолжил работать по гражданскому ведомству. Почти 15 лет он занимал посты в выборных сословных органах дворянского и земского управления. В 1903 г. он был назначен председателем Витебской уездной земской управы, а декабре 1905 г. стал могилевским губернатором.

⁵⁰ Наш край в документах и иллюстрациях. Свердловск, 1966. С. 446–447.

Рис. 5.18. Деревенская улица. Раскрашенная открытка. Начало XX в.

В сентябре 1908 г. Гагман был переведен в Тобольскую губернию. Он аккуратно выполнял предписание центра и внимательно следил за развитием региона и всех отраслей хозяйства. В отличие от предшественника, Гагман рассчитывал регулировать положение дел в крае преимущественно традиционными, директивными мерами. Однако драма Первой русской революции убедительно показала, что общественные нужды требуют более внимательного отношения со стороны властей. Поэтому Гагман пытался, к примеру, аккуратно внедрять общеимперские положения в среде инородческого населения. В одном из своих предписаний крестьянским начальникам по этому вопросу, он указывал следующее: «необходимо помнить всякому крестьянскому начальнику, что на его обязанности должно лежать, главным образом, осторожное, разумное руководство, а всё переустройство по существу должно исходить от самого населения. Во всех действиях крестьянских начальников инородцы должны видеть, что преобразование их общественного устройства и суда ни в чем не нарушит ни веры мусульманской, ни освященных ею обычаев, не повлечет за собой ограничение их прав на землю, предоставленных им законом, а также не грозит утратой установленных льгот по отбыванию воинской повинности. Вообще крестьянским начальникам необходимо особенно стараться, чтобы каким-либо неосторожным действием не вызвать со стороны инородцев недоверия к предъявленным им требованиям»⁵¹.

Вместе с тем, в деятельности Гагмана прослеживалось стремление сформировать свою команду из прежних подчинённых на посту могилевского губернатора. «Могилевские» кадры буквально наводнили все звенья местного аппарата и полиции. Это создавало благоприятную почву для превышения служебных полномочий при попустительстве начальника

⁵¹ Предписание тобольского губернатора Д. Ф. фон Гагмана крестьянским начальникам и уездным съездам Тобольской губернии об улучшении управления инородцами. 20 ноября 1909 г. // Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 438.

Рис. 5.19. Губернатор А. А. Станкевич

губернии, что не оставалось незамеченным общественностью⁵².

Рассудительность, предусмотрительность и строгое следование предписаниям центра стали ключевыми составляющими управленческого стиля Гагмана. Неслучайно предвыборная кампания 1912 г., которая сопровождалась труднопредсказуемым поведением отдельных категорий населения, стала причиной его особого беспокойства и вызвала строгий контроль со стороны губернской администрации. В феврале 1912 г. Гагман подал в отставку по состоянию здоровья.

Его преемником стал 44-летний Андрей Афанасьевич Станкевич, до этого занимавший должность управляющего канцелярией Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора. Он получил образование на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета. Как и Гондатти, он в своё время также успел познакомиться с Тобольским краем. С января по май 1892 г. будущий губернатор побывал здесь в составе группы командированных для оказания по-

мощи населению, пострадавшему от неурожая 1891 г. За это время ему удалось собрать богатый материал для подготовки основательного описания Тобольской губернии, которое потом использовалось при планировании переселенческих мероприятий. Так, у него сформировалась репутация специалиста по переселенческому вопросу. В 1891–1892 гг. он служил в Земском отделе МВД, а затем его представителем в Кургане, где активно занимался реализацией многих соответствующих мероприятий. Непродолжительное время, с декабря 1902 по июль 1903 г. Станкевич был помощником начальника Переселенческого управления МВД, а затем после недолгой службы на Кавказе, в 1904–1911 гг. служил в Прибалтийских губерниях.

Таким образом, Станкевичу предстояла служба в хорошо знакомом ему регионе. Поэтому он с большим энтузиазмом погрузился в административные заботы о крае и сразу же стал объезжать отдалённые районы губернии. Ему удалось застать последние годы мирного развития региона, который в целом отличался хорошей динамикой социально-экономических показателей.

В числе крупных и ответственных официальных мероприятий, проведенных под началом Станкевича, можно выделить серию праздничных церемоний в рамках общеимперских торжеств, посвящённых 300-летию Дома Романовых. В Тобольске, а также по уездным городам прошли специальные юбилейные мероприятия. 17 февраля 1913 г. в Тобольске был

⁵² Сунгуров П. А. Деятельность Тобольского губернатора Дмитрия Федоровича фон-Гагмана (по сведениям журнала «Сибирские вопросы») // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 174–175.

поставлен спектакль «Жизнь за царя». 20 февраля во всех храмах губернии отслужены панихиды по усопшим правителям России из династии Романовых. На следующий день во всех церквях проведены божественные литургии, а также крестные ходы. Войска Тобольского гарнизона прошли торжественным маршем. В тот же день состоялся праздничный публичный акт из трёх отделений (исполнение государственного гимна, чтение очерка из истории правления монархов-Романовых, хоровое пение учащихся епархиального училища, духовной семинарии и гимназии). Утром 22 февраля в тобольском общественном собрании был организован бесплатный спектакль для жителей города, а вечером в гимназии женский вечер. 23 февраля прошёл бал для учеников низших отделений средних учебных заведений и начальных школ, а в приходских училищах — музыкально-литературные утренники⁵³.

Рис. 5.20. Тобольск. Народная аудитория

В ходе праздничных событий в Тобольской губернии прошло торжественное собрание специалистов аграрной сферы, где Станкевич вручил дипломы и денежные премии за образцовое содержание хозяйств. Такого рода поощрение от властей за популяризацию сельского хозяйства проводилось в регионе впервые. Активную помощь в проведении торжеств оказали органы городского самоуправления. Официальные издания старались воспроизвести идиллические картины происходившего: «Воистину — был великий праздник. Работ нигде не производилось, от вина почти повсюду полное воздержание. Селения убраны по-праздничному. Вознеся молитвы в церквях, в общественных зданиях и на площадях, куда устраивались крестные ходы, население спешило на сходы, чтобы в приговорах выразить глубокую преданность и благодарность своему возлюбленному Царю-батюшке»⁵⁴.

По всей губернии было организовано составление всеподданнейших адресов, проведение разнообразных верноподданнических и благотворительных акций и т.п. Среди них наиболее популярными были приобретение икон для храмов, школ и общественных зданий; сооружение, ремонт и украшение церквей и часовен; установка памятников, бюстов и приобретение портретов представителей Дома Романовых и членов царской семьи. Следует подчеркнуть, что Югорская часть Тобольского края также активно участвовала во всех этих мероприятиях. Так, остяки, самоеды и крестьяне Берёзовского уезда собрали 5 тыс. руб. на

⁵³ Томилов И. С., Федотова Д. Ю. Традиции празднования юбилейных дат в Тобольской губернии в конце XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 145.

⁵⁴ Празднование 300-летия Царствования Дома Романовых в Тобольской губернии в феврале месяце 1913 года // Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 год. Приложения. Тобольск., 1914. С. 1.

учреждение стипендии при Тобольской мужской гимназии для одного мальчика из жителей Берёзовского уезда. Иностранцы Тундринской инородной управы Сургутского уезда решили в течении десяти лет собирать с населения по одному рублю с души на учреждение инородческой богадельни в городе Сургуте⁵⁵.

«Празднование события во всех городах губернии также отличалось большой торжественностью и высоким подъемом патриотических чувств. <...> Города были разукрашены и вечером иллюминированы; в учебных заведениях, народных домах и театрах устраивались чтения с картинами и спектакли, соответствующие событию; раздавались учащимся и народу книги, брошюры, альбомы и т. п.», — отмечалось в официальной хронике. В частности, Тобольск учредил в мужской гимназии две стипендии для оплаты обучения беднейшим ученикам. Город Берёзов ходатайствовал о наименовании вновь учреждаемой богадельни «Романовской»⁵⁶.

В период губернаторства Станкевича Тобольский край перестраивался на оперативные условия управления, вызванные Первой мировой войной. Повсеместно начались мероприятия по мобилизации, транспортировке грузов военного назначения, налаживалось производство продовольствия и продукции для нужд армии. Отдельной заботой начальника губернии стало постоянное взаимодействие с местными коммерческими кругами на предмет противодействия необоснованному повышению цен на товары первой необходимости. Данная проблема имела острый социальный характер. В губернию непрерывно поступали раненые и заболевшие военнослужащие. Помещений для их приёма очень не хватало. Станкевич попытался разместить часть раненых в тобольских монастырях. Однако первоначально, сославшись на отсутствие средств, людей и помещений, они не проявили ответной реакции. Под нажимом начальника губернии Тобольской духовной консистории всё-таки пришлось разместить в монастырях 30 человек. На фоне этой проблемы обострились отношения Станкевича с местным архиереем Варнавой. Последний пожаловался на губернатора в Святейший Синод, который направил ему гневное предостережение. Далее Варнава выразил недовольство Станкевичем своему могущественному покровителю Распутину⁵⁷.

13 ноября 1915 г. Станкевич, давно чувствовавший ухудшение самочувствия из-за местного климата, был переведён на должность самарского губернатора. По другой версии уход Станкевича был кадровой рокировкой, вызванной необходимостью назначения в Тобольск управляющего казённой палатой в Пермской губернии Н. А. Ордовского-Танаевского. Последний считался ставленником влиятельного царедворца Г. Е. Распутина⁵⁸.

Впервые вопрос о потенциальном губернаторстве Ордовского-Танаевского возник в 1912 г. Этот вопрос поднял член Совета министра внутренних дел Н. Ч. Зайончковский, с которым Ордовский-Танаевский был ранее знаком. Затем состоялась встреча Ордовского-Танаев-

⁵⁵ Празднование 300-летия Царствования Дома Романовых в Тобольской губернии в феврале месяце 1913 года // Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 год. Приложения. Тобольск., 1914. С. 3–4.

⁵⁶ Празднование 300-летия Царствования Дома Романовых в Тобольской губернии в феврале месяце 1913 года // Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 год. Приложения. Тобольск., 1914. С. 4–5.

⁵⁷ Шишкина С. Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914–февраль 1917 г.). Тюмень, 2006. С. 150.

⁵⁸ Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания (жизнеописание мое). М. — СПб., 1993. С. 366.

ского с главой МВД А. А. Макаровым, которого он также знал лично. Последний открыл ему, что «осенью, после выборов в Государственную думу, будет убрано до 30 губернаторов и около 20 епископов на покой. Нужны новые люди»⁵⁹. Однако первоначально Ордовский-Танаевский попытался отказаться от этого предложения, поскольку намеревался подать в отставку с государственной службы, чтобы заняться семейными делами. Но потом был вынужден уступить настояниям министра. При этом он лишь попросил определить его в одну из трёх губерний: Астраханскую, Пермскую или Тобольскую.

Рис. 5.21. Русские солдаты. Первая Мировая война

Макаров обещал доложить об этом императору, чтобы тот внес имя Ордовского-Танаевского в свой особый список кандидатов в губернаторы. Размышляя над разговором с министром, Ордовский-Танаевский предполагал, что «назначение, вероятно, состоится осенью, т. к. три названные мною губернии не требовали срочных перемен и надо подготовить места, куда согласился бы перейти заменяемый губернатор»⁶⁰.

Вероятность разрешения вопроса о конкретной губернии появилась в октябре 1912 г., когда Ордовский-Танаевский вновь был вызван в Санкт-Петербург. Но в столице его ожидало непредвиденное известие. В день его приезда Макаров оставил министерский пост и вопрос о назначении, казалось, повис в воздухе.

В это время и произошла его случайная, по словам Ордовского-Танаевского, встреча с Г. Е. Распутиным, породившая многочисленные разговоры о близком знакомстве с этим авторитетным старцем. Во время короткого разговора в поезде по дороге из столицы в Пермь, Распутин пригласил его в своё родное тобольское село Покровское. Но в ответ на учтивое недоумение Ордовского-Танаевского, старец промолвил: «не теперь, так потом, губернатором там будешь». Впоследствии у них была ещё одна встреча, и они познакомились ближе. В феврале 1913 г. Распутин приезжал в Пермь и уже ночевал в доме Ордовского-Танаевского⁶¹.

В 1913 г. Ордовский-Танаевский вновь встречался с Макаровым. Экс-министр настоятельно посоветовал ему нанести визиты «высоким» покровителям — председателю Совета министров В. Н. Коковцову, обер-прокурору Святейшего Синода В. К. Саблеру, а также члену Государственного совета Б. А. Васильчикову. Ордовский-Танаевский последовательно

⁵⁹ Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания (жизнеописание мое). М. — СПб., 1993. С. 297.

⁶⁰ Там же. С. 298.

⁶¹ Там же. С. 304, 315.

Рис. 5.22. Г. Е. Распутин, епископ Гермоген, иеромонах Илиодор

встретился с каждым из них и, действительно, получил единодушие в поддержке его потенциального губернаторства⁶².

Вскоре состоялась встреча Ордовского-Танаевского с новым министром внутренних дел Н. А. Маклаковым. Он пообещал ему губернаторский пост, но предупредил, что на тот момент соискателей заветного места очень много. Но далее ситуация повторилась. Маклаков так же, как и его предшественник, неожиданно ушел в отставку, а Ордовский-Танаевский вновь оказался в неопределенном положении.

Несмотря на географические расстояния, сведения о столичных контактах Ордовского-Танаевского очень быстро достигли Перми. Там уже активно распространялись слухи о его скором назначении пермским губернатором вместо И. Ф. Кошко, собиравшегося в отставку. Между тем, Ордовский-Танаевский к этому времени уже разуверился в возможности назначения и сам подумывал об отставке, мечтая о частной жизни.

Однако пермская общественность думала иначе. Её настроения в одной из частных бесед с губернатором раскрыл местный полицеймейстер. «Напрасны Ваши мечты, — не удастся уйти. Губернатором Вы будете, я знаю, наверное, а там ждет Вас большая дорога. И Макаров вернется, и Государь с Государыней Вас знают <...> скоро Губернское земское собрание, и так как уход губернатора решен, то земцы собираются возбудить ходатайство о Вас, Вашем назначении»⁶³. Полицейский чиновник оказался прав. Состоявшееся вскоре земское собрание ходатайствовало о назначении Ордовского-Танаевского пермским губернатором.

Однако время шло, а назначение вновь не происходило. Возможно, репутация «распутинца» действительно мешала Ордовскому-Танаевскому. Именно в этом ключе стоит понимать губернатора Кошко, который рассказывал в столице о «близких» связях того с Распутиным. Всё это действительно могло расстроить карьерные планы Ордовского-Танаевского. Однако последний вновь не был огорчен, надеясь, что назначения все-таки не будет⁶⁴. Летом 1915 г. он подал прошение об отставке и получении пенсии. Одновременно он получил руководящий пост в правлении одной из крупных золотодобывающих компаний в Екатеринбурге. Он приобрел там дом и собирался осуществить свою мечту о частной жизни. Тем не менее,

⁶² Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания (жизнеописание мое). М. — СПб., 1993. С. 306–307.

⁶³ Там же. С. 316.

⁶⁴ Там же. С. 322.

есть данные, что Распутин ещё в 1914 г. предпринимал попытки устроить своего протеже. Министру внутренних дел Н. А. Маклакову как-то была передана записка от Николая II, где было написано: «Просьба — управляющего Пермской казенной палатой Ордовского-Танаевского куда-нибудь губернатором». Царь протянул ему эту записку со словами «возьмите это, дома прочтете; это просьба императрицы на ваше полное усмотрение»⁶⁵.

Наконец, из МВД неожиданно поступила телеграмма о назначении Ордовского-Танаевского тобольским губернатором, а следом, на другой телеграфной ленте пришло послание от самого Распутина — «Доспел тебя тобольским губернатором»⁶⁶. Недоумевая и сокрушаясь, Ордовский-Танаевский немедленно выехал в столицу с намерением остановить решение. Он встретился с товарищем министра С. П. Белецким, от которого узнал, что назначение Ордовского-Танаевского исходит от самого царя, который хочет реализовать идею канонизации Иоанна Максимовича. «Проведете канонизацию — может и царская семья приедет. Вас ожидает большая дорога», — сказал он. Относительно участия Распутина в назначении Белецкий иронично заметил, что тому свойственно приписывать себе влияние на кадровые решения. «Всегда так, что узнает — спешит впутаться, весу себе придать»⁶⁷, — сказал Белецкий.

На момент назначения тобольским губернатором Ордовскому-Танаевскому было 52 года. Он окончил Павловское военное училище и после короткой службы в войсках окончательно перешёл в гражданское ведомство. Короткий период правления последнего тобольского губернатора пришелся на период Первой мировой войны. Его заботы целиком были посвящены поддержанию правопорядка в городах и сельских районах, обеспечению населения продовольствием и предметами первой необходимости, решению вопросов размещения военнопленных, ссыльных и раненых, попечению нуждающихся посредством благотворительных мер и т. п. После Февральской революции Ордовский-Танаевский признал власть временного правительства и передал власть губернскому комиссару. Некоторое время после этого он продолжал жить в Тобольске как частное лицо.

Помимо реализации непосредственных обширных служебных полномочий, тобольские губернаторы ех *officio* занимали разного рода руководящие посты в иных губернских структурах.

Рис. 5.23. Отчет попечительства о народной трезвости

⁶⁵ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 333.

⁶⁶ [Протокол допроса В. Б. Похвиснева, 7 мая 1921 г.] // Соколов Н. А. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: [Сб. материалов]. М., 1998. С. 291.

⁶⁷ Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания (жизнеописание мое). М. — СПб., 1993. С. 330.

В начале XX столетия губернаторы также числились во главе различных общественных и благотворительных организаций. Зачастую начальник губернии, а также его супруга приглашались туда для придания общественного статуса этим организациям.

В частности, по данным на 1907 г.⁶⁸, губернатор Н. Л. Гондатти был председателем Тобольского губернского статистического комитета, а также Тобольского губернского комитета попечительства о народной трезвости. В Губернском попечительном о тюрьмах комитете он занимал пост вице-президента. Кроме того, в Губернском попечительстве о детских приютах Ведомства учреждений Императрицы Марии и Тобольском Александровском детском приюте Гондатти был председателем попечительств. Губернатор также занимал председательские кресла в некоторых региональных отделениях общероссийских общественных организаций — Тобольском местном управлении Российского общества Красного Креста и Тобольском окружном правлении Императорского Российского общества спасения на водах.

Супруга губернатора, Маргарита Мечиславовна Гондатти, была председателем Благотворительного комитета по оказанию помощи переселенцам и Тобольского попечительного общества о бедных. Наконец, в Тобольской Мариинской женской школе губернатор состоял Председателем Совета, а супруга губернатора — Попечительницей.

Накануне Первой мировой войны число таких постов увеличилось⁶⁹. В 1914 г. губернатор А. А. Станкевич руководил, как и его предшественники, губернским статистическим комитетом, а также занимал председательские кресла в Тобольском местном управлении Российского общества Красного Креста и Тобольском окружном правлении императорского Российского общества спасения на водах. К новым должностям добавились Тобольское отделение Императорского Русского музыкального общества, Тобольское отделение Императорского Российского общества судоходства, Алексеевский комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией. Во всех трёх А. А. Станкевич занимал председательские посты. Супруга губернатора, Мария Сергеевна Станкевич, также возглавляла благотворительные органы. Она была Председательницей правления и Попечительницей Ольгинского приюта трудолюбия для детей-сирот переселенцев, попечительницей Тобольской общины сестер милосердия Красного Креста, а также Председательницей Общества вспомоществования бедным ученицам Мариинской женской гимназии.

Таким образом, в начале XX столетия во главе Тобольской губернии находился ряд опытных администраторов, имевших солидное, как правило, университетское образование и значительный служебный опыт. Почти каждый из них обладал большой практикой службы в общественных структурах, а также в ведомствах судебного (юридического) профиля. Назначение тобольских губернаторов осуществлялось с учётом не только служебных качеств кандидата и его опыта, но также зачастую под воздействием субъективных обстоятельств, например, протекции. При этом центральное руководство старалось учитывать предыдущий опыт службы чиновников с учётом специфики региона. Большинство из губернаторов ранее служили в судебном ведомстве, а также сибирских (в том числе, тобольской) территориях.

Несмотря на то, что губернаторы представляли монарха, в своей практической деятельности они были сильнее связаны с МВД. При этом в повседневных вопросах они более

⁶⁸ Памятная книжка Тобольской губернии на 1907 год. Тобольск., 1907. С. 134–175.

⁶⁹ Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 год. Приложения. Тобольск., 1914. С. 4–63.

Рис. 5.24. Обучение медсестёр. Начало XX в.

контактировали не с главой этого ведомства, а с центральным аппаратом министерства, который фактически держал в своих руках судьбу каждого из губернских начальников. Последние, даже при всех своих обширных полномочиях, формально оставались чиновниками МВД. Поэтому именно министр внутренних дел, а не император обладал преимущественной осведомлённостью о положении дел на местах, знал подробности служебной деятельности губернаторов и намечал кандидатов на эти должности. Такое воздействие МВД на ротацию губернаторского корпуса усиливало его влияние и на внутривластные процессы в империи⁷⁰.

Центральная власть стремилась усилить руководящими кадрами регион, где его преобладающая территория — Югорский север — имела существенную этно-социальную и хозяйственную специфику. Она умела подбирать фигуры, способные находить гибкие административные инструменты в общении с разнохарактерным населением, а также учитывать специфику ссыльного контингента как традиционной прослойки местного общества. МВД и центральное руководство, в целом, представлялось активным участником региональной политики. Посредством кадровых решений, директивных установок обеспечивалась преемственность внутривластного курса в этом важном регионе Западной Сибири.

⁷⁰ Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX — начала XX вв.). Орел, 2011. С. 111–117.

Глава 2

Общественные процессы и повседневность Югры во время русско-японской войны и Первой русской революции

1. В реалиях военного времени

События Русско-японской войны и Первой русской революции, сопровождавшиеся бурным общественным подъёмом в стране, отразились и на жизни Тобольского севера. Его жители почувствовали перемены правительственной политики на местах. Несмотря на удалённость от Европейской России и Дальнего Востока административно-политическое пространство Тобольского края в целом продемонстрировало жизнь российской провинции в период трансформации государственного аппарата и общественного движения с учётом военного времени, а также небывалого ранее противостояния власти и общественных сил. С одной стороны, сугубо тыловой характер региона, но одновременно, проходившая через его южные районы Транссибирская магистраль, определяли двойственность положения. Поэтому хотя Югорские территории на севере продолжали свою повседневную жизнь, но губерния в целом полностью окунулась в суровые реалии военного времени.

С первых дней войны в адрес тобольского губернатора непрерывно шли директивы, направлявшие действия местных властей. 17 февраля 1904 г. на основании высочайшего повеления тобольский губернатор издал обязательное постановление, вводившее перечень запретов и ограничений на период военного времени. В частности, запрещались любые «сборища, сходки и собрания на улицах, площадях и других общественных местах», в том числе «собрания и сходки в частных домах для обсуждения вопросов, имеющих общественное значение». Запрещалось «нарушение общественной тишины и спокойствия на улицах, площадях и других общественных местах, а также в театрах». Исключение делалось для шумного одобрения исполнителя на театральном представлении. Под запретом оказывались «тревожные, ложные и неизвестно откуда происходящие слухи о военных действиях на Дальнем Востоке, о правительственных распоряжениях или действиях местных властей». Заводо-владельцы обязывались «в течение суток доводить до сведения полиции о появлении в среде рабочих лиц неблагонамеренных, подстрекающих их к нарушению порядка». Не разре-

шалось ношение «в публичных местах» холодного и огнестрельного оружия, а также иного оружия ближнего боя (кастетов, тростей-тайников и др.). Все домовладельцы, содержатели гостиниц и т.п. были обязаны в течение суток «заявлять полиции о тех из своих жильцов или посетителей, которые почему-либо возбуждают подозрение в их неблагонадежности или не имеют письменных видов». Наконец, воспрещались всякие сборы денег в пользу лиц, оштрафованных за нарушение данного постановления⁷¹.

В местных газетах регулярно публиковалась фронтовая хроника, обзор важнейших боевых действий и данные об изменении диспозиции. Из центральных изданий перепечатывались всеподданнейшие телеграммы главнокомандующих сухопутными и морскими силами, действующими против Японии. Часто помещались материалы, рассказывающие о подвигах и личном мужестве российских солдат и командиров.

Наряду с общеимперской информацией население также получало сведения и местного значения. В «Тобольских губернских ведомостях» размещались списки нижних чинов Тобольской губернии убитых, умерших и раненых во время военных действий. Помимо фамилии, имени и отчества, там приводились следующие данные: семейное положение; местожительство (уезд и волость); а также дата и географический пункт, где произошло последнее сражение⁷².

По сообщению тобольского губернатора, призыв на фронт прошёл под полным контролем властей и никаких волнений среди населения не было. «Война, страдания раненых, участь семей, отправивших своих кормильцев на Дальний Восток, вызвали во всех слоях населения подъем патриотических чувств и посильные пожертвования»⁷³, — доносил в центр.

Правительство взяло на себя организацию призрения семей запасных нижних чинов и ратников ополчения. В Тобольской губернии этим занимались волостные старшины, которые собирали сведения о нуждающихся для назначения пособия. Удельный вес призреваемых семей к общему числу призванных войну составил почти 80%. Однако отсутствие органов земского самоуправления и возложение вопросов призрения нуждающихся семей на поли-

Рис. 5.25. Манифест Николая Второго о начале войны

⁷¹ Тобольские губернские ведомости. 1904. 17 февраля. № 7. С. 2.

⁷² Тобольские губернские ведомости. 1904. 3 августа. № 32. С. 7; 1905. 1 ноября. № 44. С. 3.

⁷³ Всеподданнейший отчет тобольского губернатора [за 1904 год] // РГИА. Ф. Б-ка I Отд. Оп. 1. С. 2-3, 5.

цию и крестьянских начальников, снижало эффективность адресной помощи. Вместе с тем, стоит отметить активное участие в этой работе дамского комитета Тобольского отделения Красного Креста⁷⁴.

Председательское кресло в Дамском комитете занимала супруга тобольского губернатора М. Лаппо-Старженецкая. В первые дни войны она опубликовала от имени комитета воззвание о начале благотворительной работы. «Дамский комитет для заготовки белья для больных и раненых на Дальнем Востоке приглашает лиц всех званий и сословий оказать посильную помощь в пожертвовании всяких без исключения вещей, как-то: ниток, иголок, холста, пуговиц, тесемок, и проч. проч. мелочей, а равно и денег, в каком бы то ни было количестве»⁷⁵, — призвала она. Под руководством супруги губернатора дамские комитеты были созданы во всех городах губернии. Удалось наладить сбор белья, одежды и обуви для нужд армии. Кроме того, для организации помощи солдаткам были созданы попечительства во всех городах и волостях⁷⁶.

Кроме того, Тобольское отделение Красного Креста организовало фронтовой лазарет на 25 коек. В первых числах июня 1904 г. медицинский персонал (2 врача, 5 сестёр милосердия и 6 санитаров) вместе с оборудованием выехал из Тобольска и 29 июня прибыл в Харбин, где было определено его местоположение. 8 июля, после того как был доставлен двигавшийся следом лазаретный груз, началось его развёртывание. Исходя из оперативной необходимости, вместимость лазарета была увеличена до 100 коек (по 10 в одной палатке). Первые партии больных поступили с дизентерией, включая её тяжелые формы. Сложность обеспечения функционирования лазарета потребовала найма китайского персонала, который занимался пригото-

Рис. 5.26. Русские и японские солдаты времен Русско-японской войны: 1 — японский офицер артиллерии; 2 — японский пехотинец; 3 — русский пехотинец; 4 — офицер

⁷⁴ Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 68–79.

⁷⁵ Тобольские губернские ведомости. 1904. 10 февраля. № 6. С. 1.

⁷⁶ Всеподданнейший отчет тобольского губернатора [за 1904 год] // РГИА. Ф. Б-ка I Отд. Оп. 1. С. 5–6.

нием пищи, чисткой белья и уборкой помещений. С августа поток больных увеличился, стали поступать с брюшным тифом. К сентябрю число коек увеличилось до 149. Персонал был усилен за счёт нескольких специалистов из Костромского отряда Красного креста.

Осенью в Тобольском лазарете начались сложности с продуктами. Оказалось, что харбинский рынок не был рассчитан на постоянно увеличивающееся количество лазаретов и больных. «Чтобы достать хлеба, человек посылался утром до свету захватить очереди, и брал, что дадут. Такая же неуверенность была и в количестве молока, которым мог бы располагать госпиталь на завтра»⁷⁷. Условия работы осложняла и резкая перемена погоды — наступили ощутимые в этих местах морозы. 29 сентября из Тобольска прибыл дополнительный персонал (3 сестры милосердия и 5 санитаров).

На зимнее время лазарет переехал во владельческие дома в Старом Харбине. В ноябре–декабре 1904 г. число пациентов снизилось из-за отсутствия масштабных боевых действий. В ноябре был доставлен груз теплых вещей, белья и др. из Тобольской губернии. Обеспечение в целом наладилось. При выписке лазарет выдавал всем больным нижнее белье, верхнюю одежду и обувь по сезону. «С наступлением холода, сверх белья, госпиталь выдавал сапоги, валенки, шинели, башлыки, полушубки и, если были нужны, новые шаровары, мундиры, папахи, рукавицы. Кроме того, и в зависимости от привычек и желаний каждого — табак, почтовую бумагу и конверты, спички, мыло, иголки, нитки, все в виде кисетов-подарков, или отдельными предметами»⁷⁸. После Мукденских боев снова резко возросло число раненых и больных. 18 мая 1905 г. тобольский лазарет переместился из Харбина в Читу, где разместился в здании ремесленного училища и продолжил приём больных⁷⁹.

В то же время губернская администрация продолжала осуществлять мероприятия по решению текущих вопросов общегражданского управления. Губернатор издавал соответствующие постановления, посвящённые первоочередным вопросам местной жизни. Например, 24 октября 1904 г. вышла группа постановлений по вопросам санитарного благоустройства: «О порядке содержания дворов, улиц, проулков, площадей, канав, речек, мостов и тротуаров», «Об устройстве помойных ям, ретиратов и колодцев и об очистке их», «О хлебопекарнях и кондитерских заведениях», «О мясной торговле», «О рыбной торговле», «О торговле мороженым и квасом», «О торговле съестными припасами», «О торговле старьем», «О содержании общественных бань», «О содержании цирюлен и парикмахерских», «О гостиницах, буфетах, кухмистерских, трактирах, постоянных и заезжих дворах, харчевнях и чайных», «О соблюдении правил, на случай появления на людях заразных болезней»⁸⁰.

В обстановке поражений русской армии на Дальнем Востоке, напряжения всех государственных ресурсов, основная часть населения страны разочаровывалась в возможностях властей удовлетворить социально-экономические потребности населения. Комплекс негативных тенденций особенно рельефно ощущался в провинции. Поэтому именно особенности общественных отношений и дальнейшего социально-экономического развития Тобольской губернии определяли характер и направленность нарастания здесь антиправительственных настроений.

⁷⁷ Тобольские губернские ведомости. 1905. 10 мая. № 19. С. 5.

⁷⁸ Тобольские губернские ведомости. 1905. 18 мая. № 20. С. 5.

⁷⁹ Тобольские губернские ведомости. 1905. 27 июня. № 27. С. 1.

⁸⁰ Тобольские губернские ведомости. 1904. 2 ноября. № 45. С. 3–6.

2. В годы революционных испытаний

В целом сказывалась слаборазвитость региона и отсутствие в нём крупных промышленных предприятий, а также распространённость мест отбывания ссылки и каторги. По своей хозяйственной специализации это был аграрный регион, а основное население составляли крестьяне. В отличие от Европейской России тут не было помещичьего землевладения и крепостного права. Местной особенностью было распространение крепких крестьянских хозяйств, которые аккумулировали основные земельные и животноводческие ресурсы. Несмотря на отсутствие крепостного права в тобольской деревне полным ходом шло расслоение крестьянства. Этот процесс катализировал непрерывный поток переселенцев. Именно эта категория населения пополняла массу сельских бедняков и батраков-маргиналов, которым противостояло зажиточное кулачество. Одним из красноречивых выразителей обнищания деревни также была безлошадность.

Относительно небольшая часть рабочего контингента была сосредоточена в Тюмени, где на начало 1905 г. насчитывалось более 4 тыс. рабочих. Это были рабочие судостроительного завода Ятес, завода Машарова, спичечной фабрики Логинова и Ворожцова, лесопильного и кожевенного заводов, железнодорожных депо, а также множества мелких кустарных предприятий и мастерских. В Кургане, втором по размерам промышленного развития городе, были сосредоточены производства по переработке сельскохозяйственного сырья. Впрочем, небольшие предприятия были и в северной части края — рыбоконсервный завод в Тобольске, текстильная фабрика в Туринске и др.

Организация труда на этих предприятиях была сопоставима с общероссийскими условиями. Здесь имел место изнурительный 12–14-часовой рабочий день при крайне низкой заработной плате, а также практически полном отсутствии охраны труда и техники безопасности. Многие рабочие жили в бараках и подвалах. Их положение было особенно тяжёлым на предприятиях мануфактурного типа. Всё это не могло не накалять социальную обстановку и делало рабочий элемент очень взрывоопасным контингентом. Росту протестных настроений способствовало общение с переселенцами из промышленных центров страны и политическими ссыльными.

Первым крупным проявлением общественного недовольства стала забастовка тюменских рабочих 28–31 мая 1905 г. Тогда состоялась многотысячная демонстрация рабочих на улицах города, закончившаяся продолжительным митингом на базарной площади. Рабочие, к которым присоединялись приказчики торговых фирм и магазинов, выдвигали требования 9-часового рабочего дня, медицинского обеспечения и социального страхования. Кроме того, прозвучали требования освобождения от работы в воскресные и праздничные дни, выдачи выходного пособия уволенным без предупреждения, а также запрета на работу детям младше 12 лет. Собравшиеся выбрали уполномоченных от каждого предприятия для передачи требований фабричной администрации. 30 мая 1905 г. почти все тюменские промышленники, напуганные размахом выступлений, удовлетворили требования рабочих, и забастовка была прекращена. 7 июня 1905 г. у тюменской полиции появилась информация, что некоторые руководители рабочего движения собираются выехать в Тобольск для организации там рабочего кружка. Несмотря на то, что данная забастовка имела ограниченный во времени и чисто экономический характер, она оказала сильное влияние на рост и сплочённость тобольских рабочих в целом. В такой атмосфере борьба за свои права и положение,

рабочее движение обрело политическое наполнение.

Тобольцы очень хорошо знали, что в Санкт-Петербурге, Москве и других частях страны происходят столкновения рабочих и крестьян с полицией и войсками. Либеральная общественность страны ищет пути компромиссного общения с властями. К примеру, страницы «Тобольских губернских ведомостей» подробно описывали важнейшее событие политической жизни тех месяцев — прием Николаем II 6 июня 1905 г. делегации от съезда земских и городских деятелей во главе с князем С. Н. Трубецким.

Рис. 5.27. г. Тюмень

«Русский народ не утратил патриотизма, не утратил веры в Царя и в несокрушимое могущество России; но именно поэтому он не может уразуметь наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу, <...> одни натравливают народ на помещиков, другие — на учителей, земских врачей, на образованные классы. Одни части населения побуждаются против других. Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся веками обид и утеснений, обостряемая нуждой и горем, бесправием и тяжкими экономическими условиями, подымается и растет, и она тем опаснее, что в начале облекается в патриотические формы, — тем более она заразительна, тем легче она зажигает массы. Вот грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущие на местах, измерили до глубины во всем ее значении и о которой мы сочли долгом довести до сведения Вашего Императорского Величества»⁸¹, — произнес видный общественный деятель, философ и публицист.

В тот момент рабочие выступления в Тобольской губернии стали частью обширного общегосударственного движения, которое к осени 1905 г. набирало высокий темп. В это время, как известно, приближалась первая кульминационная фаза революции — Всероссийская октябрьская политическая стачка. Она наполнила революционный процесс политическим содержанием. Её события проходили под лозунгами свержения самодержавия, бойкота выборов в так называемую «Булыгинскую думу», созыва Учредительного собрания и установления республиканского государственного устройства.

Летом и осенью 1905 г., вслед за тюменскими рабочими в революционное движение вошли и их тобольские товарищи. В губернском городе были организованы профессионально-политические союзы рабочих, ремесленников, приказчиков, учителей и мелких служащих.

Не случайно Октябрьская политическая стачка охватила практически все регионы, так как её призывы поддержало большинство рабочих страны. «Везде забастовщики быстро переходили от экономических требований (главными из них были повышение заработной платы и сокращение рабочего дня) к политическим. Рабочие требовали от правительства провоз-

⁸¹ Тобольские губернские ведомости. 1905. 26 июля. № 30. С. 2.

глашения демократических свобод, национального равноправия и созыва Учредительного собрания для установления “нового государственного порядка в России”⁸². Комплекс требований, выдвинутых забастовщиками, суммировал всё многообразие политических, экономических проблем, волновавших общество, возмущенное социальной несправедливостью в сфере оплаты труда и производственных отношений. Наиболее острыми и животрепещущими из них были крайне низкий уровень жизни трудящихся, стремительное расслоение общества, а также невнимание к накопившимся социальным противоречиям. При этом основная масса недовольных сложившейся ситуацией если не открыто, то внутренне была согласна с лозунгами, выдвигавшимися политическими объединениями левого толка. И если не все представители российского общества поддерживали открытое вооруженное противостояние с официальными властями, то практически все были согласны с тем, что существовавшая модель общественных отношений и государственного управления нуждается в коренном реформировании на новых, демократических началах. Каждая категория выступавших в те решающие для революции дни видела в будущем удовлетворение конкретных собственных интересов. Рабочие хотели повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, а крестьяне томились в ожидании разрешения животрепещущего вопроса об увеличении земельных наделов. Именно поэтому лозунги и заявления левых и леворадикальных политических объединений, по сути, отражали интересы основной массы населения империи⁸³.

17 октября 1905 г. Николай II подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», о котором в Тобольске узнали вскоре после публикации в «Тобольских губернских ведомостях»⁸⁴. В губернском центре на это событие отреагировали несколькими демонстрациями, которые вызвали серьёзную озабоченность властей. Тобольский городской голова поместил в газетах обращение к их участникам — «Происходящие в городе Тобольске уличные демонстрации, к участию в которых привлекаются даже дети, возбуждают страсти и сопровождаются проявлениями симпатий и антипатий толпы, а потому легко могут привести ко всяким осложнениям». Он просил рассматривать своё обращение как «убедительную просьбу к сторонникам уличных демонстраций прекратить таковые и обратиться к другим способам разъяснения населению предоставленных ему прав»⁸⁵.

Вскоре в губернии появляются просветительские кружки из местной интеллигенции и учащихся, а также радикально настроенных рабочих. В октябре 1905 г. либеральная часть тобольской городской общественности объединилась в «Союз гражданской свободы». Они оказывали идейное влияние на сельскохозяйственное общество при Тобольской сельскохозяйственной школе, а также на профессиональные союзы служащих, приказчиков, учителей и др. Осенью полным ходом шло образование «дружин самообороны», которые были сформированы почти во всех городах и рабочих центрах Тобольской губернии.

17 ноября 1905 г. началась забастовка почтово-телеграфных служащих, которые выдвинули требования улучшения материального положения. Рабочие активно вооружались, что ставило перед властями проблему их разоружения. Несмотря на жёсткую политику самодержавия

⁸² Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 294.

⁸³ Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 303.

⁸⁴ Тобольские губернские ведомости. 1905. 18 октября 1905. № 42. С. 1.

⁸⁵ Тобольские губернские ведомости. 1905. 1 ноября. № 44. С. 3.

вия, направленную на подавление революции, аресты и репрессии, в 1906 г. продолжалась активная революционная пропаганда. Особенно динамично действовали большевики, которые смогли организовать подпольную типографию, где изготавливали агитационные материалы, которые затем распространяли в рабочих коллективах, крестьянских обществах и воинских частях. В своих многочисленных прокламациях большевики призывали рабочих к забастовкам и свержению самодержавия.

Власти были озабочены сложившейся ситуацией, но прибегали к привычным методам борьбы с антиправительственными выступлениями. С одной стороны, они задействовали все инструменты демагогического убеждения населения. В местной официальной прессе регулярно публиковались правительственные разъяснения новых возможностей общественной жизни после издания октябрьского манифеста. «Рядом донесений и сообщений рисуются совершенно тождественные повсюду ход беспорядков, внезапность их и сила. Эти сведения дают основание полагать, что люди, утомленные стачками и отсутствием порядка и безопасности, не наступившими и после издания Манифеста 17-го октября, проявляют свое недовольство в тех резких и тяжелых формах, в которых обыкновенно совершаются подобные народные движения». От населения ожидалось содействие созидательной работе царя и правительства в новых общественных условиях. «Совет министров, вступающий ныне в действие, приложит все силы к осуществлению Воли Государя Императора. Но надо, чтобы он имел возможность работать, направив все свое внимание к успешному выполнению возложенной на него задачи. К созданию условий, которые обеспечивали бы возможность такой правильной работы, должны стремиться все те, кто желает развития начал, указанных Его Императорским Величеством во Всемиловитивейшем Манифесте 17-го октября»⁸⁶.

С другой стороны, не ослабевали полицейско-репрессивные рычаги. С 31 декабря 1905 г. в Тобольске было введено военное положение⁸⁷. Увеличивалась численность войск в Тобольске и других крупных центрах губернии. Полиции предписывалось организовать повышенные меры по предотвращению нарушений порядка и политических выступлений.

В самый канун второй кульминационной фазы Первой русской революции — Декабрьского вооруженного восстания в Москве — тобольский губернатор Лаппо-Старженецкий выпустил специальное обращение, адресованное сельским старостам, по поводу политической ситуации в стране. Он поручил им провести на сельских сходах соответствующую разъяснительную работу по пониманию содержания манифестов 6 августа и 17 октября. «Я признал необходимым обратиться к крестьянскому населению губернии с советом и убеждением относиться с доверием к установленным властям, не допуская мысли, чтобы кто-либо из служащих желал бы вольно сделать кому-либо ущерб или неприятность, в нарушение существующих законов», — обращался начальник губернии. Особое внимание он уделял предстоящим выборам, которые предполагались как свободное волеизъявление населения края: «Местные власти отнюдь не имеют права указывать выборщикам, кого подлежит избирать. Я же со своей стороны даю совет — выбирайте наилучших и наиболее развитых умственно людей, для того, чтобы избранные вами могли сознательно и для пользы вашей отнестись к жизненным вопросам, обсуждаемым в Думе, как касающихся

⁸⁶ Тобольские губернские ведомости. 1905. 22 ноября. № 48. С. 1.

⁸⁷ Тобольские губернские ведомости. 1906. 3 января. № 1. Стр. 1.

Рис. 5.28. «Усмирили». Революционная карикатура. 1906 г.

местных интересов, так и потребностей всего Государства Русского»⁸⁸.

Наиболее ярким событием в общественной работе тобольских либералов был крестьянский съезд в Тобольске, прошедший 15–17 декабря 1905 г. Его организаторами были будущие депутаты Государственной думы губернский агроном Н. Л. Скалозубов, чиновник поземельно-устроительной партии А. Н. Ушаков. Активное участие принял и адвокат А. С. Вилькошевский. Съезд собрал 123 уполномоченных от 22 волостей региона. Съезд имел большое просветительское значение для неграмотного, а потому мало информированного населения края. Скалозубов и его товарищи провели большую разъяснительную работу по раскрытию населению содержания манифестов 6 августа и 17 октября 1905 г. Кроме того, были обсуждены актуальные вопросы текущего политического момента: о будущем государственном устройстве, природных ресурсах, повинностях, образовании и др. Как и ожидалось, центральным

на съезде стал вопрос о земле. Собравшиеся высказались за отмену частной собственности и уравнильное землепользование. Планировалось обсудить и другие местные нужды, в частности, один из актуальных вопросов — введение в Сибири земских учреждений. Подобная активность тобольских либералов вызвала неудовольствие властей. В ночь на 19 января 1906 г. Скалозубов, Ушаков и несколько их соратников по «Союзу» в соответствии с постановлением начальника Тобольского ГЖУ были арестованы и приговорены к ссылке⁸⁹. Затем они были сосланы в северные районы губернии. В марте 1906 г. Скалозубов был уволен с должности тобольского губернского агронома и сослан административным порядком в Берёзов. Летом 1906 г. власти учли 12-летние служебные заслуги Скалозубова, его большую семью и состояние здоровья, разрешили ему вернуться в Тобольск.

К 1905 г. в Тюмени действовала социал-демократическая организация и велась агитационная работа. В её создании принимал участие Уральский комитет РСДРП. Пропагандистская

⁸⁸ Тобольские губернские ведомости. 1905. 6 декабря. № 50. С. 1.

⁸⁹ Постановление начальника Тобольского губернского жандармского управления о проведении обысков и арестов в г. Тобольске. 19 января 1906 г. // 400 лет Тобольску. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1987. С. 93.

работа велась через разнообразные агитационные материалы и газету «Тюменский рабочий». С апреля 1905 г. начала работать Курганская группа РСДРП. В конце декабря 1905 г. сложилась и Тобольская группа РСДРП. Через год в ней насчитывалось более 50 чел., занимавших, в целом, большевистские позиции. В её составе были рабочие, мелкие служащие, учащая молодежь. Тобольская группа, как и Тюменская и Курганская, входила в Омскую организацию.

В конце 1905 г. тобольские большевики вели активную работу среди населения. 20 октября 1905 г. в Тобольске прошла политическая демонстрация. В рабочем движении приняли участие рабочие типографии, а также ремесленных мастерских. Большевистская агитация проникала в крестьянскую среду и к солдатам тобольского гарнизона.

В 1906 г. у социал-демократов появилась типография, и они стали издавать на гектографе прокламации антиправительственного содержания, критиковавшие либеральную буржуазию и призывавшие к установлению демократической республики. В сентябре 1906 г. тобольский делегат участвовал в Западно-Сибирской конференции РСДРП, которая осудила избрание меньшевистского ЦК на IV съезде партии, призвав к созыву нового съезда.

Однако ряды тобольских социал-демократов никогда не были едины. Внутри групп шли постоянные дискуссии между большевиками и меньшевиками. Кроме того, полиции удавалось выслеживать и проводить аресты наиболее активных социал-демократов. Тем не менее, в начале 1907 г. они даже попытались участвовать в избирательной кампании. В феврале они безуспешно пробовали организовать железнодорожную забастовку. Последним ярким событием Первой русской революции стала их политическая демонстрация 1 мая 1907 г.

РСДРП развернула масштабную подготовку к празднованию 1 мая. Были выпущены специальные прокламации. 1 мая в Тобольске прошла большая демонстрация, в которой приняли

Рис. 5.29. Тюменская городская дума. Начало XX в.

участие более 1,5 тыс. человек. Демонстранты встретили пароход с политическими ссыльными, которых провожали потом до тюрьмы. В течение всего шествия рабочие распевали песни революционного содержания «Марсельезу», «Варшавянку» и др. Полиция внимательно наблюдала за происходящим, но не вмешивалась.

После роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г. и усиления правительственных репрессий по отношению к оппозиции тобольская группа РСДРП была разгромлена, закрыли партийную типографию.

Однако формальное поражение революции в Петербурге не означало успокоение общественной борьбы на местах. В Тобольской губернии социал-демократы и не думали останавливать свою антиправительственную агитацию. По сельских районам гуляли листовки, подготовленные РСДРП, где в самых красноречивых выражениях обрисовывалось угнетённое положение деревни. В одной из них, озаглавленной «К крестьянам», заявлялось о бесправии сельского населения, подавленности крестьян разнообразными налогами и повинностями, равнодушии правительства к нуждам населения, жестокости репрессий по отношению к любой попытке заявить о своих правах и нуждах. Вместе с тем, в листовке содержалось прямое обличение существующего государственного порядка и утверждение неизбежности радикального переустройства. «Тщетны оказались попытки русского правительства потопить великое освободительное движение в море народной крови. Сознание народных масс растёт с каждым днем, революционная волна, подымаясь все выше и выше, начинает угрожать самодержавным устоям, и перепуганное кровавое правительство выдумывает разные фокусы, чтобы отвлечь народные массы от революционной борьбы, всячески стремится воспрепятствовать проникновению в деревню революционных идей»⁹⁰.

Листовка затрагивала и будущие выборы в III Государственную думу, которой предрекалась реакционность по отношению к нуждам большей части населения страны. Социал-демократы обличали новый избирательный закон, который сокращал число выборщиков от крестьян. «Из этого видно, чьи интересы преследовало правительство, издавая этот закон. Заранее можно сказать, что Дума будет чисто дворянской, а от дворянской Думы нам ждать нечего, кроме разве новых налогов. Но брать-то с крестьян почти что нечего: все что только можно было взять, то уже взято»⁹¹, — резюмировала листовка. Из этого делался главный вывод, что самодержавное правительство не способно разрешить накопившиеся нужды населения, и «только сам народ, сплотившись как один человек, сможет освободить себя от ненавистного ему ига».

25 июня 1907 г. тобольская группа РСДРП была разгромлена властями с помощью провокатора. До конца года были разорены и группы партии в других тобольских городах. Впоследствии только в Тюмени, благодаря значительному контингенту рабочих удалось сохранить рабочее движение и сторонников.

В декабре 1905 г. вводится военное положение в связи с декабрьским вооруженным восстанием и накалом социальной обстановки, репрессии против общественников усиливаются.

⁹⁰ Крестьянское движение в России. Июня 1907 — июль 1914 г. Сборник документов. М. — Л., 1966. С. 81.

⁹¹ Крестьянское движение в России. Июня 1907 — июль 1914 г. Сборник документов. М. — Л., 1966. С. 82.

Поэтому наряду с гонениями на «Союз гражданской свободы» в Тобольске были ликвидированы и политические организации, развернувшие работу в Тюмени — городе с концентрацией рабочего населения — «Союз самообороны» и «Семейно-педагогический кружок»⁹².

Несмотря на суровость мер коронной администрации, по всей Тобольской губернии распространялись агитационные материалы, призывавшие население к вооруженной борьбе с правительством за демократические свободы. В 1906 г. в Тобольске появилась подпольная типография.

Стоит отметить, что стачечная борьба в Первой русской революции оказала большое влияние на подъём крестьянского движения в губернии. В деревне активно распространялись агитационные прокламации и листовки. Они призывали крестьян объединиться с рабочими для свержения самодержавия. Антиправительственная агитация проникала и в солдатскую среду. Администрации не хватало полицейских ресурсов, и она была вынуждена обращаться за помощью к войсковым частям. «В Тобольском уезде запасные волнуются. Агитаторы из горожан их страшно мутят и на второе января вызвали в город с целью устроить скандал, предотвращенный только моими личными разъяснениями и некоторыми другими мерами <...> Тобольский гарнизон, как видно из прилагаемых сведений, весь в расходе, так что во время смены караулов нельзя даже вызвать патруля для подавления какого-либо беспорядка. Ввиду сего я покорнейше прошу о посылке еще двух рот в город Тобольск как только сие будет признано возможным»⁹³, — писал в одном из таких обращений исполняющий должность губернатора А. Н. Тройницкий.

Брожением были охвачены и тобольские каторжные тюрьмы. Заключённые снимали кандалы, вооружались, готовясь к активным действиям. Получив военную помощь, Тройницкий стремился как можно скорее навести порядок в тюремных учреждениях. «Я признал ныне возможным приступить к прекращению беспорядков в каторжной № 1 тюрьме и в тюремном замке, продолжающихся почти три месяца, к отобранию у арестантов оружия и к заковке каторжных. Потому прошу Ваше Высокоблагородие распорядиться приводом 150 нижних чинов с тремя офицерами 18 сего января, к 8 ч. утра к зданию названных мест заключения, для энергичного подавления тревожащих весь город беспорядков, под моим личным руководством»⁹⁴, — объявлял он военным.

Рис. 5.30. Кандалы ножные (Фонды ТГИАМЗ)

⁹² Алексеев Д. В. Из истории политической борьбы в Тобольской губернии (октябрь 1905 — январь 1906 г.) // Вестник Тюменского государственного университета. История. 1996. Вып. 1. С. 31.

⁹³ Из донесения тобольского вице-губернатора командующему войсками Сибирского военного округа о присылке 2 рот в г. Тобольск для подавления волнения среди нижних чинов. 7 января 1906 г. // Революционное движение в Тобольской губернии (1905–1914). Сборник документальных материалов. Тюмень, 1961. С. 66–67.

⁹⁴ Обращение Тобольского временного генерал-губернатора к тобольскому уездному воинскому начальнику о присылке солдат для подавления беспорядков в тюрьме. 16 января 1906 г. // Революционное движение в Тобольской губернии (1905–1914). Сборник документальных материалов. Тюмень, 1961. С. 69.

Рис. 5.31. Камера в Тобольской каторжной тюрьме
(Современная экспозиция ТГИИМЗ)

Вместе с тем, власти продолжали выпускать обязательные постановления, которыми пытались регулировать напряжённую ситуацию в регионе. Северные уезды требовали от властей особого подхода, учитывая специфику. Например, в связи с отсутствием там рабочего контингента и принимая во внимание традиционные занятия коренного населения охотой, и.д. губернатора не стал распространять на территории Берёзовского и Сургутского уездов действие своего очередного постановления о разоружении населения⁹⁵.

Как же тобольские крестьяне выражали свое отношение к бушевавшему в стране революционному пожару? Они отказывались от уплаты податей

и платежей, а также производили самовольные порубки леса, которые приводили к постоянным столкновениям крестьян с представителями лесной стражи.

15 февраля 1906 г. Управление государственных имуществ Тобольской губернии докладывало губернатору «о массовых лесных порубках, как в казенных дачах, так и на оброчных статьях, и в некоторых лесничествах Тобольской губернии». Всем лесничим губернии было предписано строго предотвращать попытки любых порубок и незамедлительно обращаться за содействием к чинам полиции, крестьянским начальникам и волостной администрации⁹⁶.

24 мая 1906 г. тобольский губернатор предложил уездным исправникам и крестьянским начальникам осуществлять более тщательный надзор за проникновением в деревню пропагандистов и за их деятельностью. «Получены сведения, что злонамеренные лица стремятся путем превратных толкований по поводу последних правительственных заявлений вызвать смуту и беспорядки сельских местностях», — заявлял он. Выявленных агитаторов следовало заключать под стражу. «Следует также обратить особое внимание на лиц из местных жителей, подозреваемых в подстрекательстве к насилиям и бунту, и при всяком таком проявлении с их стороны принимать по отношению к названным лицам соответствующие меры»⁹⁷.

⁹⁵ Телеграмма и.д. тобольского губернатора министру внутренних дел о разоружении крестьян. 11 января 1906 г. // Революционное движение в Тобольской губернии (1905–1914). Сборник документальных материалов. Тюмень, 1961. С. 68–69.

⁹⁶ Обращение и.д. Управляющего государственными имуществами Тобольской губернии тобольскому временному генерал-губернатору о массовых порубках леса в Тобольской губернии и о принятии срочных мер к их прекращению // Революционное движение в Тобольской губернии (1905–1914). Сборник документальных материалов. Тюмень, 1961. С. 78–79.

⁹⁷ Распоряжение Тобольского губернатора уездным исправникам и крестьянским начальникам Тобольской губернии о недопущении революционной агитации среди населения. 24 мая 1906 г. // Революционное движение в Тобольской губернии (1905–1914). Сборник документальных материалов. Тюмень, 1961. С. 84.

В связи с возвращением с Дальнего Востока значительного числа отставных чинов усилилась революционная агитация и в армии. Особенно усердно агитировали большевики, которые всегда стремились к созданию «собственной» военной организации. Не случайно, в одной из основных ленинских работ тех лет отмечалось: «Как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание “военных организаций”, входящих в нашу партию»⁹⁸. Такие действия давали свои плоды, так как волнения в воинских частях, расквартированных по губернии, проходили повсеместно.

Рис. 5.32. Медаль в память русско-японской войны 1904–1905 гг.

На годы Первой русской революции приходится новый виток общественного движения за введение в Сибири земских учреждений. Так, в Тобольской губернии с воодушевлением восприняли новость о высочайшем рескрипте 3 апреля 1905 г. на имя генерал-губернатора Восточной Сибири П. И. Кутайсова, где рекомендовалось местной администрации приступить к разработке вопроса о введении земских учреждений на территории края. Тобольский губернатор вместе с иркутским и томским пошли в специальный комитет при Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве для разработки этого вопроса.

Югорские земли в период Русско-японской войны и Первой русской революции в силу инфраструктурной удаленности и этносоциальных особенностей населения не проявили ярких откликов на общероссийские события. Однако будучи частью Тобольской губернии — важного тылового региона с компактным, но перспективным рабочим контингентом на юге, югорские районы оказались погружены в информационную повестку военного времени и революции. Там в полном объеме действовали порядки и правовой режим, вызванные чрезвычайными обстоятельствами. В значительной мере благодаря этим метаморфозам политической жизни югорское население изучало опыт общественной самоорганизации, осмысляя свою сопричастность магистральным событиям в жизни Российской империи.

3. Обсуждение развития Тобольского севера в Государственной думе

Одним из важнейших завоеваний Первой русской революции стали «незыблемые основы гражданской свободы», практическое воплощение которых связывалось с обещаниями созыва нового законодательного органа в системе государственного управления — Государственной думы. Её трибуна, а также перспективы институционального оформления общественного представительства и возможность легальных политических дискуссий открывали широкие горизонты для обсуждения многих актуальных проблем развития Югорской земли.

⁹⁸ Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1979. С. 129.

Вскоре после опубликования октябрьского манифеста⁹⁹ в Тобольской губернии началось создание различных общественных объединений. Одним из первых был создан Тобольский «Союз гражданской свободы», куда вошли те, кто придерживался либеральных и умеренно социалистических взглядов (разночинцы, мелкие служащие, ремесленники). 25 октября 1905 г. на общем собрании членов Союза был принят его устав. «Добиваться скорейшего проведения в жизнь гражданской свободы на началах манифеста 17 октября — действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов и всеобщего представительства (прямая, равная и тайная подача голосов). Всеобщее представительство должно образовать законодательное постоянно действующее учреждение, наделенное действительными правами законодательного почина, правом установления государственной росписи, налогов и займов, правом контроля над администрацией», — вот какие задачи ставил перед собой Союз. Средствами достижения этих целей были «резолуции собраний и привлечение к последним возможно больших масс. Распространение брошюр, устройство чтений»¹⁰⁰. Таким образом, Союз избирал исключительно легальные формы политической борьбы. В дальнейшем, при его участии было организовано несколько митингов, постоянно распространялась политическая литература. Как отмечалось ранее, 15–17 декабря 1905 г. Союз провел Крестьянский съезд, ставший ярким событием политической жизни Тобольской губернии.

Одновременно активизировались и представители леворадикального лагеря. 11–15 сентября 1906 г. в Омске состоялась Западно-Сибирская социал-демократическая конференция. На ней прозвучали отчёты местных организаций и приняты большевистские резолюции о текущем политическом моменте, о V съезде РСДРП, об отношении к работе Государственной думы, об участии в профессиональных союзах и др. 12 сентября 1906 г. на заседании был заслушан доклад тобольского делегата. В нём отмечалось, что «во главе организации стоит выборная группа. Правильной работы нет вследствие отсутствия массового пролетариата. Есть связь с плотниками, пекарями и учащимися. Среди солдат никакой работы не ведется благодаря расформированию Тобольского батальона, с которым были связи. С крестьянами есть связь, но нет организованной работы, они там находятся под разнообразным влиянием ссыльных. Группой выпускались листки к крестьянам и солдатам 6 названий. Членов партии 55 чел. Есть 3 кружка и 1 высший кружок»¹⁰¹.

В этих условиях общественного подъёма в губернии проходила избирательная кампания по выборам в I Государственную думу. В соответствии с избирательным законом от 11 декабря 1905 г. предстоящие выборы лишались принципов всеобщего, равного и прямого участия в голосовании. Оказались лишены избирательных прав женщины, мужчины до 25 лет, военнослужащие, рабочие небольших предприятий и часть инородцев. На первом этапе крестьяне, самая многочисленная категория населения Тобольской губернии, избирали на волостной сход по одному представителю от десяти дворов. Далее, на волостном сходе, они выбирали уполномоченных на уездный съезд. В свою очередь на уездном съезде определяли губернских выборщиков. В итоге на губернском избирательном собрании крестьянские выборщики вместе с выборщиками от других курий уже окончательно избирали депутатов

⁹⁹ Тобольские губернские ведомости. 1905. 18 октября. № 42. С. 1.

¹⁰⁰ Устав Тобольского «Союза гражданской свободы» // 400 лет Тобольску. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1987. С. 90.

¹⁰¹ Омская организация РСДРП в первой русской революции 1905–1907 гг. Омск, 1956. С. 157.

Государственной думы. Вся эта громоздкая процедура оказалась растянута на несколько месяцев.

Избирательная кампания проходила в условиях жёсткого административного давления со стороны властей. Губерния находилась на военном положении, позволявшем беспрепятственно производить запреты собраний, аресты лидеров оппозиции и т.п. Вице-губернатор А. Н. Тройницкий прямо призывал крестьян поддерживать проправительственных кандидатов и приказал чинам полиции и крестьянским начальникам строго пресекать любую антиправительственную агитацию. При этом оказывалась всяческая поддержка лояльным властям и черносотенным кандидатам¹⁰².

В Государственную думу первого созыва от Тобольской губернии были избраны четыре депутата: Т. В. Алексеев, С. И. Колокольников, А. Д. Нестеров и А. Н. Ушаков. Крупный тюменский купец, почетный гражданин Степан Иванович Колокольников был избран от общего состава выборщиков Тобольского губернского избирательного собрания. Среди соотечественников он пользовался хорошей деловой репутацией и опытом. В Думе он вступил в Конституционно-демократическую фракцию. Алексей Николаевич Ушаков был избран в I Думу от общего состава выборщиков Тобольского губернского избирательного собрания. Он был коренной сибиряк, выпускник Императорского Петербургского университета, с давних пор увлекавшийся идеями сибирского областничества. В Тобольске он служил в губернском переселенческом управлении и был одним из вожakov «Союза гражданской свободы». Он принимал активное участие в организации и работе нашумевшего крестьянского съезда в декабре 1905 г.

Меньшую известность имела деятельность других депутатов¹⁰³. Зажиточный тюкалинский крестьянин, волостной старшина Трофим Васильевич Алексеев избирался от общего состава выборщиков Тобольского губернского избирательного собрания. В I Думе входил в Трудовую группу и Комиссию о свободе совести. Другой депутат, мелкий торговец кустарными изделиями Тюменского уезда Андрей Дмитриевич Нестеров.

13 июня 1906 г. на 26 заседании Государственной думы был рассмотрен вопрос о правильности выборов в Думу от Тобольской губернии А. Н. Ушакова, Т. В. Алексеева, Степана Ивановича Колокольникова и Андрея Дмитриевича Нестерова. Единогласно выборы были признаны правильными¹⁰⁴.

Рис. 5.33. С. И. Колокольников

¹⁰² Кружинов В. М. Депутаты от Тобольской губернии в Государственной думе // Тюменский исторический сборник. 2015. Т. XVII. С. 132.

¹⁰³ Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 13, 33, 262–263, 642.

¹⁰⁴ Государственная Дума. Созыв I. Сессия I. Полный стенографический отчет. Т. 1–2. СПб., 1906. Заседание 26. 13 июня 1906 г. С. 1275.

Рис. 5.34. Тронная речь Николая II во время открытия I Государственной думы в Зимнем дворце 27 апреля 1906 г., художник Поляков В. В., 1909 г. (Фонды Государственного музея политической истории России)

В ходе непродолжительной работы I Думы тобольские депутаты оказались в гуще событий политической жизни страны. На их глазах страна получала начальный опыт народного представительства и его участия в управлении страной. Представители Тобольского края приняли активное участие в обсуждении аграрного вопроса, который стал основным в повестке заседаний Государственной думы первого созыва. Известно, что ни один из трёх законопроектов (кадетов, Трудовой группы и эсеров) не встретил единодушного одобрения депутатов. Критике подверглись и проекты правительства, которые содержали в том числе предложения решения земельного дефицита за счёт переселения

крестьян в Сибирь. Тобольские депутаты не представляли обсуждения этого вопроса без учёта интересов своих избирателей. Алексеев, Колокольников, Нестеров и Ушаков 23 июня 1906 г. подписали заявление 10 членов Думы об увеличении числа членов аграрной комиссии представителями от Сибири. Они полагали, что представительство от сибирских регионов не пропорционально масштабу интересов обширного края и просили увеличить его. Поскольку не все избранные депутаты ещё успели доехать до Петербурга. «Явившиеся члены Думы в интересах лучшего решения аграрного вопроса вообще и в интересах населения Сибири считают необходимым теперь же неотложно иметь своих представителей в комиссии». 30 июня вопрос рассматривался, но не был поддержан¹⁰⁵.

Первым тобольским делегатом, поднявшимся на трибуну Таврического дворца, был Ушаков. На XXX заседании Думы, состоявшемся 20 июня 1906 г., он принял участие в обсуждении доклада об отмене выборов в Тамбовской губернии. «Мне приходится говорить первым из числа сибирских депутатов, поэтому прошу позволения сказать приветствие от сибиряков, приветствие от г. Тобольска, который меня провожал», — начал своё выступление Ушаков, сорвав аплодисменты других депутатов. «С меньшим правом, господа, я мог бы говорить здесь о приветствии от имени политических ссыльных, сосланных в большом количестве в Тобольскую губернию», — продолжил он под рукоплескания слева.

Рассуждая о тамбовском случае, он заметил, что сам оказывался в подобном положении. «Выборы по г. Тобольску были обжалованы уездной комиссией и утверждены губернской комиссией. На губернскую комиссию была принесена жалоба. Администрация не нашла

¹⁰⁵ Государственная Дума. Созыв I. Сессия I. Полный стенографический отчет. Т. 1–2. СПб., 1906. Заседание 36. 30 июня 1906 г. С. 1904–1906.

возможным на том основании исключить двух выборщиков — меня и г. Скалозубова. Таким образом мы видим, что если выборы будут утверждены губернской избирательной комиссией, то администрация находит возможность исключить выборщиков, когда они обжалованы. Обжаловать их не трудно»¹⁰⁶. Случившееся в Тамбове, по мнению Ушакова, представляло опасный прецедент: «каждый выборщик, являющийся в губернское избирательное собрание, находится в том положении, что, может быть администрация захочет его допустить, а может быть захочет его вычеркнуть». Данная ситуация происходит в надежде, что в Государственной думе «выборы, где исключены выборщики, откуда бы то ни было, будут утверждены». Исходя из этого, Ушаков решительно высказался за отмену выборов в Тамбовской губернии, учитывая, что предстоят выборы в Восточной Сибири, где, может быть, узнав об этом «администрация не позволит себе таких упражнений в отношении выборщиков»¹⁰⁷, — эта речь Ушакова вновь завершилась аплодисментами.

9 (22) июля 1906 г. I Государственная дума была распущена, а на следующий день Колокольников и Ушаков присоединились к другим бывшим депутатам Государственной думы, собравшимся в Выборге для принятия обращения «Народу от народных представителей». Воззвание призывало население империи протестовать против роспуска Думы, не платить налоги, уклоняться от призыва в армию, а также к другим акциям гражданского неповиновения. Колокольников и Ушаков, наряду с другими депутатами, подписавшими Выборгское воззвание, подверглись уголовному преследованию. Их приговорили к 3-месячному заключению и лишили избирательных прав.

Выборы во II Государственную думу в Тобольской губернии проходили при чрезвычайно малой активности избирателей. Например, в Тобольске состоялось одно-единственное предвыборное собрание, которое организовал проправительственный «Союз русского народа». Влиятельный и популярный журнал прогрессивного направления «Сибирские вопросы» дал этому очень меткую оценку — «это были, в сущности, даже не политические собрания, а просто семейные беседы обывателей, собравшихся потолковать о высоких материях и безнадежно путающихся среди непривычных слов, понятий и вопросов»¹⁰⁸. Совершенно безотрадная картина наблюдалась в районах Югорского севера, где избирательная кампания велась под жёстким административным прессингом. Так, в Подгорной волости Берёзовского уезда крестьян известили о начале выборов только за полчаса! Представители волостной администрации и полиция откровенно вмешивались в выборы, мешая крестьянам отдать свои голоса в непринуждённой обстановке. Избирательные пункты были настолько удалены друг от друга, что, к примеру, уполномоченные от Обдорской волости ехали на оленях 450 вёрст, чтобы попасть на уездный съезд выборщиков в Берёзов. Соответственно, берёзовским выборщикам приходилось добираться до Тобольска через более чем 1 тыс. вёрст. Современники едва сдерживали свои эмоции, восхищаясь целеустремленностью местных жителей: «Сколько гражданского мужества и интереса к выборам надо было иметь этим людям для того, чтобы преодолеть такие пространственные препятствия»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Государственная Дума. Созыв I. Сессия I. Полный стенографический отчет. Т. 1-2. СПб., 1906. Заседание 30. 20 июня 1906 г. С. 1519.

¹⁰⁷ Государственная Дума. Созыв I. Сессия I. Полный стенографический отчет. Т. 1-2. СПб., 1906. Заседание 30. 20 июня 1906 г. С. 1519–1520.

¹⁰⁸ Цит. по: Кружинов В. М. Депутаты от Тобольской губернии в Государственной думе // Тюменский исторический сборник. 2015. Т. XVII. С. 136.

¹⁰⁹ Сибирские вопросы. 1907. № 3. С. 131.

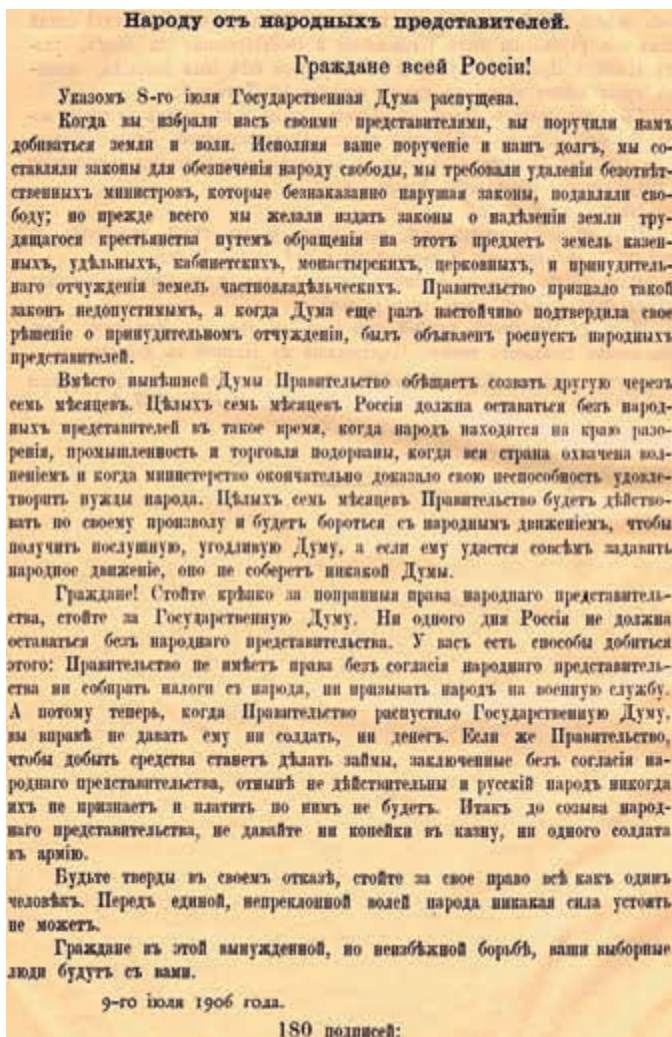

Рис. 5.35. Текст «Выборгского возвания»

Сколько бы ни старались губернатор, полиция и сельская администрация, выборы в Tobольской губернии всё-таки показали реальное отношение населения к кандидатам. Преобладающую поддержку получили сторонники левых и либеральных взглядов. Tobольский губернатор Гондатти в своём годовом отчёте прямо приписывал успех социал-демократов и трудовиков на выборах в Государственные думы революционизирующему влиянию ссыльных на население¹¹⁰. В итоге Tobольскую губернию в Государственной думе второго созыва также представляли четыре депутата: сторонники партии народных социалистов Н. Л. Скалозубов и В. В. Колокольников, а также крестьяне Т. В. Алексеев и Ф. И. Байдаков. Стоит подчеркнуть, что тобольские народные избранники привезли в Думу наказ тюменских рабочих и большое число крестьянских приговоров. В этих документах содержались требования всеобщего избирательного права, демократических свобод, правительства, ответственного перед парламентом, решения аграрного вопроса, отмены сословных привилегий, введения земских учреждений в Сибири и др. Они также активно реагировали на письма и телеграммы избирателей.

Одним из наиболее ярких выразителей интересов Югорского края в Государственной думе стал видный общественный деятель, ученый-агроном, музейный деятель и публицист Николай Лукич Скалозубов (1861–1915). К моменту своего переезда в 1894 г. в Tobольск он получил аграрное образование в Петровской земледельческой и лесной академии и имел опыт страховой и статистической работы в пермском земстве. В 1894–1906 гг. он был тобольским губернским агрономом. За годы службы Скалозубов приобрёл авторитет своими рационализаторскими предложениями в области растениеводства и животноводства. Много делал для популяризации сельского хозяйства края. По его инициативе и непосредственном участии проходили сельскохозяйственные выставки, образовательная работа. При его деятель-

¹¹⁰ Хазиахметов Э. Ш. Политическая ссылка в отчетах сибирских губернаторов (1906– февраль 1917 г.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 9. С. 41.

ном участии развивалась фондовая и исследовательская работа в Тобольском губернском музее.

После 17 октября 1905 г. Скалозубов стал деятельным участником Тобольского союза гражданской свободы — политической организации, объединявшей местных либералов. В это время он активно сотрудничает с газетой «Сибирский листок» — печатным органом Союза. Вместе с соратниками по либеральным взглядам, А. Н. Ушаковым и И. Я. Уфимцевым, 15–17 декабря 1905 г. он организовал первый в губернии Крестьянский съезд. Одновременно он начал подготовку к выборам во II Государственную думу. В «Сибирском листке» началась активная агитация в его поддержку, которая переломила противодействие губернских властей. 12 сентября 1907 г. Скалозубов был избран одним из четырёх депутатов II Государственной думы от Тобольского губернского избирательного собрания¹¹¹. В Думе он вошел в Конституционно-демократическую фракцию и комиссии: бюджетную, о свободе совести, а также аграрную.

Скалозубов так же, как и Колокольников, входил в группу народных социалистов, а также в постоянную бюджетную комиссию Думы и временные комиссии: для рассмотрения законопроектов, направленных к осуществлению свободы совести и аграрную. Как член бюджетной комиссии Скалозубов рассказал о рассмотрении вопроса о содержании срочного пароходного сообщения по реке Лене, по рекам Амурского бассейна, по озеру Байкал и по бережьям Охотского и Камчатского морей. Это был один из наиболее важных вопросов народного хозяйства Сибири, разрешения которого с нетерпением ожидали жители труднодоступных районов. Данный вопрос напрямую касался жителей Тобольского Севера. «Эти местности отдаленные, заброшенные, и сношение с ними поддерживается только морем, и в то время, когда навигация прекращается, они оказываются отрезанными от всего культурного мира». Министерство торговли и промышленности не предоставило исчерпывающих данных о запланированном заключении контракта на организацию рейсов по данным маршрутам. По мнению Скалозубова, из содержания записки, приложенной к законопроекту, непонятно, «насколько целесообразно установление этих рейсов, и насколько выгодно заключение этого контракта, насколько обеспечивает он интересы местного населения»¹¹². Попытка депутатов получить от министерства дополнительную информацию в рабочем порядке не увенчалась успехом.

По вопросу о согласовании данной сделки в бюджетной комиссии также состоялась оживлённая дискуссия. Несмотря на то, что большинство членов комиссии с небольшим перевесом поддержали министерский проект, мнение меньшинства заслуживало особого внимания. По мысли несогласных депутатов, сложившаяся ситуация напоминала «образчик того способа ведения хозяйства, который характеризовал старый порядок, когда дела чисто местного значения рассматривались здесь, далеко, в Петербурге. Вершались они без всякого участия местных людей и по сведениям, сообщенным только местной администрацией. Эти сведения не показывают, насколько целесообразно поставлены самые мероприятия,

¹¹¹ Томилов И. С. Провинциальный феномен личности Н. Л. Скалозубова и А. С. Суханова в повседневной общественно-политической и социокультурной деятельности // *Повседневность российской провинции XIX–XX вв. Материалы Всероссийской научной конференции* в 2 ч. Ч. II. Пермь, 2013. С. 232–235.

¹¹² Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1907. Заседание 42. 18 мая 1907 г. С. 832.

Рис. 5.36. Газета «Сибирский листок»

насколько выгодно заключены сделки с контрагентами, насколько обеспечены интересы местного населения, почему выбрана эта фирма, а не другая»¹¹³. Однако большинство бюджетной комиссии хотя и признавало, что Государственной думе невозможно понять правильность такого плана, «тем не менее не нашло возможным лишать местное население тех выгод, с которыми сопряжены срочные рейсы, и высказывалось за принятие этого предложения».

Скалозубов, как один из представителей Сибирского края в Государственной думе, заявил, что парламент находится «в высшей степени ненормальном положении», здесь приходится «обсуждать вопрос, имеющий исключительно местное значение; действительно, в тех сведениях и в тех материалах, которые нам доставлены, решительно нет достаточных оснований для того, чтобы сказать, насколько целесообразно, насколько умело, насколько соответственно нуждам местного населения предприятие организовано, но, тем не менее, у Думы выхода нет; если это сделано плохо, придется все же принять законопроект, потому что если его отринуть, если отказать в этом

кредите, то заброшенное, затерянное в глухой тайге на побережье Охотского моря население несомненно пострадает»¹¹⁴.

«Имейте в виду, что отказом вашим вы поставите население, незначительное правда, но заброшенное, в положение крайнее. Наша отдаленная Сибирь не виновата, что не имеет самоуправления, что она сама не может управиться своими собственными средствами, не может сама свои хозяйственные нужды удовлетворять; не виновата она, что это вопросы мелкие,

¹¹³ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1907. Заседание 42. 18 мая 1907 г. С. 833.

¹¹⁴ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1907. Заседание 42. 18 мая 1907 г. С. 834–835.

чисто местного значения, решаются за пять тысяч верст от того места, для которого они имеют значение»¹¹⁵, — говорил Скалозубов.

Вопрос о порядке финансирования паромных сообщений в труднодоступных районах Сибири Скалозубов увязывал с проблемой организации там органов местного самоуправления. «Интересы местного населения вообще принимаются в расчет преимущественно в тех случаях, когда они совпадают с интересами местных административных учреждений». «Передача разрешения дел местного значения местному же населению должна быть, по мнению комиссии, принята за правило, и лишь в случаях, вызывающих необходимость со стороны государства принятие мер общего характера, предположения о такого рода делах, подкрепленные единственно вескими доводами местных учреждений, в которых участвует местное население, должны восходить на одобрение законодательных учреждений»¹¹⁶, — сказал Скалозубов.

Скалозубов пытался убедить парламентариев, что транспортные маршруты с юга на север Сибири малорентабельны для частной инициативы. Поэтому без государственных субсидий они не смогут существовать. «Перенеситесь, господа, мысленно из этой светлой залы в те далекие уголки, о которых мы беседуем, попробуйте представить себя в Обдорске, Берёзове, Витиме, Нарыме, Нелькане, представьте себя там живущими, тогда вы поймете, какое впечатление на обывателей этих уголков произведет отмена срочных паромных рейсов.

<...> До сих пор между Тобольском и Обдорском, на протяжении полутора тысяч верст, срочного паромства нет, и почту отправляют на лодках. Положение края ненормальное. Край этот изобилует естественными богатствами, но, благодаря этим условиям, этим обстоятельствам, он до сих пор не может вздохнуть свободно, не может развить свои силы. <...> Можно удивляться, что министерство путей сообщения так непланомерно, так разбросанно и так случайно удовлетворяет эти потребности наших окраин». В связи с этим Скалозубов вновь напомнил, что невозможно объективно разобраться в местной проблеме из Петербурга. «Если бы Государственная дума попыталась устранить это явление, передала бы эти дела на места, тогда действительно местное население осталось бы благодарно, а пока оно просит его не обездоливать»¹¹⁷, — заявил он.

17 апреля 1907 г. в Думе обсуждался запрос главному управляющему землеустройством и земледелением. Его суть сводилась к выяснению, почему землеустроительные работы в настоящее время преследуют лишь «цель скорейшего образования переселенческих участков, и немало не обеспечивающие законные права и насущнейшие интересы старожилого населения». Далее отмечалось, что распоряжения главного управляющего ущемляют права крестьян и инородцев Тобольской, а также Иркутской и Томской губерний. Чиновники на местах получили «полный произвол действий, особенно в виду последовавшего указания о нестеснении при работах формальностями». Также депутаты интересовались, «на каком основании сделано распоряжение об отводе в переселенческие участки предвидимых излишков в землепользовании населения в районах, где к землеустройству не приступлено, но где порядок

¹¹⁵ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1907. Заседание 42. 18 мая 1907 г. С. 846.

¹¹⁶ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1907. Заседание 42. 18 мая 1907 г. С. 850.

¹¹⁷ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1907. Заседание 42. 18 мая 1907 г. С. 868.

определения этих излишков и их отрезки точно указаны ст. 18, 21 и 22 правил о порядке определения наделов 4 июня 1898 года». Почему главноуправляющий приказал передавать «казеннооброчные статьи под переселенческие участки в районах, где поземельное устройство еще не завершено, и где эти оброчные статьи являются в громадном большинстве случаев единственным источником для пополнения недостаточных наделов старожилородного населения»¹¹⁸. Скалозубов настаивал на безотлагательном решении этого вопроса. «В начале весны, в конце апреля и в начале мая начнутся работы землеустроительных партий. Если мы к этому времени не дадим каких-нибудь руководящих компаний, то, несомненно, работы пойдут так, как были направлены главным управлением землеустройства и земледелия. Поэтому я позволяю себе настаивать на срочности этого запроса», — заявлял тобольский депутат.

При обсуждении переселенческого вопроса Скалозубов попытался парировать упреки отдельных коллег по Думе, что сибиряки намеренно нагнетают вопрос об опасности переселения в Сибирь. Его оппоненты придерживались расхожего мнения, что территориальные пространства Сибири достаточны для принятия значительных людских ресурсов. «Мы, сибиряки, протестуем не против правильной колонизации, — она необходима для Сибири, она ее оживит, — мы протестуем против того беспорядочного, хаотического переселения, которое в настоящее время ведется <...> теперь происходит устройство в Сибири не переселенцев, а переселенческих чиновников»¹¹⁹, — подчеркивал он.

Рис. 5.37. Н. В. Орлов. Проводы переселенцев. 1896 г.

¹¹⁸ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1907. Заседание 29. 17 апреля 1907 г. С. 2270–2271.

¹¹⁹ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1907. Заседание 46. 24 мая 1907 г. С. 1113.

Скалозубов откровенно критиковал политику самодержавия в переселенческом вопросе. «Работам землеустроительных партий распоряжением главноуправляющего придано новое направление, преследующее, одностороннее, скорейшее образование переселенческих участков и не обеспечивающее прав местного старожилого населения». Далее, Скалозубов обращал внимание, что, планируя сократить землеустроительные работы и начать нарезку участков переселенцам там, где старожилы не были наделены землей, главноуправляющий землеустройством и земледелием нарушил права старожилов, гарантированные законом. «Одно дело устраивать старожилов, причем, конечно, принимаются в расчет все их нужды и заявления, и тогда только от них отрезается излишек; и другое дело, когда партии топографов приходят на места, где еще крестьяне не устроены, и начинают сразу, не вникнув в их нужды, отбирать от них те земли, которые им кажутся свободными; в этом втором случае центр тяжести несомненно будет перенесен со старожилов на переселенцев, как это всегда и наблюдается»¹²⁰, — предсказывал Скалозубов.

В разрезе реализуемой политики Скалозубов объявил, что старожилы Сибири не имеют никаких гарантий сохранения своих земель в пользовании. Длительное время наделы переселенцев формировались за счёт изъятий из земель, которыми ранее пользовались старожилы. Основываясь на конкретных примерах из жизни тобольской деревни, Скалозубов приводил кричащие факты: «проекты составлялись и съемка местностей производилась кое как; последствия такой работы сказались: окружающие старожилов болота на плане превратились в удобные места, которые яко-бы совершенно обеспечивали старожилое население. Несмотря на все протесты старожилов, их заявления не вызвали никакой проверки съемки местностей ни со стороны местных властей, ни со стороны заведующего партией топографов. <...> Теперь, конечно, изгнать этих переселенцев нельзя, <...> благодаря такому порядку заселения между новоселами и старожилами установились сейчас враждебные, неприязненные отношения»¹²¹.

Рис. 5.38. Чиновник Межевого ведомства. Начало XX в.

¹²⁰ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1907. Заседание 46. 24 мая 1907 г. С. 1114–1115.

¹²¹ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1907. Заседание 46. 24 мая 1907 г. С. 1116–1117.

Наряду с этим, Скалозубов настаивал, что распоряжение главного управляющего противоречит букве закона, гарантирующей неприкосновенность земли старожилов, которой они пользуются, при выявлении так называемых излишков для выдела их в переселенческие участки. Скалозубов также уверял, что даже те якобы пустующие земли, которые администрация хочет представить неиспользуемыми пустырями, востребованы. «Таких земель, которые лежат впусе, которыми никто не пользуется — нет», — утверждал он.

Далее Скалозубов поднял тему покушения на казеннооброчные земли, «которые являются, в громадном большинстве случаев, единственным источником для пополнения недостаточных наделов старожилого населения». Скалозубов отказывался верить аргументу властей об изъятии лишь тех казеннооброчных недвижимых имуществ, которые старожилы не используют или не арендуют. В чём же была опасность разверстания таких угодий под нужды переселенцев? «Землеотводные партии, выделяющие переселенческие участки из казеннооброчных статей, конечно, не в состоянии вникнуть в нужды старожилого населения». От них требуют «быстрее, ускоренным темпом, вести эти работы; им некогда возиться со старожилами, им важно скорее наметить свободные участки и нанести их на план. Поэтому они не входят в рассуждение: нужны ли старожилам эти земли или нет»¹²². Скалозубов приводил пример таких противоречий из практики Тобольской губернии.

Следующим фактом была дезинформация крестьянства Европейской России о наличии свободных земель в Сибири. «Главноеуправляющий землеустройством и земледелием спешит разыскать около старожил каждый клочок свободной земли, чтоб занять его переселенцами. Это нужно, может быть, для успокоения российских крестьян, жаждущих земли, но интересы местного старожилого населения, потом добывавшего себе эти земли, отнюдь в расчет не принимаются. Ходит легенда, что у сибирских крестьян земли много, что они могут к себе много народу приселить. Это неверно. <...> Кто знаком с условиями Сибирского сельского хозяйства, тот согласится, что здесь уже можно говорить о малоземелье»¹²³. Скалозубов напомнил депутатам, что за период с 1885 по 1907 гг. только 60% переселившихся в Сибирь смогли нормально устроить свой быт и хозяйство. Немало не устроившихся есть и в Тобольской губернии. «Положение их поистине ужасно, они порвали свои корни на родине, оставили там все дорогое и пошли в Сибирь, но и там не устроились, и маятся, переходя из одного селения в другое, тщетно ища себе свободного участка и возможности поселиться. Они променяли тесноту России на якобы многоземелье Сибири, но я, полагаю, что они променяли только краюху черного хлеба, которую они, как милостыню, получали в России, на краюху пшеничного хлеба, который у нас подают нищим», — эмоционально заявил он¹²⁴.

Именно этим Скалозубов объяснял крайне низкий уровень жизни переселенцев последних лет. «Весь свободный и удобный для заселения земельный фонд уже исчерпан; все, что можно было взять около старожилов, все взято, — теперь приходится новые участки нарезать за пределами постоянной колонизации; на севере — в лесу, и на юге — в безводных степях.

¹²² Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1907. Заседание 46. 24 мая 1907 г. С. 1119.

¹²³ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1907. Заседание 46. 24 мая 1907 г. С. 1127–1128.

¹²⁴ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1907. Заседание 46. 24 мая 1907 г. С. 1129.

То обстоятельство, что переселенческое движение направилось в другие районы, сразу уронило это дело. И на севере — в лесу, и на юге — в степи прежде переселения необходимы большие, дорогостоящие работы по устройству участков, мелиоративные работы. На севере необходимо расчищать пашни из-под леса, осушать болота, проводить дороги, устраивать гати, а на юге необходимо орошать там, где участки безводны, рыть дорогие колодцы. Все это изменяет, конечно, условия и план организации дела: что прежде было легко, теперь делается очень трудно и дорого. Задача переселения и колонизации делается необычайно трудной»¹²⁵.

Рис. 5.39. Депутаты II Государственной Думы от Тобольской губернии: Т. В. Алексеев, В. В. Колокольников, Н. Л. Скалозубов, Ф. И. Байдаков

Своё долгое выступление по переселенческому вопросу Скалозубов резюмировал предложениями по изменению проводимой политики. Во-первых, он предлагал прекратить попытки разместить новых колонистов за счёт старожильческих земель, фонд которых он считал урезанным до крайних пределов. Однако главное, по мысли Скалозубова, было другое. «До тех пор, пока не оживет общественная местная жизнь, пока не создадутся благоприятные условия местной общественной жизни, до той поры правильной колонизации быть не может. В настоящее время сибирские жители, на глазах которых развивается вся бестолковая переселенческая эпопея, совершенно устранены от участия в этом деле», — говорил он. Скалозубов напрямую увязывал все недоработки и негативные явления переселенческой политики с нерешённостью вопроса о создании в сибирских губерниях структур общественного управления. «Нормальная колонизация Сибири будет возможна лишь с организацией общественной жизни в Сибири, с введением здесь земского самоуправления»¹²⁶, — подчеркивал тобольский представитель.

Стоит отметить, что переселенческий вопрос действительно был острым. К началу XX в. темпы переселения в общесибирских масштабах неуклонно возрастали. Правительственная политика стимулировала этот процесс материальными льготами и пособиями. В период после Первой русской революции переселение в Тобольскую губернию возросло. Только за время с 1907 по 1911 гг. в губернии водворилось более 140 тыс. человек. Вместе с тем, несмотря на ряд административных мероприятий, сводившихся к появлению землеустроительных структур и агрономической помощи, налицо были негативные тенденции в крае.

¹²⁵ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1907. Заседание 46. 24 мая 1907 г. С. 1130–1131.

¹²⁶ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 2. СПб., 1907. Заседание 46. 24 мая 1907 г. С. 1131–1132.

К ним стоит отнести не только сопротивление старожильского населения водворению новых колонистов, о чём говорил Скалозубов. Они действительно тормозили нарезку участков, отказывались предоставлять конные подводы и рабочих для землеустроительных работ и т. п. Реализации правительственной политики мешали крайне низкая квалификация и отсутствие профессионализма у соответствующих чиновников. Многие техники-землеустроители не имели соответствующего образования и опыта работы. Нередки были случаи мздоимства. Зачастую крестьянские начальники не выезжали на места устройства поселенцев. Все эти факторы, наряду с выделением переселенцам участков в труднодоступных и лесных районах, откровенно тормозили правительственный курс¹²⁷.

Другой представитель Тобольской губернии во II Думе, лесной ревизор В. В. Колокольников, получил образование в Лесном институте. Он входил в группу народных социалистов, а также в постоянную финансовую комиссию Думы.

В. В. Колокольников запомнился своим выступлением по вопросу о проведении выборов в Думу. Они были признаны состоявшимися, но обнаружен факт недопущения администрацией к участию в голосовании выборщика Захарова, баллотировавшегося в Думу. Губернатор не допустил его из-за нахождения под надзором полиции в административном порядке. Однако несмотря на информирование министра внутренних дел об этом факте, выборы были признаны.

Колокольников внес существенные пояснения по этому вопросу, позволяющие всесторонне раскрыть реалии думской избирательной компании в Тобольской губернии. Он сообщил, что в губернии выборы проходили «при наличии военного положения в пяти уездах из десяти. Почему было введено военное положение, населению неизвестно, так как никакого революционного движения в этой губернии не было». Вскоре после избрания выборщиков в остальных пяти уездах также было введено исключительное положение. Кроме того, из губернии был выслан «без всякого повода» упоминавшийся ранее А. Н. Ушаков, бывший депутат I Думы и член Трудовой группы. «Это произвело впечатление на выборщиков. Они увидели в этом известное отношение администрации к представителям населения, о чем и было заявлено губернатору, но губернатор объявил, что отчетов о своих действиях он выборщикам не намерен никаких давать»¹²⁸. Далее Колокольников указал на умышленный запрет губернатора на участие в выборах Захарова как состоящего под гласным надзором полиции. Тем самым было нарушено право поднадзорного на отлучку в пределах губернии по особо уважительным причинам. Колокольников заявил, что будет добиваться, чтобы данный случай нарушения губернатором закона был доведен до сведения руководства МВД, а действиям начальника губернии была дана соответствующая правовая оценка.

Как и в Первой Государственной думе, предметом жарких дебатов стал вопрос о формировании аграрной комиссии — одной из важнейших в российском парламенте. Колокольников попытался отстоять необходимость широкого представительства в ней депутатов сибирских регионов. «От Сибири не все губернии представлены и если теперь Государственная дума приступит к выборам членов в аграрную комиссию, исходя из тех соображений, что от

¹²⁷ Сарапулова Н. Г. Землеустроительная и переселенческая политика в Тобольской губернии в начале XX в. // Общество: философия, история, культура. 2011. № 3–4. С. 77–78.

¹²⁸ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1907. Заседание 11. 16 марта 1907 г. С. 665.

5 членов Государственной думы будет один член в аграрной комиссии, тогда Сибирь окажется представленной слабо <...> если аграрная комиссия будет представлена местными людьми и сибирские депутаты, вероятно, захотят в ней участвовать, то мне кажется, что Сибири следовало бы предоставить столько мест в комиссии, сколько причитается ей по числу депутатов, как уже здесь находящихся в Государственной думе, уже избранных, так и могущих быть избранными»¹²⁹, — заявлял он.

Колокольников неоднократно пытался заострить внимание думцев на негативных перспективах для Тобольского региона при сохранении существующих тенденций в реализации переселенческой политики. Он выступил за сохранение гарантий для коренного населения края. Одну из таких безуспешных попыток он предпринял в середине апреля 1907 г. Критикуя действия правительства, он в отчаянии заявлял: «вот уже несколько раз срочное заявление о запросе главноуправляющему землеустройством и земледелием, по поводу принятых им мероприятий по переселенческому делу, ставилось на повестке и каждый раз до этого вопроса очередь не доходила». Правительственная линия в этом важном вопросе, говорил он, «идет в разрез с законными правами и с насущнейшими интересами старожилого населения Сибири»¹³⁰.

Другие депутаты — Алексеев и Байдаков — были не столь активны, как иные представители Тобольской губернии, и на заседаниях Думы не выступали. Алексеев, как известно, уже имел опыт работы в Думе первого созыва. Теперь он присоединился к Трудовой группе и вошел во временную комиссию для рассмотрения законопроектов, направленных к осуществлению свободы совести. Крестьянин-землевладелец, сельский старшина из деревни Щучье Тюменского уезда Филипп Иванович Байдаков также входил в Трудовую группу. Он входил во временную комиссию для рассмотрения законопроекта о преобразовании местного суда.

Государственной думе второго созыва было суждено проработать немногим более месяца дольше, чем первой. Оппозиционный настрой большинства депутатов шёл вразрез с правительственной политикой и откровенно раздражал верховную власть. 3 июня 1907 г. Дума была распущена одновременно с принятием нового избирательного закона. Последний существенно сокращал представительство крестьянских и рабочих депутатов. Уменьшилось и представительство Тобольской губернии в Думе. Если ранее она имела четыре мандата, то теперь только три. Новая избирательная система формировала удобный для правительства баланс помещичье-буржуазного большинства. Опорной силой становились октябристы.

Избирательная кампания в III Государственную думу проходила под жёстким административным прессингом. Возможность поводить нормальную предвыборную агитацию имели только правые партии. В городах Тобольского севера, в том числе в Берёзове и Сургуте, предвыборные собрания вообще не проводились. Основными силами-претендентами были кадеты, но несмотря на полицейские преследования социал-демократы тоже приняли участие в кампании. Они активно распространяли прокламации, призывавшие к свержению самодержавия, разоблачавшие новый избирательный закон и требовали созыва Учредительного

¹²⁹ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1907. Заседание 18. 29 марта 1907 г. С. 1284–1285.

¹³⁰ Государственная Дума. Созыв 2. Сессия II. Полный стенографический отчет. Т. 1. СПб., 1907. Заседание 29. 17 апреля 1907 г. С. 2264.

собрания¹³¹. Результаты выборов показали, что в Тобольской губернии монархические и либеральные лозунги не находили поддержки. Выборщики отказывались голосовать «за веру, царя и отечество». Вместе с тем, у социал-демократов также не получилось провести ни одного кандидата. Условия третьеиюньского избирательного закона свели к минимуму шансы на попадание в Думу демократических кандидатов. Кроме того, ослабленные репрессиями в годы Первой русской революции, группы РСДРП не смогли провести полноценной избирательной кампании. Наконец, в губернии были сильны меньшевики с их тактикой соглашения с либеральными группами. Власти были крайне недовольны возраставшим от выборов к выборам интересом населения к возможности своего участия в определении народных представителей. «Еще несколько лет назад города Тобольской губернии были чужды всякой политики, теперь картина изменилась — губерния посылает в Гос. Думу социал-демократов и трудовиков. Причина — наплыв политических поднадзорных»¹³², — доносил губернатор в центр, пытаясь объяснить происходящее.

Членами III Государственной думы были избраны В. И. Дзюбинский, К. И. Молодцов и вновь Н. Л. Скалозубов. Все тобольские избранники примкнули к позициям кадетов, народных социалистов и трудовиков. Молодцов и Скалозубов вошли в кадетскую фракцию. Кроме того, по мере накопления опыта парламентской работы они пополнили Сибирскую депутатскую группу, которая объединяла 15 представителей.

Признанный авторитет и вожак тобольских депутатов, Скалозубов стал членом комиссий по переселенческому делу и рыболовству. Со второй сессии, — членом сельскохозяйственной комиссии, а с третьей сессии — секретарем сельскохозяйственной комиссии и членом бюджетной комиссии. За время своего депутатства он сделал десять докладов, направил более сотни запросов, опубликовал множество статей. В числе законопроектов, которые он подписал, были «О распространении земства в Сибири», «Об учреждении землеустроительных комиссий в степных областях», «Об отмене смертной казни» и др. Скалозубов запомнился как последовательный критик переселенческой политики Столыпина. Он уделял много внимания положению политических ссыльных в Тобольском крае. Большую известность приобрела защита М. В. Фрунзе, приговорённого к смертной казни, которая была заменена на 6 лет каторги.

В разный период своей парламентской деятельности Скалозубов входил в состав комиссий по формированию бюджета, переселенческого дела, сельского хозяйства и рыболовства. Благодаря его принципиальной позиции при отстаивании интересов края было принято решение о строительстве телеграфной линии до Берёзова, Обдорска и Сургута. Он также ходатайствовал о проведении железной дороги до Тобольска. Впрочем, главным вопросом, который волновал Скалозубова как депутата, был переселенческий вопрос. Он выступал основным критиком деятельности переселенческого ведомства.

Много внимания уделял Скалозубов проблемам тюремного ведомства. Он не оставался безучастным к бесчинствам тюремной администрации Тобольской каторжной тюрьмы № 1. Там жестоко применялись телесные наказания. «Кошмар каторжного режима висит над

¹³¹ Самосудов В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907–1917 гг.). Омск, 1970. С. 64–65.

¹³² Всеподданнейший отчет о состоянии Тобольской губернии за 1909 год // РГИА. Ф. Б-ка I Отд. Оп. 1. С. 6.

Рис. 5.40. Сибирская группа членов III Государственной думы

городом. Мирный, тихий когда-то город в ужасе от этого страшного соседства. Эта жестокость — худшая школа для мирных людей, для учащегося юношества. К каким последствиям поведет это внешкольное обучение граждан, еще неизвестно, но что яд этой атмосферы действует на людей — несомненно. Разумное регулирование тюремного каторжного режима — мера крайне настоятельная не только в интересах справедливости и милосердия к несчастным каторжанам, но в интересах городского населения, имеющего право требовать, чтобы его человеческие чувства не возмущались зверским поведением администрации каторги»¹³³.

Бывший народоволец и политический ссыльный Владимир Иванович Дзюбинский входил в трудовую группу. Ранее он окончил духовную семинарию и служил старшим помощником акцизного надзирателя. Дзюбинский входил в две комиссии: бюджетную и по переселенческому делу. С III сессии был в комиссиях по исполнению государственной росписи, библиотечной, переселенческой, согласительной. Он был очень активным депутатом. Так, члены Трудовой группы избрали его товарищем председателя. В разные сессии он около ста раз поднимался на думскую трибуну. В I сессию подписал законопроект о введении земства в Сибири, об отмене смертной казни, о 2-й всенародной переписи и др.

Третий депутат, крестьянин-землевладелец, сельский писарь Константин Иванович Молодцов входил в комиссии по переселенческому делу, а со второй сессии был членом сельскохозяйственной комиссии. Его выступления были не столь многочисленны. В I сессию подписал законопроект о введении земства в Сибири, о наделении безземельных и малоземельных крестьян землей, о распространении земского положения на Область войска Донского, о введении в Архангельской губернии земского самоуправления, об отмене смертной

¹³³ Из письма члена Государственной думы Н.Л. Скалозубова председателю Совета министров П.А. Столыпину о незаконных действиях смотрителя Тобольской каторжной тюрьмы № 1 Могилева. 7 ноября 1908 г. // 400 лет Тобольску. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1987. С. 102.

Рис. 5.41. В. И. Дзюбинский

казни и др. Во II сессию подписал законопроект «О сметах и раскладках земских повинностей в губерниях Тобольской и Томской, в губерниях и областях Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств на 1909–1911 гг.» (прошёл и высочайше утвержден).

Третья Дума оказалась единственной, которая проработала весь срок полностью. Третьеиюньская избирательная система ограждала правящий режим от покушений на властные прерогативы представителей оппозиции. Вместе с тем, такое положение существенно обедняло социальную базу отечественной парламентской системы.

Выборы в IV Государственную думу прошли в сентябре–октябре 1912 г. Правительство вновь старалось обеспечить благоприятный исход выборов. Очевидно, что шла борьба за голоса крестьян — основного избирателя. Однако крестьяне были очень инертны и мало интересовались работой Думы вообще. Накануне выборов, в июне 1912 г., тобольский губернатор, очевидно, получивший соответствующие установки из центра, успокаивал начальство, что «никакая пропаганда не найдет в деревне почвы; если бы она началась стороны административно-ссылных, то ей будет оказано самое решительное противодействие».

Позднее, когда выборы показали успех правых кандидатов, тобольский губернатор оправдывался, что причина не в левых настроениях крестьян, а в слабости «правых», которые не смогли организовать единый предвыборный фронт¹³⁴. Избирательная кампания большевиков строилась на решениях Пражской конференции и отдельных указаниях Ленина¹³⁵. Особое внимание уделялось борьбе с ликвидаторами, недопущению блока меньшевиков с кадетами. В свою очередь кадетские кандидаты вели кампанию объединения представителей всех оппозиционных течений под знаменем борьбы с черносотенством. В 1912 г., разочаровавшись в действенности своих усилий как депутата, Скалозубов отказался от участия в выборах в IV Государственную думу¹³⁶.

В итоге избранными оказались трудовики В. И. Дзюбинский и М. С. Рысев, а также прогрессист А. С. Суханов. Тобольские депутаты единодушно вошли в состав Трудовой группы, где

¹³⁴ Цит. по: Самосудов В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907–1917 гг.). Омск, 1970. С. 130.

¹³⁵ Ленин В. И. Принципиальные вопросы избирательной кампании // Полное собрание сочинений. Т. 21. М., 1968. С. 68–94.

¹³⁶ Томилов И. С. Провинциальный феномен личности Н. Л. Скалозубова и А. С. Суханова в повседневной общественно-политической и социокультурной деятельности // Повседневность российской провинции XIX–XX вв. Материалы Всероссийской научной конференции в 2 ч. Ч. II. Пермь, 2013. С. 325–236.

заняли крайне оппозиционный фланг, отстаивая необходимость радикально-демократических преобразований.

Бывший депутат III Думы Дзюбинский входил в бюджетную, библиотечную, переселенческую, о путях сообщения, о собраниях и др. комиссии Думы. Другой депутат, городской староста из Туринской волости Михаил Степанович Рысев был членом комиссий земельной и по рыболовству. Наконец, гласный Тобольской городской думы книготорговец Алексей Степанович Суханов вошел в состав следующих комиссий: по народному образованию, по городским делам, о печати, о борьбе с немецким засильем, по местному самоуправлению и др. В ходе I сессии Дзюбинский, Рысев и Суханов поставили подписи под законопроектом «О поземельном устройстве крестьян и инородцев на казенных землях сибирских губерний и областей»¹³⁷. В целом тобольские депутаты выступали с постоянной критикой действий правительства, оппонировали столыпинской аграрной реформе и др. В период Февральской революции они единодушно поддержали введение широких демократических свобод.

Таким образом, объёмные фолианты думских стенограмм сохранили свидетельства жарких дискуссий по проблемам Тобольского севера. Депутаты-тобольцы красноречиво, аргументировано, с чувством глубокого патриотизма к своей малой Родине говорили о животрепещущих проблемах края, об уникальном югорском этническом многообразии, его неповторимой культуре, богатейших природных ресурсах, составлявших гордость народнохозяйственного потенциала страны. В начале XX столетия, когда парламентские баталии воспринимались как нечто новое в имперском политическом и культурном пространстве, а общественность проходила первые уроки гражданского самосознания и самовыражения, нужды Югорской земли, звучавшие в залах Таврического дворца, уже тогда опережали свое время.

¹³⁷ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам (Части I–III) Четвертый созыв. Сессия I. 1912–1913 гг. СПб., 1913. С. 332.

Глава 3

Тобольский север во время Первой мировой войны и революционных процессах 1917 г.

1. Власть и общество Югры перед лицом военных испытаний

«Великий Государь обратился к нам со словом, которое озарило не только нас, но и для всей России переживаемые нами исторические дни. Для всех нас, всю свою душу сложивших в служении Самодержцу и Родине, наступил миг наивысшего вдохновения, наивысшего напряжения души. Мы знаем, мы чувствуем, что вся Русь, едина и нераздельная, чувствует то, что чувствуем мы; Царево слово прозвучало, и в этом слове прозвучала вся Русь. Солнце единого вдохновения озаряет все наши сердца. <...> Все, все объединились, все население, без различия народности и исповедания, все объединены. Царево слово прозвучало, и мы все — вместе. Необъятна и неисчерпаема Русь. Сила ее безраздельна, когда творческим вдохновением охвачена она, когда она великая, единая дружина Великого Венценосного Вождя, она едина, теперь у нас одно стремление, одна душа. Царево слово прозвучало, и мы все объединены»¹³⁸, — возвещал с трибуны Государственного совета князь Д. П. Голицын-Муравлин, один из учредителей и первый председатель Совета Русского собрания. Эти наполненные высокой патетикой слова в целом отражали настроения не только консервативно-монархической части населения страны в начале Первой мировой войны. В унисон этим мыслям жила и необъятная российская провинция. Начало военных действий в Тобольской губернии было встречено широким патриотическим подъёмом. Население с воодушевлением приняло манифест Николая II о вступлении России в войну.

В Тобольске и многих уездных городах состоялись стихийные патриотические манифестации, участники которых выражали верноподданнические чувства. Начались сборы пожертвований от купеческих обществ, а также отдельных предпринимателей. Так, владельцы пароходов внесли более 9 тыс. руб. на содержание лазарета имени судовладельцев Западной Сибири¹³⁹. Повсеместно собирали деньги и на селе. Например, крестьяне Тобольского уезда

¹³⁸ Речь князя Д. П. Голицына-Муравлина в Государственном совете. 26 июля 1914 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки. М., 2014. С. 38.

¹³⁹ Сибирский листок. 1915. 19 апреля.

пожертвовали 2,8 тыс. руб. Сбор пожертвований продолжался весь период войны, жители собирали подарки, активно участвовали в благотворительных лотереях. Во многом росту патриотических настроений способствовал и позитивный эмоциональный фон, обусловленный хорошим урожаем, закупками зерна, фуража для военных нужд, а также выплатами пособий семьям мобилизованных.

Тобольская общественность активно участвовала в работе Западно-Сибирского комитета Всероссийского союза городов по оказанию помощи больным и раненым. В апреле тобольские делегаты участвовали в съезде городов Западной Сибири по созданию областного комитета Союза. Тобольские торговые и промышленные круги, а также верхи либеральной бюрократии и большая часть интеллигенции стояли на кадетской политической линии. При этом несмотря на то, что сибирские отделения кадетов были не столь активны, как в Европейской части империи, они оказались более эффективными объединениями местной буржуазии¹⁴⁰.

Однако после начала неудач русской армии на Восточном фронте патриотические настроения в тобольском обществе стали ослабевать. По Тобольску стали распространяться слухи о вредительстве шпионов. Начался массовый психоз по поиску внутренних врагов. Губернская администрация сразу же обратила внимание на эту проблему. Тобольский губернатор Станкевич обратился к населению: «несмотря на своевременно оглашаемые точные сведения о событиях на театре военных действий, <...> несмотря на общий духовный подъем, находятся еще легковверные лица, легкомысленно повторяющие ни на чем не основанный <...> всякий вздор о положении, действиях и неудачах нашей армии и флота»¹⁴¹. Губернатор призывал не поддаваться влиянию слухов и угрожал строгим наказанием за нарушения.

Положение усугублялось и экономическими трудностями. Наиболее острыми из них были: нехватка рабочих рук, рост цен на продукты и товары первой необходимости, затруднения в снабжении городского населения продовольствием, поток беженцев из фронтовых и прифронтовых территорий, проблема сбалансированного перевода системы местного управления страны на военные нужды и др. Несмотря на относительно сглаженные последствия общеимперского экономического кризиса для Тобольской губернии проблема доро-

Рис. 5.42. Медаль, учреждённая в 1915 г.

¹⁴⁰ Зольников Д. М. Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982. С. 50.

¹⁴¹ Цит. по: Шимкина С. Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914–февраль 1917 г.). Тюмень, 2006. С. 126.

говизны стала очень актуальным вопросом для каждого жителя края. По оценкам органов политического сыска, в начале 1916 г. рост цен стал для населения по сути единственным болезненным вопросом¹⁴².

17 августа 1915 г. было образовано Тобольское особое совещание по продовольствию. Его возглавил губернатор Станкевич. Одновременно при городских управах были созданы продовольственные комиссии, состоявшие в равной пропорции из гласных и представителей населения. Комиссии определяли потребность жителей в продуктах и уточняли их запасы в торговых заведениях. Решения комиссий рассматривались и утверждались на губернском совещании по продовольствию. Первоначально появление комиссий вселяло надежду, что вопросы продовольственного обеспечения станут решаться более оперативно. Однако у новых органов не было никаких полномочий, чтобы влиять на ситуацию. Как показала практика, их реальная работа свелась к выяснению продуктовых резервов и цен на товары. Протоколы комиссий долго лежали неутверждёнными. В конечном счёте, такое положение дополнительно усилило подрыв общественного доверия к административным структурам¹⁴³.

Народное возмущение дороговизной, дефицитом и обесцениванием денежных средств выливалось в протесты, которые приобретали открытые формы. Доведённые до отчаяния крестьяне выражали свое недовольство через поджоги — особую форму борьбы, получившую популярность у населения. Так, в октябре 1916 г. в с. Сухоруковском Берёзовского уезда были сожжены дом, лавка, амбары и склады купца Аверкина. Пострадали и другие хозяйства¹⁴⁴.

В целом анализ статистики стачечного движения в Тобольской губернии в годы Первой мировой войны показывает, что в его основе лежали экономические требования участников. За неполную половину 1914 г. (с июля) было организовано 4 стачки с экономическими требованиями, где участвовало 160 человек. Причём с сентября по декабрь каких-либо выступлений не было зафиксировано. В 1915 г. учтено 14 стачек, также с экономическими требованиями (по одной стачке нет данных). В них приняло участие 716 человек. В 1916 г. также прошло 14 стачек, в которых участвовало 1332 человека. Из них только 1 стачка в августе имела политическую подоплёку, и в ней участвовало 369 человек. Наконец, в январе 1917 г. была одна стачка, где 12 забастовщиков выдвинули экономические требования¹⁴⁵.

23 июля 1914 г. на территории Тобольской губернии, как на не состоявшей на военном или осадном положении, был объявлен режим чрезвычайной охраны на срок до 4 сентября 1914 г. По утверждению министра внутренних дел Маклакова, данная мера «должна способствовать устранению нежелательных, с точки зрения государственного порядка и спокойствия, выступлений»¹⁴⁶.

¹⁴² Шишкина С. Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914–февраль 1917 г.). Тюмень, 2006. С. 131.

¹⁴³ Шишкина С. Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914–февраль 1917 г.). Тюмень, 2006. С. 132–133.

¹⁴⁴ Цит. по: Шишкина С. Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914–февраль 1917 г.). Тюмень, 2006.

¹⁴⁵ Стачечное движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 — февраль 1917 гг.: Хроника. М. — СПб., 2019. С. 748–780.

¹⁴⁶ Об объявлении всех местностей Империи, не состоящих в осадном и военном положении или на положении чрезвычайной охраны, — в состоянии чрезвычайной охраны. 23 июля 1914 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. /1914 год. М., 2006. С. 222.

При утверждении сметы расходов на потребности земского хозяйства Тобольской губернии на трёхлетие 1915–1917 гг. был сформирован перечень целевых расходов земского хозяйства. В их числе: наём старших техников Тобольского строительного отделения — 7200 в год; пособие Тобольской лечебницы для приходящих больных 500 руб. в год; 20 дополнительных стипендий Тобольской акушерско-фельдшерской школе по 2500 в год; Тобольскому попечительству о бедных пособие 3000 в год; дополнительное вознаграждение ветеринарного врача в Сургутском уезде 200 в год; усиление канцелярских средств Тобольского губернского управления по сельско-ветеринарной части 500 в год; дополнение к фонду содержания штата Тобольской ветеринарно-фельдшерской школы 12801 в год; дополнительное содержание Тобольской низшей сельскохозяйственной школы 1195 в год; на содержание Тобольского статистического бюро 5000 в год.

Кроме того, в перечень экстренных потребностей земского хозяйства вошли следующие расходы: борьба с эпидемией сыпного тифа — 12000 руб.; исправление разрушенных разливом рек мостов и дорожных сооружений — 10000 руб.; уборка хлебных полей запасных нижних чинов, призванных на войну — 30 000 руб.; борьба с кобылкой — 48000 руб.¹⁴⁷

В дни объявления в империи всеобщей мобилизации в разных районах Тобольской губернии было зафиксировано 16 случаев выступления запасных. Однако ни одно из них не имело политического характера и не было связано с протестом против войны. Основной причиной было недовольство населения запретом продажи спиртных напитков. Многие случаи открытого недовольства сопровождалась разгромом винных и торговых лавок, но эти выступления носили скорее стихийный характер.

Рис. 5.43. Антиалкогольные карикатуры

¹⁴⁷ О смете и раскладке земских повинностей Тобольской губернии на 1915–1917 годы. 9 июня 1915 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. /1915 год. М., 2008. С. 302.

Однако очень скоро ситуация на фронте изменилась. Усугубление положения тяжело воспринималось в провинции. Патриотический подъём общественности сменился разочарованием и ростом недоверия к властям.

В связи с пониманием сложившихся обстоятельств в правительстве был поставлен вопрос о перераспределении приоритетов между нуждами армии и тыла из-за опасности серьёзного социального протеста. В конце 1915 г. Совет министров пришёл к заключению, что руководители губернских особых совещаний и связанных ведомств должны обратить первоочередное внимание «на всестороннее выяснение неотложных нужд отдельных частей Империи в продовольствии и топливе и на выработку общего плана действий к срочному разрешению таковых нужд; в числе последних заслуживает особливых попечений вопрос о снабжении горючими материалами мукомольных мельниц, многие из которых, по удостоверению подлежащих министров, находятся накануне закрытия из-за недостатка угля». «Если по общему правилу тыловые интересы должны стоять на втором месте перед велениями военной необходимости, то в некоторых случаях веления эти должны непременно уступать общегосударственным соображениям, <...> порядок и спокойствие внутри страны существенно важны для настроения армии: бодрость ее духа подвергалась бы тяжелым испытаниям при известиях о продовольственных бедствиях оставшихся на родине близких людей», — полагали министры. «В тех исключительных случаях, когда приведение в исполнение каких-либо мер, направленных к ускоренному снабжению тех или иных пунктов предметами первой необходимости и к устранению опасности возникновения народных волнений на почве недостатка топлива либо продовольствия, будет сопряжено с замедлениями для военных нарядов, военные власти поступят своими требованиями и окажут гражданским начальствам зависящее содействие»¹⁴⁸, — считали члены правительства.

Наряду с экономическими проблемами становилось очевидным нарастающее противостояние власти и общества. Центральное руководство продолжало верить в, казалось бы, проверенную временем эффективность централизованной системы. Как раз об этом и свидетельствовал постоянно продлявшийся режим чрезвычайной охраны. Однако на местах действенность такого режима выглядела спорно. Так, городские бюджеты оказались в крайне тяжёлом состоянии. Возрастала закредитованность. Возможности налоговых поступлений были исчерпаны. Действовавшее Городовое положение не позволяло эффективно решать такой злободневный вопрос, как обеспечение продовольствием. Поэтому вопрос о его изменении со всей очевидностью вытекал из сложившегося положения. Впрочем, в масштабах Тобольской губернии тяготы военного времени в наибольшей мере почувствовали Тюмень и Курган — наиболее населённые и экономически развитые центры с большим числом рабочего элемента. Напротив, северные, Югорские районы — губернский центр, Сургут, Берёзов и др. отличались провинциальностью. По своей социально-экономической специфике они были схожи с сельскими районами.

Одновременно в западносибирских общественных кругах возросло ожидание введения земских учреждений. Этот вопрос неоднократно поднимался в Государственной думе, но всякий

¹⁴⁸ Особый журнал № 236 заседания Совета Министров Российской империи «О планомерном снабжении нуждающихся местностей Империи продовольствием и топливом» (По журналу дел, разрешаемых собственной властью Совета Министров). 19 декабря 1915 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: Т. 1: Эволюция взглядов. М., 2014. С. 281.

раз и под разными предлогами его разрешение откладывалось. В качестве контраргументов к введению земств назывались обширность территорий сибирских регионов, отсутствие помещичьего землевладения, низкая доля платёжеспособного населения, а также неравномерное переселенческое движение. В конце 1914 г. появилась информация, что вопрос о введении земств в Тобольской, а также Томской губерниях разработан Главным управлением по делам местного хозяйства и вот-вот должен поступить на рассмотрение в правительство. В феврале 1916 г., в самый разгар войны, московские студенты-сибиряки подали группе сибирских депутатов Государственной думы петицию о необходимости скорейшего решения вопроса с земством: «Война лишней раз показала значение общественной самодеятельности. Там, где работает старая бюрократическая машина, мы до сих пор видим разруху. Сибирь, убеждавшаяся в этом целые десятилетия, ещё раз увидела свою бесправность: когда в метрополии земства образовали мощный союз, чтобы наряду с общегосударственными задачами решить и местные, Сибирь не имеет возможности использовать все свои живые силы, чтобы в большей степени облегчить бремя, наложенное войной, <...> считаем поставить на обсуждение законопроект о немедленном введении земства в Сибири, организованного на широких демократических началах». В этой связи лидеры Тобольского землячества в Москве предложили землячествам в Петрограде, Казани и Томске присоединиться в данной петиции или составить аналогичную другую¹⁴⁹.

В условиях кризиса доверия к власти и нарастания социальных противоречий, правительство рассчитывало, что консолидирующим фактором сплочения общества станет церковь. Действительно, приходское духовенство вело активную разъяснительную работу и занималось благотворительными сборами на нужды фронта. В это время Тобольскую и Сибирскую епархию возглавлял архиепископ Варнава (Накропин). В общественном мнении он имел противоречивую репутацию, был близок к Распутину и активно участвовал в правомонархическом движении. Между тем, стиль управления тобольского владыки, его резонансные проповеди и радикальные кадровые решения внутри епархии вызывали негативную оценку тобольских обывателей. Основным критерием соответствия священника занимаемой должности были не авторитет у прихожан или богословская просвещенность, а лояльность епархиальному начальству. Варнава, сам не имевший духовного образования, не считал его существенным достоинством. Ни постоянные жалобы на Варнаву, ни даже организованная летом 1915 г. ревизия епархии не могли переломить ситуацию. Более того, заступничество Распутина развеяло всякие надежды на перемещение Варнавы из Тобольска. Все эти факты «были известны и Синоду, который, однако, не желал вмешиваться из собственных ведомственных соображений, чтобы не создавать прецедента влияния общественного мнения на церковные дела»¹⁵⁰. Более того, центральное руководство подчеркнуто продемонстрировало свою лояльность к тобольскому архипастырю. Летом 1916 г. Варнаве был пожалована довольно высокая награда — орден Св. Владимира II ст., а 5 октября он был возведен в чин архиепископа.

Громкий отклик в светских и духовных кругах получила история с канонизацией митрополита Тобольского и вся Сибири Иоанна (Васильковского), предпринятая при активном

¹⁴⁹ Шишкина С. Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914–февраль 1917 г.). Тюмень, 2006. С. 142–144.

¹⁵⁰ Шишкина С. Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914–февраль 1917 г.). Тюмень, 2006. С. 146.

Рис. 5.44. Архиепископ Варнава

участии Варнавы. Фактически церемония прославления, требовавшая значительной подготовительной работы, была проведена без разрешения Святейшего Синода, исключительно благодаря связям Варнавы с Распутиным, которому удалось добиться царской санкции. За самовольные действия тобольского архиепископа Синод пытался просить Николая II отправить Варнаву на покой. Однако последний не только избежал какого-либо порицания, но и смог организовать летом 1916 г. высокочатратное мероприятие¹⁵¹.

Провальная кадровая политика Варнавы, его конфликт с губернатором Станкевичем, по сути, спровоцировавший отставку последнего, стали иллюстрацией глубокого кризиса в провинциальном обществе. Церковь, которая должна была стать консолидирующим институтом, показала, что идея сплочения царя и его подданных на православной почве потерпела крах. Основная масса населения с каждым годом войны всё менее скрывала недовольство происходящим. Положение усугубляли бесконечные реквизиции и мобилизационные мероприятия. Дело доходило до прямого обличения императора как главного виновника неудач в войне. Всё отчётливее проявлялся кризис мо-

нархического сознания, смешанного со стихийным пораженчеством. По наблюдению одного историка, «в образе царя как бы персонифицировалось отношение к войне и власти вообще: неправомерна власть царя, неспособного защитить отечество от неприятеля и народ от невзгод»¹⁵².

Отношение населения к правительственным инициативам хорошо продемонстрировал появившийся «сухой закон». С одной стороны, это была попытка объединить людей в антиалкогольной идее. Власти организовывали чтения, просветительские мероприятия, открывались избы-читальни и др. В реальности прекращение продажи алкоголя, конечно, позитивно сказалось на криминогенной обстановке. Например, количество уголовных дел снизилось более чем на 23%, кражи сократились более чем на треть, а случаи так называемого нарушения благочиния и благоустройства на две трети¹⁵³. Но была и обратная сторона этой меры. Официальный запрет обусловил масштабное нелегальное производство

¹⁵¹ Шишкина С. Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914–февраль 1917 г.). Тюмень, 2006. С. 148–149.

¹⁵² Шишкина С. Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914–февраль 1917 г.). Тюмень, 2006. С. 154.

¹⁵³ Обзор Тобольской губернии: Приложение к всеподданнейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск, 1916. С. 21.

спиртосодержащих продуктов. Жители Тобольской губернии в большом количестве стали употреблять денатурированный спирт, лак, политуру и множество разновидностей самогона, приготовленного с грубым нарушением санитарных и технологических норм. Криминальные разделы местных газет то и дело печатали сведения о гибели людей от чрезмерного употребления спиртных напитков или получении увечий в состоянии алкогольного опьянения. Наконец, государство лишилось важной статьи налоговых поступлений, в то время как процветала бойкая нелегальная торговля всяким суррогатом.

Весной 1915 г. Тобольская городская дума разрешила местным купцам П.И. Усачеву и А.В. Янушкевичу реализовать остававшиеся у них нераспроданные остатки вина. Предприниматели апеллировали, что слабоалкогольные виноградные вина, в отличие от крепкого алкоголя не имеют длительных сроков хранения, что грозит им серьёзными убытками. Кроме того, что такие вина, по их мнению, не могли провоцировать пьянство. Однако горожане (в основном женское население) выступили против такого постановления. Городская дума под общественным давлением вынуждена была отменить своё решение¹⁵⁴. В целом «сухой закон» разделил судьбу эфемерного союза царя с народом. Он не только не стал идеологической основой, но и, наоборот, обнажил низменные ментальные ценности основной массы населения.

В первые месяцы войны в Тобольскую губернию стекались военнопленные из числа воевавших на стороне Германии и её союзников. Уже 7 сентября 1914 г. в Тобольск прибыл эшелон с пленными австрийцами и венграми. По данным на 1915–1916 гг., в Тобольске было размещено около 5 тыс. пленных. К примеру, в других городах Омского военного округа численность была большей (Петропавловск — 6 тыс., Челябинск — 12 тыс., Омск — 12 тыс.)¹⁵⁵. Местные власти подготовили на территории губернии места для приёма свыше 50 тыс. человек. Численность приезжавших пленных постоянно росла. На конец апреля 1916 г. в городах и уездах губернии находилось уже свыше 28 тыс. военнопленных. Примечательно, что в это время пленные (8 тыс.) составляли около 45% жителей Тобольска (20 тыс.)¹⁵⁶.

В целом этнический состав пленных был довольно пёстрым: немцы, австрийцы, поляки, чехи, словаки, словенцы, хорваты, румыны и др. С сентября 1915 г., после специального распоряжения Генерального Штаба о необходимости раздельного содержания военнопленных-славян от немцев, австрийцев и венгров, всех пленных славянской национальности переместили в южные районы губернии. С этого времени в Тобольск прибывали в основном военнопленные немцы, австрийцы, венгры и евреи.

Несмотря на подготовку, жилой фонд для размещения военнопленных оказался ограничен. Особенно не хватало отапливаемых помещений, что в сибирском климате было крайне актуально. Необходимые жилищно-бытовые условия пришлось компенсировать за счёт городских ресурсов, а также военного министерства, выплачивавшего на одного военнопленного 10 руб. 50 коп. в год, что было крайне мало. Размещение производилось в городских амбарах,

¹⁵⁴ Друганова М. С. Обращения жителей Тобольской губернии в органы городского общественного управления в годы Первой мировой войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 87.

¹⁵⁵ Жарова А. С. Положение военнопленных Первой мировой войны в Тобольской губернии // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2009. № 4 (99). С. 72.

¹⁵⁶ Валитов А. А. Военнопленные Первой мировой войны в Тобольске // Югра. 2007. № 1–2. С. 90.

Рис. 5.45. Группа австрийских военнопленных на палубе парохода

казармах инженерного ведомства, а также в арендованном частном жилом фонде. Как правило, такие помещения едва соответствовали элементарным санитарным нормам. Почти все они оказывались малогабаритными. Время от времени среди военнопленных появлялись случаи заболевания сыпным тифом, скарлатиной, дизентерией и другими инфекционными заболеваниями. Впрочем, оперативное реагирование врачебного ведомства позволило не допустить превышения эпидемического порога.

К осени 1915 г., по опыту других городов, в Тобольске был организован специализированный концентрационный лагерь барачного типа для военнопленных. В нём была предусмотрена инфраструктура для жизнеобеспечения. Там построили девять бараков на 500 мест для нижних чинов и три барака на 75 мест для офицеров. Кроме того, в лагере были предусмотрены кухни, хлебопекарня, мастерская с цейхгаузами, приёмный покой и лазарет на 120 коек, конюшня, баня-прачечная, водонапорная башня, караульное помещение с карцерами, отхожие места и др.¹⁵⁷.

Труд пленных активно использовался в сельском хозяйстве и на промышленных объектах. Чтобы задействовать в хозяйстве военнопленного, крестьянин подписывал обязательство обработать не менее 15 десятин земли. Например, в Пелымском уезде военнопленные прикреплялись к лесничеству. Они заготавливали и перевозили дрова для железной дороги, ремонтировали лесные дороги, прореживали лес-молодняк, сплавливали лес-кругляк и др.

¹⁵⁷ Валитов А. А. Военнопленные Первой мировой войны в Тобольске // Югра. 2007. № 1–2. С. 91.

В отличие от нижних чинов, пленные офицеры не привлекались к обязательным работам. Их в частном порядке приглашали в качестве учителей, инженеров, бухгалтеров и на другие работы, требующие какой-либо квалификации должности. Как правило, это делалось на условиях вполне хорошей оплаты. Военнопленные немецкие и венгерские офицеры, размещавшиеся преимущественно в Тобольске, нередко вызывали негативное отношение своим образом жизни. Обыватели обращали внимание, что офицеры, получая из дома значительную материальную помощь, покупали на базаре продукты не торгуясь, чем поддерживали высокие цены. Они обзаводились домашними животными — «кошечкой или собачкой “для веселья”», а из городской бани сделали «клуб и своеобразное место развлечения»¹⁵⁸.

По данным на 1917 г., в Тобольске труд военнопленных использовался на 43 разных объектах, включая общественные работы и частные предприятия. Дровосеки — 120 чел., санитары — 60 чел., сапожники и сельхозработчие — по 33 чел., чернорабочие — 23 чел., кожевники — 10 чел., матросы — 10 чел., мельники — 5 чел., перевозчики — 4 чел., могильщики и пожарные — по 2 чел. Всего за это время на принудительных казённых и общественных работах было привлечено свыше 2 тыс. военнопленных. Вместе с тем стоит учитывать, что более 25% пленных, размещённых в Тобольске, по болезни и инвалидности были признаны нетрудоспособными¹⁵⁹.

Военнопленные, находившиеся на разных работах в Тобольском уезде, были на относительно свободном режиме пребывания. Как правило, они легко находили общий язык с крестьянами, завязывали дружеские отношения с молодежью. Представители нижних чинов попадали в деревне в привычную обстановку. Наниматели пленных брали на себя обязательство по их содержанию и охране. На этой почве нередко происходили конфликтные ситуации, когда пленные были недовольны ненадлежащим качеством содержания. По их отзывам, негативными факторами нахождения в плену были суровые климатические условия Тобольского Севера, связанные с продолжительным холодным временем года. Нередко иностранные подданные жаловались на ухудшение здоровья из-за климата и подавали прошения о переводе в другие, более южные регионы. Однако в целом большинство пленных свыкалось с режимом содержания¹⁶⁰. При этом отношение гражданского населения к военнопленным было в целом лояльным. Более того, нередко заключались браки между местными женщинами и подданными европейских государств. Впрочем, языковой и культурно-конфессиональный барьер всё-таки препятствовал более тесным контактам.

В сентябре 1916 г. для рассмотрения вопросов, связанных с пребыванием и размещением военнопленных, был создан комитет помощи военнопленным. В него входили выборные представители от офицеров и нижних чинов. Создание данной организации соответствовало положениям Гаагской конвенции, предусматривавшей формирование общественных организаций помощи военнопленным.

1 июня 1917 г. Временное правительство выпустило «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных поляков», которые также распространялись на пленных чехов

¹⁵⁸ Шишкина С. Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914–февраль 1917 г.). Тюмень, 2006. С. 120.

¹⁵⁹ Валитов А. А., Сулимов В. С. Труд военнопленных Первой мировой войны в Тобольской губернии // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Т. 5 (2014). Вып. 3. С. 190.

¹⁶⁰ Валитов А. А. Военнопленные Первой мировой войны в Тобольске // Югра. 2007. № 1–2. С. 95.

Рис. 5.46. Военнопленные вместе с местными жителями в Курганском уезде (Из архива Галины Федосеевой, г. Каменск-Уральский)

и словаков. Документ предусматривал послабления режима их пребывания: расширение права прогулок вне лагеря, беспрепятственное получение литературы и периодических изданий, свободное посещение богослужений, образование касс взаимопомощи, перемещение пленных в другие места водворения, браки пленных с российскими женщинами и др.

Летом 1917 г. в Тобольске появился Тобольский союз военнопленных славян, состоящих в Союзе чехословацких обществ в России. Он занимался вопросами материальной поддержки соотечественников; защитой прав и льгот, предоставленных пленным славянам; представлял их интересы перед органами власти; организовывал мероприятия по развитию национальной культуры; помогал в устройстве на работу, а также в ходатайстве о желании заключить в России брак¹⁶¹.

Появление в регионе военнопленных, их контакты и разная степень взаимоотношений с местным населением стоит также оценивать и как серьезное социально-психологическое явление. Население То-

больского Севера с его традиционным, специфическим менталитетом впервые вплотную столкнулось с представителями иной социально-культурной страты. Несмотря на патриотический подъём и антигерманскую информационную кампанию отношение к пленным немцам, а также австрийцам, венграм и представителям других национальностей было терпимым.

К концу 1916 г. политические настроения тобольского населения всё более отражали усталость от войны. Несмотря на тыловую специфику, а потому более благоприятное экономическое положение, жители края утрачивали патриотический настрой, сосредотачиваясь на личной судьбе в крайне неопределённой ситуации. Стихийный пацифизм, обостренная восприимчивость к слухам, крепость патриархальных представлений, отдалённых от объективного понимания текущего политического момента. Между тем, центральное руководство уже исчерпало ресурс созидательных решений для преодоления сложившейся ситуации. Правящие круги пребывали в убеждении, что крах самодержавного режима можно предотвратить, «справившись с продовольственным кризисом, а отдельные выступления рабочих будут подавлены силами полиции»¹⁶².

¹⁶¹ Валитов А. А. Военнопленные Первой мировой войны в Тобольске // Югра. 2007. № 3. С. 79.

¹⁶² Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 612.

В октябре 1916 г. тобольский губернатор доносил в центр: «состояние очень напряженное, благодаря прогрессирующей дороговизне и затягивающейся войне, которая требует все новых и новых жертв»¹⁶³. Эти слова наиболее красноречиво передавали положение в регионе накануне наступления 1917 года, который население ожидало с тревожной неопределенностью.

2. Февральские события 1917 г. и Тобольский север

Последняя неделя февраля 1917 г. стала временем судьбоносных перемен в истории российской государственности. Кризис самодержавной модели управления усугублялся не только крайне тяжёлым социально-экономическим положением, но и затянувшейся Первой мировой войной, истощившей ресурсы страны. Глубокий разрыв между возможностями властей и запросами общества обнажился со всей очевидностью.

На пороге судьбоносных свершений, словно интуитивно предчувствуя непоправимое, центральное руководство хваталось за последние соломинки своего самовластья, пытаясь продлить агонию расшатанному режиму. 24 февраля 1917 г. территория Тобольской губернии как не состоявшая на военном или осадном положении, была объявлена в положении чрезвычайной охраны на срок до 4 сентября 1917 г. «В связи с военными обстоятельствами представляется необходимым, в ограждение спокойного течения государственной жизни, сохранить за губернским начальством предусмотренные правила о чрезвычайной охране»¹⁶⁴, — пояснял надобность такой меры глава МВД Протопопов. Тобольский губернатор Ордовский-Танаевский, наделённый полномочиями председателя Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу в губернии, продолжал издавать обязательные постановления, касающиеся борьбы с дефицитом товаров повышенного спроса, а также продуктов. Так, постановлением от 27 января 1917 г. для потребностей государственной обороны предписывалась сдача полуочищенного и очищенного метилового спирта. Другим своим распоряжением, от 17 февраля, губернатор запретил куплю-продажу и вывоз за пределы губернии сибирского масла. Периодически устанавливались и фиксированные цены на товары первой необходимости¹⁶⁵.

Между тем, в те февральские дни за тысячи верст от Тобольского Севера решалась судьба Российской империи и будущее её общественно-политического устройства. Массовые стачки и демонстрации под антиправительственными и антивоенными лозунгами в Петрограде перерастали в вооружённые столкновения с властями. Постепенный переход войск на сторону восставших рабочих предрешил утрату правительством контроля над ситуацией. Воспользовавшись чрезвычайными обстоятельствами, Временный комитет Государственной думы, по сути, наделил себя полномочиями центральной власти, чем фактически предрепределил начало государственного переворота. Заблокированный и лишенный каналов

¹⁶³ Цит. по: Самосудов В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907–1917 гг.). Омск, 1970. С. 244.

¹⁶⁴ О дальнейшем оставлении некоторых местностей Империи на положении чрезвычайной охраны. 24 февраля 1917 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. /1917 год. М., 2009. С. 285.

¹⁶⁵ Тобольские губернские ведомости. 1917. 21 февраля. № 8. С. 1–3.

Рис. 5.47. Временное правительство

связи император Николай II упустил нити управления страной. Под давлением военного руководства ему пришлось согласиться «даровать» России ответственное перед Думой министерство.

В Тобольскую губернию, как и в другие сибирские регионы, известия о событиях конца февраля 1917 г. доходили с некоторым опозданием. Но это не мешало им стремительно разлетаться по всем уголкам этого обширного региона. Первые весточки о судьбоносных переменах в столице и Европейской России приходили в частном порядке через письма и телеграммы. Взволнованные обыватели передавали новости буквально из уст в уста. В свою очередь губернская администрация, не уверенная в окончательном исходе революции, пыталась задержать распространение столь неожиданных вестей. Например, официальная печать только 7 марта прервала молчание о революционных событиях в Петрограде.

«В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думой, признали мы за благо отречься от престола государства российского и сложить с себя верховную власть»¹⁶⁶, — кто с удовлетворением, а кто с тревогой неопределенности вчитывался в эти строки на первой полосе «Тобольских губернских ведомостей». В том же номере был напечатан отказ от престола Великого Князя Михаила Александровича, а также протокол заседания общего присутствия тобольских

¹⁶⁶ Акт отречения от престола императора Николая II. 2 марта 1917 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: Т. 1: Эволюция взглядов. М., 2014. С. 456.

губернских установлений, которое состоялось 4 марта 1917 г. под председательством губернатора. На нём губернское руководство постановило «признать власть Исполнительного комитета Государственной думы и подчиниться избранному им Временному правительству». Было решено проинформировать о данном постановлении председателя Государственной думы М. В. Родзянко и Главу Временного правительства Г. Е. Львова. Также постановили «впредь до получения руководящих указаний Правительства сохранить существующий порядок разрешения дел, порядок сношений и подчиненности, руководствуясь действующим сводом законов». В числе первоочередных мер определили «предложить всем городским думам и собраниям городских уполномоченных в губернии избрать комитеты общественной безопасности для разъяснения населению значения свершившихся исторических событий и для предупреждения всяких эксцессов на почве неясного понимания случившегося»¹⁶⁷.

Местная либеральная пресса не менее внимательно следила за новостями из центра. Например, «Сибирский листок» также 7 марта опубликовал акт об отречении Николая II от престола¹⁶⁸. В следующем выпуске «Сибирского листка» появилось сообщение от Временного правительства, обосновывающее развитие политических событий в России, начиная с Первой русской революции как закономерное и последовательное движение к крушению самодержавного строя. «Свершилось великое <...> Родилась новая свободная Россия»¹⁶⁹, — пафосно преподносились итоги революционного февраля. Временное правительство возлагало надежду на будущее Учредительное собрание, которое откроет путь к конституционному переустройству страны с закреплением прав и свобод своих граждан.

Депутат Государственной думы от Тобольской губернии А. С. Суханов, ставший очевидцем событий, едва сдерживал переполнявшие его эмоции: «Свершилось! Многие годы под гнетом старой власти страна ждала дня перерождения <...> Безумная, безнравственная до низа и притом совершенно слепая преступная власть довела великую страну до последнего предела терпения <...> Головокружительная победа! Страна встретила переворот

Рис. 5.48. Плакат Февральской революции

¹⁶⁷ Тобольские губернские ведомости. 1917. № 10. 7 марта. С. 1–2.

¹⁶⁸ Сибирский листок. 1917. 7 марта. С. 1.

¹⁶⁹ Сибирский листок. 1917. № 29. 9 марта. С. 1.

с восторгом. Те несколько тысяч ежедневно получаемых телеграмм — наглядное доказательство этого восторга. Но да не вскружит эта победа наши головы»¹⁷⁰, — писал своим землякам выразитель их интересов в российском парламенте. Поэтому несмотря на новостные разрывы и противоречивость информации, поступающей из центра, тобольцы понимали, что произошедшее бесповоротно изменит их жизнь. Однако события разворачивались с молниеносной быстротой и телеграфные полосы продолжали выдавать всё новые и новые подтверждения безвозвратного крушения царского режима. 10 марта 1917 г. в кафедральном соборе Тобольска и всех храмах губернии уже были зачитаны отречение императора Николая II и отказ Великого князя Михаила Александровича от принятия престола. К числу городов, которые «признали новое правительство», относил Тобольски печатный орган ЦК РСДРП (б)¹⁷¹.

3. Органы управления в Тобольской губернии в марте — октябре 1917 г.

5 марта 1917 г. наиболее активная часть тобольской общественности из числа эсеров и меньшевиков при поддержке других организаций сформировала Комитет общественного спокойствия. В тот момент подобные союзы, объединявшие верхушку провинциального общества, возникали повсеместно. Комитет поспешил сразу же заявить о поддержке нового центра силы в Петрограде. «Тобольские граждане, впервые собравшись свободно для учреждения комитета общественной безопасности, приносят глубокую и горячую признательность исполнительному комитету Государственной думы, решившемуся так самоотверженно принять на себя трудную и ответственную задачу устройства нового свободного государства»¹⁷², — телеграфировали в Петроград собравшиеся. Основной целью Комитета была организация порядка и общественного согласия. Он пытался объявить рабочим и солдатам, что революция свершилась, а Временное правительство как единственный законный орган верховной власти выполняет все требования народа и стоит на защите его интересов. В целом Комитет призывал поддержать Временное правительство и его решения. В числе первых приветствовал новую власть и тобольский военно-промышленный комитет, заверив в готовности продолжать прежнюю деятельность по обеспечению нужд армии. «В городе все спокойно. Работа продолжается»¹⁷³, — сообщалось в его телеграмме.

Буквально с первых дней марта органы старой губернской администрации стали повсеместно слагать свои полномочия. 5 марта 1917 г. тобольский губернатор Н. А. Ордовский-Танаевский призвал население к спокойствию и сохранению личной и имущественной безопасности. Однако факты прямой или косвенной связи с Распутиным и тянувшаяся репутация его ставленника в этой ситуации сыграла не на пользу начальнику губернии. На следующий день Тобольская городская дума отказала ему в доверии за связь с «темными силами самодержавия» и отправила в отставку. Исполнительный комитет городской думы также объявил сотрудникам тобольского губернского жандармского управления, что «в их услугах ко-

¹⁷⁰ Сибирский листок. 1917. 14 марта. С. 1.

¹⁷¹ Правда. 1917. 5 марта. № 1.

¹⁷² Телеграмма собрания граждан Тобольска председателю Государственной думы М. В. Родзянко. [Тобольск]. [5 марта 1917 г.] // Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1817 — ноябрь 1919 г.): Сб. документов. Новосибирск, 2014. С. 17.

¹⁷³ Сибирский листок. 1917. № 29. 9 марта. С. 2.

митет не нуждается». Архив и текущая документация управления были опечатаны и сданы на хранение в губернский музей¹⁷⁴.

Одновременно Временное правительство начало формировать новую административную вертикаль. Для управления местными органами власти были учреждены должности губернского и уездного комиссаров. Длительное время их правовой статус, объём полномочий и сфера компетенции определялись через отдельные распоряжения МВД, а потому были расплывчаты и не определены. Впоследствии рядом циркуляров и инструкций МВД определило, что губернский комиссар не подчинён какому-либо конкретному ведомству, но имеет все права бывших губернаторов. В целом он выполнял консолидирующую роль в губернской администрации, контролируя все отрасли гражданского управления и информируя уездных комиссаров о правительственных распоряжениях. Вместо губернского управления вводился совет при комиссаре. Он состоял из общего, административного, сельского и хозяйственного присутствий. В него также входили инспекторы милиции, строительные и врачебные инспекторы, председатель окружного суда и прокурор. Как видно, полномочия комиссаров были обширные, но вместе с тем малоконкретные. Это обуславливало слабую юридическую базу в их текущей деятельности, а также механизмах принятия управленческих решений. Лишь 25 сентября 1917 г. было опубликовано «Временное положение о губернских и уездных комиссарах», в котором статус комиссаров представлял симбиоз полномочий бывших губернаторов и исправников¹⁷⁵.

8 марта 1917 г. Временное правительство командировало в Тобольскую губернию в качестве комиссара депутата Государственной думы А. С. Суханова¹⁷⁶. 10 марта он направил телеграммы городским головам, председателям исполкома и председателям комитета общественной безопасности Тюмени, Кургана, Ишима и Тары. Он просил городских голов возложить на себя обязанности уездных комиссаров Временного правительства с сохранением прежней должности. Кроме того, просил поручить городскому самоуправлению трансформировать полицию в милицию. «Распоряжением правительства продовольственное дело губернии передано в ведение вновь образованного губернского продовольственного комитета, председатель коего является уполномоченным по закупкам и распределению продуктов. Ввиду

Рис. 5.49. Агитационный плакат Временного правительства

¹⁷⁴ Сибирский листок. 1917. № 29. 9 марта. С. 2.

¹⁷⁵ Чудаков О. В. Становление института комиссаров Временного правительства в Сибири // Омский научный вестник. 2013. 1 (115). С. 15–18.

¹⁷⁶ Чудаков О. В. Становление института комиссаров Временного правительства в Сибири // Омский научный вестник. 2013. 1 (115). С. 17.

острого положения вопроса продовольствия армии, необходимо напрячь все силы к дружной работе поставки хлеба для нужд армии. Усердно прошу принять меру к скорейшему образованию местных продовольственных комитетов, руководствуясь указаниями губернского продовольственного комитета, которые имеете получать для согласования действий всей губернии»¹⁷⁷.

Вскоре Временное правительство назначило губернским комиссаром бывшего ссыльного, члена трудовой национально-социалистической партии, председателя Тобольского временного комитета общественного спокойствия Василия Николаевича Пигнатти. С 1906 г. он служил присяжным поверенным Тобольского окружного суда. Многие тобольцы знали его как активного общественника. Наряду с политической деятельностью Пигнатти увлеченно занимался в том числе и научно-краеведческой работой. Он долгое время сотрудничал на разных должностях в Тобольском губернском музее, организовывал археологические раскопки и научные экспедиции.

В апреле 1917 г. губернскому комиссару пришла циркулярная телеграмма по поводу намечаемого упразднения крестьянских начальников. Сообщалось, что по мере подготовки нового порядка местного управления институт крестьянских начальников будет ликвидирован, но требовалось немедленно «устранить от исполнения обязанностей тех крестьянских начальников, которые не отвечают новому строю или не пользуются доверием населения»¹⁷⁸. Наконец, 30 июня 1917 г. последовало окончательное упразднение института крестьянских начальников. Его функции временно возлагались на помощников уездных комиссаров. Вводилось по две таких должности на каждые три сокращаемые штатные единицы крестьянских начальников. Право распределения их по уездам оставлялось за губернским комиссаром. Помощник уездного комиссара назначался губернским комиссаром по согласованию с соответствующим уездным комиссаром и утверждался министром внутренних дел. Он должен был иметь образование не ниже среднего, но при его отсутствии разрешалось подбирать кандидатуры «из числа лиц, приобретших предыдущей службой практические сведения в законоположениях о крестьянах». Им передавались все дела крестьянских начальников в рамках производств «по жалобам на постановления сельских установлений, а равно поземельного и переселенческого, без всякого вмешательства в область крестьянского самоуправления и без карательной-дисциплинарной части»¹⁷⁹. Предполагалось, что будущие принципы управления крестьянским социумом определит грядущая крестьянская реформа.

Наряду с этим важнейшим направлением внутренней политики Временного правительства было формирование новой системы региональных правоохранительных органов. Этот процесс не обещал быть простым. В него вмешивались многие субъективные факторы. Стоит отметить, что представители полицейских учреждений воспринимались населением крайне негативно и однозначно ассоциировались со старым самодержавным строем. В это время

¹⁷⁷ Телеграмма управляющего Тобольской губернией городскому голове, председателю исполнительного комитета и председателю комитета общественной безопасности в Тюмени об организации власти Временного правительства на местах. 10 марта 1917 г. // 400 лет Тобольску. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1987. С. 105–106.

¹⁷⁸ О порядке ликвидации должностей земских и крестьянских начальников. Б. м. ч. 1917. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Петроград, 1917. С. 13.

¹⁷⁹ Постановление Временного правительства «Об упразднении должностей крестьянских начальников и кандидатов на эту должность». 30 июня 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Ч. 1. Петроград, 1918. С. 200.

в разных уездах губернии, как и по России в целом, именно чины полиции и жандармерии, сельские полицейские служащие, а также работники суда и даже лесной стражи не избежали открытых нападений. Одновременно громили полицейские участки, открывали тюрьмы. В целом слова «полиция» и «полицейский» стали среди обывателей нарицательными и воспринимались исключительно в отрицательном значении.

3 марта 1917 г. Временное правительство выпустило Декларацию о своём составе и программе деятельности, в которой была провозглашена «замена полиции народной милицией с выборным руководством, подчиненным органам местного самоуправления»¹⁸⁰. В Тобольской губернии сразу же началось устройство милицейских структур на новой организационной основе. Однако отсутствие чёткой нормативной базы обусловило слишком расширительное толкование положений вышеуказанной Декларации. К 15 марта 1917 г. Тобольский временный комитет общественного спокойствия выпустил распорядительный документ о создании городской и уездной милиции. Далее началось активное формирование новых милицейских штатов, но этот процесс не во всех уездах шёл однозначно. Например, в Югорской части губернии пришлось сохранить прежний состав полиции. Это определялось удалённостью от губернского центра, суровыми климатическими условиями, относительно малой плотностью населения на обширной территории, а также менталитетом значительного инородческого контингента северных уездов.

Что же представляла собой тобольская милиция? Прежде всего, существенно изменился её кадровый состав. Хотя Временное правительство не запрещало бывшим полицейским продолжать службу в милиции, но из-за крайне негативного отношения населения их доступ туда оказался под большим вопросом. Поэтому при отсутствии какой-либо планомерной организации формирование милицейских частей шло стихийно. Руководствуясь термином «народная», власти в буквальном смысле зачисляли в милицию представителей беднейших категорий населения, в основном, рабочих или крестьян. В итоге уровень профессиональной компетенции тобольской народной милиции оказался крайне низок.

Развивая принципы, заложенные в Декларации от 3 марта 1917 г., Временное правительство выпустило 17 апреля постановления «Об учреждении милиции» и «Временное положение о милиции». Однако они оказались малоприменимы в условиях слаборазвитой транспортной инфраструктуры, протяженной территории и пёстрого национального состава населения Тобольской губернии. Поэтому уже летом 1917 г. в Петроград были направлены предложения по организационному усовершенствованию милицейских структур. В отличие от позиции Временного правительства, тобольцы предлагали сделать выборной не только должность начальника милиции, но и остальные её кадровые звенья¹⁸¹. Правительственное положение о милиции также слишком лояльно относилось и к образовательному уровню будущих защитников порядка. Из-за этого многие руководящие посты в тобольской милиции оказались в руках людей, не только не имевших какого-то образования, но и вообще неграмотных или малограмотных.

Важнейшей из реформаторских новаций, реализованных Временным правительством, стало распространение в Сибири земских учреждений и, в том числе, учреждение волостного

¹⁸⁰ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 (16) марта. С. 1.

¹⁸¹ Фирсов И.Ф. Реформа органов внутренних дел Временного правительства глазами рядовых граждан Тобольской губернии // Документ. Архив. История. Современность. 2015. № 15. С. 443.

Рис. 5.50. Постановление Временного правительства

земства. Данная реформа подвела черту под многолетними общественными дискуссиями о необходимости введения мелкой земской единицы. Открывались долгожданные перспективы вовлечения основной массы населения в решение хозяйственно-экономических вопросов своего региона.

Постановлением Временного правительства 17 июня 1917 г. земские учреждения всех трёх уровней вводились практически на всей территории Тобольской губернии. Предусматривались лишь ограничения на введение волостного земства в Берёзовском и Сургутском уездах, где проживали кочевые самоеды. Временное правительство отнесло их к особой группе местностей. В этих уездах полномочия органов самоуправления возлагались на губернские земские учреждения. Волостное земство вводилось лишь там, где проживало оседлое население.

В целом вновь образуемые сибирские земства получали гораздо больше полномочий по сравнению с земствами Европейской России. Среди них были: оказание юридической помощи населению; охрана труда и устройство общественных работ, бирж труда и посреднических контор по приисканию работ;

производство статистических обследований; участие в устройении переселенческого дела; заведование милицией в рамках действующего законодательства. В постановлении были прописаны и актуальные на тот момент проблемы: «устранение недостатка и дороговизны продовольственных средств и предметов первой необходимости; оказание пособий нуждающемуся населению; управление хлебными запасными магазинами и заведование капиталами, этим магазинам принадлежащими; заготовление охотничьих принадлежностей для потребностей местного населения; содействие возникновению потребительских обществ и устройству продовольственных лавок, пекарен и т.п. заведений». Особенно широкими были возможности земства в рамках поднятия экономического благосостояния населения. В их числе были мероприятия «по производству мелиоративных работ по осушению, обводнению, облесению, закреплению песков и оврагов и расчистке рек для сплава; восполнение местному сельскому хозяйству, торговле, промыслам и промышленности; надзор за правильным производством торговли; меры охраны рыбных, звериных и пушных промыслов; ближайший надзор за применением в торговле и промышленности законных мер и весов; устройство элеваторов, холодильников и складов машин, семян, удобрительных веществ и кустарных изделий; устройство выставок местных произведений; мероприятия по охране полей, лугов, лесов, садов и огородов от порчи и истребления вредными в сельском хозяйстве насекомыми и животными и по борьбе с сорной растительностью; принятие мер

борьбы с причиняющими вред местному хозяйству хищными животными». Кроме того, на земства возлагалось развитие народного образования — устройство и содержание начальных училищ и других учебных заведений. Однако их культурно-просветительские полномочия на этом не оканчивались. Земства наделялись правом книгоиздательства и книготорговли, устройства общественных библиотек и музеев, а также охраны «памятников и остатков старины»¹⁸².

Напомним, что зона ответственности органов самоуправления, создававшихся Временным правительством, не только превосходила возможности «старых» пореформенных земств. Последние были стеснены лишь узко хозяйственными вопросами своего уезда. Они не могли вмешиваться в сферу ответственности правительственных и сословных учреждений. Земства не могли контактировать друг с другом, а правительство строго противодействовало попыткам общероссийского обсуждения земских вопросов. Теперь же сибирские земства могли «на основании общих гражданских законов приобретать и отчуждать имущества, заключать договоры, вступать в обязательства, а также вчинять гражданские иски и отвечать на суде по имущественным делам земства». Они могли заключать между собой, а также другими органами местного самоуправления договоры, образовывать союзы и устраивать съезды¹⁸³.

Несмотря на то, что контроль за деятельностью земских учреждений осуществляли губернский и уездный комиссары, они были полностью самостоятельны в рамках реализации своих полномочий. Кроме того, земские учреждения могли устанавливать специальные сборы с населения. Применительно к районам Тобольского Севера (Берёзовский и Сургутский уезды) могли назначаться сборы с промыслового рыболовства, а также с поголовья оленей. Вместе с тем, земские расходы, не покрываемые собственными доходами в этих районах, финансировались за счёт губернского земского сбора.

2 июля 1917 г. тобольский губернский комиссар Пигнатти получил телеграмму главы Временного правительства Львова об утверждении закона о сибирском земстве и предписание о немедленном начале подготовительных работ по его реализации. Телеграмма была оглашена на съезде уездных комиссаров, который принял постановление «считать единственно возможным, чтобы губернский комиссариат в лице комиссара и двух помощников принял на себя обязанности губернского комитета по вопросу о распространении земства»¹⁸⁴.

Реализация земской реформы в Тобольском крае проходила в несколько этапов: создание волостных земских учреждений, затем уездных земств и, наконец, губернского земского собрания и губернской земской управы. Этот процесс растянулся на несколько месяцев. Подготовительные работы заняли почти полтора месяца. В сентябре — октябре 1917 г. повсеместно прошли выборы в волостные органы земства. Они не проводились только в инородческих волостях Берёзовского и Сургутского уездов. Однако они обнаружили равнодушное, а местами и негативное отношение населения к новым структурам. Население, уставшее от перманентных выборов в многочисленные комитеты и комиссии, один за другими появлявшиеся

¹⁸² О введении земств в Архангельской губернии, Сибири и Степном крае». 17 июня 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Ч. 1. Петроград, 1918. С. 351–352.

¹⁸³ Там же. С. 354.

¹⁸⁴ Цит. по: Угрюмова М. В. Земский вопрос и земское самоуправление в Тобольской губернии (вторая половина XIX в. — 1919 г.). Нижневартовск, 2007. С. 94–95.

Рис. 5.51. Агитационный плакат. 1917 г.

составили бывшие служащие волостных правлений. Секретарями управ, как правило, также оказывались бывшие волостные писари¹⁸⁵.

Применительно к Тобольской губернии волостные земства не стали воплощением идеи народного участия в жизни своего края. Недоверие к новым структурам, обнаружившееся на этапе выборов, в дальнейшем сменилось откровенной враждебностью. Например, многие крестьяне недоумевали, почему членам земских управ полагалось жалование. Население ожидало от земства скорого решения насущных жизненных вопросов (дороговизны, дефицита продовольствия и товаров первой необходимости). Эмоциональное раздражение от хозяйственной разрухи они обращали как раз на волостное земство как на наиболее близ-

после февраля 1917 г., не воспринимали волостное земство как что-то серьезное.

Состоявшиеся вскоре первые волостные земские собрания стали красноречивой иллюстрацией общественных настроений тобольского крестьянства, набравшего первый опыт политической работы. Те из волостных гласных, которые были обучены грамоте, попытались принять некоторые резолюции, отражавшие текущий политический момент (выражение доверия Керенскому, ожидание Учредительного собрания, критика и осуждение большевиков и т.п.). Они постарались обсудить и ряд актуальных местных тем (продовольственный вопрос, ветеринария, народное здравие, образование и др.). Собрания, состоявшие из неграмотных крестьян, лишь избирали управы, утверждали сметы и выбирали представителей в продовольственный, земельный и другие комитеты. Председателями волостных управ, как и ожидалось, выбирали наиболее грамотных и знакомых с элементарной административной работой, представителей. Принимая во внимание, что наряду с введением земских учреждений упразднились волостные правления и должности волостной администрации, в целом по губернии основу руководства волостного земства

¹⁸⁵ Угрюмова М. В. Земский вопрос и земское самоуправление в Тобольской губернии (вторая половина XIX в. — 1919 г.). Нижневартовск, 2007. С. 99–102.

кую к ним структуру, ассоциировавшуюся с властью¹⁸⁶. Формирование уездных и губернских земских органов проходило уже после революционных событий октября 1917 г.

Тобольская губерния оказалась также вовлечена в обсуждение вопроса о сибирском областничестве, который после Февральской революции обрёл новый виток развития. Местная либеральная печать из номера в номер публиковала материалы, посвящённые проблемам сибирской автономии. Так, информируя читателя о подготовке созыва Сибирской областной думы, «Сибирский листок» утверждал: «для коренных сибиряков нет вопроса о том — нужна или не нужна областная автономия для Сибири <...> Для всей коренной сибирской интеллигенции это своего рода давно решенный вопрос. Слишком уж не схожи многие условия жизни по сравнению с Европейской Россией и слишком уж тяжела была для сибиряков система управления Сибирью по указке питерских бюрократов»¹⁸⁷. Будущее этого вопроса напрямую связывалось с Учредительным собранием. «Для сибиряков далеко не безразлично — будут ли ее представители там сторонники или противники областной автономии», — сообщала газета.

По сравнению с другими районами Сибири в Тобольской губернии инициатива в консолидации общественных сил, как уже отмечалось, принадлежала членам эсеро-меньшевистских групп. Только к апрелю 1917 г. в некоторых уездах губернии сформировались Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Одним из наиболее острых в политической повестке стал вопрос о 8-часовом рабочем дне. В Советах тех регионов, где большинство принадлежало большевикам или где они занимали руководящие посты, соответствующие решения принимались самостоятельно. Однако в Тобольской губернии, где рабочие выдвигали это требование повсеместно, разрешение данной проблемы шло гораздо медленнее. В конце концов Тобольский совет со ссылкой на нужды военного времени принял постановление о предоставлении права введения 8-часового рабочего дня «добровольному решению рабочих и хозяев»¹⁸⁸. Впрочем, предприниматели не торопились с разрешением этого животрепещущего вопроса. Более того, наиболее активные рабочие-революционеры, призывавшие ускорить введение 8-часового рабочего дня, увольнялись с предприятий.

Не менее сложная ситуация сложилась и в тобольской деревне. Здесь у эсеров были тоже сильные позиции. Они форсированно добивались создания собственных крестьянских союзов, чтобы противопоставить их Советам. В то же время, социал-демократические организации в регионе были изначально малочисленны. С одной стороны, на сельских, а также волостных сходах составлялись приговоры, содержащие поддержку завоеваний Февральской революции. Именно тогда из деревни стали приходить первые известия о гонениях на крестьянских начальников и служащих сельской полиции, олицетворявших свергнутый строй. С другой стороны, несмотря на популярность в Тобольской губернии эсеровских лозунгов, крестьяне давали волю своим давним потаённым желаниям более радикального решения земельного вопроса. Повсеместно начался захват кабинетских земель, казённых и арендных участков, порубка леса. В апреле 1917 г. в уездах губернии начался масштабный захват

¹⁸⁶ Угрюмова М. В. Земский вопрос и земское самоуправление в Тобольской губернии (вторая половина XIX в. — 1919 г.). Нижневартовск, 2007. С. 104–105.

¹⁸⁷ Сибирский листок. 1917. № 89. 30 июля. С. 2.

¹⁸⁸ История Сибири древнейших времен до наших дней. Том 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968. С. 486.

Рис. 5.52. Агитационный плакат. 1917 г.

политический кризис, сопровождавшийся столкновениями 3–5 июля в Петрограде между вооруженными демонстрантами, требовавшими передачи власти Советам и войсками, верными Временному правительству. Стоит отметить, что местные социал-демократы, несмотря на решение VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) о невозможности объединения с партиями, поддерживающими Временное правительство, продолжали действовать в едином с меньшевиками «социалистическом блоке». В составе последнего они приняли участие в июльских выборах в городские думы, где кадеты и правые партии потерпели поражение¹⁸⁹.

Прошедший вскоре, 26 июля — 3 августа 1917 г., VI съезд РСДРП(б) постановил, что меньшевики перешли в стан контрреволюции и объединение с ними невозможно. Был взят курс на подготовку вооружённого восстания.

церковных и монастырских пахотных, а также сенокосных земель¹⁸⁹. Наряду с этим продолжалась борьба с зажиточным крестьянством. В ряде уездов крестьяне малоземельных переселенческих селений самовольно изменяли границы с многоземельными старожильческими поселениями. В некоторых районах беднота отбирала земли у местных кулаков, крупных арендаторов и заводчиков, распределяя их между малоземельными. Зачастую это сопровождалось разгромом зажиточных хозяйств.

Данные факты стали ожидаемым следствием политики Временного правительства, которое постоянно оттягивало решение аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания. При этом крестьянские выступления и самозахваты подавлялись властями. От губернского комиссара Временного правительства и Комитета общественного спокойствия одно за другим следовали объявления о запрете самовольных захватов земли и порубок леса, а также требования немедленного возврата незаконно занятой земли прежним владельцам.

Переломным событием в общественной жизни Тобольского края стал июльский

¹⁸⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. 1. 27 февраля — 6 мая 1917 года. М., 1957. С. 512, 577.

¹⁹⁰ Московкин В. В. 1917 год в Тобольской губернии // Вестник Тюменского университета. История. Вып. 1. Тюмень, 1996. С. 35–36.

11–20 августа 1917 г. в Омске состоялся II Западно-Сибирский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. На нём присутствовало 106 делегатов с правом решающего голоса, в том числе 56 эсеров и 50 социал-демократов. В работе съезда также приняли участие и представители Советов Тобольской губернии. «После обсуждения вопроса о текущем моменте между эсерами и меньшевиками, с одной стороны, и большевиками, меньшевиками-интернационалистами и левыми эсерами, с другой, наметилось резкое расхождение по вопросу об отношении к Временному правительству и его политике. Меньшевики и эсеры ушли со съезда. Съезд постановил создать Западно-Сибирское объединение советов, выразил протест против Московского государственного совещания, потребовал перехода всей власти в руки Советов, созыва экстренного Всероссийского съезда Советов, конфискации всей земли и передачи её в пользование крестьянам, ограничения прибыли капиталистов, введения трудовой повинности, установления государственного контроля над производством и банками, восьмичасового рабочего дня, охраны труда и демократического распределения предметов первой необходимости, опубликования тайных договоров, немедленного предложения всем воюющим народам заключить мир без аннексий и контрибуций с обеспечением права наций на самоопределение. Съезд выразил протест против действий судебных властей Петрограда, державших участников июльских событий в тюрьмах без предъявления обвинений, и призвал рабочих, солдат и крестьян стать на путь решительной борьбы с контрреволюцией»¹⁹¹.

Летом 1917 г. произошло ещё одно важное событие, неожиданно поднявшее значение Тобольска как одного из центров политической жизни страны. В связи с нараставшим антимонархическим давлением после Июльского кризиса Временное правительство приняло решение выслать в Тобольск семью последнего российского императора¹⁹². По свидетельству А. Ф. Керенского, «с самого начал лета вопрос о судьбе императорской фамилии привлекал повышенное общественное внимание и доставлял нам немало беспокойство, <...> провокаторы начали распространять просочившиеся в гарнизон слухи о контрреволюционных заговорах и намерениях освободить царя. <...> тревожные пересуды не прекращались, и я наконец решил временно перевести императора с семьей куда-нибудь подальше в тихий уголок, пока они перестанут привлекать такое внимание <...> Я выбрал далекий Тобольск, стоявший вдали от всех железнодорожных линий, зимой почти совсем отрезанный от мира. Императорское семейство можно было удобно устроить во вполне комфортабельном доме тобольского губернатора»¹⁹³.

6 августа 1917 г., преодолев почти недельный путь сначала по железной дороге, а потом по воде на пароходе «Русь», Николай II в сопровождении Александры Федоровны, детей, а также остатков своей свиты прибыли в Тобольск. Их встречало большое скопление любопытных горожан. Как и планировалось, власти намеревались разместить царскую семью в бывшей резиденции тобольского губернатора. Впрочем, по свидетельству самого Николая II, в Тобольске оказались не готовы к их приёму, и им пришлось около недели жить на пароходе, пока бывший губернаторский дом приводили в порядок. «Помещения пустые, без всякой

¹⁹¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. 3. 26 июля — 11 сентября 1917 года. М., 1960. С. 168–169.

¹⁹² Сообщение Временного правительства об отправке в г. Тобольск свергнутого царя Николая II и его семьи. 5 августа 1917 г. // 400 лет Тобольску. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1987. С. 107.

¹⁹³ Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 248–249.

Рис. 5.53. Николай Второй и члены его семьи в ссылке в Тобольске

мебели, грязны и переезжать в них нельзя»¹⁹⁴, — записал он в дневнике свои впечатления от осмотра будущего жилища.

14–22 сентября 1917 г. в Петрограде прошло Всероссийское демократическое совещание, собравшее представителей политических партий и общественных организаций. В рамках этого мероприятия 15 сентября состоялось заседание представителей крестьянских организаций, участвовавших в Демократическом совещании. При обсуждении вопроса о власти представитель Советов крестьянских депутатов Тобольской губернии вместе с рядом других делегатов высказался против коалиции демократии с крупной буржуазией. Однако при голосовании 66 делегатов против 57 и 6 воздержавшихся участники заседания проголосовали за коалицию с крупной буржуазией. Также было принято единогласное решение, чтобы в «основу образования нового правительства была положена конкретная программа, осуществления которой необходимо добиваться еще до созыва Учредительного собрания»¹⁹⁵.

Основная масса населения Тобольского Севера (преимущественно крестьянская) к осени 1917 г. всё более чувствовала, что Временное правительство не способно нормализовать социально-экономическую ситуацию. Резкое падение жизненного уровня, галопирующая инфляция, рост цен, а также социально-психологическая усталость от войны подорвала доверие к властям. Большинство жителей уже не воспринимало лозунги Временного правительства и симпатизировало большевикам, обещавшим радикальное решение основных жизненных проблем. К октябрю 1917 г. стало ясно, что свержение самодержавного строя

¹⁹⁴ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2: Ч. 2. М., 2013. Запись 6 августа 1917 г. С. 326.

¹⁹⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. 4. 12 сентября — 25 октября 1917 года. М., 1961. С. 47.

в России и затянувшееся на месяцы двоевластие в лице местных органов Временного правительства, а также Советов рабочих и солдатских депутатов не могли разрешить нараставший политический и социально-экономический кризис, усугублявшийся крайне сложным международным положением. Требовались неотложные меры по установлению долгожданного мира, преодолению хозяйственной разрухи, разрешению аграрного, рабочего, национального и других первоочередных вопросов.

На протяжении первых полутора десятилетий XX в. Югра и её жители были активными участниками и свидетелями масштабных политических и социально-экономических реформ, переживали тяготы военного времени, приобретали опыт гражданских свобод и демократических процедур. Вместе с тем, начало XX столетия как один из поворотных периодов российской истории знаменовал кризис имперской государственности, свержение самодержавия и поиск путей общественного развития, делал всех жителей огромной страны сопричастными к судьбоносным переменам. Тобольский север оказался не только вовлечён в общероссийские события. Пространство публичной политики, ставшее новой реальностью XX столетия, определило появление ярких государственных и общественных деятелей, не равнодушных к будущему Югры, её населению и её уникальным ресурсам. Губернаторы и депутаты Государственной думы с чувством глубокой гражданственности и искреннего патриотизма отстаивали интересы этого уникального края, показывая пример открытости к активному политическому диалогу. Однако неспособность верховной власти справиться с острейшими проблемами, кризис общественного доверия, смена социальных ориентиров определяли продолжение радикальной революционной драмы. Югра стояла на пороге новой эры политической жизни с новыми вызовами и новыми испытаниями.

Список источников и литературы

Источники

Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. / Пер. с нем. и публикация д-ра наук Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 179 с.

Бартенев В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири (Очерки Обдорского края) СПб.: Типо-литография М. П. Пайкина, 1896. 154 с.

Белявский Ф. И. Поездка к Ледовитому морю. М.: Типографии Лазаревых Института Восточных языков, 1833. 259 с.

Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб.: Типография II Отд. Собств.е.и. вел. канцелярии, 1854. Ч. 1. 359 с.; Ч. 2. 697 с.; Ч. 3. 109 с.

Знаменский М. С. Воспоминания и дневники / Сост.: Л. П. Роцевская, Е. П. Швецова; подгот. текста, предисл., коммент. Л. П. Роцевской; подгот. ил. Е. П. Швецовой. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. 773 с.

Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов. СПб.: Изд-во Н. В. Ельманова, 1910. 198 с.

Инфантьев П. П. Путешествие к лесным людям. М.: Посредник, 1899. 64 с.

История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области) / Отв. ред. И. Б. Беликова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 508 с.

Кастрен М. А. Сочинения в двух томах: Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849) // Под ред. С. Г. Пархимовича. Сост. Ю. Л. Мандрика; Коммент. А. П. Зенько и С. Г. Пархимовича. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999. 352 с.

Корнилов А. М. Замечания о Сибири. СПб.: Типография Карла Крайя, 1828. 104 с.

Ларионов Ф. Ф. Семейная хроника: Материалы к истории культуры Западной Сибири. Шадринск: Изд-во шадрин. ПО «Исеть», 1993. 62 с.

Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2020. 271 с.

Носилов К. Д. Среди наших инородцев. Очерки и рассказы. СПб.: Ред. журн. «Родник», 1903. 126 с.

Носилов К. Д. У вогулов. Очерки и наброски. М.: Изд-во А. С. Суворина, 1904. 255 с.

Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания (жизнеописание мое). М. — СПб.: РиО, 1993. 594 с.

Патканов С. К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб.: Типография Я. И. Либермана, 1891. Ч. 2. 384 с.

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 2: Тобольская, Томская и Внисейская губ. СПб., 1911. 431 с.

Пирожников Г. А. Записки уездного исправника. Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 2002. 103 с.

Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М.: Типография Грачева и К°, 1869. 253 с.

Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии Наук. СПб.: Тип. Имп. АН, 1877. 187 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 24–40.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885. Т. 1–55.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. СПб.: Государственная типография, 1885–1916. Т. 1–33.

Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для местных сообществ азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. 461 с.

- Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.). Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. 207 с.
- Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: Изд. Д. Я. Самоквасова, 1876. 282 с.
- Свод законов Российской империи. Кн. 1–4. СПб.: Государственная типография, 1912.
- Симонова Л. Лаача. Очерки из быта вогуличей. СПб.: Н. Н. Морев, 1911. 80 с.
- Симонова Л. Эзе: очерки из быта остяков. СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1906. 95 с.
- Сно Е. Э. За Уральским хребтом. Инородцы Сибири. СПб.: Изд. О. Н. Поповой, 1904. 52 с.
- Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / Перевод с нем. и публикация д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 344 с.
- Словцов П. А. Письма из Сибири. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 256 с.
- Сперанский М. М. Юридические произведения / Под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. 480 с.
- Тобольский Север политических ссыльных XIX — начала XX в. / сост. Л. П. Рощевская, В. К. Белобородов. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. 432 с.
- Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903. 426 с.
- Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма. М., 1882.
- Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1882. 578 с.

Литература

- Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Ч. 2. (Период с 1806 по 1819 г.). СПб.: Типография и литография В. В. Комарова, 1889. 425 с.
- Бузмакова О. Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX в. Новосибирск: Изд-во Сибирского гос. ун-та путей сообщ., 2012. 205 с.
- Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. Канцелярии, 1872. Т. 1. 801 с.
- Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.
- Волчек В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006. 419 с.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места (XIX — начало XX вв.). Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. 191 с.
- Гермизеева В. В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 — февраль 1917). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. 191 с.
- Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург-Салехард: Изд. «РА АРТмедиа», 2005. 360 с.
- Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.
- Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1993. 204 с.
- Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. 91 с.
- Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX века). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986. 165 с.
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Ремнев А. В., Перцева Т. А. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск: Отгиск, 2003. 263 с.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам: в 3-х т. Т. 2. Тобольск: Губернская типография (Тобольск), 1910. 421 с.
- Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.—Л.: Акад. наук СССР, 1961. 496 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма / Авт. В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев, В. А. Степынин и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. 530 с.

- Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов: В 3 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 1. 153 с.; Т. 2. 282 с.
- Кодан С. В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск: ИрГУ, 1980. 95 с.
- Крестьянников Е. А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2009. 270 с.
- Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. 152 с.
- Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 308 с.
- Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика) / Ред. Ю. Б. Симченко, В. А. Тишков. М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1994. 271 с.
- Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. М.: Наука, 2005. 804 с.
- Новикова Н. И. Традиционные праздники манси. М.: Ин-т этнологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995. 223 с.
- Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири: статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб.: Тип. Имп. АН, 1911. 210 с.
- Пивнева Е. А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII — XX вв.). М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1999. 306 с.
- Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
- Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008. 138 с.
- Прутченко С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1899. 407 с.
- Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. 279 с.
- Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1995. 236 с.
- Рощевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень: Тюменский государственный университет, 1976. 140 с.
- Самосудов В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907–1917 гг.). Омск, 1970.
- Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 254 с.
- Скалозубов Н. Л. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии. Тобольск: Тип. Епарх. братства, 1895. 106 с.
- Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 509 с.
- Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М.: Наука, 2009. 755 с.
- Токарев В. П. Художники Сибири. XIX век. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1993. 113 с.
- Угрюмова М. В. Земский вопрос и земское самоуправление в Тобольской губернии (вторая половина XIX в. — 1919 г.). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманит. ун-та, 2007. 202 с.
- Швецов С. П. Очерк Сургутского края. Б. м., 1889. 87 с.
- Шишкина С. Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914–февраль 1917 г.). Тюмень: ТОГИРРО, 2006. 208 с.
- Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования. СПб.: И. М. Сибиряков, 1891. 308 с.
- Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: И. М. Сибиряков, 1892. 720 с.

Указатель географических названий

А

Абалак 563
Абатское, с. 453
Австралия 424
Агабердины, ю. 126
Аган, р. 120, 126, 127, 136–138, 149, 220, 222, 318, 385, 461, 592
Аганская вол. 120, 160, 161, 323, 380
Азиатская Россия — см. Россия
Азиатская
Азия 424, 548, 549, 553
Айдарские, ю. 126
Акмолинская обл. 385, 439
Александрово 67, 223
Александровское, с. 279, 280, 327, 332
Америка (Американский континент) 424, 627
Амурский басс. 657
Ангара, р. 405, 412
Англия 273, 410, 411
Аремзянка, р. 386
Африка 424
Архангельская губ. 106, 257, 261, 338–340, 381, 400, 667, 689
Архангельский порт 406, 407
Астраханская губ. 106, 633
Ах, р. 122
Ачинск, г. 391, 392

Б

Базьяновская вол. 198
Базьяновская, д. 303, 373, 387
Базьяновский приход 505
Базьяны (Базьяново), с. 374, 505, 508
Байдарацкая губа 400, 405, 410
Байкал, оз. 412, 657
Балтийское море 406, 411
Балык, р. 136, 169, 318
— Большой 120, 137, 138
— Малый 120, 137

Барабинская степь 554
Баргузин, с. 266, 269
Барнаул, г. 390–392, 394
Батовское, с. 501
Белогорская вол. 119, 190, 195
Белогорский приход 505
Белогорское, д. 119, 230, 321
Белогорье (Троицкое), с. 101, 193, 431
Белоруссия 15, 257, 281, 284
Белый Яр, пристань 83, 579
Берёзов — Искарские юрты, земский тракт 377
Берёзов — Обдорск, земский тракт 371, 372, 377
Берёзов — Полноватское, с., земский тракт 376, 377
Берёзов — Щекурьянское, земский тракт 376
Берёзов — Юлевский городок, земский тракт 376
Берёзов — Ясонские юрты, земский тракт 376
Берёзов, г. 24, 25, 28, 33, 40–43, 46, 47, 53–57, 59–61, 67, 68, 71–73, 75–82, 84–89, 97, 101, 104, 142–144, 200, 214, 216, 218, 223, 228–232, 235, 237–239, 241–251, 253–257, 259–263, 265–268, 270, 272, 273, 277, 278, 281–283, 285, 287–290, 292, 299, 301, 305, 306, 313, 316, 318, 333, 336, 343, 348–350, 352, 354, 360, 363, 364, 369, 370–374, 376–378, 381–388, 390, 391, 393–395, 397, 398, 410, 412, 419, 422, 423, 431, 432, 436, 439, 440, 442, 444, 445, 447, 448, 454, 456, 469, 471, 478, 485, 493–495, 497–503, 505, 507, 508, 516, 517, 519–522, 526, 531, 555, 557, 560, 563, 565–567, 570, 572, 573, 580–582, 585–588, 592–594, 597, 600, 607, 611, 614, 615, 620, 632, 646, 655, 659, 665, 666, 674
Берёзовская городовая вол. 63, 233
Берёзовская Подгородная вол. 655
Берёзовский край 33, 40, 92, 97, 98, 142, 203, 226, 227, 230, 236, 239, 247, 260, 320, 327, 329, 381, 434, 447, 448, 469, 487, 505, 507, 510, 511, 514, 520, 521, 546, 559, 572, 588

Берёзовский лечебный участок (район) 575
Берёзовский окр. 33, 40–43, 46, 53, 60, 62, 65, 79, 94, 95, 98, 99–101, 110, 116–122, 124, 127, 195, 209, 229, 230, 232, 233, 270, 287, 289, 296, 301, 314–318, 321–323, 327, 329, 336, 343, 346, 350, 353, 360, 362, 369, 370, 378, 380, 383, 385, 388, 396, 399, 425, 432, 433, 435, 437, 438, 439, 457, 460, 493, 504, 520, 573, 580, 586, 587
Берёзовский почтовый тракт 369, 372
Бийский у. 385
Бобровка, р. 386
Богдановские ю. 315
Богословский завод (Богословские заводы) 381, 382, 393
Болчаровский приход 505
Болчары, с. 197, 198, 382, 394, 395, 459
Большая Обь, р. 119, 385, 394
Больше-Кондинская вол. 122
Больше-Юганская вол. 323
Больше-Юкондинская вол. 122
Большие Атлымские, ю. 381
Большое Озеро 403
Большой Атлым, с. 119, 206
Большой Кас, р. 403
Большой Махтылев, протока 394
Большой Норьюх, протока 396
Большой Харпос, протока 394
Большой Юган, р. 120, 135, 385
Бочалино 391, 393
Будапешт (Budapest), г. 174, 176, 217, 219–222
Бухара, г. 256

В

Вагильская вол. 123
Вагликовы, ю. 126
Ванчих-Лар, оз. 396
Варен-Лар, оз. 396
Варкутинские, ю. 577

Варлымовские ю. 134
 Вартовские, ю. 384
 Вартовский песок 577
 Вартовский приход 70, 505
 Вартовское, с. 74, 334, 459, 505
 Василевская инородческая ярмарка 335
 Васюган, р. 121, 137, 138, 152, 164, 179, 180, 220, 223
 Васюганская вол. 117, 121, 160, 169
 Вах, р. 120, 121, 126, 136, 137, 148, 152, 154, 159, 168, 176, 220, 225, 227, 318, 324, 327, 334, 380, 385, 389, 397, 429, 461
 Ваховская вол. 120, 195, 323, 380
 Ваховский приход 70, 204, 429, 505
 Ваховское, с. — см. также Локосово (Локосовское) с. 204, 230, 429, 455, 492, 499, 502
 Вачкур, селение 315
 Вач-Лар, оз. 396
 Введенское, с. 480
 Вежакары 186, 190, 193
 Великий Сибирский путь — см. Транссибирская ж. д.
 Великое княжество Финляндия — см. Финляндия
 Венеция, г. 259
 Верх-Демьянская вол. 118, 160, 161, 169
 Верхне-Кондинская вол. 123
 Верхнелумпокольская вол. 198
 Верхнелумпокольский приход 204
 Верхнелумпокольское, с. 204, 230, 429, 492
 Верхне-Пелымская вол. 123
 Верхне-Табаринская вол. 123
 Верхне-Филатово, д. 269
 Верхотурский у. 117, 124
 Верхотурье, г. 381
 Винокурова, д. 369, 373, 384
 Витим 659
 Власова, д. 401
 Вогулка, р. 119, 129, 160, 221, 378
 Волга, р. 406, 407, 454
 Волжский водный бассейн 407, 409
 Вологодская губ. 257, 407
 Воркутта, кочевье 210, 211

Восточно-Сибирский военный округ 52
 Восточно-Сибирский почтовый округ 58
 Восточно-Сибирское генерал-губернаторство — см. также Сибирь
 Восточная 38, 651
 Восточно-Урало-Беломорская ж. д. 406
 Вятская губ. 346

Г

Гари (Гаринское), с. 381, 387
 Гашилова, д. 401
 Германия 364, 677
 Горатский проход 381
 Гарвей 381
 Горная протока 402

Д

Дагестан 261, 297
 Дальний Восток 9, 10, 281, 627, 628, 638–641, 651
 Демьянка, р. 118, 126, 136, 169, 220, 222, 225, 380, 387, 396, 402, 403
 Демьянская вол. 234, 235, 329, 331, 401
 Демьянская пристань 329, 386, 387
 Демьянская тропа 382
 Демьянское, с. 224, 372, 373, 382, 387, 394, 400, 401, 534
 Деньщиковск(ая, -ое), д. с. 373, 519
 Дон, р. 454
 Дурной песок 359, 362

Е

Евра, р. 122
 Европа 14, 145, 259, 265, 266, 282, 304, 400, 423, 517, 518, 553
 Египет 627
 Екатеринбург, г. 38, 40, 58, 88, 95, 111, 125, 165–167, 187, 195, 198, 200–205, 214, 234, 235, 240, 243, 249, 257, 303, 324, 380, 390, 422, 428, 429, 452, 513, 515, 521, 529, 563, 596, 634
 Елецкая дорога (Большой переход) 381

Елизарово (Елизаровское), д., с. 101, 230, 431, 505, 576, 587, 588, 595, 615
 Елизаровская вол. 63, 66, 68, 73, 233, 464
 Елизаровский песок 577
 Елец, р. 381
 Ендырские, ю. 381
 Ендырь, р. 119, 133
 Енисей, р. 128, 311, 324, 380, 403, 405, 406, 409–413, 567
 Енисейск, г. 28
 Енисейская губ. 118, 121, 123, 125, 126, 128, 138, 338, 366, 405, 586, 605, 609
 Енисейский у. 251
 Ермаковские ю. 380

З

Заводинская, д. 373
 Заводинские ю. 32
 Западная Белоруссия — см. Белоруссия
 Западная Украина 257, 281
 Западно-Сибирский военный округ 79
 Западно-Сибирский почтовый округ 58, 59
 Западно-Сибирский учебный округ 59, 60, 422, 437, 439, 442, 443, 448–451, 460, 461, 463, 469, 476, 487, 489, 490
 Западно-Сибирское генерал-губернаторство 38, 314, 585, 607
 Западный край 15
 Затуман, оз. 525
 Зенкова, д. 398
 Знаменская вол. 198
 Зоркальцева, д. 401
 Зыряновские дороги 381, 384

И

Ивдель 277
 Иевлева, д. 555
 Ижма, с. 381
 Илыч, р. 407
 Индия 627
 Ирбит(–ская ярмарка) 142, 284, 333, 341, 342, 360, 381, 391, 394, 554, 555

Иркутск, г. 10, 37, 38, 58, 93, 98, 99, 104, 105, 253, 259, 271, 279, 301, 367, 384, 397, 403, 405, 408, 411, 412, 553, 554
 Иркутская губ. 25, 271, 298, 609, 659
 Иркутская обл. 474
 Иркутское генерал-губернаторство 405, 610, 627, 651, 668
 Иртыш, р. 118, 119, 121, 126, 133–135, 140–142, 145, 161, 169, 190, 222, 223, 240, 242, 259, 311, 321, 353, 368, 373, 374, 384–388, 390, 391, 393, 394, 401, 412, 452, 485, 519, 530, 534, 553–555, 567, 568, 578
 Иртышская Гора 401, 402
 Искарские, ю. 132, 201, 335, 376, 377
 Искер, г. 553, 563, 567, 568
 Ишим, г. 256, 267, 272, 282, 288, 289, 305, 476, 497, 685

К

Кавказ 254, 261, 630
 Казанская губ. 257
 Казанская епархия 511
 Казань, г. 259, 283, 297, 322, 382, 675
 Казахстан (Республика Казахстан) 251, 267, 281
 Казым, р. 119, 125, 127, 129, 130, 133, 138, 144, 160, 218, 223, 227, 385
 Казымская вол. 28, 63, 66, 68, 73, 92, 107, 119, 122, 125, 160, 171, 195, 211, 355
 Калтыяны 176, 193
 Кама, р. 406, 529, 530, 532
 Каменский песок 362
 Камень [на Оби] 394
 Камчатское море 657
 Кантре-Лар, оз. 396
 Кара, р. 268, 271, 400
 Карское море 400, 408–413
 Карым, р. 122, 125
 Карымкарские, ю. 577
 Катунь, р. 385
 Каюковы, ю. 136
 Кемпаж, р. 131
 Кёнигсберг, г. 21
 Кеть, р. 403
 Кеум, р. 396
 Кинтусовские ю. 212, 213
 Кинямины ю. 588
 Китай (Китайская Империя) 256, 412, 627
 Когончины ю. 136
 Кодская вол. 68, 73, 107, 122
 Кодские (Котские) городки 28, 95, 140
 Колекъёган, р. 385
 Колон-еган, р. 396
 Кольма, р. 412
 Конда, р. 118, 122, 123, 125, 126, 131, 133–135, 139, 142, 150, 155, 157, 185, 188, 191, 192, 217, 220, 222–225, 227, 302, 303, 315, 327, 329, 382, 385, 394, 397, 400, 485, 535, 537, 538, 541
 Кондинск (Кондинское), с. 28, 29, 66, 71, 110, 144, 200, 206, 207, 230, 253, 254, 256, 261, 270, 272, 287, 290, 301, 305, 313–315, 348, 363, 372, 377, 381–383, 394, 470, 501, 502, 575, 576, 586, 587, 592
 Кондинская вол. 63, 66, 68, 73, 122, 233, 315, 329, 464, 487, 588, 596
 Кондинская дорога 381
 Кондинский край 125, 227, 484
 Кондинский (Троицкий) монастырь 110, 200, 201, 203, 205–209, 429–431, 455, 481, 501, 505, 512, 513, 560, 588
 Кондинский приход 70, 195
 Кондинское комиссарство 28, 41, 580
 Кондийское отделение 88, 354
 Конево, с. 505
 Коневский приход 505
 Коппольский переход 381
 Косьва, р. 529
 Кошелево, с. 373
 Кошукская вол. 123, 125
 Кошукское, с. 505
 Кривцова, д. 401
 Кун-Лар, оз. 396
 Кунино (Кунинская), д. 507, 592
 Куноватская вол. 28, 63, 66, 68, 73, 92, 107, 119, 122, 125, 126, 183, 579, 592
 Куноватская, р. 396
 Куноватские, ю. 378
 Куноватский песок 364
 Купландеевы ю. 136

Курган, г. 254, 255, 257, 288, 289, 497, 500, 607, 608, 612, 630, 642, 674, 685
 Курганский окр. 54
 Курганский у. 480, 680
 Курская губ. 43
 Куртумовская вол. 123
 Куруптинские пески 357, 364
 Кутопюган 501
 Кушеват (Кушеватское), с. 270, 295, 314, 316, 354, 372, 455, 460, 461
 Кушеватская вол. 195
 Кушеватский погост 29
 Кушеватский приход 70, 505
 Кушеватская протока 394
 Кыколевы ю. 136
 Кяхта, г. 405

Л

Лангивожская, р. 396
 Лапландия 135, 168, 173, 175, 176, 185, 216, 243, 382
 Ларломкины, ю. 396
 Ларьяк (Ларьякское), с. 74, 101, 146–149, 151, 152, 202, 204, 230, 332, 335, 343, 376, 380, 428, 429, 455, 461, 498, 508, 522, 576, 587, 588, 590, 598
 Ларьякская (Ларьятская) вол. 63, 67, 118, 198, 202, 347, 428
 Ларьякская инородческая ярмарка 335, 341
 Ларьякский приход 70, 202, 203, 505–507
 Лева, р. 122
 Ледовитый океан 251, 322, 367, 383, 408, 409, 411, 413
 Лена, р. 412, 657
 Летнебуренские ю. 134
 Леушинская вол. 122
 Леушинский приход 505
 Леушинское, с. 315, 395, 502
 Литва 257, 281, 284
 Логортский проход 381
 Лозьва, р. 123, 124, 217, 225, 391, 393, 532
 Локосово (Локосовское), с. 120, 270, 332, 387, 455, 461, 498, 576
 Локосовская вол. 63, 66, 74, 118, 461

Ломбовож 187, 188, 193
 Ломовая, р. 403
 Лукоморье 530, 531
 Лумпокольская вол. 63, 67, 118, 120, 323
 Луп-Пуром-Лар, оз. 396
 Любек, г. 409
 Люлинское зимовье 381
 Ляпин, р. 122, 125, 126, 131, 132, 140, 222, 225, 318, 376, 379, 385, 395, 405
 Ляпин (Ляпино), с. 395, 399, 405, 406, 412
 Ляпино-Печорская дорога 405
 Ляпино-Сосьвинская местность 319
 Ляпинская вол. 28, 63, 66, 68, 73, 92, 107, 122, 160, 163, 201, 506, 579, 592

М

Малая (–ый) Кас, р. 403
 Малая Обь, р. 119, 125, 213, 385, 394
 Малоатлымская вол. 119, 195
 Малоатлымский приход 70, 207, 505
 Малоалтымское, с. 211, 576
 Мало-Кондинская вол. 123
 Мало-Юганская вол. 323
 Малый Атлым, с. 101, 211, 230, 431, 434, 591
 Малый Махтылев, протока 394
 Малый Юган, р. 120, 135, 176, 385
 Манья, р. 390
 Мегионские (Магионские), ю. 429
 Мединский залив 408
 Мезень, г. 287, 345
 Мелекленский песок 577
 Мелексинский песок 357, 364
 Меньше-Кондинская вол. 142, 160, 168, 227, 464
 Меньше-Юкондинская (Ландинская) 122
 Михайловский Торжок 335, 340
 Могилевская губ. 46, 284, 422
 Москва, г. 152, 272, 273, 284, 290, 292, 319, 382, 471, 626, 643, 645, 675
 Моховая, р. 380
 Мугол-Лар-еган, р. 396
 Мужевский (Мужевской) приход 70, 505

Мужи, с. 195, 315, 316, 335, 343, 363, 374, 380, 381, 383, 455, 500, 501, 504, 575, 576
 Мулигорт 212
 Мурасовы, ю. 384

Н

Надым, р. 120, 127, 128, 194, 227, 318, 340, 557
 Надымская Обь, р. 395
 Назым, р. 119, 127, 133, 211, 385
 Нары-Кары 363
 Нарымская вол. 118, 135, 140, 142
 Нарымский окр. 195
 Нарымский у. 385
 Насины ю. 587
 Наунак, ю. 555
 Находка, бухта 411
 Нахрачинский приход 505
 Нахрачинское, с. 315, 395, 456, 459, 501, 502, 576
 Нелькан, с. 659
 Немчиновские, ю. 461
 Нижне-Вартовская пристань 506
 Нижне-Вартовское, с. 387, 459, 501, 505, 506, 576
 Нижнелумпокольская (Нижне-лумпокольская) вол. 74, 198
 Нижне-лумпокольский приход 70, 505, 506
 Нижнелумпокольское (Нижне-лумпокольское), с. 67, 120, 121, 230, 455, 477, 502, 576, 587, 588
 Нижне-Табаринская вол. 123
 Нижний Новгород, г. 342, 467
 Низовой район 356
 Никито-Ивдельское, с. 381
 Ница, р. 386, 390
 Новая Зеландия 627
 Новая Земля 539, 540, 541, 543
 Новое, с. 577
 Новоникольское, с. 461
 Норвегия 411
 Норе, селение 461
 Ныда, р. 318
 Няксимволь 132, 501, 504
 Няксимвольские ю. 132, 376

Няксимвольский приход 70, 505

О

Обдорск (Обдорское), с. 28–30, 32, 33, 62, 66, 71, 73, 86, 96, 97, 99, 102, 111, 163, 195, 210, 216, 218, 220, 221, 223, 259, 261, 262, 265, 267, 271, 277, 289, 290, 298, 301, 304, 305, 313, 314, 316, 318, 321, 333, 335, 336, 338, 340, 341, 343, 347, 358, 362–364, 371, 372, 374, 376–379, 381–383, 385–387, 390, 391, 393–398, 408–410, 412, 464, 477, 499–501, 512, 542, 555, 557, 560–563, 565, 580–582, 586, 588, 589, 592, 596, 659, 666
 Обдорская [остяцкая] вол. 28, 63, 66, 68, 73, 92, 96, 107, 122, 125, 181, 356, 461, 655
 Обдорская [самоедская] вол. 63, 66, 68, 73, 107, 120, 319
 Обдорская ярмарка 97, 100, 142, 320, 326, 335–344, 380, 400, 559–563
 Обдорский лечебный участок (район) 575
 Обдорский почтовый тракт 372, 377, 378
 Обдорский приход 70, 505
 Обдорское комиссарство 28, 29, 41
 Обдорское отделение 354, 574
 Область Войска Донского 667
 Обская губа 120, 340, 361, 400, 409–411, 578
 Обская железная дорога 408
 Обской водный бассейн 313, 369, 385, 386, 391, 392, 400, 409, 413
 Обь, р.
 — Большая 119, 206, 221, 385, 394
 — Малая 119, 125, 213, 385, 394
 — Нижняя 119, 126, 128, 133, 139, 142, 210, 212, 217, 222, 223, 227
 — Средняя 120, 121, 136, 137, 151, 223
 Обь-Енисейский водный канал 403, 405, 406, 412
 Обь-Иртышская водная система 311, 380, 385
 Обь-Иртышский бассейн 234, 313, 327, 346, 353, 366, 369, 385, 386, 388, 391–394, 397, 398, 400, 409, 411, 413
 Одесса, г. 104, 267, 292, 454
 Озерная, р. 403
 Оксарский (Оксарковский) песок 357, 364

Оленский песок 577
 Олонецкая губ. 257
 Омск, г. 9, 26, 38, 48, 58, 60, 69, 71, 77, 80, 90, 97, 106, 155–158, 243, 251, 256, 267, 275, 278, 287–289, 298, 300, 304, 367, 374, 384, 393, 400, 411, 526, 608, 610, 623, 652, 666, 668, 677, 681, 693
 Омский телеграфный округ 59
 Опочка, г. 261
 Оранец (пристань) 412
 Остзейские губернии 13, 102
 Остяко-Вогульский национальный округ — см. также Ханты-Мансийский национальный округ 13
 Охотское море 657, 658
 Охтеурьевские ю. 196

П

Падва, р. 529
 Париж, г. 265, 268, 624, 625
 Пауло-Шаимское с. — см. Шаим, с.
 Пелылев 391, 393
 Пелым, р. 123, 125, 225
 Пелым (Пелымское), с. 250, 251, 268, 270, 290, 305, 343, 382, 409, 525, 563
 Пелымская вол. 160
 Пелымский край 336, 510, 525
 Пелымский у. 678
 Пелымское отделение 41
 Пермская губ. 25, 117, 124, 192, 257, 297, 381, 513, 632, 633
 Пермский край 192, 345, 346
 Пермь, г. 117, 124, 192, 259, 295, 382, 408, 633, 634, 657, 668
 Пермь-Тюменская ж. д. 398
 Петербург — см. Санкт-Петербург
 Петровский завод 256
 Петропавловск, г. 271, 289, 677
 Печора, р. 287, 319, 380, 381, 405–407, 409, 412, 543
 Пилюгинных ю. 507
 Пим, р. 120, 126, 137, 385
 Пимская вол. 120, 161, 323, 380
 Питляр, р. 119
 Питляровский песок 364
 Подгородная (Подгородняя) вол. 28, 63, 68, 73, 92, 107, 119, 122, 125, 126, 160, 592
 Подгородно-Юганская вол. 120, 169, 323
 Покровское, с. 633
 Покур, с. 505
 Покурский приход 70
 Полноват (Полноватское), д. 230, 376, 395
 Полноватский приход 70, 505
 Полтава, г. 267, 517
 Полуй, р. 120, 394
 Полуй, селение 216
 Польша 257, 279, 281, 284, 287, 290, 292, 296, 297, 521
 Полярно-Уральская ж. д. 408
 Полярный круг 557, 559
 Пончанские ю. 577
 Почекуйка, р. 380
 Пресногорьковская Крепость — Берёзово, тракт 373
 Приамурский край 57
 Приамурское генерал-губернаторство 628, 668
 Прибалтийские губернии 630
 Прибалтика 281
 Прииртышье 126, 158, 367, 380
 Приобье 150, 303, 305, 325, 530
 — Северное 76, 128–133, 138–140, 142, 160
 — Нижнее 139, 140, 162, 169
 Псковская губ. 261
 Пугорские, ю. 378
 Пужлановский песок 364
 Пуй-Хо 391
 Пуллариийский проход 381

Р

Рахтынья, р. 131
 Репаловская, д. 373, 402
 Репаловская пристань 329
 Репаловские ю. 135
 Репаловская вол. 198
 Репаловские ю. 401
 Репаловский приход 456, 505

Реполовское, с. 62, 387, 401, 402, 433, 501, 576
 Рождественская инородческая ярмарка 335
 Романовское, с. 373, 401, 456
 Россия (Российское государство, Российская империя) 9–20, 24, 25, 28, 30–32, 38, 39, 41, 43, 46, 49, 52–55, 58, 63, 71, 74, 77, 78, 80, 82, 83, 86, 88, 102–107, 114–117, 121, 125–128, 135, 145, 168, 173, 175, 176, 185, 187, 192, 194, 195, 205, 216, 219, 227, 229, 230, 232, 236, 243, 250–254, 257, 259, 261, 263, 265, 272, 273, 281, 283, 290, 292, 293, 295, 297, 301, 306, 307, 310, 311, 332, 335, 348, 354, 360, 366–370, 373, 374, 376, 382, 399, 403, 409, 418, 421, 426, 441, 442, 464, 466, 468, 471, 473, 495, 509, 515, 517, 519, 525, 530, 531, 535, 536, 541, 543–545, 547–552, 565, 569, 571, 572, 594, 595, 601, 603, 605–607, 610–612, 615, 620, 621, 624, 625, 631, 643, 644, 648, 651, 653, 654, 662, 670, 672–674, 680–683, 687, 695
 — Азиатская 9–11, 49, 50, 63, 68, 71, 236, 247, 388, 391, 396, 421, 505, 515, 534
 — Европейская 16, 19, 57, 59, 60, 63, 239, 304, 412, 430, 473, 512, 588, 593, 607, 612, 618, 624, 638, 642, 662, 682, 688, 691
 — Центральная 52, 252, 262, 413, 614
 РСФСР 13, 14
 Сабун, р. 120, 121, 225, 227, 385
 Салтыковская вол. 121, 323, 380, 387
 Салым, р. 118–120, 126, 133, 135, 136, 153, 159, 169, 184, 191, 222, 227, 318, 385, 396, 400
 Салымская вол. 120, 161, 169, 323, 380
 Самарово, с. 28, 62, 70, 90, 102, 144, 198, 223, 234, 237, 239, 241, 242, 278, 297, 321, 327, 334, 360, 362, 364, 370, 372–374, 377, 379, 381–387, 390–398, 400–403, 408, 434, 435, 450, 452–454, 464, 465, 470, 476, 493, 498, 501, 502, 505, 507, 508, 519, 538, 554–556, 568, 575, 576, 578, 579, 586, 587, 591, 596, 600
 Самарово — Берёзов, земский тракт 370, 376, 377
 Самарово — Сургут, земский тракт 370, 374, 376

- Самаровская вол. 62, 68, 88, 89, 233, 287, 297, 353, 355, 356, 385, 401, 433, 464, 487, 491, 576
- Самаровская пристань 329, 387, 555, 556
- Самаровский лечебный участок (район) 575, 576, 594
- Самаровский почтовый тракт 372
- Самаровский приход 456, 505
- Санкт-Петербург (Петербург, Петроград) 9, 12, 18–20, 92, 114, 261–263, 267, 269, 272, 277, 290, 292, 364, 394, 454, 471, 493, 554, 613, 627, 633, 643, 648, 654, 657, 659, 675, 681, 682, 684, 686, 687, 689, 692–694
- Саранпаул (Саранпауль), д., с. 315, 455, 461, 500, 576
- Саратов, г. 268, 269
- Саратовская губ. 261
- Сартынья (Сартыньинское), с. 191, 502, 576, 587
- Северная Двина, р. 406, 407
- Северная Сосьва, р. 122, 125, 126, 128, 131, 140, 191, 217, 218, 222, 225, 315, 385, 387, 543
- Северный Ледовитый Океан см. *Ледовитый океан*
- Северный Морской Путь 399, 405, 408, 410–413
- Селярово, с. 501, 502
- Селяровская вол. 323
- Селяровский приход 505
- Селярская вол. 120, 140, 195, 198
- Семипалатинск 391, 394
- Семипалатинская обл. 385, 439
- Семиреченская обл. 439
- Сибирская епархия 675
- Сибирский почтовый округ 46, 58, 59
- Сибирские губернии — см. также *Сибирь* 37–42, 45, 47, 49, 53, 67, 82, 88, 608, 669
- Сибирский край — см. также *Сибирь* 34, 36, 77, 103, 554, 658
- Сибирское генерал-губернаторство 26, 34, 38, 607, 610, 651
- Сибирь 9–13, 16, 18–21, 24–26, 28–38, 43–45, 47–50, 52, 53, 55–60, 63, 65, 67–71, 74, 76, 77, 79, 81, 83–88, 90–96, 98–108, 110, 116–118, 121, 123–128, 135, 138–140, 142–145, 148, 149, 151, 152, 155–157, 159–162, 165, 166, 168, 170–173, 175, 176, 179–181, 185, 192, 194, 195, 210, 213–218, 220, 222, 224, 228–232, 237, 239–241, 243, 244, 246, 250–255, 257, 259–262, 265–267, 271, 274, 275, 277, 279, 281, 282, 284, 286–288, 290, 292, 294–299, 301–304, 310–313, 318, 320, 322, 325, 327, 332, 336, 341, 343, 345, 346, 349, 351–353, 355, 360, 363, 367, 369, 371, 373, 374, 378, 380, 382, 385, 386, 388, 391, 393, 395, 397–399, 405–413, 418, 422, 425, 429, 445, 487, 495, 504, 516–519, 524–527, 530, 533–536, 544, 552–557, 559–561, 563–568, 570, 571, 585, 605, 607, 608, 610–613, 615, 623, 627, 628, 640, 646, 651, 654, 656–667, 671, 675, 677, 685, 687, 689, 691
- Восточная 10, 49, 57, 63, 104, 251, 258, 265, 367, 403, 405, 412, 640, 655
- Западная 9, 32, 45, 47–49, 52, 55, 56, 58–60, 65, 69, 71, 76, 83, 89, 90, 94, 95, 97, 98, 101, 104, 105, 125, 126, 135, 138, 143, 145, 149, 151, 153, 162, 163, 165, 170–173, 175, 176, 188, 189, 204, 212, 215, 218, 230–232, 238, 251, 252, 258, 261, 262, 264–266, 271, 274, 279, 281, 284, 287, 290, 292, 295–299, 305, 310–312, 318, 351, 353, 354, 359, 361–363, 367, 368, 370, 385, 391, 394, 398, 400, 405, 407, 414, 421, 432, 437–439, 441, 443, 444, 454, 461, 462, 482, 489, 493, 504–506, 513, 514, 524–526, 529–531, 534, 535, 546, 551, 553, 555, 557, 560, 585, 595, 610, 612, 613, 622, 637, 666, 668, 670, 671, 681
- Северо-Западная 75, 76, 81, 87, 96, 110, 124, 125, 127, 128, 138–140, 142–145, 151, 159, 170, 171, 173, 180, 181, 192, 217, 218, 228–230, 240, 355, 422, 425, 429, 515, 563
- Сибиряковские тракты 287, 380, 382
- Сигдан-Лар, оз. 396
- Сиглар, оз. 396
- Синьский проход 381
- Синья, р. 381
- Собь, р. 120, 381
- Соляные ю. 134
- Сопоркины ю. 136
- Соровские ю. 126
- Соспас песок 358, 359, 362, 363
- Сосьвинская (Сосвинская) вол. 28, 63, 66, 68, 73, 92, 107, 122, 123, 125, 160, 161, 195, 201, 504, 506, 579, 592
- Сосьвинская пристань 381, 407
- Сосьвинский волок 399
- Сосьвинский завод 387, 391
- Сосьвинский приход 70, 505
- Сосьвинское, с. 455, 461, 468, 501, 587
- Степной край 57, 251, 689
- Сумутнельские пески 357, 364
- Супру, р. 394
- Супру, с. 381
- Сургут, г. 24–26, 28, 40, 42, 52–54, 59, 61, 62, 66–68, 71–89, 97, 101, 104, 110, 143, 192, 195, 216, 220, 221, 223, 228, 231, 232, 236, 237, 239–241, 243, 246, 248, 249, 253, 254, 257, 261, 266–272, 274, 275, 277–280, 287–290, 292, 294, 299, 301, 304, 305, 313, 314, 316–319, 326, 329, 332, 335, 338, 340, 343, 344, 348–350, 352, 353, 359–361, 370–372, 374, 376, 377, 380, 382, 384, 386, 387, 389–391, 393–400, 402, 408, 409, 411, 425, 427, 432, 440, 448, 449, 454, 456, 464, 465, 468, 470, 471, 476–478, 482, 493–495, 497–502, 507, 508, 514, 521, 555, 557, 568, 573, 575, 579, 583, 585, 586, 588, 592, 593, 595, 600, 607, 611, 614, 615, 628, 632, 665, 666, 674
- Сургут — Вартовские ю., земский тракт 376
- Сургут — Верхне-Лумпокольское, земский тракт 376
- Сургут — Ларьякское, земский тракт 376
- Сургут — Юганское, земский тракт 376
- Сургутская вол. 89, 251
- Сургутская ярмарка 142, 340, 341
- Сургутский округ 52, 54, 79, 107, 110, 116–118, 120, 121, 195, 232, 270, 296, 301, 322, 343, 354, 360, 370, 425, 437, 439, 457, 460, 493, 573, 592, 594
- Сургутский почтовый тракт 372
- Сургутское комиссарство 28
- Сургутское отделение 41, 52, 72, 97, 317, 321, 323, 327, 346, 350, 354, 360, 362, 380, 458, 462, 478
- Сургутский край 235, 249, 298, 300, 304, 365, 425, 433, 595, 596
- Сургутский лечебный участок (район) 73
- Сургутский уезд 20, 24, 28, 32, 63, 66–73, 76, 87, 90, 91, 108, 109, 121, 126, 128, 138, 213, 214, 216, 226–230, 233, 276, 278, 296, 310, 313, 315, 317, 318, 321–324, 326–328, 332, 344, 347, 350, 353, 355, 356, 360, 366, 385, 397, 433, 438, 440, 455, 457, 458, 460, 461, 464, 469, 472,

473, 475, 478–480, 486, 489, 492–495, 498, 499, 505, 514, 576, 588, 593, 594, 605, 606, 611, 613–615, 632, 650, 673, 688, 689

Сухоруково (Сухоруковское), с. 101, 230, 277, 387, 431, 487, 502, 562, 672

Сухоруковский приход 505

США 364

Сыгва, р. 216, 218, 390

Сычья, р. 381

Т

Тагинская дорога 401

Таз, р. 28, 324, 380

Тазовская вол. 195

Тазовская губа 322, 336

Тазовский п-ов 318, 338, 360, 410

Тайманковы ю. 126

Тамбов, г. 306, 655

Тамбовская губ. 654, 655

Тап, р. 122

Тапсуй, р. 131, 133

Тара, г. 255, 267, 295, 476, 480, 497, 685

Тара, р. 169

Тарский окр. 43, 315

Тарханская вол. 118, 140, 142

Тахтанская вол. 123

Темлячевская вол. 119, 140, 142

Тетер, р. 122

Тимкины ю. 126

Тобол, р. 368, 386–388, 390, 412, 553–555

Тобольск, г. 17, 20, 24, 29, 32, 35, 38–43, 45, 46, 53–59, 61–63, 66–74, 80–82, 84, 86–88, 97, 101, 104, 108–110, 125, 135–137, 139, 140, 143, 145, 149, 155–158, 162, 165, 168, 170, 172, 191, 216, 218, 221, 226, 227, 231–233, 241, 249, 251, 252, 254, 256–261, 263–277, 279, 281, 282, 285, 287–290, 292, 294, 295, 298, 299, 301, 303, 304, 306, 311, 314–316, 318–324, 326, 327, 329, 331, 333, 335–337, 339–342, 346–350, 352, 353, 355, 358, 360, 361, 363–366, 369–372, 374–379, 381–384, 386–388, 390, 392–396, 398–403, 406, 407, 409–412, 420–422, 430, 436, 439, 440, 445, 447, 449–452, 454, 455, 457, 460, 470, 474–478, 480, 481, 486, 487, 489–491, 493, 498–500, 502, 503, 505, 510, 512, 513, 516, 524, 527, 528, 555, 560,

561, 563, 565, 568, 574, 576, 581, 585, 588, 593, 594, 598, 606, 607, 609–612, 615, 619, 624–627, 630–632, 635, 636, 640–642, 644–647, 649, 652–656, 659, 666, 667, 670, 671, 675–679, 680, 684, 686, 693, 694

Тобольск — Берёзов, почтовый тракт 370, 374, 382, 384, 385

Тобольск — Берёзово — Обдорск, речной маршрут 391, 393

Тобольск — Бочалино — Пельлыв — Усть-Лозьва — Филькина протока, речной маршрут 391, 393

Тобольск — Самарово, земский тракт 370, 376, 377, 383

Тобольск — Сургут — Обдорск, речной маршрут 391, 393

Тобольск — Сургут — Томск, речной маршрут 391

Тобольск — Сургут, почтовый тракт 370, 371, 384

Тобольская губ. 14, 16, 17, 19, 20, 25–27, 31, 40–46, 52, 54–57, 59, 61–64, 66–74, 78–80, 82–84, 86, 87, 90, 97, 99, 101, 104, 105, 110, 115–118, 121–124, 126, 128, 135, 137–139, 141, 143, 155–158, 162, 163, 168, 170, 220, 223, 233, 236, 239, 241, 242, 245, 250, 251, 254, 258, 259, 261, 267, 274, 276–279, 281, 283–285, 287, 288, 290, 292, 294–296, 298, 299, 301, 302, 304, 307, 310–314, 316–319, 321, 323–327, 329, 331, 332, 335–337, 339–344, 346, 348–353, 355, 360, 362–365, 370, 372–374, 376, 380, 384–386, 388, 390, 393, 396, 398, 400, 409–415, 419, 420, 422, 426, 427, 432–435, 439, 441, 443, 445, 448, 452, 454, 461, 463, 465, 472–476, 481, 482, 486, 489, 493, 495, 497, 500, 502–504, 511, 518, 523, 528, 538, 555, 562, 563, 572, 574–579, 581, 586, 594, 598, 605–609, 611, 614–621, 623, 624, 627, 629, 630–633, 636, 639, 641, 643, 644, 648–656, 659, 662–666, 668, 670–677, 679, 681–694

Тобольская епархия 434, 440, 447, 457, 474, 486, 488, 489, 493, 505–508, 510, 511, 519–521, 675

Тобольский край 612, 619, 630–632, 638, 654, 666, 689, 692

Тобольский окр. 41, 106, 117–119, 121, 122, 124, 125, 135, 143, 162, 198, 292, 369, 370, 434, 435

Тобольский почтовый тракт 372, 377

Тобольский Север 14–19, 46, 73, 80, 90, 92, 107–109, 114, 136, 137, 140, 141,

145, 162, 165, 194, 211, 214, 226–232, 234–237, 240, 243, 248, 249, 257, 272, 277, 280, 305–307, 311, 318, 319, 321, 329, 341, 355, 357, 364, 376, 379–381, 385, 394, 396, 408, 409, 414, 422, 428, 441, 455, 456, 464, 466, 471, 475, 477, 485, 488, 493, 497, 500–502, 504, 506–511, 521, 544, 572, 575–577, 579, 580, 581, 585, 587–589, 591, 594–598, 604, 605, 614, 619, 622, 623, 651, 657, 669, 670, 679–681, 689, 694, 695

Тобольский уезд 28, 68, 88, 89, 126, 216, 227, 233, 303, 310, 313, 327, 385, 439, 440, 458, 461, 464, 480, 487, 505, 575, 576, 607, 638, 649, 665, 670, 679

Тобольско-Сургутский судебный окр. 57

Томск, г. 28, 58, 59, 61, 65, 71, 83, 86, 107, 117, 125, 126, 138, 145, 152, 160, 164–166, 169, 172–174, 176, 179–182, 185–193, 206, 212, 217, 222–224, 236, 239, 241, 249, 251, 261, 267, 279, 287, 296, 303, 304, 336, 348, 353, 363, 366, 371, 385–387, 391–394, 396–399, 403, 405, 410, 421, 422, 428, 431–435, 438, 439, 442, 443, 449, 451, 476, 487, 490, 503, 518, 533, 553, 554, 556, 560, 656, 675

Томская губ. 26, 31, 43, 44, 52, 57, 59, 63, 69, 79, 101, 104, 117, 118, 121, 123, 125, 126, 128, 138, 162, 163, 165, 170, 173, 176, 220, 270, 366, 385, 388, 390, 391, 398, 414, 439, 555, 575, 580, 609, 659, 668, 675

Томский учебный окр. 52, 59

Томь, р. 405

Торавский проход 381

Транссибирская ж.д. (магистраль; Транссиб) 367, 406, 408, 571, 607, 612, 638

Тромъёган, р. 120, 136–138, 160, 180, 220, 385

Тром-Юганская вол. 120

Туман, оз. 122

Тундрино (Тундринское) д., с. 230, 279, 315, 348, 359, 498, 505, 507, 575–577, 587, 592

Тундринская вол. 66, 73, 118, 233

Тундринский приход 70, 505

Тура, р. 123, 368, 386, 388, 390, 407, 412, 553, 554

Турунск, г. 268, 271, 277, 289, 292, 304, 360, 480, 497, 614, 642

Турунская вол. 669

Турунский окр. 41, 117, 123–125, 270

Туринский уезд 28, 343, 381, 394, 440, 482, 488, 505, 607
 Туртас, р. 118, 169, 386
 Туруханск, г. 28
 Туруханский край 128, 338
 Тутлейские, ю. 378
 Тымская вол. 117, 121, 195
 Тюлинская, д. 597
 Тюлинская пристань 329
 Тюменский окр. 54
 Тюменский у. 66, 653, 665
 Тюмень, г. 20, 44, 56, 58, 66, 97, 107, 126, 148, 210–212, 220, 227, 230, 236–239, 241–243, 245–247, 249, 251, 254, 256, 260, 262, 266, 271, 276, 283, 287, 299, 313, 317, 321, 323, 326, 327, 332, 333, 343, 346, 350, 352, 353, 360, 362, 364, 373, 374, 380–382, 386–388, 390, 391, 393–395, 397–399, 410, 411, 414, 419, 429, 430, 433, 434, 436, 454, 460, 461, 465, 467, 480, 484, 485, 487, 497, 499, 500, 505, 510, 516–522, 533, 536, 553–555, 579, 581, 585, 586, 588, 589, 592, 594, 595, 597, 598, 607, 611, 614, 624, 626, 629, 632, 642, 643, 646, 648–650, 671–673, 675, 676, 679, 685, 686, 692
 Тюмень — Томск, речной маршрут 386

У

Углич, г. 450
 Угутские ю. 136
 Узбекистан 57
 Ульпаслинский песок 577
 Урал 11, 30, 58, 63, 71, 125, 131, 132, 227, 277, 281, 287, 295, 299, 310, 311, 320, 338, 381, 384, 389, 397, 399, 400, 405, 410, 412, 513, 524, 526, 528–533, 577, 594, 595
 Уральская ж.д. 406, 408, 409
 Усс, р. 380, 381, 412
 Устрем, протока 396
 Усть-Кондинская вол. 123
 Усть-Лозьва 391, 393
 Усть-Ница, слобода 66

Ф

Филинская вол. 198, 233, 464, 487
 Филинский песок 359, 362
 Филинский приход 501, 505

Филинское, с. 401, 487, 501, 502, 554, 576
 Филькина пристань 393
 Филькина протока 391, 393
 Филькино, с. 387, 391
 Финляндия 102, 215, 217, 222, 224
 Франция 9, 34

Х

Халапанские, ю. 377
 Хаманельская Обь, р. 395
 Ханты-Мансийский национальный (автономный) округ 13, 40, 88, 95, 115, 128–133, 586
 Харбин, г. 640, 641
 Хармониель 577
 Харьков, г. 267, 290, 401
 Хаш-Горш-Юган, р. 396
 Хельсинки (Helsinki), г. 126, 180, 217, 222, 224, 225, 305
 Херсонская губ. 43
 Хулга, р. 385
 Хулимсунт, ю. 132
 Хэ[-Нада], селение 391, 397, 461, 501, 577

Ц

Царство Польское — см. Польша
 Цейлон, о-в 627
 Цингалы (Цингалинское) с. 373, 375, 382, 463, 487, 501, 597

Ч

Чалтомовские, ю. 461
 Челябинск, г. 271, 677
 Чемашевский приход 70, 505
 Чемашевское (Чемашевская), с. 230, 455
 Чемаша, с. 195, 206, 212, 363
 Чёрная, р. 380, 396
 Чёрное море 254
 Чечня 261
 Читинский острог 254
 Чупурас песок 364
 Чусовая, р. 407

Ш

Шадринск, г. 92, 194, 324, 334, 375, 444, 486
 Шаим, р. 123
 Шаим (Шаимское, Пауло-Шаимское), с. 409, 483, 505
 Шайтанский, п. 315
 Шеркалы, с. 62, 144, 363, 433, 455, 576, 577, 587
 Шеркальские ю. 176
 Шеркальский приход 70, 207, 505
 Шеркальское, с. 119, 144, 195, 230, 502
 Шоминские, ю. 381
 Штутгарт (Stuttgart), г. 616
 Шурушкары 380

Щ

Щекурские, ю. 335, 381
 Щекурьинский приход 70, 505
 Щекурьинское, с. 315, 376, 393, 503
 Щекурья, с. 381, 455, 505
 Щугорский перевал (волок) 399
 Щугорское, с. 381
 Щучье, д. 665
 Щучья, р. 227, 400

Ю

Ювашкинские, ю. 461
 Юган, р. — см. также Большой и Малый Юган 126, 135, 136, 220–222, 224, 318, 346, 396, 429
 Юганская (Троицкая) инородческая ярмарка 335
 Юганская вол. 63, 67, 118, 195, 380
 Юганский приход 70, 505
 Юганское (Юган), с. 101, 204, 230, 266, 270, 314, 343, 376, 428, 455, 460, 498, 501
 Югорская земля 41, 107, 605, 651, 669
 Югорские земли 604, 651
 Югорский край 526, 536, 544, 552, 601, 656
 Югорский Шар 400, 409, 411, 412
 Югра 9, 11–20, 24, 32, 34, 45–47, 52, 60–63, 66, 73, 75–80, 84, 86, 87, 91, 92, 101, 102, 105–108, 111, 114–117, 127, 128,

138, 143, 145, 151, 152, 158, 159, 166, 194,
195, 198, 199, 210, 214–217, 224, 227, 228,
233, 234, 239, 250, 253, 256, 267, 275,
297, 298, 307, 310–312, 332, 418, 419,
422, 427, 428, 431–435, 437, 438, 440,
441, 443, 445, 448, 451, 452, 454, 459,
463, 466, 487, 497, 501, 503–505, 508,
515, 517, 526, 528–530, 533, 535, 536,
538, 543, 544, 552, 563, 572, 573, 576,
579, 586, 596, 599–601, 604, 605, 638,
670, 677–680, 695

Юильские, ю. 335

Юильский городок 126, 205

Юконда, р. 122, 125

Юровская вол. 331, 401

Юровское, с. 335, 342, 373, 505

Юртовский песок 359, 362

Юрты Красноярские 150, 157, 185

Я

Язевая, р. 403

Якутская обл. 270, 605

Ялуторовск, г. 255, 256, 262, 267, 373,
476, 480, 497, 563, 565, 582, 585, 586

Ялымские ю. 373

Ямал, п-ов 100, 107, 165, 166, 318–321,
338, 340, 381, 382, 385, 400, 409, 513,
543, 559

Япония 627, 636, 639

Именной указатель

А

Абрамов Н. А. 40, 46, 62, 92, 97, 98, 142, 230, 239, 320, 327, 329, 344, 369, 381, 383, 385, 388, 421–423, 426, 431, 434, 519, 520, 521, 523
Авдеева О. А. 38
Аверкиев А. И. 265, 270, 295
Аверкий 111, 512
Аверкиевы 270
Аверкин 672
Авраамий 207, 208
Агапов С. И. 266, 272
Агафангел (Преображенский) 448
Адаев В. Н. 380
Адлерберг В. Ф. 48
Адрианов А. В. 225, 303, 555
Ай вош ёх 166
Айвазовский И. К. 553
Айвасиды, род лесных ненцев 127, 171
Аксарин В. В. 279
Александр I (Первый) 26, 30–34, 92, 252, 419
Александр II 37, 49, 52, 58, 59, 83, 97, 106, 431, 528, 579
Александр III 56, 71, 269, 439
Александра Фёдоровна 693
Алексеев А. А. 580, 588
Алексеев Д. В. 649
Алексеев Н. П. 502, 582
Алексеев Т. В. 653, 654, 656, 663, 665
Алексеева Л. В. 32, 47, 60–62, 79, 101, 102, 111
Алексеевский А. Е. 498
Алквист (Альквист) [Карл] А[угуст]. [И.] 205, 206, 217, 218, 239, 430, 431, 454
Алленов М. М. 566, 570, 571
Альберт 33, 580
Аляба 166
Ананьин И. П. 61
Анастасий 110, 111, 513
Андреев 396, 594
Андреев А. П. 86, 470

Андреанов А. В. 225
Андреевич В. К. 35
Андропов А. И. 53
Анико 559
Анисимов К. В. 518
Анненков Н. Н. 48
Анненков П. В. 43
Антоний (Знаменский) 510
Антоний (Каржавин) 500, 509
Антосевич А. Л. 279, 280
Антропова В. В. 152
Анучин Д. Г. 74
Анучин Е. Н. 54
Аракчеев А. А. 35–37
Арефьев Н. 57
Арзамасов А. И. 43
Арсений 200, 201, 430, 431, 512
Арсений (Куликовский) 101, 429
Артанзеев 560
Арцибашев Н. П. 69
Ауербах 33

Б

Базанов И. А. 74
Базилевич К. В. 32, 46
Байдаков Ф. И. 656, 663, 665
Баккаревич М. Н. 228
Банников С. Н. 451
Бантыш-Каменский Д. Н. 33, 253, 580
Баранов 471
Баранов А. 472
Бармин 425
Барсов Т. 508
Барташевич А. Ф. 581
Бартенев В. В. 101, 104, 140, 143, 166, 179, 181, 220, 300, 301, 304–306, 320, 322, 360, 378
Баскины 349
Баталина А. И. 270
Батенев С. А. 583
Батеньков Г. С. 36, 37, 39, 45, 252

Батурин А. 57
Башкевич П. Ф. 268
Башмаков Ф. М. 565, 566
Бегун И. 62
Безродный В. К. 48
Безу Э. 421
Безукладников А. В. 583
Бейлис В. А. 184
Белецкий С. П. 635
Белинский В. Г. 273, 547
Белобородов В. К. 66, 242, 257, 441, 460, 585–588, 596, 598
Белов 472
Бельский И. М. 391, 398
Белявский Ф[ранц]. И. 32, 33, 43, 44, 96, 97, 100, 165–167, 173, 215, 241, 327, 343, 353, 518, 519, 523, 546, 580, 591
Бенкендорф А. Х. 44
Беркхан И. 549
Бестужев-Рюмин М. П. 282
Бешкильцев И. М. 502
Бигаев Д. 61, 425, 432
Биржишко И. А. 57, 62
Бирон Э. И. 251, 563
Бирюков А. А. 40
Бирюков И. В. 54
Бисерова Е. Я. 582
Блажеевский Р. 581
Блинов Н. 270
Блинов Н. А. 271, 301, 305
Блинов Н. В. 271
Блинова О. В. 60, 71
Блудов Д. Н. 48, 101, 104
Бобра (Мах-сир) [родовая группа] 166
Богданов-Бельский Н. П. 485
Богданович Н. М. 577
Богословский А. А. 54
Богучарский В. Я. — см. Яковлев-Богучарский В. Я. 266, 269, 304
Бончковский Ф. А. 62
Бордзиловский В. А. 54
Борзяков Г. Ф. 266, 274

Боричевский И. А. 62, 581
 Боротто А. Я. 279, 280
 Боярский П. Ф. 54
 Брамати Г. 548
 Бродель Ф. 9
 Бродский А. А. 73, 584
 Бронниковы 340
 Брэм А. 173, 175, 217, 218, 238
 Брюллов К. П. 553
 Бузин В. С. 240, 243
 Бузмакова О. Г. 56, 84, 85
 Буканин Е. И. 270
 Букин А. Ф. 278
 Букина О. Н. 276
 Булич А. П. 268
 Булыгин 420
 Бунге А. А. 555
 Бунге Н. Х. 402
 Бурцев И. А. 586
 Буслаев Ф. И. 472
 Бутков В. П. 55, 106
 Буторин Г. М. 41
 Буторин Ф. М. 41
 Буторины 447
 Бушуев Н. И. 55
 Быховский Н. В. 271

В

Вавилов К. М. 40
 Вагин В. И. 36, 74, 76, 79
 Вадзинский А. Т. 270
 Вакарин М. Е. 54
 Вакорин М. Е. 502
 Вакуловский А. Н. 538
 Валитов А. А. 677–679, 680
 Валлерстайн И. 9
 Валуев П. А. 48
 Вальгамовы 166
 Вайнуйто Харттево 320
 Вардроппер (Вардреппер) 390, 410
 Варлаам II 514
 Варлаам (Успенский) 510, 511
 Варнава (Накропин) 465, 632, 675, 676
 Варпаховский Н. А. 134, 163, 361

Васильев В. И. 127, 128, 171
 Васильчиков А. 263
 Васильчиков Б. А. 622, 633
 Вахнин И. В. 54
 Вахтомин Ф. Е. 587
 Величко А. П. 36
 Вербов Г. Д. 166, 172
 Вергунов 204, 429
 Вергунов В. 429
 Вергунов В. 202–204, 428
 Вергунов Н. И. 62, 434, 456
 Вергунов П. Л. 270
 Вергунов П. 202, 428
 Вилькошевский А. С. 646
 Виолла Э. 552
 Витте С. Ю. 19, 413, 616, 619
 Вишленкова Е. 545, 551
 Владимир (Алявдин) 428, 512
 Водилов К. Я. 587
 Войнич М. 271
 Волков И. 315
 Волков П. А. 41
 Волошин М. 567, 568, 570
 Волчек В. А. 49
 Вольтман В. Н. 406
 Воробьев М. Н. 312, 553
 Ворожцов 642
 Воронцов А. Р. 26
 Воронцов В. П. 273
 Воропанов В. А. 30, 31, 43, 44
 Воскресенский И. Г. 581
 Высоков М. С. 58
 Вяхирев И. И. 46

Г

Гаврилова Е. В. 497
 Гагарин П. П. 48
 Гагемейстер Ю. А. 228, 230, 327, 343
 Гагман Д. Ф. фон 69, 622, 628–630
 Гадзевич М. С. 68
 Гакман И. Ф. 421
 Галанин А. П. 579
 Галисон П. 545, 551
 Галкин А. И. 72, 89, 90, 110, 139, 141, 143, 144, 150, 158, 197, 209, 278, 280, 296, 302, 317, 328, 330, 334, 354, 359, 397
 Галлина Г. 548
 Галямов А. А. 7
 Гамалея М. Л. 579
 Гамбаров А. Б. 278
 Гамолецкий К. В. 234, 235
 Геблер Ф. В. 555
 Гегель Г. В. Ф. 14
 Гемуев И. Н. 188, 192
 Георги И. Г. 187, 545, 549
 Георгий (Ящуржинский) 422, 423, 430, 431, 510, 521
 Герасимов 315
 Герасимов О. В. 198
 Гербач В. 472
 Гервасий Н. А. 265, 274, 298, 305
 Герватовский Ч. А. 279, 280
 Гермизеева В. В. 69, 90, 613, 622
 Гермоген (Долганев) 511, 634
 Гессен И. В. 25
 Гетте П. Ф. фон 408
 Гефтер М. Я. 14
 Гилева Е. В. 581, 583
 Гинс Г. К. 63
 Гинц П. И. 40, 61
 Главацкая Е. М. 5, 194, 195, 200–205, 214, 428–431
 Глебовский-Гулькевич А. П. 581, 583, 586
 Глико Г. А. 273, 306
 Глушков И. Н. 192
 Голев-Лебедев Д. И. 391, 397, 411, 501
 Голиков И. И. 421
 Голицын А. Н. 36, 37
 Голицын-Муравлин Д. П. 670
 Головачев П. М. 117, 215, 254, 256
 Головин П. Д. 440, 474
 Головнёв А. В. 128, 138, 140, 162, 169, 171, 187, 529
 Голодников К. М. 135, 168, 170
 Голохвастов А. Д. 408
 Голошубин И. 247, 448, 456, 509
 Гольденберг А. 472
 Гомолецкий Н. И. 270
 Гондатти М. М. 636

Гондатти Н. Л. 180, 181, 192, 218, 219, 627, 628, 630, 636, 656
 Гончарова Н. Н. 548, 550
 Горбань Н. В. 251, 262
 Горемыкин А. Д. 74
 Городков Б. Н. 196, 227, 303, 315, 324, 329, 400
 Горская Ю. П. 280
 Горский С. О. 390
 Горчаков А. М. 48
 Горячева Л. М. 278
 Грабицкий Ю. 279
 Градовский А. Д. 25, 295
 Грибоедов А. С. 527
 Грязнов П. 501
 Губарев А. 338, 339, 341
 Гуль (Гулль) А. Л. 584
 Гун К. Ф. 550, 551, 552
 Гурвич И. С. 161
 Гурин Д. И. 54
 Гурьев А. 434
 Гурьев Д. Л. 36
 Гурьев Н. И. 54
 Гуцин А. Г. 471, 482

Д

Даль В. И. 534, 562
 Дамешек И. Л. 38, 93, 98, 99, 101, 104, 252
 Дамешек Л. М. 10, 38, 93, 98, 99, 101, 104, 105, 252
 Данилина Г. И. 536
 Дастон Л. 545, 551
 Десятериков (Десятириков) Д. И. 390
 Десятков А. Ф. 46
 Дегтерев Н. 587
 Демин А. 244
 Демин А. Г. 61, 585
 Дергачева-Скоп Е. И. 516
 Державин Г. Р., министр юстиции 31
 Деспот-Зенович А. И. 107, 260, 284-287, 527, 557, 563
 Дженнер Э. 572
 Джунковский В. Ф. 635
 Дзюбинский В. И. 20, 666-669

Дибобес Я. 270
 Дитынский К. Г. 68
 Дмитриева Е. Д. 46, 581
 Дмитриева Т. Н. 213
 Дмитриев-Мамонов А. И. 135, 168, 170
 Дмитриев-Садовников (Дмитриев-Садовский) Г. М. 146, 148, 149, 151-154, 159, 168, 194, 227, 324, 380, 390, 397, 467, 482, 484, 496, 598
 Добровольская А. В. 481
 Добровольская А. М. 61
 Добровольская Л. К. 72
 Добровольский И. К. 86, 381
 Добровольский К. В. 61, 68
 Добровольский Р. В. 66
 Добролюбов Н. А. 258, 273
 Долгих Б. О. 124
 Долгоруков В. А. 48
 Долгоруковы 250
 Доу Джордж 37
 Драбкин (Гусев С. И.) Я. Д. 277
 Друганова М. С. 677
 Дружинский С. Н. 280
 Дружинина А. П. 513
 Друцкий-Горский О.-Ю. 254, 255
 Дубасов П. М. 70, 72, 498
 Дудинов А. Х. 66, 72
 Дудинова М. И. 582
 Дулов А. В. 259
 Дунин-Горкавич А. А. 46, 73, 80, 90, 92, 107-109, 136, 137, 139, 140, 141, 145, 162, 163, 165, 194, 199, 211, 214, 226, 231, 232, 312, 315, 318, 319, 321, 329, 333, 341, 351, 355, 357, 358, 361, 364, 379-381, 385, 394, 396, 408, 409, 502, 515
 Дьяконов С. И. 581

Е

Евгений 215
 Евгений (Казанцев) 510, 511
 Евсеев И. В. 66
 Евтушевский 472
 Егоров А. И. 470
 Егоров И. Е. 477, 486
 Едренкин 29

Екатерина (Великая) II 24, 26, 30, 92, 164, 546
 Елисеев Г. З. 258
 Ельдештейн В. Е. 390
 Емельянов Н. 501
 Ентальцев А. В. 254, 255, 256
 Еприны 166
 Ермак 76, 80, 243, 390, 398, 409, 552, 553, 563, 565-571
 Ершов М. Ф. 6, 7, 535, 544
 Ершов П. П. 260, 523, 524
 Ефименко А. Я. 273
 Ефимова А. И. 278
 Ефимовская-Морвичская Д. С. 581
 Ефрем (Рязанов) 510, 511
 Ефремова Е. Н. 529
 Ехалов К. В. 526

Ж

Жарова А. С. 677
 Желтова В. П. 78, 606, 607
 Жерен И. И. 97, 546
 Житков Б. М. 100, 318-320, 381, 382, 385
 Житков С. В. 472
 Житков С. М. 403
 Жолобов П. Е. 483, 496

З

Забалуев П. Л. 268
 Заборовский И. М. 47, 57, 60, 61, 101, 202-204, 422, 428, 431, 432, 438
 Завалишин И. И. 82, 83, 230, 525, 526, 529
 Загваздин Е. П. 513
 Загорский Н. П. 575
 Задорожная О. А. 6, 391, 454
 Зайончковский Н. Ч. 632
 Зайцев В. М. 284
 Зальмунин И[зраиль].-Ессель И[цкович]. 502, 503, 582, 585, 586, 596
 Замахаев С. Н. 524
 Замятин Д. Н. 48
 Захаров Н. И. 80
 Захаров С. И. 66
 Захарова Е. В. 62

Захарова Л. Г. 52
 Зборовский И. М. 204
 Зброжек Р. И. 66
 Зелезинский Н. А. 279, 280
 Зеленый А. А. 48
 Земцов В. Т. 239, 358, 359, 361, 435, 453, 454, 502
 Зенец 580
 Зибарев В. А. 117, 160
 Зиновьев 29
 Змановская М. В. 497
 Знаменский М. С. 94, 99, 100, 102, 107, 206, 256, 259–261, 527, 528, 552, 557, 559–566
 Знаменский Н. С. 259
 Знаменский С. Я. 256
 Зобнин Ф. К. 241
 Зольников Д. М. 671
 Зотов Н. Л. 269–271, 303
 Зуев В. Ф. 421
 Зырянов П. Н. 621
 Ябловский Е. Ф. 421

И

Иванов 471
 Иванов А. И. 59
 Иванов А. А. 586
 Иванов Л. А. 268, 269
 Иванов Ф. И., колл. секр. 46
 Иванова Н. А. 78, 606, 607
 Игленкин И. С. 588
 Игнатъев А. П. 63
 Измайлов А. В. 72
 Иконников А. И. 246, 259–261
 Илиодор, иеромонах 634
 Ильинский А. Н. 46
 Иноземцев А. Д. 54
 Инфантьев П. П. 192, 193, 535, 536
 Иоанн (Васильковский) 675
 Иоанн (Максимович) 635
 Иоанникий 512
 Иринарх (Синеоков-Адриевский) 511
 Иринарх (Шемановский) —
 см. также Шемановский И. 199, 500

Искра И. 191
 Иустин 208

К

Каверзин А. А. 54
 Каверин К. П. 273
 Казаков В. Ф. 270, 303
 Казнаков Н. Г. 400
 Кайдалов А. 204, 429
 Кайдалов А. Я. 86, 425, 426, 429
 Кайдалов В. 61, 425, 432
 Кайдалов Е. М. 86, 588
 Кайдалов И. Ф. 270
 Кайдалов Т. Н. 72, 499
 Кайдалова А. Ф. 332
 Кайдалова И. И. 332
 Кайдалова Н. Н. 332
 Кайдаловы 349, 350, 357, 508
 Калачев И. И. 586
 Калашников И. Т. 526
 Калев 559
 Калинин М. И. 266
 Калининченко П. К. 271
 Калитинский 584
 Калугин В. Я. 110, 433
 Калюжный А. 505
 Камиянская, ватага лесных ненцев
 Казымского ведомства 127, 171
 Кампенгаузен Б. Б. 34, 36
 Канн С. К. 367
 Каннисто А. 225
 Капцевич П. М. 37
 Карамзин Н. М. 421, 472, 526
 Кареев Н. И. 273, 295
 Карпов М. Ф. 30
 Карпов А. 434
 Карпов Ф. Н. 82, 111, 447
 Карповы 357
 Картавцев П. А. 43
 Карцевский С. О. 537, 538
 Карцы, род лесных ненцев 127, 171
 Карьялайн К. Ф. 176, 179–182, 185, 188–192, 214, 223, 224, 239
 Кастрен М. А. 135, 165, 168, 173, 175, 176, 185, 216, 220, 237, 243, 382, 429

Катионов О. Н. 45
 Катцина Т. А. 640
 Кашихин Л. С. 278
 Кашпирев П. Н. 41
 Квитка М. 533, 534
 Кевлич С. М. 583, 584
 Кеменов В. С. 566, 571
 Кеннан Дж. 258, 265, 266, 270
 Керенский А. Ф. 690, 693
 Керн Г. 32
 Киргизев В. 502
 Киреев П. Я. 79, 425, 427, 482
 Кириленко М. 482, 483
 Кириллов А. П. 56, 57
 Кичеров Е. 315
 Клепиков 45
 Клепиков Г. С. 68
 Клепиков С. 333
 Клигель И. В. 586
 Климов А. 526
 Клочков М. В. 25
 Клячкин В. Е. 236, 313, 317, 326, 352, 575, 583, 595
 Клячкин В. Х. 502, 583
 Кнунянц Б. М. 278, 279
 Князев Л. М. 454, 615, 624
 Кобелева Е. И. 233
 Коган Н. С. 502, 581, 582
 Кодан С. В. 5, 21, 37, 103, 105, 253, 281
 Кожевников А. Г. 43
 Козеренко Н. П. 201
 Козлов А. 57
 Козлов А. Г. 588
 Козлов В. П. 42, 57
 Козлов З. 111, 431, 470, 501
 Козлов Н. 354, 448
 Козлов Н. Г. 379
 Козлов Т. Я. 435
 Козлова Г. И. 59, 60
 Козодавлев О. П. 34
 Коковцов В. Н. 633
 Кокоулин М. А. 509
 Колегаев Л. 270
 Колесников И. С. 72, 445
 Колокольников В. В. 663–665

- Колокольников С. И. 653–657
Колосова Г. И. 553, 555, 556
Колотовкин И. 533
Колпаковский Г. А., майор, начальник Березовского округа 40
Кон И. С. 540
Конарский Ш. 282
Кондаков М. К. 86, 270
Кондаков Я. И. 584
Кондакова А. 501
Кондратович В. К. 54, 502
Конев А. Ю. 162, 169
Коновалов И. А. 43, 77, 79
Коновалов И. Ф. 378
Коновалов Н. А. 66, 497
Кононович Н. К. 502
Кончаловская Н. 568, 569
Копылов Д. И. 351
Корелин В. П. 56
Корепанов И. П. 587
Корепанова А. 591
Корзун А. А. 580, 588
Коркунов Н. М. 49
Корнеев Е. М. 342, 545, 547–551, 565
Корнилов А. М. 28, 29, 30, 32, 33, 76, 92
Корнилов И. Н. 391, 396, 401, 411
Корнилова 363
Корниловы 340, 357, 358, 396
Коростелева (Данилова) Н. Н. 149
Костин Н. С. 374
Костырко П. 200
Кочубей В. П. 34, 36
Кошаров П. М. 65, 83, 371, 393, 552–558, 565
Кошко И. Ф. 627, 634
Красноярова 582
Красовский В. А. 67
Краузе К. И. 42
Кривошеев А. В. 312
Креков В. П. 54
Кремер В. О. 65
Крестьянников Е. А. 56, 611
Крживицкий 585
Крих А. А. 287
Кружинов В. М. 653, 655
Крузенштерн П. И. 400, 409
Крупская Н. К. 277
Крыжановский 579
Крыжановский С. Ф. 256, 282
Крылов А. 61, 432
Крючева А. В. 481
Кудрявцев 44
Кудрявцев А. С. 368
Кудрявцев Н. 574, 576, 581, 585
Кузнецов Д. 58
Кузнецов И. 434
Кузнецов М. 591, 596
Кузнецов Н. М. 43
Кузнецов П. И. 234
Кузнецовы 384, 400
Кузовников А. 501
Кулемзин В. М. 153, 155, 156, 158, 164–166
Куракин 549
Куракин Б. А. 48
Курочкин И. 475
Куртямовы 166
Кутайсов П. И. 610, 651
Кучардеев 29
Кучков И. И. 71
Кучкова К. И. 497
Кучум 563, 569, 571
Кушелевский Ю. И. 559, 562
Кушинков А. П. 584
Кушников А. Я. 86, 334
Кушников Н. Т. 66
Кэри Г. Ч. 272
- ## Л
- Лабунский А. И. 46, 422
Лавров Н. Д. 582, 585
Лавров П. Л. 268, 269
Лавровский Л. А. 54
Лазарев М. 206
Лазаревич И. И. 269–271
Ландскелл Х. 215
Ланксани А. 548
Ланку, ватага-род лесных ненцев 128, 171
Ланской С. С. 25
Лапина М. А. 169
Лаппо-Старженецкая М. 640
Лаппо-Старженецкий А. П. 616, 617, 624–627, 645
Ларионов Ф. Ф. 242, 443–445, 466, 467, 469, 482, 485, 503
Лакку, ватага-род лесных ненцев 171
Лебедев 41
Лебедев А. И. 269, 270
Лебедев А. Н. 274
Лебедев К. В. 56
Лебедев К. Н. 265
Лебина 171
Левашов Ф. И. 25
Леве 472
Левитов И. 370
Ледебур К. Х. 555
Лейвин Д. Д. 239, 240, 267, 268, 521
Лемке М. К. 528
Ленин В. И. 273, 277, 304, 651, 668
Лепехин И. И. 192
Лепренс Ж.-Б. 365, 549, 561
Лермонтов М. Ю. 254
Лесневич С. 270
Ликвентов П. 501
Линк И. В. 336
Лихарев В. Н. 254, 255
Личутин В. В. 526
Логачи (Лагачи) 127, 171
Логинов 642
Логоунов В. Я. 30
Логоунов Г. 29
Лойко Л. П. 274
Лопарев П. И. 453
Лопарев Х. М. 237, 241, 360, 374, 395, 434, 435, 464, 465, 538, 579, 591, 596
Лопатин Г. А. 266
Лопухин П. В. 34
Лоренц Ф. 421
Лорис-Меликов М. Т. 262
Лося (Нёх-сир, или Войях сир), родовая группа юганско-пимских и аганско-тромъёганских хантов 166
Луговский 361
Луговской Л. Е. 198, 301, 304

Лукашевич В. 288, 289
 Лукина Н. В. 145, 152, 153, 155, 156,
 158, 160, 165, 166, 172, 188, 206, 216, 217,
 220–223
 Лукьянович А. С. 584
 Лурье Г. 271
 Лутман А. И. 68
 Лыткин 402
 Лыткин М. И. 42
 Львов А. П. 40
 Львов Г. Е. 683
 Люттик А. О. 268
 Лютиков И. И. 580, 588
 Лянкпе 128, 171
 Ляпин С. 163
 Ляхович С. И. 263

М

Магомедов М. 261
 Майга А. А. 517
 Макарий 198
 Макаров А. 287, 288
 Макаров А. А. 633, 634
 Макаров С. О. 409, 413
 Маклаков Н. А. 634, 635, 672
 Маковецкий П. Е. 69
 Маковский В. Е. 79, 437, 599
 Максимов Н. А. 61
 Максимов С. В. 284
 Малиев Н. 322
 Малинин М. В. 583
 Маламахов Н. Г. 44
 Малых А. А. 353
 Мальчевский Я. 288
 Маляревский Г. Я. 461, 619, 620
 Мамин К. А. 46, 422
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 531, 532
 Мамсик Т. С. 325
 Мандрика Ю. Л. 460, 598
 Мануйлов П. П. 271, 273
 Маньков П. Н. 71
 Мартин И. П. 215
 Мартин Ф. Р. 221
 Мартынов Л. И. 71
 Мартынова Е. П. 5, 125, 128–133, 149,
 160, 165, 166, 172, 176–179, 183, 210, 212,
 213
 Марусин С. 163, 298
 Маршалов П. С. 581, 583
 Масловский В. С. 503
 Матвеев 361, 577
 Матвеев А. В. 367
 Матвеев А. И. 581
 Матвеевский П. И. 586
 Машаров 642
 Медведя (Пупи сир), родовая
 группа юганско-пимских и аган-
 ско-тромъганских хантов 166
 Мелетий 512
 Мельников В. П. 72
 Мельникова Е. И. 411
 Менделеев Д. И. 312
 Меншиков А. Д. 250, 565–567, 570
 Меньщиков И. И. 59
 Меримкин Е. С. 271
 Меримкин Я. И. 266
 Мечев 46, 581
 Мещеряков Ф. 72, 86, 501
 Миллер Г. Ф. 563
 Милль Д. 273, 295
 Милованова М. М. 477, 482
 Минаков А. С. 7, 620, 637
 Миненко Н. А. 75, 76, 81, 87, 96, 124,
 127, 139, 143, 144, 170, 228–230, 240, 355,
 422, 425, 429
 Миних Г. К. 251, 563
 Мирновский (Мерновский) Я. 288,
 289
 Мировицкая-Новконская Д. С. 62
 Миронов Т. И. 86, 280
 Митрофан 200, 512
 Михаил Александрович 682, 684
 Михайлов Д. 590
 Михайлов Л. 516
 Михайлов М. И. 258, 259
 Михайловский Н. Г. 273
 Михалев П. Н. 41, 43, 61, 431
 Мокринский С. П. 74
 Молдавский А. Я. 270
 Молодин В. И. 160, 165, 172
 Молодцов К. И. 666, 667

Монтескье Ш.-Л. 24
 Морев В. А. 32, 58, 59, 71, 369, 374
 Морозов А. И. 433
 Морозова 570
 Морохов С. 206
 Морье В. 215
 Москвитин П. И. 71
 Мотошин 359, 363
 Московкин В. В. 692
 Мочульский Ч. Л. 407
 Мрачковский В. Я. 270–272, 303
 Мулина С. А. 287
 Муллов И. С. 42
 Мункачи Б. 219, 225, 305, 306
 Муравьев А. Н. 44
 Муравьев Н. В. 67
 Муравьев (Муравьев-Амурский) Н. Н.
 74, 553
 Муравьев-Апостол С. И. 282
 Муравьева Ж. А. 565
 Мурзина А. И. 140
 Мясоедов Г. Г. 245

Н

Набоков Д. Н. 57
 Нагаев А. С. 281
 Назаров Е. Т. 497
 Назин И. Г. 587
 Напазая старшины 127
 Нарочницкий А. Л. 261
 Наумов С. С. 265, 268
 Нахтымов И. Т. 502
 Неволина А. С. 581
 Недевяткова станица, род лесных
 ненцев 127, 171
 Недошивин П. А. 266
 Нейберт Г. Г. 582, 596
 Неклепаев И. Я. 594, 596, 597
 Неклепаев Н. Н. 300
 Некрасов Н. 472
 Немирович-Данченко В. И. 529, 530,
 532
 Немцов И. Н. 54
 Нёрапса ёх 166
 Несговоров А. Г. 67, 68

Нестеренко В. В. 71
 Нестеров А. Д. 653, 654
 Нестеров М. В. 569
 Нехаев В. К. 587
 Нехаева А. Г. 584
 Нечаевский 29
 Нечкина М. В. 256
 Нижегородцев 29, 238
 Никилов М. 216
 Никитин В. Н. 54
 Никитин И. 378
 Никитин И. С. 601
 Николай I 48, 98, 281
 Николай II (Второй; Николай Александрович) 108, 470, 560, 563, 568, 573, 614, 625, 626, 635, 639, 643, 644, 654, 670, 676, 682–684, 693, 694
 Никулин В. Н. 613
 Нитю ватага-род лесных ненцев 128, 171
 Новикова Н. И. 187, 191–193
 Новитцкий А. Т. 502
 Новицкий В. М. 340
 Новицкий Е. Т. 364
 Новицкий И. С. 391, 397
 Новицкий Ф. 434
 Новконская Д. С. 581
 Новомбергский Н. Я. 74, 86
 Новоченко В. А. 379
 Ногин В. П. 277
 Носилов К. Д. 101, 104, 175, 176, 324, 334, 375, 535, 536, 538–544
 Носова Е. А. 399
 Нужин Н. А. 67
 Нуромский А. Н. 265
 Нырмин Пайгол (Пайвол) 546, 547, 561
 Нянзина ватага лесных ненцев Казымского ведомства 127, 171
 Няча 559

О

Ободовский А. Г. 421, 426
 Оболтин Т. П. 41
 Обрубов 394
 Обручев В. А. 259

Озеловы 166
 Окунев С. Т. 57, 314
 Окунь С. Б. 36
 Омельчук А. К. 539
 Ончуков Н. 192
 Ордовский-Танаевский Н. А. 617, 618, 624, 625, 632–635, 681, 684
 Орлов А. П. 117, 124
 Орлов М. П. 269–271, 274
 Орлов Н. В. 660
 Орлова 267, 270
 Осетров И. А. 582
 Осипов Ю. С. 284
 Ослопова М. И. 273
 Остерман Г. И. 251
 Остроумов И. Г. 192
 Отрош Шапп де 561
 Охранов А. Г. 482

П

Паасонен Хейки 224
 Пабст И. С. 572
 Павел I 24, 25, 32
 Павлинов А. А. 454
 Павлов В. И. 41
 Паддьяков В. Р. 582
 Пайгол-(Пайвол)-Нырнин 96, 546, 547, 561
 Паллас П. С. 549
 Пальмов А. А. 54
 Панаев М. М. 47, 422
 Панарина Д. С. 565
 Пандина старшины, ватага лесных ненцев Казымского ведомства 127, 171
 Панин В. Н. 48
 Панков К. 325
 Панов И. С. 526
 Папай Й. 216, 217, 220–222, 305, 306
 Парыгин Б. Д. 243
 Пастер-нёр, род северных хантов 216
 Патканов С. К. 117, 118, 121, 123, 125, 126, 128, 135, 138, 143, 148, 162, 168, 173, 174, 183, 219, 220, 225, 312, 329, 359, 362, 363, 616
 Патурссон С. 246
 Паули Густав-Теодор 550–552
 Перевалова Е. В. 125, 165–167, 172, 324, 546, 547, 551, 559–561
 Перевозчикова Л. С. 537
 Перцева Т. А. 38, 93
 Перщукова А. 501
 Песков М. И. 552, 553, 567
 Пестель И. Б. 30, 34
 Петкович М. В. 584
 Петр (I) 11, 93, 421
 Петров И. Е. 86
 Петров К. 472
 Петрова Н. Л. 72, 481
 Петухин 359
 Петухов Ф. 519
 Пивнева Е. А. 124, 125, 128–133, 550
 Пигнатти В. Н. 66, 150, 191, 227, 686
 Пиеттомин Ваули 97–99, 251
 Пика А. И. 125
 Пирожников Г. А. 66, 72, 86, 109, 319, 332, 343, 382, 399, 400, 408, 409, 411, 441, 497, 498
 Писарев Д. И. 503
 Плеве В. К. 19, 610, 619
 Плетнёв 471
 Плеханов П. А. 68, 85, 86
 Плеханов П. Е. 71
 Плехановы 333
 Плотников М. Д. 71, 346, 357, 364, 379, 390, 391, 395, 396, 401, 411, 413
 Плюшар А. 547
 Погадаев А. 61
 Погребцов 45
 Подашевский Н. Д. 41
 Подбельский Ю. Н. 257
 Поддьяков В. Р. 582, 588
 Подревский Н. Н. 304, 389, 397, 594
 Показаньев Ф. Я. 280
 Покровский А. А. 54, 62
 Поленов 377, 378
 Поленов И. М. 43
 Поликарп 199, 200
 Поляков И. С. 142, 144, 239, 361, 389, 399, 454, 530, 531
 Пономарев В. 202, 431

Пономарев И. 202, 431
 Попов А. А. 424
 Попов В. М. 67
 Попов В. С. 583
 Попов Д. И. 54
 Попов Д. 202, 206, 431
 Попов Е. М. 72
 Попов К. А. 54
 Попов Н. А. 54
 Попов Н. В. 53
 Попов Н. П. 407
 Попов П. 102, 430
 Попов Т. М. 53
 Попова С. А. 173, 184–191, 193
 Потанин Г. Н. 225, 303, 555
 Потапова Е. В. 230
 Похвиснев В. Б. 635
 Почтарев П. Ф. 361, 577
 Прикамский Ипполит —
 см. Завалишин И. И.
 Прис[ецкая] 267
 П-ровский Н. 237, 241, 244, 503
 Прокудин-Горский С. М. 244, 414
 Протопопов А. Д. 68, 681
 Прутченко С. М. 26, 35, 36, 48
 Прянишников 472
 Пуртова Т. В. 66, 513
 Путинцев Н. Г. 77, 243
 Пушкарев И. И. 43
 Пушкин А. С. 503, 561
 Пятков А. Ф. 390

Р

Равский П. Ф. 72
 Равский Ф. 57, 502
 Разгон В. Н. 354
 Разумовский А. И. 54
 Разумовский А. П. 72
 Ракли род лесных ненцев 127, 171
 Ранымов Ю. Ю. 559
 Распопин В. Т. 257, 272, 273, 304
 Распутин Г. Е. 632–635, 675, 676, 684
 Рачинский В. И. 60
 Рачинский И. С. 42, 55

Ребась 166
 Ребрин В. 501
 Регули Антал 216, 217, 219–221, 382
 Редин Д. А. 88, 95
 Редько А. М. 271
 Резанов А. 477, 486
 Резанова О. М. 484
 Резун Д. Я. 229
 Реймерс П. К. 43
 Ремнев А. В. 9, 10, 26, 38, 48, 49, 106, 608, 610, 623
 Репин И. Е. 274, 568
 Рехберг К. 545, 547, 549, 550
 Решиков И. И. 41, 44
 Ржевский М. Л. 25
 Робинсон Т. 453
 Рогаев И. 502
 Родзянко М. В. 683, 684
 Родионов В. А. 67
 Родионов Ю. П. 275
 Розанов В. В. 11
 Ромбандеева Е. И. 192, 306
 Ромодановская Е. К. 516
 Росляков И. П. 180, 181, 306
 Россохин (Разсохин) В. И. 587
 Рот Х. 545, 546, 547–550
 Рохтымовы 166
 Рошковский Ф. Н. 277
 Рощевская Л. П. 6, 257, 260, 280, 294, 298, 301, 306, 595
 Рощевский П. И. 251, 254, 256, 276
 Рубцов П. 452
 Рубцова Р. А. 278
 Руденко С. И. 210, 212, 226, 227
 Русаков Д. Я. 46, 422
 Русанов И. 317, 321, 323, 327, 346, 350, 360, 362, 380
 Рутц М. Г. 231
 Рымвид-Мицкевич К. П. 41
 Рысев М. С. 668, 669
 Рысева А. И. 582
 Рычков И. 516
 Рычков Л. 516
 Рязанцев Е. А. 357, 359, 390
 Рязанцевы 349

С

Сабашников 409
 Саблер В. К. 633
 Савицкий К. А. 247, 598
 Сагалаев А. М. 188, 192
 Садовников Г. 225
 Салмин Г. А. 68, 498
 Самосудов В. М. 666, 668, 681
 Сарапулова Н. Г. 664
 Свешников Н. А. 139
 Свистунов П. Н. 565
 Севастьянов Е. А. 390
 Селиванов Н. 39
 Селимов Н. 221
 Селифонтов И. О. 5, 24, 26, 34, 92
 Селихов И. А. 70, 72
 Селихова А. И. 72
 Селихов К. 410
 Семён 483
 Семенова А. А. 584
 Семенов-Тян-Шанский
 (Тяншанский) В. П. 232, 553
 Сеня ёх — сынский род хантов 166
 Серебренников И. И. 117, 215, 303
 Серебренников П. Ф. 41
 Серков С. В. 450, 453, 482, 498
 Серых М. П. 54
 Сечко В. Ю. 279
 Сиберов 221
 Сибиряков А. М. 312, 399, 403, 405–411, 471, 501, 543, 553
 Сивиллов А. 501
 Сидорацкий В. П. 265
 Сидоров А. А. 256
 Силин (Карскин) К. В. 68, 84, 86, 332, 349, 350
 Силина Н. Н. 332
 Силины 349
 Сильченко Г. В. 523
 Симонов А. Е. 54
 Симонова (Хохрякова) Л. Х. 536, 537
 Сипин А. И. 67, 86
 Сирелиус У. Т. 145, 152, 164, 222, 223
 Скалозубов Н. Л. 20, 275, 302–304, 306, 314, 315, 329, 331, 445, 597,

- 616, 617, 625, 646, 655–664, 666–668
 Слѣзкин Ю. Л. 519, 541, 544, 571
 Словцов П. А. 516–518
 Смирнов А. Д. 65
 Смирнов И. Н. 117
 Смирнов П. 472
 Смороденников П. Я. 394
 Сно (Ясновидящий) Е. Э. 536
 Собрин А. 501
 Собрин В. 456
 Созонович Августа 256
 Соковнин С. П. 583
 Соколов Е. Ф. 440, 474, 486, 503
 Соколов И. М. 270
 Соколов М. Г. 259
 Соколов Н. А. 635
 Соколова З. П. 118, 124–126, 138, 145, 149, 155, 157, 165, 172, 173, 187, 189, 193, 216, 222, 224
 Соколовский П. А. 273
 Солиндер М. 320
 Соловьев К. А. 5, 21
 Соловьѳв М. 268
 Соловьева К. Ю. 225
 Солодкин Я. Г. 421, 422, 461
 Соммье С. 239, 559, 560, 562
 Сосунов А. 456
 Сотворов Ф. О. 588
 Сотников С. В. 273
 Сохачевский А. 282, 283
 Спенсер Г. 263
 Сперанский М. М. 5, 10–12, 33–40, 43, 45, 47, 76, 79, 88, 92, 93, 96, 99, 101, 104, 252, 608
 Сподина В. И. 172
 Станкевич А. А. 622, 630–632, 636, 671, 672, 676
 Станкевич И. О. 62
 Стасов В. В. 553
 Степанов П. А. 66
 Степанов П. С. 584
 Степняк-Кравчинский С. М. 266, 270
 Степун Ф. А. 21
 Столыпин П. А. 10, 20, 34, 312, 628, 666, 667, 669
 Страхов А. Г. 72, 498
 Стрелковский А. И. 463
 Субботина 267
 Сукачѳв В. П. 99, 562
 Суконкин Ф. 502
 Сулоцкий А. И. 430, 510
 Сунгуров П. А. 630
 Сургустков (Сургутский) В. В. 434
 Суриков В. И. 18, 552, 565–571
 Суханов А. С. 298, 299, 300, 657, 668, 669, 683, 685
 Суханов И. И. 482, 487
 Суханов С. И. 482
 Сынгу, ватага-род 128, 171
 Сыромятников А. А. 312, 391, 394, 395, 513, 594
 Сыромятниковы 333, 340
- Т**
- Тайшин И. 97, 107, 561, 562
 Тайшин М. 92, 96, 97, 546
 Талигина Н. М. 173
 Тарасов В. Н. 66
 Тарасов П. Н. 66
 Тверитин А. 210, 211
 Тверитин В. 239, 241, 242, 245
 Тверитин В. 241
 Тверитин И. Н. 72
 Тверитин И. 204, 428, 429
 Тверитин С. 61, 449, 477, 482, 502
 Тверитин Стефан (Степан) Васильевич 482
 Тверитина М. С. 497, 501
 Тележкин П. Ф. 68
 Теленков А. В. 530
 Телешов Н. Д. 534, 535
 Темплинг В. Я. 430, 572, 598
 Тербенев М. И. 523
 Тернер В. 184
 Тетюцкая 477
 Тетюцкие 349, 350, 365
 Тетюцкий Е. В. 502
 Тетюцкий Н. П. 342
 Тизенгаузен В. К. 254
 Тиллард И.-Б. 365, 561
 Титов А. 434
 Титов А. В. 54, 242
 Тиханов Г. Ф. 42
 Тихомиров Д. 472
 Тихонов В. В. 601
 Тихонравов Г. Т. 40
 Ткачев В. В. 553
 Тоддесс Л. М. 583
 Токарев В. П. 552, 557, 565
 Токарев С. А. 545
 Толбин В. В. 552
 Толстой Д. А. 59, 510, 513
 Толстой И. И. 568
 Томилов И. С. 233, 631, 657, 668
 Топорков А. М. 43
 Топоров В. Н. 184
 Торыкоптин Г. 221
 Трачевский А. С. 263
 Трифонова М. В. 517
 Тройницкий В. А. 63, 269, 617, 618, 626, 649, 653
 Тропинин В. А. 35
 Трофимов И. Я. 54
 Трофимов Н. 57
 Трофимова О. В. 283
 Трофимовы 29
 Троцкий Л. Д. 71, 276, 277, 534
 Трощинский Д. П. 30
 Трубецкой С. Н. 643
 Тугаринов Л. А. 582
 Туполев А. А. 61, 438
 Туполев А. А. 425, 432
 Туполев А. Е. 425, 426
 Туполев И. А. 61, 432, 433
 Туполева Е. Ф. 433
 Тургеньев А. М. 33
 Туркин Н. В. 163, 325
 Турков П. И. 501
 Турковы 365
 Туров 365
 Туров С. В. 505
 Тутолмина Н. Г. 483, 484
 Тынзяновы 116
 Тюфин Н. 557, 559
 Тяпкина О. А. 231, 318

У

Угрюмова М. В. 617, 689–691
 Уйко 559
 Усачёв П. И. 677
 Усков И. 57
 Усков И. В. 41
 Усков Н. 378
 Усков П. И. 66
 Устрялов Н. Г. 421
 Уфимцев И. Я. 657
 Ушаков А. Н. 275, 276, 646, 653–655, 657, 664
 Ушинский К. Д. 465, 472

Ф

Фёдоров 358
 Федотов Г. П. 10, 11
 Федотова Д. Ю 233, 631
 Федяев А. 501
 Фелинская (Фелинская) Э. 238, 243, 245, 246, 251, 282, 283, 285, 436, 521–523, 596, 597
 Феррарио Д. 548
 Фидлерман Ф. Я. 584
 Филимонов Ф. Ф. 535
 Филофей (Лещинский) 504, 563
 Финш О. 173, 175, 215, 217, 218, 238, 239
 Фирсов И. Ф. 687
 Флеров Н. М. 270, 271, 273
 Фонвизин М. А. 565
 Фонвизина Н. Д. 565
 Фофанов М. В. 379
 Фохт И. Ф. 254–257
 Франкёр 423, 424
 Франц А. Х. 40
 Франциск Ассизский 540
 Френкель И. А. 273
 Фролов В. И. 271
 Фролов Н. 243
 Фролова-Багреева (в девичестве Сперанская) Е. М. 35, 252
 Фрумин И. И. 586
 Фрунзе М. Ф. 275, 666
 Функ М. Е. 410

Фунтосов П. Е. 403
 Фурманов А. Ф. 254, 257

Х

Хазиахметов Э. Ш. 279, 656
 Халь, ватага-род 128, 171
 Харламова Е. 61, 432
 Харучи 29
 Хвостов А. Н. 407
 Хомяков А. С. 571
 Ходажевский (Хондажевский. Хондажесский) Н. К. 384, 400
 Худзинский А. В. 68, 498
 Худзинский В. А. 67
 Худи Г. 320
 Худи Окко 320
 Хунвальви П. 217
 Хунзи 166

Ц

Цареградская Л. В. 71, 110
 Цветаев Г. А. 524
 Цессес К. В. 602
 Цукерман М. 273
 Цысь В. В. 6, 7
 Цысь О. П. 7

Ч

Чемесов М. А. 110
 Чемляков К. 168
 Чемляковы 168
 Черепанов Н. 587
 Черкасов А. И. 254–256, 282
 Чернецов В. Н. 165–167
 Черников В. М. 537
 Чернышевский Н. Г. 258, 259
 Чернышев А. И. 48
 Чернядев 409
 Честертон Г. К. 540
 Чечелев С. В. 55, 56
 Чингисов С. 251
 Чистяков 552
 Чихачев П. А. 555

Чичерин Б. Н. 273
 Чудаков О. В. 685
 Чулков М. Д. 421
 Чуркина Н. И. 71

Ш

Шабалин В. 71
 Шавров В. Н. 179, 214, 215, 240, 241, 519, 520, 523, 580
 Шалабанова А. 501
 Шамахов Ф. Ф. 71
 Шарাপова Ф. Г. 583, 584
 Шатилов М. Б. 164, 165, 169, 174
 Шатов Р. С. 587
 Шафроновский А. О. (Шафрановский А. И.) 587
 Шахирев А. И. 253, 254, 257
 Шахов 321
 Шахов Н. 93, 130, 161
 Шашков А. Т. 515
 Шашков С. С. 99, 117, 143
 Шварц 267
 Швецов С. П. 235, 248, 249, 257, 265, 274, 298–301, 303, 304, 316, 365, 595
 Швецова Е. П. 260, 560, 564
 Шебуев Н. 627
 Шевелев А. 72
 Шевелев Н. А. 268, 269
 Шевелевы 502
 Шелгунов Н. В. 258
 Шелегина О. Н. 243
 Шемановский И. С. 98, 198, 208, 279, 511
 Шестаков М. А. 67
 Шефтель М. И. 263
 Шефтель Ф. И. 262, 263, 273
 Шешкин Д. 164
 Шешкин Н. 163
 Шешкин С. 164
 Шиловский М. В. 251
 Шильдер Н. К. 34
 Шишкин А. И. 390
 Шишкин Ф. 390
 Шишкина С. Ю. 632, 671, 672, 675, 676, 679

Шлоссер Ф. 273
 Шмони́на Е. Н. 497
 Шмуклер К. Г. 71
 Шопен М. 549
 Шостакович Б. С. 281
 Штейниц 563
 Штернберг А. Я. 502, 582, 585, 596
 Штурман Л. Н. 502
 Шульгин С. М. 596
 Шульц Л. Р. 125, 126, 212, 213, 227
 Шумаков Т. К. 587
 Шурюмина, ватага 171
 Шухов И. Н. 227

Щ

Щеглов И. В. 583
 Щербина Ф. А. 273
 Щинникова М. И. 582
 Щуровский Г. Е. 555

Э

Эйрие Ж. Б.-Б. 548, 549
 Энгельс Ф. 266, 273
 Эрман А. 336

Ю

Юзефович Е. 194
 Юрасов А. С. 141
 Юрцевич И. И. 46, 580, 581
 Юхименко Е. М. 563
 Юшинский (Юцинский) В. 279

Я

Ядринцев Н. М. 10, 117, 215, 273, 526, 527, 554
 Язвинский 423, 424
 Якоби В. И. 286
 Якобий А. И. 194, 306, 382, 515, 591
 Яковкин И. Ф. 421
 Яковлев-Богучарский В. Я. 259, 266, 270, 304
 Яковлев-Богучарский Н. В. 270
 Якуб А. В. 278

Якушкин В. 35
 Якушкин И. Д. 565, 566
 Якушкин П. И. 273
 Ямзин Л. Н. 65, 72, 441, 497, 501, 502
 Ямзин М. Е. 47, 422
 Янош Янко 222
 Янсон Ю. Э. 273
 Янушкевич А. В. 677
 Ярославцев А. К. 523
 Ярошинский 267
 Ятес 642

Ahlfqvist (Ahlfqvist) A. 217, 239
 Atkinson J. 231, 235
 Castren M. 216
 Finch 239
 Fokos David 221
 Janko J. 222
 Kalman B. 219
 Kannisto A. 126, 180, 224, 225
 Karjalainen K. F. 223, 224
 Kennan G. 270
 Kózzeteszi Vertes E. D221
 Martin F. R. 221
 Munkacsy B. 219
 Papay J. 217, 221, 305
 Papai K. A. 174, 176, 220
 Patkanov S. K. 175, 176, 182, 183, 220, 225, 226
 Reguly A. 221
 Sirelius U. T. 222
 Walker J. 231, 235
 Zsirai Miklos Hagyateka 221

Список сокращений

ГА — Государственный архив

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области

ГАОО — Государственный архив Омской области *устарев.*

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАТ — Государственный архив в г. Тобольске

ГАТО — Государственный архив Томской области

ГАТОТ — Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске

ГБУТО ГА — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области государственный архив

ГУТО ГА — Государственное учреждение Тюменской области государственный архив

ЕТГМ — Ежегодник Тобольского губернского музея

ИАОО — Исторический архив Омской области

МАЭ — Музей антропологии и этнографии

МВК — Музейно-выставочный комплекс

МПиЧ — Музей Природы и Человека

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПСЗ — Полное собрание законов

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи

РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства

РГИА — Российский Государственный исторический архив

СЗРИ — Свод законов Российской империи

ТГВ — Тобольские губернские ведомости

Т(Г)ИАМЗ — Тобольский (государственный) историко-архитектурный музей-заповедник

ТЕВ — Тобольские губернские ведомости

ЦГА — Центральный государственный архив

ЦГА РК — Центральный государственный архив республики Казахстан

ЦИАМ — Центральный государственный архив г. Москвы

Научное издание

**Акишин Михаил Олегович, Волдина Татьяна Владимировна, Галямов Артур Амирович,
Главацкая Елена Михайловна, Данилова Елена Николаевна, Задорожня Ольга Анатольевна,
Ершов Михаил Федорович, Кодан Сергей Владимирович, Мартынова Елена Петровна,
Минаков Андрей Сергеевич, Роцевская Лариса Павловна, Соловьев Кирилл Андреевич,
Федорова Елена Геннадьевна, Цысь Валерий Валентинович, Цысь Ольга Петровна**

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЮГРЫ

В восьми томах

Том 5

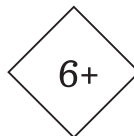
Югра в составе Российской империи во второй четверти XIX — начале XX вв.

Редактор Н. Б. Усачева
Корректоры Н. Б. Усачева, А. П. Стаценко
Компьютерная верстка И. И. Лысова
Дизайн макета В. И. Опритова, Р. В. Герасимов

Подписано в печать 28.01.2024 г. Формат 60×90 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Literata
Усл. печ. л. 90. Тираж 4000 экз. Заказ № 763.

АО «Издательский дом «Новости Югры»
628011, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 46
тел.: +7(3467)350-280
Сайт: www.idnu.ru
E-mail: holding@idnu.ru

Отпечатано в ООО «Сургутская типография»
628403, г. Сургут, ул. Маяковского, д. 14
Сургутскаятипография.рф

ISBN 978-5-4422-0082-9

9 785442 200829